
HARVARDIANAE ACADEMIAE SIGILLUM
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
IN NOV ANG

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.
ІЮЛЬ, 1887.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1887.

Стр.

I.—ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ ВЪ АМЕРИКѢ. — VIII-XII. — Окончаніе. — **В. И. Макъ-Гаханъ** 5

II.—ОТЪ КОЛЫБЕЛЬКИ ДО МОГИЛКИ.—Этнографическій очеркъ.—**И. Астырева.** 45

III.—НАШИ СОСѢДИ НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ.—**И. Матюнина** 64

IV.—ТИПЪ ФАУСТА ВЪ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—Очерки.—I.—**М. Ф-ть** . . 99

V.—ЧЕРНЫЙ БОРЪ.—Повѣсть.—Изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній.—I-VI.— **X. Z.** 130

VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Д. Мережковскаго.** 182

VII.—БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.—VII.—Окончаніе.—**А. Н. Пыпина** 184

VIII.—ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОМАНѢ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО: „ВОЙНА И МИРЪ“.—**Н. И. Карѣева** 227

IX.—СТЕЛЛА.—Романъ въ двухъ частяхъ, миссисъ Брэддонъ. — Съ англійскаго.—Часть первая.—VI-IX.—**А. Э.** 270

X.—ДВА МАЛОРОССІЙСКИХЪ „ФАБЛО“, И ИХЪ ИСТОЧНИКИ.—Изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы.—**К. Г.** 323

XI.—ХРОНИКА. — КЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—II.—**О. Ѳ. Ворононова** 352

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ главнаго фабричнаго инспектора; сравненіе нашей фабричной инспекціи съ заграничною. — Новыя финансовыя мѣры: повышеніе табачнаго акциза и гербоваго сбора, конверсія закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита.—Проектъ закона о крестьянскихъ земельныхъ товариществахъ.—Положеніе о подъѣздныхъ путяхъ и законъ объ общественномъ вознагражденіи.—Роль земства въ санитарномъ дѣлѣ.—Царевококшайскъ и Петербургъ 379

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новое министерство въ Сербіи и его политическое значеніе. — Король Миланъ и Іованъ Ристичъ. — Основы австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ.—Увлеченія и ошибки нѣкоторыхъ русскихъ газетъ.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и напрасные газетные споры. — Наши отношенія съ западными державами.—Отвѣтъ нашимъ оппонентамъ по поводу балканскихъ дѣлъ. Политическія заботы Англіи и юбилей королевы Викторіи 398

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ III.—Вологодскій Сборникъ, издаваемый при Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціею секретаря комитета, Н. А. Поліевктова. Томы III—V.—**А. П.**—Лекціи по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ первый.—Мифическій элементъ въ исторіи, публичная лекція профессора В. К. Надлера.—Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Біографическій очеркъ А. Деревицкаго.—К. К. — В. Г. Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Часть первая (общая). Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ.—**Л. С.** . 414

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Впечатлѣнія уголовнаго кодекса на вердикты присяжныхъ. — Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.—Еще къ вопросу о вѣротерпимости 435

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища, К. Головщикова.—Основы человѣческой дѣятельности, Н. В. Сѣчина.—Жизнь Господа Нашего Іисуса Христа, свящ. Т. Буткевича.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 6-й.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

...іе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1887 г. см. ниже, на обертке.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

ГОДЪ LI.—ТОМЪ CCC.—1/13 ІЮЛЯ, 1887.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1887

(1375)

ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ

ВЪ

АМЕРИКѢ.

Окончаніе.

VIII *).

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА АМЕРИКАНСКИХЪ „УДАЧНИКОВЪ"; ШКОЛА „УЛИЦЫ" И СЕМЬИ.

Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ останавливаться долѣе на отдѣльныхъ личностяхъ тѣхъ американцевъ, которые собственными усиліями достигли богатства и извѣстности въ своей странѣ; люди, живавшіе въ Штатахъ, конечно, не дочтутся на этихъ страницахъ именъ многихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ лицъ, людей, имена которыхъ у всѣхъ здѣсь на языкѣ. Но нашею задачею было не то, чтобъ составить словарь американскихъ удачниковъ и богачей, а то, чтобы на примѣрахъ общеизвѣстныхъ лицъ по мѣрѣ возможности намѣтить тѣ силы и вліянія, подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ которыхъ укрѣпляются тѣ качества и составляются тѣ отличительныя черты, которыя ведутъ здѣсь къ успѣху жизни. Вслѣдствіе того намъ и пришлось брать для иллюстраціи своего предмета не столько самыхъ „замѣчательныхъ" американцевъ, сколько наиболѣе „представительныхъ" изъ нихъ, т.-е. тѣхъ лицъ, на характерѣ и образѣ

---

*) См. выше: іюнь, 529 стр.

развитія которыхъ сильнѣе всего отражаются обычныя вліянія американскаго жизненнаго строя со всѣми его выгодами и невыгодами.

Подводя итоги этимъ отличительнымъ чертамъ, мы естественно приходимъ къ тому выводу, что залогъ успѣха здѣсь кроется въ весьма немногосложныхъ условіяхъ и зависитъ не столько отъ личной индивидуальности даннаго человѣка, сколько отъ чертъ, выработанныхъ въ немъ средою и тѣмъ самымъ подводящихъ его какъ разъ подъ стать популярной оцѣнкѣ его согражданъ, которые, воздавая ему почести и богатства, почти всегда нераздѣльныя въ Штатахъ, сознаютъ, что, возвеличивая его, восхваляютъ они и самихъ себя, и дорогія сердцу каждаго американца учрежденія его страны.

Каждому дорога работа рукъ его, а въ Штатахъ, гдѣ административная децентрализація доведена до высшихъ размѣровъ, людямъ трудно взваливать вину въ своихъ неудачахъ на то, что жить приходится имъ въ невыгодныхъ условіяхъ. Каждый правоспособный гражданинъ участвуетъ въ регулированіи этихъ условій, а вашингтонскій конгрессъ и его постановленія далеко не имѣютъ въ Штатахъ того значенія, какое имѣетъ въ Англіи лондонскій парламентъ, гдѣ вырабатываются законы, относящіеся до интересовъ всѣхъ уголковъ королевства, регулирующіе функціи мельчайшаго изъ колесъ, изъ которыхъ составляется сложная великобританская административная машина.

Тогда какъ англійскія большія газеты ежедневно отводятъ каждая по полудюжинѣ и болѣе столбцовъ мелкой печати парламентскимъ преніямъ, интересующимъ всю страну, американскія газеты, за время сессіи конгресса, отводятъ отчетамъ о немъ какой-нибудь одинъ столбецъ печати, а часто и менѣе того, такъ что, для сохраненія полныхъ отчетовъ о конгрессовыхъ преніяхъ, американскій конгрессъ вынужденъ ежегодно ассигновывать огромныя суммы денегъ на печатаніе „Congressional Records“ — отчетовъ которыхъ никто и не читаетъ.

И все это — потому, что заурядному американцу обыкновеннаго рода занятій нѣтъ ровно никакого интереса заниматься тѣмъ, что обсуждается въ конгрессѣ, такъ какъ, при федеральной системѣ Союза, не только каждый штатъ вырабатываетъ свою собственную конституцію, постановляетъ, въ предѣлахъ своихъ, свои особые законы, регулируетъ всѣ тѣ стороны соціальной жизни страны, которыя подлежатъ его вѣденію, но даже штатъ не беретъ на себя задачи регулировать жизненныя условія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ — въ графствахъ (counties) и городскихъ округахъ

(townships); всѣ эти мельчайшія подраздѣленія американской государственной территоріи имѣютъ каждая свою независимую систему управленія, въ которой принимаетъ прямое и часто непосредственное участіе каждый правоспособный членъ общества; всѣ онѣ располагаютъ отдѣльной организаціей, настолько независимой отъ цѣлой страны и такъ полно отвѣчающей мѣстнымъ требованіямъ и интересамъ, что еслибы даже предположить, что такая мелкая частица Союза извлечена была изъ Штатовъ и какимъ-нибудь волшебствомъ пересажена въ совершенно другую страну, это ничѣмъ бы не нарушило ея системы самоуправленія и она преспокойно могла бы продолжать жить своею прежнею жизнью, не терпя отъ этой перестановки ровно никакихъ неудобствъ.

Что только при подобной законченной организаціи мелкихъ частей, входящихъ въ огромное цѣлое Союза, возможно самоуправленіе для націи въ 55 милліоновъ жителей, растущей непомѣрно отъ прилива эмиграціи—въ томъ глубоко убѣждены американцы, и это убѣжденіе ихъ несомнѣнно подтверждается примѣромъ Франціи, гдѣ укоренившаяся вѣками централизація вѣчно подкапываетъ основы свободныхъ учрежденій страны. Въ Штатахъ же замѣчается явленіе обратное: система децентрализаціи доведена въ нихъ до такой степени, что каждый уголокъ Союза живетъ своею независимою жизнью, своими соціальными интересами, такъ что страна прекрасно можетъ, въ теченіе продолжительнаго времени, обходиться совсѣмъ безъ главы администраціи, что̀ было ясно доказано лѣтомъ 1881 года, когда раненый президентъ, Гарфильдъ, лежалъ на смертномъ одрѣ въ теченіе трехъ почти мѣсяцевъ, не будучи въ состояніи заниматься дѣлами, когда вице-президентъ Союза, Арзсѣръ, изъ деликатности отказывался вступить въ управленіе страною на мѣсто умирающаго президента, и это странное положеніе вещей не причинило народу за все то время ни малѣйшаго неудобства; за всѣ эти три мѣсяца не возникло ничего такого, что̀ бы настоятельно требовало личнаго вмѣшательства главы исполнительной власти въ странѣ, или же, за болѣзнью его, нарушило правильность фупкцій огромной административной машины, приводимой въ дѣйствіе совмѣстными усиліями болѣе чѣмъ 115.000 чиновниковъ.

Районъ дѣятельности и размѣръ отвѣтственности президента Союза такъ точно опредѣлены конституціей страны, что, несмотря на широкую власть, ему предоставленную, власть, несомнѣнно бо̀льшую власти государей всѣхъ конституціонныхъ монархій, все же никакое coup d'état со стороны президента невозможно; равнымъ образомъ, огражденъ отъ опасныхъ для страны увле-

ченій федеральный конгрессъ; совершенно отстранено отъ преходящей „злобы дня" судебное вѣдомство; такими же дѣйствительными ограниченіями обставлена власть губернаторовъ штатовъ и провинціальныхъ законодательныхъ собраній, такъ что американцу рѣшительно нечего бояться посягновеній власти на свободныя учрежденія страны, и онъ это прекрасно знаетъ и дѣйствіями власти весьма мало интересуется, удѣляя порою вниманіе свое лишь тому, какъ дѣло ведется, какимъ путемъ затрогиваются личные его интересы дѣйствіями городского совѣта или постановленіями законодательнаго собранія того штата, въ которомъ самъ онъ живетъ. Газетныя кликуши, вѣчно провозглашающія страну въ опасности и права гражданъ поруганными, весьма мало возбуждаютъ обыкновеннаго читателя: онъ давно рѣшилъ, что газеты только и живутъ что этимъ искусственнымъ раздуваніемъ пустыхъ дѣлъ и приключеній; ему не хочется удѣлять на провѣрку этихъ обличеній и доли своего дорогого времени, такъ легко превращаемаго здѣсь въ доллары, и онъ успокоивается въ сознаніи того, что избирательный голосъ все-таки состоитъ за нимъ, равно какъ и способность содѣйствовать, въ рядахъ большинства, смѣщенію всѣхъ „слугъ нерадивыхъ" своей родины.

Эта увѣренность въ своей силѣ и производитъ въ американцѣ ту спокойную, невозмутимую самонадѣянность, которую онъ проявляетъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, самонадѣянность, которая представляется на глаза европейца столь комичной, когда американецъ средняго уровня познаній вполнѣ серьезно вызывается рѣшать съ плеча всѣ наиболѣе щекотливые соціальные вопросы, надъ которыми ломали голову величайшіе государственные дѣятели Европы прошлаго и настоящаго времени, и эта самонадѣянность принимается нами же, европейцами, за геніальность, коль скоро она выводитъ настойчиваго въ преслѣдованіи своей цѣли американца на путь открытій и изслѣдованій, которыми обогащается весь міръ, подвигается впередъ цивилизація и улучшаются условія человѣческой жизни.

Говорится, что отъ великаго до смѣшного — одинъ шагъ. И сколько, спрашивается, людей не достигло великаго лишь потому, что смущеніе и боязнь разыграть смѣшную, на глазахъ толпы, роль помѣшали имъ сдѣлать тотъ лишній шагъ, который могъ довести ихъ до „великаго"? Что же касается американца, то можно смѣло утверждать, что значительная доля нравственной его силы, лучшее свидѣтельство его политической зрѣлости, именно въ томъ и заключается, что онъ никогда не бываетъ одержимъ боязнью показаться смѣшнымъ; не то, чтобъ онъ пренебрегалъ

сужденіемъ людскимъ — онъ просто-на-просто понятія о томъ не имѣетъ, что можетъ представиться смѣшнымъ. Какъ ребенокъ, будучи всеобщимъ баловнемъ, растетъ спокойный духомъ, не зная подозрительности, ни въ комъ никогда не предполагая стремленія обидѣть его или насмѣяться надъ нимъ, такъ и американецъ рѣшается зачастую почти на невозможное, идетъ напроломъ тамъ, гдѣ отступилъ бы всякій европеецъ изъ боязни неудачи, могущей подвергнуть его общему посмѣянію. Англичанинъ храбръ и предпріимчивъ, готовъ порою на самыя рискованныя предпріятія въ отдаленнѣйшихъ частяхъ земного шара — и это въ значительной степени отъ того, что каждый англичанинъ твердо знаетъ, что права его и свобода, гдѣ бы онъ ни находился, строго, зорко, ревниво оберегаются его правительствомъ, которое не допуститъ, чтобъ великобританскій подданный подвергся по чужой винѣ какому бы то ни было физическому или карманному ущербу. У американца и этой увѣренности нѣтъ, а онъ все-таки готовъ всюду идти напроломъ, хотя и знаетъ, что, благодаря извѣстнымъ невыгоднымъ сторонамъ управленія своей страны, на помощь и заступничество своего правительства ему разсчитывать болѣе чѣмъ рискованно; идя впередъ къ намѣченной цѣли, американецъ повинуется уже вполнѣ личной храбрости и съ невозмутимымъ спокойствіемъ полагается буквально на одного себя. Чѣмъ же, спрашивается, вырабатывается въ американцѣ его несокрушимая самоувѣренность, его вѣчная ясность духа, неспособность обижаться пустяками и тратить силы на устраненіе скучныхъ, но неважныхъ деталей, упуская изъ вида конечную цѣль?

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Штатахъ и добросовѣстнаго наблюденія здѣшней жизни и людей, мы приходимъ къ заключенію, что жители Соединенныхъ Штатовъ — народъ счастливый по преимуществу. Счастливый не потому, чтобъ жилъ онъ подъ сѣнью особливо прекрасныхъ учрежденій; не потому, чтобъ онъ огражденъ былъ отъ обычныхъ испытаній, выпадающихъ на долю какъ отдѣльныхъ людей, такъ и націй; и не потому, чтобъ выработалъ какой-нибудь неизвѣстный еще дотолѣ кодексъ общественныхъ отношеній, — а счастливый, главнымъ образомъ, оттого, что, вдобавокъ къ врожденному эгоизму, побуждающему его жить самому хорошо, не мѣшая жить и другимъ, щедрая природа надѣлила его свѣтлою головою, способною взвѣшивать, обдумывать и цѣнить то, что̀ ведетъ къ обезпеченію наибольшаго блага для наибольшаго числа людей въ странѣ, столь щедро надѣленной естественными богатствами.

Но такъ какъ націи составляются изъ отдѣльныхъ людей, а взрослые люди извлекають наиболѣе характеристическія свои особенности изъ тѣхъ условій и среды, въ которыхъ проведено было ими дѣтство, то, естественнымъ образомъ, приходится искать причины этихъ обще-національныхъ черть предпріимчивости, настойчивости и ясной невозмутимости въ томъ, какъ обставляется жизнь американцевъ съ самаго ея начала. Этотъ пріемъ изслѣдованія долженъ быть тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ въ данномъ случаѣ, что американцы въ замѣчательной степени сохраняютъ способность оставаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣтьми до самой старости. Европеецъ невольно поражается иногда, какъ взрослые, образованные и практичные американцы—*не живавшіе подолгу въ Европѣ*—способны отъ души потѣшаться вещами, которыя не вызвали бы на улыбку даже русскаго гимназиста или французскаго „collégien“. Замѣтимъ тутъ же, что близкое и долговременное соприкосновеніе молодого, обыкновенныхъ способностей, американца съ цивилизаціей старой Европы неизмѣнно вредно вліяеть на его міросозерцаніе и нерѣдко развращаеть его натуру, хотя и содѣйствуетъ въ немъ быстрому умственному росту; надъ причинами этого останавливаться здѣсь не мѣсто, такъ какъ онѣ не касаются нашей данной задачи.

Прежде всего остановимся минуту надъ перечнемъ того, какія общія черты отмѣчены нами въ ряду тѣхъ біографическихъ данныхъ, которыя приведены были отчасти выше. Общими чертами американскихъ удачниковъ представляются намъ: самоувѣренность, хорошее здоровье, бездна юмору, наблюдательность, склонность къ бережливости, строгое самоотреченіе на первыхъ ступеняхъ наживы и не мѣньшая склонность всѣмъ пользоваться въ видахъ достиженія разъ намѣченной цѣли—людьми, печатью, обстоятельствами, а главное—твердая, неизмѣнная привычка сосредоточивать все свое вниманіе, всѣ свои силы и способности на собственномъ дѣлѣ, не стремясь опекать другихъ или же рѣшать судьбы вселенной.

Какимъ же путемъ вырабатываются въ американцахъ эти черты? Не внушается ли имъ въ раннемъ періодѣ ихъ жизни—семьею и школою—какого-нибудь спеціально благотворнаго кодекса правилъ, руководящаго ими затѣмъ во всю жизнь?

Нисколько. Семья и школа въ Америкѣ поставлены такъ, что повергли бы, я полагаю, въ ужасъ европейскихъ педагоговъ; но и та, и другая прекрасно выполняютъ свою задачу воспитанія юношества—именно потому, что руководятся не отвлеченными теоріями и правилами, а подчиняются требованіямъ по-

вседневной жизни, доставляя народу именно то, что ему требуется, и не заботясь о томъ, лучшее ли то, или нѣтъ.

Что лучше американскихъ школъ *для американцевъ* и придумать нельзя, съ тѣмъ трудно не согласиться, хотя европейца онѣ во многомъ шокируютъ. Что же касается до семьи,—то она не задается здѣсь мыслью воспитывать своихъ членовъ, но за то и не ломаетъ дѣтскихъ натуръ самодурствомъ, не вторгается въ дѣтскія души съ сухимъ, преждевременнымъ доктринерствомъ.

Мы уже выше видѣли, къ какимъ неудобствамъ для старшихъ ведетъ порою та неограниченная свобода, какая предоставляется американскимъ дѣтямъ внѣ школы; конечно, не всѣ готовы всегда охотно подчиняться этимъ неудобствамъ, и возникаютъ порою жалобы на дѣтей, равно какъ и сами дѣти иногда терпятъ, играя на улицѣ, поврежденія, изъ-за которыхъ ихъ родители неизмѣнно поднимаютъ процессы, съ требованіями съ частныхъ лицъ города или корпорацій вознагражденій за убытки по подрыву здоровья или искалѣченью ребенка, попавшаго, по легкомыслію, въ опасное положеніе. Въ такихъ случаяхъ высшія судебныя учрежденія страны неизмѣнно даютъ приговоры въ пользу дѣтей, постановляя, что первоначальною заботою каждой общины должно быть содѣйствіе нормальному развитію молодого поколѣнія и забота о его полной безопасности, и что игра на улицахъ и тротуарахъ не должна и не можетъ дѣтямъ воспрещаться, такъ какъ отъ этихъ упражненій находится въ прямой зависимости ихъ здоровье и потому и вся ихъ будущность.

Дѣти, проникаясь, съ одной стороны, духомъ строгой дисциплины въ школѣ, а съ другой, постоянно вращаясь на полной свободѣ въ толпѣ себѣ подобныхъ ребятъ, изъ которыхъ каждый твердо стоитъ на своихъ правахъ, рано привыкаютъ къ требованіямъ жизни общественной, инстинктивно научаются соразмѣряться съ тенденціями окружающей среды. Рѣдкая вещь—встрѣтить въ толпѣ уличныхъ дѣтей безпутное галдѣнье и кутерьму во время общихъ игръ или затѣй, требующихъ извѣстной организаціи; мальчики десяти-двѣнадцати лѣтъ уже прибѣгаютъ къ выборному началу, выбираютъ изъ своей среды „комитетъ“ для выработки правилъ, переговоровъ съ противниками или со школьнымъ начальствомъ, повинуются тому изъ среды своей, кого выбираютъ вожакомъ. Не малымъ подспорьемъ для развитія духа общественности и уваженія къ правамъ ближняго въ дѣтяхъ является излюбленный ими методъ образованія даже въ играхъ всевозможныхъ клубовъ: клуба катанья на конькахъ и велосипедахъ, клуба игры мячемъ, клуба „прессы“, издающаго въ руко-

писи какую-нибудь „газету“, клуба бѣга на призы и проч. Всѣ эти клубы вырабатываютъ свои правила, обсуждаютъ сообща свои дѣла, иногда регулярно производятъ денежные сборы съ членовъ; правила, конечно, нерѣдко нарушаются и клубы рушатся, удовольствіе подрывается. Но и изъ этого дѣти извлекаютъ полезный для себя урокъ того, что не можетъ быть ни мира, ни согласія, необходимаго для забавы, безъ точной предварительной организаціи и опредѣленія правъ всѣхъ и каждаго; и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ клубы установляются твердо, руководясь правиломъ исключенія всѣхъ, не подчиняющихся правиламъ, т.-е. желаніямъ большинства, эти правила вырабатывающаго.

Конечно, физическія силы, мускулы дѣтей, развиваемые вѣчнымъ упражненіемъ на воздухѣ, требуютъ усиленнаго для нихъ и питанія, но, къ счастію для дѣтскихъ интересовъ, хорошій аппетитъ является въ Америкѣ общимъ достояніемъ людей всѣхъ возрастовъ; всѣ начинаютъ день солиднымъ завтракомъ изъ овсяной или кукурузной каши, жаренаго мяса, картофеля, яицъ, блиновъ съ сиропомъ и кофе; всѣ истребляютъ не менѣе полновѣсный второй завтракъ, около полудня, и кончаютъ длиннымъ обѣдомъ въ шесть-семь часовъ. Не зная себѣ и въ ѣдѣ никакого стѣсненія, дѣти, конечно, иногда объѣдаются сластями и рано пріучаются къ кофе и чаю, но постоянное пребываніе на чистомъ воздухѣ, повидимому, умѣряетъ зло, которое иначе причинялось бы этими нездоровыми излишествами. И это обиліе ѣды отнюдь не составляетъ исключительной принадлежности богатыхъ слоевъ: семьи природныхъ американскихъ рабочихъ имѣютъ почти тотъ же *тепи*, что и богатые граждане; разница замѣчается лишь въ качествѣ мяса, кофе и масла, потребляемаго американцами въ огромномъ количествѣ, разнообразіи овощей, обиліи фруктовъ и т. п. Заурядный американецъ, не искусившійся еще на тонкостяхъ французской кухни, чрезвычайно простъ и однообразенъ въ своихъ вкусахъ; первое его требованіе—это обиліе стола, и главное, овощей; но все это готовится на одинъ манеръ и порою весьма небрежно; какъ семья какого-нибудь телеграфиста или кондуктора, зарабатывающаго по сту долларовъ въ мѣсяцъ, такъ и семья директора желѣзной дороги или купца-милліонера, всѣ ѣдятъ въ сущности то же самое,—тѣ же четыре разныхъ сортовъ вареныхъ овощей и мясо за обѣдомъ, та же ледяная вода и кофе для питья, та же національная птица, индѣйка, за воскреснымъ столомъ.

И въ результатѣ этого простого, свѣжаго и питательнаго

стола является высокій уровень здоровья среди американцевъ, несмотря на то, что, по сложенію своему, они значительно хрупче англичанъ и нѣмцевъ; подъ возбуждающимъ вліяніемъ климата, смѣшенія расъ и необходимости вести тяжелую жизненную борьбу при совершенно новыхъ условіяхъ, тяжеловѣсная англійская и нѣмецкая природа выродилась въ Америкѣ въ совершенно новый типъ человѣка: нервный, выносливый, преисполненный добродушія и безвреднаго юмора подъ самою иногда серьезно-торжественною и невозмутимою внѣшностью, современный янки идетъ своею дорогою съ спокойнымъ духомъ, ни надъ кѣмъ не проливая слезъ, не болѣя никакой міровою печалью. Почему же и не пользоваться американцу примѣрнымъ здоровьемъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лично не подверженъ столь распространенной здѣсь маніи самолеченія патентованными снадобьями, употребленіе которыхъ ежегодно подрываетъ здѣсь столько хорошихъ человѣческихъ натуръ?

Страсть американцевъ — особенно женщинъ — къ пичканью себя лекарственными снадобьями по истинѣ изумительна. Въ Штатахъ теперь насчитывается цѣлыхъ 563 фабрики, изготовляющихъ такъ-называемыя „патентованныя лекарства", — и эти фабрики ежегодно поставляютъ на мѣстные рынки этого товара на сумму 15-ти милліоновъ долларовъ; кромѣ того, въ странѣ еще есть 8.502 завода аптекарскихъ и химическихъ принадлежностей, поставляющихъ своего товару на 38 милл. ежегодно, и 30.000 аптекъ, продающихъ лекарствъ на 150 милл. долларовъ въ годъ. Если прибавить къ тому плату, взимаемую съ паціентовъ 85.671 медиками, можно видѣть, во что обходится американцамъ — не только здоровьемъ, но и деньгами — ихъ несчастная страсть къ леченью.

Тѣ, впрочемъ, дѣти, которыя избѣгаютъ примѣненія къ себѣ лечебныхъ склонностей своихъ маменекъ, чувствуютъ себя прекрасно и явно наслаждаются жизнью, когда имъ посчастливится избѣгнуть другой опасной подводной скалы американской дѣтской жизни — чтенія дешевыхъ, плохихъ сенсаціонныхъ романовъ, такъ-называемыхъ „dime novels", публикуемыхъ безпринципными торговцами единственно въ видахъ личной наживы и въ конецъ подрывающихъ не только литературный вкусъ, но иногда и все нравственное міровоззрѣніе наиболѣе впечатлительныхъ дѣтей, которыя нерѣдко, начитавшись до одурѣнія о подвигахъ блестящихъ „бригантовъ", фальшивыхъ монетчиковъ, убійцъ и воровъ, освѣщенныхъ въ этихъ романахъ блестящимъ ореоломъ, стремятся затѣмъ и сами слѣдовать примѣрамъ этихъ героевъ, покидаютъ

родительскіе дома, унося деньги и цѣнныя вещи, отправляются на западъ воевать съ индѣйцами, устроиваютъ съ товарищами тайныя общества и воровскія шайки по городамъ и впадаютъ въ самыя гнусныя преступленія. Еще не такъ давно передавалась здѣшними газетами исторія мальчика тринадцати лѣтъ, убившаго топоромъ отца, мать, сестру и братьевъ изъ-за того, чтобъ отличиться по примѣру героя одного ихъ подѣйствовавшихъ на его воображеніе романовъ.

Конечно, культъ свободы дѣйствій, доведенный въ родителяхъ до степени предоставленія полной независимости дѣтямъ,—граничитъ уже съ распущенностью нравовъ; къ счастью, культъ этотъ далеко не повсемѣстенъ. За то нѣтъ, вѣроятно, другой страны въ свѣтѣ, гдѣ бы съ дѣтьми обращались съ большею вѣжливостью и вниманіемъ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ; наблюденію нашему не подпало до сей поры ни одного случая, чтобы ребенка оборвали на вопросѣ, подняли на смѣхъ, обидѣли, на виду всѣхъ, въ семьѣ или школѣ; каждый ихъ вопросъ терпѣливо выслушивается, на каждый ихъ вопросъ слѣдуетъ болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ, конечно по силѣ разумѣнія старшихъ; никто не отговаривается недосугомъ, и ребенокъ большему научается отъ этихъ случайныхъ учителей, чѣмъ изъ школьныхъ книгъ. Дѣтское самолюбіе щадится не только въ семьѣ, но и въ публичныхъ школахъ, гдѣ принято за правило не смущать дѣтей безъ нужды трудными, сбивчивыми вопросами, особенно въ присутствіи посѣтителей; это дѣлается въ видахъ поощренія прилежанія дѣтей, такъ какъ извѣстно, что ничто такъ не обезкураживаетъ ребенка, ничто не вселяетъ въ него такого отвращенія къ ученью, какъ сознаніе своей неспособности отвѣчать на кажущіеся простыми, но коварно поставленные вопросы. И, съ другой стороны, какъ учителями, такъ и семьею все дѣлается для поощренія въ дѣтяхъ вѣры въ свои силы. Хотя въ многолюдныхъ классахъ публичныхъ школъ по-неволѣ приходится прибѣгать иногда къ системѣ зубренья и поддерживать порядокъ среди 50 или 60-ти дѣтей строгой дисциплиной, однако же и тутъ каждому изъ дѣтей, имѣющихъ отвѣтъ на-готовѣ, предоставляется поднятіемъ руки засвидѣтельствовать о своемъ желаніи быть спрошеннымъ насчетъ того, что, по его мнѣнію, знаетъ онъ хорошо. Все ученье дѣтей до двѣнадцати или тринадцати лѣтъ производится въ стѣнахъ школы; уроковъ не задаютъ никакихъ, и притомъ всѣ субботы и воскресные дни не бываетъ ученья, такъ что классными занятіями дѣти отнюдь не изнурены; каждый классъ въ публичныхъ школахъ „primary“ и „grammar schools“

— ведется одною учительницей, и въ ея знанія ученики вѣрять безусловно.

Понятное дѣло, что подобная система веденія дѣтей сбиваетъ съ толку иностранцевъ, прибывающихъ сюда; что же касается до ввозимыхъ сюда иностранныхъ педагоговъ, они рискуютъ на первыхъ же порахъ разссориться съ учениками и нажить себѣ въ нихъ непримиримыхъ враговъ. Этотъ фактъ давно извѣстенъ наиболѣе просвѣщеннымъ здѣшнимъ воспитателямъ, одинъ изъ которыхъ, мистеръ Макъ-Мёлленъ, стоявшій въ Нью-Іоркѣ во главѣ большой частной школы, прямо объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что „европейскіе учителя слишкомъ привыкли къ рабскому повиновенію учениковъ, а американскія дѣти слишкомъ свыклись со своей разумной свободой, чтобъ тѣмъ и другимъ когда-либо удавалось мирно уживаться вмѣстѣ“.

IX.

Политическая миссія американскихъ школъ.

Развитіе американской молодежи стоитъ въ зависимости не отъ одной семьи и общественной среды, въ которой дѣти вращаются, но въ значительной степени и отъ школъ. Извѣстно, что система публичныхъ школъ въ Штатахъ весьма велика и есть важный факторъ въ здѣшней общественной жизни. Въ 1880 году въ Штатахъ было 189.000 однѣхъ элементарныхъ народныхъ школъ, посѣщаемыхъ 9.720.000 человѣкъ дѣтей, и при той же народной переписи дознано, что американцы среднимъ числомъ тратятъ до ста милліоновъ долларовъ на свои школы, собственность которыхъ, кромѣ того, исчисляется въ 200 милл. долларовъ; такимъ образомъ оказывается, что американцы тратятъ на народное образованіе впятеро больше того, что̀ тратитъ на тотъ же предметъ Англія, и вчетверо больше того, что̀ тратится Франціей.

Почему же вдаются въ такія громадныя затраты на школьное образованіе американцы, имѣющіе репутацію націи, требующей немедленныхъ существенныхъ результатовъ на всѣ свои затраты и отнюдь не способной на жертвы изъ-за пользы грядущихъ поколѣній?

Готовность американцевъ на эти затраты объясняется весьма просто: она обусловливается для нихъ настоятельною необходимостью, вопросомъ о національномъ ихъ „бытіи или небытіи“.

Какъ европейскія государства, придерживающіяся системы вооруженнаго мира, содержать большія арміи въ видахъ отраженія возможнаго непріятельскаго вторженія извнѣ, такъ американцы твердо придерживаются своей системы публичныхъ школъ для противодѣйствія губительнымъ слѣдствіямъ нашествія въ ихъ страну невѣжественныхъ европейскихъ ордъ, наплывающихъ сюда въ числѣ болѣе полу-милліона человѣкъ ежегодно, подъ видомъ одной европейской эмиграціи, тогда какъ изъ Канады, Южной Америки и другихъ странъ прибываютъ сюда еще многіе десятки тысячъ другого обдѣленнаго судьбою люда. Тратя такія громадныя суммы на свои школы, американцы дѣлаютъ это, главнымъ образомъ, изъ политической необходимости, чѣмъ и объясняется своеобразность ихъ школъ, которыя не могли бы не возбудить строгаго осужденія, еслибы судить о нихъ какъ о чисто учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль безплатнаго народнаго образованія въ Штатахъ заключается не столько въ томъ, чтобъ производить образованныхъ или хорошихъ людей, сколько въ томъ, чтобъ воспитывать хорошихъ гражданъ. Публичныя школы Штатовъ—это предохранительный клапанъ, обусловливающій сохранность свободныхъ учрежденій страны.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ американцы гордились тѣмъ гостепріимствомъ, съ которымъ принимали они къ себѣ всѣхъ пришельцевъ изъ Европы, похваляясь своею способностью ассимилировать всѣ эти прибывающія массы; еще недавно эмигрантовъ здѣсь искренно привѣтствовали, такъ какъ они доставляли собою тѣ рабочія руки, безъ которыхъ неисчерпаемымъ естественнымъ богатствамъ страны долго суждено бы оставаться неразработанными. Съ теченіемъ времени, однако, это непрекращающееся нашествіе людскихъ массъ, деморализированныхъ невѣжествомъ, бѣдностью и другими условіями своего европейскаго быта, стало представляться весьма существенною угрозою республикѣ; и нельзя сказать, чтобъ эта опасность была воображаемая, когда, при 50-милліонномъ населеніи, насчитываемомъ въ Штатахъ въ 1880 году, здѣсь находилось уже 6.679.943 человѣка иностраннаго происхожденія, и когда въ то же время высчитывалось, что *цѣлая треть* всего населенія Штатовъ родилась внѣ ихъ предѣловъ или же происходила отъ родителей-иностранцевъ. Цифры громадныя, въ особенности если принять въ разсчетъ, что эти невѣжественные пришельцы изъ Канады, Европы и Южной Америки, имѣющіе самое смутное представленіе о сущности здѣшнихъ учрежденій, чрезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи въ Штаты возводятся въ званіе полноправныхъ гражданъ и хозяевъ страны.

Не успѣвъ еще хорошенько акклиматизироваться, они начинаютъ принимать участіе въ управленіи страной, голосъ ихъ имѣетъ вѣсъ во всѣхъ вопросахъ, отъ рѣшенія которыхъ часто зависитъ миръ или война, порядокъ или анархія для страны, средства къ жизни и личная репутація и благосостояніе каждаго изъ гражданъ, наконецъ жизнь и смерть отдѣльныхъ лицъ: все это находится въ рукахъ этихъ невѣжественныхъ, иногда крайне озлобленныхъ, пріемныхъ сыновъ республики, такъ какъ они рано начинаютъ нести на себѣ обще-гражданскую повинность по призыву въ присяжные засѣдатели по дѣламъ всевозможнаго рода. Опасность, сопряженная съ такимъ положеніемъ невѣжественнаго элемента въ странѣ, рано была сознана природными американцами, и они поспѣшили оградиться отъ нея широкою системою народныхъ школъ, на которыя они тратятъ деньги не жалѣя, такъ какъ опытъ и уголовная статистика давно привели ихъ къ тому выводу, что преступники много дороже обходятся странѣ, чѣмъ школы, предупреждающія преступность; столь же хорошо и рано прониклись американцы сознаніемъ того, что затраты на школы возвращаются сторицею даже въ руки того самаго поколѣнія, которое ихъ производитъ, такъ какъ общее образованіе народа возвышаетъ производительную способность страны, ведетъ къ новымъ изобрѣтеніямъ и увеличиваетъ благосостояніе всѣхъ и каждаго.

Несмотря, однако, на усердныя старанія американцевъ содѣйствовать развитію взрослаго пришлаго населенія путемъ вечернихъ безплатныхъ школъ и популярныхъ чтеній, европейскіе рабочіе, селясь здѣсь, бываютъ далеко не всегда способны оцѣнивать американскія учрежденія по достоинству, проникаться ихъ духомъ; за то молодые эмигранты и дѣти тѣхъ семей, которыя переселялись сюда изъ Европы, поступая прямо въ безплатныя американскія школы, получали чисто американское образованіе и такъ быстро сливались съ кореннымъ населеніемъ страны, что не чувствовали уже никакой связи съ первоначальнымъ своимъ отечествомъ и забывали его языкъ. И все это было дѣломъ публичныхъ школъ, первоначальная миссія которыхъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы превратить этихъ разношерстныхъ, озлобленныхъ нуждою иностранцевъ—въ добропорядочныхъ американскихъ гражданъ.

Эта утилитарная миссія американскихъ школъ возбудила серьезное вниманіе коммиссіи, присланной сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ британскимъ правительствомъ, спеціально для изученія системы американскаго преподаванія. Вотъ что̀ говоритъ

г. Фрэзеръ въ отчетахъ по этому предмету, опубликованныхъ коммиссіей, къ которой самъ онъ принадлежалъ: „Политической миссіей американскихъ школъ объясняются тѣ размѣры, въ которыхъ преподается въ школахъ конституція страны, заполняющая собою школьныя программы; тѣмъ же объясняются постоянные призывы общества къ поддержкѣ школьной системы на обще-національныхъ и политическихъ основаніяхъ. Что же касается до самихъ школъ, то онѣ являются совершеннымъ микрокозмомъ американской жизни. Въ нихъ царитъ та же свобода и равенство, та же быстрота движенія, то же стремленіе къ прогрессу, легко ухватывающееся за каждую новую идею, вѣчно слѣдящее за новѣйшими усовершенствованіями; та же система воззванія къ честолюбію, то же подчиненіе отдѣльнаго лица людской массѣ; въ школахъ, какъ и въ жизни, отдается предпочтеніе утилитарнымъ дѣламъ въ ущербъ цѣлей болѣе возвышенныхъ, и въ нихъ замѣчаемъ мы то же чрезмѣрное напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ, ту же лихорадочность дѣйствія и отсутствіе покоя".

Такова система американскихъ школъ, какъ она представилась на глаза опытной, высокообразованной коммиссіи англичанъ.

Эта конечная цѣль гражданственной пользы, преслѣдуемая школами, является здѣсь общепризнаннымъ фактомъ. До какой степени далеко заходитъ предусмотрительность американцевъ въ этомъ отношеніи, можно судить изъ слѣдующаго случая: въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ засѣдаетъ совѣтъ юристовъ, собравшійся обсуждать вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли измѣнить законы о бракѣ въ этомъ штатѣ такъ, чтобы предупредить необдуманные, смѣшные браки и оградить отъ печальныхъ случайностей легкомысленныхъ молодыхъ людей, падающихъ часто жертвами хитроумно составленныхъ противъ ихъ свободы заговоровъ. Въ долгихъ и серьезныхъ дебатахъ по этому предмету большинство высказалось въ пользу измѣненія законовъ, а нѣкоторые изъ присутствующихъ судей настоятельно рекомендовали, чтобы, въ видѣ средства предохранительнаго, брачные законы штата преподавались и объяснялись дѣтямъ во всѣхъ публичныхъ школахъ Нью-Іорка.

И надо сказать, что результаты этой системы замѣчательны. Политическое развитіе американцевъ по истинѣ достойно удивленія; а народъ въ Соединенныхъ Штатахъ если и не можетъ похвалиться высокою степенью образованія, за то несомнѣнно представляетъ собою зрѣлище наибольшей распространенности обра-

зованія въ массахъ и является самымъ просвѣщеннымъ народомъ на свѣтѣ. Что же касается до присущей каждому природному американцу любви къ законности, порядку и чинности—всѣ эти черты, такъ рельефно проявляющіяся на всѣхъ американскихъ митингахъ — то ихъ опять приходится приписывать не столько правиламъ, которыми регулируются здѣсь всѣ народныя собранія, сколько тѣмъ идеямъ и привычкамъ, которыя пріобрѣтаются народомъ въ публичныхъ школахъ.

До какой степени сознается американцами необходимость широкаго развитія школьной системы, явствуетъ изъ того, что въ странѣ, еще при народной переписи 1880 года, оказалось 225.880 школъ всѣхъ разрядовъ, состоящихъ подъ руководствомъ полу-милліона учителей и доставляющихъ обученіе восьми милліонамъ дѣтей, и это было въ такую пору, когда общее населеніе страны равнялось пятидесяти милліонамъ, и всего въ 14-ти штатахъ изъ 38-ми держались законы обязательнаго посѣщенія школы всѣми дѣтьми до извѣстнаго возраста.

Какимъ же путемъ возникла въ Штатахъ такая обширная школьная система, откуда берутся деньги на ея поддержку?

Когда американецъ не видитъ передъ собой возможности заручиться наилучшимъ продуктомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, онъ никогда не отказывается удовольствоваться продуктомъ второго или третьяго сорта, по пословицѣ своей, что „лучше взять пол-булки, чѣмъ остаться вовсе безъ хлѣба“—half a loaf is better than no bread... Притомъ, американцы твердо вѣрятъ въ то, что даже малая доля образованія приноситъ свою долю пользы, и это положеніе ихъ блистательно подтверждается новѣйшими статистическими данными, собранными мистеромъ Horace Mann, который, при тщательномъ изслѣдованіи фабричнаго дѣла въ Штатахъ, доказалъ, что тѣ рабочіе, которые могутъ расписаться при полученіи заработной платы, производятъ на цѣлую треть больше работы, чѣмъ тѣ рабочіе, которые, за безграмотностью, употребляютъ кресты вмѣсто подписи, не говоря уже о томъ, что употребленіе грамотныхъ рабочихъ ведетъ къ сбереженію времени, такъ какъ они быстрѣе схватываютъ смыслъ указаній и меньше впадаютъ въ ошибки. Твердо держась той точки зрѣнія, что нѣтъ такой отрасли работы, производимой человѣческими мускулами, которая была бы работой чисто механической и не подвержена была усовершенствованію, американцы говорятъ, что, умножая народныя школы хотя бы самой элементарной формы, они тѣмъ самымъ умножаютъ изобрѣтенія и обогащаютъ свою страну. Въ результатѣ этого воззрѣнія американцевъ на школь-

ное дѣло, мы видимъ, что они не вырабатываютъ никакихъ системъ и программъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, не ждутъ, для открытія школы, того времени, когда населеніе данной мѣстности умножится настолько, чтобъ быть въ состояніи поддержать школу хорошую. Дѣло обученія дѣтей здѣсь начинается весьма скромно, безъ всякихъ претензій, и ему предоставляется затѣмъ самому расширяться, сообразно съ жизненными требованіями на затѣянное дѣло.

Въ провинціальныхъ городахъ лучшія городскія зданія помѣщаютъ въ себѣ школы; но это не вездѣ такъ. Школьное дѣло здѣсь не стоитъ въ зависимости отъ удобныхъ для него приспособленій. Лишь только какая-нибудь мѣстность начинаетъ заселяться, лишь только селится неподалеку другъ отъ друга нѣсколько семей фермеровъ, какъ уже въ ихъ средѣ выростаетъ избушка или шалашъ, предназначенные для школы; такъ какъ патентованная учительница за скромное жалованье не пойдетъ учить ребятъ въ глушь, то для подобной школы учительницей приглашаютъ какую-нибудь изъ дочерей или родственницъ окрестныхъ фермеровъ, предоставляя слегка проэкзаменовать ее мѣстному доктору, ближайшему судьѣ или пастору; экзаменъ этотъ—самый легкій, и учительница тутъ же принимается учить свой классъ, человѣкъ въ десять-пятнадцать дѣтей всѣхъ возрастовъ за мѣсячное вознагражденіе въ размѣрѣ двѣнадцати или пятнадцати долларовъ. Мнѣ приходилось встрѣчать не мало подобныхъ учительницъ въ американскихъ сельскихъ, и совсѣмъ не глухихъ, мѣстностяхъ, и не разъ случалось мнѣ дивиться безграмотности этихъ особъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не только писали, но и говорили съ грубыми ошибками; но за то всѣ отличались энергіей и добродушною веселостью нрава. Понятно, что отъ такой учительницы дѣти не много почерпнутъ теоретическихъ познаній, но все же школьное время для нихъ не оказывается пропащимъ; во-первыхъ, тѣ часы, какіе проводятся ими въ школѣ, рано пріучаютъ ихъ къ сознанію того, что за каждымъ числится какое-нибудь дѣло, внушаютъ имъ первоначальныя правила дисциплины; затѣмъ, хотя учительница и спрашиваетъ уроки, пристально слѣдя за отвѣтами по учебнику, за то, имѣя ограниченное число учениковъ, она не приноситъ въ жертву дѣтей неразвитыхъ дѣтямъ болѣе способнымъ, да и послѣднихъ не задерживаетъ, а удѣляетъ каждому потребную ему долю вниманія. Способный ученикъ быстро воспринимаетъ въ такой первобытной школѣ все, чему способна обучить его учительница во всемъ вооруженіи учебниковъ, и если онъ имѣетъ охоту къ ученью, передъ нимъ открыта затѣмъ до-

рога въ лучше устроенныя безплатныя же школы сосѣднихъ городовъ и селъ. Во всякомъ случаѣ, дѣти научаются кое-какъ писать и могутъ впослѣдствіи читать обычную фермерскую недѣльную газету.

Въ болѣе значительныхъ центрахъ народонаселенія школы поставлены прекрасно, имѣютъ всѣ новѣйшія школьныя приспособленія и полный комплектъ учителей; но опять, сравнительно говоря, научная подготовка и развитіе учителей оставляютъ многаго желать, причины чего постараемся уяснить дальше.

Школы публичныя содержатся на народныя деньги; расходы на нихъ покрываются изъ суммъ мѣстнаго школьнаго налога, и потому желанія плательщиковъ налога, по необходимости, должны приниматься въ разсчетъ. Въ разныхъ штатахъ различнымъ образомъ производится и ассигновка суммъ школьнаго налога, и вдобавокъ къ тому на школы поступаетъ извѣстная часть денегъ изъ школьнаго фонда штата, образуемаго изъ той части національныхъ земель, которыя конгрессъ распредѣлилъ между штатами на нужды школьнаго дѣла. До установленія этой системы школьныхъ фондовъ, даже въ такихъ умственно развитыхъ общинахъ, какимъ являлся тогда, напр., штатъ Массачусетсъ, публичныя школы, державшіяся каждая отдѣльно на свои средства, впали въ крайнюю обособленность и бѣдность и чуть было не исчезли совсѣмъ, за полнымъ отсутствіемъ всякаго между ними соревнованія. Массачусетскій школьный фондъ, напримѣръ, не великъ; но, будучи учрежденъ въ 1834 году, онъ воодушевилъ школы, такъ какъ деньги изъ фонда принято было раздавать школамъ въ прямой пропорціи съ тѣми затратами, которыя дѣлаются на школы мѣстнымъ населеніемъ: чѣмъ больше извѣстная община тратила на свои школы, тѣмъ больше на эти школы поступаетъ денегъ и изъ школьнаго фонда штата. Притомъ, для полученія этихъ денегъ изъ фонда, каждая школа обязана доставлять отчеты о своей дѣятельности въ училищные совѣты, учрежденные въ столицѣ каждаго штата: исполненіе этого послѣдняго требованія установляетъ между школами извѣстную связь, ведетъ къ обмѣну мыслей, обезпечиваетъ доставку статистическихъ свѣдѣній.

По законамъ того же густо заселеннаго Массачусетса, каждая сельская община (township) обязана имѣть школу для преподаванія дѣтямъ чтенія, письма, ариѳметики, географіи, отечественной исторіи и добавочныхъ предметовъ по усмотрѣнію мѣстнаго школьнаго комитета. Каждая община, имѣющая болѣе 500 домохозяевъ, должна, кромѣ того, содержать и другую школу, въ которой преподаютъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ

исторію, естественныя науки, бухгалтерію, латинскій языкъ, философію, объясняютъ конституцію и гражданскую политику страны; въ общинахъ, имѣющихъ свыше 4.000 жителей, должна быть, кромѣ того, высшая школа, high school, со слѣдующими предметами: греческій языкъ, новые языки, высшія отрасли естественныхъ наукъ, риторика, логика, этика и политическая экономія.

Въ другихъ штатахъ школьное дѣло поставлено нѣсколько иначе, но коренныя основанія школы, требованія и цѣли, не представляютъ существенныхъ отличій отъ школьной постановки во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Союза.

Всѣ правоспособные мѣстные жители имѣютъ голосъ въ дѣлѣ веденія школъ, а въ восточныхъ штатахъ за послѣднее время даже женщины допущены къ подачѣ голоса при выборахъ школьныхъ инспекторовъ и попечителей. Въ старыхъ восточныхъ штатахъ, въ такъ-называемой Новой Англіи, школьное дѣло поставлено много лучше, чѣмъ въ остальныхъ штатахъ, и въ особенности на бывшемъ рабовладѣльческомъ югѣ, гдѣ мѣстныя ассигновки на школы такъ малы, что публичныя школы едва держатся. Въ виду этого представители этихъ южныхъ штатовъ въ конгрессѣ употребляютъ всѣ старанія къ тому, чтобы на школьное дѣло отпущены были деньги федеральнымъ конгрессомъ. Въ ту пору, когда пишутся эти строки, въ федеральномъ сенатѣ только-что прошелъ—большинствомъ двухъ третей голосовъ—билль, ассигновывающій изъ государственнаго казначейства 70 милліоновъ долларовъ, которые, въ теченіе послѣдующихъ восьми лѣтъ, имѣютъ распредѣляться между публичными школами штатовъ, и этотъ билль, весьма вѣроятно, пройдетъ и въ палатѣ представителей. Друзья билля настаиваютъ на необходимости его проведенія на томъ основаніи, что всеобщимъ образованіемъ и развитіемъ массъ обусловливается устойчивость свободныхъ учрежденій страны, и что поэтому часть общенародныхъ денегъ должна идти на публичныя школы; противники билля основываютъ свою оппозицію на томъ, что, *во-первыхъ*, ассигновкою федеральныхъ суммъ на нужды штатовъ подрывается принципъ полной независимости штатовъ отъ федеральнаго правительства; открывается въ штаты доступъ правительственному контролю, умножается и безъ того великое число правительственныхъ чиновниковъ, усиливается противодемократическая централизація власти въ странѣ; *во-вторыхъ*, раздавая деньги штатамъ, мало тратящимъ на свои школы, устанавливается будто бы премія на безграмотность; а *въ-третьихъ*, утверждается, что распредѣленіе этихъ 70-ти милліоновъ среди штатовъ поведетъ къ разнымъ мошенническимъ продѣлкамъ и что

каждый членъ конгресса будетъ тянуть какъ можно болѣе денегъ для своего штата, въ угоду своимъ избирателямъ и въ видахъ обезпеченія собственнаго избранія въ конгрессъ на вторичный срокъ, въ качествѣ „отмѣнно полезнаго для своихъ избирателей человѣка".

Какъ бы ни разрѣшился вопросъ о національной ассигновкѣ денегъ на публичныя школы, школьное дѣло въ восточныхъ, среднихъ, а отчасти и западныхъ штатахъ отъ того не пострадаетъ; слишкомъ уже прочно укоренилось здѣсь въ народѣ сознаніе пользы и необходимости безплатныхъ школъ. Одинъ Нью-Іоркъ тратитъ на свои публичныя школы по 5 милл. долларовъ въ годъ. Въ Новой Англіи школьный налогъ, добровольно устанавляемый мѣстнымъ населеніемъ, равняется $^1/_3$ всѣхъ мѣстныхъ налоговъ; а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ на школы идетъ даже почти половина всѣхъ суммъ налоговъ.

Но все-таки, не взирая на эти большія ассигновки, по свидѣтельству другого добросовѣстнаго англійскаго изслѣдователя американской школьной системы [1]), „стоимость народнаго обученія въ Америкѣ не особенно велика. Въ высшихъ школахъ— high schools—тратится по $5^1/_2$ фунтовъ стерлинговъ (55 руб. сер.) на обученіе каждаго ученика въ годъ; въ публичныхъ школахъ большихъ городовъ обученіе каждаго школьника обходится городу въ $2^1/_2$ ф. стерл. (25 руб. сер.) въ годъ; въ сельскихъ мѣстностяхъ Новой Англіи (штаты преимущественно мануфактурные) тратится по $1^1/_4$ ф. стерлинговъ ($12^1/_2$ руб.) въ годъ, а въ земледѣльческихъ западныхъ штатахъ, напр. въ Иллинойсѣ, среднимъ числомъ тратится всего по 10 шиллинговъ на обученіе каждаго ученика", т.-е. по 5 рублей въ годъ.

При такомъ широкомъ развитіи публичныхъ школъ понятно, что число частныхъ школъ въ штатахъ незначительно; въ наиболѣе просвѣщенномъ Массачусетсѣ приходится по одной частной школѣ на каждыя 13 публичныхъ, и всего одинъ ребенокъ изъ 20-ти обучается частнымъ образомъ. Въ западныхъ же штатахъ народонаселеніе вполнѣ довольствуется тѣмъ, что̀ даютъ ему публичныя школы, и частныя школы тамъ весьма рѣдки, тѣмъ болѣе, что на западѣ рѣдки густо населенныя мѣстности, гдѣ только и можетъ процвѣтать высокооплачиваемое частное обученіе.

Существуя такимъ образомъ на средства всей общины, американскія школы во всякое время открыты для осмотра каждому, желающему ихъ видѣть и присутствовать при классныхъ за-

[1]) D. Pidgeon: „Old World questions and New World answers".

нятіяхъ. Школьныя власти, со своей стороны, сознавая фактъ зависимости своего дѣла отъ щедрыхъ ассигновокъ изъ мѣстныхъ суммъ налоговъ, всѣ старанія свои прилагаютъ къ тому, чтобы содержать плательщиковъ налоговъ въ пріятномъ расположеніи духа и „показать свой товаръ лицомъ“; вслѣдствіе того не мало введено въ школьный обиходъ разныхъ декоративныхъ деталей, а дѣти спеціально подготовляются къ тому, чтобъ отличиться передъ посѣтителями, иногда даже заранѣе изучая уроки свои по частямъ—кому какую часть придется отвѣчать, маршируя на показъ съ точностью хорошо дрессированныхъ солдатъ, и проч. Не слѣдуетъ, впрочемъ, предполагать, чтобъ дѣти деморализировались этою системою пусканья пыли въ глаза „налогоплательщикамъ“; здѣшнія дѣти видятъ въ этомъ не обманъ, а законное стремленіе доставить посѣтителямъ удовольствіе, не огорчая ихъ выставкою неказистыхъ сторонъ классной жизни; подобная система выставки лучшей стороны школьныхъ успѣховъ на показъ весьма хорошо приспособлена для ретивыхъ, самолюбивыхъ американскихъ дѣтей: она ограждаетъ ихъ чувствительность, и напряженныя черты ихъ не страдаютъ отъ страха ударить лицомъ въ грязь, давая невѣрные отвѣты посѣтителямъ. Не малое воспитательное вліяніе на дѣтей оказываютъ также строгія требованія начальства насчетъ аккуратности въ костюмѣ и прическѣ, несмотря на то, что въ американскихъ школахъ никакихъ мундировъ не введено, но даже дѣти, наиболѣе бѣдно одѣтыя, всегда имѣютъ приличный видъ, вычищеную обувь и проч. Привычка къ опрятности въ одеждѣ прививается дѣтямъ на всю жизнь; а кому не извѣстно, какая сила самоуваженія и воздержанія кроется для молодежи въ разъ составленной ею привычкѣ всегда сохранять респектабельную внѣшность.

X.

Утилитарный взглядъ народа на школы и зависимость школъ отъ плательщиковъ налоговъ.

Исключительнымъ положеніемъ, занимаемымъ въ Штатахъ публичными школами, равно какъ и выше отмѣченными особенностями американскихъ воззрѣній на цѣль школьнаго образованія должна, кажется намъ, объясняться и та свобода, съ которою возвращаются въ школу и занимаютъ мѣсто среди дѣтей совсѣмъ уже взрослые люди. Въ публичныхъ школахъ Америки никого не задерживаютъ и никому доступъ въ нихъ не воспре-

щають. Залѣнится ли ученикъ, найдетъ ли себѣ заманчивый заработокъ на сторонѣ—онъ перестаетъ посѣщать школу, безъ всякаго объясненія причинъ, за исключеніемъ четырнадцати штатовъ, въ которыхъ посѣщеніе школъ дѣтьми извѣстнаго возраста обязательно; тамъ непосѣщающихъ школъ дѣтей разыскиваетъ полиція и подвергаетъ родителей ихъ штрафу; когда же, съ лѣтами, молодые люди одумываются насчетъ необходимости образованія и находятъ средства нѣсколько мѣсяцевъ пробиться безъ обычнаго заработка, они весьма часто возвращаются въ школу, и имъ, безъ всякаго затрудненія, отводится мѣсто въ ряду со школьными дѣтьми; намъ случалось видать 22-25-лѣтнихъ дѣвушекъ и молодыхъ людей, вернувшихся такимъ образомъ въ классы, состоявшіе изъ 10-12-лѣтнихъ дѣтей, и никто не находилъ этого страннымъ, никто надъ ними не смѣялся и сами они не стыдились своего желанія восполнить свое образованіе, свободно, въ общемъ разговорѣ, упоминая о своемъ возвращеніи въ школу. Даже и въ тѣхъ слояхъ, которые почитаютъ себя принадлежащими къ „обществу", молодые люди, неудачно начавшіе свою дѣловую карьеру, отправляются иногда пополнять пробѣлы въ своемъ образованіи въ коммерческія училища и въ коллегіи, а молодыя дѣвушки, уже много „выѣзжавшія", также не стыдятся возвращаться иногда въ школы на годъ-другой.

Зависимостью публичныхъ школъ отъ плательщиковъ налоговъ могутъ быть объяснены какъ жизненность школъ, такъ и многія невыгодныя стороны американскаго школьнаго дѣла, и, между прочимъ, употребленіе такого множества неопытныхъ школьныхъ учительницъ. Девять десятыхъ школьныхъ преподавателей—незамужнія женщины, трудъ которыхъ оплачивается дешевле труда учителей-мужчинъ. За одно и то же дѣло учительница получаетъ отъ 300 до 600 долларовъ въ годъ, учитель же — отъ 900 и до 1.200 долларовъ. Къ тому же американскіе плательщики налоговъ преслѣдуютъ двоякую цѣль: давая деньги на школы, они требуютъ также, чтобъ школы отчасти доставляли заработокъ той части народонаселенія, которая, иначе, принуждена была бы жить работой другихъ. Вслѣдствіе этого школьныя учительницы—дѣвушки или вдовы. Лишь только учительница выходитъ замужъ, т.-е., по американскому понятію и выраженію, находитъ себѣ „законнаго содержателя", ее исключаютъ изъ списка учительницъ, чтобъ дать мѣсто женщинамъ необезпеченнымъ. Какими бы педагогическими талантами ни обладала учительница, замужество разомъ отрѣзываетъ ее отъ этой дѣятельности. Потому приходится постоянно наталкиваться на

печальный фактъ, что большинство учительницъ относятся къ своимъ занятіямъ неохотно, смотрятъ на нихъ какъ на временную невзгоду, совсѣмъ не интересуются школьнымъ дѣломъ, ничего дѣльнаго не читаютъ и, подобно большинству американокъ, только и помышляютъ, что о театрахъ, даровыхъ зрѣлищахъ, катаньѣ на конькахъ и балахъ, стремясь повеселиться и заручиться всѣми шансами на то, чтобъ поскорѣе завербовать себѣ избавителя-мужа.

Люди, наиболѣе близко стоящіе къ школьному дѣлу, говаривали мнѣ, что можно съ увѣренностью сказать, что 19 учительницъ изъ 20-ти вступаютъ на это поприще лишь съ тѣмъ, чтобы бросить его при замужествѣ, не говоря о томъ, что сами дѣвушки учатся менѣе времени, нежели мужчины.

Правда, что за послѣднее время въ Штатахъ возникло множество учительскихъ семинарій, такъ-называемыхъ здѣсь normal schools, которыхъ въ Штатахъ теперь насчитывается 220 съ 26.000 воспитанниковъ; въ одномъ штатѣ Нью-Іоркѣ числится 152 учительскихъ семинаріи съ 1.189 преподавателями, на которыя ежегодно тратится по 170.000 долларовъ, т.-е. около 350.000 рублей. Семинаріи эти во многомъ уступаютъ учительскимъ семинаріямъ Европы, но и онѣ не особенно здѣсь популярны: кому изъ дѣвушекъ, ищущихъ учительскаго заработка, будетъ охота тратить три года жизни на изученіе дѣла, которому, въ случаѣ замужества, не будетъ уже никакого примѣненія внѣ семьи, а семьи можетъ и не быть? Къ тому же школьное начальство находитъ, что учительницы, кончившія курсъ семинарій, слишкомъ педантичны и неподатливы сообразоваться съ требованіями минуты, и потому предпочитаютъ учительницъ безъ спеціальныхъ дипломовъ на педагогическую дѣятельность. Въ общей сложности надо, однако, сказать, что—подготовленныя къ своему дѣлу или нѣтъ—здѣшнія учительницы, будучи надѣлены обще-американскими чертами энергіи, живости и расположенія къ дѣтямъ, справляются весьма удовлетворительно съ учительскимъ дѣломъ, къ которому женщина всегда имѣетъ болѣе естественной склонности, чѣмъ мужчина.

Было бы вполнѣ ошибочно предполагать, чтобы учителя-мужчины были въ Штатахъ многимъ лучше учительницъ, и этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что учительская дѣятельность мало кого прельщаетъ, и къ ней мужчины также прибѣгаютъ какъ къ дѣлу временному. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу извѣстная въ Штатахъ женщина-журналистъ, миссъ Доджъ, въ своей книгѣ: „Our Common School System“, которую она недавно

издала подъ своимъ псевдонимомъ Gay Hamilton [1]): „Я пишу въ мѣстности (въ Новой Англіи), гдѣ всегда учили въ школахъ мужчины—и всегда это были мужчины, которымъ, такъ или иначе, не повезло въ другихъ занятіяхъ, или же которые готовились вступить на другія профессіи и учили лишь временно, въ видахъ денежнаго подспорья, или, наконецъ, такіе люди, которые учили въ школѣ, ведя одновременно съ тѣмъ какое-нибудь другое дѣло; для этихъ учителей учительская дѣятельность никогда не была ихъ жизненной профессіей"... Несмотря на сравнительно высшую противъ женщинъ плату, которую получаютъ за свою дѣятельность учителя въ публичныхъ школахъ, плата эта слишкомъ однако мизерна для того, чтобъ привлекать на это поприще лучшія силы въ странѣ, гдѣ даже рабочій, не изучившій никакого ремесла, смѣло можетъ разсчитывать на заработокъ въ 60 долларовъ въ мѣсяцъ, а плотники и каменьщики, напримѣръ, получаютъ по три съ половиною и по четыре доллара въ день, чтò на русскія деньги по курсу составитъ отъ семи и до девяти рублей на день! Можно бы подумать, что все-таки много людей предпочли бы состоять учителями скорѣе, чѣмъ возводить кирпичныя стѣны десяти и четырнадцати-этажныхъ домовъ. Но въ Америкѣ многія европейскія понятія совсѣмъ не имѣютъ курса, и учительская профессія здѣсь далеко не многимъ является предпочтительнѣе плотничьяго ремесла. Въ подтвержденіе привожу слѣдующія строки изъ оффиціальнаго доклада одного изъ здѣшнихъ школьныхъ инспекторовъ.

„Учительская профессія не облечена въ Штатахъ достоинствомъ, — говорится въ этомъ докладѣ: — весьма часто — я чуть было не сказалъ: въ. большинствѣ случаевъ — учительской профессіи предаются за неимѣніемъ лучшаго дѣла, или же въ ожиданіи того, когда навернется что-нибудь болѣе подходящее, и часто самъ учитель раздѣляетъ всеобщій взглядъ публики на учительскую профессію, какъ на дѣло, которымъ не только нечего гордиться, но котораго скорѣе приходится даже стыдиться... Учитель не гордится своею дѣятельностью, какъ гордится, напр., своей профессіей адвокатъ—и это является вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія и имѣетъ за себя вѣское основаніе. Публика требуетъ отъ адвоката хорошаго образованія и высокой степени развитія, тогда какъ въ учителѣ мирятся со всѣмъ"...

Но американская живая, энергическая природа, неспособная ни къ чему относиться вяло и безучастно, искупаетъ многіе не-

---

[1]) Miss Dodge: „Our Common School System", стр. 308.

достатки, заслоняетъ собою многіе и важные пробѣлы образованія. И въ дѣйствительности мы видимъ, что въ американскихъ школахъ, несмотря на личные недостатки и неподготовленность учителей, ученье идетъ живо и успѣшно, не гонясь, конечно, за преслѣдованіемъ особенно высокихъ задачъ; можно даже съ увѣренностью сказать, что самый ученый и гуманно-развитой изъ европейскихъ педагоговъ не смогъ бы справиться, напр., съ классомъ въ 60 человѣкъ американскихъ дѣтей и вести преподаваніе такъ живо и успѣшно, какъ американскіе учительницы и учителя городскихъ публичныхъ школъ: безучастія своего къ школьному дѣлу они уже, конечно, въ классѣ не выказываютъ. Одно можетъ быть этимъ учителямъ поставлено въ упрекъ, и именно, что ихъ система обученія слишкомъ жива и для дѣтей интересна; что они слишкомъ облегчаютъ ученіе и этимъ обезсиливаютъ своихъ учениковъ, которымъ лучше порою добиваться всего собственными усиліями, пріучаться стоять на своихъ ногахъ, умѣть пользоваться тѣмъ, что даютъ имъ учебники, и самимъ усвоивать ихъ содержаніе. Но въ этомъ учителей трудно винить: американскія школьныя правила настаиваютъ на томъ, чтобы дѣти всѣ знанія усвоивали себѣ въ классѣ и не утруждались бы уроками на дому.

Мистеръ Фрэзеръ, членъ упомянутой англійской коммиссіи, воздаетъ горячія похвалы американскимъ учителямъ въ своемъ докладѣ:

„Американскіе учителя, — говоритъ этотъ писатель, — надѣлены необычайнымъ самообладаніемъ, энергіей, неустрашимостью, даромъ водворенія дисциплины: они—тверды, не будучи строгими; терпѣливы, не вдаваясь въ слабость; ихъ методы преподаванія весьма живы и изобилуютъ примѣрами и поясненіями. Въ ихъ рукахъ не заснулъ бы никакой классъ на свѣтѣ, и они горятъ похвальнымъ желаніемъ вызвать одобреніе своей школы; они немного слишкомъ чувствительны къ критикѣ, немного слишкомъ падки до похвалъ, но все же они—дѣятели весьма полезные на благородной аренѣ народнаго образованія“.

Дисциплинарныя способности американскихъ учителей и учительницъ, вызывающія на такія похвалы всѣхъ европейцевъ, тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ большинствѣ штатовъ весьма лишь недавно отмѣнена система тѣлесныхъ наказаній въ школахъ, тогда какъ въ другихъ штатахъ она и по сію пору держится съ извѣстными ограниченіями.

Смотря на тѣлесное наказаніе въ школахъ съ точки зрѣнія американскихъ учителей, трудно осуждать его безусловно; слѣ-

дуетъ припомнить, что имъ рѣдко кто могъ бы злоупотреблять въ странѣ, гдѣ царитъ такая широкая гласность и гдѣ, вообще, къ дѣтямъ относятся чрезвычайно мягко. Намъ лично приходилось говорить объ этомъ со многими просвѣщенными и гуманными людьми: съ пасторами, начальниками школъ, родными дѣтей и другими лицами, близко изучавшими нужды мѣстныхъ школъ; и, въ большинствѣ случаевъ, собесѣдники наши *отстаивали* пользу тѣлеснаго наказанія, говоря, что приходится изъ двухъ золъ выбирать меньшее, и что всегда лучше, въ интересахъ самихъ дѣтей, подвергнуть ихъ чувствительному тѣлесному наказанію, чѣмъ исключать ихъ изъ школы за неисправимость и лѣность. Многіе здѣсь —и весьма основательно—держатся того мнѣнія, что школы не имѣютъ моральнаго права исключать учениковъ, умывать въ ихъ негодности руки и возвращать ихъ на попеченіе тѣхъ самыхъ родителей, которые и прежде не умѣли ихъ воспитать, а платятъ вмѣстѣ со всѣми школьные налоги, въ законномъ предположеніи того, что, взимая съ нихъ деньги, школы должны за то умѣть справляться и съ дѣтьми ихъ. Возникаетъ и тотъ вопросъ: насколько безопасно для самой страны водвореніе системы, въ силу которой изъ школъ исключаются негодные ученики, которые затѣмъ проводятъ время на улицахъ, гдѣ естественно попадаютъ въ сообщество негодяевъ, пьяницъ и бродягъ, которые одни располагаютъ полнымъ досугомъ въ тѣ часы, когда другія дѣти и все взрослое населеніе городовъ предаются своимъ законнымъ дѣламъ и занятіямъ.

Поговариваютъ теперь о томъ, чтобы неисправимыхъ обычными средствами дѣтей передавать на время въ „исправительныя школы“; и весьма вѣроятно, что къ этому, въ концѣ концовъ, и прибѣгнутъ, хотя тамъ, гдѣ еще удерживается тѣлесное наказаніе, трудно противъ него возражать. Оно обставлено такими ограниченіями на случай возможныхъ злоупотребленій со стороны дурныхъ учителей: въ Огайо, напр., при всякомъ случаѣ примѣненія тѣлеснаго наказанія учитель обязанъ представить въ училищный совѣтъ полный докладъ о провинностяхъ ученика, доказательства того, что онъ, учитель, съ своей стороны испробовалъ всѣ, и какія именно, средства къ исправленію ребенка, прибѣгалъ къ содѣйствію его родителей, и что все это не привело къ желаннымъ результатамъ.

Но какъ бы ни велись американскія школы, одинъ фактъ неоспоримъ—что онѣ прекрасно отвѣчаютъ своему назначенію.

Вотъ что̀ пишетъ одинъ высокообразованный американецъ, протестантскій пасторъ, Rev. Leonard Woolsey Bacon, изъѣз-

дившій добрую половину земного шара и основавшійся на время для отдыха въ Швейцаріи:

„Пріятель мой, сельскій пасторъ, жившій рядомъ со мной въ одномъ изъ предмѣстьевъ Женевы, былъ весьма заинтересованъ, когда я ему какъ-то сказалъ, что при нашей американской системѣ публичныхъ школъ мы имѣемъ худшія школы, но лучшее образованіе, нежели въ Швейцаріи; что обыкновенный мальчикъ у насъ обучается гораздо хуже, а обыкновенный взрослый мужчина у насъ знаетъ гораздо больше того, что̀ знаетъ обыкновенный швейцарецъ. Женева гордится своею системою народнаго обученія: обученіе это, начиная съ низшей школы и съ университетомъ включительно, направляется указаніями, получаемыми изъ „бюро народнаго образованія“, расположеннаго въ женевскомъ hôtel de ville. И бюро это, конечно, ведетъ дѣло весьма хорошо: само величіе правительства направлено на поддержаніе престижа школъ. Бюро это не можетъ быть и сравнено съ обычнымъ школьнымъ участковымъ комитетомъ, которымъ мы пробавляемся въ Америкѣ —до того лучше и совершеннѣе это бюро: а все-таки остается неизмѣннымъ фактъ, что народъ въ Швейцаріи далеко не такой развитой, какъ нашъ. Это бросается въ глаза даже при поверхностномъ взглядѣ на лица швейцарцевъ и подтверждается множествомъ статистическихъ данныхъ, какъ, напр., при годичномъ экзаменѣ, установленномъ для новобранцевъ въ мѣстную милицію, въ которую вербуются всѣ здоровые молодые люди извѣстнаго возраста. Среди этихъ новобранцевъ такъ великъ процентъ тѣхъ, которые забыли все, чему обучались въ школахъ, что этотъ предметъ начинаетъ сильно безпокоить всѣхъ друзей національнаго образованія.

„—Но въ чемъ же заключается разница?—спросилъ меня мой пріятель, швейцарскій пасторъ:—мы съ вами одинаково живемъ въ странахъ съ свободными учрежденіями. Свобода и равенство, пожалуй, даже прочнѣе заложены въ основѣ нашей конституціи, нежели вашей. И здѣсь—какъ у васъ—каждый гражданинъ чувствуетъ себя подъ возбуждающимъ вліяніемъ неограниченной карьеры, открытой передъ нимъ. Немудрено, что въ такой странѣ, какъ Пруссія, напримѣръ, при всей распространенности въ ней прекрасныхъ школъ, подростающее крестьянское населеніе снова впадаетъ въ тупоумную безграмотность просто по недостатку случая къ примѣненію того, что̀ имъ пріобрѣтено въ школѣ. Швейцарія же — страна вполнѣ свободная, и здѣсь каждый мужчина принимаетъ участіе въ общенаціональныхъ дѣлахъ.

„—Именно,—возразилъ я:—какъ разъ такъ: всякій у васъ

принимаетъ участіе въ дѣлахъ „общенаціональныхъ“, но отнюдь не въ томъ, чтò касается муниципальнаго самоуправленія дѣлъ прихода или мѣстныхъ школъ. А чтò было бы, еслибы все ваше взрослое поколѣніе забрало себѣ въ голову самому руководить школами—не пошло ли бы у васъ дѣло иначе?

„—Конечно, пошло бы—и изрядную они заварили бы въ школахъ кашу!

„—Да, это вторженіе, конечно, сокрушило бы прекрасную симметрію вашей школьной системы; но со временемъ оно доставило бы вамъ именно то, чтò имѣется у насъ въ Америкѣ: образовало бы у васъ сельское населеніе, способное руководить школами своихъ собственныхъ дѣтей. Вы, швейцарцы, не вѣрите въ американскій принципъ, что для общины лучше самой управлять своими дѣлами и управлять ими дурно, чѣмъ допустить ихъ управляться прекрасно со стороны. Ваша демократія — того же типа, что и во Франціи, гдѣ народу почти одно только то и дается, что голосъ въ установленіи центральнаго правительства, которое затѣмъ забираетъ въ свои руки направленіе всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять ихъ на усмотрѣніе мѣстнаго населенія, ближе всего въ этихъ дѣлахъ заинтересованнаго.

„Такимъ путемъ,—заканчиваетъ свой разсказъ д-ръ Бэконъ, — не щадя словъ и аргументовъ, едва удалось мнѣ убѣдить своего собрата, швейцарца, въ томъ, что лучшее образованіе американцевъ слѣдуетъ приписать не тому, въ самомъ дѣлѣ, факту, что у насъ существуютъ худшія школы, а тѣмъ особенностямъ нашей жизни, которыя мѣшаютъ нашей школьной системѣ усовершенствоваться“.

XI.

Трудность жизненной борьбы при измѣнившихся за послѣднюю четверть вѣка условіяхъ.

Одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ американской школьной системы несомнѣнно заключается въ томъ, что ею охраняется въ странѣ то дѣйствительное равенство всѣхъ классовъ, вводится въ жизнь то пресловутое „égalité“, которое во Франціи, наприм., красуясь гигантскими буквами на зданіяхъ и даже на заборахъ, нимало не проникаетъ въ духъ націи, возращенной подъ иными традиціями.

Хорошо отвѣчая своему назначенію, публичныя школы Аме-

рики привлекаютъ въ свои стѣны даже дѣтей наиболѣе зажиточныхъ гражданъ, не одобряющихъ односторонности и обособленности частныхъ школъ; путемъ публичныхъ школъ бѣдный и богатый мальчики идутъ по одной дорогѣ, имѣютъ время приглядѣться другъ къ другу, сжиться общими интересами, и эти общія впечатлѣнія дѣтства являются затѣмъ нѣкотораго рода соединительнымъ звеномъ между американцами самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, предупреждая возможность столь опаснаго для республики отчужденія богатыхъ слоевъ населенія отъ бѣдныхъ. Теперешнія публичныя школы Америки—учрежденіе чисто демократическое, въ которомъ дѣти бѣдныхъ получаютъ наилучшее по возможности образованіе на счетъ гражданъ богатыхъ, платящихъ наибольшій школьный налогъ.

Но, несмотря на всѣ эти выгодныя стороны обученія въ публичныхъ школахъ, оно имѣетъ также и свои невыгоды — главнымъ образомъ въ томъ, что публичныя школы развиваютъ юношество лишь умственно, направлены къ тому, чтобы открыть молодежи доступъ къ болѣе высокому и также безплатному образованію, не давая ей въ то же время никакой технической подготовки къ какому бы то ни было практическому дѣлу. А между тѣмъ изъ каждыхъ ста учениковъ публичныхъ школъ не болѣе пяти человѣкъ идутъ въ коллегіи и университеты; бо̀льшая же часть остальныхъ не доканчиваетъ и курса публичныхъ школъ, будучи рано принуждена искать своего заработка. Сыновья людей ограниченныхъ средствъ получаютъ теперь въ школахъ довольно высокое образованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и отвращеніе къ ручному труду, при которомъ трудно всегда сохранять внѣшность джентльмена. Молодежь эта стремится занять мѣста въ магазинахъ, конторахъ, въ правительственныхъ департаментахъ—готова идти на самое ничтожное жалованье, выносить всевозможныя лишенія, лишь бы добиться работы умственной, а не ручной, проводить дни свои въ чистой обстановкѣ, а не въ мастерской. Но и тутъ дѣло опять поставлено не такъ, какъ въ прежнія времена, когда молодой человѣкъ, вступившій въ какую-нибудь торговую контору или фирму, являлся туда рано, мелъ комнаты, разводилъ огонь, бѣгалъ для старшихъ въ ресторанъ за завтракомъ, или же—если онъ состоялъ младшимъ партнеромъ у адвоката — не только переписывалъ бумаги, но разносилъ записки, бѣгалъ въ банкъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все, чего бы отъ него ни потребовали. Теперь подобный образъ дѣйствія почитался бы постыднымъ для всякаго молодого человѣка на джентльменскомъ мѣстѣ, старающагося сохранить барскую внѣшность; да и мѣста

эти переполнены такъ, что когда случилось, напримѣръ, одной торговой фирмѣ Филадельфіи публиковать о желаніи своемъ найти бухгалтера, то въ отвѣтъ на одну публикацію явилось сразу 673 кандидата съ предложеніемъ своего труда за плату, не превышающую двухъ третей обычнаго заработка хорошаго мастерового. Вашингтонское министерство внутреннихъ дѣлъ публиковало требованіе на 400 клерковъ—желающихъ явилось 5.000 человѣкъ! А между тѣмъ хорошихъ ремесленниковъ въ странѣ становится все меньше и меньше, съ тѣхъ поръ какъ рабочіе союзы уничтожили прежнюю систему „ученичества", постановивъ, что каждому дѣлу можетъ обучаться подмастерьевъ лишь въ семь разъ меньше всего числа взрослыхъ рабочихъ, какое состоитъ при данномъ дѣлѣ. Къ тому же старая система ученичества у мастеровыхъ требовала затраты двухъ-трехъ лѣтъ времени отъ мальчика: для многихъ—срокъ слишкомъ долгій; а новѣйшія техническія школы для малолѣтнихъ до сей поры плохо прививаются въ Штатахъ вслѣдствіе неразумной оппозиціи рабочихъ союзовъ и тѣхъ руководителей народнаго образованія, которые утверждаютъ, будто бы введеніе техническаго обученія въ публичныхъ школахъ непремѣнно должно повести къ пониженію общеобразовательнаго уровня въ странѣ. Между тѣмъ дилеттантамъ бываетъ теперь рѣшительно некуда пристроиться. Прежде молодежь допускалась на работѣ учиться дѣлу, какъ, напр., видѣли мы на примѣрахъ Эдисона, Корнелля, Боннера и другихъ; теперь же молодой человѣкъ не можетъ добиться никакого дѣла иначе какъ облекшись во всеоружіе полнаго знанія дѣла. „Намъ неумѣлыхъ рабочихъ и даромъ не надо: некогда возиться съ ними", говорятъ хозяева. А гдѣ же, спрашивается, человѣку обучиться ремеслу, если въ подмастерья его не берутъ, а ремесленныхъ училищъ не существуетъ? Потому здѣшніе хозяева и вынуждены брать искусныхъ мастеровыхъ изъ числа прибывающихъ сюда эмигрантовъ или же выписывать ихъ нарочно за дорогую плату изъ Европы, тогда какъ своей молодежи не къ чему приложить рукъ, и отцу-ремесленнику приходится порою видѣть, какъ сыновья его пропадаютъ, не имѣя работы, онъ же не въ состояніи имъ помочь, такъ какъ правила рабочихъ союзовъ запрещаютъ ему учить своему ремеслу даже собственныхъ своихъ дѣтей.

Немногимъ лучше представляется положеніе многихъ молодыхъ людей, получившихъ высшее образованіе—научное и техническое. Трудности, которыми обставлено для нихъ снисканіе приличнаго заработка, таковы, что подали уже и здѣсь поводъ къ

крикамъ объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ существованіемъ въ странѣ цѣлаго класса „образованнаго пролетаріата“ — the educated unemployed.

Трудно здѣсь пробиваться впередъ даже тѣмъ молодымъ людямъ, которые съ успѣхомъ окончили курсъ въ техническихъ институтахъ—и это, не взирая на то, что, по словамъ такихъ серьезныхъ наблюдателей здѣшней жизни, какъ Джемсъ Партонъ, напримѣръ, „въ этой новой странѣ въ теченіе еще по крайней мѣрѣ пятидесяти лѣтъ никому не суждено играть первенствующей роли иначе, какъ отдаваясь руководству матеріальныхъ силъ и рессурсовъ страны“. Многіе изъ молодыхъ техниковъ и инженеровъ, за неимѣніемъ лучшаго дѣла, поступаютъ на мѣста простыхъ рабочихъ и кочегаровъ на фабрики и заводы—въ той надеждѣ, что ихъ высшая подготовка привлечетъ, наконецъ, вниманіе людей, стоящихъ во главѣ дѣла и обезпечитъ имъ заработокъ, болѣе соотвѣтственный тѣмъ затратамъ во времени, силахъ и деньгахъ, какія понесены ими для полученія высшаго образованія. А въ ожиданіи этого вожделѣннаго времени эти образованные молодые люди облекаются въ обычный кожаный рабочій костюмъ и работаютъ, какъ простые рабочіе, по десяти часовъ въ сутки на кузницахъ и въ мастерскихъ большихъ корпорацій, иногда—за ничтожную плату пяти сентовъ за рабочій часъ. Конечно, и тутъ терпѣніе и знаніе, рано или поздно, выходятъ изъ борьбы побѣдителями.

Что касается до молодыхъ медиковъ и адвокатовъ, имъ приходится годы перебиваться въ нуждѣ, пока удастся стать на ноги въ своей профессіи, а иногда они не достигаютъ этого во всю свою жизнь: и нѣтъ въ томъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе то, что, по народной переписи 1880 года, въ Штатахъ насчитывалось 85.671 человѣкъ медиковъ всѣхъ школъ— по одному на каждые 585 человѣкъ жителей; адвокатовъ 64.437 человѣкъ, а пасторовъ 64.698 человѣкъ — по одному на каждые 775 чел. жителей Соединенныхъ Штатовъ.

Одною изъ несомнѣнныхъ причинъ этого избытка предложенія передъ спросомъ на людей высшихъ профессій является, конечно, то обстоятельство, что число молодежи, кончающей курсъ въ американскихъ коллегіяхъ, за послѣдніе годы значительно противъ прежняго увеличилось. До сей поры ряды студентовъ въ коллегіяхъ пополнялись больше сыновьями людей образованныхъ, но не особенно богатыхъ—преимущественно пасторовъ, докторовъ, адвокатовъ; исключеніе представляли собою лишь сыновья тѣхъ богатыхъ плантаторовъ, которые почему-ни-

будь не подчинялись державшемуся тогда среди южанъ обычаю посылать сыновей своихъ доканчивать свое образованіе въ университеты Англіи. Теперь же коллегіи запружены сыновьями богачей того класса, который почти не существовалъ въ странѣ до періода войны 1861—65 годовъ. А эти молодые люди, по вступленіи въ жизнь, принуждены опять пробивать себѣ дорогу своими силами, такъ какъ американскіе отцы, какъ бы ни велико было ихъ состояніе, рѣдко даютъ деньги взрослымъ сыновьямъ, ограничивая все свое пособіе имъ тѣмъ, что разрѣшаютъ имъ жить на всемъ готовомъ въ родительскомъ домѣ, чѣмъ рѣдкій юноша желаетъ долго пользоваться.

Въ намѣченныхъ въ этой статьѣ различныхъ категоріяхъ американскихъ богачей, пробившихся въ люди собственными средствами, читатель найдетъ весьма немного лицъ, получившихъ хотя бы самое скромное школьное образованіе. Всѣ они пробивались снизу вверхъ единственно силою своей энергіи, настойчивости, наблюдательности, талантомъ пользоваться людьми и примѣнять обстоятельства въ свою пользу. И эта особенность карьеры американскихъ удачниковъ не уклонилась отъ вниманія современниковъ: находится даже и теперь много людей, упорно настаивающихъ на томъ, что эти богачи оттого и добились успѣха въ жизни, что не вдавались въ область какихъ-нибудь теорій, не тратили дорогого времени на сидѣнье въ школахъ, а руководились лишь своимъ здравымъ, практическимъ смысломъ—по вульгарному американскому выраженію: „were endowed with a good deal of horse sense“...

Разсуждающіе такимъ образомъ не только забываютъ, что люди, колоссальные успѣхи которыхъ вызываютъ теперь удивленіе, жили и дѣйствовали при иныхъ условіяхъ и въ такое время, когда конкурренція не была такъ сильна въ странѣ, какъ въ настоящую пору; упускается изъ вида и то, что эти люди, будучи надѣлены исключительною энергіей и способностями, тѣмъ не менѣе сами сознавали невыгоды своего недостаточнаго образованія, не щадили силъ на то, чтобы пополнять его, хотя бы между дѣломъ, и что, наконецъ, большинство ихъ оставило весьма существенныя доказательства своего признанія необходимости образованія въ образѣ тѣхъ коллегій, библіотекъ и другихъ учрежденій для распространенія знанія въ массахъ, которыя богачи устроивали на свои трудовыя деньги, обезпечивая ихъ дальнѣйшее существованіе щедрыми пожертвованіями.

За послѣдніе годы жизненная борьба на прежнихъ основахъ дѣлается все труднѣе и труднѣе, даже и въ западныхъ штатахъ,

менѣе затронутыхъ требованіями новѣйшей цивилизаціи. Конкурренція такъ обострилась и разрослась, что становится все труднѣе пробиваться впередъ однѣми природными способностями, бережливостью, умомъ и энергіей. Конечно, при необычайно благопріятныхъ естественныхъ и политическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится страна, люди исключительно одаренные попрежнему станутъ пробивать себѣ дорогу къ богатству, славѣ и извѣстности; но людямъ среднихъ способностей со дня на день становится все плоше.

Рабочіе сдавлены, какъ въ клещахъ, ограниченіями, налагаемыми на нихъ рабочими союзами съ одной стороны, а съ другой—постоянно идущимъ усовершенствованіемъ машинъ, широкимъ ихъ примѣненіемъ на замѣну ручного труда, и притокомъ огромныхъ массъ рабочихъ рукъ изъ Европы и Канады.

Паровая и водяная двигательная сила, употребляемая на дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ, равняется, въ настоящее время, 3.410.837 лошадинымъ силамъ, изъ чего слѣдуетъ, что за десятилѣтіе съ 1870 по 1880 годъ эта сила въ Штатахъ увеличилась на цѣлыхъ 45%, и за то же время на 56% усилилось производство мѣстныхъ мануфактуръ; улучшеніе въ машинахъ сказалось притомъ тѣмъ, что за то же десятилѣтіе производительность рабочихъ рукъ на фабрикахъ возвысилась на цѣлыхъ 10%.

Понятное дѣло, что соотвѣтственно такому широкому примѣненію усовершенствованныхъ дорогихъ трудосберегательныхъ машинъ должно сокращаться и число отдѣльныхъ лицъ, способныхъ вести производство при новыхъ условіяхъ. Для примѣра можно взять хотя бы одну изъ важнѣйшихъ отраслей мануфактурнаго производства восточныхъ штатовъ: народная перепись указываетъ, что въ 1870 году въ Штатахъ было 3.151 башмачныхъ и сапожныхъ заведеній, гдѣ работало 91.702 человѣка; въ 1880 г. число рабочихъ возросло до 111.152 человѣка, но число самихъ заведеній упало до 1.959, то-есть на цѣлыхъ 38%!

То же замѣчается и по всѣмъ отраслямъ производства: повсемѣстно капиталы проявляютъ склонность концентрироваться, въ ущербъ какъ малымъ капиталамъ, такъ и личной предпріимчивости.

Въ области такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій замѣчается то же самое. Корпораціи, ведущія вѣчную борьбу съ рабочими и ихъ союзами, вездѣ затираютъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Въ адвокатурѣ молодые адвокаты не отъ того одного сидятъ безъ дѣла, что слишкомъ много развелось адвокатовъ, а

главнымъ образомъ потому, что изъ здѣшней жизни все болѣе и болѣе извлекается та область практики, въ которой адвокаты подвизались на первыхъ порахъ, и начинающая молодежь не находитъ уже теперь тѣхъ второстепенныхъ занятій, которыми, въ свое время, пробавлялись ихъ старшіе собраты.

Тотъ самый переворотъ, какой произведенъ въ бытѣ рабочаго примѣненіемъ машинъ, произведенъ и въ бытѣ начинающихъ адвокатовъ—легальными машинами, установившимися въ послѣдніе годы: такъ, кредитная система страны подверглась радикальнымъ измѣненіямъ, и взысканіе долговъ, выпадавшее прежде на долю начинающихъ адвокатовъ, всецѣло передано теперь въ руки торговыхъ агентовъ, которые производятъ эти взысканія съ меньшими затратами и съ точностью и быстротою машины. Разсмотрѣніе и оцѣнка законности легальныхъ документовъ также перешли отъ адвокатовъ къ корпораціямъ, которыя, принимая документы на разсмотрѣніе или принимаясь разыскивать ихъ, выдаютъ заинтересованнымъ сторонамъ общепринятыя здѣсь бумаги, свидѣтельствующія о принятыхъ на себя корпораціей изысканіяхъ,—точно также какъ страховая компанія страхуетъ выходящій изъ порта корабль. Передача земель равнымъ образомъ производится теперь усовершенствованнымъ способомъ. Журналы юридическіе оплакиваютъ уменьшеніе тяжбъ среди всѣхъ классовъ американскаго общества—совсѣмъ такъ же, какъ фермеры жалуются на засуху. Ко всѣмъ этимъ невыгоднымъ условіямъ, съ которыми приходится бороться молодымъ юристамъ, начинающимъ свою карьеру, слѣдуетъ присоединить и то обстоятельство, что въ правовѣденіи образовалось за послѣднее время столько спеціальныхъ отраслей, что всѣхъ ихъ невозможно изучить одному адвокату; а такъ какъ невозможно же адвокату, желающему сохранить свой авторитетъ, отсылать его къ другому адвокату, которому лучше знакома данная отрасль дѣла, то устроиваются фирмы изъ нѣсколькихъ партнеровъ-адвокатовъ и множества клерковъ. За какимъ бы дѣломъ кліентъ въ такую адвокатскую фирму ни явился — его немедленно направятъ къ тому члену фирмы, который изучилъ данную спеціальность; нѣкоторые члены подобныхъ фирмъ никогда и въ суды не показываются, о другихъ публика ничего не слышитъ, а между тѣмъ такіе адвокаты иногда надѣлены высокими талантами, обширнымъ знаніемъ и зарабатываютъ свыше пятидесяти тысячъ долларовъ въ годъ. Понятное дѣло, что съ такими фирмами начинающему адвокату тягаться невозможно, а приходится лишь стараться проникнуть какъ-нибудь самому членомъ въ одну изъ подобныхъ фирмъ, за-

нимающихъ въ адвокатской профессіи то же мѣсто, какъ корпораціи среди гражданъ обыденныхъ занятій. Другая черта сходства этихъ ассоціацій состоитъ въ томъ, что крупныя адвокатскія фирмы до значительной степени поглощаютъ всѣ доходныя статьи профессіи — равно какъ крѣпнутъ и растутъ большія корпораціи, поглощая собою маленькія и отнимая законный заработокъ и барыши отъ мелкихъ дѣятелей и незначительныхъ капиталистовъ.

Такого же рода партнерскія ассоціаціи образуются медиками, дантистами,—повсюду возникаетъ стремленіе къ ассоціаціямъ въ виду самозащиты и взаимной помощи въ трудной жизненной борьбѣ.

Съ другой стороны возникаютъ здѣсь и серьезныя попытки къ тому, чтобы проложить учащемуся юношеству новые пути къ дѣятельности, указать ему новыя сферы для примѣненія научнаго знанія. Недавно еще одинъ весьма высокочтимый здѣшнею молодежью адвокатъ—Адамсъ, сынъ покойнаго президента Соединенныхъ Штатовъ—обратился къ студентамъ одного изъ старыхъ восточныхъ университетовъ съ рѣчью, въ которой указалъ имъ на весьма выгодную и вполнѣ еще неизвѣданную для ученой молодежи карьеру дѣятельности—а именно, на желѣзно-дорожное дѣло. Управленіе огромными желѣзно-дорожными линіями становится со дня на день все труднѣе, и требуетъ столькихъ же знаній и способностей—если не болѣе—сколько требуется ихъ на управленіе цѣлымъ малымъ государствомъ. А между тѣмъ все дѣло управленія желѣзными дорогами, при всѣхъ сложныхъ его разсчетахъ, находится въ рукахъ людей низкаго уровня образованія, пробившихся вверхъ съ низшихъ ступеней службы и проявляющихъ многіе недостатки слабаго образованія. Почему,— спрашиваетъ Адамсъ,—не постараться университетской молодежи пробиться на это поприще, хотя бы также начиная съ низшихъ ступеней желѣзно-дорожной іерархіи?

XII.

Закладка новыхъ путей и примѣненіе къ новымъ условіямъ.

Натурально, что естественная тенденція корпорацій расти и крѣпнуть на счетъ болѣе слабыхъ и неорганизованныхъ дѣятелей общества дѣлаетъ эти ассоціаціи весьма непопулярными въ народѣ и возбуждаетъ серьезныя опасенія среди гражданъ, которые видятъ, какъ корпораціи со дня на день все болѣе и болѣе забираютъ въ руки предметы, необходимые для народнаго потреб-

ленія. Пока корпораціи довольствовались дѣломъ страхованія, захватомъ желѣзно-дорожныхъ линій, телеграфовъ, телефоновъ и другихъ крупныхъ предпріятій, находившихся прежде въ рукахъ частныхъ лицъ, непопулярность ихъ была еще не такъ велика; но когда онѣ пытаются вырывать водопроводы изъ рукъ муниципалитета, когда онѣ захватили всѣ прежнія мелкія газовыя общества, заставляя гражданъ платить за газъ баснословныя цѣны, когда фермеры не могутъ болѣе разсчитывать ни на какой доходъ со своихъ фермъ и принуждены браться за огородничество и садоводство—возможныя лишь по близости большихъ городовъ,—или же совсѣмъ бросать хлѣбопашество по невозможности бороться съ корпораціями, воздѣлывающими свои гигантскія фермы на западѣ посредствомъ цѣлыхъ полковъ рабочихъ, дрессированныхъ какъ солдаты, и самыхъ дорогихъ и усовершенствованныхъ машинъ, доводя цѣну производства и перевозки своихъ продуктовъ до minimum'а, продавая ихъ также по нижайшей цѣнѣ и тѣмъ не менѣе реализируя огромные барыши,—тогда гражданамъ поневолѣ приходится призадумываться.

Правда, что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія собственность корпорацій въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, облагается вчетверо бóльшими пошлинами, чѣмъ предпріятіе частныхъ фирмъ и лицъ; но дѣятельность корпорацій такъ доходна, что онѣ все-таки растутъ. Что же касается до того, что, по конституціямъ штатовъ, корпораціи и компаніи на акціяхъ обязаны представлять отчеты своей дѣятельности въ законодательныя собранія, которыя должны регулировать ихъ и оберегать народные интересы, — то этотъ предметъ представляетъ въ настоящее время одно изъ самыхъ чувствительныхъ наболѣвшихъ мѣстъ въ американскомъ соціальномъ организмѣ.

Дѣло въ томъ, что народъ изъвѣрился въ способность законодательныхъ собраній и конгресса бороться противъ зла, противиться захватамъ и своеволію корпорацій, равно какъ не видитъ онъ возможности частнымъ лицамъ добиться справедливости тамъ, гдѣ ихъ интересы приходятъ въ столкновеніе съ интересами корпорацій. Народъ склоненъ упускать изъ вида то обстоятельство, что сами корпораціи вызваны къ жизни настоятельными требованіями вѣка, невозможностью для мелкихъ капиталистовъ выгодно вести дѣла каждому въ отдѣльности, при необходимости громадныхъ затратъ на машины и новѣйшія приспособленія труда; онъ видитъ только, что корпораціи затираютъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, третируютъ рабочихъ какъ „машинное мясо", оставаясь сами въ тѣни, подъ удобною личиною „фиктивныхъ лицъ" — того

термина, которымъ корпораціи вѣрно обозначены на языкѣ законовѣдовъ. Народъ забываетъ, что дѣятельность корпорацій дѣлаетъ массамъ доступными многія статьи потребленія, которыя были бы имъ недоступны, еслибы производились не въ громадныхъ размѣрахъ, а понемногу, частными лицами: всѣ эти соображенія стушевываются и блѣднѣютъ при распространяющихся въ народѣ слухахъ о томъ, какъ „фиктивныя лица" — корпораціи и такія „активныя лица", какъ архи-милліонеръ Джей Гульдъ и ему подобные, силою денегъ, при полномъ отсутствіи того, что называется на обычномъ языкѣ „совѣстью", забираютъ въ свои руки, посредствомъ подкупа, законодательныя собранія, гдѣ можно — проводятъ въ суды своихъ креатуръ [1]), завербовываютъ на защиту своихъ интересовъ самыя крупныя адвокатскія силы въ странѣ, недоступныя, по высокой цѣнѣ своей, карману частныхъ лицъ.

Удивительно ли, что при этой роли корпорацій всѣ классы гражданъ съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ стали за послѣднее время на сторону стачниковъ-рабочихъ, возставшихъ въ разныхъ концахъ Союза противъ корпорацій? Мудрено ли, что, при такомъ расположеніи народа, симпатіи его сказались за стачниковъ, несмотря даже на то, что во многихъ отношеніяхъ рабочіе очевидно являлись неправыми.

И общественное мнѣніе, заявивъ себя на этотъ разъ весьма категорично, вынудило корпораціи на сдачу и во многомъ понизило ихъ тонъ. „Фиктивныя лица",—о которыхъ здѣсь говорится, что „у нихъ нѣтъ души, которую можно бы проклясть, ни тѣла, которое можно бы наказать",—тѣмъ не менѣе надѣлены значительною дозою здраваго смысла и инстинкта самосохраненія, и знаютъ, что, какъ ни велика ихъ власть, она зиждется лишь на извѣстной неохотѣ гражданъ выступать изъ обычной своей колеи, чтобы карать зазнавшихся и провинившихся лицъ, хотя бы и „фиктивныхъ", но все-таки дѣйствію закона подлежащихъ.

Кажущаяся инерція общества по отношенію къ завѣдомымъ злоупотребленіямъ является продуктомъ той самой особенности американскаго національнаго характера, которая вливаетъ столько консерватизма въ законодательную дѣятельность народныхъ представителей. И этотъ консерватизмъ одновременно является какъ источникомъ силы, такъ и слабостью общественнаго организма. Природный національный темпераментъ американцевъ, внушаю-

---

[1]) Къ чести судебнаго персонала Штатовъ надо присовокупить, что въ дѣйствительности подобные случаи весьма рѣдки, равно какъ и случаи подкупа судей; но народное воображеніе весьма склонно въ этомъ отношеніи дѣлать изъ мухи слона.

щій имъ такую нелюбовь къ перемѣнамъ, что народъ прибѣгаетъ къ нимъ лишь по настоятельной въ томъ нуждѣ, является въ то же время самымъ вѣрнымъ залогомъ прочности ихъ учрежденій, тотъ же консервативный инстинктъ обставляетъ законодательную область государственнаго организма такими затрудненіями, что новые законы проводятся весьма медленно, но за то всесторонне обсуждаются. Силою общественнаго консерватизма, внушающаго массамъ неохоту къ радикальнымъ нововведеніямъ, обусловливается непоколебимая устойчивость свободныхъ учрежденій страны; тотъ же консерватизмъ даетъ твердую опору торговлѣ, внушаетъ гражданамъ необходимую увѣренность въ дѣлѣ крупныхъ предпріятій, является залогомъ обогащенія страны и обезпеченіемъ общаго спокойствія и благоденствія. Въ медленномъ устраненіи злоупотребленій тотъ же консерватизмъ представляется народною слабостью, но отнюдь еще не органическимъ порокомъ общественной организаціи.

Народъ, проявившій свою честность и энергію на столь многихъ поприщахъ, завоевавшій себѣ, благодаря этимъ общепризнаннымъ чертамъ, такое высокое и прочное положеніе въ міровой торговлѣ, блистательно заявившій живучесть своихъ силъ, выйдя побѣдителемъ изъ долгой гражданской войны и не поступясь принципами, лежащими въ основѣ всѣхъ его учрежденій,— такой народъ неспособенъ долго допускать злоупотребленій, разъ уже симпатіи его пробуждаются въ пользу пострадавшихъ.

Невѣрные слуги отечества—будь они членами законодательныхъ собраній или конгресса — уже изъ примѣровъ прежнихъ лѣтъ знаютъ, что въ періоды выборовъ имъ приходится платиться за свои услуги обществамъ и лицамъ, дающимъ имъ взятки: печать вѣчно держитъ ихъ подъ своимъ всевидящимъ окомъ, обличаетъ самыя потаенныя ихъ дѣйствія, иногда берется даже за дѣло разгадки ихъ мыслей—и всѣ ихъ прошлые грѣхи неизмѣнно провѣтриваются на глазахъ публики въ критическую пору выборовъ, мѣшая ихъ переизбранію. Уже и теперь во всѣ законодательныя собранія страны сыплются враждебные корпораціямъ билли,—и билли эти понемногу проводятся подъ давленіемъ печати, отражающей собою общественное мнѣніе. Одновременно съ этимъ энергично выступаютъ противъ злоупотребленій различныя общеуважаемыя лица въ періодической печати, проповѣдники — со своихъ каѳедръ, профессоры и лекторы—со своихъ трибунъ.

Непомѣрный ростъ состояній частныхъ гражданъ также удостоивается своей доли вниманія отъ законодателей: съ разныхъ сторонъ являются требованія ограниченій возможности сосредото-

ченія громадныхъ богатствъ въ единичныхъ рукахъ; доходятъ даже до того, что предлагаютъ обложить чисто запретительными налогами всѣ капиталы, превосходящіе извѣстную норму—но это уже крайность, мало снискивающая себѣ поборниковъ. Въ народѣ все еще живуче преклоненіе передъ тѣми чертами индивидуальнаго характера, которыя обезпечиваютъ обогащеніе частнымъ лицамъ; теперь, болѣе чѣмъ когда-либо въ прежнее время, избиратели склонны довѣрять дѣла націи законодателямъ, набираемымъ изъ того класса гражданъ, который лучше всего засвидѣтельствовалъ свои дѣловыя способности блистательнымъ веденіемъ своихъ частныхъ дѣлъ; частный успѣхъ слишкомъ высоко чтится въ этой странѣ предпріимчивости, чтобы скоро настала пора кары его въ видѣ обложенія пошлинами тѣхъ результатовъ, которые вызваны усиленнымъ дѣйствіемъ энергіи и изобрѣтательности—этихъ наиболѣе здѣсь уважаемыхъ чертъ человѣческаго характера.

Средній выводъ общественнаго голоса довольно точно выражается, впрочемъ, въ постановленіяхъ, предложенныхъ въ напечатанномъ недавно въ газетахъ письмѣ весьма вліятельнаго и общеуважаемаго здѣсь протестантскаго проповѣдника, доктора Говарда Кросби. Предложеніе имъ нижеслѣдующихъ мѣръ имѣетъ за себя тотъ несомнѣнный вѣсъ, что исходитъ отъ лица, которое по самому положенію своему не можетъ быть заподозрѣно въ демагогизмѣ, разсчитанномъ въ видахъ избранія на какую-нибудь доходную должность, или въ честолюбивыхъ замыслахъ на политическое возвышеніе.

Докторъ Говардъ Кросби исходитъ изъ слѣдующихъ посылокъ: „1) Правительство и законы нашей страны должны оберегать эту страну отъ опасностей, грозящихъ миру и благоденствію. 2) Лица и корпораціи, богатство которыхъ разрослось до такихъ размѣровъ, что можетъ скупать цѣлыя законодательныя собранія, являются опасностью для мира и благоденствія страны. 3) Пріобрѣтеніе и умноженіе такихъ богатствъ должно быть ограничено мудрыми законодательными мѣрами“.

Со словъ доктора Кросби, — мнѣніе котораго раздѣляется въ значительной степени и народными массами,—дѣло сводится на слѣдующее: „1) Бо́льшая часть громадныхъ состояній частныхъ лицъ и корпорацій составлена путемъ лганья, воровства и притѣсненій. Искусственное поднятіе и пониженіе цѣнностей — не что̀ иное, какъ обманъ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительною стоимостью этихъ цѣнностей. Умноженіе акцій безъ увеличенія капитала предпріятія—такъ-называемое „stock watering“—не что̀ иное, какъ обкрадыванье акціонеровъ и обираніе людей, кладу-

щихъ въ эти акціи трудовыя свои деньги. 2) Богатый гражданинъ вполнѣ огражденъ закономъ: отмѣтивъ, по выбору своему, извѣстную часть кредиторовъ своихъ „привилегированными" на полученіе первыхъ уплатъ, накупивъ имущества на женино имя, богатый человѣкъ банкротится и остается богатымъ по прежнему. Бѣдный же гражданинъ можетъ съ минуту на минуту лишиться заработка и мѣста: ему не на что жить—нѣтъ возможности и оградить своихъ правъ. 3) Намъ нужно законодательство, ограждающее интересы бѣднаго населенія. 4) Намъ требуется такое законодательство, которое бы вынуждало богатыхъ нести на себѣ общественныя повинности въ пропорціи съ увеличеніемъ ихъ богатства; подоходный налогъ лучше всего отвѣчалъ бы этому требованію, но за неудобствомъ этой мѣры могутъ быть выработаны мѣры иныя. 5) Намъ требуется законодательство, ограничивающее могущество корпорацій, запрещающее надѣленіе ихъ прямыми или косвенными подарками (подъ видомъ раздачи имъ общественныхъ земель), запрещающее тайное умноженіе акцій и пользованіе льготами, безъ уплаты за нихъ штату, запрещающее всякія тайныя стачки между директорами различныхъ корпорацій, равно какъ и выплачиваніе огромныхъ дивидендовъ въ ущербъ интересамъ общества".

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вышеприведенный проектъ законодательныхъ мѣръ не будетъ принятъ—въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, въ какомъ его предъявляетъ въ требованіяхъ своихъ Говардъ Кросби; но предложеніе подобныхъ мѣръ протестантскимъ вліятельнымъ пасторомъ и серьезное ихъ обсужденіе печатью всей страны—есть знаменіе времени.

Во многихъ отрасляхъ американской жизни замѣчается то же броженіе, та же скрытая борьба между старыми тенденціями личной самодѣятельности и новыми требованіями, предъявляемыми жизнью—требованіями, подкапывающимися подъ эту самодѣятельность, вошедшую въ кровь и плоть американцевъ, съ цѣлью ненавистнаго истому американцу урегулированія и огражденія сферы частнаго почина, будто бы въ видахъ обезпеченія наибольшихъ благъ жизни для наибольшаго числа лицъ, хотя бы въ томъ числѣ лицъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ.

Какъ ни демократична эта цѣль „снисканія наибольшей суммы благъ для наибольшаго числа гражданъ", природнымъ американцамъ самая эта теорія ненавистна теперь, и она вѣчно должна оставаться ненавистнымъ этой націи, среди которой, несмотря на демократическій строй жизни и учрежденій, глубоко коренится

природный аристократизмъ, стремящійся воздавать почести наиболѣе талантливымъ, смѣлымъ и сильнымъ въ жизненной борьбѣ.

Несомнѣнно, впрочемъ, что многое въ настоящемъ ненормальномъ фазисѣ общественной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ приходится приписать идущей здѣсь, за послѣдніе годы, усиленной внутренней работѣ — для глаза незамѣтной — ассимилированія прибывающихъ сюда милліоновъ разнородныхъ эмигрантовъ; той непроизвольной, но тѣмъ не менѣе тяжкой работѣ, на которую вызываются природные жители Штатовъ для того, чтобы—по остроумному замѣчанію англійскаго публициста, доктора Пиджона—„принимая къ себѣ всѣхъ, отдѣлять ту часть упрямства, которая присуща англійской рѣшимости; извлекать изъ работящаго шведа присущее ему отсутствіе предпріимчивости; отдѣлять суевѣріе, нераздѣльное съ французскою домовитостью и бережливостью; устранять въ ирландцѣ нерадивость отъ природной его смѣтливости; лѣнь въ негрѣ—отъ его податливости; и китайскую безучастность—отъ того терпѣнія и искусства въ работѣ, которой отличаются сыны Небесной Имперіи“... Этотъ подборъ всего, что̀ есть въ пришельцахъ лучшаго, и смягченіе наиболѣе ихъ рѣзкихъ недостатковъ и являются тѣмъ дѣломъ ассимилированія эмиграціи, на которое, по инстинкту, кладется столько силъ природнымъ американскимъ населеніемъ: достанетъ ли этихъ силъ и впредь, или же онѣ, въ свою очередь, подпадутъ воздѣйствію наносныхъ элементовъ — важный вопросъ будущаго.

Несмотря на всю желательность того, чтобы поставленъ былъ, наконецъ, предѣлъ наплыву сюда невѣжественныхъ ордъ изъ Европы подъ видомъ эмиграціи, трудно предположить, чтобы двери республики скоро закрылись для этихъ массъ выходцевъ. Какъ ни опасенъ приливъ этого иноземнаго населенія, неспособнаго, въ настоящемъ поколѣніи, слиться съ американскою націей, усвоить себѣ и полюбить ея учрежденія, американскимъ экономистамъ трудно все-таки разстаться со статьею національнаго обогащенія, представляемою переселеніемъ сюда европейцевъ. И затрудненіе экономистовъ весьма понятно, если припомнить, что за десятилѣтіе 1870 — 1880 прибывало сюда, среднимъ числомъ, по 280.000 человѣкъ эмигрантовъ изъ Европы. Въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ, 1882, прибыло сюда цѣлыхъ 789.000 человѣкъ изъ Европы и Канады, и изъ этой массы людей 60% были взрослые, здоровые люди, отъ 15-ти и до 40 лѣтъ отъ роду—т.-е., иначе говоря, въ одинъ этотъ годъ прибыло въ Штаты 473.400 человѣкъ въ наиболѣе производительномъ періодѣ своей жизни. И притомъ надо принять во вни-

маніе, что люди, рѣшающіеся переселяться за океанъ, искать счастья на новыхъ мѣстахъ, почти всегда набираются изъ наиболѣе рѣшительныхъ, энергичныхъ, работящихъ и физически сильныхъ людей. Этимъ физическимъ превосходствомъ переселенцевъ и объясняется, какъ полагаемъ, тотъ фактъ, что населеніе Штатовъ проявляетъ такую большую пропорцію красивыхъ людей и—наполовину меньше, чѣмъ въ Европѣ—слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ.

Даже и въ приложеніи къ излюбленному здѣсь масштабу денежной выгоды, эмиграція является для американцевъ сущимъ кладомъ. Возьмемъ хотя бы тотъ же 1882 годъ, данныя котораго по эмиграціи представляются наиболѣе полными: каждый изъ взрослыхъ эмигрантовъ этого года, конечно, самъ по себѣ представлялъ уже цѣнность въ 1.500 долларовъ (такова, по крайней мѣрѣ, стояла здѣсь до 1860 года цѣна на здоровыхъ негровъ-рабовъ); остальные же 40% эмигрантовъ этого года, каждый представлялъ собою цѣнность въ 1.000 долларовъ; притомъ исчислено, что каждый эмигрантъ привозитъ съ собою сюда, среднимъ числомъ, деньгами и вещами на 125 долларовъ. Такимъ образомъ, въ одномъ, исключительно благопріятномъ на эмиграцію 1882 году, цѣнность, въ которую исчислялся прибывшій сюда людъ, равнялась 1.125.000.000 долларовъ!

Удивляться ли послѣ того, что американцы не спѣшатъ оградиться отъ этого золотого дождя, сыплющагося на нихъ изъ Европы? Къ вящшему успокоенію тревожныхъ умовъ, народная перепись 1880 года указываетъ, что, какъ ни великъ приливъ эмигрантовъ, но все же число рожденій среди гражданъ страны на семь и даже на восемь разъ превосходитъ численность этого, прибывающаго извнѣ, населенія: природные американцы столько же плодовиты, сколько и эмигранты, а тѣ и другіе, вмѣстѣ взятые, живя здѣсь, оказываются плодовитѣе народовъ какой бы то ни было изъ европейскихъ странъ. Рожденіе среди природныхъ американцевъ за десятилѣтіе отъ 1850 по 1860 годъ, равнялось $32^1/_2$ процента всего населенія; а въ 1870—1880 гг. все-таки достигало $31^1/_2$ процента. Этотъ процентъ въ бѣломъ населеніи превышается лишь числомъ рожденій среди темнокожаго населенія Штатовъ; но если у негровъ больше родится дѣтей, за то у нихъ больше и умираетъ ихъ; сами негры и мулаты умираютъ въ бо̀льшихъ числахъ, чѣмъ бѣлые, и ряды ихъ не пополняются эмиграціей, такъ что съ году на годъ число темнокожихъ въ Штатахъ является меньше въ пропорціи съ быстрымъ ростомъ бѣлаго населенія.

Не менѣе успокоительно дѣйствуютъ на умы и данныя народной переписи касательно пауперизма въ Штатахъ—зло, которое казалось весьма грознымъ. Но изъ отчетовъ переписи оказывается, что въ Штатахъ всего 5 человѣкъ изъ тысячи содержится, по бѣдности, на счетъ своихъ согражданъ, тогда какъ въ Великобританіи цѣлыхъ 33 человѣка изъ тысячи содержится въ poor-houses. И здѣсь одна треть всѣхъ нищихъ—родомъ иностранцы, а нищіе изъ природныхъ американцевъ составляютъ всего $^1/_{10}$ процента всего природнаго населенія страны; нищіе изъ иностранцевъ равняются $^{34}/_{100}$ процента здѣшняго населенія, переселившагося сюда изъ другихъ странъ. Всего въ Штатахъ четверть милліона нищихъ, т.-е. по одному нищему на 200 человѣкъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ гражданъ.

Замѣчательно, что наименьшій въ странѣ процентъ пауперизма замѣчается среди темнокожаго населенія, и это несмотря на установившуюся за неграми репутацію расточителей и лѣнтяевъ.

Притомъ, въ Штатахъ и дѣло помощи неимущимъ поставлено иначе, чѣмъ въ Англіи, гдѣ съ каждаго плательщика налоговъ берутъ деньги на содержаніе пріютовъ для нищихъ; здѣсь облегченіе участи неимущихъ находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ частныхъ благотворителей, а государство тратитъ на содержаніе нищихъ втрое менѣе того, что тратитъ Англія; къ тому же процентъ пауперизма долженъ еще уменьшиться съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь установленъ строгій надзоръ надъ тѣмъ, чтобы въ числѣ эмигрантовъ не прибывало ни нищихъ, ни калѣкъ, или же какихъ другихъ изувѣченныхъ и неспособныхъ на работу людей.

Многія шероховатости теперешняго строя американской жизни приходится отнести также и на счетъ того, что настоящему поколѣнію гражданъ приходилось прокладывать многіе новые пути послѣ соціальнаго потрясенія, произведеннаго въ странѣ гражданскою войною и освобожденіемъ негровъ. Молодое поколѣніе—„дѣятели“ нашихъ дней—поднялось въ то время, когда потрясены, казалось, были самыя основы, на которыхъ зиждутся учрежденія страны; когда едва не рухнуло все государственное зданіе, терпѣливо возведенное руками мудрыхъ „отцовъ страны“; южные штаты были на военномъ положеніи; населеніе сѣверныхъ было, до извѣстной степени, опьянено неожиданными успѣхами послѣ ряда тяжкихъ потерь, притомъ оно было и деморализовано своею деспотическою властью надъ покореннымъ югомъ, лишеннымъ голоса,—деморализовано быстрою смѣною впечатлѣній, обиліемъ денегъ, всеобщею бѣшеною погонею за наживой.

Съ той поры многое содѣйствовало отрезвленію страны, и

только теперь начинають сглаживаться слѣды войны, устраняется искусственно раздуваемая передъ тѣмъ вражда, водворяется общее довѣріе, и жизнь начинаетъ входить въ регулярную колею. Отрезвленіе населенія замѣчается уже и въ той реакціи, которая водворяется теперь въ пользу ручного труда, стоявшаго въ такомъ почетѣ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, когда и зажиточные родители признавали для дѣтей своихъ необходимымъ изученіе какого-нибудь ремесла. Повсемѣстно возникаетъ стремленіе учреждать ремесленныя школы и техническіе институты, причемъ за идеалъ ставятъ для себя русскія учрежденія этого рода.

Водворившійся здѣсь постепенный переворотъ не ограничивается измѣненіемъ общественныхъ воззрѣній, но затрогиваетъ уже и самыя функціи отдѣльныхъ частей Союза. Повсемѣстно замѣчается общая перестановка силъ и центровъ тяготѣнія въ странѣ. Говорятъ, что „пуританскій духъ предпріимчивости вымираетъ въ странѣ", на самомъ же дѣлѣ—этого нѣтъ; только молодое, чисто американское, поколѣніе людей, не находя уже примѣненія своимъ высшимъ способностямъ и тенденціямъ на заполоненномъ канадцами и ирландцами востокѣ страны, переселяется далѣе на западъ, на новыя мѣста. На востокѣ же, на неплодородной, каменистой почвѣ Новой Англіи, процвѣтаетъ огородничество, куроводство, молочныя фермы, умножаются фермы, умножаются фабрики, дающія заработокъ невѣжественному пришлому населенію. Равнымъ образомъ и южные штаты изъ плантаторскихъ обращаются въ мануфактурные—весь югъ застраивается фабриками и туда золотою рѣкою стекаются капиталы. Западъ продолжаетъ жить своею широкою, дѣятельною жизнью, перерабатывая вліяніемъ своей первобытной природы и неистощимыхъ естественныхъ богатствъ первоначальный характеръ селящихся на немъ людей; западъ остается, по прежнему, невозмутимымъ, въ спокойномъ сознаніи той первенствующей роли, которую онъ, безъ сомнѣнія, долженъ играть въ будущихъ судьбахъ страны.

Надо полагать, что подъ всѣми этими новыми вѣяніями уляжется, наконецъ, неурядица нашего времени, и ростъ и благосостояніе Штатовъ примутъ небывалые еще до сей поры размѣры; причемъ съ этой стороны Атлантическаго океана можно будетъ ожидать также и практическаго разрѣшенія многихъ вопросовъ, нарушающихъ миръ и спокойствіе старой Европы.

В. Макъ-Гаханъ.

ОТЪ КОЛЫБЕЛЬКИ ДО МОГИЛКИ

Этнографическій очеркъ.

...Не помню уже хорошенько, чего именно я дожидался, сидя въ „чистой половинѣ“ избы, въ одной изъ деревнюшекъ нечерноземной полосы Россіи. Ѣхалъ я по дѣлу, а тутъ пришлось, по случайному обстоятельству, просидѣть въ незнакомомъ селеніи часа два, рѣшительно не зная, за чтò взяться. Погода стояла отвратительная; моросилъ мелкій, осенній дождичекъ. Въ окно и глядѣть не хотѣлось: такъ печальны и некрасивы были представлявшіяся изъ него перспективы: безлюдная грязная улица, изрѣзанная огромными колеями, почернѣвшія отъ дождя избы съ промзглыми отъ сырости соломенными крышами, голыя поля на второмъ планѣ, и жиденькій, какъ бы нахохлившійся лѣсокъ— на третьемъ... Все слишкомъ хорошо знакомыя картины грязи, нужды и тоскливо-однообразной жизни.

Надо было, однако, придумать себѣ какое-нибудь занятіе или развлеченіе, чтобы скоротать скучные часы. За неимѣніемъ лучшаго, я сталъ разсматривать лубочныя картинки, которыми были почти кругомъ оклеены двѣ стѣны горницы, образующія такъ-называемый „красный“ уголъ, и которыя дали такой богатый матеріалъ для извѣстнаго, классическаго ихъ сборника Д. А. Ровинскаго. Почти подъ потолкомъ, на полочкахъ и гвоздикахъ, стояло и висѣло нѣсколько иконъ, однѣ—безъ всякихъ украшеній, другія — въ фольговыхъ ризахъ и деревянныхъ рамахъ; потомъ, по обѣ стороны отъ иконъ, слѣдовали лубочныя изображенія разныхъ святыхъ, отпечатанныя на полубѣлой бумагѣ кроваво-красною, ярко-зеленою и другими, бьющими въ глаза, красками; были тутъ и св. Варвара, и Іоаннъ Креститель, и

Михаилъ архангелъ и мн. друг. Потомъ, за Іоанномъ Воиномъ, вдругъ слѣдовалъ портретъ генерала Гурко, а далѣе — опять св. Александръ Невскій. Ниже начинался настоящій уже хаосъ: картина Страшнаго Суда висѣла рядомъ съ изображеніемъ момента, когда „Ванька Таньку полюбилъ“, а точное воспроизведеніе съ натуры „лѣствицы, юже св. Іаковъ видѣлъ въ сновидѣніи“, висѣло подъ романтическимъ изображеніемъ того, какъ „шла дѣвица за водой“, а за ней увивался „парень молодой“. Всѣ эти продукты творчества Никольской, что̀ въ Москвѣ, улицы были мнѣ уже ранѣе извѣстны изъ многочисленныхъ осмотровъ деревенскихъ картинныхъ галерей въ одной изъ степныхъ россійскихъ мѣстностей; и тамъ, на черноземѣ, оказывалось не болѣе и не менѣе эстетическаго вкуса и пониманія изображеннаго на картинѣ предмета, чѣмъ здѣсь, на суглинкѣ т—ской губерніи. Вся разница состоитъ только въ количествѣ размалеванныхъ листовъ, требующихся для полной галереи: на югѣ довольствуются двумя-тремя, самое большее—десяткомъ, а здѣсь я насчиталъ 48 листовъ разнаго формата и содержанія, но одинаково низкаго достоинства. Несравненно лучше всѣхъ другихъ картинъ было лишь одно изображеніе св. Дѣвы, въ рамкѣ съ золотымъ тисненіемъ; но, увы, — съ перваго же взгляда замѣтно было, что изображеніе это не русское, а католическое; вглядѣвшись же въ мелкія печатныя строчки по угламъ картины, не трудно было убѣдиться, что безспорно лучшими, въ эстетическомъ отношеніи, и сравнительно дешевыми изображеніями святыхъ снабжается русскій православный народъ не богомольными москвичами, а какой-то фирмой изъ Варшавы,—если мнѣ не измѣняетъ память.

Однако все это только къ слову. „Обличеніе“ въ невѣжествѣ и въ скудоуміи издателей съ Никольской—тема черезъ-чуръ ужъ избитая, а потому далеко и не интересная, и не благодарная. Всѣ мы, читающіе газеты и журналы, или наполняющіе столбцы и страницы оныхъ своими „пробами пера“, всѣ мы отлично знаемъ, что издаваемыя для народа лубочныя книжки и картины изъ рукъ вонъ плохи, что онѣ портятъ только природный эстетическій вкусъ народа, отнюдь не способствуя при этомъ его умственному и нравственному развитію; всѣ мы, „интеллигенты“,— читающіе хорошія книги и смотрящіе прекрасныя картины,— отлично знаемъ это, и все-таки ничего, или почти ничего, не дѣлаемъ для того, чтобы и народъ имѣлъ возможность читать хорошія книги и любоваться порядочными картинками. Издатели съ Никольской наводняютъ деревушки и хутора своими фабрикатами, а мы слегка „будируемъ“ и изрѣдка фыркаемъ отъ

сдерживаемаго въ границахъ приличія негодованія. Что-жъ, значитъ—не приспѣ еще часъ нашъ дѣлать что-нибудь болѣе существенное, нежели только фыркать; на томъ и помиримся... пока. Оставляю поэтому въ сторонѣ и „Ваньку съ Танькой", и „генерала Гурко", но никакъ не могу пройти молчаніемъ попавшагося мнѣ тутъ же на глаза нѣкоего „Сказанія, кіимъ святымъ каковыя благости исцѣленія отъ Бога даны".

На этомъ листѣ не было гравюръ, если не считать маленькихъ, въ видѣ медальончиковъ, головныхъ изображеній святыхъ, о коихъ идетъ рѣчь въ „Сказаніи"; внизу, въ правомъ углу, красовалась помѣтка, что печатаніе разрѣшается особою цензурой прежнихъ лѣтъ. Заинтересовавшись вышеприведеннымъ заглавіемъ, я сталъ разбирать закопченыя и засиженныя мухами строчки—и не раскаявался, ибо содержаніе „Сказанія" не только соотвѣтствовало по интересу его заголовку, но даже было гораздо обширнѣе и многостороннѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ первыхъ параграфахъ приведено указаніе, какимъ именно святымъ угодникамъ надо молиться объ исцѣленіи различныхъ болѣзней людскихъ: зубныхъ, глазныхъ, „трясовичной" и проч.; далѣе слѣдовало... но далѣе необходимо сдѣлать подлинныя выписки изъ „Сказанія", хотя и не подъ-рядъ, а съ пятаго на десятое, чтобы не утомить читателя многочисленностью совѣтовъ и поученій. Итакъ, молиться слѣдуетъ:

„Аще возненавидитъ мужъ свою неповинную жену — св. мученику Гурію".

„Объ изученіи иконнаго писанія—св. апостолу Іоанну Богослову".

„О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣкъ и скотовъ — преп. Нифонту".

„Объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ— мученикамъ Ѳеодору Тирину и Іоанну Воинственнику".

„О сохраненіи отъ злаго очарованія — священномученику Кипріану и Іустиніи".

Помню, что, когда я прочелъ это „Сказаніе", я, неожиданно для самого себя, видимо сконфузился и почувствовалъ себя неловко...

Есть какой-то темный для меня юридическій терминъ: „попустительство"; точно объяснить себѣ его значеніе я не умѣю, ибо я не юристъ, а настоящихъ правовѣдовъ спрашивать о такихъ пустякахъ — какъ-то совѣстно. Если я, напр., нечаянно увидѣлъ, что голодный воръ крадетъ хлѣбъ, не остановилъ и не

позвалъ городового,—будетъ это попустительствомъ съ моей стороны?.. Если я заѣхалъ ночевать къ пріятелю въ его имѣніе, а въ эту ночь на усадьбу его напала шайка разбойниковъ и, ограбивъ домъ, убила моего пріятеля,—я же [illegible] страху запрятался на чердакъ и остался цѣлымъ и невредимымъ,—будетъ это попустительствомъ?.. Если какой-нибудь негодный человѣкъ показываетъ ребенку порнографическія картинки, дѣлая соотвѣтствующія къ нимъ поясненія,—а я, увидѣвъ это, не вмѣшаюсь и не попытаюсь прекратить столь поучительнаго урока,—буду ли я попустителемъ?.. Или если для народа стряпаются, хотя бы и съ разрѣшенія, рецепты, насаждающіе суевѣріе,—а я, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, ничего, однако, не предпринимаю въ противодѣйствіе этимъ рецептамъ,—буду ли я, съ юридической точки зрѣнія, виновенъ въ попустительствѣ?.. Право, не знаю, — окажусь я во всѣхъ этихъ случаяхъ подлежащимъ отвѣтственности „по всей строгости законовъ", или нѣтъ, — но передъ своею совѣстью, въ послѣднихъ трехъ случаяхъ, лично я буду считать себя виновнымъ, и даже позорно виновнымъ. Вотъ именно такое горькое чувство я испыталъ, когда прочитывалъ листъ съ „Сказаніемъ".

Въ самомъ дѣлѣ: уже двадцать-пять лѣтъ прошло съ того момента, когда сталъ совершенно празднымъ вопросъ:—можно или нельзя имѣть христіанину рабовъ,—а между тѣмъ „Сказаніе" увѣряетъ, что св. Θеодоръ Тиринъ и Іоаннъ Воинственникъ и понынѣ готовы принимать наши благочестивыя мольбы „объ обрѣтеніи бѣжавшихъ рабовъ" нашихъ. Я еще могу согласиться, что во времена крѣпостного права было далеко не безполезно убѣждать жившихъ подъ началомъ этого права, что будто бы оно одобряется свыше, но какія могутъ имѣться достаточныя основанія для продолженія этого дѣла убѣжденія теперь, когда крѣпостное право кануло въ вѣчность,—это трудно понять!

Кто можетъ теперь счесть полезнымъ также дѣло обученія народа—въ какихъ именно случаяхъ помогаютъ преподобный Нифонтъ, священномученикъ Кипріанъ и св. Іустинія?.. Положимъ, что за послѣднее время появилась масса народныхъ книжекъ, изданныхъ хотя и на Никольской, но написанныхъ на довольно приличной отъ нея дистанціи,—въ коихъ, однако, что ни страница, то—чортъ, чертенокъ, бѣсенокъ и проч.; что одновременно съ этимъ появилось и нѣсколько картинъ, на коихъ черти изображены довольно художественно, и что картины эти могутъ поэтому многое сказать уму и сердцу мужика, заплатившаго за нихъ „по пятачку за

штуку“ [1]); что появилась даже „народная комедія“, почти вся состоящая изъ интересныхъ, но очень претендующихъ на остроуміе разговоровъ чертей, чертенятъ и т. п. нечисти; положимъ, что книжки и картины эти появились въ десяткахъ и сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, проникнувъ въ самые отдаленныя лѣсныя трущобы новгородской губерніи,—но кто же не знаетъ (я говорю о насъ — интеллигенціи), что всѣ эти черти и чертенята суть только конкретные выразители идеи зла; что выведены они на сцену только ради „художественнаго“ эффекта и намалеваны только для нагляднаго изображенія разницы въ окраскѣ добра и зла?.. Мы—нѣкоторымъ образомъ, авгуры—прекрасно знаемъ это, и потому только добродушно ухмыляемся, но временамъ взглядывая другъ на друга; но задавались ли мы серьезно вопросомъ, такъ ли, какъ мы предполагаемъ, понимаютъ наши книжки и картинки тѣ, для коихъ онѣ писаны и малеваны, или они понимаютъ ихъ на свой манеръ, и не выйдетъ ли, въ концѣ концовъ, изъ этого своеобразнаго пониманія чего-нибудь для насъ, авгуровъ, не совсѣмъ желательнаго?..

Какъ видитъ читатель, по поводу обрѣтеннаго мною „Сказанія“, я поставилъ себѣ не меньше вопросовъ, чѣмъ въ этомъ сказаніи имѣется параграфовъ; на многіе изъ этихъ вопросовъ я затруднился дать себѣ точный и опредѣленный отвѣтъ, но надъ рѣшеніемъ ихъ подумалъ, все-таки, не мало; не мало въ моей памяти воскресло также и картинъ деревенской жизни, могущихъ отчасти послужить приличными иллюстраціями къ „Сказанію, кіимъ святымъ“, и т. д.

Кажется, нигдѣ въ такомъ ужасающемъ количествѣ не собраны мрачныя картины суевѣрія русскаго народа, какъ у Левитова, въ его далеко не объемистыхъ „Степныхъ очеркахъ“. Читаешь эти мрачныя страницы, и какая-то „жуть“ беретъ тебя самого, какая-то безнадежная тоска начинаетъ тебѣ грызть сердце, словно какой-нибудь лихой человѣкъ напустилъ на тебя „*его*“, „*ее*“ или „*ихъ*“... Кто это „онъ“ или „она“,—никто не знаетъ, и менѣе всего тотъ, который является страдательнымъ, по отно-

[1]) Любопытно, что изданія „Посредника“ считаютъ своимъ яко бы долгомъ распространять лица, даже вовсе не сочувствующія послѣднимъ словамъ ученія гр. Толстаго. Такъ, въ конторѣ одного изъ лучшихъ московскихъ журналовъ имѣется цѣлый складъ книжекъ и картинъ; всякій, зашедшій въ контору, можетъ за $1^1/_2$ к. или за пятачокъ пріобрѣсти для своего поученія и „Свѣчку“, и „Двухъ братьевъ“, и т. п. Между тѣмъ журналъ этотъ неоднократно высказывался съ осужденіемъ о „Свѣчкѣ“ и др. произведеніяхъ, пропитанныхъ тенденціей „непротивленія злу“, осужденія наукъ и проч.

шенію къ *нимъ*, лицомъ: это нѣчто туманное, расплывчатое, невѣдомое; это „оно“ можетъ быть узнано только по одному чувству, которое всякій испытываетъ въ его присутствіи,—по чувству страха, безпричиннаго, безотчетнаго, по чувству тоски, безпредметной, томительной... Вотъ дали мужику на почтѣ кипу газетъ для передачи сельскому дьячку; по дорогѣ мужикъ начинаетъ размышлять: что̀, молъ, такое заключается въ этой кипѣ? Сначала онъ просто задумывается, а потомъ начинаетъ и безпокоиться, по поводу чего—онъ и самъ не знаетъ.

На бѣду его встрѣчаются ему солдаты, которые дурачатъ его, увѣряя, что въ тюкѣ, который онъ вынесъ, сидитъ „*она*“, и что „она“ способна натворить нѣчто чрезвычайно страшное, если мужикъ не купитъ у солдата какой-то корешокъ „дражнилку“.

— Чортъ!—говорилъ настоятельно солдатъ Лукѣ:—вѣдь *она* живая!..

— Кто?

— Да это-то, что ты везешь-то! Вѣдь *она*, лѣшій, одного, штоль, тебя загубила, а?..—и т. д.

Перепугавшись, Лука уплатилъ солдатамъ полтинникъ за корешокъ „дражнилку“; благодаря этому, онъ благополучно доставилъ газеты дьячку. Толпа любопытствующихъ односельчанъ обступила Луку.

— Что-жъ она тебѣ, какъ являлась-то? Ты разскажи!.. Говорятъ, она пишшаньемъ пужала тебя?

— Нѣтъ! про это что̀ грѣшить! Пишшать не пишшала, а такъ это, быдто, бѣлое что-то завиднѣлось подъ вѣшкой; только я вспомнилъ, какъ мнѣ солдатъ говорилъ, такъ сейчасъ и сдѣлалъ. Оно тутъ же и разошлось... Этакъ все кверху, кверху, ровно бы турманъ, только не въ примѣръ больше будетъ турмана-то.

— И руками махала?

— Махала тоже и руками,—удовлетворялъ Лука.—Жалостно этакъ махала, прощалась бы, што-ли, съ кѣмъ...

— Смотри, парень, не околѣй! Это она съ тобой, знать, прощалась-то...

Кто *она*, что̀ *она*, никто изъ говорящихъ о *ней* ни мало объяснить не умѣетъ, а между тѣмъ дѣло доходитъ до мысли о смерти: такъ хронически напуганъ мужикъ всякими страхами. Все мало-мальски незнакомое, невиданное, внушаетъ ужасъ деревенскому люду, со страху способному ожесточиться до безжалостности, до звѣрства. Сколько у того же Левитова есть разсказовъ о загубленныхъ жизняхъ, загубленныхъ, лишь благодаря

какой-нибудь случайности, связанной въ представленіи добрыхъ людей деревни съ жертвой ихъ безсмысленнаго ужаса?.. Сколько, напр., дѣтей, имѣвшихъ несчастіе родиться въ бурную ночь, когда, по мнѣнію деревни, „лѣшаки шастають по крышамъ домовъ“ и ищутъ случая подмѣнить своего „лѣшенка“ на русскаго младенца; сколько такихъ дѣтей было забито, загнано и ожесточено общей ненавистью и страхомъ къ нимъ, не только всѣхъ односельчанъ, но и самихъ родителей, убѣжденныхъ, что лѣшій подмѣнилъ имъ ребенка?.. Сколькимъ уже взрослымъ людямъ была испорчена жизнь отъ какого-нибудь невиннаго случая, бывшаго съ ними, объясненнаго, однако, сосѣдями по своему: колдовствомъ этихъ лицъ, знакомствомъ ихъ съ нечистымъ и т. п?.. Цѣлыя мартирологіи имѣются на страницахъ Левитова, и, читая ихъ, не знаешь, смѣяться ли горькимъ смѣхомъ, или плакать злобными слезами надъ людскимъ невѣжествомъ?..

Вотъ, вздумалъ мужикъ обучать грамотѣ своихъ ребятъ, купивъ для этого азбуку у офеней; но откуда-то пошла молва по селу, что мужикъ учится колдовать и именно съ этою цѣлью пріобрѣлъ себѣ колдовскую книгу... Напрасны были всѣ его старанія разубѣдить односельчанъ: они отшатнулись отъ него; страшная тоска напала на весь домъ; собаки по ночамъ выть принимались, ребятёнки затосковали отъ этой „мути“ и заболѣли, а сосѣди все это подмѣчали и все объясняли по своему. И погибъ бы, пожалуй, мужикъ подъ бременемъ людской глупости, еслибъ какой-то добрый заѣзжій, одинъ изъ неподдѣльныхъ представителей интеллигенціи, не ободрилъ его... Взгляните на этого ребенка, который, будучи напуганъ розсказнями о лѣшакахъ и кикиморахъ, сдѣлался идіотомъ и калѣкой, испугавшись въ лѣсу внезапнаго появленія изъ-за кустовъ бѣглаго солдата, хотѣвшаго у него попросить хлѣба... Но, право, тяжело даже говорить о всѣхъ этихъ страхахъ и ужасахъ, созданныхъ воображеніемъ невѣжественнаго люда на свою же погибель, на свое же постоянное мученіе—съ двухлѣтняго своего возраста и вплоть до гробовой доски!.. И какъ бы въ подтвержденіе, что всѣ эти ужасы существуютъ въ дѣйствительности, а не въ одномъ только болѣзненно настроенномъ воображеніи, являются вотъ эти „Сказанія“, распространяемыя офенями въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ; въ нихъ серьезно говорится, что эти ужасы дѣйствительно существуютъ, и что избавиться отъ „лукавыхъ духовъ“, стремящихся овладѣть человѣкомъ и скотомъ его, можно только молитвой именно такому-то, а не другому угоднику божію; въ нихъ говорится о „зломъ очарованіи“, о бѣсовскомъ навожденіи, о „призорѣ очесъ“,

о видѣніяхъ и т. п., какъ о фактахъ, какъ о чемъ-то, не подлежащемъ ни малѣйшему сомнѣнію. Подите послѣ этого, поговорите съ деревенскимъ начетчикомъ, самолично читавшимъ о всѣхъ этихъ наважденіяхъ, очарованіяхъ и о способахъ борьбы съ лукавыми духами: что̀ вынесетъ онъ изъ „либеральныхъ“ разговоровъ вашихъ? Пожалуй, только то, что вы и есть тотъ самый лукавый бѣсъ, который является искушать добрыхъ людей, или, по меньшей мѣрѣ, что вы колдунъ, состоящій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ этимъ самымъ бѣсомъ... Нѣтъ, фабрикующіе и одобряющіе подобнаго рода сказанія отлично знаютъ, что̀ они дѣлаютъ; нѣтъ, они не такъ просты, какъ это кажется!.. Смотрите,—вотъ ходитъ по селу, отъ одного двора къ другому, загнанный непогодою „баринъ“ и просится ночевать; на немъ, къ его несчастію, короткій сюртукъ и соломенная шляпа. „Это вендерецъ“,—рѣшаютъ бабы и ребята, а потомъ и мужики: „онъ глаза отводить умѣетъ и шутовъ въ избы напущаетъ“. Мнимый „вендерецъ“, въ доказательство своей благонадежности, читаетъ молитвы, крестится на образа, но ему не вѣрятъ, полагая, что онъ глаза отводитъ, гонятъ его въ шею изъ избъ, съ постоялаго двора, и даже выпускаютъ на него собакъ. Крестъ и молитва безсильны противъ напуганнаго невѣжества; побороть его можетъ только здоровый кулакъ, какъ увѣряетъ пошедшаго ночевать въ поле барина солдатъ-караульщикъ:

— Вы бы ихъ, сударь, по сусаламъ заѣхали, безъ разговору,—небойсь бы всякій пустилъ [1])...

„Кулакъ“ мы оставимъ, конечно, при солдатѣ, какъ спеціалистѣ,—солдату, значитъ, и книги въ руки по этой части. А представимъ мы себѣ съ вами, читатель, что нынѣ 11-е число мая мѣсяца, и пойдемте совершать прогулку по деревенскимъ полямъ. Цѣлыя толпы народа уже собрались тамъ, на этихъ тощихъ поляхъ; чуть ли не въ каждой деревни служатся молебны... „Что̀ же это такое? Какой это сегодня праздникъ?“—спрашиваете вы и достаете изъ кармана календарь. Смотримъ: чествованіе памяти преподобн. Кирилла и Меѳодія, основателей русской грамоты; врядъ ли это служитъ поводомъ къ этимъ безчисленнымъ молебнамъ у поголовно безграмотныхъ мужиковъ, да и къ чему тутъ поля?.. Далѣе,—свмч. Мокій; хотя онъ пользуется бо̀льшею извѣстностью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (народныя примѣты: „на Мокія мокро или туманно—все лѣто мокро; восходъ солнца багряный—все лѣто грозное“), чѣмъ малоизвѣстные по сію пору составители славянской азбуки, но все же не настолько популяренъ, чтобы ему

[1]) А. И. Левитовъ: „Степные Очерки“, разсказъ „Насупротивъ“.

служили такую массу молебновъ. Затѣмъ, по святцамъ, остается одно лишь празднованіе „обновленія Царьграда“, то-есть Константинополя, и въ немъ-то вся суть! По мѣстнымъ разспросамъ, оказалось, что „обновленіе“ совершенно игнорируется народомъ, и у него въ обиходѣ остается одно слово „Царьградъ“; написаться бы оно должно, по мнѣнію народа, раздѣльно и безъ прописной буквы, именно такъ: *царь-градъ*... Теперь становится понятнымъ, почему народъ молится каждое 11-е мая: онъ находится подъ вліяніемъ чувства страха передъ грознымъ явленіемъ природы, именуемымъ *градомъ*, могущимъ въ двѣ-три минуты уничтожить урожай цѣлаго года и пустить населеніе цѣлаго округа по міру, и поэтому, конечно, называется „царемъ-градомъ“, т.-е. всесильнымъ градомъ. И это колоссальное, почти невѣроятное смѣшеніе понятій, это вѣковое заблужденіе народа никѣмъ не разсѣевается.

Отмолились „царю-граду“; стали посматривать мужички на небо,—не видать ли дождевыхъ тучекъ? Уже съ недѣлю не было дождя, и яровыя не всходятъ, ждутъ помочки... Но жарко горитъ безоблачное, блѣдно-голубое небо; какъ-то особенно звонко разливается по раскаленному воздуху пѣсня жаворонка; пожелтѣла молодая травка, запылились листья деревъ, и чудится, что не май мѣсяцъ теперь, а по меньшей мѣрѣ развалъ „Петровокъ“... Ждутъ мужички еще недѣлю—нѣтъ дождя; попрежнему голы яровыя поля; потрескалась отъ великой суши твердая, какъ камень, земля, и пышетъ отъ нея зноемъ, какъ отъ раскаленной печки... Еще прошелъ день-другой; нечѣмъ стало кормиться скотинѣ: весь прошлогодній бурьянъ на паровомъ полѣ изглодала она, сердечная, и наполняетъ теперь свое голодное брюхо гнилушками, землей и навозомъ... Встрѣчается на улицѣ о. Поликарпъ съ сельскимъ старостой.

— Благословите, батюшка!..

— Во имя Отца и Сына... Что-жъ, Петровичъ, Богу не молитесь?.. Смотри-ка, всѣ поля спалило!

— И то, батюшка, уже поговаривали вчера старики, что безпремѣнно помолиться надо. Вотъ, сегодня столковаться хотѣли.

— Ну, ну, это дѣло доброе. А то иду это я по своему полю, ужъ сколько времени, какъ отсѣялся, а нѣтъ тебѣ ни былиночки!.. Одна пыль да камень!..

— Ваше-то, батюшка, еще такъ-сякъ: вы раньше сѣяли; а вы наше-то посмотрите—быдто и не сѣяно!..

— А я что̀-жъ говорю?.. Видѣлъ, видѣлъ и ваше... Потому и напоминаніе дѣлаю, что помолиться хорошо бы!..

— Это безпремѣнно, батюшка!.. Безъ этого нельзя... Вотъ я ужотка-сь оповѣщать стариковъ буду, какъ можно скорѣе чтобъ...

Созвалъ староста Петровичъ сходку, и порѣшили мужики на-завтра Богу молиться и образа поднимать. Но вдругъ ночью ударилъ давно желанный дождь и шелъ безъ перерыва до самаго утра; земля промокла прекрасно, вся зелень сразу оживилась... Вы полагаете, что вмѣсто назначеннаго молебна о дождѣ будетъ отслуженъ на повеселѣвшихъ поляхъ благодарственный молебенъ? Ничуть не бывало: два-три рубля мірскихъ денегъ, ассигнованныхъ вчера на молебствіе, пойдутъ сегодня вечеромъ въ кабакъ на мірскую выпивку; вотъ только жаль одного, что о. Поликарпъ, справедливо возмущаясь обманомъ, произведеннымъ его прихожанами, по собственной инидіативѣ, все-таки не пойдетъ служить дарового молебствія за ниспосланный на поля дождь... Міряне и о. Поликарпъ въ этомъ случаѣ хорошо понимаютъ другъ друга и ведутъ себя какъ истые дипломаты...

Великій постъ; всѣ православные говѣютъ; недалеко и страстная недѣля. И для говѣнія, и для страстной нужно много восковыхъ свѣчей... Ѣду по своимъ дѣламъ въ городъ. Мужикъ, у котораго нанимаю избу, проситъ меня купить ему въ городѣ фунтъ „свѣчечекъ маленькихъ“.

— Для чего же въ городѣ покупать? Вѣдь въ вашей церкви продаются на всякую цѣну: и въ копѣйку, и въ двѣ...

— Оно, конечно... Только въ городѣ все быдто подешевле станетъ.

— Это какъ-такъ?

— Да тамъ ихъ на фунтъ штукъ сорокъ идетъ, фунтъ сорокъ копѣекъ; а тутъ, вѣ нашей церкви-то, за такую свѣчу двѣ копѣйки отдать надо...

— Ахъ ты, милый человѣкъ!.. Да вѣдь лишняя-то копѣйка въ вашу же церковь идетъ? Вѣдь ты копѣйку-то въ церковь жертвуешь, а не куда-нибудь?

— Извѣстно, жертвуемъ, какъ не жертвовать!.. Все-жъ таки, признаться надо, на восемь гривенъ ихъ, свѣчей-то, никакъ не осилишь...

— Да зачѣмъ же тебѣ на восемь гривенъ? Купи двадцать свѣчей вмѣсто сорока—тѣ же деньги у тебя выйдутъ, а для церкви—жертва... Вѣдь вы, вотъ, перестраивать ее хотите, и

куръ, и коноплю по дворамъ да съ душъ собирали, а на свѣчахъ обидѣть хотите, въ другомъ мѣстѣ закупать ихъ.

— Какъ можно обижать церкву!.. Мы не обижаемъ. Одначе, сказать и такъ надо, что двадцатью свѣчами не обойдешься: святыхъ иконъ-то вò-сколько, кажной по свѣчкѣ, да бабамъ, да ребятамъ своимъ по другой... Сочти-ко-сь, сколько выйдетъ?

— Зачѣмъ же всѣмъ образамъ?.. Сколько у тебя силъ хватитъ, столько и поставь, а не всѣмъ.

— Этого нельзя, не ладно такъ-то будетъ. Бога прогнѣвишь; кажинный годъ ставилъ, а теперь вдругъ не поставлю... Опять, сосѣди осудятъ: пожалѣлъ, скажутъ, Богу свѣчку...

— Да вѣдь ты тѣ же деньги изведешь, чтò и прежде, только съ бòльшей пользой для своей церкви?.. и т. д., и т. д.

Въ концѣ концовъ, послѣ получасового разговора въ такомъ родѣ, берешь-таки два двугривенныхъ и покупаешь въ городѣ набожному хозяину фунтъ дешевенькихъ свѣчей [1])...

А то еще стали въ послѣднее время владимірцы-офени и прочій бродячій торгово-промышленный людъ развозить но селамъ, вмѣстѣ съ разнымъ товаромъ, поддѣльныя восковыя свѣчи, которыя чуть ли не вдвое дешевле противъ настоящихъ, изъ пчелинаго воску. И рѣдкій-рѣдкій мужикъ устоитъ отъ соблазна купить то же, или даже большее, чѣмъ прежде покупалось, количество свѣчей, за мѐньшую, противъ прошлогодняго, цѣну; оставшійся отъ выгодной покупки гривенникъ онъ обязательно снесетъ въ харчевню, къ Ивану Ермолаичу, а потомъ будетъ класть въ церкви истовые земные поклоны и ставить дешевыя свѣчи, не обходя и не гнѣвя ни Митрофана-угодника, ни Параскевы-Пятницы, ни Варвары-великомученицы. А набожныя сосѣдки будутъ на него въ это время съ завистью посматривать и шептаться между двумя усердными поклонами:

— Охъ, милая, глянь-ко, — да сколько-жъ нонѣ Лука-то свѣчей наставилъ!..

— Чтò ему сдѣлается, рòдная, мошна-то у него толстая... Ну, и Бога онъ не забываетъ, Лука-то, не такъ, какъ мы, грѣшныя!..

Массовыхъ воззрѣній о Богѣ существуетъ въ *православномъ* крестьянствѣ два (о разнаго рода сектахъ, въ особенности—раціоналистическихъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи): первое изъ

---

[1]) Обычай покупать дешевыя свѣчи чрезвычайно распространился и въ городахъ. Такъ, въ г. Старой Руссѣ у входныхъ дверей собора виситъ нѣчто въ родѣ объявленія, озаглавленнаго: „увѣщеваніе", и проч.; въ немъ убѣждаютъ прихожанъ не покупать дешевыхъ свѣчей нигдѣ, помимо церкви и свѣчной епархіальной лавки.

нихъ можетъ все быть охарактеризовано двумя словами, которыя, если я не ошибаюсь, получилъ въ отвѣтъ какой-то изслѣдователь народнаго быта на свой вопросъ: „гдѣ Богъ?“ Эти слова суть: „ёнъ въ углу“, т.-е. понятіе объ образѣ, висящемъ въ углу, отождествлялось въ отвѣтѣ съ понятіемъ о самомъ Богѣ. Такихъ, какъ обухъ по головѣ, ударяющихъ отвѣтовъ вы получите, при опросахъ, конечно, не много; но значительное число спрошенныхъ будетъ совершенно не понимать вашего вопроса, ибо оно никогда не думало надъ такими отвлеченными предметами, никогда не пыталось сколько-нибудь помудрствовать на эту тему; эта группа лицъ крестится, постится, ставитъ свѣчи и проч., почти не думая надъ тѣмъ, чтó она дѣлаетъ. Второе воззрѣніе уже нѣсколько шире само по себѣ: Богъ оказывается обитающимъ уже не въ углу избы, а на небѣ, но Онъ все еще не милосердый, всепрощающій, любвеобильный Богъ, а нѣкое божество грозное, карающее, мстительное, которое необходимо задабривать постомъ, колѣнопреклоненіемъ, свѣчкой и т. п., иначе оно молніей спалитъ домъ строптиваго, градомъ побьетъ его поля, либо корчей измучаетъ тѣло, а душу пошлетъ въ геенну огненную на потѣху діаволу и присным его. Лишь очень, очень рѣдкіе, какимъ-нибудь чудомъ достигнувшіе извѣстной степени умственнаго развитія, деревенскіе обыватели знаютъ и вѣрятъ въ другого Бога, давшаго намъ заповѣдь любви; этимъ рѣдкимъ личностямъ живется много легче на свѣтѣ, чѣмъ ихъ темнымъ и слѣпымъ сосѣдямъ.

Совершенно понятно, что живущіе въ вѣчномъ страхѣ или дѣлаются раболѣпными, или ожесточаются и только страхомъ сдерживаются сколько-нибудь; отнимите этотъ страхъ, и вы какого-нибудь Ѳому или Луку не узнаете: раболѣпство, порожденное въ нихъ вѣчнымъ трепетомъ, быстро исчезнетъ, и они вдругъ почувствуютъ себя на свободѣ, безъ оковъ, и немедленно начнутъ ломаться надъ тѣмъ, чему они только-что подобострастно поклонялись, и мстить за свое прошлое невольное смиреніе. Только передъ силой раболѣпствуетъ Лука; только страхъ заставляетъ его снимать шапку,—все равно, какой источникъ этого страха. Не помните ли вы стараго уже разсказа Гл. Успенскаго, какъ въ какую-то непроглядную новгородскую глушь является съ самыми добрыми намѣреніями баринъ, да еще съ деньгами, какъ онъ хочетъ сблизиться съ народомъ, если возможно, сродниться съ нимъ, научить его товарищескимъ отношеніямъ и къ себѣ, и другъ къ другу; какъ онъ съ этою цѣлью строитъ себѣ домъ, помогаетъ своими деньгами направо и налѣво, и какъ всѣ и вся

его обманываютъ, обираютъ, мерзко раболѣпствуя передъ нимъ, чѣмъ его сначала до глубины души возмущаютъ, а потомъ, общипавъ простяка и развративъ его, въ буквальномъ смыслѣ слова, влѣзаютъ съ ногами на столъ, распивая чаи въ накладку, и потѣшаются надъ разорившеюся для нихъ простотой? Вы помните, вѣроятно, эту гнусную картину какого-нибудь Луки, сначала раболѣпствующаго, а потомъ ломающагося надъ развѣнчанной властью, т.-е. надъ обѣднѣвшимъ бариномъ, отъ котораго уже нечего ждать больше подачекъ?.. У Левитова есть также масса картинокъ этого рода, правда, болѣе бѣглыхъ, иногда едва набросанныхъ, но все же производящихъ удручающее впечатлѣніе— именно своей массой; въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, по самымъ различнымъ поводамъ слышимъ мы то раболѣпные, дрожащіе отъ страха голоса, то нахальный, глумящійся надъ прошедшею силой грохотъ холопскихъ глотокъ...

Былъ недавно на моихъ почти глазахъ такой случай. Пріѣзжаетъ въ свое наслѣдственное, еще отцомъ заброшенное, имѣніе одинъ юный баринъ,—изъ тѣхъ городскихъ, которые полагаютъ, что подъ вліяніемъ хотя бы одного, но очень умнаго и ученаго человѣка можетъ вполнѣ переродиться все взрослое и невзрослое населеніе цѣлой деревни: мужики, съ младенческихъ лѣтъ обученные уважать одну только силу, вдругъ почувствуютъ, молъ, братскую любовь другъ къ другу; бабы, убѣжденныя до мозга костей, что домовикъ по ночамъ доитъ коровъ, разувѣрятся въ существованіи нечистой силы; тѣ и другія, съ материнскимъ еще молокомъ всосавшіе въ себѣ недовѣріе къ барскимъ затѣямъ, внезапно воспылаютъ любовью и преданностью къ пріѣзжему умному господину... Такъ, вотъ, пріѣзжій захотѣлъ у себя въ имѣніи завести какое-то паевое хозяйство и привлечь къ участію въ ономъ бывшихъ папашиныхъ холоповъ. Холопы увидѣли, что баринъ не шутки съ ними шутить хочетъ, и что онъ, кромѣ того, что баринъ, но еще и деньги имѣетъ; конечно, холопы стали припадать къ ручкѣ и къ плечику барина, видя въ немъ несомнѣнную силу, могущую стереть ихъ съ лица земли.

— Помилуйте!.. Да какъ же эфто возможно, чтобъ мы, то-есть, ослухаться васъ могли?.. Вы—наши отцы, мы—ваши дѣти!..

— Постойте, православные,—развѣ я приказываю?.. Я прошу только понять меня, а тамъ ужъ ваше дѣло...

— Да рази мы не понимаемъ?!.. Мы таперича, по вашему приказанію, видючи ваши къ намъ благодѣянія, въ огонь-воду должны идтить, животовъ рѣшиться должны...

— О, Господи!.. Но поймите же...—и т. д., и т. п.

Такъ разговариваютъ они на другъ другу непонятныхъ языкахъ: онъ никакъ не можетъ скинуть съ себя обаянія своей силы; они никакъ не могутъ не видѣть этой силы, передъ которой, по обыкновенію своему, трепещутъ и пресмыкаются. Но вдругъ обаяніе власти исчезаетъ, да и деньги притомъ къ концу...

Тѣ же Луки и Ѳомы, не далѣе, какъ вчера, трепетавшіе передъ бариномъ и изъ страха къ барской силѣ почти соглашавшіеся на новыя барскія затѣи, увидѣли въ немъ сегодня лишь фальшиваго монетчика, который случайно не попалъ въ Сибирь только потому, что съумѣлъ глаза отвести кому слѣдуетъ... И не только все эфемерное паевое хозяйство рухнуло, но не въ-терпёжъ даже стало барину жить среди задравшаго носъ и положившаго ноги на столъ нахальства, и онъ постыдно бѣжалъ обратно въ городъ, откуда такъ недавно пріѣхалъ съ розовыми надеждами въ два мѣсяца перевоспитать людей, десятки лѣтъ усвоивавшихъ себѣ пріемы раболѣпія...

Но врядъ ли кто лучше того же Левитова рисуетъ и картины медленнаго, но вѣрнаго уничтоженія обаянія различныхъ страховъ подъ натискомъ „умственности“, все далѣе и далѣе проникающей въ глухія дебри нашихъ селъ и деревень. О, какъ хороши эти картины!.. Отдаленные, но любовно манящіе къ себѣ, эти огоньки свѣтятся сквозь густой мракъ „степной ночи“; но какъ мало ихъ, и какъ велика еще область неразсѣянной ими тьмы!.. Вотъ заводятъ въ деревнѣ „учобу“; бабы плачутъ, дѣвки ревмя-ревутъ, ибо ходятъ слухи, что въ „ушбилище“ будутъ брать исключительно женскій полъ, для формированія бабьихъ полковъ. Но пріѣзжаетъ учитель—и однимъ глупымъ страхомъ въ деревнѣ стало меньше... Стараго пономаря и дочь его вся округа считаетъ за колдуновъ; имъ житья нѣтъ отъ жестокихъ, перепуганныхъ людей. Но проводятъ желѣзную дорогу, въ глухое захолустье попадаютъ люди съ болѣе широкимъ взглядомъ на вещи, и черезъ нѣсколько лѣтъ къ той же пономарской дочкѣ, къ ех-колдуньѣ, ходятъ дѣвочки со всего села обучаться грамотѣ...

Такъ отступаетъ шагъ за шагомъ мракъ невѣжества, суевѣрія и разныхъ страховъ передъ свѣтомъ „умственности“. Но пока солнце взойдетъ, роса можетъ очи выѣсть... А чтобы роса не выѣла очей, нужно, чтобы отдѣльные, драгоцѣнные лучи свѣта не терялись и не меркли въ зіяющей темной безднѣ ожесточеннаго невѣжества; нужно также, чтобы эта бездна не становилась темнѣй и глубже отъ различныхъ „Сказаній“, и т. д.; нужно также, чтобы на очи глубоко-темныхъ людей не по-

падали „куски лѣствицы, юже Іаковъ видѣлъ въ сновидѣніи", „глазъ *(гласъ)* вопіющаго въ пустынѣ", „зубъ Бориса и Глѣба", „невидимый волосъ Богородицы" [1]), и т. п.; нужно также, чтобы сильные литературные таланты боролись въ своихъ произведеніяхъ съ суевѣріями, а не умножали бы ихъ новыми сказками и исторіями о чертяхъ, дьяволахъ и т. п. нечисти...

На всѣ лады толковали еще недавно о страшномъ вредѣ семейныхъ раздѣловъ для крестьянъ; теперь приняты противъ того мѣры, но научатъ ли онѣ старшихъ въ семьѣ относиться справедливо къ младшимъ, младшихъ же—уважать, а не только бояться ограниченную подчасъ умомъ старость, пропивающую въ кабакѣ заработокъ младшихъ членовъ семьи?

Припоминается мнѣ по этому поводу разсказъ одного моего пріятеля о встрѣчѣ, которую онъ имѣлъ въ одной изъ нѣмецкихъ колоній южной Россіи. Сильно удивился онъ нѣмецкимъ порядкамъ: сынъ колониста горячо любитъ отца по природѣ, но знаетъ уже съ десятилѣтняго возраста, что̀ именно онъ въ правѣ получить отъ отца, отъ самой колоніи, когда ему исполнится столько-то лѣтъ; отецъ не можетъ тамъ заломаться передъ неугоднымъ ему сыномъ и выгнать его на всѣ четыре стороны, въ чемъ мать родила, изъ дому; общество не будетъ требовать съ него магарыча за земельный надѣлъ, который отводится ему изъ участка, спеціально купленнаго для подростающихъ безземельныхъ сыновей однообщественниковъ... Тамъ всѣ права и обязанности каждаго члена общества и семьи опредѣлены точно и ненарушимо; тамъ нѣтъ сопровождающихъ нашего мужика отъ „колыбельки до могилки" ложныхъ страховъ, безсмысленныхъ трепетовъ, ни раболѣпства передъ старшими—изъ боязни быть выкинутымъ за дверь, не получивъ ни синь-пороха, ни нахальства предъ ними, еслибы представителями власти оказались слабые или добрые люди. Тамъ отца семейства, домохозяина, который вздумалъ бы транжирить семейное добро, берутъ обязательно подъ опеку, и назначенный обществомъ опекунъ распоряжается въ домѣ опекаемаго, какъ полный хозяинъ, покуда задурившій старикъ не исправится или не подростетъ сынъ. Тамъ старикъ этотъ не можетъ ломаться, сидя въ кабакѣ, и кричать пьянымъ голосомъ:

---

[1]) Я лично не имѣлъ случая видѣть всего этого; но лица, которымъ я не имѣю никакого основанія не вѣрить, сообщали мнѣ о существованіи таковыхъ. Быть можетъ, это преданіе старины, но не очень далекой.

— Васька! Долженъ ты понимать, кто я есть, али нѣтъ?., Не знаешь рази, что я—хочу, награжу тебя, хочу—все пропью, ничего не дамъ?..

И не услышите вы тамъ раболѣпнаго отвѣта неотдѣленнаго еще взрослаго Васьки-сына:

— Помилуйте, тятенька, какъ же намъ не понимать эфтаго? Да мы денно и нощно, не только то-ись...

Такъ, вотъ, разъ и разговорился мой пріятель обо всѣхъ этихъ порядкахъ съ однимъ калужаниномъ, пришедшимъ въ далекую Таврію работы себѣ у нѣмцевъ искать; и оказалось, что калужанинъ въ какую-нибудь недѣлю-другую успѣлъ осмотрѣться на новомъ мѣстѣ настолько, что въ корень понялъ различіе склада жизни нѣмецкой семьи отъ семейнаго склада своей, калужской.

— Нешто у насъ какъ у нихъ?—говорилъ калужанинъ.— У насъ вотъ какъ: всыпетъ тебѣ, батюшка, коли захочетъ, кредитный билетъ [1]) подъ портки,—ты и чешись; а милосердія ежели его хватитъ, то и еще набавитъ. Заартачишься—по шеямъ прогонитъ... А у нихъ вонъ какъ! Нешто намъ можно равняться съ ними въ эфтомъ разѣ?..

Н. Астыревъ.

---

[1]) Т.-е. 25 розогъ; кредитными билетами, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, называется исключительно двадцати-пяти рублевая бумажка.

НАШИ СОСѢДИ

НА

КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ

Въ нашей періодической печати рѣдко появляются статьи о нашемъ крайнемъ Востокѣ, что достаточно объясняется поверхностнымъ съ нимъ знакомствомъ русской публики, а въ зависимости отъ этого и малымъ интересомъ къ судьбѣ нашей окраины. Поэтому, встрѣчая статьи, касающіяся жизненныхъ условій нашего процвѣтанія на берегахъ Тихаго океана, принимаются за нихъ съ невольнымъ недовѣріемъ, и къ сожалѣнію онѣ дѣйствительно затемняютъ обыкновенно еще болѣе вопросы, уясненіе которыхъ мы признаемъ насущною необходимостью. Въ январьской книгѣ „Русскаго Вѣстника" за 1886 годъ, г. Бирилевъ затронулъ, въ статьѣ: „Портъ Гамильтонъ и захватъ его англичанами", весьма серьезный для Россіи вопросъ, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Изложивъ вкратцѣ причины захвата англичанами этого порта, приблизившаго къ намъ ихъ операціонную базу до 800 миль, г. Бирилевъ приходитъ къ заключеніямъ, съ которыми нельзя не согласиться въ общемъ, именно:

1) Портъ Гамильтонъ окончательно занятъ англичанами и укрѣпленъ достаточно, чтобы не страшиться нападенія со стороны каждаго изъ трехъ государствъ, находящихся въ его ближайшемъ сосѣдствѣ.

2) Всѣ увѣренія англійской печати и правительства о томъ, что занятіе Гамильтона есть мѣра временная, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія.

3) Портъ Гамильтонъ занятъ съ единственною и главною цѣлью повредить Россіи и остановить развитіе ея флота и населенія по берегамъ Тихаго океана.

4) Выселить англичанъ изъ Гамильтона ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не представится никакой возможности, такъ какъ для защиты его они быстро могутъ стянуть значительныя морскія силы и не пожалѣютъ никакихъ расходовъ, чтобы сдѣлать крѣпость неприступною, преслѣдуя свою главную цѣль: всегда грозить намъ съ разныхъ сторонъ, чтобы связать свободу нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи.

Г. Бирилевъ предлагаетъ рядъ мѣръ для вознагражденія насъ за потерю Гамильтона и возможнаго обезопасенія насъ отъ него. Мы вкратцѣ изложимъ ихъ для тѣхъ, кто не читалъ упомянутой статьи, проникнутой чувствомъ патріотизма, но выражающей взгляды, къ сожалѣнію, слишкомъ у насъ распространенные и пустившіе глубокіе корни: 1) учрежденіе военнаго порта въ бухтѣ Лазарева, для чего предлагается пріобрѣсти отъ Кореи узкую береговую полосу земли отъ рѣки Тумэнь-Улы до Лазаревой бухты; 2) требованіе отъ Китая фактическаго согласія на свободную торговлю и плаваніе по р. Сушари; 3) требованіе отъ него же разрѣшенія и поощренія торговли съ прилежащими къ нашимъ южно-уссурійскимъ владѣніямъ маньчжурскими областями; 4) неотложность проведенія въ здѣшнемъ краѣ дорогъ и улучшенія вообще путей сообщенія; 5) разработка каменноугольныхъ пластовъ, залегающихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ Владивостока, преимущественно въ бухтѣ Новгородской, и 6) увеличеніе сибирской флотиліи и улучшеніе ея качествъ.

Насколько перечисленныя мѣропріятія устранятъ или ослабятъ опасность столь близкаго сосѣдства съ нами англичанъ, и насколько они удобоисполнимы, предоставляемъ судить читателю, если онъ не соскучится дочитать нашу статью до конца.

2-го ноября 1860 года, Россія заключила съ Китаемъ договоръ, которымъ окончательно закрѣпила за собою огромную территорію и пріобрѣла цѣлый рядъ прекрасныхъ гаваней. Отрѣзавъ Маньчжурію отъ моря, мы сдѣлались сосѣдями съ Кореею и приблизились также къ Японіи. Пріобрѣтеніе нами края, драгоцѣннаго для насъ во многихъ отношеніяхъ и столь же, если не больше, желаннаго теперь для Китая, могло совершиться безъ кровопролитной войны, только благодаря удачному выбору историческаго момента. Мы не встрѣтили и не могли встрѣтить въ

то время протеста со стороны нашихъ новыхъ сосѣдей, Японіи и Кореи.

Послѣдняя, трусливо замкнутая не только для Японіи, имѣвшей на югѣ полуострова, въ бухтѣ Фузанъ, незначительныя факторіи, но и для своего номинальнаго сюзерена Китая, торговый обмѣнъ съ которымъ ограничивался двумя, тремя ярмарками вдоль сухопутной границы,—тогда еще не привлекала вниманія промышленныхъ государствъ Европы, и ею интересовались болѣе съ научной точки зрѣнія, чѣмъ съ утилитарной. Нѣсколько іезуитовъ-миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ евангельское ученіе преимущественно въ столицѣ и ея окрестностяхъ, жили въ постоянномъ страхѣ за жизнь свою и своихъ учениковъ, а правительство, погрязшее въ развратѣ, стяжаніи и интригахъ, было слишкомъ слабо и индифферентно, чтобы заявлять свое мнѣніе по международнымъ вопросамъ.

Японіи тоже было не до насъ. Тамъ въ это время обострились отношенія между Кіото и Гедо. Власть Шогуна, поколебленная въ корнѣ, должна была вскорѣ уступить законному владыкѣ страны—Микадо. Народъ, принимавшій въ этой борьбѣ горячее участіе, видѣлъ въ иностранцахъ варваровъ, заниматься которыми ему не было ни досуга, ни охоты.

Англія была еще далеко отъ насъ, и притомъ она только-что окончила войну съ Китаемъ; наконецъ, послѣдній, еще не оправившійся отъ нашествія союзниковъ и ослабленный многолѣтнею, еще свирѣпствовавшею братоубійственною борьбою съ тайпингами, не имѣлъ другого исхода, какъ слѣпо уступить намъ и подписать нашъ пекинскій договоръ.

Такимъ образомъ мы появились въ средѣ новыхъ сосѣдей съ свѣжими силами и съ выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніемъ. Надо думать, что еслибы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы начали дѣйствовать съ глубокимъ убѣжденіемъ въ великомъ государственномъ значеніи для Россіи приамурскаго края и съ сознаніемъ роли, какую суждено намъ играть въ восточной Азіи, мы врядъ ли бы встрѣтили серьезныя препятствія. Но къ сожалѣнію только немногіе имѣли ясное понятіе о громадной выгодѣ, достигнутой нами захватомъ открытаго моря; масса относилась къ Амуру недовѣрчиво и скептически. Благодаря этому, мы пропускали безцѣльно годъ за годомъ, исподоволь освоиваясь съ новымъ краемъ и мало—можно даже сказать: совсѣмъ—не заботились о сосѣдяхъ. Такъ протекло четверть столѣтія, и какъ измѣнилось все на берегахъ Тихаго океана! Одни мы, повидимому, продолжаемъ идти ощупью, не намѣтивъ себѣ и до сихъ поръ

ясно и опредѣленно конечныхъ цѣлей нашей политики, внутренней и внѣшней.

Мы считаемъ не лишнимъ попытаться дать бѣглую характеристику сопредѣльныхъ съ нами странъ, какими онѣ являются теперь. Начнемъ съ Японіи. Ошибочно приписываютъ непосредственному вліянію европейцевъ паденіе Шогуна, возстановленіе власти Микадо и упраздненіе феодализма. Иностранцы были только поводомъ, но не причиною уничтоженія двойственности верховной власти, и появленіе ихъ развѣ только ускорило событія, но и безъ нихъ гроза должна была разразиться: почва была достаточно подготовлена для революціи. Насъ завело бы слишкомъ далеко подробное изложеніе междоусобной борьбы, начавшейся въ 1860 году и закончившейся въ 1869 возстановленіемъ верховной власти, какъ она существовала въ Японіи до 1200 г. по Р. Х. Скажемъ только, что реставрація Микадо не была плодомъ интриги партіи, но дѣломъ народнымъ. Она приблизила къ трону лучшія силы изъ всѣхъ слоевъ общества, и правительство до сихъ поръ опирается на людей, которые въ то смутное время или геройски вели къ побѣдамъ войска Микадо, или помогали ему совѣтомъ. Уничтоженіе феодализма (въ 1871 г.) было мѣрою высокополитичною. Учрежденный восемь столѣтій тому назадъ феодализмъ въ послѣднее время пересталъ быть прежнею могущественною силою: задолго еще до окончательнаго своего паденія, это былъ лишь пустой звукъ и великая неправда. Дайміосы измѣнились и опустились: изъ нихъ не насчитывалось и десяти человѣкъ самостоятельныхъ и властныхъ. Всѣмъ заправляли ихъ наперсники, люди, безъ сомнѣнія, талантливые, но не высокорожденные. Они же предпочтительно занимаютъ и теперь всѣ выдающіяся административныя должности. Еще болѣе серьезною причиною уничтоженія феодальной системы являлось сознаніе, что при ней немыслимы ни народное развитіе, ни общественный миръ. Духъ клана, порождаемый ею, не допускалъ національнаго единства. Пока японецъ считалъ своимъ отечествомъ кланъ, къ которому принадлежалъ, въ немъ не могло развиться и окрѣпнуть чувство патріотизма.

Возстановленная имперія, крайне недовѣрчиво относившаяся къ варварамъ и въ первые дни свои даже отрекшаяся отъ трактатовъ, подписанныхъ со стороны Японіи Шогуномъ, вскорѣ пришла къ противоположному мнѣнію и смѣло вошла въ международныя сношенія съ Европою и Америкою. Этотъ быстрый переворотъ не былъ вызванъ извнѣ: его нельзя приписывать исключительно ни протесту соединенныхъ эскадръ въ Кагошимѣ и Ши-

моносэки, ни выгодамъ, представлявшимся отъ расширенія торговли; настоящую причину надо искать глубже, и мы ее найдемъ, если вспомнимъ, что благороднѣйшая черта въ характерѣ японца — самолюбіе, благодаря которому онъ стремится къ самоусовершенствованію, лишь только замѣтитъ, что очутился ниже и слабѣе другихъ. Характеръ японскаго народа симпатичный: онъ имѣетъ болѣе хорошихъ чертъ, чѣмъ дурныхъ. Если ему чужды цѣломудріе и воздержаніе и онъ иногда грѣшитъ противъ правды, не обладаетъ настойчивостью и постоянствомъ, присущими китайцу, въ достаточной мѣрѣ вѣтренъ и нерѣшителенъ, за то онъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не задумается принести имъ себя въ жертву: такъ, во время гоненія на христіанъ, тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей спокойно шли на самыя ужасныя мученія и воспринимали мученическую смерть. Японскій селянинъ, какъ и всѣ его собратья въ другихъ странахъ, консервативенъ и суевѣренъ до мозга костей; онъ не вмѣшивается въ политику, въ которой ничего не смыслитъ. Горожане-ремесленники болѣе развиты, но въ политическомъ отношеніи также еще дѣти. Японскій купецъ не особенно предпріимчивъ и въ моральномъ отношеніи уступаетъ китайцу, замѣчательно честному въ торговлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ японецъ гостепріименъ, довѣрчивъ, откровененъ, справедливъ и изысканно вѣжливъ; онъ одаренъ въ высшей степени сильнымъ воображеніемъ и легко увлекается блескомъ. Интеллигентный классъ почти исключительно состоитъ изъ прежнихъ самураевъ, т.-е. воиновъ. Постоянныя войны и лагерная жизнь породили многочисленную и могучую корпорацію, въ которой военная профессія сдѣлалась наслѣдственною. Но японскій воинъ не былъ грубымъ развратникомъ подобно войскамъ средневѣковой Европы: онъ въ мирное время занимался науками и искусствами и былъ всегда и во всемъ первымъ. Характерная черта самурая — высокое, почти болѣзненное понятіе о чести, что, при другихъ его качествахъ — утонченной вѣжливости, гостепріимствѣ, отзывчивости ко всему прекрасному — дѣлаетъ его вполнѣ симпатичнымъ. Не даромъ Японія всегда возлагала на него надежды: онъ умѣлъ защищать ее отъ враговъ и вести впередъ по пути прогресса. Ему она обязана и послѣднимъ переворотомъ, и настоящимъ обновленіемъ. Благодаря ему, военный геній и доблесть такъ рѣзко отмѣчаютъ японцевъ отъ прочихъ народовъ восточной Азіи. Пренебрегать Японіею, съ ея 34 милліонами, имѣющею хорошо организованное войско и современный флотъ, было бы большою ошибкою. У насъ съ нею кстати нѣтъ общихъ экономическихъ интересовъ, могущихъ послужить яблокомъ

раздора, а въ политическомъ отношеніи задачи наши также не расходятся, какъ увидимъ дальше; поэтому намъ легко упрочить добрыя взаимныя отношенія, какія, насколько намъ извѣстно, существуютъ между нашимъ правительствомъ и имперіею Микадо.

Другой нашъ сосѣдъ—Китай—заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и изученія. Съ востока, на протяженіи болѣе 5,000 верстъ, его омываютъ воды Тихаго океана, куда вливаются его громадныя рѣки, занимающія своими бассейнами почти всю площадь срединнаго государства. Эти рѣки, судоходныя на тысячи верстъ, служатъ дешевыми и удобными путями сообщенія. Давая заработокъ милліонамъ лодочниковъ, морской и рѣчной каботажъ воспитываетъ отличный контингентъ для флота. Минеральныя богатства, почти нетронутыя, сулятъ, съ развитіемъ раціональныхъ способовъ эксплуатаціи, несмѣтныя богатства. Земледѣліе достигло высокой степени совершенства: поля обрабатываются почти исключительно въ ручную и напоминаютъ тщательно воздѣланные огороды. Располагая такими естественными богатствами, трудолюбивое 300-милліонное населеніе Китая, безъ сомнѣнія, можетъ всегда быть независимо отъ другихъ странъ въ экономическомъ отношеніи. На югѣ Китай сталъ на-дняхъ и, разумѣется, вопреки своему желанію, сосѣдомъ Франціи; захватъ англичанами части бирманскаго королевства увеличилъ протяженіе его границы съ британскою Индіею. Остальная его сухопутная граница на протяженіи 8.000 верстъ идетъ вдоль нашей территоріи и на крайнемъ востокѣ отходитъ круто на югъ. Тутъ двѣ рѣки: Тумэнь, впадающая въ Японское море, и Ялу, текущая въ Печилійскій заливъ, замыкаютъ Корею отъ свободнаго торговаго общенія съ Китаемъ, бывшимъ ея сюзереномъ, а нынѣ негласнымъ политическимъ руководителемъ. Къ Сибири прилегаютъ: сомнительной вѣрности Китаю Монголія и драгоцѣнная для имперіи, какъ колыбель династіи, Маньчжурія.

Государственный организмъ Китая индивидуаленъ, какъ и самый народъ, косность и консерватизмъ котораго могутъ быть сравнены только съ его же гражданскою и семейною дисциплиною и фаталистическимъ повиновеніемъ властямъ. Со времени заключенія нами пекинскаго договора, дайцинская имперія была вынуждена, также какъ и Японія, отрѣшиться отъ многихъ традицій и серьезно подумать о реформахъ. Но тогда какъ въ Японіи революція была вызвана преимущественно нравственными мотивами и передѣлала по европейскому шаблону весь государственный и административный строй, отразилась рѣши-

тельно на всемъ, заставила японцевъ даже отречься отъ своего національнаго костюма,—Китай, въ смыслѣ государственномъ и административномъ, остался неприкосновеннымъ. Прорытіе Суэзскаго канала, приблизившее къ Китаю Европу почти на мѣсяцъ пути, неосторожныя и ничѣмъ не извиняемыя политическія ошибки, какъ наша кульчжинская, японскій дессантъ на Формозѣ и присвоеніе Японіею островов Лью-кью, тонкинская экспедиція французовъ и захватъ англичанами Бирмы,—наконецъ, непрерывно вспыхивающіе, на разныхъ концахъ имперіи, мятежи—однимъ словомъ, опасеніе враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ вынудило правительство богдыхана, скрѣпя сердце, допустить новшества европейской цивилизаціи. Во главѣ новаго движенія сталъ человѣкъ съ желѣзною волею и чисто китайскою изворотливостью, чжилійскій вице-король Ліи-хун-чжанъ. Армія въ Китаѣ не составляетъ одного цѣлаго, какъ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ. Защита территоріи возлагается на мѣстную администрацію, обязанную на провинціальныя средства держать въ исправности крѣпости, содержать флотъ и, по требованію обстоятельствъ, нанять, вооружить, обучить и оплачивать войска. Воинскую повинность несутъ только маньчжуры, утратившіе давно боевой пылъ и военную удаль. Естественно, что реформы начались съ того, что оборона столицы, лежащая на Ліи-хун-чжанѣ, стала постепенно приводиться на современную ногу; крѣпости, построенныя имъ въ послѣднее время, не оставляютъ желать ничего лучшаго и вооружены прекрасно. Небольшая армія его (до 40 тысячъ человѣкъ) хорошо обучена и превосходно вооружена. Китаецъ выносливъ, нетребователенъ, привыкъ къ повиновенію и индифферентенъ къ смерти,—всѣ качества, обѣщающія, что изъ него выйдетъ хорошій солдатъ. Тонкинская экспедиція наглядно это доказала, хотя мы могли бы привести изъ исторіи Китая случаи сознательнаго самопожертвованія цѣлыхъ отрядовъ и геройскіе подвиги, какъ предводителей, такъ и солдатъ. Не слѣдуетъ забывать, что французы имѣли дѣло не съ регулярными войсками, а со всякимъ сбродомъ, наскоро нанятымъ и вооруженнымъ какъ попало. По отзывамъ китайцевъ въ этой импровизированной арміи не только не было офицеровъ, но и главные отвѣтственные посты замѣщались кое-какъ: ни одинъ изъ выдающихся генераловъ Ліи-хун-чжана не участвовалъ въ этомъ походѣ. Какъ полки Петра Великаго разрослись съ годами въ могучую и доблестную русскую армію, такъ, надо думать, корпусъ Ліи-хун-чжана будетъ военнымъ разсадникомъ Китая. Потребность въ современно обученныхъ офицерахъ сознана имъ,

и въ Тяньцзинѣ открыто первое военное училище. Флотъ, ежегодно увеличивающійся нѣсколькими судами лучшихъ типовъ, преимущественно съ англійскихъ и нѣмецкихъ верфей, уже значительно перегналъ японскій численностью судовъ и ихъ боевыми качествами. Арсеналы, изъ которыхъ иные, какъ, напримѣръ, гириньскій, обходятся безъ помощи европейцевъ, работаютъ довольно успѣшно и выпускаютъ весьма изрядныя произведенія. Судя по всему и принимая, главнымъ образомъ, въ соображеніе коренную черту китайскаго характера—недовѣріе ко всему чужеземному, можно ожидать, что китайское правительство постарается выйти возможно скорѣе изъ зависимости по военно-технической и судостроительной части отъ разныхъ Круппов, Амстронговъ, Шигау и Коверилей. Съ ихъ талантомъ систематически устанавливать и проводить всякое дѣло, китайцы допускаютъ европейцевъ лишь въ качествѣ учителей, а отнюдь не эксплуататоровъ: они очень тонко поддерживаютъ рознь между нѣмцами и англичанами, находящимися у нихъ на службѣ, и пользуются ею. Оплачивая щедро трудъ этихъ наемщиковъ, они требуютъ отъ нихъ усиленной работы, и надо отдать справедливость, что работа эта почти всегда очень продуктивна. Напримѣръ, по отзывамъ спеціалистовъ, китайская императорская таможня, учрежденная и много лѣтъ управляемая англичаниномъ, г-мъ Гартомъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Недавно возникшее въ Китаѣ телеграфное дѣло, подъ руководствомъ избранныхъ лицъ, рекомендованныхъ датскимъ сѣвернымъ телеграфнымъ обществомъ, дѣлаетъ замѣчательные успѣхи. Нагляднымъ примѣромъ служитъ линія отъ Нючуана до Хуньчуна (областной городъ въ 30-ти верстахъ отъ залива Посьета), начатая весною, на-дняхъ закончена и доведена даже до самой границы, въ ожиданіи соединенія съ нашимъ телеграфомъ (со словъ инспектора телеграфовъ восточныхъ провинцій Даотая, Шэ-чан-ю, эти 1.200 верстъ, съ устройствомъ въ пяти городахъ: Нючуанѣ, Мукуэнѣ, Гиринѣ, Нингутѣ и Хуньчунѣ, станцій, обошлись правительству 60.000 рублей кредитными). На пяти станціяхъ этой линіи всѣ телеграфисты—китайцы. На будущій годъ проволока соединитъ съ Гириномъ г. Айгунъ (727 верстъ), что около Благовѣщенска, на рѣкѣ Амурѣ. Помимо этихъ двухъ линій, предположено соединить съ Пекиномъ всѣ главные города девятнадцати провинцій застѣннаго Китая.

Не видимъ основанія ожидать теперь отъ Китая систематическаго ретрограднаго движенія. Вопреки протестамъ закоснѣлыхъ цензоровъ, правительство свыклось съ мыслью о необходимости

желѣзныхъ дорогъ и не смотритъ болѣе на нихъ съ прежнимъ ужасомъ и недовѣріемъ. Также стали поговаривать въ Китаѣ о преобразованіи, по европейскому образцу, почтовыхъ учрежденій. Всѣ эти, крупныя, по своему значенію для общаго блага государства, нововведенія затѣяны и приводятся въ исполненіе вице-королемъ Ліи-хун-чжаномъ, имѣющимъ на своей сторонѣ симпатіи и лучшія силы китайскаго народа. Санкція верховной власти настойчиво вымогается этимъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ подъ предлогомъ необходимости всѣхъ этихъ новшествъ для защиты государства. Онъ не отступаетъ ни передъ какими затрудненіями и расходами и щедрою рукою истощаетъ свою казну, чтобы наглядно доказать своему правительству преимущества европейской техники и знаній. Онъ съумѣлъ настоять на неслыханномъ до сихъ поръ отступленіи отъ свято соблюдаемаго этикета: дядя императора, князь Чунгъ, покинувъ столицу, лично произвелъ смотръ его войскамъ, флоту и крѣпостямъ и вернулся въ Пекинъ, безъ сомнѣнія глубоко потрясенный всѣмъ видѣннымъ. Впервые онъ бесѣдовалъ съ адмиралами англійской и французской эскадръ, пашедшихъ полезнымъ торжественно привѣтствовать его въ Чифу, а по возвращеніи въ столицу, въ первый разъ пригласилъ представителей всѣхъ иностранныхъ державъ на банкетъ. Не служитъ ли все это ручательствомъ, что если китаецъ и не обрѣзаетъ косу, символъ подданства царствующей въ Китаѣ маньчжурской династіи, не облекается, какъ японецъ, въ европейское платье, а продолжаетъ носить свои шелковые халаты и курмы, то во всякомъ случаѣ его охватилъ духъ времени, и онъ пойдетъ по пути, пройденному какъ нами, такъ и всѣми народами, можетъ быть медленнѣе, самобытнѣе, ибо онъ слишкомъ долго пробылъ въ летаргическомъ снѣ, но тѣмъ не менѣе пойдетъ впередъ, а не назадъ. Жизненной силы въ китайскомъ народѣ много, и цивилизація его имѣетъ огромное обаяніе; чѣмъ иначе объяснить легкость, съ какою онъ ассимилируетъ народности, его порабощавшія, какъ, напримѣръ, монгольскую и маньчжурскую? Теперь рѣдкость встрѣтить маньчжура, говорящаго на своемъ родномъ языкѣ. Даже люди высшей культуры испытываютъ на себѣ ихъ чарующую силу, и чѣмъ долѣе живутъ и сближаются съ китайцами, какъ, напримѣръ, миссіонеры, тѣмъ сильнѣе и незамѣтно для самихъ себя подчиняются ихъ вліянію. Не отвергая почти непреодолимыя препятствія, какія самомнѣніе и крайній консерватизмъ китайцевъ будутъ на каждомъ шагу воздвигать противъ наплыва идей Запада, мы рѣшаемся, однако, допустить, что послѣднія, можетъ быть, долго еще не расша-

таютъ семейный и общественный строй, но неизбѣжно поведутъ къ реорганизаціи изстари существующаго въ Китаѣ административнаго порядка, высоко гуманнаго по принципу, лежащему въ его основаніи (семейное начало), но давно отжившаго свой вѣкъ, благодаря продажности китайскихъ чиновниковъ. Помимо этого, правительство будетъ вынуждено къ реформамъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что при существующемъ порядкѣ вещей императорская казна далеко не обладаетъ средствами, необходимыми для содержанія арміи и флота и другихъ, дорого стоющихъ, частей сложнаго государственнаго механизма. Китай, въ переживаемое нами время, уже не тотъ, что былъ 25 лѣтъ тому назадъ. Безпомощный тогда передъ корпусомъ союзниковъ, численностью всего до 15 тысячъ человѣкъ, онъ на-дняхъ, безъ особыхъ усилій, выдержалъ борьбу съ Франціею, на окраинѣ, совершенно не подготовленной къ оборонѣ, и если не дѣйствовалъ рѣшительнѣе, то только благодаря недостатку денегъ въ государственномъ казначействѣ. Хотя, повидимому, результаты, достигнутые Франціею, могутъ показаться удовлетворительными, но уже и теперь раздаются въ парижской печати голоса, обвиняющіе правительство за эту экспедицію и доказывающіе, что Франція, присоединивши новую территорію сомнительной доходности, сдѣлалась сосѣдомъ Китая и вынуждена будетъ выдержать одна изъ первыхъ напоръ китайскихъ полчищъ, когда дайцинская имперія окрѣпнетъ настолько, что ринется съ многочисленною арміею на завоеваніе Европы. Трудно раздѣлять эти крайнія мнѣнія французскихъ пессимистовъ, не одобряющихъ колоніальную политику кабинета Ферри. Подобныя опасенія скорѣе должны бы были высказывать мы, и серьезно имѣть ихъ всегда въ виду, такъ какъ Россія служитъ естественнымъ щитомъ Европѣ противъ „желтаго человѣка". Потери, понесенныя Китаемъ въ Тонкинѣ, для него мало ощутительны, за то онъ много пріобрѣлъ въ нравственномъ отношеніи. Не даромъ „Times" смѣло поставилъ его на подобающее ему мѣсто въ ряду первоклассныхъ государствъ. Китай воспрянулъ духомъ и съ большою энергіею принялся за вооруженіе. Въ Тонкинѣ французы забыли, какъ мы въ Кульчжѣ, основной принципъ, что отъ азіатскаго народа должно требовать только того, что можетъ быть дѣйствительно достигнуто или пріобрѣтено силою, и что малѣйшая уступка, вынужденная слабостью, истолковывается китайцами какъ пораженіе и заставляетъ ихъ относиться къ противнику съ презрѣніемъ.

Характеръ китайскаго народа съ трудомъ поддается правильному опредѣленію. Часто въ одной личности соединены добро-

дѣтели и пороки, повидимому исключающіе другъ друга. Вѣжливый, покорный, гостепріимный, прилежный, повинующійся властямъ, почитающій родителей и старцевъ, къ удивленію, онъ нерѣдко бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ скрытнымъ, лживымъ, жестокимъ, льстивымъ, неблагодарнымъ и скупымъ. Удивительно, что, не взирая на политическія и нравственныя условія жизни, національный характеръ китайца представляетъ наблюдателю больше добрыхъ сторонъ, чѣмъ дурныхъ. Религія китайцевъ—сплошное суевѣріе; ихъ судьи продажны; судебное слѣдствіе основано на пыткѣ; наказанія большею частью возмутительно жестоки; полиція крайне нечестная, а тюрьмы—сущій адъ. Полигамія и отчасти рабство не остаются безъ вліянія на семейную жизнь: свадебные законы и обычаи обезличиваютъ женщину и низводятъ ее на степень товара. Все это не говоритъ въ пользу религіозныхъ, политическихъ, административныхъ и соціальныхъ учрежденій Китая; тѣмъ болѣе поразительно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ китайцы, въ общемъ, являются народомъ дисциплинированнымъ, вѣжливымъ, мирнымъ, промышленнымъ, выдержаннымъ и крѣпко стоящимъ за свою національность. Въ низшихъ классахъ особенно поражаетъ присущая всѣмъ практичность; высшіе—упорно и настойчиво стремятся къ образованію, дающему право на служебное повышеніе. Правители отличаются сознаніемъ собственнаго достоинства, нерѣдко замѣчательною широтою взгляда и патріотизмомъ. Можно ли при такихъ данныхъ поручиться, что такому народу не предопредѣлено играть въ будущемъ еще болѣе блистательную роль, чѣмъ въ прошедшіе вѣка его историческихъ тысячелѣтій?

Третій нашъ сосѣдъ—Корея, или Гаосіенъ, тоже встрепенулся и вышелъ изъ своего уединенія, въ которомъ пробылъ долгое время изъ опасенія новыхъ столкновеній съ Японіею и Китаемъ, отъ которыхъ онъ часто и сильно страдалъ въ прошломъ. Исторія корейскаго народа писана его кровью. Съ незапамятныхъ временъ этотъ несчастный полуостровъ служитъ ареною страшныхъ драмъ, порождаемыхъ азіатскими войнами. Насъ завлекло бы слишкомъ далеко перечисленіе походовъ китайцевъ, маньчжуръ и японцевъ на Корею; общій характеръ ихъ одинаковъ и исходъ одинъ и тотъ же. Ни отчаянное сопротивленіе войскъ, выказывавшихъ иногда замѣчательную стойкость, ни хитрость и вѣроломство правителей не спасали Корею отъ пораженій, и, не будучи никогда сама по себѣ могущественною, она часто была вынуждена оказывать содѣйствіе Китаю противъ народовъ, заселявшихъ нынѣшній нашъ южно-уссурійскій край и юго-восточ-

ную Маньчжурію, навлекая на себя этимъ вражду и мщеніе; точно также корейцы временами помогали Японіи противъ Китая, но почти всегда ареною борьбы была корейская территорія, и всѣ ужасы войны ложились на корейскій народъ, не давая ему возможности оправиться и отдохнуть. Первое столкновеніе Японіи и Китая на корейской землѣ произошло въ 663 г. по Р. Х., и въ послѣдующія двѣнадцать столѣтій еще не разъ Корея видѣла у себя непрошенными гостями своихъ могущественныхъ сосѣдей. Въ дѣйствительности Корея никогда не могла считаться вполнѣ самостоятельною. Она неизмѣнно платила дань то Японіи, то Китаю, а иногда и обоимъ единовременно, но судьба ея главнымъ образомъ связана съ дайцинскою имперіею, какъ болѣе близкимъ и сильнымъ сосѣдомъ. Опасаясь его, Корея болѣе 800 лѣтъ тому назадъ признала его сюзереномъ, и всякой новой династіи, воцарявшейся тамъ, спѣшила выразить свою преданность. Характерно, что во время борьбы маньчжуръ съ китайцами, Корея, платившая тогда дань Японіи и Китаю, была вынуждена маньчжурами помогать и этимъ послѣднимъ. Китай имѣлъ неоднократно возможность присоединить окончательно Корею къ своимъ владѣніямъ, но не дѣлалъ этого, благодаря особенной политикѣ, выработанной имъ въ отношеніи мелкихъ государствъ, его окружающихъ. Онъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ держать ихъ, хотя бы номинально, въ вассальной зависимости и пользоваться въ нуждѣ ихъ услугами, чѣмъ брать на себя отвѣтственность за ихъ благополучіе и вливать въ государственный организмъ Китая народности, несравненно ниже его стоящія по своему развитію. Съ воцареніемъ маньчжурской династіи, связь съ Кореею все болѣе слабѣетъ. Вассальныя отношенія ограничиваются признаніемъ вступающаго на корейскій престолъ короля и ежегоднымъ посольствомъ, отправляющимся изъ Кореи въ Пекинъ за календаремъ. Подарки, привозимые этимъ посольствомъ императору отъ лица короля, щедро оплачиваются. Въ 1866 г., по случаю избіенія французскихъ миссіонеровъ въ Кореѣ, французскій посланникъ въ Китаѣ, г. де-Беллонэ, заявилъ китайскому правительству самымъ рѣзкимъ образомъ протестъ, на что китайское правительство отвѣтило, что не признаетъ себя въ этомъ дѣлѣ причастнымъ, такъ какъ Корея самостоятельна. Такимъ образомъ, благодаря опасенію столкновенія съ Франціею, Китай оффиціально отрекся отъ своихъ правъ на Корею, чѣмъ воспользовалась, десять лѣтъ спустя, Японія, заключивъ съ послѣднею договоръ на основаніи полнаго равенства. Примѣру ея послѣдовали въ 1882 году Соединенные-Штаты Сѣверной Аме-

рики, а затѣмъ Англія и Германія, всѣ три при бо́льшемъ или меньшемъ содѣйствіи Китая, заключившаго тогда съ нею торговый трактатъ. Китайскому правительству нежелательно было упроченіе въ Кореѣ японскаго вліянія; его еще болѣе страшилъ призракъ захвата Кореи Россіею, о вѣроятіи чего его постоянно и настойчиво увѣряли наши доброжелатели. Къ этимъ причинамъ слѣдуетъ прибавить, что Корея, служащая взаимно щитомъ Японіи и Китаю другъ противъ друга, перестанетъ имъ быть для той изъ этихъ державъ, которая допуститъ противника въ ней основаться. Еще опаснѣе, и уже для обоихъ государствъ, если-бы Корея такъ или иначе, но фактически подчинилась вліянію одной изъ сильныхъ европейскихъ державъ, такъ какъ южная часть Корейскаго полуострова представляетъ въ военномъ отношеніи удобную базу для оперированія какъ въ Печилійскомъ заливѣ, такъ и на югѣ Японіи. Полагаемъ, что подобные мотивы руководили дайцинскимъ правительствомъ, и оно не видѣло другого способа нейтрализаціи Кореи, какъ введеніе ея въ общеніе съ европейскими государствами, логично разсчитывая, что ревнивое недовѣріе ихъ другъ къ другу будетъ лучшею гарантіею автономіи Кореи. Казалось бы, что захватъ англичанами порта Гамильтонъ говоритъ противъ насъ, но мы постараемся доказать ниже, что это не такъ, и что и въ этомъ дѣлѣ Китай придерживается приведенныхъ нами соображеній.

Бѣглый взглядъ, брошенный нами на исторію Кореи, приводитъ насъ къ заключенію, что корейское правительство, не пользовавшееся никогда полною самостоятельностью и уваженіемъ, какъ народа, такъ и сосѣдей, вѣроломное и жестокое настолько, что неотличающіеся мягкосердечіемъ маньчжуры вынуждены были (въ началѣ XVII ст.) совѣтовать королю прекратить слишкомъ частыя казни и убійства, не могло вліять въ благопріятномъ смыслѣ на характеръ народа. Разбитый на классы, такъ же строго обособленные другъ отъ друга, какъ касты въ Индіи, онъ эксплуатируется самымъ наглымъ и возмутительнымъ образомъ дворянами, невѣжественными, развратными и лѣнивыми. Государственная служба есть прерогатива дворянъ, а такъ какъ дворяне, даже нищіе, считаютъ ниже своего достоинства заниматься какимъ-либо дѣломъ, торговлею, ремесломъ или земледѣліемъ, и возлагаютъ всѣ свои надежды на полученіе однимъ изъ членовъ семьи административнаго поста, то естественно, что чиновникъ, даже самый мелкій, вынужденъ кормить и содержать нерѣдко до сотни людей. Хищеніе повсюду невѣроятное, и производится оно не только мелкими чиновниками, но и самыми

крупными. Изъ прошлаго лучшимъ тому примѣромъ служитъ поведеніе посольства изъ восьми лицъ, отправленныхъ корейскимъ королемъ въ срединѣ XVII столѣтія къ маньчжурамъ съ разными подарками. Послы не задумались продать королевскіе подарки, за что, разумѣется, были приговорены къ смерти. Въ настоящее время чины высшей корейской администраціи, въ нравственномъ отношеніи не уступающіе упомянутымъ посламъ, мечтаютъ о выгодахъ, какія они могутъ извлечь изъ общенія съ европейскими державами, разсчитывая на подачки, какія имъ перепадутъ, и готовы продать себя и родину тому, кто больше предложитъ. Низкая погоня за наживой разбила дворянство на партіи, связующимъ элементомъ которыхъ служитъ родство. Эти партіи постоянно интригуютъ другъ противъ друга и не брезгуютъ ничѣмъ, чтобы вырвать у противника лакомый кусокъ. Бѣдствія народа подъ властью такихъ не правителей, а грабителей, по истинѣ невыносимы. Непрерывный грабежъ чиновниковъ, отсутствіе всякой справедливости въ судѣ, еще болѣе жестокія пытки и казни, чѣмъ въ Китаѣ, многоженство, рабство и крайній деспотизмъ властей породили въ народѣ массу пороковъ. Зная, что всякій излишекъ, пріобрѣтенный усиленнымъ трудомъ, будетъ у него непремѣнно отобранъ чиновниками, кореецъ работаетъ только для удовлетворенія своихъ крайне неприхотливыхъ потребностей и никогда не дѣлаетъ запасовъ. Послѣдствіемъ этого частыя голодовки, уносящія много жертвъ, въ особенности въ сѣверныхъ провинціяхъ. Скрытность, трусость, лживость и воровскія наклонности—характерныя черты корейца, и какъ бы мы ни желали смягчить типъ этого несчастнаго народа, приписавъ ему хоть нѣсколько добрыхъ качествъ, но, кромѣ почитанія родителей и чисто удивительнаго долготерпѣнія и выносливости, къ сожалѣнію, ничего не находимъ. Воинская повинность лежитъ всецѣло на одномъ сословіи (сянгноми); всѣ мужчины этого сословія отъ 16 до 50-лѣтняго возраста обязаны службою, но имѣютъ право замѣщать себя рабами или откупаться ежегоднымъ денежнымъ взносомъ. Корея не имѣетъ ни арміи, ни флота, и неудачи, понесенныя французами и американцами, должно приписать исключительно случаю. Корейскій полуостровъ чрезвычайно гористый, и удобныхъ для хлѣбопашества земель только едва достаточно для прокормленія народа, и то, какъ мы выше сказали, въ перемежку съ голодными годами. Въ минеральныя богатства Кореи, служившія ранѣе приманкою для европейцевъ, теперь никто не вѣритъ. Край бѣденъ, и пока нѣтъ никакихъ данныхъ ожидать въ скоромъ времени улучшенія народнаго благосостоянія. Хотя

внѣшняя торговля въ трехъ открытыхъ для европейцевъ портахъ—преимущественно въ рукахъ японцевъ (75%) и китайцевъ, но предметами ввоза служатъ англійскіе фабрикаты [1]). Ввозъ и вывозъ производятся почти исключительно на японскихъ пароходахъ. Годовой оборотъ сухопутной торговли сѣверной провинціи Хамкіендо съ нами не превышаетъ $^1/_2$ милліона рублей. Мы получаемъ оттуда рогатый скотъ весьма низкаго качества. При общей бѣдности народа и правящихъ классовъ, цивилизація, заимствованная отчасти изъ Японіи, но преимущественно изъ Китая, несравненно ниже, чѣмъ въ обоихъ помянутыхъ государствахъ. Литература почти исключительно китайская, письмена—также. Искусства и ремесла не процвѣтаютъ, во всемъ чувствуется мертвый застой. Нельзя ожидать въ скоромъ времени возрожденія Кореи, а при существующихъ порядкахъ матеріальное благосостояніе немыслимо. Необходима самая радикальная ломка, пересозданіе всего государственнаго строя и организма и систематическое перевоспитаніе народа въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ поколѣній. Но мы не видимъ въ корейскомъ народѣ элементовъ для такой революціи, и не можемъ разсчитывать, чтобы примѣръ Японіи и Китая подѣйствовалъ на него возбуждающимъ образомъ.

Изъ бѣглаго взгляда, брошеннаго нами на перемѣны, совершившіяся въ послѣднее время въ трехъ ближайшихъ и сопредѣльныхъ съ нами на крайнемъ Востокѣ государствъ, явствуетъ, что отношенія наши къ нимъ значительно осложнились, и что намъ невозможно игнорировать ни взаимное ихъ положеніе, ни стремленія политики ихъ правительствъ. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что, за разсматриваемый нами промежутокъ времени, Франція, заинтересованная въ Китаѣ болѣе судьбою католическихъ миссіонеровъ, чѣмъ торговлею, пріобрѣла обширную и неспокойную колонію въ Тихомъ океанѣ, и что Англія значительно усилила рессурсы своей обороны проведеніемъ желѣзной дороги черезъ Канаду, укрѣпленіемъ Ванкувера, Гонконга и другихъ морскихъ станцій; австралійскія колоніи положили начало мѣстной военной флотиліи, построивъ нѣсколько миноносокъ и канонерскихъ лодокъ. Англія переняла отъ насъ идею нашего добровольнаго флота и учредила особую повинность, которою обезпечила себѣ пользованіе, на случай войны, большимъ числомъ

---

[1]) Годовой оборотъ торговли въ трехъ портахъ: Женчуанъ, Фузанъ и Гензанъ, въ 1885 г.—1.159.322 доллара, болѣе противъ 1884 г. на 573.362 доллара.

быстроходныхъ, приспособленныхъ для военныхъ цѣлей, коммерческихъ пароходовъ, не отягчающихъ государственное казначейство въ мирное время. Мы сами невольно помогли англійскому правительству при проведеніи, конечно, дорого-стоющихъ военныхъ приготовленій, намѣчая имъ ихъ слабыя позиціи. Укрѣпленіе Ванкувера, а можетъ быть, и мысль о постройкѣ канадской желѣзной дороги,—къ чему теперь прибавилось предположеніе учрежденія новой линіи огромныхъ быстроходныхъ пароходовъ отъ Канады до Индіи,—вызваны посылкою нами въ 1877 году одного клипера къ вышесказанному острову. Наша эскадра, посѣтившая затѣмъ австралійскія колоніи, заставила мѣстное правительство подумать объ оборонѣ. Наконецъ, занятіе порта Гамильтонъ, о чемъ сэръ Гарри Парксъ входилъ съ представленіемъ къ своему правительству еще въ первый годъ перенесенія нами военнаго порта изъ г. Николаевска во Владивостокъ, не менѣе тѣсно связано съ неудачными попытками нашихъ моряковъ утвердиться на одномъ изъ острововъ южнаго корейскаго архипелага. Индія, главный объектъ заботливой предусмотрительности Англіи, все ближе придвигается къ намъ, и дальнозоркіе государственные люди Великобританіи съ ужасомъ предвидятъ время, когда Россія сдѣлается непосредственнымъ ея сосѣдомъ и вынудитъ Англію отказаться отъ старыхъ традицій и содержать сухопутную армію по примѣру прочихъ европейскихъ государствъ. Общая воинская повинность и увеличеніе вслѣдствіе этого государственнаго бюджета—грозные призраки, за которыми чудятся другія непріятности: увеличеніе налоговъ и т. п. Англія не въ состояніи поступиться своимъ первенствомъ на морѣ. Это для нея жизненный вопросъ: она существуетъ торговлею и должна быть готова вездѣ, гдѣ развѣвается ея коммерческій флагъ, оказывать ему сильную поддержку и защиту. Вслѣдствіе промышленнаго характера народа ей необходимы рынки для сбыта продуктовъ интенсивной производительности ея мануфактуръ; ея внѣшняя политика съ государствами, какъ Китай, основывается на этомъ и преслѣдуетъ главнымъ образомъ торговыя цѣли. Такое же стремленіе стало замѣтно и со стороны Германіи, сравнительно очень недавно начавшей заигрывать съ Китаемъ ради доставленія сбыта излишка чрезмѣрно развившагося мануфактурнаго производства. По примѣру Англіи и Франціи, она въ нынѣшнемъ году учредила превосходное срочное пароходное сообщеніе между германскими портами и Китаемъ. Она снабжаетъ поднебесную имперію инструкторами; ея коммерческій персоналъ довольно ощутительно конкуррируетъ съ англичанами, издавна освоившимися въ открытыхъ

портахъ Китая. Дипломатическіе агенты германской имперіи, со свойственною нѣмцамъ аккуратностью и усердіемъ, слѣдятъ за интересами ея соотечественниковъ и пытливо высматриваютъ и выжидаютъ обстоятельствъ, съ помощью которыхъ возможно бы было овладѣть по близости Китая удобною станціею для нуждъ эскадры, содержимой Германіею въ Восточномъ океанѣ. Задача эта не представляется недостижимою, если принять во вниманіе, что и второстепенныя европейскія державы—Испанія, Голландія, Португалія—имѣютъ здѣсь также свои колоніи. Въ Тихомъ океанѣ сосредоточиваются теперь разнообразные интересы почти всѣхъ европейскихъ государствъ, обѣихъ Америкъ, Китая и Японіи; политическій центръ тяжести перемѣстился сюда изъ Атлантическаго океана. Для Россіи это тѣмъ болѣе важно, что она не имѣетъ въ Европѣ другого открытаго моря.

Половина азіатскаго материка принадлежитъ намъ; отъ Европейской Россіи Сибирь отдѣлена географически Уральскимъ хребтомъ, но въ дѣйствительности онъ не служитъ преградою общенія между азіатскою и европейскою частями имперіи. За то громадность разстояній и неустройство путей сообщенія, при рѣдкомъ населеніи Сибири—настолько серьезныя препятствія, что наша окраина—скорѣе колонія, чѣмъ часть непрерывнаго цѣлаго. Изъ числа огромныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній Россіи въ Азіи приамурскій край безспорно имѣетъ одинъ государственное значеніе. Отрѣзанный отъ метрополіи, онъ на стражѣ интересовъ имперіи въ Тихомъ океанѣ, и если смотрѣть на него только съ одной этой точки зрѣнія, онъ и то заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и сильнѣйшей поддержки. Прибавимъ къ этому, что Амуръ связалъ съ прочимъ міромъ Забайкалье, что край щедро надѣленъ природными богатствами и можетъ прокормить многомилліонное населеніе. Графъ Муравьевъ-Амурскій, проникнутый великимъ значеніемъ новаго пріобрѣтенія, со свойственною ему прозорливостью и энергіею, положилъ начало заселенія края русскими и начерталъ проекты административной организаціи и военной обороны. Обстоятельства не позволили ему выполнить задуманную программу. Отдѣленіе приамурскаго края отъ восточно-сибирскаго генералъ-губернаторства, признанное имъ безусловно необходимымъ, совершилось только два года тому назадъ. До этого же времени край управлялся изъ Иркутска, не имѣвшаго съ нимъ никакой связи, и, надо сознаться, управлялся очень плохо. За весь этотъ періодъ времени особенно замѣтно отсутствіе всякой системы въ административныхъ мѣропріятіяхъ, касавшихся Амура и носившихъ характеръ чисто случайный. Для

заселенія края русскими людьми, главнаго условія развитія его и фактическаго закрѣпленія за Россіею, не принималось никакихъ серьезныхъ мѣръ. Край представлялъ почти сплошную тайгу съ рѣдко разбросанными, малочисленными казачьими станицами и поселками и съ рѣдкимъ кочевымъ и полуосѣдлымъ инородческимъ населеніемъ. Случайно забредали на Амуръ и въ нынѣшній южно-уссурійскій округъ русскіе крестьяне, но въ очень незначительномъ числѣ. Изученіе мѣстныхъ богатствъ и нуждъ производилось наѣзжими чиновниками изъ Иркутска и дальше, торопившихся проѣхать возможно скорѣе и нигдѣ не засиживаться, изъ опасенія зазимовать на непривѣтливомъ для нихъ Амурѣ. Крайне тяжелыя условія и дороговизна жизни невыгодно отзывались на служащихъ, общій контингентъ которыхъ, въ виду далеко не обезпечивающаго ихъ вознагражденія, не могъ быть удовлетворительнымъ. Интеллигентная жизнь сосредоточилась на устьѣ Амура, въ г. Николаевскѣ, куда былъ перенесенъ военный портъ изъ Петропавловска и гдѣ была резиденція главнаго командира портовъ Восточнаго океана. Судьба сибирской флотиліи, сослужившей краю огромную пользу, была также незавидная. Нашимъ морякамъ приходилось бороться съ суровыми морями и туманами на судахъ устарѣвшаго типа. Военный портъ, только-что кое-какъ обстроившійся въ Николаевскѣ, былъ вскорѣ перенесенъ во Владивостокъ, избранный предпочтительно передъ заливомъ Посьета по необъяснимой недальновидности и непрактичности лицъ, которымъ это дѣло было поручено [1]). Затѣмъ на-

[1]) Владивостокъ, какъ коммерческій портъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ военномъ отношеніи, помимо другихъ неудобствъ, самымъ существеннымъ является огромное протяженіе его оборонительной линіи, что потребуетъ громадныхъ расходовъ для возведенія соотвѣтствующихъ укрѣпленій. Кромѣ того, находясь на оконечности полуострова, онъ можетъ быть блокированъ не только съ моря, но и со стороны материка. Далекіе отъ мысли захвата, силою или куплею, бухты Лазарева, мы считаемъ болѣе выгоднымъ для правительства, не взирая на сдѣланныя уже во Владивостокѣ оборонительныя и портовыя затраты, перенести военный портъ въ заливъ Посьета, превращеніе котораго въ неприступную крѣпость врядъ ли обойдется дороже 15 милліоновъ, т.-е. десятой доли того, что необходимо на укрѣпленіе Владивостока. Рейдъ Паллада, служащій входомъ въ нѣсколько бухтъ залива Посьета, круглую зиму свободенъ отъ льда, но и остальныя бухты замерзаютъ позже и вскрываются ранѣе Золотого Рога. Каменный уголь хорошаго качества залегаетъ тутъ же и въ ближайшихъ окрестностяхъ, что составляетъ немалое преимущество. И кромѣ того, располагая сильною крѣпостью въ точкѣ соединенія границъ Маньчжуріи и Кореи съ нашею, мы будемъ держать подъ своимъ давленіемъ обоихъ нашихъ сосѣдей, расположеніе которыхъ для насъ весьма цѣнно, ибо одинъ снабжаетъ насъ мясомъ, другой можетъ намъ помочь хлѣбомъ. Если же Посьетъ не будетъ сильно укрѣпленъ, то непріятельская эскадра, занявъ его, отрѣжетъ Владивостокъ отъ Кореи, т.-е. отъ на-

чали поговаривать о новомъ передвиженіи морского центра, и на этотъ разъ опять на сѣверъ, въ заливъ Св. Ольги, что, разумѣется, не могло быть приведено въ исполненіе за совершенною непригодностью названной бухты; но это предположеніе послужило временнымъ тормазомъ для развитія Владивостока. Въ настоящее время сибирскую флотилію, объ упраздненіи которой ходятъ слухи, можно считать несуществующею, такъ какъ въ числѣ ея судовъ нѣтъ ни одного современнаго [1]). Укрѣпленіе Владивостока только начато, но, чтобы сдѣлать изъ него первоклассную крѣпость, потребуется болѣе 100 милліоновъ. Какъ видитъ читатель, по истеченіи слишкомъ 25 лѣтъ, мы и въ морскомъ вопросѣ, менѣе сложномъ, чѣмъ остальные, очутились при точкѣ отправленія; долголѣтняго опыта оказалось недостаточно, чтобы уяснить наши дѣйствительныя потребности въ Тихомъ океанѣ. Безъ сомнѣнія, управленіе краемъ, послѣ реформъ, неизбѣжность которыхъ давно чувствуется, и которыя, надѣемся, будутъ теперь скоро проведены въ законодательномъ порядкѣ, дастъ сильный толчокъ его развитію. Но въ настоящее время мы находимся здѣсь далеко не въ завидномъ положеніи: со стороны моря (исключая незначительной по числу судовъ эскадры Тихаго океана) мы не имѣемъ ни одного боевого судна; Владивостокъ, о которомъ шумятъ англичане въ парламентѣ и въ печати, вымогая бо́льшія ассигнованія изъ государственнаго казначейства по военно-морскому бюджету, не есть та грозная твердыня, которая намъ здѣсь безусловно необходима. Сухопутныхъ войскъ, всѣхъ родовъ оружія, кромѣ казаковъ, насчитывается во всемъ приамурскомъ военномъ округѣ не болѣе 15.000 человѣкъ; изъ нихъ въ окрестностяхъ Владивостока около 11.000. Военный базисъ, которымъ должно считать европейскую Россію, такъ какъ въ Сибири войскъ почти нѣтъ, отдаленъ отъ насъ на 7.000 верстъ, лѣтомъ и зимою съ весьма незавидными путями сообщенія, а весною и осенью, т.-е. въ распутицу, и вовсе безъ нихъ. Съ вытѣсненіемъ китайцевъ, проживающихъ въ южно-уссурійскомъ краѣ, земледѣліемъ занимаются здѣсь довольно вяло русскіе и корейцы; на Амурѣ оно сосредоточено въ долинѣ р. Зеи, но вообще далеко не достаточно развито, чтобы прокармливать мѣстнымъ хлѣбомъ войска. Забайкалье, житница Сибири, какъ ее

шего единственнаго мясного рынка, и, пользуясь переименованными нами преимуществами, пріобрѣтетъ для дѣйствія противъ Владивостока лучшій базисъ, чѣмъ даже портъ Гамильтонъ.

[1]) Намъ неизвѣстно, зачислена ли канонерская лодка „Сивучъ“, недавно пришедшая во Владивостокъ изъ Кронштадта, въ сибирскую флотилію.

называли лѣтъ 20 тому назадъ, съ потерею, благодаря пожарамъ, большей части своихъ лѣсовъ, само хронически голодаетъ. Мѣстное скотоводство не успѣло еще развиться, и мы получаемъ рогатый скотъ на Амурѣ изъ Маньчжуріи, а въ южной части Приморской области—почти исключительно изъ Кореи. Коневодство въ Забайкальѣ, вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ, слабѣетъ и порода лошадей ухудшается; на Амурѣ имъ занимаются переселенцы нѣсколько успѣшнѣе, но еще въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; въ Приморской области мы вовсе его не имѣемъ и получаемъ лошадей по высокой цѣнѣ изъ Томска, Забайкалья и съ Амура. О мѣстныхъ путяхъ сообщенія лучше и не упоминать, ибо ихъ фактически не имѣется.

Казалось бы, что, при такихъ условіяхъ, намъ можно думать только о возможно продолжительномъ мирѣ и желать самой энергической дѣятельности правительства и администраціи для увеличенія здѣсь нашихъ рессурсовъ. На этой окраинѣ мы должны быть не только въ состояніи, въ случаѣ неизбѣжности войны, отбить всякаго непріятеля, но обязаны держать русское знамя высоко и мощно, какъ то ему подобаетъ. Но какъ бы разумно и энергично ни принялись за дѣло, пройдетъ еще много лѣтъ, пока огромные наши пустыри заселятся. Потребуются сотни милліоновъ, чтобы устроить въ нихъ современные пути сообщенія и связать Амуръ съ европейскою Россіею. Ежегодно увеличивающіяся военныя силы разныхъ державъ въ Тихомъ океанѣ неизбѣжно потребуютъ и съ нашей стороны усиленія нашей мѣстной обороны. Поэтому намъ необходимо искренно и сознательно отказаться здѣсь отъ всякихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ мечтаній и заручиться союзникомъ, при содѣйствіи котораго мы безпрепятственно могли бы заняться благоустройствомъ Богомъ намъ даннаго края.

Такимъ союзникомъ могъ бы быть Китай, интересы котораго, во многихъ отношеніяхъ, тождественны съ нашими. Первый нашъ договоръ съ нимъ заключенъ въ Нерчинскѣ въ 1689 году, и съ этого времени можно считать начало нашихъ взаимныхъ оффиціальныхъ сношеній. Послѣдующіе затѣмъ трактаты (20-го августа и 21-го октября 1727 г.) установили надолго modus vivendi между обѣими имперіями; только въ 1851 г. оказалось необходимымъ болѣе точно опредѣлить права торговыхъ людей и условія торговыхъ сношеній. Въ 1858 году мы впервые связали свою политику, относительно Китая, съ политикою прочихъ европейскихъ державъ, включивъ въ нашъ тянцьзинскій договоръ статью о распространеніи на Россію всѣхъ правъ и преимуществъ, при-

обрѣтаемыхъ отъ Китая наиболѣе благопріятствуемыми государствами. Но хотя мы, благодаря этому, и получили больше льготъ, но встрѣтились въ то же время съ серьезными конкуррентами и съ прорытіемъ Суэзскаго канала, отвлекшаго отъ насъ главную статью вывоза изъ Китая—чай; торговые наши обороты съ нимъ постепенно слабѣютъ, и наши товары повсюду вытѣсняются англійскими. Тѣмъ не менѣе, мы продолжаемъ и въ послѣдующихъ затѣмъ договорахъ выговаривать себѣ отъ дайцинскаго правительства новые рынки и новыя торговыя преимущества, чѣмъ, безъ сомнѣнія, воспользуются болѣе англичане, чѣмъ мы, такъ какъ они уже успѣли пріучить китайца къ своимъ бумажнымъ тканямъ, въ производствѣ которыхъ мы съ ними соперничать не можемъ. Въ послѣднихъ нашихъ трактатахъ съ Китаемъ замѣтно, съ нашей стороны, стремленіе не отставать отъ европейскихъ державъ, причемъ мы часто жертвуемъ дѣйствительными нашими интересами для достиженія весьма сомнительныхъ. Нами какъ будто упускается изъ вида, что мы имѣемъ общую границу на протяженіи 8.000 верстъ, и что наши интересы въ Китаѣ, главнымъ образомъ, политическіе и пограничные, что задача наша—не въ открытіи сомнительныхъ рынковъ для сбыта, чрезъ посредство нашихъ купцовъ, англійской бязи, шертинга и т. п., а въ установленіи добрыхъ и прочныхъ взаимныхъ отношеній съ сосѣднимъ государствомъ и съ племенами, населяющими земли, сопредѣльныя съ Сибирью. Еслибы мы даже вовсе отказались отъ преимуществъ морской торговли съ Китаемъ, мы проиграли бы, относительно, очень мало; но, игнорируя наши пограничныя нужды, мы потеряемъ очень много, и не столько еще въ торговомъ отношеніи, сколько затемняя, и себѣ, и Китаю, характеръ дѣйствительно желанныхъ взаимныхъ отношеній.

Имѣя примѣръ неудачи нашихъ торговыхъ предпріятій въ Монголіи, благодаря неумѣлости персонала и жадности къ быстрой наживѣ хозяевъ, трудно допустить, чтобы и торговля въ Маньчжуріи когда-нибудь перешла въ наши руки, такъ какъ малопредпріимчивые люди—сибирскіе купцы—не съумѣли даже у себя дома, на Амурѣ и въ Приморской области, захватить рынокъ въ свои руки. Насъ эксплуатируютъ здѣсь гамбургскія и американскія фирмы, возбуждая безсильный протестъ двухъ-трехъ русскихъ купцовъ, объясняющихъ свои неудачи тѣмъ, что мы здѣсь пользуемся благами porto franco. Инородцы разныхъ наименованій по Амуру и Уссури—въ рукахъ у китайцевъ, снабжающихъ ихъ по баснословнымъ цѣнамъ мукою, порохомъ, свинцомъ и всѣмъ, что имъ требуется; не забываютъ и спирта.

Юго-восточная часть Маньчжуріи имѣетъ оживленный обмѣнъ съ китайскими портами черезъ Нючуанъ, районъ котораго доходитъ до Гирила и Мукдэна. Высылая сырье, преимущественно бобы, бобовыя лепешки для корма скота и нѣсколько сортовъ зерноваго хлѣба, эта часть Маньчжуріи получаетъ, взамѣнъ ихъ, изъ Шанхая англійскія и американскія бумажныя ткани. Сѣверная и сѣверо-восточная части Маньчжуріи, гдѣ населеніе также преимущественно земледѣльческое, тяготѣютъ къ Амуру и Японскому морю, отъ котораго отрѣзаны нами. Приамурскій край, самъ по себѣ, не можетъ считаться серьезнымъ рынкомъ для сбыта продуктовъ фермъ Маньчжуріи, и подлежитъ еще большому сомнѣнію, выдержатъ ли зерновой хлѣбъ и бобы дорогую перевозку по Сунгари и Амуру и затѣмъ моремъ до китайскихъ портовъ. Этимъ путемъ пойдетъ развѣ спиртъ, плохой очистки, выкуриваемый въ значительномъ количествѣ въ среднемъ теченіи р. Сунгари. Нинкгутайская и Хульгуиская области, прилегающія къ нашему южно-уссурійскому округу, крайне слабо населены и имѣютъ слишкомъ худые пути сообщенія, чтобы думать о вывозѣ хлѣба во Владивостокъ или въ заливъ Посьета. Болѣе или менѣе серьезнымъ рынкомъ, и то гадательно, можно считать одинъ бассейнъ Сунгари. Допустивъ, что мы не только получимъ разрѣшеніе Китая торговать въ Маньчжуріи, но и дѣйствительно воспользуемся этимъ, т.-е. найдутся—что̀, впрочемъ, совершенно сомнительно—свободные капиталы и умѣлые люди, то намъ и въ этомъ случаѣ врядъ ли выдержать конкурренцію китайскихъ купцовъ, монополизирующихъ издавна, какъ сказано выше, всю торговлю съ нашими инородцами по Амуру и Уссури. Трудно даже допустить, чтобы въ нашу пользу осталась провозная плата, такъ какъ мы, по трактату, не имѣемъ права воспрещать китайцамъ плавать по Амуру и Уссури. Они и теперь пользуются этимъ, и ежегодно изъ Сунгари выплываютъ въ Амуръ сотни лодокъ съ зерномъ и товаромъ для нашихъ инородцевъ. Недалеко время, когда китайскіе купцы пустятъ по Сунгари и Амуру свои пароходы и, принимая въ соображеніе вялое развитіе русскаго пароходства, тормазомъ которому, по общему мнѣнію, служитъ субсидируемая правительствомъ амурская пароходная компанія, крайне плохо ведущая свои дѣла, можно съ увѣренностью опасаться, что мы даже выпустимъ изъ своихъ рукъ фрахтъ за товары, привозимые на Амуръ для нашего потребленія. Не много ли выгоднѣе для Россіи, при такомъ положеніи вещей, предупредить китайцевъ и не только не дѣлать затрудненій торговлѣ Маньчжуріи съ Китаемъ, но допустить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, транзитъ

китайскихъ товаровъ чрезъ наши владѣнія? Мы достигнемъ черезъ это серьезныхъ результатовъ: успокоимъ общественное мнѣніе Маньчжуріи, ропщущее, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, на то, что мы отрѣзали ее отъ моря, и вѣроятно откроемъ и для себя новый рынокъ, если дѣйствительно найдутся у насъ предпріимчивые люди и капиталы; во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ ожидать удешевленія хлѣба на Амурѣ, чтò несомнѣнно выгодно. Мы получимъ новыя статьи дохода черезъ обложеніе транзитныхъ товаровъ, если эта торговля разовьется и окрѣпнетъ и если обороты ея окажутся настолько значительными, какъ многіе утверждаютъ. Наконецъ, этотъ транзитъ въ рукахъ правительства можетъ оказаться пригоднымъ оружіемъ для давленія на Китай, въ случаѣ политической необходимости.

Мы безусловно достигнемъ бóльшаго отъ Китая, поступая съ нимъ откровенно и справедливо, чѣмъ импонируя ему силою и давая ему право сомнѣваться въ насъ вообще, а главнымъ образомъ, внушая ему опасенія, подобныя мнимому нашему вмѣшательству въ дѣла Кореи.

Намъ неизвѣстно, дали ли мы чѣмъ-нибудь осязательнымъ право Китаю заподозрить въ насъ желаніе утвердиться на югѣ Кореи; но такъ какъ дыма безъ пламени не бываетъ, то, вѣроятно, не однѣ только статьи, подобныя написанной г. Бирилевымъ, заставили Китай встревожиться не на шутку. Этимъ воспользовалась чуткая англійская дипломатія; она, разумѣется, подлила масла въ огонь, и дѣло окончилось секретною конвенціею, къ которой будто примкнула и Японія, и цѣлью которой было совокупное сопротивленіе этихъ трехъ державъ стремленію Россіи подчинить себѣ Корею. Естественнымъ послѣдствіемъ этого—занятіе англичанами порта Гамильтонъ. Не ручаясь за вѣрность приведенной нами комбинаціи, благодаря которой мы серьезно ухудшили здѣсь наше стратегическое положеніе и возбудили противъ себя не только Китай, но и Японію, скажемъ, что мы слышали это отъ лица, близко стоящаго къ Ліи-хун-часану и откровенно выражавшаго намъ сожалѣніе, что китайское министерство рѣшилось допустить Англію основать въ Печилійскомъ заливѣ второй Гон-Конгъ. Увѣрившись въ ложности инсинуацій, упорно проводимыхъ противъ насъ, Китай будетъ и самъ изыскивать средства отдѣлаться отъ опаснаго сосѣдства на сѣверѣ своего побережья англійской военной станціи. Этимъ обстоятельствомъ намъ и слѣдовало бы воспользоваться. Болѣе чѣмъ кому другому, для насъ необходима самостоятельность корейскаго королевства, о которой хлопочутъ англичане изъ корыстныхъ видовъ и чтобы оправдать

захватъ Гамильтона. Поговариваютъ даже о предоставленіи протектората надъ Кореею штатамъ Сѣверной Америки, вѣроятно въ разсчетѣ на то, чтобы вызвать насъ на какую-нибудь неосторожность. Путь, котораго намъ слѣдуетъ держаться, намѣченъ самими англичанами, если версія о конвенціи ея съ Японіею и Китаемъ справедлива. Насъ побуждаетъ къ этому и обязательство, принятое нами на себя, относительно Кореи, нашимъ трактатомъ съ нею. Предоставивъ корейскому королю право, въ силу 2-го пункта 1-й статьи, потребовать нашего посредничества, мы очутились на очень скользкомъ пути, съ котораго намъ необходимо сойти съ честью, но неотлагательно. Дѣйствуя въ одиночествѣ, мы будемъ продолжать давать пищу разнымъ littlecознямъ и инсинуаціямъ, а въ случаѣ дипломатической неудачи при вынужденномъ вмѣшательствѣ въ корейскія дѣла, подорвемъ наше обаяніе на крайнемъ востокѣ. Шаткость правительства въ Кореѣ и продажность высшихъ ея сановниковъ не дозволяютъ разсчитывать на спокойное теченіе дѣлъ; наоборотъ, слѣдуетъ быть всегда готовымъ къ разнымъ неожиданностямъ въ корейской политикѣ внѣшней и внутренней. Чтобы отклонить отъ себя опасность, не сопряженную притомъ ни съ какою для насъ существенною выгодою, лучшій исходъ — конвенція, къ участію въ которой слѣдовало бы пригласить Китай и Японію, какъ заинтересованныхъ не менѣе насъ въ цѣлости корейскаго государства, и, если окажется возможнымъ, Соединенные-Штаты Сѣверной Америки. Предложеніе закрѣпить такимъ мощнымъ союзомъ самостоятельность Кореи, исходя отъ насъ, послужитъ гарантіею нашихъ мирныхъ намѣреній, привлечетъ на нашу сторону симпатіи Китая и Японіи, докажетъ Кореѣ наше искреннее желаніе выполнить данное ему обѣщаніе и, очень возможно, вынудитъ англичанъ увезти обратно въ Гон-Конгъ орудія и мины, завезенныя ими, намъ на страхъ, въ портъ Гамильтонъ, или продать ихъ корейскому правительству, флагъ котораго *одинъ только* долженъ быть допущенъ развѣваться тамъ взамѣнъ англійскаго. Мы видимъ въ предполагаемой комбинаціи не только выходъ изъ ложнаго положенія, но и прочный фундаментъ для увеличенія нашего вліянія въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ, Китаѣ и Японіи, въ особенности если съумѣемъ разумно и осторожно пользоваться ихъ историческою взаимною непріязнью. Если, на ряду съ этимъ, мы рѣшимся снять купеческій кафтанъ, въ которомъ мы напрасно щеголяемъ въ Китаѣ и Японіи, не имѣя, ни тамъ, ни здѣсь, торговыхъ интересовъ, и придадимъ нашимъ отношеніямъ съ этими державами характеръ преимущественно политическій—дружелюбнаго сосѣда,

единственно пока для насъ возможный и цѣлесообразный,—то мы будемъ свободны безпрепятственно заняться устройствомъ приамурскаго края. Не будемъ забывать, что, рано или поздно, „желтый" вопросъ можетъ сдѣлаться грознымъ для бѣлаго человѣка, и что мы стоимъ на стражѣ Европы, которую отдѣляемъ отъ Китая. Время еще не ушло, но нельзя забывать, что намъ ранѣе другихъ слѣдуетъ опредѣленно уяснить наши отношенія съ Китаемъ на далекое будущее и лучше имѣть его за насъ, чѣмъ противъ насъ.

Прочный миръ съ Китаемъ возможенъ для насъ на основаніи взаимнаго довѣрія и обоюднаго сознанія силы, непреклонности въ вопросахъ національной чести, строгаго выдѣленія нашихъ интересовъ отъ торгово-европейскихъ и рѣшительнаго отказа отъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на крайнемъ востокѣ и въ сѣверныхъ водахъ Тихаго океана.

Не заигрывая чрезмѣрно съ Японіею, слишкомъ легко увлекающеюся, намъ и здѣсь не мѣшаетъ закрѣпить за собою симпатію народа и правительства, держась въ сторонѣ по вопросамъ, для насъ, въ сущности, не имѣющимъ практическаго значенія, но болѣзненно раздражающимъ національное самолюбіе японцевъ, какъ, напримѣръ, о подсудности иностранцевъ мѣстнымъ судамъ и тому подобнымъ.

Корея должна насъ интересовать исключительно какъ щитъ противъ слишкомъ близкаго морского сосѣдства съ Китаемъ и другими воинствующими державами. Самостоятельность ея намъ необходима, но она достижима не чрезъ непосредственное наше вмѣшательство въ ея дѣла или давленіе на ея политику, а совокупнымъ дружнымъ дѣйствіемъ союза, нами вызваннаго и скрѣпленнаго. Чѣмъ менѣе мы будемъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла корейскаго королевства, тѣмъ задача нашей дипломатіи тамъ будетъ легче, и тѣмъ менѣе вѣроятно возникновеніе политически-невыгодныхъ для насъ комбинацій.

Н. Матюнинъ.

19-го октября 1886 г.
Новокіевское.

ТИПЪ ФАУСТА
ВЪ
МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ОЧЕРКИ.

I.

„Стремленіе къ цѣли, достиженіе которой превышаетъ мѣру человѣческихъ силъ, составляетъ отличительный признакъ новой поэзіи“,—такъ говорилъ Гёте, изслѣдуя трагическій элементъ въ произведеніяхъ Шекспира. „Герои древности,—заключилъ онъ,—напротивъ, хотѣли только того, что̀ возможно человѣку“.

Почти то же высказывалъ и А. Шлегель, характеризуя древнюю и новую поэзію. „У грековъ человѣческая природа находила удовлетвореніе въ самой себѣ; она стремилась только къ тому совершенству, котораго человѣкъ достигаетъ собственными силами; чувство человѣческаго несовершенства было ей чуждо... Поэзія древнихъ заключалась въ обладаніи; основная же мысль новой поэзіи — стремленіе; это стремленіе придаетъ ей отвлеченный, иногда и грустный, характеръ. Искусство и поэзія грековъ представляютъ стихійное, безсознательное единство идеи и формы; новая поэзія, если она вѣрна своему характеру, ищетъ согласованія ихъ, какъ двухъ противоположныхъ началъ. Древняя поэзія выполнила свою задачу; новая же, въ своемъ стремленіи къ безпредѣльному, можетъ только приближаться къ ней“.

Почти то же повторяетъ и Шиллеръ въ своемъ разсужденіи: „О наивной (древней) и сантиментальной (новой) поэзіи". „Существенная идея поэзіи заключается въ томъ, чтобы дать человѣчеству самое идеальное его выраженіе. Пока человѣкъ есть чистая природа, онъ дѣйствуетъ, какъ нераздѣльное, чувственное единство, какъ гармоническое цѣлое. Чувства и разумъ еще не успѣли раздѣлиться въ своихъ отправленіяхъ. Въ состояніи такой естественной простоты поэзія состоитъ въ возможно-полномъ изображеніи дѣйствительности. Такова поэзія древняя, или наивная. Но въ культурныя эпохи, когда искусство замѣняетъ природу, тогда прежнее единство уничтожается въ человѣкѣ, и онъ можетъ только стремиться къ нему. Гармонія мысли и чувства существуетъ теперь только въ возможности, идеально; это болѣе не фактъ жизни, а мысль, которую онъ стремится осуществить. Въ такомъ состояніи человѣчества вся поэзія заключается въ представленіи идеала. Это—поэзія новая, или сантиментальная. Другими словами: древній поэтъ былъ сама природа; новый ищетъ природу; первый трогаетъ насъ живымъ настоящимъ, второй — идеями".

Провѣрить основательность этихъ опредѣленій не трудно. Стоитъ обратиться къ тѣмъ произведеніямъ, которыя пользовались въ новой литературѣ особенной популярностью и оказали особенно сильное дѣйствіе на умы, къ тѣмъ типамъ, которые послужили образцами для цѣлаго ряда подражаній, и каждый убѣдится, что всѣ они съ особенной силой воплотили въ себѣ господствующую идею новаго времени; у всѣхъ одна общая черта: или исканіе какого бы то ни было отвлеченнаго начала, или скорбь объ утраченной гармоніи духовныхъ силъ.

Таковъ Фаустъ, этотъ страстный искатель истины, лучшій представитель вѣка пытливости и анализа. Таковъ Гамлетъ, являющій намъ образъ душевнаго разлада и современнаго пессимизма. Таковы—Вертеръ, предшественникъ Фауста, и Рене́ Шатобріана, стоящіе во главѣ цѣлой категоріи „разочарованныхъ". Донъ-Кихотъ, имя котораго давно сдѣлалось нарицательнымъ, представляетъ такой же разладъ съ дѣйствительностью и стремленіе къ болѣе идеальному порядку вещей. Мѣтко выразился о немъ французскій критикъ Э. Монтэгю: „Длинная, будто вытянутая фигура Донъ-Кихота соотвѣтствуетъ въ немъ внутреннему человѣку: мыслями онъ стремится въ міръ идеаловъ, но грубая дѣйствительность приковываетъ его къ землѣ".

Часто вводимые въ литературу XIX-го вѣка типы Каина и Агасфера также подтверждаютъ опредѣленія нѣмецкихъ критиковъ. Если,

съ одной стороны, Каинъ служитъ символомъ возмущенія и паденія человѣка, то, съ другой — онъ олицетворяетъ скорбь объ утратѣ невинности и счастья. Агасферъ служитъ современнымъ поэтамъ преимущественно олицетвореніемъ страдальческой потребности мира и вѣчнаго успокоенія.

Наконецъ, Прометей, древнѣйшій поэтическій представитель нравственнаго мятежа, выражаетъ въ то же время твердое упованіе на лучшее будущее. То обстоятельство, что созданіе Прометея принадлежитъ древности, что Каинъ и Агасферъ давно живутъ въ народной фантазіи, и что Гамлетъ появился въ переходное время возрожденія, нисколько не противорѣчатъ сказанному. Многочисленныя толкованія, которымъ подвергались эти типы въ наше время, какъ и тотъ фактъ, что поэзія XIX-го вѣка съ особенной любовью возвращается къ нимъ, несомнѣнно доказываютъ одно: что идея ихъ выражаетъ какую-нибудь потребность современной жизни, воспроизводитъ соотвѣтствующее ей психическое состояніе. Дѣйствительно, всѣ они могли бы сказать съ Прометеемъ: „Меня гложетъ мысль!“ По внѣшности своей, „Гамлетъ“ не выходилъ изъ ряда многихъ другихъ произведеній Шекспира; но по характеру и идейному объему онъ принадлежитъ XIX-му вѣку, который узналъ въ немъ родственное начало и далъ ему всемірное значеніе.

Одинъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ политическихъ поэтовъ 30-хъ годовъ, Фрейлигратъ, написалъ цѣлое стихотвореніе: „Гамлетъ—это Германія“, находя аналогію между стремящейся къ объединенію, но въ то же время коснѣющей въ бездѣйствіи Германіей, и страдающимъ отъ недостатка энергіи Гамлетомъ, между отвлеченностью германской мысли и умозрительнымъ направленіемъ датскаго принца.

Время Вертеровъ и Рене́ отошло; они олицетворяли болѣзнь времени, хотя господство ихъ и продолжалось около полустолѣтія, и прошли вмѣстѣ съ общественнымъ вѣяніемъ, породившимъ ихъ. Характеръ типа былъ преимущественно отрицательный; грусть ихъ отличалась неопредѣленностью; потому въ нихъ не было той жизненности, какая упрочивается за типами, стремящимися впередъ. Самымъ величавымъ представителемъ міровой скорби остался Байронъ, котораго невозможно отдѣлить отъ его произведеній, такъ какъ онъ, болѣе или менѣе, повторяется во всѣхъ ихъ; но значеніе ихъ давно уже признается болѣе за могучей поэзіей Байрона, чѣмъ за интересомъ несовременнаго намъ типа.

Жизненность типа стоитъ въ прямомъ отношеніи къ обще-

человѣческому значенію его. Произведенія, которыя воспроизводятъ временное состояніе общества, менѣе важны, чѣмъ тѣ, въ которыхъ отражается цѣлая культурная эпоха. Частные типы, какъ бы они ни были закончены, уступаютъ мѣсто типамъ общимъ, въ которыхъ узнаетъ себя цѣлый народъ и которые служатъ символомъ для всего человѣчества. Такой глубокій, символическій смыслъ заключается въ „Фаустѣ“ Гете. Пытливость ума, какъ отличительное свойство человѣка, даетъ „Фаусту“ общечеловѣческое, міровое значеніе. Но умственная эволюція, совершающаяся со времени возрожденія, въ которомъ коренится преданіе о Фаустѣ, нашло высшее, полнѣйшее выраженіе въ XIX-мъ вѣкѣ. Вотъ почему на Фауста можно смотрѣть, какъ на олицетвореніе его. Преобладаніе извѣстныхъ типовъ соотвѣтствуетъ господствующему направленію эпохи. Брандесъ вѣрно замѣтилъ, что „древнюю Грецію можно бы олицетворить въ атлетѣ и пытливомъ юношѣ; средніе вѣка дали монаха и рыцаря; XVII-й вѣкъ, преимущественно во Франціи, воскрешаетъ передъ нами придворнаго временъ Людовика XIV-го, положившаго свой отпечатокъ на современную ему литературу,—но XIX-й вѣкъ узнаетъ себя въ Фаустѣ“.

Въ чемъ же заключается главная мысль „Фауста“?

Тутъ и жажда знанія, и борьба вѣры съ невѣріемъ, и разладъ ума съ чувствомъ; исканіе абсолютнаго въ жизни, абсолютной истины, абсолютнаго удовлетворенія; въ Фаустѣ мы находимъ высокое сознаніе человѣческаго могущества, но и подавляющее чувство безсилія и ничтожества; сознаніе безконечнаго и ограниченности человѣческихъ средствъ; противоположность между духовными и физическими силами и потребностями—и желаніе согласовать и уравновѣсить ихъ; глубокій идеализмъ таится въ душѣ героя, но анализъ разъѣдаетъ его; онъ стремится къ высокой цѣли, но страсти, подобно волнамъ, охватываютъ и увлекаютъ его. Что̀ составляетъ основную идею второй части? Полное развитіе духовныхъ силъ, какъ высшій идеалъ человѣка; служеніе человѣчеству, какъ потребность воплотить ихъ въ полезной дѣятельности. Если справедливо, что „Фаустъ“—трагедія человѣчества вообще, то, въ особенности, это трагедія мысли и трагедія XIX-го вѣка. Дѣйствительно, не есть ли XIX-й вѣкъ всестороннее, страстное исканіе,—исканіе положительнаго знанія и примѣненіе его къ жизни; стремленіе согласовать противоположныя начала; борьба между идеальными, вѣчными требованіями духа и матеріализмомъ, результатомъ великихъ побѣдъ въ области естествознанія, открытій, ослѣпившихъ человѣческій умъ и увлекшихъ его на путь крайняго позитивизма. Въ поэзіи и въ искусствахъ—желаніе примирить

реальное и идеальное, дать правдивое, знаменательное содержаніе прекраснымъ формамъ. Жажда знанія, всестороннее совершенствованіе, прогрессъ,—вотъ идея „Фауста", вотъ и лозунгъ современной жизни.

Смыслъ подобныхъ Фаусту символическихъ типовъ не исчерпывается краткимъ опредѣленіемъ; многосторонность ихъ даетъ поводъ къ многочисленнымъ сравненіямъ, примѣненіямъ и толкованіямъ.

Въ нѣмецкой литературѣ принято проводить параллель между „Фаустомъ" и рыцарской эпопеей Парсиваля. Парсиваль, рыцарь круглаго стола, отправляется отыскивать св. Грааля, хранителемъ котораго онъ долженъ сдѣлаться только тогда, когда, посредствомъ духовнаго очищенія, удостоится этого величайшаго земного счастья. Эпопея разсказываетъ о его приключеніяхъ, ошибкахъ, о пріобрѣтенномъ имъ опытѣ, внутреннемъ совершенствованіи и, наконецъ, о достиженіи имъ высокой цѣли.

Парсиваль — вѣрный выразитель символизма и мистицизма среднихъ вѣковъ. Легко видѣть, на чемъ основывается сравненіе его съ Фаустомъ. И здѣсь, и тамъ—примиреніе земного съ небеснымъ, матеріальнаго съ духовнымъ началомъ; и здѣсь, и тамъ— исканіе полнаго духовнаго успокоенія, съ неизбѣжной предшествующей борьбой и заблужденіями. Хотя средневѣковое вѣрованіе, составляющее основу поэмы, и ставитъ герою положительную, осязательную цѣль, которая даетъ произведенію видъ законченности, но, съ другой стороны, душевное состояніе героя, борьба двухъ началъ въ человѣческомъ сердцѣ, анализа и непосредственности, опыта и невинности, знанія и вѣры — придаютъ поэмѣ тотъ туманный характеръ, который зависѣлъ не столько отъ личныхъ особенностей автора, сколько отъ свойства избраннаго имъ сюжета. Даже выбрасывая многіе лишніе и запутанные эпизоды и помимо религіознаго мистицизма, составляющаго отличительную черту поэмы, „Парсиваль" остается произведеніемъ, которое даетъ свободу догадкамъ и толкованіямъ.

Не менѣе бросается въ глаза родственное начало между Гамлетомъ и Фаустомъ.

Гамлетъ и Фаустъ—оба герои мысли; оба любятъ истину и страдаютъ изъ-за нея. Гамлетъ ищетъ истину въ жизни, Фаустъ— въ наукѣ. Гамлетъ страдаетъ, сознавая безсиліе свое примирить дѣйствительность съ своимъ идеаломъ. Это сознаніе служитъ источникомъ его горькой ироніи.

Фаустъ страдаетъ отъ духовнаго разлада и отъ сознанія человѣческаго безсилія вообще.

Каждый, кому приходится сталкиваться съ порочной или грубой дѣйствительностью, въ нравственномъ страданіи чувствуетъ себя Гамлетомъ.

Каждый, кто испыталъ жгучесть неразрѣшимыхъ вопросовъ и не удовлетворяется полузнаніемъ, сознаетъ въ себѣ Фауста.

Обыкновенные люди устроиваютъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ компромиссъ, на которомъ и успокоиваются; въ сношеніяхъ съ людьми дѣлаютъ уступки и ютятся въ дѣйствительности, стараясь извлечь изъ нея что̀ возможно; въ сферѣ мысли они останавливаются на одностороннемъ знаніи, на знаніи, которое ни съ общечеловѣческими цѣлями, ни съ нравственнымъ идеаломъ общаго не имѣетъ. Гамлетъ не мирится и гибнетъ. Фаустъ, послѣ долгихъ колебаній, исторію которыхъ поэтъ далъ намъ въ 1-й части драмы, наконецъ, во-2-й части, находитъ рѣшеніе мучившихъ его вопросовъ въ области этики—въ дѣятельной любви и служеніи людямъ, хотя дѣятельность его и сводится къ небольшой толикѣ прежнихъ высокопарныхъ замысловъ. Въ этомъ заключается благородство и трагизмъ этихъ героевъ мысли.

Время и страна, въ какія появился Гамлетъ, принадлежали факту: то было время грубыхъ нравовъ и бурныхъ страстей; нравственное начало должно было проявляться въ открытой рукопашной борьбѣ. Время, въ которое возникло произведеніе Гёте, принадлежало умозрѣнію; „Фаустъ“ —трагедія человѣческой души: борьба и побѣда совершаются въ сферѣ мысли.

То, что̀ въ „Фаустѣ“ является вторымъ моментомъ, результатомъ развитія и опыта—принципъ дѣятельной любви и служенія людямъ,—въ „Прометеѣ“ составляетъ основной мотивъ и завязку трагедіи. Такъ какъ Прометей—типъ сложный, то въ немъ не трудно видѣть, кромѣ сознанія человѣческой мощи и эллинскаго богоподобія, — стремленіе воплотить силы свои въ дѣйствіе, но въ то же время и роковое страданіе за дѣятельную любовь. Любопытнѣйшее сравненіе было сдѣлано Тертулліаномъ, по свидѣтельству итальянскаго критика А. Графа; онъ довелъ толкованіе типа до поразительной крайности, уподобивъ Прометея, страждущаго за человѣчество, — Христу.

Разнообразныя толкованія, въ которыхъ изощряются комментаторы подобныхъ произведеній, служатъ доказательствомъ того, что̀ Гёте называетъ, говоря о Гамлетѣ, несоизмѣримостью ихъ (das Incommensurable einer Dichtung).

Прометей,—т.-е. видящій впередъ,—представитель человѣческаго сознанія, человѣческой мысли, стремящейся къ справедливости и совершенствованію человѣческаго рода. Онъ съ горде-

ливой твердостью переносить насиліе и жестокость; мысли его устремлены въ даль: онъ знаетъ, что страданія его временныя, и безмолвно ждетъ торжества высшаго духовнаго начала.

Фаустъ—стремится къ совершенствованію личному, согласно съ личнымъ идеаломъ Гёте; но индивидуумъ сильный и стремительный, который старается все понять, все обнять, слить въ себѣ частное и общее, короче—воплотить въ себѣ человѣчество, легко сливается съ понятіемъ о немъ.

Фаустъ высказываетъ это стремленіе Мефистофелю: „хочу узнать и перечувствовать все, что дано человѣчеству; завоевать мыслью и высь, и глубь, извѣдать горести и радости людскія и духомъ обнять все земное!" „Вѣрь мнѣ,—отвѣчаетъ Мефистофель:—*цѣлое* принадлежитъ только божеству". Въ невозможности достиженія преслѣдуемой имъ цѣли лежитъ глубокій трагизмъ Фауста. И въ Прометеѣ титаническая стремительность не знаетъ мѣры, ни предѣловъ; одна чистота его намѣреній служитъ ему залогомъ побѣды. Съ юношеской самонадѣянностью онъ вызываетъ на бой само небо. И Фаустъ—мятежникъ, но во имя знанія; онъ прибѣгаетъ къ грѣховнымъ средствамъ, но съ цѣлью удовлетворить потребностямъ духа. Въ Прометеѣ сказывается протестъ юнаго человѣчества противъ темныхъ, враждебныхъ силъ, гнетущихъ его. Это трагизмъ Эсхила и Софокла; величіе и благородство ихъ героевъ — въ страданіи.

Альтруизмъ, устойчивость и упованіе—вотъ тѣ симпатичныя, вѣчно близкія намъ черты въ Прометеѣ. Каждый, кто, скованный неблагопріятными обстоятельствами, сознаетъ въ себѣ силы, которымъ нѣтъ исхода, въ нравственномъ страданіи почувствуетъ родственное съ Прометеемъ.

Фаустъ, во второй части драмы, познавъ ограниченность человѣческихъ средствъ и начинаній, доходитъ до мудраго отрѣшенія отъ гордыхъ мечтаній, которыя сводятся къ скромному желанію возможнаго. Это въ поэтѣ результатъ старчества и опыта, склонившагося передъ дѣйствительностью. Исходъ страданій Прометея составляетъ содержаніе утраченной третьей части трилогіи. По другимъ источникамъ извѣстно, что Юпитеръ, побѣжденный упорствомъ своей жертвы, посылаетъ Гермеса освободить титана, который открываетъ хранимую имъ тайну и мирится съ Юпитеромъ. И тутъ, какъ въ Фаустѣ, уступка и примиреніе съ дѣйствительностью, безъ урона человѣческаго достоинства. Тутъ и тамъ согласованіе двухъ враждебныхъ началъ, и вслѣдствіе этого согласованія—новый фазисъ бытія.

„Фаустъ" Гёте, безъ сомнѣнія, повліялъ на „Манфреда" Бай-

рона, а можетъ быть, и вызвалъ его. Но Гёте самъ находилъ, что если Байронъ и воспользовался идеей, то видоизмѣнилъ ее по своему и далъ ей вполнѣ самобытную обработку. Нѣкоторые современники поэта хотѣли видѣть въ „Манфредѣ“ подражаніе драмѣ Марло; но въ Фаустѣ этого поэта не было ни гордыни, ни безотрадности, ни отвлеченности мысли Манфреда. Самъ Байронъ сознавался въ сильномъ вліяніи на него „Прометея“, мысль о которомъ никогда не покидала его; потому онъ и допускалъ сходство съ нимъ „Манфреда“. Вліяніе „Прометея“ сказывается въ общемъ тонѣ произведенія. Дѣйствительно, въ Манфредѣ мы находимъ и глубокое нравственное одиночество, и величавое спокойствіе, и горделивую твердость Прометея. „Манфредъ“ — не драма; въ ней почти нѣтъ дѣйствія, и никакого развитія. Это драматическая фантазія, съ преобладаніемъ лирическаго элемента. Какъ и Фаустъ, Манфредъ позналъ, что „древо знанія еще не древо жизни“, а послѣдствіе этого сознанія — такое же самотерзаніе, какъ въ Фаустѣ. Элементъ личный сильно сказывается во всѣхъ произведеніяхъ Байрона; всѣ они, въ сущности, только варіаціи на одну тему. Вотъ почему Тэнъ называетъ Байрона великимъ поэтомъ съ ограниченнымъ воображеніемъ. Едва ли въ одно изъ своихъ произведеній поэтъ вылилъ субъективность свою съ бо́льшей глубиной и силой. Но тѣмъ самымъ, что Манфредъ затрогиваетъ міровые вопросы, скорбь его изъ личной становится міровою.

Его разочарованность—не индифферентизмъ, не безпредметная тоска, нѣтъ, — это отчаянный крикъ души, жаждущей безсмертія и Бога. Это ужасъ юноши, который въ балладѣ Шиллера дерзнулъ сорвать завѣсу, скрывавшую божество отъ его глазъ, и увидѣлъ, что за завѣсой ничего не скрывается, что миѳъ о божествѣ поддерживается только какъ средство для обуздыванія массъ. Такая противоположность между тѣмъ, къ чему стремится духъ, и тѣмъ, что̀ даютъ знаніе и жизненный опытъ, составляютъ не единственное сходство Манфреда съ Фаустомъ. И Манфредъ ищетъ успокоенія въ природѣ, онъ хотѣлъ бы гармоніей слиться съ міромъ; онъ жаждетъ простора и свободы. „Манфредъ“ почти немыслимъ безъ альпійскаго ландшафта: горы соотвѣтствуютъ величавому выраженію скорби героя.

Манфредъ, какъ и Фаустъ, находится въ сношеніи съ духами. Весьма вѣрно было замѣчено, что сверхъестественный міръ въ этихъ произведеніяхъ въ одно и то же время оспаривается и служитъ пружиной дѣйствія. Это кажущееся противорѣчіе находитъ разрѣшеніе въ душѣ человѣка: кто протестуетъ, тотъ, въ

строгомъ смыслѣ, не страдаетъ; дѣйствительно, идеализмъ составляетъ основную черту въ обоихъ герояхъ.

Какъ Вертеръ и Ренѐ, Манфредъ старается уйти отъ собственной мысли. Анализъ заѣдаетъ ихъ; всѣ они утратили способность воспринимать непосредственно. Они ищутъ успокоенія въ природѣ, но гармонія ея заставляетъ ихъ еще сильнѣе чувствовать душевный разладъ и противорѣчіе между ея стройностью и нестройностью жизненныхъ явленій. Они любятъ природу, но въ этой любви звучитъ что-то болѣзненное — часто встрѣчающаяся особенность отношенія къ природѣ современнаго человѣка. Только Фаустъ ищетъ въ природѣ не забвенія, а истины; но Фаустъ, составляющій какъ бы продолженіе Вертера и торжество надъ нимъ, не принадлежитъ болѣе къ категоріи „разочарованныхъ“: это—типъ стремительный; между тѣмъ какъ дѣйствительность въ Вертерѣ питаетъ тотъ пессимизмъ, отъ котораго онъ и гибнетъ, Фаустъ, согласно съ вдохновеннымъ пантеизмомъ какъ и личнымъ развитіемъ Гёте, находитъ и подкрѣпленіе въ общеніи съ природой, и богатое поле для изслѣдованія, и окончательное исцѣленіе въ дѣятельности.

Слова Прометея: „Я въ мысляхъ пожираю сердце мое“ — черта общая всѣмъ этимъ типамъ. Борьба ихъ—внутренняя; врагъ ихъ—въ нихъ самихъ, и зримъ только „духовнымъ окомъ“. Тутъ древній fatum является въ лицѣ самого героя.

Любопытно то, что поэты, бравшіеся за одинъ изъ символовъ, олицетворяющихъ борьбу, разладъ или стремленіе, рѣдко останавливались на немъ и обращались, для полнѣйшаго выраженія своего внутренняго міра, къ одному изъ родственныхъ типовъ. Не служитъ ли это доказательствомъ субъективности ихъ? Легко было бы подтвердить сказанное многими примѣрами, но ограничусь тѣми поэтами, произведенія которыхъ подлежатъ изслѣдованію въ настоящемъ очеркѣ.

Такъ, Вертеръ—предшественникъ Фауста у Гёте. Почти одновременно съ первою частью „Фауста“ Гёте набросалъ планъ „Прометея“ и задался мыслью о „Вѣчномъ Жидѣ“. Послѣдняго онъ бросилъ, но отъ перваго остались довольно значительные отрывки. Замыселъ этихъ произведеній относится къ періоду умственнаго броженія и духовной неудовлетворенности. Въ Агасферѣ, вѣчно гонимомъ душевной тревогой, вслѣдствіе невѣрія, легко видѣть сходство съ Фаустомъ. Для полнаго пониманія Байрона необходимо остановиться на его „Каинѣ“. Каинъ—выраженіе мрачнаго пессимизма автора; это титаническое проявленіе личности и протестъ человѣка противъ верховной власти,—протестъ, хотя и основанный

на страстной необузданности, но паѳосъ котораго увлекаетъ его за черту обыкновеннаго эгоизма. „Каинъ“ и „Донъ-Жуанъ“ принадлежатъ къ крупнѣйшимъ и наиболѣе характеристическимъ произведеніямъ Байрона. Страннымъ можетъ показаться съ перваго взгляда сопоставленіе между Фаустомъ и Донъ-Жуаномъ; однако это сопоставленіе дѣлали не разъ; разсмотрѣвъ тѣ черты, изъ которыхъ сложился Фаустъ, нетрудно будетъ убѣдиться, что Фаустъ, предающійся чувственности, близко подходитъ къ Донъ-Жуану; Фаустъ у Гёте остается даже въ заблужденіи вѣренъ идеализму; но этого нельзя сказать о всѣхъ обработкахъ преданія. Въ „Фаустѣ“ поэта Ленау герой во многихъ эпизодахъ только тѣмъ отличается отъ Донъ-Жуана, что въ немъ иногда пробуждается совѣсть, напоминающая ему, какъ сильно уклонился онъ отъ человѣческаго идеала. Если Донъ-Жуанъ изображаетъ разладъ съ общественными законами нравственности, то въ то же время онъ—представитель безмѣрной жажды наслажденія, —вотъ точка соприкосновенія съ Фаустомъ; въ Фаустѣ—безмѣрная жажда знанія, и въ связи съ ней желаніе все испытать, все перечувствовать, такъ что наслажденіе является одной изъ формъ этого знанія. Германская сага о Фаустѣ изображаетъ человѣка по его отношенію къ духовному міру; романская сага о Донъ-Жуанѣ—къ міру чувственному. Въ обѣихъ герои гибнутъ вслѣдствіе желанія безгранично пользоваться тѣмъ, чтò дается человѣку только въ опредѣленныхъ границахъ. Ленау, написавшій замѣчательнаго по богатству мыслей и образовъ „Фауста“, въ которомъ хотѣлъ представить пагубныя слѣдствія безмѣрной пытливости, два раза принимался за „Агасфера“ и хотѣлъ закончить свое поэтическое поприще „Донъ-Жуаномъ“. Онъ, можетъ быть, безсознательно выбиралъ темы, соотвѣтствовавшія его настроенію, но все-таки любопытно то, что, высказавшись въ двухъ міровыхъ типахъ, онъ принялся за третій.

„Міровая скорбь“, — говоритъ Ауэрбахъ въ читанной имъ лекціи „О міровой скорби“,—избираетъ себѣ, согласно съ своимъ кореннымъ характеромъ, преимущественно одинъ изъ трехъ сюжетовъ: Фауста, какъ выраженіе философскаго разлада, Агасфера —разлада всемірно-историческаго, и Донъ-Жуана, олицетворяющаго разладъ общественный“. До появленія „Фауста“ Ленау, современный ему поэтъ Граббе противопоставилъ въ одной драмѣ представителя спиритуализма—Фауста представителю сенсуализма —Донъ-Жуану; но, связавъ своихъ героевъ любовью къ одной женщинѣ, поэтъ часто смѣшиваетъ основной характеръ ихъ; эта невыдержанность типовъ объясняется сходствомъ между ними во

внѣшнемъ проявленіи неукротимой воли, какъ и въ любовныхъ эпизодахъ. Подобный нравственный уронъ типа, т.-е. уклоненіе отъ лежащаго въ основаніи „Фауста“ спиритуализма, находимъ мы въ различныхъ обработкахъ преданія, относящихся ко временамъ общественнаго броженія и личной разнузданности. Такой характеръ носятъ преимущественно два произведенія, принадлежащія періоду бурныхъ стремленій въ Германіи въ концѣ XVIII вѣка — „Фаустъ“ Клингера и Миллера. Таковъ и „Фаустъ“ Марло, относящійся ко времени возрожденія въ Англіи. Да и самое сказаніе коренится въ бурномъ времени реформаціи.

Сложность типа въ нѣскольких „Фаустахъ“ проявляется въ новомъ сближеніи. У Ленау характеръ Фауста отмѣченъ скептицизмомъ и ироніей, часто достойной Мефистофеля. У самого Гёте Мефистофель, геній отрицанія, является какъ бы раздвоившимся Фаустомъ; онъ болѣе внѣшнимъ образомъ мотивируетъ преступленіе героя; въ сущности, онъ только двойникъ его, олицетворяющій одну изъ сторонъ его духовной жизни. Договоромъ съ Мефистофелемъ только запечатлѣвается то, что̀ уже совершилось въ душѣ Фауста.

Не знаю, служилъ ли когда сатана главнымъ лицомъ выдающагося поэтическаго произведенія, но въ связи съ Фаустомъ, какъ и въ смыслѣ поэтическаго символа вообще, онъ олицетворяетъ мятежъ противъ верховной воли, и итальянскій критикъ называетъ его Прометеемъ временъ христіанства, хотя и прибавляетъ, что Прометей—носитель духовнаго начала, а сатана —плотского. Впрочемъ и сатана, въ смыслѣ символа, видоизмѣняется по произволу поэтовъ. Такъ, современный итальянскій поэтъ Кардуччи въ своихъ „Одахъ Сатанѣ“ видитъ въ немъ олицетвореніе природы, въ смыслѣ разумныхъ мірскихъ и плотскихъ требованій человѣка, въ ея борьбѣ съ теократическимъ началомъ. Намѣреніе поэта сдѣлать изъ сатаны представителя раціонализма подверглось многимъ нападкамъ, но нельзя отрицать, что между видоизмѣненнымъ сатаной и Прометеемъ — сходство поразительно, прибавляетъ А. Графъ.

Доказательствомъ того, что каждый изъ названныхъ типовъ представляетъ черты, сближающія его съ другими, можетъ служить эпосъ „Каинъ“, современнаго нѣмецкаго поэта Кастронна. У него сливаются въ одно лицо: Каинъ, Люциферъ, Прометей и Фаустъ; онъ мятеженъ духомъ, какъ павшій ангелъ; требуетъ полнаго знанія, какъ Фаустъ; мѣстами звучитъ въ немъ глубокая усталость жизни и жажда успокоенія, хотя бы въ вѣчномъ, непробудномъ снѣ. Совершенно въ духѣ Фауста восклицаетъ онъ:

„На каждомъ шагу я встрѣчаю преграды! Та цѣль, къ которой страстно стремится духъ мой, она недостижима! О, еслибъ могъ забыть я безпокойное стремленіе къ тѣмъ высямъ духа, которыхъ не могу измѣрить, но изъ-за коихъ я готовъ бороться съ цѣлымъ міромъ! О, Боже, озари меня свѣтомъ, который не могу найти, но о которомъ говоритъ мнѣ тайный голосъ! Если мнѣ любить, хвалить Тебя, то дай мнѣ знакъ, дай заглянуть мнѣ въ область необъятнаго!“ —Онъ хочетъ бороться и завоевать знаніе; онъ отталкиваетъ отъ себя наслажденія; но потомъ предается имъ, хотя не надолго, надѣясь въ нихъ найти средство къ познанію. Развѣ это не Фаустъ? И Каинъ познаетъ истину того, что Мефистофель говоритъ Фаусту: „Никто еще не переваривалъ закваски вѣковой“. „Бремя откровеній сокрушило мой сильный духъ“, — говоритъ Каинъ. Далѣе слышимъ голосъ въ то же время и Прометея, и Люцифера: „Не признаю я власти Твоей, хочу съ Тобой бороться, подобенъ быть Тебѣ; хочу обнять я мыслью міроздание и быть безсмертенъ, чтобъ вѣчно Тебя ненавидѣть и свергнуть съ небеснаго престола! И если мнѣ суждено погибнуть въ той борьбѣ, — привѣтствую Тебя, погибель!“

Каинъ, переживъ нѣсколько поколѣній, проситъ Бога о смерти, которую тщетно искалъ: „О, Боже, какъ усталъ я отъ вѣчныхъ перемѣнъ рожденія и смерти, возникновенія и увяданія!“

Не вопль ли это истомленнаго, вѣчно гонимаго Агасфера?

Смыслъ символическихъ типовъ трудно исчерпать. Такъ, въ Агасферѣ видятъ и совѣсть; въ Каинѣ—и начало борьбы за существованіе, и первое преступленіе, и внутренній разладъ, какъ послѣдствіе нарушенія божественнаго закона. Символическіе типы не умираютъ; къ нимъ всегда возвращаются; извѣстныя эпохи узнаютъ себя въ нихъ, воскрешаютъ ихъ и даютъ имъ новый блескъ, отыскивая въ нихъ черты, соотвѣтствующія современнымъ идеямъ. Едва ли какое-нибудь произведеніе подвергалось столькимъ толкованіямъ, какъ „Фаустъ“ Гёте, но едва ли можно указать и на преданіе, которое въ теченіе одного столѣтія такъ часто давало поводъ поэту изложить свое міровоззрѣніе, выразить свою духовную жизнь.

Замѣчательно то, что ни одно изъ этихъ произведеній не представляется намъ цѣльнымъ и художественно-законченнымъ. Но возможна ли законченность при многообъемности и растяжимости основной идеи, и какую форму приметъ эта законченность произведенія, служащаго главнымъ образомъ проводникомъ для личнаго міросозерцанія и собственной фантазіи? Всякое художественное произведеніе, когда замыселъ его доведенъ до конца, пред-

ставляетъ органическое цѣлое. Есть критики, которые и въ первой части „Фауста“ силятся видѣть удивительно гармоническое и законченное цѣлое. Однако Гёте самъ предвидѣлъ отрывочный характеръ задуманной имъ драмы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его переписка съ Шиллеромъ. Когда онъ въ 1797 г. сообщилъ Шиллеру о своемъ намѣреніи вновь приняться за „Фауста“ и уйти отъ дѣйствительности „въ міръ символовъ, идей и тумана“,—Шиллеръ отвѣтилъ ему: „При всей поэтической индивидуальности „Фауста“, нельзя терять изъ вида его символическаго значенія; въ этомъ вы, вѣроятно, согласитесь со мной. Двойственность человѣческой натуры и тщетное усиліе согласовать въ человѣкѣ божественное и матеріальное должны составить цѣль, намѣченную авторомъ, а при грубости фабулы внѣшній матеріалъ долженъ только служить проводникомъ для идеи“. Далѣе: „Во всякомъ случаѣ, вашей фантазіи придется послужить идеѣ разума“. Въ слѣдующемъ письмѣ: „У меня кружится голова, когда я подумаю о рѣшеніи вашей задачи. Мнѣ кажется, что „Фаустъ“ для того, чтобы имѣть видъ законченности, требуетъ такой массы матеріала, что я не нашелъ бы поэтической формы, которою можно связать все это. Впрочемъ это можетъ зависѣть отъ личнаго воззрѣнія“. На это Гёте отвѣчаетъ: „Ваши замѣчанія совершенно совпадаютъ съ моими воззрѣніями, съ той разницей, что я скорѣе намѣреваюсь коснуться высшихъ требованій, возлагаемыхъ на меня варварскимъ сюжетомъ, чѣмъ выполнить ихъ. Постараюсь сдѣлать интересными отдѣльныя части и навести предметомъ на мысли; что касается до цѣлаго произведенія,—оно всегда останется отрывкомъ“ (Переписка Шиллера и Гёте, 22—27 іюня 1797 г.).

Дѣйствительно, сфера „Фауста“—безпредѣльность; цѣль его та же, какъ и у человѣчества: безконечное совершенствованіе. Законченность подобныхъ произведеній будетъ возможна тогда, когда чувство безконечнаго найдетъ эквивалентъ въ конечномъ существованіи его. Такъ думалъ Гёте въ лучшіе годы своего творчества; только въ старческіе годы онъ измѣнилъ этому воззрѣнію. Развѣ то обстоятельство, что Гёте такъ медленно и послѣ долгихъ промежутковъ прибавлялъ или выбрасывалъ сцены изъ первой части „Фауста“, не свидѣтельствуетъ о томъ недостаткѣ стройнаго единства, котораго не хотятъ замѣчать нѣкоторые поклонники „Фауста“? Развѣ органическое произведеніе допустило бы такой произволъ? Недавно одинъ критикъ пытался мысленно дополнить „Фауста“, и нельзя не согласиться съ нѣкоторыми его положеніями. Всѣ мы, сознательно или безсознательно, дополняемъ „Фауста“. Въ этомъ заключается величіе и своеобразность его.

Къ нему можно вполнѣ примѣнить принципъ самого Гёте, замѣнявшаго въ драматической поэзіи три единства ложнаго классицизма однимъ: совмѣстностью, совокупностью (das Fassliche).

Шиллеръ въ вышеназванномъ разсужденіи (о древней и новой поэзіи) говоритъ: „культура раздѣляетъ человѣка съ природой; посредствомъ идеи онъ возвращается къ единству. Но такъ какъ идеалъ есть нѣчто безконечное, то человѣкъ цивилизованный не можетъ достигнуть его, а только стремится къ нему. Древній поэтъ становится достойнымъ чрезъ полное достиженіе конечной величины, новый поэтъ—чрезъ приближеніе къ безконечному". Другими словами: „Сила первыхъ заключается въ искусствѣ ограниченія, вторыхъ—въ идеѣ безпредѣльнаго".

Эллинская культура нашла высшее свое выраженіе въ простыхъ, несложныхъ формахъ. Лучшія произведенія скульптуры—не болѣе, какъ идеализированное выраженіе какого-нибудь одного человѣческаго качества. Вслѣдствіе естественной эволюціи, греческая мысль осложнилась, но искусство, не находя, при большей многообразности и возростающей субъективности, соотвѣтствующаго начала въ духовной жизни, стало клониться къ упадку.

И въ древней поэзіи есть миѳы, символы вѣчныхъ идей, есть произведенія, которыя по силѣ и общечеловѣческому значенію переживаютъ всѣ времена и въ извѣстныя эпохи получаютъ новый блескъ, новую рельефность; таковъ Прометей. Но вообще говоря, чувство, которое новый человѣкъ выноситъ изъ поэтическихъ произведеній древности (не говорю о пластическихъ, такъ какъ они обусловливаются простотою замысла)—чувство обманутаго ожиданія; гармоническая форма ихъ, правда, дѣйствуетъ на насъ благопріятно; но, привыкши искать въ поэзіи отзыва на высшія духовныя потребности, мы находимъ древнюю поэзію бѣдною по внутреннему содержанію. При всей красотѣ и стройности, она не волнуетъ насъ, не затрогиваетъ самыхъ близкихъ намъ вопросовъ, а удовольствіе, доставляемое намъ ею въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясняется болѣе тѣмъ, что мы отдыхаемъ отъ безформенности, туманности или болѣзненной напряженности чувства многихъ современныхъ произведеній,—нежели удовлетвореніемъ поэтическихъ потребностей. Идейный объемъ, глубина и многообразность содержанія трогаютъ насъ болѣе, чѣмъ художественная законченность. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ этого служитъ то поклоненіе, предметомъ котораго сдѣлался Шекспиръ лѣтъ 100 тому назадъ, т.-е. около того времени, когда были сдѣланы приведенныя выше опредѣленія требованій новой поэзіи,—поклоненіе, по возможности все возростающее, по мѣрѣ того, какъ по-

ниманіемъ великаго поэта все болѣе и болѣе проникаются народы. Даже Франція, привыкшая къ опредѣленнымъ формамъ въ поэзіи, Франція, у которой ясность идей составляетъ традицію и особенность расы, дополняетъ и совершенствуетъ переводъ Шекспира, еще въ первой половинѣ вѣка не понятаго ею, переводитъ и объясняетъ поэтовъ, какъ Шелли, у котораго туманность и отвлеченность выкупаются величіемъ содержанія.

Остроумный и чуткій критикъ Вогюэ, въ своемъ разборѣ романовъ графа Толстого (Revue des Deux Mondes, іюль 1884), касается различія между отживающими, по его мнѣнію, абсолютными идеями и формами и преобладающими нынѣ въ умственной жизни народовъ идеями относительными. Несложность, ясность, художественная законченность, опредѣленность мысли и выраженія—признакъ латинской расы. Но время абсолютныхъ идей отходитъ: многообразная сложность современной жизни не вмѣщается въ нихъ. Въ германскихъ племенахъ онъ видитъ первыхъ представителей той многосторонности, которая составляетъ отличительный признакъ современной жизни, тѣхъ истинъ относительныхъ, которыя являются результатомъ многостороннихъ изслѣдованій. Замѣнимъ термины почти равносильными выраженіями конечнаго и безконечнаго, и мы вернемся къ первоначальному опредѣленію новой поэзіи.

Уже въ началѣ вѣка, г-жа Сталь, въ своей книгѣ о Германіи, указала на національныя особенности въ литературѣ и на преобладаніе у нѣмцевъ идей безконечныхъ, хотя и туманныхъ, надъ идеями положительными, свойственными французамъ, и высказала много истинъ, которыя могутъ служить ключомъ для пониманія своеобразности „Фауста“ и того громаднаго значенія, которое онъ до сихъ поръ имѣетъ въ нѣмецкой литературѣ. Такъ, она настаиваетъ на субъективности нѣмецкой поэзіи, на полномъ отсутствіи опредѣленныхъ и условныхъ формъ, какъ слѣдствіи многосторонности писателей. „Все видѣть и все понимать,—говоритъ она,—источникъ сомнѣній и нерѣшимости“... „Геній романтической поэзіи, выросшей на германской почвѣ, трогаетъ насъ изображеніемъ насъ самихъ, нашего внутренняго міра, который въ живомъ образѣ возстаетъ передъ нами. Чтобы выразить всю богатую многообразность этого міра, требуется множество фактовъ, представленныхъ съ разными оттѣнками ихъ“... „Нѣмцы, — говоритъ она далѣе, — любятъ туманность, лишь бы имъ хоть въ туманѣ, неясно узрѣть божество; потому есть книги, которыя у нихъ равняются изреченіямъ оракуловъ. Нѣмецкіе писатели любятъ возноситься въ область безконечнаго, и читатель любопытствуетъ узнать,

что̀ они тамъ видѣли. Умозрительная философія всегда находила больше приверженцевъ между германскими, чѣмъ между латинскими народами"... „Нѣмцы обыкновенно затрудняются заканчивать свои произведенія; имъ трудно бываетъ сказать свое послѣднее слово. Но нѣмецкая публика, терпѣливая и любознательная, подобно греческимъ хорамъ, сама комментируетъ произведенія". Что г-жа Сталь сама съ оговорками восторгалась „Фаустомъ", доказываютъ слова ея: „еслибы возможно было представить себѣ хаосъ умственный, какъ мы представляемъ хаосъ физическій, то „Фаустъ" долженъ былъ возникнуть въ эту эпоху. Нѣмецкіе писатели всегда стараются доказать читателю, что ихъ умъ преимущественно занятъ тѣмъ, что̀ безконечно и безсмертно. Но такъ какъ умственныя способности писателя не всегда соотвѣтствуютъ необъятности его цѣлей, то иногда громадныя усилія даютъ только посредственные результаты. Такія наклонности даютъ высокій полетъ мыслямъ, и въ литературѣ легче ставить предѣлы, чѣмъ дать стимулъ". Нужно замѣтить, что въ романскихъ литературахъ нѣтъ ни одного „Фауста" („Чудодѣйственный Магъ" Кальдерона представляетъ только внѣшнее сходство съ „Фаустомъ"); произведеніе это до сихъ поръ у нѣкоторыхъ французскихъ критиковъ встрѣчаетъ странную оцѣнку; такъ, Тэнъ видитъ въ немъ одну метафизическую путаницу и ставитъ выше Гётевской поэмы грубое произведеніе Марло.

Популярность „Фауста" и многочисленныя подражанія, вызванныя имъ не въ одной Германіи, лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, что если драма, по причудливой своеобразности и отрывочности своей, и не выполняетъ въ строгомъ смыслѣ поэтическихъ требованій, то, съ другой стороны, она даетъ современному читателю ту глубину и то богатство содержанія, которыя для него драгоцѣннѣе совершенства формы; „Фаустъ" соотвѣтствуетъ его духовнымъ потребностямъ; въ немъ находитъ онъ отзывъ на сокровеннѣйшія чувства и мысли свои. „Фаустъ" въ высшей степени отличается тѣмъ качествомъ, которое англичане обозначаютъ выраженіемъ: suggestive; т.-е. онъ сильно возбуждаетъ умственную дѣятельность, наводитъ на мысли, вызываетъ въ насъ новыя представленія. Удачное сравненіе, вѣское слово, недосказанная мысль, могутъ открыть намъ новые горизонты. Весьма вѣрно говоритъ о такихъ произведеніяхъ Монтэгю, а именно, что намъ трудно бываетъ отличить при чтеніи ихъ свои мысли отъ авторскихъ; мы живемъ болѣе интенсивною духовною жизнью, не всегда сознавая, что она вызвана геніальнымъ произведеніемъ. Такова въ поэтѣ сила отзывчивости на сокровеннѣйшія думы

наши. Это свойство поэтовъ вообще, великихъ поэтовъ въ особенности, нашло выраженіе въ нѣмецкомъ словѣ: Dichter, т.-е. человѣкъ, сплотившемъ, собравшемъ, какъ въ фокусѣ, свѣтовые лучи, разрозненныя знаменательныя явленія и думы людей.

Такія произведенія имѣютъ мало общаго съ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ древнихъ: они волнуютъ насъ, мы возвращаемся къ нимъ, мысленно дополняемъ ихъ. Льюисъ, лучшій біографъ Гёте, говоритъ, что, при первомъ знакомствѣ съ „Фаустомъ", онъ былъ сильно разочарованъ: отрывочность и причудливая форма смутили его; онъ долженъ былъ вернуться къ произведенію, чтобы оцѣнить его, и по мѣрѣ того, какъ онъ его изучалъ, онъ извлекалъ изъ него все новыя мысли, новыя наслажденія.

Одно только произведеніе въ міровой литературѣ, при полнѣйшей законченности, дало человѣчеству необъятный міръ образовъ и мыслей и вызвало цѣлую литературу, истолковывающую его. Это „Божественная Комедія" Данта. Но въ этомъ произведеніи слились древній и новый міръ: древній—съ своими пластическими образами, новый—съ символами и идеальными стремленіями христіанства; и если „Божественная Комедія", по вмѣщаемому въ ней богатству, подобна морю, изъ котораго не перестаютъ черпать, то по замыслу она все-таки замкнута въ догматѣ.

Мыслима ли абсолютная, идейная,—не говорю о форменной, которая была бы послѣдствіемъ первой,—законченность въ „Фаустѣ", когда рѣшеніе великой задачи составляетъ вопросъ будущаго, когда приближеніе къ нему составляетъ уже прогрессъ, когда самое рѣшеніе является какъ бы въ туманѣ, совершаясь только въ извѣстной степени въ высшихъ сферахъ умственной дѣятельности человѣка, и этимъ самымъ не поддается формулированію? Гёте сознавалъ это, работая надъ первой частью „Фауста"; онъ углубилъ сказаніе, затронувшее, по его словамъ, „всѣ струны души его"; онъ далъ могучее выраженіе гибкой и растяжимой идеѣ, постоянно измѣнялъ и дополнялъ первую часть, съ полнымъ сознаніемъ, что неизмѣримость идеи ускользаетъ отъ полноты выраженія ея.

Отрывочность произведенія, при глубинѣ идеи, послужила для комментаторовъ особеннымъ стимуломъ; возбужденное воображеніе теряется въ догадкахъ; всякій понимаетъ его по мѣрѣ своего развитія, истолковываетъ его согласно съ своимъ опытомъ. Для немногихъ произведеніе остается закрытой книгой.

Къ „Фаусту" можно въ извѣстномъ отношеніи примѣнить то, что Лессингъ въ „Лаокоонѣ" говоритъ о средствахъ дѣйствовать на воображеніе въ пластическихъ искусствахъ; онъ доказываетъ, что крайнее выраженіе страсти дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ такой моментъ,

который предоставляетъ воображенію полную игру, вызывая въ немъ представленіе о предшествовавшихъ и послѣдующихъ моментахъ.

Приведу въ краткомъ извлеченіи упомянутую уже статью о „Фаустѣ“ нѣмецкаго критика Шерера (Rundschau, Mai 1884), въ которой онъ указываетъ на пробѣлы и противорѣчія въ произведеніи. „Незаконченность „Фауста“,—говоритъ онъ,—составляетъ недостаточно признанный фактъ. Однако поэтъ то прибавлялъ, то выбрасывалъ отдѣльныя сцены, тѣмъ не менѣе важныя для цѣльности драмы. Когда въ первый разъ появляется Мефистофель, онъ не можетъ искусить его въ радостномъ, торжественномъ настроеніи, вызванномъ пасхальнымъ пѣніемъ. Онъ ждетъ лучшаго случая. Во 2-й сценѣ съ Мефистофелемъ пессимизмъ замѣняетъ это настроеніе, и онъ заключаетъ договоръ. Чѣмъ объясняется переворотъ? Очевидно, тутъ пробѣлъ у поэта. Но изъ рукописей, какъ изъ писемъ Гёте къ Шиллеру, узнаемъ, что между этими сценами задуманъ былъ университетскій диспутъ, долженствовавшій мотивировать перемѣну въ Фаустѣ. На этомъ диспутѣ Мефистофель, въ видѣ странствующаго схоласта, оппонируетъ Фаусту, хвалитъ странствованія въ противоположность Фаусту, который утверждаетъ, что для истинъ умозрительныхъ опытъ жизни не имѣетъ значенія; Мефистофель своими доводами разжигаетъ въ немъ любознательность, но уходитъ, не удовлетворивъ ея. Тогда только Мефистофель вновь посѣщаетъ Фауста и заключаетъ съ нимъ договоръ. Именно предшествующая договору сцена осталась планомъ; а самый договоръ противорѣчитъ прологу, въ которомъ нѣтъ ада, и власть дьявола ограничивается земнымъ существованіемъ. Конецъ же 2-ой части согласуется съ договоромъ; но существуютъ отрывки другого окончанія, вполнѣ согласовавшагося съ прологомъ. Далѣе, Шереръ замѣчаетъ, что еслибы во время диспута Мефистофель показалъ Фаусту магическое зеркало, какъ Гёте сначала задумывалъ, а въ немъ Фаустъ увидѣлъ женскій обликъ, похожій на Грётхенъ и еще болѣе на Елену, то была бы найдена связь между нѣсколькими сценами 1-й и 2-й части. Вальпургіева ночь должна была состоять изъ 3-хъ сценъ: подъемъ на Брокенъ, видѣнное на немъ и спускъ съ него. Второй и 3-й сцены нѣтъ, а между тѣмъ онѣ-то и должны бы служить объясненіемъ и развитіемъ сценъ на Брокенѣ. Основная мысль: „хотя человѣкъ во тьмѣ идетъ порою, но истину въ душѣ предвидитъ онъ“,—проходитъ по всѣмъ эпизодамъ. И на Брокенѣ Мефистофель влечетъ Фауста внизъ, Фаустъ же хочетъ подняться. На выси горы онъ надѣется найти объясненіе видѣн-

наго. Вѣроятно, на верхушкѣ ея Гёте хотѣлъ изобразить царство зла, какъ въ прологѣ—царство любви. Но зло, согласно съ оптимизмомъ Гёте, только марево, стимулъ къ добру, которому принадлежитъ торжество. Дѣйствительно, въ существующемъ „Фаустѣ“ Вальпургіева ночь производитъ переворотъ въ героѣ.

Не вхожу въ разборъ 2-й части, слишкомъ сложной и запутанной для бѣглаго обзора; скажу только, что авторъ названной статьи, отчасти по изслѣдованіямъ, отчасти по догадкамъ, указываетъ на переработки и уклоненія отъ первоначальнаго плана, который старается по возможности возстановить въ виду большаго единства. Однимъ изъ доказательствъ измѣненнаго плана служитъ слѣдующій фактъ. Въ письмѣ къ Шиллеру въ 1780 г. Гёте говоритъ, что всѣ главные моменты приведены въ порядокъ. Но смерть Эвфоріона, влекущаго за собой въ Аидъ и Елену, не могла въ то время относиться къ Байрону, которому было всего 12 лѣтъ. По всей вѣроятности, Елена, прощаясь съ Фаустомъ, говорила съ нимъ въ античномъ духѣ о необходимости заявить себя въ дѣятельности; это направленіе высказывается въ 4-мъ актѣ: „дѣло—все, а слава—ничто“; далѣе: „наслаждаться достойно толпы“; а въ 5-мъ актѣ, какъ послѣднее слово мудрости: „только тотъ заслуживаетъ свободу, какъ и жизнь, кто каждый день проводитъ въ трудной борьбѣ“. Это *героизмъ*, намѣченный уже въ 1-й части: „въ началѣ было дѣло“. Въ пасхальную ночь поютъ гимны о воскресеніи не только Христа, но и человѣка. Отъ присущихъ человѣчеству недуговъ человѣка избавляетъ любовь не только въ загробной жизни, но и на землѣ. Радость творчества, вкушаемую божествомъ, могутъ испытать и люди.

Къ этому евангелію дѣятельной любви и возвращается Фаустъ послѣ многихъ колебаній.

Возьмемъ еще примѣръ изъ современной литературы, выясняющій положеніе поэта, который берется рѣшить проблемы современной жизни.

Ауэрбахъ, въ своемъ романѣ: „Дача на Рейнѣ“, затронулъ два жгучихъ вопроса, сильно волнующихъ и озадачивающихъ общество въ XIX вѣкѣ: вопросъ о воспитаніи и о лучшемъ употребленіи крупнаго капитала на пользу ближняго.

Роландъ—богатый воспитанникъ молодого ученаго идеалиста, который не только стремится развить способности довѣреннаго ему мальчика, но, главнымъ образомъ, дать ему такое направленіе, при которомъ громадное состояніе, находящееся въ его распоряженіи, послужило бы на истинное благо обществу. Очевидно, что писатель сталъ лицомъ къ лицу съ двумя мудреными вопросами,

вызывавшими много системъ и утопій, именно: вопросомъ педагогическимъ и вопросомъ экономическимъ. Со времени „Эмиля", Руссо, первый часто рѣшался то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ; второй же тѣсно связанъ съ современными соціальными теоріями. Невозможность сладить съ подобными задачами очевидна: авторъ могъ бы только высказать объ этихъ предметахъ умныя, можетъ быть и новыя мысли, или прибавить еще одну утопію ко всѣмъ предыдущимъ. Какъ развилъ свой замыселъ Ауэрбахъ и къ какому заключенію пришелъ онъ? Чтобъ сохранить во всей чистотѣ идеализмъ своего ученика, воспитатель неусыпно слѣдитъ за его душевнымъ состояніемъ, тщательно отстраняя всякое столкновеніе съ грубою дѣйствительностью. Но результата подобнаго непрактическаго воспитанія мы не видимъ; внѣшніе перевороты вполнѣ измѣняютъ положеніе дѣлъ; мечтанія объ идеальномъ распредѣленіи милліоновъ становятся неумѣстны; дѣйствительность заставляетъ ученика и учителя войти въ обыденную колею жизни. Но не то было задумано авторомъ: первая часть романа, въ которой почти нѣтъ дѣйствія, вся держится на воспитаніи мальчика и мечтаніяхъ воспитателя, но авторъ не совладалъ съ задачей и послѣ нѣкоторыхъ колебаній,—слѣды которыхъ еще замѣтны во второй части,—перешелъ къ тону и дѣйствію весьма обыкновеннаго романа. Насколько первая часть исполнена дидактики и отвлеченныхъ мыслей, настолько третья чужда этихъ элементовъ и богата событіями, впрочемъ, мало мотивированными и потому неинтересными. Поэзія, самое идеальное выраженіе человѣчества—не дидактика, но она даетъ то, что выше всякой дидактики и дѣлаетъ сухое нравоученіе лишнимъ; она возвышаетъ духъ нашъ, возноситъ насъ надъ повседневностью, приводитъ въ сознаніе все, что̀ есть хорошаго въ душѣ нашей; не ея дѣло рѣшать проблемы, но она озаряетъ ихъ свѣтомъ жизненной правды, указываетъ на связь ихъ съ человѣческими идеалами.

Современная критика, при разборѣ произведеній, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на изслѣдованіи среды и ищетъ въ ней объясненія поэтическихъ явленій. Произведеніе чрезъ этотъ пріемъ встрѣчаетъ скорѣе относительную, чѣмъ положительную оцѣнку, и эстетическій интересъ уступаетъ мѣсто интересу историческому. Не вдаваясь здѣсь въ разборъ односторонности, къ которой можетъ вести этотъ пріемъ, скажу только, что различныя обработки „Фауста" особенно поддаются примѣненію этого метода, какъ по субъективному характеру своему, по гибкости

и растяжимости основной идеи, такъ и по обширности того матеріала, который можетъ вмѣстить въ себѣ преданіе. „Фаустъ“ съ его многочисленными обработками и подражаніями имѣетъ между поэтическими сюжетами такое же значеніе, какъ въ современной литературѣ романъ между видами поэзіи: онъ служитъ проводникомъ для идей, если не для доктрины, выраженіемъ личной духовной жизни поэта или господствующаго временно въ обществѣ міровоззрѣнія. Такимъ образомъ индивидуальность и эпоха равно положили свой отпечатокъ на обработку преданія.

Фаустъ—мыслящій человѣкъ вообще, съ его сомнѣніями и стремленіями; трагедія его—трагедія человѣческаго духа, а не отдѣльной коллизіи въ жизни, потому что она зиждется на вѣчномъ противорѣчіи между титаническою стремительностью и человѣческою немощью. Пониманіе такихъ сюжетовъ должно быть произвольно, а форма ихъ растяжима; если они преимущественно получаютъ свое развитіе въ извѣстныя эпохи, колебанія мысли которой они воспроизводятъ, то не менѣе они должны быть отмѣчены и особенностью личности. Преобладаніе субъективнаго элемента въ „Фаустѣ“ сдѣлало преданіе излюбленнымъ мотивомъ для поэтовъ, у которыхъ лиризмъ преобладаетъ надъ объективною ясностью; всякія поэтическія излишества нашли вмѣстительную рамку въ „Фаустѣ“ для вычурности ума, изощренія метафизики, разнузданности воображенія. „Фаустъ“, какъ символъ борьбы духовныхъ силъ, принадлежитъ преимущественно временамъ разлада между мыслью и чувствомъ, требованіями ума и потребностями сердца, дѣйствительностью и воображеніемъ, короче—временамъ общественнаго броженія, пробудившихся требованій личности, или временамъ критики и спекулятивной философіи, когда человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ самыми жгучими вопросами и тревожно ищетъ отвѣта. Понятно, что за „Фауста“ брались такіе поэты, которые по натурѣ своей сильнѣе отразили въ себѣ болѣзненное напряженіе своего времени.

Таковъ Марло, одинъ изъ представителей времени возрожденія въ англійской литературѣ. Таковы Клингеръ и Миллеръ, изъ періода „бурныхъ стремленій“ въ Германіи. Таковы Ленау и Граббе въ 30-хъ годахъ; таковъ Бейли, рано погибшій и потому только мало извѣстный англійскій поэтъ того же времени. Гёте, по прекрасной гармоніи своего существа, прошелъ черезъ періодъ бурныхъ стремленій, какъ черезъ горнило очищенія, но замыселъ его „Фауста“ все-таки коренился именно въ этомъ періодѣ, и не слѣдуетъ забывать, что Гёте, при всей поэтической объективности, былъ особенно чутокъ и отзывчивъ на всѣ явленія со-

временной жизни въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ большинство его произведеній.

Сказанное относится къ лучшимъ произведеніямъ этого рода, такъ какъ сила отзывчивости, а у геніальныхъ писателей—пророческаго ясновидѣнія, составляетъ одинъ изъ признаковъ яркой даровитости.

Трудно согласиться съ Брандесомъ, который говоритъ, что значеніе писателя измѣряется тѣмъ, насколько онъ глубоко проникнется требованіями вѣка и насколько онъ, опережая свое время, укажетъ на новыя цѣли. Если ничего нельзя возразить противъ перваго положенія, то второе окажется непримѣнимымъ къ величайшимъ поэтамъ: Данте и Шекспиру (не говоря уже о многихъ другихъ), и оно можетъ только убѣдить насъ въ опасности слишкомъ широкаго обобщенія. Можно сожалѣть, что Шекспиръ не написалъ „Фауста", но нельзя удивляться этому: борьба у Шекспира выражается въ дѣйствіи конкретно; взявшись за „Фауста" послѣ Марло, онъ, вѣрно, углубилъ бы сказаніе, какъ это сдѣлалъ Гёте послѣ многочисленныхъ, предшествовавшихъ его произведенію, „Фаустовъ"; но чистое умозрѣніе было чуждо Шекспиру, какъ времени его.

Шекспиръ—поэтъ совершающихся фактовъ; въ его драмахъ нѣтъ ни разлада съ жизнью (исключая „Гамлета"), ни пророческой стремительности къ неясно сознаваемой цѣли; онъ стоитъ внѣ догмата, какъ и внѣ философской системы: земныя судьбы людей всецѣло поглощаютъ его; горести и радости людскія, высь и глубь жизни, трагизмъ и идиллія, нравственное безобразіе и героизмъ изображены имъ въ опредѣленныхъ, замкнутыхъ формахъ.

Такъ и величіе Данта заключается въ общечеловѣческихъ идеалахъ, которые легко отдѣлить отъ условныхъ образовъ; эти идеалы—внѣ времени и направленій, но, помимо ихъ, произведеніе его—чудный памятникъ великой, но отжившей эпохи.

Зато къ значенію „Фауста" можно вполнѣ примѣнить сказанное Брандесомъ, потому что это свойство дало Гетевскому „Фаусту" громадный перевѣсъ надъ другими произведеніями, носящими это имя; если, по общечеловѣческому содержанію, „Фаустъ" принадлежитъ всѣмъ временамъ, то типъ, созданный Гёте, принадлежитъ XIX вѣку по преимуществу. Уже въ преданіи находимъ мы въ зародышѣ то, чему Гёте далъ въ своей драмѣ высокое выраженіе. Этимъ объясняются многочисленные „Фаусты" до Гёте. Глубокій смыслъ, который поэтъ могъ дать средневѣковой легендѣ, поразилъ Гёте при первомъ знакомствѣ съ ней, и еще болѣе, когда онъ увидѣлъ ее въ драматической формѣ въ театрѣ ма-

ріонетокъ; въ этомъ видѣ „Фаустъ“ до сихъ поръ составляетъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ нѣмецкихъ „Петрушекъ“. Но идея легенды—человѣкъ, отказывающійся отъ вѣчнаго блаженства ради земныхъ благъ—одухотворяется у различныхъ поэтовъ болѣе возвышеннымъ мотивомъ, смотря по времени и личности автора. Символическій смыслъ болѣе или менѣе присущъ всѣмъ имъ; болѣе или менѣе всѣ отмѣчены идеализмомъ направленія, недостаткомъ стройнаго единства и цѣльности. Тѣ обработки, которыя ближе къ преданію, находятъ въ наивномъ народномъ вѣрованіи извѣстную законченность; тѣ, напротивъ, которыя лучше передаютъ современную духовную жизнь, отрывочнѣе и произвольнѣе, такъ какъ факты въ нихъ получаютъ второстепенное значеніе, и главный интересъ составляютъ лиризмъ и философская мысль.

Преданіе о Фаустѣ коренится въ бурномъ времени реформаціи, когда впервые проснулся духъ пытливости и изслѣдованія, послѣ долгаго сна среднихъ вѣковъ; человѣкъ порвалъ узы, сковывавшія его дотолѣ, — вмѣсто схоластическихъ формулъ потребовалъ живого знанія; въ то же время онъ отрѣшился отъ средневѣковаго враждебнаго отношенія къ земной жизни и человѣческой природѣ, и съ юною необузданностью началъ слѣдовать чувственнымъ влеченіямъ, искать удовлетворенія своихъ аппетитовъ и бороться изъ-за земного счастья.

Самый типъ Фауста сложился постепенно; разсказы о его колдовствѣ давно жили въ народѣ въ связи съ другими именами; такъ, почти каждая страна имѣла своего Фауста, т.-е. человѣка, выдающагося знаніемъ и ловкостью, превосходство котораго надъ современниками могли себѣ объяснить только союзомъ съ дьяволомъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что папу Герберта, дѣлавшаго опыты надъ силою пара, тайно обвиняли въ такомъ союзѣ. Всѣ эти разсказы, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, сгруппировались около жившаго въ Швабіи Фауста, современника Парацельзія и Агриколы, которые, также какъ и Фаустъ, считались чернокнижниками. Меланхтонъ лично зналъ Фауста и упоминаетъ о немъ въ своихъ письмахъ. Этотъ историческій Фаустъ сдѣлался героемъ преданія; разсказъ о его жизни послужилъ основаніемъ для многихъ народныхъ повѣстей, изъ которыхъ древнѣйшее относится къ 1587 г. Оно носитъ названіе: „Повѣсть о докторѣ Фаустѣ, знаменитомъ колдунѣ и чернокнижникѣ, о его договорѣ съ дьяволомъ, его приключеніяхъ и дѣяніяхъ, о постигнувшей его заслуженной карѣ; заимствована, главнымъ образомъ, изъ его бумагъ“.

Содержаніе слѣдующее: Фаустъ, сынъ крестьянина въ окрестностяхъ Веймара, изучаетъ богословіе въ виттенбергскомъ университетѣ, гдѣ и получаетъ степень доктора. Его мучитъ надменное желаніе „узнать причины всего, что̀ на небѣ и на землѣ“. Удовольствія мірскія не могли заглушить въ немъ этого желанія, потому онъ изучаетъ астрологію, потомъ магію, которая даетъ ему власть надъ всѣми духами, даже надъ дьяволомъ. Въ лѣсу, около Веймара, онъ вызываетъ его и заставляетъ служить себѣ. Услыхавъ, что онъ за это будетъ проклятъ Богомъ, онъ нѣкоторое время колеблется, потомъ вступаетъ съ нимъ въ договоръ на 24 года и подписываетъ его кровью. На рукѣ кровью начертались слова: „Спасайся, человѣкъ“. Но Фаустъ старается заглушить голосъ совѣсти и предается шумному разгулу, пирамъ и вину. Дьяволъ, доставляющій ему чувственныя удовольствія, въ то же время даетъ ему познаніе природы и будущности и дѣлаетъ его знаменитымъ. Чтобы самому все видѣть, что̀ надъ землей и подъ нею, Фаустъ спускается въ адъ, въ царство сатаны, видитъ муки отверженныхъ и слышитъ скрежетъ зубовный. Затѣмъ Фаустъ поднимается къ звѣздамъ, такъ что земля кажется ему не больше яичнаго желтка. На землѣ онъ предается чародѣйству: въ Римѣ за трапезой папы; въ Турціи, гдѣ слыветъ пророкомъ; при дворѣ Карла V-го, передъ которымъ заклинаніями вызываетъ Александра Великаго. Вернувшись на родину, онъ вызываетъ прекраснѣйшую изъ женщинъ, греческую Елену. По истеченіи 24-хъ лѣтъ, дьяволъ схватываетъ его и, переломавъ ему члены, бросаетъ его. Книги и магическіе приборы наслѣдуетъ ученикъ его Вагнеръ.

Позднѣйшія повѣсти о Фаустѣ уклоняются отъ первой только въ отдѣльныхъ эпизодахъ. Изъ художественныхъ обработокъ ближе всѣхъ къ первоначальному преданію стоитъ драма Марло: „Докторъ Фаустъ“.

Марло — даровитѣйшій предшественникъ Шекспира. Драмы его напоминаютъ великаго поэта по живости дѣйствія, яркости о̀бразовъ и сильнымъ страстямъ героевъ, по гиперболическимъ выраженіямъ, какъ и по грубости деталей. Но, въ отличіе отъ Шекспира, Марло былъ человѣкъ мрачнаго характера и разнузданныхъ нравовъ. Это былъ, какъ говоритъ Тэнъ, мятежникъ по принципамъ и по жизни. Онъ служитъ лучшимъ представителемъ эпохи возрожденія въ Англіи, когда прирожденная грубость нравовъ смѣшалась съ внѣшними формами классическаго образованія, но не слилась съ ними; это пока было только новое наслоеніе, маскировавшее варварство, но не откровеніе, измѣнившее образъ мыслей. Даже въ классической Италіи гуманизмъ долгое

время оставался болѣе внѣшнимъ украшеніемъ, чѣмъ нравственнымъ убѣжденіемъ; внѣшнія формы культуры всегда усвоиваются легче, чѣмъ внутренній смыслъ ея. Италія имѣла еще за собой преданія, которыхъ не имѣли народы сѣвера, и присущую ей любовь къ утонченности формъ, которую она сохраняла даже во времена полнаго упадка нравовъ. Не такова была Англія. Грубые инстинкты сказывались безъ всякихъ прикрасъ. Традиціи прошлаго не могли служить уздой въ странѣ, отрѣшившейся отъ догматовъ католической церкви, но не успѣвшей ни проникнуться этикой новой религіи, ни окрѣпнуть въ выводахъ разума и подчиниться его требованіямъ. Пуритане составляли группу людей, строгость которыхъ подвергалась осмѣянію. Личность заявляла себя беззастѣнчиво и старалась выдвинуться оригинальностью. Въ то же время знакомство съ Новымъ Свѣтомъ, сношенія съ Италіей, Испаніей и Франціей, успѣхи торговли и промышленности и увеличивающееся благосостояніе — разжигали воображеніе и усиливали аппетиты. Изобрѣтенія, книги, знакомство съ древностью— будили мысль, питали любознательность и усугубляли дѣйствіе духовныхъ силъ. Таково состояніе умовъ, отразившееся въ драмахъ эпохи возрожденія, эпохи необузданной, но юной и стремительной.

Марло родился въ 1563 г., умеръ въ 1593 г., 30-ти лѣтъ. Будучи сыномъ сапожника, онъ учился въ кембриджскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра, а затѣмъ магистра. Лондонъ сильно увлекалъ молодого человѣка; тутъ онъ вступилъ въ сношенія съ театрами, сдѣлавшимися потребностью въ народѣ, несмотря на нравственную опалу, которая лежала на нихъ. Даже драматическія произведенія считались недостойными серьезной литературы. Вслѣдствіе этого актеры и драматическіе поэты были исключены изъ хорошаго общества и вели свободную до разнузданности жизнь. Къ такимъ кружкамъ примкнулъ и Марло, въ качествѣ драматическаго писателя, а нѣкоторое время и въ качествѣ актера. Онъ умеръ отъ удара кинжаломъ, нанесеннаго ему во время разгула въ обществѣ товарищей. Между драмами его („Тамерланъ", „Эдуардъ II", „Варѳоломеева ночь" и др.) первое мѣсто занимаетъ „Фаустъ". Онъ видимо понялъ, какъ много можно извлечь изъ такого сюжета, и сколько въ немъ скрыто нѣсколько мотивовъ, но не съумѣлъ ни освободить свою драму отъ эпическаго элемента, ни выдѣлить элементъ анекдотическій и шутливый; можетъ быть, онъ и разсчитывалъ на симпатіи публики именно въ этой сторонѣ произведенія. Одну главную мысль провелъ онъ въ ущербъ другимъ, слегка намѣченнымъ: его Фаустъ жаждетъ *власти*

и отдаетъ душу дьяволу, чтобы пользоваться ею. Этотъ мотивъ долженъ былъ особенно привлечь человѣка страстнаго, съ сильными желаніями, раба чувства. Его Фаустъ—человѣкъ первобытный; онъ живетъ въ настоящемъ, въ погонѣ за наслажденіями, стремится къ безднѣ, и только на краю пропасти приходитъ въ себя. Вотъ содержаніе драмы.

Во вступленіи, хоръ — дань автора классической древности (въ аллегорическихъ лицахъ онъ отдалъ дань средневѣковымъ аллегоріямъ, бывшимъ еще во вкусѣ времени)—знакомитъ зрителей съ героемъ трагедіи. Не громкіе подвиги хочетъ воспѣть его Муза, не о великихъ событіяхъ повѣствуетъ она; нѣтъ, она хочетъ представить судьбу Фауста. Фаустъ хотя и низкаго происхожденія, но громко прославился ученостью и краснорѣчіемъ; гордыня погубила его: подобно Дедалу, онъ хотѣлъ вознестись къ облакамъ, и подпалъ подъ власть дьявола. Наскучивъ мудростью, онъ принялся за магію. „Смотрите,—заканчиваетъ хоръ,—вотъ онъ и самъ за письменнымъ столомъ".

Фаустъ разсматриваетъ предѣлы разныхъ наукъ и иронизируетъ надъ ними. Всѣ онѣ кажутся ему пусты и безполезны. Онъ требуетъ прямыхъ результатовъ отъ знанія. Одна только магія кажется ему великой наукой, потому что она даетъ человѣку власть. Всѣ ея знаки и формулы—ключи, открывающіе человѣку міръ. Хорошій магъ—полубогъ, заключаетъ онъ. Кто въ магіи съумѣлъ сдѣлаться повелителемъ, тотъ владѣетъ безпредѣльнымъ царствомъ. Стòитъ потрудиться изъ-за такого блаженства!

Дѣтская вѣра и элементарность пріемовъ сказываются въ краткой сценѣ, гдѣ два ангела, добрый и злой, стараются каждый въ свою сторону склонить Фауста. Но онъ продолжаетъ мечтать о томъ, чтò дастъ ему магія, съ ребяческимъ удовольствіемъ перечисляетъ все, чтò будетъ находиться въ его распоряженіи, наперекоръ законамъ природы и установившимся порядкамъ; онъ узнàетъ всѣ государственныя тайны, самъ сдѣлается царемъ, заставитъ Рейнъ протекать около Виттенберга и пр. Онъ сообщаетъ свои планы двумъ ученымъ друзьямъ, которые раздѣляютъ его надежды. Затѣмъ Фаустъ вызываетъ дьявола. Является Люциферъ въ сопровожденіи четырехъ чертей. Видъ ихъ не нравится Фаусту; онъ отсылаетъ ихъ, говоря, что желаетъ, чтобъ ему служили черти болѣе благообразные. Тогда является Мефистофель, объясняющій, что хотя онъ по виду и повинуется его зову, но явился не по его приказанію: богохульственныя рѣчи человѣка сильнѣе всякаго заклинанія. Вопрошаемый Фау-

стомъ, онъ называетъ Люцифера падшимъ ангеломъ, отверженнымъ Богомъ за гордыню и на вѣки погибшимъ. Онъ со скорбію говоритъ о томъ, что всѣ они, живущіе съ Люциферомъ, лишились божьяго милосердія, и на вопросъ Фауста, какъ могъ онъ выйти изъ ада, онъ отвѣчаетъ, что адъ всюду, гдѣ нѣтъ Бога. Фаустъ ставитъ себя въ примѣръ мужества и беззаботности. Въ этой сценѣ, какъ и въ другихъ подобнаго содержанія, звучитъ дерзость, своеволіе и неумѣренность юноши, легко доходящаго до крайности въ принятомъ направленіи.

Фаустъ соглашается отдать душу Люциферу, съ условіемъ, чтобъ Мефистофель, подвластный Люциферу, служилъ Фаусту; при этомъ онъ высказываетъ желанія, достойныя, по безмѣрности своей, ребенка или внезапно разбогатѣвшаго простолюдина.

Нужно прибавить, что дѣйствіе постоянно прерывается мелкими, довольно безсодержательными, сценками, въ которыхъ авторъ отдалъ дань грубому юмору временъ Шекспира. То фамулусъ Вагнеръ шутитъ съ учениками Фауста, виттенбергскими студентами, то вводятся разговоры и шутки слугъ. Голоса вторично появившихся ангеловъ смущаютъ Фауста. Онъ колеблется, хочетъ отказаться отъ магіи и принести покаяніе, но чувствуетъ, что это ему невозможно, потому что божество, которому онъ привыкъ повиноваться—это его свободная воля. Онъ вступаетъ въ договоръ (всѣ статьи котораго исчисляются) и подписываетъ его своею кровью, причемъ кровь его стынетъ, и Мефистофель разогрѣваетъ ее, чтобы Фаустъ могъ дописать начатое. Вдругъ на рукѣ, изъ которой онъ извлекъ кровь, онъ читаетъ слова: „Спасайся, человѣкъ!“ Мефистофель, чтобъ развлечь его, вызываетъ духовъ; они несутъ короны и богатую одежду, пляшутъ предъ нимъ и исчезаютъ.

Мы видимъ, что идея драмы—гибель человѣка изъ-за матеріальныхъ выгодъ; тутъ не метафизическія изысканія, не изощренія ума надъ тайнами бытія; нѣтъ, это только жажда тѣхъ благъ, которыми прельщаются массы.

Съ юношескимъ легкомысліемъ говоритъ Фаустъ объ истеченіи назначеннаго срока; какъ беззаботный юноша, онъ живетъ только въ настоящемъ. Даже свидѣтельство Мефистофеля, говорящаго объ адѣ и вѣчныхъ мукахъ, не дѣйствуетъ на него. Онъ жаждетъ власти не ради возвышенныхъ цѣлей, а только ради тѣхъ наслажденій, которыя она доставляетъ.

Мефистофель вручаетъ ему книгу о магіи и сообщаетъ ему, какъ пользоваться ею. Въ слѣдующей сценѣ (тутъ очевиденъ пропускъ, и драма Марло носитъ слѣды измѣненій, пропусковъ и вставокъ въ послѣдовательныхъ изданіяхъ и въ виду сцениче-

скаго удобства)—Мефистофель говоритъ Фаусту, что рай, о которомъ онъ сожалѣетъ, далеко не такъ прекрасенъ, какъ человѣкъ. „Докажи это",—говоритъ Фаустъ Мефистофелю.—„Рай сдѣланъ для васъ, слѣдовательно вы драгоцѣннѣе его". Фаустъ: „Для насъ? Такъ и для меня? Прости, магія!.. (Фаустъ хочетъ каяться.) Нѣтъ, сердце мое окаменѣло, не могу болѣе произнести священныхъ словъ! Предо мной кинжалъ, и адъ, и ужасы смерти. Не лучше ли покончить съ собой?.. Да, но еслибъ желаніе жить не было сильнѣе угрызеній совѣсти. Поэты такъ сладко поютъ о прелести бытія:—хочу жить и наслаждаться!"

Современнаго читателя поражаютъ быстрые переходы отъ одного чувства къ другому, противоположному, и наивная положительность, съ которой Фаустъ каждый разъ провозглашаетъ торжество надъ собой новаго рѣшенія.

Фаустъ предлагаетъ Мефистофелю разные вопросы, касающіеся астрономіи (тогда еще смѣшиваемой съ астрологіей), чтó даетъ поводъ автору голосомъ Мефистофеля выкладывать всю школьную мудрость того времени. На вопросъ Фауста, кто создалъ міръ, Мефистофель отказывается отвѣчать. Фаустъ прогоняетъ его и въ молитвѣ взываетъ къ Богу, о которомъ онъ забылъ. Являются Люциферъ и Мефистофель, сопровождаемые другими духами тьмы. Люциферъ говоритъ Фаусту, что, по договору, онъ не долженъ призывать Бога, но что, впрочемъ, онъ пришелъ развлечь его отъ мрачныхъ мыслей. Онъ вызываетъ семь смертныхъ грѣховъ. Каждый грѣхъ съ грубымъ юморомъ объясняетъ свое происхожденіе и свои свойства. Напримѣръ, *Зависть*: „Я желала бы сжечь всѣ книги, потому что не умѣю читать. Я такъ худа оттого, что другіе на моихъ глазахъ ѣдятъ такъ вкусно. О, еслибы былъ голодъ на землѣ, какъ бы я тогда пополнѣла!" и т. д. *Гнѣвъ*: „Я не знаю ни отца, ни матери; я выпрыгнулъ изъ пасти льва и съ тѣхъ поръ бѣгаю по землѣ съ пустыми ножнами шпаги; если не найду, съ кѣмъ сразиться, самъ раню себя. Я думаю, что одинъ изъ васъ, адскихъ духовъ, отецъ мой", и проч.

Фаустъ восклицаетъ: „О, какъ я желалъ бы самъ заглянуть въ адъ!" Люциферъ обѣщаетъ исполнить его желаніе, и вручаетъ ему книгу, которая укажетъ ему средства воплотиться въ кого пожелаетъ. Хоръ сообщаетъ, что Фаустъ хочетъ измѣрить небесныя пространства, а потомъ объѣхать моря и земли. Теперь онъ спѣшитъ въ Римъ, на праздникъ апостола Петра.

Римъ. Мефистофель объясняетъ Фаусту чудеса вѣчнаго города и хочетъ сдѣлать его свидѣтелемъ праздника, которымъ

ежегодно ознаменовывается торжество церкви. Фаустъ этимъ не довольствуется. Осмотрѣвъ въ одну недѣлю небеса, адъ и землю, ему хотѣлось бы на ней быть не только зрителемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. „Пусть папа,—говоритъ онъ,—чувствуетъ, что Фаустъ пріѣхалъ".

Мефистофель соглашается; онъ предлагаетъ Фаусту выдумать, какую хочетъ, шутку и берется помочь ему въ исполненіи ея.

Въ слѣдующей сценѣ выходятъ кардиналы, епископы и монахи съ ладаномъ и пѣніемъ. За ними папа въ сопровожденіи иноземныхъ властителей. Герцогъ саксонскій въ цѣпяхъ за то, что отказывается служить подножіемъ при восшествіи папы на престолъ. Папа посылаетъ кардиналовъ въ консисторію узнать по декреталіямъ, какое наказаніе назначается противникамъ папской власти. Фаустъ приказываетъ Мефистофелю идти за ними и усыпить ихъ, пока они будутъ рыться въ книгахъ, а во время ихъ сна явиться къ папѣ съ ложнымъ доносомъ, освободить герцога и отвезти въ Германію.

Мефистофель повинуется. Въ это время папа и герцогъ спорятъ о правахъ намѣстника Петра и германскаго императора. Папа грозно говоритъ, что папы ошибаться не могутъ, даже еслибы иногда и пожелали ошибиться. Фаустъ и Мефистофель возвращаются и на вопросъ папы отвѣчаютъ, что вселенскими соборами постановлено сжигать еретиковъ и непокорныхъ. Папа доволенъ этимъ рѣшеніемъ, велитъ готовить богатую трапезу, пока Мефистофель посредствомъ магическихъ заклинаній дѣлаетъ Фауста невидимымъ. Въ это время являются настоящіе посланные. Папа сначала недоумѣваетъ, затѣмъ велитъ отвести ихъ въ темницу за дерзкую шутку. За трапезой невидимка-Фаустъ позволяетъ себѣ рядъ грубыхъ шутокъ съ папой, который, наконецъ, догадывается, что между ними, должно быть, вкрался злой духъ, и приказываетъ молитвами и ладаномъ изгнать его. Пока ихъ выкуриваютъ и произносятъ надъ ними анаѳему, Мефистофель и Фаустъ бросаютъ въ священниковъ огнемъ и заставляютъ ихъ разбѣжаться.

Вся эта сцена не только воспроизводитъ магическіе фокусы въ народномъ вкусѣ, но тутъ отразилось и враждебно-насмѣшливое отношеніе къ римской куріи протестантской Англіи того времени. Далѣе, мы узнаемъ изъ разговора вновь введенныхъ въ драму лицъ, что Фаустъ, совершивъ въ Римѣ чудеса магіи, къ великому удовольствію папы, теперь прибылъ ко двору германскаго императора, которому собирается показать длинный рядъ его предковъ и даже Александра Великаго. Обѣщанное императору зрѣлище опять сопровождается шутками во вкусѣ тѣхъ, которыя въ наше время

и въ драмахъ Шекспира на сценѣ обыкновенно выбрасываются, хотя въ нихъ и болѣе комической соли. Такъ, у Марло Фаустъ превращаетъ враговъ своихъ въ звѣрей, продаетъ бѣдному человѣку лошадь, которая оказывается только вязанкой сѣна, и т. п.

Срокъ, назначенный въ договорѣ, подходитъ къ концу. Фаустъ пируетъ съ учениками. Входитъ старецъ, который увѣщеваетъ Фауста. Фаустъ ужасается самого себя и конца, ожидающаго его. Мефистофель напоминаетъ ему о договорѣ, и Фаустъ проситъ, какъ о послѣдней радости въ жизни, показать ему вѣнецъ творенія, прекраснѣйшую женщину—греческую Елену. Мефистофель исполняетъ его желаніе, и восторженное удивленіе Фауста при видѣ красавицы представляетъ самое поэтическое мѣсто драмы, а по гиперболической формѣ и ббразности оно напоминаетъ соотвѣтствующія мѣста у Шекспира. „Не это ль взоръ, направившій тысячи кораблей на взятіе Трои? Даруй мнѣ безсмертіе поцѣлуемъ! Душа моя стремится вслѣдъ тебѣ,—отдай мнѣ душу! Останься! мнѣ рай уста твои, и прахъ—все то, что не Елена! Ты прекраснѣе вечерней звѣзды, ты сіяешь лучами небесныхъ свѣтилъ, блестящѣе пламени громовержца, когда онъ во славѣ являлся бѣдной Семелѣ; прелестнѣе Аретузы, когда она держала отца боговъ въ лазуревыхъ объятіяхъ. Да, ты одна—моя любовь!“

Люциферъ, въ сопровожденіи главныхъ духовъ тьмы, приходитъ, чтобъ взять душу Фауста. Является и Фаустъ со студентами. Они говорятъ о томъ, какъ измѣнился Фаустъ, и теряются въ догадкахъ о причинѣ его тоски и безпокойства. Фаустъ сообщаетъ имъ, что дало ему такую власть на землѣ. Всѣ ужасы ада носятся предъ нимъ. Выраженіе его страха и отчаянія поражаютъ реальностью и силой. Онъ хочетъ поднять руки къ небу, но не можетъ: „Адъ, адъ на вѣки! Друзья! что будетъ со мной? Я хотѣлъ бы плакать, но у меня нѣтъ слезъ. О, еслибъ вмѣсто слезъ я могъ пролить кровь свою! Безумецъ! за человѣческую мудрость я отдалъ душу; за скоротечныя радости—вѣчное блаженство! Зачѣмъ искалъ я знанія въ книгахъ и университетахъ? Друзья, молитесь за меня!“ Голоса ангеловъ раздаются около него. Ангелъ добра говоритъ ему о небесномъ блаженствѣ, котораго онъ лишился. Ангелъ зла: „Тотъ, кому все давалось на землѣ, потерпитъ послѣ“. Адъ отверзается. Ангелъ указываетъ Фаусту на муки грѣшниковъ. Бьетъ 11 часовъ. Фаустъ: „Еще одинъ часъ, и я проклятъ на вѣки. Время, остановись! Природа, открой очи и даруй намъ денной свѣтъ, чтобъ не было ночи! Пусть этотъ часъ будетъ годомъ, мѣсяцемъ, недѣлей, хотя бы однимъ только днемъ, чтобъ Фаустъ могъ покаяться и спасти душу!

Звѣзды текутъ на небѣ, маятникъ движется, время идетъ. Горы, холмы, упадите на меня, скройте меня отъ небеснаго гнѣва! Земля, прими меня въ лоно! Не хочешь поглотить меня? Звѣзды, руководившія моей судьбой! я вознесусь къ вамъ, какъ легкій паръ. Тѣло мое, слейся съ воздухомъ! Душа, уйди на дно океана, чтобъ никто не могъ найти тебя!"—Бьетъ половина 12-го. „Нѣтъ спасенія! О, еслибъ я могъ страдать тысячу лѣтъ, нѣтъ, болѣе того, —и тогда найти помилованіе! Душа, зачѣмъ ты безсмертна! Счастливы звѣри: они умираютъ, и душа ихъ сливается съ стихіями". Фаустъ бросаетъ книги въ огонь. Бьетъ полночь. Фаустъ произноситъ страшныя проклятія. Являются черти и разрываютъ его на части.

Въ заключительной сценѣ ученики Фауста говорятъ о страшныхъ крикахъ, раздавшихся ночью, и объ огненномъ столбѣ, который поднялся надъ домомъ Фауста. Они готовятся хоронить его. Хоръ указываетъ на опасность возноситься умомъ къ небесамъ: „Запрещенная мудрость,—заключаетъ онъ,—готовитъ человѣку вѣчную гибель".

Авторъ вѣрно передалъ первоначальный смыслъ преданія, съ которымъ, вѣроятно, познакомился въ первой обработкѣ его, 1587 года; драму Марло относятъ къ 1588 г. Характеръ Мефистофеля совершенно уклоняется отъ народной концепціи дьявола. Онъ грустенъ, исполненъ раскаянія, мѣстами даже величавъ и напоминаетъ подобные типы у Байрона, и Люцифера—у поэта Бейли, въ его поэмѣ „Фаустъ". Какъ и у этихъ поэтовъ, у Марло устами Мефистофеля говоритъ самъ авторъ. Въ немъ нѣтъ ни ироническаго отрицанія, ни коварной злобы. И у Марло, какъ у большинства писателей, драма зиждется на сопоставленіи временнаго и вѣчнаго, на недостаточности, скудости того, что̀ даютъ знаніе, богатство и власть. Главный мотивъ Марло—власть—служитъ пружиной во второй части Гётевскаго „Фауста".

Въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ „Чудодѣйственномъ Магѣ" Кальдерона нѣчто схожее съ „Фаустомъ", но подъ другимъ именемъ и въ томъ видоизмѣненіи, которое обусловливается страной и направленіемъ автора. Сходство сюжета нѣкогда возбудило странное подозрѣніе: не пользовался ли Гёте идеей Кальдерона? Бѣглый обзоръ драмы убѣждаетъ читателя, что различіе между сѣверными „Фаустами" и „Чудодѣйственнымъ Магомъ" такъ велико, что можно усомниться, зналъ ли Кальдеронъ преданіе, и считать сходство чистою случайностью. Послѣднее тѣмъ легче

предположить, что уже въ X-мъ вѣкѣ ученая монахиня Росвита, драмы которой были написаны отчасти подъ вліяніемъ Теренція, отчасти заимствованы изъ средневѣковыхъ легендъ, написала драму „Теофилій“, фабула которой похожа на „Фауста“. Изслѣдованіемъ отношенія „Чудодѣйственнаго Мага“ къ Фаусту занимался нѣмецкій критикъ, Розенкранцъ.

Кальдеронъ—католическій писатель по преимуществу; къ тому же онъ совмѣщаетъ въ себѣ качества и недостатки испанской поэзіи XVII-го вѣка. Онъ до сихъ поръ составляетъ гордость Испаніи, и произведенія его считаются образцовыми. За нимъ такъ упрочилась громкая слава великаго драматическаго поэта, что только современная критика робко начинаетъ оспаривать этотъ титулъ. Дѣйствительно, Кальдеронъ изумляетъ даровитостью, богатствомъ фантазіи не менѣе, чѣмъ увлекаетъ живостью дѣйствія. Но не это выше всего цѣнило въ немъ отечество. Испанія, съ своими рыцарскими понятіями о чести, съ своимъ абсолютнымъ догматизмомъ и религіозной нетерпимостью, имѣетъ въ немъ фанатическаго представителя. Трудно найти болѣе рѣзкій контрастъ между двумя міровоззрѣніями, чѣмъ какой представляетъ намъ сравненіе между XVII в.—преимущественно въ Испаніи—и XIX вѣкомъ.

Духъ пытливости и изслѣдованія, заявленіе личности, многосторонность и стремленіе впередъ—вотъ тѣ черты, которыми отмѣченъ нашъ вѣкъ. Полное и безусловное поклоненіе церковному авторитету, непоколебимость преданій, условное понятіе о чести, доведенное до героизма, но иногда и до безумія и звѣрства; религіозность, которую вѣрнѣе назвать фанатизмомъ; полное незнаніе дѣйствительности и пренебреженіе ею, представляющеюся всегда чрезъ призму условныхъ понятій—вотъ мало измѣнявшійся, въ продолженіе многихъ вѣковъ, характеръ Испаніи. По словамъ Бокля, ей чужда была пытливость, какъ были чужды и сомнѣнія. Какую окраску долженъ былъ получить сюжетъ въ обработкѣ Кальдерона?

Выбрасываемъ изъ содержанія мелкія любовныя интриги друзей героя, какъ и слугъ его, разныя quiproquo и шутки, замѣчательныя развѣ только по незамысловатости своей, и ограничимся передачею главной мысли драмы. Хроника, играющая такую выдающуюся роль въ испанской поэзіи, служитъ главной пружиной дѣйствія и въ драмѣ Кальдерона. Изъ философскихъ вопросовъ затрогивается только одинъ: какой богъ истинный? Отвѣтъ—христіанско-догматическій. Такимъ образомъ замыселъ упрощенъ, а дѣйствіе опошлено. Тутъ не слѣдуетъ искать ни метафизическихъ изысканій, ни томительнаго анализа,—вся жажда знанія

сводится къ вопросу богословія, рѣшаемому въ абсолютномъ смыслѣ; не богатые рефлексы субъективности нашли себѣ въ драмѣ поэтическое выраженіе; нѣтъ, мысль у Кальдерона одна: представить торжество католичества и славу мученичества. Дѣйствіе переноситъ насъ въ Антіохію. Молодой философъ Кипріанъ удаляется отъ свѣтскихъ удовольствій и ищетъ одиночества, чтобъ лучше углубиться въ понятіе о Божествѣ. Съ этой цѣлью онъ изучаетъ политеизмъ. Является сатана, который споритъ съ нимъ о религіи, но заявляетъ, что скроетъ отъ него истину. Кипріанъ глубже вдумывается въ политеизмъ и приходитъ къ заключенію о единствѣ божественнаго начала. Сатана, взбѣшенный торжествомъ истины, задумываетъ побѣдить философа чувственностью. Онъ знакомитъ его съ прекрасной молодой христіанкой, Юстиной, въ которую влюбляется Кипріанъ. Онъ говоритъ ей о любви, она не слушаетъ его. Онъ готовъ предаться Сатанѣ, чтобъ быть услышаннымъ ею. Выраженіе любви отличается въ драмѣ той витіеватостью, тѣмъ изобиліемъ метафоръ, которыя присущи испанской поэзіи вообще. Красавица сравнивается со всѣмъ, что̀ прекрасно въ природѣ; тутъ вся южная яркость красокъ въ связи съ нѣжнымъ выраженіемъ чувства, не лишеннымъ меланхоліи. Не вдаваясь въ мелкіе эпизоды, не упоминая о чудесахъ, посредствомъ которыхъ Сатана хочетъ доказать свою магическую власть, переходимъ къ договору, которымъ дьяволъ обязывается побѣдить Юстину. Договоръ заключается на годъ и подписывается кровью; но назначенный срокъ для развитія дѣйствія значенія не имѣетъ; поэтъ не воспользовался имъ, чтобы дать драмѣ многообразное содержаніе. Любовь является главнымъ двигателемъ и единственною цѣлью желаній героя. Дьяволъ искушаетъ Юстину и старается склонить ее ложными доводами. Ее смущаютъ голоса, поющіе ей о счастьѣ любви; но она тверда въ вѣрѣ, взываетъ въ молитвѣ къ Богу, и дьяволъ теряетъ власть надъ нею. Обязавшись служить Кипріану, дьяволъ старается обмануть его призракомъ: Кипріану представляется мнимая Юстина; онъ хочетъ заключить ее въ объятія, — въ рукахъ его оказывается трупъ; призракъ исчезаетъ, произнося роковыя слова: „Такъ обращается въ прахъ все земное величіе!“ Кипріанъ требуетъ отъ дьявола объясненія; тотъ принужденъ сознаться, что самъ повинуется высшему началу. Кипріана озаряетъ свѣтъ истины: вотъ тотъ Богъ, котораго онъ ищетъ! Онъ взываетъ къ Нему, молится, вѣруетъ и дѣлается христіаниномъ. Судьба снова сводитъ его съ Юстиной, и оба умираютъ мученической смертью. Въ заключеніе является Сатана и объявляетъ о торжествѣ и блажен-

ствѣ мучениковъ. Такимъ образомъ Кальдеронъ сдѣлалъ изъ преданія легенду, съ цѣлью религіознаго назиданія.

Небольшой отрывокъ потеряннаго, а можетъ быть, и неоконченнаго „Фауста", оставленный Лессингомъ, останавливаетъ наше вниманіе не потому, чтобы въ немъ заключались богатые задатки,— намѣченный авторомъ планъ едва ли допускалъ значительное развитіе,—но потому, что мы и въ немъ находимъ личность автора, узнаёмъ знакомыя намъ черты. По незначительному отрывку мы можемъ судить о формѣ, которую приняла его мысль, а по плану— объ общемъ замыслѣ, соотвѣтствующемъ складу ума автора.

Лессингу было несвойственно теряться въ туманностяхъ; и слогъ, и мысль его одинаково напоминаютъ отчетливую чеканку. Неутомимо пытливый, онъ всегда ясно сознавалъ задуманное имъ, и, вслѣдствіе преобладанія у него ума надъ фантазіей, даже отвлеченная мысль получаетъ у него что-то законченное, конкретное. Вотъ содержаніе отрывка.

На развалинахъ стараго собора возсѣдаетъ Сатана и требуетъ отчета отъ слугъ своихъ. Онъ однихъ хвалитъ, другими недоволенъ. Онъ порицаетъ тѣхъ, которые губятъ тѣло человѣка или наносятъ людямъ матеріальный ущербъ: „человѣкъ добродѣтельный,—говоритъ онъ,—ищетъ утѣшенія въ скорби у Всевышняго; человѣкъ порочный принадлежитъ мнѣ рано или поздно; продлить его существованіе—значитъ увеличить царство зла на землѣ". Одинъ изъ чертей говоритъ о великомъ замыслѣ: погубить человѣка, любимаго Богомъ; но сознается, что не нашелъ еще способа. „Безумецъ!—говоритъ Сатана: — если имъ обладаетъ жажда знанія, этого достаточно".

Раздается голосъ свыше: „Вы не побѣдите!"

Въ планѣ находимъ слова дьявола: „Теперь онъ при свѣтѣ ночника трудится надъ изысканіемъ истины. Лишняя любознательность—большой недостатокъ, а одинъ недостатокъ, если дать ему волю, можетъ повлечь за собой всѣ пороки". Затѣмъ дьяволъ обдумываетъ планъ атаки. Слѣдуетъ краткая сценка; въ ней Фаустъ вызываетъ духа, который рѣшилъ бы его сомнѣнія. Является дьяволъ, въ образѣ Аристотеля, и отвѣчаетъ ему на замысловатые вопросы. Въ другой краткой сценѣ Фаустъ также вызываетъ духовъ, стараясь узнать, который изъ нихъ самый быстрый. Когда одинъ говоритъ Фаусту: „Я скоръ, какъ переходъ отъ добра къ злу",—Фаустъ отвѣчаетъ: „Ты будешь служить мнѣ; мнѣ знакома быстрота твоя", и т. д. Развитіе дѣй-

ствія должно было состоять въ слѣдующемъ: ангелъ погружаетъ Фауста въ глубокій сонъ и создаетъ видѣніе, замѣняющее его въ глазахъ дьявола. Всѣ испытанія Фауста не что иное, какъ видѣнный имъ сонъ; видѣніе исчезаетъ въ минуту мнимаго торжества Сатаны. Фаустъ просыпается, благодаритъ Провидѣніе за данное ему предостереженіе и дѣлается устойчивѣе прежняго въ добродѣтели и истинѣ.

Если въ словахъ: „Ты будешь служить мнѣ; я знаю, какъ быстръ переходъ отъ добра къ злу", —уже звучитъ тенденціозность, то окончаніе является еще болѣе въ духѣ устарѣлой дидактики. Въ планѣ, ясномъ и несложномъ, узнаёмъ ясномыслящаго, логичнаго, отчетливаго автора „Лаокоона". Но напрасно мы стали бы искать въ немъ, какъ и вообще въ поэтическихъ произведеніяхъ Лессинга, „несоизмѣримость", придающую особенную прелесть и цѣну „Фаусту" Гёте. Лессингъ — великій мыслитель и критикъ, но поэтическія произведенія его суть скорѣе выраженіе свѣтлаго ума, благородной души и просвѣщеннаго, теплаго гуманизма, чѣмъ поэтическаго огня. „Фаустъ" же, при глубокомъ пониманіи идеи, тѣсно связанъ съ той отрывочностью формы, съ тѣмъ анализомъ внутренняго человѣка, которые не нашли себѣ выраженія въ опредѣленныхъ очертаніяхъ Лессинговскихъ произведеній.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, пока во Франціи медленно готовился политическій переворотъ, въ Германіи совершался подобный переворотъ въ сферѣ чисто духовной. Причины, въ главныхъ чертахъ, были схожи: закоренѣлыя злоупотребленія, гнетъ отжившихъ свое время преданій и формъ, тягостныхъ возмужавшему уму современнаго общества. Быстрые успѣхи, которые сдѣлала Германія во второй половинѣ XVIII в. во всѣхъ областяхъ мысли, не могли пройти даромъ. Но быстрые перевороты не обходятся безъ болѣзненныхъ явленій. Противорѣчащія теоріи боролись между собой и, при отсутствіи политической жизни и бѣдности—общественной, сильно волновали умы. XVII-ый в. и первая половина XVIII-го прошли въ раболѣпномъ подражаніи чужеземнымъ формамъ жизни и мысли. Фридрихъ II не признавалъ чего-либо самобытнаго въ нѣмецкой литературѣ. Только во второй половинѣ XVIII в. повѣяло новою жизнью въ наукѣ, литературѣ и критикѣ. Но новое содержаніе не вмѣщалось болѣе въ старыхъ формахъ. Началось то время броженія идей и недовольства существующимъ порядкомъ, то время внутренняго разлада и бурной стремительности къ новому строю жизни, которое отразилось въ

юношескихъ произведеніяхъ Шиллера и Гёте, и извѣстно въ нѣмецкой литературѣ подъ именемъ „періода бурныхъ стремленій“. Это состояніе умовъ нашло краснорѣчивое выраженіе въ сильномъ протестѣ „Разбойниковъ“, какъ и въ меланхоліи Вертера.

Въ поэзіи, какъ и въ обществѣ, правила сдѣлались оковами; наскучивъ шаблонными формами, стали провозглашать въ поэзіи принципъ непосредственности; фантазіи, которую такъ недавно царившій надъ критикой Готшедъ называлъ аберраціей ума, стали давать полную свободу. Изъ поэтическихъ произведеній и поэтовъ признавали только: Библію, какъ сокровищницу народной поэзіи Востока, съ которымъ тогда только начинали знакомиться; Гомера, какъ выраженіе могучей, безъискусственной поэзіи; Шекспира и Оссіана. Въ меланхоліи Оссіана люди находили отголосокъ сердечной тоски, а сильныя, страстныя драмы Шекспира соотвѣтствовали ихъ господствующему настроенію. Толчокъ на пути внутренняго откровенія въ поэзіи и—какъ слѣдствіе его—произвольныхъ формъ, наперекоръ правиламъ и теоріямъ, былъ данъ Гаманомъ, котораго прозвали „магомъ сѣвера“, за пророческій тонъ глубокихъ, хотя часто и темныхъ изреченій. На изученіе народной поэзіи, какъ на источникъ вдохновенія и богатую сокровищницу народной фантазіи, — натолкнулъ Гердеръ. Къ просвѣщенію поэты, стоящіе во главѣ направленія, какъ и впослѣдствіи романтики, стали относиться враждебно; въ немъ они видѣли корень зла, причину разлада между умомъ и сердцемъ, фантазіей и дѣйствительностью, свѣтскими требованіями и естественными влеченіями. Разумѣется, состояніе умовъ, о которомъ идетъ рѣчь, не могло охватить всего общества; сила преданій слишкомъ велика въ Германіи; въ ней всякаго рода эволюціи совершаются медленно; къ тому же не слѣдуетъ забывать, что переворотъ былъ чисто духовный; отражаясь преимущественно въ литературѣ, онъ едва коснулся жизни и непосредственнаго вліянія на нее не имѣлъ. Группа молодыхъ писателей, служащихъ представителями направленія, не оставила ни громкаго имени, ни выдающихся произведеній. Шиллеръ и Гёте прошли чрезъ періодъ бурныхъ стремленій какъ чрезъ горнило очищенія, и въ эстетикѣ, какъ и въ жизни, рано выработали себѣ ясныя и здравыя воззрѣнія. Другіе погибли, и жизнь, какъ и произведенія ихъ остались грустнымъ примѣромъ разлада и распущенности. Нѣкоторые, попавъ въ теченіе, хотя впослѣдствіи и стремились выйти изъ него, но произведенія ихъ, носящія слѣды этой борьбы, остались только памятникомъ культуры историческаго момента, и трудно найти что-либо общее между ними и совре-

менными имъ классиками. Таковъ Клингеръ, вожакъ всей группы. Имя его связано съ исторіей дерптскаго университета, котораго онъ былъ кураторомъ (франкфуртскій уроженецъ, онъ провелъ бо̀льшую часть жизни на русской службѣ). Драма его: „Бурныя стремленія“, дала названіе тому направленію, которое она пыталась выразить. Мрачный пессимизмъ и протестъ противъ общественнаго строя не менѣе отразились и въ романѣ его, относящемся къ 1791 году: „Фаустъ, его жизнь, дѣянія и низверженіе въ адъ“.

Авторъ изъ своего героя дѣлаетъ историческаго Фауста или Фауста, который, въ союзѣ съ Гутенбергомъ и Шеферомъ, трудился надъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія (впрочемъ эту особенность представляютъ и нѣкоторыя другія обработки преданія). Въ краткомъ предисловіи авторъ заявляетъ, что не пользовался ничѣмъ изъ того что̀ было написано о „Фаустѣ“, и что трудъ его совершенно самобытенъ.

Фаустъ, уставшій гоняться „за блуждающими огнями метафизики, этики и богословія“, предается магіи, чтобъ силой отвоевать у природы то, что̀ она упорно скрываетъ отъ человѣка. Первымъ завоеваніемъ въ новой области было книгопечатаніе. Описаніе характера Фауста сдѣлано по живымъ образцамъ того времени. Такъ, между прочимъ, „одаренный пагубными качествами, пламеннымъ сердцемъ и пытливымъ умомъ, онъ позналъ всю тщету и безполезность достигаемаго, и такимъ образомъ потерялъ путь къ счастью, которое дается только натурамъ ограниченнымъ“, и т. д. Впрочемъ авторъ заканчиваетъ характеристику словами: „Величіе, слава и счастье менѣе всего даются тому, кто гонится за ними и не умѣетъ отличать сущности этихъ благъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя, подобно туману, закрываютъ ихъ отъ человѣческихъ глазъ“. Герой Клингера, напечатавъ „Вульгату“, не находитъ для нея покупателей, впадаетъ вмѣстѣ съ семьей въ нищету, и, доведенный, наконецъ, до отчаянія тщетными попытками извлечь что-нибудь изъ своего изобрѣтенія, онъ дѣлаетъ заклинанія; является геній человѣчества, желающій спасти его. „Что̀ можешь ты дать мнѣ,—спрашиваетъ Фаустъ,—чтобъ утолить мою жажду знанія, мою потребность счастья и свободы?“ Духъ: „Смиреніе, покорность въ страданіи, довольство немногимъ и сознаніе человѣческаго достоинства, тихую смерть и свѣтъ, озаряющій загробную жизнь“. Фаустъ съ презрѣніемъ и горечью отталкиваетъ его. Геній удаляется. Фаустъ, оставшись одинъ, горячо возстаетъ противъ того противорѣчія, которое въ человѣческой душѣ живетъ между величиною желанія и ограничен-

ностью исполненія, и продолжаетъ свои заклинанія. Въ слѣдующей главѣ дѣйствіе происходитъ въ аду.

Въ аду готовится большое празднество. Сатана сзываетъ всѣхъ обитателей ада и объявляетъ о предстоящемъ великомъ торжествѣ царства тьмы. Фаустъ, дерзновенный смертный, сдѣлалъ такое изобрѣтеніе, которое распространитъ на землѣ невѣріе, безумное самомнѣніе и святотатство мысли. Книгопечатаніе сдѣлается разсадникомъ лжеученій и вражды изъ-за идей, фанатизма и гоненій. Оно пробудитъ въ людяхъ новыя потребности; ихъ желанія сдѣлаются безмѣрны, и они отпадутъ отъ Божества. „Да здравствуетъ Фаустъ, развратитель нравовъ, дарующій сынамъ праха бичъ и ядъ, земную скорбь и вѣчную гибель!“ Слѣдуетъ фантастическое описаніе пира, за которымъ души падшихъ составляютъ главныя яства и который сопровождается балетомъ. Въ аллегорическихъ фигурахъ его авторъ осмѣиваетъ науку и ея заблужденія, ложныя добродѣтели и злоупотребленія, которыя ими прикрываются. Тутъ авторъ даетъ волю своему пессимизму и презрѣнію ко всякаго рода авторитетамъ. Раздается зовъ съ земли. Сатана узнаетъ повелительный голосъ Фауста и посылаетъ къ нему дьявола Левіаѳана. Адъ ликуетъ, предвидя себѣ новыя жертвы. Дьяволъ является къ Фаусту, который удивился, увидя его въ образѣ человѣка. Дьяволъ отвѣчаетъ, что Фаустъ не могъ бы вынести его настоящаго вида, но, по требованію его, переходитъ въ пламенный метеоръ, сопровождаемый громомъ, молніей, завываніемъ вѣтра и шумомъ морскихъ волнъ. Фаустъ падаетъ, медленно приходитъ въ себя и опять видитъ дьявола въ человѣческомъ образѣ. Фаустъ заявляетъ свои требованія; онъ хочетъ знать все то, что̀ скрыто отъ человѣческаго ока, пользоваться всѣмъ, чего требуетъ его душа. Дьяволъ насмѣшливо говоритъ о безуміи людей, воображающихъ, что они сильны духомъ, когда прилагаютъ мѣрку того немногаго, что̀ имъ дано понять, къ тому величію, котораго они постигнуть не могутъ. Только то, что̀ лежитъ въ границахъ конечнаго, находится въ распоряженіи дьявола. Онъ не скрываетъ отъ него этой истины, потому что считаетъ Фауста уже погибшимъ. Фаустъ отстаиваетъ величіе человѣка; дьяволъ берется доказать ему дряблость и испорченность человѣческой натуры. Они вступаютъ въ договоръ, по которому дьяволъ обязывается служить ему при исполненіи хорошихъ намѣреній его, послѣдствія которыхъ пусть будутъ наградой Фаусту. Его опытъ, по замыслу дьявола, долженъ поколебать въ немъ вѣру въ небесное правосудіе. Подъ видомъ знатныхъ вельможъ, Фаустъ и дьяволъ пускаются въ путь. Фауста встрѣчаютъ всюду почести, лесть и подобо-

страстіе. Напечатанную имъ Библію считаютъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Фаустъ пользуется своимъ положеніемъ, чтобы испытывать людей и глумиться надъ ихъ недостатками. Даже то, что сначала кажется добродѣтелью, оказывается личиной и разсчетомъ.

Содержанію романа придаютъ драматизмъ и интересъ эпизоды изъ исторіи XV-го вѣка, къ которому относится дѣйствіе. Во время путешествія, Фаустъ и дьяволъ дѣлаются очевидцами мелочности городского самоуправленія въ Германіи, безнравственности папскаго двора во времена Борджіа, злодѣяній Людовика XI-го во Франціи и Ричарда III-го въ Англіи; въ Испаніи—ужасовъ инквизиціоннаго суда подъ предсѣдательствомъ Торквемады, и т. д. Авторъ рисуетъ не только нравственную разнузданность времени, произволъ, продажность правосудія, притѣсненія низшаго сословія, но и глубокую испорченность человѣческой природы вообще, въ цѣломъ рядѣ отталкивающихъ и мрачныхъ картинъ, въ которыхъ авторъ могъ излить не только весь пессимизмъ и всю необузданность воображенія, но и враждебное отношеніе къ духовенству и властямъ, грубый разладъ съ обществомъ и желчную презрительность къ его кодексамъ.

Фаустъ, съ помощью дьявола, хочетъ вмѣшаться въ небесное и людское правосудіе, но задуманное имъ добро причиняетъ новыя бѣдствія, а оказанныя благодѣянія оборачиваются противъ него. Такъ, онъ избавляетъ отъ мучительной смерти осужденнаго, и этимъ даетъ ему средства къ новымъ злодѣяніямъ; спасаетъ самоубійцу, который губитъ его же сына, и т. д. Даже семья Фауста, честная въ лишеніяхъ, разбогатѣвъ, предается порокамъ. Въ отчаянномъ изступленіи, Фаустъ предается дьяволу, ибо никакія муки ада не могутъ превзойти того, что испыталъ онъ на землѣ.

Въ разсказъ о приключеніяхъ Фауста авторъ вводитъ сонъ, слѣдующаго содержанія. На островѣ, вокругъ котораго бурно плещутъ морскія волны, Фаустъ видитъ генія человѣчества, который явился ему когда-то въ роковую минуту. Море было покрыто челнами, въ которыхъ находились люди всѣхъ возрастовъ и разныхъ націй. Всѣ боролись съ волнами, желая достигнуть острова. Геній человѣчества заботливо слѣдилъ за ними. Пловцы, причаливъ, выгружали строительный матеріалъ, находившійся въ лодкахъ. Геній начертилъ планъ величаваго зданія, и всѣ усердно принялись за работу. Уже стройныя линіи вѣщали о цѣли дивнаго сооруженія, какъ вдругъ изъ-за засады вражьи толпы бросились на работниковъ. Между ними можно было раз-

личить три группы, изъ которыхъ первая, вооруженная мечами и копьями, стояла подъ начальствомъ самоуправства и насилія; вторая повиновалась властолюбію и вела въ цѣпяхъ прекрасную женщину въ рясѣ священника; лицо ея, по кроткому и благородному выраженію, рѣзко отличалось отъ сопровождавшихъ ее стражей—суевѣрія и фанатизма, на лицахъ которыхъ были написаны угроза и ярость. Въ этой группѣ всѣ держали въ рукахъ кинжалы и факелы. Наконецъ, третья руководилась человѣкомъ, гордо выступавшимъ впередъ, несмотря на скромную одежду мудреца. Онъ и всѣ сопровождавшіе его держали въ рукахъ кубки съ пѣнящимся, одуряющимъ напиткомъ. Эти три группы смѣшались и дружно напали на работниковъ. Геній человѣчества покрывалъ ихъ щитами, дабы они могли кончить начатое, но многіе пали: одни—отъ оружія врага, а другіе, опьянѣвшіе отъ предложенныхъ напитковъ, въ припадкѣ бѣшенства, сами разрушали дѣло рукъ своихъ. Тѣ, у которыхъ были въ рукѣ факелы, бросали ихъ въ зданіе, скоро охваченное пламенемъ. Геній человѣчества поощрялъ работниковъ, и, благодаря ихъ усиліямъ, удалось потушить пламя, возстановить зданіе и прогнать злоумышленниковъ. Фаустъ подошелъ и увидѣлъ на храмѣ надпись: „Смертный, послѣ честнаго, усерднаго труда, войди и узнай свое назначеніе!" Фаустъ хотѣлъ перешагнуть черезъ порогъ храма, но дверь съ грохотомъ закрылась передъ нимъ. Тогда только увидѣлъ онъ, что храмъ держится на трехъ столбахъ, которые казались ему символами вѣры, любви и надежды. Душа у него загорѣлась неудержимымъ желаніемъ узнать тайну храма, но невидимая рука столкнула его въ бездну, и Фаустъ проснулся.

Этотъ сонъ напоминаетъ то время, когда Гердеръ, въ своей „Философіи Исторіи", впервые высказалъ мысль, что цѣль человѣчества—безконечное совершенствованіе, и что историческіе фазисы—ступени въ этомъ совершенствованіи, которому призваны содѣйствовать всѣ народы, каждый согласно съ своими способностями и дарованіями; что Провидѣніе, поставившее человѣчеству такую высокую цѣль, ведетъ его къ ней, несмотря на мнимыя уклоненія, борьбу и препятствія. Въ краткомъ эпилогѣ къ роману авторъ высказываетъ ту мысль, къ которой дьяволъ возвращается нѣсколько разъ въ разговорахъ съ Фаустомъ, а именно: человѣкъ долженъ понять ограниченность своего существа, смириться и довольствоваться исполненіемъ ближайшаго долга. Вмѣшиваясь въ божественное правосудіе, онъ только приноситъ вредъ, ибо ему не дано читать въ сердцахъ людей, а пути Провидѣнія ему непонятны. Онъ можетъ только вѣрить и надѣяться. Если

мыслью объ исполненіи долга, результатѣ опыта и мудрости, Гёте завершаетъ своего „Фауста“, то, въ противоположность Гёте, Клингеръ видитъ въ полномъ невѣденій единственное спасеніе отъ мукъ внутренняго разлада, между тѣмъ какъ Гёте считаетъ опытъ путемъ къ истинѣ и хочетъ пріобщиться богатой жизни человѣчества для достиженія совершенства и полноты своего существа.

Тонъ романа мрачный; даже шутки и волшебство вводятся не ради потѣхи; нѣтъ, у Клингера они служатъ назиданіемъ Фаусту или обличеніемъ и наказаніемъ порока.

Жажда свободы и презрѣніе къ общественному порядку отразились и въ драматическомъ отрывкѣ „Фаустъ“, живописца Миллера, того Миллера, о которомъ Жуковскій, въ описаніи Сикстинской Мадонны, разсказываетъ, что онъ сошелъ съ ума, вслѣдствіе тщетныхъ усилій воспроизвести въ гравюрѣ всю прелесть Рафаэлева произведенія. Миллеръ умеръ въ Римѣ, гдѣ перешелъ въ католичество во время тяжелой болѣзни. По мнѣнію другихъ, онъ, какъ и послѣдователи анти-культурнаго направленія, первые романтики, искалъ въ лонѣ католической церкви спасенія отъ произвола разума и заблужденій свободной мысли. Его драматическій отрывокъ почти не затрогиваетъ вопроса о знаніи. Во вступительной сценѣ, которая выводитъ дьяволовъ злата, наслажденія и литературы, мы слышимъ жалобы на ничтожество современниковъ. Много въ обществѣ низостей и пороковъ, но нѣтъ преступленій; вездѣ мелочность и испорченность, но нѣтъ крупныхъ злодѣяній. Мефистофель сообщаетъ, что знаетъ на землѣ одного человѣка цѣльнаго — ученаго Фауста, который, бросивъ науку, предался кутежу, игрѣ, и теперь преслѣдуемъ должниками. Фаустъ вызываетъ дьявола, который предлагаетъ ему все, что можетъ его соблазнить. Фаустъ колеблется между желаніемъ весело пожить и внезапно пробудившейся любовью къ природѣ и сельской простотѣ, затѣмъ предается мудрствованію надъ тѣмъ, что человѣкъ долженъ слѣдовать природнымъ влеченіямъ, и вновь заклинаетъ Мефистофеля, на монологѣ котораго обрывается драма. Интересъ ея заключается въ томъ, что авторъ вложилъ въ этотъ отрывокъ не только ту страстность и силу, но также и тѣ контрасты и колебанія, которыми отличались поэты этой группы. Миллеръ стремился къ безъискусственности и болѣе всего извѣстенъ своими идилліями, но обыкновенно впадалъ въ грубость и фантастичность. Стремленіе къ непосредственности и „геніальной шири“ —черта общая у большинства молодыхъ писателей того времени.

М. Ф—тъ.

ЧЕРНЫЙ БОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній.

I.

Стѣнные часы въ кабинетѣ Степана Петровича Сербина пробили десять. Онъ взглянулъ на нихъ, всталъ изъ-за письменнаго стола, пожалъ плечами, подошелъ къ открытому окну и сердитымъ голосомъ кликнулъ проходившаго мимо окна кучера Никиту.

— Чего изволите?—отвѣчалъ Никита, снявъ шапку и подойдя къ окну.

— Неужели Архипъ еще не вернулся?—спросилъ Степанъ Петровичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, не вернулся. Мы еще недавно высматривали, не завидимъ ли его на пригоркѣ, гдѣ поворотъ; но на дорогѣ никого не было видно.

— Онъ всегда опаздываетъ... Зачѣмъ было его посылать!

— Не я посылалъ, Степанъ Петровичъ. Ему Иванъ Ѳомичъ приказалъ ѣхать... Дорога больно дурна за лѣсомъ, у самой станціи. По-неволѣ опоздаешь.

— Дорога всегда была дурна, а другіе не опаздывали. Хорошо. Ступай.

Степанъ Петровичъ отошелъ отъ окна, еще разъ посмотрѣлъ на часы, постоялъ съ минуту въ раздумьѣ, потомъ взялъ съ сосѣдняго стола соломенную шляпу и трость, и черезъ смежный съ его кабинетомъ корридоръ прошелъ въ столовую, на противо-

положной сторонѣ дома. Съ этой стороны къ дому примыкалъ садъ. Двери были отворены, и Степанъ Петровичъ направился по прямой аллеѣ, къ выстроенному въ концѣ ея павильону.

Павильонъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ обновленный прежнимъ владѣльцемъ села Васильевскаго въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально былъ выстроенъ еще при Александрѣ I-мъ, съ покоившимся на четырехъ колоннахъ греческимъ фронтономъ, былъ перестроенъ Степаномъ Петровичемъ Сербинымъ въ русскомъ стилѣ. Покосившіяся и подгнившія дорическія колонны исчезли. Перистиль обратился въ крыльцо съ прорѣзными перилами. Фронтонъ былъ заостренъ и окаймленъ придѣланными къ нему прорѣзными украшеніями одинаковаго съ перилами узора. Позади павильона двѣ обсаженныя акаціями дорожки расходились въ разныя стороны. Одна изъ этихъ дорожекъ вела къ выходу изъ сада, по направленію къ оранжереямъ и къ расположенному за ними обширному огороду; другая приводила къ калиткѣ, чрезъ которую можно было перейти въ отдѣльный палисадникъ, устроенный передъ домомъ, гдѣ, при прежнемъ владѣльцѣ, помѣщался садовникъ, а теперь жила дальняя родственница Сербина, Прасковья Семеновна Криленко, вдова умершаго года два тому назадъ профессора одного изъ южныхъ университетовъ.

Не доходя до павильона, Сербинъ оглянулся и, замѣтивъ, что въ это время его дочь выходила изъ боковой аллеи въ среднюю, повернулъ назадъ.

— Ты еще въ саду, Вѣра,—сказалъ Степанъ Петровичъ:— а мнѣ сейчасъ показалось, что я тебя слышалъ въ гостиной.

— Да, папà,—отвѣчала молодая дѣвушка.—Я было сѣла за фортепіано; но нѣтъ охоты играть. Сегодня такая прекрасная погода, что я не выдержала и опять вышла въ садъ.

— А теперь ты, вѣроятно, зайдешь къ мамà?

— Да, я еще не видѣла ея сегодня. Послѣ вчерашней головной боли она еще не вставала, когда я съ часъ тому назадъ спрашивала о ней.

— Къ сожалѣнію, эти головныя боли теперь все чаще и чаще возвращаются,—сказалъ Степанъ Петровичъ, направляясь, вмѣстѣ съ дочерью, къ дому; но, не доходя до расположеннаго передъ нимъ полукругомъ цвѣтника, онъ остановился, потомъ прибавилъ: —И мнѣ въ эту погоду какъ-то не сидѣлось въ моемъ кабинетѣ. Я хотѣлъ пройти въ оранжереи, а оттуда, быть можетъ, и до ближняго поля. Послѣ бывшаго третьяго-дня дождя ячмень замѣтно поправляется... До свиданія, Вѣра.

Сербинъ поворотилъ назадъ къ павильону, а молодая дѣвушка

медленнымъ шагомъ дошла до цвѣтника, раскрыла для защиты отъ солнца зонтикъ, нагнулась и стала медленно срывать маргаритки изъ обведенной вокругъ цвѣтника пестрой каймы, но между тѣмъ смотрѣла вслѣдъ отцу. Она замѣтила, что его соломенная шляпа промелькнула между акаціями на одной изъ дорожекъ за павильономъ. Тогда она оставила маргаритки, выпрямилась, простояла съ минуту въ раздумьѣ, потомъ подошла къ дверямъ столовой, но, не входя въ домъ, сѣла у стѣны на скамьѣ и, повидимому, снова предалась прежнему раздумью. Одна рука продолжала держать надъ головой зонтикъ, хотя скамья была въ тѣни; другою рукою она сжимала стебельки нарванныхъ маргаритокъ, но не смотрѣла на нихъ; ея глаза были опущены и взоръ неподвиженъ.

Размышленія Вѣры были прерваны вышедшею въ садъ Анною Өедоровной Сербиной.

— Здравствуй, Вѣра,—сказала Анна Өедоровна тѣмъ мягкимъ, кроткимъ голосомъ, который ей былъ неизмѣнно свойственъ.

Вѣра встрепенулась, торопливо встала и подошла къ матери.

— Здравствуйте, мамá,—сказала Вѣра.—Я вѣдь уже была у вашей двери, но побоялась войти. Наташа меня увѣрила, что вы еще не просыпались. Какъ вы чувствуете себя сегодня?

Молодая дѣвушка заботливо смотрѣла матери прямо въ глаза, стараясь въ нихъ заранѣе вычитать себѣ отвѣтъ.

— Сегодня, слава Богу, хорошо, — отвѣчала Анна Өедоровна.—Я только поздно встала. Мнѣ нужно было порядкомъ отдохнуть послѣ вчерашней головной боли... Смотри, ты обронила цвѣты.

— Бѣдняжки!—сказала какъ-то уныло Вѣра, подбирая маргаритки:—напрасно я васъ и срывала, чтобъ такъ скоро забыть...

— Дай ихъ мнѣ,—продолжала Анна Өедоровна. — Я вѣдь очень люблю маргаритки. Можетъ быть, ты и подумала обо мнѣ, набирая ихъ.

— Я всегда о васъ думаю, милая мамá; но, признаюсь, этотъ разъ я не подумала о васъ...

— Все равно, ты ихъ мнѣ отдашь теперь... А не знаешь, гдѣ папà?.. Почту привезли?.. Онъ два раза о ней спрашивалъ.

— Папà ушелъ въ поле, — отвѣчала Вѣра какъ бы равнодушно.—Онъ, кажется, хотѣлъ взглянуть на ячмень послѣ дождя. Онъ скоро долженъ вернуться.

— Не пойти ли намъ къ нему на встрѣчу?

— Нѣтъ, мамà, нѣтъ. Вамъ послѣ вчерашняго дня не слѣдовало бы вовсе выходить въ садъ на солнце.

— Ты, пожалуй, права. Пойдемъ на мой балконъ. Мы тамъ можемъ дождаться папà. Онъ къ завтраку, во всякомъ случаѣ, будетъ.

Степану Петровичу было не трудно вò-время вернуться къ завтраку. Онъ вовсе не заходилъ въ оранжерею и вовсе не осматривалъ ярового поля; другія причины могли замедлить его возвращеніе. Онъ былъ у Прасковьи Семеновны Криленко, и объясненіе между ними, помимо его воли, затягивалось. Онъ упрашивалъ ее придти къ обѣду. Она не соглашалась, говоря, что убѣдилась, наконецъ, въ томъ, что ей больше нельзя оставаться въ Васильевскомъ. Степанъ Петровичъ былъ въ сильномъ волненіи. Онъ судорожно сжималъ сложенныя за спиною руки и то ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, прервавъ разговоръ, то вновь останавливался передъ Прасковьей Семеновной и возобновлялъ обращаемыя къ ней увѣщанія и просьбы. Прасковья Семеновна сидѣла неподвижно, въ углу стоявшаго вдоль стѣны дивана, и отвѣчала отрывисто, ровнымъ, сдержаннымъ голосомъ, часто поднося платокъ къ глазамъ, на которыхъ нѣсколько разъ выступали слезы. Она почти не смотрѣла на Степана Петровича, и онъ напрасно старался поймать ея взглядъ.

Прасковьѣ Семеновнѣ было подъ-тридцать лѣтъ; но она казалась моложе, будучи небольшого роста, худощавой, съ тонкими чертами лица, того круглаго типа, который бываетъ одинаково свойственъ женщинамъ великорусскаго и малорусскаго племени. Она производила пріятное впечатлѣніе на всѣхъ, кто ее въ первый разъ видѣлъ. Внимательный взглядъ ея темно-сѣрыхъ глазъ, свѣтившихся темнымъ блескомъ подъ прямыми линіями черныхъ бровей, возбуждалъ къ ней вниманіе каждаго. Всѣ движенія ея были тихи, ровны, голосъ всегда сдержанъ, и эта сдержанность скрадывала прирожденный ему жесткій звукъ. Прасковья Семеновна также сдержанно смѣялась, когда ей случалось смѣяться; но она смѣялась рѣдко, и почти всегда жаловалась на болѣзненность, хотя такимъ жалобамъ противорѣчили свѣжія краски ея лица, тѣмъ болѣе замѣтныя, что онѣ рѣдко встрѣчаются при черныхъ, какъ смоль, волосахъ и худощавомъ тѣлосложеніи. Складка между бровями, сжатыя тонкія губы и общее выраженіе въ чертахъ лица какого-то затаеннаго огорченія или постоянной озабоченности, въ свою очередь, противорѣчили тѣмъ краскамъ. Всматриваясь въ Прасковью Семеновну, не трудно было остановиться на мысли, что сѣтованія на здоровье служили ей только маской для прикрытія другихъ заботъ, и что посреди этихъ заботъ она умѣла, по мѣрѣ надобности, и терпѣть, и покоряться. Въ Степанѣ

Петровичѣ Сербинѣ, напротивъ того, все съ перваго раза изобличало привычку ломать все, что̀ его произволомъ могло быть переломлено. Нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ постоянно слышалась въ его рѣчахъ, пренебреженіе къ чужой волѣ сквозило во всѣхъ его поступкахъ. Его собственное *я*, въ мірѣ мысли и въ житейскихъ дѣлахъ, всегда стояло, сознательно или безсознательно, на первомъ планѣ. Въ домѣ никто не рѣшался ему противорѣчить, кромѣ дочери, къ которой Степанъ Петровичъ обнаруживалъ особую слабость, часто повторяя, впрочемъ, что онъ ее балуетъ. Она одна безбоязненно высказывала при немъ свое мнѣніе и была усерднымъ ходатаемъ за всѣхъ, кто передъ Степаномъ Петровичемъ имѣлъ нужду въ ея ходатайствѣ. При этомъ и Вѣрѣ нерѣдко случалось привлекать на себя взрывы свойственной ея отцу вспыльчивой раздражительности; но для нея такія бури проходили безслѣдно, и онъ самъ обыкновенно старался загладить произведенное впечатлѣніе.

Въ продолженіе разговора съ г-жею Криленко Степанъ Петровичъ нѣсколько разъ возвышалъ голосъ и отъ просьбъ переходилъ къ упрекамъ и угрозамъ; но тогда Прасковья Семеновна совсѣмъ переставала отвѣчать и упорно смотрѣла въ открытое на палисадникъ окно, не произнося ни одного слова до тѣхъ поръ, пока Сербинъ не измѣнялъ тона рѣчи. Наконецъ, онъ взялъ у окна стулъ, поставилъ его передъ диваномъ противъ угла, въ которомъ сидѣла Прасковья Семеновна, и, не садясь самъ, а держась обѣими руками за спинку стула, сказалъ:

— Полина, нужно намъ покончить, разъ навсегда, съ этими несносными, безпрерывными недоразумѣніями. Мое положеніе ясно, опредѣленно. Ты знаешь, что я тебя люблю. Я тебѣ и сердце, и душу отдалъ. Въ тебѣ я нашелъ то, чего сердце желало и требовалъ умъ. Мы понимаемъ другъ друга. Мы можемъ жить одною мыслью. Русская струнка звучитъ и въ тебѣ, какъ во мнѣ. Мы одно и то же любимъ и одно и то же ненавидимъ. Разстаться съ тобой я не могу, но не могу и помѣшать тебѣ разстаться со мною. Ты властна меня бросить, убить меня горемъ; но двухъ вещей ты меня сдѣлать не заставишь. Я не могу оскорблять жены и дочери, и не дамъ повода наброшенную на меня тѣнь перебрасывать на общее дѣло, въ которомъ я участникъ. Вотъ, скажутъ, онъ, тотъ истинный „русскій человѣкъ", который дорожитъ отцовскими преданіями, помнитъ старину, усердно воюетъ противъ всякой заморской гнили. Хорошъ онъ! Завелъ себѣ въ домѣ любовницу и выжилъ изъ дома жену и дочь...

Прасковья Семеновна судорожно поднесла платокъ къ глазамъ и снова заплакала.

— Благодарю васъ, Степанъ Петровичъ,—возразила она прерывающимся голосомъ.—Если я имѣла несчастіе васъ полюбить и себя для васъ скомпрометтировать, то никакъ не ожидала, что вы меня когда-нибудь такъ грубо обзовете любовницей...

— Полина!—продолжалъ почти жалобнымъ тономъ Степанъ Петровичъ. — Ты меня должна понимать. Не я такъ говорю; я привожу только то, что̀ будутъ говорить другіе...

— И другіе никогда такъ говорить не будутъ, — отвѣчала Прасковья Семеновна,—если вы сами къ тому не дадите повода. Кто же проситъ васъ выживать изъ вашего дома жену и дочь?

— Но еслибы я изъ-за тебя сталъ дѣлать имъ сцены и въ чемъ бы то ни было измѣнять мои привычки, то развѣ это было бы не то же самое?

— И сцены дѣлать никто васъ не проситъ. Я только чувствую, что ваша жена и ваша дочь кругомъ правы, и сама признаю, что я имъ должна уступить мѣсто. Онѣ меня выживаютъ изъ дома.

— Полина! зачѣмъ клеветать на нихъ?

— Вотъ, я еще и клеветницею стала! Степанъ Петровичъ, я давно замѣчаю, что вы меня разлюбили, и только изъ жалости не рѣшаетесь окончательно оттолкнуть.

— Полина!—сказалъ Сербинъ, садясь на поставленный имъ стулъ и взявъ руку Прасковьи Семеновны въ свои руки:—ты сама не вѣришь тому, что̀ теперь говоришь. Ты знаешь, что я тебя не могу разлюбить. Но не приводи меня въ отчаяніе требованіемъ невозможнаго. Наши отношенія должны оставаться тайною для другихъ. Ни жена, ни дочь ихъ не подозрѣваютъ. Онѣ обѣ всегда къ тебѣ внимательны и любезны.

— Да, при васъ; онѣ даже стараются тогда показывать особенное вниманіе ко мнѣ.

— Но вы почти и не видитесь иначе, какъ при мнѣ.

— Я, конечно, избѣгаю всякихъ другихъ встрѣчъ; но и при васъ я вижу въ ихъ глазахъ и въ ихъ голосѣ слышу, что онѣ меня ненавидятъ.

— Это воображеніе. Всѣ знаютъ, что ты мнѣ родственница и что особыя обстоятельства меня заставили заняться твоими дѣлами. Всѣмъ должно казаться естественнымъ, что до устройства этихъ дѣлъ ты какъ будто остаешься на моемъ попеченіи.

— Нѣтъ, Степанъ Петровичъ, это не воображеніе; моя роль здѣсь никому не кажется понятною. Нечего дѣлать, нужно по-

кориться необходимости. Вы устроить моихъ дѣлъ не можете, и я должна удалиться. Лучше переносить одиночество и бѣдность, чѣмъ постоянное уничиженіе.

При этихъ словахъ слезы вновь выступили на глазахъ Прасковьи Семеновны. Она высвободила руку изъ рукъ Степана Петровича и заслонила ею глаза.

Сербинъ всталъ и послѣ минутнаго молчанія сказалъ:

— Какъ хочешь. Далѣе идти и поступать иначе не могу. Я всячески старался тебѣ доказать мою привязанность и сдѣлать тебѣ жизнь если не вполнѣ пріятною и удобною, то, по крайней мѣрѣ, сносною, насколько то отъ меня зависѣло. Я старался и будущность тебѣ обезпечить. Не далѣе какъ сегодня я хотѣлъ предложить послѣ обѣда поѣздку на Черный Боръ. Я тебѣ уже говорилъ, что это имѣніе продается. Я его имѣю въ виду для тебя.

— Оно вовсе не продается,—сказала Прасковья Семеновна, опустивъ руку и остановивъ внимательный взглядъ на Сербинѣ.

— Нѣтъ, мнѣ писали изъ Бѣлорѣцка, оно рѣшительно назначено въ продажу. Владѣлецъ уѣзжаетъ за границу, и ему нужны деньги.

— Зачѣмъ издѣваетесь вы надо мной, Степанъ Петровичъ? Вы очевидно боитесь людей и должны ихъ бояться. Что̀ же скажутъ они, если вы для вашей любовницы купите еще имѣніе?

— Полина! зачѣмъ тебѣ огорчать меня сомнѣніемъ въ моей искренности? Ты вѣдь знаешь, что не я буду покупщикомъ и не я буду торговать имѣніе.

— Не сомнѣваюсь въ вашей искренности,—сказала мягкимъ голосомъ Прасковья Семеновна.—Знаю вашу добрую волю. Но никто не повѣритъ тому, чтобы у моей тетки нашлись деньги для покупки такого дорогого имѣнія.

— Оно не можетъ быть дорогимъ,—отвѣчалъ Степанъ Петровичъ.—Хозяинъ въ немъ никогда не бывалъ и ему цѣны не знаетъ, а между сосѣдями нѣтъ покупщиковъ съ деньгами. Имѣніе достанется почти даромъ, если вырубить лѣсъ, который до сихъ поръ старательно сберегали. При помощи Болотина, твоя тетка можетъ стать покупательницей для тебя, не возбуждая большихъ о томъ толковъ. Болотинъ у меня въ рукахъ и меня не выдастъ. Когда дѣло сдѣлается, и ты тамъ поселишься, всякимъ толкамъ скоро настанетъ конецъ. Ты будешь полной у себя хозяйкой, и никакимъ вопросамъ и рѣчамъ объ обидахъ и тому подобномъ не будетъ мѣста.

Прасковья Семеновна призадумалась, потомъ сказала:

— Тогда поѣзжайте безъ меня въ Черный Боръ. Увидимъ, что̀ вамъ тамъ скажутъ. Сегодня быть къ обѣду я все-таки не могу. Я слишкомъ разстроена, и моя обычная нервная боль въ спинѣ не даетъ мнѣ покоя. Впрочемъ оно и лучше, если вы безъ меня будете освѣдомляться... Скажите у себя,—или нѣтъ,— я сама позже пошлю сказать, что извиняюсь, — я еще нездорова.

— Но завтра ты будешь, не правда ли?—сказалъ съ повеселѣвшимъ лицомъ Сербинъ.

Госпожа Криленко молчала. Степанъ Петровичъ повторилъ вопросъ.

— Буду,—тихо отвѣтила Прасковья Семеновна.—Что̀ же дѣлать мнѣ? Я невольница. Вы меня подчинили своей во̀лѣ...

— Полина!—воскликнулъ съ упрекомъ Степанъ Петровичъ: — вотъ такъ-то лучше. У меня отъ сердца отлегло. Впередъ, надѣюсь, не будетъ болѣе рѣчи отъ отъѣздѣ.

— Не могу обѣщать безъ оговорки,—отвѣчала Прасковья Семеновна.—Не отъ меня одной все зависитъ. Но,— прибавила она, любезно взглянувъ на Сербина,—вы знаете, что я сама не желаю съ вами разстаться.

— Благодарю за доброе слово, — сказалъ Сербинъ, взявъ Прасковью Семеновну за руки и поцѣловавъ обѣ руки.—Теперь мнѣ пора уходить, и я ухожу спокойный...

— Надѣюсь еще сегодня услышать о томъ, что̀ вы узнаете насчетъ Чернаго Бора,—сказала г-жа Криленко.

— Конечно,—отвѣчалъ Сербинъ.

Когда онъ вышелъ, Прасковья Семеновна стала у открытаго окна. Проходя черезъ палисадникъ, Степанъ Петровичъ кивнулъ ей головой, потомъ отворилъ карманнымъ ключомъ калитку въ садъ, заперъ ее за собою и быстрыми шагами направился мимо павильона къ своимъ оранжереямъ.

Прасковья Семеновна долго стояла въ раздумьѣ, прислонясь къ окну и машинально перебирая въ рукахъ бахрому наброшенной на ней мантильи. Потомъ она сѣла за поставленныя близъ окна пяльцы, на которыхъ вышивала для себя краснымъ шолкомъ края малороссійской свитки изъ бѣлаго сукна, и спокойно принялась за работу.

II.

Съ полвѣка тому назадъ, оба села, и Васильевское, и Черный Боръ, принадлежали сенатору Бакларову, женатому на княжнѣ Гариной. Онъ имѣлъ всего двухъ дочерей; изъ нихъ одна вышла

замужъ за сосѣдняго помѣщика Тебенина, а другая, раньше первой,—за поручика гвардіи уланскаго полка, барона Вальдбаха. Сенаторъ Бакларовъ жилъ въ Черномъ Борѣ и завѣщалъ это имѣніе младшей дочери, такъ какъ послѣ замужества она въ немъ осталась жить съ своимъ мужемъ, а мужъ ея принялъ на себя, по желанію тестя, завѣдываніе хозяйствомъ и бросилъ службу. Старшая дочь поселилась въ Васильевскомъ, и къ ней это имѣніе перешло окончательно, по смерти отца, скончавшагося года два спустя послѣ ея брака. У Тебениныхъ было нѣсколько дѣтей; у баронессы Вальдбахъ—только одинъ сынъ, да и тотъ умеръ на третьемъ году жизни. Вскорѣ послѣ того скоропостижно скончалась и баронесса. Тогда село Черный Боръ перешло, по наслѣдству, къ Тебениной, за выдѣломъ указной части, деньгами, барону Вальдбаху. Новый владѣлецъ въ дѣло не входилъ, но все предоставилъ на произволъ своего повѣреннаго, а самъ уѣхалъ за границу. Между мѣстными старожилами сохранялись долго легендарные слухи о враждѣ, которую старшая изъ сестеръ Бакларовыхъ съ дѣтства питала къ младшей, о добродѣтеляхъ и красотѣ баронессы Вальдбахъ, о страстной любви къ ней ея мужа, о его отчаянномъ горѣ при ея кончинѣ, о загадочныхъ обстоятельствахъ этой кончины и даже о какихъ-то видѣніяхъ на черноборскомъ кладбищѣ, гдѣ баронесса была похоронена. При Тебениныхъ домъ въ Черномъ Борѣ оставался запертымъ, и садъ былъ запущенъ. Они жили въ Васильевскомъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ, лишившись всѣхъ своихъ дѣтей, продали оба имѣнія и переселились въ Москву. Съ тѣхъ поръ Васильевское три раза переходило изъ рукъ въ руки и, наконецъ, было куплено Степаномъ Петровичемъ Сербинымъ. Село же Черный Боръ пріобрѣлъ отъ Тебениныхъ генералъ Сѣверцовъ, который въ немъ и жилъ до своей смерти; онъ обновилъ домъ и все имѣніе привелъ въ полный порядокъ. Его наслѣдникъ, племянникъ по сестрѣ, полковникъ Алексѣй Борисовичъ Печеринъ, рѣдко посѣщавшій Черный Боръ, запустилъ имѣніе, а сынъ его, Борисъ Алексѣевичъ Печеринъ, со времени вступленія въ права владѣнія имѣніемъ, даже и вовсе не бывалъ въ немъ, а поручилъ все хозяйство одному изъ прежнихъ сослуживцевъ отца, отставному ротмистру Шведову, состоявшему членомъ бѣлорѣцкой земской управы.

Отъ Васильевскаго до Чернаго Бора было съ небольшимъ четыре версты. Видъ на господскую усадьбу открывался, со стороны Васильевскаго, при самомъ выѣздѣ изъ ясеневой рощи, которую пересѣкала дорога. Каменныя усадебныя строенія стояли

отдѣльно, впереди села, близъ почтовой дороги, и наискось противъ находившейся по другую сторону дороги каменной церкви. Когда сокращалось число приходскихъ церквей, предполагали отнести васильевскую къ приписнымъ, а черноборскую оставить приходскою; но стараніями Степана Петровича Сербина это было измѣнено, и въ приписную обращена черноборская церковь, такъ какъ за нее отсутствующій помѣщикъ не могъ предъявить ходатайства. Прихожане подавали нѣсколько просьбъ, но эти просьбы остались безъ послѣдствій. Необитаемый господскій домъ, съ затворенными въ немъ окнами, запертыми воротами на большой, обнесенный каменною оградой въѣздной дворъ и заглохшимъ садомъ, производилъ грустное впечатлѣніе на стариковъ-крестьянъ. При Сѣверцовѣ, бывало, всякій могъ къ нему обратиться, въ случаѣ нужды, за совѣтомъ или съ просьбою о пособіи. То же припоминалось о временахъ Бакларова и барона Вальдбаха.

Степанъ Петровичъ Сербинъ думалъ только о томъ великолѣпномъ, занимавшемъ нѣсколько сотъ десятинъ, сосновомъ борѣ, которому имѣніе было обязано своимъ названіемъ; въ бѣлорѣцкой губерніи со дня на день этотъ боръ пріобрѣталъ бо̀льшую цѣнность при почти повсемѣстномъ истребленіи въ ней лѣсовъ. Всѣ черноборскіе владѣльцы дорожили этимъ сокровищемъ и заботливо его оберегали. Даже полковникъ Печеринъ допускалъ въ немъ только выборочную рубку перестойныхъ деревъ. Степанъ Петровичъ хорошо зналъ боръ, потому что онъ былъ для Анны Ѳедоровны и для Вѣры любимою цѣлью поѣздокъ по окрестностямъ и любимымъ мѣстомъ прогулки. Онъ не безъ основанія разсчитывалъ, по извѣстнымъ ему примѣрамъ, что при покупкѣ имѣнія отъ отсутствующаго владѣльца и на тѣхъ условіяхъ, на какихъ отсутствующіе владѣльцы, даже знающіе цѣну деньгамъ, вообще склонны продавать имѣнія, одинъ боръ могъ вознаградить покупщика за всю купчую сумму и за всѣ съ покупкою сопряженныя издержки. Именно такіе разсчеты занимали умъ Степана Петровича, когда онъ садился въ коляску, послѣ обѣда, для того, чтобы, вмѣстѣ съ женою и дочерью, предпринять поѣздку на Черный Боръ, о которой онъ утромъ говорилъ Прасковьѣ Семеновнѣ Криленко.

На пути Анна Ѳедоровна спросила какъ-то, справедливъ ли слухъ о томъ, что черноборское имѣніе продается? Степанъ Петровичъ небрежно отвѣчалъ, что и онъ объ этомъ слышалъ; владѣлецъ, не имѣя намѣренія жить въ Черномъ Борѣ, вѣроятно, не прочь отъ продажи.

— Жаль, что имѣніе не продавалось тогда, когда ты ку-

пилъ Васильевское, — сказала Анна Өедоровна. — Я помню, что ты освѣдомлялся и самъ жалѣлъ о томъ, что въ то время намъ выбора не было. Мѣстоположеніе тамъ лучше нашего.

— Да, и домъ переустроить стоило бы мнѣ дешевле, — отвѣчалъ Сербинъ.

— Правда ли, — продолжала Анна Өедоровна, — что ожидаютъ скораго пріѣзда молодого Печерина?

— Этому я мало вѣрю, — сказалъ Степанъ Петровичъ. — Зачѣмъ ему пріѣзжать, если онъ рѣшился продать имѣніе?

Разговоръ между спутниками скоро перешелъ отъ вопросовъ о современныхъ и будущихъ судьбахъ Чернаго Бора къ воспоминаніямъ о его прошломъ, въ связи съ именами прежнихъ владѣльцевъ. Вѣра замѣтила, что всякій разъ, когда ей случается проѣзжать мимо пустыннаго черноборскаго дома, на нее производитъ какое-то особое грустное впечатлѣніе та лампадка, которая видна чрезъ окно въ угловой комнатѣ верхняго этажа, гдѣ, въ память баронессы Вальдбахъ, устроена часовня. Анна Өедоровна припомнила, чтò она ни отъ кого не могла узнать ничего положительнаго о томъ, чтò сталось съ барономъ Вальдбахомъ послѣ его выѣзда изъ Чернаго Бора. Былъ слухъ, будто его разъ видѣли здѣсь, послѣ того, какъ имѣніе перешло отъ Тебениныхъ къ Сѣверцову; но Степанъ Петровичъ сомнѣвался въ основательности этого слуха.

— Я и теперь сомнѣваюсь, — сказалъ Сербинъ. — Еслибы Вальдбахъ пріѣзжалъ сюда, его бы гдѣ-нибудь видѣли, кромѣ Чернаго Бора, и онъ не переписывался бы изъ-за границы съ Сѣверцовымъ насчетъ надписи, которая, по его желанію, высѣчена на камнѣ надъ могилою его жены.

— Это такъ, — отвѣчала Анна Өедоровна; — но вѣдь говорили, будто онъ былъ послѣ того, какъ вдѣлана надпись, а не прежде.

— И это разсказъ, ничѣмъ не подтвержденный, — сказалъ Степанъ Петровичъ. — Слухъ первоначально распространился отъ того, что однажды вечеромъ, въ раннюю очень, въ августѣ или сентябрѣ, какой-то проѣзжій остановился у постоялаго двора, за рощей, не доѣзжая Чернаго Бора. Нужно было чтò-то починить въ его коляскѣ, а пока этимъ занимались, проѣзжій воспользовался ясною погодой, чтобы при лунномъ свѣтѣ пройти впередъ, до села. У церкви онъ встрѣтилъ стараго сторожа Кондратія, котораго вы знаете и который теперь слишкомъ двадцать лѣтъ при домѣ. Они разговорились; проѣзжій зашелъ на кладбище, а потомъ будто бы входилъ и въ домъ, поджидая ко-

ляски. Но Кондратій говоритъ, что онъ въ домѣ не былъ и уѣхалъ, какъ скоро его догнала коляска. Сѣверцовъ въ то время былъ въ Бѣлорѣцкѣ, но въ домѣ оставались люди, и никто изъ нихъ проѣзжаго не видалъ.

— Я слышала, будто проходившая крестьянка узнала Вальдбаха въ ту именно минуту, когда онъ простился со сторожемъ и уѣзжалъ.

— И мнѣ это говорили; но Кондратій утверждалъ противное. При мѣсячномъ свѣтѣ это могло той бабѣ померещиться. И для чего Кондратію лгать?

— Странно только, папà,—сказала Вѣра,—что какъ скоро зайдетъ рѣчь о покойной баронессѣ или ея мужѣ, что-нибудь всегда остается какъ бы неразъясненнымъ или недосказаннымъ.

— Иное, быть можетъ, и неудобно было въ свое время досказать,—отвѣчалъ Степанъ Петровичъ;—а теперь уже нельзя или поздно.

На этотъ разъ, однако же, черноборскій домъ нѣсколько измѣнилъ свой видъ. Въ немъ было замѣтно движеніе; дверь на подъѣздномъ крыльцѣ и почти всѣ окна были отворены; нѣсколько рабочихъ занимались, передъ домомъ, расчисткою дороги, огибавшей обсаженную кустами луговину.

— Не пріѣхалъ ли Печеринъ?—сказала Анна Ѳедоровна.

— Не можетъ быть,—отвѣчалъ Степанъ Петровичъ.—Наши люди тотчасъ узнали бы объ этомъ. Можетъ быть, его ожидаютъ, или ждутъ Шведова съ какимъ-нибудь покупщикомъ, которому онъ хочетъ товаръ лицомъ показать.

Проѣзжая черезъ село, Степанъ Петровичъ раза два останавливался, чтобы опросить встрѣчавшихся крестьянъ; но онъ не добился отъ нихъ ничего положительнаго. Одни говорили, что управляющій далъ знать о пріѣздѣ барина и приказалъ на-скоро приготовить домъ; другіе передавали, что слышали отъ конторщика, что управляющій самъ пріѣдетъ съ кѣмъ-то изъ Бѣлорѣцка, но съ кѣмъ именно, не могли объяснить. На обратномъ пути въ Васильевское Степанъ Петровичъ былъ молчаливъ и казался озабоченнымъ.

Прошло нѣсколько дней. Всѣмъ сомнѣніямъ насчетъ пріѣзда Печерина положенъ былъ конецъ. Домъ въ Васильевскомъ наполнился слухами и разсказами о новомъ сосѣдѣ. Его появленіе было крупнымъ событіемъ среди тихаго однообразія сельской обыденной жизни. Онъ пріѣхалъ одинъ, съ камердинеромъ, котораго еще помнилъ бывшій когда-то въ Петербургѣ черноборскій кон-

торщикъ, но безъ своего повѣреннаго Шведова, и пріѣхалъ прямо, а не чрезъ Бѣлорѣцкъ. Онъ осматривалъ поля и лѣса, побывалъ уже въ Липкахъ у сосѣднихъ помѣщиковъ Суздальцевыхъ, и даже пріѣзжалъ рано утромъ въ Васильевское, къ священнику, чтобы попросить его отслужить на недѣлѣ, въ будничный день, обѣдню въ черноборской церкви. Онъ казался веселъ, былъ цѣлый день въ движеніи, со всѣми привѣтливъ, но ничего не говорилъ о томъ, надолго ли и съ какими намѣреніями онъ пріѣхалъ. Все это уже стало извѣстнымъ васильевскимъ людямъ и волостному старшинѣ, который счелъ нужнымъ лично доложить Степану Петровичу о пріѣздѣ Печерина. Новый сосѣдъ естественно сталъ постояннымъ предметомъ разговора и въ семейномъ кругу Сербиныхъ. Степанъ Петровичъ часто упоминалъ о немъ, а Прасковья Семеновна Криленко, которая, между тѣмъ, успѣла выздоровѣть, особенно интересовалась всѣми, касавшимися Печерина, подробностями и неутомимо разспрашивала о немъ прислугу, до которой могли доходить изъ Чернаго Бора новые слухи и толки. Она слышала отъ своей горничной, что Печеринъ много занимается, въ черноборской библіотекѣ, разборомъ книгъ и бумагъ, оставшихся послѣ Сѣверцова; что онъ болѣе обстоятельно разспрашиваетъ о прежнихъ временахъ Бакларовыхъ и Сѣверцова, чѣмъ о нынѣшнемъ хозяйствѣ; что онъ по два раза въ день входитъ въ домашнюю часовню, устроенную въ память баронессы Вальдбахъ, и особенно ласковъ съ старымъ сторожемъ Кондратіемъ; при немъ Кондратій вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ, менѣе угрюмъ, даже разговорчивъ. Священникъ отзывался весьма одобрительно о Печеринѣ и вообще говорилъ, что вынесъ изъ свиданія съ нимъ самое пріятное впечатлѣніе.

Любопытство, съ которымъ въ Васильевскомъ ожидалось первое знакомство съ пріѣхавшимъ сосѣдомъ, постепенно усиливалось подъ вліяніемъ толковъ о немъ. Прасковья Семеновна ежедневно предсказывала его визитъ и между тѣмъ, въ надеждѣ на случайную встрѣчу, уговаривала Анну Ѳедоровну предпринять новую поѣздку въ ея любимый боръ. Степанъ Петровичъ, съ своей стороны, не замедлилъ предложить такую поѣздку и на этотъ разъ передъ обѣдомъ, потому что былъ канунъ праздника, а Степанъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе бывать непремѣнно у всенощной.

Проѣзжая мимо черноборской усадьбы, Сербины успѣли замѣтить, что она окончательно сбросила съ себя прежніе признаки запустѣнія. Ворота въ оградѣ были отворены; луговина передъ домомъ выровнена, трава на ней скошена, а въ проме-

жуткахъ между окаймлявшими ее кустами появились цвѣтныя гряды; лампадка въ часовнѣ ярче свѣтлѣлась чрезъ открытое окно; на крыльцѣ сидѣли два человѣка изъ крестьянъ, повидимому ожидая, что кто-нибудь къ нимъ выйдетъ изъ дома, а двое другихъ, пройдя въ имѣвшуюся въ оградѣ боковую калитку, направлялись къ крыльцу.

— Меня теперь радуетъ видъ этого дома, — сказала Анна Ѳедоровна.—Все ожило вокругъ него, и онъ самъ какъ будто ожилъ.

— Только на короткое время вся эта жизнь, — отвѣчалъ Степанъ Петровичъ.—Пока Печерину заблагоразсудится здѣсь погостить, будетъ одна картина, а когда уѣдетъ—другая.

— Быть можетъ, все-таки не прежняя,—замѣтила Анна Ѳедоровна.—По всему, что о немъ слышно, онъ, кажется, не расположенъ продавать имѣнія.

— Съ точки зрѣнія общей пользы, — сказалъ Степанъ Петровичъ,—слѣдовало бы пожелать, чтобы онъ его продалъ. Эти налеты отсутствующаго хозяина безплодны. Владѣлецъ, который не живетъ въ своемъ имѣніи, напрасно мѣшаетъ въ немъ жить другимъ.

У въѣзда въ боръ Анна Ѳедоровна замѣтила еще одну перемѣну. Тамъ развѣтвлялась дорога. Одинъ путь, болѣе широкій, пролегалъ вдоль бора, между нимъ и примыкающимъ къ нему полемъ; другой велъ во внутрь бора. Близъ развѣтвленія стояли, въ прежнее время, двѣ скамьи, на которыя Сербины имѣли обыкновеніе садиться для отдыха, послѣ прогулки въ бору, любуясь открывавшимся оттуда видомъ на село, на извилины рѣки, протекавшей по сосѣднимъ лугамъ, и на отдаленные холмы, которые съ этой стороны волнистою чертою окаймляли горизонтъ. Въ прошедшемъ году скамьи были поломаны, и Анна Ѳедоровна нѣсколько разъ о томъ выражала сожалѣніе. Теперь другія скамьи были поставлены на прежнихъ мѣстахъ, и свѣжіе слѣды произведенной притомъ работы показывали, что она была выполнена въ самомъ недавнемъ времени. Аннѣ Ѳедоровнѣ пришло на мысль, что, по крайней мѣрѣ, этотъ результатъ хозяйскаго налета, о которомъ упомянулъ Степанъ Петровичъ, во всякомъ случаѣ, сохранится и послѣ отъѣзда Печерина; но она не высказала своей мысли, а только указала на новыя скамьи и добавила, что на этотъ разъ можно будетъ, послѣ прогулки, ими, по обыкновенію, воспользоваться.

Въ это время самъ Печеринъ объѣзжалъ дальнія окраины бора. На возвратномъ пути онъ у послѣдней просѣки отпустилъ

свои дрожки, намѣреваясь пѣшкомъ дойти до села, и по той просѣкѣ вышелъ на дорогу, гдѣ стояла коляска Сербиныхъ. Печеринъ освѣдомился у кучера, чья четверка, и затѣмъ, увидавъ, что Сербины уже сидѣли на новыхъ скамьямъ, направился къ нимъ, рекомендовалъ себя, въ качествѣ новаго сосѣда, Степану Петровичу и просилъ представить его дамамъ. Такимъ образомъ, первое знакомство состоялось неожиданно для обѣихъ сторонъ. Печеринъ занялъ предложенное ему Анною Ѳедоровной мѣсто подлѣ нея и сказалъ, что потому именно приказалъ возстановить скамьи, что слышалъ отъ Суздальцевыхъ, какъ это ей могло быть пріятно. Разговоръ между новыми знакомыми завязался легко и продолжался безъ обоюдныхъ усилій. Свѣтскій навыкъ снабдилъ Печерина той сдержанной непринужденностью, при которой первыя личныя отношенія къ постороннимъ дѣлаются незатруднительными. Тотъ же навыкъ позволялъ Печерину всматриваться въ своихъ собесѣдниковъ, незамѣтно для нихъ, и, не показывая виду, замѣчать, что въ него самого всматриваются. Недовѣрчивое вниманіе выражалось въ чертахъ лица Степана Петровича и, напротивъ того, добродушное расположеніе читалось на лицѣ Анны Ѳедоровны. Въ томныхъ взорахъ и въ особенно привѣтливой улыбкѣ Прасковьи Семеновны можно было предположить свойственное многимъ женщинамъ хроническое желаніе нравиться. Она видимо заботилась о томъ, чтобы произвести на Печерина пріятное впечатлѣніе. Одно только лицо, лицо Вѣры, ничего не высказывало.

Между тѣмъ небо хмурилось со стороны бора. Надъ нимъ пронеслась передовая струя поднимавшагося вѣтра; вершины сосенъ заколебались и послышался ударъ далекаго грома. Прасковья Семеновна чрезвычайно боялась грозы. Томное выраженіе ея глазъ и улыбка мгновенно исчезли. Она быстро встала съ своего мѣста, тревожно оглянулась на небо и стала упрашивать Анну Ѳедоровну поспѣшить возвращеніемъ въ Васильевское.

— Рано въ нынѣшнемъ году начинаются грозы,—замѣтила Анна Ѳедоровна.

— Намъ, впрочемъ, и безъ того было пора собраться въ обратный путь,—сказалъ Сербинъ.—Мы съ вами засидѣлись, Борисъ Алексѣевичъ. Надѣюсь, до скораго свиданія. Милости просимъ къ намъ.

Печеринъ проводилъ Сербиныхъ до ихъ коляски и, подавая руку Вѣрѣ, чтобы ей пособить подняться, спросилъ, не будетъ ли отъ нея порученій въ Липки, къ Суздальцевымъ, которыхъ онъ на слѣдующій день имѣлъ въ виду навѣстить.

— Вы имѣете въ нихъ преданныхъ друзей, — прибавилъ Печеринъ.—Я это заключилъ изъ того, что̀ они мнѣ о васъ говорили.

— Они очень добры ко мнѣ,—отвѣчала Вѣра,—и я прошу имъ передать мой искренній поклонъ.

— Охотно исполню ваше порученіе,—сказалъ Печеринъ,—и надѣюсь вскорѣ привезти вамъ отвѣтный поклонъ.

Коляска тронулась. Печеринъ съ полминуты смотрѣлъ вслѣдъ ей, потомъ пошелъ по той же дорогѣ, направляясь къ своей усадьбѣ.

Сначала онъ шелъ привычнымъ скорымъ шагомъ; но шагъ постепенно замедлялся. Разные о̀бразы мелькали передъ глазами Печерина и разныя мысли сталкивались въ его головѣ. Воображеніе воспроизводило передъ нимъ и новыхъ знакомыхъ, съ которыми онъ только-что разстался, и Черный Боръ, гдѣ онъ такъ недавно поселился, и Петербургъ, изъ котораго онъ также недавно выѣхалъ. Онъ думалъ о томъ, чѣмъ была его жизнь тамъ, чѣмъ стала теперь, въ деревнѣ, и чѣмъ будетъ въ Парижѣ, куда его направляла его судьба.

Назначеніе Печерина въ Парижъ состоялось собственно потому, что онъ выразилъ намѣреніе оставить службу, продолженіе которой въ Петербургѣ, по личнымъ обстоятельствамъ, находилъ для себя неудобнымъ. Но начальство, повидимому, цѣнило Печерина, и, съ цѣлью его удержать на службѣ, предложило ему новое назначеніе за границей. Рѣшившись снова выѣхать изъ Россіи, притомъ, вѣроятно, на долгое и, во всякомъ случаѣ, на неопредѣленное время, Печеринъ долженъ былъ заняться устройствомъ своихъ дѣлъ и, между прочимъ, счелъ нужнымъ посѣтить свое чернoборское имѣніе.

Это имѣніе досталось Печерину неожиданно. У него былъ старшій братъ, состоявшій на военной службѣ; ему-то оно и предназначалось отцомъ; но самъ отецъ былъ еще въ такихъ лѣтахъ, что, несмотря на болѣзненность, побудившую его выйти въ отставку, еще надолго могъ оставаться владѣльцемъ Чернаго Бора. Между тѣмъ старшій сынъ, раненый въ послѣднюю войну, умеръ въ Соденѣ за два года до того времени, когда въ Васильевскомъ стали говорить о новомъ сосѣдѣ. Отецъ сошелъ въ могилу чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сына, и такимъ образомъ права владѣнія Чернымъ Боромъ перешли къ Борису Печерину. Онъ еще прошлымъ лѣтомъ собирался побывать въ имѣніи, но его тогда задержалъ въ Петербургѣ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ жизни, въ которыхъ слегка затронутое сердце само себя обольщаетъ,

и чужая воля становится личною волей. На этотъ разъ препятствій не было.

„Почему не пріѣхалъ я сюда въ прошломъ году?“ —думалось Печерину, пока онъ шелъ одинъ по большой проѣзжей дорогѣ, вслѣдъ за давно скрывшеюся изъ виду коляскою Сербиныхъ.

„И зачѣмъ я теперь ѣду въ Парижъ? Я, вѣроятно, не поѣхалъ бы, еслибъ побывалъ здѣсь прежде. Жизнь меня напрасно учитъ. Всякій разъ, когда я ее направляю по своей прихоти, мнѣ приходится упрекать себя за то, что я не шелъ по настоящему пути. Мнѣ путь былъ указанъ, и прямо на Черный Боръ... Вмѣсто того я безразсудно потратилъ цѣлый годъ моей жизни“...

Подходя къ усадьбѣ, Печеринъ замѣтилъ, что гроза минуетъ Черный Боръ. Церковь и домъ были ярко освѣщены солнцемъ, но за ними, по направленію къ Васильевскому, легла темносиняя туча съ нависшею надъ ней сѣдою гривой. Частыя молніи бороздили тучу, и раскаты далекаго грома сливались въ одинъ общій, почти безпрерывный гулъ.

— Что смотришь ты такъ пристально въ ту сторону? — спросилъ Печеринъ сторожа Кондратія, стоявшаго неподвижно близъ церковной ограды.

— Я думалъ, — отвѣчалъ Кондратій,—что не случилось ли бѣды въ Васильевскомъ. Тамъ молнія ударила.

— Быть можетъ, и не ударила, а только сверкнула.

— Быть можетъ, бѣды не причинила, но ударила. Я къ нимъ на вѣку присмотрѣлся. Словно стрѣла слетѣла. Но не слыхать набата. Должно быть, не горитъ.

Вечеромъ Печерину сказали, что Кондратій не ошибся. Молнія дѣйствительно ударила въ одинъ изъ двухъ вязовъ, стоявшихъ передъ Васильевскимъ домомъ, и въ щепы его расколола.

III.

Печеринъ испытывалъ въ Черномъ Борѣ рядъ совершенно новыхъ для него ощущеній. Вся его прежняя жизнь протекла въ столицахъ или за границей, куда онъ еще до поступленія на службу два раза сопровождалъ отца. Съ этою жизнью онъ свыкся и сроднился. Она была небездѣятельна, небеззаботна, небѣдна увлеченіями и тѣми печалями, которыя всегда идутъ по слѣдамъ увлеченій. Она должна была обогатить его, и дѣйствительно обогатила, нѣкоторымъ опытомъ, помогла сложиться и установиться характеру, дала привычку владѣть собою и развила

необходимую всякому способность внутренняго наблюденія и анализа. Но при всемъ разнообразіи содержанія, обстоятельствъ и настроеній, та, прежняя, жизнь постоянно сохраняла одно общее свойство. Она была требовательна, а сама ничего не дарила.

Со временъ дѣтства, Печеринъ былъ въ первый разъ въ деревнѣ, на тридцатомъ году жизни, и замѣчалъ, что какъ будто въ первый разъ онъ себя чувствовалъ дома и чувствовалъ свободнымъ. То безпрерывное ощущеніе затаенной или маскированной неволи, которое сопровождаетъ всѣ такъ-называемыя свѣтскія отношенія, прекратилось. Требованія завтрашняго дня не ложились тѣнью на нынѣшній, и нынѣшній не напоминалъ о требованіяхъ вчерашняго. Прекратилось и то, другое, привычное Печерину, ощущеніе вѣчнаго, часто мнимаго, но тѣмъ не менѣе раздражительнаго городского недосуга, которое вызывалось тѣми тѣнями и напоминаніями. Время какъ будто вдругъ стало шире и болѣе покорно волѣ. При относительно счастливыхъ условіяхъ, въ которыя Печеринъ былъ поставленъ, надъ нимъ не тяготѣла никакая спѣшная, назойливая, смущающая или огорчающая забота. Онъ чувствовалъ, съ ранняго утра до поздней ночи, что дышалъ свободно, мыслилъ свободно и свободно дѣлалъ то, что̀ дѣлалъ. У него былъ досугъ, но досугъ безъ пустоты. Было дѣло, но дѣло безъ гнета суетливой торопливости. Онъ былъ хозяиномъ, но хозяиномъ привольнымъ, которому имущественный достатокъ позволялъ, безъ обремененія другихъ, на свои средства, а не на чужой счетъ, улучшать то, что̀ слѣдовало и было возможно улучшить. Ему представлялись или предлагались разные хозяйственные вопросы, но они его болѣе занимали, чѣмъ заботили. Общее впечатлѣніе постоянно преобладало надъ всѣми частностями, и не отъ этихъ частностей зависѣло общее, господствовавшее настроеніе. Правда, это настроеніе поддерживалось обаяніемъ весенней природы. Май былъ на исходѣ. Вся зелень свѣжа и мѣстами испещрена цвѣтами. Взглядъ охотно останавливался на купахъ деревъ, на извилинахъ рѣки между луговыми берегами и на дальней, темной полосѣ бора. Печеринъ чувствовалъ, что онъ теперь легко могъ быть и добрымъ, дѣятельнымъ, и полезнымъ самому себѣ и другимъ. Онъ замѣчалъ, что все это чувствовалось и другими, вокругъ него.

Черноборскій домъ до него былъ нѣсколько запущенъ. Но каменное зданіе стародавней постройки, старательно содержавшееся въ исправности при Сѣверцовѣ, не могло и послѣ него настолько пострадать отъ времени, чтобы стать неудобнымъ для жизни. Печеринъ съ перваго дня убѣдился, что даже можно

было бы скоро и безъ большихъ затратъ привести домъ въ такой видъ, въ какомъ онъ удовлетворялъ бы всѣмъ потребностямъ и привычкамъ жизни не въ одно только лѣтнее время.

Еще при первомъ подробномъ осмотрѣ дома, на другой день по пріѣздѣ, Печерина удивило одно обстоятельство, а именно, что одной комнаты не могли ему отпереть. Ему сказали, что ключъ у старика Кондратія, а Кондратій зачѣмъ-то ушелъ въ Васильевское. При дальнѣйшихъ разспросахъ, Печеринъ узналъ, что въ той запертой комнатѣ находится часовня, устроенная барономъ Вальдбахомъ въ память жены; что для содержанія этой часовни и особаго при ней сторожа имъ оставлена при церкви довольно крупная сумма денегъ; онъ самъ опредѣлилъ первымъ сторожемъ бывшаго у него въ услуженіи безсрочно-отпускного, въ то время, унтеръ-офицера Кондратія; г-жа Тебенина хотѣла перевести часовню въ церковь, но ея мужъ этого не позволилъ, и затѣмъ, какъ Сѣверцовъ, такъ и полковникъ Печеринъ признавали часовню неприкосновенною принадлежностью дома и ни въ чемъ не стѣсняли Кондратія, который съ перваго же дня сталъ хозяиномъ этой часовни, содержалъ въ ней всегда горѣвшую передъ образомъ лампаду, а ключъ отъ комнаты постоянно носилъ при себѣ. Часа черезъ три, пока Печеринъ осматривалъ принадлежности усадьбы, ему доложили, что Кондратій явился и ждетъ въ столовой.

Выйдя къ нему, Печеринъ увидѣлъ передъ собою высокаго, немного сутуловатаго старика, въ военной формѣ, съ густыми сѣдыми усами, угрюмымъ выраженіемъ лица и неподвижнымъ взглядомъ глазъ, надъ которыми нависли непосѣдѣвшія, черныя брови.

— Здравствуй, Кондратій,—сказалъ ласково Печеринъ, подходя къ старику.—Я о тебѣ спрашивалъ, но тебя не было дома.

— Виноватъ, — отвѣчалъ Кондратій, не сдѣлавъ никакого движенія и прямо смотря въ глаза Печерину.—Мнѣ нужно было сходить въ Васильевское, версты за четыре отсюда.

— Знаю,—продолжалъ Печеринъ;—но ты ничѣмъ и не виноватъ. Пожалуйста, отопри мнѣ часовню. Вѣдь ты въ ней хозяинъ. Такъ это было при моемъ отцѣ, такъ должно и при мнѣ быть.

— Когда прикажете?

— Да сейчасъ; вѣдь ключъ при тебѣ?

— Всегда при мнѣ, съ самаго того дня, какъ баронъ мнѣ его передалъ.

Кондратій повернулся и вышелъ изъ столовой. За нимъ послѣдовалъ Печеринъ; несмотря на его ласковый привѣтъ, угрю-

мое лицо Кондратія нисколько не прояснилось, и даже въ его взглядѣ было что-то недружелюбное.

Часовня находилась въ одной изъ угловыхъ комнатъ верхняго этажа дома. Къ ней вели корридоръ, а затѣмъ двѣ совершенно пустыя, никакой мебелью не обставленныя комнаты; онѣ принадлежали къ части дома, гдѣ въ прежнее время жили баронъ и баронесса Вальдбахъ. Когда Кондратій дошелъ до запертой выходной двери, онъ снялъ съ себя небольшой старый кожаный футляръ, который носилъ на груди на ремнѣ, надѣтомъ на шею, вынулъ изъ футляра ключъ, перекрестился, отперъ дверь, вошелъ въ часовню и, остановясь у двери, пропустилъ мимо себя Печерина.

Стѣна противъ входа была убрана иконами, которыя нѣкогда принадлежали баронессѣ. Въ срединѣ, въ кіотѣ изъ чернаго дерева съ золочеными украшеніями, находилась большая икона Казанской Божіей Матери съ висячею передъ нею золоченою серебряною лампадкой. Нѣсколько впереди стояло серебряное паникадило, на которомъ виднѣлись слѣды нѣкогда зажигавшихся на немъ свѣчей. Въ углу, у противоположной стѣны, былъ поставленъ аналой, съ положенною на немъ и покрытою обрѣзкомъ старой серебряной парчи книгой. Стѣна на сторонѣ входа ничѣмъ не была убрана, а на сторонѣ оконъ, которыхъ въ комнатѣ было два, стоялъ между ними небольшой, оклеенный совершенно поблекшимъ краснымъ сафьяномъ, письменный столъ. Надъ столомъ былъ вдѣланъ въ простѣнокъ черный, серебромъ оправленный крестъ, а подъ нимъ привѣшенъ рѣзной изъ дубоваго дерева гербовой щитъ, на половину мѣньшихъ противъ креста размѣровъ.

Войдя въ комнату, Печеринъ, въ свою очередь, перекрестился, медленно осмотрѣлся въ ней, остановился у письменнаго стола, взглянулъ на рѣзной гербъ и потомъ обратился къ Кондратію съ вопросомъ:

— Какъ звали по имени покойную баронессу? Кажется, Маріей.

— Марьей Михайловной,—отвѣчалъ Кондратій.

— Поэтому, вѣроятно, въ среднемъ кіотѣ и находится образъ Богородицы.

— Должно быть, такъ. Баронъ соорудилъ икону.

— И столъ имъ поставленъ у оконъ?

— Имъ. Все здѣсь имъ устроено, и все осталось такъ, какъ онъ мнѣ оставилъ и указалъ хранить.

— Баронесса, говорятъ, была добрая женщина?

Кондратій смотрѣлъ прямо въ глаза Печерину и медлилъ отвѣтомъ.

— Я такъ слышалъ отъ отца,—добавилъ Печеринъ.

— Марья Михайловна была ангелъ на землѣ,—глухимъ голосомъ проговорилъ Кондратій.—Она святая была. Богъ потому и позволилъ, чтобъ она на землѣ не осталась.

— Говорятъ, баронъ очень любилъ жену?

— Они жили душа въ душу.

— И очень горевалъ о ней?

— Мы думали, что онъ не переживетъ горя и самъ помретъ. Но Богъ далъ силу, и онъ пережилъ.

— Живъ ли онъ еще?

— Мы здѣсь не знаемъ.

— А она похоронена на кладбищѣ у церкви?

— Здѣсь, на погостѣ, рядомъ съ могилою сына. Вокругъ могилъ желѣзная рѣшетка.

— Странно: я былъ въ церкви и прошелъ вдоль ограды, но рѣшетки не замѣтилъ.

— Вы прошли, можетъ быть, по другой стѣнѣ, ближе къ алтарю.

— Цѣлы ли на нихъ надписи?

— Цѣлы. И прежнія, и та, которая вдѣлана позже.

— Почему позже?

— Такъ случилось, потому что баронъ позже пожелалъ того и писалъ генералу Сѣверцову объ этой надписи. Она не по-русски, а на англійскомъ языкѣ.

— Почему на англійскомъ?

— Генералъ говорилъ, что она изъ англійской книги взята.

— Проведи меня на ея могилу, Кондратій.

Печеринъ замѣтилъ, что, по мѣрѣ продолженія разговора, выраженіе лица старика становилось менѣе угрюмымъ, и участіе, съ которымъ Печеринъ освѣдомлялся, производило на него выгодное впечатлѣніе. На пути къ погосту, онъ продолжалъ разспрашивать Кондратія о женѣ Вальдбаха, о немъ самомъ и о томъ, какъ относились къ ихъ памяти его покойный отецъ и Сѣверцовъ. Пройдя за церковную ограду, Кондратій повелъ Печерина вдоль южной стѣны и, снявъ съ себя фуражку, остановился, не доходя до четырехъ памятниковъ, которые своимъ видомъ отдѣлялись отъ окрестныхъ могилъ.

— Впереди,—сказалъ Кондратій,—покоятся родители Марьи Михайловны, а за ними—и она съ сыномъ.

Вывѣтрившіеся надгробные камни надъ могилами Бакларова

и его жены не имѣли вокругъ себя ограды и надписи на нихъ на половину изгладились. Позади ихъ, за рѣшеткой, между прислонившимися къ стѣнѣ церкви кустами акацій и развѣсистымъ серебрянымъ тополемъ, были два, неравной величины, памятника: небольшая плита изъ чернаго мрамора, на каменномъ цоколѣ, и осьмигранный, высокій надгробный камень изъ такого же мрамора и на такомъ же цоколѣ. Надпись на лицевой сторонѣ обозначала имя, отчество и фамилію, по браку и по рожденію, баронессы Вальдбахъ. На одной изъ боковыхъ сторонъ былъ обозначенъ день кончины; на другой значились слова изъ посланія св. апостола Павла къ римлянамъ: „Ни единаго зла за зло воздающе... не себѣ отмщающе... мнѣ отмщеніе... глаголетъ Господь“. На послѣдней, четвертой сторонѣ была высѣчена, по своей явственности, видимо, позднѣйшая надпись, состоящая изъ слѣдующихъ стиховъ:

Two locks,—and they are wondrous fair,—
Left me that vision mild;
The brown is from the mather's hair,
The blond is from the child.
And when I see that lock of gold,
Pale grows the evening red;
And when the dark lock I behold,
I wish that I were dead [1]).

Печеринъ снялъ шляпу, подойдя къ этимъ двумъ могиламъ, и долго, молча, въ нихъ всматривался. Онъ въ особенности нѣсколько разъ мысленно перечитывалъ англійскую надпись. Сердце въ немъ сжалось, и ему стало искренно и сильно жаль Вальдбаха. Печеринъ замѣтилъ, что у старика были слезы въ глазахъ.

— Тебѣ жаль ихъ, Кондратій,—сказалъ Печеринъ.—И мнѣ жаль: особенно жаль бѣднаго барона.

— Видно Богъ обоихъ любилъ,—тихо проговорилъ старикъ.— Ее къ себѣ взялъ. Его опечалилъ. Богъ того печалитъ, кого любитъ. Его святая воля.

Печеринъ невольно подумалъ при этомъ о самомъ себѣ. Теперь никакое горе его не тяготило. Но что̀ будетъ дальше? Неужели это неизбѣжно: если благословеніе Божіе—то и печаль?

---

[1]) Видѣнье исчезло;—но я сохранилъ
На память того, что̀ любилъ, чѣмъ я жилъ,
Двѣ пряди волосъ; прядь одна,—золотая;
Какъ ночи крыло, такъ темна прядь другая.
То сына и матери даръ мнѣ святой.
Взгляну ль на златую—свѣтъ меркнетъ дневной.
Когда же на темную прядь я взираю,
Мнѣ жаль, что я живъ, и я смерть призываю.

Старательный уходъ за могилами былъ видѣнъ у этихъ двухъ памятниковъ. Около нихъ и вдоль окружавшей ихъ рѣшетки зеленѣлась ровная густая трава и сквозь траву мѣстами пробивались полевые цвѣты. Остальное пространство погоста имѣло тотъ видъ пренебреженія и запустѣнія, который мы привыкли встрѣчать на нашихъ кладбищахъ.

— Видно, ты заботишься объ этихъ могилахъ,—сказалъ Печеринъ Кондратію.—Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать то же. У меня тамъ передъ домомъ насадили цвѣты. Сходи и нарви, и принеси сюда. А я между тѣмъ обойду вокругъ церкви.

Кондратій что-то хотѣлъ сказать въ отвѣтъ, но промолчалъ, повернулъ къ выходу изъ ограды и ускореннымъ шагомъ направился къ клумбѣ, надъ засадкою которой усердно трудился, передъ пріѣздомъ Печерина, старый черноборскій садовникъ.

Печеринъ обошелъ вдоль ограды весь погостъ. На немъ мѣстами тѣснились тѣ деревянные кресты, съ острыми и узкими надъ ними крышами, которые мы одинаково видимъ на сельскихъ и на загородныхъ петербургскихъ кладбищахъ. Надгробными камнями, съ высѣченными на нихъ надписями, были обозначены двѣ-три могилы лицъ купеческаго званія. Печеринъ разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣлъ на кресты и прочитывалъ нѣкоторыя имена. Воображеніе постоянно рисовало передъ нимъ мужа и жену Вальдбаховъ. Ихъ судьба занимала его мысль, и тѣ двѣ надписи прочно врѣзались въ его память. Особенно занимала его надпись изъ посланія къ римлянамъ; она казалась ему загадочною. Кому и за кого отмщеніе?.. Кондратій долженъ былъ знать объ этомъ. Печеринъ сѣлъ, въ раздумьѣ, на ступеняхъ церковнаго притвора и тщетно старался припомнить, не было ли въ разсказахъ его покойнаго отца чего-нибудь, что̀ могло бы хотя нѣсколько разъяснить всю эту таинственность.

Между тѣмъ Кондратій принесъ цвѣты. Самъ Печеринъ старательно уложилъ ихъ у подножія памятника, съ лицевой стороны, и, обратясь къ Кондратію, снова заговорилъ:

— Ты навѣрное больше знаешь о Маріи Михайловнѣ и ея мужѣ, чѣмъ говоришь. Были у нихъ враги?

— Можетъ, и были,—нерѣшительно отвѣчалъ Кондратій.—Баронъ мнѣ не указалъ.

— „Баронъ не указалъ“,—повторилъ Печеринъ.—Это, быть можетъ, значитъ, что не указалъ говорить. Мнѣ бы сказать онъ позволилъ... Пойдемъ назадъ въ часовню, Кондратій. Есть ли у тебя тамъ свѣчи?

— Есть,—тихо отвѣчалъ Кондратій:—простыя, мои копѣечныя. Я иногда ставлю.

Печеринъ, вмѣстѣ съ Кондратіемъ, молча дошелъ до дома, отпустилъ ожидавшаго его на крыльцѣ садовника и прямо прошелъ въ часовню.

Въ Печеринѣ жило внутреннее, нѣсколько смутное, но способное къ душевной теплотѣ чувство, унаслѣдованное отъ рано умершей матери и отъ отца, хотя въ покойномъ это чувство проявлялось, среди водоворота свѣтской и служебной жизни, менѣе явственно и менѣе постоянно. Печеринъ самъ жилъ такою жизнью, и потому обычный кругъ его озабоченности, помысловъ и занятій рѣдко соприкасался съ тою затаенной въ душѣ искрой, которая, однако же, могла повременамъ разгораться, свѣтлѣть въ умѣ и согрѣвать сердце. Такая минута внутренняго озаренія и теплоты настала для него теперь. Онъ не давалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ имъ ощущалось; онъ не произносилъ никакой уставной молитвы. Но онъ смотрѣлъ на икону, думалъ о женѣ Вальдбаха, о неутѣшной печали ея мужа, чувствовалъ, что онъ почему-то самъ теперь страдалъ за нихъ, и чувствовалъ, что теперь предъ нимъ и надъ нимъ, какъ тогда надъ ними, было то̀ неисповѣдимое, непостижимое, незримое, передъ чѣмъ мы склоняемъ голову съ ощущеніемъ благоговѣйнаго страха.

Когда Печеринъ оглянулся, онъ увидѣлъ, что за нимъ, у стѣны, стоялъ на колѣняхъ и плакалъ Кондратій, наклонивъ голову почти до земли и то одной рукой, то другою утирая слезы, струившіяся изъ его глазъ. Онъ какъ будто не замѣтилъ, что Печеринъ подходилъ къ нему; но когда Печеринъ тихо положилъ ему руку на плечо, онъ схватилъ эту руку и поцѣловалъ ее.

— Что̀ дѣлаешь ты, Кондратій?—сказалъ Печеринъ, быстрымъ движеніемъ высвободивъ свою руку.

— Еслибы Марья Михайловна и баронъ были здѣсь,—сказалъ Кондратій, вставая,—они приказали бы мнѣ поцѣловать вашу руку. Я двадцать-пять лѣтъ дѣлаю, что̀ они мнѣ приказали, и когда въ чемъ-либо усомнюсь, то стараюсь придумать, что̀ бы они могли приказать.

Лицо старика совершенно измѣнилось. Вмѣсто прежней угрюмой сосредоточенности, на немъ видѣлась печаль; но, рядомъ съ выраженіемъ этой печали, оно приняло и какое-то особое, почти торжественное, выраженіе, которое поразило Печерина.

— Ваше высокоблагородіе, Борисъ Алексѣевичъ! — вдругъ сказалъ Кондратій:—вамъ я все повѣдаю. Были враги, были зло-

дѣи... извели Марію Михайловну... ее отравили... и сына отравили...

— Чтò ты?!—воскликнулъ Печеринъ.

— Оно такъ было, Борисъ Алексѣевичъ. И кто извелъ?! Кто отравилъ?! Сестра извела! Сестра отравила!

— Сестра!—повторилъ Печеринъ съ возрастающимъ ужасомъ.

— Родная сестра, Тебенина. Ей нуженъ былъ Черный Боръ. Она всегда завидовала, всегда ненавидѣла сестру. Она отравила. А Марья Михайловна, умирая, запретила мстить. Она только передъ своею смертью убѣдилась, что и сынъ былъ отравленъ. Она заклинала барона не мстить. Онъ обѣщалъ и сдержалъ, чтò обѣщалъ.

Кондратій взялъ съ аналоя лежавшую на немъ подъ парчей книгу и подалъ ее Печерину. То былъ молитвенникъ Маріи Михайловны, и на первой страницѣ было ея рукою написано то самое изреченіе апостола Павла, которое помѣщено и на памятникѣ надъ ея могилой.

— Баронъ не захотѣлъ взять съ собою этого молитвенника,—продолжалъ Кондратій.—Онъ взялъ другой, а этотъ мнѣ приказалъ хранить въ часовнѣ.

Печеринъ молча всматривался въ написанныя покойною строки. Чернила выцвѣли; буквы казались блѣдно-бурыми; но тонкій и правильный почеркъ остался виденъ.

— И она мстить запретила!—сказалъ какъ бы про себя Печеринъ.

— Господь отомстилъ,—сказалъ на это Кондратій.—Всѣ дѣти Тебениныхъ вымерли. Марья Михайловна скончалась наканунѣ Петрова дня. Черезъ годъ послѣ того, въ петровскій постъ, умеръ у Тебениныхъ старшій сынъ. И затѣмъ, изъ года въ годъ, какъ Петровки, такъ у нихъ смерть. И новыя дѣти рождались, но жить Господь не давалъ. Наконецъ, Его рука вымела ихъ отсюда. Они распродали имѣнія и куда-то переселились.

Между тѣмъ Кондратій уже не нуждался въ разспросахъ для продолженія своихъ откровеній. Съ него былъ снятъ зарокъ молчанія, и онъ передавалъ Печерину, съ краткими перерывами, то одно, то другое изъ тѣснившихся въ немъ всякаго рода воспоминаній и легендъ.

— Марью Михайловну предостерегали,—прибавилъ Кондратій,—но она не вѣрила. Старуха Аксинья долго пророчила бѣду. У насъ была такая старуха, ваше высокоблагородіе, про которую разное говорили. Она только въ церковь ходила и никому зла не дѣлала; но люди думали, что она колдовала. Она не разъ правду

предсказывала. Когда, послѣ смерти сенатора, сюда впервые пріѣхала Тебенина, Аксинья всѣхъ спрашивала, видѣли ли, какъ коршунъ прилетѣлъ и сѣлъ на крышу господскаго дома. И послѣ того, какъ ни пріѣдетъ Тебенина, Аксинья опять про коршуна заговоритъ. Она же разсказывала, что видѣла на погостѣ, два раза, въ лунныя ночи, разъ осенью и разъ зимою, какъ покойница Марья Михайловна стояла между деревомъ и кустами, надъ могилою сына, и, наклонивъ голову, какъ будто читала надпись на плитѣ. Она вся въ бѣломъ была и въ цвѣтахъ, какъ въ гробъ была положена, и вдругъ скрылась. Только какъ будто бѣлое облачко поднялось съ погоста къ небу. Я разъ двадцать самъ ходилъ ночью на погостъ, все надѣясь, что она и мнѣ явится; но ждалъ напрасно, и напрасно молился Пресвятой Богородицѣ, передъ этою иконой, о томъ, чтобы я сподобился такого видѣнія. Мнѣ, грѣшному, она не показалась, и кромѣ Аксиньи да еще другой женщины, Василисы, изъ Васильевскаго, никто такого видѣнія не имѣлъ. Но Василисѣ Марья Михайловна представилась иначе. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Василиса еще жила здѣсь у тещи садовника, которая въ то время была въ живыхъ; Василиса оставалась въ Черномъ Борѣ со времени смерти Марьи Михайловны, и пока Тебенины были въ Васильевскомъ, она не хотѣла и ходить туда. Только недавно, лѣтъ пять или шесть, она вернулась къ роднымъ, которые тамъ у нея были. Случилось, что въ Покровъ день, день рожденія Марьи Михайловны, Василиса долго молилась на ея могилѣ и весь день ни о чемъ не думала, какъ только о ней. Ночью, какъ она мнѣ разсказывала, ей сонъ не давался. Пришло ей на мысль пройти къ церковной оградѣ и черезъ ограду еще разъ взглянуть на могилу. И тогда былъ полный мѣсяцъ и свѣтло было на дворѣ. Но Василиса и не дошла до того мѣста, откуда видна могила. Какъ только она стала переходить черезъ дорогу, она увидѣла, что покойница Марья Михайловна сама стоитъ у ограды, противъ притвора церкви, между кустовъ сирени, которые тамъ растутъ. Она также была вся въ бѣломъ, какъ прежде явилась Аксиньѣ, и тихо кивнула головой Василисѣ. Василиса вскрикнула, обомлѣла и далѣе ничего не помнитъ. Какъ я ни разспрашивалъ, она ничего сказать не могла.

— Кто такая Василиса?—сказалъ Печеринъ.

— Старая женщина, которая была въ нянахъ у нашего маленькаго барона и оставалась при Марьѣ Михайловнѣ до ея смерти, а потомъ и при баронѣ, до его выѣзда отсюда. Добрая

старуха. Я ее тридцать лѣтъ знаю. Она сама слышала, какъ покойница заклинала барона не мстить...

— Такъ и Василиса знаетъ о злодѣяхъ?

— Знаетъ. Мы двое знаемъ.

— И она молчала?

— Молчитъ. На насъ обоихъ одинъ зарокъ наложенъ. Я одного не досказалъ вамъ, Борисъ Алексѣевичъ. Баронъ съ тѣхъ поръ былъ однажды здѣсь и зарока не снялъ.

— Какъ?—съ изумленіемъ спросилъ Печеринъ.—Былъ здѣсь? Когда? Ты же самъ говорилъ, что вы о немъ ничего не знаете.

— Мы и не знаемъ, живъ ли онъ теперь и гдѣ, или не живъ. То было, впрочемъ, очень давно, еще при Сѣверцовѣ. То было, какъ теперь помню, въ сентябрѣ. Ко мнѣ пришелъ какой-то отставной солдатъ, не здѣшній, и сказалъ, что меня желаетъ видѣть старый знакомый, проѣзжій, и что мнѣ слѣдовало дожидаться вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу у церковной ограды. Я сталъ разспрашивать, кто и какъ, но солдатъ ничего сказать мнѣ не могъ, кромѣ того, что ему приказано мнѣ назвать одно имя: Марья Михайловна. Какъ онъ только сказалъ это, я невольно вздрогнулъ и понялъ. Я дождался барона, и почти не узналъ его. Онъ такъ перемѣнился. Я былъ съ нимъ на погостѣ и провелъ его потомъ темною заднею лѣстницей въ часовню. Когда-нибудь я вамъ о томъ разскажу подробнѣе, если вы спросите. Теперь силы нѣтъ. Не могу. Горло захватываетъ.

Видимое волненіе и дрожащій голосъ старика сильно трогали Печерина. Онъ съ минуту помолчалъ, потомъ спросилъ:

— Неужели Сѣверцовъ не зналъ о томъ, чтò здѣсь случилось съ баронессой и барономъ?

— Можетъ, и зналъ кое-что. Кажется, что если не зналъ порядкомъ, то догадывался, и до него слухи доходили. Онъ былъ добрый человѣкъ и почиталъ часовню; но никогда меня не разспрашивалъ, какъ вы. Да и мы сами не съ разу додумались, и сначала хотя и странно казалось, что Марья Михайловна запрещала мстить, но не вѣрилось, что родная сестра была такимъ злодѣемъ. Только потомъ, какъ все стали припоминать, да и баронъ, передъ отъѣздомъ, прямо заказалъ молчать, то и сомнѣваться перестали. Насчетъ генерала вы, впрочемъ, могли бы посмотрѣть въ библіотекѣ, не оставилъ ли онъ тамъ какого слѣда о томъ, чтò зналъ. Въ шкафѣ у окна есть ящикъ съ какими-то бумагами. Вашъ покойный батюшка, когда бывалъ здѣсь, все собирался ихъ разобрать, но, кажется, такъ до конца только собирался, но не разобралъ...

Между тѣмъ люди въ домѣ удивлялись, что Печеринъ такъ долго не выходитъ изъ часовни. Наконецъ, его камердинеръ рѣшился доложить ему, что его ждутъ волостной старшина и конторщикъ.

— Сейчасъ буду,—отвѣчалъ Печеринъ. Потомъ, обратясь къ Кондратію, сказалъ:

— Спасибо, Кондратій; а гдѣ, говоришь ты, бумаги генерала?

— Въ первомъ шкафѣ, у перваго съ правой стороны окна.

Въ этотъ день Печеринъ не удосужился предпринять поиски въ библіотекѣ. Но въ слѣдующій вечеръ, покончивъ со всѣми разъѣздами по своимъ новымъ для него владѣніямъ, онъ безъ труда нашелъ ящикъ, о которомъ упоминалъ Кондратій, а по нумеру надъ замкомъ нашелъ и ключъ къ ящику въ связкѣ разныхъ ключей, хранившихся въ старомъ бюро, въ бывшей спальнѣ Сѣверцова. Въ ящикѣ были сложены, въ пачкахъ и конвертахъ разныхъ величинъ, частію съ надписями, частію безъ надписей, семейная переписка, другія письма отъ разныхъ лицъ, нѣкоторые денежные счеты и отрывки изъ дневника, веденнаго Сѣверцовымъ, повидимому, въ венгерскую кампанію. Въ большой пачкѣ, надписанной: „По Черному Бору“, Печеринъ нашелъ разныя справки, относившіяся до времени покупки имѣнія, и между ними особый запечатанный конвертъ, съ отмѣткою: „Письмо барона Вальдбаха“. Наконецъ, въ этомъ же конвертѣ оказались, кромѣ того письма Вальдбаха, гдѣ онъ просилъ о дополнительной надписи на памятникѣ баронессы, и кромѣ копіи съ отвѣта на это письмо, два отдѣльныхъ листка почтовой бумаги. На первомъ были занесены отрывочныя замѣтки о слухахъ, ходившихъ на счетъ смерти жены Вальдбаха и даже о бывшихъ будто бы на черноборскомъ кладбищѣ видѣніяхъ. На второмъ, подъ краткою справкой о составѣ Васильевскаго имѣнія, было рукою Сѣверцова написано:

„Мнѣ сегодня говорилъ священникъ, что никто изъ крестьянъ не вѣритъ, что я куплю Васильевское. Какая-то у нихъ пророчица, по имени Аксинья, будто имѣла видѣніе во снѣ, и въ этомъ видѣніи покойный Бакларовъ ей повѣдалъ, что Васильевское и Черный Боръ не сойдутся вновь до тѣхъ поръ, пока не высохнутъ два вяза передъ васильевскимъ домомъ. Я ихъ видѣлъ. Они молоды и имъ сохнуть рано“.

IV.

Хотя Печеринъ объявилъ Вѣрѣ Сербиной, что на слѣдующій день онъ собирается навѣстить Суздальцевыхъ, но послѣ разразившейся надъ Васильевскимъ грозы и такъ близко къ дому ударившей молніи онъ счелъ необходимымъ сперва заѣхать къ Сербинымъ и уже изъ Васильевскаго продолжать путь другою дорогой.

Степанъ Петровичъ былъ въ полѣ, и Анна Ѳедоровна принимала Печерина. Въ гостиной онъ встрѣтилъ Вѣру, которая, слегка покраснѣвъ, сказала, что мать сейчасъ выйдетъ и поручила ей быть хозяйкой и благодарить сосѣда за скорое посѣщеніе.

— Я слышалъ, что вчера вы были близки отъ бѣды,—замѣтилъ Печеринъ.—Я видѣлъ расколотое молніей дерево. Все это должно было сильно испугать васъ.

— Мы были просто оглушены,—отвѣчала Вѣра,—и въ первое мгновеніе, конечно, думали, что молнія ударила въ домъ. Мы всего минутъ за десять предъ тѣмъ успѣли вернуться изъ вашего бора и были у мама̀ въ кабинетѣ, откуда дерево видно.

— Та дама, которая съ вами была вчера, кажется, особенно боится грозы.

— По счастью, ея съ нами уже не было,—сухо сказала Вѣра.—Она живетъ въ другомъ домѣ, за нашимъ садомъ.

Въ эту минуту Анна Ѳедоровна вошла въ гостиную. Она ласково протянула руку Печерину и повторила уже переданное Вѣрой выраженіе признательности за посѣщеніе.

— Вы, кажется, хотѣли быть сегодня въ Липкахъ, у Суздальцевыхъ,—продолжала Анна Ѳедоровна.—Мы съ ними, къ сожалѣнію, рѣдко видимся, но я всегда рада видѣть ихъ.

— Я отсюда къ нимъ ѣду, но хотѣлъ прежде о васъ освѣдомиться, послѣ вчерашней грозы.

— Благодарю васъ. Обошлось довольно благополучно. Жаль только бѣднаго дерева, на которое я любовалась изъ окна. Половина уцѣлѣла; но и она, вѣроятно, высохнетъ; мужъ мой уже сегодня приказалъ замазать открытую часть сердцевины. Не пройдемъ ли въ мой кабинетъ, — продолжала Анна Ѳедоровна, обращаясь къ дочери:—dort ist es gemüthlicher... Вы, конечно, говорите по-нѣмецки?

— Съ дѣтства, и, кромѣ того, я долго былъ въ Германіи.

— Мы съ Вѣрой часто ведемъ разговоръ по-нѣмецки, когда мы вдвоемъ, — сказала Анна Өедоровна.—Безъ того я, пожалуй, разучилась бы говорить.

— Здѣсь, вѣроятно, мало практики для того,—замѣтилъ Печеринъ.

— Никакой. Вы, я вижу, всматриваетесь въ мою любимую картину, Борисъ Алексѣевичъ. Узнаете городъ?

— Конечно, узнаю. Одного купола „Фрауэнкирхе" для того достаточно. Мнѣ Дрезденъ всегда нравился, въ немъ—всего болѣе „Фрауэнкирхе", а въ ней—ея каменный куполъ.

— Очень рада слышать это! Дрезденъ—моя родина, и мы принадлежали къ приходу „Фрауэнкирхе".

— Давно вы не были въ Дрезденѣ, Анна Өедоровна?—спросилъ Печеринъ.

Лицо госпожи Сербиной приняло грустное выраженіе, и она тихо отвѣтила:

— Очень давно, въ ранней молодости, до моего замужества. Мои родители потомъ переселились на время въ Одессу, и съ тѣхъ поръ я за границу не выѣзжала.

— Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось въ Дрезденѣ,—сказалъ Печеринъ:—разрослись новые кварталы; но съ той стороны, съ какой городъ представленъ на вашей картинѣ, видъ прежній: та же Эльба, та же терраса, тотъ же куполъ „Фрауэнкирхе", а вправо тѣ же соборъ и дворецъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до новаго Дрездена,—отвѣчала Анна Өедоровна.—Мнѣ дорогъ и всегда памятенъ только прежній. Когда я у себя одна въ кабинетѣ, я часто засматриваюсь на этотъ видъ, и тогда мнѣ кажется, что я еще молода, и живу тамъ, и отца и мать еще могу увидѣть...

— И у меня,—сказалъ Печеринъ,—есть рисунокъ, въ который я иногда всматриваюсь съ особымъ чувствомъ. Это видъ кабинета моей покойной матери. Она сидитъ въ креслахъ, держитъ книгу въ рукахъ, но не читаетъ, опустила книгу на колѣни и какъ будто на меня смотритъ. Тогда и мнѣ кажется, что она еще жива, и я могъ бы заговорить съ нею. Потомъ я печально сознаю, что мечта неосуществима. Прошлое навсегда прошло. Помните ли вы, Анна Өедоровна, стихъ Шиллера:

Ewig still steht die Vergangenheit!..

— Помню и далѣе:

Keine Reu, kein Zauberer
Kann die Stehende bewegen...

— Къ сожалѣнію я этотъ рисунокъ оставилъ дома, въ Петербургѣ, думая, что здѣсь недолго пробуду.—Впрочемъ я напрасно сказалъ „дома“. Я нигдѣ не дома. Богъ далъ мнѣ неожиданно кровъ въ Черномъ Борѣ, но я легкомысленно не оцѣнилъ во-время этого дара, и теперь, самъ не зная зачѣмъ, долженъ ѣхать въ Парижъ.

— И надолго?

— Опять долженъ сказать, что самъ не знаю. Во всякомъ случаѣ ѣду неохотно. Проѣздомъ буду въ Дрезденѣ, гдѣ хочу навѣстить близкаго мнѣ друга, брата Маріи Ивановны Суздальцевой. Передамъ отъ васъ поклонъ „Фрауэнкирхе“, если вы мнѣ это поручите.

— Сердечно вамъ буду благодарна.

Затѣмъ разговоръ снова обратился къ Дрездену, его окрестностямъ и вообще къ характеристическимъ чертамъ средней Германіи, о которой Печеринъ сказалъ, что она ему симпатичнѣе, чѣмъ всѣ другія части Европы, какія ему только знакомы.

Анна Өедоровна съ видимымъ участіемъ его слушала, и когда Печеринъ всталъ, чтобы проститься, она съ такою же искренностью выразила ему сожалѣніе, что онъ не надолго будетъ васильевскимъ сосѣдомъ. Вѣра все это время молчала и, только прощаясь, замѣтила Печерину, что онъ доставилъ ея матери большое удовольствіе, говоря о Дрезденѣ и Германіи; Анна Өедоровна долго будетъ помнить этотъ разговоръ.

— Вѣра меня хорошо знаетъ, — сказала госпожа Сербина и нѣжно обняла дочь.—Она привыкла на моемъ лицѣ читать мои мысли...

Выйдя изъ дома, Печеринъ взглянулъ на разбитый вязъ. Капризное дѣйствіе молніи и на этотъ разъ было замѣтно. Вершина расщеплена, часть ствола отколота, но другая часть и двѣ сильныя нижнія вѣтви уцѣлѣли.

„Онъ все-таки высохнетъ“,—подумалъ Печеринъ, вспоминая найденную имъ замѣтку Сѣверцова.

Суздальцевы были давнишніе знакомые Печерина по Петербургу, хотя съ нимъ рѣдко видѣлись. Они мало выѣзжали въ такъ-называемый свѣтъ и проводили въ деревнѣ лучшую половину года. Николай Петровичъ Суздальцевъ самъ управлялъ имѣніемъ, хорошо зналъ всю мѣстность и пользовался добрымъ расположеніемъ какъ большинства сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ; его достатки позволяли ему оказывать имъ разныя

пособій и льготы. Его жена, Марія Ивановна Суздальцева, слыла въ околоткѣ опытнымъ медикомъ, и уѣздный врачъ увѣрялъ ее, что она отбиваетъ у него практику. Когда Печеринъ пріѣхалъ въ Липки, онъ и въ этотъ день засталъ на крыльцѣ двухъ-трехъ женщинъ, которыхъ Марія Ивановна снабжала лекарствами и наставленіями.

Послѣ обѣда Печеринъ расказалъ Суздальцевымъ, какъ онъ наканунѣ познакомился съ Сербиными и по случаю бывшей грозы уже навѣстилъ ихъ въ Васильевскомъ. Потомъ онъ вдругъ спросилъ:—Что это за человѣкъ Сербинъ?

— Это человѣкъ съ образованіемъ и толкомъ,—отвѣчалъ Суздальцевъ:—но человѣкъ партіи и пользуется здѣсь значеніемъ именно какъ человѣкъ партіи. Онъ изъ такъ-называемыхъ „народниковъ".

— Но вы не изъ ихъ числа. Какъ же вы съ нимъ ладите?

— Десять верстъ разстоянія помогаютъ; мы не часто видимся, а когда видимся, я избѣгаю разговоровъ на неудобныя тэмы.

— А на крестьянъ имѣетъ ли онъ вліяніе?

— Мало. Я вообще не замѣчалъ, чтобы записные народники вліяли на народъ. Врожденный здравый смыслъ предохраняетъ простолюдина отъ того. Онъ чуетъ напускное, и потому не легко поддается. Сбивать съ толку можно; вести—нельзя. Сербинъ, конечно, старается, пріобрѣсти вліяніе и стать вожакомъ; онъ и сталъ вожакомъ между многими въ городѣ, и даже въ губерніи, благодаря своимъ проискамъ въ земскихъ собраніяхъ; но крестьяне ему не довѣряютъ. Въ немъ нѣтъ радушія и теплоты. Кромѣ того, они замѣчаютъ, что онъ не прочь и покривить душою. Если у кого-нибудь изъ сосѣднихъ крестьянъ есть неправое дѣло или явно неосновательная жалоба, то онъ не пойдетъ ко мнѣ, а обратится къ Сербину, и Сербинъ всегда приметъ на себя роль заступника мнимо обиженныхъ, лишь бы только не имѣть дѣла съ помѣщикомъ Пичугинымъ, который одного съ нимъ лагеря. Пичугинъ въ его глазахъ всегда правъ; но если крестьянинъ имѣетъ дѣло съ непріятнымъ ему человѣкомъ или съ казною, то казна или помѣщикъ всегда неправы.

— На меня произвела очень пріятное впечатлѣніе г-жа Сербина. Ея дочь также мнѣ очень понравилась. Она не красавица, но мила, и притомъ безъ всякой аффектаціи.

— Онѣ и должны были произвести на васъ такое впечатлѣніе,—сказала Марія Ивановна.—Вѣра—добрая и милая дѣвушка, притомъ очень умная, хотя не словоохотлива и рѣдко высказы-

вается. Анна Θедоровна—добродѣтельнѣйшая женщина. Она до того добра и кротка, что при ней и ея мужъ становится какъ-то мягче.

— Она не соперникъ вамъ по медицинѣ?—спросилъ, улыбаясь, Печеринъ.

— Нѣтъ. Вообще въ Васильевское люди ходятъ неохотно, какъ они говорятъ: на больной дворъ.

— Какъ могъ такой „народникъ“ жениться на иностранкѣ? При самомъ первомъ разговорѣ съ нею, я могъ замѣтить, что любовь къ прежней родинѣ въ ней жива, и нѣмецкая образованность сохранилась при полномъ въ другихъ отношеніяхъ обрусѣніи.

— И это вами вѣрно подмѣчено,—сказалъ Суздальцевъ.— Анна Θедоровна стала вполнѣ русскою въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы съ вами какъ-то разъ оба желали быть русскими. У меня есть на то своя примѣта. Кто любитъ русскаго простолюдина, не тронутаго порчей, — тотъ непремѣнно русскій. А она полюбила нашъ народъ, даже усвоила себѣ всѣ наши обычаи, бываетъ и молится въ церкви, какъ будто бы она не была лютеранкой,—и рядомъ съ этимъ ничего не утратила изъ добраго и просвѣщеннаго, чѣмъ наградила ее Германія. Но она никогда не говоритъ о своей родинѣ при мужѣ. Онъ отбилъ у нея всякую къ тому охоту своими постоянными нападками на все, что̀ онъ называетъ „западною гнилью“.

— А кто та дама, которая живетъ у Сербиныхъ?—спросилъ далѣе Печеринъ.—Имя я забылъ, но вчера и съ нею познакомился. Она мнѣ показалась какой-то приживалкой.

— Она родственница Сербина,—отвѣчалъ Суздальцевъ,— вдова Криленко. Личность несимпатичная.—Говорятъ, что она пріобрѣла на Сербина большое вліяніе; но больше того я о ней ничего сказать не могу.

— Между тѣмъ, знаете ли вы, Борисъ Алексѣевичъ, кто, говорятъ, на васъ пріобрѣтаетъ вліяніе?—сказала г-жа Суздальцева.

— Не знаю, но догадываюсь,—смѣясь, отвѣчалъ Печеринъ: —вѣроятно, сторожъ Кондратій.

— Именно такъ. Вашъ пріѣздъ—событіе въ нашей тихой мѣстности, и вы, конечно, увѣрены въ томъ, что на всѣ ваши faits et gestes обращено вниманіе. Говорятъ, что въ Черномъ Борѣ никто къ вамъ такъ не близокъ, какъ старикъ Кондратій.

— Онъ дѣйствительно возбудилъ во мнѣ большое къ нему участіе глубокою и неизмѣнною его преданностью памяти Вальдбаховъ. А эта память сильно заняла и мое воображеніе. Когда я

вижу Кондратія, то всегда думаю о баронессѣ и ея мужѣ. Они составляютъ черноборскую легенду — и поэтическую легенду. Для Кондратія цѣлая четверть вѣка прошла мимо безслѣдно. Онъ живетъ тѣмъ чувствомъ и думаетъ тѣми мыслями, какими жилъ и думалъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ и двадцать-пять лѣтъ продолжалъ жить и думать.

— Вы сами видимо одушевляетесь, говоря о немъ,—сказала, улыбаясь, Марія Ивановна.—Впрочемъ я не разъ слышала отъ моего брата, что вы крайне впечатлительны, и ваша свѣтская жизнь этой впечатлительности не уменьшила.

— Свѣтская жизнь!—повторилъ Печеринъ:—свѣтская жизнь! Вы сами знаете, Марія Ивановна, что она не стóитъ труда, который на нее тратится. Еслибы не слабость характера, я бы ей не поддавался. Но въ ней есть какой-то чадъ, который незамѣтно туманитъ понятія и беретъ волю въ плѣнъ. Нуженъ уколъ сердца, чтобы пробудиться. Припоминаю, что одна почтенная пожилая дама, которая была дружна съ моею покойною матерью, мнѣ однажды сказала, что уколы сердца имѣютъ таинственное призваніе въ нашей жизни.

— Ты навела Печерина на одну изъ его любимыхъ тэмъ, Мэри,—сказалъ Суздальцевъ.—Онъ всегда становится словоохотливъ, какъ скоро только начинаетъ философствовать о пустотѣ свѣтской жизни. Теперь это особенно кстати, на пути въ Парижъ.

Но слово „Парижъ“ дало бесѣдѣ совсѣмъ другой оборотъ...

Когда Печеринъ потомъ вернулся въ Черный Боръ, онъ замѣтилъ у подъѣзда поджидавшаго его Кондратія.

— Ты меня, что ли, ждешь?—спросилъ Печеринъ.

— Такъ точно,—отвѣчалъ Кондратій и прибавилъ, понизивъ голосъ:—нужно вамъ два слова сказать.

— Обожди меня въ столовой.

Когда Печеринъ вышелъ въ столовую и спросилъ, чтò случилось,—Кондратій отвѣчалъ, что на-дняхъ онъ отозвался незнаніемъ: живъ ли еще баронъ Вальдбахъ?—по забылъ тогда добавить, что есть человѣкъ, который, можетъ быть, о томъ знаетъ.

— Сегодня, — продолжалъ Кондратій, — здѣсь былъ старый докторъ Франценъ, который пользовался довѣріемъ Марьи Михайловны и барона, и по временамъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, онъ и теперь бываетъ проѣздомъ въ Черномъ Борѣ и всегда посѣщаетъ часовню и могилы. Сегодня онъ не пошелъ въ часовню, но былъ на кладбищѣ, и меня долго разспрашивалъ о васъ и о томъ, чтò вы мнѣ приказывали насчетъ могилъ и часовни.

— Кто этотъ докторъ? Здѣшній? И былъ ли онъ докторомъ у барона?

— Нѣтъ, онъ жилъ, какъ и теперь живетъ, въ сосѣднемъ уѣздѣ; но пріѣзжалъ изрѣдка. За нимъ баронъ посылалъ передъ смертью Марьи Михайловны, но ея уже не было въ живыхъ, когда онъ пріѣхалъ. Онъ остался послѣ совсѣмъ при баронѣ, который его назначилъ своимъ повѣреннымъ по дѣламъ имѣнія.

— Гдѣ же живетъ этотъ докторъ?

— У него своя дача подъ Крайгородомъ, верстъ за шестьдесятъ отсюда; но теперь его дома не найдете. Онъ былъ здѣсь проѣздомъ и сказалъ мнѣ, что пробудетъ около двухъ мѣсяцевъ въ Москвѣ.

— Два мѣсяца,—повторилъ Печеринъ и отпустилъ Кондратія, сказавъ ему спасибо за то, что вспомнилъ о докторѣ.

V.

Вѣра сидѣла одна въ своей комнатѣ. Передъ нею лежала на столѣ раскрытая книга; она давно перестала читать и задумчиво смотрѣла въ открытое окно. Окно было въ сторону сада. Вѣтви сосѣдняго ясеня качались надъ рамкой окна; подъ ними виднѣлась полоса темной зелени липовой аллеи, удалявшейся отъ дома въ глубь сада, а сквозь вѣтви ясеня и между ними и полосою лишь сіяло іюньское, безоблачное, ярко-голубое небо. Щебетанье птичекъ слышалось въ окно. Все было такъ тихо въ саду, что щебетанье раздавалось одно, и все такъ свѣтло, что тѣни сливались въ массахъ листвы съ золотистымъ отблескомъ солнечныхъ лучей.

Сельская тишь до того непривычна жителямъ городовъ, что и на тѣхъ, кто бывалъ или даже болѣе или менѣе періодично бываетъ въ деревнѣ, она производитъ, на первыхъ порахъ, почти тревожное впечатлѣніе. Въ городѣ люди такъ привыкаютъ къ глухому и безпрерывному гулу происходящаго вокругъ нихъ движенія, такъ способны родниться съ постояннымъ гнетомъ обыденной городской суеты, что, когда прекращается этотъ гулъ, имъ кажется, будто у нихъ что-то отняли, будто вдругъ стало пусто около нихъ, время измѣнило свой ходъ, и часовой маятникъ, его видимый представитель и неумолчный глашатай, медленнѣе движется и рѣже окликаетъ, чѣмъ прежде двигался и окликалъ. Привычнымъ деревенскимъ жителямъ эти ощущенія чужды; но и въ нихъ сельская тишина иногда производитъ особое внутреннее

настроеніе. Если на душѣ неспокойно и тяжелыя мысли волнуютъ умъ, то среди мирно молчаливой сельской природы всякая внутренняя тревога какъ будто слышнѣе намъ, и она безпрепятственнѣе овладѣваетъ нами. Сердце сильнѣе ущемляется, и разладъ между тѣмъ, чтὸ мы вокругъ себя видимъ, и тѣмъ, чтὸ въ себѣ ощущаемъ, обостряетъ такую боль.

То же раздумье, которое недавно тяготѣло надъ Вѣрой, когда она срывала маргаритки въ саду послѣ встрѣчи съ отцомъ, теперь брало верхъ въ ея мысляхъ, въ связи съ воспоминаніемъ о Черномъ Борѣ. Вѣра замѣтила, что вопросъ о томъ, рѣшится ли или не рѣшится Печеринъ продать это имѣніе, заботилъ Степана Петровича, и что Прасковья Семеновна часто и обстоятельно освѣдомлялась о разныхъ, относившихся до Чернаго Бора, подробностяхъ. Чтὸ значитъ, думалось Вѣрѣ, эта озабоченность и такія освѣдомленія? И тогда самъ Печеринъ приходилъ ей на память. Судя по впечатлѣнію, произведенному имъ при первой встрѣчѣ, и по всему, чтὸ о немъ разсказывалось со времени его пріѣзда, онъ вовсе не помышлялъ о продажѣ. Справедливо было то, что онъ пріѣхалъ на короткое время и долженъ былъ, наоборотъ, на долгое время отлучиться за границу; но изъ этого нисколько еще не слѣдовало, чтобы онъ спѣшилъ навсегда отказаться отъ возвращенія въ Черный Боръ. Въ немногихъ его словахъ высказывалось даже нѣкоторое сожалѣніе о необходимости предстоявшаго отъѣзда. Вѣра припоминала его слова и вспомнила о подмѣченномъ ею различіи между Печеринымъ и молодыми людьми, которыхъ она видѣла въ Бѣлорѣцкѣ. Одинъ Суздальцевъ нѣсколько походилъ на него; но Суздальцевъ уже былъ старымъ знакомымъ, и установленіе добрыхъ и довѣрчивыхъ между нимъ и Вѣрою отношеній было облегчено и упрочено ея отношеніями къ Маріи Ивановнѣ Суздальцевой; она съ первой встрѣчи оказала Вѣрѣ самое любезное вниманіе и впослѣдствіи неизмѣнно продолжала его оказывать. Жизнь такъ сложилась для Вѣры, что она по отношенію только къ матери и къ Суздальцевымъ питала то чувство, которое Анна Өедоровна называла „родствомъ по духу“: Geistes Verwandschaft. Та же самая родственная стихія ей какъ-то чуялась въ Печеринѣ, и она невольно призадумывалась надъ этимъ инстинктивнымъ, съ первыхъ словъ охватившимъ ее ощущеніемъ. Почему была она такъ увѣрена въ томъ, что, по общему складу понятій, мнѣній и чувствъ, Печеринъ стоялъ ближе къ ней, къ ея матери и къ Суздальцевымъ, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, кого она знала, въ томъ числѣ и къ ея отцу? Она себѣ того не объясняла, но продолжала вѣ-

рить. Одно только этому нѣсколько противорѣчило. Вѣрѣ казалось, что Прасковья Семеновна Криленко не производила на Печерина непріятнаго впечатлѣнія. Онъ при первой встрѣчѣ былъ съ нею и съ Вѣрой одинаково привѣтливъ. Впослѣдствіи Вѣра и Печеринъ нѣсколько разъ видѣлись, и онъ продолжалъ быть съ нею привѣтливымъ и къ ней внимательнымъ; но ничто не обозначало, чтобы онъ началъ такъ думать о ней, какъ она думала о немъ. Она только замѣчала, что въ его взглядѣ, когда онъ смотрѣлъ на нее, было что-то сосредоточенное, пытливое, какъ будто бы онъ разгадывалъ, или старался разгадать ея мысли.

Вошедшая горничная прервала размышленія Вѣры.

— Я была у Василисы Дмитріевны,—сказала горничная.— Ей лучше и она встала съ постели; но тоскуетъ по васъ. Она говоритъ, что вы ее уже третій день не навѣщаете, а ей почему-то нужно было бы васъ увидѣть.

— Да, я все какъ-то не успѣвала къ ней зайти.

— У нея былъ утромъ старикъ Кондратій изъ Чернаго Бора; онъ торопился домой. Они говорили о Сизой деревнѣ, и Василиса Дмитріевна очень тревожится.

— Опять!..—сказала Вѣра.—Хорошо, я зайду къ ней передъ обѣдомъ.

Василиса, женщина преклонныхъ лѣтъ и притомъ болѣзненная, не занимала въ Васильевскомъ никакой должности по хозяйству. Она пріютилась, еще до покупки имѣнія Сербинымъ, у брата, бывшаго ключникомъ при господскомъ амбарѣ. Братъ умеръ; но прежній владѣлецъ оставилъ за Василисой комнату, которую она занимала въ одномъ изъ жилыхъ строеній при оранжереяхъ, и назначилъ ей мѣсячныя харчи, мукой и крупою, въ видѣ постояннаго пособія. Сербинъ не отмѣнилъ этихъ распоряженій, а Анна Ѳедоровна оказала одинокой старухѣ еще теплое участіе и приняла ее подъ свое личное попечительство. Василиса придерживалась, какъ говорили люди, „старой вѣры", но ходила въ церковь, пользовалась расположеніемъ отца Пимена, мѣстнаго священника, и вообще слыла безукоризненно честною и доброю женщиной. Всѣ знали, что она въ прежніе годы, въ Черномъ Борѣ, заслужила особое довѣріе жены Вальдбаха, и послѣ того Сѣверцовъ ей также оказывалъ вниманіе. Анна Ѳедоровна скоро сама полюбила ее, часто навѣщала вмѣстѣ съ Вѣрой и поручала ей надзоръ за порядкомъ въ господскомъ домѣ, когда во время зимы Сербины брали съ собою въ Бѣлорѣцкъ почти всю свою прислугу. Судя по сохранившемуся у старухи акварельному

портрету, несмотря на его совершенно поблекшія краски, между чертами лица покойной и лицомъ Вѣры можно было находить нѣкоторое сходство.

Въ небольшой комнатѣ, гдѣ жила Василиса, всегда бросались въ глаза примѣрные порядокъ и опрятность. Вся скромная утварь неизмѣнно занимала одни и тѣ же мѣста. Такъ-называемый красный уголъ былъ убранъ старописными иконами и передъ ними, на деревянной угловой полкѣ, была поставлена зажженная стеклянная лампадка. На противуоконной стѣнѣ, у изголовья кровати, висѣли старинный мѣдный образокъ и подъ нимъ—портретъ баронессы Вальдбахъ. У окна, передъ столикомъ, на которомъ лежали молитвенникъ и бумажное вязанье, обычное занятіе Василисы, стояло старое кресло, которое Анна Ѳедоровна ей подарила, и въ этомъ креслѣ она сидѣла, опустивъ глаза, наклонивъ голову и шопотомъ произнося слова какой-то молитвы, когда Вѣра осторожно отворила дверь и вошла въ комнату.

Старуха засуетилась, завидя Вѣру, хотѣла встать, но Вѣра бережно взяла ее за плечи, вновь усадила въ креслѣ, освѣдомилась о ея здоровьѣ и, придвигая для себя стоявшій у стѣны стулъ, сказала:

— Мнѣ всѣ эти дни никакъ не удавалось навѣстить тебя; но я слышала отъ Натальи, что ты желала меня видѣть. Что случилось у васъ опять въ Сизой деревнѣ?

— Бѣда, матушка Вѣра Степановна,—отвѣчала Василиса:— опять бѣда, а на этотъ разъ, если вы не спасете, то видно и отъ Бога не будетъ спасенія. Приспѣлъ конецъ нашей молельнѣ. Приказъ отданъ ее разломать или, по крайней мѣрѣ, закрыть, и все, что у насъ тамъ есть, отъ насъ отобрать.

— Какой приказъ? Кто приказалъ?

— Вѣстимо, начальство приказало. Какое начальство, я и сама не знаю. Начальниковъ много. Одни говорятъ: губернаторъ предписалъ; другіе,—что архіерей приказалъ, и его исправникъ не смѣетъ ослушаться. И кто-то отъ суда долженъ быть, и понятыхъ соберутъ. На завтра, кажется, вся эта гроза заказана и на насъ нагрянетъ. Меня такъ и сразила эта вѣсть. Сегодня утромъ, благодаря Бога, я было совсѣмъ оправилась и встала бодро, и солнцу такъ порадовалась, и думала въ садикъ выйти; а теперь ноги подкосились, даже встать сразу не могла, когда вы вошли...

— Можетъ быть, это слухъ какой-нибудь до тебя дошелъ, а никакого приказанія не было, и ты напрасно встревожилась.

— Не напрасно, матушка Вѣра Степановна. Слухъ вѣрный.

Намъ добрые люди дали знать изъ Алексѣевскаго, и Кондратію въ Черный Боръ дали знать; онъ сегодня приходилъ ко мнѣ.

— Не можетъ быть, однакоже, чтобы отецъ Пименъ на васъ приносилъ жалобу.

— Отецъ Пименъ здѣсь ни-при-чемъ, Вѣра Степановна. Отецъ Пименъ — добрый священникъ. Онъ — настоящій христіанинъ, и никого не гонитъ за то, кто по своему во Христа вѣритъ и молится. Это все отъ никольскаго благочиннаго, отца Акинѳія, происходитъ. Онъ насъ преслѣдуетъ; онъ и на отца Пимена доносилъ, будто онъ намъ поблажку оказываетъ. Отецъ Акинѳій передъ своимъ начальствомъ себя хочетъ показать. Онъ-де видитъ, а отецъ Пименъ не видитъ.

— Чтò же я могу сдѣлать для васъ?—спросила Вѣра, послѣ минутнаго молчанія.

— Вы сами ничего не можете, я это знаю,—отвѣчала Василиса,—но Степанъ Петровичъ можетъ пособить. Онъ разъ уже помогъ намъ, потому что вы его попросили. Онъ вамъ не откажетъ.

— Онъ и тогда сказалъ, что это трудно было, и онъ въ такія дѣла не вступается. Во второй разъ онъ откажетъ.

— Тогда мы погибнемъ. Вѣра Степановна, сдѣлайте божескую милость, попросите! Я вамъ сейчасъ въ ноги поклонюсь.— И старуха попыталась встать, чтобы поклониться, и отодвинула столъ. Вѣра ее остановила.

— Что ты дѣлаешь, Василиса?—сказала она.—Богу подобаетъ кланяться, а не мнѣ.

— Я и положила три земныхъ поклона Господу,—сказала Василиса:—на четвертый силъ не хватило. Богъ проститъ слабость. Но какъ и вамъ не кланяться? Вы и ваша матушка, Его же ради, намъ помогали и обо мнѣ, бѣдной старухѣ, заботитесь. И теперь я васъ же прошу. Не откажите и помогите!

Вѣра снова замолчала и призадумалась; потомъ сказала:

— Если дѣло въ рукахъ губернатора, напà, можетъ быть, и согласится попросить за васъ. Въ тотъ разъ такъ было. Но если, какъ тебѣ говорили, есть приказаніе отъ архіерея, то папà непремѣнно откажетъ. Онъ и тогда такъ отзывался.

— Не знаю навѣрное, матушка Вѣра Степановна, отъ кого приказъ. Людей не поймешь. Говорятъ разно. Но вы все-таки попросите, а тамъ уже—какъ Богъ велитъ.

— Изволь, попрошу,—сказала Вѣра.

Спустя нѣсколько минутъ она была уже у двери кабинета Степана Петровича, на одно мгновеніе остановилась, подумала, потомъ вошла въ кабинетъ.

— Я къ вамъ съ просьбою, папá,—сказала Вѣра.

Степанъ Петровичъ былъ не въ духѣ. Онъ не улыбнулся привѣтливо, по обыкновенію, когда видѣлъ дочь, и сухо сказалъ:

— Приказывай. За кого сегодня просьба? Ты давно ни за кого не просила.

— Я заходила къ Василисѣ, папа...

Лицо Степана Петровича еще болѣе нахмурилось.

— Опять Василиса!—сказалъ онъ.—Эта старая раскольница мнѣ крѣпко надоѣла...

— Не сердитесь, папà,—продолжала Вѣра, поцѣловавъ руку отца.—Василиса не раскольница. Она съ нами ходитъ въ церковь. У нея только есть родные между раскольниками. Вы сами теперь сказали, что я давно ни о чемъ не просила. А Василиса никогда за себя не проситъ.

— Не о чемъ ей и просить. Она живетъ у меня на хлѣбахъ. Мамà и ты о ней заботитесь.. Въ чемъ же дѣло?

Вѣра передала то, что слышала отъ Василисы, не упомянувъ только о ея отзывѣ насчетъ отца Пимена и благочиннаго изъ села Никольскаго.

— Я тебѣ уже говорилъ, Вѣра,—съ видимою досадою сказалъ Сербинъ,—что мнѣ въ это дѣло неудобно вмѣшиваться. Я не имѣю на то никакого права, да и расположенія къ тому у меня нѣтъ. Намъ слѣдуетъ подавать примѣръ уваженія къ закону, а не потворствовать его нарушенію. Молельни запрещены. Раскольники ихъ на свой страхъ содержатъ. Я могу молчать о томъ, что̀ знаю, потому что я не сыщикъ; но когда власти узнаютъ, помимо меня, что̀ имъ слѣдуетъ знать,— мое дѣло сторона.

— Папá, вы сами разъ помогли.

— Тѣмъ менѣе могу помогать во второй разъ. Ты меня упросила. Я для тебя это сдѣлалъ.

— Но вы это сдѣлали, оговоривъ, что сочли возможнымъ сдѣлать только потому, что молельня не новая, что никакихъ внѣшнихъ признаковъ нѣтъ, что она только убранная иконами комната въ домѣ одного изъ крестьянъ, что, слѣдовательно, можно ее и не считать молельней, и что только запрещено строить новыя и исправлять старыя. Ничто съ тѣхъ поръ не перемѣнилось. Никакихъ починокъ не производится.

— Все-таки раскольники туда входятъ. Коль скоро начальство признало молельню не комнатой, а молельней — дѣлу конецъ.

— Папа, вы добры; вы на дѣлѣ добрѣе, чѣмъ хотите казаться. Вамъ самимъ стало жаль этихъ людей. Вы сами ихъ назвали несчастными. Я помню это. Если они тогда были несчастны, развѣ они менѣе несчастны теперь?

— Я, можетъ быть, и назвалъ ихъ несчастными. Но они по своей же винѣ несчастны. Кто упорно самъ хочетъ быть несчастнымъ, тому нельзя помочь.

— Папа, не сердитесь на меня. Вы также мнѣ не разъ говорили, что когда я прошу, то прошу отъ добраго сердца, и вы потому мнѣ мои просьбы прощаете. Я и это помню, и сегодня прошу потому, что сердце приказываетъ просить. Въ чемъ виноваты эти бѣдные люди? Только въ томъ, что они молятся Богу, какъ ихъ съ дѣтства учили молиться, какъ ихъ отцы и матери молились. Если же имъ запрещаютъ такъ молиться, развѣ они не принуждены скрываться? Развѣ лучше совсѣмъ не молиться, или молиться притворно, лгать передъ Богомъ? Они въ постоянномъ страхѣ. А когда на нихъ нападаютъ, какъ теперь хотятъ напасть въ Сизой деревнѣ, они плачутъ и покоряются.

— Еще бы не покоряться! Ихъ заставили бы покориться.

— Они и не пытаются сопротивляться. Они только смиренно просятъ. Вы сами, папа, признавали при мнѣ, что въ нихъ сохранились коренныя русскія чувства, сохранились древніе обычаи, сохранилось уваженіе ко всей старинѣ и вѣрность ко всѣмъ нашимъ народнымъ преданіямъ. Вы говорили, что съ ними охотно имѣете дѣло по хозяйству, что когда они снимаютъ землю, то нѣтъ недоимокъ, а когда покупаютъ лѣсъ, то не вырубятъ лишняго.

— Нечего сказать, — перебилъ Сербинъ, вставая: — они въ тебѣ имѣютъ усерднаго ходатая...

Степанъ Петровичъ молча прошелъ раза два по кабинету изъ угла въ уголъ, потомъ остановился передъ Вѣрой и спросилъ:

— Да скажи мнѣ, пожалуйста, почему они къ тебѣ обращаются?

— Потому, папа, — сказала Вѣра ласковымъ голосомъ, еще разъ цѣлуя руку отца, — что они думаютъ, будто вы меня любите и ко мнѣ снисходительны. — Они, вѣроятно, думаютъ, что еслибы они прямо къ вамъ обратились, вы бы просто могли отказать, и даже такъ отозваться, что вамъ и принимать такія просьбы неудобно. Они не посмѣли бы такъ съ вами разсуждать, какъ вы мнѣ это позволяете. Да и между людьми тотчасъ пошла бы молва ...мъ, что они у васъ были, васъ просили. Обо мнѣ никто не

вспоминаетъ, никто не думаетъ. Чтò бы вы ни рѣшили, ничьей просьбѣ не можетъ быть приписано. Василиса когда-то хотѣла обратиться къ мамà; но я, признаюсь, это отсовѣтовала. Вы всегда говорите мамà, что она, какъ лютеранка, не можетъ имѣть вѣрнаго взгляда на такія дѣла.—Я, конечно, не въ правѣ имѣть свой взглядъ; но я по крайней мѣрѣ православная, какъ вы, и если вы мнѣ откажете, то просто потому, что прошу того, чего вамъ сдѣлать нельзя, — а вамъ, во всякомъ случаѣ, менѣе непріятно отказывать мнѣ, чѣмъ мамà...

— Они просто злоупотребляютъ тѣмъ, что знаютъ, что я тебѣ не люблю отказывать. — Но на этотъ разъ, извини, я ничего не могу сдѣлать.

— Тогда я такъ и передамъ Василисѣ. Все-таки лучше, папà, что эти люди не ходятъ далѣе, чѣмъ къ ней. А они начинаютъ, въ своемъ отчаяніи, бросаться во всѣ стороны. Я слышала, — прибавила Вѣра нерѣшительно, но смотря въ глаза Степану Петровичу,—что они и Прасковью Семеновну хотѣли просить за нихъ слово замолвить...

— Прасковью Семеновну?—сердито спросилъ Сербинъ.—Почему Прасковью Семеновну?

Вѣра замѣтила перемѣну въ лицѣ отца и, опустивъ глаза, тихо отвѣтила:

— Говорятъ, что она какъ-то была намедни въ Сизой деревнѣ и въ тамошнимъ показала участіе. Но это, конечно, пустые толки... Еще разъ прошу васъ на меня не сѣтовать, папà. Я сейчасъ же зайду къ Василисѣ и скажу ей, что не нашла возможнымъ вамъ говорить объ этомъ дѣлѣ, что вы были заняты, или я не рѣшилась... однимъ словомъ, объ отказѣ отъ васъ не будетъ рѣчи. Василиса неразговорчива. Отъ нея никто изъ чужихъ никакихъ разсказовъ не добьется.

Вѣра направилась къ дверямъ кабинета; но Степанъ Петровичъ ее остановилъ.

— Все дѣло въ томъ,—сказалъ онъ,—кто распоряжается и отъ кого починъ.—Теперь тебѣ некогда опять ходить къ Василисѣ. Намъ сейчасъ подадутъ обѣдъ. А ты позже разспроси. Если дѣло отъ полиціи, я, можетъ быть, еще разъ,—хотя рѣшительно въ послѣдній,—попытаюсь помочь. Если же оно извѣстно преосвященному, то мнѣ вступаться нельзя.

Когда Вѣра затворила за собою дверь, Степанъ Петровичъ взглянулъ на часы, потомъ торопливо взялъ шляпу и, выйдя въ садъ, направился по липовой аллеѣ къ выстроенному въ концѣ ея павильону.

VI.

Къ обѣду опоздала не Вѣра, но Степанъ Петровичъ. Его ждали съ полчаса, чего никогда не случалось. Наконецъ, онъ прислалъ сказать, что тотчасъ будетъ, а между тѣмъ можно подавать обѣдъ безъ него. Прасковья Семеновна еще ранѣе извинилась нездоровьемъ, и Анна Ѳедоровна съ дочерью вдвоемъ заняли за столомъ свои обычныя мѣста. Обѣ молчали, и когда вошелъ Сербинъ, ни та, ни другая не освѣдомились о причинѣ его поздняго прихода. Онъ казался озабоченнымъ, былъ молчаливъ и только проронилъ нѣсколько насмѣшливыхъ словъ насчетъ Печерина, который будто бы не намѣренъ продавать Чернаго Бора и воображаетъ, что онъ можетъ хозяйничать изъ Парижа. Тотчасъ послѣ обѣда Степанъ Петровичъ сказалъ Вѣрѣ, что на этотъ разъ онъ рѣшительно ничего по ея просьбѣ сдѣлать не можетъ, поручилъ объявить о томъ Василисѣ и ушелъ въ свой кабинетъ, сказавъ, что ему нужно дописать спѣшныя письма.

Вѣра послѣдовала за матерью и замѣтила, что на ея глазахъ выступили слезы. Анна Ѳедоровна прошла къ себѣ въ спальню. Вѣра молча взяла ее за руку, потомъ опустилась на колѣни передъ нею и поцѣловала руку. Анна Ѳедоровна нѣжно обняла дочь, и обѣ заплакали.

— Не могу говорить теперь, — тихо сказала Анна Ѳедоровна. — Ты должна передать Василисѣ то, что сказалъ папà. Исполни это. Потомъ приходи ко мнѣ.

Въ тяжеломъ раздумьѣ Вѣра направилась къ строеніямъ при оранжереяхъ. Чрезъ открытое въ комнатѣ Василисы окно былъ слышенъ чужой голосъ. Вѣра остановилась; но Василиса увидѣла ее и попросила войти. Въ комнатѣ былъ Кондратій изъ Чернаго Бора; повеселѣвшее выраженіе лица Василисы пріятно удивило Вѣру.

— Матушка Вѣра Степановна,—сказала Василиса:—на этотъ разъ Богъ безъ насъ помиловалъ. Завтра никакихъ обысковъ въ Сивой деревнѣ не будетъ. Мой старый кумъ Кондратій только-что пришелъ съ этою доброю вѣстью. Вѣдь вы его знаете.

— Да,—отвѣчала Вѣра, поздоровавшись съ Кондратіемъ;—я видѣла его въ Черномъ Борѣ.—Что же случилось? Еще сегодня утромъ онъ, кажется, приходилъ съ другою вѣстью.

— Такъ было точно, матушка Вѣра Степановна, — продолжала Василиса;—но тогда онъ еще не зналъ о перемѣнѣ. Онъ вамъ самъ это разскажетъ, если позволите. Онъ церковный, но

и у него родня въ Сизой деревнѣ, и онъ знаетъ, что тамъ добрые люди.

— Борисъ Алексѣевичъ, нашъ баринъ, и Николай Петровичъ Суздальцевъ дѣло устроили,—сказалъ Кондратій.—Они господину исправнику объяснили его какъ слѣдуетъ. Молельни, молъ, нѣтъ, а только иконы въ жиломъ домѣ. Не запрещено имѣть иконы и не запрещено ходить къ человѣку, у кого есть иконы. Кромѣ того, Борисъ Алексѣевичъ ѣздилъ въ Никольское, къ благочинному, и съ нимъ переговорилъ.

— Почему же Борисъ Алексѣевичъ такъ горячо вступился въ дѣло?—спросила Вѣра.

— Какъ почему, матушка Вѣра Степановна?—сказала Василиса:—да потому, что онъ добръ, и всякому доброму дѣлу пособлять готовъ. Его не даромъ всѣ успѣли полюбить въ Черномъ Борѣ. Спросите только Кондратія. Онъ вамъ скажетъ, что за Бориса Алексѣевича готовъ въ огонь и воду идти.

— Пойду, не задумавшись,—сказалъ Кондратій.

— Правда ли, — спросила вдругъ Вѣра,—что онъ каждый день бываетъ въ часовнѣ?

— Совершенная правда, сударыня,—отвѣчалъ Кондратій.—Онъ меня, старика, этимъ радуетъ.—Мнѣ думается, что тогда покойница Марья Михайловна на него смотритъ и меня видитъ.

— Какой ты добрый, Кондратій!—сказала Вѣра и, вздохнувъ, прибавила:—будетъ ли кто-нибудь такъ насъ помнить, когда мы умремъ?

— Рано вамъ помышлять о смерти, Вѣра Степановна, — перебила Василиса.—Вамъ, по милости божіей, еще далеко до нея.

— Никогда не рано о ней думать,—отвѣчала Вѣра:—а далеко ли, или недалеко до нея, одинъ Богъ знаетъ. Марію Михайловну смерть рано унесла...

Когда Вѣра возвратилась къ матери, она застала ее уже не въ спальнѣ, а въ кабинетѣ, въ креслахъ, въ которыхъ Анна Ѳедоровна имѣла обыкновеніе читать или заниматься рукодѣльной работой. Но она не читала и не работала, а смотрѣла на видъ Дрездена, обратившій на себя вниманіе Печерина, при первомъ посѣщеніи имъ Васильевскаго.

Вѣра молча сѣла возлѣ матери, потомъ сказала:

— Вы опять смотрите на вашъ Дрезденъ, мамá. А вы всегда на него смотрите, когда вамъ грустно.

— Да, моя милая, и теперь мнѣ кажется, что Дрезденъ со мною прощается и мнѣ говоритъ, что моя надежда съ нимъ свидѣться никогда не исполнится.

— Почему же теперь вамъ лишаться этой надежды? Вы еще недавно мнѣ о ней говорили.

— Такъ... Мнѣ вообще чуется недоброе впереди.

Вѣра ничего не отвѣтила. Ей думалось, что это недоброе уже настало.

— Нельзя иногда не предаваться печальнымъ мыслямъ,— продолжала Анна Ѳеодоровна.—Ты знаешь, что мое здоровье совершенно подкосилось.—Я не больна, какъ больные, которымъ нужно послать за докторомъ,—но чувствую, что больна. Чувствую, что силы слабѣютъ, струны жизни перетираются. Чтò будетъ съ тобою послѣ меня? Вотъ вопросъ, который мнѣ жметъ сердце.

— Мамà, прошу васъ, не говорите такъ! И безъ того не все въ жизни радостно.

— Это правда,—тихо сказала Анна Ѳедоровна:—но тѣмъ болѣе поводовъ для меня о тебѣ думать и за тебя тревожиться.— Еслибы ты была замужемъ, я, конечно, была бы спокойна...

— И объ этомъ, мамá, прошу васъ не думать. Не за кого мнѣ выходить, и не могу я мириться съ мыслью, что съ вами пришлось бы разстаться.

— И я — прежде — неохотно останавливалась на этой мысли... Но съ нѣкотораго времени она все чаще и чаще меня заботитъ. Ты все-таки была бы мнѣ утѣшеніемъ и опорой, хотя и въ разлукѣ со мной, — еслибы я только была увѣрена, что ты счастлива... Ты знаешь, Вѣра, что и теперь, въ одномъ домѣ, у насъ могутъ быть печали, о которыхъ мы другъ съ другомъ не говоримъ... Развѣ это не своего рода разлука?.. И мы ее выносимъ. Мы по крайней мѣрѣ обѣ знаемъ, чтó насъ печалитъ, знаемъ, почему не говоримъ, и тѣмъ не менѣе дѣлимъ печаль, и другъ другу можемъ быть утѣшеніемъ... Если же меня не станетъ,—чтó будетъ тогда?

— Богъ мнѣ сохранитъ васъ, мамà. Вспомните, вѣдь вы сами всегда говорите, что наша судьба—въ Его рукахъ; человѣкъ не долженъ прибавлять къ насущнымъ заботамъ одного дня гадательныя заботы о другихъ дняхъ.

— Я и теперь могу сказать это; но притомъ невольно думаю о такихъ дняхъ. Всякій разъ, когда вижу Суздальцевыхъ, сожалѣю о томъ, что для тебя не нашлось—и здѣсь нѣтъ—другого Суздальцева. Вотъ добрая пара. Они—пара. Они живутъ за-одно и могутъ состарѣться за-одно...

Звукъ бубенчиковъ быстро подъѣхавшей тройки побудилъ Анну Ѳедоровну оглянуться на окно.

— Опять Пичугинъ,—сказала Вѣра.

— Да, да, — отвѣчала Анна Өедоровна.—У него какое-то дѣло къ отцу.

— И вѣрно опять дурное дѣло,—прибавила Вѣра.—Я нѣсколько разъ замѣчала, что папà ему помогаетъ неохотно, но не рѣшается отказать.

Степана Петровича не нашли въ домѣ, и Пичугинъ вошелъ въ кабинетъ Анны Өедоровны...

Поздно вечеромъ, когда Вѣра была одна въ своей комнатѣ, въ ея памяти безпрерывно воспроизводились событія дня, два свиданія съ Василисой, разговоръ съ отцомъ, молчаливый обѣдъ и послѣобѣденная бесѣда съ матерью. Печаль, о которой ни та, ни другая не высказывались, давно томила Вѣру, и въ связи съ тягостнымъ ощущеніемъ этой печали ей припоминались слова ея матери.—„Она мнѣ желаетъ второго Суздальцева",—сказалось въ умѣ Вѣры. „Кто бы могъ быть вторымъ Суздальцевымъ?"—И, какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, само собою сказалось имя Печерина.

Во второй разъ въ этотъ день мысли Вѣры останавливались на Печеринѣ, и вечеромъ остановились на немъ еще упорнѣе, чѣмъ было утромъ. Она стала ближе припоминать всѣ частности недавнихъ съ нимъ встрѣчъ; ей стало казаться, что въ его взглядѣ, даже въ нѣсколькихъ, отрывисто сказанныхъ ей, словахъ, она имѣла поводъ найти признаки особаго къ ней вниманія и какъ бы увѣренности въ согласіи ихъ мнѣній. Вѣра почти машинально раскрыла томъ стихотвореній графа А. К. Толстого и на первой открывшейся страницѣ прочла:

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихорь, страсть ворвалася нежданно,
Съ налета смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убранный...

„Ни суеты, ни тщеславія убраннаго сада я къ себѣ примѣнить не могу, — подумала Вѣра: — но вихорь могъ бы ворваться мнѣ въ душу,—и смять тогда не только мелочи жизни, но и меня, бѣдную!"

Вѣра дочитала стихотвореніе, потомъ закрыла книгу; но мысль о „бурномъ вихрѣ" ее въ тотъ вечеръ не покидала.

VII.

— Что-то неладно въ Васильевскомъ, — сказалъ Печерину заѣхавшій къ нему оттуда Суздальцевъ.—Сербинъ въ Бѣлорѣцкѣ, а Анна Ѳедоровна извинилась нездоровьемъ, и меня не могла принять. Ко мнѣ вышла съ извиненіемъ Вѣра Степановна; она мнѣ показалась сильно разстроенною.

— Я тамъ былъ въ послѣдній разъ на прошлой недѣлѣ,— отвѣчалъ Печеринъ.—Тогда Сербинъ не говорилъ о поѣздкѣ въ Бѣлорѣцкъ, но казался очень не въ духѣ. Впрочемъ они всѣ имѣли какъ-то озабоченный видъ.

— Знаете что,—продолжалъ Суздальцевъ:—не досужно ли вамъ сегодня отобѣдать у насъ? Я съ тѣмъ и заѣхалъ и васъ отвезу, а вы прикажите за вами пріѣхать.

— Охотно,—отвѣчалъ Печеринъ,—сейчасъ распоряжусь.

Печеринъ приказалъ позвать Кондратія, и передъ выѣздомъ въ Липки сказалъ ему въ полголоса нѣсколько словъ, на что Кондратій отвѣчалъ: „понимаю; будетъ исполнено“.

Въ Липки пріѣхалъ къ обѣденному времени и другой гость, губернскій лѣсничій Сокольскій, съ которымъ Суздальцевъ познакомилъ Печерина.

— Съ большимъ удовольствіемъ слышалъ я,—сказалъ Сокольскій,—что Борисъ Алексѣевичъ рѣшительно отклонилъ предложеніе продать свое имѣніе. Тотъ, кто къ нему съ этимъ предложеніемъ являлся, конечно, имѣлъ въ виду уничтожить прекрасный боръ, которому имѣніе обязано своимъ названіемъ.

— Покупщиковъ было нѣсколько,—замѣтилъ Суздальцевъ.

— Да, но я думаю, — продолжалъ Сокольскій, — что двое другихъ только были подосланы главнымъ, который не желалъ выступить первымъ и съ разсчетомъ надбавилъ противъ нихъ цѣну.

— А кто былъ послѣднимъ?—спросилъ Суздальцевъ.

— Нѣкто Болотинъ, изъ Бѣлорѣцка,—отвѣчалъ Печеринъ.— Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ изъ Васильевскаго, на другой день послѣ нашей поѣздки въ Сизую деревню. Я былъ не въ духѣ, довольно сухо его принялъ и наотрѣзъ отказался отъ всякихъ переговоровъ о Черномъ Борѣ.

— О Болотинѣ,—сказалъ Суздальцевъ,—я знаю только то, что онъ по всѣмъ дѣламъ сподручникъ Сербина и Пичугина. Кстати о Пичугинѣ. Онъ продолжаетъ хлопотать о высылкѣ того бѣднаго старика, который былъ ходатаемъ за сосѣднихъ кре-

стьянъ по дѣлу о какой-то, имъ будто принадлежащей, пустоши.

— Вѣроятно, онъ въ этомъ успѣетъ,—сказалъ Сокольскій.— Не знаю подробностей дѣла, но слышалъ, что Пичугинъ его представляетъ въ весьма невыгодномъ видѣ.

Вечеромъ, по возвращеніи изъ Липокъ, Печеринъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ Кондратія.

— Что̀ же ты скажешь мнѣ?—спросилъ Печеринъ.—Видѣлъ Василису и узналъ, въ чемъ дѣло?

— Василису я видѣлъ,—отвѣчалъ Кондратій,—и что̀ она знаетъ, то̀ я узналъ; но и она болѣе догадывается, чѣмъ знаетъ.

— Не случилось ли тамъ что-нибудь?

— Если случилось, то случилось только то, что̀ давно могло бы случиться. Василиса говоритъ, однакоже, что дѣло пока темное. Тамъ есть, какъ вы знаете, приживалка въ домѣ, будто родственница Степану Петровичу; она второе лѣто гоститъ въ Васильевскомъ. Степанъ Петровичъ за нею ухаживаетъ. Всѣ люди о томъ знаютъ, а Степанъ Петровичъ воображаетъ, что не знаютъ, и будто Анна Ѳедоровна не знаетъ. Всѣ люди терпѣть не могутъ этой приживалки. Ее зовутъ Прасковьей Семеновной. Изъ-за нея что-то неладное и вышло.

— Да что же неладное?

— Этого Василиса порядкомъ не знаетъ. Она только сказала мнѣ, что на другой или третій день послѣ того, какъ я былъ у нея, чтобы переговорить о Сизой деревнѣ, въ Васильевское пріѣзжалъ тотъ самый господинъ Болотинъ, который и у васъ былъ, и что когда онъ уѣхалъ, то произошла какая-то ссора между Степаномъ Петровичемъ и Прасковьей Семеновной; а потомъ были какіе-то переговоры между Прасковьею Семеновной и Вѣрой Степановной, и между Вѣрой Степановной и отцомъ; и Прасковья Семеновна уѣхала въ Бѣлорѣцкъ, а дня два спустя и самъ Степанъ Петровичъ туда уѣхалъ. Анна Ѳедоровна и Вѣра Степановна плакали; но почему плакали, Василиса не знаетъ.

— Спасибо,—сказалъ Печеринъ.—Ничего болѣе мнѣ пока не нужно.

На слѣдующій день Печеринъ поѣхалъ въ Васильевское и, остановивъ лошадей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, одинъ дошелъ до него пѣшкомъ и велѣлъ доложить Вѣрѣ Степановнѣ, что онъ ее проситъ принять его на нѣсколько минутъ. Когда Печеринъ вошелъ въ гостиную, онъ уже засталъ тамъ Вѣру. Она молча подала ему руку и, очевидно, ожидала объясненія, почему онъ именно ее желалъ увидѣть.

— Прошу извиненія, если васъ потревожилъ,—сказалъ Печеринъ, — но я слышалъ отъ Суздальцева, что Анна Ѳедоровна больна, и хотѣлъ лично освѣдомиться.

— Благодарю васъ,—отвѣчала Вѣра.—Сегодня мама̀ себя чувствуетъ нѣсколько лучше и желаетъ васъ видѣть. Она только проситъ немного подождать, пока она изъ спальни выйдетъ въ кабинетъ.

— Очень буду радъ. Я уже безпокоился на ея счетъ, когда у васъ былъ въ послѣдній разъ. Она и тогда мнѣ казалась не совсѣмъ здоровою.

— Мама̀ часто страдаетъ сильными головными болями, и вообще ея здоровье въ нынѣшнее лѣто еще болѣе пошатнулось.

— Я и на вашъ счетъ, Вѣра Степановна, позволилъ себѣ нѣсколько тревожиться. Въ прошлый разъ вы были сами или не совсѣмъ здоровы, или чѣмъ-нибудь озабочены.

— Весьма любезно, что вы и обо мнѣ подумали, но я, благодаря Бога, здорова.

— Я слышалъ, что вы теперь однѣ. Степанъ Петровичъ уѣхалъ...

— Да, папа̀ долженъ былъ на короткое время поѣхать въ Бѣлорѣцкъ.

— Надѣюсь, что Аннѣ Ѳедоровнѣ можно будетъ сегодня выйти на воздухъ, на ея балконъ. Погода великолѣпная.

— У мама̀ даже и въ спальнѣ окно отворено.

— Вѣра Степановна!—вдругъ сказалъ Печеринъ:—вспомните нашъ разговоръ у Суздальцевыхъ. Вы тогда со мной соглашались. Согласитесь ли вы сегодня?

Вѣра улыбнулась, но невеселою улыбкой, и спросила:

— Въ чемъ согласиться? Не знаю, тотъ ли разговоръ я припоминаю, о которомъ вы упомянули.

— Рѣчь шла о свѣтскихъ разговорахъ вообще, и вы признавали, что въ нихъ тратится много словъ, чтобы ничего не сказать или не сказать прямо и просто то, о чемъ думается.

— Это я помню.

— Что̀ же дѣлаемъ мы теперь съ вами? Мнѣ кажется, мы ведемъ городской разговоръ. Я вамъ тогда признался, что деревня на меня произвела неожиданное дѣйствіе и сдѣлала какъ бы другимъ человѣкомъ. Теперь я постоянно порываюсь прямо высказывать, что̀ на сердце приходитъ. Сегодня я въ этомъ настроеніи сюда пріѣхалъ или, точнѣе, пришелъ, потому что мнѣ какъ-то непріятно было вкатиться на вашъ дворъ при топотѣ лошадей и стукѣ колесъ. Я встревоженъ на вашъ счетъ и на счетъ вашей матушки. Мнѣ хотѣлось вамъ это сказать и взгля-

нуть на васъ, потому что на вашемъ лицѣ, я увѣренъ, прочту отвѣтъ, который вы, быть можетъ, не дадите на словахъ.

— Искренно благодарю васъ за участіе, — тихо сказала Вѣра, — но я могу отвѣчать и на словахъ. Я увѣрена, что вы не поставите мнѣ вопроса, на который мнѣ не слѣдовало бы давать отвѣта.

— Никакого вопроса я не могу ставить, — продолжалъ Печеринъ. — Я просто хотѣлъ сказать, что я давно вижу, что вы и ваша матушка чѣмъ-то озабочены или опечалены, и что, какъ добрый сосѣдъ, сердечно благодарный за привѣтливое ко мнѣ вниманіе, я себѣ позволяю также быть озабоченнымъ или опечаленнымъ. Быть можетъ, не совсѣмъ ясно или несвязно то, что я говорю, но оно искренно. Ваша матушка себѣ завоевала мое сердце. Вы себѣ представить не можете, какъ я ее почитаю и какъ ей отъ души преданъ. Она — олицетворенная кротость, а это свойство меня всегда трогало и подчиняло. Оно было свойствомъ моей покойной матери.

Вѣра протянула руку Печерину и взволнованнымъ голосомъ сказала:

— Хотя вы и недавно стали нашимъ сосѣдомъ, мамà и мы всѣ успѣли къ вамъ привыкнуть и убѣдиться въ вашихъ добрыхъ къ намъ чувствахъ. Насчетъ мамà вы совершенно правы. Ее нельзя не любить. Ее любятъ всѣ, кто ее знаетъ...

— Вѣра! — послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ Анны Ѳедоровны.

— Мамà зоветъ, — торопливо сказала Вѣра, вставая. — Борисъ Алексѣевичъ, пройдемте въ ея кабинетъ.

Въ это самое время происходило въ Бѣлорѣцкѣ другого рода объясненіе между Степаномъ Петровичемъ Сербинымъ и членомъ губернской земской управы, Антономъ Ивановичемъ Болотинымъ.

— Повѣрьте, — говорилъ Болотинъ, — что для васъ будетъ лучше бросить всѣ такія заботы о Прасковьѣ Семеновнѣ.

— Не въ моихъ привычкахъ бросать то, за что я взялся, — отвѣчалъ Сербинъ. — Но вы чего-то не договариваете или выражаетесь двусмысленно. Скажите прямо: въ чемъ дѣло? Почему неудобно для меня заботиться объ интересахъ бѣдной или почти бѣдной родственницы, которая во мнѣ одномъ имѣетъ опору?

— Не въ васъ одномъ, Степанъ Петровичъ. У нея есть тетка. Быть можетъ, и еще кое-кто найдется. А для васъ, —

если вы требуете, чтобы я безъ обиняковъ высказался, то я выскажусь,—для васъ неудобно это потому, что и помимо этого много ходитъ толковъ о вашихъ отношеніяхъ къ Прасковьѣ Семеновнѣ.

— Какіе толки? Что̀ можно говорить о моихъ къ ней отношеніяхъ?

— Степанъ Петровичъ, вы человѣкъ опытный, бывалый; вы знаете свѣтъ. Неужели вы думаете, что потому только, что вы молчите, и другіе молчатъ?

— Я молчу потому, что нѣтъ ничего, о чемъ можно бы говорить. Если же другіе говорятъ,—то все это злыя басни и сплетни.

— Согласенъ и на то, что басни и сплетни. Онѣ все-таки очень распространены, и ваши недоброжелатели ихъ выдаютъ прямо за истину. Внезапное возвращеніе Прасковьи Семеновны, а затѣмъ и вашъ пріѣздъ—оживили эти толки.

— Мой пріѣздъ? Вы знаете, что я пріѣхалъ по дѣлу Пичугина, по его просьбѣ.

— Да, но оно рѣшено, а вы еще здѣсь и все бываете у Прасковьи Семеновны. Неужели вы воображаете, что этого не подмѣчаютъ?

— Еще бы не бывать. Городъ пустъ, некому подмѣчать, а мнѣ незачѣмъ прятаться.

— Положимъ, что городъ пустъ, но языки въ немъ остались, и чѣмъ менѣе имъ дѣла на другихъ улицахъ, тѣмъ усерднѣе они работаютъ на вашей. Да и предметъ не новый. И преосвященный о немъ знаетъ, и до Москвы давно дошли слухи. Одинъ изъ нашихъ вліятельныхъ пріятелей оттуда уже во второй разъ меня спрашиваетъ, много ли въ нихъ правды. Теперь удобно показать, что толки были пустые. Прасковья Семеновна здѣсь; вы вернетесь въ Васильевское; а тамъ, до осени, успѣютъ заговорить о чемъ-либо другомъ или о комъ-либо другомъ, помимо васъ.

Лицо Сербина нахмурилось. Онъ молчалъ и смотрѣлъ въ растворенное окно.

— Повѣрьте мнѣ, Степанъ Петровичъ, — повторилъ Болотинъ,—бросьте ваши хлопоты за Прасковью Семеновну. Не даромъ была осѣчка на Черномъ Борѣ. Вообще, вы здѣсь не найдете ничего подходящаго; а поиски, о которыхъ сама Прасковья Семеновна проговаривается, и болтливость ея глупой тетки даютъ пищу толкамъ.

— А какая можетъ быть у нея другая опора?—вдругъ спросилъ Сербинъ.

— Развѣ и это для васъ неожиданность? — отвѣчалъ Болотинъ.—Вы съ этою опорою сами встрѣчаетесь у Прасковьи Семеновны.

— Не понимаю васъ. Я ни съ кѣмъ у нея не встрѣчаюсь.

— По крайней мѣрѣ, могли бы встрѣтиться. Припомните, что прошлою зимой вы здѣсь видѣли молодого помѣщика, родственника нашего вице-губернатора. Онъ былъ студентомъ во времена покойнаго профессора, ея мужа, и съ тѣхъ поръ Прасковья Семеновна его знаетъ. Онъ человѣкъ зажиточный, недалекаго ума, тщеславный, податливый, и Прасковья Семеновна, кажется, умѣла его записать въ свои поклонники.

— Подгорѣльскій?—сказалъ Степанъ Петровичъ.—Не можетъ быть. Онъ гораздо моложе ея.

— Такъ что же? Это не мѣшаетъ.—Примѣры бывали. Онъ весною сюда вернулся и до вашего выѣзда въ Васильевское бывалъ у Прасковьи Семеновны.

— Не можетъ быть,—повторилъ Сербинъ.—Она никогда о немъ не упоминаетъ.

— Однако, съ нимъ переписываться можетъ.

— И этому не вѣрю.

— Не вѣрьте, если не хотите вѣрить. Положительно то, что еще недавно она отъ него письмо получила.

— Какъ могли вы узнать о томъ?

— Весьма просто: мы съ нимъ встрѣтились на почтѣ, и письмо было при мнѣ подано.

Степанъ Петровичъ призадумался, сталъ съ явнымъ безпокойствомъ ходить по комнатѣ, потомъ остановился и съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ:

— Впрочемъ я не имѣлъ надобности караулить знакомыхъ Прасковьи Семеновны. Подгорѣльскій могъ и бывать у нея, какъ бывали другіе. До свиданія, Антонъ Ивановичъ. Завтра въ эту же пору зайду къ вамъ, и мы договоримся.

Сербинъ вышелъ. Болотинъ смотрѣлъ вслѣдъ ему и произнесъ вслухъ:

— Знаю, куда вы теперь спѣшите, Степанъ Петровичъ. Вы, человѣкъ стародавнихъ, строгихъ нравовъ, торопитесь допросить вашу любезную Прасковью Семеновну. Вы, человѣкъ правды, только-что помогли Пичугину въ неправомъ дѣлѣ. Вы злоупотребляете моими силами и умѣньемъ, потому что я вашъ должникъ. Еслибы не мои несчастные долги, я бы съ вами давно развязался!..

X. Z.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

По ночамъ вѣтерокъ не коснется чела,
    На балконѣ свѣча не мерцаетъ,
И межъ бѣлыхъ гардинъ темно-синяя мгла
    Тихо первой звѣзды ожидаетъ...

По утрамъ открываю окно и гляжу,
    Распустились ли гроздья сирени;
И безъ дѣла въ поляхъ цѣлый день я брожу,
    Полонъ кроткой, чарующей лѣни...

Словно съ кѣмъ-то живымъ говорю я въ лѣсахъ,
    Непонятной тоской опьяненный.
И въ моихъ одинокихъ, безумныхъ мечтахъ
    Безъ любви—я живу какъ влюбленный...

* * *

Здѣсь, въ темномъ воздухѣ, пропитанномъ смолою
Грибовъ и сырости, и блёклаго листа,
    Сильнѣе запахъ предъ грозою
И нитки паутинъ надъ влажною травою
Окрашены пестрѣй въ блестящіе цвѣта;
Томительнѣй пчелы полдневное жужжанье,
Тяжеле ароматъ отъ липовыхъ цвѣтовъ

И ландышей лѣсныхъ нѣжнѣй благоуханье,
И ярче бѣлизна березовыхъ стволовъ.
Здѣсь все еще полно неясною тревогой...
Но тѣни грозныя надъ нивою скользятъ,
И пыль уже взвилась надъ знойною дорогой,
И скоро подъ дождемъ колосья зашумятъ.

* * *

Ласковый вечеръ съ землею прощался,
Листъ шелохнуться не смѣлъ въ ожиданьи.
Грохотъ телѣги вдали раздавался...
Звѣзды, дрожа, выступали въ молчаньи...

Синее небо глубоко и странно,
Но не смотри ты въ него такъ пытливо,
Но не ищи въ немъ разгадки желанной,—
Синее небо, какъ гробъ, молчаливо...

* * *

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
    Тоску и желанья,
Уснуть—и не видѣть, не думать, не жить,
    Уйти отъ сознанья!..

Но тихо ползутъ безконечной чредой
    Пустыя мгновенья,
И маятникъ мѣрно стучитъ надо мной...
    Ни сна, ни забвенья!..

Д. Мережковскій.

БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

Окончаніе.

VII [1]).

Наиболѣе плодотворнымъ для изученія Бѣлоруссіи было новѣйшее время, послѣ того страннаго періода, о которомъ мы желали дать понятіе въ предыдущихъ главахъ. Наука не имѣетъ мѣста въ воинствующихъ, исполненныхъ нетерпимости и вражды, настроеніяхъ общества, и дѣйствительно, какъ ничтожны были мнимо-научные опыты предшествующаго періода, такъ изобильны были результаты изслѣдованій, задуманныхъ съ непосредственною любовью къ народу и съ господствующимъ стремленіемъ найти историческую истину. Нельзя сказать, правда, чтобы прежнее настроеніе совсѣмъ исчезло, но, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ нимъ твердо обозначилось направленіе чисто научное.

Зачатки этого послѣдняго появляются, впрочемъ, и гораздо ранѣе. Однимъ изъ такихъ зачатковъ было то обращеніе къ первымъ источникамъ западно-русской исторіи, которое мы отмѣтили выше въ трудахъ протоіерея Григоровича. Съ нихъ начинается длинный рядъ изданій древнихъ актовъ по исторіи западной и юго-западной Россіи, которые въ нашей литературѣ давали первую прочную опору для реставраціи дѣйствительнаго историческаго положенія вещей въ этомъ краѣ. Подробное изложеніе археографическихъ трудовъ въ этой области не входитъ въ нашу задачу; мы укажемъ только главные пункты этой дѣятельности, насколько результаты ея важны и въ смыслѣ этнографическомъ.

---

[1]) См. выше: іюнь, стр. 640.

Первымъ послѣ „Архива“ протоіерея Григоровича и „Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи“ (надъ которыми онъ также работалъ въ археографической коммиссіи), было изданіе, предпринятое въ Вильнѣ въ 1843 году [1]). Изданіе сдѣлано по иниціативѣ мѣстнаго губернатора Семенова, трудомъ мѣстныхъ дѣятелей [2]). Грамоты города Вильны, составляющія первую часть собранія, были уже изданы въ концѣ прошлаго столѣтія въ польскомъ собраніи Дубинскаго; но это послѣднее, напечатанное вопреки подлинникамъ въ польской переписи, было, кромѣ того, весьма неисправно; здѣсь, напротивъ, документы напечатаны на языкѣ и алфавитомъ подлинниковъ, и второй томъ изданія представлялъ документы, еще никогда не изданные. Напечатанные памятники относятся ко времени съ конца XIV-го столѣтія до царствованія Анны Іоанновны, и для тогдашней русской критики они представляли новизну по своему этнографическому значенію. „Первый, получаемый отсюда, результатъ, – говоритъ тогдашній критикъ, — состоитъ въ неопровержимой, освобождаемой отъ всякой тѣни сомнѣнія, увѣренности, что языкъ русскій былъ языкъ господствующій въ такъ-называвшейся нѣкогда Литвѣ, даже и въ то время, когда она была соединена уже съ Польшею. Языкъ этотъ является и народнымъ, и государственнымъ, то-есть дѣловымъ, оффиціальнымъ. На немъ совершаются гражданскіе акты, пишутся судебныя опредѣленія, даются велико-княжескія и королевскія грамоты. Правда, въ послѣднемъ случаѣ, языкъ латинскій, въ то время общій дипломатическій языкъ всей Западной Европы, идетъ и здѣсь объ руку съ русскимъ... но языкъ этотъ, вводимый насильственно, отвергался употребленіемъ, такъ что, при распубликованіи, само правительство находилось вынужденнымъ документы латинскіе переводить по-русски“. Упомянувъ о помѣщенномъ въ томъ же собраніи универсалѣ короля Іоанна Казиміра отъ 1667 года, гдѣ предписывается сноситься впредь съ царемъ московскимъ и его боярами на языкѣ не русскомъ, а польскомъ, критикъ замѣчаетъ: „доказательство, съ одной стороны, повсюднаго еще употребленія въ Литвѣ, а съ другой, возникшаго

[1]) „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей, и по разнымъ предметамъ“, и второе заглавіе по-польски: „Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast Wilna, Kowna, Trok, prawosławnych monasterów, cerkwi, i w różnych sprawach“. Вильна, 2 тома.

[2]) Это были бывшій редакторъ „Виленскаго Курьера“, Марциновскій, помощникъ трибунальнаго архиваріуса Нарбутъ, православный священникъ Корсакевичъ, производитель дѣлъ статистическаго комитета Яхимовичъ; кромѣ того, упомянуты, какъ содѣйствовавшіе изданію, одинъ игуменъ, архимандритъ и учитель ковенской гимназіи Леоновъ.

уже со стороны польскаго правительства предубѣжденія противъ старо-древняго, народнаго духа и языка русскаго!" Наконецъ, критикъ еще разъ дѣлаетъ общее заключеніе: „И такъ, кто можетъ теперь еще колебаться и оспаривать, что такъ-называемое Великое Княжество Литовское, всегда и во всѣхъ частяхъ своихъ, даже въ тѣхъ, гдѣ находится сердце собственно Литвы, было русское? При отсутствіи всѣхъ другихъ доказательствъ, достаточно бы было одного этого неумолчно вопіющаго свидѣтельства. Языкъ русскій могъ имѣть такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, какъ при рѣшительномъ перевѣсѣ и преобладаніи народонаселенія русскаго. Это не былъ языкъ мертвый, которому надо было учиться изъ книгъ, какъ, напримѣръ, въ то время языкъ латинскій, или нашъ церковно-славянскій. Это тотъ самый языкъ, который до-нынѣ живетъ въ устахъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, всегда и вездѣ называвшихъ себя русскими, языкъ, который, въ отличіе отъ другихъ вѣтвей своего могучаго корня, носитъ скромное имя „нарѣчія бѣлорусскаго", и теперь въ большей части западныхъ областей имперіи—туземнаго народнаго. Впрочемъ, изданные теперь документы, и кромѣ языка, въ самомъ содержаніи своемъ, представляютъ очевидныя доказательства, что край и народъ, которымъ они принадлежатъ, были русскіе; что они не знали для себя другого имени, какъ имя Руси; что въ нихъ господствовали русскій духъ и русскіе нравы; что, наконецъ, вѣра, главное начало народной и общественной жизни, была въ нихъ, издревле и постоянно, православная русская" [1]).

Подобнымъ образомъ изданы были акты минскаго края [2]), изготовленные временною минскою коммиссіею, въ которой принимали участіе тотъ же А. В. Семеновъ, ректоръ минской семинаріи архимандритъ Геласій, упомянутый прежде археологъ графъ Тышкевичъ и др. [3]).

Наконецъ, начинается обильный рядъ изданій, сдѣланныхъ спеціальными вѣдомствами въ Петербургѣ, Вильнѣ и Кіевѣ. Въ 1850-хъ годахъ, подъ вліяніемъ поднятаго тогда вообще археографическаго вопроса, стали заботиться о приведеніи въ извѣстность стараго архивнаго матеріала въ западномъ и юго-западномъ краѣ и о сосредоточеніи его въ нѣсколькихъ главныхъ цен-

[1]) Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1843, часть II, стр. 269—275.

[2]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Минскъ, 1848.

[3]) Этимъ изданіемъ много воспользовался Шпилевскій въ своемъ путешествіи по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, „Современникъ", 1853, въ описаніи минской губерніи.

трахъ, какъ для оффиціальнаго употребленія (напр., для удостовѣренія шляхетскихъ правъ и т. п.), такъ и для цѣлей исторіографіи [1]). При этихъ вновь образованныхъ архивахъ стали появляться изданія, которыя хотя передавали только малѣйшую часть ихъ содержанія. но, сравнительно съ прежнимъ, открывали первую возможность близкаго ознакомленія съ исторіей и давнимъ бытомъ русскаго запада и юга. Археографическая коммиссія въ Петербургѣ въ 1860-хъ годахъ возобновила дѣло изданія западно-русскихъ актовъ, не продолжавшееся со смерти протоіерея Григоровича, и подъ редакціей Костомарова начали выходить „Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи" [2]). Она же предприняла въ „Русской Исторической Библіотекѣ" важное изданіе памятниковъ старой западно-русской полемической литературы, разсѣянной въ рукописяхъ или въ рѣдкихъ изданіяхъ, мало доступной, но необходимой для изученія XVI-го и XVII-го вѣка южно- и западно-русской исторіи. Областныя археографическія коммиссіи были также весьма дѣятельны. Въ Кіевѣ археографическая коммиссія или „временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ" основана была еще въ 1846 году и издала четыре тома „Памятниковъ", а потомъ, съ конца 50-хъ годовъ, начала издавать „Архивъ юго-западной Россіи", отдѣльными серіями, съ особымъ счетомъ томовъ (акты религіозные, политическіе, о казакахъ, о дворянахъ, о городахъ, о крестьянахъ), причемъ изданіе актовъ сопровождается историческими изслѣдованіями по отдѣльнымъ вопросамъ (таковы весьма важныя изслѣдованія гг. Антоновича, Левицкаго,. и пр.). Первымъ началомъ виленской коммиссіи было то изданіе актовъ, о которомъ мы выше упоминали; послѣ того она бездѣйствовала, или не существовала, и была возобновлена уже въ 1860-хъ годахъ, послѣ польскаго возстанія. Центральный виленскій архивъ древнихъ актовъ основанъ въ 1852 году и въ немъ собраны городскія актовыя книги изъ губерній виленской, минской, гродненской и ковенской съ древнѣй-

---

[1]) Ср. объ этомъ статью виленскаго архиваріуса центральнаго архива, Н. Горбачевскаго: „О центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ губерній: виленской, гродненской, минской и ковенской", въ „Вѣстникѣ Зап. Россіи", 1869, т. II, кн. 5-я, отд. II, стр. 44—54; кн. 6-я, отд. II, стр. 65—86; „Жизнь и дѣятельность Иванишева", А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876; статьи В. Лялина; „Виленскій центральный архивъ", въ „Сборникѣ археологическаго института", Калачова. Спб. 1880, кн. I, отд. I, стр. 22—38; „Витебскій центральный архивъ", тамъ же, кн. III, отд. I, стр. 55—82; „Витебскій архивъ бывшаго генералъ-губернаторства", тамъ же, кн. IV, отд. I, стр. 50- -89. и др.

[2]) До сихъ поръ 13 томовъ.

шихъ временъ и до послѣдняго года XVIII-го столѣтія; изъ этого собранія мѣстная „коммиссія для разбора древнихъ актовъ“ —иначе, виленская археографическая коммиссія—издала съ 1860-хъ годовъ двѣнадцать томовъ актовъ судовъ городскихъ, земскихъ, трибунальныхъ, два тома писцовыхъ книгъ пинскаго староства, и пр. Кромѣ того, особая коммиссія образована была въ Вильнѣ при учебномъ округѣ, собиравшая, независимо отъ археографической коммиссіи, и издавшая „Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси“ (десять томовъ). Укажемъ здѣсь также „Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ“, составленное Ф. Добрянскимъ (Вильна, 1882). Третій центральный архивъ былъ устроенъ въ Витебскѣ, и онъ также издалъ нѣсколько выпусковъ своихъ актовъ [1]). Въ послѣдніе годы выходило здѣсь же замѣчательное изданіе г. Сапунова—„Витебская Старина“ [2]). Составитель собралъ въ этой книгѣ всякаго рода историческіе документы для мѣстной исторіи; въ первомъ томѣ—извѣстія русскихъ и „литовскихъ“ лѣтописей о Витебскѣ; грамоты всякаго рода, относящіяся къ этому краю, изъ печатныхъ и неизданныхъ источниковъ; документы о 1812 годѣ въ Витебскѣ; новѣйшія статистическія свѣденія; списки старыхъ князей, мѣстныхъ іерарховъ православныхъ и уніатскихъ, воеводъ, губернаторовъ и пр.; „лѣтопись“ Витебска изъ прошлаго столѣтія, — все это со множествомъ снимковъ съ рукописей, актовъ, монетъ, печатей, старинныхъ картъ и плановъ, съ изображеніемъ древнѣйшихъ церквей, новою картою витебской губерніи, наконецъ рядомъ любопытныхъ фотографій съ старыхъ портретовъ мѣстныхъ историческихъ дѣятелей. Въ другомъ томѣ помѣщены историческія свѣденія и документы о полоцкомъ воеводствѣ подъ властью царя Ивана Васильевича Грознаго (1563—80) и о полоцкомъ и витебскомъ воеводствахъ подъ властью царя Алексѣя (1654—67); бо̀льшая часть документовъ, здѣсь помѣщенныхъ, до сихъ поръ не были изданы и извлечены изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Все изданіе предположено г. Сапуновымъ въ шести томахъ, гдѣ должны быть собраны историческія свѣ-

[1]) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ редакціею архиваріуса сего архива, Сазонова. Вит. 1871—79, 10 томовъ.

[2]) Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Томъ I. Витебскъ, 1883. Томъ IV, 1885.

денія также о другихъ мѣстностяхъ и отношеніяхъ витебскаго края [1]).

Какъ мы видѣли раньше, изданіе старыхъ памятниковъ становилось иногда въ 1860-хъ годахъ не столько научнымъ дѣломъ, сколько полемическимъ оружіемъ противъ поляковъ. Съ такой цѣлью Говорскій каждую книжку своего журнала начиналъ отдѣломъ старыхъ документовъ, долженствовавшихъ обличать польскія притязанія [2]). Археографическая коммиссія въ Петербургѣ также выступила однажды на путь этой полемики въ одномъ изъ своихъ изданій 1860-хъ годовъ [3]). Она сочла нужнымъ вмѣшаться въ политическій вопросъ, запутанность котораго зависѣла только отъ незнанія историческаго положенія западной Россіи, и документы, собранные въ этомъ изданіи, какъ и вводное изслѣдованіе г. Кояловича, сопровождены были французскимъ переводомъ для европейской публики и дипломатіи. Документы собраны, большей частью, изъ печатныхъ изданій, старыхъ и новыхъ, русскихъ и польскихъ, частью изъ архива уніатскихъ митрополитовъ (въ св. синодѣ) и изъ архива канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора. Въ изслѣдованіи г. Кояловича изложены отношенія западной Руси къ Польшѣ съ древнихъ временъ и до новѣйшихъ событій, и главное удареніе сдѣлано на католической исключительности и шляхетскомъ складѣ польскаго государства, которые не хотѣли признать права русской вѣры и народности; сдѣланы замѣчанія и о томъ, какъ сама Россія, съ XVII-го вѣка и до новѣйшаго времени, способствовала иногда—неправильнымъ пониманіемъ вещей—полонизаціи западнаго края; но многое оста-

1) Къ сожалѣнію, есть недостатки въ редакціи этого изданія. Въ такой массѣ разнородныхъ подробностей, какую представляетъ „Вит. Старина", чрезвычайно важенъ строгій и *ясный* планъ ихъ размѣщенія, а этого нѣтъ; напр., замѣтки о документахъ или сообщаются рядомъ, при текстѣ, или отнесены въ „примѣчанія"—въ *нѣсколькихъ* мѣстахъ книги, такъ что читателю не легко оріентироваться; а во второмъ томѣ самое оглавленіе не соотвѣтствуетъ порядку текста; снимки сдѣланы иногда на маленькихъ вклеенныхъ листкахъ, и надо разыскивать, къ какому мѣсту текста они относятся, и т. п. Всего этого не трудно было бы избѣжать.

2) Потомъ они были соединены въ двухъ сборничкахъ: „Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской народности къ русской вѣрѣ и народности". 2 выпуска. Вильна, 1867.

3) Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ.—Documents servant à éclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne. Спб. 1865. 4°. CCIII и 658 стр.; латинскіе, русскіе и польскіе тексты съ французскимъ переводомъ en regard; копіи двухъ картъ Лелевеля и этнографическая карта западнаго края.

лось недоговореннымъ, и спорные пункты не были сполна устранены историческимъ объясненіемъ [1]).

Въ категоріи археографическихъ изданій должно упомянуть, наконецъ, роскошное изданіе, исполненное г. Батюшковымъ: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія". Начатое въ 1868 году, оно дошло въ 1885 до восьми выпусковъ. Изданіе это внушено было также полемическими цѣлями и вмѣстѣ неизвѣстностью предмета въ русской литературѣ и въ обществѣ. „До послѣднихъ смутъ въ Польшѣ, отразившихся волненіемъ и въ западныхъ губерніяхъ имперіи,—говорится въ предисловіи къ первому выпуску,—русское общество было *мало знакомо* съ минувшимъ и дѣйствительнымъ положеніемъ этого края. Изданныя о немъ до того времени свѣдѣнія были крайне неполны или невѣрны. Когда польскіе писатели, *преднамѣренно* искажая факты, представляли положеніе нашихъ западныхъ губерній въ ложномъ свѣтѣ, столь выгодномъ для осуществленія завѣтныхъ польскихъ мечтаній, а иностранные публицисты вторили ихъ неправдѣ, мы, русскіе, должны были нерѣдко *безмолвствовать*, потому что были *не довольно знакомы* съ нашимъ роднымъ достояніемъ и, слѣдовательно, не могли съ надлежащимъ авторитетомъ опровергать ложь. Отъ *незнанія* нами фактовъ и произошла та громадная сила польской интриги, которая едва не успѣла увѣрить не только иностранцевъ, но, къ сожалѣнію, и многихъ русскихъ, преданныхъ своей родинѣ, что единственное право наше на западныя окраины имперіи основано только на одномъ завоеваніи, тогда какъ оно истекаетъ изъ присущихъ всему западному краю основныхъ русскихъ началъ и изъ самаго склада исторической жизни Россіи".

Это—та же точка зрѣнія, съ которой мы уже встрѣчались; но собственныя слова предисловія о маломъ знакомствѣ нашемъ съ западнымъ краемъ (которое не подлежало никакому сомнѣнію) могутъ указать, что въ польскихъ понятіяхъ о предметѣ могло иногда вовсе не быть „преднамѣренной лжи" и „интриги", а совершенно искренняя увѣренность въ правахъ польской народности въ этомъ краѣ: польское государство, языкъ, обычай, наконецъ католичество или унія нѣсколько вѣковъ имѣли здѣсь преобладающее значеніе, и если мы сами „безмолвствовали", то поля-

[1]) Впослѣдствіи петербургская археографическая коммиссія сдѣлала еще обширное, относящееся къ этому вопросу, изданіе: „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. Соединеніе великаго княжества литовскаго съ королевствомъ польскимъ". Спб, 1869. 4°. Ср. ст. Кояловича: „Трехсотлѣтняя годовщина Люблинской уніи", въ Журн. мин. нар. просв. 1869, кн. 6, II, стр. 379—392.

камъ оставалось спокойно утверждаться въ своемъ мнѣніи, хотя бы оно было ошибочно. Мы указывали выше, какъ поздно стало обнаруживаться истинное положеніе вещей, и обличенія „польской интриги“ имѣютъ видъ поздняго мщенія за собственную незаботливость и забвеніе о западно-русской окраинѣ. Исторически было бы неточно сказать, что всему западному краю присущи были „основныя русскія начáла“ (разумѣя тѣ, какія развились въ Великой Россіи со временъ московскаго царства), потому что въ дѣйствительности историческая жизнь западной Руси, съ литовскаго завоеванія въ XIV вѣкѣ и до раздѣловъ въ концѣ XVIII вѣка, шла отдѣльно и иначе, чѣмъ въ Руси восточной. Старымъ основнымъ началомъ оставалось православіе; но внутренній политическій бытъ складывался иначе, и развившееся въ великорусскомъ племени самодержавіе вошло здѣсь въ силу только съ постепеннымъ присоединеніемъ южныхъ и западныхъ земель къ Россіи въ позднѣйшее время; русское образованіе, литература, нравы долго и по присоединеніи оставались западному краю мало знакомы.

Далѣе, указавъ, что съ 1863 года въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ правительствомъ и частными лицами, было возстановлено въ истинномъ свѣтѣ уже не мало фактовъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, историческомъ и религіозномъ, предисловіе продолжаетъ: „Но памятники западной русской старины еще донынѣ мало извѣстны публикѣ. Съ ними, между тѣмъ, связано много народныхъ преданій и легендъ, помогающихъ уясненію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ; они служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ той непреложной истины, что пространство, занимаемое нынѣ западными губерніями, составляетъ древнее достояніе Россіи и что господствовавшая тамъ вѣра, съ самаго введенія христіанства, была православная. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ относятся еще къ до-христіанской въ Россіи эпохѣ, иные — къ княженію равноапостольнаго Владиміра и удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, иные же—къ мрачнымъ временамъ борьбы мѣстнаго православія съ пришлымъ латинствомъ, при насильственномъ введеніи поляками и іезуитами религіозной уніи и польскихъ обычаевъ въ странѣ искони русской и православной“.

Чтобы ознакомить публику съ остатками этихъ древностей, т. с. Батюшковъ съ высочайшаго соизволенія, при осмотрѣ, въ 1862 году, православныхъ церквей западнаго края, поручилъ художнику московской оружейной палаты, Струкову, снять вѣрныя изображенія древностей, встрѣчавшихся на пути по бѣлорусскимъ и юго-западнымъ губерніямъ, а также по холмскому уѣзду люб-

линской губерніи. Для дальнѣйшаго исполненія технической части предпринятаго труда, высочайше повелѣно было пригласить академика Солнцева, съ цѣлью провѣрки и окончательной отдѣлки рисунковъ, которые, вмѣстѣ съ историческими и археологическими матеріалами, должны были войти въ составъ предположеннаго изданія. На первый разъ изданіе должно было ограничиться четырьмя губерніями: витебской, могилевской, волынской и подольской; впослѣдствіи, какъ увидимъ, оно перешло эти предѣлы.

Въ первый годъ (1868) вышло четыре выпуска этого изданія. Это были небольшіе атласы (f⁰), гдѣ заключались планы изображаемыхъ городовъ, рисунки развалинъ, остатковъ старыхъ фресокъ и надписей и нынѣшняго вида реставрированныхъ церквей; къ рисункамъ присоединены были только самыя краткія историческія объясненія. Выпускъ первый посвященъ Владиміру-Волынскому и селу Зимнѣ (близъ этого города) съ церковью, построенною, по преданію, Владиміромъ Святымъ; второй выпускъ — городу Луцку. Въ третьемъ выпускѣ помѣщены историческій очеркъ города Острога, планъ его, родословная князей Острожскихъ, виды развалинъ и современныхъ церквей. Въ четвертомъ выпускѣ — историческій очеркъ города Овруча, планъ его, рисунки развалинъ древнихъ церквей и проекты ихъ возобновленія, рисунки „могилы Олега“ (овручскаго) и „Ольгиныхъ бань“ — среди каменнаго ложа рѣки Уша.

Съ выпуска пятаго составъ изданія измѣнился. Выпуски 5-й и 6-й (1870—74) представляютъ, кромѣ альбома рисунковъ, обширный текстъ въ двухъ квартантахъ, а именно замѣчательный „Очеркъ исторіи города Вильны“, В. Г. Васильевскаго, и приложенія. Это — цѣлый, внимательно исполненный трактатъ и въ нашей литературѣ едва ли не первый образчикъ детальной мѣстной исторіи изъ западнаго края. Понятно, что исторія города связана здѣсь съ цѣлой политической исторіей „литовской Руси“ и съ древнѣйшихъ временъ города доведена до эпохи послѣднихъ раздѣловъ. Въ приложеніяхъ къ 6-му выпуску, въ числѣ (на этотъ разъ гораздо болѣе подробныхъ) объясненій къ рисункамъ и снимкамъ, помѣщены „Матеріалы для западно-русской старопечати“ (вѣроятно, для ея *исторіи*), съ описаніемъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ изданій, и затѣмъ „Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русской старопечати церковно-славянскаго шрифта“.

Шестымъ выпускомъ изданіе должно было окончиться; но въ предисловіи сказано было, что „издатель, которому высочайшею волею ввѣрено веденіе этого дѣла, считаетъ своею нравственною обязанностью заявить, что, не взирая на всѣ его старанія, ему

не удалось придать общей законченности труду"; нѣкоторые отдѣлы православной западно-русской археологіи были только-что начаты; изображенія многихъ памятниковъ древности должны были быть отложены за недостаткомъ мѣста и т. п. Въ послѣдній выпускъ вмѣщено было что можно, и дѣйствительно, планъ остался невыполненнымъ, и въ цѣломъ „памятники русской старины въ западно-русскомъ краѣ" представлялись слишкомъ скудными, хотя несомнѣнно и въ этомъ видѣ изданіе было весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу небогатую историческую литературу о западной Россіи...

Въ томъ же предисловіи указано другое обстоятельство. Замѣтимъ предварительно, что къ тексту выпуска 5-го поставлены эпиграфомъ слова германскаго канцлера Бисмарка, обращенныя на германскомъ рейхстагѣ къ польскимъ депутатамъ, 20-го марта (1-го апрѣля) 1873 года [1]); кромѣ того, весь альбомъ 5-го выпуска и половина альбома въ 6-мъ выпускѣ (рисунки въ краскахъ) исполнены были въ Германіи. „Эта связь настоящаго изданія съ Германіей, — говоритъ предисловіе, — ...завершилась рескриптомъ Его Величества Императора Германскаго на имя издателя и письмомъ къ издателю же имперскаго канцлера князя Бисмарка", изреченіе котораго, какъ мы сказали, взято было эпиграфомъ къ русскому изданію. „Это послѣднее обстоятельство, а равно пребываніе князя Бисмарка, въ апрѣлѣ 1873 года, въ Петербургѣ, побудили издателя поднести его свѣтлости пятый выпускъ „Памятниковъ", вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ объяснялись задачи изданія"... Приведши тексты рескрипта и писемъ, предисловіе продолжаетъ: „Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, какъ въ рескриптѣ Его Величества Императора Германскаго, такъ и въ письмѣ князя Бисмарка, знакомаго съ русскимъ языкомъ, что въ обоихъ этихъ документахъ одобряется ученое достоинство изданія, сопровождаемое наглядными художественными изображеніями. Такое же одобреніе и желаніе видѣть этотъ трудъ „продолжающимся" выражается во многихъ письмахъ, полученныхъ издателемъ отъ нашихъ государственныхъ лицъ и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ".

Это настояніе, какое дѣлается въ предисловіи, на символической связи русскаго дѣла съ Германіей, не кажется намъ ни

[1]) Это были слѣдующія слова: „die Bevölkerung theilt nicht die Fiction, die sie machen, dass die polnische Herrschaft gut gewesen wäre; ich kann mit voller Gewissheit versichern: sie war ganz herzlich schlecht und darum wird sie nie wiederkommen".

необходимымъ, ни, по существу, вѣрнымъ. Что старое правленіе польское было дурно, объ этомъ нечего узнавать отъ князя Бисмарка; это давно признали сами разумнѣйшіе поляки—тогда еще, когда у нихъ было свое обширное государство; къ этому выводу приходили давно и русскіе историки, даже самые обыкновенные. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ не было никакого открытія, а кромѣ того, съ русской стороны едва ли умѣстно искать опоръ своему внутреннему дѣлу въ политикѣ другого государства, съ которымъ въ данномъ случаѣ солидарность была бы вовсе не желательна. Намъ странно грозить Польшѣ (или польскому элементу въ западномъ краѣ) прусскими словами; наше и нѣмецкое отношеніе къ Польшѣ различны или, по крайней мѣрѣ, должны бы быть различны. Въ той „національной" политикѣ,—которая даетъ въ послѣднія десятилѣтія столько извращенныхъ явленій, — государственное значеніе одной національности предполагается требующимъ истребленія всѣхъ иныхъ племенныхъ элементовъ, и Пруссія дѣйствительно ставитъ задачу полной германизаціи прусской Польши. Задача политическая сходится тамъ съ племенной нетерпимостью, а вмѣстѣ и съ культурнымъ превосходствомъ нѣмцевъ надъ поляками; но эти условія не совсѣмъ повторяются у насъ, и въ особенности то обстоятельство, что поляки, сколь мы къ нимъ ни враждебны, принадлежатъ къ тому славянскому племени, въ которомъ для насъ предполагается возвышенная „миссія". Наша враждебная нетерпимость къ Польшѣ не можетъ не отражаться, и въ дѣйствительности отражается, вреднымъ образомъ на нашихъ между-славянскихъ отношеніяхъ вообще. Въ концѣ концовъ, для нашей національной „миссіи", если только она существуетъ въ томъ видѣ, какъ у насъ ее постоянно изображаютъ, точка зрѣнія князя Бисмарка вовсе не полезна: польскій вопросъ долженъ представляться намъ нѣсколько иначе.

Но изданіе памятниковъ не остановилось, однако, на 6-мъ выпускѣ. Правда, черезъ очень длинный промежутокъ времени, вышли въ 1885 году еще два выпуска альбома и объяснительный текстъ въ двухъ томахъ [1]). Какъ первые выпуски состояли главнымъ образомъ изъ рисунковъ съ краткими объясненіями, такъ въ послѣднихъ главную роль играетъ текстъ. Холмская Русь, исторіи и описанію которой посвящены два послѣдніе вы-

[1]) Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпуски седьмой и восьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885. Больш. 8°, 432 и 567 стр.

пуска „Памятниковъ“, составляла одинъ изъ наиболѣе забытыхъ и наименѣе извѣстныхъ уголковъ юго-западной Руси, и настоящее изданіе представляетъ много любопытныхъ историческихъ данныхъ, освѣщающихъ исторію этого края. Впрочемъ, Холмская Русь не была единственной темой этихъ выпусковъ; напротивъ, здѣсь много статей, гораздо больше относящихся къ общимъ историческимъ вопросамъ западной Руси. Такъ, кромѣ статей о самомъ городѣ Холмѣ, старыхъ монастыряхъ и церквахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ холмскаго края, мы находимъ здѣсь, напримѣръ, статьи: „Греко-уніаты въ царствѣ польскомъ (1864—1866) и князь Черкасскій“; „Холмско-подлясскіе православные монастыри“ (Н. И. Петрова) „Сплетскій архіепископъ Маркъ-Антоній Господнѣчичъ и его значеніе въ южно-русской полемической литературѣ XVII-го вѣка“ (его-же); „Нѣсколько словъ о старинной картѣ царствъ галицкаго и владимірскаго“ (Я. Головацкаго); „Монастыри въ юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь“ (его-же); въ восьмомъ выпускѣ: „О границахъ польской короны и великаго княжества литовско-русскаго“ (С. Шолковича); „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ (И. Малышевскаго); „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ“ (А. Лонгинова); „Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ“, и пр. (Н. Петрова); „Кириллъ Терлецкій“ и „Ипатій Потѣй“ (Ор. Левицкаго); „Уніатскій лже-мученикъ Іосафатъ Кунцевичъ“ (Н. Петрова); „Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси“ (Н. Страшкевича), и т. д.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году вышла третья книга, посвященная тому же предмету [1]). Предисловіе объясняетъ, что мысль объ этой книгѣ возникла вслѣдствіе появленія VII—VIII выпуска „Памятниковъ“, что цѣль ея—широкое распространеніе вѣрныхъ историческихъ свѣденій о русскихъ мѣстностяхъ привислянскаго края, что она предназначается въ пособіе преподавателямъ въ школахъ и вообще лицамъ, близко стоящимъ къ народу въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Книга составлена профессоромъ кіевской духовной академіи Петровымъ, при содѣйствіи проф. Малышевскаго, и представляетъ обстоятельный сводъ историческихъ свѣденій о судьбѣ края съ древности и до настоящаго времени, въ связи съ общей исторіей западной и юго-западной Руси; новѣйшія событія въ этомъ краѣ, гдѣ до послѣдняго

¹) Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями, 45 гравюрами и картой Володиміро-Галицкой земли. Спб. 1887 XVI, 216 и 62 стр.

времени совершались прискорбныя религіозныя столкновенія, изложены съ ихъ оффиціальной стороны [1]).

Обращаемся къ трудамъ чисто-этнографическимъ. По времени, однимъ изъ первыхъ было здѣсь изданіе г. Безсонова [2]), ограничившееся, къ сожалѣнію, однимъ первымъ выпускомъ первой части. Г. Безсоновъ уже давно началъ интересоваться и заниматься бѣлорусской народной поэзіей; въ 1860-хъ годахъ онъ самъ одно время находился на службѣ въ западномъ краѣ, именно въ Вильнѣ, гдѣ между прочимъ принималъ участіе въ упомянутомъ выше „преобразованіи" виленскаго музея,—но остался тамъ не долго. Повидимому, онъ успѣлъ хорошо присмотрѣться къ порядку вещей, господствовавшему въ краѣ, и хотя вращался тамъ въ кругѣ дѣятелей, не отличавшихся спокойствіемъ и безпристрастіемъ, но въ его позднѣйшихъ сужденіяхъ о тамошнемъ положеніи вещей разсѣяно не мало правдивыхъ признаній. Само собою разумѣется, что онъ явился въ Вильну служить „русскому дѣлу", но при всей своеобразности его народническихъ взглядовъ, при всей исключительности его теорій и ученыхъ мнѣній

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ" 1887, май, стр. 551—561, помѣщена статья, заключающая обозрѣніе трудовъ и общественной дѣятельности П. Н. Батюшкова, гдѣ въ особенности подробно изложены его административные и научно-издательскіе труды по западному краю съ 1860-хъ годовъ. Обращая читателя къ этой интересной статьѣ, замѣтимъ только, что намъ не совсѣмъ понятна здѣсь характеристика извѣстнаго генерала Потапова, нѣкоторое время управлявшаго западнымъ краемъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Статья замѣчаетъ, что когда П. Н. Батюшковъ назначенъ былъ въ Вильну попечителемъ учебнаго округа, въ краѣ „царило *анти-русское* направленіе Потапова",—а самъ г. Батюшковъ характеризуется какъ „русская сила"... Мы не имѣемъ еще сколько-нибудь обстоятельной исторіи новѣйшаго управленія западнымъ краемъ, и упомянутая характеристика генерала Потапова нуждалась бы въ болѣе точномъ объясненіи: генералъ Потаповъ былъ человѣкъ совершенно русскаго происхожденія, занималъ передъ назначеніемъ въ Вильну весьма довѣренный постъ по управленію III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи и, покинувъ Вильну, сохранилъ довѣріе высшей власти, которая едва ли могла поощрять „анти-русское направленіе"; и раньше высшая власть, конечно, знала направленіе генерала Потапова. Въ самой статьѣ упоминается, что г. Батюшковъ былъ даже „приглашенъ на постъ попечителя самимъ Потаповымъ"; правда, статья объясняетъ это какъ „обоюдное недоразумѣніе",—между ними дѣйствительно произошли потомъ несогласія,—но при первомъ приглашеніи генералъ Потаповъ вѣроятно имѣлъ все-таки понятіе о характерѣ приглашаемаго лица? Словомъ, это время ждетъ еще историческихъ подробностей.

[2]) „Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. Издалъ Петръ Безсоновъ, издержками Общества Любителей Россійской Словесности". Часть I, выпускъ I. Москва, 1871. LXXXI, III стр. опечатокъ и 176 стр. въ два столбца.

(нерѣдко абсолютно несостоятельныхъ), онъ все-таки такъ много занимался стариной и народно-поэтическимъ творчествомъ, что ему были понятны тѣ многоразличныя развѣтвленія, на которыя раздѣлялась народная жизнь въ ея вѣковой исторической судьбѣ, и ему казались оправданными исторически тѣ мѣстныя особенности, на которыя распадался русскій народъ. Онъ готовъ былъ видѣть народную жизнь въ широкомъ разнообразіи ея проявленій и не думалъ, что онѣ вправѣ существовать только по одному канцелярскому и консисторскому шаблону. Тогдашнее положеніе русскаго дѣла въ западномъ краѣ не казалось ему правильнымъ, именно по недостатку вниманія къ народно-историческому характеру западной Руси или по совершенному равнодушію и прямому нежеланію понять этотъ край.

„Край, политически и государственно, сдѣлался совершенно русскимъ, — говорилъ г. Безсоновъ, — и въ семъ-то отношеніи политическомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не престаетъ оставаться и обѣщаетъ долго еще оставаться *больнымъ мѣстомъ* Россіи... Всякій, бывавшій и живавшій въ краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержанномъ политически покоѣ, и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувствуются ежеминутно и на каждомъ шагу какое-то безпокойство, тревога, зыблемость; при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равновѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому вопросу, который изъ всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться. — „Сепаратизмъ“ во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется только въ политическомъ отношеніи; не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, исповѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ, кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея, и самъ собою вырабатывается перевѣсъ тому, кому судила господство и значала мѣстная исторія; успѣхъ и подъемъ бѣлорусскій, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время, успѣхомъ русскимъ, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что вовсе не мѣстное, а впрочемъ, и не настолько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравновѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого-либо не-политическаго элемента, непослѣдовательность системы и скудость плодотворной организаціи, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ, толчется въ од-

ной сумятицѣ, ибо стихіи все же остаются на дѣлѣ разнородны — такія явленія, говоримъ, хотя бы не политическія, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ... Послѣдствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе бѣлорусскую, какъ чуждую всякаго рода ловкости и уловки. Такъ сказать, некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а невооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда на-сторожѣ, всегда чего-то боится, что-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосязаемымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ и страдаетъ весьма реально. Благосостояніе для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки евреевъ... Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо, разумѣется, сохнетъ, портится, вывѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается, но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечему жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды. Государство не въ силахъ сдѣлать всего"... [1]).

Въ этомъ темномъ, дурно написанномъ изложеніи высказано весьма вѣрное пониманіе порядка вещей въ западномъ краѣ. Составитель сборника вынесъ изъ своего опыта вообще довольно безотрадный взглядъ на положеніе бѣлорусскаго народнаго дѣла. „Не льстимъ себя, какъ прежде, — говоритъ онъ по поводу своего труда, — какими-нибудь практическими послѣдствіями вблизи: для государственной и общественной практики, для историческихъ рѣшеній, для науки и образованія, для воспитанія пріемовъ и способовъ людей управляющихъ или изучающихъ, для ознакомленія ихъ съ бѣлорусскимъ міромъ, для умѣнья жить съ народомъ и дѣйствовать ему на пользу, даже для пользъ самой народности. Всѣ эти былыя мечты разбились о дѣйствительность, которая очевидно вовсе ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается и ничего не признаетъ въ этомъ родѣ"... [2]). Самъ

---

[1]) Бѣлор. Пѣсни, стр. VIII—IX.
[2]) Стр. LVIII.

авторъ, однако, думалъ, что это вниманіе къ народной жизни было бы именно необходимо, такъ какъ, если мы желаемъ поднятія русской народности въ западномъ краѣ, то оно здравымъ и прочнымъ образомъ можетъ совершиться только на почвѣ *мѣстной жизни*, съ привлеченіемъ ея собственныхъ стихій и съ возбужденіемъ *ихъ* дѣятельности. Г. Безсоновъ не считалъ возможнымъ, чтобы могла развиться литература на бѣлорусскомъ языкѣ,— она не создалась тогда, когда это было возможно, въ прежніе вѣка западно-русской жизни, а теперь время для этого прошло, и враги „сепаратизма" могутъ успокоиться. Была мѣстная литература *польская*, но она питалась чужими соками; собственно бѣлорусской литературы особой нѣтъ и не можетъ быть; но мѣстная стихія все-таки существуетъ. Если бѣлорусскій крестьянинъ возьмется за перо, онъ будетъ писать уже по-русски, но нужно, чтобы онъ сохранилъ сознательный интересъ къ своему; литература наносная, лишенная этой мѣстной стихіи, не оплодотворитъ народной жизни... „Если *готовая* литература принесется въ край сверху или со стороны, она не вызоветъ и не оплодотворитъ литературной дѣятельности мѣстной изъ среды такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, которые въ языкѣ своемъ, вкусѣ, понятіяхъ, выраженіяхъ и пріемахъ, воспитались и выросли на преданіяхъ былой письменности мѣстной; примѣровъ такихъ, чтобы мѣстные уроженцы литературы продолжали дѣйствовать на мѣстѣ и въ мѣстныхъ интересахъ, пока нѣтъ еще, по крайности, видныхъ и крупныхъ; возможенъ еще возвратъ ихъ къ литературѣ польской, а пожалуй, и къ новой нѣмецкой (?). Хотя бы заносная литература именовала себя „русской", хотя бы стремилась поддѣлываться подъ „бѣлорусскую"... она останется для мѣстной жизни всегда чуждою маскою, и, по меньшей мѣрѣ, *великорусскою*, можетъ быть *московскою*, какъ нѣкогда и звали ее, отчасти и зовутъ понынѣ... Это будетъ принесенная книга, листъ, бумага, бланка, не жизнедѣятельность. Крестьянству подавно она будетъ чужда, какъ съ перваго раза и непонятна; она не подыметъ его къ дѣятельности обновленной, дальнѣйшей, лучшей. Натурализація, извѣстная въ политическомъ смыслѣ, здѣсь немыслима. А между тѣмъ, дѣйствительная натура, природное устное творчество, пострадаетъ. Необходимо, чтобы русская литература возникала здѣсь же, на мѣстныхъ началахъ, мѣстными побужденіями, интересами, образами, силами мѣстныхъ уроженцевъ и дѣятелей, изъ жизни мѣстной, единственно основной и живой,—а такова только жизнь народная; чтобы первое слово русской литературы началось здѣсь съ послѣдняго слова бѣло-

русскаго, вылетѣвшаго изъ устъ, раздавшагося въ слухѣ; чтобы это послѣднее слово, гранича съ самымъ первымъ литературнымъ, принадлежало мѣстному нарѣчію и народному пѣснотворчеству. Воспитаніе въ семъ направленіи для крестьянства, шагомъ выше обученія въ народномъ училищѣ, для другихъ классовъ — внѣ крестьянства — школа и наука, библіотеки и музеи, общества, учрежденія и центры литературные, научные, художественные, урокъ, примѣръ, образецъ образованности, и все въ томъ же единомъ направленіи; вотъ что̀ необходимо, ибо единственно можетъ быть плодотворно. Тогда явится мѣстный поэтъ, писатель, ученый, художникъ для края и всей Россіи (авторъ приводитъ въ примѣръ Гоголя—малорусса—въ русской литературѣ, Мицкевича—бѣлорусса—въ польской). А тѣ, кои судьбою исторической и политической берутъ на себя этотъ вызовъ перваго слова, воспитаніе, училище, школу для края, для Бѣлоруссіи, и съ тѣмъ для всей Россіи: понятно, какова должна быть ихъ собственная литература, если она не хочетъ быть чужою и заносною, если хочетъ мѣстнаго примѣненія и оплодотворенія. Она прежде всего сама и на себѣ самой должна показать примѣръ; ей нельзя безнаказанно отвращаться отъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ интересовъ, современныхъ и историческихъ; нельзя же ей не знать мѣстной устной рѣчи или вѣковаго развитія рѣчи мѣстной письменной; творить безъ матеріала, изъ ничего, едва ли выгодно и привлекательно, а въ творчествѣ никакомъ, даже государственномъ, не обойтись безъ творчества народнаго"... [1]).

Не будемъ передавать дальнѣйшихъ разсужденій г. Безсонова объ исторіи бѣлорусскаго народнаго творчества и языка, разсужденій, слишкомъ часто изложенныхъ въ его обычной, многословной иногда до невразумительности манерѣ и не безъ обычныхъ странностей (въ родѣ сближенія русскаго сказочнаго *Ивана* съ ѳракійскимъ *Эваномъ*), но выписанныя выше слова любопытны, какъ противовѣсъ общераспространеннымъ тогда толкамъ объ обрусеніи западнаго края. Въ самомъ дѣлѣ, странно было читать въ то время, даже въ изданіяхъ людей, которые сами себя считали и другими считались за патентованныхъ знатоковъ, защитниковъ и печальниковъ русской народности, что мы должны предпринять *обрусеніе—русскаго* края, того края, который тѣми же самыми людьми выставлялся, противъ польскихъ притязаній, за чистѣйшій русскій, со всѣми „давними основами русской народности", а вслѣдъ затѣмъ оказывался столь не-русскимъ и столь попорчен-

---

[1]) Стр. LXIX—LXXI.

нымъ, что надо было его выправить и по настоящему обрусить,— для чего, какъ мы упоминали, публицисты совѣтовали даже отправить въ западный край русскихъ (т.-е. собственно московскихъ, потому что лишь московское выдавалось за настоящее русское) нянекъ. Г. Безсоновъ вступился за мѣстную народность, которая составляетъ историческій оттѣнокъ цѣлаго племени, которая въ прежніе вѣка независимо отъ *московской* народности выносила тяжелую борьбу за обще-русское дѣло, оказала ему несомнѣнныя услуги, потомъ, уже въ предѣлахъ русскаго государства, долго была забыта и оставлена безъ призора—и теперь имѣла право на нѣкоторое вниманіе. Взглядъ г. Безсонова, въ этомъ случаѣ, былъ совершенно справедливъ, но вслѣдствіе всего положенія вещей слова его остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Занятія г. Безсонова бѣлорусской народной поэзіей, какъ мы сказали, начались задолго раньше поѣздки въ западный край. Первый примѣръ въ нашей литературѣ интереса къ западно-русской народности онъ указываетъ у Калайдовича, который со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Въ 30-хъ годахъ Бѣлоруссію посѣтилъ П. В. Кирѣевскій, уже занятый тогда собираніемъ русскихъ пѣсенъ, по словамъ г. Безсонова, „отчасти затронутый частнымъ примѣромъ Калайдовича, отчасти возбужденный подвигомъ Ходаковскаго“ [1]). Самъ онъ не сдѣлалъ тамъ собственнаго сборника, но, по крайней мѣрѣ, вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставали ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами, потому что это были лица польскаго происхожденія. Надъ этимъ первоначальнымъ сборникомъ предстояло еще много работы:—надо было переписать пѣсни русскимъ письмомъ, а для избѣжанія ошибокъ изучить живой языкъ и народный бытъ; дѣло подъ руководствомъ Кирѣевскаго исполнялъ г. Безсоновъ, который, заинтересовавшись имъ, началъ самъ дополнять собраніе и, между прочимъ, отыскалъ нѣсколько народныхъ бѣлорусскихъ рукописей, особливо одну XVII-го вѣка, съ нотами [2]). По смерти Кирѣевскаго, г. Безсоновъ занялся изданіемъ его собранія великорусскихъ пѣсенъ и „Калѣкъ Перехожихъ“, и въ послѣднюю книгу вошло уже много бѣлорусскихъ духовныхъ стиховъ [3]). Въ концѣ 1863 г., г. Безсоновъ предло-

[1]) Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIV.

[2]) Нѣсколько образчиковъ изъ нея сообщено въ „Исторической Христоматіи“ г. Буслаева, М. 1861. стр. 1623—1624.

[3]) Кирѣевскимъ собрано ихъ было мало, и какія были, почти всѣ, по указанію г. Безсонова, вошли въ первый опытъ печатанія пѣсенъ, сдѣланный Кирѣевскимъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Ист. и Др., 1848.

жилъ московскому Обществу любителей росс. словесности для изданія свой бѣлорусскій сборникъ, заключавшій уже до 500 пѣсенъ, чисто народныхъ, устныхъ, кромѣ дополненій изъ старыхъ рукописей [1]). Общество приняло это предложеніе, но затѣмъ г. Безсоновъ, въ концѣ 1864 или въ началѣ 1865, отправился на службу въ западный край, гдѣ пробылъ до конца 1866 г. Здѣсь ближайшее знакомство съ мѣстной стариной, народнымъ бытомъ и мѣстными (въ большой долѣ польскими) изслѣдованіями доставило ему тотъ взглядъ на положеніе бѣлорусской народности, какой мы выше излагали, и во время пребыванія въ краѣ, собраніе пѣсенъ, трудами какъ самого собирателя, такъ и нѣсколькихъ его друзей и сотрудниковъ, „возрасло до громадныхъ размѣровъ“ [2]).

Изданіе г. Безсонова ограничилось, однако, только однимъ выпускомъ. Здѣсь заключаются пѣсни обрядныя разнаго рода: на Великъ день, волочобныя, пѣсни на св. Юрія, на Николу, на Петровки, пѣсни купальныя, колядныя и на масляницу. Самая редакція довольно запутанная [3]); къ разнымъ отдѣламъ пѣсенъ присоединены объясненія обычаевъ, гдѣ авторъ не воздержался, конечно, отъ своихъ обыкновенныхъ „научныхъ“ странностей.

Въ концѣ 1860-хъ годовъ начинаются работы Географическаго Общества, предпринявшаго экспедиціи въ западно-русскій край. Первая мысль объ этомъ возникла еще въ 1862, въ управленіе министерствомъ нар. просвѣщенія А. В. Головнина, по докладу котораго Высочайше повелѣно было выдать для этой цѣли изъ суммъ министерства въ Геогр. Общество десять тысячъ руб. сер. Общество установило программу, по которой изслѣдованія должны были обнять племенныя и бытовыя различія народностей западнаго края, ихъ численныя отношенія, распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ и степенямъ культуры, наконецъ хозяйственный бытъ и степень матеріальнаго благосостоянія. Область наблюденій была опредѣлена девятью губерніями западнаго края въ трехъ группахъ: бѣлорусской (губ. витебская, могилевская и минская),

---

[1]) Ср. „День“, 1863, № 45: „Объ изданіи памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества“; см. также 1865, № 4.

[2]) „Бѣлор. Пѣсни“, стр. X—XIII, XVIII—XIX.

[3]) Напр., при первой же пѣснѣ читаемъ въ концѣ ссылку на какой-то № 18; эти ссылки потомъ постоянно повторяются, но къ пѣснямъ съ указанными нумерами эти ссылки вовсе не относятся; г. Безсоновъ обѣщалъ въ предисловіи объяснить эти ссылки въ концѣ изданія, но конца не послѣдовало. Далѣе, напр., при № 3-мъ читаемъ замѣтку: „оттуда же и то же“, и опять неизвѣстно—„откуда и что“? Ни при первой, ни при второй пѣснѣ не сказано, „откуда“ онѣ,—и такъ по всему сборнику. Во всей этой путаницѣ не было, по настоящему, никакой надобности.

литовской (губ. виленская, ковенская и гродненская) и украинской (губ. кіевская, волынская и подольская). Изслѣдованіе полагалось возможнымъ и желалось, въ виду живого интереса вопросовъ, окончить въ теченіе непродолжительнаго времени, напр. одного года. Составъ лицъ для выполненія задачи опредѣляли по ея спеціальнымъ вопросамъ; такъ, этнографическую долю предпріятія совѣтъ Общества полагалъ возложить на Гильфердинга; изслѣдованія о бытѣ религіозномъ — на г. Кояловича; изслѣдованія статистическія и хозяйственныя—на Бушена. Политическія событія 1863 г. заставили отложить экспедицію на неопредѣленное время. Вопросъ былъ снова поднятъ въ 1867 году. Старая программа была измѣнена и, за отказомъ лицъ, прежде назначавшихся въ экспедицію, выбраны были другіе изслѣдователи, а именно: г. Максимовъ, принявшій на себя этнографическое изученіе бѣлорусскаго племени, и Н. Дубянскій (бывшій секретарь могилевскаго статистическаго комитета), на котораго были возложены статистико-экономическія изслѣдованія во всемъ западно-русскомъ краѣ. Г. Максимовъ ставилъ себѣ задачей опредѣлить племенную границу бѣлорусскаго племени и затѣмъ характеризовать этнографическій типъ бѣлорусса въ отличіе отъ типовъ великоросса и малоросса. Г. Максимовъ сдѣлалъ двѣ поѣздки въ сѣверо-западный край въ 1867 и 1868 годахъ; часть его наблюденій была сообщаема въ засѣданіяхъ Общества; полный отчетъ ожидался въ 1873 году, но, сколько мы знаемъ, не появился и донынѣ. Дубенскій съ цѣлью своихъ изученій провелъ въ западномъ краѣ болѣе полутора года, но поѣздки его далеко не обняли всего района, подлежавшаго его изученію, и Общество, получивъ отъ него нѣкоторые собранные имъ сырые матеріалы, по разнымъ обстоятельствамъ должно было отказаться отъ надежды получить отъ него полный отчетъ. Затѣмъ, для изученія литовцевъ и латышей приглашенъ былъ Ю. П. Кузнецовъ, а для изученія юго-западнаго края избранъ былъ Чубинскій. Какъ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ, только эта послѣдняя часть предпріятія Географическаго Общества была совершена съ полнымъ успѣхомъ: въ первые же годы экспедиція Чубинскаго доставила огромный матеріалъ этнографическихъ и экономическихъ свѣденій, наполнившихъ извѣстные многотомные „Труды“. Г. Кузнецовъ старательно работалъ по своему предмету, доставлялъ въ Общество отдѣльные отрывки своихъ изслѣдованій и частные отчеты, но цѣлое исполненіе его задачи опять не состоялось.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ западномъ краѣ

экспедиція Географическаго Общества имѣла уже своихъ предшественниковъ въ трудолюбивыхъ офицерахъ генеральнаго штаба, дѣло все-таки кончилось неудачно: западный край не поддавался изслѣдованію, и является вопросъ, чему надо приписать эту неудачу, въ то время, когда рядомъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ совершены были труды экспедиціи юго-западной? Объясненіе, независимо отъ характера выбранныхъ лицъ, заключается, повидимому, и въ общемъ положеніи дѣла: въ юго-западномъ краѣ экспедиція встрѣтилась съ готовымъ интересомъ къ мѣстному изученію въ средѣ тѣхъ „хохломановъ", которыхъ такъ усердно предавалъ проклятіямъ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи", и которые въ этомъ случаѣ принесли, однако, великую услугу дѣлу русской науки: Чубинскій, самъ „хохломанъ", могъ воспользоваться многими ранѣе сдѣланными изслѣдованіями, встрѣтилъ въ мѣстныхъ дѣятеляхъ полную охоту подѣлиться съ нимъ свѣденіями и матеріалами, и могъ собрать ихъ въ огромное цѣлое. Въ сѣверо-западномъ краѣ оказалось нѣчто иное: исполнителями дѣла являлись люди, мало или совсѣмъ не связанные лично съ мѣстною жизнью; сама эта жизнь, несмотря на все, чтò говорилось и дѣлалось съ 1863-го года, была лишена тѣхъ условій свободнаго развитія, на отсутствіе которыхъ указывалъ, напримѣръ, Безсоновъ. Дѣятели 1860-хъ годовъ въ западномъ краѣ такъ много говорили объ „объединеніи", „обрусеніи" и т. п. (которыя представлялись имъ только въ оффиціальныхъ и канцелярскихъ чертахъ), такъ усердно настаивали на удаленіи всего мѣстнаго, напоминавшаго „польское" вліяніе, такъ усердно считали польскимъ все то, чтò не было похожимъ на московское, что мѣстная жизнь стала прятаться въ свою скорлупу, и ученымъ изслѣдователямъ (особливо прежде чуждымъ краю) съ трудомъ приходилось бы отыскивать ея проявленія, вмѣсто того, чтобы видѣть ее тотчасъ воочію безъ канцелярскихъ ширмъ [1]).

Мѣстные дѣятели работали разъединенно и вначалѣ продолжали тотъ пріемъ этнографическихъ изысканій, какой мы видѣли у прежнихъ польскихъ этнографовъ, собирая иногда весьма старательно матеріалъ, но оставляя его безъ должнаго историческаго и филологическаго освѣщенія.

---

[1]) Свѣденія объ этихъ экспедиціяхъ разсѣяны въ протоколахъ засѣданій Географическаго Общества (въ „Извѣстіяхъ") и вкратцѣ указаны въ предисловіи къ „Трудамъ" Чубинскаго.

Старѣйшимъ въ этомъ новомъ рядѣ собирателей былъ Иванъ Иван. Носовичъ (1788 — 1877, 25-го іюля). Мы имѣемъ о немъ лишь немногія біографическія свѣденія [1]). Родиной его была могилевская губернія. Дѣдъ его, Григорій, изъ священническихъ дѣтей, какъ говорятъ, еще въ дѣтствѣ закабаленъ былъ въ крѣпостные помѣщика Поцѣя, жилъ въ крестьянской средѣ, но, помня свой родъ, выучился церковной грамотѣ и сдѣлался дьячкомъ. Сынъ его, Иванъ Гр., учился уже въ семинаріи, но за смертью отца не могъ окончить курса и также взялъ дьячковское мѣсто, но позднѣе сдѣлался священникомъ. Своимъ дѣтямъ онъ могъ уже дать болѣе правильное обученіе. Иванъ Ив. учился въ могилевской семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1812 году. Съ тѣхъ поръ онъ началъ службу учителемъ въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ, наконецъ, ректоромъ. Въ 1832, онъ перешелъ на учебную службу по министерству просвѣщенія и назначенъ былъ смотрителемъ дворянскаго училища въ Молодечнѣ, потомъ учителемъ русской словесности въ такомъ же училищѣ въ Свѣнцянахъ, затѣмъ въ 1841 смотрителемъ, а въ 1844 вышелъ въ отставку съ пенсіей. Онъ переселился затѣмъ въ свой родной городъ Мстиславль, и съ тѣхъ поръ занялся литературными трудами.

Первые опыты его филологическихъ трудовъ появляются въ началѣ 50-хъ годовъ, въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи, гдѣ въ то время, особливо по инициативѣ Срезневскаго, стали помѣщаться разнаго рода матеріалы по народной поэзіи, старому и народному языку. Сборники Носовича выросли наконецъ до значительныхъ изданій, которыя сдѣланы были русскимъ отдѣленіемъ Академіи и Географическимъ Обществомъ. Таковъ былъ, во-первыхъ, бѣлорусскій словарь, первый и до сихъ поръ единственный обширный трудъ этого рода [2]). Мы упоминали выше, что бѣлорусскій словарь началъ составлять еще протоіерей Григоровичъ, но за его смертію словарь остановился въ самомъ началѣ, на 10-мъ листѣ. Русское отдѣленіе Академіи, желая довершить эту работу, предложило взяться за это двумъ уроженцамъ западнаго края, Носовичу и Микуцкому: послѣдній сообщилъ лишь незначительные матеріалы, а Носовичъ въ 1863 году пред-

[1]) Въ литературѣ этихъ свѣденій до сихъ поръ совсѣмъ не было; даже въ изданіяхъ оффиціальныхъ, помѣщавшихъ его труды, не было его некролога. Приводимыя здѣсь данныя сообщены намъ В. И. Носовичемъ черезъ посредство П. В. Владимірова: приносимъ имъ обоимъ искреннюю благодарность.

[2]) „Словарь бѣлорусскаго языка, составленный И. И. Носовичемъ“. Спб. 1870. 4°, 756 стр. въ два столбца.

ставилъ на Демидовскую премію цѣлый обширный словарь, надъ которымъ онъ трудился въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Русское отдѣленіе взяло на себя печатаніе словаря, основываясь на отзывѣ Срезневскаго, что при помощи труда Носовича, какъ сборника словъ языка устнаго, „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго и важнаго для исторіи русскаго языка".

Матеріалами при составленіи словаря служили Носовичу какъ живой языкъ и произведенія народной поэзіи, такъ и старые письменные акты и матеріалы, уже извѣстные въ печати [1]). „Въ составъ словаря г-на Носовича, — говорится въ предисловіи, — вошло болѣе 30,000 словъ; между ними встрѣчаются слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ, главнымъ же образомъ изъ польскаго. Слова, перешедшія изъ послѣдняго языка, преимущественно употребляются мелкою шляхтою, мѣщанами, ремесленниками, экономами, приказчиками и пр. Количествомъ этихъ словъ и распространеніемъ употребленія ихъ въ народѣ опредѣляется нагляднымъ образомъ степень вліянія польскаго языка на бѣлорусское нарѣчіе". Но позднѣйшіе изслѣдователи бѣлорусскаго языка находятъ очень много недостатковъ въ этой работѣ. Такъ уже г. Безсоновъ относился довольно строго къ труду Носовича: по его словамъ, этотъ словарь, несмотря на то, что имѣлъ передъ собою много матеріала въ опытахъ предшественниковъ, пропустилъ „множество замѣчательнѣйшихъ или употребительнѣйшихъ словъ, а подъ ними множество любопытныхъ чертъ народнаго быта и общеизвѣстныхъ предметовъ", и въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ „весьма часто превосходитъ его богатствомъ и Польскій Словникъ Линде и Толковый Словарь Даля, безъ коихъ и при г. Носовичѣ никакъ не обойдется доселѣ

---

[1]) Именно: а) памятники устной народной словесности: пѣсни, пословицы, поговорки, сказки и пр.; б) сборники словъ, составленные имъ во время поѣздокъ по могилевской, минской и гродненской губерніямъ и по нѣкоторымъ окраинамъ губерній привислянскаго края, смежнымъ съ вышеупомянутыми губерніями; в) алфавитный указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, заключающихся въ Актахъ Западной Россіи, который онъ составилъ по порученію Отдѣленія; г) „Опытъ областнаго словаря великорусскаго нарѣчія", въ который вошло нѣсколько небольшихъ сборниковъ словъ бѣлорусскаго нарѣчія; д) матеріалы, впрочемъ немногочисленные, бѣлорусскаго нарѣчія и словесности, напечатанные въ „Извѣстіяхъ" Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ „Трудахъ Московскаго Общества любителей словесности", въ „Этнографическомъ Сборникѣ" Геогр. Общества, въ сборникахъ Чечота и Зенкевича.

никто, если желаетъ ближе ознакомиться съ Бѣлою Русью". Отдавая, впрочемъ, дань уваженію трудолюбію составителя, критикъ находитъ въ словарѣ недостатокъ филологическаго знанія, и то, что словарь Носовича (напр., въ написаніи словъ) не былъ исправленъ при изданіи, критикъ ставитъ въ вину редакціи, т.-е. русскому отдѣленію Академіи. Критикъ обвиняетъ редакцію въ легкости отношенія къ предмету, „весьма естественной при общемъ нерасположеніи къ успѣхамъ народной словесности", и находитъ, что эта легкость „равна только медленному исполненію предпріятія и богатству всякихъ матеріальныхъ подручныхъ средствъ". Онъ удивляется, какъ могла академическая редакція сказать въ предисловіи, что бѣлорусское нарѣчіе принадлежитъ тѣмъ мѣстностямъ, которыя населяло нѣкогда кривичское племя, когда на дѣлѣ оно принадлежитъ и другимъ мѣстностямъ, гдѣ жили и другія племена. Онъ удивляется той „темнотѣ" („которая предполагаетъ мракъ незнанія"), съ какою редакція говорила о возможности начать, при словарѣ Носовича, изслѣдованія о составѣ бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать доказательствъ „предположенію", что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи сохранилось много древняго и важнаго для исторіи языка [1]): критикъ находилъ, что десятки тысячъ бѣлорусскихъ письменныхъ актовъ уже доказали это „людямъ свѣдущимъ" и что къ тому же ведутъ множество уже напечатанныхъ пѣсенъ. Указавъ дальше неточность грамматическихъ терминовъ въ предисловіи и словарѣ, критикъ замѣчаетъ еще, что „издатели считаютъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми бывшими попечителями виленскаго учебнаго округа, но въ разладѣ съ профессурою славянскихъ нарѣчій, будто слова „изъ *польскаго* языка" суть у бѣлоруссовъ „слова, заимствованныя изъ *иностранныхъ* языковъ": это противорѣчитъ и единству русской страны, гдѣ живутъ поляки" [2]).

Другимъ предметомъ, которымъ занимался Носовичъ, были пословицы. Въ первый разъ онъ доставилъ въ русское отдѣленіе Академіи въ 1862 году сборникъ пословицъ, который напечатанъ былъ въ „Извѣстіяхъ". Впослѣдствіи, работая надъ словаремъ, онъ собралъ новый большой запасъ пословицъ, который представилъ въ Географическое Общество, которое наградило этотъ трудъ золотою медалью и напечатало въ своемъ изданіи [3]).

---

[1]) Это была обычная, осторожная и уклончивая манера выраженія Срезневскаго.

[2]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. LVI—LVII. Ср. отзывы г. Карскаго о работахъ Носовича, въ книжкѣ, о которой сказано далѣе.

[3]) Записки Импер. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи, т. I, Спб. 1867, стр. 251—482: „Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ".

Затѣмъ явилось небольшое дополненіе—больше ста новыхъ пословицъ и восемьдесять загадокъ [1]). Наконецъ, собраніе Носовича было издано еще разъ русскимъ отдѣленіемъ Академіи [2]); дополненія къ первому изданію внесены здѣсь въ текстъ; число загадокъ размножено до 130 и въ концѣ прибавленъ небольшой указатель бѣлорусскихъ словъ.

Наконецъ, собираніе Носовича распространялось на пѣсни. Небольшой сборникъ его вышелъ въ 1874 году въ изданіяхъ Географическаго Общества [3]). Это — пѣсни обрядныя и связанныя съ разными обстоятельствами семейнаго быта: колядныя, волочобныя, жнивныя, свадебныя, крестинныя; также пѣсни „веселаго содержанія", и т. д. Пѣснямъ предшествуетъ описаніе обычаевъ. Изложеніе отличается пріемами людей стараго вѣка и какъ будто непривычкой къ литературному языку [4]). Носовичъ настаиваетъ на именованіи бѣлоруссовъ кривичами, имя которыхъ, по его словамъ, принадлежитъ „всѣмъ вообще племенамъ, населявшимъ и нынѣ кореннымъ потомкамъ ихъ, населяющимъ все пространство бѣлорусской страны, кромѣ литовцевъ"; имя это, по его толкованію, производится отъ слова „кровь" (род. пад. „криви́") и обозначаетъ родственныя кровныя племена. Доказательство древности бѣлорусскихъ пѣсенъ онъ видитъ въ томъ, что въ нихъ встрѣчаются слова, уже вышедшія изъ живого народнаго употребленія; далѣе, что въ нихъ изображаются „древнія воинскія обстоятельства", и, наконецъ, что въ пѣсняхъ, которыя нынѣ поются „простолюдинами", „выражается духъ не крестьянскаго быта, а свободнаго и самостоятельнаго сословія и даже богатаго", напр., упоминаются бояре, дѣвочки боярочки, сыплется золото и т. п. Носовичъ спрашиваетъ: „не были ли

---

[1]) „Записки" и пр., т. II, Спб. 1869; „Бѣлорусскія пословицы", стр. 363—371; „Бѣлорусскія загадки", стр. 373—379,—и въ отдѣльномъ оттискѣ: „Бѣлорусскія пословицы и загадки", Спб. 1869, 19 стр.

[2]) Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ, и пр. Изданіе Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1874. VI и 232 стр. Предисловіе незначительное; отмѣтимъ лишь указаніе на историческую извѣстность пословицъ (по Актамъ Зап. Россіи, т. III, ст. 171—174) и употребленіе ихъ даже среди польскихъ помѣщиковъ.

[3]) Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этнографіи, т. V. Спб. 1873, стр. 45—280: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя И. И. Носовичемъ",—и въ отдѣльномъ оттискѣ, Спб. 1874.

[4]) Напр.: „Бѣлорусскія пѣсни очень многія составляютъ глубокую старину, изъ вѣка въ вѣкъ устнымъ единственно путемъ перешедшую къ нынѣшнимъ простолюдинамъ, и эти старинныя пѣсни носятъ типъ славянскаго, а въ особенности, кривичскаго племени", и т. п.

въ древности простолюдины свободны и собственники земель, подобно какъ однодворцы и даже нынѣшняя шляхта, прежде нежели подпали они подъ администрацію сильныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые поработили ихъ и земли ихъ засчитали своими собственными?" Онъ замѣчаетъ далѣе, что „чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ, кажется, болѣе проглядываетъ въ ней образованность и изящество творчества въ сравненіи съ пѣснями позднѣйшаго сложенія". Наконецъ, онъ говоритъ еще: „поэтическія красоты, которыми... отличаются старинныя пѣсни, заставляютъ заключить, что бѣлорусское кривичское нарѣчіе въ старину было удѣломъ не одного бѣлорусскаго простонародія, но и высшаго класса народа, который не лишенъ былъ совершеннаго (?) образованія: но воспитаніе дѣтей въ іезуитскихъ школахъ вытѣснило привязанность въ нихъ къ родному нарѣчію польскимъ элементомъ", и онъ припоминаетъ слова Чечота, что въ его дѣтствѣ старые паны любили говорить между собой по-бѣлорусски. Замѣчанія о старинныхъ пѣсняхъ не лишены интереса и справедливы, но доказывать пѣснями старое употребленіе бѣлорусскаго языка въ высшихъ классахъ было излишне, потому что это—фактъ, не требующій доказательствъ.

Наконецъ, Носовичъ останавливается на тѣхъ миѳологическихъ толкованіяхъ, какія дѣлались по поводу бѣлорусскихъ пѣсенъ и преданій; онъ не признаетъ, чтобы „купала" или „коляда" народной пѣсни и обычая были „остатками боготворенія небывалыхъ кумировъ" [1]), и совершенно отрицаетъ существованіе въ народныхъ понятіяхъ тѣхъ „божествъ", которыхъ множество насчиталъ нѣкогда Шпилевскій въ статьяхъ, упомянутыхъ нами раньше.

Кромѣ изложенія обрядовъ и обычаевъ, къ которымъ относятся пѣсни, редакція пѣсенъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ; какъ, гдѣ и кѣмъ собраны пѣсни, остается неизвѣстно. Предполагается обыкновенно, что пѣсни, не имѣющія подобныхъ обозначеній, записаны самимъ составителемъ сборника; между тѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь, кажется, несомнѣнныя заимствованія изъ прежнихъ собраній и, однако, не оговоренныя [2]); кое-гдѣ указываются сличенія съ сборникомъ Гильтебрандта. Въ „дополненіяхъ" (Носовича, стр. 218—236) чуть ли не всѣ пѣсни

---

[1]) Онъ имѣетъ въ виду особенно польскихъ миѳологовъ, какъ Сестренцевичъ-Богушъ, и др.

[2]) Напр., въ пѣсняхъ „заручинныхъ" повторяются пѣсни, собранныя (изъ прежнихъ сборниковъ) Киркоромъ; Носовича, стр. 140 и слѣд.=Кирк. (Этнограф. Сборн., выпускъ III), стр. 239 и дал.

взяты, безъ всякаго указанія, у того же Киркора (или прямо у Чечота и др.), только съ измѣненіемъ правописанія и нѣкоторыми варіантами, которые, повидимому, представляютъ собственныя исправленія Носовича, не всегда, однако, удачныя [1]).

Въ тѣхъ же 1870 годахъ напечатано было цѣнное этнографическое изслѣдованіе другого мѣстнаго собирателя, г. Крачковскаго [2]). Это—весьма подробное описаніе народнаго сельскаго быта въ связи съ сопровождающими его обрядами, обычаями и пѣснями. Первая обширная статья книги посвящена свадебному обряду, который излагается со всѣми подробностями отъ начала сватовства до завершенія брака. Описаніе обрядностей соединено съ принадлежащими къ нимъ пѣснями, которыя частью, кажется, записаны самимъ авторомъ, частью взяты изъ сборниковъ Чечота, Тышкевича, Зенкевича, Гильтебрандта, Дмитріева, что обыкновенно и указано; отмѣчены также мѣстности, которымъ принадлежитъ тотъ или другой обычай. Вторая статья представляетъ описаніе трудовой жизни селянина съ весенней поры и начала сельскихъ работъ, принадлежащіе сюда обычаи, повѣрья и примѣты при каждой работѣ; затѣмъ праздники: Пасху—съ волочебными пѣснями, св. Юрія, св. Николу, Купалу, Петра и Павла, осенніе „Дѣды", „святые вечера", коляду, и пр. Затѣмъ, сообщаются свѣденія о народной одеждѣ и пищѣ, не мало подробностей о разныхъ пріемахъ и снадобьяхъ народной медицины; разныя суевѣрья и повѣрья, и, наконецъ, приведено нѣсколько образчиковъ народныхъ суевѣрныхъ разсказовъ (о чертяхъ), сказокъ и преданіе о сотвореніи міра, шляхты и мужика [3]).

---

[1]) Напр. „Ой подъ гаемъ зелененькимъ", Нос. стр. 218=Кирк. стр. 201—202.
— „А поѣхавъ сынъ Данила", и пр., Нос. 219=Кирк. 214.
— „У лузѣ соловей", Нос. 220=Кирк. 213.
— „Червонная калиночка", и пр., Нос. 221=Кирк. 213.
— „Каюся молода", Нос. 221=Кирк. 219.
— „Никому такъ не томненько" (?), Нос. 222=Кирк. 219.
— „А при крайчику, при Дунайчику", Нос. 223=Кирк. 212, и проч.
О сборникѣ Носовича ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ", Кіевъ, 1886, предисловіе.

[2]) „Бытъ западно-русскаго селянина. Сочиненіе Юл. Ѳ. Крачковскаго" — въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. Ист. и Древностей, 1873, т. IV, и отдѣльной книгой. М. 1874, 212 стр. Раньше подобныя бытовыя описанія помѣщались Крачковскимъ въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ.

[3]) Не приводимъ здѣсь менѣе значительныхъ трудовъ по описанію бѣлорусскаго народнаго быта, какіе въ тѣ годы разсѣяны были особливо въ мѣстныхъ изданіяхъ. Одна изъ подобныхъ статей, заслуживающая вниманія, помѣщена была въ „Записках по Отдѣленію Этнографіи", т. V, стр. 1—43: „Календарь по народнымъ преданіямъ, въ Воложинскомъ приходѣ" (виленской губ., ошмянскаго уѣзда), Л. Т. Бермана, и мн. др.

Наиболѣе обширныя собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ принадлежатъ извѣстному, понынѣ дѣйствующему, собирателю, г. Шейну. Имя его давно уже извѣстно въ нашей этнографіи, сначала по большому сборнику пѣсенъ великорусскихъ, потомъ по обширному собранію бѣлорусскому [1]). Онъ не былъ дѣятель мѣстный, но въ качествѣ учителя гимназіи прожилъ семь лѣтъ въ западномъ краѣ, именно въ Витебскѣ, а для своего новѣйшаго сборника нѣсколько разъ дѣлалъ поѣздки въ западный край и завязалъ тамъ многочисленныя сношенія съ людьми (особливо сельскими учителями), которые могли изъ близкаго источника доставлять ему народно-поэтическій матеріалъ. Первый бѣлорусскій сборникъ г. Шейна появился въ изданіи Географическаго Общества [2]). Сборникъ составленъ весьма обстоятельно. Въ „послѣсловіи“ составитель объясняетъ подробно исторію и пріемы своего труда (стр. 821—832). Поселившись въ западномъ краѣ и ко второму году своего пребыванія освоившись болѣе или менѣе съ языкомъ, г. Шейнъ принялся за собираніе пѣсенъ, отчасти записывая ихъ самъ, отчасти возбуждая интересъ къ этому дѣлу въ кругу своихъ знакомыхъ, составилъ и разослалъ программу собиранія, и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ сборникъ достигъ такихъ размѣровъ, что напечатанный въ 1873—74 г. томъ не исчерпалъ всего собраннаго. Нѣсколько изъ пѣсенъ разныхъ категорій записалъ онъ самъ, и это служило ему основой для провѣрки тѣхъ пѣсенъ, какія онъ получалъ отъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Пѣсни онъ расположилъ въ „біографическо-календарномъ“ порядкѣ, совмѣщая, съ одной стороны, теченіе личной жизни селянина и, съ другой, послѣдовательность народныхъ праздниковъ; такъ, идутъ въ сборникѣ пѣсни крестинныя, колядныя и „рацѣи“, масляничныя, волочобныя, купальскія, жнивныя, разгульныя, свадебныя, и т. д. При каждой пѣснѣ постоянно отмѣчена ея мѣстность и кѣмъ она записана и доставлена; разные разряды пѣсенъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, праздниковъ, домашнихъ обычаевъ; лишь немногія пѣсни взяты изъ печатныхъ сборниковъ. Наконецъ, сборникъ снабженъ словаремъ малоизвѣстныхъ словъ, объяснительными примѣчаніями и грамматическими свѣденіями о бѣлорусскомъ языкѣ.

---

[1]) О его дѣятельности см. „Р. Вѣдомости“, 1884, № 290, ст. Всев. Миллера, вышедшую и отдѣльнымъ оттискомъ: „П. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ народнаго творчества (по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія его дѣятельности)“. М. 1884.

[2]) Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. V, Спб. 1873, стр. 281—850: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ“, и въ отдѣльномъ изданіи. Спб. 1874.

Критика отнеслась къ сборнику г. Шейна весьма благосклонно [1]), и дѣйствительно, это былъ наиболѣе обширный сборникъ бѣлорусской народной поэзіи, исполненный безъ вычуръ и, въ личныхъ условіяхъ собирателя, весьма обстоятельно. Болѣе требовательнаго этнографа могло бы остановить обстоятельство, что большое число пѣсенъ не имѣло личнаго контроля собирателя, который могъ повѣрять своихъ корреспондентовъ лишь приблизительно, сравнивая ихъ присылки съ тѣмъ, что было записано имъ самимъ, а корреспонденты отличались, безъ сомнѣнія, и различной степенью умѣнья схватывать и самый текстъ, и, въ особенности, оттѣнки языка. Но рѣдко сборникъ народной поэзіи можетъ вообще похвалиться абсолютной точностью и единообразіемъ записи [2]).

Какъ мы упоминали, первая книга, по словамъ составителя, не истощила всего собранія его пѣсенъ; послѣдующія поѣздки г. Шейна въ западный край,—причемъ онъ заручился рекомендаціями русскаго отдѣленія Академіи, содѣйствіемъ управленія учебнаго округа и одобреніемъ архіерея,—еще размножили его собраніе, которое должно было появиться въ изданіяхъ Академіи. Недавно вышедшее въ свѣтъ начало этого второго собранія обѣщаетъ обширную массу бѣлорусскаго пѣсеннаго и бытового матеріала [3]). Порядокъ изданія принятъ здѣсь тотъ же, какъ и въ прежнемъ сборникѣ. Въ началѣ перваго отдѣла поставлено опи-

[1]) Ср. рецензію г. Ор. Миллера въ присужденіи Уваровскихъ премій.

[2]) Г. Романовъ, указывая достоинство этого сборника въ томъ, что въ записываніи пѣсенъ участвовалъ и самъ составитель, находитъ, однако, въ немъ слѣдующіе недостатки: „Намъ кажется, что г. Шейнъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варіанты въ выноскахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ достоинствѣ, если бы въ немъ не нашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше, а также 23 №№ духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ. Озаглавивъ сборникъ „Бѣлорусскими пѣснями“, не было надобности помѣщать анекдоты, вообще не имѣющіе большой цѣны.—Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большое вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора“. „Бѣлорусскій Сборникъ“, стр. V—VI.

Замѣчанія частію справедливы; но относительно помѣщенія духовныхъ пѣсенъ надо сказать, что оно должно опредѣляться степенью ихъ распространенія: если онѣ довольно распространены, то—худы ли, хороши ли—онѣ входятъ въ народно-поэтическій обиходъ.

[3]) „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлоруса въ обрядахъ и пѣсняхъ“. Спб. 1887. XXVI и 585 стр., 4 стр. нотъ.

саніе обрядовъ при родинахъ и крестинахъ, затѣмъ пѣсни крестинныя, колыбельныя и дѣтскія; далѣе колядныя пѣсни и игрища; обычаи и пѣсни масляничные; пѣсни весеннія, на св. Юрія, и т. д. Во второмъ отдѣлѣ—пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя, въ числѣ бытовыхъ—рекрутскія и солдатскія, и т. д. Особо представленъ указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни; эти мѣстности были разные уѣзды губерній виленской, витебской, гродненской, ковенской, курляндской, минской, могилевской и смоленской, бо̀льшею частью съ опредѣленнымъ указаніемъ селъ и деревень. Пріемы собиранія были опять тѣ же: наибольшая часть пѣсенъ получена г. Шейномъ отъ его корреспондентовъ, между которыми особенно были учителя народныхъ училищъ и ученики старшихъ классовъ гимназій, а также нѣкоторыя дамы, вѣроятно живущія по деревнямъ. Очень немногое взято изъ собраній печатныхъ; изъ прежняго сборника самого г. Шейна не взято, кажется, ничего.

Изъ мѣстныхъ трудовъ за послѣдніе годы надо отмѣтить, въ особенности, многотомное описаніе могилевской губерніи, гдѣ не мало мѣста дано и изслѣдованіямъ этнографическимъ [1]).

Описаніе, въ трехъ большихъ томахъ, — одно изъ самыхъ обстоятельныхъ, какія имѣются въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы. Подъ руководствомъ г. Дембовецкаго, въ этомъ трудѣ принялъ участіе цѣлый кругъ мѣстныхъ дѣятелей: члены статистическаго комитета, чиновники особыхъ порученій, учителя мѣстныхъ гимназій, землевладѣльцы и пр. Предисловіе, подписанное редакторомъ изданія (онъ же—мѣстный губернаторъ съ 1872 г.), имѣетъ задачей представить нынѣшнее благополучное состояніе могилевской губерніи, которая въ прежнія времена имѣла репутацію бѣдности и заброшенности. „Кому не встрѣчалось слышать разсказы о томъ,—начинаетъ предисловіе,—что Могилевская губернія не есть земля искони русская, а „забранная“? (?) Кому не приходилось *постоянно* читать о ней во всевозможныхъ газетахъ, какъ о самой недоимочной, голодной и совершенно несостоятельной въ хозяйственномъ отношеніи?.. На самомъ же дѣлѣ, такіе отзывы представляются плодомъ незрѣлаго знакомства съ исторіею края и современнымъ его состояніемъ“. Но принадлежность

---

[1]) „Опытъ описанія Могилевской губерніи въ историческомъ, физико-географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, лѣсномъ, учебномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ двумя картами губерніи и 17 рѣзанными на деревѣ гравюрами видовъ и типовъ, въ трехъ книгахъ. Составленъ по программѣ и подъ редакціею предсѣдателя могилевскаго губернскаго статистическаго комитета, А. С. Дембовецкаго“. Могилевъ-на-Днѣпрѣ, 1882.

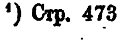
населенія могилевской губерніи къ русскому племени была указана довольно давно, такъ что теперь можно было бы не повторять обвиненій въ незнаніи этого обстоятельства; что же касается до бѣдности населенія, то этотъ фактъ, который принимался будто бы только по незрѣлому знакомству съ исторіей, напротивъ, слишкомъ настойчиво указывался исторіей, приводимой и въ самомъ предисловіи. Въ эпоху присоединенія, могилевскій край возсоединился съ Россіей „*обѣднѣвшимъ* и съ рѣдкимъ безпомощнымъ населеніемъ“ (стр. 1). Императрица Екатерина приложила всѣ старанія, чтобы поднять благосостояніе края; „но существовавшее тогда крѣпостное право дѣлало благодѣтельныя усилія императрицы *безплодными*, и сельское хозяйство, основанное на крѣпостномъ правѣ, все болѣе и болѣе *слабѣло*“... Съ обѣднѣніемъ поселянъ соединялся и упадокъ самихъ помѣщичьихъ хозяйствъ; помѣщики не заботились о разумномъ веденіи дѣла и проживались; являлись „неудовлетворительные урожаи“ и т. д. (стр. 2). Уничтоженіе крѣпостного права въ 1861 г. „положило предѣлъ такому порядку вещей“; но — „крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости совершенно *бѣдными* и, вслѣдствіе полнаго невѣжества и непривычки работать по своей охотѣ, не могли сразу понять своего новаго положенія и своихъ пользъ и — растерялись“. Въ 1867—68 годахъ были „неудовлетворительные урожаи“, которые произвели „неисчислимыя бѣдствія“ и, по словамъ автора, могилевская губернія „пришла въ *худшее* положеніе, чѣмъ она была въ XVIII вѣкѣ“. Въ 1872 г., при назначеніи новаго губернатора, покойный императоръ сказалъ ему о „разстроенномъ положеніи“ губерніи, которому надобно помочь (стр. 4). Такимъ образомъ, упомянутое выше представленіе о бѣдности могилевскаго края имѣло слишкомъ, къ сожалѣнію, достаточныя и давнишнія основанія; именно „исторія“ слишкомъ долго говорила о ней какъ о бѣдной и голодной. Это положеніе вещей, по разсказу автора, совершенно, однако, измѣнилось за послѣдніе годы: неусыпными трудами администраціи громадныя недоимки были покрыты, образовались сбереженія, хлѣбные магазины наполнились, основались школы, устроена медицинская помощь, и т. д. Если, при всемъ томъ, продолжались прежнія представленія о могилевской губерніи, то можно ли винить общество за незрѣлое знакомство съ современнымъ состояніемъ края, когда, по собственному замѣчанію автора, свѣденія о могилевской губерніи въ нашей литературѣ были весьма скудны [1]),—а могли исходить только изъ мѣстныхъ источниковъ.

[1]) „Несмотря на видное въ кругу другихъ губерній Россіи расположеніе, бли-

Какъ мы сказали, описаніе губерніи составлено весьма обстоятельно трудами мѣстныхъ преподавателей, чиновниковъ и любителей. Обращено при этомъ вниманіе и на мѣстно-народныя особенности, напр. въ описаніи флоры приведенъ подробный списокъ растеній врачебныхъ, употребляемыхъ въ народѣ,—съ ихъ обозначеніемъ ботаническимъ, народнымъ названіемъ и съ подробнымъ описаніемъ ихъ употребленія въ народной медицинѣ. Отдѣлъ этнографическій весьма общиренъ (т. I, стр. 471—782). Послѣ общаго указанія на этнографическій составъ жителей могилевской губерніи и на литературу предмета (въ которой, впрочемъ, лишь очень немногое относится спеціально къ могилевской губерніи), описаніе останавливается подробнѣе на различныхъ племенахъ и слояхъ населенія и всего больше на крестьянствѣ. „При этнографическомъ изслѣдованіи,—говорится здѣсь,—можно дѣйствовать двоякимъ методомъ: или свои личные впечатлѣнія, соображенія и выводы изложить какъ результатъ наблюденій, или собирать матеріалы, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни, давая такимъ образомъ возможность всякому видѣть народъ, независимо отъ впечатлѣній наблюдателя". Здѣсь принятъ второй способъ. „Мы особенно останавливаемся на крестьянахъ, —говорится здѣсь далѣе,—такъ какъ въ ихъ быту и говорѣ сохранился весь складъ бѣлорусской жизни и рѣчи. Народное творчество въ особенности выразилось и сохранилось въ пѣсняхъ; нѣкоторыя пѣсни, болѣе употребляемыя, приводятся при описаніи народнаго быта; другія помѣщаются въ особомъ отдѣлѣ. Здѣсь собраны пѣсни, еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, и указываются мѣстности, гдѣ онѣ поются и гдѣ записаны, нарочно для настоящаго описанія губерніи. Въ словахъ, приводимыхъ изъ бѣлорусскаго нарѣчія, а равно и въ пѣсняхъ сохранены всѣ оттѣнки мѣстнаго говора" [1]). Описаніе крестьянскаго быта (крестьянъ-бѣлоруссовъ считается здѣсь 844.000) авторъ статьи, г. Рубановскій, составилъ весьма обстоятельно (стр. 471—600). Начавъ съ описанія крестьянскаго двора и избы, имущества и одежды, онъ даетъ свѣденія о крестьянскомъ

зость къ столицамъ и вообще срединное положеніе между русскими учеными и торговыми средоточіями: Петербургомъ, Москвою, Кіевомъ, Варшавою, Вильною и Ригою, могилевская губернія, въ смыслѣ изученія, не только не пользовалась вниманіемъ собирателей древностей и ученыхъ въ области исторіи, этнографіи, политической экономіи, но и близкихъ къ ней людей, ея собственныхъ населенцевъ. Поэтому, въ отношеніи ея, существовалъ полный пробѣлъ въ нашемъ отечествовѣдѣніи".—Но какъ же въ такомъ случаѣ о ней *постоянно* говорили газеты (см. выше)?

[1]) Стр. 473

земледѣльческомъ хозяйствѣ и промыслахъ и переходитъ къ описанію обрядовъ (съ образчиками пѣсенъ, напр., свадебныхъ), праздниковъ, игръ, повѣрій и суевѣрій, излагаетъ народный календарь, начиная съ перваго января,—наконецъ, приводитъ обширный пѣсенный сборникъ (до 500 нумеровъ). Пѣсни составили четыре группы: колядныя и вообще зимнія; весеннія; лѣтнія; пѣсни, какія поются во всякое время года — какъ свадебныя, пѣсни на вечеринкахъ, и религіозныя, или такъ-называемые стихи. При пѣсняхъ, какъ и раньше, при описаніи обрядовъ и обычаевъ, обыкновенно указывается мѣстность, уѣздъ и село, гдѣ наблюдалась та или другая бытовая подробность. Далѣе идетъ характеристика бывшей шляхты (стр. 600—607); подробная статья о сословіи мѣщанъ — съ ихъ бытовыми особенностями, промыслами, обычаями и увеселеніями (между прочимъ, съ описаніемъ „вертепа", народной религіозной мистеріи), представляющими много общаго съ бытомъ простонароднымъ, но и съ чертами городскихъ нравовъ (стр. 607—653). Затѣмъ идутъ статьи о великоруссахъ старообрядцахъ, цыганахъ и евреяхъ.

Относительно дворянства, сдѣлано такое замѣчаніе: „Большая часть дворянства могилевской губ. также принадлежитъ къ бѣлоруссамъ, но католическое вѣроисповѣданіе и польскій языкъ, по политическимъ причинамъ усвоенный дворянствомъ во время зависимости отъ Польши, были причиною, что дворянъ несправедливо называли поляками. Польскаго населенія, въ смыслѣ племенного различія съ русскимъ, въ губерніи почти нѣтъ. Мы не будемъ говорить о дворянствѣ, такъ какъ образованіе и цивилизація изгладили въ немъ этнографическія черты". Это замѣчаніе представляетъ какое-то странное противорѣчіе: польскаго населенія въ губерніи нѣтъ; бо̀льшая часть мѣстнаго дворянства во время польскаго господства приняла католичество и польскій языкъ, но этихъ дворянъ несправедливо называли поляками; описаніе не будетъ говорить о дворянствѣ, потому что (хотя оно „принадлежитъ къ бѣлоруссамъ") въ немъ изглажены „этнографическія черты". Итакъ, что̀ же такое представляетъ „бо̀льшая часть" мѣстнаго дворянства? Авторъ никакъ не хочетъ считать его за поляковъ, но видимо не можетъ считать и за русскихъ; потому онъ его совсѣмъ не описываетъ. Но если въ книгѣ дано мѣсто даже чужимъ племенамъ, какъ евреи и цыганы, то отсутствіе однѣхъ „этнографическихъ чертъ" не должно бы служить препятствіемъ къ описанію, потому что есть, конечно, другія этнографическія черты,—и недостатокъ описанія дворянства есть, конечно, пробѣлъ; безпристрастное изложеніе вещей дало бы, напр., по-

нятіе о томъ, какого результата достигли мѣры обрусенія, которымъ считается теперь уже четверть столѣтія? Не продолжается ли здѣсь то же противорѣчіе, какое представляли распоряженія виленскаго полиціймейстера, объявлявшаго польскій языкъ „чуждымъ странѣ“, когда этотъ языкъ и по сію минуту господствуетъ въ Вильнѣ?

Судить о вѣрности записыванія пѣсенъ, кромѣ какихъ-либо явныхъ несообразностей [1]), очень трудно, не находясь на мѣстѣ и не имѣя возможности непосредственной провѣрки. Новѣйшій мѣстный собиратель, г. Романовъ, отнесся къ собранію г. Дембовецкаго съ нѣкоторымъ недовѣріемъ [2]); но требованія, которыя онъ при этомъ ставитъ, какъ, напр., требованіе указаній о степени распространенности той или другой пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ („уѣздахъ“), не выполняются въ сущности и въ изданіяхъ, предпринимаемыхъ съ болѣе широкими научными средствами [3]).

Послѣднимъ (до новѣйшаго изданія г. Шейна) трудомъ по собиранію бѣлорусской народной поэзіи, является сборникъ г. Романова [4]). Сборникъ очень богатъ (до 1.200 пѣсенъ), тѣмъ больше, что собиратель имѣлъ въ виду вообще давать только пѣсни ненапечатанныя или такія, гдѣ являются новые значительные варіанты. Въ предисловіи онъ дѣлаетъ обзоръ, впрочемъ очень неполный, прежнихъ трудовъ, посвященныхъ собиранію бѣлорусской народной поэзіи, настаивая особенно на необходимости вѣрной передачи языка. Къ сожалѣнію, его собственное

---

[1]) Какія встрѣчаются, напр., въ упомянутыхъ раньше сборникахъ Гильтебрандта и Дмитріева.

[2]) „Въ распоряженіи составителя была масса матеріаловъ, такъ какъ произведенія собирались по всѣмъ уголкамъ губерніи оффиціальнымъ путемъ, чрезъ полицейскихъ чиновниковъ, волостныхъ писарей. Къ сожалѣнію, среди сотрудниковъ А. С. Дембовецкаго не нашлось человѣка, который бы отнесся къ этому дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ. Заявивъ, что „здѣсь собраны пѣсни, еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ“ (а для напечатанныхъ не нашлось ни одного полнѣйшаго варіанта?!), г. редакторъ пѣсенъ пишетъ всѣ ихъ *однимъ говоромъ!* Не указана также степень распространенности того или другого произведенія въ различныхъ уѣздахъ, а ужъ это, кажется, совсѣмъ не трудно было сдѣлать при обиліи матеріаловъ“. „Бѣлор. Сборникъ“, стр. VII.

[3]) Для полноты слѣдуетъ упомянуть: „Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ гомельскаго уѣзда, записанныхъ для голоса съ аккомпан. форт. Зинаидой Радченко“. Вып. 1, Спб. 1881 г.,—сборникъ не важный, дурно записанный, но любопытный, какъ первый опытъ записыванія бѣлорусской пѣсенной музыки.

[4]) „Бѣлорусскій Сборникъ. Томъ I, Губернія Могилевская. Ввыпускъ первый и второй. Пѣсни, пословицы, загадки. Кіевъ, 1886.

собраніе [1]) страдаетъ другимъ недостаткомъ: составитель, повидимому, торопился печатаніемъ сборника, прежде чѣмъ опредѣлился составъ его содержанія; поэтому распредѣленіе пѣсенъ вышло очень отрывочное и непослѣдовательное. „Два выпуска" явились вмѣстѣ въ одной книгѣ, безъ достаточнаго основанія ихъ раздѣленія, и въ томъ же первомъ томѣ помѣщено большое дополненіе, котораго могло бы не быть безъ упомянутой поспѣшности. Порядокъ пѣсенъ, напримѣръ, таковъ: пѣсни семейныя, чумацкія, разбойничьи, рекрутскія, любовныя, потомъ дѣтскія, юмористическія, веснянки, купальскія и жнивныя, потомъ пословицы и загадки, потомъ пѣсни свадебныя. Послѣ самъ издатель замѣтилъ, что можно было бы распредѣлить пѣсни по времени ихъ пѣнія. „Такое цикловое распредѣленіе ихъ установлено самимъ народомъ и ретиво имъ оберегается въ теченіе многихъ вѣковъ (ср., напр., тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ народѣ считается грѣхомъ нарушеніе цикла: пѣсню весеннюю ни за что не пропоютъ зимою или лѣтомъ, филипповскую — въ коляды, лѣтнюю—весною и т. п.). Можно, не боясь ошибиться, сказать, что для каждой пѣсни существуетъ не только извѣстный періодъ, въ родѣ таянія снѣга, уборки конопли, но извѣстный день, напр.— перваго выѣзда на пашню, день прилета жаворонка, и т. п. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть связи нашей пѣсни съ обрядомъ до-христіанскаго культа, не потерявшимъ своего значенія въ глазахъ бѣлорусса, жителя деревни, и до сего дня". Но, чтобы придти къ этому заключенію, не нужно было никакихъ особенныхъ усилій: г. Романовъ могъ уже въ прежнихъ сборникахъ видѣть это распредѣленіе пѣсенъ въ ихъ календарной послѣдовательности. Такъ оно принято въ старомъ сборникѣ Шейна (1873—1874); тотъ же календарный порядокъ описанія народнаго быта (отчасти съ сопровождающими его пѣснями) примѣненъ въ книгѣ Крачковскаго и раньше, въ подобныхъ описаніяхъ великорусскихъ и малорусскихъ, и пр. Правда, матеріалъ остается; но въ своемъ разбросанномъ видѣ онъ теряетъ ту цѣльность, какая была бы желательна въ этомъ случаѣ, тѣмъ больше, что пѣсни не сопровождены описаніемъ самыхъ обычаевъ и обрядовъ, какъ это входитъ въ обыкновеніе въ новыхъ трудахъ подобнаго рода.

Другой недостатокъ сборника состоитъ въ слѣдующемъ. „Во избѣжаніе незаслуженныхъ нареканій,—говоритъ г. Романовъ,—

---

[1]) Какъ это было обстоятельно указано въ разборѣ этой книги г. Истоминымъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, май).

мы должны заявить, что по причинамъ, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, при печатаніи были направлены большія усилія къ соблюденію строжайшей экономіи. Этимъ просимъ объяснить форматъ книги, качество бумаги, шрифтъ, размѣръ страницъ, соединеніе нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну и т. п.". Нельзя не пожалѣть, что это такъ случилось. Для экономіи проще было бы взять форматъ больше и печатать пѣсни въ два столбца, чѣмъ прибѣгать къ способу, принятому авторомъ. Г. Истоминъ справедливо указалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе этого соединенія „нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну", совершенно стертъ размѣръ и стихъ, что вовсе не служитъ къ выгодѣ изданія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, повидимому, въ одну строку сливаются то два, то три стиха. Наконецъ, если вопросъ экономіи былъ такъ настоятеленъ, то можно было очень просто сохранить обозначеніе стиховъ, раздѣляя ихъ поперечной черточкой. При всемъ томъ, сборникъ г. Романова даетъ весьма обильный и нерѣдко новый матеріалъ по бѣлорусской поэзіи, и надо желать, чтобы изданіе было приведено къ концу. Прибавимъ еще замѣчаніе. Разбирая сборникъ г. Шейна, г. Романовъ осуждаетъ его за то, что тамъ помѣщено нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, „не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устными народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ" (стр. VI); въ другомъ мѣстѣ, г. Романовъ замѣчаетъ: „что касается произведеній псевдо-народныхъ, искусственныхъ, то они рѣшительно отсутствуютъ въ нашемъ сборникѣ, при всемъ *обиліи* ихъ" (стр. X). Дѣло здѣсь въ томъ, насколько подобныя произведенія бываютъ *распространены* въ народной массѣ—другими словами, насколько они, такъ сказать, втираются на мѣсто чисто народной поэзіи, которую, въ концѣ концовъ, они обыкновенно вытѣсняютъ или видоизмѣняютъ. Произведенія искусственныя нерѣдко проникаютъ въ народъ; ихъ нельзя смѣшать съ чисто народной пѣсней, но не слѣдуетъ и оставлять безъ вниманія; ихъ важно отмѣчать для того, чтобы получить полное понятіе о составѣ народно-поэтическаго обихода, для исторіи самой пѣсни. Бѣлорусская пѣсня хранитъ очень много остатковъ старины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспринимала и воспринимаетъ не мало новыхъ и чуждыхъ элементовъ, или польскихъ, или великорусскихъ, или малорусскихъ; въ томъ числѣ были, безъ сомнѣнія, и вліянія книжныя или грамотныя. Собиратель, который, какъ г. Романовъ, имѣетъ возможность близко наблюдать народную жизнь, долженъ обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, и въ настоящемъ случаѣ жаль,

что онъ не опредѣляетъ ближе тѣхъ псевдонародныхъ произведеній, *обиліе* которыхъ у него указывается [1])...

Только въ послѣднее время начинаются обстоятельныя изслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ. Въ общемъ кругу стараго русскаго языка бѣлорусское нарѣчіе было языкомъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ и, по завоеваніи западнаго края Литвою, осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Этимъ языкомъ дѣловой оффиціальной жизни оно осталось съ XIV-го и вплоть до XVIII-го столѣтія; такъ, этому языку принадлежитъ „Литовскій Статутъ", напечатанный въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется теперь въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ. Въ эпоху религіознаго движенія XVI-го вѣка онъ начиналъ пробивать себѣ путь и въ книгу: бѣлорусское нарѣчіе составляетъ основу языка Библіи Скорины, хотя, въ соединеніи съ языкомъ церковно-славянскимъ, а также съ большой примѣсью полонизмовъ и чехизмовъ; элементы бѣлорусскаго нарѣчія сказываются въ нѣсколькихъ другихъ памятникахъ церковныхъ того времени и въ произведеніяхъ полемической литературы, которая была протестомъ малорусскаго и бѣлорусскаго народа противъ Польши, католичества и уніи. Но ни въ то время, ни впослѣдствіи бѣлорусское нарѣчіе не пріобрѣло самостоятельнаго литературнаго значенія. „Языкъ грамотъ и Литовскаго Статута, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи стараго русскаго языка,—никогда не былъ языкомъ всего населенія западной Руси; это былъ языкъ высшаго класса, того класса, который тотчасъ послѣ политическаго соединенія Литовско-русскаго государства съ Польшей подвергся вліянію польской культуры; отсюда понятно довольно значительное количество польскихъ словъ, формъ и оборотовъ, находимое въ этихъ памятникахъ. Въ Библіи Скорины и въ лютеранскомъ Катехизисѣ бѣлорусское нарѣчіе является смѣшаннымъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, съ прибавленіемъ большого количества полонизмовъ и—въ Библіи—богемизмовъ... Примѣсь чуждыхъ

---

[1]) Не приводимъ здѣсь другихъ, болѣе мелкихъ и частныхъ, этнографическихъ работъ, какія до послѣдняго времени появляются въ журналахъ и мѣстныхъ изданіяхъ; это было бы дѣло спеціальной библіографіи. Укажемъ кстати, что эпизодическіе труды, касающіеся бѣлорусской этнографіи, находятся также въ польской литературѣ, напр. въ изданіи краковской академіи: Zbiór wiadomošci do antropologii krajowéj, wydawany staraniem komisyi antropologicznéj Akademii Umiejętności w Krakowie. T. I, Kraków, 1877, и слѣд.

элементовъ дѣлаетъ западно-русскій литературный языкъ XIV— XVIII-го столѣтій во многомъ *отличнымъ* отъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія; тѣмъ не менѣе, тѣсная связь между ними не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не имѣютъ литературной обработки"... [1]). Дѣйствительно, новѣйшіе изслѣдователи бѣлорусскаго нарѣчія ищутъ своихъ источниковъ или въ старыхъ дѣловыхъ актахъ, или въ новѣйшихъ сборникахъ бѣлорусской народной поэзіи [2]).

Выше мы упоминали о первыхъ опредѣленіяхъ бѣлорусскаго языка у Линде. Шафарикъ, въ „Славянской Этнографіи", указывалъ вкратцѣ границы и особенности бѣлорусскаго нарѣчія (затрудняясь опредѣлять его говоры, и до сихъ поръ мало выясненные) и его письменные памятники [3]); далѣе, замѣтки о языкѣ дѣлались въ 1840-хъ годахъ по поводу являвшихся тогда изданій западно-русскихъ актовъ и былъ сдѣланъ опытъ объясненія поль-

---

[1]) Г. Соболевскій, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, май, стр. 137—138. Удивительно, что авторъ считаетъ какой-то большой моей ошибкой замѣчаніе, что бѣлорусское нарѣчіе не имѣло ни въ старину, ни теперь особеннаго литературнаго развитія—напрасно только, приводя цитату, онъ выкинулъ изъ нея одно существенное слово. Мои слова были: „бѣлорусская вѣтвь не имѣла *особаго* (т.-е. *особенно большого*) книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время" („Вѣстн. Евр.", 1886, апрѣль, стр. 743). Въ этихъ словахъ разумѣлось то самое, что говоритъ г. Соболевскій. Въ старину, по его собственнымъ словамъ, западно-русскій книжный языкъ не былъ чисто народнымъ языкомъ; это былъ бѣлорусскій, значительно полонизованный, языкъ высшаго класса; по словамъ г. Соболевскаго, онъ былъ „во многомъ отличенъ отъ *современнаго* бѣлорусскаго нарѣчія",—но, конечно, и отъ *тогдашняго* народнаго? Это было смѣшеніе съ церковнымъ, съ польскимъ и малорусскимъ въ разныхъ дозахъ—въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Цѣльной и разносторонней бѣлорусской литературы не было. Въ новѣйшее время дѣлались, особенно съ польской стороны, упомянутыя нами выше попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую поэтическую литературу; но это были крайне слабые опыты, напр., сравнительно съ тѣмъ, какое распространеніе получило въ книгѣ новѣйшее малорусское нарѣчіе. Словомъ, со стороны г. Соболевскаго его замѣчаніе было, кажется, простой lapsus mentis.

[2]) Западно-русская книжность средняго періода еще ждетъ, впрочемъ, изслѣдованій. Въ своемъ старомъ изслѣдованіи о русской повѣсти мы указывали цѣлый рядъ памятниковъ, приходившихъ къ намъ въ XVII-мъ ст. (а можетъ быть, и въ XVI-мъ) изъ польскаго источника; переводы могли дѣлаться и прямо съ польской книги, но могли быть и великорусской перепиcью бѣлорусскаго перевода, получившей въ своемъ обращеніи между русскими читателями, въ новыхъ спискахъ, все большее количество великорусскихъ подробностей. Разные списки подобныхъ произведеній отличаются различнымъ процентомъ польскихъ (или западно-русскихъ книжныхъ?) словъ и оборотовъ. Эта литература еще должна быть собрана и выяснена со стороны языка.

Западные и южные русскіе дѣятели, переходя въ Москву, какъ извѣстно, тотчасъ усвоивали господствовавшій тогда славяно-русскій стиль.

[3]) Slowanský Narodopis, 3-е изд. Прага, 1848, стр. 29—32.

скихъ вліяній [1]). Новый обильный матеріалъ для изученія стараго и народнаго языка является съ размноженіемъ изданій старыхъ актовъ, которые дали, наконецъ, поводъ собрать ихъ лексическій составъ [2]), съ новыми собраніями бѣлорусской народной поэзіи и спеціальными работами по словарю живого народнаго языка—въ извѣстномъ трудѣ Носовича, а также и въ „Толковомъ Словарѣ“ Даля [3]).

Мы упоминали, по поводу „Словаря“ Носовича, какъ неясны и сомнительны казались тогда вопросы о бѣлорусскомъ языкѣ даже въ спеціальномъ вѣдомствѣ русскаго языка, какъ русское отдѣленіе Академіи, и такимъ знатокамъ стараго русскаго языка, какъ Срезневскій. Первыя изслѣдованія бѣлорусскаго нарѣчія съ научными филологическими пріемами появляются только въ самое недавнее время. Таковы общія замѣтки и эпизодическія изслѣдованія г. Потебни, М. Колосова, Миклошича [4]); въ послѣднее время предпринято было нѣсколько спеціальныхъ трудовъ по этому предмету, напр., К. Аппеля [5]), затѣмъ гг. Недешева и Карскаго. Между тѣмъ, какъ г. Аппель имѣлъ въ виду исключительно современный народный языкъ, лишь въ очень немногихъ случаяхъ касаясь его историческаго прошедшаго, г. Недешевъ [6]) въ особенности обратилъ вниманіе на его историческую судьбу. Очертивъ географическія границы бѣлорусскаго нарѣчія

---

[1]) Въ книжкѣ Н. Лебедева: „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи“. Спб. 1848.

[2]) Работы Носовича; „Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края“, Н. Горбачевскаго. Изд. виленскаго учебн. округа. Вильно, 1874.

[3]) Отмѣтимъ здѣсь „Дополненіе“ къ словарю Носовича, заключающее слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ,—въ „Сборникѣ“ II Отд. Академіи Наукъ, т. XXI, Спб. 1881, стр. 1—22; и небольшой „Русско-нищенскій словарь, составленный изъ разговора нищихъ слуцкаго уѣзда, минской губерніи, мѣстечка Семежова“ мѣстнаго священника Ф. Сцепуры,—тамъ же, стр. XXIII—XXXII.

[4]) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. А. Потебни. Воронежъ, 1866 (изъ „Филол. Записокъ“ Хованскаго, 1865).

— Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. М. Колосова. Варшава, 1878.

— Miklosich, „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“—въ разныхъ ея отдѣлахъ.

[5]) О бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, Варшава, 1880, № 2, стр. 197—224; разборъ этой статьи сдѣланъ г. Бодуэномъ де-Куртенэ, въ „Филол. Запискахъ“ 1880.

[6]) И. Недешевъ, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Варшава, 1884, 54 стр. (изъ „Р. Филол. Вѣстника“).

(которое онъ считаетъ частью великорусскаго, иногда, однако, сближающейся съ малорусскимъ), авторъ старается прослѣдить исторію его звуковъ и формъ по старымъ памятникамъ бѣлорусскаго языка, особливо XVI-го и XVII-го вѣка,—хотя воспользовался далеко не всѣмъ, что можно было бы найти въ источникахъ. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, г. Карскій [1]), самъ родомъ бѣлоруссъ, знакомый съ дѣтства съ языкомъ, собралъ еще новый запасъ подробностей о современномъ языкѣ, но компетентные критики, относясь вообще сочувственно къ его работѣ, дали нѣсколько немаловажныхъ исправленій и указывали необходимость болѣе обширнаго изученія старыхъ памятниковъ.

Намъ остается сказать еще немногое. Какъ мы упоминали, этнографическая экспедиція въ сѣверо-западный край, предположенная и начатая Географическимъ Обществомъ, не удалась... Г. Кузнецовъ, предпринявши спеціально изученіе Литвы, доставилъ въ Общество лишь нѣсколько краткихъ отчетовъ и очерковъ. Г. Максимовъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, напечаталъ нѣсколько статей о западномъ краѣ [2]): это—рядъ любопытныхъ очерковъ, гдѣ авторъ рисуетъ своеобразную природу, наложившую свой отпечатокъ на характеръ жителей, дѣлаетъ остроумныя соображенія о ходѣ старой колонизаціи края русскимъ народомъ,— колонизаціи, оставившей свой слѣдъ въ существующихъ изстари и донынѣ мѣстныхъ названіяхъ; старается, и нерѣдко весьма удачно, опредѣлить разницу быта и характера бѣлорусскаго сравнительно съ великорусскимъ, касается нѣсколькими замѣтками народнаго міровоззрѣнія, повѣрій и преданій, сличая ихъ съ бытовыми условіями и т. д., такъ что остается пожалѣть, что работы автора въ Бѣлоруссіи не были имъ доведены до конца. Впослѣдствіи г. Максимовъ принялъ долю участія въ большомъ изданіи, посвященномъ описанію западнаго края; это былъ третій томъ изданія М. Вольфа, „Живописная Россія“ [3]). Этотъ боль-

[1]) „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“, Е. Ѳ. Карскаго. Москва, 1886, 170 стр. Разборъ этой книги, г. Соболевскаго, въ Журн. Мин. Просв. 1887, май, стр. 137—147.

[2]) См. „Обитель и житель. Изъ очерковъ Бѣлоруссіи“, въ „Древней и Новой Россіи“, 1876, кн. 6—8.

[3]) „Живописная Россія“ и пр., подъ общей редакціей П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Импер. Р. Геогр. Общества. Томъ третій. Часть первая. Литовское Полѣсье (съ 113 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ). Часть вторая. Бѣлорусское Полѣсье (съ 80 рисунками въ текстѣ и 11 отдѣльными картинками). Спб. 1882. 4°, 490 и VI стр.

шой томъ, главнымъ образомъ, почти исключительно, наполненъ былъ трудами Киркора; въ первой части описывается такъ-называемая „Литва", начиная съ древнѣйшихъ временъ, изображается природа края, народный бытъ, миѳологія, историческая судьба страны и т. д. [1]); только одна глава этой части, „Литовская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи", была написана г. Семеновымъ. Вторая часть тома опять наполнена статьями Киркора [2]); г. Максимову принадлежитъ здѣсь статья: „Бѣлорусская смоленщина съ сосѣдями", и г. Семенову — „Бѣлорусская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи".

При своемъ появленіи, эта книга вызвала ожесточенныя нападенія со стороны того лагеря, который продолжалъ преданія „Вѣстника Западной Россіи". Изданіе Вольфа, наполненное статьями полу-эмигранта Киркора, причтено было къ новымъ дѣяніямъ „польской интриги", и достаточно извѣстное положеніе главнаго редактора изданія не устранило этого обвиненія [3]). Дѣйствительно, при томъ состояніи, въ какомъ находилось изученіе западнаго края къ 1880-мъ годамъ, можно было бы не прибѣгать къ той географической терминологіи, какая употребляется Киркоромъ и гдѣ слово „Литва" остается двусмысленнымъ и неяснымъ [4]); вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было бы больше воспользоваться тѣмъ, что̀ было сдѣлано къ тому времени въ русскихъ изслѣдованіяхъ по исторіи и этнографіи западнаго края; по крайней мѣрѣ, можно было бы объяснить, хотя въ предисловіи, способъ выраженія Киркора. Но политическія инкриминаціи, въ

---

[1]) Названія главъ таковы: „Первобытныя времена Литовскаго Полѣсья.—Народности Литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь. — Литовскій языкъ и литовская миѳологія.—Природа древней Литвы.—Современная природа Литвы.—Историческія судьбы Литовскаго Полѣсья. — Просвѣщеніе и народное творчество въ Литвѣ. — Городъ Вильно.—Городскія поселенія въ Литвѣ.—Народный трудъ".

[2]) „Памятники временъ первобытныхъ. — Слѣды язычества въ празднествахъ, обрядахъ и пѣсняхъ —Народная жизнь.—Историческія судьбы Бѣлорусскаго Полѣсья. —Умственныя силы и средства образованія.—Природа Бѣлоруссіи.—Долина Припети.—Въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ".

[3]) Ср., напр., кромѣ другихъ газетныхъ статей того времени, даже болѣе умѣренную „Библіографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи (Литва и Бѣлоруссія — соч. Киркора). Бѣлорусса". Вильно, 1884 (изъ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей). Авторъ „Замѣтки", по поводу нѣкоторыхъ „очерковъ" этой книги, считаетъ возможнымъ предположеніе, что „они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ".

[4]) Напр., историческія событія и *русскіе* люди XVI—XVII-го вѣка являются то „литовскими", то бѣлорусскими, и повторяются въ обѣихъ историческихъ рубрикахъ (напр., Зизаній, Смотрицкій, и пр.). Съ другой стороны, подъ именемъ „литовскаго" просвѣщенія излагается исторія виленскаго *польскаго* университета, и т. п.

какимъ подалъ поводъ этотъ томъ „Живописной Россіи“, были все-таки излишни. Дѣло объясняется проще. Каковы бы ни были научные недостатки Киркора, какъ бы ни были иногда поверхностны и односторонни его сужденія, онъ былъ въ тѣ годы едва ли не единственный человѣкъ, который могъ дать для популярнаго чтенія столь разнообразныя свѣденія о западномъ краѣ въ его различныхъ природныхъ, историческихъ и этнографическихъ отношеніяхъ. Онъ былъ тамошній уроженецъ, ему знакома была природная и этнографическая обстановка края; онъ много изучалъ его какъ археологъ, историкъ, этнографъ, зналъ его бытовыя черты и преданія и т. д. Его сочувствія были не столько чисто-польскія, сколько смягченныя тѣмъ мѣстнымъ „литовскимъ“ направленіемъ, котораго возможность признавали даже русскіе наблюдатели, какъ Безсоновъ. Что касается недостатка указаній на новѣйшія русскія изслѣдованія, то вѣроятно, что Киркоръ, давно выѣхавши за границу, да и прежде зная лучше польскую, чѣмъ русскую литературу, просто мало былъ знакомъ съ тѣмъ, что̀ дѣлалось у насъ по исторіи XVI—XVII-го вѣка,—хотя работы собственно этнографическія ему были извѣстны. Положеніе редактора изданія было очень трудное: въ русскомъ научномъ кругу онъ видимо не находилъ спеціалиста, который могъ бы отвѣчать требованіямъ програмы, и онъ остановился на Киркорѣ.

Таковы были судьбы этнографическихъ изученій западно-русскаго народа. Исходя изъ одного русскаго корня, онъ по племеннымъ свойствамъ остался ближе къ народу великорусскому, чѣмъ къ малорусскому, сближаясь, однако, иногда и съ малорусскимъ, съ которымъ дѣлилъ въ теченіе многихъ вѣковъ и общую историческую судьбу; по вѣрѣ онъ хранилъ давнее преданіе перваго русскаго православія; давно, еще на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія, разобщенный отъ той вѣтви русскаго народа, въ средѣ которой создалось государство, онъ извѣстнымъ образомъ тяготѣлъ къ нему по вѣрѣ и, вѣроятно, также по племенному инстинкту, — но, соединившись съ Литвой и Польшей, онъ повелъ иное политическое существованіе и иное культурное развитіе и понесъ на себѣ ихъ послѣдствія—тяжелое положеніе русской народности, которая подпала польскому и католическому вліянію, а также и притѣсненію; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, его культурныя пріобрѣтенія помогли ему въ борьбѣ за свою народную личность и старое церковное преданіе, и въ XVI—XVII столѣтіи Москва могла воспользоваться плодами западнаго и юж-

наго русскаго просвѣщенія, хотя эти страны еще находились подъ польскимъ владычествомъ. Великорусская вѣтвь племени образовалась мимо юга и запада, и эта отдѣльность, несмотря на упомянутыя общія симпатіи, чувствовалась въ старину съ обѣихъ сторонъ: для Москвы бѣлоруссы стали „литовскіе люди“, малоруссы—„люди черкасскіе“; на западѣ и югѣ „москали“ часто бывали антипатичны по сложившемуся различію характеровъ и по особому политическому складу москвичей. Тогда как Малороссія подпала возсоединенію еще съ половины XVII-го вѣка, бѣлоруссы вошли въ составъ русской имперіи почти на полтора вѣка позднѣе и, какъ извѣстно, даже долгое время по присоединеніи продолжали оставаться фактически подъ польскимъ владычествомъ, какъ крѣпостные польскихъ помѣщиковъ, и полонизація въ высшихъ классахъ бѣлорусскаго народа подъ русской властью шла, какъ говорятъ, даже сильнѣе прежняго... Истинное положеніе вещей стало выясняться лишь въ послѣднія десятилѣтія. Освобожденіе крестьянъ въ первый разъ открыло для русскаго общества въ полной мѣрѣ вопросъ о *бѣлорусскомъ народѣ*, съ которымъ, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о немъ недоставало иногда даже элементарныхъ свѣденій. Польское возстаніе усилило интересъ враждою къ Польшѣ, но и спутало правильное пониманіе дѣла: патріотическіе публицисты внезапно узнали о существованіи русскаго народа въ западномъ краѣ и, сознаваясь, что русское общество забыло или, собственно говоря, не знало о немъ, съ одной стороны объявляли западный край чисто-русскимъ, съ другой, говорили о необходимости его „обрусенія“... Край, поставленный въ эпоху возстанія на военное положеніе, надолго остался въ этомъ ненормальномъ положеніи, и люди безпристрастные печалились, что въ тѣхъ натянутыхъ условіяхъ, въ какихъ онъ жилъ, мѣстная жизнь теряетъ свободу развитія, что̀ служитъ въ ущербъ даже самому государственному интересу. Существованіе мѣстныхъ особенностей страны и народа не подлежитъ сомнѣнію, и нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ такъ мало развито пониманіе того, что эта мѣстная жизнь разныхъ краевъ нашего отечества имѣетъ право быть глубоко важнымъ интересомъ не одного только общества, и что только въ успѣхахъ этой жизни заключено ручательство здороваго, цѣльнаго развитія общественности и самаго государства.

А. Пыпинъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

въ

„ВОЙНѢ И МИРѢ"

I.

Приступая къ разбору извѣстныхъ историко-философскихъ разсужденій гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и мирѣ"—романѣ, написанномъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ сравнительно мало разсмотрѣнномъ съ этой стороны,—мы могли бы сослаться на распространенную поговорку насчетъ „поздно" и „никогда", еслибы романъ „Война и миръ" не принадлежалъ къ числу произведеній, пересматривать которыя для критики никогда не бываетъ поздно. Кромѣ того, самая тэма можетъ именно *теперь* считаться почти современной въ виду *настоящаго* направленія литературной дѣятельности гр. Толстого,—направленія, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ именно философствованіе, хотя бы и совсѣмъ въ иной области, не затронутой въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ „Войны и мира" объ исторіи вообще. Говоря объ исторической философіи гр. Толстого, мы имѣемъ въ виду тѣ страницы его романа, гдѣ послѣдній переходитъ, такъ сказать, въ абстрактный философскій трактатъ [1]),—и только этотъ трактатъ подвергнемъ анализу, не касаясь вопроса о томъ, насколько вѣрно или невѣрно освѣщеніе, въ какомъ являются у гр. Толстого дѣй-

---

[1]) См. по второму изданію III, 1—7; VI, 1—5, 256—257; IV, 1—8, 151—166, 231—290.

ствительныя историческія событія воспроизведенной имъ эпохи. Съ извѣстной точки зрѣнія и это, конечно, представляетъ интересъ, но уже менѣе общаго и болѣе спеціальнаго характера, въ сравненіи съ разрѣшеніемъ принципіальныхъ вопросовъ исторической философіи.

„Война и миръ“, и по формѣ, и по содержанію, можетъ разсматриваться какъ синтезъ поэзіи, исторіи и философіи, этихъ трехъ главныхъ органовъ человѣческаго самопознанія. По основному замыслу это—то же самое, что „Божественная Комедія“ Данте, въ которой слиты воедино поэтическіе, историческіе и философскіе элементы, хотя со стороны внѣшняго, техническаго единства „священная поэма“ великаго флорентинца далеко оставляетъ за собою „Войну и миръ“. Въ „Войнѣ и мирѣ“ какъ бы перепутаны страницы изъ трехъ отдѣльныхъ книгъ; изъ романа въ собственномъ смыслѣ, т.-е. семейной хроники Ростовыхъ и Болконскихъ, изъ историческаго сочиненія о войнахъ Россіи съ Наполеономъ I и изъ философскаго трактата о сущности историческаго движенія вообще,—до такой степени каждый элементъ выступаетъ самостоятельно, хотя они и соединены между собою, съ одной стороны, мѣстами переходнаго характера отъ романа къ исторіи, гдѣ изображено участіе вымышленныхъ лицъ семейной хроники въ дѣйствительныхъ событіяхъ и вліяніе послѣднихъ на эти лица, а съ другой—мѣстами переходнаго же характера отъ исторіи къ философіи, въ которыхъ событія даютъ поводъ для отвлеченнаго разсужденія на общую тэму или служатъ иллюстраціей теоретическихъ тэзисовъ. Эти переходныя мѣста играютъ роль спайки между тремя составными частями, получающими, благодаря ей, видъ одного цѣлаго: безъ этой спайки поэзія, исторія и философія представляли бы изъ себя три неравнаго объема и разнороднаго содержанія книги, случайно сброшюрованныя и переплетенныя вмѣстѣ. Мало того: такъ какъ центръ тяжести всего произведенія лежитъ въ романѣ, и такъ какъ философскій трактатъ примыкаетъ непосредственно только къ исторической части, которая сама занимаетъ въ цѣломъ все-таки второстепенное мѣсто, то трактатъ этотъ, кромѣ того и по отвлеченности своей столь мало подходящій къ художественной образности двухъ другихъ частей, и кажется какимъ-то совершенно лишнимъ придаткомъ, нарушающимъ гармонію цѣлаго, какъ, впрочемъ, нарушаютъ ее мѣста, гдѣ гр. Толстой превращается въ военнаго историка и въ доказательство правильности своихъ взглядовъ помѣщаетъ даже впереди текста планъ бородинскаго сраженія. Ука-

зываю на такое построеніе всего произведенія съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, этимъ опредѣляется отношеніе философскаго трактата къ цѣлому въ „Войнѣ и мирѣ", какъ не исчерпывающаго въ отвлеченной формѣ всего содержанія произведенія, по связи этого трактата только съ однимъ историческимъ элементомъ „Войны и мира"; во-вторыхъ, отказывая произведенію въ техническомъ единствѣ, я имѣю въ виду скрыть это механическое цѣлое, чтобы обнаружить въ его основѣ единство другого рода, единство внутреннее, его самую общую концепцію, то, что комментаторы Данте по отношенію къ „Божественной Комедіи" очень характерно называли „idea madre".

Представьте себѣ, что гр. Тостой построилъ „Войну и миръ" по другому, болѣе совершенному съ формальной стороны плану, и что планъ этотъ былъ бы такой. Говоря схематически, его произведеніе оказывается въ расположеніи трехъ указанныхъ выше элементовъ вытянутымъ по прямой линіи: романъ переходитъ въ исторію, исторія—въ философію, и послѣдняя съ первымъ составляютъ два полюса; но не ограничься гр. Толстой въ своихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ одной историческою жизнью, а дай въ нихъ мѣсто и вопросу о жизни личной, столь богато и разнообразно воспроизведенной въ семейной хроникѣ, и свяжи онъ эту расширенную философію съ романомъ переходными мѣстами,—сближеніе двухъ полюсовъ превратило бы прямую линію въ замкнутый въ себѣ циклъ романа, переходящаго въ исторію, исторіи, приводящей къ философіи, и философіи, опять соприкасающейся съ романомъ. Вотъ въ центрѣ воображаемаго цикла и помѣщалась бы основная идея цѣлаго, носительница его внутренняго единства. Конечно, формулировать эту идею въ немногихъ словахъ такое построеніе „Войны и мира", пожалуй, и не облегчило бы, но она выступала бы рельефнѣе и сама давалась бы въ руки,—эта центральная идея. А она именно существуетъ и при теперешнемъ несовершенномъ архитектоническомъ планѣ „Войны и мира": есть здѣсь одна мысль, къ которой не даромъ же не разъ возвращается гр. Толстой, и эта, а не другая какая-либо мысль, имѣетъ право на значеніе центральной идеи всего произведенія. „Жизнь,—говоритъ, во-первыхъ, гр. Толстой,—*настоящая* жизнь людей съ своими *существенными* интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, *какъ и всегда*, независимо и внѣ политической близости и вражды съ Наполеономъ и *внѣ всевозможныхъ преобразованій* (III, 1—2)... Есть двѣ стороны жизни въ *каждомъ* человѣкѣ,—замѣчаетъ онъ,

во-вторыхъ:—жизнь *личная*, которая тѣмъ болѣе *свободна*, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, *роевая*, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ *предписанные ему законы*. Человѣкъ *сознательно живетъ для себя*, но служитъ *безсознательнымъ орудіемъ* для достиженія историческихъ общечеловѣческихъ цѣлей (IV, 5). „Какъ солнце и каждый атомъ эѳира,—читаемъ мы въ третьемъ мѣстѣ,—есть шаръ, законченный въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго человѣку по огромности цѣлаго,—такъ и каждая личность *носитъ въ себѣ свои цѣли* и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы *служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ*" (VI, 165). Въ приведенныхъ словахъ, по моему мнѣнію, и заключается „idea madre" „Войны и мира": это произведеніе гр. Толстого есть, такъ сказать, историческая поэма на философскую тэму о двойственности человѣческой жизни; въ немъ гр. Толстой изображаетъ обѣ эти жизни, иллюстрируя свою мысль на фиктивныхъ и фактическихъ примѣрахъ, переплетающихся между собою, семейной хроники и національной эпопеи, но переводя на отвлеченный языкъ философіи только часть всей своей мысли, т.-е. свой взглядъ на жизнь историческую. Все въ „Войнѣ и мирѣ", не относящееся прямо къ философіи въ формѣ трактата, мы раздѣлили съ внѣшней стороны на романъ и исторію, т.-е. на вымыселъ и правду, но со стороны внутренней нужно принять тутъ другое дѣленіе: гр. Толстой изобразилъ здѣсь человѣческую личность въ разныхъ ея модификаціяхъ, пользуясь одинаково образами, созданными его чисто-поэтическимъ творчествомъ, и историческими фигурами, воспроизведенными на основаніи опредѣленныхъ фактическихъ данныхъ, и представилъ въ рядѣ картинъ историческое движеніе международной борьбы, выводя безразлично на сцену и дѣйствительно существовавшихъ людей, и лица, родившіяся въ его собственной творческой фантазіи. Другими словами, романъ и исторія—двѣ формы, подъ каждою изъ которыхъ скрывается одно и то же, хотя и двойственное содержаніе, т.-е. изображеніе человѣческой личности и историческаго движенія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Внѣшнее соединеніе переплетающихся между собою романа и исторіи, семейной хроники и національной эпопеи основано въ „Войнѣ и мирѣ" на представленіи участія въ событіяхъ всѣхъ людей, а не однихъ такъ-называемыхъ историческихъ лицъ, и на представленіи вліянія событій на личную жизнь и личную судьбу этихъ самыхъ людей, а не на однѣ націи, государства, политическія системы и т. п., взятыя въ отвлеченіи отъ реальныхъ человѣческихъ существъ. Если самый замыселъ дать въ одномъ произведеніи синтезъ поэзіи,

исторіи и философіи слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ крупныхъ явленій во всей нашей литературѣ, то еще болѣе грандіозной представляется намъ та общая философская мысль, которую положилъ гр. Толстой въ основу своей исторической поэмы, какъ бы мы ни относились къ выводамъ, дѣлаемымъ гр. Толстымъ изъ этой мысли.

Въ исторіи человѣкъ является существомъ активнымъ и пассивнымъ: онъ дѣйствуетъ въ исторіи, и исторія дѣйствуетъ на него. Въ своей великолѣпной исторической композиціи гр. Толстой изображаетъ оба эти дѣйствія съ той точки зрѣнія, съ какой самъ смотритъ на историческую жизнь вообще, и установленіе этой точки зрѣнія, развитіе возникающихъ изъ основного взгляда положеній и составляетъ содержаніе его историко-философскаго трактата. Представить человѣка какъ активное и пассивное существо исторіи,—задача, достойная писателя, который хотѣлъ выступить въ одномъ и томъ же произведеніи и въ качествѣ художника, и въ качествѣ мыслителя, и которому потому предстояло коснуться интереснѣйшихъ проблемъ психологіи и соціологіи. Посмотримъ, какъ гр. Толстой справился съ этой задачей.

Дѣйствіе исторіи на человѣка бываетъ вообще двоякаго рода: одно способно заинтересовать психолога, другое—соціолога; первое состоитъ въ непосредственномъ вліяніи событій на человѣческую душу, въ ихъ, такъ сказать, вторженіи во внутренній міръ человѣка; второе заключается въ томъ, что историческое движеніе пересоздаетъ формы общественной жизни, коими опредѣляется извнѣ вся жизнь личностей. Гр. Толстой съ большимъ успѣхомъ выполнилъ свою задачу какъ психологъ: начиная съ художественнаго пріема описывать событія по производимымъ ими впечатлѣніямъ на лицъ, въ нихъ дѣйствующихъ,—такъ онъ описываетъ шёнграбенское дѣло или аустерлицкую битву по впечатлѣніямъ князя Андрея или Николая Ростова, изображаетъ пріѣздъ императора Александра въ Москву въ волненіяхъ Пети,—и кончая самимъ содержаніемъ „Войны и мира“, заключающимся, въ значительной степени, въ воспроизведеніи процесса внутренняго перерожденія личности подъ сложнымъ и разнообразнымъ вліяніемъ цѣлаго ряда событій, гр. Толстой мастерски справился съ этой субъективной стороной историческаго движенія, съ личными впечатлѣніями отъ событій, переходящими и въ мотивы личной дѣятельности внѣ замкнутыхъ предѣловъ чисто индивидуальнаго бытія. Тутъ гр. Толстой проникаетъ въ самую глубь взаимодѣйствія между личностью и исторіей, составляющаго суть процесса

движущейся общественной жизни. И эта личность въ своемъ пассивномъ и активномъ отношеніи къ исторіи выступаетъ у него въ громадномъ количествѣ человѣческихъ экземпляровъ, историческихъ фигуръ и вымышленныхъ лицъ, политическихъ дѣятелей и частныхъ людей,—экземпляровъ, такъ сказать, индивидуальныхъ, съ обстоятельной характеристикой каждаго, и экземпляровъ массовыхъ въ родѣ мужиковъ, сжигающихъ сѣно, чтобы оно не досталось врагу, или бѣгущихъ солдатъ, видъ которыхъ вызываетъ у Кутузова энергичное восклицаніе: „мерзавцы!" Оставляя въ сторонѣ созерцаніе исторіи со всѣми его послѣдствіями для внутренней жизни человѣка, какъ фактъ чисто личнаго бытія, пока это созерцаніе не вызываетъ человѣка къ дѣятельности, гр. Толстой въ своей исторической философіи разсматриваетъ вопросъ о дѣйствіи человѣка въ исторіи и вмѣстѣ съ этимъ переходитъ на почву соціологіи. Но дѣйствіе исторіи на человѣка состоитъ не въ одномъ непосредственномъ вліяніи событій на душу, на внутренній міръ личности: личная жизнь обусловлена извѣстными соціальными формами, измѣняющимися путемъ историческаго процесса; отъ этихъ формъ, отъ всего уклада общественной жизни зависятъ полнота, свобода и благополучіе личнаго бытія, и представить дѣйствіе исторіи на человѣка съ этой стороны есть задача соціолога. Но гр. Толстой здѣсь-то и допускаетъ громадный пробѣлъ въ своей исторической философіи: по его словамъ, какъ мы видѣли, настоящая жизнь людей съ своими существенными интересами идетъ всегда независимо и внѣ всевозможныхъ преобразованій (III, 1—2), какъ будто формы общественной жизни безразличны по отношенію къ существеннымъ интересамъ индивидуальнаго бытія, требующимъ удовлетворенія. Какое капитальное значеніе имѣетъ этотъ пунктъ во всей исторической философіи „Войны и мира"—мы еще увидимъ.

Мы привели выше три мѣста изъ „Войны и мира", въ которыхъ выражена основная концепція всего произведенія: это—мысль о двойственности человѣческой жизни. Въ этой концепціи мы обнаружили существенный пробѣлъ: гр. Толстой игнорируетъ соціологическую сторону исторіи, „всевозможныя преобразованія", какъ онъ выражается, которыя будто бы безразличны для „настоящей" жизни. Во второмъ изъ приведенныхъ мѣстъ, выражающихъ общую концепцію „Войны и мира", сказано, что упомянутая двойственность существуетъ въ жизни *каждаго* человѣка. Не даромъ поэтому гр. Толстой заставляетъ принимать участіе въ историческихъ событіяхъ лица, созданныя его творческой фантазіей, и вводитъ въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, въ одинъ человѣ-

ческій ростъ съ ними, чисто историческія фигуры: участіе въ исторіи не есть привилегія однихъ героевъ, двойственность жизни присуща каждому человѣку. На этомъ гр. Толстой даже особенно настаиваетъ. „До тѣхъ поръ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ разсужденій,—до тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,—будь Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры,—а не исторія *всѣхъ*, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли" (VI, 243). Отвѣчая на вопросъ объ этой силѣ, онъ находитъ, что „движеніе народовъ производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи" (VI, 264). Мы согласимся съ гр. Толстымъ, что съ такой точки зрѣнія „непосредственно уловить и обнять,—словомъ, описать жизнь не только человѣчества, но одного народа представляется невозможнымъ" (VI, 231), ибо „жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей" (VI, 252). Какъ же поступаетъ самъ гр. Толстой въ описаніи взятаго имъ историческаго движенія? Съ одной стороны, онъ выводитъ на сцену нѣсколькихъ людей, о которыхъ говорятъ историки, съ другой—еще нѣкоторыхъ людей, созданныхъ его воображеніемъ, но эти нѣкоторые люди въ его изображеніи дѣлаются типическими представителями всѣхъ другихъ, одновременно принимающихъ участіе въ событіи. „Движеніе русскаго народа на востокъ, въ Казань и Сибирь, выражается ли въ подробностяхъ больного характера Ивана IV-го и его переписки съ Курбскимъ?" — спрашиваетъ гр. Толстой въ поясненіе своей мысли о томъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ лицъ. Конечно, нѣтъ; но движеніе русской народной массы на востокъ можно до нѣкоторой степени обобщить въ біографіяхъ одного какого-либо человѣка или нѣсколькихъ лицъ, уходившихъ въ Казань и Сибирь, и въ сущности то же самое дѣлаетъ гр. Толстой въ „Войнѣ и мирѣ", замѣняя всѣхъ русскихъ людей, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, нѣсколькими типическими представителями, играющими роль въ романѣ или случайно появляющимися въ историческихъ описаніяхъ. Онъ протестуетъ противъ стараго пріема историковъ „разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица" (V, 2)—и рекомендуетъ другой способъ: „только,—го-

ворить онъ, допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи" (V, 3). Такъ и поступилъ гр. Толстой въ „Войнѣ и мирѣ": онъ старался принять въ разсчетъ однородныя влеченія всѣхъ людей, участвовавшихъ въ событіяхъ, а результатомъ того, что онъ называетъ интеграціей, были выведенныя имъ лица, суммирующія въ нѣсколькихъ образахъ массы индивидуумовъ, однородныхъ по характеру или общественному положенію, однородныхъ на протяженіи всей своей жизни или въ отдѣльные моменты, подъ вліяніемъ чувства страха, переходящаго въ панику, негодованія при видѣ оскорбленной народной святыни и т. п. Въ концѣ концовъ, у гр. Толстого дѣйствуютъ всѣ, хотя онъ показываетъ намъ только нѣкоторыхъ, и какъ искусно заставилъ онъ дѣйствовать вмѣстѣ людей, дѣйствительно существовавшихъ, и лица, рожденныя его творческимъ воображеніемъ! Онъ съ большимъ успѣхомъ отказался отъ традиціи стараго историческаго романа, грѣшившаго противъ правды двоякимъ образомъ: старый историческій романъ или выводилъ на первомъ планѣ настоящія историческія фигуры на ихъ героическомъ пьедесталѣ, сочиняя о нихъ разныя небылицы и выдумывая цѣлыя событія, или же заставлялъ дѣйствительныя событія совершаться исключительно вслѣдствіе вмѣшательства въ исторію вымышленныхъ героевъ, являвшихся въ рѣшительныя минуты, чтобы принять участіе въ событіяхъ и сдѣлать въ ихъ ходѣ цѣлый переворотъ. У гр. Толстого историческій фактъ представляется безъ искажающихъ прикрасъ, а вымыселъ не возводится на степень историческаго факта, рѣшившаго судьбу событія.

Умѣя понять разнообразіе мотивовъ, которые заставляютъ всѣхъ людей принимать участіе въ исторіи, гр. Толстой и здѣсь допустилъ, однако, пробѣлъ и притомъ весьма существеннаго свойства: разъ онъ отнесся къ соціологической сторонѣ исторіи, къ измѣненію культурно-соціальныхъ формъ или „всевозможнымъ преобразованіямъ", по его собственному выраженію, какъ къ дѣлу безразличному для настоящей жизни, онъ долженъ былъ и ту часть человѣческой дѣятельности, которая направлена на эту сторону жизни, подвергнуть нѣкоторому остракизму. Гр. Толстой доходитъ далѣе до утвержденія, будто сознательное стремленіе къ общему благу путемъ преобразованія формъ жизни даже совсѣмъ невозможно: „для человѣка, не одержимаго страстью,—говоритъ онъ, напр.,—bien public никогда неизвѣстно; но человѣкъ, совер-

шающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо". Не мы первые отмѣчаемъ, что вообще гр. Толстой, и не въ „Войнѣ и мирѣ" только, очень несимпатично даже относится къ общественнымъ дѣятелямъ всякаго рода, и если въ „Войнѣ и мирѣ" масса людей принимаетъ участіе въ исторіи, то подъ вліяніемъ стихійной силы чувства; историческое движеніе подъ вліяніемъ идеи о bien public съ такой точки зрѣнія должно являться полнѣйшей загадкой, и было бы очень любопытно посмотрѣть, какъ справился бы гр. Толстой съ своей исторической задачей въ „Декабристахъ", писать которыхъ онъ начиналъ. Отсюда понятенъ и такой выводъ изъ общей концепціи гр. Толстого: „только одна безсознательная дѣятельность,—говоритъ онъ,—приноситъ плоды; и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія". Если такъ, то остается только объявить совокупность всѣхъ общественныхъ и историческихъ дѣятелей за простыя орудія исторіи, не вѣдающія, что̀ творятъ, а въ эту категорію войдутъ всѣ, которыя въ той или другой формѣ направляютъ свою дѣятельность къ общественнымъ цѣлямъ. Такъ гр. Толстой и дѣлаетъ, заявляя въ мѣстахъ, приведенныхъ мною и заключающихъ его основную мысль,— что въ исторической жизни человѣкъ есть безсознательное, несвободное орудіе чего-то роковаго. Вотъ почему и въ своей исторической философіи гр. Толстой ни единымъ словомъ не обмолвился о содержаніи историческаго движенія, какъ измѣненія общественныхъ формъ, ограничившись вопросомъ о простомъ механизмѣ этого движенія, столь, по его мнѣнію, безразличнаго для „настоящей", по его опредѣленію, т.-е. личной жизни. Послѣдняя, кромѣ того, представляется ему, какъ мы опять-таки видѣли, въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ (V, 5) наиболѣе свободной, тогда какъ въ жизни исторической „человѣкъ,—по его словамъ,— неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы", т.-е. дѣйствуетъ совершенно фатально. Послѣ всего сказаннаго, мы надѣемся, каждый согласится съ нами, что въ выбранныхъ нами трехъ мѣстахъ, дѣйствительно, заключается основная идея всего произведенія, которою опредѣляется и содержаніе, и характеръ самой исторической философіи „Войны и мира". Разбору этой философіи мы думаемъ, однако, предпослать нѣсколько указаній на то, что, не касаясь содержанія идей гр. Толстого, мы обнаруживаемъ въ трехъ главныхъ элементахъ его произведенія — въ романѣ, исторіи и философіи—одну и ту же реалистическую тенденцію.

II.

Мы не будемъ, разумѣется, останавливаться на художественномъ реализмѣ гр. Толстого: это, во-первыхъ, отвлекло бы насъ отъ главной нашей тэмы, а во-вторыхъ, тутъ пришлось бы повторять только истины, сдѣлавшіяся общими мѣстами. Интереснѣе посмотрѣть, какъ проявился реализмъ гр. Толстого въ области исторіи и исторической философіи.

Реализму обыкновенно противополагаютъ идеализмъ, и очень часто сущность перваго опредѣляютъ этимъ противоположеніемъ. Но, намъ кажется, тутъ существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе, нерѣдко спутывающее понятія, потому что подъ идеализмомъ разумѣютъ иногда три разныя понятія. Первый смыслъ *идеализма*, говоря коротко, относится къ творчеству идеаловъ, т.-е. идей того, *что̀ должно быть*, какъ реализмъ имѣетъ отношеніе къ вѣрному воспроизведенію того, *что есть на самомъ дѣлѣ*. Одно другому не противорѣчитъ, и одна изъ особенностей русской литературы вообще и произведеній гр. Толстого въ частности заключается въ такомъ сочетаніи реализма съ идеализмомъ, при которомъ существующее на самомъ дѣлѣ не смѣшивается съ долженствующимъ существовать, и въ воспроизводимой жизни усматривается не одна голая „натура", но и стремленіе къ идеалу,— чѣмъ нашъ реализмъ такъ выгодно и отличается отъ французскаго натурализма. Послѣдній отнимаетъ у человѣческой жизни цѣлую сторону ея содержанія, но въ немъ есть направленія, сообщающія этой жизни болѣе, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ представляетъ: это будетъ уже *идеализація*, т.-е. воспроизведеніе дѣйствительности не такъ, какъ она есть, а извѣстнымъ образомъ прикрашенное, съ нѣкоторой подмалевкой, приближающей представленія о томъ, что̀ есть, къ идеальнымъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ о̀бразамъ. Поэтическая идеализація ведетъ свое начало изъ временъ миѳологіи, въ которой впервые извѣстные идеалы воплотились въ о̀бразахъ боговъ, полубоговъ, героевъ, богатырей и вообще существъ, одаренныхъ нечеловѣческими свойствами по части физической силы, совершенствъ всякаго рода и нравственнаго величія, какихъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Закваска идеализаціи присуща обоимъ главнымъ направленіямъ европейской литературы, классическому и романтическому, какъ въ ихъ изначальной формѣ въ древности и въ средніе вѣка, такъ и въ ихъ новой формѣ псевдоклассицизма и нео-романтизма съ ихъ условными правилами,—и современный нѣмецкій романъ, въ сравненіи

съ русскимъ, все еще носитъ слѣды идеализирующей подмалевки дѣйствительности. Исторіографія, особенно популярная, въ этомъ отношеніи всегда подчинялась господствующимъ литературнымъ вкусамъ: и въ ней можетъ быть обнаруженъ своего рода классическій стиль или своего рода романтическая манера идеализаціи историческихъ лицъ и событій. Трезвое отношеніе къ явленіямъ прошлаго, безъ попытокъ ставить ихъ на классическій пьедесталъ героизма или окружать романтическимъ ореоломъ совершенства, и есть реализмъ въ исторіографіи. Новая русская литература развивалась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ въ эпоху господства сначала лже-классицизма, а потомъ ново-романтизма, и первые шаги ея по пути самостоятельности ознаменовались освобожденіемъ отъ идеализаціи дѣйствительности: русскій реализмъ не былъ выдуманъ теоретически, онъ не дошелъ до крайностей натурализма, являющагося во Франціи реакціей идеализаціи, и съумѣлъ дать въ романѣ законное мѣсто идеализму, обходясь безъ идеализаціи, столь еще замѣтной въ романѣ нѣмецкомъ. Итакъ, реализмъ противоположенъ не чему иному, какъ именно идеализаціи, которая одинаково можетъ встрѣчаться какъ въ области поэзіи, такъ и въ области исторіографіи. Если отъ способа проявленія русскаго ума въ романѣ позволительно сдѣлать заключеніе о томъ, каково будущее русской самостоятельной философіи, то нужно признать, что ей предстоитъ быть также реалистической—безъ изгнанія идеализма и изъ этой сферы, съ отнесеніемъ идеализма къ творчеству идеаловъ. Реализму здѣсь мы противополагаемъ *идеологію*, т.-е. такое отношеніе мышленія къ идеямъ или общимъ понятіямъ, при которомъ послѣднія, будучи въ сущности продуктами нашего логическаго творчества, вмѣсто того, чтобы служить намъ средствомъ разбираться въ реальныхъ явленіяхъ, сами заступаютъ ихъ мѣсто передъ нашею мыслью. Начало свое идеологія ведетъ изъ миѳическаго олицетворенія отвлеченныхъ понятій, когда, напр., храбрость или добродѣтель мыслили какъ нѣкія реальности, а не обобщенія нашего ума, и эта идеологія лежитъ въ основѣ старой схоластической и метафизической философіи, замѣнявшей міръ реальныхъ явленій міромъ абстрактныхъ понятій. Примѣняя сказанное объ идеализаціи къ исторіи въ „Войнѣ и мирѣ", а сказанное объ идеологіи—къ исторической философіи въ этомъ произведеніи, мы найдемъ, что и тутъ гр. Толстой, какъ и въ романѣ, выступаетъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ тенденціяхъ, настоящимъ реалистомъ: съ этой точки зрѣнія „Война и миръ" особенно замѣчательны, какъ произведеніе, въ которомъ проведена одна и та

же реалистическая тенденція въ областяхъ поэзіи, исторіографіи и философіи, хотя, какъ мы увидимъ, оно и страдаетъ неполнотой своего идеализма. На доказательствѣ своей мысли относительно историческихъ описаній гр. Толстого долго останавливаться не станемъ, но реализмъ его философіи заслуживаетъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

Художникъ превращается въ ученаго, романистъ дѣлается историкомъ, и мы въ полномъ правѣ ожидать, что общіе пріемы, употреблявшіеся имъ въ одной области, сохранятся и въ другой: не можетъ же одинъ и тотъ же человѣкъ покланяться разнымъ богамъ, до такой степени раздваиваться, чтобы оставлять свои реалистическія привычки при переходѣ отъ поэзіи къ исторіографіи. Примѣръ гр. Толстого подтверждаетъ этотъ тэзисъ: историческая часть „Войны и мира“ чужда изображенія героевъ въ классическомъ стилѣ, романтической манеры идеализированія событій; историческія лица превращаются у него изъ полубоговъ въ обыкновенныхъ смертныхъ, событія представляются во всей своей реальной правдѣ. Всякая идеализація есть внесеніе въ дѣйствительность нѣкоторыхъ чертъ, въ ней не обрѣтающихся; а такое внесеніе въ исторію не-реальнаго содержанія прежде всего выражается въ представленіи героя, какъ богоподобнаго или пользующагося сверхъестественною властью существа. „Всѣ древніе историки,—говоритъ гр. Толстой,—употребляли одинъ и тотъ же пріемъ, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали жизнь единичныхъ людей, правящихъ народомъ, и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа. На вопросы о томъ, какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народъ по своей волѣ, и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древніе отвѣчали на первый вопросъ—признаніемъ воли божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка, а на второй вопросъ—признаніемъ того же божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли“ (VI, 231). Указавъ на то, что позднѣйшая исторіографія отвергла такое представленіе о герояхъ въ теоріи, гр. Толстой отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на практикѣ историки только видоизмѣнили сущность стараго воззрѣнія: „вмѣсто людей,—говоритъ онъ,—одаренныхъ божественною властью или непосредственно руководимыхъ волею божества, новая исторія поставила или героевъ, одаренныхъ необыкновенными, нечеловѣческими способностями, или просто людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ, отъ монарховъ до журналистовъ, руководящихъ массами... Новая исторія отвергла вѣрованія древнихъ, не по-

ставивъ на мѣсто ихъ новаго воззрѣнія, и логика положенія заставила историковъ, мнимо отвергшихъ божественную власть царей, *другимъ путемъ придти къ тому же самому*“ (VI, 232). Не касаясь вопроса о томъ, какъ самъ гр. Толстой смотритъ на дѣло и о чемъ рѣчь будетъ идти еще впереди, въ приведенныхъ словахъ мы видимъ протестъ реалиста противъ идеализаціи историческихъ дѣятелей, встрѣчающейся и въ теоріи,—напр., въ извѣстномъ сочиненіи Карлейля „О герояхъ“,—и на практикѣ, въ біографическихъ панегирикахъ или историческихъ трудахъ, приписывающихъ одному какому-либо лицу гигантскіе размѣры, въ сравненіи съ окружающими его людьми въ родѣ того, какъ это бываетъ на лубочныхъ изображеніяхъ полководцевъ. Въ своей исторіи гр. Толстой приводитъ идеализированныхъ героевъ къ реальнымъ размѣрамъ человѣка, хотя, какъ мы увидимъ, въ своей теоріи онъ не понимаетъ дѣйствительнаго значенія тѣхъ лицъ, которыя всегда напрашивались на идеализированіе, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ указаннаго преувеличенія.

Не будемъ мы говорить и о томъ, съ какою реальностью изображаетъ гр. Толстой событія, не стараясь вносить въ нихъ ничего такого, что сообщило бы имъ, такъ сказать, просвѣтленный, но въ сущности фальшивый видъ. Историки,—и простые, и особенно философствующіе,—весьма склонны поддаваться націоналистическимъ увлеченіямъ, возвеличивать свое на счетъ чужого и приписывать исторіи своего народа особое значеніе, въ чемъ равнымъ образомъ заключается своеобразная идеализація, съ какою, напр., Гегель въ своей „Философіи исторіи“ смотрѣлъ на нѣмецкую исторію, какъ на высшую цѣль и послѣдній фазисъ въ развитіи „міроваго духа“. У гр. Толстого нѣтъ ни малѣйшаго поползновенія идеализировать ни тѣ явленія, которыя онъ описываетъ, ни общій характеръ нашей исторіи, возводя послѣднюю на степень мистической идеи. „Войну и миръ“ упрекали даже въ отсутствіи патріотизма въ силу несовсѣмъ вѣрнаго пониманія „любви къ отечеству и народной гордости“ [1]), хотя другіе, навязывая гр. Толстому свои тенденціи, доказывали, что онъ—націоналистъ въ ихъ вкусѣ [2]). Гр. Толстой несочувственно относится къ націоналистическому субъективизму, источнику многихъ видовъ идеализаціи историческаго представленія. „Какъ скоро,— говоритъ онъ, — историки различныхъ національностей

[1]) *А. С. Норовъ*. „Война и миръ“ (1805—1812) съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. Спб. 1868.

[2]) *Н. Страховъ*. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Спб. 1885.

начинаютъ описывать одно и то же событіе, то сила (производящая событіе) понимается различно... Одинъ историкъ утверждаетъ, что событіе произведено властью Наполеона; другой утверждаетъ, что оно произведено властью Александра" (VI, 237). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на то, что, „вмѣсто прежнихъ угодныхъ божеству цѣлей народовъ—іудейскаго, греческаго, римскаго, которыя древнимъ представлялись цѣлями движенія человѣчества, новая исторія поставила свои цѣли—блага французскаго, германскаго, англійскаго" (VI, 232), и именно, прибавимъ мы, въ этомъ случаѣ каждый идеализируетъ исторію своего народа. Историческому реализму, въ этомъ отношеніи называющемуся объективизмомъ, враждебенъ не только субъективизмъ націоналистическій, но и то, что можно обозначить какъ субъективизмъ партійный и профессіональный. Гр. Толстой высказывается и противъ послѣднихъ, какъ источниковъ идеализаціи. Онъ отмѣчаетъ, что „Тьеръ, бонапартистъ, говоритъ, что власть Наполеона была основана на его добродѣтели и геніальности; Lanfrey, республиканецъ, говоритъ, что она была основана на его мошенничествѣ и обманѣ народа" (VI, 237). Въ другомъ мѣстѣ, критикуя односторонній взглядъ, представляющій умственную дѣятельность людей причиной или выраженіемъ всего историческаго движенія,—взглядъ, преувеличивающій реальное значеніе писателей, гр. Толстой очень остроумно и въ сущности вѣрно указываетъ на происхожденіе такого воззрѣнія. „Исторія пишется учеными,—говоритъ онъ,—и потому имъ естественно и пріятно думать, что дѣятельность ихъ сословія есть основаніе движенія всего человѣчества, точно такъ же, какъ это естественно и пріятно думать купцамъ, земледѣльцамъ, солдатамъ; это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишутъ исторіи" (VI, 241). Историческая и историко-философская литература представляетъ массу примѣровъ разнообразнаго проявленія субъективизма націоналистическаго, партійнаго и профессіональнаго, противнаго историческому реализму, и подобныя замѣчанія гр. Толстого попадаютъ въ цѣль. Наконецъ, особый видъ идеализаціи *всей* исторіи представляетъ изъ себя оптимистическое признаніе ея разумной планомѣрности, зародившееся на почвѣ провиденціализма, и, протестуя вообще противъ внесенія въ исторіографію такой концепціи (VI, 234 и 245), графъ Толстой находитъ такое возраженіе противъ привычки идеализировать исторію, оправдывая данный ходъ событій въ виду какой-либо цѣли, этимъ событіямъ навязываемой: „если, — говоритъ онъ, — цѣль европейскихъ войнъ, начала нынѣшняго столѣтія,

состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ и нашествія. Если цѣль— величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи, и безъ имперіи. Если цѣль — распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль — распространеніе цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе, болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи" (VI, 155). Изгоняя изъ историческаго представленія разныя формы идеализаціи реально-существующаго, гр. Толстой, однако, не ушелъ отъ своего личнаго субъективизма, проявившагося, какъ мы увидимъ, въ его соціальномъ индифферентизмѣ, съ которымъ, конечно, трудно философски понять реально совершающуюся исторію. Въ связи съ этимъ стоитъ его идеализація безсознательной жизни. На эту сторону мы теперь и укажемъ, ссылаясь на слова самого гр. Толстого, но прежде нужно разсмотрѣть его отношеніе къ тому, что мы назвали идеологіей.

Вопросъ идетъ о реальной силѣ, производящей историческія явленія. Нѣкоторые историки видятъ эту силу во власти, но сама по себѣ власть есть отвлеченное понятіе, обобщающее массу реальныхъ отношеній, и, какъ таковое, не можетъ быть принято за какую-то силу, производящую историческое движеніе, относящуюся къ явленіямъ, какъ причина. Это понятіе вполнѣ примѣнимо во всей своей отвлеченности къ умозрительнымъ наукамъ, но въ области исторіи, имѣющей дѣло съ реальными фактами, нельзя за причину считать то, что есть только отвлеченное понятіе. „Наука права,—говоритъ гр. Толстой,—разсматриваетъ государство и власть, какъ древніе разсматривали огонь, *какъ что-то абсолютно существующее*. Для исторіи же государство и власть суть *только явленія*, точно такъ же, какъ для физики нашего времени огонь есть не стихія, а явленіе" (VI, 246). Отрицая возможность вмѣщать жизнь народовъ въ жизнь нѣсколькихъ людей, онъ указываетъ на то, что „связь между этими нѣсколькими людьми и народами не найдена". „Теорія о томъ,—продолжаетъ онъ,—что связь эта основана на перенесеніи совокупности воль на историческія лица, *есть гипотеза, не подтверждающаяся опытомъ исторіи*... Въ приложеніи къ исторіи, какъ только являются революціи, завоеванія, междоусобія,—теорія эта ничего не объясняетъ" (VI, 253). „Еслибы,—говоритъ и еще гр. Толстой,—область человѣческаго знанія ограничивалась однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ, то, подвергнувъ критикѣ то объясненіе власти, которое даетъ наука, человѣчество пришло бы къ заклю-

ченію, что власть *есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ*. Но,—продолжаетъ онъ,—для познаванія явленій, *кромѣ отвлеченнаго мышленія, человѣкъ имѣетъ орудіе опыта*, на которомъ онъ повѣряетъ результаты мышленія" (VI, 254). Другими словами, для гр. Толстого отвлеченное понятіе есть *только слово*, если понятіе это, такъ сказать, не размѣнивается на реальныя явленія, не реализируется въ этомъ смыслѣ. „Наука права,—замѣчаетъ онъ,—можетъ разсказать подробно о томъ, что такое есть власть, *неподвижно существующая во времени* (т.-е. какъ отвлеченное понятіе), но на вопросы историческіе о видоизмѣняющейся во времени власти (т.-е. въ смыслѣ реальнаго явленія), она не можетъ отвѣтить ничего" (VI, 246—247). Поэтому онъ приходитъ къ такому выводу, что отвѣтъ, дѣлающій изъ отвлеченнаго понятія реальную силу, реальную причину явленій, есть только выраженіе, другими словами, вопроса, приводящее къ логическому „idem per idem". Онъ ставитъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ: „какая причина историческихъ явленій?—Власть.—Что есть власть?—Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо.—При какихъ условіяхъ переносятся воли массъ на одно лицо?—При условіяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т.-е. власть есть власть",—выводитъ отсюда гр. Толстой (VI, 254). Теорія, принимающая власть единичнаго лица за причину событія, по его словамъ, „кажется неопровержимой именно потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существовалъ" (VI, 253), а потому въ объясненіи реальныхъ явленій силою, которая сама есть только отвлеченное понятіе, онъ видитъ только призрачное объясненіе. Въ pendant къ этому разсужденію можно поставить другое, именно то, гдѣ рѣчь идетъ о свободѣ воли. Признавая послѣднюю въ области наукъ умозрительныхъ, но не допуская объясненія историческихъ фактовъ, какъ произведенныхъ безпричинными актами воли (VI, 266), гр. Толстой находитъ, что „для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ соединяются свобода и необходимость, и что̀ составляетъ сущность этихъ двухъ понятій, философія исторіи можетъ и должна идти путемъ противнымъ тому, по которому шли другія науки: *вмѣсто того*,—поясняетъ онъ,—*чтобы, опредѣливъ въ самихъ себѣ понятія о свободѣ и необходимости, подъ составленныя опредѣленія подводить явленія жизни*, исторія изъ огромнаго количества *подлежащихъ ей явленій*, всегда представляющихся въ зависимости отъ свободы и необходимости, *должна вывести опредѣленія* понятій о свободѣ и необходимости" (VI, 272). Свобода воли есть отвлеченное

понятіе, и,—говоритъ гр. Толстой—„для исторіи признаніе свободы, *какъ силы, могущей вліять на историческія событія*, т.-е. не подчиненной законамъ (причинности), уничтожаетъ возможность какого бы то ни было знанія“ (VI, 285). Однимъ словомъ, гр. Толстой не вводитъ въ исторію отвлеченныхъ понятій въ качествѣ дѣйствующихъ въ ней силъ, не въ примѣръ многимъ философамъ исторіи: у него въ исторіи дѣйствуютъ только реальныя существа —*люди*, и они дѣйствуютъ не потому, чтобы были одарены особымъ качествомъ или заставлять себѣ повиноваться другихъ, абсолютно безвольныхъ людей, или не подчиняться всеобщему закону причинности. Такимъ образомъ, гр. Толстой чуждъ идеализаціи и идеологіи, т.-е. выдачи своего идеала за реальный фактъ и отвлеченной идеи за реальную вещь (хотя и тутъ нужна оговорка: отвлеченное *понятіе* закона исторіи онъ, какъ увидимъ, превращаетъ въ реальную силу, подчиняющую себѣ волю единицы). Въ этомъ и состоитъ его историческій и философскій реализмъ, во имя котораго онъ не отрицаетъ, однако, значенія идей въ умозрѣніи и идеаловъ въ жизни, что̀ не позволяетъ его реализму спуститься въ низменныя сферы эмпиризма и натурализма.

Но въ идеализмѣ гр. Толстого есть весьма важный пробѣлъ. Наши идеалы раздѣляются вообще на личные и общественные, и самый идеализмъ бываетъ поэтому этическимъ и соціальнымъ; но разъ мы считаемъ себя въ правѣ говорить о *должномъ* въ одной сферѣ, нѣтъ никакихъ основаній изгонять творчество идеаловъ изъ другой. Считая возможнымъ ставить субъективныя цѣли личной жизни и съ ихъ точки зрѣнія оцѣнивать дѣйствительныя ея явленія, мы не можемъ отказываться отъ того же по отношенію къ жизни общественной, процессъ которой и есть исторія. Конечно, одно дѣло — утверждать, что мы знаемъ, чѣмъ, такъ сказать, кончится исторія, и этотъ воображаемый конецъ принимать за цѣль всего ея движенія, а другое дѣло—желать, чтобы историческое движеніе было постепеннымъ осуществленіемъ идеала: гр. Толстой правъ, когда отрицаетъ знаніе цѣли исторіи въ первомъ смыслѣ, ибо постановка такой объективной цѣли есть внесеніе въ будущую дѣйствительность созданнаго нашимъ воображеніемъ, но онъ глубоко заблуждается, отрицая цѣль исторіи и во второмъ, т.-е. субъективномъ смыслѣ. Я показалъ выше, что гр. Толстой игнорируетъ цѣлую сторону исторіи, и это стоитъ въ связи съ отсутствіемъ въ его міросозерцаніи идеала соціальнаго: *весь его идеализмъ исключительно этическій*.

Противникъ идеализаціи исторической дѣйствительности, представленія о совершенной разумности общаго хода исторіи, гр.

Толстой высказывается рѣшительно противъ объективированной тэлеологіи (VI, 154) и не разъ категорически заявляетъ, что въ исторіи „конечная цѣль намъ неизвѣстна" (VI, 156), т.-е. онъ не тѣшитъ себя иллюзіей оптимистически настроенныхъ философовъ исторіи, для которыхъ все совершается въ виду такой-то, опредѣленной конечной цѣли. Но тутъ гр. Толстой заходитъ слишкомъ далеко: если отказъ отъ идеализаціи жизненныхъ явленій вообще не помѣшалъ ему творить идеалы личной этики, то такое же отношеніе онъ долженъ былъ сохранить и къ идеаламъ общественнымъ; если онъ позволяетъ себѣ произносить судъ надъ явленіями жизни съ точки зрѣнія идеала этическаго, то онъ долженъ былъ бы примѣнить къ оцѣнкѣ явленій и критерій идеала соціальнаго, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Однако онъ этого не только не дѣлаетъ, но проявляетъ удивительный индифферентизмъ къ вопросамъ общественнымъ, поскольку послѣдніе имѣютъ свое самостоятельное содержаніе внѣ чисто-моральныхъ вопросовъ. Напр., разсуждая объ истинномъ величіи, онъ находитъ, что нѣтъ его тамъ, гдѣ нѣтъ „простоты, добра и правды" (VI, 62): простота, добро и правда — одинъ изъ его идеаловъ личной жизни, и онъ, конечно, не согласился бы съ тѣмъ, кто ему сказалъ бы, что это одни лишь „отвлеченія", да мы и не думаемъ говорить это, а указываемъ на то, что въ такомъ случаѣ нельзя признать простыми отвлеченіями идеалы общественные, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой. Исходя изъ того, что объективная цѣль исторіи намъ неизвѣстна, онъ распространяетъ эту неизвѣстность и на область нашихъ субъективныхъ требованій отъ исторіи, иронизируя надъ мыслителями, видящими цѣль исторіи въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи (другой программы, кажется, нѣтъ,—замѣчаетъ онъ), ибо „ничѣмъ-де не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи!" (VI, 251). Отсюда у него нѣтъ иного критерія для суда надъ исторіей, кромѣ исключительно этическаго идеала, съ точки зрѣнія котораго можно не одобрять извѣстныхъ лицъ и извѣстные поступки: вспомнимъ, напримѣръ, его строгій приговоръ хотя бы надъ Наполеономъ. Онъ не допускаетъ, что „*такъ-называемая* наука имѣетъ для историческихъ лицъ и событій неизмѣримое мѣрило хорошаго и дурного" (VI, 154), хотя съ моральной точки зрѣнія самъ же видитъ въ простотѣ, добрѣ и правдѣ мѣрило величія отдѣльной личности. Онъ осмѣиваетъ историковъ, которые „профессируютъ знаніе конечной цѣли движенія человѣчества" (та же страница), считая идеи свободы, равенства, просвѣщенія пустыми отвлеченіями. Слышится, напримѣръ, въ

его словахъ какой-то ироническій тонъ по поводу неодобренія историками реакціи послѣ низложенія Наполеона,—неодобренія „*на основаніи того знанія блага человѣчества*, которымъ они обладаютъ“ (VI, 152). Правда, онъ ссылается на то, что „историкъ точно также по прошествіи нѣкотораго времени окажется несправедливымъ въ своемъ воззрѣніи на то, чтò есть благо человѣчества“ (VI, 153), ибо „дѣятельность историческаго лица имѣла, кромѣ этихъ цѣлей (т.-е. вполнѣ доступныхъ указанію результатовъ), еще другія, болѣе общія и недоступныя намъ цѣли“ (VI, 154), какъ будто исправленіе историческихъ приговоровъ не входитъ въ работу развивающейся науки; но причина скептицизма гр. Толстого не здѣсь: онъ иронически относится къ самой идеѣ bien public, потому что для него только личная жизнь есть „настоящая“, внѣ всевозможныхъ преобразованій (III, 1—2). Для него какъ бы не существуетъ различныхъ временъ съ измѣняющимися формами жизни: „говорятъ,—замѣчаетъ онъ, напримѣръ,—говорятъ—„въ наше время, въ наше время“, такъ какъ воображаютъ, что нашли и оцѣнили особенности нашего времени, и думаютъ что *свойства людей* измѣняются съ временемъ“ (III, 85). Измѣняющіяся формы жизни, которыя кладутъ такую печать на личность и судьбу человѣка, для него не существуютъ. Отсюда одинъ шагъ до умаленія исторіи, до признанія за нею одной формы въ видѣ чисто механическаго сцѣпленія фактовъ безъ внутренняго содержанія. Такъ оно и выходитъ по исторической философіи гр. Толстого: „цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна,—говоритъ онъ, напримѣръ,—а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, *и движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій*“ (VI, 156—157). Намъ извѣстны только факты! Сущность событій, весь ихъ смыслъ опредѣляется чисто механическимъ движеніемъ прилива и отлива народныхъ массъ, убивающихъ, грабящихъ и жгущихъ! Поэтому въ главной части своей исторической философіи, т.-е. въ послѣднихъ шести десяткахъ страницъ „Войны и мира“, гр. Толстой подвергаетъ историческій процессъ, отвлеченно взятый, анализу со стороны только его формы и механизма, — чтò производитъ движеніе человѣчества и кàкъ оно происходитъ, — совершенно игнорируя вопросъ о смыслѣ историческаго движенія со стороны его внутренняго содержанія и результатовъ для того блага, къ которому стремится человѣкъ. Однимъ словомъ, тутъ гр. Толстой не съумѣлъ сочетать требованій реализма и идеализма, и исто-

рическій процессъ является для него поэтому процессомъ безъ смысла. Онъ признаетъ одинъ соціальный инстинктъ въ его стихійной, „роевой“ формѣ непосредственной любви къ семьѣ, къ присным, къ родинѣ, пожалуй, и вообще къ брату по человѣчеству; но гражданское самосознаніе, всѣ виды общественной дѣятельности, идея общаго блага, прогрессъ или регрессъ въ измѣненіи соціальныхъ формъ,—все это для него что-то непонятное и, какъ таковое, стоящее внѣ „настоящей“ жизни съ ея „существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ ея интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей“ (III, 1).

Мы позволимъ себѣ на основаніи всего сказаннаго формулировать такой общій приговоръ объ исторической философіи „Войны и мира“: насколько ея достоинство заключается въ общей реалистической концепціи, настолько соціальный индифферентизмъ, очень послѣдовательно проведенный, составляетъ рѣшительно слабую сторону этой философіи. Его философія, вообще, есть философія нравственнаго обновленія личности въ сферѣ непосредственныхъ отношеній къ людямъ и чисто индивидуальнаго бытія, и здѣсь только проявляется присущій ему идеализмъ; но область общественныхъ формъ, вопросовъ и идеаловъ въ своей самостоятельности изъемлется имъ изъ исторической философіи, и ея реализмъ дѣлается потому одностороннимъ, близкимъ къ натурализму, что, съ проповѣдью въ „Войнѣ и мирѣ“ открытаго фатализма, весьма естественно должно было отталкивать отъ исторіософическихъ разсужденій гр. Толстого многихъ читателей и критиковъ.

III.

Создавая свою историческую философію, гр. Толстой въ сущности говоритъ о цѣломъ переворотѣ въ исторической наукѣ: жалобы на современное состояніе исторіографіи и проекты реформы въ ней довольно часто встрѣчаются за послѣднія десятилѣтія, и притомъ не въ одной русской литературѣ; исходятъ они большею частью отъ не-спеціалистовъ, которымъ не всегда извѣстно дѣйствительное состояніе исторической науки въ наше время. „Война и миръ“ не заключаетъ въ себѣ указаній на то, чтобы гр. Толстой изучалъ этотъ вопросъ и былъ знакомъ съ обширной литературой, посвященной именно рѣшенію историкофилософскихъ вопросовъ, а потому многія возраженія, дѣлаемыя

имъ историкамъ, являются, по крайней мѣрѣ, запоздалыми, тогда какъ другія прямо обнаруживаютъ незнакомство съ тѣмъ, что̀ дѣлается въ исторической наукѣ. Гр. Толстой составилъ себѣ нѣкоторое общее представленіе объ историкахъ, весьма для нихъ нелестное, и при каждомъ удобномъ случаѣ, отзывается объ ихъ дѣятельности, какъ о чемъ-то смѣшномъ: „историки *съ наивною увѣренностью* говорятъ" то-то и то-то (IV, 1); „историки *въ простотѣ душевной* признаютъ" то-то и то-то (VI, 248). Если вѣрить гр. Толстому, „всѣ описанія общихъ историковъ составлены изъ послѣдовательнаго ряда противорѣчій" (VI, 238); далѣе, „общіе историки не только противорѣчатъ частнымъ, но и сами себѣ" (VI, 239), а всѣ исторіи культуры „наполнены хитросплетенными разсужденіями" (VI, 240), и, наконецъ, объясненія историковъ „могутъ годиться только для дѣтей, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ" (VI, 248). Или, напр., одна фраза начинается у него такими словами: „для насъ, потомковъ не-историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія и потому съ незатемненнымъ здравымъ смысломъ созерцающихъ исторію" (IV, 3), а въ другомъ мѣстѣ онъ усматриваетъ у историковъ привычку натягивать „факты на правила исторіи", оставляя себѣ какую-нибудь „лазейку, когда что̀ не подходитъ подъ ихъ мѣрку" (VI, 2); или же еще онъ представляетъ въ смѣшномъ видѣ занятія исторіей, говоря о „профессорѣ, смолоду занимающемся наукой, т.-е. читаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лекцій въ одну тетрадку" (VI, 153). Наконецъ, можно указать на мѣста, гдѣ гр. Толстой изображаетъ, какъ историки обыкновенно разсказываютъ послѣдовательныя событія новаго времени (V, 3—4; VI, 151—152 и особенно 234—235): „напрасно,— говоритъ онъ въ заключеніе одного такого пересказа,—напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка, каррикатура историческихъ описаній. Напротивъ, это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ *вся* (подчеркнуто у самого гр. Толстого) исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новыхъ исторій культуры. Странность и комизмъ этихъ отвѣтовъ вытекаютъ изъ того, что новая исторія подобна глухому человѣку, отвѣчающему на вопросы, которыхъ ему никто не дѣлалъ"... „Если цѣль исторіи,—поясняетъ онъ,—есть описанія движенія человѣчества и народовъ, то первый вопросъ, безъ отвѣта на который все остальное непонятно, — слѣдующій: какая сила движетъ народами? На этотъ вопросъ новая исторія озабоченно разсказываетъ или то, что Наполеонъ былъ очень

геніаленъ, или то, что Людовикъ XIV былъ очень гордъ, или же то, что такіе-то писатели написали такія-то книжки" (V, 235—236). Словомъ, для гр. Толстого всѣ представители исторической науки—только „мнимо-философы-историки" (VI, 250). Вмѣсто тѣхъ идей, которыя, по мнѣнію гр. Толстого, руководятъ всѣми историками, онъ ставитъ свои, исходя изъ того, что исторія должна имѣть свою теорію (VI, 231), которую онъ называетъ философіей исторіи (VI, 272). Такая теорія давнымъ-давно вырабатывается, но гр. Толстой какъ-то это игнорируетъ.

Собственная теорія гр. Толстого страдаетъ, однако, неполнотою: мы видѣли, какой существенный пробѣлъ въ ней существуетъ, какъ односторонне поставленъ ея главный вопросъ. Притомъ другой ея недостатокъ—въ отрывочности, въ необработанности: повидимому, гр. Толстой набрасывалъ свои мысли на бумагу въ періодъ ихъ броженія, когда у него не было опредѣленнаго плана разсужденія, не заботясь о формулировкѣ своихъ идей, чтобы онѣ были вполнѣ понятны читателю и у него самого не вызывали возраженій, и о точности употребляемыхъ понятій, объ устраненіи частныхъ противорѣчій. Другими словами, его историческая философія, какую мы встрѣчаемъ въ „Войнѣ и мирѣ", напоминаетъ написанные начерно отрывки изъ большого сочиненія, еще не получившаго своего плана, хотя послѣдній отрывокъ, самый большой, до нѣкоторой степени имѣетъ законченный характеръ. Поэтому строго ученая критика и не можетъ быть приложена къ историческимъ разсужденіямъ „Войны и мира": они стоятъ внѣ такой критики по незнакомству автора съ современнымъ состояніемъ исторической и историко-философской литературы и по своему отрывочному, мало выработанному изложенію. Тѣмъ не менѣе они подлежатъ разбору, поскольку черезъ нихъ проходитъ нѣсколько общихъ идей, и, являясь съ запоздалыми возраженіями историкамъ, гр. Толстой въ то же время рекомендуетъ нѣкоторые пріемы, которые далеко не могутъ быть названы новыми. Прогрессъ науки, по его словамъ, заключается въ переходѣ отъ взгляда на исторію какъ на продуктъ дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, ко взгляду на нее какъ на произведеніе всѣхъ людей, иначе — къ дробленію причинъ явленій. „Тѣ новые пріемы мышленія,—говоритъ гр. Толстой,—которые должна усвоить себѣ исторія, вырабатываются одновременно съ самоуничтоженіемъ, къ которому, все дробя и дробя причины явленій, идетъ старая исторія" (VI, 286). Такой переворотъ, дѣйствительно, замѣчается въ развитіи исторіографіи съ давняго времени, и она вполнѣ можетъ принять тэзисъ гр. Толстого, что „движеніе человѣчества, вытекая изъ *безчислен-*

наго количества людскихъ произволовъ (т.-е. актовъ воли), совершается *непрерывно*" (V, 2); если хотите даже, то новѣйшая исторіографія именно стремится понимать явленія, подлежащія ея вѣденію, „только допуская безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей, и достигая искусства интегрировать, т.-е. брать суммы этихъ безконечно малыхъ" (V, 3).

Какъ же понимаетъ гр. Толстой задачу исторіи? Въ одномъ мѣстѣ цѣлью этой науки онъ называетъ постиженіе *законовъ* движенія человѣчества" (V, 2); въ другомъ также говоритъ, что „задачу исторіи составляетъ уловить и опредѣлить *законы* движенія человѣчества" (VI, 286). Не разбирая пока этого мѣста по существу, такъ какъ выраженіе: „законы исторіи"—заключаетъ въ себѣ одно недоразумѣніе, съ которымъ мы встрѣтимся у самого гр. Толстого, при дальнѣйшемъ анализѣ его исторической философіи,—мы укажемъ на то, что и тутъ гр. Толстой не говоритъ историкамъ ничего новаго и напрасно обвиняетъ ихъ въ существующемъ игнорированіи ими относящихся сюда данныхъ изъ другихъ научныхъ областей. „Съ тѣхъ поръ,—говоритъ гр. Толстой,—какъ первый человѣкъ сказалъ и доказалъ, что количество рожденій или преступленій подчиняется математическимъ *законамъ*, или что географическія или политико-экономическія условія опредѣляютъ тотъ или другой образъ правленія, что извѣстныя отношенія къ землѣ производятъ движеніе народа, съ тѣхъ поръ *уничтожились въ сущности своей тѣ основанія, на которыхъ строилась исторія*. Можно было, опровергнувъ новые *законы*, удержать прежнее воззрѣніе на исторію, но, не опровергнувъ ихъ, *нельзя было*, казалось, *продолжать изучать историческія событія*, *какъ произведеніе свободной воли*. Ибо если установился такой-то образъ правленія или совершилось такое-то движеніе народа, вслѣдствіе такихъ-то географическихъ, этнографическихъ или экономическихъ условій, то воля тѣхъ лицъ, которыя представляются намъ установившими образъ правленія или возбудившими движеніе народа, уже не можетъ быть разсматриваема какъ причина. А между тѣмъ,—заключаетъ гр. Толстой,—*прежняя исторія продолжаетъ изучаться наравнѣ съ законами статистики, географіи, политической экономіи, сравнительной филологіи и геологіи, прямо противорѣчащими ея положеніямъ*" (VI, 287—288). Не разбирая здѣсь недоразумѣнія, вытекающаго изъ невѣрнаго примѣненія понятія о законѣ въ исторіи, можно указать на то, что исторіографія давнымъ-давно не ищетъ причины явленій въ свободной (въ смыслѣ без-

причинности) волѣ и именно обращается къ изученію причинъ и условій географическихъ, этнографическихъ, политическихъ, экономическихъ и т. п.

Разумѣя подъ закономъ непостижимое отношеніе, существующее всегда между двумя опредѣленными явленіями (напр., спросомъ и предложеніемъ въ народномъ хозяйствѣ), что можно было бы однако назвать силою обстоятельствъ въ данную минуту,— гр. Толстой рекомендуетъ замѣнить вообще „отысканіе причинъ—отысканіемъ законовъ" (VI, 286 и 287), находя даже, что понятіе причины не приложимо въ исторіи (VI, 265): „*причинъ историческаго событія нѣтъ*,—говоритъ онъ,—*и не можетъ быть*, кромѣ единовременной причины всѣхъ причинъ, *но есть законы*, управляющіе событіями, отчасти неизвѣстные, отчасти ощупываемые нами" (V, 257). Этотъ странный тэзисъ объясняется, повидимому, смѣшеніемъ понятій причины какъ совокупности условій, произведшей явленія, и причины какъ чего-то другого, напр., движущей силы; по крайней мѣрѣ, причинъ въ первомъ смыслѣ онъ не отрицаетъ, указывая, напр., на неисчислимость причинъ каждаго историческаго событія: „чѣмъ больше,—говоритъ онъ,—мы углубляемся въ изысканіе причинъ, тѣмъ больше намъ ихъ открывается, и всякая отдѣльно взятая причина или цѣлый рядъ причинъ представляются намъ одинаково справедливыми сами по себѣ и одинаково ложными по своей ничтожности въ сравненіи съ громадностью событія, и одинаково ложными по недѣйствительности своей (безъ участія всѣхъ другихъ совпавшихъ причинъ) произвести совершившееся событіе" (IV, 3). Свою мысль гр. Толстой поясняетъ перечисленіемъ обыкновенно приводимыхъ причинъ войны 1812 г. съ такимъ заключеніемъ: „безъ одной изъ этихъ причинъ ничего не могло бы быть. Стало быть, причины всѣ эти—милліарды причинъ—совпали для того, чтобы произвести то, что было" (IV, 3—4). Мало того: графъ Толстой особенно напираетъ на то, что причина каждаго историческаго факта есть въ сущности совпаденіе массы, „милліона милліоновъ" мелкихъ причинъ, „только совпаденіе тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе" (IV, 5—6). Судя по другимъ мыслямъ графа Толстого, онъ отрицаетъ причины не въ смыслѣ предшествующихъ фактовъ, порождавшихъ факты послѣдующіе, а въ смыслѣ движущихъ силъ, когда ихъ видятъ во власти, въ свободной волѣ, и т. п. Вопросъ: „какая сила движетъ народами?" (VI, 236) и есть главный, „первый" вопросъ его исторической философіи.

Мы указали на то, что гр. Толстой отрицаетъ объясненія историческихъ фактовъ, сводящія все къ дѣятельности нѣкоторыхъ только людей, и требуетъ, чтобы принимались въ разсчетъ силы „*всѣхъ*, безъ одного исключенія, *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи", ибо,—говоритъ онъ,—„единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы, равной всему движенію. Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, подъ понятіемъ этимъ разумѣются различными историками совершенно различныя и всѣ неравныя видимому движенію силы" (VI, 243). На этомъ онъ также особенно настаиваетъ: „движеніе народовъ,—говоритъ онъ,—производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, а дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи" (VI, 264), и въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ объ интегрированіи однородныхъ влеченій людей (V, 3), о „суммѣ произволовъ людей (V, 2), о томъ, напр., что „сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію, и Наполеона, и только сумма этихъ произволовъ терпѣла ихъ и уничтожила" (V, 4). Вотъ что̀, т.-е. эта сумма, и есть движущая сила, равная всему движенію, и не въ иномъ какомъ-либо смыслѣ, а именно въ этомъ—гр. Толстой считаетъ невозможнымъ примѣнять понятіе причины въ исторіи: „*почему*,—говоритъ онъ,—происходитъ война или революція? Мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другого дѣйствія люди складываются въ извѣстное соединеніе и участвуютъ всѣ; и мы говоримъ, что это такъ есть, потому что немыслимо иначе, что это — *законъ*" (VI, 265). Другими словами, мысль гр. Толстого такова: движущая сила исторіи, какъ причина движенія, заключается въ суммѣ людскихъ произволовъ, а послѣдняя въ данный моментъ такова потому, что при данныхъ же обстоятельствахъ иная комбинація немыслима, и эту-то силу вещей онъ называетъ закономъ, отступая самъ отъ совѣта „дробить причины", такъ какъ всѣ онѣ тутъ замѣняются однимъ „закономъ". Самъ гр. Толстой не опредѣляетъ, въ какомъ значеніи понятіе причины въ примѣненіи къ исторіи имъ отрицается, и въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово „законъ". Добраться до его мысли можно только путемъ сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ „Войны и мира".

Неопредѣленность понятій, объясняемыхъ гр. Толстымъ, недостаточная выработка его философскаго языка—въ значительной степени затрудняютъ правильное, т.-е. согласное съ намѣреніями автора, пониманіе его идей. Встрѣчаясь, напр., съ утвержденіемъ,

что въ исторіи понятіе причины непримѣнимо, и съ мыслью о томъ, что историческое движеніе зависитъ отъ людскихъ произволовъ, можно было бы подумать, что гр. Толстой защищаетъ такой тэзисъ: причинная связь въ историческихъ фактахъ невозможна, такъ какъ факты эти являются результатомъ дѣйствія людскихъ произволовъ. На дѣлѣ этого нѣтъ, но что̀ такое произволъ, онъ точно не опредѣляетъ; во всякомъ случаѣ, это не свободная воля въ смыслѣ безпричинности, и въ своемъ отрицаніи свободы воли гр. Толстой доходитъ даже, какъ мы увидимъ, до фатализма, исключающаго всякій произволъ лица, по отношенію къ тому, что̀ онъ называетъ законами. И опять эту идею свободы воли, въ разныхъ мѣстахъ, гр. Толстой толкуетъ различнымъ образомъ, то въ смыслѣ возможности „дѣйствія безъ причины" (VI, 269), то въ смыслѣ „возможности поступить такъ, какъ захотѣлось" (VI, 266), что̀ далеко не одно и то же. Безпричинный поступокъ, дѣйствительно, невозможенъ, и въ этомъ смыслѣ свобода воли противорѣчитъ идеѣ необходимости, но изъ того, что каждый поступокъ имѣетъ причину и, слѣдовательно, происходитъ необходимо, отнюдь не слѣдуетъ, что люди поступаютъ не такъ, какъ имъ хочется, а какъ-то иначе. Впрочемъ гр. Толстой, въ сущности, съ своимъ понятіемъ закона и приходитъ къ аналогичному заключенію: человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ законамъ, которые, такъ сказать, ему диктуютъ, что̀ онъ долженъ дѣлать, а собственная воля его тутъ ни-при-чемъ. Если понимать произволъ въ смыслѣ свободы воли, какъ дѣйствія безъ причины, то исторія, какъ наука, въ самомъ дѣлѣ, невозможна; но гр. Толстой собственно отрицаетъ произволъ, какъ дѣйствіе по собственному изволенію, хотя бы и имѣющее причину. „Если,— говоритъ онъ,—воля каждаго человѣка была свободна, *т.-е. каждый могъ поступить такъ, какъ ему захотѣлось*, то вся исторія есть рядъ безсвязныхъ случайностей. Если даже одинъ человѣкъ изъ милліоновъ въ тысячелѣтній періодъ времени имѣлъ возможность поступить свободно, *т.-е. такъ, какъ ему захотѣлось*, то очевидно, что одинъ свободный поступокъ этого человѣка, *противный законамъ*, уничтожаетъ возможность существованія какихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества" (VI, 266). Выходитъ такъ, что возможность поступать по желанію, въ которой никто не станетъ сомнѣваться даже изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ свободы воли, въ смыслѣ безпричинности, противорѣчитъ законамъ, т.-е., другими словами, человѣкъ дѣйствуетъ не такъ, какъ самъ хочетъ, а какъ его принуждаютъ поступать законы. Въ такомъ случаѣ, слово „произволъ" должно

было бы быть совсѣмъ выкинуто изъ философскаго словаря гр. Толстого: произвола нѣтъ не только въ смыслѣ безпричинности, что̀ вѣрно, но и въ смыслѣ изволенія, что̀ ужъ совсѣмъ невѣрно.

Мы еще увидимъ, что̀ именно гр. Толстой называетъ въ исторіи законами, а пока достаточно указанія на то, что, отрицая свободу воли, онъ понимаетъ эту свободу, имъ отрицаемую, не по отношенію къ формулѣ: „всякое дѣйствіе предполагаетъ извѣстную причину, какъ *достаточное основаніе*",—а по отношенію къ формулѣ: „всякое явленіе подходитъ подъ извѣстный законъ, какъ подъ свое *правило*". Въ математикѣ и естествознаніи слово „законъ" имѣетъ именно такое значеніе, и гр. Толстой въ примѣненіи понятія этого къ человѣческому міру употребляетъ слово не иначе, когда говоритъ, напр., „что дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой" (VI, 269). Дѣло въ томъ только, что можно сильно усомниться въ неизмѣнности статистическихъ законовъ: „количество рожденій или преступленій,—говоритъ гр. Толстой,—подчиняется математическимъ законамъ" (VI, 286), но развѣ оно остается неизмѣннымъ? Во-вторыхъ, отрицая свободу воли не во имя общаго принципа необходимости всего совершающагося, а во имя *такого* закона, какъ, напр., статистическое обобщеніе, гр. Толстой простой цифрѣ, выражающей постоянство извѣстныхъ явленій при извѣстныхъ условіяхъ, даетъ значеніе принудительной силы, дѣйствующей роковымъ образомъ на волю. Наконецъ, если въ естествознаніи и абстрактной части обществовѣденія всякій законъ формулируется такъ: „если дано то-то, то изъ этого произойдетъ то-то",—то самъ гр. Толстой, говоря о законѣ въ исторіи, имѣетъ въ виду, въ сущности, нѣчто иное, а именно силу вещей, которой онъ хочетъ безъ остатка подчинить человѣческіе поступки. Мы это еще увидимъ, а теперь у насъ есть данныя для пониманія того, какъ это въ исторіи отысканіе причинъ должно замѣниться отысканіемъ законовъ: этотъ выводъ гр. Толстого основанъ на недоразумѣніи, на нѣкоторомъ смѣшеніи понятій, ибо подъ его законами скрываются *тутъ* тѣ же причины, и свободѣ дается опять новое толкованіе. „Въ исторіи,—говоритъ онъ,—то, что̀ извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости (напр., пояснимъ мы, извѣстныя причины), а то, что̀ неизвѣстно,—свободой. *Свобода для исторіи есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что̀ мы знаемъ о законахъ жизни человѣка*... Для исторіи существуютъ линіи движенія человѣческихъ воль, одинъ конецъ которыхъ скрывается въ невѣдомомъ (т.-е., какъ хотѣлъ тутъ сказать гр. Толстой,—въ неизвѣстной намъ цѣпи причинъ и слѣдствій),

а на другомъ, который движется въ пространствѣ, во времени и въ зависимости отъ причинъ *сознанія* свободы людей въ настоящемъ. Чѣмъ болѣе раздвигается передъ нашими глазами это поприще движенія (т.-е., по мысли гр. Толстого, чѣмъ большее количество времени мы охватываемъ знаніемъ), тѣмъ очевиднѣе законы (т.-е. причинная необходимость) этого движенія... Съ той точки зрѣнія, съ которой наука смотритъ теперь (!) на свой предметъ, по тому пути, по которому она идетъ, отыскивая причины явленій въ свободной волѣ людей (!!), выраженіе законовъ для науки невозможно, ибо какъ бы мы ни ограничивали свободу людей (въ какомъ смыслѣ?), не подлежащую законамъ (не причинамъ ли?), существованіе закона невозможно. Только ограничивъ эту свободу до безконечности, т.-е. разсматривая ее какъ безконечно малую величину, мы убѣдимся въ совершенной недоступности причинъ, и тогда, вмѣсто отысканія причинъ, исторія поставитъ своей задачей отысканіе законовъ" (VI, 285—286), т.-е., какъ на самомъ дѣлѣ думаетъ гр. Толстой, будетъ искать причины явленій не въ актахъ личной воли, хотя бы и небезпричинныхъ, а въ нѣкоторой, внѣ-лежащей, силѣ, которую онъ и отождествляетъ съ понятіемъ закона исторіи.

Этотъ анализъ идей гр. Толстого указываетъ, мы надѣемся, на то, до какой степени неопредѣленны употребляемыя имъ понятія, и въ то же время мы находимъ два главные пункта его исторической теоріи: по первому, сила, производящая движеніе народовъ, и потому—что̀ совершенно вѣрно—долженствующая быть равною производимому движенію, заключается въ суммѣ произволовъ всѣхъ безъ исключенія людей, участвующихъ въ движеніи; по второму же пункту, исторія должна заниматься отыскиваніемъ не причинъ, а законовъ. Первое положеніе направлено противъ воззрѣнія, приписывающаго историческое движеніе только нѣкоторымъ лицамъ, второе—противъ взгляда, по которому въ исторіи дѣйствуетъ свободная воля людей. Въ такой формулировкѣ, собственно сдѣланной нами, историческая философія гр. Толстого, съ нашей стороны, не вызываетъ никакого возраженія, но, на самомъ дѣлѣ, изъ этихъ своихъ взглядовъ онъ дѣлаетъ выводы, съ коими нельзя согласиться.

Во-первыхъ, если исторію совершаетъ сумма людскихъ произволовъ, то является вопросъ: равны ли слагаемыя, образующія эту сумму, и если неравны, то какія слагаемыя и насколько они больше другихъ, что̀ увеличиваетъ сумму и тѣмъ вліяетъ на самое историческое движеніе. На этотъ вопросъ гр. Толстой даетъ отвѣтъ совершенно неудовлетворительный, *отрицая роль личнаго*

элемента въ исторіи, сводя его къ нулю передъ массовой, или „роевой“, силой.

Во-вторыхъ, если воля несвободна, то возникаетъ вопросъ о томъ, чему она подчиняется, и въ какой степени нужно понимать ея подчиненіе дѣйствующимъ на нее факторамъ. И на этотъ вопросъ отвѣтъ гр. Толстого неудовлетворителенъ, потому что онъ *отрицаетъ въ исторіи личную инипіативу, дѣлая изъ человѣка слѣпое орудіе силы вещей или рока, которые онъ возводитъ на степень закона, всецѣло подчиняющаго себѣ человѣка и не позволяющаго ему вносить въ историческое движеніе нѣчто свое.*

Въ самомъ дѣлѣ, вся историческая философія „Войны и мира“ сводится къ отрицанію роли личности и личной инипіативы въ исторіи: исторія для гр. Толстого есть массовое движеніе, совершающееся роковымъ образомъ, причемъ великіе люди являются только „ярлыками событій“, т.-е. не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія, или слѣпыми орудіями рока, т.-е. разсматриваются какъ лишенные собственной воли, хотя бы и имѣющей достаточныя основанія въ личныхъ отношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ не столько доказывать неосновательность такого взгляда, сколько доискиваться основной причины его образованія.

IV.

На историческую теорію гр. Толстого, приведенную къ двумъ положеніямъ, на которыя мы указали, можно смотрѣть какъ на реакцію противъ взглядовъ, черезъ-чуръ выдвигавшихъ впередъ отдѣльное лицо на счетъ яко-бы только пассивной массы и придававшихъ слишкомъ большое значеніе личной иниціативѣ въ сравненіи съ условіями, придающими общему ходу исторіи извѣстное направленіе. Но въ своей полемикѣ съ историками, которымъ всѣмъ вообще гр. Толстой приписываетъ оспариваемыя имъ воззрѣнія, онъ зашелъ слишкомъ далеко, совершенно унизивъ историческую личность и ея иниціативу, приписавъ все „роевой“ силѣ массы и стихійному ходу исторіи, возведенному въ законъ. Дѣло, однако, не объясняется однимъ полемическимъ увлеченіемъ: теорія гр. Толстого находится въ тѣснѣйшей связи съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ общественной дѣятельности, которая и есть одинъ изъ факторовъ исторіи, и предпочтеніемъ, оказываемымъ имъ дѣятельности безсознательной передъ сознательною дѣятельностью. Съ этой точки зрѣнія вся его теорія есть не что

иное, какъ обоснованіе взгляда его относительно личнаго и сознательнаго участія въ общественныхъ и историческихъ дѣлахъ. Но тутъ и у него возникло внутреннее противорѣчіе, которое съ перваго взгляда не бросается въ глаза лишь потому, что оно замаскировано общимъ отношеніемъ гр. Толстого къ вопросу. Съ одной стороны, ему нужно было довести до minimum'а роль такъ-называемыхъ великихъ людей, и онъ лишаетъ ихъ всякой силы; съ другой, ему хотѣлось доказать, что эти люди совершенно несвободны въ своихъ дѣйствіяхъ, и онъ превращаетъ ихъ, людей этихъ, въ слѣпыхъ исполнителей велѣній исторіи, т.-е. видитъ въ нихъ главную силу, черезъ которую историческій рокъ выполняетъ свои рѣшенія; въ первомъ случаѣ въ исторіи дѣлается все само собою, и выдающіяся единицы суть только „ярлыки событій"; во-второмъ—черезъ нихъ-то „законъ" и оперируетъ въ исторической жизни. Это противорѣчіе не случайно: смотря по тому, передъ чѣмъ гр. Толстой хочетъ принизить отдѣльную личность,—передъ массой ли, состоящей изъ личностей же, или передъ безличнымъ „закономъ",—онъ и создаетъ то или другое представленіе объ историческихъ дѣятеляхъ, и оба представленія становятся въ рѣзкое противорѣчіе. Разберемъ теперь оба пункта исторической теоріи „Войны и мира" по-одиночкѣ.

Изъ участія въ историческомъ движеніи *всѣхъ* еще не слѣдуетъ, что *всѣ* въ немъ дѣйствуютъ одинаково и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, т.-е. „сумма людскихъ произволовъ", двигающая исторіей, состоитъ изъ далеко неравныхъ слагаемыхъ. На основаніи этого принципа, можно было бы создать цѣлую классификацію индивидуумовъ по ихъ активному отношенію къ исторической жизни и въ смыслѣ количества дѣйствія, и его качества, т.-е., главнымъ образомъ, сознательности или безсознательности. На этотъ счетъ у гр. Толстого нѣтъ твердаго взгляда: онъ то игнорируетъ равновеликость силъ, участвующихъ въ исторіи, то становится на точку зрѣнія противоположную. „*Такой же* причиной (войны 1812 г.), — говоритъ онъ,—какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу", —въ этихъ словахъ гр. Толстого произволъ императора французовъ и произволъ капрала его арміи ставятся на одну доску, какъ равновеликія силы; но въ развитіи своей мысли авторъ „Войны и мира" невольно измѣняетъ самому себѣ: „ибо,—продолжаетъ онъ,—ежели бы онъ (т.-е. капралъ) не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы и другой, и третій, и тысячный

капралъ и солдатъ, настолько менѣе было бы солдатъ въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть. Ежели бы *Наполеонъ* не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы *всѣ сержанты* не желали поступать на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть" (IV, 3). Тутъ, такимъ образомъ, уже произволу *одного* противоставляется произволъ *многихъ*, и этимъ одно слагаемое „суммы произволовъ" признается за нѣчто бо́льшее всѣхъ другихъ, причемъ гр. Толстой еще упускаетъ изъ виду, что Наполеонъ не зависѣлъ ни отъ кого въ рѣшеніи вопроса, а сержанты, капралы и солдаты были люди подневольные. Отсюда можно было бы вывести заключеніе, что гр. Толстой признаетъ за такимъ лицомъ, какимъ былъ Наполеонъ, особую силу, какой лишены другіе люди, не прибѣгая къ гипотезѣ, которая дѣлала бы этого человѣка сверхъестественнымъ въ томъ или другомъ смыслѣ существомъ; но гр. Толстой не только этого не дѣлаетъ, но выставляетъ тэзисъ діаметрально противоположный. По его мнѣнію, вліятельные люди въ обществѣ наименѣе участвуютъ въ событіи и наиболѣе находятся въ зависимости отъ событія, совершающагося яко-бы по ихъ волѣ.

Было бы слишкомъ долго говорить о разсужденіяхъ, приведшихъ гр. Толстого къ этому выводу. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему. Во-первыхъ, чѣмъ болѣе человѣкъ приказываетъ въ какомъ-нибудь совокупномъ дѣйствіи, тѣмъ менѣе онъ непосредственно дѣйствуетъ (VI, 259 и слѣд.); но гр. Толстой забываетъ, что само приказываніе есть уже дѣйствіе, безъ котораго не могло бы быть и совокупной дѣятельности. Во-вторыхъ, приказаніе исполняется только тогда, когда оно можетъ быть исполнено (VI, 255 и слѣд.), чѣмъ и доказывается у него зависимость приказанія отъ событія (VI, 264); но при этомъ забывается, что одна выполнимость совокупнаго дѣйствія не влечетъ за собою его выполненія, если оно кѣмъ-нибудь не задумано, не посовѣтовано, не приказано. Въ этихъ разсужденіяхъ гр. Толстого заключается косвеннымъ образомъ какъ бы такой совѣтъ людямъ общественной дѣятельности: всѣ, занимающіеся придумываніемъ образа дѣйствій для другихъ, подаваніемъ совѣтовъ, приказываніемъ, только воображаютъ, что нѣчто дѣлаютъ; все въ обществѣ дѣлается само собою, и наши предположенія, совѣты, повелѣнія только тогда оправдываются, когда то, что̀ представляется совершающимся въ силу этихъ предположеній, совѣтовъ, повелѣній, само собою совершается въ томъ же направленіи, а потому общественная дѣятельность есть только самообманъ, потому что приказаніе не мо-

жетъ быть причиною событія. „Какъ скоро,—говоритъ гр. Толстой,—совершится событіе,—какое бы то ни было,—то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ воль различныхъ лицъ найдутся такія, которыя, по смыслу и по времени, отнесутся къ событію, какъ приказанія“ (VI, 264); но, въ сущности, по его мысли, приказаніе и всякій иной способъ направлять дѣятельность другихъ людей вовсе не причины событія. Конечно, исполнимость приказанія зависитъ отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ приказывающаго, но изъ этого не слѣдуетъ, что послѣдній въ событіи ровно ни-при-чемъ. Конечно, видимое подчиненіе массъ какой-либо личности, будетъ ли это Лютеръ, или Наполеонъ, возможно лишь тогда, когда въ массахъ есть данныя для того, чтобы подчиниться ея вліянію; но изъ этого не слѣдуетъ, что личность не вноситъ рѣшительно ничего своего въ событіе, связанное съ ея дѣятельностью. Между тѣмъ, по гр. Толстому, „въ историческихъ событіяхъ такъ-называемые великіе люди *суть ярлыки*, дающіе наименованіе событію, которое такъ же, какъ ярлыки, *менѣе всего имѣетъ связи съ самимъ событіемъ*“ (IV, 7). Слѣдовательно, отказъ Наполеона отъ похода въ Россію ничего не значилъ бы? Такъ выходитъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ свою мысль еще болѣе образно: „когда, говоритъ онъ, корабль идетъ по одному направленію, то впереди его находится одна и та же струя; когда онъ часто перемѣняетъ направленіе, то часто перемѣняются и бѣгущія впереди его струи. Но куда бы онъ ни повернулся, вездѣ будетъ струя, предшествующая его движенію... Куда бы ни направлялся корабль, струя, не руководя, не усиливая его движенія, *бурлитъ впереди его и будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движеніемъ корабля*“ (VI, 264). Этими сравненіями историческихъ дѣятелей съ ярлыками, съ бурлящими струями, общественная дѣятельность объявляется чѣмъ-то призрачнымъ, излишнимъ, ненужнымъ для того, чтобы дѣлалась исторія,—воззрѣніе, которое могло образоваться только на почвѣ вышеуказаннаго непониманія соціологической стороны исторіи, при индифферентизмѣ къ общественнымъ вопросамъ. Реалистическая тенденція гр. Толстого заставила его снять великихъ людей съ ихъ героическаго пьедестала, превратить ихъ изъ полубоговъ въ обыкновенныхъ смертныхъ, но тутъ они перестаютъ даже быть людьми, выключаются изъ тѣхъ „всѣхъ“, которые дѣлаютъ исторію, чтобы стать какими-то призраками въ человѣческомъ образѣ. А между тѣмъ самъ же онъ выдѣляетъ историческія лица изъ массы, указывая, напр., на то, что, „чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на

общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ бо̀льшими людьми (=бо̀льшимъ количествомъ людей) онъ связанъ, - тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей“ (=надъ другими людьми, IV, 5);—или на то, что эти лица берутъ на себя оправданіе имѣющаго совершиться и тѣмъ создаютъ себѣ положеніе (VI, 158, 160, 161, 262).

Но допустимъ, что все это такъ; допустимъ, что приказываніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, тогда только представляется причиною событія, когда, по словамъ гр. Толстого, оно соотвѣтствуетъ событію; уже одно существованіе людей, настолько прозорливыхъ въ общественныхъ дѣлахъ, что предположенія, совѣты, повелѣнія этихъ людей оказываются сами собою сбывшимися, дозволяетъ говорить о ихъ геніальности: пусть они въ движеніи ничто, какъ дѣятели,—по крайней мѣрѣ, они обнаруживаютъ пониманіе безъ нихъ дѣлающихся событій. Гр. Толстой не допускаетъ и геніальности (VI, 155 и слѣд.). Правда, мы слышимъ тутъ протестъ противъ героическихъ воззрѣній, дѣлавшихъ изъ геніевъ сверхъестественные феномены (VI, 245—246), но еще больше тутъ просто непониманія общественной дѣятельности и роли ея представителей въ исторіи. „Слово это (т.-е. геній),—говоритъ гр. Толстой,—не обозначаетъ ничего дѣйствительно существующаго и потому не можетъ быть опредѣлено. Слово это обозначаетъ только извѣстную степень пониманія явленій... Я вижу силу, производящую, несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами, дѣйствіе, *не понимаю*, почему это происходитъ, и говорю: *геній*“ (VI, 156). Гордіевъ узелъ загадки гр. Толстой не распутываетъ, а разрубаетъ: мнѣ непонятна „сила, производящая несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе“, вообще сила одного человѣка, и я говорю, что тутъ нѣтъ никакой даже силы, что это призракъ, простой ярлыкъ событія, бурлящая струя, только кажущаяся руководительницей корабля. Можно и должно реалистически относиться къ „героямъ“, не идеализируя ихъ изъ людей въ полубоговъ; но неумѣніе понять, въ чемъ ихъ реальная сила, не даетъ права превращать ихъ въ призраки, облеченные въ человѣческій образъ.

Гр. Толстой совершенно основательно борется съ старымъ воззрѣніемъ, по которому дѣятельность цѣлаго народа вмѣщается безъ остатка въ дѣятельности единичныхъ людей (VI, 231 и слѣд.), ибо, какъ онъ говоритъ, „для того, чтобы найти составляющія силы, равныя составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной“ (VI, 238); но если, по его словамъ, исторію дѣлаютъ *всѣ*, то въ числѣ этихъ „всѣхъ“

находятся и тѣ самые люди, которымъ онъ приписываетъ чисто призрачную роль въ своей теоріи, хотя ему и *кажется*, что имъ принадлежитъ особая сила. Между прочимъ, послѣдняя заключается въ томъ, что они являются носителями тѣхъ или другихъ общественныхъ идей; но гр. Толстой предрѣшаетъ вопросъ о роли идей въ исторіи, напр., въ словахъ: „какая-то неопредѣлимая сила, называемая идеей“ (VI, 240). Все идейное какъ-то не дается въ исторіи гр. Толстому, не даромъ же онъ и въ поэзіи особенный мастеръ въ анализѣ безсознательныхъ психическихъ процессовъ, господствующихъ подчасъ надъ яснымъ голосомъ сознанія, а общественная дѣятельность единицъ какъ разъ и руководится идеями. Весьма поэтому существенно, что гр. Толстой уничтожитъ въ своей исторической философіи и личную иниціативу, предполагающую сознательную дѣятельность,—уничтожитъ во имя той же безсознательно-стихійной стороны исторіи, къ которой сведетъ все, и которую объявитъ „закономъ“.

Личная иниціатива есть освобожденіе отъ рутины, господствующей, какъ законъ, именно въ массовой жизни, освобожденіе отъ дѣятельности, направляемой исключительно однимъ стихійнымъ ходомъ исторіи. Общественная рутина, стихійный ходъ исторіи—суть силы роковыя, которыя держатъ въ оковахъ людей, лишенныхъ собственной иниціативы, и эти-то силы гр. Толстой называетъ законами, безраздѣльно господствующими надъ личной волей. Его не даромъ критика объявила фаталистомъ; историческая философія „Войны и мира“ фаталистична, и, что̀ особенно интересно, гр. Толстой видитъ, какъ мы упоминали, главныя орудія фатума именно въ тѣхъ лицахъ, которыя, по его же словамъ, наименѣе участвуютъ въ событіяхъ: призраки—въ роли исполнителей велѣній судьбы! Можетъ ли быть бо̀льшее противорѣчіе?

По словамъ самого гр. Толстого, „фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій“ (IV, 4), а разумности-то онъ и не допускаетъ въ исторіи, ибо, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни“ (VI, 155). Въ чемъ же заключается фатализмъ гр. Толстого? А вотъ въ чемъ: во-первыхъ, дѣйствія историческихъ лицъ, превращающихся тутъ въ дѣятелей исторіи, объявляются „непроизвольными“, т.-е. подчиненными какой-то непреодолимой силѣ; во-вторыхъ, на этихъ лицахъ лежитъ печать предназначенія. „Каждое дѣйствіе ихъ,—говоритъ гр. Толстой въ одномъ мѣстѣ,—кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ *не про-*

извольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и *опредѣлено предвѣчно*" (IV, 7). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о роли Наполеона и Александра I въ событіяхъ начала XIX-го в., онъ находить, что „невозможно придумать двухъ другихъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей *тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить*" (VI, 157). Или, напр., онъ прямо утверждаетъ, что походъ Наполеона на Россію совершился не потому, что Наполеонъ захотѣлъ этого, а потому, что такъ должно было совершиться (V, 256). Правда, у гр. Толстого есть мѣста, гдѣ онъ выступаетъ, какъ провиденціалистъ, когда говоритъ о Богѣ, но его Богъ есть Богъ безъ провидѣнія, и провиденціалистическія выраженія заключаютъ въ себѣ фаталистическое содержаніе, ибо провиденціализмъ старается проникнуть въ разумность плана исторіи. Правда, съ другой стороны, гр. Толстой, отрицая возможность безпричиннаго дѣйствія воли, какъ будто является только детерминистомъ, но это лишь частность, не нарушающая общей фаталистической концепціи его исторической философіи. Формула фатализма такова: имѣющее случиться—случится, какъ бы мы ни старались этому воспрепятствовать;—и *необходимость* всего совершающагося въ исторіи гр. Толстой понимаетъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что все въ исторіи имѣетъ *достаточныя основанія* для того, чтобы быть, т.-е. не въ смыслѣ *причинности* (походъ Наполеона на Россію вызвалъ массу причинъ), а въ смыслѣ *непреодолимости* или *непредотвратимости*, чему быть—тому не миновать, ибо онъ совсѣмъ устраняетъ значеніе сознательнаго разсчета, основаннаго на сознательномъ отношеніи къ окружающему, и основанной на этомъ разсчетѣ общественной дѣятельности, которая именно въ той или другой формѣ борется со стихійною силою вещей. Эта сила вещей, сама собою движущаяся впередъ, и есть то непреодолимое, непредотвратимое, которое гр. Толстой называетъ закономъ или законами исторіи, и если, какъ мы видѣли, онъ толкуетъ не-свободу воли въ детерминистическомъ смыслѣ, не допуская безпричинныхъ дѣйствій, то въ понятіи непроизвольности, невозможности поступить такъ, какъ захотѣлось, скрывается фаталистическій смыслъ полнаго подчиненія воли принудительно дѣйствующему закону.

О не-свободѣ воли, съ той точки зрѣнія, что не можетъ быть дѣйствія безъ причины, а потому воля не можетъ быть свободна, т.-е. дѣйствовать безъ достаточныхъ основаній, для которыхъ должны быть свои основанія, и такъ далѣе до безконечности,—писали многіе мыслители, часто аргументируя совершенно раз-

лично каждый. У гр. Толстого на этотъ счетъ есть своя аргументація и притомъ весьма оригинальная (VI, 266), и еслибы все дѣло заключалось только въ ней, упрека въ фатализмѣ ему никто не сдѣлалъ бы: онъ только особеннымъ образомъ развиваетъ мысль, что нѣтъ дѣйствія безъ причины. Сущность его аргументаціи слѣдующая: онъ беретъ, между прочимъ, вопросъ съ точки зрѣнія *представленія* о проявленіи этой воли въ прошедшемъ и въ извѣстныхъ условіяхъ, и, по его словамъ, каждое событіе *представляется* частью свободнымъ, частью необходимымъ (VI, 271), причемъ доля свободы и доля необходимости *представляются* намъ въ отношеніи обратно пропорціональномъ. Дѣйствіе *представляется* тѣмъ менѣе свободнымъ, чѣмъ лучше мы знаемъ отношеніе человѣка ко всему окружающему, чѣмъ въ бо̀льшемъ періодѣ времени разсматриваемъ его дѣятельность, чѣмъ очевиднѣе намъ причины поступка, и наоборотъ. Полной свободы мы не можемъ себѣ, однако, *представить*, ибо для этого пришлось бы мыслить человѣка внѣ пространства, времени и причинности, а съ другой стороны, мы не въ состояніи *представить* себѣ полной необходимости даннаго факта, ибо это предполагало бы знаніе всѣхъ пространственныхъ условій, въ какія поставленъ извѣстный человѣкъ, удлиненіе до безконечности періода времени между совершеннымъ поступкомъ и сужденіемъ о немъ и опредѣленіе всей цѣпи причинъ какого бы то ни было поступка, которая также безконечна (VI, 282). Изъ этого разсужденія, представленнаго здѣсь въ голомъ остовѣ, и вытекаетъ извѣстное намъ опредѣленіе свободы, какъ выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что̀ мы можемъ знать о необходимости, т.-е. мы *представляемъ* себѣ поступокъ свободнымъ или неимѣющимъ достаточнаго основанія, когда не знаемъ его причинъ. Въ этомъ отношеніи заключительныя слова „Войны и мира“: „необходимо отказаться отъ несуществующей свободы (т.-е. возможности безпричинно дѣйствовать) и признать неощущаемую нами зависимость“ (отъ рядовъ причинъ, опредѣляющихъ акты нашей воли),—содержать въ себѣ неоспоримую истину, какъ также вѣрно и то, что, вслѣдствіе невозможности знать всѣ причины, нельзя представить себѣ жизнь и исторію безъ свободы, т.-е. безъ неизвѣстнаго остатка отъ того, что̀ мы можемъ знать о необходимости. И еще такое соображеніе мы находимъ у гр. Толстого: „*представленіе* о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы, невозможно“,—говоритъ онъ (VI, 282). Но въ такомъ случаѣ, въ какомъ же отношеніи стоятъ эти слова графа Толстого съ его фаталистическимъ воззрѣніемъ на исторію?

Дѣло въ томъ, что его фатализмъ покоится вовсе не на этой аргументаціи относительно невозможности свободы воли въ смыслѣ ея безпричинности,—хотя мы и *представляемъ* себѣ свободу, когда не знаемъ причинъ,—а на совершенно иномъ рядѣ мыслей. Гр. Толстой смѣшиваетъ не-свободу воли въ томъ значеніи, что воля не можетъ дѣйствовать безпричинно, съ ея не-свободой въ значеніи полной ея зависимости отъ чего-то непреодолимаго, что̀ онъ называетъ историческимъ закономъ; тутъ уже рѣчь идетъ не о томъ, что „такъ", т.-е. безпричинно, ничего не дѣлается, а о безсиліи личности передъ рокомъ. И весьма замѣчательно, что именно только въ жизни исторической, „роевой" или стихійной онъ видитъ только одно неизбѣжное выполненіе „предписаннаго закона", тогда какъ въ жизни личной, которую онъ называетъ „настоящею", онъ допускаетъ наибольшую свободу (IV, 5), конечно, уже не въ томъ смыслѣ, чтобы тутъ возможны были поступки безъ достаточнаго основанія; опять является на сцену противоположеніе частной жизни и общественной дѣятельности, и теперь съ указаніемъ еще на то, что въ первой—человѣкъ можетъ найти свободу, а во второй – только тяжелое рабство. Но разъ гр. Толстой объявилъ, что общественная дѣятельность пуста, какъ наименьшее участіе въ событіи, и жалка, какъ нѣчто не-свободное, мы были бы въ правѣ ожидать, что онъ, по крайней мѣрѣ, объявитъ ее наименѣе отвѣтственной, тогда какъ именно эти-то ярлыки событій и орудія рока онъ вдобавокъ дѣлаетъ наиболѣе отвѣтственными (VI, 264—265). Послѣ этихъ разъясненій мы можемъ теперь посмотрѣть въ самый корень его фатализма, въ его идею о не-свободѣ воли, которая вовсе не вытекаетъ изъ детерминизма.

Понятіе свободы есть понятіе отрицательное: свобода есть всегда независимость отъ чего-либо. Воля не свободна, потому что зависитъ отъ своей причины, такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, но воля можетъ быть свободна отъ многаго другого и притомъ свободна въ разныхъ степеняхъ. Гр. Толстой, указывая на невозможность свободы воли отъ условій пространства, времени и отъ причинности, упускаетъ изъ виду возможность относительной и сравнительной свободы воли въ иныхъ смыслахъ: напр., воля человѣка сравнительно свободнѣе воли животныхъ и свободнѣе именно относительно непосредственнаго—чувственнаго мотива поступковъ. Храбрый человѣкъ свободнѣе въ своихъ поступкахъ при видѣ опасности, чѣмъ трусъ. Развитого человѣка не вернетъ съ дороги встрѣча зайца, а для суевѣра это будетъ достаточное основаніе вернуться, и т. п. Эта относительная

и сравнительная свобода, не устраняя ни малѣйшимъ образомъ необходимости дѣйствія мотивовъ, такъ какъ дѣятельность безъ мотивовъ была бы сплошнымъ чудомъ, измѣняетъ только способъ мотивировки: у человѣка этихъ способовъ гораздо больше, чѣмъ у животныхъ; у него есть возможность бо̀льшаго выбора, но въ этомъ смыслѣ и не всѣ люди одинаково свободны. Графъ Толстой игнорируетъ это важное условіе: тотъ, кто можетъ дѣйствовать только по одному мотиву, не свободнѣе того, кто хотя и не безпричинно, можетъ выбирать изъ многихъ. Фатализмъ въ исторіи и заключается въ признаніи для воли историческаго дѣятеля только *одного* мотива, съ исключеніемъ возможности иныхъ. Извѣстная рутина опредѣляетъ дѣйствія людей, но это не значитъ, что отдѣльныя личности не могутъ освободиться отъ рутины, чтобы подчиняться дѣйствію иныхъ мотивовъ. Принятое исторіей направленіе увлекаетъ дѣятельность людей по этому направленію, но это еще не значитъ, что поступки отдѣльныхъ личностей не могутъ мотивироваться, такъ сказать, противъ теченія. Между тѣмъ рутину, т.-е. однообразное для всѣхъ мотивированіе воли, которое дастъ начало „роевой“ силѣ и стихійное теченіе исторіи, отсюда происходящее, гр. Толстой возводитъ на степень закона, который *одинъ* и управляетъ будто бы волей людей съ такой принудительной силой, что возможность всякаго иного мотивированія этимъ устраняется. Но ни рутина, отъ которой можетъ освободиться личность, достигшая извѣстной степени духовнаго развитія, ни принятое исторіей направленіе, съ которымъ люди собственной иниціативы могутъ стать въ-разрѣзъ, не суть законы въ научномъ смыслѣ; это только случаи однообразной и однородной рѣшимости воль, не исключающіе возможности, при иныхъ условіяхъ,—напр., при особыхъ условіяхъ, въ какихъ могутъ находиться нѣкоторыя личности въ сравненіи со всѣми остальными,—и иной рѣшимости. Законъ есть выраженіе необходимыхъ, а потому постоянныхъ, отношеній между извѣстными причинами и ихъ слѣдствіями, и воля абсолютно подчиняется этимъ отношеніямъ, ибо иначе было бы нарушеніе необходимаго отношенія между причиной и слѣдствіемъ, т.-е. изъ данной причины вытекало бы не то слѣдствіе, которое изъ нея должно произойти,—напр., дважды-два могло бы быть и пять, и восемь, и десять и т. д.; но нельзя назвать закономъ простое эмпирическое обобщеніе фактовъ, говорящее только, что въ данномъ обществѣ наблюдаются такія-то явленія; если они наблюдаются, для этого есть достаточныя основанія; послѣднія, однако, непостоянны, во-первыхъ, потому, что у нѣкоторыхъ лю-

дей могутъ быть иныя достаточныя основанія, и ихъ дѣятельность будетъ представлять собою исключеніе изъ общаго правила, а во-вторыхъ, потому, что эти основанія и по отношенію ко всѣмъ членамъ общества измѣняются современемъ въ другія. Если французы шли въ армію Наполеона, на это были свои причины, и поступленіе каждаго солдата въ войско мотивировалось, такъ или иначе, для каждаго солдата сложившимися причинами, но, по теоріи гр. Толстого, вышло бы, что въ армію Наполеона толкалъ французовъ какой-то непреодолимый рокъ, не оставлявшій имъ никакого выбора, напримѣръ, между уклоненіемъ отъ конскрипціи, членовредительствомъ, дезертирствомъ, самоубійствомъ и т. п. Или, напримѣръ, гр. Толстой ссылается на повторяемость цифры преступленій въ данномъ обществѣ: каждое преступленіе имѣетъ свои индивидуальныя причины, и если цифра преступленій остается до извѣстной степени постоянной, то это зависитъ отъ того, что, приблизительно, одинаковое количество людей, при данныхъ условіяхъ общества, ставится въ одинаковое положеніе; но это не значитъ, что цифра есть какой-то законъ, непосредственно дѣйствующій на индивидуальныя воли и заставляющій ихъ подвигаться на преступленія, чтобы непремѣнно, при какихъ бы-то ни было условіяхъ, было совершено требуемое „закономъ" количество преступленій. Гр. Толстой возводитъ въ законъ и рутину, т.-е. однообразное мотивированіе воли, и ей подчиняетъ личность, тѣмъ самымъ отрицая возможность личной иниціативы; онъ возводитъ въ законъ стихійное теченіе исторіи, т.-е. мотивированіе воли, заключающееся въ увлеченіи общимъ потокомъ, отрицая возможность независимаго отъ этой стихійной силы поведенія личности. Словомъ, онъ не признаетъ возможности относительной свободы воли, т.-е. не абсолютной свободы отъ причинности вообще, а именно свободы относительной отъ данныхъ, конечно, дѣйствующихъ въ исторіи силъ, которымъ онъ придаетъ значеніе закона, „его же не прейдеши". Конечно, рутина есть сила, но сила же есть и личная иниціатива, и обѣ имѣютъ свои причины. Равнымъ образомъ, стихійность исторіи есть сила, но въ исторіи силу составляетъ и руководимое сознаніемъ самостоятельное отношеніе отдѣльныхъ личностей къ данному ходу исторіи, и обѣ эти силы опять-таки имѣютъ свои причины. Въ исторіи ведется борьба между не-свободой, въ какой удерживаетъ волю рутина, пассивное подчиненіе образовавшемуся теченію, и свободой, выражающейся въ личной иниціативѣ, въ самостоятельномъ отношеніи къ данному ходу исторіи. Гр. Толстой не видитъ этой борьбы и не видитъ потому,

что въ ней заключается соціологическая сторона исторіи, что изъ нея и состоитъ общественная дѣятельность, какъ внесеніе въ жизнь личной иниціативы, какъ стремленіе къ самостоятельному вмѣшательству въ стихійный процессъ исторіи. Общественный дѣятель немыслимъ безъ иниціативы, безъ самостоятельнаго отношенія ко всему совершающемуся вокругъ, а между тѣмъ его-то гр. Толстой и считаетъ наименѣе свободнымъ: великій человѣкъ, по его мнѣнію, есть только орудіе рока, возведеннаго въ принудительный законъ. Гр. Толстой, эмпирически обобщивъ факты движенія людей съ запада на востокъ (VI, 157), выдаетъ это обобщеніе за законъ, а всю дѣятельность Наполеона разсматриваетъ какъ подневольное выполненіе этого закона: Наполеонъ такъ же, по исторической философіи гр. Толстого, исполнялъ велѣніе рока, служа ему въ качествѣ слѣпого орудія, какъ человѣкъ, совершающій преступленіе, совершаетъ его яко-бы во исполненіе закона статистики, повелѣвающаго, чтобы непремѣнно общество поставило извѣстное количество убійцъ или грабителей. По плану исторіи, хотя его и отвергаетъ гр. Толстой, нужно было, чтобы французы пришли въ 1812 г. убивать русскихъ мужиковъ смоленской и московской губерній, и потому явился Наполеонъ, который повелъ туда французовъ: онъ только исполнялъ предписанный ему законъ. По закону, управляющему обществомъ, нужно, чтобы въ немъ было совершено столько-то грабежей, и потому такой-то напалъ на денежную почту, такой-то стащилъ шубу съ запоздалаго прохожаго: всѣ они только исполняли предписанные обществу законы. То-есть, по гр. Толстому, воля Наполеона была подчинена только одному безсознательному стремленію выполнить предписанный ему исторіей законъ: иныхъ мотивовъ въ дѣйствительности у него не было; ему не было, между чѣмъ онъ могъ бы выбирать, никакія реальныя причины на него не дѣйствовали,—онъ только выполнялъ законъ.

Ходъ исторіи фаталенъ; сила вещей непреодолима; чему быть, тому не миновать, какъ бы ни старались предотвратить то или другое; все происходитъ по закону, противиться которому безсмысленно, а общественная дѣятельность и есть именно устроеніе общественныхъ дѣлъ не такъ, какъ ихъ создаетъ „законъ“ исторіи,—слѣдовательно, не противься стихійному теченію исторіи, замкнись въ сферу личной жизни, которая есть и настоящая жизнь, и жизнь свободная, потому что тутъ человѣкъ свободенъ отъ выполненія предписаннаго ему исторіей закона. Вотъ окончательный совѣтъ, который даетъ гр. Толстой своей исторической философіей: его фатализмъ, вытекая изъ неправильнаго при-

мѣненія къ исторіи научнаго понятія закона и философскаго ученія о невозможности абсолютной свободы воли, служитъ, въ то же время, теоретическимъ оправданіемъ соціальнаго индифферентизма автора „Войны и мира“, индифферентизма къ общественнымъ формамъ и всякой дѣятельности, ихъ поддерживающей и реформирующей.

Общій приговоръ объ исторической философіи „Войны и мира“ можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Гр. Толстой реалистическую тенденцію своей поэзіи переноситъ въ область исторіи и исторической философіи, устраняя изъ нихъ идеализацію и идеологію; но тамъ, гдѣ у него рѣчь идетъ о жизни общественной, а не личной, его покидаетъ идеализмъ, который онъ умѣетъ сочетать съ своимъ реализмомъ. Его идеализмъ чисто этическій, идеализмъ, такъ сказать, праведнаго житія, но не идеализмъ соціальный, не идеализмъ правильныхъ *формъ* общежитія внѣ того, что предписывается личной этикой. Эта односторонность его міросозерцанія коренится въ какомъ-то непониманіи общественной жизни, какъ таковой: то онъ объявляетъ, что „настоящая“ жизнь идетъ независимо отъ всевозможныхъ общественныхъ преобразованій; то утверждаетъ, что только преступникъ, одержимый страстью, знаетъ, въ чемъ заключается „bien public“; то иронизируетъ по поводу общественной дѣятельности выводимыхъ имъ на сцену лицъ; то развиваетъ мысль, что одна только бозсознательная жизнь имѣетъ смыслъ; то утверждаетъ, что въ исторіи общества все дѣлается само собою, и что историческіе дѣятели суть только ярлыки событій; то разсуждаетъ о законѣ исторіи, который, какъ по предписанію, только и выполняютъ люди общественной дѣятельности, и т. п. Въ то самое время, какъ реализмъ выводитъ гр. Толстого на вѣрную дорогу, это непониманіе самостоятельнаго содержанія исторіи, ея соціологической стороны, сбиваетъ его на ложные пути, и его историческая философія представляетъ изъ себя смѣсь удивительно вѣрныхъ и поразительно невѣрныхъ идей съ массою внутреннихъ противорѣчій, которыя объясняются и малой выработанностью положенія, и недостаточной продуманностью мысли, и полнымъ пренебреженіемъ къ бо́льшей опредѣленности понятій.

Основная концепція „Войны и мира“—двойственность человѣческой жизни, какъ личной и исторической, и взаимодѣйствіе обѣихъ: человѣкъ дѣйствуетъ въ исторіи, а исторія вторгается въ жизнь человѣка. Но это взаимодѣйствіе понято гр. Толстымъ односторонне: личность дѣйствуетъ въ исторіи, принимая участіе

въ событіяхъ, въ прагматической сторонѣ исторіи, и работая надъ преобразованіемъ культурно-соціальныхъ формъ, что составляетъ соціологическую ея сторону, и гр. Толстой видитъ и понимаетъ только первую, сумму послѣдовательныхъ личныхъ дѣяній, внѣ движенія общественныхъ формъ. Далѣе, дѣйствіе исторіи на личность бываетъ двоякое, а именно: непосредственное вліяніе событій на внутренній міръ личности и на измѣненіе общественныхъ формъ, среди коихъ приходится жить личности, и тутъ гр. Толстой признаетъ только первое дѣйствіе, очень рельефно воспроизводя его въ романѣ, а „всевозможныя преобразованія" объявляетъ чѣмъ-то безразличнымъ для личной жизни. Такая односторонность ограничиваетъ историческій кругозоръ гр. Толстого и дѣлаетъ его философію скептической, какъ только она соприкасается съ общественною дѣятельностью, и фаталистической, какъ только онъ видитъ дѣятеля, стремящагося произвести то или другое во имя той или другой общественной идеи. Личная иниціатива въ общественныхъ дѣлахъ, самостоятельное отношеніе къ ихъ теченію въ силу одной безсознательной, „роевой" дѣятельности людей—для него загадка, и онъ колеблется между взглядомъ на все это какъ на нѣчто призрачное, въ родѣ ярлыковъ и бурлящихъ струй,—и взглядомъ, по которому въ этомъ нужно видѣть слѣпую силу, служащую для осуществленія предписаній закона исторіи. Смыслъ видитъ гр. Толстой въ одномъ личномъ бытіи, и здѣсь онъ является пророкомъ *нравственнаго обновленія*, но смыслъ жизни исторической для него закрытъ: передъ его глазами раскрывается одно внѣшнее движеніе, одни событія, одна прагматическая сторона исторіи, но внутреннее содержаніе историческаго движенія, постоянную *перестройку общественныхъ формъ*, не безразличныхъ, конечно, для блага, полноты и свободы личнаго бытія, постоянную постановку и постоянное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, гр. Толстой совсѣмъ не воспринимаетъ, какъ слѣпой, чувствующій только солнечный жаръ знойнаго дня, но не видящій блеска и свѣта солнца. Исторія, лишенная своего реальнаго смысла, не могла у гр. Толстого получить и смысла идеальнаго въ понятіи той цѣли, которую она должна осуществлять, чтобы удовлетворять наши субъективныя требованія отъ жизни, хотя личному бытію онъ ставитъ цѣль въ этическомъ идеалѣ. Процессъ безъ внутренняго содержанія, безъ цѣли, достиженія коей мы могли бы отъ него добиваться, сами участвуя въ этомъ процессѣ, чисто фатальный ходъ непреодолимой силы вещей, устраняющій всякую возможность суда надъ нимъ, съ нашей стороны, внѣ чисто моральной оцѣнки поведенія дѣйствую-

щихъ въ событіяхъ лицъ, дѣйствіе какого-то „закона“, превращающаго живыхъ людей въ части громаднаго механизма,—вотъ что есть исторія, по представленію гр. Толстого. Тутъ реализмъ, остающійся на высотѣ своего назначенія въ поэзіи „Войны и мира“, вслѣдствіе своего сочетанія съ этическимъ идеализмомъ, превращается въ чистѣйшій натурализмъ, вслѣдствіе того, что гр. Толстой въ общественныхъ идеалахъ, въ родѣ „свободы, равенства, просвѣщенія“, видитъ простыя „отвлеченія“, хотя они имѣютъ такое же значеніе, какъ его этическій идеалъ „простоты, добра и правды“. Голый реализмъ, отрицающій всякое творчество идеаловъ, непремѣнно перейдетъ въ натурализмъ, и историческая философія „Войны и мира“ служитъ только подтвержденіемъ этой истины рядомъ съ главною частью произведенія, съ романомъ, гдѣ гр. Толстой сочеталъ реализмъ съ идеализмомъ.

Намъ кажется, что историческая философія гр. Толстого можетъ, съ этой точки зрѣнія, характеризовать всю его литературную дѣятельность, какъ крупнаго реалиста, ставящаго, однако, всѣ вопросы жизни на почву одной личной этики, но индифферентнаго къ общественнымъ формамъ, какъ формамъ, а потому полагающаго, будто общественныя отношенія должны регулироваться одной личной моралью, этикой лично-праведной жизни. Такая философія не можетъ, однако, быть вмѣстѣ философіей *общественной и исторической*.

Н. Карѣевъ.

СТЕЛЛА

Романъ въ двухъ частяхъ миссисъ Брэддонъ.

Съ англійскаго.

VI [1]).

Наступилъ день лѣтняго равноденствія, и Стеллѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ,—вѣчно памятный день въ юности, такой радостный на зарѣ и такой роковой на закатѣ жизни. Лэди Лашмеръ находилась въ Лондонѣ, Викторіанъ—въ Оксфордѣ. Онъ не провелъ и трехъ мѣсяцевъ въ замкѣ въ теченіе тѣхъ шести лѣтъ, которыя прожила въ немъ Стелла, и едва ли обмѣнялся съ нею десяткомъ словъ. Предубѣжденіе матери противъ сиротки сказывалось въ немъ съ преувеличенной силой, и онъ избѣгалъ ея, какъ заразы.

Лордъ Лашмеръ и его „protégée" жили въ собственномъ мірке, вмѣстѣ съ своимъ преданнымъ рабомъ, Габріэлемъ Вернеромъ, который все еще собирался издать рукопись своего великаго сочиненія, не запятнанную пока пальцами наборщиковъ, и съ ужасомъ откладывалъ день, когда имя его прогремитъ въ мірѣ, а кабинетные министры станутъ искать его знакомства.

День рожденія Стеллы всегда праздновался съ особеннымъ торжествомъ ея пріемнымъ отцомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ребенокъ отнюдь не былъ лишенъ тѣхъ дѣтскихъ радостей, какія доставляютъ дѣтямъ отцы и матери. Она должна была вспоминать о своемъ дѣтствѣ, какъ о веселомъ времени. И въ этомъ году онъ

---

[1]) См. выше: іюнь, 682 стр.

желалъ особенно пышно отпраздновать день ея рожденія. Наступало время, когда аркадская жизнь и непринудительное образованіе, даваемое ей благодѣтелемъ шутя, должны были уступить мѣсто болѣе условному образу жизни. Наступало время, когда Стеллу надо было передать на попеченіе женщины, чтобы она могла пріобрѣсти женскія манеры и женское воспитаніе. Лашмеръ охотно бы довелъ свое дѣло до конца и занимался бы лично ея воспитаніемъ, пока она бы не выросла. Но, въ виду ея собственныхъ интересовъ, онъ побоялся, что образуетъ современнаго монстра, философа въ юбкѣ, а потому рѣшилъ подъискать какое-нибудь спокойное и счастливое семейство, какую-нибудь благородную женщину, подъ крылышкомъ которой Стелла разовьется и превратится въ прелестную и граціозную женщину. А тогда... тогда опять наступятъ дни, когда она можетъ снова стать его товарищемъ и другомъ, снова жить подъ его кровомъ и скрашивать его существованіе. Быть можетъ, она выйдетъ замужъ; да, такъ будетъ лучше для нихъ обоихъ. Она можетъ выйти замужъ за молодого священника, который будетъ лашмерскимъ капелланомъ, такъ что мужъ и жена будутъ жить подъ однимъ съ нимъ кровомъ. Онъ видѣлъ себя, въ далекомъ будущемъ, улыбающимся дѣтямъ Стеллы, находящимъ себѣ новую звѣзду въ маленькой дочкѣ Стеллы, которая такъ же будетъ сидѣть у его ногъ и слушать его разсказы. Такимъ образомъ старость его не будетъ одинокой и безотрадной.

Жизнь его не была исполнена однѣхъ радостей съ тѣхъ поръ, какъ Стелла жила въ его домѣ. Чувствительные нервы его, отзывчивые на холодъ, жару, усталость и даже удовольствіе, страдали много, много разъ. Старинная боль, старинное изнеможеніе проявлялись въ извѣстные промежутки времени, но теперь онъ находилъ утѣшеніе въ симпатіи Стеллы. Дитя способно было не по лѣтамъ сострадать и любить. Она понимала страданія такъ тонко, какъ это рѣдко можно встрѣтить у взрослой женщины. Она по цѣлымъ часамъ просиживала у постели своего благодѣтеля—безмолвная, внимательная. Она изучила каждую складку на его страдальческомъ лицѣ и умѣла ловить тѣ моменты, когда боль ослабѣвала и онъ охотно разговаривалъ, чтобы отвлечь мысли отъ своихъ страданій. Ея маленькія ножки легко двигались по ковру, маленькія ручки были такъ нѣжны, какъ лепестки розы, падающіе на траву. Ей не было и восьми лѣтъ, когда она пріобрѣла такую ловкость въ уходѣ за больнымъ, что ему пріятнѣе было, чтобы она ухаживала за нимъ, нежели самыя опытныя изъ служанокъ зáмка. Она умѣла накапать лекарства

или приготовить лимонадъ съ величайшей аккуратностью. Она была главной сидѣлкой Лашмера во всѣхъ его болѣзняхъ, которыя, будучи нервнаго характера, не требовали унизительныхъ услугъ со стороны ухаживающаго за ними. Габріэль Вернеръ былъ подчиненнымъ Стеллы въ комнатѣ больного, и былъ почти такъ же нѣженъ, какъ женщина.

Лордъ Лашмеръ обыкновенно завтракалъ въ кабинетѣ, когда милэди была въ отсутствіи, и въ такихъ случаяхъ Вернеръ и Стелла всегда завтракали вмѣстѣ съ нимъ. Завтракъ подавался въ девять часовъ, и Лашмеръ часто гулялъ передъ завтракомъ въ саду, иногда одинъ, но чаще всего со Стеллой.

Она была съ нимъ въ это утро и съ гордостью репетировала свой первый греческій глаголъ. Уже слишкомъ годъ какъ она училась латинскому языку и могла съ отличной и очень вѣрной интонаціей говорить наизусть отрывки изъ „Буколикъ", но за изученіе греческаго языка она принялась всего лишь нѣсколько недѣль тому назадъ и необыкновенно интересовалась имъ, такъ какъ привыкла смотрѣть на него какъ на величайшій изъ земныхъ языковъ. Вѣдь Гомеръ повѣствовалъ въ этихъ звучныхъ слогахъ свой изумительный разсказъ о паденіи Трои! Стелла знала исторію Трои такъ твердо, какъ другія дѣти знаютъ исторію про Красную Шапочку.

Стелла повторила свой глаголъ почти безъ ошибокъ и заслужила одобреніе Лашмера.

— Большинство дѣвочекъ твоего возраста учились бы не греческому, а французскому языку,—сказалъ онъ,—но на французскомъ языкѣ нѣтъ ничего равнаго Гомеру и Платону, и мнѣ хочется, чтобы ты выучилась сначала греческому, а затѣмъ уже французскому языку.

Они вмѣстѣ отправились завтракать. Мистеръ Вернеръ уже ждалъ ихъ въ кабинетѣ, держа въ рукахъ записную книжку и карандашъ и записывая какой-то отрывокъ для своего сочиненія. Онъ писалъ его по частямъ, которыя затѣмъ передѣлывалъ и переписывалъ по нѣскольку разъ, а потому носилъ въ карманѣ записную книжку, обдумывая и отчеканивая каждый параграфъ, каждое выраженіе. И этой трудолюбивой методой онъ вырабатывалъ такой англійскій слогъ, который походилъ на подстрочный переводъ Гегеля или Шопенгауэра.

Столъ былъ убранъ цвѣтами, стариннымъ англійскимъ серебромъ и стариннымъ англійскимъ фарфоромъ. Большое блюдо земляники выглядывало изъ-за большой японской вазы съ чайными розами. Болѣе сытныя вещи стояли на боковомъ столикѣ.

Лашмеръ имѣлъ обыкновеніе завтракать лѣтомъ легко—яйцами въ смятку, земляникой со сливками, а Стелла тоже любила больше всего бисквиты, фрукты и сливки. Одинъ мистеръ Вернеръ съ аппетитомъ поглощалъ болѣе плотныя кушанья, стоявшія на боковомъ столикѣ.

Стелла вскрикнула отъ удивленія и восторга, когда усѣлась на свое мѣсто. На ея раскрытой салфеткѣ лежали золотые часы съ тонкой золотой цѣпочкой, извивавшейся точно змѣя. Задняя доска часовъ была покрыта эмалью, а на ней стояла буква S, увѣнчанная звѣздой съ брилліантами.

— О! какіе чудные часы!—закричала она:—чьи это?

— Твои, Стелла. Ты такъ аккуратно даешь мнѣ лекарство, когда я бываю боленъ, что, я увѣренъ, ты знаешь цѣну времени, а потому рѣшилъ, что тебѣ слѣдуетъ имѣть свои собственные часы.

Стелла подбѣжала къ нему, обхватила его шею руками и поцѣловала.

— Какъ вы добры ко мнѣ! Вы всегда дарите мнѣ хорошенькія вещи! Но часы! Я никогда не думала, что у меня будутъ часы, какъ у большой!

— Ты гораздо благоразумнѣе и аккуратнѣе многихъ большихъ, Стелла. Ты заслуживаешь право носить часы.

— Я буду очень, очень беречь ихъ, — отвѣтило дитя серьезно.

Она часто надѣвала часы Лашмера; разъ, когда онъ былъ боленъ, она проносила ихъ цѣлую недѣлю, такъ что не побоялась раскрыть подаренные ей часы. Она прочитала внутри надпись: „Стеллѣ, отъ ея пріемнаго отца, Лашмеръ, 1872 г.“

— Это лучше всего, — подумала она:—я буду любить часы еще больше ради моего пріемнаго отца.

Они собирались ѣхать гулять тотчасъ послѣ завтрака; прогулка давно уже была условлена въ день рожденія Стеллы. Въ пятнадцати миляхъ отъ лашмерскаго замка были развалины средневѣковаго аббатства... огромныя развалины, хорошо сохранившіяся и находившіяся въ живописной мѣстности. Лангдальское аббатство было однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда всѣ ѣздили съ удовольствіемъ, и оно служило любимымъ предлогомъ для пикниковъ. Лашмеръ зналъ каждый камень въ этихъ развалинахъ, каждый дикій цвѣтокъ и кустъ мха, росшіе между расщелинами камней и одѣвавшихъ старыя стѣны аббатства. Ему никогда не надоѣдало осматривать лангдальское аббатство и онъ рѣшилъ, что

нельзя пріятнѣе провести день рожденія Стеллы, какъ отправиться въ Лангдаль.

Не такъ давно онъ купилъ пару лошадей, которыми особенно гордился; красивые гнѣдые кони, одинъ какъ другой, одного роста, однѣхъ статей, одной масти—такая пара коней привлекла бы всѣ взгляды и въ Гайдъ-Паркѣ, но они оставались почти незамѣченными въ окрестностяхъ лапмерскаго замка, гдѣ всѣ привыкли къ тому, что лордъ Лапмеръ ѣздитъ на прекраснѣйшихъ лошадяхъ. Онъ былъ такъ богатъ и такъ мало имѣлъ способовъ тратить деньги, что казалось вполнѣ естественнымъ, чтобы онъ дорого платилъ за лошадей.

Онъ былъ отличный возница, твердый, спокойный, искусный и неутомимый. Онъ любилъ лошадей, и лошади любили его. Пара гнѣдыхъ считалась по кротости настоящими ягнятами. Лордъ Лапмеръ уже нѣсколько разъ ѣздилъ на нихъ и находилъ ихъ безукоризненными. Онъ бы ни за что не рѣшился подвергнуть Стеллу опасности, посадивъ ее на опасныхъ лошадей, а также и своего сѣдовласаго старика-гувернера.

Корзины съ провизіей были уложены въ фаэтонъ, и въ одиннадцать часовъ экипажъ былъ поданъ къ подъѣзду.

Стелла уже дожидалась въ сѣняхъ, сіяя счастіемъ; большіе черные глаза ея сверкали изъ-подъ полей широкой шляпы. Бѣлое платье съ короткой таліей, широкій голубой поясъ и длинныя перчатки придавали ей сходство съ дѣтскими портретами Рейнольдса.

Аристократическій старикъ ректоръ въ Лапмерѣ имѣлъ привычку снисходительно гладить дѣвочку по головѣ, приговаривая: „Моя копія съ Рейнольдса“. Онъ былъ добрый человѣкъ въ своемъ родѣ, но довольно ограниченный. Онъ не находилъ похвальнымъ воспитаніе сиротки въ роскошной обстановкѣ. Онъ лучше бы желалъ, чтобы та сумма денегъ, которая тратилась на воспитаніе Стеллы, была пожертвована въ какой-нибудь дѣтскій пріютъ и распредѣлена между многими дѣтьми въ видѣ толстыхъ ломтей хлѣба съ масломъ и сапогъ, подкованныхъ гвоздями. Благотворительность Лапмера казалась ему такой же безпутной, безразсудной тратой, какъ Іудѣ дорогое масло, какимъ умащала ноги Спасителя грѣшная женщина. Онъ всегда поддакивалъ лэди Лапмеръ, когда та осуждала неблагоразумныя дѣйствія пасынка. Да, безъ сомнѣнія, онъ готовитъ себѣ хлопоты въ будущемъ. Дѣвочка можетъ стать большой помѣхой, когда выростетъ.

Стелла усѣлась въ фаэтонѣ рядомъ съ лордомъ Лапмеромъ. Габріэль Вернеръ помѣстился сзади, и грумъ легко вспрыгнулъ

на свое мѣсто, когда кони уже тронулись, считая ниже своего достоинства сѣсть раньше. Гнѣдые побѣжали очень рѣзво, изъ чего лордъ Лашмеръ заключилъ, что они застоялись.

— Что̀, проѣзжали вчера гнѣдыхъ? — спросилъ онъ грума.

— Нѣтъ, милордъ, вчера не проѣзжали. Смайльсъ зналъ, что вы сегодня поѣдете далеко.

— А третьяго дня ихъ проѣзжали?

— Нѣтъ, милордъ. Смайльсъ находилъ, что погода дурна.

Гнѣдые отлично бѣжали, не проявляя ни малѣйшаго непокорства; но они застоялись и хотѣли все время бѣжать во всю прыть. Лашмеръ сдерживалъ ихъ; впереди предстояло еще пятнадцать миль пути.

— Какія славныя лошадки!—замѣтила Стелла, радуясь быстрой ѣздѣ.

— Развѣ онѣ тебѣ больше нравятся, чѣмъ Пирамъ и Ѳизба?

— Пирамъ и Ѳизба — душки, но эти везутъ быстрѣе, не правда ли?

— Да, сегодня они быстрѣе везутъ.

Они проѣхали три или четыре мили, между цвѣтущими изгородями, мимо живописнаго мидльширскаго селенія, съ его деревянными коттеджами, грязными дворами, съ соломенной подстилкой и колодцемъ. Селеніе точно вымерло, потому что всѣ мужчины были въ полѣ, а дѣти въ школѣ. Но тамъ и сямъ женщины выглядывали изъ-за дверей и любовались конями лорда Лашмера, легкимъ фаэтономъ, красивой ливреей грума и хорошенькой дѣвочкой въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпѣ.

Ярдовъ въ пятистахъ отъ селенія дорога круто поворачивала, и лордъ Лашмеръ очутился лицомъ къ лицу съ такимъ обстоятельствомъ, которое могло оказаться опаснымъ.

Служебный паровикъ на полныхъ парахъ, пыхтя, ворча, тащилъ за собой большой вагонъ съ сѣномъ. Грумъ привсталъ и издалъ одинъ изъ тѣхъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, какіе замѣняютъ въ конюшняхъ человѣческую рѣчь. Машинистъ пытался обуздать ревность своего чудовища.

Слишкомъ поздно. Лошади уже закусили удила и неслись прямо на рельсы.

Лашмеръ сдерживалъ ихъ желѣзной рукой, но передъ самой машиной лошади шарахнулись въ сторону; дышло сломалось, упряжь оборвалась, обѣ лошади свалились, увлекая въ своемъ паденіи и экипажъ.

Съ этого времени ночь окутала мечты Стеллы, и такимъ образомъ день ея рожденія былъ застланъ мракомъ еще до полудня.

Послѣ такого внезапнаго затмѣнія жизни дѣйствительной, для Стеллы наступилъ одинъ сплошной и ужасный сонъ. Сонъ безпробудный и наполненный фантастическими и мучительными видѣніями.

— Я его больше не увижу, я его больше не увижу!—стонала она по временамъ.—Онъ теперь далеко отъ меня! онъ слишкомъ далеко отъ меня!

И честная Бетси, сидѣвшая съ шитьемъ у постели больной, удивлялась, что дитя, ни разу не приходившее въ себя съ того самаго рокового случая, инстинктивно сознавало свою вознаградимую потерю.

Наконецъ, наступилъ перерывъ въ этомъ продолжительномъ бредѣ. Толпа видѣній разсѣялась. Усталыя руки перестали тянуться къ недосягаемымъ высотамъ. Горячія вѣки сомкнулись надъ утомленными глазами. Глубокій, спасительный сонъ смѣнилъ лихорадочное безпокойство, и больная, проснувшись, узнала доброе лицо своей няни, впервые послѣ десяти долгихъ дней и тревожныхъ ночей.

Она увидѣла солнечный свѣтъ, лившійся въ ея окно.

— Сегодня мое рожденіе? — спросила она.—Почему мы не поѣхали въ лангдальское аббатство?

И затѣмъ, приподнявшись на постели, слабая и блѣдная, она протянула исхудалыя ручки и спросила:

— Гдѣ мои часы?

— Здѣсь, милочка,—отвѣчала Бетси, беря часы изъ сафьяннаго футляра, стоявшаго на туалетѣ, и въ восторгѣ, что можетъ порадовать больную. — Вотъ ваши хорошенькіе часики. О! не правда ли, какая прелесть? Какое счастіе вамъ: у васъ есть часы, какъ у взрослой молодой дѣвицы!

Слабыя, маленькія ручки задрожали, беря часы, истощенное тѣло безпомощно опустилось на постель, но дитя все время держало часы передъ глазами и слабыми пальчиками пыталось раскрыть ихъ.

— Прочитайте,—тихо сказала она.

И Бетси по складамъ прочитала: „Стеллѣ, отъ ея пріемнаго отца, Лашмера“.

— О! какъ прекрасно!—воскликнула Бетси и затѣмъ залилась слезами, какъ это дѣлаютъ молодыя особы ея состоянія, у которыхъ резервуаръ слезъ, повидимому, обильнѣе снабженъ, нежели у высокорожденныхъ дѣвицъ.

— Не плачьте,—замѣтила Стелла:—не о чемъ плакать.

Она забыла про свои сны, въ которыхъ ей мерещился пріем-

ный отецъ въ видѣ звѣзды, отъ которой раздѣляла ее непроходимая бездна.

Она пролежала нѣсколько минутъ, глядя на часы и держа ихъ обѣими ручками, такъ какъ для одной они были слишкомъ тяжелы. Затѣмъ приложила ихъ къ уху и нашла, что они остановились.

— Четверть двѣнадцатаго,—сказала она:—почему они остановились на четверти двѣнадцатаго?

Снова Бетси залилась слезами.

— Шш... милочка!—пролепетала она, гладя Стеллу по плечу:—спите, мой ангелъ, пока докторъ не придетъ. Я положу ваши хорошенькіе часики къ вамъ подъ подушку.

— Я не хочу больше спать. Я хочу встать и одѣваться; ты знаешь, что сегодня день моего рожденія, и я его проведу съ лордомъ Лашмеромъ. Какъ уже поздно! солнце свѣтитъ какъ въ полдень! Я, значитъ, проспала?

— Вы были очень, очень больны, моя милочка, — отвѣчала Бетси успокоительнымъ и вмѣстѣ наставительнымъ тономъ, который особенно несносенъ для умнаго ребенка.—Вы слишкомъ слабы, чтобы встать. Вамъ сейчасъ дадутъ чашку бульона и сухарь.

— Но сегодня мое рожденіе, — настаивала Стелла:—я буду обѣдать съ милордомъ.

— Моя бѣдная крошечка, ваше рожденіе было десять дней тому назадъ, за недѣлю до похоронъ,—отвѣчала Бетси.

Слова сорвались у нея нечаянно.

— Какихъ похоронъ? — закричала Стелла, привскакивая на постели съ растеряннымъ взглядомъ.

Она была такъ слаба, что холодный потъ выступилъ у нея на лбу отъ волненія, возбужденнаго въ ней этимъ вопросомъ. Бѣдная Бетси совсѣмъ растерялась.

— Спите, душечка, — молила она: — докторъ не позволилъ вамъ такъ много говорить. Лежите и спите, моя прелесть. Докторъ не позволилъ бы вамъ такъ много говорить. Лежите и спите, душечка.

Но всѣ эти уговоры не успокоили взволнованную дѣвочку.

— Чьи похороны? — повторяла Стелла.—Развѣ кто-нибудь умеръ?

Бетси молча гладила ее по плечу, со слезами на глазахъ.

— Кто умеръ? Не мистеръ Вернеръ? О! онъ былъ такъ добръ ко мнѣ. Онъ не умеръ, не правда ли?

— Нѣтъ, милая, нѣтъ. Мистеръ Вернеръ совсѣмъ здоровъ. Онъ даже совсѣмъ не ушибся,—отвѣчала Бетси.

— Онъ не ушибся? А кто же ушибся? Кто-нибудь, значитъ, ушибся?—закричала Стелла, и глаза ея приняли то безумное выраженіе, какое въ нихъ была во время бреда.

— Вы ушиблись, моя душечка. Вы стукнулись бѣдной головкой.

Стелла вскрикнула и охватила шею Бетси руками. Память вернулась къ ней.

— Лошади понесли!—вскричала она:—да, теперь помню. О! эти страшныя лошади! Лордъ Лашмеръ такъ хорошо правилъ, но я думала, что онѣ убьютъ насъ. Онъ не раненъ, скажите? Попросите его придти ко мнѣ; я хочу видѣть лорда Лашмера, сейчасъ, сію минуту!

Большіе черные глаза сверкали все болѣе и болѣе зловѣщимъ пламенемъ. Они казались неестественно большими на маленькомъ, блѣдномъ личикѣ, похудѣвшемъ во время болѣзни. Она хотѣла встать съ кровати и отталкивала Бетси, которая ее удерживала.

— Попросите лорда Лашмера придти ко мнѣ. Пустите меня къ лорду Лашмеру.

— Лорда Лашмера нѣтъ дома, милочка,—сказала испуганная Бетси.—Лордъ Лашмеръ отправился въ Бруммъ...

Это была правда. Бетси чувствовала, что успокоила свою питомицу, не отягчая душу ложью. Она сказала буквальную правду, но для Стеллы это была не правда, а горькая, злая ложь.

Она не была довольна, и упала на подушки безъ силъ продолжать далѣе борьбу. Она лежала и стонала:

— Я хочу видѣть лорда Лашмера. Когда онъ вернется? О, когда, когда, когда?

Она рыдала до тѣхъ поръ, пока не заснула тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ. И въ эту ночь бредъ снова вернулся.

Докторъ былъ очень озабоченъ, когда пришелъ взглянуть на больную вечеромъ и ему сказали, что она пришла было въ себя, но опять впала въ забытье.

— Вы ей ничего не говорили?—спросилъ онъ.

— Ни слова,—отвѣчала Бетси.—Она отчаянно молила видѣть лорда Лашмера, но я сказала ей, что его нѣтъ дома, и она, кажется, повѣрила, но очень тосковала по немъ. Она такъ любила его, бѣдняжка, да и понятно.

— Очень понятно,—подтвердилъ докторъ, качая головой.—Я боюсь, что бѣдняжка должна проститься съ тѣми счастливыми днями.

Мистеръ Стоксъ — простая, добрая душа. Онъ прожилъ

всю жизнь въ деревнѣ Эвондель, въ одной милѣ разстоянія отъ деревни Лашмеръ, хорошенькомъ, чистенькомъ гнѣздѣ домиковъ, пріютившихся на берегу рѣки вокругъ старинной саксонской церкви. Мистеръ Стоксъ зналъ всѣхъ въ околоткѣ, а молодое поколѣніе—съ самой колыбели. Онъ былъ искусный хирургъ и довольно хорошій діагностъ, хотя рѣдко пускался дальше Брумма, да и въ немъ мало бывалъ, съ тѣхъ поръ какъ кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Ему все было извѣстно о Стеллѣ и о чувствахъ къ ней лэди Лашмеръ.

— Я боюсь, что болѣзнь возобновится,—сказалъ онъ, измѣривъ температуру.—Жаръ опять сталъ сильнѣе. Вамъ придется просидѣть надъ ней всю ночь,—обратился онъ къ Бетси.

— О, не бѣда! —отвѣчала та.—Я боюсь одного только: ея разспросовъ про лорда Лашмера.

Докторъ не ошибся. Стелла опять была унесена въ міръ видѣній. Когда она снова опомнилась, черезъ много, много дней, буря свирѣпствовала на дворѣ и дождь барабанилъ въ окна. Небо было сѣро и холодно. Стелла не знала, утро теперь или вечеръ. Память снова измѣнила ей. Она забыла все, что̀ случилось со времени дня ея рожденія, забыла роковое обстоятельство, имѣвшее такой зловѣщій исходъ.

На этотъ разъ Бетси не было въ комнатѣ, и некого было разспрашивать. Время было между четырьмя и пятью часами, и Бетси ушла внизъ пить чай и пережидать бурю въ обществѣ прислуги, которая имѣла обыкновеніе въ такихъ случаяхъ плакаться на то, что не живетъ въ Лондонѣ, гдѣ громъ и буря сравнительно не такъ страшны, среди толпы народа и сознанія безопасности отъ присутствія полисменовъ.

Стелла оглядѣлась съ удивленіемъ, медленно переходя изъ міра горячечныхъ грезъ въ міръ дѣйствительный. Да, это ея комната; вонъ всѣ тѣ украшенія и предметы, которые дѣти называютъ общимъ именемъ „хорошенькихъ вещичекъ". Серебряная корзинка на туалетѣ; флаконы съ духами, китайскіе уродцы, полки съ книгами, куклы и кукольные домики. Но эти послѣдніе засунуты въ самый темный уголокъ, какъ будто съ тайнымъ стыдомъ, что это уже слишкомъ ребяческая забава. Да, это была ея комната, и дверь въ сосѣднюю гостиную была открыта и въ ней разговаривали. Она слышала человѣческіе голоса сквозь дождь и шумъ бури.

— Что же, вы ее вышлете изъ дому?—спрашивалъ мужской голосъ, сильный и звучный и не совсѣмъ ей незнакомый. Онъ былъ похожъ на голосъ ея благодѣтеля, но только сильнѣе и громче.

— Нѣтъ; я оставлю ее здѣсь. Я считаю себя обязанной это сдѣлать въ память бѣднаго Губерта. Но я постараюсь исправить его ошибки въ дѣлѣ ея воспитанія. Я буду ее воспитывать такъ, какъ это прилично для дѣтей низшихъ классовъ. Я сдѣлаю изъ нея полезную работницу.

Слишкомъ хорошо знакомъ былъ Стеллѣ этотъ второй голосъ. То былъ звучный голосъ той страшной особы, которую она время отъ времени встрѣчала въ корридорахъ и въ саду, и которая всегда съ презрѣніемъ глядѣла на нее и проходила мимо въ гордомъ молчаніи. Она знала лицо и фигуру, которой принадлежалъ голосъ, высокую, статную фигуру и темныя, строгія брови и орлиный носъ.

— Ей тяжело покажется, бѣдняжкѣ, послѣ прежняго баловства.

— Въ этомъ виноватъ уже бѣдный Губертъ, а не я,—отвѣчала холодно миледи.

— Да, вообще это была одна изъ тѣхъ глупостей, на которую способны умные люди,—продолжалъ другой голосъ.—Я почувствовалъ антипатію къ этой дѣвчонкѣ съ той самой минуты, какъ бѣдный Лапъ привезъ ее въ домъ, точно какую-то заблудившуюся обезьянку, но только далеко не столь забавную. На вашемъ мѣстѣ, я бы очистилъ отъ нея зáмокъ, какъ только она поправится; отправьте ее въ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ пріютовъ для нищихъ ребятъ, гдѣ ихъ воспитываютъ въ страхѣ божіемъ и здравыхъ, консервативныхъ принципахъ. Вы избавитесь отъ хлопотъ, а для нея, такимъ образомъ, будетъ больше шансовъ выйти порядочной горничной, нежели тогда, когда она останется здѣсь, гдѣ все ей будетъ напоминать дурацкую снисходительность Лапмера.

— Говорю тебѣ, что я намѣрена воспитывать ее подъ своимъ личнымъ надзоромъ,—отвѣтила миледи строгимъ голосомъ.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя не терпятъ противорѣчія, не выносятъ, чтобы ихъ волю оспаривали или критиковали ихъ распоряженія. Она любила властвовать, и мысль командовать, хотя бы надъ безпомощной сиротой, какъ дочь Больдвуда, была ей пріятна.

— Я воспитаю ее подъ своимъ личнымъ надзоромъ,—повторила она:—я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы ее вели какъ слѣдуетъ, а главное такъ, чтобы она позабыла свое безумное дѣтство и поняла свое положеніе одинокой сироты, которая должна научиться зарабатывать свое дневное пропитаніе.

— Одинокая сирота!—повторила Стелла слабымъ шопотомъ.

—Про кого они говорятъ?—спросила она себя? Неужели про нее? Она помнила, какъ однажды старикъ мистеръ Вернеръ, превознося доброту Лашмера, сказалъ ей, что, еслибы не ея великодушный благодѣтель, она была бы безпомощной и одинокой сиротой.

И вотъ теперь милэди толкуетъ про одинокую сироту, которую безумно воспитывали. Ей придется начать новую жизнь, какъ только она поправится.—„Какъ только она поправится",—повторила Стелла. Да, это они говорятъ про нее. Она какимъ-то образомъ попала въ ихъ власть, во власть этихъ двухъ враговъ своихъ. Они собираются измѣнить ея счастливую жизнь. Они, быть можетъ, отнимутъ у нея греческую грамматику, помѣшаютъ ей учиться и быть достойной общества лорда Лашмера. Онъ говорилъ ей про то время, когда они вмѣстѣ будутъ читать Гомера въ оригиналѣ. О! гдѣ же Лашмеръ? Почему онъ не приходитъ и не велитъ имъ прекратить эти злыя рѣчи?!

Она стиснула руки въ агоніи отчаянія и простонала—крикнуть у нея не хватило силъ.

— Лордъ Лашмеръ! лордъ Лашмеръ!

Лицо, молодое, красивое, какъ у Аполлона, заглянуло въ дверь, но только на минуту. Вслѣдъ затѣмъ появилась строгая фигура милэди.

— Ты не спишь, дѣвочка?—спросила она.

— Пожалуйста, попросите лорда Лашмера придти ко мнѣ,—жалобно сказалъ ребенокъ.

— Зачѣмъ тебѣ лордъ Лашмеръ? Лежи смирно, дѣвочка; ты слишкомъ слаба, чтобы сидѣть. Я пришлю къ тебѣ Бетси.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ее не нужно. Я хочу видѣть лорда Лашмера. Я съума сойду, если его не увижу!

Милэди сѣла въ кресло, занимаемое Бетси у постели ребенка, мрачная и строгая, точно воплощеніе судьбы.

Она была одѣта съ головы до ногъ въ черное,—не въ богатый, блестящій шелкъ, какъ ее часто видала прежде Стелла, не въ атласъ или дамà, нѣтъ; на ней было суконное черное платье, обшитое чернымъ крепомъ, а изъ всѣхъ матерій черный крепъ въ глазахъ ребенка всего противнѣе.

— Ты не можешь видѣть своего благодѣтеля, лорда Лашмера,—произнесъ строгій голосъ.—Ты его больше никогда не увидишь. Развѣ ты не понимаешь, чтò означаетъ мой трауръ?

— Онъ умеръ! — вскрикнулъ ребенокъ, вспоминая зловѣщія слова Бетси.—Такъ это были *его* похороны!

— Да, несчастное дитя, твой благодѣтель убился въ тотъ разъ, когда и ты едва не погибла. Утрата его горька тебѣ теперь,

хотя, быть можетъ, послужитъ тебѣ спасеніемъ на будущее время. Безумная снисходительность моего пасынка могла погубить тебя и въ здѣшней, и въ будущей жизни.

Стелла ни слова не слыхала изъ этого нравоученія. Она бросилась на подушки и рыдала отъ всей души съ страстнымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ дѣтей.

Умеръ! Она никогда не думала, что онъ можетъ умереть. Умеръ! Какъ часто говорилъ онъ съ ней о томъ, что̀ будетъ, какъ онъ состарѣется, и какъ она будетъ его товарищемъ и вознаградитъ его за всѣ потери.

Умеръ! Никогда больше не взглянетъ онъ на нее своимъ глубокимъ взглядомъ; никогда больше не заговоритъ съ ней нѣжнымъ, тихимъ голосомъ; никогда не дотронется ласковой рукой до ея головы, какъ бы благословляя ее.

— Мой ангелъ! мой другъ! мой отецъ!—кричала она.—О, Боже! сжалься надо мной! я хочу также смерти!

То была ея молитва по утру и вечеромъ каждый день, въ продолженіе многихъ, многихъ лѣтъ.

VII.

Іюль, съ его розами и лиліями, долгими, жаркими днями, лѣнивыми солнечными закатами и росяными ночами уже истекъ. Наступилъ августъ мѣсяцъ, и хотя лѣто все еще гостило въ деревнѣ, но вечера становились уже короче и розы отцвѣтали. Тамъ и сямъ появились осенніе цвѣты: гордыя георгины, яркіе подсолнечники, глазѣвшіе на голубое небо круглыми, темными физіономіями въ ободранныхъ желтыхъ ночныхъ чепцахъ.

Новая жизнь Стеллы началась. То, дѣйствительно, была новая жизнь, до того не похожая на прежнюю, что дѣвочкѣ казалось, что она какъ будто умерла и воскресла въ томъ же мѣстѣ, но въ новомъ о̀бразѣ.

Хотя она жила въ лашмерскомъ за̀мкѣ, но трудно было бы сказать, что это то же самое мѣсто, которое служило ей пріютомъ при жизни Губерта, лорда Лашмера. Она жила въ другихъ комнатахъ, глядѣла изъ другихъ оконъ и видѣла совсѣмъ другой пейзажъ. Со смерти своего благодѣтеля, она не входила больше въ библіотеку или въ прилегающія къ ней комнаты, въ которыхъ была прежде такъ счастлива. Садъ, въ которомъ она прежде летала, какъ бабочка, былъ теперь для нея недоступенъ.

Она такъ же не могла гулять въ немъ, какъ и дѣти кучера или маленькая племянница экономки.

Стелла жила теперь въ людскомъ флигелѣ, окна котораго выходили на дворъ, гдѣ помѣщались конюшни, большую, каменную пустыню, и которой единственной живописной чертой былъ фонтанъ, съ его каменнымъ бассейномъ, а вокругъ него кучеръ, изъ любви къ прекрасному, посадилъ нѣсколько настурцій. Эти настурціи были почти единственными цвѣтами, какіе Стелла видѣла въ этотъ августъ мѣсяцъ. Ее учили знать свое мѣсто— то мѣсто, которое отведено ей было по волѣ лэди Лашмеръ — мѣсто подгорничной.

Въ лашмерскомъ замкѣ было одиннадцать служанокъ. Это было ортодоксальное ихъ число, съ тѣхъ поръ, какъ только запомнятъ старожилы лашмерской деревни. Считалось, что меньшее число не справится съ уборкой замка. Было три главныхъ горничныхъ, и каждая изъ нихъ завѣдывала однимъ этажемъ дома. Она была, такъ сказать, капитаномъ своей палубы. Затѣмъ шли пять подгорничныхъ: двѣ для нижняго этажа, съ его обширными залами и безчисленными гостиными; двѣ для перваго этажа, гдѣ находились покои миледи и покои новаго лорда и комнаты для всѣхъ важныхъ гостей, и одна для верхняго этажа, гдѣ расположены были рѣдко отпиравшіяся комнаты для холостыхъ гостей.

Наконецъ, были три чернорабочихъ служанки, которыя приносили воду и уголь, топили печи и чистили заслонки—рабыни, съ которыми обращались какъ съ израильтянами въ Египтѣ, до появленія Моисея.

Бетси была низведена въ разрядъ одиннадцати служанокъ. Она была одной изъ подгорничныхъ, и ея сферой дѣятельности былъ первый этажъ, гдѣ она находилась подъ непосредственнымъ надзоромъ своей тетки, Баркеръ, у которой была своя собственная комната, въ темномъ уголку, позади покоя миледи. Подъ руководствомъ Бетси, Стелла должна была научиться обязанностямъ старшей горничной. Она была избавлена отъ черной работы, ношенія воды и угля и топки печей, въ память покойнаго лорда. И даже еслибы оказалась особенно ловкой и послушной, то могла разсчитывать со временемъ на непомѣрную честь быть приставленной къ личнымъ услугамъ миледи.

— Вы старѣетесь, Баркеръ, и силы вамъ измѣняютъ,—говорила лэди Лашмеръ:—къ тому времени, какъ дѣвочкѣ будетъ семнадцать или восемнадцать лѣтъ, мнѣ можетъ понадобиться горничная.

Баркеръ качала головой, сжимая губы.

— Не думаю, чтобы миссъ Стелла когда-нибудь была вамъ угодной въ этомъ отношеніи, миләди.

— Сколько разъ я вамъ говорила, чтобы вы не называли ее „миссъ Стелла“!

— Не думаю, чтобы изъ Стеллы когда-нибудь вышла хорошая горничная, миләди. Милордъ слишкомъ избаловалъ ее. Она слишкомъ учена, и день, и ночь все думаетъ о латинскомъ и греческомъ языкѣ, объ исторіи и географіи и тому подобныхъ вещахъ. По ночамъ она иногда плачетъ, заливается, говоря, что скоро все забудетъ, чему ее научилъ милордъ. Не думаю, чтобы изъ нея вышла хорошая горничная; ее сначала иначе вели.

— Она настолько молода, что можетъ передѣлаться,—замѣтила сурово миләди.—Величайшая ошибка нашего времени—это то, что простолюдиновъ слишкомъ многому обучаютъ; отъ этого выходятъ толпы молодыхъ женщинъ, которыя всѣ желаютъ быть юристами и докторами, а не женами и матерями, а молодые люди предпочитаютъ голодать съ перомъ въ рукахъ, нежели благоденствовать въ положеніи мясниковъ и булочниковъ. Я надѣюсь на васъ, Баркеръ, что вы выбьете дурь изъ головы этой дѣвочки. Если я еще услышу про ея капризы, то отошлю ее въ рабочій домъ.

Послѣ этого Баркеръ не разѣвала больше рта объ этомъ предметѣ. Она знала желѣзный характеръ своей госпожи, которой служила вѣрой и правдой въ продолженіе пятнадцати лѣтъ.

Стелла довольно кротко терпѣла перемѣну въ своей жизни, но почти каждая минута этой жизни была для нея страданіемъ. Воспитанная деликатнѣйшимъ, образованнѣйшимъ человѣкомъ, природная утонченность котораго только усиливалась болѣзненностью и уединеннымъ образомъ жизни, она не могла безъ душевной пытки выносить всѣхъ мельчайшихъ подробностей жизни въ мірѣ прислуги. Громкіе голоса, непрерывная болтовня, ссоры и перебранки, перебранки съ претензіей на остроуміе—все это возмущало юный, острый умъ. Еслибы она была взрослая, она могла бы облечься въ броню философіи. Она могла бы замкнуться въ себѣ самой и жить собственной тихой и созерцательной жизнью, среди гама и шума вульгарной обстановки. Но она была еще ребенокъ и не научилась стоицизму; она была ребенокъ, и радости и горести для нея обусловливались окружающимъ и внѣшнимъ міромъ, а въ немъ все было для нея горько—и въ такое время, когда сердечная рана ея еще не зажила. При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ она бы чувствовала себя безко-

нечно несчастной отъ потери друга и отца; но, при настоящихъ условіяхъ ея жизни, потеря эта становилась еще громаднѣе и неизмѣримѣе.

Ее изгнали изъ хорошенькихъ комнатокъ, гдѣ она провела пять счастливѣйшихъ лѣтъ. Всѣ ея сокровища, подаренныя ея благодѣтелемъ, игрушки и украшенія у нея отняли и, что хуже всего, у нея отняли также и книги. Эти книги были какъ бы вратами, которыя вели въ иной міръ, книги, которыя Лашмеръ научилъ ее любить и понимать.

Изгнаніе изъ Эдема ея дѣтства было совершено милэди чрезвычайно рѣшительно и рѣзко. Какъ только Стелла оправилась настолько, что могла выходить изъ комнаты, лэди Лашмеръ отослала ее въ дѣвичью. Отнынѣ она будетъ жить тамъ, вмѣстѣ съ горничными, а спать въ общей комнатѣ съ подгорничными.

Произнеся этотъ приговоръ, милэди заперла наружную дверь, которая вела въ башню, гдѣ помѣщались бывшія комнаты Стеллы, и ключъ положила себѣ въ карманъ.

— Я со временемъ придумаю, какое мы сдѣлаемъ употребленіе изъ этихъ двухъ комнатъ, — сказала она; — нѣтъ сомнѣнія, что онѣ еще понадобятся, когда милордъ позоветъ друзей на охоту.

Губертъ Лашмеръ не былъ охотникомъ, и въ Лашмерѣ не происходило охоты со времени смерти его отца.

Итакъ, Стелла была изгнана изъ своей башни, окна которой выходили на рѣку, на лѣса и луга. Она была слишкомъ несчастна, чтобы горевать о своихъ „хорошенькихъ вещичкахъ“, какъ она ихъ называла, а потому разсталась съ ними равнодушно. Гораздо позднѣе, сидя въ углу дѣвичьей, слыша, но не слушая болтовню горничныхъ, она вспомнила про свои книги и попросила Бетси принести ихъ ей.

Добродушная Бетси была почти въ такомъ же горѣ, какъ и ея питомица, когда совершилась эта грустная перемѣна въ ихъ обоюдной жизни, такъ какъ Бетси, какъ няня миссъ Стеллы, была важной персоной въ домѣ и дѣлала почти все, что хотѣла. Какъ подгорничная, она была нуль и обязана повиноваться главной горничной. Она побѣжала въ башню и, найдя ее запертой, пошла къ своей теткѣ, Баркеръ, какъ единственному вѣрному пути сообщенія съ милэди.

— Нельзя ли миссъ Стеллѣ взять свои книги изъ башни?— спросила Баркеръ часомъ позднѣе, когда уносила обѣденное платье милэди, въ то время, какъ Селестина ее причесывала.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчала рѣшительно милэди.—Чтеніе для молодой особы въ ея положеніи равнозначаще праздности. Если она будетъ читать библію и книгу съ гимнами, то съ нея этого вполнѣ достаточно. Мидльгамъ говоритъ мнѣ, что она почти не умѣетъ держать иголки въ рукахъ.

Мидльгамъ была старшая горничная, стариннѣйшая прислуга въ Лашмерѣ, старше самой экономки и „chef“'а, которые оба состарѣлись на службѣ у Лашмеровъ. Мидльгамъ было въ настоящее время сорокъ-семь лѣтъ, а она поступила въ зàмокъ, когда ей было двѣнадцать. Это была грозная персона, худая, какъ щепка, и сѣдая. Она съ грѣхомъ пополамъ читала, но не умѣла писать и очень этимъ гордилась.

— Я вышла изъ школы, когда мнѣ было десять лѣтъ, — говорила она,—а теперь дѣвушки ходятъ въ школу до четырнадцати лѣтъ и выходятъ изъ школы съ головой, набитой всякой фанаберіей, свысока относятся къ родителямъ и совсѣмъ нè умѣютъ работать,—точно барышни.

Мидльгамъ была отличная бѣлошвейка. Она завѣдывала всѣмъ бѣльемъ въ Лашмерѣ. Подъ ея суровымъ руководствомъ Стелла начала учиться шить.

— Эта дѣвочка иголки не умѣетъ держать въ рукахъ, — объявила главная горничная.

— Лордъ Лашмеръ не любилъ, чтобы я шила, — отвѣчала Стелла со слезами.

Мидльгамъ громко зарычала.

— А теперь ты будешь шить; а если не научишься какъ слѣдуетъ, то тебя отошлютъ въ рабочій домъ.

И, произнеся это, Мидльгамъ съ тріумфомъ оглядѣлась, какъ особа, сказавшая нѣчто весьма остроумное. Всѣ другія горничныя засмѣялись почтительно. Онѣ боялись и ненавидѣли Мидльгамъ.

О! какъ тяжка была жизнь! какъ скучна и однообразна, несмотря на вѣчный гамъ и болтовню кругомъ! Многолюдные обѣды въ застольной, монструозные пуддинги, нестерпимый запахъ пива, присутствіе мужской прислуги, сбившейся въ кучу на одномъ концѣ стола, ихъ громогласныя бесѣды, грубыя шутки, раскатистый хохотъ при набитыхъ биткомъ ртахъ — все это было ужасно! И затѣмъ эти нескончаемые послѣобѣденные часы, сидѣнье за работой, за штопкой какихъ-нибудь грубыхъ, кухонныхъ полотенецъ, у окна, выходившаго на дворъ, гдѣ воздухъ пропитанъ былъ запахомъ конюшни. Дитя представляло себѣ въ мечтахъ паркъ и рѣку, милую рѣку, на которой она съ Лаш-

меромъ проводила длинные лѣтніе дни, съ книгами и рисунками... долгіе, лѣнивые, чудные дни! Она взглянула на голубое небо, единственную красивую вещь, какую можно было видѣть изъ ея тюрьмы, небо голубое, какъ сапфиръ, съ бѣлыми, пушистыми облачками, весело проносившимися въ голубомъ эѳирѣ.

— А вѣдь ты шести стежковъ не сдѣлала въ продолженіе шести минутъ,—сказала Мидльгамъ.—Я за тобой считала.

Блѣдное, исхудалое личико покраснѣло, и иголка быстрѣе задвигалась по грубому полотну. Мидльгамъ погрузилась въ изученіе прорѣхи, образовавшейся въ лучшей изъ голландскихъ скатертей. Стелла и она сидѣли вдвоемъ въ дѣвичьей все послѣполудня. Сегодня былъ день мытья всѣхъ половъ въ зàмкѣ, всеобщей чистки и уборки, которая занимала руки десяти горничныхъ до самаго вечерняго чая.

Въ пять часовъ звонилъ колоколъ, и старшая и младшая горничныя прибѣгали пить чай.

Какъ ненавидѣла Стелла эти шумныя чаепитія, грубыя шутки и громкій хохотъ, котораго часто она была предметомъ! Въ этотъ часъ дня прислуга бывала всего шумнѣе и развязнѣе. Сидя съ локтями на столѣ, они потягивали чай изъ кружекъ и сплетничали про господъ.

— Перемѣнъ большихъ въ зàмкѣ пока не будетъ,—сказала Баркеръ, которая хотя и пользовалась привилегіей пить чай въ своей собственной комнатѣ, когда этого желала, на этотъ разъ участвовала въ общей компаніи.—Его лордство уѣзжаетъ черезъ двѣ недѣли. Онъ назначенъ первымъ секретаремъ посольства въ Вѣну.

— Вы бы могли сообщить намъ объ этомъ раньше,—замѣтила Мидльгамъ, всегда ревниво относившаяся къ привилегіямъ Баркеръ.

— Я только сегодня утромъ услышала объ этомъ, когда одѣвала милэди. Милордъ вошелъ въ комнату съ раскрытымъ письмомъ и показалъ его милэди: „Я долженъ уѣхать черезъ двѣ недѣли“, сказалъ онъ. Я видѣла, что она очень разсердилась.— „Это все было хорошо, пока ты былъ младшій братъ, но я не вижу въ этомъ необходимости теперь“.—„Неужели вы думаете, что я меньше хочу видѣть свѣтъ, потому что зовусь теперь лордомъ Лашмеромъ?—сказалъ онъ:—какая вы смѣшная старушенція, матушка!“

— „Какая вы смѣшная старушенція, матушка!“—захохоталъ хоръ горничныхъ.—Представить только, что милэди называютъ „смѣшной старушенціей“! Да, ужъ мастеръ Викторіанъ скажетъ

слово, такъ разодолжитъ. Онъ—настоящій лордъ, какъ быть надлежитъ, и задастъ вездѣ звону, куда только поѣдетъ.

— „Всю жизнь мою я мечталъ попасть въ Вѣну“,—сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты, засвиставъ, точно ему и горя мало. А милэди насупилась какъ туча.

Стелла сидѣла среди этого гама, несчастная и убитая. Пить чай съ лордомъ Лашмеромъ бывало настоящей поэмой; красивый серебряный старинный чайный приборъ, тонкія, прозрачныя чашки, прохладная атмосфера комнатъ, цвѣты, картины, книги— и вся эта обстановка замѣнилась теперь для нея компаніей вульгарныхъ женщинъ, презиравшихъ и поднимавшихъ ее на смѣхъ.

Бетси была добра, и другія не хотѣли ей зла. Онѣ не били, не щипали ея, не морили голодомъ. Но онѣ не въ состояніи были понять страданія ея души. Онѣ видѣли заплаканные, красные глаза, и называли ее плаксой. Онѣ смѣялись надъ ней потому, что она не умѣла шить, убирать комнаты, какъ онѣ, и безпрестанно повторяли: „Какая жалость, что лордъ Лашмеръ сдѣлалъ изъ нея такую дурочку!“

Онѣ не щадили ея чувства въ разговорахъ про покойнаго лорда. Онѣ безпечно обсуждали подробности его смерти, какъ милордъ упалъ изъ коляски на твердое шоссе и сломалъ себѣ шею. „Смерть была мгновенная“,—говорили онѣ. А Стелла упала болѣе удачно, на траву, росшую по краямъ дороги, и ее принесли домой безъ памяти; у нея сдѣлалось воспаленіе въ мозгу, какъ называлъ это докторъ.

Но старикъ мистеръ Вернеръ и грумъ счастливо отдѣлались: грумъ—нѣсколькими царапинами, а мистеръ Вернеръ и совсѣмъ не ушибся. Стелла спрашивала, что̀ сталось съ мистеромъ Вернеромъ, жаждала его видѣть, какъ единственнаго друга, какой у нея оставался. Но ей сказали, что онъ уѣхалъ изъ за̀мка, тотчасъ послѣ похоронъ, къ своимъ родственникамъ, какъ предполагали. И это утѣшеніе было у нея отнято.

По ночамъ было всего хуже. Она спала на маленькой кроваткѣ въ большомъ дортуарѣ, отведенномъ для пяти подгорничныхъ. То была большая, оштукатуренная комната, точно тюремная или больничная палата. Окна выходили на каменную стѣну, по другую сторону которой находилась прачешная. Ни куста, ни деревца, не видать было и дня; даже плющъ не росъ въ этой атмосферѣ погреба; а къ довершенію сходства съ тюрьмой, на всѣхъ окнахъ были толстыя желѣзныя рѣшетки, чтобы помѣшать поклонникамъ горничныхъ влѣзть въ окно и убѣжать съ дамами своего сердца, подобно рыцарямъ въ старинныхъ балладахъ.

Стеллу отправляли спать въ восемь часовъ вечера, въ теплые лѣтніе вечера, когда птицы такъ весело поютъ въ рощахъ, а цвѣты только-что начинаютъ закрываться.

Но Мидльгамъ была на этотъ счетъ неумолима.

— Ступай спать, или я съ тобой раздѣлаюсь по своему!

И въ восемь часовъ Стелла устало карабкалась по темной лѣстницѣ, снимала омоченное слезами черное платье, молилась долго и со слезами и ложилась на желѣзную кроватку.

Не затѣмъ, чтобы спать. Она была слишкомъ несчастна, чтобы скоро уснуть, и знала, что въ половинѣ десятаго придутъ остальныя пять дѣвушекъ, подобно толпѣ шумныхъ бѣсенятъ, выпущенныхъ изъ пандемоніума, и станутъ болтать о своихъ воскресныхъ платьяхъ и своихъ обожателяхъ, заспорятъ другъ съ другомъ и, можетъ быть, поссорятся, и все это продлится добрый часъ, пока сонъ не одолѣетъ ихъ. Она будетъ лежать съ закрытыми глазами, стараясь не слышать и все-таки невольно все слыша своимъ тонкимъ слухомъ. Онѣ были добродушныя, честныя дѣвушки по большей части; скромныя по своимъ понятіямъ, не болѣе суетныя и пустоголовыя, чѣмъ ученицы въ какой-нибудь модной семинаріи, но ихъ однообразная болтовня, съ ея скучными повтореніями, глупыми шутками, была пыткой для умнаго и впечатлительнаго ребенка.

Ежеминутная дневная пытка, безсонныя ночи и потеря аппетита вскорѣ произвели свое дѣйствіе: Стелла казалась хуже на видъ, чѣмъ тогда, когда только-что встала съ постели. Бетси безпокоилась о ней, отвела ее въ сторонку и стала разспрашивать, почему она кажется такой несчастной?

Стелла залилась слезами и облегчила душу признаніемъ. Она была до-нельзя несчастна. Она ненавидѣла дѣвичью, она ненавидѣла Мидльгамъ; но пуще всего она ненавидѣла комнату, гдѣ спала, и болтовню горничныхъ.

— Я почти совсѣмъ не сплю,—жалобно прибавила она;—я лежу всю ночь и жду, пока не разсвѣтетъ.

— Это очень нехорошо,—сказала Бетси;—надо это перемѣнить.

Она пошла къ теткѣ, и обѣ женщины стали ломать голову, какъ тутъ быть. Обращаться къ милэди было безполезно. Баркеръ знала, каковы ея чувства къ protégée ея пасынка.

Надъ дортуарами прислуги была маленькая комнатка въ томъ этажѣ, гдѣ уже находились чердаки и разные чуланы и кладовыя. Эту комнатку когда-то занималъ лакей. Она была крошечная и съ покатымъ потолкомъ, но слуховое окошко выходило

въ паркъ, и изъ него открывался обширный и великолѣпный видъ, а Бетси, которая знала свою питомицу лучше, чѣмъ кто-нибудь, считала, что эта маленькая комнатка будетъ тихой пристанью для Стеллы. Джемсъ, лакей, услужливый и ловкій малый, сдѣлаетъ двѣ или три полки, и со временемъ Бетси ухитрится достать нѣсколько изъ тѣхъ книжекъ-учебниковъ, книжекъ со стихотвореніями и историческихъ, по которымъ такъ болѣло сердце ребенка, единственно-возможное для нея утѣшеніе.

Въ комнатку поставили маленькую желѣзную кроватку и самую необходимую мебель, простѣйшую, безхитростную, какая предназначается для людей низшей породы; но когда Бетси привела ребенка въ мансарду и сказала ей, что отнынѣ это будетъ ея собственная комната, Стелла истерически зарыдала отъ радости.

— О! какъ ты добра!—закричала она:—какая ты милая, Бетси! Значитъ, кто-нибудь меня еще любитъ!

— Конечно, я люблю васъ, глупенькая; кто вамъ сказалъ, что я васъ не люблю! но только я не смѣла ослушаться милэди; со временемъ, можетъ быть, мнѣ можно будетъ достать нѣкоторыя изъ вашихъ книжекъ, по которымъ вы такъ убиваетесь.

— Неужели, дорогая Бетси? мою латинскую грамматику и греческую, и моего Виргилія, и греческія волшебныя сказки, и „Lady of the Lake“? Это былъ его послѣдній подарокъ на Рождество... такая красивая книжка! Онѣ всѣ—мои собственныя, Бетси. Онъ мнѣ ихъ подарилъ. Милэди будетъ воровкой, если не-отдастъ ихъ мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Стелла, не говори этого. Ты маленькая дѣвочка, бѣдная сиротка, и у тебя ничего нѣтъ своего собственнаго въ такомъ большомъ домѣ, какъ здѣшній. Только, конечно, такъ какъ бѣдный лордъ Лашмеръ подарилъ тебѣ книги, ты и думаешь, что онѣ твои, и я постараюсь ихъ добыть,—неопредѣленно заключила Бетси.

Она принесла въ тотъ же вечеръ Стеллѣ съ полдюжины книгъ въ передникѣ. Ключъ отъ башенныхъ комнатъ былъ переданъ Мидльгамъ, съ тѣмъ, чтобы эти комнаты были какъ слѣдуетъ вычищены и приведены въ порядокъ, а Бетси добыла ключъ отъ этой строгой персоны, прибѣгнувъ къ хитрости, и набрала добычу изъ книгъ: Виргилія и двѣ грамматики, греческія волшебныя сказки и „Иліаду“ Чапмана, и одинъ томъ Вордсворта. „Lady of the Lake“ была слишкомъ великолѣпно переплетена, и Бетси не посмѣла взять такую красивую и въ глаза бросающуюся книжку. Чего добраго, милэди замѣтитъ, что она исчезла,

когда вздумаетъ осмотрѣть комнату. Остальныя были жалкія книжонки, истрепанныя отъ употребленія.

Стелла расплакалась надъ обрѣтенными вновь сокровищами въ своей крохотной каморкѣ, въ слуховое окно которой заглядывали верхушки деревьевъ и звѣзды. Умъ ея былъ освѣженъ и успокоенъ мирнымъ уединеніемъ въ жалкой клѣтушкѣ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, она не слыхала грубаго смѣха; никто не говорилъ ей колкостей и не дразнилъ ее. Она слышала вой филина и ночныхъ совъ въ паркѣ и лай собакъ на дворѣ. Но вотъ и все. Она была, казалось, далеко-далеко ото всѣхъ. А будучи безстрашной, она любила уединеніе.

И вотъ теперь эта одиннадцати-лѣтняя дѣвочка съ геройскимъ терпѣніемъ принялась одна и безъ посторонней помощи за ученье, столь жестоко прерванное неумолимымъ врагомъ всякаго развитія—смертью. Съ своими книжками, перомъ и чернилами и двумя или тремя огарками, которые припасала ей ежедневно вѣрная Бетси, Стелла просиживала далеко за̀ полночь за латинской и греческой грамматикой, наслаждаясь скучнѣйшими упражненіями при мысли, что продолжаетъ дѣло, начатое ея благодѣтелемъ.

— Когда я увижусь съ нимъ въ небѣ,—думала она,—я ему перескажу то, чему научилась.

Ея богословіе было безхитростное и довѣрчивое, которое, въ настоящее время, кажется устарѣвшимъ даже малымъ дѣтямъ. Будущая блаженная жизнь представлялась вполнѣ реальной для ея пламеннаго воображенія. Она живо представляла себѣ прогулки въ райскихъ рощахъ, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто и гдѣ она встрѣтитъ Губерта Лашмера съ сіяніемъ вокругъ чела, какъ на знаменитой картинѣ Рафаэля „Младенецъ-Спаситель“, имѣвшейся въ Лашмерѣ, дивной картинѣ, на которую она такъ часто глядѣла, сидя около своего благодѣтеля.

Ночныя занятія, спокойное уединеніе въ отдаленной каморкѣ имѣли благодѣтельное вліяніе на ея характеръ. Она чувствовала себя менѣе несчастной днемъ, имѣя въ виду, что ночью опять вернется къ своимъ книгамъ, что она не коснѣетъ въ невѣжествѣ, не приравнивается къ тѣмъ молодымъ женщинамъ, съ которыми обязана жить. Теперь ей было о чемъ мечтать днемъ, когда она сидѣла въ дѣвичьей, у открытаго окна, вдыхая конюшенные ароматы, или слушала нескончаемую болтовню за вечернимъ чаемъ. Она мечтала, какъ дитя, о томъ днѣ, когда выростетъ и станетъ ученой, и будетъ писать книги, какъ старикъ Габріэль Вернеръ, и когда будетъ зарабатывать столько денегъ,

чтобы жить въ маленькомъ собственномъ домикѣ на берегу Эвона, и съ нею будетъ жить ея милая Бетси.

То была ея главная дневная мечта. Она мечтала объ исторіяхъ, которыя напишетъ,—исторіяхъ про красивыхъ, роковыхъ созданій, въ родѣ Елены, или вѣрныхъ женахъ, въ родѣ Андромахи, или вѣроломныхъ, злыхъ женщинахъ, въ родѣ Клитемнестры. Живой умъ ея уже началъ сплетать цѣлыя вереницы фикцій, хотя перо еще не пробовало облечь въ осязательную форму эти неопредѣленныя грёзы.

Лашмеръ говорилъ ей про одного автора-женщину, которая заработала много тысячъ фунтовъ стерлинговъ и безсмертную славу только тѣмъ, что передала простую исторію сельской жизни, но, благодаря способности проникновенія въ тайны человѣческаго сердца и человѣческой природы, подобно той, какую выказалъ Гомеръ въ тѣ отдаленныя времена, когда зародилась поэзія. Она, Стелла, не мечтала о палатахъ, а только о маленькомъ, маленькомъ домикѣ на берегу рѣки, съ садикомъ и бесѣдкой и множествомъ книгъ и свѣчей, сколько угодно, чтобы жечь ихъ въ долгіе вечера, и добрая Бетси будетъ ея подругой. Онѣ будутъ жить вмѣстѣ, вдвоемъ, и будутъ счастливы.

Лордъ Лашмеръ, новый лордъ, Викторіанъ, уѣхалъ въ Вѣну, не взглянувъ даже на маленькую невольницу, которая была любимицей его брата. Онъ былъ очень огорченъ смертью „бѣднаго, милаго Лаша“, какъ онъ называлъ брата, но не чувствовалъ ни малѣйшаго интереса къ послѣдней фантазіи этого Лаша. У Лаша всегда была пропасть фантазій, — у бѣднаго малаго. Конечно, милэди сдѣлаетъ все, что̀ считаетъ нужнымъ и полезнымъ для ребенка.

— Вы образуете изъ нея, вѣроятно, грамотную горничную,— замѣтилъ онъ вскользь,—научите ее штопать и чистить кружева, и шить себѣ чепцы... когда наступитъ такое время, когда вы будете носить чепцы.

— Я думаю, что оно наступитъ только тогда, когда я буду бабушкой,—отвѣчала милэди, ласково улыбаясь своему любимцу. —Когда ты женишься и у тебя будутъ дѣти, только тогда я почувствую себя настоящей старухой, и тогда надѣну чепецъ. Кстати, милый, я видѣла Кларису на прошлой недѣлѣ. Они вернулись въ Голлъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Чтожъ, я думаю, она очень важничаетъ теперь, послѣ того, какъ была представлена королевѣ?

— Нѣтъ, она была такъ же мила, какъ и всегда. Совсѣмъ проста и непритязательна, какъ ребенокъ. Мнѣ говорили, что

она одна изъ самыхъ хорошенькихъ débutantes нынѣшняго года. Всѣ газеты утверждали это.

— Газеты всегда готовы превозносить дѣвушку, отецъ которой милліонеръ, — подсмѣялся Лашмеръ. — Ну, а мы съ вами, сколько мнѣ извѣстно, имѣемъ свои предразсудки насчетъ чистоты крови.

— Въ жилахъ Клярисы Денбрукъ есть хорошая кровь, Викторъ. Ты забываешь, что мать ея изъ фамиліи Монморанси.

— Одна капелька голубой крови не можетъ очистить плебейскую породу, матушка... Я очень хорошо знаю, на что вы намекаете, матушка. Клариса кротка, Клариса хороша собой, Клариса хорошо воспитана и происходитъ отъ матери-дворянки. Она, кромѣ того, единственная дочь и наслѣдница двухъ или трехъ милліоновъ. Она необыкновенно выгодная невѣста, какъ это можно по пальцамъ перечесть. Лашмеры богаты, но могли бы быть еще богаче; они еще поднимутся въ обществѣ, если пріобрѣтутъ нѣсколько лишнихъ милліоновъ. Баснословное богатство—вотъ то, чему люди поклоняются въ наше время. Недостаточно быть богатымъ; человѣкъ, желающій поклоненія и исключительнаго вниманія, долженъ быть исключительно богатъ. Да, я отлично понимаю это. Но все же не женюсь на Кларисѣ по разсчету. Если я влюблюсь въ нее, то, пожалуй, женюсь; если нѣтъ—нѣтъ, хотя бы она владѣла всѣми сокровищами Аладдина.

— Неужели ты думаешь, что я могу желать, чтобы ты женился безъ любви?—отвѣчала мать, маскируя свои баттареи.— Я знаю, что ты выберешь лучшую и достойнѣйшую изъ дѣвушекъ. Ты слишкомъ гордъ, чтобы унизить себя неравнымъ бракомъ, какъ нѣкоторые изъ нашего общества это сдѣлали въ послѣднее время. Я ничего подобнаго съ твоей стороны не боюсь.

— Да, я не такой идіотъ,—отвѣтилъ Лашмеръ.

— Что касается Кларисы, то она милая дѣвочка, и я, право, очень люблю ее, но не думаю, чтобы она для тебя годилась. Она богата, но не знатна.

— Милая матушка, мы всегда съ вами сойдемся въ мысляхъ, — сказалъ Викторіанъ, наклоняясь, чтобы поцѣловать мать въ лобъ.

Глаза его смѣялись. Онъ хорошо зналъ ее, зналъ, что она забрала себѣ въ голову женить его на Кларисѣ Денбрукъ, зналъ, что съ этой цѣлью она ухаживала за этой дѣвушкой и была очень любезна съ ея вульгарной мамашей и крайне плебейскимъ папашей. Никакой иной мотивъ, кромѣ корыстолюби-

ваго, не могъ бы заставить дочь великой лэди Питлэндъ водиться съ молодой особой плебейскаго рода, несмотря на каплю дворянской крови.

Викторіанъ смѣялся надъ манёврами матери, смѣялся пуще всего надъ тѣмъ, что она думала, будто можетъ пустить ему пыль въ глаза, и держался на-сторожѣ. Онъ рѣшилъ, что проживетъ жизнь въ свое удовольствіе. Онъ считалъ, что, какъ сказочный принцъ, имѣетъ право жениться на нищенкѣ, еслибы она ему понравилась. Но онъ былъ не изъ тѣхъ молодыхъ людей, которымъ могли нравиться нищенки. Онъ былъ суетенъ до мозга костей и на все рѣшительно смотрѣлъ со свѣтской точки зрѣнія. Онъ намѣревался въ свое время блистательно жениться. Нѣтъ, конечно, Клариса была ему не пара. Однихъ милліоновъ мало. Женой его будетъ, по меньшей мѣрѣ, дочь герцога.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ новый лордъ Лашмеръ вернулся въ зàмокъ съ избранной компаніей холостыхъ молодыхъ людей, бывшихъ товарищей по Итону и Оксфорду. Его лордство пріѣхалъ не надолго, чтобы повидаться съ матерью, пострѣлять фазановъ и оглядѣться кругомъ себя. Двадцати-двухъ-лѣтніе лорды неохотно станутъ жить на берегахъ Эвона въ глухое осеннее время. Когда стая фазановъ порѣдѣетъ, Лашмеръ опять уѣдетъ въ Парижъ, въ Вѣну, какъ вздумается. Онъ увѣрялъ, что ненавидитъ Лондонъ и лондонское общество. Ему недоставало блеска и непринужденности континентальной жизни. Онъ не поѣдетъ въ ужасную казарму на Гросвеноръ-скверъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ къ этому вынужденъ, то-есть не раньше февраля мѣсяца, когда парламентъ вновь откроется, и онъ займетъ свое мѣсто въ палатѣ лордовъ.

Милэди находилась въ Лашмерѣ для пріема сына и его друзей. Она не покидала зàмка со смерти своего пасынка. Ея присутствіе висѣло надъ домомъ, точно мрачная и грозная туча; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Стеллѣ, которая содрогалась при отдаленныхъ звукахъ этого голоса, долетавшихъ до нея. Онѣ ни разу не сталкивались больше, съ того дня, когда эти жестокія уста объявили ребенку о его утратѣ, но для Стеллы достаточной мукой было знать, что грозная властительница пребываетъ въ стѣнахъ зàмка, и слышать ея страшный голосъ издали.

Лэди Лашмеръ была не одна, когда сынъ ея пріѣхалъ. Она не хотѣла, чтобы дома ему показалось пусто и скучно послѣ веселой континентальной жизни. Она пригласила къ себѣ гостить двухъ вдовствующихъ лэди, какъ она сама, одну фривольную, другую строгихъ правилъ. Вдовствующая лэди строгихъ правилъ

была лэди Макъ-Аллистеръ съ двумя дочерьми, тоже строгихъ правилъ дѣвицами. Ихъ присутствіе было предлогомъ для постоянныхъ приглашеній въ замокъ Клярисы Денбрукъ. Погода была прекрасная; холодъ былъ не настолько великъ, чтобы помѣшать играть въ лонтеннисъ. Слабогрудый кузенъ миссъ Денбрукъ, готовившійся къ экзамену въ священники, былъ четвертымъ партнеромъ. Для вдовъ были книги и газеты, ручныя работы и неизмѣнное занятіе: писаніе писемъ, которое держитъ все общество въ плѣну.

Фривольная вдова была знаменитая Оріана, лэди Гильборо; она была молода и славилась красотой, когда королемъ былъ Георгъ IV. Она до сихъ поръ носила ту самую прическу, которая была тогда въ модѣ, но не тѣ же самые волосы. Много золотистыхъ косъ износила она и истратила на нихъ цѣлое состояніе съ тѣхъ поръ, какъ матросъ-король былъ положенъ въ королевскій склепъ. Она одѣвалась такъ же моложаво, какъ и тогда, и такъ же весело подпрыгивала, когда ходила по комнатѣ, переставанливая мебель на свой ладъ. Она славилась своимъ вкусомъ въ убранствѣ комнатъ.

— Душа моя, вамъ необходима группа большихъ пальмъ на другомъ концѣ вашей комнаты,—объявила она, разглядывая въ лорнетъ будуаръ лэди Лашмеръ.—У васъ ничѣмъ не нарушается прямолинейность этой стѣны. Да, конечно, я знаю, что ваши картины неоцѣненны, а пальмы ихъ закроютъ; но за то у васъ явится перспектива, какъ бы нѣкоторая даль. И эффектъ будетъ гораздо лучше.

Затѣмъ лэди Гильборо повернулась на каблукахъ и стала спокойно и хладнокровно разглядывать Клярису въ лорнетъ. Кляриса стояла у окна, соображая, будетъ ли она представлена гостьѣ, или нѣтъ; она предпочла бы послѣднее.

— Какое прелестное дитя! — сказала лэди Гильборо громкимъ шопотомъ.—Познакомьте насъ.

Лэди Лашмеръ повиновалась, и Оріана взяла Клярису за руку, опять оглядѣла ее уже на близкомъ разстояніи и затѣмъ восторженно поцѣловала дѣвушку въ обѣ щеки.

— Я обожаю хорошенькихъ,—восклицала она.—Вы, конечно, знаете, что вы очень хорошенькая, моя душа. Иные стараются скрыть отъ дѣвушекъ вашего возраста, что онѣ хорошенькія, но вѣдь это потерянный трудъ. Еслибы дѣвушку воспитывали на необитаемомъ островѣ, то и тогда она бы знала, хорошенькая она или нѣтъ. Она бы увидѣла свое отраженіе въ ручьѣ, какъ тотъ—какъ бишь его?—въ греческой исторіи... Жонкиль.

— Вы вѣрно хотите сказать: Нарциссъ, лэди Гильборо,— замѣтила одна изъ строго-нравственныхъ миссъ Макъ-Аллистеръ.

— Не все ли равно, душа моя: Нарциссъ или Жонкиль,— отвѣчала лэди Оріана, которая не отличалась ученостью и ничего, кромѣ газетъ, не читала.

Лашмеръ и его друзья прибыли къ обѣду. Онъ провелъ дня два въ Лондонѣ и условился, что съѣдется съ пріятелями на станціи и привезетъ ихъ въ зáмокъ съ собой. Въ числѣ ихъ было двое кавалерійскихъ субалтернъ-офицеровъ; одинъ младшій сынъ лорда, готовившійся къ политической карьерѣ и воображавшій о себѣ, что онъ—Каннингъ въ зачаткѣ. Другой, младшій сынъ готовился занять мѣсто священника въ фамильномъ приходѣ, и, наконецъ, еще одинъ молодой человѣкъ, ровно ничего изъ себя не представлявшій, но болѣе образованный и начитанный, чѣмъ всѣ остальные, вмѣстѣ взятые.

Всѣ они были молоды и очень шумливы. Клариса боялась ихъ, а они боялись строго-нравственныхъ миссъ Макъ-Аллистеръ, которыя страстно интересовались политикой, были посвящены во всѣ тайны восточнаго вопроса и его усложненій и донимали ими мужчинъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такимъ образомъ тутъ происходило безмолвное уклоненіе отъ женскаго общества, предусмотрѣнное милэди.

— Я думала, тебѣ пріятно будетъ встрѣтить здѣсь нѣсколько милыхъ дѣвушекъ, Лашмеръ,—съ укоризной сказала она сыну, послѣ того, какъ онъ и его пріятели, проохотившись весь день, провели весь вечеръ въ курильной комнатѣ, предоставивъ обѣимъ миссъ Макъ-Аллистеръ, презиравшимъ talents de société, сидѣть по угламъ гостиной, одна съ Гербертомъ Спенсеромъ въ рукахъ, а другая съ Дарвиномъ, высокомѣрно при этомъ игнорируя ноктюрны Шопена и старинныя баллады, исполненныя Кларисой Денбрукъ.

— Я бы и радъ, матушка,—весело отвѣчалъ Викторіанъ,— да только я никого не вижу, кромѣ Кларисы. Она милая дѣвушка, но съ ней невозможно разговаривать. Она такъ застѣнчива.

— Ея застѣнчивость пройдетъ очень скоро, если ты будешь съ ней разговаривать.

— О! я не могу разговаривать съ дѣвицей, когда изъ нея надо выжимать слова. Женщины въ Вѣнѣ такія блестящія, съ ними такъ легко... Что касается вашихъ дѣвицъ Макъ-Аллистеръ, то я скорѣе стану читать „Синюю книгу". Одна изъ нихъ спра-

шивала у меня вчера утромъ: что мы сдѣлаемъ съ Кипромъ въ случаѣ восточныхъ затрудненій? Такую дѣвушку не слѣдуетъ пускать въ деревенскій домъ. Въ сущности, Оріана—единственная пріятная у васъ гостья. Я готовъ предложить ей руку и сердце, да боюсь только, что у нея мало денегъ.

Милэди вздохнула съ раздосадованнымъ видомъ, но не сказала больше ни слова. Она надѣялась, что Лашмеръ, послѣ подкрашенныхъ прелестей модныхъ вѣнскихъ красавицъ, будетъ пораженъ свѣжей и пышной, какъ лилія, красотой Клярисы Денбрукъ. Ей было всего восемнадцать лѣтъ; она была очаровательная блондинка, съ тончайшими чертами лица и глазами небесноголубого цвѣта. Трудно представить себѣ болѣе красивую дѣвушку въ этомъ стилѣ красоты. Въ ней не было недостатковъ. Она была высокаго роста, чрезвычайно граціозна, съ маленькими руками и ногами. Всякая грубость, какая могла быть въ породѣ Денбруковъ, была искоренена союзомъ съ Монморанси. Никто и никогда бы не заподозрѣлъ въ Кларисѣ плебейскаго происхожденія, а между тѣмъ у ея отца были грубыя, волосатыя руки ноги, достаточно широкія для трудовой жизни, песочнаго цвѣта бакенбарды и носъ какъ картофелина. Онъ былъ превосходный дѣлецъ, либеральный хозяинъ, вѣрный другъ рабочихъ, чьимъ трудомъ нажиты были его милліоны, но самъ никогда не пытался быть джентльменомъ и не выдавалъ себя за таковаго, хотя родился уже послѣ того, какъ отецъ его разбогатѣлъ, и воспитывался въ Рёгби и Оксфордѣ.

Клариса была очень мила, и Лашмеръ, наконецъ, это замѣтилъ. Онъ сталъ бросать своихъ друзей въ билліардной или въ курильной комнатѣ по вечерамъ и просиживалъ у фортепіано, слушая старинныя баллады и мелодическіе отрывки изъ разныхъ сонатъ и симфоній.

Клариса была музыкантша, скорѣе инстинктивная, нежели ученая; она, какъ бабочка, порхала отъ цвѣтка къ цвѣтку, собирая медъ: то сыграетъ rondo или менуэтъ Моцарта, то andante или adagio изъ Бетховенской сонаты; то дикій вопль изъ Шопена, не то гимнъ, не то воинственный кличъ.

— Какой у васъ громадный репертуаръ!—воскликнулъ Лашмеръ.—А теперь спойте „Barbara Allen". Я проходилъ по коридору вчера вечеромъ, когда вы ее пѣли.

— У Милля есть мѣсто въ этой книгѣ, которое какъ разъ подходитъ къ нашимъ теперешнимъ затрудненіямъ,—объявила Джени Макъ-Аллистеръ,—выглядывая изъ-за толстаго тома, ко-

торый держала въ рукахъ.—Позвольте вамъ прочитать это мѣсто, лордъ Лашмеръ?

— Ни за что на свѣтѣ. Мы непремѣнно поссоримся. Я ненавижу Милля.

— Но, разумѣется, въ такой кризисъ, какъ настоящій...

— Я ни крошечки не интересуюсь кризисомъ; у насъ всегда кризисъ. Я не знаю даже, что это значитъ. Меня душили европейской политикой за границей до такой степени, что я сталъ глухъ ко всякимъ политическимъ вопросамъ. Я хочу слушать „Barbara Allen“.

Клариса взглянула на него и улыбнулась своей кроткой, дѣтской улыбкой. Обѣ миссъ Макъ-Аллистеръ были далеко не любезны съ нею, и она ихъ не взлюбила. Онѣ же сердились на ея непомѣрное богатство и негодовали на красоту. Богатая дѣвушка, по ихъ мнѣнію, не имѣетъ права быть хорошенькой. Предпочтеніе со стороны лэди Лашмеръ тоже было обидно. Кларису ласкали и баловали, а ихъ только терпѣли, между тѣмъ какъ онѣ были образованныя и развитыя дѣвушки и могли вести серьезный споръ не хуже мужчинъ. Бѣда была въ томъ, что въ лашмерскомъ зàмкѣ никто не желалъ съ ними спорить, кромѣ вѣтренаго кузена, слабый мозгъ котораго онѣ иногда удостоивали освѣщать свѣтомъ своего блестящаго ума.

Клариса пѣла свои старинныя баллады, и Лашмеръ слушалъ ее въ мечтательномъ безмолвіи.

Да, мать его права. Она очень милая дѣвушка, немножко слишкомъ ребенокъ для своихъ восемнадцати лѣтъ, но настоящая красавица. Горностаевая мантія и корона пристали бы ея изящной красотѣ. Онъ спрашивалъ себя: ужъ не влюбился ли онъ?

Онъ думалъ, что она будетъ легкой для него побѣдой. Ея застѣнчивость и робость съ нимъ казались ему въ томъ порукой. Она глядѣла на него такими испуганными глазами, точно боялась его. Но онъ не спѣшилъ воспользоваться своей побѣдой. Они оба были такъ молоды, что могли ждать.

Однажды утромъ онъ поѣхалъ съ визитомъ въ зàмокъ ея родителей, отстоявшій въ полутора миляхъ отъ его собственнаго. Онъ хотѣлъ увидѣть Кларису въ ея семьѣ,—увидѣть, очень ли вульгарны ея обстановка и родитель. Онъ мало видѣлся съ Денбруками въ дѣтствѣ. Страсть къ Кларисѣ проявилась у миледи совсѣмъ недавно.

Жилище Денбруковъ составляло діаметральную противоположность лашмерскому зàмку. Оно было выстроено двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, среди долины, которую въ эту четверть столѣ-

тія старались превратить въ паркъ. Но такъ какъ старыхъ деревьевъ было очень немного, то паркъ былъ далеко не тѣнистый; онъ представлялъ изъ себя большія лужайки, перемежающіяся съ небольшими рощицами. Широкая дорога, нисколько не интересная, вела отъ воротъ парка къ дверямъ дома.

Домъ былъ выстроенъ изъ краснаго кирпича въ новѣйшемъ готическомъ стилѣ: красивый, пропорціональный, довольно хорошей архитектуры домъ, но никакой архитекторъ не замаскируетъ неприличной новизны такого дома. Деньгами древности не создать, но ее можно купить, и Клариса очень жалѣла, что отецъ не купилъ какого-нибудь стариннаго жилища среди вѣкового парка, вмѣсто того, чтобы строить домъ въ новѣйшемъ вкусѣ, со всѣми его усовершенствованіями, водопроводами и научными вентиляторами. Клариса хотѣла бы лучше хоть одного привидѣнія, вмѣсто всѣхъ этихъ гигіеническихъ затѣй. Кларисѣ казалось, что отъ ихъ дома такъ и несетъ новоиспеченнымъ милліонеромъ. Мебель была доставлена вся сразу одной извѣстной лондонской фирмой, и вся ея роскошь не могла замаскировать отсутствія поэтичности и живописности старины.

Мистриссъ Денбрукъ только-что пришла въ домъ изъ оранжерей, гдѣ она обрывала пожелтѣвшіе листья и каждое утро портила нѣсколько растеній, подъ вліяніемъ иллюзіи, будто бы она помогаетъ старшему садовнику. Она была очень толста и никогда не могла пройти по оранжереѣ, не сваливъ два или три горшка съ цвѣтами. Она была крупная, спокойная женщина, съ мелкими, правильными чертами, которыя когда-то походили на черты Кларисы, но теперь заплыли жиромъ. Она была также очень свѣтлая блондинка, съ лилейной кожей, какъ и у дочери, но у нея были льняные волосы, которые у дочери приняли болѣе яркій и теплый, золотисто-русый колоритъ. Дочь казалась усовершенствованнымъ изданіемъ матери, но Лашмеръ говорилъ себѣ, что черезъ двадцать-пять лѣтъ Клариса будетъ такою же, какъ теперь ея мать.

Онъ встрѣтилъ хозяйку въ сѣняхъ, и она провела его въ гостиную, гдѣ Клариса полулежала на кушеткѣ у окна и читала романъ — единственный сортъ литературы, какимъ эта молодая особа питала свой созрѣвающій умъ.

Она встала въ смущеніи при видѣ Лашмера, точно какой полубогъ вошелъ въ комнату, и нѣжное лицо зарумянилось.

— Матушка прислала меня просить васъ на лонтеннисъ сегодня послѣ полудня,—сказалъ Лашмеръ, тутъ же изобрѣтя это порученіе.

— О! Впрочемъ я во всякомъ случаѣ собиралась ѣхать,—пролепетала Клариса:—милая лэди Лашмеръ приглашала меня вчера вечеромъ.

— Она боялась, какъ бы вы этого не забыли.

— Ну, нѣтъ, она не забудетъ,—отвѣтила за нее мать.—Она такъ любитъ лэди Лашмеръ. Я иногда просто ревную. Я почти не вижу Кларисы. Но за то ей такъ весело въ замкѣ!

Мистриссъ Денбрукъ, урожденная Монморанси, питала преувеличенное почтеніе къ происхожденію. Въ тѣ дни, когда она была дочерью полковника, состоявшаго на половинномъ жалованьи, и старалась поддержать приличія при весьма скудныхъ средствахъ, ее всегда утѣшала мысль, что она происходитъ изъ княжескаго рода. Она свысока глядѣла на квартирныхъ хозяекъ и мелкихъ торговцевъ; ходила въ заштопанныхъ перчаткахъ и сомнительной свѣжести шляпкахъ съ гордымъ спокойствіемъ, которое импонировало богатымъ мѣщанамъ. И когда Провидѣніе оцѣнило ея молодость и красоту въ лицѣ широкоплечаго, съ бакенбардами песчанаго цвѣта владѣльца самаго большого сталелитейнаго завода въ Бруммѣ, который встрѣтился съ молодой дѣвицей на какомъ-то балѣ и тутъ же въ нее влюбился, Віола Монморанси приняла ухаживаніе милліонера съ спокойнымъ достоинствомъ принцессы. Другая дѣвушка въ ея положеніи, сознавая всю непригладность своей обстановки и бѣдность отца, оттолкнула бы своего обожателя безразсуднымъ поощреніемъ. Віола только подстрекнула его обожаніе своей мягкой сдержанностью; самъ полковникъ поторопилъ развязкой и женилъ восхищеннаго юношу на своей дочери. Джонатану Денбрукъ не пришлось раскаяваться въ своей поспѣшности. У жены его былъ одинъ изъ тѣхъ очаровательно мягкихъ характеровъ, которые, быть можетъ, представляютъ лишь утонченную форму себялюбія, но съ которыми за то очень легко жить. Мистеръ Денбрукъ угождалъ всѣмъ прихотямъ жены; но прихоти ея были самаго скромнаго свойства, и наградой ему служила предоставленная ему безусловная свобода всѣхъ дѣйствій и поступковъ. Такимъ образомъ, весь Денбрукъ-Голлъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ земнымъ раемъ; красавица-дочка носилась какъ сильфъ, счастливая и безмятежная, а мать была представительницей спокойнаго довольства зрѣлыхъ лѣтъ.

Пока Лашмеръ находился въ гостиной, перерывая кучу романовъ, и болталъ о ихъ содержаніи съ Кларисой, м-ръ Денбрукъ пришелъ съ своей образцовой фермы, здоровый и свѣжій, какъ само октябрьское утро, и принесъ съ собой смѣшанный запахъ скотнаго двора и конюшни, который всегда сопровождаетъ

агрономовъ и который они, повидимому, такъ любятъ. То былъ первый визитъ лорда Лашмера въ Голлъ, и Джонатанъ Денбрукъ увидѣлъ въ немъ жертву, которую необходимо было тотчасъ же потащить въ оранжереи и конюшни, образцовыя фермы и конскіе заводы, гдѣ воспитывались породистыя кобылы и ихъ жеребята. Лашмеръ любилъ лошадей и съ охотой пошелъ въ конюшни и на конскій заводъ. Онъ пошелъ бы безъ неудовольствія и на скотный дворъ, еслибы только Клариса сопутствовала имъ; но она никогда не участвовала въ агрономическихъ экспедиціяхъ своего папаши. Она терпѣть не могла поросятъ и домашнюю птицу, скотный дворъ и конюшню. Хорошенькіе французскіе каблуки не годились для прогулки по полямъ. Въ ней не было типическихъ свойствъ дочери сквайра. Она никогда не охотилась и ѣздила верхомъ на хорошо выѣзженной и смирной лошади. Она никогда не брала ружья въ руки или удочки, а по части собакъ интересовалась только своимъ русскимъ пуделемъ. Поэтому Клариса осталась въ гостиной и продолжала читать романъ, въ то время какъ Лашмеръ осматривалъ лошадей и коровъ, поросятъ и птичій дворъ, и когда онъ находился въ обществѣ великолѣпныхъ кохинхинокъ, его пріятно удивилъ звукъ гигантскаго гонга, который можно было услышать за полмили.

— Завтракъ!—вскричалъ Денбрукъ.—Пойдемте, лордъ Лашмеръ; я надѣюсь, что вы голодны, какъ охотникъ, послѣ такой длинной прогулки.

— Право, я думаю мнѣ лучше вернуться въ зàмокъ къ завтраку,—съ сомнѣніемъ проговорилъ Лашмеръ.—Милэди любитъ, чтобы я былъ дома, если я не на охотѣ. Она, можетъ быть, разсердится, если я не приду.

— Не разсердится, когда узнаетъ, гдѣ вы были. Милэди необыкновенно добра къ моей женѣ и дочери.

— Миссъ Денбрукъ—любимица мама,—отвѣчалъ Лашмеръ.— Я еще не видѣлъ, чтобы она когда-нибудь такъ тепло относилась къ молодой дѣвушкѣ.

— А Клариса положительно обожаетъ лэди Лашмеръ... постоянно приводитъ ея мнѣнія; ничто не хорошо, если только дѣлается не такъ, какъ въ зàмкѣ.

Они отправились завтракать, и Лашмеръ, который чуть было не презиралъ Кларису за ея городскую манеру жить въ деревнѣ, простилъ ей это, когда сравнилъ ея нѣжную и изящную красоту съ загорѣлыми и погрубѣвшими лицами настоящихъ деревенскихъ дѣвицъ.

Послѣ завтрака Лашмеръ предложилъ Кларисѣ идти съ нимъ

вмѣстѣ въ зàмокъ, и хотя м-ссъ Денбрукъ не одобрила бы такого предложенія со стороны простого смертнаго, но согласилась посмотрѣть сквозь пальцы на приличія ради лорда, и позволила дочери идти безъ дуэньи съ молодымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, Лашмеръ и Клариса вдвоемъ явились въ зàмокъ и были очень ласково приняты ея лордствомъ.

Обѣ миссъ Макъ-Аллистеръ съ матерью уѣхали на встрѣчу охотникамъ, и дома находилась одна лэди Оріана, но та всегда спала послѣ завтрака три или четыре часа, и, благодаря этому, чувствовала себя весь вечеръ бодрой, какъ юная, только-что начинающая выѣзжать въ свѣтъ барышня.

Лашмеръ съ Кларисой пошли на теннисъ-гроундъ и стали немедленно играть. Площадка находилась какъ разъ подъ окнами будуара лэди Лашмеръ, и время отъ времени она взглядывала на нихъ, отрываясь отъ газеты, довольная, что планъ ея созрѣваетъ. Да, фактъ очевиденъ. Лашмеръ влюбленъ. Ничто, кромѣ любви, не завлекло бы его въ Голлъ. Онъ всегда презрительно говорилъ про новыхъ богачей, ненавидѣлъ магнатовъ и милліонеровъ Брумма. Красота и кротость Кларисы Денбрукъ побѣдили его предубѣжденія.

Они сыграли двѣ партіи и затѣмъ отправились гулять въ итальянскій садъ, находившійся на другомъ концѣ замка, внѣ кругозора лэди Лашмеръ.

Въ этотъ садъ выходили окна апартаментовъ покойнаго лорда Лашмера. Клариса заглянула въ одно изъ оконъ библіотеки.

— Какая великолѣпная комната!—вскричала она.—Знаете ли вы, что я еще не видѣла знаменитой лашмерской библіотеки,—она оглянулась на лорда Лашмера.—Мнѣ бы очень хотѣлось ее видѣть.

— Извольте,—весело отвѣчалъ онъ.—Какъ странно, однако, что миледи не показывала вамъ нашихъ старинныхъ книгъ и тому подобнаго драгоцѣннаго старья. Впрочемъ съ этими покоями связаны грустныя воспоминанія о моемъ бѣдномъ братѣ. Онъ проводилъ въ нихъ почти всю свою жизнь.

— Да, я знаю. Какъ онъ былъ добръ и ласковъ! Я видѣла его всего лишь два или три раза, но онъ мнѣ очень понравился. А что сдѣлалось съ хорошенькой черноглазой дѣвочкой, его пріемной дочерью? Я разъ видѣла ее съ нимъ. Она была очень милый ребенокъ.

— О! она все еще здѣсь гдѣ-то въ домѣ,—отвѣчалъ Лашмеръ безпечно.

— Какъ странно, что я никогда ее не встрѣчала.—Они прошли

въ стеклянную дверь, которая вела въ гостиную покойнаго лорда Лашмера. Со времени его смерти ничто не перемѣнилось въ его покояхъ. Милэди хотѣла вполнѣ ихъ передѣлать со временемъ, когда совсѣмъ изгладится воспоминаніе о его смерти.

Клариса съ серьезнымъ, испуганнымъ личикомъ оглядывала комнаты и ихъ убранство. Оно было просто, но артистично. На стѣнахъ висѣли прекрасныя гравюры и фотографіи съ знаменитыхъ французскихъ и нѣмецкихъ картинъ. На столахъ и этажеркахъ стояли художественныя произведенія изъ бронзы и фарфора. Вдоль стѣнъ снизу и до половины тянулись полки, на которыхъ стояли книги изъ собственной коллекціи Губерта.

Лашмеръ показалъ ей тѣ изъ нихъ, которыя считались перлами коллекціи. Онъ былъ довольно начитанъ для молодого человѣка и тонкій критикъ новѣйшихъ произведеній, но старинные книги и переплеты не внушали ему того почтенія, какое къ нимъ чувствуютъ истинные библіофилы. Клариса глядѣла на нихъ широко раскрытыми, изумленными глазами безусловнаго невѣжества. Чтобы жалкій маленькій томикъ на итальянскомъ языкѣ стоилъ тысячу фунтовъ, только потому, что ихъ всего два экземпляра на бѣломъ свѣтѣ—это ей казалось смѣшнымъ. Она была удивлена, когда намедни отецъ ея заплатилъ тысячу фунтовъ за ольдернейскую корову; такъ эта корова была, по крайней мѣрѣ, красавица: стройное, нѣжное созданіе съ большими кроткими глазами, тогда какъ эта маленькая итальянская книжечка была просто безобразна.

Глаза ея блуждали по библіотекѣ, куда они перешли изъ гостиной. Мраморные бюсты, поставленные въ промежуткахъ между богатыми рѣзными карнизами книжныхъ шкаповъ, великолѣпныя бархатныя драпри на окнахъ, благодаря которымъ въ комнатѣ царствовалъ полумракъ; два скульптурныхъ камина, высокихъ и внушительныхъ — все это поражало Кларису. Голлъ былъ построенъ и отдѣланъ съ беспримѣрной роскошью, но въ немъ не было такого покоя, который бы говорилъ о величіи и благородствѣ. „Надо быть знатнаго рода для того, чтобы имѣть такую обстановку“, подумала Клариса, преклонявшаяся передъ знатностью.

Вдругъ среди своего созерцанія она вздрогнула и слегка притронулась къ рукѣ Лашмера:

— Чтò это такое?—шепнула она.

Это была маленькая, миніатюрная фигурка, дѣвочка въ черномъ платьѣ, сидѣвшая на противоположномъ концѣ комнаты; забравшись на послѣднюю ступеньку библіотечной лѣстницы, она

читала большую книгу, которую съ трудомъ сдерживала маленькими, худенькими ручками, опираясь въ нее грудью.

— Клянусь Юпитеромъ!—вскричалъ Лашмеръ:—да это какъ разъ тотъ ребенокъ, о которомъ мы говорили, protégée бѣднаго Губерта.

И онъ пошелъ на противоположный конецъ комнаты, въ сопровожденіи Клариссы, и поглядѣлъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто бы это его забавляло, на смѣшную маленькую фигурку, примостившуюся наверху лѣстницы.

— Чтò ты дѣлаешь здѣсь, Стелла?—спросилъ онъ довольно ласково.

Печальные черные глаза глядѣли на него мрачнымъ взглядомъ и казались такими большими, большими на блѣдномъ, худенькомъ личикѣ. Дѣвочка спустилась съ лѣстницы и очутилась передъ своимъ новымъ лордомъ, все еще не выпуская фоліанта изъ своихъ худыхъ рукъ. Она стояла и глядѣла на милорда и красивую молодую лэди, переводя свои большіе серьезные глаза съ одного на другую.

Она болѣе не напоминала собой дѣтскаго портрета Рейнольдса, которымъ восхищался когда-то дилеттантъ-ректоръ. Не была она и живописна въ своемъ новомъ видѣ. Милэди постаралась устранить всѣ подобныя нелѣпости при новомъ порядкѣ.

Густая бахрома волосъ на лбу, смягчавшая худобу блѣднаго личика и его оживлявшая, была тщательно зачесана назадъ съ широкаго лба, по приказу милэди, которая не допускала такихъ прихотей, какъ „бахрома“ у своихъ подчиненныхъ. Черное толстое платье было сшито съ квакерской простотой и скупостью; бѣлый холщевый передникъ напоминалъ о подчиненности и рабствѣ. Некрасивый ребенокъ была Стелла въ своей настоящей стадіи.

— Чтó это за книга?—спросилъ Лашмеръ, указывая на книгу.

— „La Morte d'Arthur“,—отвѣчала она.

— Какъ? ты можешь читать книги на старо-англійскомъ языкѣ?

— Да.

— Мой братъ, должно быть, научилъ тебя?

— Да.

— А скажи, пожалуйста, кто позволилъ тебѣ приходить сюда читать?

— Никто.

— Откровенно, по крайней мѣрѣ. Ты должна, однако, знать, что поступаешь дурно, приходя сюда.

— Нѣтъ. Я не порчу книгъ и никому не мѣшаю.

— Какъ ты думаешь, милэди одобритъ, когда узнаетъ, что ты теряешь здѣсь время за книгами, вмѣсто того, чтобы учиться работать?

— Мнѣ все-равно, что̀ подумаетъ милэди. Мнѣ все равно, понравится ей это или не понравится. Она была ко мнѣ недобра.

— Ого! однако ты не смѣешь такъ говорить,—произнесъ Лашмеръ, начинавшій сердиться.—У тебя есть всѣ основанія быть благодарной милэди; еслибы не она, ты была бы въ рабочемъ домѣ.

— Еслибы она была добра ко мнѣ, я была бы благодарна,— отвѣчала дѣвочка рѣшительно и смѣло глядя на него своими удивительными глазами.—Она отняла у меня всѣ книги—книги, которыя мнѣ подарилъ лордъ Лашмеръ!

Черные глаза наполнились слезами, которыя дитя поспѣшило отереть, точно стыдилось ихъ.

— Бѣдная дѣвочка! — прошептала Клариса и съ соболѣзнованіемъ погладила нѣжной бѣлой ручкой мокрую блѣдную щечку.

Но Сандрильона вздрогнула отъ этого прикосновенія, точно отъ укушенія змѣи.

— Не смѣйте меня трогать!—гнѣвно закричала она.

Послѣдняя дерзость вывела Лашмера изъ терпѣнія.

— Ты очень грубая дѣвчонка!—закричалъ онъ:—и не смѣй больше никогда приходить сюда! Ты не имѣешь права быть въ другихъ комнатахъ, кромѣ тѣхъ, которыя отведены для прислуги. Тебѣ самой предстоитъ быть служанкой впослѣдствіи, и ты должна довольствоваться ихъ обществомъ. Какъ ты попала въ библіотеку? Двери всегда заперты.

— Я прошла, какъ и вы, черезъ стеклянную дверь.

— И не въ первый разъ, должно быть?

— Нѣтъ, не въ первый.

— Больше не смѣй никогда приходить. Понимаешь?

— Я понимаю, что вы жестокій человѣкъ,—отвѣчала она съ ненавистью.—Я рада, что вы только сводный братъ моего добраго лорда Лашмера. Еслибы вы были его роднымъ братомъ, мнѣ было бы жаль ненавидѣть васъ; но вы не братъ ему, и я не боюсь васъ ненавидѣть отъ всей души.

Она страстно хотѣла любви и сожалѣнія; быть можетъ, мечтала, что когда новый лордъ пріѣдетъ, то будетъ къ ней добръ, въ память покойнаго брата. Она жаждала состраданія, и однако,

содрогнулась отъ нѣжной ласки миссъ Денбрукъ, какъ отъ прикосновенія змѣи.

— Ты дрянная дѣвчонка, такая же дерзкая и грубая, какъ и безобразная!—сказалъ Лашмеръ, идя къ двери, отпирая ее и распахивая обѣ половинки.—Ну, а теперь—маршъ! Положи эту книгу и ступай вонъ!

Она все время прижимала книгу къ груди. Но теперь медленно положила ее на столъ и медленно вышла изъ комнаты.

— Я боюсь, что она недобрая дѣвочка,—замѣтила Клариса, качая головой.

— Она настоящій чертенокъ. Я думаю, что мой братъ любилъ ее за ея странности.

— Какъ другіе любятъ безобразныхъ таксовъ или бульдоговъ, — отвѣтила Клариса.

VIII.

Стелла не ходила больше въ библіотеку. Она однажды прокралась въ садъ, когда вся фамилія сидѣла за полдникомъ и ее не могли застать врасплохъ. Найдя, что стеклянная дверь отперта, она вошла въ библіотеку и читала тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, чувствуя себя въ безопасности за запертыми дверьми. Никто ея не хватился, потому что въ послѣднее время ей позволяли работать въ ея собственной комнаткѣ, въ мирномъ уединеніи, въ промежутокъ между обѣдомъ и чаемъ. День за днемъ она тихонько пробиралась черезъ стеклянную дверь, которую открывали затѣмъ, чтобы провѣтривать комнаты, и читала въ свое удовольствіе, упиваясь и волшебными сказками, и фантастическими приключеніями, отъ Спенсера до сэра Томаса Малори и сэра Джона Мандевиля включительно. До сегодня никто еще не заставалъ ея въ библіотекѣ, и надо же ей было попасться на глаза лорду Лашмеру.

Она чувствовала себя уличенной преступницей и терзалась тѣмъ, что навлекла на себя такой стыдъ.

„Я должна была помнить,—говорила она самой себѣ, — что теперь это *его* книги“. Она все еще думала, что онѣ принадлежатъ ея мертвому другу; она не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что книги, какъ и все остальное имущество, перешли къ новому владѣльцу.

Больше она не видѣла лорда Лашмера, хотя онъ оставался въ замкѣ до Рождества и принималъ много гостей. Пріѣздъ и

отъѣздъ гостей поглощалъ прислугу гораздо больше, чѣмъ прежняя рутина жизни при покойномъ лордѣ, и, благодаря этому, Стелла могла вести болѣе свободную и уединенную жизнь. Вскорѣ послѣ Рождества въ ея жизни произошла значительная перемѣна къ лучшему, такъ какъ лэди Лашмеръ съ сыномъ переѣхали на время лондонскаго сезона въ Гросвеноръ-скверъ, забравъ съ собой большую часть прислуги. Три горничныхъ и престарѣлая экономка оставлены были въ замкѣ, и одна изъ этихъ горничныхъ была вѣрный другъ Стеллы—Бетси.

При этомъ новомъ порядкѣ дѣвочка могла ходить по всему дому; но она никогда больше не переступала за порогъ библіотеки. Она читала и перечитывала свои собственныя книги до пресыщенія, но не хотѣла унизить себя и пойти въ библіотеку послѣ оскорбительнаго veto Лашмера.

Она не забыла ни одного изъ его жесткихъ словъ. Она не часто глядѣлась въ зеркало; но теперь всякій разъ при этомъ она вспоминала, что онъ сказалъ ей, что она такъ же дерзка, какъ и безобразна. Да, безъ сомнѣнія, она безобразна,—зеркало подтверждало этотъ приговоръ,—и, быть можетъ, обвиненіе въ дерзости тоже было не совсѣмъ неосновательно.

Зимою этого года счастливое событіе случилось въ ея жизни, когда ей позволили, наконецъ, гулять въ паркѣ или около рѣки, послѣ долгаго, долгаго заключенія въ скучной дѣвичьей. Она была безстрашная дѣвочка и одна уходила очень далеко отъ дома, а Бетси была слишкомъ занята, чтобы ходить съ нею, и никогда не сердилась на нее, если только она во-время приходила къ обѣду и ужину.

Разъ, проходя по деревенской улицѣ, она увидѣла знакомую фигуру, стоявшую у калитки садика, принадлежавшаго къ одному коттеджу, и задумчиво глядѣвшую на старинную церковную колокольню, пріютившуюся въ углубленіи одного косогора, гдѣ узкая дорога круто заворачивала передъ самымъ носомъ постоялаго двора, какъ будто сторожившаго несчастные случаи, грозившіе въ этомъ мѣстѣ лошадямъ и колесамъ,—сгорбленную фигуру старика, съ непокрытой головой и длинными сѣдыми волосами, съ тусклыми глазами, потерявшими зрѣніе надъ пыльными фоліантами. Да, то былъ кроткій товарищъ ея счастливаго дѣтства, вырванная страница изъ прошлаго, которое такъ разнилось отъ настоящаго.

Дѣвочка подбѣжала къ нему и тронула его за рукавъ.

— Мистеръ Вернеръ, милый мистеръ Вернеръ, какъ я рада васъ видѣть!—кричала она, задыхаясь.

Медленно и какъ бы съ усиліемъ оторвались тусклые глаза

отъ церковной колокольни и съ удивленіемъ перенеслись на блѣдное личико, съ волненіемъ обращенное къ нему.

— Какъ! это ты, Стелла? ты все еще въ замкѣ? Мнѣ говорили, что тебя отдали въ школу. Почему ты раньше не навѣстила меня?

— Мнѣ не позволяли выходить изъ дому, пока милэди не уѣхала. И мнѣ говорили, что вы уѣхали въ Лондонъ.

— Да, дитя, я уѣзжалъ въ Лондонъ,—отвѣчалъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ.—Я прожилъ въ Лондонѣ почти четыре мѣсяца. Это страшное мѣсто, дитя, ужасное мѣсто для того, кто, какъ я, отвыкъ отъ большихъ городовъ. Шумъ на людныхъ улицахъ оглушалъ меня, незнакомыя лица съ ума сводили. Это страшная пустыня, Стелла, для человѣка, у котораго нѣтъ друзей; а у меня не было друзей въ Лондонѣ, Стелла, ни одного. Я думалъ, что у меня есть старинные университетскіе товарищи, прежніе ученики... люди, которые увѣряли, что расположены ко мнѣ, когда были юношами; но время превратило ихъ въ постороннихъ людей. Всѣ двери запирались передо мной, Стелла, очень вѣжливо, но все же запирались, и я былъ одинокъ, старъ и глупъ въ этой шумной пустынѣ улицъ и скверовъ и прекрасныхъ магазиновъ и театровъ, горящихъ огнями. Страшная пустыня для одинокихъ и бѣдныхъ людей, Стелла.

— Но ваша книга,—пролепетала Стелла, припоминая, что онъ когда-то отступалъ передъ бременемъ славы:—она привлечетъ вамъ новыхъ друзей, вмѣсто старыхъ, которые о васъ позабыли.

— Нѣтъ, Стелла, ученость не находитъ друзей въ наши дни. Фрэнсисъ Бэконъ могъ бы бродить по этому каменному лабиринту и умереть съ голоду, и никто не протянулъ бы ему руку помощи. Бэконы не нужны въ наше время; ученость не въ чести. Я ѣздилъ въ Лондонъ затѣмъ, чтобы издать свою книгу, Стелла. Я носилъ свою рукопись отъ одного издателя къ другому, пока не попалъ къ такимъ, которые смѣялись мнѣ въ лицо, когда я упоминалъ объ Аристотелѣ, и спрашивали, какъ я думаю: такого ли рода этотъ писатель, чтобы печататься въ грошевыхъ журналахъ, и возможно ли продавать полное собраніе его сочиненій за шиллингъ? Я не легко сдался, Стелла. Я обращался сначала къ великимъ людямъ; они были добры и вѣжливы, но говорили мнѣ, что рынокъ переполненъ книгами о великихъ классикахъ, что ни одно сочиненіе этого рода не расходилось послѣ Грота, что мой magnum opus—потерянный трудъ, кромѣ, конечно, того удовольствія, какое я получилъ, занимаясь такимъ почтеннымъ сочи-

неніемъ. Вотъ что мнѣ говорили крупные издатели. Мелкіе откровенно хохотали надо мной, вѣжливо или грубо, смотря по характеру. Въ мірѣ литературы нѣтъ мѣста для моего пространнаго труда объ Аристотелѣ. Я могъ бы издать его на свой счетъ, но это стоило бы двѣсти или триста фунтовъ. А я-то думалъ, что мое сочиненіе доставитъ мнѣ славу и богатство; а я-то боялся безпокойства, которое мнѣ доставитъ мое будущее громкое имя! Мечты, Стелла, однѣ мечты! Издатели отрезвили меня, и теперь я знаю, что я просто глупый старикъ, слишкомъ поздно родившійся, чтобы быть полезнымъ себѣ или другимъ.

— Но у васъ все же есть ваша книга,—сказала Стелла своимъ степеннымъ, не по лѣтамъ, тономъ; она выросла изъ дѣвочки въ женщину во время своей трудовой жизни въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ и удивительно какъ перемѣнилась въ такой короткій срокъ:—и если это великая книга, какъ говорилъ лордъ Лашмеръ, то вы должны ею гордиться.

— Я люблю ее,—пролепеталъ старикъ, невольно взглядывая на окно комнаты, гдѣ хранилось его сокровище.—Я люблю ее, точно мое дѣтище. Я постоянно просматриваю ее страницу за страницей, провѣряю, исправляю. Быть можетъ, со временемъ, когда я буду уже въ могилѣ, найдется издатель для моей книги, и міръ узнаетъ, что я завѣщалъ ему нетлѣнное наслѣдство. Но не будемъ больше говорить о ней. Войди ко мнѣ въ домъ, Стелла, и отдохни; на дворѣ стоять слишкомъ холодно.

Онъ провелъ ее въ пріемную комнату коттеджа, гдѣ царствовалъ хаосъ ученаго кабинета: столъ былъ заваленъ книгами и газетами; груды книгъ виднѣлись во всѣхъ углахъ, полъ былъ ими заваленъ; вездѣ пыль и безпорядокъ. Владѣлица коттеджа отказалась отъ борьбы за порядокъ и предоставила жильцу дѣлать по своему. Онъ не былъ безпокойнымъ жильцомъ, требовалъ мало услугъ, никогда не жаловался на то, какъ его кормили, и платилъ деньги аккуратно; но его продолжительныя ночныя бдѣнія служили источникомъ вѣчной тревоги для хозяйки: она боялась, что онъ какъ-нибудь заснетъ надъ своими пыльными фоліантами и произведетъ въ домѣ пожаръ.

— Давно ли вы здѣсь живете?—спросила Стелла, глядя на хаосъ и чувствуя непреодолимое женское стремленіе возстановить порядокъ.

— Только съ прошлаго ноября мѣсяца. Лордъ Лашмеръ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ небольшую пенсію, которую я принялъ безъ церемоніи, такъ какъ мнѣ извѣстно, что мой дорогой покойный ученикъ всегда намѣревался обезпечить мою

старость. Но могъ ли онъ думать, что я переживу его... старикъ переживетъ юношу! Да, лордъ Лашмеръ былъ такъ добръ, что обезпечилъ меня, и мнѣ пріятно жить тутъ, по близости отъ замка и отъ рѣки, которую мы всѣ такъ любили. А ты, дитя, какъ тебѣ жилось съ того рокового дня?

Стелла отвѣтила не сразу. Она боролась сама съ собой, молча нѣкоторое время, сдвинувъ черныя брови; краска гнѣва горѣла у нея на худыхъ щекахъ, и, наконецъ, она залилась слезами.

Старикъ притянулъ ее къ себѣ, посадилъ на колѣни и прислонилъ къ груди мокрую щечку почти съ материнскою нѣжностью.

— Мое бѣдное дитя, мое бѣдное дитя! — шепталъ онъ: — смерть жестоко поступила съ нами обоими въ тотъ лѣтній день.

— О! зачѣмъ мы тоже не умерли! Зачѣмъ Богъ не призвалъ и насъ къ себѣ!—рыдала Стелла, и затѣмъ въ отрывистыхъ фразахъ передала Габріэлю Вернеру, какую жизнь вела она съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ замокъ,— жизнь въ обществѣ прислуги и среди унизительныхъ занятій низшаго класса.

— Она отняла даже мои книги, — продолжала Стелла со слезами: — тѣ книги, что онъ мнѣ подарилъ; мои греческіе и латинскіе учебники; книжку, гдѣ разсказывается про звѣзды, и Скотта, и Теннисона.

— Безжалостная тираннія пыталась задавить развивающійся умъ.

— Но Бетси достала мнѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Мы какъ будто украли ихъ, тогда какъ вѣдь онѣ мои, такъ же принадлежатъ мнѣ, какъ мои руки и ноги. И я продолжаю учить свои уроки и дѣлать упражненія, хотя некому указать мнѣ мои ошибки.

— Такъ больше продолжаться не можетъ, Стелла. Приходи ко мнѣ ежедневно, если только тебя пустятъ, и я займусь твоимъ образованіемъ. Да,—вскричалъ ученый съ внезапнымъ восторгомъ:— для меня будетъ наслажденіемъ воспитывать такой блестящій юный умъ. Ты,—сулилъ онъ ей точно нивѣсть какое благополучіе,—ты поможешь мнѣ составить таблицу источниковъ, которыми я пользовался для своей книги.

— Помогу!—отвѣчала Стелла:—и буду держать вашу комнату въ порядкѣ, если позволите. Я знаю, какъ убирать книги и бумаги и какъ держать ихъ въ порядкѣ, не перепутавши. Я убирала *его* книги, когда была совсѣмъ, совсѣмъ маленькая и едва доставала до стола.

— Да, милочка, ты всегда была ловкая маленькая крошка.

Я займусь твоимъ образованіемъ. Приходи ко мнѣ такъ часто, какъ только можно, какъ только они тебя пустятъ. Я рѣдко выхожу, и ты почти всегда застанешь меня дома.

Стелла поблагодарила его отъ всего сердца, успокоенная и ободренная этимъ лучомъ свѣта, озарившимъ ея жизнь.

Она разсказала объ этомъ Бетси, и та рѣшила, что употребить всѣ усилія, чтобы обезпечить ей досугъ для занятій съ Вернеромъ. Ей надо было только угодить Мидльгамъ, а въ послѣднее время она стала такъ хорошо шить, что даже эта требовательная особа была ею довольна. Она выказывала также необыкновенный тактъ и вкусъ въ уборкѣ спаленъ и гостиныхъ, въ разстановкѣ мебели, въ убранствѣ гардинъ и цвѣточныхъ вазъ. Все всегда было элегантно и на своемъ мѣстѣ, не то что у этихъ деревенскихъ дуръ, которыя ничего не умѣли дѣлать толкомъ. Стелла провела многія утра за этими занятіями въ замкѣ, когда въ немъ было много гостей, и заслужила полное одобреніе Мидльгамъ.

— Я думала, что ты дурочка, когда приняла тебя въ свои руки,—объявила эта королева дѣвичьей:—но должна признаться, что нашла въ тебѣ понятливую, ловкую и старательную ученицу. И шить ты научилась прекрасно, чего никакъ не могу сказать про этихъ деревенскихъ дуръ.

Такъ какъ всемогущая Мидльгамъ была задобрена терпѣливымъ трудомъ, то жизнь Стеллы стала гораздо легче прежняго; но еще легче стало ей житься послѣ того, какъ Мидльгамъ съ своимъ штабомъ переселилась въ Гросвеноръ-скверъ, величественные салоны и спальни были заперты и въ замкѣ воцарились тишина и покой. При дружественномъ руководствѣ Бетси, Стелла могла проводить бо́льшую часть времени съ Габріэлемъ Вернеромъ и учиться столько, сколько онъ успѣвалъ ей преподавать. И это было не мало, такъ какъ старикъ съ наслажденіемъ занимался съ такой понятливой и усердной ученицей.

И такъ, день за днемъ, подобно тому, какъ листья и цвѣты распускаются поочередно и смѣняютъ другъ друга, такъ и въ жизни Стеллы чередовались одни классики за другими, и съ каждымъ днемъ умъ дѣвочки обогащался новыми познаніями.

Лэди Лашмеръ жила въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, съ своимъ обожаемымъ сыномъ, слѣдуя за нимъ, какъ спутникъ за планетой, не съ нимъ, но по близости отъ него. Онъ говорилъ въ палатѣ лордовъ, и его рѣчь привлекла всеобщее вниманіе; о ней говорили, что это замѣчательная рѣчь для такого молодого

оратора, и кто-то изъ его партіи замѣтилъ, что лордъ Лашмеръ пойдетъ далеко.

— Внукъ старухи лэди Питлэндъ не можетъ быть ничтожествомъ,—говорила старомодная секція этой партіи, и всѣ личные друзья лэди Лашмеръ пророчили, что внукъ старухи лэди Питлэндъ будетъ однимъ изъ свѣтилъ будущаго; а такъ какъ политическое небо въ тѣ дни было очень пасмурно, то свѣтъ былъ очень и очень необходимъ.

IX.

Годы проходили и уходили, и странныя дѣла совершались въ мірѣ исторіи и политики: войны и трактаты, вторженія и экспедиціи, перемѣны въ законодательствѣ, наукѣ и искусствѣ. Новыя прихоти, новые капризы, новыя теоріи волновали житейское море; но здѣсь, въ лашмерскомъ замкѣ, не происходило никакихъ сенсаціонныхъ событій, которыми бы отличались протекающіе годы. Жизнь здѣсь шла однообразно, спокойно и тихо, хотя не всегда счастливо. Лэди Лашмеръ выпила чашу разочарованія въ эти медлительные годы. Она, привыкшая властвовать, думала, что, само собой разумѣется, будетъ руководствовать своимъ единственнымъ сыномъ, не открытымъ преобладаніемъ, но тонкой дипломатіей, нѣжными материнскими совѣтами и указаніями. Но какое горькое разочарованіе испытала она, когда открыла, что управлять Лашмеромъ нельзя. Онъ не былъ непочтительнымъ сыномъ. Онъ обращался съ матерью съ ласковой почтительностью, но онъ хотѣлъ быть независимымъ въ своихъ поступкахъ и вести спеціально мужскую жизнь, жизнь, посвященную спорту и путешествіямъ. Плаваніе на яхтѣ, восхожденіе на высокія горы, ловля лососей въ Канадѣ, охота на медвѣдя въ Скалистыхъ горахъ, преслѣдованіе оленя въ Шотландіи—увлекали его далеко отъ матери и материнской опеки. Въ послѣдніе два года онъ страстно предался политикѣ, но и политическая жизнь проходила вдали отъ матери, здоровье которой пошатнулось и которую тревожили шумъ и безпокойство лондонской жизни—жизни въ десять разъ болѣе тревожной, прихотливой и легкомысленной, чѣмъ она была въ эпоху лэди Питлэндъ.

Большая перемѣна произошла въ дочери лэди Питлэндъ въ тѣ семь лѣтъ, какія протекли съ тѣхъ поръ, какъ Губертъ лордъ Лашмеръ былъ положенъ въ фамильный склепъ, въ старой церкви, стоявшей въ концѣ парка. Печаль отчасти сломила ея гордую душу; здоровье стало ей измѣнять; неопредѣленное, но постоянное

уныніе и упадокъ силъ указывали, по словамъ врачей, на внутренній неумолимый недугъ, подтачивавшій ея дѣятельный умъ и медленно, но постепенно измѣнявшій ея характеръ, пока, наконецъ, мало-по-малу въ лэди Лашмеръ не произошелъ переворотъ, хотя и мало замѣтный для тѣхъ, кто былъ съ нею постоянно, но преобразившій прежнюю лэди Лашмеръ совсѣмъ въ новую личность. Строгія линіи прекраснаго лица смягчились отъ преждевременной сѣдины мягкихъ, густыхъ волосъ, и оно стало теперь похоже на лицо Маріи-Антуанетты, въ знаменитой картинѣ Делароша.

Но, несмотря на болѣе мягкую внѣшность, сердце у этой женщины оставалось прежнее: гордое, какъ у сатаны Мильтона, но съ меланхолической гордостью неудавшейся жизни.

Бывали минуты, когда она сожалѣла о смерти своего пасынка; сожалѣла о былыхъ дняхъ, когда вліяніе ея было первенствующее, когда ея мальчикъ, какъ младшій сынъ, которому приходилось собственными усиліями пробивать себѣ путь въ жизни, зависѣлъ отъ материнскаго кошелька. Тогда она желала, чтобы онъ занялъ мѣсто брата. Но вотъ пришелъ этотъ день, а съ нимъ начался длинный рядъ ея страданій. Ея мальчикъ не нуждался больше въ ея баловствѣ; онъ не чувствовалъ потребности въ материнскомъ вліяніи и совѣтахъ, необходимыхъ въ трудной карьерѣ младшаго сына.

Въ продолженіе пяти лѣтъ лэди Лашмеръ наблюдала за праздной и бродячей жизнью сына съ разочарованіемъ и тревогой. Она начинала бояться, что онъ не выше другихъ дюжинныхъ молодыхъ людей, которымъ фортуна дала богатство и честолюбіе въ которыхъ замолкло. Она уже почти отчаялась въ немъ, какъ вдругъ наступилъ политическій кризисъ, и лордъ Лашмеръ внезапно выдвинулся впередъ.

Консерваторы дружными усиліями успѣли свергнуть либеральное правительство, которое длилось цѣлыхъ пять лѣтъ; по заявленію его враговъ, оно допустило бѣдственные примѣры величайшихъ безчинствъ, какія только извѣстны въ исторіи парламентскаго законодательства; но друзья прославляли его какъ царство мира и благоденствія и, если можно такъ выразиться, какъ разрѣшеніе задачи, чтобы и овцы были цѣлы, и волки были сыты. Исходъ кризиса зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того, будетъ ли принята или отвергнута палатой лордовъ одна важная мѣра. Тогда-то Лашмеръ выступилъ впередъ среди сѣдобородыхъ сотоварищей и сказалъ такую рѣчь, какую рѣдко можно услышать въ этомъ степенномъ собраніи, рѣчь, проникнутую огнемъ

и энергіей и страстной силой неопытной юности. Рѣчь захватила пэровъ врасплохъ, тѣмъ болѣе, что молодой пэръ не выдержалъ искуса въ нижней палатѣ, безъ котораго вообще считается, что человѣкъ не можетъ быть хорошимъ спорщикомъ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ распускать парламентъ во время прилива. Консерваторы восторжествовали и сами дивились своей побѣдѣ.

Все это произошло два года тому назадъ, и въ настоящее время лордъ Лашмеръ былъ силой въ верхней палатѣ и игралъ довольно видную и значительную роль въ политическомъ и общественномъ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ выдающихся молодыхъ людей, матримоніальные планы которыхъ занимаютъ и волнуютъ общественное мнѣніе. Общество очень интересовалось — на комъ и когда онъ женится. Гдѣ достойная для него невѣста въ наши дни злополучнаго décadence? Этотъ вопросъ обыкновенно разрѣшался споромъ о томъ, какая изъ невѣстъ текущаго года всѣхъ богаче, такъ какъ всѣмъ казалось очевиднымъ, что лорду Лашмеру потребуется большое приданое.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Клариса Денбрукъ играла въ лонтеннисъ подъ окнами лэди Лашмеръ; но ничего не вышло изъ разсчетовъ милэди въ этомъ направленіи. Клариса и лордъ Лашмеръ часто видались другъ съ другомъ во время лондонскаго сезона, который послѣдовалъ за тѣми мирными осенними днями въ замкѣ. Они много разъ вальсировали другъ съ другомъ, сталкивались на лѣстницахъ Бельгрэвіи и Мэй-Феръ. Ѣздили бокъ-о-бокъ верхомъ, и свѣтъ поговаривалъ уже, что лордъ Лашмеръ попался на крючокъ. Великосвѣтскіе мудрецы хвалили предусмотрительность лэди Лашмеръ. Ничего другого никто и не ожидалъ отъ дочери старой лэди Питлэндъ. Но, въ концѣ концовъ, изъ этихъ вальсовъ и верховыхъ прогулокъ не вышло ровно-таки ничего. Лашмеръ вернулся на континентъ, не скомпрометтировавъ себя ни единымъ нѣжнымъ словомъ. Были магнетическіе взгляды и нѣжныя пожатія рукъ подъ вліяніемъ минуты, когда они встрѣчались среди толпы; но и только. Эти взгляды волновали простенькую мидльширскую дѣвушку, но ни къ чему не приводили.

Лордъ Лашмеръ уѣхалъ, рѣшивъ, что еще не время объясняться въ любви. Онъ самъ не былъ въ ней увѣренъ. Ему нужно было еще подумать. И Клариса, конечно, такъ еще молода, что не можетъ полагаться на самое себя. Поспѣшность въ этихъ дѣлахъ всегда бываетъ гибельна; отсрочка же рѣдко приноситъ вредъ.

Онъ уѣхалъ и оставилъ Кларису въ горести, подобно

Аріаднѣ въ Наксосѣ,—и, подобно Аріаднѣ, она нашла утѣшителя.

Она любила лорда Лашмера дѣтской, незатѣйливой любовью и, кромѣ того, ей хотѣлось быть женой пэра. Быть можетъ, она и любила-то его только за то, что онъ былъ „нобльменъ", знатнаго и стариннаго рода. Она видѣла его въ томъ ореолѣ, какой мать пріучила ее уважать, въ золотомъ ореолѣ наслѣдственнаго благородства. И вотъ, теперь, когда онъ уѣхалъ, она почувствовала себя обиженной, несчастной. Мать ея была тоже разочарована и не скрывала своихъ чувствъ. Она говорила Кларисѣ, что лордъ Лашмеръ велъ себя безсовѣстно, и что онъ недостоинъ, чтобы она о немъ думала. Несмотря на то, Клариса думала о немъ день и ночь, пока появленіе новаго обожателя, еще высшаго ранга, не явилось своего рода утѣшеніемъ.

Новый обожатель былъ лордъ Кэрмино, маркизъ и одинъ изъ самыхъ безпутныхъ молодыхъ людей Лондона и Парижа; молодой человѣкъ, который, за годъ передъ тѣмъ какъ встрѣтился съ Кларисой, пріобрѣлъ репутацію отчаяннаго и безнадежнаго пьяницы, уже стоявшаго на краю погибели отъ своего несчастнаго порока, но силой воли побѣдившаго его и теперь находившагося на пути къ возрожденію. Руки его все еще тряслись, и онъ все еще долженъ былъ прибавлять кайенскаго перца въ свою водку; но онъ меньше пилъ водки, и руки его меньше дрожали, чѣмъ въ предыдущій годъ.

Лордъ Кэрмино встрѣтился съ Кларисой и ея семьей въ Швальбахѣ, куда мистеръ и мистриссъ Денбрукъ повезли дочь съ мыслью, что желѣзо оживитъ ея упавшій духъ. Лордъ Кэрмино пріѣхалъ туда тоже за желѣзомъ. Маркизъ и юная дѣвица пили вмѣстѣ и вмѣстѣ слушали музыку, игравшую въ казино. Онъ не былъ очень умнымъ молодымъ человѣкомъ, и мозгъ и нервы его одинаково пострадали отъ долгой привычки къ нетрезвой жизни. Въ такіе годы, когда другіе люди цвѣтутъ, онъ былъ уже старъ и дряхлъ. Жалко было глядѣть на него, но мистриссъ Денбрукъ ни на минуту не забывала, что трясущіяся руки принадлежатъ не кому другому, а маркизу. Она жалѣла его, но не безнадежно, такъ какъ говорила самой себѣ и своимъ близкимъ друзьямъ, что еслибы онъ только женился на дѣвушкѣ, которая его полюбила, то, безъ сомнѣнія, преобразовался бы совсѣмъ въ новаго человѣка. Онъ уже стоитъ на вѣрномъ пути. Нужно только, чтобы дружеская и надежная рука поддержала его на этомъ пути и скрасила ему жизнь своимъ обществомъ.

Послѣ трехнедѣльнаго знакомства онъ сдѣлалъ предложеніе Кларисѣ Денбрукъ, и она приняла его съ высокомѣрной безпечностью, точно она брала корону, но презирала того, кто ей ее подносилъ; мать приняла это извѣстіе съ восторгомъ, отецъ—съ значительной и откровенно выраженной антипатіей.

— Я думаю, что свѣтъ скажетъ, что моя дочь дѣлаетъ блистательную партію,—сказалъ честный Джонъ Денбрукъ:—но если вы не измѣните своихъ привычекъ, лордъ Кэрмино, то она будетъ несчастнѣйшей женщиной въ Англіи.

Кэрмино поклялся, что онъ уже измѣнилъ свои привычки, и что съ такой женой, какъ Клариса, онъ никогда снова къ нимъ не вернется. Свадьба произошла осенью, къ великому негодованію лэди Лашмеръ. Она употребляла всѣ усилія, чтобы отговорить Кларису; она, не обинуясь, пересказала ей, какую жизнь велъ лордъ Кэрмино съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Оксфорда, и даже въ самомъ Оксфордѣ. Но Клариса рѣшила, что будетъ маркизой, и оставалась непоколебима.

— Онъ добрый человѣкъ и джентльменъ,—говорила она.— Я не боюсь будущаго и употреблю всѣ усилія, чтобы исправить его.

— *Вы*!—закричала милэди, оглядывая ее съ головы до ногъ. —Бѣдная *baby*! вы сами не знаете, за что̀ беретесь.

Клариса вышла замужъ и завербовала себя въ ряды маркизъ въ Англіи. Она вынесла три съ половиной года самаго нестерпимаго существованія, прежде нежели лордъ Кэрмино довелъ до конца дѣло, начатое еще въ „Христовой коллегіи", и опился до смерти. Онъ умеръ и Джонъ Денбрукъ умеръ, а Клариса, маркиза Кэрмино, поселилась въ Денбрукъ-Голлѣ, богатѣйшей вдовой и такой же красавицей, какъ и въ годы первой юности. Мистриссъ Денбрукъ жила съ дочерью, хорошо обезпеченная желѣзозаводчикомъ; но Клариса была настоящей хозяйкой и вела домъ на широкую ногу, подражая во всемъ великой лэди ПITлэндъ, про которую слышала такъ много отъ лэди Лашмеръ.

Отъ ея несчастнаго брака не было дѣтей, и отдаленный кузенъ лорда Кэрмино наслѣдовалъ титулъ маркиза, пожилой человѣкъ съ большимъ семействомъ, которое налетѣло на наслѣдственное имѣніе, какъ стая коршуновъ, пожирая все. Вдовѣ маркиза назначено было всего лишь семь тысячъ фунтовъ въ годъ, ничтожная прибавка къ ея громадному богатству. Новая маркиза и ея дочери считали, что ей слѣдовало бы отказаться отъ этихъ денегъ.

И вотъ, во дни своего вдовства Клариса снова сблизилась

съ лэди Лапмеръ, которая очень нуждалась въ обществѣ и уходѣ при своемъ разстроенномъ здоровьѣ, нуждалась въ заботахъ, требовавшихъ безконечнаго терпѣнія.

У нея было три рабыни, никогда ея не покидавшія: Барберъ, терпѣливая и кроткая женщина, находившаяся уже тридцать лѣтъ въ услуженіи у миледи; Селестина, искусная модистка и горничная, которой ловкія руки и безукоризненный вкусъ требовались хотя бы только для того, чтобы драпировать изящными складками индійскую шаль на плечахъ больной. Лэди Лапмеръ стала одѣваться старухой, отказавшейся отъ свѣта и его прелестей. Она рѣдко что-нибудь надѣвала, кромѣ чернаго дама или бархата, носила на головѣ чепецъ, а на плечахъ какую-нибудь богатую шаль. Она все еще имѣла величественный видъ, но уже стала старухой и часто казалась страждущей.

Третья прислужница занимала неопредѣленное положеніе. Она не была, собственно говоря, служанкой, но обращались съ нею такъ же безцеремонно, какъ со служанкой. Она не была и компаньонкой, хотя исполняла ея обязанности. То была высокая, стройная дѣвушка, съ блѣднымъ оливковымъ личикомъ и маленькой головкой, увѣнчанной черными, какъ смоль, волосами и самыми удивительными глазами, какіе когда-либо можно встрѣтить не въ Андалузіи. Она одѣта была всегда съ строгой простотой, въ черномъ кашмировомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ, маленькимъ бѣлымъ полотнянымъ воротникомъ и длинной, гладкой юбкой. Это былъ своего рода мундиръ, который она раздѣляла съ горничными, и однако, всякій и всегда призналъ бы въ ней лэди. Грація и достоинство сквозили въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ движеніи высокой, прямой фигуры. Голова сидѣла на плечахъ съ царственнымъ величіемъ, какъ у Клеопатры.

То была Стелла Больдвудъ, которой было теперь восемнадцать лѣтъ и которая была возведена въ послѣдніе два года въ должность секретаря и чтицы миледи.

Не по собственной иниціативѣ и очень неохотно приняла лэди Лапмеръ protégée своего пасынка въ свою интимную жизнь. Дѣвушку навязали ей обстоятельства и услужливость остальныхъ домочадцевъ. Пришло время, когда лэди Лапмеръ, всю жизнь много читавшая, должна была отказаться отъ этого утомительнаго для ея разстроенныхъ нервовъ занятія.

Ей трудно было держать книгу въ рукахъ и переворачивать страницы,—такъ велика была ея слабость. Она могла только слушать чтеніе, лежа на кушеткѣ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы и голосъ, и произношеніе были безукоризненно изящны.

Селестина, само собой разумѣется, была невозможна для чтенія англійскихъ книгъ, и ея жаргонъ парижскаго предмѣстья рѣзалъ чувствительныя уши милэди.

Баркеръ была и того хуже. Докторъ указалъ на Стеллу, которую онъ часто встрѣчалъ въ коттеджѣ Вернера. Каждую зиму ему приходилось лечить старика отъ бронхита, и онъ убѣдился, что Стелла отлично ухаживаетъ за больными.

— Я имѣлъ случай изучить эту молодую лэди,—говорилъ мистеръ Стоксъ.

— Пожалуйста, не называйте ее молодой лэди, мой добрый Стоксъ,—поправила его милэди:—она воспитана среди слугъ и какъ служанка. Вы помните, что я никогда не одобряла безумнаго поведенія моего пасынка относительно этой дѣвочки.

— Вы можете выростить лисицу въ конурѣ съ террьерами, но она все же останется лисицей,—настаивалъ мистеръ Стоксъ. — Эта дѣвушка — лэди. У нея течетъ въ жилахъ благородная кровь, ручаюсь за это. И, кромѣ того, она получила свое первое образованіе подъ руководствомъ покойнаго лорда Лашмера, одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, какихъ я зналъ. Вы этого не передѣлаете, лэди Лашмеръ. Вы можете приказать этой дѣвушкѣ взять щетку въ руки и мести комнату, и она можетъ счесть своимъ долгомъ вамъ повиноваться, но она все-таки есть и будетъ лэди.

— Кажется, что въ наше время всѣ дѣвушки превратились въ лэди, — нетерпѣливо замѣтила больная.—Волна утонченности охватила нашъ народъ. Даже деревенскія дѣвушки не имѣютъ больше прежнихъ красныхъ щекъ и дѣятельнаго характера. Всѣ онѣ теперь блѣдны, тонны, напичканы поверхностными свѣдѣніями и желаютъ работать какъ можно меньше. Я полагаю, что мы должны величать компаньонкой эту вашу красавицу. Мнѣ нужна чтица, но, къ сожалѣнію, я терпѣть не могу эту дѣвушку.

— Предубѣжденіе, лэди Лашмеръ, чистое предубѣжденіе,— повторилъ мистеръ Стоксъ, всегда говорившій правду милэди.— Испробуйте ее, и если найдете непріятной, то отошлите ее къ прежнимъ занятіямъ.

— Правда,—отвѣчала лэди Лашмеръ.—Быть можетъ, она будетъ для меня сноснѣе постороннихъ лицъ. Я терпѣть не могу незнакомыхъ.

Такимъ образомъ, Стеллѣ объявили въ одно прекрасное утро, что ея занятіемъ будетъ читать и писать подъ диктовку милэди, до дальнѣйшихъ распоряженій, и съ этого часа она стала невольницей. Жизнь ея была легка и даже пріятна въ послѣдніе годы.

Власть Мидльгамъ надъ ней была нечувствительна, такъ какъ послѣдняя находила ее услужливой, добросовѣстной и ловкой помощницей и хвалила все, чтò она ни сдѣлаетъ. Она успѣвала, вставая рано, передѣлать всю свою работу къ часу пополудни, и затѣмъ ей предоставлялось право дѣлать чтò ей угодно, лишь бы она приходила къ пятичасовому чаю, который она теперь пила въ комнатѣ мистриссъ Баркеръ—неоцѣнечное преимущество, такъ какъ оно избавляло ее отъ выслушиванія сплетенъ и грубыхъ шутокъ въ дѣвичьей. Мало-по-малу дѣвушка отдѣлилась отъ остальныхъ слугъ, жизнь которыхъ милэди желала заставить ее раздѣлять, и устроила себѣ самостоятельное существованіе. Она прожила съ ними нѣкоторое время, но никогда не была съ ними солидарна. По мѣрѣ того какъ она выростала, разница сказывалась все рѣзче и рѣзче. Они чувствовали, что она не ихъ поля ягода—и чувствовали себя стѣсненными ея присутствіемъ. Они рады были, что она предпочитала одиночество ихъ дружеской бесѣдѣ и чашку чаю въ уединенной комнатѣ Баркеръ—ихъ шумнымъ трапезамъ. Она всегда была старообразна, толковали они. Какъ странно, что ребенокъ сталъ такимъ синимъ чулкомъ. Но, конечно, это дѣло рукъ покойнаго лорда Лашмера. Онъ воспитывалъ ребенка такъ, какъ никто не воспитываетъ. Ее съ младенчества пичкали книгами.

По мѣрѣ того какъ годы шли, Стелла чувствовала себя почти счастливой. Все послѣ-полуденное время она проводила съ Габріэлемъ Вернеромъ. Онъ былъ старъ и слабъ и иногда прихварывалъ; но онъ былъ кладеземъ всякаго знанія и любилъ науку ради науки, и любилъ также и Стеллу. Онъ продолжалъ ея образованіе съ того пункта, на которомъ его оставилъ лордъ Лашмеръ. Онъ развивалъ ея любовь къ классикамъ постояннымъ чтеніемъ Гомера и Виргилія съ Гораціемъ. Онъ училъ ее французскому и нѣмецкому языкамъ, и они вмѣстѣ читали классическія произведенія французскихъ и нѣмецкихъ писателей. Никто и ничто не отвлекало ихъ отъ занятій: у нихъ не бывало ни гостей, ни развлеченій. Въ лѣтнее время они спокойно усаживались гдѣнибудь на берегу рѣки, подъ ивами, которыя любилъ Лашмеръ. Зимой они сидѣли другъ противъ друга у камина, точно два старыхъ товарища.

Удивительно, какое количество книгъ могутъ поглотить въ продолженіе семи лѣтъ юный энтузіастъ и ветеранъ-ученый, когда свѣтъ не предъявляетъ имъ никакихъ требованій и не обставляетъ ихъ соблазнами. Стелла прочитала больше, чѣмъ иные образованные сорокалѣтніе люди, когда ее вдругъ призвали на службу

лэди Лашмеръ. Съ этой поры правильнымъ занятіямъ съ Габріэлемъ Вернеромъ наступилъ конецъ, равно какъ и ея нѣжнымъ попеченіямъ о болѣзненномъ и слабомъ старикѣ. Она успѣвала только время отъ времени забѣжать къ нему на минутку, поглядѣть, все ли у него благополучно, и поговорить съ его хозяйкой, доброй, но глупой женщиной, которую Стелла пріучала ходить за своимъ постояльцемъ.

— Вы такъ балуете стараго джентльмена, миссъ,—протестовала хозяйка.

— Старые люди нуждаются въ баловствѣ, мистриссъ Чипъ. Но мистера Вернера нельзя избаловать. Онъ такъ добръ и несебялюбивъ.

— Чтожъ, миссъ, никто не будетъ спорить, что съ нимъ легко жить, и еслибъ я не боялась, что онъ подожжетъ домъ, то я считала бы его лучшимъ жильцомъ какой когда-либо у меня былъ. Гораздо лучше, чѣмъ молодые викаріи, за которыми люди такъ гоняются. И къ тому же онъ постоянный жилецъ, чего съ лучшимъ изъ викаріевъ никогда не бываетъ.

— Вы должны быть внимательнѣе, чѣмъ прежде, къ нему, мистриссъ Чипъ, потому что я такъ рѣдко прихожу теперь сюда, — настаивала Стелла, и мистриссъ Чипъ обѣщала, что старикъ не будетъ ею забытъ.

Съ возмущеннымъ духомъ и непокорствомъ въ сердцѣ вошла Стелла впервые въ покои лэди Лашмеръ, куда призывали ее новыя обязанности. Мистеръ Стоксъ старался пробудить ея симпатію къ суровой вдовѣ лорда Лашмера. Онъ намекнулъ ей, что недугъ, отъ котораго она страдаетъ, рано или поздно унесетъ ее въ могилу, и тогда Стелла всю жизнь будетъ раскаяваться, что не жалѣла о ней.

— Право же, она очень жалка,—увѣрялъ добрый Стоксъ:— тѣмъ болѣе, что она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя внушаютъ сожалѣніе.

Но и послѣ этого воззванія Стелла ничего не чувствовала, кромѣ непріязни, стоя, высокая и прямая, какъ лилія, у дивана, на которомъ лежала милэди.

Она думала о томъ лѣтнемъ днѣ, семь лѣтъ тому назадъ, когда лэди Лашмеръ сидѣла у ея постели, закутанная въ черный крепъ, суровая, безжалостная, и сообщала ей о смерти ея благодѣтеля. Да, это то самое лицо—холодное, недоброе, презрительно на нее глядѣвшее.

Ей не доводилось стоять лицомъ къ лицу съ лэди Лашмеръ съ того самаго страшнаго дня. Она жила подъ ея крышей и ѣла ея хлѣбъ, и чувствовала на себѣ иго ея тиранніи, но владѣтельница замка оставалась для нея такой же незримой, какъ

японскій Микадо для своихъ подданныхъ. И теперь она внимательно глядѣла въ лицо своей гонительницѣ, озаренное іюньскимъ солнцемъ, и отмѣчала перемѣну, произведенную рукой времени.

Да, это то же лицо, нисколько не смягчившееся отъ страданія, хотя волосы посѣдѣли и наружность носила слѣды преждевременной старости и болѣзни.

— Мнѣ нужна особа, которая могла бы читать вслухъ нѣсколько часовъ въ день и иногда поздно вечеромъ. Мнѣ говорили, что вы съумѣли образовать себя, съ помощью мистера Вернера, и умѣете читать вслухъ. Правда ли это?

— Я читала громко мистеру Вернеру,—спокойно отвѣчала дѣвушка.

— Часто?

— Постоянно.

Словъ не тратилось лишнихъ ни съ той, ни съ другой стороны.

— Начните сейчасъ. Вонъ тамъ мои книги (милэди указала на этажерку съ книгами, находившуюся неподалеку отъ ея дивана). Больные капризны и требуютъ частой перемѣны въ умственной пищѣ. Начните съ Чарльза Ламба, „Elia's Essays", ту статью, гдѣ говорится о старомъ фарфорѣ. Я сегодня въ лѣнивомъ настроеніи духа и не хочу утруждать головы.

Она лежала на роскошной софѣ, обложенная подушками. Бóльшую часть дня она проводила теперь лежа; но когда бывали въ замкѣ гости или же когда ея сынъ находился въ немъ, она вообще сходила обѣдать внизъ въ столовую, съ прежнимъ величественнымъ видомъ, присущимъ ей. Она не легко поддавалась даже физической боли и намѣревалась бороться до конца.

Стелла усѣлась на низенькое кресло недалеко отъ софы и стала читать. Она читала съ часъ Ламба, а затѣмъ ей велѣно было взять томъ путешествій въ Бухару, новую книгу, только-что полученную милэди. Когда путешествія надоѣли, ее заставили читать послѣднюю поэму Броунинга, съ того самаго мѣста, на которомъ остановилась милэди.

Она должна была читать какъ машина. И читала въ продолженіе трехъ часовъ безъ отдыха, и затѣмъ ей было сказано, что она можетъ идти.

— Вы читаете очень хорошо!—сказала милэди съ холоднымъ одобреніемъ.—Вѣроятно, я опять призову васъ поздно вечеромъ. Стойте! поправьте мнѣ подушку.

Стелла наклонилась надъ сѣдой головой и легкимъ, осторожнымъ движеніемъ взбила подушки и затѣмъ вышла, не получивъ ни слова благодарности.

Она вышла въ одну дверь, а Баркеръ вошла въ другую.

— Да! кажется, что она годится,—сказала лэди Лашмеръ.— У нея пріятный голосъ и она хорошо читаетъ. Сегодня я особенно нехорошо себя чувствую, Баркеръ, и не выйду изъ своей комнаты.

Въ девять часовъ вечера Стеллу опять призвали къ милэди. Освѣщенная лампами комната, съ множествомъ живыхъ розъ, показалась преддверіемъ въ давно забытый рай красоты и изящества, послѣ пуританской простоты комнатъ, отведенныхъ для прислуги. Стелла давно отвыкла отъ такого великолѣпія, и тѣмъ не менѣе чувствовала себя здѣсь гораздо привольнѣе и болѣе на своемъ мѣстѣ, нежели въ дѣвичьей.

Лэди Лашмеръ показалась еще старше и изнеможеннѣе при вечернемъ освѣщеніи.

— Продолжайте читать поэму Броунинга.

И больше ни слова. Она не поблагодарила за утреннее чтеніе, не предложила чашки чая, который пила изъ дорогого серебрянаго сервиза. Съ дочерью Джонатана Больдвуда прилично обращаться только какъ съ крѣпостной подъ этой кровлей. Она была выращена здѣсь согласно законамъ рабства, и нѣтъ никакого резона обращаться съ ней нѣсколько иначе, потому что она случайно образованнѣе другихъ.

Стелла читала до одиннадцати часовъ, не подавая признака усталости. Она такъ уже пріучила себя въ тѣ долгіе часы, когда, сидя на скамейкѣ у ногъ стараго ученаго, читала ему любимыхъ авторовъ, спасая его бѣдные, утомленные глаза. Она читала, не сознавая протекавшихъ часовъ, поглощенная красотой стиха Броунинга и глубиной его мысли.

Въ одиннадцать часовъ лэди Лашмеръ отпустила ее.

Съ тѣхъ поръ должность чтицы исполнялась ею въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ безъ всякой перемѣны. Она проводила почти полъ-дня въ покояхъ лэди Лашмеръ, и часто ее призывали ночью къ постели милэди, страдавшей безсонницей, и она читала ей до трехъ или четырехъ часовъ утра. Она выполняла свои обязанности съ холоднымъ спокойствіемъ, которое было очень пріятно милэди, ненавидѣвшей всякія сцены и чувствительности, и которой были бы противны также подобострастіе и униженность.

Съ теченіемъ времени лэди Лашмеръ допустила свою невольницу писать за себя незначащія письма, а иногда даже и дружескія посланія; но секретарскихъ услугъ ни разу не потребовалось для того, чтобы написать сыну милэди. Эти письма всегда писала сама мать.

А. Э.

ДВА
МАЛОРОССІЙСКИХЪ „ФАБЛО“
И ИХЪ ИСТОЧНИКИ

Очеркъ изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы.

Малороссія произвела въ нашъ вѣкъ два большіе таланта: Гоголя и Шевченка, которые, по справедливости, могутъ быть признаны за выразителей двухъ сторонъ національнаго характера Украйны. Изъ двухъ этихъ сторонъ, юморъ, представляемый Гоголемъ, чаще всего обращаетъ на себя вниманіе наблюдателей малороссійскаго населенія. И дѣйствительно, юмористическое отношеніе къ жизни, наклонность къ сатирѣ бросаются въ глаза при разговорахъ съ малороссами и занимаютъ видное мѣсто въ ихъ устной, по преимуществу народной, словесности, особенно прозаической. Въ собраніяхъ этой послѣдней мы встрѣчаемъ много, часто замѣчательныхъ, опытовъ сатирической обработки сюжетовъ изъ жизни личной, семейной и общественной. Но было бы ошибочно думать (хотя это, впрочемъ, и часто бываетъ), что всѣ эти опыты составляютъ продуктъ вполнѣ самостоятельнаго творчества народа украинскаго. Нѣтъ,—и въ этой области, казалось бы, наиболѣе подходящей къ складу племенного характера, народъ малороссійскій не обошелся безъ помощи другихъ народовъ и не мало у нихъ заимствовалъ.

Изслѣдованіе подобныхъ заимствованій составляетъ въ настоящее время предметъ занятій многихъ ученыхъ въ Европѣ и открываетъ любопытныя и поучительныя перспективы въ области

международнаго взаимодѣйствія, даже въ такихъ слояхъ населенія, въ которыхъ до сихъ поръ всего менѣе предполагалась возможность чего-нибудь подобнаго.

Въ настоящемъ очеркѣ мы предполагаемъ остановить вниманіе читателей на двухъ образцахъ такого взаимодѣйствія, которые, къ тому же, кажутся намъ тѣмъ болѣе интересными, что они связаны съ предметомъ, заслуживающимъ особенно тщательнаго изслѣдованія, — а именно съ русскимъ сектантствомъ. Это два украинскіе народные разсказа, которые, помимо своего содержанія, бросаются въ глаза, между прочимъ, и по своей формѣ—стихотворной, уподобляющей ихъ старо-французскимъ „fableaux“ [1]), съ какими они сходны и по своему внутреннему характеру, и по историко-литературному значенію.

Два слова объ этихъ французскихъ „fableaux“,—такъ какъ исторія ихъ, болѣе документально извѣстная, чѣмъ исторія нашей старинной письменности и народной словесности, можетъ бросить свѣтъ и на наши образцы. Почти каждому изъ „fableaux“ можно указать соотвѣтствіе въ устныхъ разсказахъ, а также въ прозаическихъ писаніяхъ старыхъ авторовъ, которые несомнѣнно черпали изъ источниковъ восточныхъ, — какъ, напр., крещеный еврей Петръ Альфонсъ, XII-го вѣка, авторъ сборника нравоучительныхъ анекдотовъ („Disciplina Clericalis“), передѣланнаго потомъ въ старо-французскіе стихи (de Castoiement ou instructions d'un père à son fils), или Jacques de Vitri, епископъ въ Птолемаидѣ въ Палестинѣ († 1244), составившій тамъ сборникъ „Exempla“,— не говоря уже о такихъ компиляціяхъ восточныхъ сборниковъ, какъ *Калила* и *Димна*, книга о *Синдибадѣ* или *Семи Мудрецахъ*, которую переводчики-евреи давали европейцамъ, то въ греческихъ, то въ латинскихъ передѣлкахъ, въ XI—XIII ст. Сравнивая редакціи извѣстныхъ разсказовъ въ „fableaux“ съ редакціями прозаическими, какъ устными, такъ и старинныхъ сводовъ, въ родѣ вышеупомянутыхъ, мы всегда почти убѣждаемся, что „fableaux“ представляютъ позднѣйшую, высшую ступень литературнаго творчества, какъ по формѣ, такъ и по содержанію [2]). Эта обработка была

[1]) Мы пишемъ это слово—какъ теперь начинаютъ писать лучшіе французскіе ученые: отъ „fablel—fableau“, уменьшительное отъ „fable“, въ множественномъ числѣ даетъ fableaux; форма fabliaux—пикардійская; она пошла-было въ ходъ, благодаря первымъ издателямъ въ XVIII в. (Barbazan и Le Grand d'Aussy), мало еще свѣдущимъ въ законахъ старо-французскаго языка.

[2]) Изъ этого сравненія надо, впрочемъ, исключить собственно восточные оригиналы, которые всегда оказываются если и болѣе простыми по канвѣ, то выше по нравственной идеѣ и логичнѣе по расположенію частей.

дѣломъ спеціалистовъ, грамотѣевъ и пѣвцовъ: труверовъ и жонглеровъ во Франціи, послужившихъ образцами для миннезингеровъ въ Германіи.

Этимъ французскимъ пѣвцамъ соотвѣтствуютъ въ Малороссіи кобзари и лирники, пѣсни которыхъ тоже составляютъ нѣчто среднее между устною, общенародною, словесностью и собственно литературною. Извѣстное количество пѣсенъ, которыя сохранились въ памяти этихъ кобзарей и лирниковъ, а также виршей въ старыхъ рукописяхъ, представляютъ намъ остатокъ изъ того матеріала, который накоплялся на Украинѣ, какъ начало перехода отъ устной словесности въ *литературу* и, наоборотъ, отъ книжной, далекой отъ массы населенія, письменности въ словесность искусственную, но все-таки живую, — иначе — *художественную*.

Къ числу такихъ, къ сожалѣнію, немногихъ, произведеній въ словесности малороссійской принадлежатъ два украинскіе стихотворные разсказа, которымъ посвященъ настоящій очеркъ.

I.

Первый изъ нихъ записанъ г. Менчицемъ въ с. Пилявѣ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, и напечатанъ въ изданіи юго-зап. отд. И. Р. Географ. Общества: „Малорусскіе народные преданія и разсказы“, сводъ М. Драгоманова (Кіевъ, 1876 г., 150—154), подъ заглавіемъ: „*Вирша о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ*“. Отсылая болѣе любопытныхъ къ самому тексту въ упомянутомъ изданіи, мы здѣсь передадимъ только его содержаніе.

Богатые мужики собрались разъ въ корчмѣ и хвалили своего священника. Но одинъ мужикъ, Гаврила, былъ другого мнѣнія, и когда товарищи упрекали его въ великомъ грѣхѣ осужденія, Гаврила отправляется домой, беретъ рябую собаку въ рядно (дерюга) и пятьдесятъ цѣлковыхъ—и идетъ къ священнику. „За чѣмъ ты и для чего?“—За чѣмъ я и для чего?... А вотъ, былъ у меня рябой песъ, никого не подпускалъ къ дому, а теперь пришелъ ему конецъ, и я прошу васъ похоронить его у насъ. —„Сумасшедшій ты, Гаврила, или безмозглый?“—Но тотъ приступаетъ къ нему, звякнулъ по столу цѣлковыми. Попъ и говоритъ: „Иди ты домой, а я съ дьякомъ посовѣтуюсь“.—Посовѣтовались они и похоронили собаку, какъ христіанина.

Скоро или не скоро, но разъ опять мужики гуляли въ корчмѣ и говорили о священникѣ. Гаврила и разсказалъ свою продѣлку!..

Гдѣ погребены наши маленькія дѣти и родичи, тамъ онъ схоронилъ собаку, какъ христіанина. Мужики сначала не вѣрять, но, разспросивъ слугъ Гаврилы, убѣждаются и идутъ къ дьячку писать доносъ архіерею. Попъ къ Гаврилѣ: „Ты же самъ подвелъ меня похоронить собаку,—зачѣмъ же было разсказывать громадѣ?“ — „Батюшка, меня знають сосѣди и близкіе люди:—если я захочу, ничего изъ этого не будетъ“.—Гаврила беретъ сто цѣлковыхъ, беретъ на узду козла, запрягаетъ рябую кобылу и ѣдетъ къ архіерею. Пріѣхалъ къ архіерею.—„За чѣмъ и для чего?“—„За чѣмъ и для чего?! Я изъ того села, гдѣ нѣтъ ни попа, ни дьяка; живемъ мы, какъ въ полѣ былина; ваша это вина!“—Сталъ архіерей думать-гадать, кого бы имъ въ попы выбрать. Мужикъ Гаврила говоритъ: „Батюшка, есть у меня козелъ рогатый; его нужно выбрать попомъ“.—Архіерей говоритъ.—„Сумасшедшій ты, Гаврила, или безмозглый? Какъ можно посвящать въ попы козловъ или козокъ?“ — Гаврила звякнулъ деньгами о столъ. Архіерей посматриваетъ на тѣ деньги, беретъ ножницы и постригаетъ козла, беретъ его за бороду, потягиваетъ, въ попы посвящаетъ. Гаврила ѣдетъ домой и застаетъ, что попъ руками откапываетъ собаку. Завидѣвъ у церкви Гаврилу, попъ спрашиваетъ: „Куда ты ведешь этого козла, несчастный?“ — „А почему не вести? развѣ онъ не тамъ же посвященъ, гдѣ и ты?“ — Попъ догадался, махнулъ рукой, идетъ къ Гаврилѣ и беретъ его съ женою къ себѣ. „Пей, Гаврила, чай до дна, не оставляй. Ты куришь трубку, а я нюхаю табакъ; архіерей посвятилъ козла, а я похоронилъ собаку,—теперь насъ никто не разсудитъ!“...

Первая половина этой сатиры въ нѣсколько иномъ видѣ подмѣчена на украинской территоріи и въ прозаической формѣ—въ галицкомъ разсказѣ, напечатанномъ въ сборникѣ Садока Барончa: „Bajki, Fraszki, Podania, Przysłowia i Piśni na Rusi“ (Tarnopol, 1866). Къ сожалѣнію, весь этотъ, крайне интересный, по содержанію, сборникъ, составленъ очень ненаучно: разсказы его, во-первыхъ, приведены не въ подлинникѣ, а въ польскомъ переводѣ; во-вторыхъ, часто, очевидно, въ сокращеніяхъ и безъ означенія мѣстъ записи лицъ и классовъ разсказчиковъ. Занимающій насъ разсказъ вставленъ здѣсь въ сводную главу: „*Popy*“ и повѣствуетъ такъ:

„У хозяина была вѣрная собака, которую онъ очень цѣнилъ; когда собака подохла, онъ похоронилъ ее, не долго думая, на погостѣ. Дьякъ замѣтилъ свѣжую могилу и сообщилъ объ этомъ попу. Идутъ они на погостъ и видятъ, что, вѣрно, это дитя какое-нибудь погребено, такъ какъ могила невелика.

Раскапываютъ они могилу и съ ужасомъ видятъ, что это—собака Ивана Пордыса.—„Зови мнѣ Ивана!"—Приходитъ Иванъ Пордысъ. — „Какъ ты осмѣлился на святомъ погостѣ собаку хоронить?!"—Видитъ Пордысъ, что ему можетъ быть худо, — пускается на хитрости и говоритъ:—„Еслибъ вы знали, что это была за честная собака; вѣдь она вамъ отказала четыре цѣлковыхъ! — „Что ты говоришь? — закричалъ попъ: — дьякъ, иди звони по душѣ!" [1])

Разсказъ этотъ имѣетъ многочисленныя себѣ подобія въ словесности разныхъ народовъ Европы и Азіи. Въ Европѣ самый старый, по времени закрѣпленія его въ письменности, варіантъ этого разсказа принадлежитъ поэту Рутебуесу (Rutebues), котораго обыкновенно зовутъ по-французски Рютбёфъ (Ruteboeuf), жившему въ XIII ст. Родомъ онъ былъ изъ Шампаніи, но провелъ большую часть жизни на югѣ, въ Наваррѣ и Провансѣ. Сочиненія его отличаются рѣзкою насмѣшкою, преимущественно надъ духовными и монахами. Между этими сочиненіями находится и *„фабло о завѣщаніи осла"* (C'est le testament de l'asne).

Послѣ довольно длиннаго (въ 19 стиховъ) вступленія о склонности людей завидовать богатымъ и злословить ихъ, поэтъ разсказываетъ исторію священника, которая навела его на такія размышленія. Священникъ имѣлъ хорошую церковь, богатый приходъ, продавалъ много хлѣба, для лучшей цѣны котораго могъ выжидать лучшаго времени, отъ Пасхи до св. Ремигія,—и самый лучшій другъ ничѣмъ отъ него не могъ бы попользоваться, развѣ какъ вырвать силою. У него былъ оселъ, который служилъ ему двадцать лѣтъ такъ, какъ врядъ-ли кому служилъ какой рабъ. Наконецъ, оселъ, который много прибавлялъ къ богатству священника, умеръ отъ старости. Священнику такъ было мило тѣло осла, что онъ не позволилъ его ободрать и похоронилъ его на кладбищѣ. Епископъ былъ иного нрава: ни жадный, ни вымогатель, но привѣтливый и общителенъ, гостепріименъ и кругомъ въ долгахъ, „такъ какъ кто много издерживаетъ, тотъ должаетъ". Разъ у него была большая компанія, и шелъ разговоръ о богатыхъ духовныхъ, о жадныхъ священникахъ, которые не отдаютъ чести епископамъ, ни сеньёрамъ. Дошла рѣчь до упомянутаго священника. — „А что онъ такое сдѣлалъ?" — „Онъ поступилъ *хуже бедуина*: похоронилъ своего осла въ посвященной землѣ".—Приводятъ священника, который, въ отвѣтъ на укоры и угрозы епископа, проситъ отпуска на день, чтобъ приготовиться къ отвѣту. Свя-

[1]) Op. cit., 156.

щенникъ не безпокоится, такъ какъ знаетъ, что имѣетъ добраго друга въ кошелькѣ. Пришедши въ назначенный срокъ къ епископу, онъ увѣренно выражаетъ надежду быть оправданнымъ и, попросивъ у епископа свиданія наединѣ, выкладываетъ ему деньги и разсказываетъ такую исторію: — „Оселъ служилъ мнѣ двадцать лѣтъ, зарабатывалъ ежегодно по двадцать су; скопивъ двадцать ливровъ, онъ оставилъ ихъ вамъ, по завѣщанію, для спасенія души своей отъ ада". — „Э! — сказалъ епископъ: — Богъ ему судья; Богъ да проститъ ему всѣ ошибки и грѣхи, какіе онъ сдѣлалъ!"

Исторія кончается такою сентенціей:

„Рутебуесъ говоритъ и учитъ насъ: кто носитъ достаточно денегъ, тому нечего бояться злыхъ цѣпей. Онъ и осла можетъ сдѣлать христіаниномъ [1]) (намекъ на то, что епископъ угрожалъ посадить священника въ тюрьму)".

Слѣдующая по времени редакція вышеизложенной исторіи въ европейской письменности находится въ собраніи „фацецій" или шутокъ Поджіо Браччіолини (Poggio Bracciolini), флорентинскаго политика и писателя XV-го столѣтія (1380—1459). „Фацеціи" Поджіо, собранныя имъ, какъ изъ книгъ, такъ и изъ устныхъ разсказовъ въ разныхъ странахъ, которыя онъ посѣтилъ, но особенно, конечно, въ Италіи, пошли въ ходъ еще въ рукописяхъ, были уже въ 1470 напечатаны въ Римѣ и въ Венеціи, перепечатывались множество разъ въ XV—XVI в. въ разныхъ странахъ Европы (въ томъ числѣ въ 1592 г. даже въ Краковѣ), переводились на разные языки цѣликомъ и частями, которыя заимствовались въ разные аналогическіе сборники, въ томъ числѣ польскіе и русскіе [2]).

Фацеція Поджіо о священникѣ, похоронившемъ собаку, отличается отъ фабльо Рютбёфа тѣмъ, что здѣсь идетъ дѣло не объ ослѣ, а о собакѣ, — а еще болѣе, краткостью своего содержанія, которое передаетъ только скелетъ исторіи [3]).

---

[1]) Barbazan et Méon. Fabliaux et contes des poètes français de XI—XV siècles. 1808, III, 70—75.

[2]) Пыпинъ, Очеркъ литерат. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ, 263—269; Ровинскій, Русскія народныя картинки, IV, 294.

До сихъ поръ нельзя еще сказать, есть ли въ русскихъ рукописяхъ фацецій Поджіо исторія о собачьемъ завѣщаніи, или нѣтъ. Въ извѣстномъ обозрѣніи г. Пыпина нѣтъ о ней упоминанія. Въ изданномъ петербургскимъ Обществомъ любителей древней письменности спискѣ *Ѳацеци или жарты польскіи, бесѣдки, утѣшки московскіи*, есть нѣсколько разсказовъ, заимствованныхъ изъ Поджіо (Памятн. др. письменности 1878—79, стр. 94 и слѣд.), но занимающаго насъ разсказа тамъ не находимъ.

[3]) Poggii Florentini oratoris et philosophi opera. Basilae. 1538, 431. De sacerdote qui caniculum sepeluit.

Третью по времени своего появленія европейскую редакцію занимающей насъ исторіи обыкновенно считаютъ заимствованіемъ у Поджіо. Это 96-й разсказъ французскаго сборника, составленнаго въ половинѣ XV-го столѣтія: „Сто новыхъ повѣстей" (Cent nouvelles nouvelles). Предположеніе о томъ, что новелла французская заимствована изъ Поджіо, основано на томъ, что старѣйшая рукопись этого сборника носитъ на себѣ помѣтку: 1434 г., а предполагаемый составитель его, Antoine de la Sale, былъ въ Италіи въ 1422 г. [1]). Но разсказъ французскій, хотя, конечно, и сходный съ Поджіевскимъ,—вовсе не переводъ съ него, вообще гораздо длиннѣе и могъ быть составленъ и независимо отъ знаменитаго флорентинца по какому-нибудь устному варіанту, который дошелъ до французскаго новеллиста изъ того же потока, изъ какого почерпнулъ свою фацецію Поджіо, и еще ранѣе тэму для своего фабло — Рютбёфъ. Поджіо долженъ былъ собирать значительную часть своихъ анекдотовъ изъ устныхъ разсказовъ, преимущественно итальянскихъ. Но въ устный оборотъ этихъ разсказовъ, особенно въ странахъ средиземноморскихъ, давно уже проникло значительное количество анекдотовъ восточныхъ, арабскихъ и турецкихъ.

Съ востока зашелъ къ итальянцамъ и другимъ европейцамъ и анекдотъ о собачьемъ или ослиномъ завѣщаніи.

Надо, впрочемъ, пожелать болѣе обстоятельнаго обслѣдованія оріенталистами восточныхъ текстовъ этой исторіи, о которыхъ любители европейской старинной и народной словесности, неоріенталисты, имѣютъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, нѣсколько сбивчивыя указанія. Больше всего извѣстенъ этимъ любителямъ варіантъ исторіи о собачьемъ завѣщаніи, вошедшій въ очень любимый въ недавнее время сборникъ Гюлетта (Gueulette): „Тысяча и одна четверть часа"—татарскія сказки" (Les mille et un quart d'heure — contes tartares), первое изданіе котораго вышло въ 1715 г. Здѣсь эта исторія (21—22 quart d'heure. Histoire du chien de Sehed et du cadi de Candahar) разсказана съ ссылкою на Ламая (Lamai, иначе Lamii, или Абдула-бен-Махмудъ), турецкаго поэта XVI-го ст. († 1531). Сочиненія Ламая, сколько намъ по крайней мѣрѣ извѣстно, на европейскія языки не переведены, кромѣ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореній. Самъ Гюлеттъ— не оріенталистъ, а компиляторъ нѣсколькихъ сборниковъ сказокъ, которыя онъ издалъ подъ именемъ татарскихъ, монгольскихъ и

---

[1]) Les cent nouvelles nouvelles, avec introduction et notes, par Th. Wright, I, XV, II, 205—208.

даже перувіанскихъ, а потому ручаться за точность его перевода турецкаго разсказа нельзя. Есть основаніе предполагать, что Гюлеттъ взялъ основу своей сказки изъ сочиненія d'Herbelot: „Bibliothèque Orientale", первое изданіе котораго вышло въ Парижѣ въ 1697 г. Здѣсь, въ статьѣ: „Cadhi", разсказана, по Ламаю, и исторія завѣщанія собаки.

Такъ какъ эта именно редакція, впредь до открытія другихъ, можетъ считаться наиболѣе близкой къ древнѣйшей формѣ занимающей насъ малороссійской сатиры, то мы и остановимся на ней нѣсколько подольше.

„Ламай разсказываетъ,—читаемъ у d'Herbelot,—что у одного человѣка была прекрасная собака, которая охотилась днемъ и сторожила ночью, никогда не покидала хозяина и за то была весьма любима, предпочиталась всѣмъ и заслужила, чтобы поэтъ сложилъ по этому случаю слѣдующіе стихи:—„Не удивляйтесь, если часто болѣе цѣнятъ собаку, чѣмъ человѣка, который бываетъ обыкновенно животное гораздо болѣе жадное. Собака изъ всѣхъ благъ этого міра посягаетъ только на кость.

„Но все, что есть въ мірѣ, не въ состояніи наполнить глазъ одного человѣка, т.-е. удовлетворить его.

„Бейте собаку —она не броситъ васъ изъ-за этого; перестаньте благодѣтельствовать человѣку,—и онъ оставитъ васъ тотчасъ же.

„Когда эта собака умерла, хозяинъ ея былъ неутѣшенъ; впрочемъ, чтобъ облегчить немного свое горе, онъ похоронилъ ее чистенько въ своемъ саду и пригласилъ вечеромъ друзей своихъ на пиръ, во время котораго онъ разсказывалъ имъ объ этомъ животномъ, и такъ кончились ея похороны. На другой день послѣ этого торжества злые люди донесли кади (судьѣ) обо всемъ, что произошло вечеромъ, и прибавили къ дѣйствительности одну подробность, что будто при похоронахъ собаки совершались всѣ турецкія погребальныя церемоніи.

„Кади потребовалъ къ себѣ обвиняемаго и, между прочимъ, спросилъ: „не принадлежитъ ли онъ къ тѣмъ невѣрнымъ, которые обожаютъ собакъ". Обвиняемый, вмѣсто всякихъ оправданій, заявляетъ о завѣщаніи собакою 200 аспровъ судьѣ. Услышавъ о деньгахъ, кади повернулся къ полицейскимъ и сказалъ: „видите, какъ добрые люди подвержены зависти; чего только они не наговорили объ этомъ честномъ человѣкѣ!" Потомъ, обратившись къ хозяину собаки, онъ сказалъ: „такъ какъ ты не читалъ молитвъ по душѣ покойника, то я думаю, что мы должны *начать* ихъ вмѣстѣ".—Слово: „начать" составляетъ по-турецки экивокъ, такъ какъ оно значитъ: начать молитвы и открыть мѣшокъ съ день-

гами. Разсказъ оканчивается грустными замѣчаніями о продажности судей, которые, какъ сказалъ поэтъ, прежде были мечемъ на страхъ злымъ, а теперь стали пустыми ножнами, которыя ищутъ наполниться деньгами отъ тяжущихся, и т. д.

Подобная же исторія разсказана въ собраніи: Dictionnaire d'Anecdotes (Paris, 1766, p. 451), съ ссылкою на путешествіе на гору Диванъ Де-ла Рока (Voyage du Mont Liban, par de la Roque) и въ немъ на какого-то арабскаго писателя, которому тоже приписывается сравненіе судей, вышеприведенное нами по Ламаю. Къ сожалѣнію, мы не могли открыть никакихъ слѣдовъ существованія сочиненія Де-ла Рока, а потому и не беремся судить о подлинности восточнаго происхожденія варіанта французскаго Dictionnaire d'Anecdotes. Отмѣтимъ только, что варіантъ этотъ отличается отъ Ламая и приближается къ европейскимъ тѣмъ, что хотя еще и не утверждаетъ факта похоронъ собаки на кладбищѣ и съ религіозными церемоніями, но говоритъ о постановленіи въ саду, на могилѣ собаки, надробнаго памятника съ эпитафіей.

Возможно, что болѣе или менѣе непосредственно къ восточнымъ разсказамъ привязывается и варіантъ нашего разсказа анекдота, вставленный Лесажемъ въ его знаменитый романъ изъ испанской жизни: „Gil Blaz“ (1715), при составленіи котораго авторъ пользовался испанскими источниками настолько, что и до сихъ поръ держится мнѣніе о полномъ плагіатѣ этого романа. Здѣсь авантюристъ донъ Рафаэль разсказываетъ (кн. V, гл. I) о томъ, какъ онъ, будучи одно время по принужденію мусульманиномъ, разъ выпилъ у себя съ пріятелемъ евреемъ и магометаниномъ, и уже дѣйствительно похоронилъ ночью собаку со всѣми мусульманскими церемоніями, „впрочемъ не для посмѣянія надъ религіей Магомета, а для развлеченія и отъ завладѣвшаго нами среди оргіи глупаго желанія отдать послѣдній долгъ моей собакѣ“. Донъ Рафаэль успокоиваетъ гнѣвъ кади 200 золотыхъ султановъ, оставленныхъ судьѣ по завѣщанію собаки, „которая такъ умѣла цѣнить заслуженныхъ людей“.

Хотя всѣ эти свидѣтельства существованія исторіи о собачьемъ завѣщаніи на Востокѣ находятся позднѣе не только у Рютбёфа, но и у Поджжіо, — но разъ эта исторія существуетъ на Востокѣ, она, по общему ходу движенія подобныхъ исторій между Европой и Азіей, должна была придти съ Востока на Западъ, а не наоборотъ. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ подобныхъ, *восточныя редакціи*, особенно Ламая, разсказываютъ случай проще, натуральнѣе, логичнѣе въ мотивахъ поступковъ дѣй-

ствующихъ лицъ: хозяинъ собаки не хоронилъ ея по-мусульмански, а только оклеветанъ въ томъ; онъ не опровергаетъ клеветы, въ виду безполезности спорить съ жаднымъ судьею, и подтверждаетъ обвиненіе, выдумывая завѣщаніе собаки, только какъ способъ подсунуть судьѣ взятку.

Обратимъ вниманіе еще на одну интересную подробность въ турецкомъ варіантѣ, повторенную и въ „Dictionnaire d'Anecdotes": обвиняемаго спрашиваютъ, не принадлежитъ ли онъ къ сектѣ собакопоклонниковъ. Подробность эта переноситъ насъ въ древній, до-мусульманскій Иранъ [1]). По старо-иранской религіи, собака, вмѣстѣ съ пѣтухомъ, почиталась, какъ священное животное, другомъ человѣка и врагомъ бога тьмы и ночи и его созданій. Священныя книги старыхъ иранцевъ заключаютъ въ себѣ похвалы собакѣ и наставленія, какъ обращаться съ нею, особенно въ болѣзни и беременности ея, которыя ставятъ собаку наравнѣ съ человѣкомъ. Собака играла у древнихъ иранцевъ важную роль и при смерти человѣка: она ставилась передъ умирающимъ, чтобъ отогнать взоромъ своимъ злыхъ духовъ; собакамъ же и птицамъ отдавался на съѣденіе и трупъ человѣка въ особыхъ мѣстахъ, преимущественно на горахъ; многіе держали у себя особыхъ собакъ, которыя должны были погребсти въ себѣ ихъ останки. Подобнымъ же образомъ не закапывались въ землю, а должны были выставляться въ особенныхъ мѣстахъ и трупы собакъ [2]). Очевидно, что мусульманамъ, которые принесли съ собою египетскій способъ погребенія и египетское отвращеніе отъ собаки (какъ животнаго противныхъ имъ пастуховъ-кочевниковъ), старо-персидское отношеніе къ собакѣ было омерзительно, какъ и старо-персидскія похороны, которыя должны были казаться мусульманамъ „собачьими" похоронами. Отсюда должно было возникнуть начало занимающаго насъ анекдота еще въ первыя времена распространенія мусульманства въ Иранѣ (VIII—IX ст.), и, быть можетъ, первоначально оно сложилось у персовъ, сохранившихъ еще остатки старыхъ обычаевъ, и было направлено противъ арабизированныхъ мусульманскихъ судей. Та редакція его, по которой мусульманинъ уже не смѣетъ похоронить собаку, какъ человѣка, а только оклеветанъ въ томъ, должна была быть уже позднѣйшая редакція, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ соот-

---

[1]) Замѣтимъ, что Гюлеттъ ставитъ мѣсто дѣйствія нашего анекдота въ иранскую область—въ Кандагаръ.

[2]) XIII гл. Вендидадъ, которая вся почти посвящена собакѣ (Spiegel, Avesta, I, 189—201; см. также M. Duncker, Gesch. des Alterthums, 5 изд., IV, 176—179 (о погребеніи).

вѣтственная условіямъ мѣста. Ламай, вообще компилировавшій персидскихъ писателей, могъ сдѣлаться отголоскомъ старинной персидской сатиры.

Западно-европейская же редакція не останавливается передъ несообразностями и дѣйствіями плохо мотивированными, заставляя человѣка, и при томъ даже священника, безъ всякихъ серьезныхъ мотивовъ, хоронить осла или собаку какъ христіанина. Видно, что европейскими пересказчиками руководила, главнымъ образомъ, злоба противъ духовенства, почему они превратили и собственника погребеннаго животнаго въ священника, а судью—въ епископа. Эта злоба проявилась въ южной Франціи уже въ XII—XIII в., во время сильнаго развитія первыхъ протестантскихъ сектъ (вальденцы, альбигойцы и т. д.) и вызвала вышеизложенную фабло Рютбёфа на тэму, которая, по всей вѣроятности, проникла въ южную Францію изъ переполненной арабскими сюжетами Испаніи. Послѣ подавленія провансальскаго протестантизма, тэма нашего фабло какъ бы замираетъ въ европейской письменности и появляется въ ней только въ XV в.—въ эпоху предреформаціонную, затѣмъ въ XVI—XVII в., въ эпоху реформаціи, во многихъ моралистическихъ и сатирическихъ сборникахъ по различнымъ странамъ западной Европы [1]). Возростаніе тенденціозности, въ обработкѣ сюжета этой исторіи со временъ Поджжіо, видно особенно изъ сравненія его разсказа съ позднѣйшими французскими. Такъ, напримѣръ, у Поджжіо деревенскій священникъ, по простотѣ, хоронитъ собаку, которую любитъ (sacerdos rusticanus... caniculum sibi carum sepeluit in caemeterio), и только епископъ призываетъ его къ суду съ цѣлью вытянуть у него деньги; въ „Cent nouvelles“ (гдѣ собака заслуживаетъ благоволеніе священника ловкостью своихъ фокусовъ) и въ дальнѣйшемъ разсказѣ уже больше налегается на жадность епископа; позванному къ суду священнику влагаются размышленія о томъ, что „господинъ епископъ, благодаря Бога, самый жадный прелатъ въ королевствѣ, да и люди, окружающіе его, умѣютъ извлекать себѣ пользу (буквально: faire venir l'eau au moulin), Богъ знаетъ какъ“. Въ старомъ французскомъ переводѣ фацецій Поджжіо, изданномъ въ 1575 г. и переизданномъ въ Амстердамѣ 1712 г., исторія (Facecie d'ung prestre qui en sepuelit son chien en terre benoyste. Et commence au latin: Erat sacerdos in, etc.) разсказана гораздо пространнѣе, чѣмъ въ ори-

[1]) Множество библіографическихъ указаній приведено у Oesterley, въ его изданіи книги J. Pauli, Schimpf und Ernst (85-ste Publication des Litterarischen Vereins in Stuttgart, 481.

гиналѣ. Священнику вмѣнено намѣреніе посмѣяться надъ епископомъ, который, по жадности, долженъ былъ позвать къ себѣ священника; епископу вмѣнена радость, при вѣсти о кощунственныхъ похоронахъ, такъ какъ онъ зналъ, что священникъ очень богатъ... Въ заключеніе переводчикъ отъ себя говоритъ: „въ этой фацеціи показанъ большой порокъ, царствующій въ церкви, черезъ жадность прелатовъ, которые подкупаются деньгами и оправдываютъ своихъ подчиненныхъ, какое бы зло тѣ ни сдѣлали, лишь бы заплатили деньги, какъ бы ни великъ и ни явенъ былъ грѣхъ, какъ, напримѣръ, грѣхъ священника, который похоронилъ свою собаку въ освященной землѣ публично, при всѣхъ прихожанахъ,—что составляетъ удивительный грѣхъ, — а все-таки былъ оправданъ, давши пятьдесятъ червонцевъ, по завѣщанію собаки“.

Мы не считаемъ нужнымъ обозрѣвать здѣсь варіанты нашей исторіи въ другихъ странахъ Европы, и остановимся только на двухъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ малороссійскимъ варіантамъ, наиболѣе, конечно, интереснымъ для нашего читателя.

Первый изъ нихъ—нѣмецкій, – наиболѣе характерно изложенный у Іог. Паули: „Schimpf und Ernst“ (Глумленіе и Серіозъ). Здѣсь, кромѣ священника и епископа, введено третье лицо, мѣщанинъ, которому, какъ и въ украинскомъ стихотвореніи мужику, принадлежитъ собака. Только здѣсь крестьянинъ безъ всякой задней мысли проситъ священника похоронить любимую имъ и женою его собаку, „которая была-де умнѣе другихъ собакъ“,—за что и уплачиваетъ четыре золотыхъ. Епископъ требуетъ священника къ себѣ; *добрый* священникъ перепугался и захватилъ съ собою шесть золотыхъ, которые и даетъ епископу, сообщая ему о завѣщаніи собаки. Дальше мы будемъ буквально переводить разсказъ Паули, со всѣми наивностями его фразеологіи:

„Епископъ сказалъ: „какъ вы его похоронили?“—Священникъ сказалъ:—„онъ принесъ мнѣ его въ мѣшкѣ, поздно вечеромъ“. Тогда епископъ сказалъ: „это нехорошо; вы должны дать мнѣ еще двѣнадцать золотыхъ, за то что вы не вынесли собаку съ крестомъ“. Вотъ видите, что могутъ деньги; будь у меня достаточно денегъ, я бы сдѣлался, чѣмъ захотѣлъ бы, я бы подкупилъ людей; если бы одинъ не взялъ, то взялъ бы другой“ [1]).

Другой интересный для насъ варіантъ находимъ въ руководствѣ къ проповѣдямъ Пельбарта изъ Темешвара, въ Банатѣ, въ Венгріи, изданномъ въ 1507 г. Тутъ, говоря о жадности,

[1]) Schimpf und Ernst, № LXXII, 58. Паули былъ монахъ-францисканецъ, родомъ еврей. Первое изданіе книги его явилось въ Страсбургѣ въ 1522 г., и послѣ много разъ перепечатывалось до XVIII ст. (въ 1538, 1524, и т. д.).

которая заставляетъ давать ложныя рѣшенія, проповѣдникъ говоритъ: „Такъ *народъ разсказываетъ* объ одномъ бѣднякѣ, который увидѣлъ, что его собака на полѣ роетъ ногами землю; прибѣжавши, онъ увидѣлъ кладъ, близкій къ вскрытію, и укралъ его, а собаку такъ полюбилъ, что, когда она умерла, похоронилъ на святомъ кладбищѣ. Когда народъ изъ-за этого привлекъ священника къ суду, тотъ, видя, что его должны обвинить за симонію, предложилъ судьямъ по-одиночкѣ большія деньги, говоря, что собака, умирая, завѣщала имъ на своемъ языкѣ этотъ подарокъ. Судьи, прельщенные золотыми, вынесли ложное рѣшеніе о священникѣ, такъ что онъ долженъ былъ еще идти съ процессіей, съ крестомъ, на похоронахъ такой собаки“ [1]).

Варіантъ этотъ интересенъ какъ потому, что онъ указываетъ своимъ источникомъ устный разсказъ, такъ и потому, что онъ хотя и переноситъ дѣйствіе въ христіанскую обстановку, но все-таки говоритъ о судьяхъ, т.-е. сохраняетъ черту мусульманскаго разсказа о кади. На основаніи всего этого, мы можемъ заключить, что варіантъ этотъ образовался независимо отъ литературъ романскихъ, а пришелъ въ Банатъ устнымъ путемъ прямо съ Востока: не даромъ же Банатъ лежитъ на границѣ съ турецкими владѣніями.

Для насъ въ особенности варіантъ банатскій интересенъ своимъ концомъ, который, будучи сходенъ съ концомъ турецкаго, сходится въ то же время съ окончаніемъ и нашего галицкаго (Сад. Баронча), а также великорусскихъ варіантовъ. Послѣднихъ извѣстно до сихъ поръ въ печати два. Помѣщены они, между прочимъ, и въ французскомъ переводѣ въ I т. особаго изданія: Κρυπτάδια. Recueil de documents pour servir à l'étude des traditions populaires (Heilbronn, Henninger Frères, éditeurs, 1883). Въ виду малой распространенности этого изданія, мы воспроизводимъ здѣсь оба эти варіанта цѣликомъ.

I. Жилъ-былъ мужикъ, а у него былъ кобель. Разсердился мужикъ на кобеля, взялъ—повезъ его въ лѣсъ и привязалъ около дуба. Вотъ кобель началъ лапами копать землю; подкопался подъ самый дубъ, такъ что его вѣтромъ свалило. На другой день пошелъ мужикъ въ лѣсъ и вздумалъ посмотрѣть на своего кобеля; пришелъ на то мѣсто, гдѣ привязалъ его, смотритъ: дубъ свалился, а подъ нимъ большой котелъ золота. Мужикъ обрадовался, побѣжалъ домой, запрегъ лошадь да опять въ лѣсъ; забралъ все

[1]) Pelbartus de Thémeswar. Sermones pomerii de Sanctis hyemales, aestivales et quadragesimales. Haguenau, 1507. Dominica Ramis Palmarum. Sermo XLVI. 9.

деньги и кобеля посадилъ на возъ. Воротился домой и говоритъ бабамъ: „Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за нимъ ходить, да не будете его кормить—я съ вами по своему раздѣлаюсь!" Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сдѣлали ему мягкую постель, холятъ его всячески, а хозяинъ никому, кромѣ кобеля, и не вѣритъ: куда ни поѣдетъ—ключи завсегда повѣситъ кобелю на шею. Жилъ-жилъ кобель, заболѣлъ да и околѣлъ. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всею церемоніей, взялъ онъ пять тысячъ и пошелъ къ попу. „Батюшка! у меня померъ кобель и отказалъ тебѣ пять тысячъ денегъ съ тѣмъ, чтобы ты похоронилъ его по христіанскому обряду". —„Ну, это хорошо, свѣтъ! только въ церковь носить его не надо, а похоронить можно. Приготовляйся, завтра приду къ выносу".— Мужикъ изготовился, сдѣлалъ гробъ, положилъ въ него кобеля, а на утро пришелъ попъ съ дьякономъ и дьячками въ ризахъ, пропѣли, что̀ надо, и понесли кобеля на кладбище, да и закопали въ могилу. Дошло у попа до дѣлежа съ причтомъ; онъ и обидѣлъ дьячковъ, мало имъ далъ; вотъ они просьбу на него къ архіерею: такъ и такъ дескать, похоронилъ кобеля по-христіански. Архіерей позвалъ къ себѣ попа на судъ: „какъ ты смѣлъ, говоритъ, хоронить нечистаго пса?"—и посадилъ его подъ арестъ. А мужикъ взялъ десять тысячъ и пошелъ къ архіерею попа выручать. „Ты зачѣмъ"? спросилъ архіерей.—„Такъ и такъ,—отвѣчаетъ мужикъ:—померъ у меня кобель, отказалъ вашему преосвященству десять тысячъ денегъ, да попу пять!"—„Да, братецъ, я слышалъ про то и посадилъ попа подъ арестъ, зачѣмъ онъ, безбожникъ, какъ несъ кобеля мимо церкви, не отслужилъ по немъ панихиды!"—Взялъ архіерей отказанныя кобелемъ десять тысячъ, выпустилъ попа и пожаловалъ его благочиннымъ, а дьячковъ сдалъ въ солдаты.

II. Жилъ старикъ со старухою; не было у нихъ ни одного дѣтища, только и былъ что козелъ: тутъ всѣ и животы! Старикъ никакого мастерства не зналъ, плелъ одни лапти—только тѣмъ и питался. Привыкъ козелъ къ старику: бывало, куда старикъ ни пойдетъ изъ дому, козелъ бѣжитъ за нимъ изъ дому. Вотъ однажды случилось старику идти въ лѣсъ за лыками, и козелъ за нимъ побѣжалъ. Пришли въ лѣсъ; старикъ началъ лыки брать, а козелъ бродитъ тамъ и сямъ да траву щиплетъ; щипалъ-щипалъ, да вдругъ передними ногами и провалился въ рыхлую землю, зачалъ рыться и вырылъ оттуда котелокъ съ золотомъ. Видитъ старикъ, что козелъ гребетъ землю, подошелъ къ нему и увидалъ золото; несказанно возрадовался, побросалъ свои лыки, подобралъ

деньги — и домой. Разсказалъ обо всемъ старухѣ. „Ну, старикъ!— говоритъ старуха,—это намъ Богъ далъ такой кладъ на старость, за то, что столько лѣтъ съ тобой потрудились въ бѣдности! А теперь поживемъ въ свое удовольствіе“.—„Нѣтъ, старуха!—отвѣчалъ ей старикъ:—эти деньги нашлись не нашимъ счастіемъ, а козловымъ; теперь надо намъ жалѣть и беречь козла пуще себя!“ Съ тѣхъ поръ зачали они жалѣть и беречь козла пуще себя, зачали за нимъ ухаживать, да и сами-то поправились—лучше быть нельзя! Старикъ позабылъ какъ и лапти-то плетутъ; живутъ себѣ, поживаютъ, никакого горя не знаютъ. Вотъ, черезъ нѣкоторое время козелъ захворалъ и издохъ. Сталъ старикъ совѣтоваться со старухою, что дѣлать: „Коли выбросить козла собакамъ, такъ намъ за это будетъ передъ Богомъ и людьми грѣшно, потому что все счастіе наше мы черезъ козла получили! А лучше пойду я къ попу и попрошу его похоронить козла по-христіански, какъ и другихъ покойниковъ хоронятъ“.—Собрался старикъ, пошелъ къ попу и кланяется: „Здравствуй, батюшка!“—Здорово, свѣтъ! что скажешь?“—„А вотъ, батюшка, пришелъ къ твоей милости съ просьбою; у меня на дому случилось большое несчастіе: козелъ померъ! Пришелъ звать тебя на похороны“. Какъ услышалъ попъ такія рѣчи,—крѣпко разсердился, схватилъ старика за бороду, и ну таскать по избѣ: „Ахъ ты окаянный! что выдумалъ! вонючаго козла хоронить“.—„Да вѣдь этотъ козелъ, батюшка, былъ совсѣмъ-таки православный; онъ отказалъ тебѣ двѣсти рублей“. —„Послушай, старый хрѣнъ!—сказалъ попъ,—я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачѣмъ ты по сю пору не далъ мнѣ знать о его кончинѣ: можетъ, онъ у тебя давно уже померъ!“— Взялъ попъ съ мужика двѣсти рублей и говоритъ: „Ну, ступай-же скорѣе къ дьякону, скажи, чтобы приготовлялся; сейчасъ пойдемъ козла хоронить“. Приходитъ старикъ къ дьякону и проситъ: „Потрудись, отецъ-дьяконъ, приходи ко мнѣ въ домъ на выносъ“.—„А кто у тебя померъ?“—„Да вы знавали моего козла, онъ-то и померъ!“ Какъ началъ дьяконъ хлестать его съ уха на ухо!—„Не бей меня, отецъ-дьяконъ!—говоритъ старикъ.—Вѣдь козелъ-то былъ почитай совсѣмъ православный; какъ умиралъ—тебѣ сто рублей отказалъ за погребеніе“.—„Эка ты—старъ да глупъ!— сказалъ дьяконъ:—что-жъ ты давно не извѣстилъ меня о его православной кончинѣ! Ступай скорѣе къ дьячку: пущай прозвонитъ по козловой душѣ!“—Прибѣгаетъ старикъ къ дьячку и проситъ: „Ступай, прозвони по козловой душѣ!“ И дьячокъ разсердился, началъ старика за бороду трепать. Старикъ кричитъ: „Отпусти, пожалуй, вѣдь козелъ-то былъ православный; онъ тебѣ за похо-

роны пятьдесятъ рублей отказалъ".—„Что-жъ ты по этихъ поръ копаешься! надобно было пораньше сказать мнѣ: слѣдовало бы давно ужъ прозвонить!" Тотчасъ бросился дьячокъ на колокольню и началъ валять во всѣ колокола. Пришли къ старику попъ и дьяконъ и стали похороны отправлять: положили козла въ гробъ, отнесли на кладбище и закопали въ могилу. Вотъ, стали про то дѣлю говорить промежъ себя прихожане, и дошло до архіерея, что попъ де козла похоронилъ по-христіански. Потребовалъ архіерей къ себѣ на расправу старика съ попомъ: „Какъ вы смѣли похоронить козла? ахъ, вы, безбожники!"—„Да вѣдь этотъ козелъ,—говоритъ старикъ,—совсѣмъ былъ не такой, какъ другіе козлы; онъ передъ смертію отказалъ вашему преосвященству тысячу рублей".—„Эка ты, глупый старикъ! я не за то сужу тебя, что козла похоронилъ, а зачѣмъ ты его заживо масломъ не соборовалъ!".. Взялъ тысячу и отпустилъ старика и попа по домамъ.

Несмотря на своеобразныя подробности сейчасъ приведенныхъ великорусскихъ разсказовъ, сходство ихъ, равно какъ и галицко-русскаго варіанта, съ редакціями Пельбарта и Паули настолько очевидно, что ихъ слѣдуетъ признать если не прямыми отголосками этихъ варіантовъ, то дѣтьми однихъ отцовъ, какихъ слѣдуетъ искать около дунайской области, откуда эта тэма могла легко зайти и въ Галичину. Впрочемъ, принявъ во вниманіе, что книга Пельбарта была распространена по всей Германіи, какъ и книга Паули, возможно, что разсказы на изложенную ими тэму перешли отъ нѣмцевъ не только въ Галичину, но и въ Великороссію, вмѣстѣ со многими подобными произведеніями, лубочными картинками и т. д., и тѣмъ болѣе, что шутка о собачьемъ или козлиномъ завѣщаніи должна была находить себѣ очень охотныхъ слушателей у сектантовъ-безпоповцевъ, вообще гораздо болѣе заимствовавшихъ у западныхъ протестантовъ, чѣмъ обыкновенно это предполагается людьми, спеціально изучающими наши расколы и ереси [1]).

---

[1]) Относительно охоты раскольниковъ къ распространенію подобныхъ разсказовъ, мы можемъ сослаться на сообщеніе покойнаго Павла Мельникова, который писалъ въ оффиціальной запискѣ: „можетъ ли народъ съ уваженіемъ смотрѣть на духовенство, можетъ ли онъ не уклоняться въ расколъ, когда то-и-дѣло слышитъ онъ, какъ одинъ попъ, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ-подъ подушки деньги, какъ другого вытащили изъ непотребнаго дома, какъ *третій окрестилъ собаку*"... и т. д. Въ примѣчаніи Мельниковъ прибавляетъ: „Нѣсколько страницъ можно наполнить такого рода примѣрами, означая время и мѣсто каждаго случая и не выходя притомъ изъ предѣловъ нижегородской губерніи" („Историческій Вѣстникъ", 1884, ноябрь, 304). Очевидно, чтобы священникъ могъ окрестить собаку,—т.-е. совершить дѣйствіе, подобное разсказанному въ нашей сатирѣ,—надо, чтобы кто-ни-

Обращаясь теперь къ украинской виршѣ, послужившей намъ исходной точкой для вышеизложеннаго изслѣдованія, мы видимъ, что она примыкаетъ первой своей половиной къ варіантамъ Паули и Пельбарта, вводя въ дѣло мужика,—но во всемъ остальномъ является отъ нихъ самостоятельною. Примыкаетъ она и къ великорусскимъ варіантамъ,—хотя весьма оригинально, а именно, къ обоимъ вмѣстѣ, тѣмъ, что вводитъ на сцену и собаку, и козла. При этомъ еще малороссійская вирша распоряжается этими животными вполнѣ самостоятельно, отводя каждому особенную роль въ сатирѣ. Эпизодъ посвященія козла,—эпизодъ, замѣтимъ, невозможный въ странахъ бритаго духовенства,—является въ украинской виршѣ совершенно оригинальнымъ, не встрѣчаясь ни въ одномъ до сихъ поръ извѣстномъ варіантѣ, ни восточномъ, ни западномъ. Возникъ ли онъ вполнѣ оригинально въ украинской виршѣ, или занесенъ откуда-нибудь изъ родственной, православной земли,—пока трудно рѣшить окончательно. Замѣтимъ только, что нѣкоторые великорусизмы въ языкѣ украинской вирши о мужикѣ Гаврилѣ, а также указаніе въ концѣ вирши на куреніе и нюханіе табаку, какъ на дѣйствія предосудительныя, даютъ основаніе предполагать существованіе великорусской раскольнической редакціи, средней между приведенными выше великорусскими анекдотами и малорусской виршей.

II.

Другое украинское „фабло“ сходно по характеру съ первымъ, хотя значительно превосходитъ его по литературной обработкѣ. Это—сатирическая вирша, напечатанная г. Кулишемъ въ его „Запискахъ о Южной Руси“ (т. II, 83—95), подъ заглавіемъ: „Баллада изъ временъ уніи“,—хотя, замѣтимъ мимоходомъ, въ ней нѣтъ ничего уніатскаго. Содержаніе этой вирши слѣдующее.—У бѣднаго мужика Кирика, какъ разъ среди жатвенной страды, умерло дитя, и онъ отправился къ попу просить о погребеніи ребенка въ долгъ до весны. Попъ не согласенъ ждать и требуетъ немедленнаго отработка Кирикомъ и женою по пяти дней. Мужикъ не согласенъ и рѣшаетъ, по совѣту помѣщика, самъ похоронить дитя. Когда Кирикъ сталъ копать яму, къ нему подошелъ неизвѣстный старикъ и показалъ другое мѣсто для

будь *подвелъ* его къ тому,—а такой охотно будетъ и разсказывать потомъ готовыя уже сатиры на такія дѣйствія.

ямы. На этомъ мѣстѣ Кирикъ выкопалъ котелокъ съ цѣлковыми, —послѣ чего, конечно, дитя его было похоронено съ возможною помпою: попъ получилъ пятнадцать цѣлковыхъ; поминальный обѣдъ былъ на славу. Воротившись домой, попъ сильно призадумался о томъ, откуда у Кирика деньги,—а „алчущая попадья“ посовѣтовала ему допросить мужика на исповѣди. Мужикъ признался, но, несмотря на угрозы попа, не согласился отдать выкопанныя „проклятыя“ деньги „на церковь“. Тогда попадья придумала средство: нарядила мужа въ воловью шкуру, т.-е. чортомъ, и отправила его ночью подъ окно Кирика требовать назадъ „чертовскія“ деньги. Кирикъ отдалъ, и попъ принесъ ихъ домой. Но вотъ бѣда: котелокъ „прикипѣлъ“ къ рукамъ, а воловья шкура къ тѣлу попа. Попадья бѣжитъ къ дому Кирика и проситъ выручить попа изъ бѣды,—но Кирикъ идетъ къ помѣщику, который собираетъ громаду и велитъ вести попа въ Почаевъ. Тамъ, при огромномъ стеченіи народа, несчастный проситъ Божью Матерь снять съ него воловью шкуру, обѣщая впредь не слушать жены.

На этомъ обрывается „баллада“ (?) у г. Кулиша. Послѣ, кобзарь, отъ котораго будто записана эта баллада, на вопросъ о попѣ, отвѣчалъ, что Божья Матерь не захотѣла простить его, и онъ такъ и умеръ въ воловьей шкурѣ. Въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго въ юго-западный край (т. II, 105—106), напечатана прозаическая редакція той же исторіи (Кирикъ; записано въ с. Мліевѣ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи), очень близкая къ стихотворной г. Кулиша: и въ ней деньги отстаютъ отъ рукъ попа, когда ихъ захотѣлъ отобрать Кирикъ, а шкура спадаетъ съ попа послѣ молитвы Почаевской Божьей Матери.

Относительно редакціи сатиры, напечатанной г. Кулишемъ, надо сдѣлать небольшую оговорку. Редакція эта помѣщена въ статьѣ: „Сказки и сказочники“, сдѣланной по тетради художника г. Льва Жемчужникова. Но, кромѣ сказокъ, въ концѣ статьи поставлены два стиха: Сатира о Кирикѣ и варіантъ извѣстной пѣсни о „Правдѣ и Неправдѣ“, какъ записанные отъ кобзаря Остапа (Вересая, пріобрѣвшаго потомъ столь большую извѣстность, бывшаго и въ Петербургѣ). Но варіантъ Остапа Вересая пѣсни о Правдѣ, который записанъ отъ него въ кіевскомъ отдѣлѣ Русскаго Географическаго Общества, сильно отличается отъ помѣщеннаго у г. Кулиша, а на вопросъ о Кирикѣ кобзарь отвѣчалъ, какъ сообщила кіевская газета „Трудъ“, что онъ такой пѣсни никогда не пѣлъ и о ней не слышалъ. Очевидно, что

издатель „Записокъ о Южной Руси“ приписалъ кобзарю Остапу матеріалы, полученные имъ другимъ путемъ.

Конечно, послѣ напечатанія въ „Трудахъ“ Чубинскаго прозаическаго разсказа о Кирикѣ, не можетъ быть сомнѣнія относительно народнаго источника „баллады“ г. Кулиша, но все-таки желательно было бы опубликованіе другихъ ея списковъ. Такіе списки и есть: такъ, въ „Кіевской Старинѣ“ были указанія на существованіе у разныхъ лицъ такихъ списковъ; наконецъ, мы слышали, что два списка были пересланы изъ подольской губерніи въ Кіевъ: въ отдѣлъ Географическаго Общества и въ редакцію „Кіевской Старины“, но почему-то до сихъ поръ не напечатаны.

Такимъ образомъ, послѣ всего сейчасъ сказаннаго, фабло о Кирикѣ слѣдуетъ признать довольно распространеннымъ по крайней мѣрѣ въ правобережной Украйнѣ и, значитъ, достаточно *народнымъ*,—а потому тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія.

При всей оригинальности подробностей и даже общей редакціи украинской сатиры, она все-таки оказывается, при сравнительномъ изслѣдованіи, только переработкой—правда, весьма своеобразной—сказки о пріобрѣтеніи бѣднякомъ сокровища, весьма распространенной по Азіи и Европѣ. Изъ множества варіантовъ этой сказки мы укажемъ здѣсь только такіе, по которымъ можно ясно прослѣдить эмбріологію нашей сатиры.

Такъ, въ афганскомъ варіантѣ одной изъ такихъ сказокъ, бѣднякъ, у отца котораго богатый сосѣдъ испортилъ единственнаго быка, несетъ шкуру бычачью и лѣзетъ съ нею ночевать на дерево; къ этому дереву собираются разбойники дѣлить добычу; испуганный бѣднякъ роняетъ шкуру, разбойники со страху убѣгаютъ,—и сокровище ихъ достается бѣдняку, который потомъ отшучиваетъ злыя шутки удивленнымъ его богатствомъ сосѣдямъ (изъ Thorburn, Bannu or our Afghan Frontier, 184, въ Romania, 1878, 589 – 590 [1]).

Изъ соотвѣтственныхъ западно-европейскихъ сказокъ эта подробность о коровьей кожѣ разработана особенно въ сказкахъ Франціи: въ пикардской, гдѣ мальчикъ роняетъ съ дерева коровью

[1]) Въ другихъ восточныхъ варіантахъ (монгольско-индійскомъ, индустанскомъ, сибирско-турецкомъ) роль коровьей кожи исполняютъ части тигра, конская голова или члены тѣла убитаго героемъ великана. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ разсказахъ, въ которыхъ похожденіе приписано по большей части счастливому дураку, вмѣсто кожи является *дверь*, которую дурень снялъ съ петель. Обзоръ распространенія этихъ подробностей см. въ Romania 1876, 1877 и 1878 гг. въ примѣчаніяхъ Cosquin къ лотарингскимъ сказкамъ, №№ X, XX, XXII.

кожу, совсѣмъ какъ въ афганской сказкѣ (Mélusine, I, 280); въ лотарингскихъ, напр., въ сказкѣ „René et son signeur" (въ Romania, 1876, 357—360), въ которой бѣднякъ уже надѣваетъ коровью кожу съ рогами себѣ на голову и въ такомъ видѣ настигаетъ въ лѣсу разбойниковъ (ср. тамъ же, 1877, № XXII, 1878, 589—590, и Luzel, Contes Bretons, p. 85), и въ бретонской, въ которой бѣднякъ-хитрецъ уже умышленно подкрадывается къ ворамъ, надѣвъ коровью кожу: „воры подумали, что это дьяволъ пришелъ унести ихъ, и убѣжали со всѣхъ ногъ" (Sébillot, Contes populaires de la Haute Bretagne, I, 213).

Параллельно съ этой сказкой распространилась по Азіи, Европѣ и тронутымъ арабскимъ вліяніемъ частямъ Африки другая, родственная ей, сказка о богатомъ и бѣдномъ сосѣдяхъ или братьяхъ, въ которой послѣдній богатѣетъ, а первый, сначала къ нему немилосердый, а потомъ завистливый, идетъ по слѣдамъ его, но терпитъ наказаніе. Основа этой сказки очень древняя, еще индо-буддійскаго происхожденія; она двинулась на Западъ, кромѣ устнаго способа, еще и литературно, черезъ арабскую „Калила и Димна" и ея средневѣковыя передѣлки, но уже давно въ самой Индіи успѣла пустить отъ себя нѣсколько ростковъ, отъ которыхъ въ прямой линіи пошли, между прочимъ, и европейскіе разсказы о *Правдѣ и Кривдѣ*, прекрасно извѣстные, конечно, и русской публикѣ[1]).

Между прочимъ, къ числу побѣговъ этой исторіи принадлежитъ и основа извѣстной повѣсти въ „Тысяча-одной ночи" объ „Али-Бабѣ и сорока разбойникахъ", въ которой только мотивъ о богатомъ и бѣдномъ братѣ слился съ мотивомъ о ловкомъ ворѣ, изложенномъ еще Геродотомъ въ легендѣ о казнѣ египетскаго царя Рампсе-

---

[1]) Мы боимся слишкомъ отягощать страницы не-спеціальнаго изданія не только обстоятельной генеалогіей, но даже библіографіей этой сказки, и ограничимся только указаніемъ на индійскіе разсказы въ Панчатантрѣ и комментаріи ихъ у Бенфея (Pantschatantra, II, 114—118, — о двухъ сосѣдяхъ, Добродумѣ и Злодумѣ; 256—258—о больномъ царевичѣ и женѣ его, царевнѣ, изгнанной, какъ Корделія.,—и вылечившей мужа и нашедшей кладъ, подслушавши разговоръ двухъ змѣй; I, 275—279, 370; см. также II, 358—360, I, 510—519,—о чудесномъ леченіи)—на тибетскій (Tibetan Tales derived from Indian sourses, transl. by Schieffner, done in to english by Ralston, LXI, 279—286) и на примѣчанія Р. Кёллера къ сербской сказкѣ въ Archiv für die slav. Philologie, V, 67 и слѣд., и Коскена къ французской въ Romania, 187, 345 и слѣд., и, наконецъ,—на малгашскій (съ о. Мадагаскара), въ Almanach des traditions populaires, III, 114—115. Украинскіе варіанты сказки о Правдѣ и Кривдѣ см. у Чубинскаго, Труды эксиедиціи, I, 185—6, II, 587—591. Великорусскіе—у Аѳанасьева, № 68. Оригинальная украинская версія у Драгоманова, Малор. нар. пред. и разсказы, стр. 49—50 (Не посылай брата къ чортовой матери).

нита,—какъ это видимъ въ соотвѣтствующей украинской сказкѣ (Рудченко: „Нар. южно-русск. сказки“, II, № 33), о которой мы еще должны будемъ сказать сейчасъ. Очень можетъ быть, что упомянутая выше сказка о добытіи бѣднякомъ (дурачкомъ или хитрецомъ) богатства у напуганныхъ разбойниковъ есть только позднѣйшая каррикатурная редакція этой ѫыло бо двухъ братьяхъ или сосѣдяхъ. Во всякомъ же случаѣ ѫанія толнимающей насъ сатиры примыкаетъ, по своей вовбуждали къ этой тэмѣ, — какъ это показываютъ и близкіе къ думалъ,азы, записанные въ русскихъ областяхъ.

Такъ, въ одной сказкѣ, замѣченной Барончем [illegible] личинѣ, бѣдный братъ выкапываетъ подъ деревомъ кладъ, указанный ему сномъ; богатый завидуетъ ему и, надѣвъ „дьявольскій мундиръ“ (въ изложеніи Баронча не сказано, какой), идетъ отнимать у брата кладъ, какъ попъ въ нашей сатирѣ. Конецъ, впрочемъ, тутъ нѣсколько иной, чѣмъ въ сатирѣ, ближе къ другимъ народнымъ сказкамъ: въ рѣшительную минуту является на сцену настоящій дьяволъ и спрашиваетъ переодѣтаго: „ты кто?“—Дьяволъ.—„Ну, теперь до того дошло, что и дьяволъ съ дьяволомъ бьется“,—сказалъ нечистый и вылетѣлъ съ переодѣтымъ въ трубу (Bar̨acz, тамъ же, 187—188, Skarb). Кромѣ указанныхъ чертъ, въ галицкомъ разсказѣ интересна подробность о томъ, какъ богачъ узнаетъ о добытіи бѣднякомъ клада, по золоту, прилипшему ко дну мѣрки, которую выпрашиваетъ у него для счета сокровища бѣднякъ,—подробность, которую встрѣчаемъ и въ арабской исторіи „Али-Бабы“, и въ ея параллели у Рудченка, и во многихъ другихъ разсказахъ, азіатскихъ и европейскихъ [1]).

Въ такой же, если даже не большей степени, близокъ къ нашей сатирѣ варіантъ великорусскій разсказа о богатомъ братѣ, напечатанный въ ставшей теперь библіографической рѣдкостью анонимной книжкѣ: „Русскія простонародныя легенды“ (Спб., 1861), подъ заглавіемъ „Завистливый“ (стр. 8—10). Здѣсь два бѣдняка выкапываютъ кладъ, вырывая могилу для старухи-матери. Богатый сосѣдъ надѣваетъ козлиную шкуру, чтобы выманить кладъ, но, воротившись домой, перепугиваетъ свою жену до смерти и потомъ такъ и остается на всю жизнь въ козлиной шкурѣ, съ рогами [2]).

---

[1]) Не только по этой подробности, но и по всей своей фабулѣ, съ галицкой сказкой сходна особенно чешская Chudý a boháč, у Б. Нѣмцовой. Národni báchorky a povèsti. Praha, 1880, II, 311—316.

[2]) Въ сибирско-турецкомъ варіантѣ сказки изъ круга Рампсенита царевичъ-воръ, надѣвъ козью шкуру, является *эльмъ* (чортомъ), который долженъ придти передъ кон-

Вотъ изъ такихъ-то „странствующихъ“ международныхъ сказочныхъ элементовъ сложилась украинская сатира на поповскую жадность; но уже въ этой окончательно-украинской редакціи, въ какой мы видимъ ее выше, сатира эта, въ свою очередь, пустилась въ странствіе и подмѣчена уже въ Великороссіи, гдѣ она им[illegible], и курьезную, не столько, впрочемъ, литературную, сколько бѣдняк[illegible]ую исторію.

Въ [illegible] коро[illegible] Иконникова: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“ (Спб., 1[illegible]р. 420) читаемъ: „Тогда (въ 1825 г.) Шишковъ написа[illegible] письмо къ государю (Александру I), въ которомъ указывалъ на дѣйствительные результаты буйнаго духа времени, каковы часто повторяющіеся воровство, грабежи, убійства, распространеніе раскола и неуваженія къ духовенству, которое подтверждалъ даже такимъ аргументомъ, какъ распространеніе въ народѣ молвы „о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся, для совершенія неистовства, въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ же къ нему и приросла“.

Но этого мало. Въ „Древней и Новой Россіи“ (1879 годъ, ноябрь, 403—409) читаемъ цѣлый разсказъ г. Дм. Завалишина: „Петербургскія легенды и событія въ 1825 г. Исторія попа съ рогами“. Приводимъ существенныя части изъ воспоминанія очевидца.

Однажды вечеромъ, въ 1825 году, г. Завалишинъ проѣзжалъ въ Петербургѣ мимо Казанскаго собора и замѣтилъ около большую толпу. Не обративъ на это особеннаго вниманія, разсказчикъ проѣхалъ мимо. Но дома кучеръ его сталъ просить отпустить его къ Казанскому собору „посмотрѣть на попа съ рогами“. Черезъ нѣсколько времени пришелъ къ г-ну Завалишину знакомый, который тоже настаивалъ на томъ, чтобы ѣхать къ собору.

„Мы отправились, — продолжаетъ нашъ авторъ, — но по Невскому проспекту не могли уже проѣхать къ Казанскому собору, а объѣхали кругомъ, по Мѣщанской. Однако, и тутъ не могли подъѣхать близко и должны были сойти съ дрожекъ и пошли проталкиваться къ собору сквозь толпу. Подойдя къ лѣвой колоннадѣ, мы увидѣли, что въ концѣ ея, прислонясь къ одной изъ колоннъ, стоитъ полиціймейстеръ Чихачевъ, обратясь лицомъ къ Невскому проспекту, и уговариваетъ толпу разойтись; но его увѣщанія и аргументація показались намъ нѣсколько странными, такъ какъ они относились не столько къ простому народу, со-

---

цомъ міра (Radloff, Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Südsibiriens, IV, 200).

ставлявшему главную массу, сколько въ людямъ повыше, пріѣхавшимъ въ экипажахъ, и даже въ дамамъ, смотрѣвшимъ изъ оконъ въ каретахъ. „Добро бы тутъ былъ только простой народъ, —говорилъ Чихачевъ,—а то я вижу и людей порядочныхъ, вижу, къ сожалѣнію, даже и дамъ, и притомъ въ такое время, когда добрымъ матерямъ семействъ приличнѣе, кажется, было бы находиться дома", и т. п. Въ отвѣтъ на такія увѣщанія толпа молчала, но у сидѣвшихъ въ экипажахъ они возбуждали только смѣхъ и не остались безъ возраженія. Кто-то вздумалъ, въ насмѣшку, аплодировать, а нѣкоторые голоса, и именно женскіе, кричали ему изъ экипажей, что вотъ онъ самъ видѣлъ попа съ рогами, а не хочетъ, чтобы и другіе также посмотрѣли. Между тѣмъ толпа все росла, болѣе и болѣе напирала къ собору, такъ что, несмотря на городовыхъ (тогдашнихъ будочниковъ) и жандармовъ, удерживавшихъ ее, нѣкоторые прорывались на лѣстницу и даже влѣзали сбоку на колоннаду; увѣренность, что попъ съ рогами дѣйствительно находится въ соборѣ, усиливалась еще тѣмъ, что всѣ двери собора были заперты и охранялись полиціею, а всѣ слышали, какъ толковали въ толпѣ, что духовенство, находившееся въ соборѣ при началѣ сборища, еще не выходило изъ него. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы вдругъ кто-то не пустилъ слухъ, что попа увезли изъ собора куда-то подземнымъ ходомъ, въ существованіе котораго тогда вѣрили, принимая, вѣроятно, за подземные ходы каналы для стока и отвода накопляющейся воды.

„Когда толпа немного порѣдѣла, мы протѣснились къ Чихачеву, который зналъ меня хорошо. Я спросилъ у Чихачева, что̀ значитъ это сборище и о какомъ попѣ съ рогами идетъ рѣчь? „Ну, вотъ подите же!—сказалъ онъ съ сердцемъ.—Кто и для какой цѣли пустилъ слухъ, разыскать еще не было времени; но разсказываютъ, что за какую-то провинность одного попа Богъ наказалъ тѣмъ, что у него козлиные роги выросли, и что вотъ привезли его сюда, и будетъ у Казанской молебствіе, чтобы Богъ помиловалъ попа и роги отпали бы, а молебствіе будетъ служить-де митрополитъ съ главнымъ духовенствомъ. Ну, вотъ народъ и взбѣленился. Да вѣдь не то, право, досадно,—продолжалъ онъ, — что набѣжало дурачьё, а то туда же полѣзли и барыни въ каретахъ. Право, не шучу, насчиталъ каретъ десятокъ; а изъ одной еще какая-то барыня и обругала меня, что не пропускаю въ соборъ".

„Уѣзжая отъ собора уже по Невскому, мы увидѣли, что у конца другой колоннады стоялъ оберъ-полиціймейстеръ въ такомъ

же положеніи, какъ Чихачевъ, но насильственнаго разогнанія толпы, однако же, не было; она разошлась сама собою.

„На другой день, рано утромъ, пришедшій ко мнѣ съ рапортомъ отъ роты дежурный сказалъ мнѣ, что изъ экипажа (такъ назывались тогда не отдѣльныя команды судовъ, а батальоны матросовъ), велѣно нарядить людей и, взявши, вмѣстѣ съ полицейскими служителями, пожарныя трубы изъ Новаго Адмиралтейства (гдѣ, на случай пожара судовъ на рѣкѣ, имѣлась большая пожарная команда), поспѣшить на маломъ Бердовскомъ пароходѣ къ Невскому монастырю, гдѣ начала снова собираться толпа народа по слуху, что попъ съ рогами былъ увезенъ наканунѣ изъ Казанскаго собора въ Невскій монастырь. Подъ Невскимъ же дѣло началось съ того, что на разсвѣтѣ нѣсколько неизвѣстныхъ людей, одинъ человѣкъ за другимъ, бѣжали по идущимъ къ монастырю улицамъ и на бѣгу кричали спрашивавшимъ ихъ дворникамъ и другимъ попадавшимся на улицѣ людямъ, куда это и зачѣмъ они бѣгутъ, — что сегодня непремѣнно можно будетъ видѣть попа съ рогами въ Невскомъ монастырѣ, и, разумѣется, увлекали за собою любопытныхъ. Между тѣмъ, въ монастырѣ, потому ли, что были уже предувѣдомлены, или просто изъ предосторожности, въ виду бывшаго наканунѣ сборища у Казанской, но только сбѣжавшаяся толпа нашла ворота въ монастырѣ уже запертыми, что̀, разумѣется, и послужило толпѣ какъ бы подтвержденіемъ того, что говорили бѣжавшіе люди. Пока народа было еще не слишкомъ много, толпа стояла смирно въ ожиданіи, что ворота отопрутъ скоро и безъ всякаго требованія, и только шли разговоры и толки о чудесномъ происшествіи. Но когда народа собралось уже довольно вслѣдствіе распространившагося постепенно по городу извѣстія, что попъ съ рогами находится въ Невскомъ монастырѣ, и что народъ туда стремится, то толпа начала шумѣть и причитать, чтобъ отперли ворота. Но вотъ, въ окнѣ церкви, что надъ воротами, появилось какое-то духовное лицо (думали, что это самъ митрополитъ) и стало увѣщевать народъ, чтобы разошлись, что никакого попа съ рогами нѣтъ, что все это пустые, глупые слухи, выдумка какихъ-нибудь злонамѣренныхъ людей. Но въ отвѣтъ на это, толпа, замолкшая на минуту при появленіи въ окнѣ говорившаго съ нею, снова начала шумѣть и сильнѣе еще кричать и требовать, чтобы ее впустили въ монастырь. Наконецъ, кто-то крикнулъ: „Да что, братцы, слушать! сами отворимъ ворота! Строй лѣстницу, полѣзай чрезъ стѣну!“ Мигомъ нѣсколько человѣкъ уперлось руками въ стѣну; другихъ стали подсаживать имъ на плечи, чтобы пе-

релѣзть чрезъ стѣну; но тутъ прибывшія на пароходѣ пожарныя трубы начали дѣйствовать, а полицейскіе разгонять толпу, хватать первыхъ попадавшихся подъ руку и отводить на пароходъ; однако же, несмотря на это, нашлись такіе упорные, которые, закрываясь одною рукою отъ воды, бившей прямо имъ въ лицо, все еще старались взобраться на стѣну; но когда послышался крикъ: „солдаты! солдаты!“—толпа быстро разбѣжалась. Затѣмъ полиція захватила еще нѣсколько отсталыхъ изъ бѣжавшихъ, и сборище нигдѣ болѣе не возобновлялось. Но еще въ тотъ же день, къ вечеру, стало извѣстно, что вся исторія попа съ рогами, будто бы привезеннаго въ Петербургъ, была продѣлкою мошенниковъ, которые бѣгали по улицамъ и кричали о попѣ съ рогами именно для того, чтобы увлечь изъ домовъ дворниковъ и другую прислугу, и, пользуясь этимъ, обокрасть покинутые безъ присмотра домы, потому что, какъ обнаружилось, дѣйствительно въ это утро не мало домовъ, по близости монастыря, было обворовано.

„Но что же могло подать поводъ сочинить такую исторію о привозѣ попа съ рогами, которою мошенники такъ ловко воспользовались? Оказалось, что въ основѣ слуха было дѣйствительное приключеніе съ однимъ попомъ, хотя въ самомъ приключеніи этомъ и не было ничего чудеснаго.

„Разсказы объ этомъ приключеніи были очень разнообразны. Самое правдоподобное изложеніе, извлеченное изъ сравненія многихъ разсказовъ, заключалось въ слѣдующемъ: въ одной изъ юго-западныхъ губерній (это подтверждается однимъ мѣстнымъ выраженіемъ въ разсказѣ), въ одномъ селѣ, жили въ избѣ на краю селенія бобыли, старикъ со старухою. Они питались почти подаяніемъ, потому что все ихъ ремесло состояло въ вязаніи вѣниковъ, за которые имъ платили не деньгами, а кусками хлѣба. Но вотъ старуха умерла, и старикъ отправился къ попу просить похоронить ее, но попъ затребовалъ за отпѣваніе „*карбованецъ*“ (мѣстное выраженіе, означающее „цѣлковый“); и когда старикъ сказалъ попу, что откуда ему, старику, взять такія деньги, то попъ прогналъ его и сказалъ: „ну, такъ хорони свою старуху самъ“. Всплакался старикъ и пошелъ рыть могилу возлѣ своей лачужки; но при рытьѣ наткнулся на кладъ, на горшокъ съ серебряными деньгами, которыя посыпались, когда горшокъ былъ разбитъ ударомъ лопаты. Обрадованный старикъ, схвативъ нѣсколько монетъ, побѣжалъ съ ними къ попу, чтобы заплатить впередъ за похороны, и на вопросъ попа, откуда онъ досталъ столько денегъ, разсказалъ въ простотѣ все какъ было. Когда старикъ ушелъ, то попадья стала разсуждать: зачѣмъ-де бобылю столько денегъ,

и какъ бы хорошо было выманить ихъ или отобрать у него? Толковали, разсуждали, придумывали разныя средства, и остановились, наконецъ, на томъ, что лучше всего напугать его, благо у него въ хатѣ и мертвецъ, и что попъ для этого долженъ нарядиться чортомъ и сказать старику, какъ онъ смѣлъ тронуть и взять себѣ зареченный, принадлежащій чорту кладъ, и что онъ, чортъ, возьметъ за это душу его старика, если тотъ не отдастъ все, что нашелъ. Тутъ, однако, разные разсказы не согласны: одни говорятъ, что для того, чтобы попу нарядиться чортомъ, нарочно убили козла; другіе—что самая мысль нарядиться въ шкуру козла потому и пришла попадьѣ въ голову, что въ тотъ день, по какому-то случаю, былъ убитъ козелъ и шкура съ головою висѣла въ сѣняхъ,—что правдоподобнѣе, потому что убивать ночью козла и снимать съ него шкуру въ то самое время, когда она понадобилась, причинило бы несвоевременныя хлопоты и возбудило бы суету, которая непремѣнно потревожила бы спящихъ домашнихъ и обратила ихъ вниманіе на происходящее. Но такъ или иначе, только достовѣрно, что попъ, когда всѣ домашніе улеглись, нарядился въ козлиную, еще сырую шкуру, съ головой и рогами; но какъ на бѣду, едва только онъ хотѣлъ отправиться на свое предпріятіе, какъ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ, и на улицѣ поднялось движеніе народа. Что дѣлать? Вотъ попадья и присовѣтовала, чтобы попъ не раздѣвался, а прилегъ бы, какъ есть, наряженный, и немного соснулъ, пока проѣзжій уѣдетъ и народъ разойдется, — тогда она разбудитъ его. Между тѣмъ, до прекращенія движенія на улицѣ, времени прошло не мало. Однако, когда на улицѣ все затихло, и попадья, открывъ окно и выглянувъ на улицу, увидѣла, что на ней никого нѣтъ, она разбудила попа. Онъ вылѣзъ въ окно и отправился къ бобылю. Какъ разсчитывала попадья, такъ и сдѣлалось. Испуганный старикъ все отдалъ, и попъ съ торжествомъ возвратился домой, радуясь уже удачѣ и тому, что его никто не замѣтилъ на улицѣ. Но вотъ, когда онъ захотѣлъ поспѣшно раздѣться, то оказалось, что сдѣлать это не легко, потому что, естественно, отъ жара въ избѣ и отъ теплоты тѣла сырая и клейкая шкура козла, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, пока онъ спалъ и ходилъ, присохла къ волосамъ и тѣлу, и скинуть ее вдругъ, не отмочивши, было невозможно. Тутъ разсказы опять разногласятъ: одни говорили, что попъ и попадья, не сообразивъ вдругъ, что шкура должна присохнуть и не можетъ быть сдернута разомъ, вообразили, вслѣдствіе нечистой совѣсти, что это—божеское наказаніе,

что шкура и голова съ рогами приросли къ тѣлу, — взвыли и разбудили тѣмъ домашнихъ.

„Другіе утверждали, что попъ закричалъ просто отъ того, что попадья, въ попыхахъ, желая пособить попу поскорѣе раздѣться, неосторожно дернула шкуру козла и вмѣстѣ съ нею, разумѣется, и присохшіе къ ней волоса, такъ что попъ закричалъ отъ боли. Третьи утверждали, что въ суетѣ, торопясь достать изъ печи горшокъ съ теплою водою, чтобы отмочить шкуру и освободить волоса, она уронила горшокъ на полъ, и т. п. Какъ бы то ни было, но только разбуженные горшкомъ и шумомъ въ комнатѣ попа всѣ домашніе, полагая, что забрались воры, сбѣжались и застали попа еще въ козлиной шкурѣ. А какъ на бѣду, у него въ это время ночевали еще и проѣзжіе торговцы, которые также прибѣжали; и такимъ образомъ явились и посторонніе свидѣтели. Мигомъ разнеслась вѣсть по селенію. Сбѣжался народъ. Дошелъ слухъ и до бобыля, которому, конечно, и объяснилось теперь сразу, какой это приходилъ къ нему чортъ; а бобыль разъяснилъ все дѣло другимъ, и сталъ требовать, чтобы попъ отдалъ ему кладъ. Извѣстіе объ этомъ происшествіи дошло, разумѣется, скоро и до начальства, и до консисторіи, которыя рады были случаю поприжать попа, тѣмъ болѣе, что попъ извѣстенъ былъ за человѣка богатаго. Произведено было слѣдствіе, по окончаніи котораго дѣло было будто бы прислано изъ мѣстной консисторіи въ синодъ, и вслѣдствіе этого разнеслось извѣстіе о немъ и въ Петербургѣ, съ прибавленіемъ, что и самого попа привезли, — тогда какъ прислано было только дѣло о немъ. Были любопытные, которые, стараясь разузнать все обстоятельнѣе, разспрашивали у знакомыхъ синодальныхъ чиновниковъ. Но тѣ отвѣчали, что сами слышали объ этомъ происшествіи только частнымъ образомъ, но что въ синодъ никакого подобнаго дѣла не поступало. Впрочемъ, быть можетъ, имъ не велѣно было оглашать его; а гласности, сообщающей, какъ дѣлается теперь, о всякомъ болѣе или менѣе занимательномъ происшествіи, тогда еще не существовало, и не было поэтому никакихъ средствъ къ повѣркѣ слуховъ. Достовѣрно только одно: чрезъ разспросы частныхъ лицъ выяснилось вполнѣ, что задолго еще до сборища у Казанской и подъ Невскимъ вся исторія попа съ рогами разсказывалась уже на разные лады въ Петербургѣ, вслѣдствіе сообщенія письмами или пріѣзжими изъ того мѣста, гдѣ дѣйствительно случилось описанное выше происшествіе. Объ этомъ вспомнили многіе, слышавшіе разсказы до упомянутыхъ сборищъ, и очевидно, что, наконецъ, мошенники

воспользовались слышанною ими исторіею, чтобы возбудить волненія и сборища для своихъ цѣлей".

Мы нарочно сдѣлали довольно длинныя выписки изъ разсказа г. Завалишина, какъ потому, что онъ, самъ того не подозрѣвая, даетъ намъ петербургскіе варіанты нашей малороссійской сатиры, такъ и потому, что самыя объясненія г-на Завалишина къ крайне „глупому слуху" кажутся намъ очень характерными. Въ этихъ объясненіяхъ г. Завалишинъ пошелъ по слѣдамъ наивныхъ раціоналистовъ,—отъ Геродота до самого Ренана, — желавшихъ реалистически истолковать миѳы,—и въ сущности показалъ себя по-своему столь же вѣрующимъ въ основу миѳа о попѣ съ рогами, какъ и петербургская масса 1825 года. А между тѣмъ все тогдашнее петербургское волненіе было ни чѣмъ другимъ, какъ литературнымъ отголоскомъ сатиры, которая зашла на сѣверъ Россіи изъ правобережной Украйны, а вовсе не результатомъ какого-то факта, принятаго и г-мъ Завалишинымъ за дѣйствительность. Что именно съ юга пошелъ въ Петербургъ этотъ отголосокъ, видно и изъ разсказа г. Завалишина, указывающаго на юго-западную губернію. Доносъ Шишкова намекаетъ на участіе раскольниковъ въ переносѣ этого отголоска.

Впрочемъ, разставаясь съ нашей сатирой, мы напомнимъ, что въ началѣ 1884 года отдѣлъ „Смѣси" многихъ австрійскихъ газетъ былъ украшенъ слѣдующимъ курьезомъ:

„Дьяволъ въ телячьей шкурѣ. Въ деревнѣ Шатаръ, въ Венгріи, ночью передъ кроватью одной крестьянки, мужъ которой не ночевалъ въ этотъ разъ дома, вдругъ появился теленокъ, который всталъ на дыбы и человѣческимъ голосомъ потребовалъ отъ крестьянки денегъ. Женщина помертвѣла отъ страха и только лепетала: „крестная сила съ нами". Теленокъ объявилъ, что онъ— самъ чортъ, и она должна отдать ему свои деньги. Крестьянка со слезами отдала бывшіе у нея 200 флориновъ, но чортъ былъ этимъ недоволенъ и требовалъ больше. Та клялась, что у нея больше нѣтъ ничего. Чортъ-теленокъ схватилъ тогда изъ люльки ея ребенка и грозился унести съ собою. Крестьянка сказала, что у нея въ подпольѣ есть много мяса, которое онъ можетъ взять себѣ. Дьяволъ зажегъ свѣчку и спустился въ подвалъ. Въ это время по деревнѣ проходилъ ночной патруль. Увидавъ въ подвалѣ огонь въ такое неурочное время, солдаты спустились туда и на лѣстницѣ встрѣтились съ теленкомъ, шедшимъ на двухъ ногахъ. Они тотчасъ же забрали его и повели къ деревенскому судьѣ; но его дома не оказалось, и жена его не знала, куда онъ отлучился. Чорта подъ карауломъ оставили тутъ. Вдругъ жена

судьи вскрикнула: „Господи, да на немъ сапоги моего мужа!" Съ арестованнаго стащили телячью шкуру, и всѣ присутствовавшіе съ изумленіемъ увидали, что это былъ наряженный самъ сельскій судья. На другой же день его отправили подъ конвоемъ въ городъ".

Дѣйствительно ли случилось въ Венгріи подобное происшествіе, или оно сдѣлано какимъ-нибудь газетчикомъ изъ ходячей сказки (что̀ бываетъ!), и если случилось, то вдохновился ли герой его подобной сказкой, или своимъ умомъ придумалъ „дьявольскій мундиръ",—не беремся судить.

Въ заключеніе упомянемъ, что совершенно однородна съ повѣстью о Кирикѣ—сказка (тоже вполнѣ оригинальная) о попадьѣ, которая крала у бѣдной крестьянки куръ и которая, въ наказаніе за то, обросла къ свѣтлому празднику куриными перьями [1]). Но мы не останавливаемся на ней и другихъ подобныхъ малороссійскихъ разсказахъ, такъ какъ они изложены не стихами. Такихъ разсказовъ осталось намъ отъ старины не мало, и количество ихъ въ послѣднее время должно возрастать по мѣрѣ развитія сектантства. По крайней мѣрѣ наблюдатели „штундистовъ" говорятъ, что среди нихъ ходитъ много сатирическихъ разсказовъ о духовенствѣ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто не записалъ этихъ разсказовъ. А между тѣмъ, кромѣ всего прочаго, эти разсказы были бы очень интереснымъ матеріаломъ для исторіи самостоятельнаго общенія нашего народа съ Западомъ. На сатирѣ о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ мы видѣли примѣръ такого общенія. Теперь же, когда цѣлое т.-наз. штундистское движеніе есть, въ сущности, отголосокъ европейско-американскаго баптизма,—хотя, конечно, обусловленный и видоизмѣненный мѣстными обстоятельствами,—количество подобныхъ примѣровъ должно было возрасти.

К. Г.

---

1) Малоросс. народн. преданія и разсказы, 154—155.

КЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Окончаніе.

II [1]).

Мои скитанія по степямъ затянулись на довольно долгое время. Глазъ постепенно притерпѣлся къ степнымъ видамъ, несмотря на ихъ оригинальность. Сперва поражало уже то, что, отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ деревни, вдругъ очутишься среди какого-то безбрежнаго, ровнаго пространства: ни жилья, ни дерева, ни воды—ничего не видно; только кое-гдѣ небольшія углубленія — балочки. За то горизонтъ—открытый со всѣхъ сторонъ. Небо все, цѣликомъ, предъ вами; ни одна часть его не заслоняется какимъ-либо земнымъ предметомъ. Особенно это обращаетъ на себя вниманіе въ ясную, звѣздную ночь. Тутъ отъ наблюдателя ни одна звѣздочка не укроется. Не за что ей спрятаться. При видѣ этого невольно приходитъ въ голову: вотъ гдѣ бы слѣдовало строить обсерваторіи — въ степи; въ Пулковѣ какая крупная обсерваторія, сколько въ ней инструментовъ, сколько затрачено денегъ, а подъ Петербургомъ бо́льшую часть года — небо въ облакахъ; направляй на него какой хочешь совершенный инструментъ — все ничего не увидишь. А здѣсь, въ степи—какая роскошь была бы для астронома: и небо со всѣхъ сторонъ открыто, и гляди на него хоть круглый годъ. Куда производительнѣе была бы затрата на инструменты.

Но вотъ вдругъ среди степи показывается высокій земляной курганъ. Кто его насыпалъ—это почти такая же загадка, какъ загадка

[1]) См. выше: іюнь, 756 стр.

о строителѣ той или другой египетской пирамиды. Стоитъ онъ высокій, одинокій, среди широкой равнины, и молчитъ о своемъ происхожденіи, только дразня воображеніе. А иногда, среди такой же широкой степи, покажутся два высокихъ кургана рядомъ или даже три. Зачѣмъ тутъ понадобилось удвоеніе и утроеніе, и кому—Богъ вѣсть; предположеній и толкованій много. Взойдешь на верхъ кургана—видъ всюду великолѣпный; а на иномъ курганѣ замѣтны и слѣды заступа: уже чья-то „желѣзная лопата" въ ветхую земляную грудь пыталась „врѣзать путь", чтобы „добыть мѣди или злата", да такъ ничего и не добыла. Копали, повидимому, и глубоко, да бросили. Должно быть, и копалъ-то неумѣло какой-нибудь вольнопрактикующій искатель съ сильно разогрѣтымъ воображеніемъ. А среди другого кургана, на полувысотѣ—крестикъ деревянный: кого-то вздумали здѣсь похоронить.

Курганы исчезли съ горизонта; опять пустота. Но вотъ впереди что-то бѣжитъ, словно подгоняемое легкимъ вѣтеркомъ. Это не люди и не животныя, а степное растеніе „перекати-поле". Растеніе это, невысокое, съ твердымъ стеблемъ и съ вѣточками, расположенными на манеръ сосновыхъ, имѣетъ форму деревца. Когда стебель подсохнетъ, вѣтеръ подламываетъ его у корня, и „перекати-поле" начинаетъ катиться по полю; катится оно безостановочно, долго, цѣлыя вёрсты, и представляетъ очень своеобразный видъ. Иногда два-три экземпляра катятся рядомъ, и издали кажется, будто бѣгутъ какія-то живыя существа. А то среди пустой равнины вдругъ покажутся столбики желѣзно-дорожнаго пути или желѣзно-дорожная станція. Видъ послѣдней также своеобразенъ: высокое, двухъ-или трехъ-этажное строеніе со смежными пристройками представляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающею безграничною равниною. Кажется, будто тутъ съ неба упалъ какой-то огромный камень, да такъ на мѣстѣ и остался, не имѣя ничего общаго съ окрестностью. Внутри дворика станціи шевелится жизнь, а сейчасъ за оградою—страна полнаго безмолвія, оживляемая развѣ сусликами.

Виды не безъинтересны, но за то въ пути даютъ себя сильно чувствовать физическія лишенія. Временами крѣпко жжетъ солнце или мочитъ дождь, достается бокамъ отъ некомфортабельности „экипажа" да вопіетъ о своихъ правахъ желудокъ. Экипажъ здѣсь—или крестьянская повозка, или позаимствованный у колонистовъ открытый „фургонъ". Этотъ послѣдній представляетъ четвероугольный, длинный деревянный ящикъ, который въ верхней части широкъ, а въ нижней съуженъ. Можно сказать, что онъ имѣетъ нѣкоторое подобіе гроба. Для бóльшаго удобства сидѣнія внутри вставляется нѣчто въ родѣ подвижной скамейки со спинкою, которую крестьяне

прозвали „колыскою“ (люлька). Эту „колыску“ можно придвигать и къ передней, и къ задней части фургона, какъ угодно. Обыкновенно ставятъ ее по срединѣ, чтобы за нею оставалось въ фургонѣ еще достаточное пространство для склада вещей. Съ виду вещь очень громоздкая, но всего хуже, что „колыска“ часто очень некрѣпко держится на мѣстѣ. Случится хорошій толчокъ, такъ и опрокинешься назадъ вмѣстѣ съ колыскою. Впрочемъ фургонъ все-таки удобнѣе повозки, сидя въ которой, на пространствѣ десяти или двадцати верстъ, приходится перемѣнить много самыхъ неудобныхъ позъ и ёжиться на разнообразнѣйшія манеры.

Питаніе также очень некомфортабельное. Чаще всего въ пути приходится довольствоваться яйцами да творогомъ и сметаною. Творогъ—это первое блюдо, а яичница или вареное яйцо—второе и послѣднее, за которымъ идетъ уже неизмѣнное прибѣжище путника—чай, благо самовары даже въ южной степи порядочно распространились. Заѣдешь не то что въ волостное правленіе, а даже въ только-что выведенную переселенческую деревню—и тамъ самоваръ отыщутъ; если не у болѣе зажиточнаго мужика, то у какого-нибудь сосѣдняго приказчика, а все-таки найдется. Имѣлъ-было я сначала дерзкую мысль питаться жареными курами, въ разсчетѣ, что куры-то ужъ вездѣ найдутся, но скоро долженъ былъ бросить это поползновеніе, убѣдившись на опытѣ, что южныя бабы умѣютъ изъ всякой курицы сдѣлать нѣчто несокрушимое, въ родѣ подошвы, для разгрызанія которой нужны желѣзные зубы. Однако, кормиться яйцами да творогомъ можно день, два, а потомъ уже становится не въ моготу. Тутъ радъ-радешенекъ добраться даже до станціи желѣзной дороги: какъ ни неприхотливы *menu* тамошнихъ буфетовъ, какъ ни подозрительна бываетъ свѣжесть алиментовъ, особенно въ степи,—гдѣ идетъ только одинъ пассажирскій поѣздъ въ день, да и то не людный,—а все какъ будто удобоваримѣе. Одно только благо сопровождаетъ васъ въ подобномъ пути—сонъ; но и имъ нельзя слишкомъ пользоваться, потому что вечернее и утреннее время—самое удобное для занятій. Въ дневной же зной приходится и себя мучить, и людей томить.

Объѣхавъ нѣсколько новыхъ переселенческихъ деревень, я убѣдился, что почти вездѣ приходится наталкиваться на нѣкоторыя явленія, замѣченныя мною въ первыхъ посѣщенныхъ селеніяхъ и тогда показавшіяся мнѣ случайностью. Такъ, нигдѣ я не нашелъ на мѣстѣ полнаго состава первоначальныхъ переселенцевъ; точно также почти вездѣ оказывались новые, и въ большинствѣ случаевъ находилось не мало людей, принесшихъ съ родины порядочныя деньги. Если главная масса переселенцевъ на мѣстѣ и уже обстроилась или

строится, то многіе состоятъ въ „нѣтѣхъ". Тотъ раздумалъ переселяться, этотъ переуступилъ свою долю земли другому, третій пришелъ, посмотрѣлъ, да назадъ вернулся, испугавшись незнакомыхъ хозяйственныхъ условій, и т. д. Тамъ не пришло всего трое или четверо, здѣсь уже отсутствуетъ десятокъ или полтора, а въ большомъ селеніи, дворовъ на сто, не досчитываются и двадцати. Въ среднемъ выводѣ выходитъ, что отсутствуетъ около четвертой или пятой части; и вездѣ же на замѣну отказавшихся являются новые охотники, только ихъ втрое меньше, чѣмъ отказавшихся. Это, конечно, благодаря двумъ послѣднимъ неурожаямъ, сильно напугавшимъ мужика. Застройка же селеній на бывшихъ пустыряхъ идетъ очень живо. Иныя селенія поражаютъ даже своею внѣшностью. Смотришь, выросло на пустырѣ около ста новыхъ дворовъ, хаты, очень недурныя, довольно при нихъ пристроекъ,—размахиваютъ крыльями четыре большія вѣтряныя мельницы, во дворахъ стожки новаго хлѣба, тамъ молотятъ, здѣсь вѣютъ и т. д. Тутъ ужъ видно, собрался наиболѣе зажиточный народъ. И точно, на повѣрку выходитъ, что большинство принесли по нѣскольку сотъ рублей изъ дому, а нѣкоторые —даже тысячи. Помню, какъ я былъ удивленъ показанію одного мужика, заявившаго, что продажею земли и построекъ на родинѣ онъ пріобрѣлъ 2.000 рублей. Но каково было мое удивленіе, когда выступившій вслѣдъ за нимъ объявилъ 4.000 рублей, и наконецъ еще одинъ—даже 5.000 рублей! Эти послѣдніе были уже совершенными исключеніями.—Откуда же ты взялъ столько денегъ?—спрашиваю. —Была у меня надѣльная земля, да еще купленныхъ нѣсколько десятинъ, да еще „гай" (лѣсъ) былъ: я все это продалъ, и тутъ въ степи купилъ себѣ еще больше,—отвѣчалъ онъ. У четырехтысячника было подобное же объясненіе. Очевидно, эти люди шли не отъ нужды, а по разсчету, съ цѣлью разживы. Но совсѣмъ не то представляли остальные. Если у нихъ были сотни рублей, а иногда встрѣчалась и тысчёнка, то все это легко было добыть продажею 5 или 4 десятинъ надѣла съ усадьбами и постройками, особенно когда послѣднія были хороши. На 4 или 5 десятинахъ было слишкомъ тѣсно семьѣ въ 5 или 6 душъ, а впереди, съ каждымъ годомъ, должно было становиться еще тѣснѣе. Ясно, что для большинства выселеніе было положительною необходимостью, насущною нуждою. Стало быть, въ данномъ случаѣ нѣсколько богачей просто примѣшались къ массѣ малоземельныхъ, нуждающихся. Однимъ выселеніе обѣщало выходъ изъ тѣсноты, другимъ—разживу, но тѣмъ и другимъ выселяться былъ разсчетъ. Да не было недостатка и въ сторонникахъ побудителяхъ къ переселенію. Агенты продавцовъ, ищущихъ выгоднаго сбыта своихъ земель, да спеціальные посредники по устройству купли-продажи зе-

мель, со взятіемъ куртажа съ обѣихъ сторонъ, давно уже расплодились въ достаточномъ количествѣ. Не прибѣгая къ помощи газетъ, и продавцы, и посредники разсылаютъ объявленія по волостямъ, вызываютъ покупщиковъ, командируютъ факторовъ, и вообще образовалась уже цѣлая новая отрасль промышленности по подобнымъ дѣламъ.

Случалось, на вопросъ:—какъ вы отыскали купленную землю?—получать въ отвѣтъ: „Помѣщикъ —цкій вызывалъ покупщиковъ на свою землю. Пришла объявка и къ намъ въ волость. Вотъ, мы пошли, осмотрѣли, да только —цкій очень дорого просилъ. Мы у него не купили, а тутъ же по сосѣдству нашли себѣ другую землю“. Выходитъ, что съ одной стороны крестьяне высылаютъ ходоковъ высматривать землю въ степи, а съ другой — и степные помѣщики разыскиваютъ покупщиковъ-крестьянъ.

Выбравшись изъ мѣстности неурожая и проѣхавъ верстъ двѣсти, въ другой уѣздъ, гдѣ, по слухамъ, положеніе было благополучнѣе, разъ, подъ вечеръ, я попалъ въ большую переселенческую деревню. Обстроена она была очень недурно: хаты новыя, довольно большія, землянокъ почти не видно. Посреди деревни протекаетъ маленькая рѣчка; прилегающія къ деревнѣ поля тоже имѣли хорошій видъ. Тамъ стоятъ довольно частыя копны озимаго хлѣба, а яровой хотя еще на корню, но густой, хорошій. Видно, что слухи были небезосновательны. Показали мнѣ избу старосты. Подъѣзжаю туда и спрашиваю:—гдѣ бы тутъ остановиться и ночевать?—А гдѣ-жъ больше, заѣзжайте сюда,—отвѣчаетъ пожилой мужикъ. Вхожу въ хату, втаскиваютъ туда мои вещи, раздобыли самоваръ, и пока его разогрѣвали, начинаемъ бесѣду.—Какъ бы мнѣ собрать вашихъ мужиковъ?—„А что-жъ, я ихъ хоть за-разъ соберу“. — Да успѣешь ли, поздно вѣдь? — „Ничего, соберутся хоть къ ночи“.

Для меня это, конечно, было удобно, такъ какъ время дорого и потерять свободный вечеръ было бы жалко. Но я сомнѣвался, чтобы люди дѣйствительно могли собраться такъ скоро, тѣмъ болѣе, что селеніе большое, въ которомъ числилось до полутораста дворовъ. Однако староста разослалъ человѣкъ пять сосѣдей въ разные концы деревни, и не прошло получаса, какъ уже десятка три мужиковъ собрались на улицѣ, а затѣмъ къ нимъ то-и-дѣло подходили по два, по три. Набралось столько, что бо́льшаго числа нельзя было и желать, для полученія самыхъ подробныхъ свѣденій. Въ хатѣ они умѣститься не могли, да при сборѣ большаго числа и при маленькихъ окнахъ малороссійской хаты стало бы слишкомъ душно. И

вотъ, когда совсѣмъ смерклось, вынесли на дворъ маленькій столикъ да скамейку, поставили на столикѣ керосинную лампочку,— разумѣется, безъ колпака, считаемаго крестьянами роскошью,—и можно было начать разговоры съ цѣлымъ обществомъ, дѣлая тутъ же отмѣтки карандашомъ. Удобно, свѣжо, и все было бы ладно, только ночные мотыльки вьются надъ лампою и прилипаютъ къ мокрому стеклу въ такомъ множествѣ, что постоянно мѣшаютъ. Не мало ихъ потомъ оказалось между листами бумаги, на которой я записывалъ, въ качествѣ сувенировъ степной деревни. Замѣчательна эта быстрота собиранія народа. Но мнѣ и послѣ приходилось встрѣчаться съ нею. Въ какой-нибудь часъ соберется чуть не вся деревня, какъ бы она велика ни была. Другая интересная черта—охота, съ какою даются показанія. Если одинъ въ чемъ-нибудь ошибется—другіе сейчасъ же поправятъ. Да и самъ показывающій старается быть точнымъ. Скажетъ онъ, напримѣръ, что продалъ имущество на родинѣ за 420 р., но потомъ спохватится, немного подумаетъ и поправится: „Ни, не такъ я сказалъ; я взялъ четыреста и тридцать и четыре". Иной подойдетъ сдѣлать какую-нибудь мелочную поправку, когда разговоръ съ нимъ уже совсѣмъ оконченъ и послѣ него говорили уже нѣсколько человѣкъ.

Оказалось, что здѣсь группа крестьянъ около полутораста хозяевъ купила большой кусокъ сплошной степи, больше полуторы тысячи десятинъ.—„Афишка" къ намъ въ волость пришла,—говорятъ,—что такой-то купецъ имѣніе продаетъ; ну, человѣкъ десять изъ насъ пошли смотрѣть землю и сторговали.—А тутъ немедленно вмѣшалось посредничество агента нотаріуса — дѣло и пошло. Дали мужики 80 тысячъ и почти все получили изъ банка. Приплачивать пришлось пустяки, оттого и устроиться было легче, и дѣлежъ вышелъ ровнѣе. Человѣкъ 20 получили отъ 15 до 40 десятинъ, а остальнымъ почти всѣмъ досталось по 10 десятинъ или около того. Надо было поднять огромный кусокъ цѣлины, до которой почти не дотрогивался плугъ, и много на это мужики потратили труда и денегъ; но кстати у нихъ былъ денежный запасъ. Тутъ огромное большинство продали надѣлы или были безземельными и первые обзаводились нѣсколькими сотнями рублей. Большинство получало отъ 200 до 600 рублей, но былъ одинъ, добывшій даже полторы тысячи. Благодаря такому запасу и неистощенію его денежными доплатами къ ссудѣ банка, мужики смогли выдержать первый тяжкій годъ неурожая, когда и хлѣбъ, и траву почти совсѣмъ выжгла засуха.

— Тяжко было прошлый годъ,—говорили мужики:—своего хлѣба —нема́; заработка въ степи — никакого; тамъ, дома, хоть чѣмъ-нибудь заробишь, особенно, когда человѣкъ знаетъ какое мастерство; а

здѣсь не у кого и зароблять, сказано — степь. Гроши, какіе у кого были, попроѣдали; думали, совсѣмъ пропадать придется.

— Охъ, бѣда, бѣда была! — добавляетъ потомъ баба:—въ самый великій постъ, въ самую ростополь, бывало ѣдутъ мужики до дому (на родину) за хлѣбомъ, бо тутъ хлѣба нигдѣ не достанешь. Тянется на своей конячкѣ по весеннему болоту, да недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ вернется и привезетъ трохи (немножко) хлѣба. А мы тутъ сидимъ да голодаемъ. Вотъ только теперь Господь милостивый послалъ...

Хотя покупка казалась выгодною, а все-таки человѣкъ тридцать первоначальныхъ покупщиковъ отстали и остались на родинѣ. На ихъ мѣсто пристало человѣкъ десять новыхъ, болѣе рѣшительныхъ. Повторись еще неурожай, пожалуй ушло бы еще нѣсколько человѣкъ, ну да особенное стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ хоть кого разорить и разогнать можетъ.

Но всѣ оханья и вздохи отличаются уже довольно спокойнымъ характеромъ. Словно дѣло идетъ о страшномъ снѣ. Пережили горе, тяжкое горе, но—пережили.

— Ну, а теперь какъ у васъ?

— Теперь, благодарить Бога, хлѣбъ уродилъ.

Какъ только рѣчь перешла отъ тяжкаго прошлаго къ настоящему положенію, лица повеселѣли: видно, что люди уже довольны. Большинство говоритъ: „благодарить Бога, и жито есть, и огородина, а яровыя таки совсѣмъ, совсѣмъ хороши". Мнутся только нѣсколько человѣкъ, обнаруживающихъ какой-то пессимизмъ.

— А по вашему какъ?—спрашиваю этихъ пессимистовъ.

— Да оно, извѣстно, хлѣбъ уродилъ, только... умолотъ на жито не дуже хорошій...—отвѣчаютъ они съ какою-то натянутою, кислою улыбкой. Но видно, что это ворчанье—словно по обязанности. Есть люди, которымъ надо всегда быть хоть чѣмъ-нибудь недовольными. И большинство спокойно протестуетъ противъ нихъ:

— Да що вы говорите? На що Бога гнѣвить, и жито даетъ мѣрокъ пять зерна... а гречка, а просо, а ячмень таки совсѣмъ хороши. Таки, правду сказать,—все добре...

И точно, утромъ слѣдующаго дня я убѣдился, что яровыя очень хороши. Густой, зернистый ячмень, бѣлая, густая, цвѣтущая гречка и особенно рослое просо, какого я давно не видалъ.

Итакъ, новая, хорошо выстроенная деревня готова; большая часть цѣлинной степи уже распахана; однодесятинный и трехдесятинный мужикъ превратился въ десятидесятиннаго; тяжкое горе пережито; предъ глазами—хорошій хлѣбъ, довольныя лица—кажется, переселеніе сдѣлало свое дѣло. Тяжелъ былъ его процессъ, но насту-

пилъ наконецъ моментъ, когда переселенецъ, оглядывая свое настоящее, смотритъ на него спокойно, довольно. А еще важное условіе, которымъ мужику нельзя не дорожить—просторъ. Цѣлыхъ полторы тысячи десятинъ расположились сплошною массою вокругъ деревни. Все, куда ни глянетъ мужицкій глазъ,—его собственное, мужицкое, а не сосѣдское, грозящее спорами и дрязгами изъ-за потравъ и пастбищъ. Тамъ у себя, въ Полтавщинѣ, переселенецъ имѣлъ одну или нѣсколько длинныхъ небольшихъ „нивокъ", перемѣшанныхъ со всякими чужими владѣніями, и покоя не было ему отъ такого сосѣдства. Пастбищный вопросъ временами доводитъ и до военныхъ судовъ. А тутъ—просторъ, ширь, гладь.

Но возможны, конечно, будущіе неурожаи! Да, будущее—въ рукѣ божіей, и вездѣ все возможно, какъ дурное, такъ и хорошее. Чтò объ этомъ гадать.

Переночевавъ въ хатѣ, на „полу", покрытомъ рядками и крестьянскими подушками, я поѣхалъ дальше и скоро опять очутился въ переселенческой средѣ.

Новая деревня имѣла видъ нѣсколько отличный отъ посѣщенныхъ мною раньше. Стоитъ рядъ бѣлыхъ избушекъ на высокихъ фундаментахъ, съ высокими крылечками; крыши — фронтономъ. Деревня—на берегу ручья. А за такими оригинальными избушками стоятъ другія, обыкновеннаго крестьянскаго типа. Что же это такое?

А вотъ чтó: оригинальныя избушки—нѣмецкой стройки. Не такъ давно колонизовать эту землю задумала дюжина нѣмцевъ-колонистовъ. Они купили тысячу десятинъ, но такъ какъ у нихъ денегъ не хватало, то купили въ разсрочку; построили рядъ избъ, дали своему поселку названіе, оканчивавшееся на „таль", внесли продавцу нѣсколько разъ срочные платежи, но наконецъ почувствовали, что сдѣлки имъ не выдержать; не по силамъ купили, зарвались. Чтó дѣлать? Исходъ одинъ: надо продать. А тутъ кстати подвернулся предпріимчивый и богатенькій полтавскій мужикъ; звали его Игнатомъ.

Игнатъ давно уже заинтересовался степною землею. Сообразивъ, что хозяйствованіе тутъ можетъ давать мужику извѣстныя выгоды, онъ, въ компаніи съ двумя-тремя себѣ подобными, сталъ арендовать довольно большіе куски. Дѣло пошло недурно, и тогда Игнатъ задумалъ совсѣмъ основаться въ степи. Продавался въ сосѣдствѣ большой участокъ—Игнатъ съ товарищами подыскалъ на родинѣ групку охочихъ до переселенія и вмѣстѣ съ нею купилъ этотъ участокъ при помощи банка; тутъ и ему досталось въ собственность десятинъ десять или двадцать. Но предпріимчивая натура не унимается. Прослышалъ Игнатъ, что продаютъ еще землю нѣмцы—отчего не приняться за новое дѣло? Организовалъ онъ одно това-

рищество покупщиковъ—давай организовать еще другое,—кстати малоземельнаго люда на родинѣ довольно. И вотъ, на продаваемую нѣмцами тысячу десятинъ готово новое товарищество покупщиковъ въ сто хозяевъ. По обычаю, человѣкъ двадцать первоначальныхъ покупщиковъ отстали, а приставшихъ оказалось меньше, надо было дѣлить вакантныя доли, и Игнату, разумѣется, достался еще новый кусокъ земли. Нѣмцы покупщикамъ рады, но, конечно, взяли съ нихъ всю заплаченную прежде цѣну, да еще съ барышомъ.

Такъ мужикамъ досталось съ землею два десятка нѣмецкихъ избъ съ постройками и съ нѣсколькими вновь заведенными колодцами. Бывшій „*таль*" обратился въ хохлацкую деревню. Одну избу мужики пожертвовали за труды самому Игнату, а остальныя товарищество продало своимъ же членамъ. Кто захотѣлъ имѣть готовую избу, тотъ отдалъ за нее деньги въ общую кассу, а остальнымъ предоставили строиться зàново. Такъ и получилось въ одной деревнѣ два разныхъ типа хатъ: нѣмецкій и малорусскій. Оба настолько несходны, что нѣмецкое поселеніе всегда отличишь отъ русскаго съ виду. И тѣ, и другія хаты чистенькія, бѣлыя, но нѣмцы любятъ заводить фундаменты и фронтоны, а мужикъ не прочь отъ земляного пола. И нѣмецъ, и мужикъ любятъ наружную разрисовку; но если хочетъ, напримѣръ, разрисовать свое окно снаружи мужикъ, то онъ выведетъ тутъ и цвѣточки, и вѣточки, и ягодки, и разные узоры. А нѣмецъ просто обведетъ ровною каемкою, красною или синею.

Заѣзжаю въ нѣмецкую хату, доставшуюся Игнату, располагаюсь. Спрашиваю бабу:—ну чтò, довольны вы нѣмецкими хатами?

— Да, оно ничòго; строено добре; только для насъ „невдобно". И ведра вносить въ хату высоко...

— Ну, а еще чѣмъ нехороши?

— Да таки невдобно, да и *годи* (довольно),—отрывисто отвѣчала баба, не пускаясь въ подробныя опредѣленія.

Здѣсь мужики смотрѣли, пожалуй, довольнѣе, чѣмъ предыдущіе. Имъ повезло особое счастіе. Дѣло не въ томъ только, что урожай хорошій, а въ томъ, что этотъ хорошій урожай — былъ для нихъ *первый* урожай. Они купили всего около года, и имъ не пришлось выдержать такой тяжкой бѣды, какую вынесли годомъ раньше ихъ сосѣди. Имъ не пришлось проѣдать принесенныя съ родины средства, глядя на высыхающія поля и въ чаяніи будущихъ благъ. Да и средства они принесли хорошія, потому что огромное большинство порѣшили съ своими надѣлами дома, реализировавъ ихъ въ деньги, чтò дало однимъ рублей по 100, другимъ по 200, а инымъ и 400, и 500 рублей. Примазалось и нѣсколько человѣкъ богатенькихъ, принесшихъ отъ 1000 до 1500 рублей. Только около десяти чело-

вѣкъ еще удержали надѣлъ на родинѣ, но, разумѣется, не надолго. Вообще эти люди пришли на новое мѣсто сравнительно сильными, неистощенными, и первый хорошій урожай дастъ имъ возможность сразу пустить корни на новомъ мѣстѣ. Большого неравенства въ дѣлежѣ купленной земли не образовалось, хотя неравенство вообще было неизбѣжно уже вслѣдствіе того, что часть первыхъ покупщиковъ отстала, покинувъ нѣсколько земельныхъ паевъ. Два человѣка взяли по три пая, четыре—по два, двое по полтора, а остальные—всѣ по одному 10-десятинному паю. Кто побогаче, да побольше взялъ земли, тѣ нанимаютъ даже батраковъ, потому что не въ силахъ съ землею справиться. А ординарное большинство—работаютъ, конечно, сами. Словомъ, и здѣсь смѣшеніе состояній.

— Какъ же это ты, Игнатъ, будешь въ двухъ товариществахъ разомъ?—спрашиваю я своего хозяина. Вѣдь—ты въ одномъ товариществѣ уже получилъ землю, а теперь взялъ еще въ другомъ.

Этотъ вопросъ очень смутилъ Игната. Ему видимо не хотѣлось разставаться ни съ одною десятиною, и онъ сталъ придумывать оправданія, одно за другимъ. Видите ли, въ числѣ неявившихся къ покупкѣ былъ и братъ Игнатовъ, такъ онъ это взялъ землю *за* брата. Сталъ дальше толковать о хлопотахъ и издержкахъ по общему дѣлу, заслуживающихъ вознагражденія, словомъ—выступили разные резоны и увѣренія, что если только братъ придетъ, то онъ непремѣнно отдастъ ему лишній пай, и т. д. А ужъ платить, молъ, буду такъ исправно, что лучше не нужно.—Но во всѣхъ этихъ резонахъ несомнѣнно хорошо звучало одно: если человѣкъ такъ цѣпко держится за землю, значитъ покупка хороша; если дорогá она Игнату, то онъ поможетъ и прочимъ, рядовымъ мужикамъ. Не безполезны, значитъ, были Игнатовы старанія.

Принялся Игнатъ усердно упрашивать что-нибудь закусить или хоть чаю выпить (видно онъ ужъ съ чаемъ знакомъ), но во всемъ этомъ видимо сказывалась та же тревога: какъ-бы не подбили „громаду“ взять у него лишнія десятины! Нельзя ли задобрить пріѣзжаго хоть угощеньемъ. И другіе собравшіеся мужики твердо стоятъ на томъ, что землю держать будутъ крѣпко, изъ рукъ не выпустятъ и платить будутъ стараться изо всѣхъ силъ.

Проѣхавъ по полю, можно было убѣдиться въ причинѣ настроенія переселенцевъ: частыя копны сжатаго хлѣба и хорошій видъ стоявшаго на корню говорили очень краснорѣчиво.

Всѣ до сихъ поръ видѣнные мною переселенцы принадлежали къ числу малоземельныхъ крестьянъ, къ которымъ мѣстами примѣ-

шивалось по нѣскольку богачей. Конечно, богачи не нуждались особенно въ переселеніи; имъ и дома было недурно; тамъ, кромѣ надѣловъ, они владѣли еще купленными участками, стало быть имѣли не маленькія средства; они хотѣли идти отъ добра къ еще бо́льшему добру, отъ достатка—къ разживѣ. У нихъ просто разгорѣлись глаза при видѣ возможности обмѣнять одну десятину на родинѣ—на двѣ и на три десятины вдали. И нельзя сказать, чтобы участіе богачей было вообще вредно для остальныхъ. Положимъ, богачъ пріобрѣтаетъ себѣ участокъ покрупнѣе, но бѣднякъ все-таки имѣетъ возможность взять себѣ долю по силамъ, а между тѣмъ примѣсь богачей иногда даетъ возможность осуществиться самой покупкѣ земли. Группа бѣдняковъ, иной разъ, сама по себѣ, не въ состояніи была бы взять за себя все продаваемое имѣніе, особенно когда оно крупно, а при подмогѣ нѣсколькихъ, болѣе богатыхъ, сдѣлка осуществляется. Но главный контингентъ переселенцевъ все-таки выходилъ—малоземельные, такіе, у которыхъ на семью было двѣ, три или четыре десятины. Сбывъ это маленькое владѣніе рублей за двѣсти или за триста, онъ шелъ на новое предпріятіе.

Разумѣется, всего желательнѣе было бы, чтобы переселеніе помогало устройству совсѣмъ безземельныхъ, которымъ на родинѣ нельзя обзавестись землею по ея дороговизнѣ. Вотъ, казалось бы, самый подходящій контингентъ людей для переселенія. Не можешь купить земли дома—ступай туда, гдѣ она дешевле, и помоги тебѣ Богъ поправиться и разжиться! Поэтому особенно интересно было встрѣтиться съ переселенцами изъ безземельныхъ. Судьба помогла мнѣ ознакомиться и съ такими.

Въѣхавъ въ одну волость, гдѣ должно было образоваться два новыхъ переселенческихъ селенія, я собралъ хозяевъ одного изъ нихъ, которое было поближе. Спрашиваю о нихъ волостного старшину, писаря:

— Плохой народъ,—отвѣчаютъ мнѣ тотъ и другой.—Куда имъ хозяйничать! Они и построиться толкомъ не умѣли. Бѣднота такая, самый плохой мужикъ; да вотъ вы увидите.

Собрались люди. Съ виду кажется ничего, даже принарядились; расшитыя чистыя сорочки; свитки обыкновенныя; все ординарно, въ порядкѣ; но изслѣдованіе показало, что эти люди рѣзко отличаются отъ видѣнныхъ мною прежде. Тутъ числилось около 50 хозяевъ, но на-лицо было всего 39. Остальные или не пришли съ родины, или ушли назадъ. Купили они имѣніе за 30 тысячъ, и 5 тысячъ должны были заплатить изъ своихъ собственныхъ средствъ, потому что больше 500 рублей на семью они не могли получить въ ссуду по закону. Изъ 5 тысячъ они отдали уже 2 тысячи, а на

остальную сумму состоятъ еще въ долгу. Цѣлая половина всѣхъ ихъ были—безземельные, которымъ продавать дома было нечего, а у остальныхъ были маленькіе клочки земли.

— Ну, что, ребята, какъ вы обстроились?

— А какъ обстроились? Гдѣ намъ такъ строиться, какъ другіе? Капиталу нѣтъ.

— Однако, принесли вы сколько-нибудь денегъ изъ дому, какъ другіе?

— А что-жъ мы принесли? Три человѣка, такой-то, да такой-то, да еще этотъ, продали землю, одинъ за 200, другой за 250, а третій 215 рублей—только и всего; а другимъ нечего было и продавать, развѣ одежду или корову. Человѣкъ семь еще держатъ землю дома. Кое-кто добыли немного денегъ заработками, да такъ и пошли.

Послѣ оказалось, что этотъ недостатокъ средствъ сильнѣйшимъ образомъ отразился на удовлетвореніи самой первой потребности—обзаведеніи жилищемъ. Изъ полусотни хозяевъ только три построили себѣ хатки; на хату одного дерева надо рублей на восемьдесятъ; у прочихъ же хатъ нѣтъ. Эти послѣдніе проживаютъ въ „куреняхъ", т.-е. шалашахъ, наскоро состряпанныхъ изъ кольевъ, соломы, старыхъ бревенъ и т. под. Тамъ они и ютятся, благодаря лѣтнему времени. На купленной землѣ было двѣ три постройки прежняго владѣльца: изба, сарай и еще что-то. Вотъ матеріалъ этихъ-то построекъ, съ прибавкою соломы, и пошелъ на „курени".

— Да вѣдь въ куреняхъ можно жить только лѣтомъ; какъ же вы будете жить въ зимнее время?

— У кого хата готова, тотъ останется и здѣсь, а всѣ прочіе перезимуемъ дома. Какъ управимся съ посѣвомъ, всѣ уйдемъ въ кіевскую губернію, пересидимъ зиму тамъ, а на весну опять сюда. Можетъ, тогда почнемъ строиться.

Каково положеніе! А между тѣмъ этимъ людямъ, кромѣ расходовъ на обзаведеніе, надобно еще отдать три тысячи рублей продавцу земли. Темно ихъ будущее.

— А какъ же вы рѣшились идти, не имѣя никакихъ средствъ?

— А что-жъ намъ было дѣлать? Утѣсненіе большое. Своей земли нѣтъ, пойдешь зарабатывать—убирай хлѣбъ за 12-й снопъ. Нанимать землю дома,—такъ надо платить рублей 20 за десятину въ годъ. А тутъ все таки земля дешевле; думали, дастъ Богъ, поправимся на новой землѣ. Иди куда хочешь, а дома, видимое дѣло, дѣваться некуда. Народъ множится, а утѣсненіе уже и теперь большое.

Благопріятнымъ для этихъ переселенцевъ обстоятельствомъ казалось, по крайней мѣрѣ, то, что урожай въ данной мѣстности былъ

хорошій. Но на повѣрку вышло, что мало имъ помогъ и урожай. Дѣло въ томъ, что купили они землю еще въ прошломъ году, процессъ покупки затянулся, и переселенцы явились на мѣсто уже поздно, осенью, когда почти вездѣ уже посѣвы были сдѣланы. Къ тому же у нѣкоторыхъ не хватало своего скота, между тѣмъ какъ справиться съ степною землею куда труднѣе, чѣмъ на родинѣ съ паханными, перепаханными нивами. Что̀ тутъ было дѣлать? У кого скота не хватало, тѣ сдали свои земельныя доли мѣстнымъ крестьянамъ исполу; да только и испольщики, за позднимъ временемъ, не могли сдѣлать посѣвовъ хорошо. И урожай на этихъ поляхъ вышелъ значительно хуже, чѣмъ у сосѣдей. Стало быть, двѣ потери разомъ: одно то, что хлѣба собрано меньше, а другое—что и этотъ хлѣбъ надо дѣлить съ испольщикомъ.

Какъ часто судьба дѣйствуетъ по правилу: имущему дастся и пріумножится, а неимущему не дастся ничего. Вѣдь вотъ сосѣди этихъ несчастныхъ, только-что описанная дружина Игнатова, и пришли съ порядочными средствами, и поспѣли къ самому хорошему урожаю, и довольны, и веселы. А у этихъ ничего не было, и не удалось воспользоваться даже такими благопріятными стихійными условіями, которыя, казалось, явились для всѣхъ. Не воспользовавшись рѣдкимъ урожаемъ, они, такъ сказать, впустѣ отбыли урожайную очередь для мѣстности, а за урожаемъ вѣдь часто слѣдуетъ бѣда. Каково же имъ будетъ встрѣтиться съ возможнымъ впереди неурожаемъ? Но дѣваться имъ было некуда, — что̀ прикажете дѣлать? Тутъ люди сами шли, подгоняемые стихійнымъ влеченіемъ.

Зато хоть подѣлились землею довольно ровно. Четыре пятыхъ всѣхъ наличныхъ хозяевъ взяли ровныя земельныя доли, десятинъ по десяти. Равенство бѣдности обусловило равенство дѣлежа. А всетаки люди обзавелись уже на мѣстѣ сотнею штукъ скота...

Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось разстаться съ этою группою переселенцевъ. Будущность ихъ очень туманна. Только хорошій новый урожай можетъ помочь имъ стать на ноги, но какъ на него разсчитывать? Нужно счастье. Тутъ невольно приходило въ голову, что переселеніе слишкомъ дорого для подобныхъ бѣдняковъ. Однимъ кредитомъ на покупку земли мудрено упрочить положеніе совершенно безземельныхъ. Для нихъ куда цѣлесообразнѣе была бы посадка на казенную землю. Если посадить такого человѣка на подобную землю, сказавъ просто: сиди, работай и плати 3 или 3½ рубля за десятину—онъ сядетъ, устроится и разживется. Да и риску будетъ гораздо меньше. Если постигнутъ и неурожаи, если понадобятся льготы, если будутъ недоимки, тутъ весь рискъ только въ этихъ 3-хъ или, пожалуй, 6-ти рубляхъ, которые постепенно и выплатятся.

Но при покупкѣ земли, когда надо выплачивать капитальныя суммы, когда надо вываливать болѣе или менѣе крупныя доплаты изъ пустого кармана, когда при вольныхъ или невольныхъ недоимкахъ возникаетъ перспектива продажи купленной земли съ аукціона, т.-е. *игра всею* капитальною стоимостью земли,—выходитъ нѣчто далеко худшее. Обо всемъ этомъ кстати было бы вспомнить при обсужденіи способовъ употребленія казенныхъ земель, количество которыхъ, по всей вѣроятности, станетъ увеличиваться въ непродолжительномъ времени.

Гораздо лучше устроились сосѣди этихъ неудачныхъ переселенцевъ. Они были ихъ сосѣдями по родинѣ, стали сосѣдями и на новомъ мѣстѣ. Но они были людьми нѣсколько болѣе состоятельными (большинство имѣло землю на родинѣ и продало ее) и пришли на купленную землю въ болѣе удобное время; кстати, и доплату пришлось внести изъ собственнаго кармана меньшую, всего около $2^1/_2$ тысячъ, такъ что вышло около 40 руб. на дворъ. Потому и построиться имъ удалось довольно скоро. Тутъ почти три четверти всѣхъ наличныхъ хозяевъ уже имѣли недурныя хаты на новомъ мѣстѣ (каждая стоила рублей 150 — 200), а нѣкоторые построили землянки. Бросалось въ глаза только вотъ что: изъ 60 хозяевъ, числящихся по документамъ, 25 человѣкъ не пришло. Казалось бы, если дѣло вышло удачное, всѣмъ должно быть интересно воспользоваться новою землею; но тутъ есть основаніе заподозрить иную подкладку. Нѣкоторые и съ самаго начала не имѣли твердой рѣшимости переселяться. На переселеніе-то записалось много, но между ними не мало было такихъ, которые состояли въ родствѣ между собою, напримѣръ, 3 или 4 брата, отецъ и два его сына и т. д. Какъ пришлось переселяться, одинъ братъ пришелъ, а другой предпочелъ остаться дома и предоставить свою землю брату; или сынъ пришелъ, а отецъ не пришелъ, вслѣдствіе чего этотъ сынъ пользуется двумя долями земли, и т. д. Сверхъ того, къ первоначальнымъ покупщикамъ земли пристало нѣсколько новыхъ; такъ, въ результатѣ—вмѣсто 60 хозяевъ на мѣстѣ оказалось только около 40. Другое явленіе состоитъ въ томъ, что иногда двое или трое хозяевъ поселялись въ одной избѣ, преимущественно родные.

Какъ бы то ни было, но здѣсь угрюмыхъ, недовольныхъ лицъ почти не было, разумѣется, благодаря удачному урожаю. Каждый дорожилъ своимъ клочкомъ земли, и кто получилъ два или три пая— тѣ разстаться съ излишками не желаютъ. Подняли уже порядочный кусокъ цѣлины, и все своими средствами, не прибѣгая къ испольщинѣ.

— Ну, что-жъ, ладно ли у васъ теперь?

— Слава Богу, слава Богу, хлѣбъ ничего, хорошій.

— Значитъ, вы довольны покупкою?

— Да, нечего говорить, благодаримъ Бога.

— Не жалѣете, что покинули родину?

— Какъ не жалѣть,—извѣстно, жалко; да что-жъ будешь дѣлать, жить трудно стало; тѣснота такая — некуда дѣваться. Одначе, и тутъ насъ Богъ милосердный помиловалъ... а тѣ, что дóма остались, пишутъ, что у нихъ совсѣмъ-таки плохо; неурожай такой, что Боже борони; много хлѣба пропало.

Эти вѣсти о неурожаѣ на родинѣ много содѣйствовали тому довольству переселеніемъ, которое выражали мои собесѣдники; говоря о печальныхъ вѣстяхъ съ родины, иные даже не воздерживались отъ улыбки какого-то торжества: не ошиблись, молъ, мы, предпринявъ переселеніе; оно хоть и хорошая земля—родина, да тѣсно, а коли при тѣснотѣ еще неурожаи бываютъ, такъ что́ и толковать! Только все-таки память о родинѣ дорогà: пускай,—говорили эти переселенцы,—назовутъ нашу деревню Кіевкою; пришли мы изъ кіевской губерніи, пусть на память и у насъ будетъ Кіевка.

Не позабыли эти переселенцы (впрочемъ, подобно многимъ другимъ) и о необходимости своего сельскаго управленія. Учредили у себя старосту, выбрали и сборщика, а въ отличіе отъ прочихъ завели даже собственныхъ судей. Другіе переселенцы сильно затрудняются судебною частію; ходятъ въ мѣстный волостной судъ, иные безпокоятъ мировыхъ судей. А эти, находя неудобнымъ то и другое, выбрали себѣ 6 человѣкъ собственныхъ судей. Пусть, молъ, судятъ насъ свои, а не чужіе. Такой судъ, конечно, не оффиціальный, однако если ему повинуются—„чего же болѣ“?

Видъ хлѣба въ поляхъ объяснялъ сравнительное довольство этихъ переселенцевъ. А огороды при усадьбахъ смотрѣли еще лучше: тутъ и обычныя огородныя растенія, тутъ и дыни, и арбузы. Ходя съ моимъ спутникомъ по огородамъ, мы все любовались; а какъ только вернулись въ хату, гостепріимные хозяева пожелали сдѣлать намъ угощеніе: на столѣ появилось нѣсколько вкусныхъ дынь, недозрѣлый арбузъ, хлѣбъ, и лишь только мы принялись утолять свою жажду дынями, мужики пошептались, и вслѣдъ затѣмъ откуда-то вынырнула бутылочка водки... Что́, молъ, за угощеніе безъ водки! Поглощая дыни, мы осязательно чувствовали результатъ переселенческаго труда. Не явись сюда переселенецъ—тутъ росла бы не дыня, а какой-нибудь горькій молочай въ сосѣдствѣ съ сусличьею норою.

Большое впечатлѣніе производитъ сравненіе двухъ послѣднихъ селеній: были ихъ жители сосѣдями прежде, переселились въ одну и ту же мѣстность, попали подъ одинъ и тотъ же хорошій урожай; даже переселяться двинулись, глядя одни на примѣръ другихъ; а

вышло, что теперь одни говорятъ: „слава, Богу“—тогда какъ другимъ очень жутко. Капризно счастье.

Переѣзжая изъ одной деревни въ другую, очутился я, наконецъ, на западной границѣ екатеринославской губерніи. Тутъ пограничнымъ пунктомъ является извѣстный Кривой Рогъ—центръ вновь возникшей на югѣ горной промышленности,—лежащій при устьѣ рѣки Саксагани, впадающей въ р. Ингулецъ. Здѣсь мнѣ пришлось нѣсколько остановиться. Селеніе очень большое, раскинувшееся и по возвышенностямъ, и по низинамъ, такъ что его сразу и глазомъ не охватишь. Нѣсколько компаній разрабатываютъ руды. Что это мѣсто рудное—замѣтно на каждомъ шагу. Куски камня съ ясными жилками желѣза валяются по самой землѣ, на улицахъ. Не мало ихъ вошло въ составъ оградъ крестьянскихъ хатъ. Подбирай и возьми на память объ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ. Проходя же по мѣстамъ, гдѣ вода надѣлала овраговъ, обрывовъ и рытвинъ, вы ясно видите въ разрѣзѣ послѣднихъ самыя различныя наслоенія. Зацѣпите рукою за край твердой массы, потянете — и подымается длинный кусокъ окаменѣлаго дерева. Тамъ, гдѣ идетъ разработка, можно пріобрѣсти готовую коллекцію минеральныхъ богатствъ Кривого Рога; выходитъ 50 разныхъ названій; кромѣ разныхъ „желѣзняковъ“ (магнитнаго, бураго, краснаго и пр.), тутъ и марганецъ, и хрусталь, и литографскій камень, и различные сланцы, и гранитъ, и графитъ, и горный ленъ, и колчеданъ, и разныя минеральныя краски. Разсказываютъ, что бо́льшая часть рудъ была на крестьянской землѣ, но одинъ мѣстный землевладѣлецъ съумѣлъ какъ-то во̀-время пріобрѣсти ее, затѣмъ пошла тяжба, и крестьяне ее проиграли. Что въ это бойкое мѣсто пріѣзжаютъ многіе—это чувствуется, между прочимъ, потому, что съ останавливающихся въ Кривомъ Рогу требуютъ свѣденій о личности для заявленія полиціи. „Прописка“ не въ городѣ, а въ мѣстечкѣ—явленіе совсѣмъ исключительное.

Несмотря, однако, на всю бойкость мѣста—плохи жизненныя удобства. Первый вопросъ проѣзжаго: куда можно заѣхать? Говорятъ:—есть хорошій постоялый дворъ. Ѣдемъ мы туда вдвоемъ, уже вечеромъ, и видимъ — впереди освѣщенный домъ. Это и есть наше будущее пристанище. Изъ освѣщенныхъ оконъ все выглядываютъ какія-то барышни; куда это мы попали? Какъ только подъѣхали къ крыльцу—тѣ же барышни гурьбою намъ на-встрѣчу. Онѣ сейчасъ же хватаютъ наши чемоданчики, сакъ-вояжи и т. под., и все это вносятъ въ комнату, исполняя роль прислуги. Едва мы начали размѣщаться—входитъ толстая еврейка, мать барышень и хозяйка по-

стоялаго двора, а немного погодя—сынъ ея, который уже соблазняетъ насъ красивыми образцами рудъ, годными на сувениры. На постояломъ дворѣ—длинная зала, украшенная большимъ портретомъ какого-то толстаго старика-еврея,—должно быть, патріарха хозяйской семьи,—и тутъ же маленькіе номера, для проѣзжихъ, очень скудные мебелью. Намъ досталась проходная комнатка, въ которую обѣщаютъ внести двѣ кровати. Дѣйствительно, скоро начинается процессъ этого внесенія, и затѣмъ покой нашъ совсѣмъ загромождается огромными большими кроватями съ сильно взбитыми пуховиками, которыхъ я особенно боюсь. Но—дѣваться некуда—надо мириться съ положеніемъ. Тревожно, почти безнадежно освѣдомляюсь:—не водятся ли тутъ звѣри? Долго не понимаетъ хозяйка, о какихъ звѣряхъ я говорю, и увѣряетъ, что, кромѣ собакъ, тутъ и во дворѣ нѣтъ ровно никакихъ четвероногихъ; наконецъ, понявъ, въ чемъ дѣло, клянется всѣми богами, что опасаться звѣрей нечего; однако вслѣдъ затѣмъ уходитъ и возвращается съ двумя бумажными пакетцами: это были двѣ „порціи“ персидскаго порошка. Спасибо и за то.

Отъ Кривого Рога пришлось на другой день двинуться въ глубь херсонской губерніи, потомъ по желѣзной дорогѣ до Николаева. Въ Николаевѣ—крайнемъ пунктѣ желѣзнаго пути—надо высидѣть часовъ пять на вокзалѣ, дожидаясь парохода „Русалка“, совершающаго ежедневные рейсы между Николаевомъ и Херсономъ. Не заѣзжать же въ гостинницу, гдѣ, пожалуй, пока отдохнешь да пропишутъ документъ—пропустишь пароходъ. Наконецъ, ѣдемъ на этомъ, очень приличномъ, частномъ пароходѣ по Бугу и лиману, и къ вечеру я попадаю въ Херсонъ. Куда заѣхать здѣсь? Говорятъ—„въ гостинницу“. Но въ какую же именно, которая изъ нихъ получше?—Да тутъ всего одна только гостинница и есть. Называютъ ее, правда, „Одесскою“ но ей можно бы обходиться совсѣмъ безъ всякаго названія, потому что одна...

Херсонъ—недурно обстроенный, но заброшенный городъ. Кромѣ „губерніи“, тутъ нѣтъ ничего; экономическая и общественная жизнь оттянута другими центрами этой богатой числомъ городовъ губерніи. Въ иныхъ уѣздахъ городовъ по пяти. Когда-то Херсону пророчили большую будущность, видѣли въ немъ важный военный и коммерческій портъ, но послѣ всѣ подобныя предположенія были оставлены; до Херсона не довели и желѣзной дороги, хотя тутъ оставалось протянуть ее всего верстъ на шестьдесятъ. Оттого Херсону приходится иногда быть какъ бы отрѣзаннымъ отъ остального свѣта. Въ зимнее время, пароходное сообщеніе съ Николаевомъ и Одессою прекращается, а колесный путь ужасенъ, вслѣдствіе невылазной грязи. Внутри города обращаетъ на себя вниманіе скверъ съ памятникомъ

Потемкину, который погребенъ въ старой церкви, за городомъ, среди остатковъ бывшей крѣпости. При императорѣ Павлѣ было приказано выбросить прахъ Потемкина изъ церкви, и, говорятъ, въ мѣстномъ губернскомъ архивѣ сохранился интересный указъ объ этомъ. По преданію, вмѣсто Потемкина вынесли изъ церкви какого-то другого покойника, а впослѣдствіи памяти Потемкина возвращенъ полный почетъ, и лѣтъ 50 тому уже поставленъ ему, по правительственному распоряженію, памятникъ въ городѣ. Вокругъ упомянутой церкви цѣлый рядъ надгробныхъ памятниковъ съ надписями, и почти всѣ онѣ говорятъ о „временахъ очаковскихъ". Тутъ погребены участники кровопролитнаго очаковскаго штурма 1788 года; одна плита исписана очень длинною надписью, во много строкъ, въ которой погребенный герой отъ собственнаго лица разсказываетъ, стихотворною рѣчью, какъ „похитилъ жизнь" его дерзкій „агарянинъ" выстрѣломъ изъ крѣпостного рва. Есть еще въ Херсонѣ памятникъ Говарду, здѣсь умершему.

Изъ Херсона я поѣхалъ въ Одессу на пароходѣ „гр. Тотлебенъ". Пароходъ хорошій, удобный, а капитанъ его очень любезенъ съ публикой. Путь идетъ сперва по лиману, а потомъ моремъ, и довольно интересенъ. Подъ самымъ Херсономъ поражаетъ вниманіе громадная масса днѣпровскихъ камышей. Высокій, зеленый, густой камышъ смотритъ какъ лѣсъ, являясь рядомъ огромныхъ островов, которыхъ не окинешь глазомъ. Это цѣлое царство камыша, который выростаетъ ежегодно: трудно вообразить себѣ подобное богатство, не увидя его въ натурѣ, и хотя камышъ годенъ и на топливо, и на крыши домовъ, и даже на неприхотливыя постройки—въ чемъ нуждаются слишкомъ многіе — однако населеніе, не успѣваетъ убирать ежегодно наростающую камышевую массу, и значительную часть ея слѣдуетъ выжигать на мѣстѣ. При выходѣ изъ лимана, приходится плыть между двумя историческими пунктами—Очаковомъ и Кинбурномъ. Первый на одной сторонѣ лимана, послѣдній—на другой. Очаковъ разбросанъ на склонѣ материка къ морю и не производитъ особеннаго впечатлѣнія: группа домиковъ и избушекъ на желтомъ, глинистомъ берегу—и только; лишь историческія воспоминанія заставляютъ вглядываться въ этотъ пунктъ. Гораздо величественнѣе Кинбурнъ—высоко подымающійся надъ водою рядъ грозно смотрящихъ баттарей. Но это—не историческій Кинбурнъ, не тотъ, который когда-то бралъ Суворовъ, а въ крымскую войну захватили-было французы. Старый Кинбурнъ былъ небольшое укрѣпленіе на низкой оконечности песчаной косы, черезъ которую свободно перехлестывали морскія волны. Новый же Кинбурнъ—на новомъ мѣстѣ. Это созданіе, кажется, времени послѣдней турецкой войны. Высокая

масса укрѣпленій его прямо подымается изъ воды. Дальше по пути обращаетъ на себя вниманіе еще высокій островъ Березань, гдѣ, по нѣкоторымъ предположеніямъ, зимовалъ Святославъ послѣ борьбы своей съ Цимисхіемъ. Потомъ до Одессы не встрѣчается уже ничего замѣчательнаго. Въ Одессѣ же, человѣка, давно не видавшаго ея, поражаетъ перемѣна, совершонная проведеніемъ водопровода. Лѣтъ 15 тому, Одесса задыхалась отъ пыли и безводія. Растительность была самая чахлая и почти каждый листъ немногихъ деревьевъ городского сада былъ покрытъ слоемъ пыли. Люди пили скопляемую въ цистернахъ дождевую воду. А теперь разрослись по улицамъ, въ два ряда, такія тѣнистыя акаціи, что въ иныхъ мѣстахъ на тротуарахъ и въ полдень почти темно. Когда-то знойный приморскій бульваръ обильно поливается водою нѣсколько разъ въ день. Много оживленія принесла вода.

Пустившись внутрь губерніи, я скоро опять очутился въ средѣ переселенцевъ, и на этотъ разъ—переселенцевъ особаго типа. Еще раньше я слыхалъ, будто переселенцы того селенія, въ которое я поѣхалъ прежде другихъ въ губерніи, составляли отборъ зажиточныхъ людей. То же говорила и уплата ими сразу 20 тысячъ рублей изъ собственнаго кармана въ добавку къ 50-тысячной ссудѣ на покупку болѣе полуторы тысячи десятинъ степи. Положимъ, тутъ считалось 100 дворовъ, но и при такомъ числѣ на каждый дворъ приходилось доплатить около 200 рублей. Не совсѣмъ легко было, впрочемъ, отыскать это селеніе, несмотря на то, что со мною была подробная карта. Дѣло въ томъ, что въ послѣдній десятокъ лѣтъ или около того въ данной мѣстности образовалось уже нѣсколько новыхъ поселеній изъ разныхъ переселенцевъ; сперва переселятся одни, потомъ за ними потянутся ихъ сосѣди по родинѣ и основываютъ новое селеніе и т. д. Какъ назвать искомое селеніе, когда оно еще не показано ни на какой картѣ и не имѣетъ оффиціальнаго названія? Толкую мужикамъ, въ волости и на пути, объясняю имъ, какіе переселенцы мнѣ нужны, и наконецъ мужики, повидимому, догадываются: „а, то „корсунци“, изъ кіевской губерніи!“ — Можетъ быть и „корсунци“,—соглашаюсь я,—только какъ мнѣ туда проѣхать?—„А поѣзжайте прямо, потомъ черезъ рѣчку, дальше вправо, такъ и доѣдете“.—Ѣду; наконецъ, вотъ и село корсунцевъ, но на повѣрку выходитъ, что это вовсе не то, какое мнѣ нужно, а устроенное уже очень давно. Начинаются новые толки, и мѣстные мужики приходятъ къ мнѣнію, что мнѣ нужна деревня Таращанка, которой, кстати, тоже на картѣ нѣтъ; а нѣтъ ея потому, что оффиціально у

этой деревни совсѣмъ не то имя, какимъ прозвали ее мѣстные жители: не то Савельевка, не то Игнатьевка. Въ Таращанкѣ опять выходитъ, что я пріѣхалъ не туда, куда слѣдуетъ, и возникаютъ новыя догадки, вслѣдствіе которыхъ требуется проѣхать еще нѣсколько верстъ. Вотъ что значитъ вновь заселяемая степь! Ищи деревни какъ вновь образовавшагося острова въ морѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ выясняется, наконецъ, окончательно, что мнѣ нужны „кіяне" (старое, лѣтописное словцо!).—„Вотъ побачите млины (мельницы), проѣдете съ версту, або двѣ—тутъ и кіяне будутъ".

Селеніе кіянъ оказалось хорошее, прилично застроенное, протянувшееся вдоль берега довольно обильной водою рѣки. При хатахъ очень недурныя службы и по нѣскольку большихъ стоговъ или скирдъ хлѣба. Очевидное довольство. Я заподозрилъ-было сначала—нѣтъ ли тутъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, потому что количество хлѣба, сложеннаго при хатахъ, вовсе не соотвѣтствовало обычному крестьянскому. Допустимъ, что урожай и хорошъ, но и при хорошемъ урожаѣ рядовому мужику столько хлѣба не собрать. Недоумѣніе мое увеличилось еще больше, когда на „току" одной хаты я увидѣлъ конную молотилку. Неужели это мужикъ молотитъ хлѣбъ машиною, вмѣсто традиціонныхъ цѣповъ, за недостаточностью собственной рабочей силы для справки съ годовымъ урожаемъ? Да, дѣйствительно мужикъ. Изъ немногихъ словъ, обмѣненныхъ съ кружкомъ мужиковъ на улицѣ, пришлось окончательно убѣдиться, что кромѣ мужика въ деревнѣ у „кіянъ" нѣтъ никого.

Въ одеждѣ у кіянъ тоже отличіе отъ сосѣдей. Есть обыкновенныя свитки, но попадаются и какіе-то сюртучки. Экономическое положеніе ихъ разъяснилось скоро. Новыхъ переселенцевъ тутъ числилось больше 60 семей, а остальные были болѣе давними переселенцами, которые примкнули къ новой переселенческой покупкѣ. По примѣру другихъ, и у кіянъ четвертая часть переселенцевъ не пришла съ родины, а изъ явившихся родные братья и отцы съ сыновьями стали соединяться въ общія хозяйства; такъ фактическихъ дворовъ стало, вмѣсто ста, только около шестидесяти. Тутъ относительно непришедшихъ прямо уже высказывали, что многіе изъ нихъ на самомъ дѣлѣ и не думали переселяться, а записывались на переселеніе лишь для счета, съ тѣмъ, чтобы ихъ земельныя доли перешли къ братьямъ и другимъ родичамъ. Тенденція къ скопленію возможно бо̀льшаго количества земли въ рукахъ отдѣльныхъ хозяевъ сказывалась очень явственно. Одна неявка части членовъ должна была значительно увеличить паи вновь поселившихся; сверхъ того, соединеніе хозяйствъ и т. п. усилило неравенство, и въ результатѣ вышло, что изъ 60 хозяйствъ у 20 съ небольшимъ

очутилось двѣ трети всей земельной покупки; одному хозяину досталось больше 60 десятинъ да восьмерымъ около 50-ти. Положимъ, у нихъ распахивалось меньше половины всей земли, а остальное было подъ выгонами и сѣнокосами, но все же съ такимъ крупнымъ земельнымъ паемъ не управиться одной семьѣ. Мудрено ли, что появились молотилки, а кое-гдѣ и наемные рабочіе. Но въ другихъ селеніяхъ, на замѣну непришедшихъ, принимали новыхъ членовъ. Спрашиваю: — не было ли и здѣсь того же, не оказалъ ли пріемъ новыхъ членовъ какого-нибудь вліянія, сдерживающаго величину владѣній отдѣльныхъ дворовъ?

— Нѣтъ, мы постороннихъ не принимаемъ,—отвѣчали мнѣ мои собесѣдники рѣшительно:—да и зачѣмъ намъ они? Развѣ мы сами не справимся съ своею землею? Намъ лучше, какъ бы побольше земли, а не то чтобы раздавать чужимъ.

— Какъ же ты говоришь, что мы никого не приняли?—возразилъ одинъ изъ крестьянъ:—а Яковъ дворянинъ?

— Правда, правда, Якова приняли; ну, да онъ не чужой же: Петровъ братъ.

— Да и какъ еще мы приняли Якова! — послѣдовала новая поправка:—мы на покупку взяли ссуду, а его допустили на наличныя деньги; отвели ему 15 десятинъ, а онъ отдалъ намъ шестьсотъ рублей чистыми деньгами!

Тутъ выступилъ и самъ Яковъ, нарицаемый „дворяниномъ“, въ какомъ-то сюртучкѣ. Онъ началъ горько жаловаться на притѣсненіе: всѣ, дескать, взяли ссуду, а изъ собственныхъ денегъ только доплатили рублей по двѣсти; а съ меня взяли все до-чиста; ни на одинъ рубль я ссудою не пользовался, да еще и документа никакого на мою землю не даютъ.

— Ну, ты молчи лучше! а то еще можетъ и назадъ твою землю отберемъ!—откликнулось два-три голоса.

— А я жъ уже построился!—возражаетъ Яковъ:—развѣ есть такой законъ: когда я отдалъ всѣ деньги и хату построилъ, чтобъ у меня можно было отнять? Оно, конечно, меня въ купчую не записали...

— Говори!—пренебрежительно отвѣтила масса.—Сидѣлъ бы уже смирно, а то еще „сперечается“ (пререкается).

Долго такъ препирались; наконецъ, я прервалъ вопросомъ:

— Почему-жъ вы его называете дворяниномъ?

— А какже! Онъ—дворянинъ; у него и дворянскія бумаги есть.

И точно, у Якова на рукахъ была какая-то переписка о „доказываніи“ имъ дворянства. Но какъ же родной братъ его попалъ въ крестьянскую среду? А просто, онъ оказался благоразумнѣе, и давно

пришелъ къ убѣжденію, что хлопотать о дворянствѣ не стòитъ, и выгоднѣе пользоваться ординарными мужицкими правами.

Духъ крестьянъ этого селенія обозначался ясно: выпускать изъ своей среды готовы сколько угодно, чтобъ крупнѣе были доли остающіяся; а принимать къ участію въ дѣлежѣ земли не хотятъ никого. Покрупнѣе участокъ да молотильная машина—вотъ что кіянамъ по вкусу. Совсѣмъ особенная группа, не похожая на другихъ переселенцевъ. Тотъ же горделивый духъ сказывался и въ другихъ отношеніяхъ. Спрашиваю: какъ распорядились кіяне своими надѣлами на родинѣ,—продали ли они ихъ при переселеніи, и если кто продалъ, то за сколько?

— Зачѣмъ же намъ продавать?—откликнулось большинство.—Мы не хотимъ выпускать землю изъ рукъ. Мы и этою землею будемъ владѣть, и ту не упустимъ. Кто можетъ—самъ хозяйствуетъ и тутъ, и тамъ; кто не можетъ—поручаетъ землю въ кіевской губерніи брату или родичу; а кто—въ аренду отдаетъ...

Выходитъ, мало—скоплять пріобрѣтенную новую землю, надо держаться и старой, чтобы было побольше. Продали надѣлы всего 5 человѣкъ. Не желаютъ кіяне и перечисляться на новое мѣсто и составлять новое сельское общество.

— Мы тамъ, дóма, „сельское общество". Тамъ у насъ есть и своя волость, будетъ съ насъ этого. А къ здѣшней волости не желаемъ. Мы тутъ „частные владѣльцы"—на что-жъ намъ общество?

Тоже и по вопросу о судьяхъ. Тогда какъ другіе переселенцы ищутъ крестьянскаго суда или ходятъ въ мѣстный волостной судъ, или обзаводятся своимъ домашнимъ судомъ, кіяне—какъ ни часто ссорятся между собою и съ сосѣдями—не хотятъ ни того, ни другого.

— Мы—частные владѣльцы, для насъ есть мировой судья! Къ нему мы и ходимъ,—отозвались кіяне.

Словомъ, претензія на привилегированность сквозитъ во всемъ. Можетъ быть, это оттого, что у нихъ сохранилось преданіе о принадлежности ихъ предковъ къ шляхтѣ, которая только не съумѣла оставить надежныхъ доказательствъ дворянства, такъ что Якову много хлопотъ стоитъ мечта возвратить себѣ привилегированное состояніе. Суровыя же правила включили уже отцовъ ихъ въ податное, крестьянское состояніе.

Когда я выѣзжалъ изъ селенія кіянъ, меня повезъ на своихъ лошадяхъ Яковъ, рекомый дворянинъ. Долго онъ мнѣ разсказывалъ про притѣсненія и неправды своихъ сосѣдей, содравшихъ съ него много денегъ, а теперь еще пугающихъ его отнятіемъ земли, тогда какъ—чѣмъ же онъ хуже ихъ? Потомъ, помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— А какъ вы мнѣ посовѣтуете—стóитъ добиваться дворянства? Сколько я уже хлопоталъ и потратилъ на это, а чтó оно дастъ мнѣ?

— Самъ разсуди, чтò тебѣ отъ дворянства прибудетъ. Гоноръ развѣ?

— То-то и есть. И я въ послѣднее время начинаю думать, что это глупость. Мнѣ земли надо, хату себѣ обезпечить... вотъ чего мнѣ нужно. А дворянствомъ своимъ я сытъ не буду. Мой братъ давно догадался... Покину и я...

Слѣдующее переселенческое селеніе, верстъ за двѣсти отъ кіянъ, произвело на меня гораздо лучшее впечатлѣніе.

Пріѣхалъ я туда рано утромъ, когда въ деревнѣ чуть только начинала шевелиться жизнь. Указали мнѣ хату старосты, и я туда немедленно направился. Вижу, селеніе состоитъ изъ двухъ разрядовъ хатъ: однѣ старенькія, другія свѣжо-поставленныя. Это, какъ оказалось, происходило оттого, что прежде, до переселенія, здѣсь былъ маленькій поселокъ „десятинщиковъ“ [1]; имъ-то и принадлежали старыя хатки; а переселенцы поставили себѣ совсѣмъ новыя. Благодаря раннему пріѣзду моему, до начатія дневныхъ работъ, населеніе новой деревни живо собралось къ избѣ старосты. Здѣшніе переселенцы были подольскіе, перебравшіеся не изъ большого далека, всего верстъ за сто или около того. Тутъ уже народъ былъ ординарный, рядовой мужикъ.

Всѣхъ переселенцевъ числилось 50, и почти всѣ они были налицо; только человѣкъ 5 устранились отъ пользованія купленною землею да одинъ умеръ. На смѣну имъ принятъ тоже одинъ, и такимъ образомъ селеніе составилось изъ 45 дворовъ: 12 старыхъ хатъ и 33 новыхъ. Земля хорошая, и селеніе расположилось на удобномъ мѣстѣ, на берегу пруда, одинъ берегъ котораго принадлежитъ переселенцамъ, а другой—помѣщику. Купили переселенцы 500 десятинъ, слишкомъ за 30 тысячъ рублей, и почти четвертую часть этой суммы заплатили изъ своихъ средствъ. Гнала ихъ съ родины та же увеличивающаяся тѣснота и вздорожаніе земли, которыя гнали изъ дому и огромное большинство прочихъ переселенцевъ. И эти переселенцы, подобно прочимъ, высылали ходоковъ высматривать земли, и наконецъ одинъ изъ нихъ облюбовалъ купленную теперь.

---

[1]) Десятинщики—это особаго рода арендаторы, особенно распространенные въ губерніи. Главный контингентъ ихъ—мѣщане, земледѣльцы изъ бывшихъ крестьянъ, не получившихъ надѣла или отпущенныхъ на волю еще до „Положенія“. Они прочной осѣдлости не имѣютъ и ихъ нерѣдко перегоняютъ изъ одной деревни въ другую. Подробности о нихъ—въ статьѣ „Забытые пахари“ („Вѣстн. Европы“, № 3 за 1884).

Пошелъ я съ мужиками осматривать покупку, и здѣсь что ни шагъ—приходилось любоваться. Кромѣ хорошаго качества земли, очень красовался хлѣбъ на корню. Правда, пшеница почти пропала, но ее сѣяли немного, а прочій хлѣбъ — отличный. Ячмень и гречка —густыя, зернистыя, а просо такъ великолѣпно, такъ густо, высоко, зернисто, что я давнымъ-давно не видалъ такого.

— Что, кажется, хлѣбъ хорошъ?

— Благодаримъ Бога, слава Богу, уродило. Вотъ пшеничка пропала, за то все прочее такое, что лучше и не нужно. Какъ бы только Богъ помогъ убрать благополучно. Столько хлѣба не скоро уберешь, а тутъ уже и спасовка зашла (успенскій постъ). А вотъ гречку посмотрите—какая хорошая!

— Да что гречку, вонъ просо какое! кажется, сроду такого не видѣлъ!—отозвался другой мужикъ. И начали мужики, одинъ за другимъ, выхвалять хлѣбъ. Удовольствіе явственно выражалось на ихъ лицахъ. Почти отъ всего приходили въ восторгъ.

— Да у васъ тутъ и лѣсокъ есть?

— А какже, есть и лѣсъ, хорошій лѣсъ, нечего говорить.

Пошли мы осматривать лѣсъ. Его десятинъ около сорока, дубовый, и хотя не очень густой и молодой, но все-таки очень порядочный и цѣнный въ данной мѣстности. Тутъ мы и походили, и осмотрѣли, и полежали въ тѣни. Мужики наняли для охраны лѣса сторожей.

— Что же вы думаете дѣлать съ лѣсомъ?

— А что? беречь будемъ. Онъ намъ „сдастся" (пригодится). Посмотримъ еще, можетъ быть, можно будетъ въ лѣсу и фруктовые сады развести, какъ у насъ въ подольской губерніи. Славный лѣсокъ!

— Что и говорить! Все тутъ хорошо. И земля добрая, и хлѣбъ Богъ далъ хорошій, и лѣсъ, и ставъ (прудъ), а по горамъ (склоны и крутизны надъ долинами) хоть и не орать (пахать), такъ на пастьбу для скота годится. Хорошее тутъ пастбище. Много можно выпасти.

Пріятно было все это слушать, также какъ и глядѣть на довольныя лица. Ходя по лѣсу и межъ хлѣбовъ, мужики видимо любовались своимъ „имѣніемъ". А тотъ самый ходокъ, который пріискалъ эту землю, вдругъ остановился и, съ торжествомъ обводя вокругъ рукою, указывавшею на поля, лѣсъ, пастбища и пр., воскликнулъ:

— Вотъ какую я землю имъ отыскалъ! Потрудился, похлопоталъ, за то какъ будетъ хорошо!

Возраженій ни отъ кого не послѣдовало. Видно, ни у кого не явилось побужденія пожаловаться.

Вернувшись съ осмотра къ хатѣ, мы продолжали наши бесѣды. Вижу, хозяева хаты подумали и о моихъ удобствахъ. Показался са-

моваръ, а тамъ, глядь, на тарелочкѣ появляется жареная рыба. Это хозяйка успѣла приготовить, пока мы расхаживали. Время постное, „спасовка", и потому, при выборѣ угощенія, она не рѣшилась подать мнѣ скоромное.

Мужики все были рядовые. Только одинъ — звали его Софрономъ—казался одѣтымъ немного понараднѣе; видно — зажиточный. Да и всѣ прочіе обращались съ нимъ особенно почтительно. Не только говорили ему „вы", но, отзываясь о немъ и въ третьемъ лицѣ, употребляли мѣстоименіе множительнаго числа: „воны" (они). И дѣйствительно, Софронъ былъ для нихъ человѣкъ полезный. Когда приходилось отдавать помѣщику доплатныя деньги, у крестьянъ какъ-то не хватило тысячи рублей съ небольшимъ. Что тутъ дѣлать? Своихъ денегъ нѣтъ, поистратились, кредиту тоже нѣтъ. Тутъ Софронъ выручилъ. Пользуясь кредитомъ на родинѣ, онъ съѣздилъ туда, взялъ взаймы у еврея нужную сумму, по 9 процентовъ въ мѣсяцъ, и разсчетъ съ продавцомъ былъ конченъ. Его личный кредитъ выручилъ все товарищество. Черезъ мѣсяцъ Софронъ нашелъ возможность разсчитаться съ своимъ кредиторомъ-евреемъ, а затѣмъ и товарищи стали понемногу выплачивать Софрону, такъ что рублей 500 уже ему отдали.

Дошло до дѣлежа земли, и тутъ возникло затрудненіе: какъ быть съ долями 5 человѣкъ отказавшихся? Рѣшили сдѣлать такъ: по первоначальному разсчету на хозяина (на номеръ) приходилось по 10 десятинъ. Теперь накинули на номеръ еще по десятинкѣ, и сталъ номеръ уже въ 11 десятинъ. Но и затѣмъ остался еще излишекъ земли, а тутъ же человѣкъ восемь заявили, что не могутъ взять больше какъ по полуномеру. Тогда сдѣлали добавку четыремъ хозяевамъ, болѣе зажиточнымъ и способнымъ обработать большее количество земли. Софрону дали три номера, еще одному—два номера, да двоимъ по полтора. Всѣмъ же прочимъ, кромѣ упомянутыхъ восьми, удовольствовавшихся полуномеромъ, досталось поровну, по номеру, т.-е. по 11 десятинъ. Никакихъ жалобъ не возникло, всѣ казались довольными своимъ жребіемъ, и когда я обратился къ своимъ собесѣдникамъ съ вопросомъ:—не выбирали ли они себѣ судей и какъ вообще справляются съ судебною частію? — они дали мнѣ прелестный отвѣтъ: „Слава Богу, ссоръ между нами не было! Дай Богъ, и дальше такъ".

Вотъ только чѣмъ затруднялись эти переселенцы: для порядку нуженъ какой-нибудь староста, а у нихъ общество еще не утверждено, значитъ, и старосты нѣтъ.

— Что-жъ, другіе переселенцы выбрали себѣ старосту. Пока общество утвердитъ, они обходятся и такимъ выборнымъ.

— А коли такъ, то и мы готовы это сдѣлать, хоть сейчасъ.

Не успѣлъ я выѣхать изъ селенія, какъ среди схода раздались крики: ура! Это мужики выбрали себѣ временнаго старосту и привѣтствовали его избраніе. Выбранъ, разумѣется, Софронъ.

Деньги у этихъ переселенцевъ были, хотя не очень большія, такія, какъ у большинства переселенцевъ, рублей по 200, по 300, и пріобрѣтены онѣ также большею частію посредствомъ продажи надѣловъ. Это помогло имъ устроиться на новомъ мѣстѣ. Впрочемъ нѣсколько человѣкъ изъ этихъ переселенцевъ представляли собою выдѣляющихся изъ семей. Случалось такъ, что отецъ, оставшійся на родинѣ и испытывавшій уже тамъ тѣсноту, одному сыну оставлялъ надѣлъ на родинѣ, а другого пускалъ на переселеніе и на купленной въ чужой губерніи землѣ строилъ ему хату и заводилъ хозяйство. Бывшая въ составѣ купленной земли цѣлина распахана собственными силами переселенцевъ.

Были между переселенцами грамотные. Но это, впрочемъ, встрѣчалось и у другихъ переселенцевъ. Разъ даже я встрѣтилъ такой примѣръ. Заѣхавъ въ одну хату, я хозяина не засталъ. Были только хозяйка, молодая бабенка, съ двумя дочками. Одна изъ дочекъ, вертясь около меня, увидѣла книгу и назвала нѣсколько буквъ.—Гдѣ же ты училась?—спрашиваю ее.—„Мама учила насъ“.—Въ самое это время входитъ изъ другой комнаты хозяйка и, узнавъ про нашъ разговоръ, объясняетъ:

— Это я ихъ учила. По „Родному Слову“ учила.

Сельская баба, которая учитъ своихъ дѣвочекъ по „Родному Слову“—это уже совсѣмъ новое явленіе.

Въ томъ, что разсказано, представляется нѣсколько родовъ переселенцевъ: и неудачные, которымъ судьба, вмѣсто обилія, на первые годы послала два неурожая сряду; и такіе, которые вытерпѣли тяжкій неурожай, а потомъ вознаграждены слѣдующимъ годомъ; и попавшіе сразу подъ хорошій урожай; и зажиточные, и совсѣмъ безземельные, безъимущественные, которыхъ будущность очень неопредѣленна.

Слѣдуетъ въ заключеніе добавить, что многое еще нужно сдѣлать и въ законодательномъ отношеніи, и по части административныхъ мѣръ, для введенія у переселенцевъ порядка. Не говоря уже о томъ, что, пока переселенцы ищутъ себѣ земли, торгуются и заключаютъ съ продавцами условія, выдавая задатки, они лишены всякаго оффиціальнаго руководства и попечительства и предоставлены вліянію всякихъ факторовъ и совѣтчиковъ, блюдущихъ лишь

свой личный интересъ, — законъ не далъ переселенцамъ никакой организаціи для удовлетворенія ихъ нуждъ послѣ покупки земли. Переселенцы могутъ покупать землю только въ формѣ товариществъ,— такъ какъ цѣлыя общества не выселяются, — а что такое товарищества? Для нихъ въ законѣ нѣтъ никакихъ опредѣленій. Для нихъ не установлено ни старостъ, ни судей, ни сходовъ, ни опредѣленнаго порядка постановленія рѣшеній по общимъ дѣламъ. Они образовали новыя селенія, находящіяся въ совершенно такихъ же общественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ, какъ деревни сельскихъ обществъ, но не пользуются организаціею этихъ послѣднихъ. Какъ же тутъ жить цѣлому селенію? Много отсюда возникаетъ неурядицы [1]).

Удовлетвореніе подобныхъ нуждъ, изученіе существующихъ потребностей, возбужденіе и движеніе вопросовъ, ихъ касающихся, пойдетъ правильно тогда, когда у насъ явится спеціальное учрежденіе, завѣдывающее переселенческимъ дѣломъ, значеніе котораго ростетъ съ каждымъ годомъ.

Ѳ. Воропоновъ.

[1]) О проектѣ закона о земельныхъ товариществахъ см. далѣе, во „Внутр. Обозрѣніи". — *Ред.*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1887 г.

Отчетъ главнаго фабричнаго инспектора; сравненіе нашей фабричной инспекціи съ заграничною. — Новыя финансовыя мѣры: повышеніе табачнаго акциза и гербоваго сбора, конверсія закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. — Проектъ закона о крестьянскихъ земельныхъ товариществахъ.—Положеніе о подъѣздныхъ путяхъ и законъ объ общественномъ вознагражденіи. — Роль земства въ санитарномъ дѣлѣ. — Царевококшайскъ и Петербургъ.

Положеніе фабричной инспекціи—а слѣдовательно, и судьба новаго фабричнаго законодательства—до сихъ поръ продолжаетъ быть неопредѣленнымъ. Перейдетъ ли фабричный надзоръ изъ рукъ министерства финансовъ въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ, останется ли неприкосновеннымъ личный составъ инспекціи, сохранится ли направленіе, данное ей съ самаго начала—обо всемъ этомъ возможны лишь предположенія и догадки. Несомнѣнно только одно: агитація противъ новыхъ фабричныхъ порядковъ скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ, и средоточіемъ ея по прежнему является Москва. Лучшимъ отпоромъ противъ этой агитаціи служатъ оффиціальныя данныя о дѣятельности фабричной инспекціи. Съ отчетами фабричныхъ инспекторовъ наши читатели уже знакомы [1]); теперь къ нимъ присоединилась еще общая картина, начертанная главнымъ фабричнымъ инспекторомъ. Объединяя свѣденія, разбросанныя въ отдѣльныхъ отчетахъ, она дополняетъ ихъ личными наблюденіями главнаго инспектора, посѣтившаго, въ продолженіе отчетнаго года, всѣ девять фабричныхъ округовъ.

Тенденціозные противники новаго фабричнаго законодательства—а вслѣдъ за ними и болтуны, поющіе съ чужого голоса—возставали и возстаютъ противъ привлеченія въ ряды фабричной инспекціи

---

¹) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „В. Евр.“ за 1886 г. и № 1 за 1887.

профессоровъ, врачей и другихъ „дилеттантовъ“, не прошедшихъ ни черезъ канцелярію, ни черезъ фабричную контору. Отчетъ главнаго инспектора даетъ этому факту объясненіе, противъ котораго нельзя привести никакихъ разумныхъ аргументовъ. „Учебныхъ заведеній,—читаемъ мы въ отчетѣ, — которыя теоретически подготовляли бы молодыхъ людей для фабрично-инспекторскаго надзора, у насъ, какъ и за границей, не существуетъ; точно также нѣтъ и профессіи, благодаря которой человѣкъ могъ бы практически ознакомиться болѣе или менѣе основательно съ столь разнообразнымъ, особенно у насъ въ Россіи, міромъ, какъ заводско-фабричный. Даже бывшій фабрикантъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ фабричному инспектору: онъ можетъ, напримѣръ, хорошо знать одно производство — и не имѣть никакого понятія объ остальныхъ. А въ Англіи д-ръ Редгревъ, стоящій уже нѣсколько десятковъ лѣтъ во главѣ фабричной инспекціи своей страны, совсѣмъ не принимаетъ въ число инспекторовъ бывшихъ фабрикантовъ, какъ людей, которые, по его отзыву, основанному на многолѣтнемъ опытѣ, оказываются всего менѣе пригодными для надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ“. Если таковъ выводъ, къ которому привела англійская практика, то не ясно ли, что у насъ въ Россіи еще менѣе можетъ быть рѣчь о назначеніи агентовъ инспекціи изъ среды фабрикантовъ или завѣдывавшихъ фабриками? Средній уровень развитія въ англійскомъ мануфактурномъ мірѣ гораздо выше, чѣмъ въ нашемъ; внутренняя жизнь англійскихъ фабрикъ всегда была гораздо больше открыта для изслѣдованія и наблюденія, больше подчинена контролю общественнаго мнѣнія и печати. Русскій фабричный міръ, замкнутый и глухой, слишкомъ долго оставался во власти принципа: „нраву моему не препятствуй“; перейти отъ выработанныхъ имъ взглядовъ и традицій къ прямо противоположнымъ стремленіямъ фабричной инспекціи было бы возможно только подъ условіемъ перерожденія — а перерожденіе взрослаго человѣка удается слишкомъ рѣдко. Важно не столько то, что фабриканту хорошо извѣстно лишь одно производство, а фабричному инспектору должны быть извѣстны всѣ или многія—важно то, что фабрикантъ привыкъ смотрѣть на фабричное дѣло и на фабричныхъ рабочихъ съ такой точки зрѣнія, которая не имѣетъ и не должна имѣть ничего общаго съ задачами инспекціи. Чиновники, шедшіе обычнымъ бюрократическимъ путемъ, мало пригодны къ инспекторской дѣятельности по другой причинѣ. Инспекторъ долженъ во все входить лично, на все и на всѣхъ вліять непосредственно, какъ можно меньше писать и сидѣть у себя въ кабинетѣ — а канцелярская служба ни къ чему подобному не подготовляетъ и не располагаетъ. Разрывъ

съ обычной административной рутиной заслуживаетъ здѣсь поэтому полнаго сочувствія. Сообразуясь единственно съ назначеніемъ инспекціи, призванной ограждать здоровье рабочихъ, наблюдать за безопасностью производства и заботиться объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ, главный фабричный инспекторъ выбиралъ агентовъ инспекціи преимущественно изъ числа врачей, техниковъ и педагоговъ — и эта система была одобрена бывшимъ министромъ финансовъ. Отъ удержанія ея въ силѣ зависитъ, въ значительной степени, будущность фабричнаго надзора.

Какой громадный трудъ выпалъ на долю первыхъ представителей фабричной инспекціи, и съ какимъ усердіемъ онъ ими исполненъ— объ этомъ даетъ понятіе параллель, проведенная въ отчетѣ главнаго инспектора между нашей инспекціей и заграничной, въ особенности австрійской. Въ Австріи площадь каждаго фабричнаго района составляетъ, среднимъ числомъ, около 22 тысячъ квадратныхъ верстъ, у насъ — около 240 тысячъ, т.-е. въ десять разъ больше [1]). Самый большой австрійскій районъ (78 тысячъ кв. верстъ) превосходитъ величиною только одинъ, наименьшій русскій районъ (40 тысячъ кв. верстъ), уступая всѣмъ остальнымъ въ два, три, пять, шесть, семь разъ. Удобства сообщеній въ Австріи несравненно больше, чѣмъ у насъ; достаточно замѣтить, что на тысячу квадратныхъ верстъ въ Австріи приходится, среднимъ числомъ, *сорокъ-одна*, у насъ — *семь* верстъ рельсоваго пути. Несмотря на это, средняя цифра фабрикъ, осмотрѣнныхъ въ 1885 г. каждымъ агентомъ инспекціи, у насъ выше, чѣмъ въ Австріи; на каждаго агента приходится въ Австріи по 223, у насъ—по 272 фабрики. Отношеніе становится еще болѣе для насъ благопріятнымъ, если сравнить не число осмотрѣнныхъ фабрикъ, а число осмотровъ, т.-е. посѣщеній, какъ первоначальныхъ, такъ и повторныхъ. Это число выражается въ Австріи средней цифрой 245, у насъ—средней цифрой 384. Максимальная цифра осмотровъ въ Австріи 353, у насъ—814. Среднее число рабочихъ, приходящихся на долю каждой осмотрѣнной фабрики, въ Австріи меньше, нежели въ Россіи (85 и 116); чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше времени требуетъ осмотръ, тѣмъ больше онъ представляетъ затрудненій, — и все-таки наша инспекція успѣла опередить австрійскую, ничуть не уступая ей полнотою и разнообразіемъ собираемыхъ при осмотрахъ свѣденій. Въ Швейцаріи цифра осмотровъ въ первые годы, послѣ введенія въ дѣйствіе новаго фабричнаго законодательства, колебалась между 325 и 667, въ Англіи — между 300 и 500, хотя

[1]) Подъ именемъ фабричнаго района понимается здѣсь не цѣлый фабричный округъ, а только та часть его, которая находится въ завѣдываніи отдѣльнаго агента инспекціи — инспектора или помощника инспектора.

незначительность разстояній до крайности облегчала трудъ инспекціи. Въ Германіи цифра осмотровъ гораздо ниже; это объясняется множествомъ побочныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нѣмецкую инспекцію. Итакъ, наши инспекторы и ихъ помощники не отстали отъ своихъ западно-европейскихъ коллегъ, поставленныхъ въ несравненно лучшія условія. Такой блестящій результатъ нельзя приписать ничему другому, какъ сердечному отношенію къ дѣлу, глубокому убѣжденію въ его важности. „Фабричный инспекторъ, — говорится въ отчетѣ, — пускается въ путь во всякое время года, во всякую погоду, довольствуется первымъ попавшимся экипажемъ, по цѣлымъ днямъ не видитъ подходящей постели и не ѣстъ горячей пищи". Онъ посѣщаетъ преимущественно мѣстности глухія, отдаленныя отъ желѣзныхъ дорогъ, потому что именно здѣсь всего скорѣе можно ожидать злоупотребленій. Пользоваться гостепріимствомъ фабриканта неудобно; приходится искать ночлега въ крестьянской избѣ или грязномъ трактирѣ, послѣ дня, наполненнаго самою утомительной работой. Пробывъ часъ-другой въ удушливой, тридцатиградусной температурѣ какого-нибудь сахарнаго завода, гдѣ рабочіе раздѣваются до-нага, инспекторъ прямо попадаетъ на морозъ; въ мастерскихъ отбѣльныхъ или красильныхъ его обдаетъ сыростью; на спичечныхъ, фосфорныхъ, свинцово-бѣлильныхъ фабрикахъ онъ вдыхаетъ вредные газы, въ прядильняхъ задыхается отъ пыли, въ махорочныхъ чувствуетъ головокруженіе, на крупныхъ ткацкихъ фабрикахъ оглушается шумомъ сотни механическихъ станковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье. Почти половина агентовъ инспекціи переболѣла разстройствомъ нервовъ, простудными или желудочными болѣзнями; два инспектора заболѣли во время поѣздокъ по округу, третій сдѣлался совершенно неспособнымъ къ служебнымъ занятіямъ—именно потому, что не оставлялъ ихъ до послѣдней минуты, работая черезъ силу. Если прибавить ко всему этому непріятныя столкновенія съ фабрикантами, необходимость отписываться на жалобы, сплошь и рядомъ наполненныя придирками и ябедой, то не трудно представить себѣ незавидную судьбу людей, сильныхъ только сознаніемъ исполненнаго долга и принесенной пользы.

Еслибы фабричной инспекціи, въ настоящемъ ея видѣ, суждено было преждевременно сойти со сцены, ея короткое существованіе все-таки прошло бы не безслѣдно. До крайности цѣннымъ результатомъ ея дѣятельности является уже тотъ свѣтъ, который она пролила на нѣкоторыя стороны нашего фабричнаго быта. Не поразительны ли, напримѣръ, слѣдующія цифры, заимствуемыя нами изъ отчета главнаго фабричнаго инспектора? Въ то время, когда продолжительность

работы ограничена въ Англіи—десятью, въ Швейцаріи—одиннадцатью часами, когда въ Германіи двѣнадцати-часовая работа является рѣдкимъ исключеніемъ, у насъ двѣнадцать рабочихъ часовъ и больше составляютъ явленіе самое обыкновенное. Точныя свѣденія по этому предмету собраны относительно 1214 фабрикъ; между ними насчитывается 20% такихъ, гдѣ рабочее время продолжается болѣе полусутокъ, и почти 37% такихъ, гдѣ оно продолжается двѣнадцать часовъ (для Германіи соотвѣтствующія цифры—$1^1/_4$ и $2^1/_2$%, т.-е. всего неполныхъ 4% противъ нашихъ *пятидесяти-семи*). Не можетъ быть, чтобы столь краснорѣчивыя цифры остались безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе нашего фабричнаго законодательства. Практическимъ послѣдствіемъ законовъ, уже изданныхъ и введенныхъ въ дѣйствіе, является, прежде всего, повсемѣстное и сильное пониженіе числа малолѣтнихъ рабочихъ. Надъ этимъ явленіемъ пролито уже не мало крокодиловыхъ слезъ; оплакивалось за-одно и бѣдственное положеніе фабрикантовъ, теряющихъ необходимую категорію рабочихъ, и горе родителей, лишающихся поддержки, которою служилъ для нихъ трудъ дѣтей. Фабричной инспекціи ставилась въ вину неразумная строгость, заставившая фабрикантовъ уволить сразу массу малолѣтнихъ рабочихъ. Неосновательность всѣхъ этихъ сѣтованій и жалобъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Факты, собранные фабричною инспекціею, обнаружили полную возможность обойтись безъ дѣтскаго труда, даже тамъ, гдѣ онъ до сихъ поръ считался незамѣнимымъ. Имъ дорожили просто вслѣдствіе его дешевизны, а вовсе не вслѣдствіе особыхъ условій производства. Когда законъ 1 іюня 1882 г. повысилъ цѣнность дѣтскаго труда, его стали замѣнять трудомъ подростковъ и женщинъ. Очевидно, что отъ этого ничего не потеряло населеніе, такъ какъ спросъ на трудъ остался тотъ же самый; временный убытокъ родителей вознаградится съ избыткомъ сбереженіемъ дѣтскихъ силъ,—а фабриканты лишатся только небольшой доли прибыли, достававшейся имъ въ ущербъ физическому и нравственному здоровью подростающихъ поколѣній. Насколько трудъ малолѣтнихъ рабочихъ—въ предѣлахъ, дозволенныхъ новымъ закономъ—выгоденъ для фабрикантовъ, настолько онъ и удержится на практикѣ; увольненіе множества малолѣтнихъ составляетъ явленіе временное, повторявшееся вездѣ, гдѣ только предпринималась фабричная реформа. Когда начнется обратное движеніе, тогда настанетъ время для предъявленія къ фабрикантамъ серьезныхъ требованій относительно обученія малолѣтнихъ рабочихъ. Пока устройство фабричныхъ школъ зависитъ исключительно отъ доброй воли фабрикантовъ, нечего и думать о быстромъ ихъ распространеніи; нужно дождаться момента, когда завершится новая организація дѣтскаго труда — и затѣмъ

опредѣлить условія, при которыхъ учрежденіе школы должно быть *обязательно* для фабриканта. Неизбѣжность такого исхода едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, уже въ виду тѣхъ невыгодъ, которыя выпадаютъ теперь на долю наиболѣе добросовѣстныхъ фабрикантовъ. „Фабриканты, учредившіе по собственному своему почину школы и затратившіе на нихъ большія суммы,—читаемъ мы въ отчетѣ главнаго инспектора,—не могутъ не сѣтовать, да и дѣйствительно сѣтуютъ, на отсутствіе обязательности для всѣхъ промышленниковъ заботиться о школьномъ образованіи работающихъ у нихъ дѣтей. Часто въ одной и той же мѣстности при одной крупной фабрикѣ находится школа, и притомъ прекрасно организованная,— и тутъ же, по сосѣдству, стоитъ другая фабрика, столь же крупная и богатая, и съ бо́льшимъ числомъ малолѣтнихъ, владѣлецъ которой не тратитъ на ихъ образованіе ни копѣйки денегъ. Чтобы понять, какое значеніе можетъ имѣть такой фактъ въ дѣлѣ конкурренціи, достаточно указать на то, что иные фабриканты издерживаютъ на школьное образованіе дѣтей рабочихъ до 16 тысячъ рублей ежегодно".

Собственный опытъ и отчеты фабричныхъ инспекторовъ привели главнаго инспектора къ убѣжденію, что санитарное состояніе фабрикъ до крайности неудовлетворительно и безопасность рабочихъ ограждена весьма недостаточно. Самыя элементарныя мѣры предосторожности принимаются далеко не всегда и не вездѣ, а несчастные случаи приписываются собственной неосмотрительности рабочихъ. По справедливому замѣчанію главнаго инспектора, это объясненіе неуважительно уже потому, что гарантіей противъ опасностей, представляемыхъ фабричной обстановкой, не можетъ служить даже самая идеальная осторожность со стороны самого рабочаго. Скученность рабочихъ, слишкомъ высокая или слишкомъ низкая температура, изнурительная работа, доводящая до потери чувства самосохраненія, одуряющіе газы, пыль, пары, плохое освѣщеніе—все это устраняетъ возможность полагаться на одно только благоразуміе рабочихъ и настоятельно требуетъ общихъ предохранительныхъ мѣръ, зависящихъ отъ фабриканта. Не только у насъ, но и за границей (напр., въ Австріи) многіе фабриканты разсуждаютъ такъ: „до сихъ поръ несчастія съ людьми на фабрикѣ не случалось—авось не случится и на будущее время",— и этотъ фатализмъ остается въ полной силѣ вплоть до бѣды, рано или поздно неминуемой. Единственнымъ средствомъ положить конецъ апатіи и рутинѣ, стоившей уже столькихъ жертвъ, главный инспекторъ признаетъ изданіе закона, который обязывалъ бы промышленниковъ, подъ угрозою уголовной кары, заботиться объ огражденіи жизни и здоровья рабочихъ. Кое-что можетъ быть сдѣлано и теперь, путемъ настояній и разъясненій; главнымъ

инспекторомъ проектировано, между прочимъ, составленіе сборника наиболѣе употребительныхъ и удобопримѣнимыхъ огражденій, безспорно полезнаго для всѣхъ тѣхъ, кто грѣшитъ не столько равнодушіемъ и упорствомъ, сколько незнаніемъ. Само собою разумѣется, что самыя разумныя инструкціи, какъ и самый строгій законъ, останутся мертвой буквой, если некому будетъ примѣнять ихъ или если исполненіе ихъ перейдетъ въ руки учрежденія, организованнаго по заурядному бюрократическому шаблону. Необходимой предпосылкой для всякой дальнѣйшей фабричной реформы является сохраненіе фабричной инспекціи — въ особенности сохраненіе духа, которымъ она проникнута.

Отчетъ главнаго инспектора заставляетъ насъ возвратиться къ темѣ, которой мы касались уже неоднократно. Такъ поставить дѣло, какъ это удалось фабричной инспекціи, можно было только цѣною постояннаго самопожертвованія. Нельзя ни требовать, ни ожидать, чтобы оно оставалось навсегда отличительною чертою цѣлаго учрежденія. Крайнее напряженіе силъ не можетъ продолжаться долго; за нимъ непремѣнно должна послѣдовать реакція, вызванная утомленіемъ. Лучшимъ представителямъ фабричной инспекціи придется либо выбыть изъ строя, либо умѣрить свое рвеніе. Чтобы предупредить и то, и другое, необходимо облегчить задачу, лежащую на каждомъ агентѣ фабричной инспекціи. Умноженіемъ числа и уменьшеніемъ объема фабричныхъ районовъ достигнуть этой цѣли нельзя, потому что понадобилось бы слишкомъ большое увеличеніе штата инспекціи. Остается, затѣмъ, только одно: обращеніе къ содѣйствію городского и земскаго самоуправленія, къ добровольному труду всѣхъ тѣхъ, кто готовъ поработать для общей пользы. Опираясь на многочисленныхъ мѣстныхъ агентовъ, не получающихъ вознагражденія отъ правительства и соединяющихъ надзоръ за фабриками съ другими обязанностями и занятіями, фабричная инспекція получитъ возможность исполнить свое призваніе—исполнить его безъ чрезвычайныхъ усилій, которыхъ не выдержитъ, à la longue, самый крѣпкій организмъ, самая твердая воля. Въ медовый свой мѣсяцъ наша фабричная инспекція могла превзойти западно-европейскую количествомъ и, можетъ быть, даже качествомъ работы,—но съ теченіемъ времени неминуемо должна сказаться тяжесть условій, при которыхъ приходится дѣйствовать русскимъ инспекторамъ. Нужно приспособиться къ этимъ условіямъ, прежде чѣмъ они успѣютъ парализовать дѣятельность инспекціи; поправить дѣло всегда труднѣе, чѣмъ поддержать его — да и враги фабричнаго надзора поспѣшили бы обратить противъ него невольное ослабленіе его энергіи. Въ соединеніи правительственнаго надзора съ общественнымъ мы видѣли и видимъ единствен-

ный выходъ изъ затрудненій, представляемыхъ громадностью разстояній, разбросанностью фабрикъ и недостаточностью средствъ государственнаго казначейства.

Мѣсяцъ тому назадъ обнародованъ цѣлый рядъ новыхъ финансовыхъ мѣръ—первыхъ со времени перемѣны въ управленіи министерствомъ финансовъ и именно потому особенно интересныхъ. Общій ихъ характеръ—чисто палліативный; онѣ направлены исключительно къ увеличенію государственнаго дохода, а не къ болѣе равномѣрному распредѣленію податного бремени. Измѣненія въ таможенномъ тарифѣ запечатлѣны, сверхъ того, печатью протекціонизма—но въ этомъ нѣтъ ничего новаго; таможенная политика прежняго финансоваго управленія также была по преимуществу покровительственная. Повышены, кромѣ нѣкоторыхъ привозныхъ пошлинъ, табачный акцизъ и гербовый сборъ. Особенно чувствительнымъ повышеніе оказывается для низшаго сорта табаку—для такъ-называемой махорки; цѣна бандероля увеличена здѣсь вдвое (вмѣсто 1 коп. съ четверти фунта—двѣ копѣйки), а въ сравненіи съ цѣной, существовавшей до 1881 г.—вчетверо. Для табаку третьяго сорта цѣна бандероля повышена на половину (вмѣсто 12 коп. за фунтъ—18 коп.); для табаку второго сорта—на одну треть (вмѣсто 36 коп.—48 коп.); для табаку перваго сорта—на половину (вмѣсто 60 коп.—90 коп.). По отношенію къ папиросамъ и сигарамъ повышеніе акциза отличается нѣсколько бо́льшею справедливостью; цѣна бандероля на папиросы перваго сорта увеличена на одну треть (вмѣсто 15 коп. съ сотни—20 коп.), на папиросы второго сорта—на одну пятую (вмѣсто 7½ коп.—9 коп.); цѣна бандероля на сигары перваго сорта повышена на одну четверть (вмѣсто 80 коп.—1 рубль); цѣна бандероля на сигары второго сорта осталась безъ измѣненія. Если принять во вниманіе, что для покупателей папиросъ, сигаръ и табаку высшихъ сортовъ надбавка въ нѣсколько копѣекъ или десятковъ копѣекъ едва замѣтна, и что, наоборотъ, для покупателей дешеваго товара дорога каждая копѣйка, то повышеніе табачнаго акциза, очевидно, нельзя назвать перемѣной къ лучшему. То же самое слѣдуетъ сказать и о повышеніи гербоваго сбора. Простой гербовый сборъ и до сихъ поръ былъ уже довольно высокъ; оплачивать шестидесятью копѣйками каждый листъ бумаги, подаваемый въ судъ и получаемый изъ суда, для большинства тяжущихся было весьма нелегко—теперь на нихъ упадаетъ новое, значительное бремя, въ видѣ увеличенія простого гербоваго сбора на одну треть (вмѣсто 60—80 коп.). Повышеніе цѣны актовой гербовой бумаги отражается въ особенности на актахъ, относящихся къ сдѣлкамъ малоцѣннымъ—а такія сдѣлки заключаются, бо́льшею частью,

людьми недостаточными. Цѣнность бумаги, на которой пишутся акты на сумму отъ 50 до 300 рублей, возросла на 65% (1 руб. 65 коп. вмѣсто одного рубля), между тѣмъ какъ цѣнность остальныхъ сортовъ актовой бумаги увеличилась только на 25—30%. Ничего утѣшительнаго, такимъ образомъ, эти первые шаги новой финансовой политики не предвѣщаютъ.

Еще мéньшаго сочувствія заслуживаетъ, какъ намъ кажется, другая мѣра министерства финансовъ—конверсія металлическихъ закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. Не говоримъ уже о томъ, что она сопряжена съ пожертвованіями для государства, приносимыми въ пользу небольшой группы частныхъ лицъ; такой исходъ дѣла былъ предрѣшенъ еще въ 1885 году, при самомъ учрежденіи дворянскаго земельнаго банка, и не можетъ быть поставленъ въ пассивъ новаго финансоваго управленія. Въ нашихъ глазахъ всего прискорбнѣе освобожденіе вновь выпускаемыхъ закладныхъ листовъ отъ всякихъ налоговъ и сборовъ. Мы думали, что со времени введенія, въ 1885 г., налога на процентныя бумаги никакихъ новыхъ льготъ въ этомъ отношеніи даруемо не будетъ, что обложеніе государственнымъ сборомъ будетъ первымъ и непремѣннымъ условіемъ всякаго новаго выпуска банковыхъ билетовъ, закладныхъ листовъ, акцій или облигацій. Пока процентныя бумаги были свободны отъ налога, предоставленіе нѣкоторымъ изъ нихъ податной привилегіи могло казаться пустою, безобидною фразой; льгота, гарантированная закономъ, ничѣмъ, повидимому, не отличалась отъ льготы, основанной только на фактѣ. Различіе между той и другой обнаружилось при первомъ приступѣ къ обложенію процентныхъ бумагъ, когда правительству пришлось, вслѣдствіе прежде данныхъ обѣщаній, отказаться чуть не отъ половины справедливаго и удобовзимаемаго дохода. Возможность заключать новые займы, несвободные отъ налога, несомнѣнно доказана опытомъ; оставалось только держаться однажды установленнаго правила и стремиться къ распространенію сферы дѣйствій новаго сбора, путемъ конверсіи бумагъ, отъ него освобожденныхъ. Тѣмъ тяжелѣе видѣть возвращеніе къ системѣ льготъ и изъятій—возвращеніе, пріуроченное именно къ конверсіи, и притомъ къ конверсіи такихъ бумагъ, которыя до сихъ поръ подлежали пятипроцентному сбору. Налогъ на процентныя бумаги съ самаго начала былъ до крайности непопуляренъ въ тѣхъ сферахъ, которыя привыкли считать себя свободными отъ всякихъ обязательныхъ платежей на общую пользу; но справедливость его была такъ очевидна, что громкихъ выраженій неудовольствія было немного. „Московскія Вѣдомости“ были, если не ошибаемся, единственнымъ òрганомъ печати, рѣшившимся открыто возстать противъ положенія о пяти-процентномъ

сборѣ. Теперь слѣдуетъ ожидать усиленія агитаціи, идущей изъ самыхъ некрасивыхъ побужденій. Въ одномъ изъ лучшихъ созданій бывшаго министра финансовъ пробита первая брешь — и за нею легко могутъ послѣдовать другія.

Рядомъ съ налогомъ на процентныя бумаги стоитъ, по своему характеру и своей цѣли, налогъ на имущества, переходящія безмездными способами. Одинаково направленные къ уменьшенію несправедливости, долго и нераздѣльно господствовавшей въ нашей податной системѣ, они оба служили однимъ изъ главныхъ источниковъ вражды, которую имѣлъ честь навлечь на себя бывшій министръ финансовъ— и оба составляютъ мишень, въ которую цѣлятъ теперь приверженцы *добраго* (для не-плательщиковъ) *стараго времени*. Одинъ изъ нотаріусовъ города С.-Петербурга напечаталъ недавно цѣлый обвинительный актъ противъ налога на наслѣдства, „убыточнаго для казны, противнаго нашему національному духу, подрывающаго семейное начало и вносящаго деморализацію въ среду собственниковъ“. Въ этомъ нападеніи мы видимъ довольно характеристичный „признакъ времени“. Мы нашли бы совершенно естественными указанія спеціалиста на *техническія* несовершенства новаго закона, на затрудненія и неудобства, обусловливаемыя способомъ взиманія налога; но въ перенесеніи вопроса на принципіальную почву ясно отразились вѣянія минуты, благопріятныя для всего похожаго на привилегію и непріязненныя ко всему похожему на справедливость. Весьма можетъ быть, что положеніе 15 іюня 1882 г. требуетъ нѣкоторыхъ частныхъ поправокъ, что порядокъ исполненія его могъ бы быть установленъ нѣсколько иной, менѣе тяжелый для наслѣдниковъ; но главное его основаніе— обложеніе *всѣхъ* безъ исключенія наслѣдствъ, стоимость которыхъ превышаетъ извѣстную сумму, и постепенный ростъ обложенія, по мѣрѣ отдаленности родства между наслѣдникомъ и наслѣдодателемъ— представляется совершенно безупречнымъ. Если налогъ на наслѣдства даетъ казнѣ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ него, то это объясняется недостаточнымъ распространеніемъ въ нашемъ обществѣ здравыхъ понятій о гражданскомъ долгѣ. Привычка ничего не платить въ казну не можетъ исчезнуть сразу; она влечетъ за собою длинный рядъ уловокъ и ухищреній, имѣющихъ цѣлью ускользнуть отъ налога или уменьшить легальную его цифру. „Деморализація“, выражающаяся въ этихъ попыткахъ, существовала и существуетъ помимо новаго закона; онъ только вызываетъ ее наружу, раскрываетъ зло, взлелѣянное вѣковымъ господствомъ несправедливой податной системы. Явная болѣзнь менѣе опасна, чѣмъ скрытая, таящаяся въ глубинѣ организаціи. Исцѣленія слѣдуетъ искать не въ отмѣнѣ закона, составляющаго поворотный пунктъ въ исторіи нашей

финансовой политики,—а въ борьбѣ противъ преданій и предразсудковъ, разрѣшающихъ или извиняющихъ обманъ, если только его жертвой является „казна“. У насъ все еще слишкомъ расположены забывать, что средства „казны“ образуются изъ средствъ народа и что всякое облегченіе „привилегированныхъ“ сословій равносильно еще большему обремененію непривилегированной массы.

Среди колебаній финансовой политики одно только учрежденіе продолжаетъ идти прежней дорогой, не встрѣчая на ней, къ счастію, никакихъ искусственныхъ препятствій; это—крестьянскій поземельный банкъ. Два мѣсяца тому назадъ мы говорили, со словъ г. Воропонова, о затруднительномъ положеніи крестьянскихъ товариществъ, купившихъ землю съ помощью крестьянскаго банка; теперь мы узнаемъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, что въ близкомъ будущемъ предстоитъ изданіе закона, регулирующаго организацію этихъ товариществъ. Товариществамъ предполагается дать сходы, постановляющіе рѣшенія большинствомъ голосовъ, избирающіе выборныхъ для завѣдыванія общими дѣлами, распредѣляющіе платежи между отдѣльными товарищами, распоряжающіеся передѣлами и взысканіемъ недоимокъ. При такомъ порядкѣ члены товарищества зависѣли бы отъ своихъ старыхъ обществъ только въ отношеніи къ получкѣ паспортовъ, къ отбыванію воинской повинности и къ пользованію надѣльной землей, если она не передана ими въ другія руки. Товарищества переселенческія предполагается включить въ составъ мѣстныхъ волостей; каждое изъ нихъ будетъ имѣть особаго выборнаго, исполняющаго обязанности сельскаго старосты. Изъ товарищей-переселенцевъ, успѣвшихъ сдать надѣлъ и покончить всѣ счеты съ родиной, будутъ образуемы новыя сельскія общества, къ которымъ могутъ примыкать и другіе товарищи, по мѣрѣ освобожденія ихъ отъ прежнихъ отношеній. По окончаніи этой процедуры, земля товарищества будетъ считаться принадлежащей уже не ему, а сельскому обществу. Съ цѣлью очищенія товариществъ отъ „фиктивныхъ членовъ“ (т.-е. отъ лицъ, по купчей крѣпости числящихся покупателями, но на самомъ дѣлѣ не принимавшихъ участія въ покупкѣ или отказавшихся отъ нея), будетъ установленъ годовой или двухгодичный срокъ, по истеченіи котораго членами товарищества будутъ считаться только явившіеся на мѣсто, занявшіе землю и платящіе за нее. Въ составъ товарищества будутъ зачисляться, зато, новые фактическіе его члены, примкнувшіе къ нему уже послѣ покупки. При дѣйствіи такихъ правилъ существованіе товарищества будетъ обезпечено вполнѣ, дѣятельность его—упорядочена какъ нельзя лучше. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, остается только желать, чтобы проектируемый законъ былъ распространенъ на всѣ крестьянскія земель-

ныя товарищества, каковъ бы ни былъ способъ, каково бы ни было время ихъ образованія.

Законодательная сессія 1886—87 г. закончилась безъ шума, но не безъ пользы. Крупныхъ нововведеній—въ родѣ учрежденія земскихъ начальниковъ или реформы реальныхъ училищъ — она съ собой не принесла, но зато привела къ концу два скромныя преобразованія, давно уже стоявшія на очереди. Первое изъ нихъ касается подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ. На основаніи положенія 14-го апрѣля 1887 г., подъѣздные пути—какъ рельсовые, съ механическими или живыми двигателями, такъ и шоссированные или мощеные—могутъ быть устроиваемы земскими учрежденіями, городскими и сельскими обществами, товариществами и отдѣльными лицами. Если они должны проходить по землѣ, не принадлежащей тому, кто ихъ устроиваетъ, и если между устроителемъ пути и землевладѣльцами не состоится добровольное соглашеніе, то изысканія, необходимыя для устройства пути, могутъ быть произведены съ разрѣшенія особаго присутствія, образуемаго, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы и инспектора подлежащей желѣзной дороги. Принудительное отчужденіе земли подъ подъѣздной путь допускается на общемъ основаніи, съ Высочайшаго разрѣшенія. Все это вмѣстѣ взятое должно значительно облегчить устройство подъѣздныхъ путей, теперь часто затрудняемое упрямствомъ и несговорчивостью отдѣльныхъ лицъ. Наши землевладѣльцы слишкомъ расположены вѣрить въ свое абсолютное jus utendi et abutendi; новый законъ напомнитъ имъ весьма кстати, что для произвола собственниковъ есть предѣлъ, что личный интересъ—а тѣмъ болѣе личный капризъ — сплошь и рядомъ долженъ уступать интересу общественному. Принудительное отчужденіе предпринималось до сихъ поръ сравнительно рѣдко; положеніе о подъѣздныхъ путяхъ должно сдѣлать его явленіемъ гораздо болѣе обыкновеннымъ—и способствовать этимъ самымъ ослабленію господствующаго предразсудка. Отъ отсутствія или недостатка, въ данной мѣстности, подъѣздныхъ путей страдаетъ, повидимому, исключительно одна эта мѣстность — но на самомъ дѣлѣ лишеніе, чувствуемое почти вездѣ, представляется зломъ общенароднымъ, устраненіе или уменьшеніе котораго входитъ въ число важнѣйшихъ задачъ государственной власти. Другое облегченіе устройства подъѣздныхъ путей, созданное новымъ закономъ, заключается въ разрѣшеніи арендовать для нихъ землю на сроки до шестидесяти лѣтъ, т.-е. на время гораздо болѣе продолжительное, чѣмъ то, которымъ ограничена у насъ вообще земельная аренда. Намъ кажется,

что въ данномъ случаѣ ничто не мѣшало бы допустить аренду еще болѣе долгосрочную или даже безсрочную. Не вполнѣ практичнымъ можно признать только одно постановленіе новаго закона. Раздѣляя подъѣздные пути на пути общаго и частнаго пользованія, положеніе 14-го апрѣля опредѣляетъ, что за сообщеніе по путямъ общаго пользованія можетъ быть взимаема плата, кѣмъ слѣдуетъ утвержденная; что касается до подъѣздныхъ путей частнаго пользованія, то ихъ владѣльцы не обязаны допускать передвиженія по нимъ постороннихъ лицъ и грузовъ, но, допустивъ его, не въ правѣ взимать за то плату. Для насъ не вполнѣ понятно послѣднее запрещеніе. Чѣмъ чаще пути частнаго пользованія будутъ становиться, хотя бы отчасти, хотя бы условно, доступными для постороннихъ лицъ, тѣмъ лучше, — а это было бы значительно облегчено разрѣшеніемъ владѣльцу взимать плату за пользованіе путемъ (само собою разумѣется, что максимальный размѣръ этой платы могъ бы быть опредѣленъ закономъ или административнымъ распоряженіемъ). При дѣйствіи правила, приведеннаго нами выше, владѣлецъ пути частнаго пользованія не будетъ имѣть никакого интереса допускать сообщеніе по этому пути; онъ будетъ скорѣе заинтересованъ въ противномъ, потому что усиленное движеніе требуетъ и усиленныхъ затратъ по ремонту пути. Конечно, отъ владѣльца зависитъ объявить устроенный имъ путь путемъ общаго пользованія и взимать въ свою пользу плату со всѣхъ проѣзжающихъ; но могутъ быть случаи, когда безусловная доступность пути не входитъ въ разсчеты владѣльца—и тогда ему не остается выбора между безусловнымъ запрещеніемъ проѣзда и разрѣшеніемъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, *безплатнаго* пользованія дорогой.

Другой законъ, обнародованный одновременно съ положеніемъ о подъѣздныхъ путяхъ, относится къ такъ-называемому общественному вознагражденію, т.-е. къ вознагражденію за имущества, отходящія на государственныя и общественныя надобности. Главное различіе между новыми правилами и дѣйствовавшими до сихъ поръ постановленіями свода законовъ гражданскихъ заключается въ томъ, что сводъ предусматривалъ только принудительное *отчужденіе* имуществъ, а новыя правила допускаютъ, сверхъ того, принудительное срочное занятіе имущества и принудительное установленіе права участія въ пользованіи имуществомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ же интересы государственной или общественной пользы, во имя которыхъ допускается принудительное отчужденіе имущества, могутъ требовать иногда временныхъ или частныхъ ограниченій права собственности. Расширеніе сферы „общественнаго вознагражденія" представляется, поэтому, вполнѣ правильнымъ и цѣлесообразнымъ; въ

его пользу говоритъ и все то, что́ сказано нами выше по поводу принудительнаго проведенія подъѣздныхъ путей. Укажемъ только на одно недоразумѣніе, возбуждаемое текстомъ закона. Первая его статья (или, слѣдуя нумераціи десятаго тома свода законовъ гражданскихъ, статья 575-ая) изложена въ общихъ выраженіяхъ, позволяющихъ думать, что принудительное установленіе права участія въ пользованіи имуществомъ—какъ и принудительное отчужденіе или временное занятіе имущества,—можетъ имѣть мѣсто каждый разъ, когда этого требуетъ государственная или общественная польза. Между тѣмъ одна изъ слѣдующихъ статей (606-ая)—единственная, относящаяся спеціально къ принудительному установленію права участія въ чужомъ имуществѣ—изложена слѣдующимъ образомъ: „право участія въ пользованіи чужимъ недвижимымъ имуществомъ можетъ быть установлено для безпрепятственнаго производства работъ по устройству подъѣздныхъ путей. Участіе въ пользованіи владѣльческими землями, смежными съ занятою подъ предпріятіе мѣстностью, разрѣшается также для добыванія необходимыхъ при производствѣ работъ матеріаловъ, для устройства снѣговыхъ защитъ вдоль линій желѣзныхъ дорогъ и т. п., но владѣльцы земель въ правѣ потребовать полнаго отчужденія оныхъ и уплаты вознагражденія на общемъ основаніи". Спрашивается, прежде всего, имѣетъ ли эта статья исчерпывающее значеніе, т.-е. ограничиваетъ ли она принудительное установленіе права участія только одною общественною надобностью: проведеніемъ и содержаніемъ въ порядкѣ подъѣздныхъ путей? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что ограничиваетъ, потому что ни о чемъ иномъ въ ней нѣтъ и рѣчи; но какъ же согласить ее, въ такомъ случаѣ, съ первою статьею закона? Проведеніе подъѣздныхъ путей — далеко не единственное общеполезное дѣло, для котораго можетъ понадобиться пользованіе чужою землею; на какомъ же основаніи пріурочивать исключительно къ нему одному новый юридическій институтъ, необходимость котораго доказана опытомъ и признана законодательною властью? Укажемъ, для примѣра, на осушеніе и орошеніе луговъ или полей, невозможное, сплошь и рядомъ, безъ проведенія канавъ по чужой землѣ. Соглашеніе по этому предмету весьма легко можетъ встрѣтить тѣ же препятствія, какъ и соглашеніе относительно проведенія подъѣзднаго пути—и здѣсь, какъ и тамъ, единственнымъ средствомъ къ достиженію цѣли можетъ оказаться вмѣшательство государственной власти. Мы думаемъ, что ст. 606-ая не отмѣняетъ общаго смысла ст. 575-ой, по которой принудительное установленіе права участія обусловлено только однимъ: признаніемъ его необходимости

Въ другихъ отношеніяхъ различіе между прежними правилами объ общественномъ вознагражденіи и новымъ закономъ не можетъ

быть названо существенно-важнымъ. Новый законъ ограничиваетъ вознагражденіе владѣльца, при принудительномъ отчужденіи имущества, одною оцѣночною суммой (съ процентами со времени занятія имущества), отмѣняя, этимъ самымъ, существовавшее до сихъ поръ добавочное вознагражденіе за убытки, въ размѣрѣ одной пятой части оцѣночной суммы. Это вполнѣ справедливо, потому что убытокъ владѣльца выражается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, именно стоимостью отчуждаемаго имущества — а источникомъ обогащенія принудительное отчужденіе для частнаго лица служить не должно. Владѣльцу предоставляется, зато, право обратнаго выкупа имущества, если предпріятіе, для надобностей котораго оно было отчуждено, не состоялось или прекратилось. Отмѣтимъ, въ заключеніе, двѣ мелкія, но характеристичныя черты новаго закона. До сихъ поръ составъ коммиссіи, призванной къ оцѣнкѣ отчуждаемаго имущества, измѣнялся смотря по тому, гдѣ находилось имущество—въ городѣ или въ уѣздѣ; уѣздный предводитель дворянства предсѣдательствовалъ въ коммиссіи только въ послѣднемъ случаѣ. Теперь онъ является непремѣннымъ предсѣдателемъ коммиссіи, все равно, идетъ ли рѣчь объ имуществѣ городскомъ или сельскомъ. Гдѣ нѣтъ предводителя дворянства, тамъ предсѣдательство въ коммиссіи (уѣздной) принадлежало, до сихъ поръ, уѣздному судьѣ или предсѣдателю мирового съѣзда; теперь оно предоставляется уѣздному исправнику. Итакъ, господствующія теченія отразились даже въ сферѣ, стоящей далеко въ сторонѣ отъ воинствующей политики; дворянскому элементу отведено болѣе почетное мѣсто, чѣмъ прежде, и полиціи оказано предпочтеніе передъ судомъ.

Въ переживаемую нами минуту приходится радоваться всему тому, что свидѣтельствуетъ о признаніи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ жизнеспособности земскихъ учрежденій. Съ этой точки зрѣнія не лишены нѣкотораго значенія оба закона, только-что разсмотрѣнные нами. Положеніе 14-го апрѣля включаетъ земство въ число юридическихъ лицъ, имѣющихъ право строить подъѣздные пути, и призываетъ предсѣдателя губернской земской управы къ участію въ присутствіи, разрѣшающемъ изысканія и представляющемъ о принудительномъ занятіи земли, необходимой для устройства дороги. Законъ объ общественномъ вознагражденіи вводитъ предсѣдателя или члена уѣздной земской управы въ составъ коммиссіи, оцѣняющей отчуждаемое имущество (если оно лежитъ внѣ городской черты). И здѣсь, и тамъ, слѣдовательно, земство признается существующимъ и способнымъ къ существованію; представителямъ

его открываются новыя поприща дѣятельности. Не такъ, конечно, отнесся бы къ нему законодатель, еслибы оно было предназначено къ упраздненію или къ постепенному вымиранію. Еще болѣе яркое доказательство живучести и жизненности земства мы находимъ въ обнародованныхъ недавно свѣденіяхъ о дѣятельности коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (подъ предсѣдательствомъ С. П. Боткина) для обсужденія вопроса объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшеніи смертности въ Россіи [1]). По единогласному почти отзыву всѣхъ должностныхъ и частныхъ лицъ, выслушанныхъ коммиссіею, въ составъ проектируемаго центральнаго санитарнаго управленія непремѣнно долженъ быть введенъ земскій элементъ; агенты, на которыхъ возложена будетъ обязанность наблюденія за производствомъ оздоровительныхъ работъ, должны состоять на службѣ городского и земскаго самоуправленія, пользуясь безусловною самостоятельностью и „обезпеченностью отъ всякаго рода вѣяній". „Безъ предварительнаго соглашенія земскихъ представителей на областныхъ съѣздахъ, — говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земско-санитарнаго дѣла (докторъ Песковъ, теперешній владимірскій фабричный инспекторъ),—принудительная регламентація, въ лучшемъ случаѣ, можетъ привести къ бездушной формалистикѣ, т.-е. къ очищенію нумеровъ бумагъ, а въ худшемъ—къ тому, что земства станутъ относиться безучастно къ устройству у себя разумной врачебной помощи". По словамъ двухъ другихъ спеціалистовъ — профессора Эрисмана и завѣдующаго московскимъ земскимъ санитарнымъ бюро, Е. А. Осипова — „проектируемая санитарная реформа можетъ быть раціональною только при условіи возможно широкой децентрализаціи, съ предоставленіемъ земству бóльшаго единства, бóльшей самостоятельности и бóльшаго довѣрія; въ противномъ случаѣ преобразованія не встрѣтятъ никакихъ симпатій въ русскомъ обществѣ и могутъ прямо повредить текущему ходу санитарнаго дѣла". И дѣйствительно, санитарное дѣло, какъ и народная медицина, какъ и народная школа, создано въ Россіи никѣмъ инымъ, какъ земствомъ; только земствомъ оно и можетъ быть поставлено на надлежащую высоту, конечно съ помощью правительственной власти. Самыя ошибки, сдѣланныя тѣмъ или другимъ земствомъ въ устройствѣ санитарной части, принесли свою долю пользы, указавъ на пути, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, на опасности, которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Опытовъ, самыхъ разнообразныхъ, произведено теперь уже довольно; пора вывести изъ нихъ общія начала, въ примѣненіи и развитіи которыхъ земскому и городскому самоуправленію долженъ быть предоставленъ возможно бóльшій просторъ. Установка этихъ началъ должна быть одною изъ

[1]) См. „Русскія Вѣдомости", №№ 149 и 151.

главныхъ задачъ проектируемаго центральнаго управленія; затѣмъ, по справедливому замѣчанію гг. Осипова и Эрисмана, ему должно принадлежать высшее наблюденіе за дѣятельностью мѣстныхъ óрга-новъ, содѣйствіе имъ во всемъ томъ, чтò превышаетъ ихъ силы, объединеніе мѣръ, направляемыхъ къ одной и той же цѣли, и восполненіе пробѣловъ, оставляемыхъ мѣстной иниціативой. Другими словами, центральное санитарное управленіе не должно быть *начальствомъ* мѣстныхъ самоуправляющихся учрежденій; самостоятельность послѣднихъ должна остаться неприкосновенною, и дѣйствіе правительственной власти должно начинаться только тамъ, гдѣ заканчивается, за недостаткомъ средствъ, энергіи или умѣнья, дѣятельность мѣстнаго представительства. При такомъ взаимномъ отношеніи обоихъ элементовъ, призванныхъ къ охраненію народнаго здоровья, нельзя уже будетъ обращать въ орудіе противъ всего земства отдѣльные случаи бездѣйствія земскихъ учрежденій; отъ правительства всегда будетъ зависѣть разбудить спящихъ, сохраняя полную свободу за бодрствующими.

Область народной медицины и народной гигіены — далеко не единственная, къ которой примѣнимо все сказанное нами выше. Самоуправленіе, земское и городское, нигдѣ не требуетъ ограниченій, урѣзокъ; его случайныя ошибки могутъ быть исправляемы правительственною властью; его дальнѣйшее развитіе вполнѣ совмѣстно съ ея призваніемъ и ея правами. Органы самоуправленія не всегда дѣйствуютъ безупречно — но вѣдь и óрганамъ правительства несвойственна непогрѣшимость. Неудачи и тамъ, и тутъ чередуются съ удачами, апатія—съ энергіей, близорукость—съ прозорливостью, односторонность и пристрастіе — съ справедливостью и шириною взгляда. Въ послѣднее время надѣлала не мало шуму исторія московскихъ водопроводовъ. Образъ дѣйствій московской думы, отдавшейся съ завязанными глазами въ руки городского головы и предоставившей ему безконтрольную власть въ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей городского хозяйства, безспорно заслуживаетъ полнѣйшаго порицанія,—но доказательствомъ противъ самоуправленія вообще онъ ни въ какомъ случаѣ служить не можетъ. Нашелся, во-первыхъ, законный путь къ отмѣнѣ рѣшенія думы; правительственная власть оказалась далеко не безоружной и поспѣшила воспользоваться своимъ оружіемъ. За неслыханную податливость думы отвѣчаетъ, во-вторыхъ, не основное начало самоуправленія, а та неудовлетворительная избирательная система, какая установлена Городовымъ Положеніемъ 1870 года. Несостоятельность этой системы давно уже ни для кого не составляетъ тайны, и не равнодушію русскаго общества, не молчанію русской печати слѣдуетъ приписать сохраненіе ея въ силѣ до настоящей минуты. Несмотря на столь неблагопріят-

ныя условія, городскому самоуправленію все-таки удалось возвести цѣлый рядъ построекъ, достаточно оправдывающихъ его существованіе. Приведемъ этому два примѣра—одинъ изъ жизни маленькаго захолустнаго городка, другой—изъ жизни столицы.

Въ тѣхъ городахъ Россіи, гдѣ значительная часть населенія занимается преимущественно хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, жизненнымъ вопросомъ для большинства жителей является порядокъ пользованія городскою землею. Слишкомъ часто, подъ вліяніемъ купеческой партіи, посылаемой въ думу избирателями первыхъ двухъ разрядовъ, земля сдается въ аренду крупными участками, небольшому числу съемщиковъ, которые раздаютъ ее по мелочамъ, за гораздо высшую цѣну, лицамъ, дѣйствительно нуждающимся въ землѣ, или перепродаютъ съ громаднымъ барышомъ собранный съ арендованной земли хлѣбъ или сѣно. Иногда мѣщанамъ-хлѣбопашцамъ удается взять верхъ на выборахъ — и тогда въ способѣ пользованія землею происходитъ крутая перемѣна. Театромъ такой побѣды былъ недавно городъ Царевококшайскъ (казанской губерніи). Триста десятинъ городской пашни и пятьсотъ-шестьдесятъ десятинъ городского луга были сданы въ аренду на двѣнадцать лѣтъ нѣсколькимъ „богатѣямъ", получавшимъ отъ 200 до 300% чистой прибыли; такъ напримѣръ, стогъ сѣна, стоившій арендатору отъ 4 до 6 рублей, продавался по 12—20 руб.,—а бывали годы, въ которые цѣна стога доходила до 25 и даже до 30 рублей. Срокъ аренды, наконецъ, окончился — и дума рѣшила сдать всю пашню и бо̀льшую часть луга мѣщанскому обществу, съ тѣмъ, чтобы земля распредѣлялась между всѣми, заявляющими на то желаніе. Передача участковъ въ другія руки безусловно запрещена; кто не желаетъ воспользоваться взятою имъ землею, тотъ долженъ передать ее обратно городскому управленію. Часть луговъ оставлена въ хозяйственномъ завѣдываніи городской управы, съ тѣмъ, чтобы получаемое съ нихъ сѣно продавалось городскимъ обывателямъ по заготовительной цѣнѣ, съ надбавкою 10—20%. По словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 128), все это вызвало въ городѣ давно небывалое оживленіе. „Бѣдное населеніе городка пробавлялось до сихъ поръ мелкой торговлей, маклачествомъ и отхожими заработками. Теперь многіе бросили свое маклачество и занялись землею. Почти не видно праздныхъ ротозѣевъ, которые въ былое время толкались около лавочекъ. Во время сѣнокоса картина еще болѣе измѣнится. Желающихъ имѣть луга явится много; для ихъ обработки не требуется инвентаря, и вѣроятно обыватели всѣ пустятся въ косьбу". Вотъ къ какимъ результатамъ можетъ привести городское самоуправленіе, когда оно свободно отъ давленія привилегированнаго меньшинства.

Царевококшайскъ занимаетъ одну изъ послѣднихъ ступеней го-

родской лѣстницы; на противоположномъ ея концѣ стоитъ Петербургъ. Многіе грѣхи и недочеты петербургскаго самоуправленія простятся ему за то, чтб оно сдѣлало и продолжаетъ дѣлать для народнаго образованія. Отчетъ училищной коммиссіи, изготовляемый ежегодно ко дню торжественнаго акта начальныхъ училищъ (30-го мая), принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ пунктовъ, на которыхъ съ отраднымъ чувствомъ можетъ остановиться лѣтописецъ современной общественной жизни. Подробно говорить о немъ мы на этотъ разъ не будемъ, потому что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ отчетъ за цѣлое десятилѣтіе, истекшее со времени передачи начальныхъ городскихъ училищъ изъ вѣденія министерства народнаго просвѣщенія въ вѣденіе городского самоуправленія; отмѣтимъ только нѣсколько фактовъ и цифръ, особенно выдающихся. Число начальныхъ городскихъ училищъ возросло, въ 1886 г., съ 207 на 230 (128 мужскихъ и 102 женскихъ), число учащихся—съ 9.978 до 11.036 (6.242 мальчика и 4.794 дѣвочки); расходъ на училища достигъ почти полумилліона рублей (вмѣсто четырнадцати тысячъ, которыми онъ ограничивался десять лѣтъ тому назадъ). Весьма значительный процентъ учительницъ (больше половины) получили высшее образованіе, т.-е. окончили высшіе или педагогическіе курсы. Неудивительно, поэтому, что городское управленіе отдаетъ учительницамъ предпочтеніе передъ учителями; послѣднихъ числится въ начальныхъ городскихъ училищахъ только 28 (въ 1885 г. было 27), первыхъ — 202 (въ 1885 г. было 180),—другими словами, изъ 23 училищъ, вновь открытыхъ въ 1886 г., учитель назначенъ только въ одно. Помимо болѣе широкаго образованія, учительницы имѣютъ на своей сторонѣ, по удостовѣренію училищной коммиссіи, и преимущество бо̀льшей любви къ дѣлу. О ходѣ ученья въ начальныхъ городскихъ училищахъ мы находимъ самыя утѣшительныя свѣденія въ отчетѣ городского училищнаго совѣта, большинство котораго составляютъ не представители города, а должностныя лица (въ томъ числѣ и уполномоченный отъ духовнаго начальства). „По церковно-славянскому языку,—читаемъ мы въ этомъ отчетѣ,—успѣхи учащихся изъ года въ годъ улучшаются. Въ большинствѣ школъ дѣти дѣйствительно доводятся до свободнаго и правильнаго чтенія, съ передачею прочитаннаго“. Между тѣмъ обученіе церковно-славянскому языку начинается только въ среднемъ отдѣленіи—т.-е. продолжается два года—и для него отводится одинъ или два часовыхъ урока въ недѣлю. Мы желали бы знать, чтб думаютъ объ этомъ фактѣ исключительные приверженцы церковной школы, требующіе для церковно-славянскаго языка первенствующаго мѣста среди всѣхъ остальныхъ предметовъ начальнаго обученія?..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля (18 іюня) 1887 г.

Новое министерство въ Сербіи и его политическое значеніе. — Король Миланъ и г. Іованъ Ристичъ.—Основы австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ.—Увлеченія и ошибки нѣкоторыхъ русскихъ газетъ.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и напрасные газетные споры.—Наши отношенія съ западными державами.—Отвѣтъ нашимъ оппонентамъ по поводу балканскихъ дѣлъ.—Политическія заботы Англіи и юбилей королевы Викторіи.

Въ Сербіи давно уже тянулся министерскій или, вѣрнѣе, правительственный кризисъ, о которомъ появлялись въ печати только отрывочныя и скудныя свѣденія. Король Миланъ не любитъ общественнаго мнѣнія; представители европейской журналистики были удалены изъ Бѣлграда передъ началомъ болгарской войны, а туземной печати позволено было краснорѣчиво скрывать свои мысли о щекотливыхъ дѣлахъ королевства. Въ публикѣ могли поэтому совершенно свободно распространяться самые странные слухи о намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ короля Милана послѣ плачевнаго исхода постыдной военной кампаніи. Общее недовольство существовало въ народѣ и раньше, въ виду непосильнаго возрастанія налоговъ и чрезмѣрной угодливости правительства по отношенію къ Австріи; но оно достигло крайней степени напряженія, когда политика бездарныхъ честолюбцевъ потерпѣла кровавое фіаско на полѣ битвы. Совѣтники короля, толкавшіе Сербію на пагубный путь, называли себя прогрессистами, или „напредняками", какъ бы въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ; они дѣйствительно шли неумолимо впередъ, на-встрѣчу катастрофѣ, систематически разоряя страну и отдавая ее въ жертву иностраннымъ кредиторамъ. Эти мнимые „прогрессисты" оказались въ сущности самыми упорными реакціонерами; они превратили сербскую скупштину въ какую-то жалкую пародію представительства, безцеремонно устраняли и преслѣдовали оппозицію, ставили произволъ на мѣсто закона и подавляли всякія попытки общественнаго контроля или протеста. Король Миланъ мечталъ о могуществѣ внутри и извнѣ, при содѣйствіи дружественной ему Австро-Венгріи; онъ разошелся съ своимъ народомъ ради сближенія съ блестящимъ вѣнскимъ дворомъ и едва удержался на тронѣ въ критическіе дни неудачъ. Онъ сразу почувствовалъ свое безсиліе и долженъ былъ разочароваться во всѣхъ своихъ надеждахъ, когда пришлось поспѣшно отступить отъ Пирота

и вернуться побѣжденнымъ въ Бѣлградъ. Тогда говорили о вѣроятномъ отреченіи короля отъ престола; во всякомъ случаѣ никто не сомнѣвался въ безповоротномъ паденіи правительственной системы, которую олицетворялъ собою министръ-президентъ Гарашанинъ. Министерство, крайне непопулярное само по себѣ, было политически уничтожено событіями; но, сверхъ ожиданія, оно не удалилось со сцены и продолжало управлять дѣлами Сербіи, какъ ни въ чемъ не бывало. Министры, правда, подавали въ отставку, подъ давленіемъ понятнаго общественнаго настроенія; и все-таки они сохраняли власть до послѣдняго времени, пользуясь неограниченнымъ личнымъ довѣріемъ короля Милана. Дальнѣйшее господство Гарашанина и его партіи поддерживалось отчасти вліяніемъ Австріи, для которой эти дѣятели были весьма послушными и полезными орудіями; австрійская же поддержка дѣлала министерство еще болѣе ненавистнымъ въ глазахъ населенія и усиливала народную вражду противъ „швабовъ". Вѣнскій кабинетъ не могъ не видѣть, что подобная политика можетъ оказаться опасною для самой династіи Обреновичей и что для Австріи невыгодно связывать свои сербскіе интересы съ судьбою министровъ, подобныхъ Гарашанину. Король Миланъ не въ силахъ былъ идти далѣе наперекоръ общественному мнѣнію; онъ вынужденъ былъ разстаться съ „напредняками" и искать болѣе надежную точку опоры въ средѣ независимыхъ и просвѣщенныхъ патріотовъ Сербіи. Положеніе дѣлъ было таково, что ни одинъ изъ извѣстныхъ представителей австрофильской политики не рѣшался брать на себя отвѣтственность за управленіе страною въ прежнемъ духѣ. Нужна была рѣшительная и коренная перемѣна для того, чтобы хотя въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворить желанія сербскаго народа и придать необходимую прочность правительству короля Милана. Единственный человѣкъ, обладающій достаточнымъ авторитетомъ и талантомъ для достиженія этой цѣли,—это несомнѣнно г. Іованъ Ристичъ. Въ сущности онъ одинъ только совмѣщаетъ въ себѣ качества серьезнаго государственнаго человѣка въ современной Сербіи. На него постоянно обращались взоры сербовъ, когда заходила рѣчь о новомъ министерствѣ, и онъ давно уже смѣнилъ бы собою Гарашанина, еслибы король Миланъ не чувствовалъ личной антипатіи къ бывшему своему опекуну-регенту. Ристичъ считается противникомъ Австріи и приверженцемъ Россіи; въ дѣйствительности онъ высказывался всегда противъ преобладающаго вліянія той или другой державы въ сербскихъ дѣлахъ. Онъ стоитъ за самостоятельное развитіе страны, за политику строго-національную, за разсчетливость и бережливость въ финансахъ, за соблюденіе правъ скупштины и за возможное упрощеніе администраціи.

Ристичъ имѣетъ за собою весьма почтенное политическое прошлое; онъ былъ министромъ еще при князѣ Михаилѣ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ игралъ выдающуюся роль въ исторіи Сербіи. Послѣ убійства князя въ 1867 году, онъ немедленно вызвалъ изъ Парижа молодого Милана и обезпечилъ признаніе его княземъ, такъ что король отчасти обязанъ своимъ положеніемъ Ристичу. До совершеннолѣтія князя Ристичъ былъ регентомъ, вмѣстѣ съ бывшимъ военнымъ министромъ Блазнавцемъ. Дѣятельность Ристича, какъ министра-президента, во время сербскаго движенія 1876 года и послѣдовавшей затѣмъ русско-турецкой войны, памятна еще всѣмъ. Причины позднѣйшаго разлада его съ королемъ не вполнѣ извѣстны; но разладъ имѣлъ безспорно не только политическую, но и личную подкладку. Ристичъ долго находился въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, оставаясь лишь главою умѣренно-либеральной партіи, которую иногда называли также русскою. Тяжелый кризисъ, въ которомъ очутилась Сербія по винѣ австрофильскихъ „напредняковъ", заставилъ короля Милана обратиться наконецъ къ испытанному и энергическому дѣятелю, на котораго единодушно указывало общественное мнѣніе страны. Съ 1-го (13-го) іюня Ристичъ становится во главѣ новаго сербскаго министерства, въ которомъ постъ военнаго министра занимаетъ бывшій посланникомъ въ Петербургѣ г. Савва Груичъ, извѣстный своими симпатіями къ Россіи.

При первомъ извѣстіи о происшедшей въ Сербіи перемѣнѣ обнаружилось замѣтное неудовольствіе и безпокойство въ вѣнской печати, которая въ успѣхѣ Ристича видѣла русскую побѣду. Австрійскія газеты успокоивали себя только тѣмъ, что никакой министръ не можетъ устранить фактическую силу обстоятельствъ, связывающихъ Сербію съ сосѣднею могущественною имперіею, и что внутреннія сербскія дѣла не должны оказывать вліяніе на политику или на интересы Австріи. Почти въ то же самое время стало извѣстно, что король Миланъ собирается въ Вѣну для какихъ-то объясненій и переговоровъ. Поѣздка имѣла вполнѣ оффиціальный характеръ; король былъ принятъ въ австрійской столицѣ чрезвычайно любезно, имѣлъ долгія политическія совѣщанія съ графомъ Кальноки и остался на нѣкоторый срокъ въ предѣлахъ Австріи, для поправленія здоровья. Результаты этой поѣздки должны были, очевидно, имѣть вполнѣ успокоительное значеніе для вѣнскаго кабинета. Совершенно иначе, чѣмъ въ Вѣнѣ, отнеслись къ бѣлградскому событію въ Берлинѣ. Оффиціозная германская печать отозвалась сочувственно о новомъ сербскомъ министерствѣ и его программѣ, такъ что австрійскія газеты даже заподозрили Германію въ секретномъ содѣйствіи „русскимъ планамъ" относительно Сербіи. Утверждали, что германскій представитель въ

Бѣлградѣ, графъ Брай, посовѣтовалъ королю Милану сойтись окончательно съ Ристичемъ. Князь Бисмаркъ желалъ будто бы оказать услугу Россіи, чтобы пріобрѣсть ея расположеніе, безъ ущерба для интересовъ Австріи. Насколько основательны эти догадки—судить трудно. Безспорно только одно, что въ Вѣнѣ и на этотъ разъ недовольны Берлиномъ. Австрійская печать находитъ, что Германія въ сущности относится равнодушно къ интересамъ своей союзницы на Востокѣ и что она даже не скрываетъ своей готовности пренебречь австрійскими заботами ради своихъ собственныхъ политическихъ цѣлей. Берлинскіе оффиціозные публицисты позволяютъ себѣ даже прямо осуждать разорительное для Сербіи хозяйничанье Австріи, выражающееся въ финансовомъ гнетѣ „Лэндербанка" и подобныхъ ему полу-оффиціальныхъ учрежденій. Въ этомъ смыслѣ особенно обращали на себя вниманіе рѣзкіе комментаріи „Кёльнской газеты". Если припомнить еще недавніе берлинскіе уколы по адресу Вѣны изъ-за вопроса о Босніи и Герцеговинѣ, то нельзя не вынести впечатлѣнія, что мнимая солидарность Германіи съ Австро-Венгріею далеко не обнимаетъ даже главнѣйшихъ задачъ балканской политики и что австрійцы имѣютъ теперь больше основанія жаловаться на князя Бисмарка, чѣмъ русскія газеты. Загадка объясняется просто тѣмъ, что и австрійскіе, и русскіе интересы на Востокѣ интересуютъ Германію лишь настолько, насколько они могутъ служить орудіемъ для доставленія какихъ-либо выгодъ нѣмецкой дипломатіи и нѣмецкому народу. Въ Вѣнѣ не забыли еще поведенія Германіи во время австрійскаго конфликта съ Румыніею: и тогда князь Бисмаркъ косвенно поддержалъ бухарестское правительство, и австрійская промышленность незамѣтно вытѣснена была нѣмецкою въ предѣлахъ Румыніи. Не повторится ли теперь что-нибудь подобное относительно Сербіи? Не думаетъ ли берлинская дипломатія замѣнить австрійское вліяніе германскимъ въ Бѣлградѣ? Подозрѣнія этого рода невольно высказываются въ вѣнскихъ газетахъ, но заглушаются отчасти соображеніями высшей политики, предписывающими сдержанность относительно Германіи. Очень возможно также, что болѣе дальновидные нѣмецкіе политики желали своевременно предупредить неудобства, вызываемыя непопулярностью австрофиловъ и нѣмцевъ въ Сербіи. Лучше опираться на „независимое" министерство, пользующееся довѣріемъ населенія, чѣмъ рисковать пріобрѣтеннымъ положеніемъ въ союзѣ съ ослабѣвшею и потерявшею всякій кредитъ партіею.

Министерство Ристича встрѣчено было въ Сербіи съ восторгомъ; оно привѣтствовалось повсюду, какъ вѣрный залогъ освобожденія отъ тягостной опеки „швабовъ". Устраненіе австрійской опеки принималось — и вполнѣ справедливо — за политическій успѣхъ Россіи;

народныя демонстраціи противъ Австріи и ея сторонниковъ сопровождались заявленіями живого сочувствія къ великой славянской державѣ. Чувство родственной привязанности къ Россіи оживилось еще подъ вліяніемъ сердечнаго пріема, оказаннаго у насъ сербской королевѣ Натали и ея сыну, во время поѣздки ихъ черезъ Одессу въ Крымъ. Но ошибочно было бы полагать, что управленіе Ристича должно считаться равносильнымъ преобладанію русскаго вліянія въ Сербіи. Намъ кажется, что сильно заблуждаются газеты, видящія въ бѣлградской министерской перемѣнѣ дѣйствительную перестановку соперничествующихъ силъ на Балканскомъ полуостровѣ. Еслибы Сербія въ самомъ дѣлѣ могла выйти теперь изъ сферы австрійскихъ и нѣмецкихъ интересовъ, то чѣмъ объяснялись бы спокойно-сочувственные отзывы германской печати о новомъ сербскомъ кабинетѣ? Къ сожалѣнію, вліяніе Австріи въ Бѣлградѣ основывается не только на чисто личныхъ слабостяхъ короля Милана и его „напредняковъ", но и на весьма реальныхъ обязательствахъ, отъ которыхъ не освободится Сербія и при Ристичѣ. Благодаря бывшимъ правителямъ королевства, вѣнскій кабинетъ пріобрѣлъ законные поводы для вмѣшательства въ сербскія дѣла и для бдительнаго надзора за политикою сербскихъ министровъ. Австрія держитъ отчасти въ рукахъ государственные финансы Сербіи; австрійскіе кредиторы распоряжаются значительною частью доходовъ сербскаго казначейства, и въ случаѣ денежныхъ затрудненій бѣлградскіе правители, кто бы они ни были, чувствуютъ невольно свою зависимость отъ Вѣны. Охраняя матеріальные интересы „Лэндербанка" и другихъ учрежденій, эксплуатирующихъ страну на законномъ основаніи, Австрія смотритъ на свою преобладающую роль въ Бѣлградѣ уже не какъ на случайный фактъ, а какъ на пріобрѣтенное право, обязательное для всякаго правительства въ Сербіи. Пока австрійцы будутъ опираться на свое финансовое и промышленное господство надъ страною, до тѣхъ поръ послѣдняя не выйдетъ изъ сферы австрійскаго вліянія. Вотъ почему нельзя не признать крайне преувеличеннымъ то оптимистическое толкованіе, которое придается сербской правительственной перемѣнѣ въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ. Если у насъ высказано было мнѣніе, что „Сербія окончательно втянулась въ сферу австрійскихъ интересовъ", то при этомъ имѣлась именно въ виду та матеріальная зависимость, которая не уничтожается никакими министерскими комбинаціями. Ошибаются также газеты, считающія Ристича безусловнымъ приверженцемъ тѣсной дружбы съ Россіею. Во время берлинскаго конгресса Ристичъ первый сблизился съ Австріею, добиваясь поддержки графа Андраши для увеличенія сербской территоріи на счетъ пограничныхъ болгарскихъ областей. И Ристичъ добился при-

соединенія Пирота и Ниша, благодаря австрійской протекціи, — и подвергался за это нападкамъ русской печати. Ристичъ заключилъ съ Австро-Венгріею выгодный для нея торговый договоръ 1880 года, и это тоже не давало повода приписывать ему исключительно-русскія симпатіи. Теперь наши газеты почему-то вообразили, что вступленіе Ристича во власть означаетъ рѣшительный переходъ Сербіи на сторону Россіи. Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ справедливости этого взгляда. Сербія можетъ пріобрѣсть бо́льшую самостоятельность дѣйствій; она не будетъ предана Австріи при Ристичѣ, но и Россія едва ли можетъ разсчитывать на преданность Сербіи. Еслибы въ Болгаріи во главѣ правительства сталъ теперь Каравеловъ, съ устраненіемъ нынѣшнихъ регентовъ и ихъ сторонниковъ, то такая перемѣна была бы безспорно принята у насъ сочувственно; но никто не вывелъ бы того заключенія, что Болгарія возвратилась въ сферу русскаго вліянія. А между тѣмъ Ристичъ съ ме́ньшимъ правомъ можетъ считаться руссофиломъ, чѣмъ Каравеловъ. Чтобы избѣгнуть напрасныхъ разочарованій, необходимо болѣе трезво относиться къ происходящимъ событіямъ, не возлагая особенныхъ надеждъ на личныя перемѣны въ составѣ балканскихъ правительствъ. Прочныя симпатіи народностей составляютъ болѣе существенную основу русской политики на Востокѣ; нужно только пожелать, чтобы эти народныя симпатіи выражались не въ одномъ лишь ожиданіи великихъ и самоотверженныхъ услугъ со стороны Россіи. Въ тѣ моменты, когда народамъ плохо, они вспоминаютъ о своихъ могущественныхъ покровителяхъ, и это естественное чувство, выразившееся теперь въ злополучной Сербіи, есть только удобная почва для надлежащаго сближенія съ Россіею, но не реальная основа для политическихъ предсказаній. Нужно пользоваться народными чувствами и поддерживать ихъ цѣлесообразною, вполнѣ послѣдовательною политикою; настроеніе само по себѣ не создаетъ ничего положительнаго, — одно легко уступаетъ мѣсто другому, смотря по обстоятельствамъ. При Ристичѣ Сербія во всякомъ случаѣ не будетъ обнаруживать чрезмѣрной угодливости по отношенію къ Австріи, и является возможность возстановить нѣкоторыя старыя связи между сербскимъ королевствомъ и Россіею. Эта благопріятная перспектива, открываемая министерствомъ Ристича, составляетъ уже, безъ сомнѣнія, значительный выигрышъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ.

Въ Болгаріи не видно еще никакихъ серьезныхъ признаковъ, которые указывали бы на скорое разрѣшеніе безъисходнаго кризиса. Наши воинствующіе патріоты по прежнему находятъ всю причину

зла въ иностранной интригѣ и въ произвольныхъ распоряженіяхъ отдѣльныхъ лицъ, заправляющихъ дѣлами княжества. Въ дѣйствительности страна пребываетъ въ состояніи хроническаго междуцарствія, ожидая избранія князя; великія державы не предлагаютъ своихъ кандидатовъ и не допускаютъ какого бы то ни было рѣшенія при современномъ порядкѣ вещей въ Болгаріи. Между тѣмъ этотъ порядокъ вещей удерживается невольно, пока нѣтъ другого, болѣе легальнаго, исхода изъ существующихъ затрудненій. Регенты упорно не слагаютъ съ себя власти, пока не видятъ предъ собою авторитетныхъ преемниковъ; они все еще не теряютъ надежды подготовить выборъ болгарскаго правителя, безъ предварительнаго подчиненія волѣ Россіи. Они намѣтили себѣ кандидатомъ принца Фердинанда Кобургскаго, главная заслуга котораго заключается въ близкомъ родствѣ съ двумя могущественными династіями—англійскою и австрійскою. Почему принцъ Кобургскій будетъ лучше принца Баттенберга—понять трудно; оба они имѣютъ внушительныя родственныя связи и обладаютъ надлежащими титулами, но однихъ титуловъ и связей далеко еще не достаточно для умѣлаго и добросовѣстнаго управленія чужимъ народомъ. Мы не разъ высказывались въ этомъ смыслѣ относительно бывшаго болгарскаго князя, назначеніе котораго на столь трудный и отвѣтственный постъ должно было считаться важною политическою ошибкою. Мы всегда были противъ того предположенія, что правителемъ княжества можетъ быть иностранный принцъ, не подготовленный спеціально къ государственной дѣятельности и не имѣющій съ народомъ общихъ интересовъ, стремленій и идей. Опытъ съ принцемъ Баттенбергомъ долженъ былъ убѣдить всѣхъ и каждаго въ несостоятельности подобныхъ искусственныхъ комбинацій; но эта сторона вопроса почти не затрогивалась въ большинствѣ русскихъ газетъ, придававшихъ почему-то особенную важность безцѣльной, чисто личной травлѣ противъ бывшаго князя Болгаріи. Даже самое указаніе на ненужность и нелогичность этой травли принимается иными публицистами за нѣчто подозрительное, свидѣтельствующее о недостаткѣ патріотизма; а между тѣмъ для всякаго ясно, что личные нападки на тѣхъ или другихъ дѣятелей ни на шагъ не подвигаютъ вопроса, подлежащаго рѣшенію. Быть можетъ, болгарскій кризисъ не представлялъ бы столько трудностей въ настоящее время, еслибы русская печать глубже входила въ сущность спорной задачи, не увлекаясь поверхностными и запоздалыми разбирательствами чужихъ прегрѣшеній и интригъ. Болгарскіе регенты, повидимому, не пострадали отъ нападеній русскихъ газетъ; но болгарскій народъ страдаетъ пока отъ анархіи, для устраненія которой не предложено еще вполнѣ цѣле-

сообразнаго средства. Къ началу іюля (н. ст.) созывается народное собраніе для выслушанія отчета о настоящемъ положеніи дѣлъ; но ничего практическаго оно рѣшить не можетъ. Военный элементъ, господствующій теперь въ княжествѣ, не чувствуетъ особенныхъ невыгодъ отъ продолженія режима, при которомъ преобладающая роль принадлежитъ арміи; а безъ содѣйствія арміи болгарское правительство безсильно, даже еслибы оно искренно желало придумать законный выходъ изъ надоѣвшей всѣмъ неурядицы. Болгарія едва ли способна выйти изъ этого печальнаго состоянія безъ посторонняго содѣйствія; а постороннее содѣйствіе невозможно помимо Россіи. Въ виду такого заколдованнаго круга, въ которомъ очутилось княжество, справедливо было бы ожидать отъ русской печати большей терпимости и мягкости по отношенію къ болгарамъ и ихъ представителямъ. Говорятъ, что дѣло вовсе не въ Стамбуловыхъ и Моткуровыхъ, а въ тѣхъ враждебныхъ намъ вліяніяхъ, которыя ихъ поддерживаютъ; въ такомъ случаѣ не было надобности тратить столько краснорѣчія на полемику съ людьми, служившими лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ иноземныхъ силъ. По нашему мнѣнію, Стамбуловы и Моткуровы не могли бы удержаться и одного дня, еслибы они опирались только на иностранную интригу. Въ самомъ народѣ существуетъ, очевидно, такое теченіе, которое выдвигаетъ подобныхъ противниковъ Россіи и даетъ имъ фактическую власть надъ страною. Нѣтъ ничего наивнѣе того отыскиванія таинственныхъ интригъ, которое въ послѣднее время какъ будто вошло въ моду въ нашей печати относительно текущихъ международныхъ вопросовъ. Разумѣется, нѣтъ болѣе легкаго и дешеваго способа разсужденія въ политикѣ, чѣмъ ссылка на интриги и козни враговъ. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ намъ оставалось бы отречься отъ всякихъ политическихъ дѣйствій на Востокѣ, еслибы вѣрить утвержденіямъ нѣкоторыхъ проницательныхъ газетъ. Противъ насъ скрытно и ловко интригуютъ не только Австрія и Англія, но и Германія; распутать эту сѣть интригъ возможно посредствомъ войны, а такъ какъ неблагоразумно воевать одновременно противъ трехъ великихъ державъ, то нужно неустанно проповѣдывать противъ интригановъ въ газетахъ, въ надеждѣ, что они образумятся, — а тѣ интересы, которые нарушаются интригами, должны быть предоставлены на волю божію. Такъ въ сущности выходитъ съ точки зрѣнія нашихъ воинственныхъ публицистовъ: воинственность сводится на пассивное бездѣйствіе и на пустыя полемическія рѣзкости.

Если держаться реальной почвы интересовъ, то бо́льшая часть остроумныхъ газетныхъ догадокъ, по поводу всемогущихъ интригъ Германіи, является совершенно непонятнымъ вздоромъ. Германія

должна быть постоянно на-сторожѣ противъ Франціи; она должна въ высшей степени дорожить хорошими отношеніями съ Россіею, чтобы быть увѣренной въ ея нейтралитетѣ на случай войны. И практическіе германскіе дипломаты займутся вдругъ подпольнымъ противодѣйствіемъ русской политикѣ и систематическимъ раздраженіемъ русскаго общества изъ-за такихъ далекихъ интересовъ, которые, по словамъ князя Бисмарка, не стóятъ „костей одного померанскаго гренадера"! Какой смыслъ имѣло бы—отталкивать отъ себя Россію и подготовлять сближеніе ея съ враждебною Франціею, ради мелкихъ и сомнительныхъ успѣховъ въ Софіи или въ Константинополѣ? Чтó побуждало бы Германію устроивать противъ насъ подкопы и интриги? Она будто бы желаетъ отвлечь насъ отъ участія въ событіяхъ, имѣющихъ разыграться на Западѣ, на берегахъ Рейна. Но это былъ бы совершенно нелѣпый способъ дѣйствія: нѣмцамъ пришлось бы постоянно создавать для насъ замѣшательства, такъ какъ нельзя предвидѣть, когда наступитъ война; а мы, разглядѣвъ интригу, пренебрегали бы создаваемыми намъ ловушками, которыя сдѣлались бы роковыми для самой Германіи,—ибо мы вынуждены были бы соединиться съ французами, чтобы положить конецъ интригамъ, не дающимъ намъ жить спокойно. Результатъ неизбѣжно получился бы прямо противоположный тому, который будто бы имѣютъ въ виду нѣмецкіе политики. Вмѣсто того, чтобы выбирать какой-то невѣроятный окольный путь для обезпеченія тыла Германіи со стороны Россіи, князь Бисмаркъ имѣетъ предъ собою простѣйшій способъ заручиться нашимъ нейтралитетомъ на извѣстныхъ условіяхъ и въ опредѣленныхъ предѣлахъ, цѣною германской поддержки на Востокѣ. Нѣмецкая дипломатія можетъ оказывать намъ тѣ или другія услуги; она можетъ употреблять свое вліяніе въ пользу нашихъ интересовъ, когда послѣдніе не сталкиваются съ нѣмецкими,—она вообще можетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы имѣть право разсчитывать на избѣжаніе враждебнаго вмѣшательства Россіи въ франко-прусскіе счеты. Германія нуждается въ русской дружбѣ; а по увѣренію нашихъ дальновидныхъ патріотовъ, она добивается нашей вражды. Современная берлинская политика имѣетъ свои крайне несимпатичныя стороны, на которыя много разъ указывалось въ нашемъ журналѣ; но никто не упрекнетъ эту политику въ явной нецѣлесообразности и непослѣдовательности. Возбуждая противъ себя восточныхъ сосѣдей, въ виду ожидаемой грозы на Западѣ, Германія обнаруживала бы ослѣпленіе, которое совершенно не гармонировало бы съ обычною трезвостью нѣмецкаго ума. Натянутыя отношенія, установившіяся въ послѣдніе годы между обѣими имперіями, составляютъ естественную реакцію противъ прежней ошибочной системы союзовъ, выгодной

для одной лишь Германіи и стѣснявшей свободу дѣйствій Россіи безъ всякой для нея пользы. Существованіе тройственнаго союза сообщило вредное для насъ направленіе восточнымъ дѣламъ и отняло у насъ плоды тяжелой турецкой кампаніи; берлинскій конгрессъ былъ самымъ яркимъ выраженіемъ старой дипломатической довѣрчивости, заставлявшей насъ искать согласія и одобренія Европы для каждаго нашего шага во внѣшней политикѣ. Мы отказались отъ ненужнаго намъ союза и поступили весьма благоразумно; но слѣдуетъ ли отсюда, что союзъ долженъ уступить враждѣ? Германія можетъ быть недовольна нашимъ отреченіемъ отъ прошлыхъ ошибокъ; мы можемъ быть недовольны ея участіемъ въ этихъ ошибкахъ и косвеннымъ содѣйствіемъ ея нашимъ неудачамъ на берлинскомъ конгрессѣ,—но изъ этого вытекаетъ одинъ только выводъ: что тройственный союзъ былъ крайне неудобною и нежелательною для насъ комбинаціею. Гдѣ же тутъ элементы для опаснаго взаимнаго недовѣрія и разлада? Слѣдуетъ ли, отрекаясь отъ одной крайности, переходить въ другую? А между тѣмъ эти безцѣльные скачки, эти исканія враговъ тамъ, гдѣ недавно были союзники,—эти порывы въ темноту, въ погонѣ за фантастическими интригами, безъ всякой опредѣленной цѣли и безъ разумнаго плана, — рекомендуются намъ теперь какъ программа истиннаго патріотизма и политической дальновидности.

Одна изъ нашихъ газетъ настолько увлеклась этою оригинальною программою, что не можетъ даже отличить мирнаго сожительства народовъ отъ тѣснаго ихъ союза: она приписываетъ „Вѣстнику Европы" проповѣдь союза съ Германіею только потому, что мы возстаемъ противъ проповѣди вражды и разрыва. Мы такъ часто и подробно развивали нашу точку зрѣнія относительно этого вопроса, что ошибка газеты не можетъ быть объяснена случайнымъ недосмотромъ. Въ той самой хроникѣ, изъ которой газета привела цитату, доказывающую будто бы наше стремленіе къ тѣсной германской дружбѣ, напечатаны слѣдующія строки, резюмирующія нашъ взглядъ на русско-германскія отношенія: „Союзъ съ Германіею для насъ совершенно не нуженъ и при извѣстныхъ условіяхъ даже опасенъ, ибо мы не можемъ желать чрезмѣрнаго ослабленія Франціи, въ случаѣ новой войны на Западѣ; но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что мы должны враждебно относиться къ могущественной нѣмецкой имперіи. Жить въ мирѣ со всѣми и особенно съ германскимъ народомъ,— таковъ долженъ быть основной принципъ русской политики въ настоящее время" [1]). Та же газета не хочетъ видѣть разницы между

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1887, мартъ, Иностранное Обозрѣніе, стр. 409.

вліяніемъ русской печати въ международныхъ дѣлахъ и непосредственнымъ значеніемъ ея для русской политики: она находитъ противорѣчіе въ томъ, что мы признаемъ важность нашихъ газетныхъ мнѣній для иностранцевъ и отрицаемъ силу этихъ мнѣній въ глазахъ правительства. Чужіе народы и дипломаты, интересующіеся чувствами къ нимъ Россіи, не имѣютъ почти никакого другого матеріала для сужденія о нашихъ политическихъ цѣляхъ и желаніяхъ, кромѣ русской печати;—они обязательно должны почерпать изъ нашихъ газетъ точныя свѣдѣнія о русскомъ настроеніи, о русскихъ планахъ и чувствахъ относительно сосѣдей. Въ этомъ отношеніи русская печать имѣетъ тѣмъ бо́льшій вѣсъ въ глазахъ заграничныхъ политиковъ, что она, по ихъ убѣжденію, высказываетъ только то, что́ въ данное время допускается правительствомъ. Политическая печать повсюду играетъ выдающуюся роль въ области международныхъ отношеній, и наша печать не только не составляетъ исключенія, а, напротивъ, еще чаще и сильнѣе вліяетъ на общественное мнѣніе западной Европы относительно Россіи. Оффиціальные документы и дипломатическія ноты не даютъ достаточныхъ данныхъ для оцѣнки того, что́ зовется настроеніемъ,—для оцѣнки внутреннихъ мотивовъ нашихъ дѣйствій или бездѣйствія, для пониманія нашихъ цѣлей и задачъ по внѣшнимъ дѣламъ. Этими данными снабжаетъ Европу наша русская печать, имѣющая вообще столь мало значенія для взглядовъ и рѣшеній оффиціальной дипломатіи. Въ этомъ именно— сила и слабость русской печати; вотъ почему наши газеты должны были бы съ бо́льшею серьезностью относиться къ своимъ мнѣніямъ и строже взвѣшивать свои слова, не вдаваясь въ легкомысленныя догадки и не упуская изъ виду реальныхъ интересовъ страны.

Въ раздражительной полемикѣ съ Германіею наши „дальновидные“ патріоты забываютъ одно существенное обстоятельство: они забываютъ, что, кромѣ несимпатичныхъ намъ нѣмецкихъ дѣятелей, есть у насъ дѣйствительные соперники и вѣроятные враги—австрійцы и англичане, съ которыми необходимо считаться на Востокѣ и въ другихъ мѣстахъ. Наши воинственныя газеты поступаютъ такимъ образомъ, какъ будто всегда мы имѣемъ передъ собою одного какого-нибудь врага: въ прошломъ году мы громили Англію, еще раньше— Австрію, теперь — опять Германію, и т. д. Иногда мы беремся разомъ за всѣхъ и толкуемъ глухо о непріязненныхъ интригахъ, требующихъ возмездія. Но австрійцы и англичане остаются на своихъ мѣстахъ, когда мы поглощены уличеніемъ нѣмцевъ въ недоброжелательныхъ къ намъ дѣйствіяхъ; съ Австріею и Англіею намъ всегда угрожаютъ щекотливые споры, а мы съ азартомъ кидаемся въ другую сторону, гдѣ мы во всякомъ случаѣ могли бы разсчитывать на

прочныя мирныя отношенія. Неужели такая близорукая газетная политика имѣетъ что-нибудь общее съ дальновидностью и патріотизмомъ? Не смѣшно ли видѣть, что проповѣдники этой наивной путаницы заявляютъ монопольное право на обладаніе политическимъ умомъ и патріотическими чувствами? Нельзя же думать, что они сознательно стремятся ускорить образованіе враждебной намъ коалиціи изъ трехъ такихъ державъ, какъ Германія, Австрія и Англія. Мы, съ своей стороны, считали бы величайшимъ несчастіемъ превращеніе нѣмецкихъ сосѣдей въ нашихъ открытыхъ противниковъ. Для насъ болѣе чѣмъ достаточно тѣхъ старыхъ счетовъ, которые мы имѣемъ еще съ Турціею, Австро-Венгріею и Англіею; намъ кажется безсмысленнымъ создавать себѣ новаго врага, прежде чѣмъ мы справились съ прежними,—даже если стоять на точкѣ зрѣнія сторонниковъ войны. Такъ какъ Германія не проявляетъ къ намъ вражды и даже ищетъ нашей дружбы, то мы не имѣемъ никакого повода предполагать въ ней враждебныя намѣренія,—и по меньшей мѣрѣ мы должны были бы удержаться отъ возбужденія подобныхъ намѣреній, если для нихъ существуетъ благопріятная почва.

Что касается Австро-Венгріи, то у насъ нѣтъ и не можетъ быть двухъ мнѣній о политикѣ ея на Балканскомъ полуостровѣ. „Русско-турецкая война,—писали мы въ началѣ прошлаго года,—не принесла намъ ничего, кромѣ славы и долговъ, а австрійцамъ доставила совершенно даромъ двѣ обширныя провинціи... Получивъ безъ войны богатую добычу, Австрія на берлинскомъ конгрессѣ смѣло урѣзывала скромныя требованія побѣдителей, и послѣдніе робко отрекались отъ добытыхъ успѣховъ въ пользу миролюбивой австрійской имперіи... Побѣдители Турціи не имѣли никакого повода добывать Боснію съ Герцеговиною для Австріи; однако, они согласились поступить такимъ образомъ... Потомъ мы нападали на австрійское коварство и корыстолюбіе; но кто виноватъ въ добровольномъ отреченіи нашемъ отъ выгодъ безусловной побѣды и въ оставленіи сербскихъ земель на произволъ судьбы?“ [1]) Въ статьѣ о балканскихъ дѣлахъ, помѣщенной въ прошлой книгѣ „Вѣстника Европы“, было также указано на несправедливость „австрофильскаго мнѣнія“ Лавелэ, который „одобряетъ иноземное господство надъ босняками, установленное съ согласія Россіи на берлинскомъ конгрессѣ и вызвавшее извѣстный возгласъ Гладстона, обращенный къ Австріи: Hands off!“ (стр. 586). И однако нашлись проницательные критики, которые вычитали въ этой статьѣ восхваленіе австрійской оккупаціи, — только потому, что приведены отзывы бельгійскаго публициста, названные прямо „австрофильскими“!

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1886, январь, стр. 414—415, а также 1885, декабрь, стр. 885.

„Московскія Вѣдомости“ поступили еще лучше: онѣ просто признали насъ отвѣтственными за содержаніе книги Лавелэ и приписали намъ иностранныя мнѣнія о предметахъ, о которыхъ нашъ журналъ не разъ высказывалъ совершенно ясно свои собственные взгляды. Мы въ свое время объясняли дѣйствительную причину охлажденія къ намъ Сербіи, и не было никакой надобности повторять это объясненіе при изложеніи взглядовъ Лавелэ. Но такъ какъ московская газета пожелала увѣрить читателей, что замѣчанія бельгійскаго автора вполнѣ соотвѣтствуютъ будто бы мыслямъ самого „Вѣстника Европы“, то мы опять вынуждены напомнить здѣсь сказанное нами, напр., въ декабрьскомъ Иностранномъ Обозрѣніи 1885 г. (стр. 883—4): „Въ Санъ-Стефанскомъ мирномъ договорѣ... Сербія была отчасти обойдена: вмѣстѣ съ признаніемъ независимости, которою она фактически пользовалась и ранѣе, она получила лишь незначительную прирѣзку земли... и даже знаменитое Косово поле, съ которымъ связаны самыя завѣтныя для сербовъ историческія традиціи, оставлено было по прежнему за Турціею. Придерживаясь національнаго принципа, можно было признать за Сербіею право на значительную часть сербскихъ земель, подвластныхъ туркамъ,—на Боснію и старую Сербію; безъ сомнѣнія, такой планъ встрѣтилъ бы позднѣе рѣшительное противодѣйствіе Австріи и былъ бы вѣроятно отвергнутъ на берлинскомъ конгрессѣ, но онъ остался бы пріятнымъ воспоминаніемъ въ умахъ сербовъ и надолго привязалъ бы ихъ къ Россіи, какъ къ великодушной ихъ покровительницѣ... Создавая великую Болгарію до Эгейскаго моря, мы должны были по справедливости допустить соотвѣтственное расширеніе Сербіи, согласно племенному составу прилегающихъ къ ней областей;—не сдѣлавъ этого и доведя сербскія притязанія до минимума, мы совершили крупную политическую ошибку, которая выяснилась для насъ наглядно на берлинскомъ конгрессѣ. Конгрессъ, урѣзывавшій по возможности всѣ наши требованія, взялъ подъ свое покровительство Сербію и прибавилъ ей болѣе земли, чѣмъ предположено было нами въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ... Очевидно, сами сербы, разочарованные достигнутыми нами условіями мира, искали поддержки у другихъ кабинетовъ и нашли ее въ Австро-Венгріи... Сербы до сихъ поръ не могутъ забыть, что имъ не достался Косовскій вилайетъ, гдѣ предки ихъ потеряли свободу, и что окончательно утрачена для нихъ Боснія, гдѣ мы предлагали лишь ввести турецкія реформы въ духѣ самоуправленія, съ христіанскимъ губернаторомъ во главѣ“.

А теперь наивные люди обвиняютъ во всемъ чужія интриги! Они удивляются даже, что австрійцы дѣйствуютъ въ Босніи въ австрійскомъ духѣ, поддерживая католичество и т. п. Гдѣ были и что ду-

мали эти дальновидные публицисты, когда въ Санъ-Стефано рѣшался вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ? Тѣмъ не менѣе сербы и болгары, какъ авторитетно поучаютъ насъ „Московскія Вѣдомости", сохранили полное сочувствіе къ Россіи, вопреки приписанному намъ мнѣнію Лавелэ. Газета могла бы сослаться при этомъ и на „Вѣстникъ Европы", который также полагалъ, что „и теперь сербская народная масса чувствуетъ себя несравненно ближе къ Россіи и ко всему русскому, чѣмъ къ Австро-Венгріи, хотя политика связываетъ Сербію съ вѣнскимъ кабинетомъ" (тамъ же, стр. 893).—Если можетъ быть рѣчь о „посрамленіи вранья" по этому поводу, какъ выражаются „Московскія Вѣдомости", то во всякомъ случаѣ это замѣчаніе относится не къ намъ.

Мы не упоминаемъ уже объ остроумномъ соображеніи двухъ другихъ газетъ, что для сдѣланной у насъ оцѣнки поведенія русской печати въ болгарскомъ вопросѣ заимствованъ будто бы матеріалъ изъ „нѣмецкихъ и польскихъ источниковъ", *критикуемыхъ* въ указанной выше журнальной статьѣ. Едва ли возможно видѣть, напр., „мутный" иностранный источникъ въ запискѣ генерала Л. Н. Соболева, напечатанной въ „Русской Старинѣ" и послужившей дѣйствительно матеріаломъ для нѣкоторыхъ выводовъ по болгарскому вопросу.

Англійскій народъ торжественно отпраздновалъ юбилей полувѣкового царствованія королевы Викторіи, и по этому случаю англичане могли съ гордостью оглянуться на пройденный путь, на блестящее прошлое, обѣщающее такіе же плоды и въ будущемъ. Всѣ англійскіе журналы и газеты переполнены разсужденіями о великихъ успѣхахъ и пріобрѣтеніяхъ Англіи со времени вступленія на престолъ нынѣшней королевы, и эти разсужденія дышутъ самодовольствомъ, въ которомъ нельзя не видѣть значительной доли основательности. Роль королевы въ этомъ британскомъ процвѣтаніи была отчасти пассивная, но эта пассивность остается великою и главнѣйшею ея заслугою. Англійскій монархъ далеко не такъ безоруженъ, какъ думаютъ обыкновенно; онъ имѣетъ много средствъ для проведенія своей личной политики, опираясь на безспорныя преимущества королевской власти и на ея формальныя конституціонныя права. Энергическій дѣятель, занимая тронъ Англіи, можетъ ставить себѣ болѣе широкія и самостоятельныя цѣли, чѣмъ одно лишь исполненіе воли парламента; онъ можетъ сильно вліять на внѣшнія отношенія, устроивать политическія комбинаціи, нежелательныя для народа, и поощрять или сдерживать предпріимчивость министровъ въ томъ или другомъ направленіи. Парламентъ и министерство должны были во многомъ

считаться, напримѣръ, съ личными желаніями короля Георга III; но и при королевѣ Викторіи не обходилось безъ существенныхъ разногласій и компромиссовъ, о которыхъ когда-нибудь подробно разскажетъ закулисная исторія британской политики. Покойный супругъ королевы, принцъ Альбертъ Кобургъ-Готскій, имѣя неопредѣленный титулъ „принца-участника“ (prince-consort), оказывалъ значительное вліяніе на государственныя дѣла, хотя всѣ усилія королевы облечь это вліяніе въ форму законнаго полномочія, встрѣчали упорный отказъ парламента. Принцъ Альбертъ руководилъ всѣми политическими дѣйствіями королевы Викторіи, до самой смерти въ 1861 году. Съ тѣхъ поръ королева вела жизнь одинокую и замкнутую въ роскошномъ Виндзорскомъ замкѣ. Она довольствовалась точнымъ соблюденіемъ конституціонныхъ предписаній и обычаевъ, поручала власть министрамъ, на которыхъ указывали рѣшенія парламента, и очень рѣдко вмѣшивалась активно въ политическія дѣла. Въ послѣднее время ей приписывали замѣтное участіе въ той поддержкѣ, которою пользовался бывшій болгарскій князь со стороны Англіи; въ этомъ случаѣ королева руководилась чувствомъ родственной симпатіи къ брату ея любимаго зятя. Конечно, отъ лорда Сольсбёри зависѣло подчиняться или не подчиняться дѣлаемымъ ему указаніямъ, и если онъ энергически покровительствовалъ принцу Баттенбергу, то только потому, что это было согласно съ предполагаемыми англійскими интересами и съ англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Бывшій членъ кабинета, лордъ Рандольфъ Чёрчилль, обвинялъ министерство въ томъ, что оно готово было идти еще далѣе и имѣло въ виду дѣйствовать болѣе рѣшительно въ пользу Баттенберга, по личному желанію королевы; но насколько вѣрно это разоблаченіе—судить трудно. За весьма немногими изъятіями, королева Викторія держалась въ сторонѣ отъ самостоятельной политической дѣятельности· она была образцовою правительницею великой имперіи, считающей въ своемъ составѣ болѣе 320 милліоновъ человѣческихъ существъ и пользующейся самымъ широкимъ самоуправленіемъ, какое когда-либо существовало. Никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ радостныхъ, не могли испытывать англичане средняго круга въ день юбилея, 9 (21) іюня, и этимъ общимъ настроеніемъ невольно проникалась королева Викторія, несмотря на ея личныя тяжелыя воспоминанія о понесенныхъ семейныхъ утратахъ. Общее торжество нарушалось только глухимъ недовольствомъ ирландцевъ, которые подводили итоги своимъ колоссальнымъ потерямъ и бѣдствіямъ за истекшее полустолѣтіе.

Министерство лорда Сольсбёри не можетъ похвалиться удачами въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; оно съ большимъ трудомъ провело въ парламентѣ свой ирландскій судебно-уголовный билль, кото-

рый можетъ только ухудшить, а никакъ не поправить положенiе Ирландiи. Ирландцамъ опять-таки предлагается тяжеловѣсный камень вмѣсто желаннаго хлѣба. Понятно поэтому, что горячiя рѣчи маститаго вождя либераловъ, Гладстона, въ пользу освобожденiя Ирландiи отъ чуждаго ей британскаго режима, находятъ теперь сочувственный откликъ въ значительныхъ слояхъ англiйскаго населенiя. Не блестящи также плоды внѣшней политики торiйскаго кабинета: англо-турецкая конвенцiя по египетскому вопросу, заключенная въ Константинополѣ сэромъ Друммондомъ-Вольфомъ, останется мертворожденнымъ продуктомъ британской дипломатiи, такъ какъ она не можетъ быть одобрена заинтересованными великими державами, безъ согласiя которыхъ рѣшенiе египетскаго вопроса невозможно. Англiйское общественное мнѣнiе начинаетъ разочаровываться въ лордѣ Сольсбёри, который имѣлъ репутацiю опытнаго и искуснаго политика; молодой соперникъ его, лордъ Чёрчилль, имѣетъ много шансовъ вытѣснить его со временемъ изъ премьерства, подобно тому, какъ онъ оттѣснилъ покойнаго Норскота отъ роли консервативнаго „лидера" въ палатѣ общинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1887.

— **Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ III. Съ приложеніемъ 65 таблицъ фототипій. Одесса, 1887. 4°, VI и 395 стр.**

Устройство археологическихъ съѣздовъ было счастливой мыслью покойнаго графа Уварова; самъ, съ первой молодости занимавшійся археологіей, онъ вѣрно придумалъ средство для расширенія археологическихъ изысканій и распространенія самаго вкуса къ археологіи путемъ съѣздовъ, которые періодически соединяли бы любителей и спеціалистовъ науки и, притомъ, въ разныхъ концахъ имперіи. До послѣдняго времени наша археологія имѣла свои единственные пункты въ столицахъ, гдѣ были и публичные музеи, и частныя, собранія богатыхъ людей,—съ этой стороны археологія была, въ особенности, наука или „охота" аристократическая; съѣзды давали возможность выдвинуть археологію на болѣе широкое поприще и поставить труды мѣстныхъ дѣятелей въ связь съ центральными обществами; предполагалось также, и исполнилось въ дѣйствительности, что съѣзды спеціалистовъ каждый разъ обратятъ больше вниманія на археологическое содержаніе той мѣстности, гдѣ съѣздъ собирался. Такимъ образомъ, археологическіе съѣзды обошли Петербургъ, Москву, Кіевъ, Тифлисъ, Казань и Одессу, и каждый разъ археологія дѣлала болѣе или менѣе любопытныя пріобрѣтенія, которыхъ иначе пришлось бы ждать долго, еслибы мѣстныя изслѣдованія не были поддержаны лично участіемъ цѣлаго круга ученыхъ. Для съѣзда одесскаго особенно близки были вопросы археологіи южной, разслѣдованія древностей крымскихъ и византійскихъ, и не многіе съѣзды ставили такъ широко цѣлый археологическій вопросъ и представили такіе обширные результаты.

Бо́льшая половина вышедшаго теперь третьяго тома „Трудовъ Одесскаго Съѣзда" занята обширнымъ изслѣдованіемъ г. Кондакова

„Византійскія церкви и памятники Константинополя" (оно вышло также и отдѣльной книгой), которое является однимъ изъ самыхъ крупныхъ пріобрѣтеній нашей науки.

Недавно мы имѣли случай говорить о замѣчательной книгѣ профессора Кондакова (вышедшей по-французски): „Исторія византійскаго искусства по миніатюрамъ"; настоящее изслѣдованіе представляетъ столь же широкую работу, исполненную съ тѣмъ же богатствомъ знанія историческаго и археологическаго. Эта „историческая записка" о византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя, сообщенная на одесскомъ съѣздѣ въ краткомъ извлеченіи, составляетъ результатъ изслѣдованій, произведенныхъ г. Кондаковымъ какъ во время прежнихъ его поѣздокъ на Востокъ, такъ въ особенности весною 1884 года, совмѣстно съ особой археологической экскурсіей въ Константинополь, устроенной распорядительнымъ комитетомъ съѣзда. Въ этой экскурсіи приняли участіе, кромѣ г. Кондакова, профессора одесскаго университета—Успенскій и петербургскаго—Васильевскій, фотографъ Рауль, рисовальщикъ Красовскій, и, кромѣ того, приглашены были архитекторъ Люиксъ и акварелистъ Э. Вилье. Экскурсія поставила себѣ задачей: ограничившись исключительно мѣстностью Стамбула въ предѣлахъ стѣнъ приморскихъ и сухопутныхъ древней Византіи, обозрѣть на этомъ пространствѣ по возможности всѣ главнѣйшіе памятники древности, снять точные и характерные снимки съ нихъ и, сводя впослѣдствіи данныя топографическія, историческія и художественныя, основать на непосредственномъ наблюденіи археологію древней Византіи. Мотивомъ къ этой постановкѣ задачи было то, что сравнительно небольшое число византійскихъ памятниковъ было до сихъ поръ точно опредѣлено, что относительно другихъ опредѣленія были произвольны, и отсюда происходили частыя противорѣчія при сопоставленіи данныхъ историческихъ и археологическихъ. Дѣло въ томъ, что изученіе византійскихъ памятниковъ, хотя начатое очень давно по литературнымъ даннымъ, до сихъ поръ оставалось отрывочно и односторонне, многое принималось на вѣру, данныя историческія не сводились съ показаніями археологіи, и вообще при объясненіи предмета не было примѣнено всѣхъ разносторонних источниковъ. „Между тѣмъ,—говоритъ г. Кондаковъ,—врядъ ли гдѣ можно было бы указать пунктъ, болѣе удачный для точнаго изученія христіанскаго Востока, какъ древняя византійская столица. Съ одной стороны, ея относительная недавность, свѣжесть всѣхъ воспоминаній и преданій, съ другой—тотъ самый рѣзкій перерывъ, который совершился въ ея исторіи съ турецкимъ завоеваніемъ; слабое давленіе преходящаго, лишь порывисто-насильственнаго характера, которое было оказано на эту могучую прошлую культуру

турками; ничтожность перемѣнъ, ими исполненныхъ въ самой жизни столицы,—все это способствуетъ плодотворности изысканій. Столица Византіи не была разрушена, она даже не представляется, при подобномъ обозрѣніи, разоренною, она какъ бы только запустѣла. Это запустѣніе нѣкогда живого и могущественнаго центра цивилизаціи помогаетъ розыскамъ: новая культура кажется въ немъ чуждымъ наростомъ, легко удаляемымъ". Г. Кондаковъ убѣжденъ, что изученіе древняго Константинополя со временемъ станетъ наравнѣ съ изученіемъ классическаго и средневѣковаго Рима и займетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ объясненіи средневѣковой древности вообще, и христіанскаго Востока въ частности. Правда, для этого предстоитъ еще множество труда, и, во-первыхъ, необходимы раскопки (которыя до сихъ поръ дѣлались только изрѣдка и случайно, напр., при устройствѣ полотна желѣзной дороги), изслѣдованіе руинъ, очистка сохранившихся церквей отъ покрывающей ихъ штукатурки и тому подобныя предварительныя розысканія, для которыхъ потребуются большія денежныя затраты и—въ настоящее время—трудная борьба съ турецкой подозрительностью; но авторъ думаетъ, что уже и теперь можно добыть много важныхъ археологическихъ данныхъ, не замѣченныхъ прежде, и является необходимость установить пріемъ изслѣдованія, недостатки котораго до сихъ поръ невыгодно отражались на изученіи константинопольской древности. Западная наука уже давно пришла къ сознанію необходимости болѣе точныхъ изслѣдованій въ этой области, и онѣ тѣмъ болѣе близки для русской археологіи. „Мы считаемъ возможнымъ думать, — говоритъ авторъ, — что наука древностей и искусства православнаго Востока обязательна для русской археологической науки не только какъ среда, наиболѣе ей близкая, родственная и потому понятная, но и какъ исторически унаслѣдованная, и потому представляющая въ данное время единственный видимый путь къ утвержденію въ русской археологіи научнаго сравнительнаго метода. А такъ какъ сравнительный историческій методъ, по существу, состоитъ не въ указаніи лишь бросающагося въ глаза сходства, но въ анализѣ особенностей, варіантовъ, или просто различія, и въ опредѣленіи тѣхъ причинъ, которыми эти особенности вызывались въ каждомъ данномъ случаѣ, то ясно, какое обиліе непосредственныхъ и точныхъ выводовъ получится для самаго предмета русской археологіи... Византійское искусство и выработанная имъ художественная форма имѣли въ теченіе тысячелѣтія такое же общегодное значеніе, хотя иного достоинства, какъ и классическое, и подобно ему, совмѣстили въ себѣ столько разнообразныхъ, подъ его покровомъ развившихся, элементовъ, что могутъ считаться типомъ для извѣстнаго времени. Рядомъ съ нимъ, могло существо-

вать крайнее разнообразіе народныхъ формацій въ искусствѣ и бытѣ, какъ варварскихъ племенъ средневѣковой Европы, такъ и сложившихся уже государствъ, но единственною связью, слѣдовательно, научнымъ основаніемъ исторіи всего этого движенія остается пока искусство Византіи. Такимъ представляется, по нашему мнѣнію, весь періодъ исторіи европейскаго искусства съ V-го вѣка по конецъ XII-го столѣтія, точнѣе по 1204 годъ—или эпоху латинскаго завоеванія Византійской Имперіи".

Дѣйствительно, Византія была такимъ обширнымъ факторомъ и въ исторіи христіанскаго Востока, и въ исторіи самой западной культуры и искусства, что изученіе ея пріобрѣтаетъ глубокій историческій интересъ, въ частности важный для объясненія русской исторической, культурной и художественной старины. Константинополь среднихъ вѣковъ имѣлъ многообразныя отношенія къ движенію исторіи: онъ былъ и непосредственнымъ продолженіемъ римско-имперскаго преданія, и представителемъ римскаго Востока, и центромъ восточно-греческаго христіанства, и столицей новой имперіи, гдѣ сливалось множество разноплеменныхъ стихій, и центромъ художественной культуры. Отражая эти стихіи въ складѣ своего быта и характера, Византія распространяла свое вліяніе на востокъ, сѣверъ и западъ, создавала оригинальное искусство, широкое дѣйствіе котораго раскрывается все больше съ новыми изысканіями.

Археологическое изслѣдованіе Константинополя обставлено однако чрезвычайными трудностями. Византійская столица пережила столько бѣдственныхъ переворотовъ—въ пожарахъ и разрушеніяхъ, сопровождавшихъ междоусобныя войны, въ истребленіяхъ и грабежахъ крестоносцами и турками,—что нелегко даже топографически возстановить мѣстности многихъ памятниковъ древняго города; раскопки, какъ выше упомянуто, едва только начинаются. Съ другой стороны, нелегко оріентироваться въ источникахъ литературныхъ. Ученыя описанія Константинополя появляются уже съ XVI-го вѣка, но, сводя тексты историковъ, какъ дѣлаетъ, напр., знаменитая книга Дюканжа и пр., они мало занимались самыми памятниками, которые, въ первые вѣка турецкаго владычества, были, правда, и мало доступны или совсѣмъ недоступны; описаніе монументальной Византіи было каталогомъ памятниковъ; тексты не освобождены отъ противорѣчій; вслѣдствіе перемѣнъ въ названіяхъ церквей и монастырей, одинъ памятникъ являлся подъ разными именами и т. п. Съ другой стороны, новѣйшіе историки искусства, далеко не обнявши всего матеріала византійской древности, выбирали въ ней что казалось главнымъ и совмѣщали въ немногихъ произведеніяхъ всю исторію византійскаго искусства, — въ результатѣ выводы были стѣснены и возникали крупныя

недоразумѣнія. Г. Кондаковъ подробно описываетъ, напр., церковь Кахріе-Джами (монастырь Хора): до послѣдняго времени она была оставляема безъ вниманія, а когда стала извѣстна, то историки искусства, не ожидая встрѣтить въ позднѣйшую византійскую эпоху (XIII—XIV стол.) столь замѣчательныхъ памятниковъ, сочли ея мозаики за произведенія подражательнаго итальянскаго характера — между тѣмъ это былъ самый подлинный византійскій памятникъ. У историковъ искусства все еще держится старое предубѣжденіе о византійскомъ искусствѣ, хотя, въ дѣйствительности, оно далеко не изучено, и, напротивъ, оказываются свидѣтельства его высокаго развитія и вліянія въ такихъ областяхъ, гдѣ оно до сихъ поръ не подозрѣвалось.

И въ настоящемъ трудѣ авторъ слѣдуетъ тому пріему, какой мы указывали въ его исторіи миніатюры. Монументальная Византія представляется ему въ тѣсной связи съ исторіей, культурой и искусствомъ, и къ объясненію ея привлекаются одинаково исторія политическая и бытовая, церковная исторія и художественная критика. Авторъ объясняетъ топографическое помѣщеніе памятника, его послѣдовательную внѣшнюю судьбу, опредѣляетъ его художественный характеръ, его религіозное и бытовое значеніе въ условіяхъ времени. Всего чаще авторъ не удовлетворяется тѣми опредѣленіями, какія давала новѣйшая исторія искусства и археологія, и онъ предпринимаетъ собственныя розысканія въ византійской литературѣ, дѣлаетъ новыя археологическія наблюденія и приходитъ нерѣдко къ счастливымъ научнымъ выводамъ и находкамъ. Матеріалъ, собранный имъ по исторіи византійскихъ церквей, кажется, еще нигдѣ не былъ сопоставленъ съ такою разносторонностью, и независимо отъ обилія указаній въ литературѣ, у хронистовъ, церковныхъ писателей, и пр. старой Византіи, у средневѣковыхъ путешественниковъ и новѣйшихъ археологовъ, изслѣдованіе нашего автора въ особенности цѣнно по своему методу. Въ этомъ отношеніи, въ соединеніи съ богатой начитанностью, трудъ г. Кондакова есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій не одной нашей археологической литературы.

Первая и самая обширная глава изслѣдованія посвящена „исторіи константинопольскихъ церквей". Она проведена въ связи съ политической исторіей Византіи отъ ея начала до паденія Константинополя, и исторія архитектуры и построенія храмовъ освѣщена множествомъ частныхъ указаній на характеръ византійскаго быта и судьбу самого города. Во второй главѣ, посвященной „топографіи константинопольскихъ церквей", г. Кондаковъ между прочимъ анализируетъ показанія старыхъ русскихъ паломниковъ, изъ которыхъ извлекаетъ не мало любопытныхъ археологическихъ данныхъ, про-

вѣряетъ ими свидѣтельства другихъ источниковъ и, наконецъ, даетъ комментарій къ самымъ паломникамъ. Главы третья, четвертая и пятая посвящены подробному археологическому описанію существующихъ нынѣ древнихъ церквей и, наконецъ, памятникамъ скульптуры и мозаики въ константинопольскомъ музеѣ и патріархатѣ. Изложеніе сопровождается большимъ количествомъ фототипій, снятыхъ съ фотографій Рауля и акварелей Красовскаго и Вилье; многіе рисунки древнихъ памятниковъ появляются здѣсь въ первый разъ. Въ концѣ помѣщенъ подробный указатель именъ и предметовъ.

Византія играла такую громадную роль въ нашей древней исторіи, такъ долго оставалась источникомъ, откуда заимствовалось церковное содержаніе, письменность, искусства, обычаи, что византійская археологія получаетъ великую непосредственную важность для объясненія нашей собственной старины. Между прочимъ, и здѣсь, кромѣ общихъ указаній этого значенія византійскихъ образцовъ, авторъ не разъ дѣлаетъ сличенія художественныхъ и легендарныхъ подробностей, важныя для спеціальной русской археологіи. Во всемъ изслѣдованіи, веденномъ съ обширнымъ запасомъ данныхъ и осмотрительной критикой, разбросано множество тонкихъ наблюденій и замѣтокъ, которыя дѣлають этотъ трудъ особливо поучительнымъ. Мы замѣтили бы опять одно: при всей важности предмета, это чтеніе будетъ доступно только для людей болѣе или менѣе подготовленныхъ. Авторъ, конечно, имѣлъ полное право обращать свое изслѣдованіе къ спеціалистамъ, знакомымъ съ состояніемъ вопроса; но положеніе нашей литературы въ этой области таково, что было бы очень желательно, чтобы ученые спеціалисты обратили вниманіе на отсутствіе въ рукахъ русскаго читателя той массы изслѣдованій, какими преисполнены, напр., литература нѣмецкая, французская, англійская. У насъ не было Дюканжа и Бандури, нѣтъ д'Аженкура и Лабарта, Унгера и Зальценберга и т. д., и научное изслѣдованіе, вступающее прямо in medias res предмета, застаетъ читателя неподготовленнымъ, нерѣдко даже лишеннымъ возможности подготовиться по русскимъ книгамъ, и дѣлаетъ чтеніе ему непосильнымъ. Нельзя, конечно, вдругъ водворить у насъ всей необходимой массы свѣденій, но, по крайней мѣрѣ, затрудненіе читателя можно было бы облегчить, напр., еслибы археологи дали, хотя въ краткомъ объемѣ, руководящія книжки, каждый въ своей области, или, по крайней мѣрѣ, въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ давали читателю болѣе подробное предварительное объясненіе положенія даннаго вопроса въ литературѣ. Это сдѣлало бы ихъ труды болѣе доступными для читающей массы, а размноженіе читателей есть прямой интересъ друзей науки. Чѣмъ больше извѣстный предметъ входитъ въ пониманіе и сознаніе общества, тѣмъ

тверже становится почва для научныхъ предпріятій, а слѣдовательно, для успѣховъ самой науки.

Далѣе, въ „Трудахъ“ съѣзда помѣщена обширная статья извѣстнаго профессора церковной археологіи, Н. В. Покровскаго: „Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства“. Авторъ подробно разсказываетъ исторію этой знаменитой темы христіанскаго искусства, быть можетъ, одинаково распространенной и популярной на востокѣ и на западѣ, и съ древнихъ временъ дошедшей до новѣйшаго періода европейскаго искусства въ картинѣ Микель-Анджело. Г. Покровскій указалъ вначалѣ новѣйшіе труды по исторіи этого предмета, какихъ нѣсколько явилось, между прочимъ, въ послѣдніе годы во французской и нѣмецкой литературѣ; но самъ, опираясь въ особенности на памятникахъ византійскихъ и древнихъ русскихъ, имѣлъ возможность поставить вопросъ на болѣе широкую основу и исправить много односторонностей въ выводахъ западныхъ историковъ какъ въ общей оцѣнкѣ византійской художественной древности, такъ и въ истолкованіи многихъ частностей въ традиціонныхъ изображеніяхъ даннаго сюжета. Русская старина, въ которой такъ часто и съ такою вѣрностью сохранялось древнее византійское преданіе, доставила и въ этомъ случаѣ нѣсколько важныхъ историческихъ указаній, причемъ г. Покровскій ввелъ въ изслѣдованіе литературныя и народно-поэтическія отраженія этого сюжета и воспользовался также неизданными миніатюрами въ рукописяхъ. Авторъ изложилъ свою тему съ большой отчетливостью и знаніемъ памятниковъ средневѣковаго искусства, и статья его будетъ интересна и поучительна для спеціалистовъ и любителей нашей археологіи. Какъ и трудъ г. Кондакова, статья снабжена нѣсколькими рисунками, заимствованными, между прочимъ, изъ картинъ, открытыхъ подъ новыми красками на стѣнахъ Успенскаго собора во Владимірѣ.

Наконецъ, въ изданномъ томѣ „Трудовъ“ помѣщено нѣсколько меньшихъ изслѣдованій, именно: „Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя“, г. Дестуниса; „Мечеть Фетхіеджами въ Константинополѣ“, г. Люикса; „Церковь св. Іоанна Предтечи въ Керчи“, г. Авдѣева, и „Иконографія Вознесенія Христова“, г. Кирпичникова.

Таково богатое содержаніе вышедшаго теперь тома изданій одесскаго съѣзда. Это — серьезное пріобрѣтеніе для нашей археологіи, значеніе котораго не ограничивается, впрочемъ, предѣлами нашей литературы; оно становится поучительно и для западной археологіи, потому что вводитъ въ изслѣдованіе предметовъ, общихъ средневѣковому Западу и Востоку, тотъ византійско-русскій матеріалъ, который въ западной литературѣ не былъ еще достаточно оцѣненъ, а

для нашего археолога бываетъ близокъ по преданіямъ нашей собственной старины.

— *Вологодскій Сборникъ*, издаваемый при Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціею секретаря комитета, *Н. А. Поліевктова*. Томы III—V. Вологда, 1883—1887.

Изданія нашихъ губернскихъ и земскихъ статистическихъ комитетовъ составляютъ уже теперь обширную, трудно обозримую литературу, которая, давая практическія и справочныя свѣденія для администраціи и земства, въ то же время собираетъ огромный статистическій матеріалъ, важный для науки. Не касаясь этого спеціальнаго предмета, укажемъ здѣсь то, что́ даетъ настоящее изданіе для мѣстной этнографіи. Редакторъ „Вологодскаго Сборника" пришелъ къ заключенію, что, кромѣ чисто статистическихъ цифровыхъ матеріаловъ, для цѣлей изученія края были бы весьма важны и другія изслѣдованія губерніи, именно бытовыя и этнографическія; эти послѣднія не входятъ собственно въ програму статистическихъ комитетовъ, и потому редакторъ „Сборника", не задаваясь какою-либо обширною и систематическою програмой, долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что́ могли дать наличныя мѣстныя средства. Соображеніе было, конечно, справедливо, и многіе другіе статистическіе комитеты вводили уже въ свои изданія этнографическій матеріалъ, собраніе котораго для постоянныхъ жителей края можетъ представляться особенно удобнымъ. Желательно только, чтобы между мѣстными собирателями были больше распространены правильныя понятія о способахъ собиранія, потому что точность или неточность этнографическаго пріема дастъ собранному матеріалу или бо́льшую, или мѐньшую цѣну.

Въ трехъ томахъ „Сборника", изданныхъ г. Поліевктовымъ, сообщено не мало любопытнаго и оригинальнаго матеріала. Кромѣ работъ статистическихъ—г. Поліевктова, Шляпина, Мерцалова, Юрьева, мы находимъ здѣсь еще слѣдующіе труды: Н. Иваницкій помѣстилъ въ III и IV томѣ цѣлый рядъ этнографическихъ матеріаловъ, а именно—„Пословицы вологодскаго уѣзда", „Загадки, собранныя по вологодской губерніи", „Повѣствовательныя пѣсни вологодскаго уѣзда", далѣе „Пѣсни бытовыя, свадебныя, игровыя, шуточныя и любовныя"; П. Обнорскій собралъ „Народныя пѣсни вологодскаго и грязовецкаго уѣздовъ"; А. Фроловъ излагаетъ „Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемскаго устьсысольскаго уѣзда"; А. Ш-въ—„Преданія, обычаи, заговоры, суевѣрія и ворожбу въ средѣ населенія кадниковскаго уѣзда"; г. Н. П. составилъ „Историко-этнографическій

очеркъ никольскаго уѣзда"; г. Куклинъ помѣстилъ статью о „Народныхъ лѣкарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ въ Вологдѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ" и „Замѣтку о городѣ Яренскѣ, и особенностяхъ въ языкѣ яренжанъ". Наконецъ, нѣсколько статей посвящено народно-исторической старинѣ края—г. Мерцаловъ составилъ очеркъ города Вологды по писцовой книгѣ 1627 года, Устюга Великаго по сотной книгѣ 1630 года, сравнительный очеркъ землевладѣнія въ одной крестьянской общинѣ отъ составленія писцовой книги 1628 г. по настоящее время; г. Суворовъ собралъ свѣдѣнія о „Дѣятельности городовъ нынѣшней вологодской губерніи въ смутное время (1608—1612)", о „Разореніи вологодскаго края въ 1612—13 годахъ", и о томъ, „Какъ отражалось „литовское разореніе" на крестьянскомъ бытѣ того времени?"

Какъ видимъ, мѣстныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ описаніемъ своего края, собралось довольно; они останавливаются на предметахъ, заслуживающихъ вниманія; они собрали не мало любопытнаго, и должна быть отдана справедливость ихъ стремленію содѣйствовать въ предѣлахъ своего края тѣмъ интересамъ „отечествовѣдѣнія", о которыхъ говорится въ предисловіи IV тома сборника. Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя, быть можетъ, вызовутъ въ послѣдующихъ выпускахъ сборника нѣкоторыя дополненія и поправки, въ какихъ иногда нуждается представленный здѣсь матеріалъ.

Было бы полезно, еслибы мѣстные этнографы больше ознакомились съ тѣмъ, что̀ требуется теперь все болѣе и болѣе настоятельно при изученіи народнаго быта и поэзіи. Напр., собирая пѣсни, недостаточно дать одни, такъ сказать, голые тексты пѣсенъ, не сопровождая ихъ указаніями бытовыми, а именно: не только указаніемъ мѣстности, но и указаніемъ другихъ подробностей, напр., въ какомъ кругу (сельскомъ, мѣщанскомъ, городскомъ, рабочемъ и т. д.) пѣсни употребительны, при какихъ случаяхъ они поются (напр., различныя обрядовыя), какими играми сопровождаются (пѣсни игровыя) и т. п. Г. Иваницкій ограничился, къ сожалѣнію, именно голыми текстами, указывая только въ общихъ словахъ мѣстность или, при свадебныхъ пѣсняхъ, давая самое краткое обозначеніе, при какомъ пунктѣ обряда поется приводимая пѣсня. Но чѣмъ больше пѣсня обставлена подробностями ея исполненія, тѣмъ больше она рисуетъ бытъ, тѣмъ больше ея значеніе какъ этнографическаго матеріала. Пѣсни, собранныя г. Иваницкимъ, весьма различнаго достоинства и идутъ, видимо, изъ разныхъ слоевъ народа, или, по крайней мѣрѣ, приходятъ въ народъ изъ весьма разныхъ источниковъ: есть тутъ старыя пѣсни, сохраненныя давнимъ преданіемъ, но есть новыя, похожія на романсы, новѣйшаго городского происхожденія, фабричнаго, писар-

скаго, мѣщанскаго, съ книжными примѣсями. Въ пѣсняхъ то является „шелковая фата" или другая архаическая принадлежность, то дѣвушка шьетъ милому „манищечку", упоминается „цвѣтъ модный масака" (!), парень „любитъ по возможности", у дѣвушекъ „щечки розово-алы—отъ природы намъ даны", изображается „прежестокая съ миленькимъ любовь", а затѣмъ „свищетъ плетка" и бьетъ красавицу до крови, и т. д. Очевидно, въ пѣсняхъ собрались весьма разнокалиберные матеріалы, и тѣ подробности, о необходимости которыхъ мы говорили, дали бы возможность понять, что̀ дѣлается съ народною пѣсней въ этомъ краѣ: гдѣ и въ какихъ условіяхъ больше сберегается старина, откуда приходятъ и кѣмъ поддерживаются новые пѣсенные вкусы,—какимъ нравамъ больше принадлежитъ „свистящая плетка": старымъ дѣдовскимъ или новѣйшимъ, или тѣмъ и другимъ, и т. п. Г. Иваницкій, записывая пѣсни, могъ, вѣроятно, замѣтить нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ, и еслибы онъ собралъ свои наблюденія, это было бы важнымъ комментаріемъ къ его сборнику. Дѣло въ томъ, что наша народная поэзія переживаетъ переходное состояніе, которое обострилось въ особенности теперь, съ наступившими большими перемѣнами въ государственномъ и народномъ бытѣ. Старая пѣсня все больше забывается; на смѣну ей приходитъ пѣсня новаго склада, которая составляется подъ вліяніемъ новыхъ условій, съ разныхъ сторонъ проникающихъ въ народную жизнь. Пѣсни г. Иваницкаго переполнены этою смѣсью стараго и новаго, изящнаго и уродливаго, отрывками преданій и опытами новаго пѣсеннаго сочиненія. Собрать подробности о томъ, кому принадлежатъ пѣсни, въ какомъ слоѣ населенія какія изъ нихъ обращаются, было бы чрезвычайно любопытно для исторіи пѣсни.

Другимъ собирателямъ полезно было бы также ознакомиться съ требованіями этнографическаго наблюденія. Въ любопытной замѣткѣ г. Куклина о Яренскѣ и говорѣ его жителей, наблюденія были бы точнѣе, еслибы онъ справился съ программами наблюденія народнаго языка. Для будущихъ мѣстныхъ изслѣдователей можно въ особенности рекомендовать программу, составленную недавно въ тверскомъ статистическомъ комитетѣ для изученія народнаго языка; тѣмъ же комитетомъ составлена весьма полезная программа собиранія произведеній народной поэзіи.

Относительно статьи г. Мерцалова: „Панскій наѣздъ"—изъ народныхъ преданій о смутномъ времени, замѣтимъ, что разсказъ былъ бы несравненно любопытнѣе, еслибы былъ переданъ именно въ той формѣ, въ какой ходитъ въ народѣ; теперь же, когда онъ пересказанъ авторомъ въ стилѣ „Юрія Милославскаго", онъ является только

литературнымъ упражненіемъ, и о народной основѣ нельзя получить понятія.

Въ статьѣ объ обычаяхъ жителей села Устьнемскаго авторъ забылъ сказать—кто жители этого села, русскіе или инородцы: обычаи —русскіе, между тѣмъ нѣкоторыя техническія выраженія, упоминаемыя въ описаніи обрядовъ,—повидимому, зырянскія, такъ что читатель остается въ недоумѣніи, о какомъ народѣ идетъ рѣчь.

Въ пословицахъ, собранныхъ г. Иваницкимъ, нѣкоторыя слова нуждались бы въ обозначеніи ударенія, потому что для склада въ иныхъ случаяхъ требуется видимо не то удареніе, какое употребляется обыкновенно.

Отмѣтимъ, наконецъ, еще статью г. Арсеньева объ одномъ изъ кустарныхъ промысловъ вологодскаго края и статьи врача Козловскаго о санитарномъ состояніи сельскихъ школъ и вообще сельскаго быта вологодскаго края. Эти санитарныя условія ужасны, и статьи г. Козловскаго могутъ въ особенности подтвердить мысль редактора „Сборника“ о важности этнографическо-бытовыхъ изслѣдованій—для лучшаго освѣщенія голыхъ статистическихъ цифръ.—А. П.

— *Лекціи по уголовному праву*, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ первый. С.-Петербургъ, 1887.

Въ основаніи этого сочиненія лежатъ литографированныя лекціи, читанныя профессоромъ Таганцевымъ въ университетѣ и училищѣ правовѣденія; авторъ благодаритъ, въ предисловіи, всѣхъ бывшихъ составителей его лекцій, объясняя, что только ихъ трудъ сдѣлалъ возможнымъ появленіе настоящей его работы. Еслибы не удостовѣреніе самого автора, угадать способъ составленія его книги было бы весьма трудно; она не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ своего происхожденія. Въ ея изложеніи не замѣтно отрывочности и неровности стенографическаго отчета; она не страдаетъ многословіемъ, повтореніями, шероховатостями, часто свойственными схваченной на-лету живой рѣчи. Видно, что записки слушателей послужили для автора только матеріаломъ, надъ переработкой котораго онъ много потрудился. Вполнѣ достигая своей цѣли какъ руководство для изученія уголовнаго права, книга г. Таганцева представляетъ не мало поучительнаго и для не-спеціалистовъ; такіе отдѣлы, какъ исторія развитія русскаго уголовнаго законодательства (со времени изданія уложенія царя Алексѣя Михайловича) или обзоръ ученій о выдачѣ преступниковъ, могутъ быть прочитаны съ интересомъ и пользой каждымъ образованнымъ человѣкомъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей не только

изслѣдованіе права, въ послѣдовательномъ его развитіи, но и критическій его анализъ. Признавая всю важность историческаго элемента въ правѣ, онъ не считаетъ возможнымъ преклоняться передъ существующимъ только потому, что оно существуетъ; его не подкупаетъ даже давность существованія. „Съ особенною недовѣрчивостью, —говоритъ онъ,—нужно относиться къ продуктамъ правового творчества позднѣйшихъ эпохъ, когда право вырабатывается уже не непосредственно самимъ народомъ, а выдѣлившимися изъ него факторами—все равно, будутъ ли это дьяки, въ приказахъ посѣдѣлые, или чиновники въ вицъ-мундирахъ". И дѣйствительно, нѣтъ причины, почему „произвольное, случайное, можетъ быть даже совершенно нелѣпое для современниковъ въ правѣ XVII или XVIII вѣка могло бы стать для насъ твердымъ, разумнымъ и цѣлесообразнымъ"; цѣнность извѣстнаго правового положенія не зависитъ отъ того, появляется ли оно только въ послѣднемъ изданіи свода, или встрѣчается уже въ первомъ полномъ собраніи законовъ. Вымираютъ не только формы правовыхъ институтовъ, но и ихъ содержаніе—и особенною измѣнчивостью отличается именно область уголовнаго права. „Теоретикъ, изучающій право,—таковъ выводъ г. Таганцева,—не отрекаясь безъ нужды и повода отъ наслѣдья предковъ, долженъ всегда имѣть въ виду и другой критерій оцѣнки правовыхъ положеній: ихъ *жизнепригодность*". Отправляясь отъ этой исходной точки, г. Таганцевъ могъ отдать справедливость уложенію царя Алексѣя Михайловича, какъ произведенію тогдашней эпохи [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ найти, что заимствованія изъ него не послужили въ пользу изданному два столѣтія спустя уложенію о наказаніяхъ 1845 года. Разборъ этого послѣдняго законодательнаго памятника удался г. Таганцеву какъ нельзя лучше; трудно было соединить, въ болѣе сжатой формѣ, больше неотразимыхъ ударовъ. Они не оставляютъ камня на камнѣ въ постройкѣ, еще недавно претендовавшей на удивленіе и благодарность. Уложеніе уже осуждено на смерть, но все еще живетъ и тяготѣетъ надъ нашимъ судебнымъ міромъ, препятствуя, между прочимъ, правильной дѣятельности суда присяжныхъ; всякая попытка ускорить его погребеніе заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія. Разрушительная критика г. Таганцева имѣетъ еще другое значеніе. Господствующая теперь мода требуетъ восхваленія всего относящагося ко времени царствованія Николая Павловича, отчасти съ цѣлью униженія эпохи

[1]) Редакція уложенія царя Алексѣя,—замѣчаетъ г. Таганцевъ,—можетъ служить до сихъ поръ образцомъ простоты, точности и образности; „какъ далеко оно оставляетъ за собою и испещренный германизмами слогъ петровскихъ указовъ, и витіеватое велерѣчіе законовъ Екатерины, и канцелярское многописаніе эпохи свода и уложенія!"

преобразованій, отчасти съ цѣлью возможно-большаго возвращенія къ до-реформенному строю. Въ виду такихъ стремленій, далеко не излишнимъ представляется правильное освѣщеніе превозносимой эпохи, —а уложеніе 1845 г. было однимъ изъ самыхъ главныхъ и самыхъ характерныхъ его произведеній. Если отличительныя черты уложенія—„полная рознь принциповъ, формальное противорѣчіе постановленій, недостатокъ точнаго масштаба отвѣтственности, механическія заимствованія, неудовлетворительная обработка матеріала (ставящая уложеніе ниже свода и сближающая его съ средневѣковыми сборниками законовъ), отсутствіе обобщеній, невѣроятное многословіе, казуистичность, сбивчивость терминологіи, запутанность, непрактичность и отчасти неосуществимость карательной системы", то нельзя не припомнить стариннаго латинскаго изреченія, измѣнивъ въ немъ только одно слово: ab uno disce omnia. Къ какой бы сторонѣ оффиціальной Россіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ ни прикоснулся безпристрастный анализъ, результатъ получится болѣе или менѣе тотъ же самый.

— *Миѳическій элементъ въ исторіи.* Публичная лекція профессора В. К. Надлера. Харьковъ, 1887.

Заглавіе брошюры г. Надлера не соотвѣтствуетъ ея содержанію; о миѳическомъ элементѣ въ исторіи она почти вовсе не трактуетъ. *Миѳомъ* авторъ называетъ „разсказъ, переходившій изъ устъ въ уста въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и наконецъ занесенный на страницы лѣтописи". Отъ миѳа онъ отличаетъ *легенду*, въ смыслѣ „сказанія, возникшаго книжнымъ литературнымъ путемъ", но столь же далекаго отъ истины. Безсознательному, ненамѣренному вымыслу, создающему легенду, противопоставляется, наконецъ, искаженіе фактовъ, вызванное предвзятою, опредѣленною цѣлью. За этимъ вступленіемъ должно было бы слѣдовать, повидимому, изученіе роли, принадлежащей миѳу—его выживанія и переживанія, его превращеній, его новыхъ образованій. Ничего подобнаго мы у г. Надлера не находимъ; упомянувъ слегка о значеніи миѳа для древнѣйшей исторіи Греціи, онъ останавливается, затѣмъ, исключительно на легендахъ и на сознательныхъ искаженіяхъ истины. Погнавшись за нѣсколькими различными цѣлями, авторъ не достигъ ни одной изъ нихъ; его брошюра не даетъ яснаго понятія ни о миѳѣ, ни о легендѣ, ни о тенденціозной исторической неправдѣ. Отъ профессора можно и должно было ожидать другого, болѣе обдуманнаго отношенія къ предмету; публичная лекція можетъ быть популярной, оставаясь научной, и ни въ какомъ случаѣ не должна обращаться въ безсвязный наборъ фактовъ

и разсужденій. Избравъ темой лекціи миѳическій элементъ въ исторіи, г. Надлеръ долженъ былъ дать, прежде всего, точное опредѣленіе миѳа и познакомить своихъ слушателей съ различными мнѣніями о миѳѣ, существующими въ наукѣ. Необходимою составною частью понятія о миѳѣ признается обыкновенно элементъ религіозный; въ миѳѣ отражаются, такъ или иначе, народныя вѣрованія, народное міросозерцаніе. Подъ формулу г. Надлера подходитъ, наоборотъ, всякій давно повторяющійся въ народѣ разсказъ, хотя бы онъ не имѣлъ ничего общаго съ народной религіей. Мы не касаемся здѣсь правильности или неправильности этой формулы, но думаемъ, что она требовала хоть какой-либо мотивировки, въ виду авторитетныхъ взглядовъ, косвенно ею отрицаемыхъ. Максъ Мюллеръ связываетъ образованіе миѳовъ съ исторіей развитія языка; объ этомъ мнѣніи, рѣшительно несовмѣстимомъ съ формулою г. Надлера, послѣдній также не говоритъ ни слова. Отграниченіе миѳа отъ легенды, легенды—отъ тенденціознаго вымысла, виситъ у г. Надлера на воздухѣ. Въ основаніи легенды можетъ лежать „разсказъ, давно переходящій изъ устъ въ уста“, т.-е. миѳъ (съ точки зрѣнія г. Надлера); неужели миѳъ теряетъ свое первоначальное значеніе, какъ только заносится на бумагу? Съ другой стороны, составитель легенды, по словамъ автора, *нерѣдко* бываетъ убѣжденъ, что открылъ и разъяснилъ истину. А въ тѣхъ *рѣдкихъ* случаяхъ, когда онъ въ этомъ не убѣжденъ, чѣмъ будетъ отличаться легенда отъ тенденціознаго искаженія истины?.. Искусственная схема, построенная г. Надлеромъ, становится еще болѣе шаткой, если припомнить, что безсознательное, коллективное творчество не всѣми признается необходимымъ условіемъ образованія миѳа. Штраусъ, напримѣръ, прямо относитъ къ области миѳа сознательныя произведенія единичной фантазіи, если они совпадаютъ съ настроеніемъ цѣлаго народа или цѣлой группы вѣрующихъ и входятъ, вслѣдствіе того, въ составъ общепризнаннаго ученія. Мы опять-таки оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, основательно ли это мнѣніе; мы хотимъ только показать, какими трудностями и недоумѣніями усѣянъ путь, столь быстро и рѣшительно пробѣгаемый г. Надлеромъ. Нельзя говорить серьезно о миѳѣ и легендѣ, не установивъ сначала на прочныхъ основахъ ихъ отношеніе къ безсознательному и сознательному творчеству.

Посвятивъ значительную часть своей лекціи вопросу объ „искаженіи исторіи“, имѣющему очень мало общаго и съ миѳомъ, и съ легендой, г. Надлеръ не потрудился, однако, провести ясное различіе между тенденціозною ложью и тенденціознымъ самообманомъ. Насколько распространенъ послѣдній, настолько рѣдко встрѣчается первая,—а г. Надлеръ только о ней и толкуетъ, только ее и видитъ.

Кромѣ миѳа и легенды, источникомъ отступленія отъ исторической истины является у него одно лишь „искаженіе исторіи съ предвзятою и извѣстною цѣлью“, т.-е. искаженіе сознательное и намѣренное. „Позднѣйшіе римскіе риторы,—говоритъ онъ,—искажали древнюю исторію Рима, перенося въ нее всѣ свои идеальныя представленія о республиканскихъ добродѣтеляхъ и доблестяхъ“. Неужели они всегда дѣйствовали при этомъ „съ предвзятою и извѣстною цѣлью“? Неужели они хотѣли *только* поучать своихъ читателей, *только* возбуждать въ нихъ, путемъ вымысла, опредѣленныя чувства? Не проще ли предположить, что они поступали, въ большинствѣ случаевъ, совершенно добросовѣстно, невольно разсматривая прошедшее сквозь призму своихъ симпатій и убѣжденій? То же самое слѣдуетъ сказать и объ историкахъ французской революціи, о творцахъ такъназываемой „революціонной легенды“ (г. Надлеръ употребляетъ здѣсь слово: *легенда* въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ первоначально, при опредѣленіи миѳа и легенды—но мы уже перестали ожидать отъ него точности выраженій). Въ такой ли мѣрѣ, вдобавокъ, опровергнута эта „легенда“, какъ кажется г. Надлеру? Не становится ли онъ самъ, можетъ быть незамѣтно для себя, въ ряды приверженцевъ противоположной, анти-революціонной или реакціонной легенды? Утверждать, напримѣръ, что „ужасы революціи, ея преступленія и злодѣянія *вовсе* не были вызваны возстаніями приверженцевъ старины во Франціи или нападеніями монархической Европы на французскую республику“, — можно только съ глазами, закрытыми на половину. Еще любопытнѣе слѣдующій аргументъ г. Надлера, приводимый въ опроверженіе той мысли, что революція была предпринята, между прочимъ, во имя свободы: „революція, какъ доказалъ это уже Токвиль, не только не утвердила индивидуальной свободы во Франціи, а напротивъ, окончательно подчинила индивидуумы государству; она не только не разрушила централизаціи и деспотизма власти, созданной во Франціи королями, но, напротивъ, усилила и развила ихъ до крайней степени“. Не говоря уже о томъ, что сумма индивидуальной свободы въ послѣ-революціонной Франціи (за исключеніемъ наполеоновской эпохи) была и продолжаетъ быть несравненно выше, чѣмъ въ до-революціонной, — главная ошибка г. Надлера состоитъ въ томъ, что онъ смѣшиваетъ *результаты* революціи съ ея первоначальными *стремленіями*. Изъ того, что движеніе не привело къ желанной цѣли, еще не слѣдуетъ, что оно вовсе и не имѣло ея въ виду. Въ замѣчаніяхъ г. Надлера о Наполеонѣ I-мъ смѣшеніе понятій идетъ еще дальше. Онъ относитъ къ наполеоновской „легендѣ“ и *преданія* о чудесахъ, которыми было ознаменовано дѣтство героя, и *толкованіе* реальныхъ его дѣяній, направленное къ его возвели-

ченію и прославленію. „Предпріятіе на Россію,—говоритъ г. Надлеръ,—не удалось, *если вѣрить легендѣ*, единственно благодаря небывалому морозу, истребившему великую армію въ 1812 г.“. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ „легендой“ и даже не всегда съ сознательнымъ „искаженіемъ“ истины, а скорѣе съ своеобразнымъ *объясненіемъ* историческихъ событій, ошибочность котораго ничуть не исключаетъ искренности? Не „легендѣ“ обязанъ былъ своимъ обаяніемъ Меттернихъ, не „легенда“ преувеличиваетъ значеніе и силу Бисмарка; всѣ подобные историческіе миражи образуются совершенно иначе, чѣмъ сказанія полу-фантастическаго свойства, и теперь еще иногда слагающіяся въ народѣ. Источникомъ послѣднихъ служитъ легковѣріе, жажда необычайнаго, сверхъестественнаго; источникомъ первыхъ—отчасти полузнаніе и политиканство, отчасти преклоненіе передъ успѣхомъ.

Практическимъ выводомъ изъ разсужденій г. Надлера является совѣтъ очистить нашу учебную литературу отъ миѳовъ и вымысловъ, которыми она все еще переполнена. Правильность этого совѣта несомнѣнна—но упрекъ, лежащій въ его основаніи, напрасно распространенъ г. Надлеромъ на *всѣ* наши учебники. Возьмемъ, для примѣра, сказаніе о Петрѣ Пустынникѣ, какъ „иниціаторѣ и виновникѣ перваго крестоваго похода“. Въ учебникѣ средней исторіи профессора Трачевскаго Петръ Пустынникъ вовсе не выставленъ въ такомъ свѣтѣ; дѣятельность его сведена почти къ тому же, чѣмъ ограничиваетъ ее и г. Надлеръ. Объ иниціативѣ Петра Пустынника у г. Трачевскаго нѣтъ и рѣчи; онъ выступаетъ на сцену только тогда, когда крестовый походъ уже рѣшенъ клермонскимъ соборомъ.

— *Михаилъ Назаровичъ Петровъ*. Біографическій очеркъ А. Деревицкаго. Харьковъ, 1887.

Отъ брошюры г. Надлера, много обѣщающей и очень мало дающей, пріятно перейти къ брошюрѣ г. Деревицкаго, также изданной въ Харьковѣ и касающейся предшественника г. Надлера на каѳедрѣ всеобщей исторіи. У насъ слишкомъ рѣдко появляются свѣденія о такихъ скромныхъ, честныхъ и полезныхъ труженикахъ, какимъ былъ покойный Петровъ — да не особенно ихъ и много въ нашихъ университетахъ. Небольшой очеркъ г. Деревицкаго не богатъ матеріаломъ; мы ничего не узнаемъ изъ него, напримѣръ, о той роли, которую игралъ Петровъ въ корпоративной жизни университета, о той борьбѣ, которая выпала на его долю и заставила его защищать

свою докторскую диссертацію не въ Харьковѣ, а въ Москвѣ. Несмотря на эти пробѣлы, симпатичная личность профессора, глубоко и всецѣло преданнаго своей наукѣ, выступаетъ на видъ довольно ярко. При жизни Петровъ печаталъ мало, но послѣ него остались матеріалы, на основаніи которыхъ предпринимается теперь изданіе его университетскаго курса всеобщей исторіи. Онъ хотѣлъ составить историческій учебникъ и для средней школы, но успѣлъ написать только его начало. Нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ г. Деревицкимъ, чтобы этотъ отрывокъ также вышелъ въ свѣтъ. Покойный Петровъ, какъ видно изъ статьи его объ „исторической подготовкѣ", ясно сознавалъ недостатки существующихъ историческихъ учебниковъ; руководство, имъ проектированное, должно было, безъ сомнѣнія, служить практической иллюстраціей той же темы. Тѣмъ интереснѣе познакомиться съ его пріемами, съ его особенностями. Рукопись найденная въ бумагахъ покойнаго, содержитъ въ себѣ историческую пропедевтику, географическій обзоръ древняго міра, исторію древняго Востока и часть греческой исторіи. Этого вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о методѣ и цѣляхъ автора.—К. К.

— *В. Г. Яроцкій.* Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Часть первая (общая). Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ. Спб., 1887.

Заглавіе книги г. Яроцкаго не даетъ точнаго представленія объ ея содержаніи. „Отвѣтственность", о которой говоритъ авторъ, означаетъ не что иное, какъ „совокупность обязанностей, которыя могутъ быть возлагаемы законодательствомъ на предпринимателей, въ силу сознанія необходимости такъ или иначе регулировать отношенія ихъ къ рабочимъ или условія пользованія рабочею силою человѣка". Трудъ г. Яроцкаго обнимаетъ самые жгучіе вопросы современной политической экономіи—вопросы объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ, между рабочими и хозяевами, съ точки зрѣнія существующихъ экономическихъ ученій. Авторъ стоитъ за дѣятельное вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь народа; онъ подробно разбираетъ взгляды экономистовъ „классической или индивидуалистическо-либеральной" школы, рѣзко критикуетъ устарѣлую „манчестерскую догму" и старается доказать превосходство нѣмецкаго „историко-реалистическаго" направленія, представителями котораго являются Шеффле и Вагнеръ. Мы имѣемъ предъ собою цѣлый трактатъ по политической экономіи, а не только спеціальное изслѣдованіе объ „экономической отвѣтственности предпринимателей".

Книга распадается какъ бы на двѣ половины: первая посвящена всецѣло общимъ теоретическимъ вопросамъ науки о народномъ хозяйствѣ, а вторая заключаетъ въ себѣ разборъ ученій о капиталѣ и прибыли, о заработной платѣ, о роли рабочихъ и хозяевъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и о задачахъ законодательства въ этой области интересовъ. Первая часть написана вяло и отчасти тяжело, причемъ авторъ руководствуется почти исключительно воззрѣніями нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей; во второй части (съ конца третьей главы) изложеніе становится болѣе живымъ, и авторъ пользуется уже значительною литературою предмета, не только нѣмецкою, но и англійскою и французскою.

Намъ кажется, что г. Яроцкій употребилъ слишкомъ много усилій для доказательства весьма простой идеи, которая и безъ того всегда находила себѣ достаточно примѣненія на практикѣ. Не было, въ сущности, особенной надобности перебирать всѣ теоретическія основы политической экономіи для подтвержденія того, что государство имѣетъ право и обязанность регулировать извѣстныя категоріи экономическихъ отношеній; для этого можно было бы ограничиться одними практическими и историческими указаніями. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе такъ-называемой манчестерской школѣ, которая даже въ самой Англіи нисколько не мѣшала дѣятельной роли промышленнаго законодательства; притомъ онъ не отдѣляетъ сторонниковъ невмѣшательства отъ экономистовъ-классиковъ и направляетъ противъ послѣднихъ тѣ возраженія, которыя слѣдовало бы дѣлать противъ однихъ манчестерцевъ. По словамъ г. Яроцкаго, „классическіе экономисты, отстаивавшіе чистую науку ради науки, выродились въ такъ-называемую манчестерскую школу, исповѣдующую въ основахъ тѣже самые научные принципы, но на дѣлѣ далеко не такъ рѣзко отдаляющуюся отъ служенія непосредственно жизненнымъ интересамъ человѣческаго хозяйства. Самое названіе усвоено за нею по мѣсту развитія практической дѣятельности ея представителей, а именно знаменитой въ исторіи развитія политики свободной торговли хлѣбной лиги“ (т.-е. хлѣбной лиги, знаменитой, и пр.). Въ основѣ ученій этой школы „лежитъ отрицательное отношеніе ко всякому вмѣшательству совокупныхъ усилій человѣческаго ума въ область хозяйственныхъ явленій, въ видѣ активной экономической политики: не допускается никакихъ указаній законодательной дѣятельности, кромѣ расчищенія почвы для свободнаго проявленія экономическими законами ихъ регулирующей работы“ (стр. 12, 14). Повидимому, авторъ не отличаетъ теоретическихъ основаній науки отъ прикладной ея части, къ которой только и относится вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства. То обстоятельство, что экономическія

явленія подлежать извѣстнымъ законамъ, совсѣмъ не исключаетъ возможности измѣнять явленія и придавать имъ тотъ или другой характеръ, сообразно нашимъ потребностямъ и желаніямъ. Авторъ полагалъ, что принципъ „laissez faire“ неизбѣжно вытекаетъ изъ признанія экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ независимо отъ воли людей; поэтому онъ считалъ нужнымъ отрицать эти законы, чтобы подтвердить свою мысль о свободномъ регулированіи экономической жизни государственною или общественною властью. Въ этомъ случаѣ г. Яроцкій поступаетъ подобно тому медику, который старался бы опровергнуть идею о цѣлебной силѣ природы, чтобы доказать право врачей устанавливать искусственныя мѣры леченія. Бороться такимъ способомъ съ теоретиками невмѣшательства не было особенной надобности уже потому, что, по справедливому замѣчанію автора, эта школа экономистовъ „вымираетъ“ въ настоящее время. „Дни существованія въ политической экономіи разбираемаго направленія уже сочтены,— и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что ряды борцовъ его замѣтно рѣдѣютъ въ научномъ лагерѣ. Центръ тяжести самъ собою перенесся въ среду практиковъ, претендующихъ на обладаніе здравымъ смысломъ и дѣйствительно имъ обладающихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о примѣненіи выводовъ науки къ оправданію своекорыстныхъ цѣлей“ (стр. 19). Понятно, что „практики“ играютъ роль въ практическихъ вопросахъ народно-хозяйственной политики.

Слѣдуя нѣмецкимъ авторамъ, г. Яроцкій включаетъ въ политическую экономію элементы права и морали. „Подъ богатствомъ,—говоритъ онъ,—необходимо понимать полностью всю сумму жизненныхъ интересовъ человѣка, а не только переводимые на денежную оцѣнку предметы и отношенія. Безконечное разнообразіе нравственныхъ условій и цѣлей человѣческаго существованія связано самымъ тѣснымъ образомъ съ экономическими явленіями. Долговременное игнорированіе такой простой истины исключало до сихъ поръ политическую экономію изъ области наукъ нравственныхъ и придавало ей характеръ безсердечности, опредѣлявшей самое ея содержаніе и задачу. Включеніе элемента нравственности привело къ возрожденію, сблизивъ ее съ областью дѣятельности человѣческаго сердца въ тотъ моментъ, когда она готова была уже превратиться въ холодный трупъ (?). Этотъ внесенный нравственный элементъ обогатилъ содержаніе науки, а внесеніе элемента правоваго обезпечиваетъ ей дальнѣйшее развитіе, указывая на государственную и правовую стороны общественной жизни, какъ на ближайшій путь и средство къ подчиненію экономическихъ отношеній велѣніямъ ума и сердца“ (стр. 43). Мы думаемъ, что „дѣятельность человѣческаго сердца“ должна имѣть свое законное мѣсто въ вопросахъ практической морали и политики,

а не въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Авторъ съ большою подробностью излагаетъ ученія Лоренца Штейна, Шеффле и Вагнера, причемъ сильно преувеличиваетъ заслуги этихъ писателей; труды первыхъ двухъ кажутся ему „безподобными", „колоссальными", а самъ Шеффле—„неустаннымъ геніемъ" (стр. 58). Что Шеффле часто строитъ свои выводы на произвольныхъ аналогіяхъ между обществомъ и организмомъ—этого не признаетъ авторъ, ссылаясь на позднѣйшія возраженія и оговорки самого Шеффле. „Изумительное богатство матеріала, заключающееся,—по словамъ г. Яроцкаго,—во всѣхъ твореніяхъ Шеффле, при замѣчательной научной обработкѣ его, придаетъ выводамъ его полновѣсное значеніе, вслѣдствіе такой строгости дисциплины мышленія, какой до настоящаго времени достигали только наиболѣе выдающіеся естествоиспытатели". Столь же восторженно отзывается авторъ объ Адольфѣ Вагнерѣ, извѣстномъ сторонникѣ Бисмарковскихъ соціальныхъ реформъ. Вагнеру принадлежитъ будто бы „самое видное мѣсто въ современной научной литературѣ", такъ какъ онъ „обогатилъ не только свою спеціальность, но и повліялъ даже на мышленіе современныхъ юристовъ". Образованіе „союза соціальной политики" въ 1872 году можетъ быть принято, по мнѣнію автора, „за главный моментъ перелома общественнаго мышленія текущаго столѣтія". Авторъ вполнѣ основательно указываетъ на тѣсную связь между политическою экономіею и правовѣденіемъ; онъ обстоятельно разбираетъ взгляды, высказанные по этому предмету Іерингомъ, Штейномъ, Данквардтомъ, Кавелинымъ, Пахманомъ, Муромцевымъ и другими. Переходя затѣмъ къ своей главной темѣ, авторъ останавливается на ученіяхъ экономистовъ о цѣнности, о капиталѣ и о прибыли предпринимателя; при этомъ онъ слѣдуетъ главнымъ образомъ Вагнеру. Отъ послѣдняго онъ заимствовалъ также теорію всемогущества государства въ области экономическихъ явленій,—теорію, основанную отчасти на смѣшеніи современной государственности съ идеальнымъ человѣческимъ общежитіемъ. Предполагая, что существующія условія народнаго хозяйства имѣютъ не только свои причины, но и свои мотивы, авторъ считаетъ, напр., что капиталисты-предприниматели исполняютъ особую функцію „по обезпеченію сравнительно наивыгоднѣйшихъ для народнаго хозяйства способовъ и условій производства", за что́ и получаютъ вознагражденіе въ видѣ прибыли. Съ другой стороны, и государство имѣетъ право вмѣшиваться только потому, что оно оказываетъ существенныя услуги капиталистамъ. „Предоставленіе предпринимателямъ права владѣнія капитальнымъ имуществомъ, затрачиваемымъ ими на свой собственный рискъ и отвѣтственность въ производство, обусловливаетъ право государства на регулированіе ихъ отвѣтственности по

обезпеченію наиболѣе цѣлесообразнаго и справедливаго распредѣленія доходовъ" (стр. 246). Ученіе объ общественной функціи капиталистовъ, какъ основаніи прибыли, есть только неудачная фикція, придуманная нѣмецкими систематиками; а недостатокъ критики, по отношенію къ теоріямъ Вагнера и Шеффле, составляетъ слабую сторону труда г. Яроцкаго.

Въ главѣ о заработной платѣ авторъ знакомитъ читателя съ воззрѣніями Кэрнса, Торнтона, Родбертуса, Брентано, Генри Джорджа и Леруа-Больё. Приводятся также фактическія свѣденія о ходѣ развитія фабричнаго законодательства, особенно въ Англіи и Германіи. Для прочнаго улучшенія быта рабочихъ сдѣлано еще немного; „только въ Швейцаріи, а съ 1885 г. и въ Австріи, существуетъ обязательное ограниченіе сроковъ работы взрослыхъ рабочихъ 11 часами, да еще въ нѣкоторыхъ изъ отдѣльныхъ штатовъ Сѣверо-американскаго Союза есть ограниченіе суточной работы 8—10 часами; на всѣхъ же казенныхъ работахъ тамъ установленъ общимъ закономъ 8-ми-часовой срокъ". Между прочимъ, авторъ высказывается противъ пріобрѣтенія рабочими въ собственность занимаемыхъ ими жилищъ при фабрикахъ, такъ какъ этимъ способомъ рабочіе лишаются надлежащей свободы передвиженія и прикрѣпляются болѣе прочно къ данному предпріятію. Самою интересною и наилучше обработанною частью книги должна быть признана обширная послѣдняя глава, трактующая о формахъ и размѣрахъ заработной платы, объ участіи рабочихъ въ прибыли предпріятій, объ условіяхъ найма рабочихъ и отвѣтственности ихъ, о дѣятельности рабочихъ союзовъ и о школахъ для рабочаго класса (стр. 327—443). По мнѣнію автора, „организація техническаго образованія и подготовка къ работѣ должна всецѣло составлять обязанность предпринимателей, какъ представителей интересовъ промышленности". Что касается такъ-называемыхъ инвалидовъ промышленности, то обезпеченіе ихъ участи „является наиболѣе насущною и настоятельною заботою государства".

Не соглашаясь съ отдѣльными мнѣніями г. Яроцкаго и находя нѣкоторые недостатки въ его работѣ, необходимо, тѣмъ не менѣе, признать его трудъ весьма почтеннымъ и добросовѣстнымъ вкладомъ въ нашу экономическую литературу.— Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюля 1887.

Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.—Вліяніе уголовнаго кодекса на вердикты присяжныхъ. — Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.—Еще къ вопросу о вѣротерпимости.

Присяжные засѣдатели не мотивируютъ своихъ вердиктовъ; отношеніе ихъ къ своей задачѣ, сомнѣнія и трудности, ими встрѣчаемыя, путь, которымъ они приходятъ къ тому или другому окончательному выводу—все это остается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстнымъ. А между тѣмъ, не зная внутренней работы, совершающейся въ душѣ присяжныхъ, нельзя составить себѣ правильнаго понятія о характерѣ самаго учрежденія. Судить о немъ исключительно по результатамъ его дѣятельности, по числу обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ, значитъ рисковать самыми грубыми ошибками. Тѣ самые государственные люди или публицисты, которые возстаютъ теперь всего сильнѣе противъ слабости и снисходительности „суда улицы", „суда толпы", навлекли бы на себя, быть можетъ, такой же точно упрекъ, еслибы вошли когда-нибудь въ составъ присутствія присяжныхъ. Для того, чтобы произнести справедливое рѣшеніе по отдѣльному дѣлу, нужно выслушать его съ начала до конца, выслушать его не въ качествѣ равнодушнаго свидѣтеля, а въ качествѣ судьи, отвѣтственнаго передъ своею совѣстью; для того, чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, значеніе суда присяжныхъ, нужно самому побывать присяжнымъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ и со всѣхъ другихъ, мы придаемъ величайшую важность правильному веденію списковъ присяжныхъ; чѣмъ больше число лицъ, вносимыхъ въ списокъ и дѣйствительно призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжнаго, тѣмъ шире распространеніе здравыхъ взглядовъ на одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ государственной политики. Есть еще другая дорога, ведущая къ той же цѣли: это — оглашеніе впечатлѣній, испытанныхъ на самомъ дѣлѣ. Еслибы каждый бывшій присяжный, сколько-нибудь владѣющій перомъ, дѣлился съ читающей публикой воспоминаніями о дѣлахъ, рѣшенныхъ при его участіи, совокупность такихъ замѣтокъ—пред-

полагая, конечно, что онѣ отличались бы полною искренностью — образовала бы, черезъ нѣсколько времени, драгоцѣнный, ничѣмъ незамѣнимый матеріалъ для общей характеристики суда присяжныхъ. Нарушенія тайны совѣщаній, которую обязываются хранить присяжные, здѣсь не было бы никакого, потому что не было бы надобности называть присяжныхъ, такъ или иначе относившихся къ дѣлу; незачѣмъ даже было бы сообщать наименованія дѣлъ и фамиліи подсудимыхъ. Въ семидесятыхъ годахъ воспоминанія бывшихъ присяжныхъ нѣсколько разъ появлялись въ печати; теперь мы не встрѣчали ихъ уже очень давно—а именно теперь онѣ особенно необходимы, въ виду усиленныхъ нападеній на судъ присяжныхъ. Пишущему эти строки пришлось быть присяжнымъ два раза: въ 1885 г. —въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, по мѣсту нахожденія его имѣнія, и въ истекшемъ іюнѣ мѣсяцѣ — въ одномъ изъ подстоличныхъ городовъ, по мѣсту постояннаго его жительства. Сессія, оба раза, продолжалась очень недолго, и число дѣлъ, разсмотрѣнныхъ при участіи присяжныхъ, было очень невелико; но все-таки можно было сдѣлать кое-какія наблюденія, не лишенныя, какъ намъ кажется, общаго интереса.

Самое выдающееся дѣло, прошедшее черезъ наши руки, заключалось въ слѣдующемъ. Въ деревенскомъ кабакѣ собралось нѣсколько крестьянъ, болѣе или менѣе выпившихъ. Одинъ изъ нихъ, И., проситъ у другихъ стаканъ водки; они обѣщаютъ исполнить его просьбу, если онъ позволитъ имъ подпалить его волосы и бороду. Позволеніе дано; крестьянинъ К. зажигаетъ спичку и подноситъ ее къ бородѣ И., потомъ то же самое дѣлаетъ сидѣлецъ кабака Н.—но борода не загорается, И. во́-время смахиваетъ съ нея спички. Тогда возникаетъ мысль облить И. керосиномъ; Н. приноситъ керосину, третій крестьянинъ, В., плескаетъ имъ въ лицо И., К. подноситъ спичку къ волосамъ и бородѣ—они вспыхиваютъ, И. съ крикомъ падаетъ на полъ; испуганные мучители бросаютъ на него полушубокъ, тушатъ пламя, но оно успѣваетъ причинить И. сильные обжоги. На другой день сельскій староста и земскій фельдшеръ находятъ его обезображеннымъ, опухшимъ и отправляютъ его въ земскую больницу, гдѣ онъ лежитъ цѣлыхъ два мѣсяца. Черезъ полтора года со дня происшествія (движеніе дѣла замедлилось тѣмъ, что И. сначала не зналъ, кто причинилъ ему обжоги, а потомъ обратился съ жалобой къ мировому судьѣ, передавшему дѣло, за неподсудностью, судебному слѣдователю), И. является передъ судомъ съ глубокими, неизгладимыми рубцами на лицѣ и съ зависящимъ отъ обжога ослабленіемъ слуха, въ особенности на одно ухо. Обвиненіе ставится противъ всѣхъ трехъ

подсудимыхъ—Н., К. и В.—по ст. 1489 и 1490 Уложенія о наказаніяхъ. Первая изъ этихъ статей назначаетъ наказаніе за причиненіе кому-либо съ умысломъ истязаній или мученій, вторая предусматриваетъ тотъ случай, когда послѣдствіемъ истязаній будетъ *увѣчье*,—а увѣчьемъ признается, между прочимъ, неизгладимое обезображеніе лица и лишеніе слуха. На судѣ В. во всемъ сознался, оправдываясь опьянѣніемъ и отсутствіемъ злого намѣренія; Н. не призналъ себя виновнымъ; К. утверждалъ, что ничего не помнитъ. И. заявилъ, что никто изъ подсудимыхъ не имѣлъ съ нимъ ни вражды, ни ссоры, и что онъ имъ охотно прощаетъ. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе во всей его полнотѣ; защита доказывала, что со стороны подсудимыхъ была только неосторожность. Въ этомъ присяжные и признали ихъ виновными, давъ снисхожденіе одному В.; судъ присудилъ послѣдняго къ четыремъ, двухъ другихъ—къ семи днямъ ареста.

Еслибы разсказанное нами дѣло получило широкую огласку и обратило на себя общее вниманіе, рѣшеніе присяжныхъ, по всей вѣроятности, подверглось бы строгой критикѣ. И дѣйствительно, съ чисто-юридической точки зрѣнія правильность его представляется болѣе чѣмъ сомнительною. Неосторожность предполагаетъ, прежде всего, отсутствіе намѣренія; о ней можетъ быть рѣчь только тогда, когда вредныя послѣдствія дѣянія произошли помимо воли дѣятеля. Виновнымъ въ неосторожности былъ бы, напримѣръ, тотъ, кто бросилъ бы зажженную спичку, не смотря, куда она летитъ, и попалъ бы ею случайно въ лицо сосѣду, у котораго загорѣлись бы отъ того волосы на головѣ и бородѣ. Въ данномъ случаѣ В., К. и Н. *хотѣли* поджечь бороду И.; каждый изъ нихъ сдѣлалъ что-либо именно съ этою *цѣлью*. *Умыселъ*, очевидно, былъ—а онъ несовмѣстимъ съ неосторожностью. Установивъ, такимъ образомъ, юридическую несообразность вердикта, можно было бы пойти еще дальше и обвинить присяжныхъ въ потворствѣ пьянству и кабачному безобразію, въ неумѣньѣ отличить невинную шутку отъ непростительнаго издѣвательства надъ личностью, въ нежеланіи понять, что посягательство на жизнь или здоровье человѣка не оправдывается согласіемъ послѣдняго, особенно согласіемъ, даннымъ въ полусознательномъ состояніи. Всѣ подобныя догадки, всѣ подобныя обвиненія были бы лишены, однако, всякаго основанія. Еще раньше конца судебнаго слѣдствія, во время перерыва засѣданія, присяжные, обмѣнявшись первыми впечатлѣніями, пришли къ единогласному заключенію, что опьянѣніе подсудимыхъ, точно также, какъ и согласіе И. на поджиганіе бороды, не должно имѣть рѣшительнаго вліянія на

исходъ дѣла. Къ поступку подсудимыхъ присяжные отнеслись съ полнѣйшимъ осужденіемъ; никому не пришло въ голову оправдывать ихъ тѣмъ обстоятельствомъ, что И. прежде уже нѣсколько разъ добровольно служилъ за водку посмѣшищемъ для кабацкихъ завсегдателей. Общее настроеніе присяжныхъ было, такимъ образомъ, далеко не благопріятно для подсудимыхъ. Но когда поставлены были вопросы, когда присяжные удалились для окончательнаго совѣщанія, между ними тотчасъ же раздались голоса, что нельзя признать подсудимыхъ виновными въ умышленномъ истязаніи, что это значило бы увеличить ихъ отвѣтственность далеко сверхъ заслуженной мѣры. Замѣчательно, что опасеніе слишкомъ строгаго наказанія было высказано прежде всего не юристами, входившими въ составъ присутствія, а другими присяжными, мало знакомыми съ Уложеніемъ. Они знали только одно—что оно отличается большою суровостью и сильно стѣсняетъ судейскую свободу—и этого было достаточно, чтобы заставить ихъ всѣми силами стоять за оправданіе подсудимыхъ по главному обвиненію. Они чувствовали также, что умышленное истязаніе—понятіе не вполнѣ примѣнимое къ данному случаю, потому что подсудимые, хотя и подожгли умышленно бороду и волосы И., но сдѣлали это вовсе не съ цѣлью причинить ему сильную боль или тѣмъ менѣе — увѣчье. Конечно, присяжнымъ было объяснено ихъ право отвѣчать на вопросы съ оговоркой, признать истязаніе и отвергнуть увѣчье; но они находили, что и послѣ такой оговорки подсудимымъ будетъ угрожать слишкомъ большая опасность. Съ другой стороны, они не желали отпустить подсудимыхъ вовсе безнаказанными — и вотъ почему они отвѣчали утвердительно на вопросъ о неосторожности, хотя многіе изъ нихъ и понимали неточность этого отвѣта.

Посмотримъ теперь, почему юристы, находившіеся въ составѣ присутствія присяжныхъ, не могли и не хотѣли идти въ разрѣзъ съ большинствомъ. Они знали, во-первыхъ, что наше Уложеніе относится къ истязаніямъ и мученіямъ совершенно иначе, чѣмъ къ другимъ видамъ тѣлесныхъ поврежденій. Различая тяжкое увѣчье отъ менѣе тяжкаго, тяжкія раны—отъ легкихъ, Уложеніе не допускаетъ такого различія по отношенію къ истязаніямъ и мученіямъ; оно не разбираетъ также, причинены ли они съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или въ запальчивости и раздраженіи, между тѣмъ, какъ наказуемость ранъ и увѣчій измѣняется, сообразно съ этимъ весьма значительно. Такъ, напримѣръ, наказаніе за увѣчье, смотря по различной комбинаціи субъективныхъ и объективныхъ условій, колеблется между шестилѣтней каторжной работой и четырехмѣсячнымъ

тюремнымъ заключеніемъ, наказаніе за рану—между ссылкой на поселеніе и двухмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, тогда какъ наказаніе за истязанія остается одно и то же—отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія, и отъ суда зависитъ только повысить или понизить его степень (истязаніе, имѣвшее послѣдствіемъ увѣчье, наказывается каторжной работой). Юристамъ извѣстно было и то, что дѣла о легкомъ увѣчьѣ или легкихъ ранахъ могутъ быть прекращаемы примиреніемъ, а въ дѣлахъ объ истязаніи примиреніе не допускается. Еслибы подсудимые были обвинены въ причиненіи И. легкаго увѣчья (а неизгладимые рубцы на лицѣ пожилого мужчины и полу-глухота на одно ухо едва ли могутъ быть признаны увѣчьемъ тяжкимъ), И. могъ бы освободить ихъ отъ всякаго наказанія,—и, конечно, воспользовался бы этимъ правомъ, такъ какъ заявлялъ уже во время судебнаго слѣдствія, что прощаетъ своихъ обидчиковъ; обвиненіе въ истязаніи устраняло возможность такого исхода. Зная все это, юристы не могли, по совѣсти, настаивать на такомъ обвиненіи подсудимыхъ, послѣдствіемъ котораго была бы явная несправедливость. Этого мало: они не могли не видѣть, что умышленное поджиганіе бороды и волосъ И. не было со стороны подсудимыхъ умышленнымъ его истязаніемъ, что между *истязаніемъ* подсудимыхъ и *результатомъ* ихъ поступка существуетъ противорѣчіе, безусловно говорящее въ ихъ пользу. Что же оставалось юристамъ, какъ не присоединиться къ мнѣнію большинства? Нельзя же было имъ подать голосъ за совершенное оправданіе подсудимыхъ, во всякомъ случаѣ виновныхъ, только потому, что къ умышленному поджиганію бороды непримѣнимо, строго говоря, понятіе о неосторожности.

Мы подробно остановились на дѣлѣ И. потому, что оно во многихъ отношеніяхъ представляется типичнымъ. Предположимъ, что устарѣвшій, да и съ самаго начала несостоятельный уголовный кодексъ [1]), былъ бы замѣненъ, уже въ настоящее время, новымъ уложеніемъ, основаннымъ на тѣхъ началахъ, которыя выработаны коммиссіею Э. В. Фриша. Многочисленныя, сбивчивыя постановленія объ увѣчьѣ, ранахъ, истязаніяхъ, побояхъ уступили бы мѣсто немногимъ яснымъ и опредѣленнымъ статьямъ, въ которыхъ всѣ тѣлесныя поврежденія, независимо отъ способа ихъ причиненія, были бы раздѣлены на двѣ или три группы (тяжкія и легкія—или тяжкія, менѣе тяжкія и легкія), и суду былъ бы предоставленъ, по отношенію къ каждой изъ этихъ группъ, широкій просторъ въ выборѣ

[1]) См. выше, въ Литературномъ Обозрѣніи, замѣтку о „Лекціяхъ“ профессора Таганцева.

наказанія. Исходъ такого дѣла, какъ только-что разсказанное нами, не подлежалъ бы тогда никакому сомнѣнію: присяжные непремѣнно признали бы всѣхъ подсудимыхъ виновными въ умышленномъ нанесеніи И. легкихъ тѣлесныхъ поврежденій. Въ обществѣ и въ народѣ распространилось бы, мало-по-малу, глубокое убѣжденіе, что уголовный кодексъ чуждъ всякой излишней суровости, что онъ обезпечиваетъ вполнѣ свободу дѣйствій суда, а слѣдовательно и возможность назначенія наказанія, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ каждаго даннаго случая. Присяжнымъ незачѣмъ было бы бояться, что ихъ обвинительный приговоръ слишкомъ тяжело отзовется на подсудимомъ, что суду, со всѣхъ сторонъ сдавленному казуистикой, придется примѣнить карательную мѣру, явно несоразмѣрную съ дѣйствительною виною. На устраненіи такихъ опасеній, еслибы онѣ, по старой памяти, и возникли, съ спокойной совѣстью могъ бы настаивать всякій юристъ, всякій образованный человѣкъ, вошедшій въ составъ присутствія присяжныхъ. Незачѣмъ было бы тогда и скрывать отъ присяжныхъ наказаніе, ожидающее подсудимаго въ случаѣ признанія его виновнымъ [1]), не было бы причины думать, что оно произведетъ устрашающее дѣйствіе на присяжныхъ. Теперь, наоборотъ, мысль о несоразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ постоянно угнетаетъ присяжныхъ и часто приводитъ ихъ къ приговорамъ юридически неправильнымъ. Ожидать отъ нихъ иного отношенія къ дѣлу, требовать отъ нихъ невозмутимаго равнодушія къ послѣдствіямъ ихъ приговора, значило бы идти въ разрѣзъ съ лучшими сторонами человѣческой природы. Скорѣйшее приведеніе къ концу законодательной работы, продолжающейся уже много лѣтъ, скорѣйшее изданіе новаго уголовнаго кодекса, свободнаго отъ недостатковъ нынѣ дѣйствующаго Уложенія—вотъ единственная гарантія противъ такихъ вердиктовъ, какъ произнесенный присяжными по дѣлу И. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ данномъ случаѣ чисто-формальное отношеніе къ дѣлу оказалось бы непосильнымъ и для коронного суда. Отсутствіе всякой соразмѣрности между поступкомъ подсудимыхъ и наказаніемъ, назначаемымъ ст. 1489-ю, слишкомъ очевидно; изъ затруднительнаго положенія былъ и выходъ —признаніе *истязанія* неумышленнымъ. Коронному суду пришлось бы, пожалуй, пойти еще дальше и произнести безусловно-оправдательный

[1]) И въ настоящее время, впрочемъ, тайна, окружающая наказаніе, едва ли имѣетъ достаточную raison d'être. Не говоря уже о томъ, что она можетъ быть нарушена всякимъ присяжнымъ, сколько-нибудь знакомымъ съ Уложеніемъ, она приводитъ иногда къ прямо-противоположной цѣли, поддерживая въ присяжныхъ мысль о наказаніи еще болѣе строгомъ, чѣмъ опредѣляемое на самомъ дѣлѣ.

приговоръ, между тѣмъ какъ взысканіе, наложенное на подсудимыхъ вслѣдствіе вердикта присяжныхъ, все-таки напоминаетъ о томъ, что издѣвательство надъ личностью, перешедшее за извѣстную границу, не можетъ и не должно оставаться совершенно безнаказаннымъ.

Мы уже говорили, что обмѣнъ мыслей и впечатлѣній по дѣлу И. начался, въ средѣ присяжныхъ, вслѣдъ за первымъ удаленіемъ ихъ въ совѣщательную комнату. То же самое намъ пришлось замѣтить и въ составѣ другого присутствія присяжныхъ, состоявшаго почти исключительно изъ крестьянъ. И тамъ, и тутъ присяжные относились къ дѣлу съ величайшимъ интересомъ, внимательно слѣдили за ходомъ судебнаго слѣдствія и горячо обсуждали каждую характеристичную его подробность. Въ этомъ обсужденіи принимали участіе почти всѣ присяжные, то раздѣляясь на кружки, то сходясь въ одну группу. Разговоръ о постороннихъ предметахъ слышался кое-гдѣ только тогда, когда былъ болѣе или менѣе исчерпанъ наличный дѣловой матеріалъ. Во время окончательнаго совѣщанія, предшествующаго постановленію вердикта, никто не отдалялся отъ предмета преній; старшинѣ не приходилось заботиться объ охраненіи или возстановленіи порядка, котораго никто ничѣмъ не нарушалъ. Всѣ относились къ дѣлу одинаково серьезно, съ одинаковымъ желаніемъ разрѣшить его по совѣсти и крайнему разумѣнію. Никакой разницы, съ этой точки зрѣнія, между людьми образованными и необразованными не было замѣтно; конечно, нѣкоторые изъ числа присяжныхъ принимали болѣе активное участіе въ обсужденіи дѣла, другіе довольствовались ролью болѣе пассивною— но между первыми были и крестьяне, и наоборотъ, между послѣдними были и представители интеллигенціи. Безусловно преобладающимъ ничей голосъ не былъ, большинство ни за кѣмъ не слѣдовало послушно и слѣпо. Разрѣшивъ, по дѣлу И., существенно важный вопросъ объ умыслѣ или неосторожности, признавъ подсудимыхъ виновными только въ послѣдней, присяжные могли бы, повидимому, быстро покончить съ второстепеннымъ вопросомъ о снисхожденіи; они знали, что отвѣтственность подсудимыхъ будетъ сведена къ такой незначительной мѣрѣ, при которой не имѣетъ значенія нѣсколько бо̀льшая или нѣсколько мѐньшая строгость приговора. И все-таки по этому предмету завязался споръ; присяжные хотѣли, очевидно, оттѣнить степень виновности подсудимыхъ и воздать каждому по заслугамъ. Снисхожденіе, данное большинствомъ подсудимому В., было основано на его чистосердечномъ сознаніи; подсудимому К. оно не было дано въ виду того, что онъ былъ трезвъ и что на немъ, какъ на сидѣльцѣ, лежала обязанность не допускать опасной шутки.

Намъ не случалось, до сихъ поръ, видѣть или слышать, чтобы

въ составъ присяжныхъ засѣдателей входили гдѣ-либо присяжные повѣренные. Между тѣмъ законъ не дѣлаетъ по отношенію къ нимъ никакого исключенія изъ общаго правила; если они обладаютъ имущественнымъ цензомъ (а многіе ли изъ нихъ имъ не обладаютъ, т.-е. получаютъ менѣе тысячи рублей въ годъ?), то они имѣютъ право, а слѣдовательно и обязаны быть присяжными. Невключеніе ихъ въ списки присяжныхъ не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ упущеніемъ со стороны коммиссій, ведущихъ списки, или предубѣжденіемъ, лишеннымъ всякаго правильнаго основанія. Изъ того, что присяжному повѣренному чаще приходится быть защитникомъ, чѣмъ обвинителемъ, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, больше другихъ расположенъ къ систематическому оправданію подсудимыхъ. Съ перемѣной роли измѣняется и точка зрѣнія; сознавая и чувствуя себя судьею, присяжный повѣренный не станетъ относиться къ дѣлу какъ сторона, не будетъ приступать къ нему съ предвзятою мыслью. Отстраненіе присяжныхъ повѣренныхъ отъ исправленія обязанностей присяжнаго засѣдателя не только уменьшаетъ число интеллигентныхъ людей, призываемыхъ въ составъ присяжныхъ, но имѣетъ еще одну невыгодную сторону, сдѣлавшуюся для насъ особенно ясной послѣ того, какъ намъ случилось дважды побывать присяжнымъ [1]). Мы пришли къ заключенію, что судебное слѣдствіе дѣйствуетъ на присяжныхъ —больше, судебныя пренія—меньше, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Убѣжденіе присяжныхъ вырабатывается въ особенности при слушаніи объясненій подсудимаго и свидѣтельскихъ показаній; оно выражается весьма ясно уже во время перерыва, отдѣляющаго судебное слѣдствіе отъ преній или немногимъ предшествующаго концу судебнаго слѣдствія. Еслибы присяжнымъ повѣреннымъ часто приходилось удостовѣряться въ этомъ на опытѣ, т.-е. сидя на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей, это не могло бы не отразиться—и, какъ намъ кажется, отразиться весьма выгодно—на способѣ веденія судебныхъ преній. Бóльшая сжатость защиты, бóльшая ея близость къ фактической сторонѣ дѣла, болѣе полное и тщательное освѣщеніе всего добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, бóльшее воздержаніе отъ экскурсій, не оправдываемыхъ необходимостью — вотъ къ чему, по всей вѣроятности, привело бы ближайшее знакомство адвокатовъ съ внутреннимъ процессомъ, совершающимся въ умѣ ихъ слушателей. Черты, только-что указанныя нами, и теперь, конечно, не рѣдкость

---

[1]) Пишущій эти строки былъ нѣкогда адвокатомъ и потому легко можетъ себѣ представить ощущенія присяжнаго повѣреннаго, ставшаго присяжнымъ засѣдателемъ.

въ русскихъ адвокатскихъ рѣчахъ, гораздо менѣе фразистыхъ и болѣе дѣльныхъ, чѣмъ французскія; но преобладаніе ихъ могло бы стать еще болѣе обыкновеннымъ, еще болѣе рѣшительнымъ. Это отнюдь не значитъ, чтобы мы сомнѣвались въ значеніи защиты. Необходимая уже какъ противовѣсъ обвиненію, она чрезвычайно важна и какъ обработка сырого матеріала, даннаго судебнымъ слѣдствіемъ. Впечатлѣнія, выносимыя изъ него присяжными засѣдателями, отличаются большою силой—но они часто противорѣчивы, часто заслонены другими, позднѣйшими, или затемнены самою продолжительностью судебнаго слѣдствія. Внести свѣтъ и порядокъ въ эту массу, помочь присяжнымъ освободиться изъ-подъ ея гнета и подчинить ее себѣ, вмѣсто того, чтобы быть ей подчиненнымъ — вотъ призваніе защиты, дѣлающее ее незамѣнимой и неоцѣнимой именно передъ судомъ присяжныхъ. Къ этому присоединяется еще участіе защиты въ юридическомъ разъясненіи обвиненія (насколько оно необходимо для присяжныхъ), въ постановкѣ вопросовъ; мы видѣли уже, что въ дѣлѣ И. вопросъ о неосторожности былъ поставленъ судомъ, какъ вытекавшій изъ доводовъ защиты... Намъ могутъ возразить, что поученіе, сопряженное съ исправленіемъ обязанностей присяжнаго, во всякомъ случаѣ останется недоступнымъ для обвинителей, такъ какъ лица прокурорскаго надзора не могутъ быть присяжными. Это совершенно справедливо—но характеръ защиты не можетъ не отразиться и на характерѣ обвиненія. Спокойствіе и сдержанность одной изъ сторонъ почти всегда сообщаются другой — и наоборотъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не столько непосредственное вліяніе защитника на обвинителя *по данному дѣлу*—вліяніе, уменьшаемое тѣмъ, что обвинитель говоритъ первымъ,—сколько общую выработку ораторскихъ пріемовъ, въ которой одинаково участвуютъ обвиненіе и защита.

Всего исправнѣе въ исполненіи обязанностей присяжнаго засѣдателя, насколько мы могли замѣтить, оказываются крестьяне—т.-е. именно тѣ, для кого оно всего труднѣе. Коммиссіи, составляющія списки, больше прежняго, повидимому, заботятся о томъ, чтобы между присяжными было достаточное число образованныхъ людей—но для достиженія этой цѣли мало одной доброй воли со стороны коммиссій. Нужно еще, чтобы всѣ призываемые къ исправленію обязанностей присяжнаго не уклонялись, безъ крайней необходимости, отъ явки въ судъ, хотя бы она и была сопряжена для нихъ съ нѣкоторыми неудобствами. Когда намъ пришлось быть присяжнымъ въ захолустномъ уѣздномъ городѣ, присяжные-крестьяне, числомъ 22, оказались на-лицо всѣ безъ исключенія; явился даже старикъ, только-

что погорѣвшій, и заявилъ суду о своемъ несчастьѣ, послѣ чего и былъ отпущенъ домой. Между тѣмъ изъ числа восьми землевладѣльцевъ не явилось четверо, т.-е. ровно половина—и по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ было полное основаніе сомнѣваться въ дѣйствительности причинъ, указанныхъ ими въ оправданіе неявки. Когда же, наконецъ, въ нашихъ образованныхъ классахъ установится болѣе серьезное отношеніе къ обязанностямъ, возлагаемымъ на нихъ закономъ? Главная причина зла заключается въ томъ, что понятіе объ образованномъ классѣ совпадало еще недавно съ понятіемъ о классѣ *привилегированномъ*, т.-е. свободномъ отъ всякихъ повинностей, вещественныхъ и личныхъ. Все поддерживающее старый порядокъ, все потворствующее жаждѣ льготъ и изъятій идетъ въ разрѣзъ съ развитіемъ чувства долга; прочные корни оно пуститъ только тогда, когда во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни утвердится идея равенства передъ закономъ.

Министерство народнаго просвѣщенія распорядилось недавно закрытіемъ приготовительныхъ классовъ при всѣхъ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Главнымъ мотивомъ этой мѣры послужило то обстоятельство, что первый классъ часто наполнялся весь учениками приготовительнаго класса, и не оставалось мѣста для мальчиковъ, получившихъ домашнюю подготовку, иногда гораздо лучшую, чѣмъ гимназическая. Въ нашихъ глазахъ закрытіе приготовительныхъ классовъ имѣло бы бо́льшую цѣну, еслибы оно было первымъ шагомъ къ давно желанному объединенію всей учебной системы, т.-е. къ такому ея устройству, при которомъ существовала бы органическая связь между всѣми различными ея ступенями. Начальныя школы служили бы тогда—рядомъ съ домашнимъ обученіемъ—единственной основой для среднихъ, низшій отдѣлъ которыхъ, въ свою очередь, устроенъ бы былъ такъ, чтобы не устранять возможность перехода съ одной дороги на другую, не предрѣшать заранѣе будущую судьбу учащагося [1]). Съ этой точки зрѣнія приготовительный классъ гимназій и прогимназій былъ явленіемъ ненормальнымъ, потому что онъ пріурочивалъ къ средней школѣ, безъ всякой надобности, задачу, относящуюся всецѣло къ области начальнаго обученія. Незачѣмъ было учить въ стѣнахъ гимназіи чтенію, письму и счету, когда

---

[1]) Очень хорошій очеркъ такой системы представленъ недавно Е. Н. Андреевымъ въ статьяхъ: „Наши школы и ихъ преобразованіе“ („Новости“, 1887, №№ 67, 87, 98).

для этого существуютъ начальныя школы. Прежде, когда элементарныхъ школъ было мало, а въ гимназіи поступали преимущественно дѣти болѣе или менѣе образованныхъ родителей, существованіе приготовительнаго класса имѣло двоякій смыслъ: придти на помощь къ семьѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда для нея почему-либо неудобно даже первоначальное домашнее обученіе дѣтей, и поставить дѣтей, рано отдаваемыхъ въ школу, въ ту самую среду, въ которой имъ суждено продолжать свое образованіе. Теперь первая изъ этихъ задачъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, можетъ быть прекрасно исполнена начальной школой, а послѣдняя потеряла всякое значеніе, потому что въ гимназіяхъ, какъ и въ начальныхъ школахъ, учатся дѣти всѣхъ сословій, всѣхъ общественныхъ классовъ. Опасаться можно только одного: чтобы закрытіе приготовительныхъ классовъ не послужило, de facto, источникомъ привилегіи для болѣе достаточныхъ семействъ, источникомъ затрудненій—для менѣе достаточныхъ. Предупрежденіе этого результата зависитъ, какъ намъ кажется, отъ министерства народнаго просвѣщенія. Прежде всего необходимо привести въ ясность, вездѣ ли существуютъ, рядомъ съ гимназіями и прогимназіями, начальныя школы, могущія замѣнить собою, для недостаточныхъ родителей, закрываемые приготовительные классы. Разбираемая нами мѣра касается, покамѣстъ, только мужскихъ гимназій и прогимназій, но она будетъ распространена, по всей вѣроятности, и на женскія среднія учебныя заведенія—а намъ извѣстенъ небольшой городъ, въ которомъ есть женская прогимназія, но нѣтъ ни одной начальной школы для дѣвочекъ (для мальчиковъ существуетъ городское трехклассное училище). Закрытіе приготовительнаго класса прогимназіи, безъ одновременнаго открытія начальной школы, было бы здѣсь настоящимъ бѣдствіемъ для наименѣе достаточной части городского населенія. Весьма можетъ быть, что въ такомъ же положеніи окажется кое-гдѣ и вопросъ о начальномъ обученіи мальчиковъ, если взамѣнъ приготовительнаго класса гимназіи или прогимназіи не будутъ вновь устроены или расширены мужскія начальныя школы. Второе условіе, вытекающее изъ закрытія приготовительныхъ классовъ—это полнѣйшее согласованіе требованій, предъявляемыхъ къ поступающимъ въ первый классъ гимназіи или прогимназіи, съ требованіями, предъявляемыми къ оканчивающимъ курсъ въ начальной школѣ. Нужно поставить дѣло такъ, чтобы каждый получившій элементарное образованіе могъ вступить безпрепятственно въ первый классъ средняго учебнаго заведенія, если только тамъ есть свободное мѣсто. Состязательное испытаніе слѣдовало бы производить лишь тогда, когда кандидатовъ больше,

чѣмъ вакансій; въ противномъ случаѣ право на вступленіе въ первый классъ могло бы быть предоставляемо, безъ экзамена, каждому имѣющему свидѣтельство объ окончаніи курса въ правильно устроенной начальной школѣ. Только при такомъ порядкѣ доступъ въ среднія учебныя заведенія останется, по прежнему, дѣйствительно открытымъ для дѣтей всѣхъ классовъ и всѣхъ состояній. Въ элементарныхъ школахъ увеличится, безъ сомнѣнія, число дѣтей, принадлежащихъ къ такъ-называемымъ привилегированнымъ сословіямъ—но это не будетъ явленіемъ безусловно новымъ. Въ петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищахъ уже въ 1886—87 учебномъ году училось 416 дѣтей дворянъ и чиновниковъ, 141—почетныхъ гражданъ, свободныхъ художниковъ и т. п., 199—купцовъ и 46—духовнаго званія, всего 802 изъ 11.036, т.-е. болѣе 7% всѣхъ учащихся.

Прошло уже четыре года со времени изданія закона 3 мая 1883 г., предоставившаго раскольникамъ нѣкоторую свободу богослуженія,—а между тѣмъ въ печать чрезвычайно рѣдко проникаютъ вѣсти о его результатахъ. Оффиціальныхъ о томъ свѣденій мы также не встрѣчали нигдѣ,—а они были бы тѣмъ болѣе интересны, что все значеніе реформы сводится, въ данномъ случаѣ, именно къ способу ея примѣненія. Законъ 3 мая не далъ раскольникамъ никакихъ опредѣленныхъ правъ, не установилъ условій, при которыхъ не можетъ быть запрещено исправленіе, возобновленіе или открытіе раскольнической моленной; онъ поставилъ все это въ полнѣйшую зависимость отъ дискреціонной власти администраціи. Она можетъ дозволять или не дозволять, допускать или не допускать, руководствуясь исключительно своимъ усмотрѣніемъ и не объявляя мотивовъ своего рѣшенія. Она можетъ улучшить положеніе раскольниковъ—и можетъ оставить его безъ всякаго измѣненія, обративъ законъ въ мертвую букву. Какой путь избранъ ею на самомъ дѣлѣ—это остается до сихъ поръ совершенно неяснымъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ поэтому всякій фактъ, могущій бросить хоть какой-нибудь свѣтъ въ неизвѣданную область. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ („Новое Время", № 4026) насъ поразила слѣдующая корреспонденція изъ Казани: „въ одной изъ деревень сызранскаго уѣзда, симбирской губерніи, раскольническое населеніе рѣшило открыть свою молельню и обратилось къ мѣстному губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи. *Разрѣшеніе, конечно, дано не было.* Тогда раскольники обратились съ тою же просьбой къ министру внутреннихъ дѣлъ, но и тамъ успѣха не

имѣли. Послѣ этихъ двухъ отказовъ раскольники рѣшили открыть молельню самовольно. Съ этою цѣлью крестьянинъ той же деревни Ковалевъ построилъ новую избу и подарилъ ее раскольническому обществу для молельни. Молельня была открыта, но не прошло и мѣсяца, какъ ее, по распоряженію начальства, закрыли, а противъ Ковалева было возбуждено уголовное преслѣдованіе, окончившееся въ обѣихъ инстанціяхъ (т.-е. въ симбирскомъ окружномъ судѣ и въ казанской судебной палатѣ) оправданіемъ Ковалева, на томъ основаніи, что молельня была открыта не имъ, а цѣлымъ обществомъ". Въ началѣ письма корреспондентъ, очевидно, ошибся: открытіе новой моленной разрѣшается, въ силу закона 3 мая, не губернаторомъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ. Губернаторъ не могъ, слѣдовательно, отклонить ходатайство раскольниковъ, а могъ только оставить его безъ разсмотрѣнія, объяснивъ имъ, куда они должны съ нимъ обратиться. Какъ бы то ни было, фактъ отказа остается на-лицо,— а между тѣмъ потребность въ моленной, безъ сомнѣнія, была очень велика, если раскольники рѣшились открыть ее самовольно. Всего характеристичнѣе слова, подчеркнутыя нами: *разрѣшенія, конечно, дано не было*. Итакъ, ходатайства о примѣненіи закона 3 мая всегда, по крайней мѣрѣ въ данной мѣстности, предпринимаются безъ надежды на успѣхъ? Не служитъ ли это новымъ доказательствомъ тому, что въ сферѣ вѣротерпимости, какъ и во всѣхъ другихъ, нельзя создать ничего прочнаго на почвѣ „усмотрѣнія"? Чтó пользы въ *возможности* льготъ, если онѣ не переходятъ въ дѣйствительность?

Если бы направленіе высшей политики предопредѣлялось тенденціями псевдо-патріотической прессы, то безправіе раскольниковъ скоро сдѣлалось бы удѣломъ и русскихъ лютеранъ. Нападенія на остзейскихъ пасторовъ становятся все сильнѣе и сильнѣе и касаются вовсе не слабыхъ сторонъ лютеранскаго духовенства. Приведемъ, въ видѣ примѣра, нѣсколько выдержекъ изъ корреспонденцій, служащихъ матеріаломъ для боевыхъ передовыхъ статей. „Было бы цѣлесообразно, еслибы правительство, при назначеніи новаго суперъ-интендента, утвердило въ этой важной должности кандидата, извѣстнаго преданностью правительственнымъ началамъ. Эти лица получаютъ жалованье отъ правительства и должны быть его вѣрными слугами безусловно". Можно подумать, что рѣчь идетъ о назначеніи администратора, агента и ὀргана исполнительной власти... Въ другомъ мѣстѣ говорится о „лютеранскомъ юношескомъ союзѣ", и зловредность его доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ доводомъ: „Когда рѣчи въ союзѣ читаютъ пасторы, то выбираются темы преимущественно изъ германской церковной жизни (напр., das Passionsspiel im

Oberammergau) или изъ древне-германской миѳологіи". Въ самомъ дѣлѣ, какія опасныя темы! Ужъ не хотятъ ли лютеранскіе пасторы обратить своихъ слушателей въ католицизмъ, развертывая передъ ними чисто-католическую картину обераммергаускаго народнаго театра? Или, можетъ быть, они хотятъ совратить ихъ въ язычество, повѣствуя о древнихъ миѳахъ? О чемъ же, по мнѣнію корреспондента, должны бесѣдовать съ юношествомъ пасторы? Вѣдь нельзя же требовать отъ нихъ, чтобы они читали отрывки изъ „Московскихъ Вѣдомостей" или изъ „Руси", или увѣщевали своихъ слушателей отказаться отъ заблужденій лютеранизма... Вся эта газетная агитація была бы только смѣшна, еслибы она не была до такой степени антипатична.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1802—1886). Сост. К. Головщиковъ. Ярославль, 1887. Стр. 225. Ц. 1 р. 25 к.

Хотя авторъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, подготовить матеріалы для будущаго историка лицея, которому предстоитъ потрудиться къ столѣтнему его юбилею, ожидаемому еще только въ 1905 г., но и независимо отъ такой спеціальной и нѣсколько отдаленной цѣли нельзя не признать за этимъ трудомъ общаго интереса: основаніе лицея въ Ярославлѣ было однимъ изъ крупныхъ и вмѣстѣ рѣдкихъ событій въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія, гдѣ является на сцену въ большихъ размѣрахъ частная иниціатива: Демидовъ пожертвовалъ тогда на основаніе лицея 800 т. руб. и, по обычаю того времени, еще слишкомъ 3.500 душъ въ ярославской губерніи; изъ той суммы 100.000 р. предназначалось „на содержаніе неимущихъ той губерніи дворянъ и другого состоянія людей". Такое щедрое пожертвованіе вполнѣ соотвѣтствовало просвѣтительному одушевленію, какое овладѣло всѣмъ обществомъ въ первые годы царствованія имп. Александра I.

Основы человѣческой дѣятельности. И. В. Свѣчина. Спб. 1887. Спб. 240. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее изслѣдованіе принадлежитъ автору книжки: „Вексельный курсъ и мѣры къ его исправленію"; —на этотъ разъ авторъ хотя и касается такихъ темъ, какъ „биржевые кризисы и таможенная политика", но все же, главнымъ образомъ, его мысли направлены болѣе къ вѣчнымъ вопросамъ, какъ вопросы о „свободѣ воли человѣка", о „великихъ людяхъ", о „происхожденіи и кончинѣ государствъ"—и все это заключается попыткою разрѣшить вопросъ: въ чемъ состоитъ „счастье человѣка?"—Впрочемъ, по поводу этого послѣдняго вопроса, авторъ проситъ читателя не ожидать отъ него окончательнаго его рѣшенія, за трудностью самой его постановки. Безъ сомнѣнія, тѣмъ же самымъ обстоятельствомъ нужно объяснить не вполнѣ, по нашему мнѣнію, удачные способы рѣшенія и предшествующихъ вопросовъ въ книгѣ г. Свѣчина. Напримѣръ, вопросъ о томъ: можно ли кого-нибудь назвать великимъ человѣкомъ,—авторъ рѣшаетъ отрицательно, вслѣдствіе неправильной его постановки, приведшей къ выводу, что, въ избранномъ со стороны автора примѣрѣ, Пушкинъ — вовсе не великій поэтъ: „Пушкинскій штрихъ,—говоритъ авторъ,—дѣйствительно хотя въ его произведеніяхъ и представляетъ самую малую клѣтку искусственности, и эта клѣтка ни больше, ни меньше той, какую создаетъ каждый человѣкъ, какую создала (?) и няня Пушкина Арина; допустимъ (трудно этого не допустить!), что эта няня не написала ни одной разсказанной ею сказки, но неужели мы должны назвать Пушкина великимъ человѣкомъ лишь за то, что онъ написалъ сказки своей няни и прибавилъ къ нимъ лишь столько (?!), сколько прибавила и она, передавая ею слышанныя сказки отъ другихъ такихъ же нянь"... Авторъ вообще полагаетъ, что допустить существованіе въ исторіи „великихъ людей"—значило бы допустить господство случая и отрицать существованіе общихъ законовъ, для которыхъ нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго; „тогда—воскликнетъ ав[тор]... окажется все случайнымъ, и мы, читате[ли]... вами будемъ случайностью въ случайно... случайно случившихся". Но еслибы автор[у] удалось склонить кого-нибудь въ пользу [его] теоріи, то и въ такомъ случаѣ, надобно ду[мать]... читатель въ практикѣ жизни все-таки сдѣла[етъ] различіе между такими двумя не-случайност[ями]... какъ, напримѣръ, поэзія Пушкина и лежа... презъ нимъ разсужденіе объ „основахъ чело[вѣ]ческой дѣятельности", гдѣ все-таки остался [не]разъясненнымъ главный вопросъ: почему м... чемъ изъ насъ „няни-Арины" разсказыва[ли] сказки, а изъ всѣхъ насъ вышелъ Пушкинъ — одинъ? По совершенному случаю, котораго не будетъ отрицать и авторъ, въ настоящей книжкѣ журнала читатель найдетъ статью объ „Исторической философіи" гр. Л. Н. Толстого въ его романѣ „Война и миръ", гдѣ этотъ самый вопросъ разбирается болѣе подробно, нежели сколько можемъ мы сдѣлать въ настоящей замѣткѣ, а потому мы и ограничимся здѣсь указаніемъ на нее.

Жизнь Господа Нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія Евангельской исторіи; свящ. Т. Буткевича. Изд. второе. Спб. 1887. Стр. 604. Ц. 4 р.

Обширный трудъ о. Т. Буткевича былъ вызванъ желаніемъ автора представить съ своей стороны систематическое опроверженіе возраженій предъявляемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени, начатою еще Д. Штраусомъ и Ф. Бауромъ. Новое же его изданіе имѣетъ цѣлью сдѣлать исправленія и дополненія, обусловленныя появленіемъ въ исторической литературѣ новыхъ воззрѣній на евангельскую исторію, высказанныхъ въ трудахъ Вейсса и Фаррара, на котораго мы имѣли случай указать недавно. При этомъ авторъ въ новомъ изданіи значительно пополнилъ прежній отдѣлъ о каноническихъ евангеліяхъ, перевелъ для удобства читателей греческія и латинскія цитаты на русскій языкъ, распространилъ изложеніе содержанія апокрифическихъ евангелій и картину положенія іудейскаго и языческаго міра въ началѣ нашей эры, и—что особенно важно—ввелъ въ настоящее изданіе новую главу съ этнографическимъ и географическимъ описаніемъ Палестины въ ту же эпоху.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова. Вып. 6-й. Спб. Стр. 231—276. Ц. 35 к.

Мы имѣли уже случай указать на этотъ весьма полезный трудъ, о значеніи котораго говоритъ само заглавіе: наша лексикографическая литература вообще весьма слаба, и потому выполненіе задачи, какую взялъ на себя составитель словаря, могло бы быть признано существенною заслугою. Но самое выполненіе зависитъ, между прочимъ, и отъ соразмѣрности частей, а въ этомъ отношеніи составитель, по нашему мнѣнію, подвергаетъ свой трудъ нѣкоторой опасности: весь настоящій выпускъ ведетъ біографію одного К. Аксакова и притомъ не оканчиваетъ ея. Для успѣшности такихъ трудовъ необходимо составить себѣ заранѣе опредѣленную программу соразмѣривъ при этомъ всѣ ея части.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

на 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четв
Безъ доставки. . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою. .	17 „ — „	10 „	5
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей	19 „ — „	11 „	7

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к.
за границей — 3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журн „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецк Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. П ковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редак журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же п нимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журна

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчи Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выс подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сооб ніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ преж мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранн недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ за границей.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по лученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, кото приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1887.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1887.

Стр.

I.—ЧЕРНЫЙ БОРЪ.—Повѣсть.—Изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній.—VIII—XVIII.—Окончаніе.—**Х. Z.** 449

II.—ТИПЪ ФАУСТА ВЪ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—Очерки.—II.—**М. Ф-ть.** . . 503

III.—ТЮРЬМА.—Повѣсть.—I-V.—**В. Дмитріевой** 513

IV.—МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ ПЕРЕДВИЖЕНІЯ МАССЪ.—I-VIII.—**М. Кулишера** 597

V.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Д. Мережковскаго** 646

VI.—СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ВОРОНЦОВЫХЪ.—I-III.—**А. Брикнера** 647

VII.—СТЕЛЛА.—Романъ въ двухъ частяхъ, миссисъ Брэддонъ. — Съ англійскаго.—Часть вторая.—I-IV.—**А. Э.** 673

VIII.—СТАРЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКІЕ НРАВЫ. — Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета, Н. Булича.—**А. Н. Пыпина** 729

IX.—КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ.—Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній.—XI.—**Д. А. Корсакова.** 765

X.—ХРОНИКА — ДВА ИЗСЛѢДОВАТЕЛЯ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРІИ.—По поводу статьи г. Пржевальскаго: „Современное положеніе Центральной Азіи" и книги Ж. Симона: „Срединное Царство".—**Сергѣя Георгіевскаго.** 777

XI.—ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ И МЕЖДУНАРОДНЫЯ ИЛЛЮЗІИ. — **Л. Слонимскаго.** 807

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Статистико-экономическіе труды земства.—Текстъ земско-статистическихъ сборниковъ.—Два типа земской статистики.—Труды тамбовскаго бюро, самарскаго, полтавскаго, петербургскаго и курскаго. — Изданіе черниговскаго типа. — Попытка примиренія московскаго и черниговскаго типа изслѣдованія.—Подворная разработка данныхъ переписи 828

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Избраніе принца Кобургскаго въ Тырновѣ и значеніе этого факта.—Малая вѣроятность успѣха этой кандидатуры.—Закулисная сторона избранія и отношенія къ нему великихъ державъ.—Погоня за иностранными принцами. — Англо-русское соглашеніе. — Русскіе фонды въ Германіи. — Французскія дѣла. — Полемическія недоразумѣнія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 865

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки, Н. Я. Аристова.—Вліяніе Шекспира на русскую драму, историко-критическій этюдъ Сергѣя Тимоѳеева. — Викторъ Гюго и его время. Перев. съ франц. Ю. В. Доппельмайеръ 878

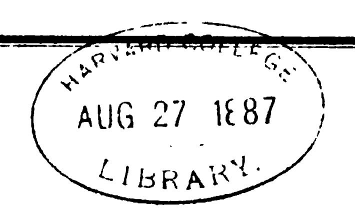
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Обзоры дѣятельности петербургской Думы, за истекшій годъ, въ нашихъ газетахъ. — Упреки, дѣлаемые городскому общественному управленію.—Училищное дѣло въ Петербургѣ десять лѣтъ тому назадъ и теперь. — Исторія передачи начальныхъ училищъ въ вѣдѣніе города. — Новыя правила пріема въ студенты петербургскаго университета.—М. Н. Катковъ, †. 892

XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Редакціи. Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина 906

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Дневникъ публициста. Въ ожиданіи войны. Ив. Ратова.—Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, Родбертуса. — Страхъ. Психофизіологическій этюдъ А. Моссо; пер. съ франц. С. З. Поповой. — Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Спиритизмъ. Пер. съ нѣм. А. М. Бутлерова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1887 г. см. ниже, на оберткѣ

ЧЕРНЫЙ БОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній.

Окончаніе.

VIII *).

Время и пространство—понятія довольно условныя; недаромъ философы полагаютъ, что на дѣлѣ совсѣмъ даже не существуетъ ни пространства, ни времени; это только прирожденныя намъ формы мышленія, и нашъ умъ изобрѣлъ идею пространства для объясненія конкретности предметовъ, а идею времени—для объясненія послѣдовательнаго порядка явленій и событій. Но тѣмъ не менѣе для насъ обѣ эти идеи сопровождаются какимъ-то признаніемъ несомнѣнной ихъ дѣйствительности. Противъ нихъ наша воля безсильна, и упразднить ихъ мы не можемъ; свойства признанія бываютъ, однако, различны. Относительно пространства, отъ насъ зависитъ сокращать размѣры его представленія. Мы можемъ думать о какой-нибудь части пространства или даже вовсе о немъ не думать. Оно для насъ неподвижно и неизмѣнно. Напротивъ того, время относительно насъ находится въ безостановочномъ, непрерывномъ движеніи. Мы можемъ и о немъ не д , и его движенія не подмѣчать непрерывно; но послѣдов ный ходъ явленій совершается помимо того, наблюдаемъ л за нимъ, или нѣтъ. Всегда наступаетъ минута, когда мы с мъ, что движеніе времени совершилось...

---

*) См. выше: іюль, 130 стр.

Давно уже минулъ срокъ, до котораго Печеринъ первоначально имѣлъ намѣреніе оставаться въ Черномъ Борѣ, и онъ давно началъ тяготиться своимъ одиночествомъ. На словахъ и на бумагѣ можетъ преобладать идиллическая сторона сельскаго уединенія. Но на дѣлѣ, для того, чтобы легко жилось въ деревнѣ, нуженъ семейный очагъ или нужны занятія, которыя поглощали бы значительную часть дня и досугу придавали всѣ пріятныя свойства отдохновенія. У дилеттанта-хозяина, какимъ былъ Печеринъ, такихъ занятій и быть не могло. Между тѣмъ августъ наступилъ, дни стали короче, ненастье повторялось чаще, по хозяйству не было новыхъ занятій; даже закончилось предпринятое Печеринымъ, за неимѣніемъ другого дѣла, устройство части дома, предназначенной имъ для гостей и состоявшей изъ ряда комнатъ въ верхнемъ этажѣ, на сторонѣ противоположной часовнѣ. Но никакихъ гостей не было, и одинокій хозяинъ чувствовалъ себя отшельникомъ въ переустроенномъ имъ домѣ. Онъ по прежнему ѣздилъ въ Липки и особенно часто посѣщалъ Васильевское; но, по возвращеніи въ Черный Боръ, сознаніе одиночества возстановлялось съ большею силой и въ поздніе вечерніе часы нерѣдко переходило въ ощущеніе хотя и добровольнаго, но мучительнаго одиночнаго заключенія.

Что̀ же могло удерживать Печерина въ Черномъ Борѣ и даже заставляло его отписываться, для объясненія причинъ замедляющагося возвращенія, въ Петербургъ и отъѣзда оттуда по службѣ въ Парижъ? Печеринъ и себѣ самому ставилъ этотъ вопросъ, и всегда чистосердечно сознавалъ, что отвѣтомъ на него была—Вѣра Сербина.

Любилъ ли Печеринъ Вѣру? Нѣтъ,—онъ только *полюбилъ* ее. Это извѣстный оттѣнокъ чувства, менѣе интенсивнаго и менѣе исключительнаго, которое не всегда даже переходитъ на высшую степень полной исключительности и интенсивности. Анна Ѳедоровна и ея дочь Вѣра съ первой встрѣчи были симпатичны Печерину, а потомъ возбудили въ немъ живое къ себѣ участіе. При отсутствіи другихъ отвлекающихъ впечатлѣній эти чувства легко могли развиться и упрочиться. Вѣра нравилась Печерину, и онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что и его присутствіе ей было пріятно; она къ нему видимо относилась съ простодушнымъ довѣріемъ. Но отецъ ея, Степанъ Петровичъ, производилъ на него отталкивающее впечатлѣніе, и это впечатлѣніе было охлаждающей струей, постоянно напоминавшей ему о Парижѣ. Печеринъ зналъ, что въ концѣ концовъ онъ уѣдетъ, уѣдетъ надолго, и что Васильевское канетъ для него въ ту область прошлаго,

гдѣ болѣе или менѣе скоро блѣднѣютъ всѣ краски настоящаго. Почему же онъ медлилъ отъѣздомъ? Ему просто было жаль разстаться съ настоящимъ, и онъ уступалъ этому сожалѣнію со дня на день, подъ вліяніемъ свойственной ему впечатлительности и привычнаго равнодушія къ своимъ оффиціальнымъ отношеніямъ. Онъ нѣсколько разъ, однако, спрашивалъ себя: хорошо ли онъ поступаетъ въ отношеніи Вѣры? Но на такіе вопросы отвѣчала та, почти всегда неискренняя, скромность, которая позволяетъ человѣку не считать себя опаснымъ для чужого сердца. Впрочемъ Печеринъ дополнительно успокоивалъ себя еще тѣмъ, что онъ не ухаживалъ за Вѣрой въ обычномъ смыслѣ этого слова, ничего ей не сказалъ, чтѝ могло бы сколько-нибудь связать свободу его дѣйствій въ будущемъ, и если разъ или два говорилъ о взаимности чувствъ, то говорилъ только о дружбѣ; онъ какъ будто не зналъ, чтѝ значитъ говорить о дружбѣ, когда одному изъ собесѣдниковъ еще не минуло тридцати лѣтъ, а другой только-что исполнилось девятнадцать.

Печеринъ засидѣлся какъ-то вечеромъ у Суздальцевыхъ. Тамъ долго разсуждали о пожарѣ, отъ котораго, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, сгорѣла усадьба помѣщика Пичугина. Дѣло случилось въ бурную ночь и приписывалось поджогу. Подозрѣвали двухъ сыновей высланнаго въ другую губернію, по домогательству Пичугина, крестьянина изъ сосѣдней деревни, и въ особенности одного изъ нихъ, который былъ извѣстенъ въ околоткѣ какъ сорви-голова, хотя до той поры ни въ какихъ преступныхъ дѣйствіяхъ не былъ замѣченъ. Но подозрѣніе опровергалось тѣмъ, что именно этотъ сынъ провожалъ отца до мѣста высылки и былъ на обратномъ пути въ Бѣлорѣцкѣ въ ту самую ночь, когда случился пожаръ. О его братѣ также было доказано, что онъ въ ту ночь находился въ другой мѣстности. Могли быть сообщники, но ихъ слѣдовъ напрасно доискивались.

Прощаясь съ Печеринымъ, Марья Ивановна Суздальцева отвела его нѣсколько въ сторону и спросила, давно ли онъ былъ въ Васильевскомъ?

— Вчера,—отвѣчалъ Печеринъ.

— А когда полагаете опять тамъ быть?

— Не знаю... быть можетъ, и завтра... Пользуюсь тѣмъ, что Сербинъ опять въ Бѣлорѣцкѣ.

— Понимаю... Впрочемъ онъ дѣйствительно непріятенъ... Не забывайте, однако, Борисъ Алексѣевичъ, того, чтѝ я вамъ намедни говорила. Не сѣтуйте на меня и подумайте о Вѣрѣ. Я люблю ее и за нее опасаюсь. Vous lui montez la tête. По-русски

нѣтъ точнаго выраженія для моей мысли. Вскружить голову—не совсѣмъ то. Голова Вѣры не вскружится. Но вы тѣмъ не менѣе вводите ее въ заблужденіе насчетъ вашихъ, можетъ быть, и насчетъ ея собственныхъ чувствъ. Хорошо ли это?

— Повѣрьте, Марья Ивановна, я остороженъ, никого не ввожу въ заблужденіе и никакого недоразумѣнія не допущу. Нельзя же мнѣ запереться въ Черномъ Борѣ, когда Васильевское въ четырехъ верстахъ!

— Да, но Парижъ не въ четырехъ верстахъ. Вы мнѣ позволили съ вами всегда быть откровенною. Вамъ Вѣра просто нравится.

— И я буду откровененъ: она симпатична, и мнѣ очень жаль ея.

— Вы мнѣ это уже въ третій разъ повторяете. Вамъ давно жаль. Но надолго ли будетъ жаль, послѣ того какъ вы уѣдете? Притомъ жаль, жаль — вы сами знаете, что это слово или неточно, или для Вѣры, быть можетъ, хуже, чѣмъ неточно. Она не дорожитъ сожалѣніемъ. Напрасно я ранѣе о томъ не подумала...

— Нельзя не жалѣть, когда видишь ее и ея бѣдную мать.

— Все это такъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше можетъ быть жаль.

— Вы меня рѣшительно высылаете изъ Чернаго Бора? — сказалъ Печеринъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ,—я только призываю себѣ на помощь ваше сердце. Еще одно слово. Вы, кажется, по прежнему дорожите памятью покойной Марьи Михайловны; отдаю Вѣру подъ ея защиту.

Печеринъ молчалъ.

— Вы, надѣюсь, на меня не сердитесь,—продолжала Марья Ивановна и протянула руку Печерину.

Онъ поцѣловалъ руку и молча вышелъ.

На обратномъ пути въ Черный Боръ Печеринъ постоянно вспоминалъ о послѣднихъ словахъ г-жи Суздальцевой. Они звучали упрекомъ, но его совѣсть упреку не вторила. Странно, говорилъ самъ себѣ Печеринъ, что человѣкъ можетъ въ такомъ положеніи быть безъ вины виноватымъ. Въ правѣ ли я воображать, даже не смѣшно ли воображать, что я такъ легко побѣждаю сердца, и потому только, что я часто бываю въ Васильевскомъ и охотно вижу Вѣру, а на безлюдьи и ей, можетъ быть, пріятно меня видѣть? Она, впрочемъ, знаетъ, что я долженъ уѣхать, и мы часто говоримъ о томъ. Развѣ нѣтъ возможности дружелюбно относиться къ молодой дѣвушкѣ, не имѣя въ карманѣ готоваго патента на званіе жениха? Еслибы я здѣсь оставался,—

то дѣло имѣло бы совсѣмъ другой видъ. И кто знаетъ, что можетъ случиться со временемъ? Быть можетъ, я и развяжусь съ Парижемъ. Во всякомъ случаѣ, однако, не для того, чтобы часто видѣться съ Сербинымъ...

Между тѣмъ погода хмурилась. Черныя тучи набѣгали одна за другою и, наконецъ, совершенно застлали собою небо. Поднялся сильный вѣтеръ. Конецъ пути пролегалъ вдоль бора, который глухо гудѣлъ, подобно шуму морского прибоя. Печеринъ сталъ нетерпѣливо смотрѣть впередъ, ожидая, не покажутся ли огоньки села. Наконецъ огоньки показались. Еще нѣсколько минутъ—и онъ былъ дома.

На этотъ разъ, въ темную бурную ночь, черноборскій домъ показался Печерину еще болѣе пустыннымъ, чѣмъ прежде. Когда онъ остался одинъ въ своемъ кабинетѣ, все въ домѣ замолкло, и слышны были только завываніе вѣтра, шумъ колеблемыхъ имъ ближнихъ деревъ и жалобное дрожаніе стеколъ въ окнахъ; ощущеніе мятежной тоски овладѣло Печеринымъ, и въ его мысляхъ рѣшительно сказалось: пора уѣхать! Онъ пытался читать, но ему не читалось, и онъ бросилъ книгу. Образъ Вѣры упорно возставалъ передъ нимъ, и послѣдній разговоръ въ Липкахъ снова пришелъ ему на память. Быть можетъ, думалъ онъ, Вѣра дѣйствительно объясняетъ себѣ мои отношенія къ ней какимъ-то чувствомъ жалости, которое ее должно огорчать. Онъ сталъ припоминать частности послѣднихъ съ нею свиданій и въ нихъ находить слѣды или признаки грустнаго недовѣрія. Необходимо объясниться, подумалъ онъ, и затѣмъ само собою опять повторилось: пора уѣхать!

Сонъ не смыкалъ глазъ Печерина. Онъ невольно продолжалъ слушать шумъ бури и думать о Вѣрѣ. Вдругъ ему показалось, что и въ домѣ было движеніе. Онъ прислушался. Оно затихло, потомъ вовобновилось, усилилось. Къ Печерину торопливо вошелъ его старый камердинеръ.

— Пожаръ, Борисъ Алексѣевичъ,—сказалъ онъ,—пожаръ!

— Гдѣ? Какой пожаръ?—тревожно спросилъ Печеринъ.

— Въ Васильевскомъ. Господскій домъ горитъ.

— Не можетъ быть! Скорѣе давай одѣваться!

— Домъ горитъ,—отрывисто продолжалъ камердинеръ.—Оттуда прискакалъ верховой, просить нашей трубы. До насъ уже прежде доносился гулъ набата. Для васъ закладываютъ троечныя дрожки. Кондратій говорилъ, что вы непремѣнно поѣдете, а самъ уѣхалъ при трубѣ. Зарево видно и становится сильнѣе.

Печеринъ бросился къ окну. По направленію къ Васильев-

скому дѣйствительно свѣтилась та зловѣщая ярко-багровая полоса отраженнаго на темныхъ тучахъ пламени пожара.

Сборы Печерина были непродолжительны. За пересѣкавшею дорогу ясеневою рощей ему уже стали видны клубы огненнаго дыма, подъ которыми пробѣгали, какъ при быстрой ѣздѣ казалось, черные очерки деревъ. По обѣимъ сторонамъ пути мѣстами видѣлись группы людей, спѣшившихъ на пожарище черезъ лугъ и поле. Приближаясь къ Васильевскому, Печеринъ замѣтилъ, что въ кустахъ, на берегу рѣчки, неподвижно стоялъ кто-то и смотрѣлъ на огонь. Печеринъ оглянулся, но никого уже не было видно. Миновавъ село, кучеръ сдержалъ лошадей и, наконецъ, остановился. Толпа народа затрудняла проѣздъ. Печеринъ соскочилъ съ дрожекъ; въ толпѣ его тотчасъ узнали, дали ему дорогу, и у воротъ усадебнаго двора онъ увидѣлъ поджидавшаго его Кондратія.

— Гдѣ Вѣра Степановна и Анна Өедоровна?—спросилъ Печеринъ.

— Анна Өедоровна у отца Пимена,—отвѣчалъ Кондратій.— Вѣра Степановна здѣсь, на пожарѣ; Василиса съ нею.

IX.

Кто видѣлъ пожаръ въ деревнѣ, тому извѣстно, что это бѣдствіе представляетъ тамъ еще болѣе ужасающія черты, чѣмъ въ нашихъ столицахъ, гдѣ есть нѣчто сколько-нибудь успокоивающее, въ виду стройности борьбы съ огненною стихіей; участники такой борьбы въ городахъ—люди умѣлые; объединяющая власть распоряжается ихъ частными усиліями. Есть также зрители, но они безгласны въ дѣлѣ. Вообще въ городѣ чувствуется, что помощь близка, сильна, и даже послѣ пожара она останется, хотя и въ другомъ видѣ, болѣе или менѣе доступною пострадавшимъ. Въ деревнѣ общее впечатлѣніе есть впечатлѣніе жалобной, но шумной и безтолковой неурядицы. Въ борьбѣ съ огнемъ нѣтъ ни единства, ни предусмотрительности. Плачевный вопль постороннихъ женщинъ сливается съ праздными пересудами и криками безпомощныхъ крестьянъ, а ночью вокругъ всей области зловѣщаго свѣта пожара разостланъ пустынный сельскій мракъ, напоминающій о томъ, какъ далека всякая человѣческая помощь.

На этотъ разъ въ Васильевскомъ было не менѣе шума, но менѣе безпорядочной суеты. Дѣйствовали двѣ мѣстныя пожарныя трубы и черноборская. Распоряжался, насколько слушались по-

сторонніе, человѣкъ разсудительный, довѣренный конторщикъ Сербина; но въ подачѣ и подвозѣ воды изъ близкаго пруда былъ явный недостатокъ. Неожиданное обстоятельство между тѣмъ оказало существенную пользу. Пожаръ начался съ подвѣтренной стороны, въ строеніи, гдѣ помѣщалась кухня, и перешелъ на домъ по крытой галлереѣ, соединявшей его съ тѣмъ строеніемъ. Порывистый вѣтеръ вдругъ перемѣнилъ направленіе и съ прежнею силой погналъ искры и пламя прочь отъ дома, въ которомъ загорѣлась только та часть его, гдѣ находились комнаты, занимаемыя самимъ Сербинымъ. Другая часть, болѣе обширная, гдѣ были комнаты Анны Ѳедоровны и Вѣры, оставалась нетронутою огнемъ. Печеринъ съ перваго взгляда убѣдился въ необходимости сосредоточить всѣ усилія тушенія на этомъ навѣтренномъ предѣлѣ огня; тотчасъ приказалъ Кондратію направить туда дѣйствіе черноборской трубы, а между тѣмъ глазами искалъ Вѣру и увидѣлъ ее подъ однимъ изъ стоявшихъ противъ оконъ Анны Ѳедоровны деревъ. Подлѣ нея было нѣсколько женщинъ; за ними, въ нѣсколькихъ шагахъ, смѣшанная толпа крестьянъ, а впереди, на луговинѣ передъ домомъ, вынесенная изъ дома и кучами разбросанная домашняя утварь. Печеринъ бросился къ Вѣрѣ.

— Вѣра Степановна, вамъ нельзя здѣсь оставаться въ эту бурю. Позвольте мнѣ васъ отвести къ вашей матушкѣ, а я вернусь—и, повѣрьте, постараюсь сдѣлать все, что̀ только возможно. Половину дома еще можно отстоять.

— Я недавно была у мама̀,—отвѣчала Вѣра.—Она меня просила посмотрѣть, спасены ли нѣкоторыя вещи, которыми она особенно дорожитъ.

— Прикажите мнѣ, что̀ вамъ угодно, но не оставайтесь. Я сейчасъ распоряжусь, а потомъ васъ отведу.

Печеринъ обратился къ толпѣ и громко крикнулъ:

— Кто здѣсь изъ Чернаго Бора? Выходите впередъ!

— Мы здѣсь,—послышалось нѣсколько голосовъ, и человѣкъ до двадцати тотчасъ выдвинулись изъ толпы.

— Хотите мнѣ помочь?—спросилъ Печеринъ.

— Всей душой рады, Борисъ Алексѣевичъ, приказывайте.

— Станьте же въ рядъ... Хорошо. Берите ведра; Кондратій васъ поведетъ къ пруду и поставитъ для передачи воды. Кто ведра не достанетъ,—иди ко мнѣ.

— Полагаетесь ли вы на вашихъ крестьянъ?—въ полголоса спросилъ Печеринъ, обращаясь къ Вѣрѣ?

— Думаю, что можно положиться. Они любятъ мама̀.

— Кто васильевскіе? — крикнулъ Печеринъ. — Кто хочетъ помочь, выходи!

— Всѣ хотимъ помочь,—отвѣчали изъ толпы, и опять выдѣлилось около двадцати человѣкъ.

— Анна Ѳедоровна и Вѣра Степановна просятъ васъ оберегать все, чтò изъ дома вынесено.

— Будемъ хранить, охотно будемъ!..

— Станьте же вокругъ. Чужихъ въ кругъ не пускайте. Кто изъ васъ старшій?

— Староста Кузьма,—раздалось въ толпѣ:—выходи!

— Теперь сами попросите Кузьму поставить кругъ,—сказалъ Печеринъ Вѣрѣ.

Вѣра исполнила его желаніе, и васильевцы двинулись за Кузьмою.

Въ критическія минуты массы чутко познають авторитетъ разумной воли и охотно ему поддаются. Вѣра могла замѣтить, что съ первыхъ словъ Печерина онъ сталъ общепризнанною властью. Въ это время къ нему подошелъ и распоряжавшійся на пожарѣ конторщикъ, а съ другой стороны показалась подъѣзжавшая четвертая труба, высланная Суздальцевыми изъ Липокъ.

— Иванъ Ѳомичъ, — сказалъ Печеринъ конторщику,—позвольте мнѣ вамъ придти на помощь. Я отведу Вѣру Степановну къ ея матушкѣ и къ вамъ вернусь. Мнѣ только хотѣлось бы съ вами напередъ условиться насчетъ дѣйствія трубъ.

Печеринъ отвелъ конторщика въ сторону и, въ полголоса переговоривъ съ нимъ, возвратился къ Вѣрѣ.

— Довѣряете ли вы Ивану Ѳомичу?—спросилъ Печеринъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, громко продолжалъ:—теперь не откажитесь идти со мной. Я васъ доведу до дома отца Пимена и постараюсь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ успокоить Анну Ѳедоровну, что мы оба надѣемся отстоять остальную часть дома. Ваши женщины пусть здѣсь остаются, а когда Кондратій придетъ съ пруда, Василиса можетъ ему сказать, чтобы онъ меня здѣсь же дождался.

— Скажу, скажу, Борисъ Алексѣевичъ,—отозвалась Василиса.

Вѣра ничего не отвѣчала и какъ будто машинально повиновалась, когда Печеринъ взялъ ее подъ-руку и съ нею направился къ церкви, близъ которой находился домъ священника. Васильевская церковь отстояла отъ усадьбы не болѣе какъ на двѣсти съ чѣмъ-нибудь шаговъ и по обѣимъ сторонамъ ведущей къ ней дорожки виднѣлись освѣщенныя пламенемъ кучки крестьянъ; изъ ихъ среды Печеринъ нѣсколько разъ слышалъ сочувственныя

слова: „голубушка Вѣра Степановна!“ Между тѣмъ онъ успѣлъ узнать отъ Вѣры, что къ Степану Петровичу посланъ нарочный, что пожаръ приписывался поджогу, что еслибы не сильный вѣтеръ, то огонь не перешелъ бы на домъ, потому что своевременно разломали галлерею, и что все, что можно было на-скоро вынести изъ дома, изъ него вынесено. Остальную движимость, какъ самъ Печеринъ видѣлъ, продолжали торопливо выносить.

Печеринъ вкратцѣ сообщилъ Аннѣ Ѳедоровнѣ успокоительныя свѣденія о ходѣ пожара, торопливо переговорилъ съ отцомъ Пименомъ и, уходя, сказалъ проводившей его Вѣрѣ:

— Теперь вамъ слѣдуетъ озаботиться попеченіемъ о здоровьѣ вашей матушки. Ей здѣсь оставаться нельзя. Вашъ домъ, во всякомъ случаѣ, на нѣсколько дней необитаемъ. Иванъ Ѳомичъ сказалъ мнѣ, что Анна Ѳедоровна не хочетъ занимать павильона или дома за павильономъ, по ту сторону сада. Другихъ удобныхъ помѣщеній нѣтъ. Уговорите вашу матушку тотчасъ переѣхать въ Черный Боръ, по крайней мѣрѣ до пріѣзда Степана Петровича.

— Въ Черный Боръ?—повторила съ изумленіемъ Вѣра.

— Да; у меня, къ счастью, устроена въ этажѣ, гдѣ часовня, половина, предназначенная для гостей. Тамъ никто вамъ мѣшать не будетъ.

— Мама̀ ни за что не рѣшится...

— Повторяю одно: ея здоровье этого требуетъ! Уговорите. Отецъ Пименъ вамъ поможетъ...

И, не дожидаясь отвѣта, Печеринъ вышелъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома онъ встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Липокъ Суздальцева, наскоро переговорилъ съ нимъ, потомъ одинъ возвратился на пожаръ.

Дѣйствіе четырехъ трубъ, при благопріятномъ направленіи вѣтра, остановило распространеніе огня. Даже горѣвшая сторона дома была отчасти залита, когда, спустя съ небольшимъ полчаса времени, пришелъ Суздальцевъ, успѣвшій между тѣмъ убѣдить Анну Ѳедоровну принять предложеніе Печерина и переѣхать въ Черный Боръ. Суздальцевъ согласился, по просьбѣ Печерина, отправиться впередъ и въ домѣ распорядиться, вмѣсто хозяина, насчетъ пріема неожиданныхъ гостей; а со стороны Ивана Ѳомича уже были приняты, на всякій случай, мѣры для переѣзда. Самъ Печеринъ хотѣлъ остаться на мѣстѣ пожара до той поры, пока всякая дальнѣйшая опасность минуетъ.

На слѣдующій день пріѣхалъ Сербинъ. Онъ благодарилъ Печерина за гостепріимство, оказанное женѣ и дочери, но самъ уклонился, сказавъ, что нужныя послѣ пожара распоряженія требуютъ

его личнаго присутствія, и возвратился въ Васильевское. Между тѣмъ Печеринъ старался, чтобы его гости себя чувствовали, по мѣрѣ возможности, какъ бы у себя. Онъ не докучалъ имъ своимъ присутствіемъ и даже не пришелъ къ обѣду въ ихъ комнатахъ, пока Анна Ѳедоровна не прислала его о томъ просить.

— Завтра мы уѣзжаемъ въ Бѣлорѣцкъ,—сказала Анна Ѳедоровна,—и никогда не забудемъ вашего любезнаго сосѣдства и гостепріимства. Степанъ Петровичъ рѣшилъ, что мы въ нынѣшнемъ году уже не вернемся въ Васильевское. Богъ знаетъ, когда мы съ вами вновь свидимся; но повторяю, что будемъ васъ помнить. Меня особенно тронуло то, что вы и въ прошлую ужасную ночь подумали о томъ, что̀ лично касалось меня. Василиса привезла мнѣ и Вѣрѣ все, что̀ намъ могло быть необходимо, и сказала, что вы даже не забыли о моемъ видѣ Дрездена и озаботились передачей его отцу Пимену.

— Нельзя было мнѣ забыть,—отвѣчалъ Печеринъ.—Я помню, что имѣю отъ васъ порученіе въ Дрезденъ.

— Это еще болѣе любезно. Теперь у меня есть до васъ просьба. Спѣшу ее высказать, потому что мы васъ, у васъ, почти не видимъ. Мнѣ весьма хотѣлось бы увидѣть часовню. Позвольте намъ ее посѣтить.

— Охотно. Сейчасъ прикажу позвать настоящаго хозяина. У него ключъ.

Анна Ѳедоровна и ея дочь съ большимъ любопытствомъ осмотрѣли часовню. Молитвенникъ на аналоѣ остался непоказаннымъ, подъ его парчевымъ покровомъ, и вообще Печеринъ ничего не передалъ своимъ гостямъ изъ разсказаннаго ему Кондратіемъ.

— Странно,—сказала Анна Ѳедоровна, выходя изъ часовни.—Здѣсь хранится какая-нибудь тайна, до сихъ поръ никѣмъ не раскрытая.

— Если есть тайна, — отвѣчалъ Печеринъ,—ее съ собою увезъ Вальдбахъ.

— Вѣра давно желала увидѣть часовню,—продолжала Анна Ѳедоровна.—Всякій разъ, когда намъ случалось проѣзжать мимо вашего дома, она смотрѣла на видную черезъ окно лампаду и припоминала, что она четверть вѣка горитъ одиноко на своемъ мѣстѣ, какъ свѣтящійся признакъ, что если тайна не раскрыта, то и не забыта. Много такихъ тайнъ въ окружающемъ нашу жизнь, и между ними много такихъ, которымъ не посвящены горящія лампадки.

Вѣра ни о чемъ Кондратія не разспрашивала, но долго смотрѣла въ окно на погостъ. Она была молчалива, грустна, и Пече-

ринъ замѣтилъ, что она старательно избѣгала разговора съ нимъ наединѣ. Такъ было и утромъ, на другой день, до самаго отъѣзда Сербиныхъ. Степанъ Петровичъ пріѣхалъ за женою и дочерью. Сходя съ лѣстницы, онъ шелъ впереди съ Анною Ѳедоровной. Печеринъ слѣдовалъ съ Вѣрой; улучивъ минуту спросить ее, чему приписать перемѣну въ обращеніи съ нимъ, онъ сказалъ:

— Вы знаете, что я долженъ уѣхать. Послѣ васъ я здѣсь не останусь. Когда васъ вновь увижу, одному Богу извѣстно. Неужели вы на прощанье мнѣ не захотите сказать добраго слова?

Вѣра, молча, взглянула на него, потомъ тихо отвѣтила:

— Ничего, кромѣ добраго, я и не могу сказать. Я васъ должна благодарить. Я знаю, что вамъ меня жаль.

X.

— „Жаль!“ — повторилъ нѣсколько разъ про себя Печеринъ, когда Сербины уѣхали. — „Жаль!“ Это ей передала Марья Ивановна. Конечно, безъ дурного намѣренія. Она просто проговорилась, желая доказать мои симпатіи къ ней, но произвела не то дѣйствіе, на которое разсчитывала. Сердце Вѣры уязвлено, и я опять безъ вины виноватъ...

Черноборскій домъ показался Печерину въ тотъ день какъ будто въ первый разъ опустѣлымъ. Онъ не находилъ себѣ занятія, а мысль, что теперь уже нельзя ѣхать въ Васильевское, еще усиливала ощущеніе тяготившаго его одиночества.

Между тѣмъ послѣ бывшей бури погода установилась и приняла обычныя грустно-спокойныя черты ранней осени. Тихо было въ воздухѣ и еще тише стало на землѣ. Поздно вечеромъ Печеринъ вышелъ изъ дома и медленными шагами направился по дорогѣ въ Васильевское до той ясеневой рощи, откуда, за два дня передъ тѣмъ, становилось видно пламя пожара, потомъ повернулъ назадъ и, дойдя до ограды черноборской церкви, остановился. Небо было ясно; близкій къ полнолунію мѣсяцъ освѣщалъ домъ и южную сторону церкви и кладбища; кругомъ лежали тѣ рѣзкія тѣни, которыхъ не бываетъ при солнечномъ свѣтѣ. Печерину послышались шаги около могилы жены Вальдбаха, и вслѣдъ затѣмъ изъ-за ограды вышли Василиса и Кондратій.

— А! ты все еще въ гостяхъ у меня, Василиса,—сказалъ ей Печеринъ: — ты и не торопись возвращаться въ опустѣлое Васильевское.

— Завтра все-таки должна буду вернуться, Борисъ Алексѣевичъ,—отвѣчала Василиса:—мнѣ Анна Өедоровна кое-что тамъ приказала. Нужно исполнить.

— И я скоро уѣду,—продолжалъ Печеринъ.—Помни одно: когда соскучишься жить въ Васильевскомъ, для тебя всегда будетъ мѣсто въ Черномъ Борѣ. Кондратію я сказалъ ужъ о томъ. Васъ обоихъ Марья Михайловна на небѣ помнитъ. Мое дѣло—васъ здѣсь, на землѣ, не забывать.

— Богъ да благословитъ васъ за то, что вы покойницу поминаете. Мы и сейчасъ на ея могилѣ за васъ молились, и слышали, какъ заколыхались вѣтви тополя надъ нами. Должно быть, это она насъ услышала и своею рѣчью отозвалась. Покойники, извѣстное дѣло, только воздухомъ могутъ говорить... Я, грѣшная, ужъ не отойду отъ Анны Өедоровны и Вѣры Степановны, пока онѣ меня сами не отпустятъ. Напрасно только вы, Борисъ Алексѣевичъ, отъ насъ уѣзжаете. Мы будемъ жалѣть о васъ и Бога молить, чтобы онъ снова привелъ васъ къ намъ.

— Что будетъ, то будетъ, въ томъ божья воля,—отвѣчалъ Печеринъ...

Тяжело живется труженику; порой нѣтъ ему досуга призадуматься надъ своей неволей; но подъ-часъ, какъ ни странно то сказать, не легко бываетъ и человѣку, осчастливленному золотымъ даромъ свободы. Къ нему имѣетъ даже болѣе широкій доступъ та непрошенная, нежданная, упорная гостья, и имя ей—тоска. Внезапно ея появленіе, туманны ея черты. Она походитъ на облако, которое въ солнечный день вдругъ застилаетъ солнце и на всю природу набрасываетъ унылую, сѣрую тѣнь. Она кладетъ на грудь невидимую руку и ею захватываетъ дыханіе. Она гонитъ отъ васъ всякую сколько-нибудь радостную, утѣшительную мысль, будитъ одни печальныя воспоминанія и томитъ неопредѣленнымъ ожиданіемъ какого-нибудь бѣдствія или горя. Въ такія минуты и часовой маятникъ какъ будто медленнѣе движется, а стучитъ громче,—и не даетъ слуху покоя. Эта самая гостья поджидала Печерина въ его кабинетѣ, послѣ возвращенія съ вечерней прогулки. Онъ еще утромъ рѣшилъ спѣшить отъѣздомъ, но сознавалъ, что ѣхалъ неохотно, и былъ недоволенъ самимъ собою, потому именно, что это сознавалъ. По прежнему онъ не находилъ повода къ упрекамъ совѣсти; но между отъѣздомъ въ Парижъ и возраставшимъ влеченіемъ къ Вѣрѣ Сербиной было противорѣчіе, остававшееся тѣмъ не менѣе въ полной силѣ.

— Судьба!—повторялъ мысленно Печеринъ. Это слово часто подсказывается человѣку въ критическія минуты жизни и сопровождается восклицательными и вопросительными знаками. На восклицательный отвѣчаетъ душевное волненіе; вопросительный — долго остается безъ отвѣта.

Прощаясь съ Суздальцевыми въ Липкахъ, Печеринъ еще болѣе убѣдился, изъ дальнѣйшаго разговора съ Марьей Ивановною, въ справедливости своего предположенія насчетъ сказаннаго ею Вѣрѣ; но о смутившемъ его отзывѣ Вѣры онъ ничего не сказалъ и только заявилъ о намѣреніи на этотъ разъ направить свой путь чрезъ Бѣлорѣцкъ, для свиданія съ своимъ повѣреннымъ, а передъ выѣздомъ обѣщалъ навѣстить отца Пимена въ Васильевскомъ.

Отецъ Пименъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сельскихъ священниковъ, которыхъ вся жизнь—непрерывный подвигъ терпѣливаго труда, кротости и смиренія. Такихъ священниковъ у насъ болѣе, чѣмъ многіе думаютъ, и было бы еще больше, еслибы не были такъ тяжелы условія, въ которыя они слишкомъ часто поставлены. Во время своего учебнаго образованія будущій пастырь душъ можетъ легко выносить матеріальныя нужды; онъ все-таки остается тогда въ общеніи съ себѣ равными и въ сферѣ, соотвѣтствующей уровню его образованія. Съ поступленіемъ на мѣсто его положеніе мѣняется и въ умственномъ отношеніи часто подходитъ подъ понятіе объ одиночномъ заключеніи. Сельская паства стоитъ на другомъ уровнѣ, и полезное на нее воздѣйствіе требуетъ несравненно бóльшей умѣлости и бóльшей стойкости характера. Общеніе съ немногими другими прихожанами почти всегда ограничивается совершеніемъ требъ. Сочувствія и ободренія съ этой стороны мало. Скудныя средства и недосугъ не позволяютъ искать умственной пищи въ уединенномъ единоличномъ трудѣ. Оттого въ теченіе времени происходитъ и постепенно упрочивается раздвоеніе духовнаго строя сельскихъ пастырей. Въ іерейскомъ облаченіи они еще стоятъ на твердой почвѣ. Разъ это облаченіе снято, они никакой почвы подъ собою не чувствуютъ; они становятся застѣнчивы, робки во внѣшнихъ пріемахъ и мало подвижны въ области мысли. Но если имъ встрѣтится человѣкъ, съ кѣмъ, какъ говорится, можно „отвести душу“ и кто окажетъ сочувственное вниманіе внѣ круга молебновъ и панихидъ, то въ нихъ легко пробуждается мыслящая отзывчивость. Такъ было съ отцомъ Пименомъ. Онъ довольно часто видѣлся съ Печеринымъ, и пріятное впечатлѣніе, произведенное при первомъ свиданіи, скоро упрочилось. Печеринъ отно-

сился къ нему по привычкѣ видѣть за границею, какъ тамъ относятся къ лютеранскимъ или латинскимъ духовнымъ лицамъ, и этотъ оттѣнокъ, весьма рѣдкій у насъ, былъ признательно оцѣненъ отцомъ Пименомъ. Онъ часто говорилъ съ Печеринымъ объ Аннѣ Өедоровнѣ Сербиной и ея дочери, заявляя свою искреннюю имъ преданность и сожалѣніе о томъ, что, благодаря Степану Петровичу, мало съ ними видѣлся. На этотъ разъ пожаръ и его послѣдствія были поводомъ къ продолжительной бесѣдѣ о Васильевскомъ и его обитателяхъ. Прощаясь съ отцомъ Пименомъ, Печеринъ просилъ его, еслибы случилось что-нибудь такое, что могло бы имѣть для нихъ особое значеніе, написать ему о томъ въ Парижъ, и отецъ Пименъ обѣщалъ эту просьбу свято исполнить.

Въ Бѣлорѣцкѣ Печеринъ два раза заходилъ къ Сербинымъ, но безуспѣшно. Ему сказали, что Анна Өедоровна нездорова и никого не принимаютъ. У своего повѣреннаго, Шведова, онъ встрѣтился съ Болотинымъ, который напомнилъ ему о свиданіи въ Черномъ Борѣ.

— Мой визитъ вамъ былъ для меня неудаченъ, — сказалъ Болотинъ,—но, признаюсь, я не жалѣю о неудачѣ. Впрочемъ я и не за себя потерпѣлъ неудачу. Хорошо вы дѣлаете, Борисъ Алексѣевичъ, что не поддаетесь покупщикамъ, которые мѣтятъ на вашъ лѣсъ. Знаю, что вы отъ насъ уѣзжаете; но вы можете когда-нибудь вернуться, а ваши добрыя сосны между тѣмъ могутъ спокойно покачивать своими вершинами. Такихъ помѣщиковъ, какъ вы, жаль лишаться, хотя бы они и не всегда были на-лицо.

— Я бывалъ до сихъ поръ часто безъ вины виноватъ,— отвѣчалъ Печеринъ, — а здѣсь, кажется, я безъ всякой заслуги пользуюсь сочувствіемъ.

— Такъ говорятъ только тѣ, за кѣмъ есть заслуга,—продолжалъ Болотинъ.—Вы можете не бояться пожаровъ...

— Кстати, и домъ каменный, — замѣтилъ Шведовъ.

— Хотя-бъ и не былъ каменнымъ, — сказалъ Болотинъ.— Повѣрьте, Борисъ Алексѣевичъ, мы съ Шведовымъ люди мѣстные, и во многомъ дѣйствуемъ за-одно, хотя и сидимъ въ разныхъ управахъ. Мы знаемъ, какіе за кѣмъ шансы. Ни Пичугину, ни даже моему пресловутому пріятелю Сербину я бы этого не сказалъ.

— Неужели въ Васильевскомъ, вы думаете, былъ поджогъ?— спросилъ Печеринъ.

— Доказательствъ, конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ Болотинъ, — но самъ Сербинъ въ этомъ не сомнѣвается.

— Легокъ, однако, на поминѣ нашъ Степанъ Петровичъ, — сказалъ сидѣвшій у окна Шведовъ. — Онъ только-что прошелъ мимо насъ и опять съ Подгорѣльскимъ.

— Съ Подгорѣльскимъ?—повторилъ Болотинъ, заглянувъ въ окно.—Нечего сказать, молодецъ Прасковья Семеновна!

Печеринъ вопросительно посмотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Вы, быть можетъ, желаете знать, почему я величаю Прасковью Семеновну молодцомъ?—сказалъ Болотинъ.—Дѣло въ томъ, что Сербинъ собственно не имѣлъ бы повода быть любезнымъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ; но Прасковья Семеновна съумѣла такъ устроить дѣло, что онъ съ нимъ даже любезенъ. Пока я самъ еще не могу постичь, какъ это ей удалось, но позже узнаю.

Печеринъ долженъ былъ уѣхать въ тотъ день съ вечернимъ поѣздомъ. Его тревожила и огорчала мысль, что до отъѣзда онъ не свидѣлся съ Вѣрой. Выходя отъ Шведова, онъ не совсѣмъ сознательно повернулъ въ ту сторону, гдѣ жили Сербины. Наискось, противъ ихъ дома, была церковь, и Печеринъ замѣтилъ, что оттуда выходитъ Вѣра съ горничной ея матери. Печеринъ успѣлъ также замѣтить быстрыя перемѣны въ ея лицѣ. Она вдругъ поблѣднѣла, потомъ вспыхнула и снова сдѣлалась блѣдною; на одно мгновеніе, какъ бы въ нерѣшимости, она остановилась, но потомъ пошла прямо къ нему на встрѣчу.

— Вѣра Степановна,—сказалъ Печеринъ,—я вижу, въ добрый часъ привелось мнѣ встрѣтить васъ. Не мои дѣла, конечно, меня сюда привели. Я думалъ, не увижу ли я васъ. Мнѣ тяжело уѣхать подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ словъ, которыя я отъ васъ слышалъ. Вы не должны были сами вѣрить своимъ словамъ.

— Я не сказала бы ихъ, еслибы не вѣрила, — тихо отвѣчала Вѣра и, наклонивъ голову, сдѣлала движеніе впередъ.

— Но по крайней мѣрѣ вы теперь не вѣрите!

Вѣра медлила отвѣтомъ. Печеринъ повторилъ вопросъ. Она взглянула ему прямо въ глаза и отвѣчала:

— И теперь не могу не вѣрить.

— Вѣра Степановна, — продолжалъ Печеринъ взволнованнымъ голосомъ, — не огорчайте меня напрасно. Я уѣзжаю, потому что долженъ уѣхать. Но, когда я вернусь, скажете ли вы мнѣ, что перестали вѣрить?..

Вѣра остановилась, протянула руку Печерину и нерѣшительно проговорила:

— Когда вы вернетесь... быть можетъ, скажу... Вамъ тогда уже не будетъ жаль...

Она еще разъ наклонила голову въ знакъ прощанья и направилась къ дому.

Подъ впечатлѣніемъ минуты человѣкъ склоненъ не давать себѣ яснаго отчета въ значеніи своихъ словъ; Печеринъ смотрѣлъ вслѣдъ Вѣрѣ и размышлялъ только о томъ, что̀ она ему сказала, но не подозрѣвалъ, что въ его собственныхъ словахъ заключалось связавшее его обѣщаніе.

XI.

Со дня отъѣзда Печерина прошло около двухъ мѣсяцевъ. Бѣлорѣцкъ тонулъ во мглѣ темнаго и сырого октябрьскаго дня, и на улицахъ, въ ранній утренній часъ, не замѣтно было почти никакого движенія, когда Болотинъ зашелъ къ Шведову и сказалъ, что желалъ бы съ нимъ переговорить и посовѣтоваться по частному вопросу, который его заботилъ.

— Что́ случилось, Антонъ Ивановичъ?—спросилъ Шведовъ:— я уже давно замѣчаю—вы что-то скучны, безпокойны и, даже говоря о дѣлахъ, явно думаете о чемъ-то другомъ, что̀ до дѣлъ не касается.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь; меня-то, къ сожалѣнію, и касается то, о чемъ я думаю, — отвѣчалъ Болотинъ: — хотя и не матеріально, на первый разъ, а, такъ сказать, съ нравственной стороны. Все—благодаря Сербину. Вы знаете, что я до нѣкоторой степени въ рукахъ у него. Обязательства родятъ обязанности. Еслибы я не былъ связанъ, то давно бы съ этимъ человѣкомъ не имѣлъ дѣла. Онъ—изъ тѣхъ, что съ теченіемъ времени переходятъ отъ худого къ худшему. Потому связь становится болѣе и болѣе непріятною.

— Опять какія-нибудь хлопоты изъ-за Прасковьи Семеновны?

— Есть и то, но есть и хуже. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ неосторожность ему доказать, что ихъ отношенія всѣмъ извѣстны, онъ гораздо менѣе совѣстится и сталъ менѣе осмотрителенъ въ своихъ поступкахъ; а съ тѣхъ поръ, какъ она съумѣла его увѣрить, что видѣлась и переписывалась съ Подгорѣльскимъ только потому, что онъ пригодный женихъ для Вѣры Степановны, положеніе дочери въ домѣ и отношенія къ отцу стали просто непріятны. Вы себѣ вообразить не можете, какъ его обхожденіе съ нею измѣнилось. Бѣдная Анна Ѳедоровна долго не проживетъ. Что̀ тогда будетъ съ дочерью?

— Какъ что̀ будетъ? Неужели вы думаете, что еслибы, — чего не дай Богъ,—Анны Өедоровны не стало, Сербинъ могъ бы жениться на этой проходимкѣ?

— Я въ этомъ убѣжденъ. Вы знаете поговорку относительно сѣдины и ребра. Когда свихнется человѣкъ съ упорнымъ характеромъ, и человѣкъ притомъ бывалый, то онъ быстро катится подъ гору. Удержа нѣтъ. Сербинъ спѣшитъ теперь перезалогомъ Васильевскаго, потому что имѣніе куплено за счетъ и на имя жены, а ею завѣщано дочери. Для чего, вы думаете, спѣшить ему? Не возмутительно ли, что онъ предвидитъ смерть жены и принимаетъ свои мѣры? Онъ торгуетъ Симановскіе хутора для Прасковьи Семеновны. И все это на моихъ глазахъ и при моемъ участіи!—потому что я не могу ни отказаться отъ дѣлового участія, ни даже сказать ему, что я насквозь вижу его побужденія.

— Да, это васъ должно тяготить.

— Но главнаго, Иванъ Матвѣевичъ, я еще не сказалъ вамъ,—продолжалъ Болотинъ.—Вчера за мною присылала Анна Өедоровна. Я давно не видѣлъ ея и ужаснулся перемѣнѣ ея лица. Вы не угадаете, почему и для чего она меня призывала. Она знаетъ, что я по-неволѣ пособникъ ея мужа по его дѣламъ, знаетъ, что эта неволя продолжается, и, несмотря на то, довѣрчиво обратилась ко мнѣ съ просьбою, на случай ея смерти, быть ея душеприказчикомъ и опорою для Вѣры Степановны!

Шведовъ нѣсколько призадумался, потомъ сказалъ:

— Чтожъ! это значитъ, что она васъ знаетъ лучше, чѣмъ Степанъ Петровичъ.

— Она мнѣ и сказала, что хорошо меня знаетъ. Она напомнила мнѣ два случая, когда она была свидѣтельницей непріятныхъ сценъ между ея мужемъ и мною, и я оба раза былъ правъ, потому что, несмотря на раздражительные и заносчивые пріемы Сербина, я постоянно защищалъ противъ него правое дѣло. Она сказала, что лично меня уважаетъ, имѣетъ довѣріе ко мнѣ, и потомъ прибавила, что чувствуетъ—дни ея сочтены; она не имѣетъ здѣсь ни родныхъ, ни близкихъ друзей, не желаетъ упоминать объ обстоятельствахъ, которыя мнѣ извѣстны и тревожатъ ее за будущность дочери; она умретъ спокойнѣе, если я пообѣщаю исполнить ея просьбу. На меня такъ подѣйствовали и болѣзненный видъ этой бѣдной женщины, и выраженіе ея лица, и волненіе въ голосѣ, и слезы, выступившія на ея глазахъ противъ ея воли, наконецъ и самая неожиданность ея обращенія ко мнѣ, что я, на первыхъ порахъ,

самъ взволновался и не могъ отчетливо проговорить ни одного слова. Но она вѣроятно меня поняла, потому что ласково протянула мнѣ руку и, повторивъ просьбу, прибавила, что знаетъ мое положеніе, знаетъ, что требуетъ отъ меня риска, быть можетъ и жертвы, но, тѣмъ не менѣе, проситъ меня.

— Чтò же сдѣлали вы, Антонъ Ивановичъ, какой дали отвѣтъ?

— Я сказалъ, что, конечно, исполню ея волю.

— Это вы отлично сдѣлали... Но въ чемъ же теперь вопросъ?

— Въ моемъ положеніи относительно Сербина. Сегодня Анна Ѳедоровна ожидаетъ отца Пимена изъ Васильевскаго. Она къ нему имѣетъ полное довѣріе, и онъ съ пасторомъ Брауномъ изъ Красноверска—свидѣтели по ея завѣщанію и дополнительной записи. Завтра она меня вновь ожидаетъ, сказавъ, что я долженъ видѣться съ ея дочерью и принять отъ нея на храненіе деньги, принадлежащія дочери. Согласитесь, что все это какъ двѣ капли воды похоже на заговоръ противъ Сербина!

— Понимаю,—это должно васъ весьма тяготить. Но могли ли вы избѣгнуть положенія, въ которое вы теперь поставлены? Отказать Аннѣ Ѳедоровнѣ вы не могли...

— Тѣмъ болѣе не могъ, что она произвела на меня, повторяю, потрясающее впечатлѣніе. Мысль, что ей суждено вскорѣ умереть, меня съ тѣхъ поръ преслѣдуетъ. Она даже не могла привстать съ кушетки, когда меня приняла. Доктора говорили, что при упадкѣ ея силъ она не выдержитъ новаго обостренія болѣзни, а опасность къ тому имѣется. Со дня возвращенія сюда послѣ пожара въ Васильевскомъ она, такъ сказать, постоянно между жизнью и смертью, потому что воспаленіе печени, которое тогда обнаружилось, все еще грозитъ возобновленіемъ. Всякое душевное волненіе на нее дѣйствуетъ. Вообразите себѣ, чтò скажетъ Сербинъ, если она умретъ и тогда окажется, что ея послѣдняя воля передана мнѣ, а не ея мужу.

— Вамъ все-таки нельзя предупреждать Сербина.

— Знаю, что нельзя. Меня особенно тревожитъ мысль, что я вынужденъ буду стать опорою дочери противъ отца. Предвижу разныя усложненія. По крайней мѣрѣ считаю ихъ возможными. Уже теперь есть признаки, что стараются Вѣрѣ Степановнѣ навязать Подгорѣльскаго. Онъ бываетъ у Сербина. Вѣра Степановна защищается отъ непріятныхъ ей встрѣчъ болѣзнью матери; но Прасковья Семеновна явно идетъ на то, чтобы дочь сбыть съ рукъ. Она предвидитъ, что для нея въ домѣ скоро

очистится мѣсто. Представьте себѣ, что изъ всего этого можетъ произойти!

— Да, быть можетъ, и ничего еще не произойдетъ, Антонъ Ивановичъ. Богъ милостивъ—и сохранитъ жизнь бѣдной Аннѣ Ѳедоровнѣ. Вы теперь все видите въ черномъ свѣтѣ послѣ свиданія съ нею. Это естественно, но ваши опасенія могутъ и не оправдаться.

— Повѣрьте, Иванъ Матвѣевичъ, не напрасно мнѣ все въ такомъ свѣтѣ видится. Во всякомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось заручиться вашимъ сочувственнымъ отзывомъ, чтобы самого себя нѣсколько успокоить. Измѣнять моихъ отношеній къ Сербину я теперь не буду. Они еще нужны для того, чтобы двумъ бѣднымъ женщинамъ помочь по мѣрѣ силъ, когда къ тому настанетъ время. Но предвидѣть разрывъ съ нимъ и къ тому приготовиться—нужно. Такъ и сдѣлаю.

Спустя нѣсколько недѣль, Печеринъ получилъ въ Парижѣ два письма, которыми оправдывались опасенія Болотина насчетъ Анны Ѳедоровны. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Шведовъ сообщалъ, въ дополненіе къ предшествовавшему извѣщенію о бывшемъ въ Васильевскомъ вторичномъ пожарѣ, происшедшемъ по неосторожности рабочихъ и разрушившемъ весь домъ: вѣсть объ этомъ пожарѣ такъ сильно потрясла бѣдную Анну Ѳедоровну, что возобновившееся воспаленіе печени имѣло быстрый смертельный исходъ. Далѣе Шведовъ писалъ, что ея душеприказчиками назначены отецъ Пименъ и, къ общему удивленію, Болотинъ; что, во исполненіе воли покойной, Вѣра Степановна должна выдать Болотину же довѣренность по управленію Васильевскимъ, и что по этому поводу произошелъ между Сербинымъ и Болотинымъ разрывъ, который для послѣдняго можетъ сопровождаться весьма неудобными результатами. Въ письмѣ отца Пимена заключались трогательныя подробности о кончинѣ Анны Ѳедоровны, о ея погребеніи въ Васильевскомъ, по ея желанію, и объ отчаянномъ горѣ Вѣры. Отецъ Пименъ упоминалъ, кромѣ того, о прискорбныхъ отношеніяхъ отца и дочери и о происходившемъ между нимъ и Сербинымъ тяжеломъ объясненіи, при которомъ онъ былъ вынужденъ заявить Сербину, что, въ случаѣ встрѣчи затрудненій съ его стороны къ точному исполненію завѣщательныхъ распоряженій покойной Анны Ѳедоровны, онъ, отецъ Пименъ, будетъ поставленъ въ необходимость объяснить кому слѣдуетъ—истинные поводы къ этимъ распоряженіямъ. Ни

въ томъ, ни въ другомъ письмѣ не упоминалось прямо о г-жѣ Криленко; но отецъ Пименъ и Шведовъ оба знали, что прямого упоминанія и не требовалось.

Всякое извѣстіе изъ черноборской или бѣлорѣцкой мѣстности волновало Печерина и оживляло воспоминанія и чувства, которыя обыденный недосугъ парижской жизни былъ безсиленъ заглушить. На этотъ разъ еще болѣе обострился смутный разладъ между сердцемъ и волей. Печеринъ сознавалъ себя чуждымъ средѣ, въ которой теперь находился, сознавалъ постоянное влеченіе къ той, другой средѣ, которую для него создала Вѣра Сербина, но продолжалъ колебаться и жить изо дня въ день, ни на что̀ не рѣшаясь.

XII.

Въ музеѣ Лувра, куда Печеринъ зашелъ съ новопріѣзжимъ русскимъ, онъ замѣтилъ въ числѣ посѣтителей человѣка пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худощаваго, съ длинными сѣдыми усами, который пристально смотрѣлъ на него, но прошелъ въ другую залу, когда ихъ глаза встрѣтились. Вечеромъ Печеринъ нашелъ у себя оставленную въ его отсутствіе визитную карточку, на которой значилось: „Баронъ Вальдбахъ. Hôtel du Rhin“.

Печеринъ долго стоялъ неподвижно, держа карточку въ рукѣ и перечитывая ее. Это имя въ одно мгновеніе сопоставило въ его памяти и прежній Черный Боръ, съ судьбами баронессы и барона Вальдбахъ, и нынѣшній—съ образомъ осиротѣлой Вѣры. На этомъ образѣ остановилась мысль Печерина, беззвучно подсказывая ему вопросъ за вопросомъ. Что́ было съ Вѣрой теперь? Что̀ будетъ далѣе? Когда вернется онъ самъ въ Черный Боръ, или будетъ въ Бѣлорѣцкѣ, и какой отвѣтъ дастъ ему Вѣра тогда? Но почему или для чего Вальдбахъ желалъ его видѣть?

На другой день Печеринъ зашелъ въ Hôtel du Rhin, но барона не засталъ. Минулъ еще день; наступило воскресенье. По окончаніи службы въ русской церкви, знакомые нѣсколько задержали Печерина въ церкви; выйдя на улицу, онъ замѣтилъ, что кто-то его ждетъ.

— Борисъ Алексѣевичъ,—сказалъ этотъ господинъ, подойдя къ Печерину, — я Вальдбахъ. Сожалѣю, что вы меня третьяго дня не застали. Я собственно для того въ Парижѣ, чтобы васъ увидѣть и благодарить.

— Не заслуживаю никакой благодарности,—отвѣчалъ Печеринъ, крѣпко пожавъ протянутую ему руку:—но скажу искренно, что радъ съ вами встрѣтиться! Назначьте часъ, въ который я могъ бы застать васъ дома.

— Свободны ли вы теперь? Мы могли бы вмѣстѣ дойти до Hôtel du Rhin, и если вамъ досужно, то и зайти ко мнѣ.

— Охотно, иду съ вами.

— Благодарю васъ за все, чтò вы дѣлали и сдѣлали въ Черномъ Борѣ. Знаю все. Еще на-дняхъ я получилъ письмо отъ доктора Францена, который тамъ былъ послѣ васъ. Благодарю не только за себя, но и за ту, чью могилу и память вы такъ почтили...

Вальдбахъ на минуту смолкъ, а потомъ пониженнымъ голосомъ продолжалъ:

— Я вдвое старше васъ, Борисъ Алексѣевичъ, и считаю возможнымъ говорить съ вами прямо, безъ фразъ, безъ всякихъ précautions oratoires, потому что въ васъ увѣренъ. Есть признаки, которые никогда не обманываютъ. По вашимъ поступкамъ я увѣренъ въ томъ, что васъ знаю и что вы меня поймете. Безъ впечатлительности прочной, а не минутной, то-есть безъ теплаго сердца, не поступаютъ такъ, какъ вы. Повторяю—я знаю все, чтò могли о васъ знать въ Черномъ Борѣ; знаю, что вы никому не передали сказаннаго вамъ Кондратіемъ; знаю также, что вы нѣсколько разъ обо мнѣ спрашивали, но никакихъ свѣденій не могли получить.

— Весьма естественно, что я о васъ освѣдомлялся, — сказалъ Печеринъ: — и справедливо то, что положительно ничего узнать не могъ.

На пути къ Hôtel du Rhin Вальдбахъ разсказывалъ Печерину, что на первыхъ порахъ по выѣздѣ изъ Россіи жизнь была для него такимъ бременемъ, что хотя у него и были родные въ Германіи, но онъ безпрерывно мѣнялъ мѣсто жительства. Когда вспыхнула восточная война пятидесятыхъ годовъ, онъ отправился прямо въ кавказскую армію, поступилъ на службу, былъ тяжело раненъ при штурмѣ Карса, въ одно время съ генераломъ Кауфманомъ, пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ госпиталяхъ, потомъ оставилъ службу, снова уѣхалъ за границу; послѣ того онъ только одинъ разъ былъ въ Россіи на короткое время, и тогда именно посѣтилъ, поздно вечеромъ, Черный Боръ, какъ о томъ Кондратій говорилъ Печерину.

— Мой слѣдъ могъ легко простыть тамъ,—продолжалъ Вальдбахъ.—Я полу-иностранецъ. Мой отецъ служилъ въ Россіи, и я

въ ней выросъ и воспитанъ. У меня есть однофамильцы въ остзейскомъ краѣ; но я почти никого изъ нихъ не зналъ. Мы—изъ Вестфаліи. Мой старшій братъ неожиданно наслѣдовалъ майоратъ близъ ганноверской границы, и послѣ его смерти я долго былъ нуженъ его дѣтямъ и моей невѣсткѣ. Вы, можетъ быть, спросите, для чего я преднамѣренно окружилъ себя какою-то таинственностью и не давалъ о себѣ вѣсти? Откровенно отвѣчу, что это сдѣлалось безъ всякаго намѣренія, такъ сказать, само собою. Сначала, пока Черный Боръ былъ въ рукахъ убійцы, эта мѣстность была мнѣ нестерпима. Впослѣдствіи, когда имѣніе перешло къ Сѣверцову, я съ нимъ, какъ вамъ извѣстно, сносился; но, по прошествіи столькихъ лѣтъ, мнѣ не хотѣлось будить заснувшее прошлое, дать поводъ къ толкамъ обо мнѣ и не обо мнѣ одномъ. Время шло; обстоятельства не измѣнялись...

— А теперь?—спросилъ Печеринъ.

— Теперь... Вы видите, что я васъ искалъ...

Между тѣмъ собесѣдники вошли въ комнаты Вальдбаха въ Hôtel du Rhin.

— Пройдите въ мою спальню, Борисъ Алексѣевичъ, — сказалъ Вальдбахъ, отворяя туда дверь. — Вы тамъ вспомните о Черномъ Борѣ.

У изголовья постели Печеринъ увидѣлъ акварельный портретъ покойной жены Вальдбаха, надъ нимъ—складень съ изображеніемъ Богородицы, а подъ нимъ набросокъ карандашомъ, представлявшій видъ черноборскаго дома со стороны часовни. Долго Печеринъ не могъ оторвать взгляда отъ портрета. Краски настолько удержали свои оттѣнки подъ защитою стекла, что цѣльность впечатлѣнія не нарушилась. Лицо казалось только покрытымъ легкою дымчатою пеленой, и сохранившееся кроткое, глубоко задумчивое выраженіе глазъ мгновенно привело на память Печерину предсмертную просьбу покойницы—не мстить! Всматриваясь въ портретъ, Печеринъ невольно вспомнилъ и о томъ, что Вѣрѣ Сербиной приписывали сходство съ покойною Марьей Михайловной. Онъ самъ не находилъ такого сходства въ чертахъ лица, но выраженіе глазъ на портретѣ дѣйствительно напоминало ему прощальный взглядъ Вѣры у бѣлорѣцкой церкви.

Возвратясь въ кабинетъ Вальдбаха, Печеринъ ничего не сказалъ ему о портретѣ и, прямо заговоривъ о складнѣ, замѣтилъ, что онъ теперь не удивляется встрѣчѣ съ барономъ въ православной церкви.

— Когда вы меня ближе узнаете, Борисъ Алексѣевичъ, — отвѣчалъ Вальдбахъ,—то увидите, что я—гражданинъ христіан-

скаго міра, и смѣло говорю, что причисляю себя къ тремъ церквамъ. Я—лютеранинъ по рожденію и воспитанію, но отчасти и православный, и римско-католикъ. Когда-нибудь поговоримъ объ этомъ, а теперь скажу только, что мѣсяцы страданій въ госпиталяхъ, страданій и нравственныхъ, и физическихъ, не прошли для меня даромъ. Они, въ извѣстномъ смыслѣ, сломили меня, но не надломили. Они если и не довершили, то подготовили постановку моего взгляда на жизнь, а взглядъ на жизнь не установляется безъ опредѣленнаго взгляда на область вѣрованій.

— Счастливъ, кто такъ можетъ говорить, — сказалъ Печеринъ,—хотя странно примѣнять къ вамъ слово: „счастливъ"!

— Дѣйствительно, можетъ казаться страннымъ, — медленно проговорилъ Вальбахъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ это и не странно. Все въ человѣческой рѣчи условно. Вы скажете же про моряка, который всего лишился при кораблекрушеніи, но выброшенъ волною на берегъ, когда другіе погибли, что онъ счастливъ, потому что остался въ живыхъ. Вотъ я именно и остался въ живыхъ.

— Вы, однако же, признаете, что страданія васъ сломили.

— Да, они сломили прежнюю жизнь, но не надломили силъ. Помните ли стихи:

Безъ цѣли не даны ни радость, ни страданье;
Есть въ счастьѣ заповѣдь, въ печаляхъ есть призванье.
Смиренно вознося мысль къ Богу твоему,
Не спрашивай: „Господь! за что?" Спроси: „Къ чему?"

— Съ тѣхъ поръ какъ я покорился призыву и принялъ призваніе — я спокоенъ духомъ. Съ тѣхъ поръ и время надъ духомъ безсильно. Оно для него остановилось въ день перелома. Въ старикѣ сердце и мысль тѣ же, что четверть вѣка тому назадъ. Разбито и взято то, чѣмъ я прежде жилъ. Но есть другая жизнь. Тамъ возстановится, что̀ въ здѣшней разрушено. Въ этой увѣренности—твердая опора. Какъ я молюсь въ трехъ церквахъ, такъ и живу тройною жизнью. Утѣшеніе въ прошлой, надежды въ будущей, трудъ въ нынѣшней. Вы помните надпись на памятникѣ въ Черномъ Борѣ? А помните ли стихотвореніе, откуда она взята?

— Я напрасно искалъ подлинника. Лонгфелло говоритъ, что это переводъ изъ Пфицера. Но въ Пфицерѣ я его не нашелъ.

— И я не находилъ. Потому надпись на англійскомъ языкѣ. Мою мысль привлекъ контрастъ между первою строфой и послѣдними, на которыхъ я остановился. Не могъ я, конечно, ска-

зать, что я „light hearted“ и „content“; но идеи молодости и безучастнаго кочеванія были примѣнимы ко мнѣ. Притомъ въ безучастіи есть своего рода спокойствіе, а вы знаете, что, по мнѣнію философовъ и физиковъ, всякое желаніе и всякое движеніе есть не что иное, какъ поиски за покоемъ.

— Но ваше призваніе, — рѣшился спросить Печеринъ, — можетъ ли мириться съ безучастіемъ?

— Сегодня я этого предмета желалъ бы не касаться,— отвѣчалъ Вальдбахъ.—Мы съ вами, надѣюсь, будемъ видѣться, хотя на этотъ разъ я въ Парижѣ не надолго. Позже я возвращусь. Быть можетъ, вы найдете досугъ навѣстить меня послѣзавтра вечеромъ, въ часъ театровъ. Я тамъ не бываю, и вы у меня встрѣтите одного изъ моихъ полусотоварищей по призванію.

— Непремѣнно буду,—сказалъ Печеринъ.

— Сегодня,—продолжалъ Вальдбахъ,—во мнѣ преобладаетъ Черный Боръ, и мнѣ хотѣлось бы разспросить васъ о нѣкоторыхъ частностяхъ; Франценъ не въ состояніи давать мнѣ обстоятельныхъ отвѣтовъ на все, хотя по временамъ пишетъ мнѣ и разъ въ каждые два или три года пріѣзжаетъ куда-нибудь въ Германію для свиданія со мной.

Ни одинъ изъ вопросовъ барона Вальдбаха не касался хозяйственной части. Печеринъ вообще замѣтилъ, что мысль его собесѣдника занимало только то, что̀ имѣло какое-нибудь отношеніе къ покойной Марьѣ Михайловнѣ, и всякій разъ, когда Вальдбахъ произносилъ ея имя, въ его голосѣ слышалось движеніе, какъ бы понижавшее звукъ, хотя въ выраженіи лица не было видно перемѣны.

При прощаніи Вальдбахъ снова благодарилъ Печерина и напомнилъ ему о данномъ обѣщаніи быть черезъ день послѣ того, въ вечернее время.

XIII.

— Вы аккуратны,—сказалъ Вальдбахъ, когда Печеринъ вошелъ къ нему въ условленные между ними день и часъ. — Вы опередили того, съ кѣмъ я желалъ васъ познакомить.

— Я тогда не спросилъ, кто это? — отвѣчалъ Печеринъ.

— Это д-ръ Ричардъ Кроссгилль. Онъ англиканскаго исповѣданія, но по духу принадлежитъ къ вашей церкви — православной. Это сблизило меня съ Кроссгиллемъ. Поводы, которые

привели насъ обоихъ къ крутому повороту въ жизни, были неодинаковы, но разъ поворотъ совершился — пути могли легко сойтись. Мы оба, въ одно прекрасное утро,—обыкновенно такія утра не называются прекрасными, хотя, быть можетъ, напрасно не называются такъ, — мы оба, говорю я, убѣдились, что съ жизнью для самихъ себя покончили и что слѣдовало теперь найти себѣ другую цѣль. Общее между Кроссгиллемъ и мною состояло въ разрывѣ съ прошлымъ. Различіе въ томъ, что отъ меня оно было оторвано, а онъ самъ отъ него оторвался. Кроссгилль занималъ въ Оксфордѣ почетное и выгодное мѣсто и принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ университетскихъ проповѣдниковъ. У него есть братъ, который также состоялъ членомъ университетской коллегіи, пользовался извѣстностью и перешелъ въ латинство по слѣдамъ Ньюмана и Роберта Вильберфорса, но позже ихъ. Этотъ переходъ рѣшилъ судьбу д-ра Ричарда. Онъ былъ свидѣтелемъ духовной борьбы, происходившей въ братѣ, самъ убѣдился въ недостаткахъ англиканства, но не захотѣлъ подчиниться духовной неволѣ римской церкви, сталъ ближе изучать вашу церковь и, наконецъ, остановился, какъ я, на чувствѣ принадлежности къ тремъ церквамъ вмѣсто одной. Онъ отказался отъ своихъ должностей и теперь только номинально считается принадлежащимъ къ англиканскому духовенству.

— Васъ, вѣроятно, сблизилъ какой-нибудь неожиданный случай?—вопросительно сказалъ Печеринъ.

— Была случайность и весьма обыденная,—отвѣчалъ Вальдбахъ. — Мы провели вмѣстѣ около двухъ дней на пароходѣ; насъ познакомилъ одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, а вслѣдъ затѣмъ мы прожили нѣсколько недѣль вмѣстѣ въ Римѣ. Оказалось, что мы преслѣдовали въ жизни почти однѣ и тѣ же цѣли; а когда я убѣдился, что онъ стоялъ выше меня и былъ дѣятельнѣе, чѣмъ я, то это убѣжденіе еще болѣе утвердило меня въ рѣшимости идти тѣмъ путемъ, по которому я шелъ еще до встрѣчи съ нимъ.

— Я пока не вижу, почему вы ставите д-ра Кроссгилля выше себя.

— И это мнѣ объяснить не трудно. Я уже вамъ сказалъ, что меня оторвали отъ моей личной жизни, а Кроссгилль самъ отъ своей оторвался. Онъ вступилъ на новый путь прямо по призванію, а я—подъ гнетомъ несчастія и подавляющаго горя. Я искалъ и нашелъ утѣшеніе и опору. Онъ не искалъ ихъ, а прямо взялся за исполненіе того, что̀ призналъ своимъ долгомъ. Ему не было надобности изъ прежней его жизни сохранять то, что̀ у меня должно было сохраниться. Я вамъ, кажется, уже

говорилъ, что для меня жизнь остановилась на точкѣ перелома. Но она не угасла; она и теперь продолжаетъ свое существованіе въ моей памяти. Тѣ черты, которыя изображены на видѣнномъ вами портретѣ, мнѣ постоянно присущи. Умершая для другихъ, она не умерла для меня. Мы только разлучены. Я ее вижу: она не измѣнилась и не постарѣла, какъ я. Я говорю съ нею; она мнѣ отвѣчать не можетъ, но я увѣренъ, что она меня слышитъ. Она говоритъ со мною въ тѣхъ письмахъ, которыя я сохранилъ и перечитываю. Когда я бываю дома, въ моемъ тихомъ уголкѣ въ сѣверной Вестфаліи, я окруженъ предметами, ей нѣкогда принадлежавшими, и все это, ни для кого другого не имѣющее значенія, имѣетъ неоцѣнимое значеніе для меня. Я воображаю себѣ, что хотя на земныя дѣла тамъ смотрятъ иначе, чѣмъ здѣсь, но она и тамъ одобряетъ мои хорошіе поступки и сожалѣетъ о моихъ ошибкахъ. Повѣрьте, въ этомъ для меня и сильный рычагъ, и сильная узда. И кромѣ того, какой-то нездѣшній свѣтъ разлитъ на моемъ пути. Колебаній мало. Какъ лампадка въ черноборской часовнѣ, такъ одна мысль, одно имя постоянно свѣтятъ въ глубинѣ моей души. Стòитъ только оглянуться, всмотрѣться въ нихъ, и я знаю, куда идти.

Вальдбахъ говорилъ съ возраставшимъ одушевленіемъ, но вдругъ остановился, понизилъ голосъ и, съ улыбкой взглянувъ на Печерина, продолжалъ:

— Вы видите, что я легко увлекаюсь. Я все говорю о себѣ, а имѣлъ въ виду говорить о Кроссгиллѣ. Онъ потому выше меня, что идетъ своею прямой дорогой безъ „рычага и узды", которые даны мнѣ. Его опора—вѣра; его рычагъ—покорное исполненіе долга. Притомъ онъ вовсе не суровый аскетъ, хотя въ его наружности вы можете найти аскетическія черты. Впрочемъ вотъ и онъ самъ...

Печеринъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на вошедшаго д-ра Кроссгилля, и когда Вальдбахъ представилъ ихъ другъ другу, то Печеринъ замѣтилъ, что и на немъ на одно мгновеніе остановился испытующій, но спокойный взглядъ новаго знакомаго. Спокойствіе было господствующей чертою и въ общемъ выраженіи блѣднаго лица англичанина. Лишь по временамъ, въ продолженіе бесѣды, внезапно оживлялись его впалые темно-синіе глаза, и судорожное движеніе губъ вторило этому оживленію.

Вальдбахъ упомянулъ, говоря о своей первой встрѣчѣ съ Печеринымъ, о томъ, что Печеринъ не ожидалъ его увидѣть въ нашей церкви.

— Вы и со мною могли бы тамъ встрѣтиться, — сказалъ

Кроссгилль, обращаясь къ Печерину,—еслибы я зналъ вашъ языкъ и, кромѣ того, еслибы моя одежда не была поводомъ къ обращенію на меня излишняго вниманія. Впрочемъ я бывалъ въ вашихъ церквахъ и знаю ваши службы по нѣмецкому переводу.

— Я часто слышалъ,—замѣтилъ Печеринъ,—что торжественность нашихъ обрядовъ производитъ впечатлѣніе на многихъ иностранцевъ.

— Да, ваши обряды соотвѣтствуютъ идеѣ богослуженія, — отвѣчалъ Кроссгилль: — но на меня болѣе прочное впечатлѣніе произвелъ текстъ или, точнѣе, писанный чинъ вашихъ службъ, потому что существенная доля богослуженія происходитъ въ алтарѣ и частью не видна или не слышна молящимся въ церкви. Къ блеску внѣшности я вообще мало воспріимчивъ и въ Римѣ имѣлъ случай не разъ въ томъ удостовѣриться. Торжественность есть и въ англиканскихъ обрядахъ, напримѣръ, при рукоположеніи епископовъ; но вообще мнѣ кажется, что настроеніе, съ которымъ человѣкъ входитъ въ Божій храмъ, имѣетъ болѣе рѣшительное значеніе, чѣмъ всѣ измѣнчивыя впечатлѣнія, какія производятся церковными обрядами.

— Вы совершенно правы на мой взглядъ,—замѣтилъ Вальдбахъ.—Я вхожу во всякую христіанскую церковь съ одинаковымъ чувствомъ благоговѣнія, и въ простой деревенской церкви мнѣ случалось быть лучше настроеннымъ къ молитвѣ, чѣмъ въ какомъ-нибудь каѳедральномъ соборѣ или въ Сикстинской капеллѣ.

— И я понимаю и раздѣляю ваши чувства,—сказалъ Печеринъ.—Къ сожалѣнію, долженъ только признаться, что до сихъ поръ я рѣдко пользовался случаемъ къ такимъ впечатлѣніямъ.

— То-есть, вы рѣдко входили въ церковь, – отвѣчалъ Кроссгилль. — Такъ обыкновенно бываетъ въ ваши годы, хотя напрасно. Впрочемъ время сдѣлаетъ свое дѣло, и вы будете бывать чаще, лишь бы сохранилось въ васъ то обобщающее чувство, о которомъ вы упомянули. Смотря на васъ и припоминая то, чтò мнѣ о васъ сказалъ баронъ Вальдбахъ, я надѣюсь, что вы когда-нибудь пристанете къ нашему союзу, или насъ замѣните, когда насъ не будетъ.

— Слишкомъ много чести для меня,—сказалъ Печеринъ.—Не сознаю въ себѣ способности сдѣлаться проповѣдникомъ.

— Проповѣдникомъ—чего?

— Судя по тому, чтò мнѣ сказалъ баронъ,—проповѣдникомъ единенія церквей.

— Не совсѣмъ такъ. Мы поставили себѣ задачей быть проповѣдниками христіанскихъ вѣрованій вообще, и затѣмъ не единенія церквей, а мира между церквами. Въ этомъ есть существенное различіе. Проповѣдовать единеніе слѣдовало бы прямо и догматически, на что баронъ не имѣетъ права и чего я дѣлать не властенъ по моему званію. Это—дѣло будущаго. Въ настоящемъ нужно подготовленіе почвы, а проповѣдью мира она подготовляется.

— Развѣ это не одно и то же?—спросилъ Печеринъ.

— Одно — относительно цѣли, не одно — относительно средствъ, — отвѣчалъ Кроссгилль. — Различіе большое въ пріемахъ. Одинъ—положительный или утвердительный; другой — отрицательный. При положительномъ вы ставите тезисъ и вызываете вопросъ о вашемъ правѣ на его постановку. При отрицательномъ вы перебрасываете вашему противнику „onus probandi". Спросите барона: какое простое правило мы оба, не сговорившись, приняли къ руководству?

— Правило состоитъ въ томъ, — сказалъ Вальдбахъ, — что, когда мнѣ говорятъ, становясь на точку зрѣнія розни, *вы* и *мы*, я становлюсь на точку зрѣнія единства и отрицаю подразумѣваемую противоположность мѣстоименій, то-есть я отрицаю ее въ существенномъ и признаю только въ видѣ частностей или оттѣнковъ. Тогда обыкновенно стараются, въ опроверженіе меня, преувеличивать значеніе различій, а мнѣ даютъ поводъ это значеніе умалять. Притомъ я никогда не спорю съ иновѣрцами и не стараюсь поколебать ихъ увѣренность въ превосходствѣ ихъ вѣрованій; но когда говорю съ протестантами, то смѣло упрекаю ихъ въ самомнѣніи и нетерпимости къ другимъ исповѣданіямъ.

— Въ такомъ случаѣ, не позволите ли вамъ сказать,—отвѣчалъ Печеринъ,—что вы въ сущности уже перестали быть протестантомъ.

— Я сказалъ вамъ,—продолжалъ Вальдбахъ, —что мы оба считаемъ себя принадлежащими къ тремъ церквамъ, слѣдовательно ни къ одной исключительно. Я убѣжденъ, что будущее единеніе должно состояться на вашей почвѣ болѣе, чѣмъ на нашей, потому что ваша старше и шире, и болѣе, чѣмъ на латинской, потому что на вашей болѣе духовной свободы, но и не безъ примѣси нашихъ взглядовъ и обычаевъ, потому что у насъ нѣтъ той кристаллизаціи, которую вы у себя допустили, и нѣтъ того постояннаго противорѣчія съ жизнью, которое есть слѣдствіе кристаллизаціи. Повторяю, однако же, что считаю умиротвореніе нынѣшней вражды необходимымъ условіемъ окончательнаго успѣха.

— Неужели вы его считаете возможнымъ?—спросилъ Печеринъ.

— Я поставлю вамъ другой вопросъ,—сказалъ Кроссгилль.— Признаете ли вы умиротвореніе дѣломъ добрымъ и угоднымъ Богу?

— Безъ сомнѣнія, признаю.

— Тогда какое право имѣете вы сомнѣваться въ успѣхѣ? Развѣ съ вами не будетъ силы, передъ которою всякія другія силы ничтожны? Припомните сказанное въ Евангеліи о томъ, какъ растетъ брошенное въ землю сѣмя, и о томъ, что пожинаетъ не тотъ, кто сѣетъ. Не жатва, а посѣвъ наше дѣло. Припомните вѣковое чудо распространенія христіанства. Оно не побѣдило бы язычества, еслибы христіанскіе мученики усомнились въ побѣдѣ. Отъ насъ не требуется мученичества. Требуется только мирная служба Богу словомъ и примѣромъ. Развѣ то и другое такъ трудно? И развѣ то и другое можетъ быть тщетнымъ? Испытайте, вы скоро убѣдитесь въ противномъ. Слово, спокойно и миролюбиво сказанное, западаетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ изъ десяти въ сознаніе того, кому оно сказано. Примѣръ еще чаще въ немъ оставляетъ слѣдъ. Вамъ онъ можетъ не быть замѣтнымъ, но онъ остается. Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo. Только не ожесточайте раздражительнымъ противорѣчіемъ. Кротость пріемовъ обезоруживаетъ однихъ, привлекаетъ другихъ. Никогда не одобряйте никакого религіознаго гнета. Но гдѣ есть гнетъ, и вы противъ него можете сказать слово, пусть оно будетъ вами сказано. При встрѣчѣ съ искренно-вѣрующими, но конфессіонально односторонними, вамъ всегда можно будетъ указывать на солидарность всѣхъ христіанскихъ интересовъ и на выгоду, которую наши раздоры предоставляютъ проповѣдникамъ безвѣрія. Тогда именно полезно то умаленіе различій, о которомъ упомянулъ баронъ Вальдбахъ. На вопросъ, въ чемъ эти различія могутъ вліять на исполненіе нашего долга въ здѣшней жизни и на осуществленіе нашихъ надеждъ въ будущей,—вамъ не дадутъ отвѣта, а затрудненіе отвѣчать почти всегда произведетъ впечатлѣніе на собесѣдника. Если же вы замѣтите, что впечатлѣніе произведено, не продолжайте разговора. Люди вообще неохотно даютъ себя убѣждать другимъ, но способны сами убѣждаться, если только способны и склонны размышлять. Заброшенное слово имѣетъ свою тяжесть, и этою тяжестью доходитъ до глубины души. Мы оба, Вальдбахъ и я, стали чужды свѣту въ обычномъ значеніи этого слова; но мы живемъ въ свѣтѣ и въ постоянномъ

общеніи съ людьми, чтобы исполнять свое призваніе. Не всегда съ успѣхомъ, конечно, но тогда я говорю про себя: Domine, meum feci.

— Слушая васъ, — сказалъ Печеринъ, — трудно не убѣждаться; и мнѣ кажется, что я могу обойтись даже безъ собственнаго додумыванія. Но позвольте вопросъ. Какихъ собесѣдниковъ избираете вы себѣ въ свѣтѣ предпочтительно передъ другими? Или, точнѣе, на кого вы больше разсчитываете, чѣмъ на другихъ?

— Во-первыхъ, на всѣхъ безъ различія, въ комъ какое-нибудь горе усилило интенсивность религіознаго чувства; во-вторыхъ, на женщинъ, если свѣтская мишура ихъ не обезличила; въ-третьихъ, на людей среднихъ или даже молодыхъ лѣтъ, въ комъ замѣтно вниманіе къ религіознымъ вопросамъ. Старшія поколѣнія мало податливы; они очерствѣли или самодовольны.

— Вы не упоминали о лицахъ духовнаго званія.

— Вы правы. Слѣдовало упомянуть. Они связаны своимъ положеніемъ. Въ отношеніи къ нимъ я обыкновенно ограничиваюсь парафразомъ одного текста: „блаженны миротворцы“. Далѣе можно идти только при случайныхъ условіяхъ взаимнаго довѣрія и полной искренности, и кромѣ того, при той интенсивности религіознаго чувства, которая мирится съ свободою мысли. Изъ десяти протестантскихъ клериковъ едва одинъ рѣшится прямо высказаться; изъ латинскихъ — одинъ изъ сотни. Вашихъ я не знаю.

Печеринъ вспомнилъ объ отцѣ Пименѣ, но ничего не сказалъ.

— Я еще одного не договорилъ, — продолжалъ Кроссгилль, — хотя упомянулъ о томъ, что мы считаемъ себя призванными къ христіанской проповѣди вообще, насколько она въ свѣтскомъ обиходѣ возможна, не систематично, не назойливо, отрывочно, — но все-таки возможна. Событія дня часто даютъ поводъ касаться въ разговорѣ религіозныхъ вопросовъ. „Ритуализмъ“ у насъ въ Англіи, „культуркампфъ“ въ Германіи, „анти-клерикализмъ“ здѣсь и въ Италіи — одинаково пригодны для заявленія нашихъ взглядовъ. Кромѣ того, и въ сферахъ частной жизни вокругъ насъ такъ много страданій и явныхъ или затаенныхъ печалей, что нерѣдко представляется случай упомянуть, безъ всякой аффектаціи, о томъ, что на землѣ есть только одинъ надежный, вѣрный, никогда не измѣняющій источникъ утѣшенія и нравственной силы. А когда объ этомъ источникѣ завяжется рѣчь, то почти всегда представляется и возможность къ обобщеніямъ умиротворяющаго свойства...

— Доказательствомъ того, что это дѣйствительно возможно, какъ выразился Кроссгилль, безъ аффектаціи,—добавилъ Вальдбахъ,—вамъ можетъ послужить слѣдующее. Я скоро уѣду; но съ Кроссгиллемъ вы еще не разъ встрѣтитесь въ здѣшнихъ салонахъ. Справьтесь о насъ. Вамъ никто не скажетъ, что мы ведемъ религіозную пропаганду, но, вѣроятно, всякій скажетъ, что Кроссгилль — знатокъ классиковъ и нѣмецкой литературы, а я занимаюсь метеорологіей и орнитологіей. То и другое—правда. Между тѣмъ намъ обоимъ иногда приводится уже слышать безсознательное повтореніе нашихъ отзывовъ, даже ссылки на нихъ, и замѣчать нѣкоторую перемѣну въ тонѣ рѣчи тѣхъ, кто на насъ ссылается. Повѣрьте собственнымъ опытомъ то, что̀ мы говорили. Во всякомъ случаѣ, вамъ можно будетъ сказать себѣ, какъ Кроссгилль: meum feci!

— Мнѣ кажется,—сказалъ Кроссгилль, вставая,—что „nostra hodie fecimus“. Опасаюсь, что г. Печеринъ могъ бы утомиться нашими тезисами. Признаюсь откровенно, что на этотъ разъ я имѣлъ усиленное намѣреніе пропагандировать. Съ успѣхомъ ли, или безъ успѣха—самъ г. Печеринъ мнѣ когда-нибудь скажетъ.

— Надѣюсь, что мы скоро вновь свидимся,—отвѣчалъ Печеринъ,—и что вы мнѣ позволите васъ навѣстить?

— Съ большимъ удовольствіемъ, буду васъ ожидать. Вотъ моя карточка. На ней мой адресъ.

Когда Кроссгилль ушелъ, Вальдбахъ обратился къ Печерину съ вопросомъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него англичаниномъ.

— Это человѣкъ убѣжденный, стойкій,—отвѣчалъ Печеринъ,—но сердцемъ уже охолодѣвшій. Идея долго въ немъ господствуетъ. Привязанностей нѣтъ въ настоящемъ. Были ли въ прошломъ,—также не замѣтно.

— Онъ вообще очень сдержанъ, и сегодня даже, только въ вашу честь, былъ менѣе сдержанъ, чѣмъ обыкновенно. Вы могли, однако же, замѣтить, что нѣсколько разъ онъ мгновенно оживлялся и говорилъ съ жаромъ, хотя потомъ опять быстро возвращался къ привычному спокойному тону рѣчи. При дальнѣйшемъ знакомствѣ вы убѣдитесь въ томъ, какая глубокая привязанность сохранилась въ немъ къ Оксфорду. Помню, что онъ однажды мнѣ говорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ день отъѣзда, послѣ разрыва его съ тамошнимъ міромъ. Изъ оконъ вагона онъ смотрѣлъ на постепенно удалявшіяся и опускавшіяся надъ горизонтомъ башни церквей и университетскихъ коллегій; онъ не могъ оторвать глазъ отъ нихъ и въ то же время чувствовалъ

и сознавалъ, что существенная часть его жизни отъ него отрывалась и оставалась навсегда тамъ, гдѣ виднѣлись тѣ древнія, такъ долго ему близкія башни. Его голосъ дрожалъ, когда онъ мнѣ говорилъ о томъ, печать глубокой грусти лежала на его лицѣ, и даже впослѣдствіи, всякій разъ, когда ему случалось въ разговорѣ упоминать объ Оксфордѣ, тѣнь этой грусти мгновенно покрывала его черты. Въ человѣкѣ способномъ къ такой памяти сердце не охладѣваетъ.

— А случается ли ему болѣе опредѣлительно высказывать то сочувствіе къ нашей церкви, о которомъ вы, кажется, упомянули?—спросилъ Печеринъ.

— Да, онъ догматически очень близокъ къ вамъ; но у него есть свои взгляды. Онъ отчасти идетъ дальше васъ и утверждаетъ, что, въ виду современныхъ нападеній на христіанство, мы всѣ слишкомъ слабо его защищаемъ, потому что нападенія и обстоятельства новыя, а защита прежняя. Онъ говоритъ, что вѣрованія защищаются только вѣрою, а вѣра—сознаніемъ предѣловъ нашего разумѣнія, не ограничиваясь ссылками на книги, которыхъ значеніе противники отвергаютъ.

XIV.

Если Печеринъ не забывалъ въ Парижѣ ни Вѣры, ни Бѣлорѣцка, то Вѣра постоянно вспоминала и думала о Печеринѣ. Ея жизнь со дня на день становилась безотраднѣе, а будущность представлялась ей еще мрачнѣе настоящаго. Со стороны Степана Петровича продолжались косвенныя настоянія относительно выхода въ замужество за Подгорѣльскаго; а отношенія къ Прасковьѣ Семеновнѣ, которая ежедневно была въ домѣ и даже проводила въ немъ бо̀льшую часть дня, были явно враждебны: холодны и молчаливы со стороны Вѣры, задорны, раздражительны и почти злобны со стороны Прасковьи Семеновны. Съ Болотинымъ Вѣра могла видѣться лишь изрѣдка, въ случаяхъ крайней необходимости, и подвергаясь всякій разъ сценѣ съ отцомъ, который упрекалъ ее въ заговорѣ противъ него съ ея покойною матерью. Разрывъ между Сербинымъ и Болотинымъ былъ полный. Степанъ Петровичъ потребовалъ отъ него немедленной уплаты по его просроченнымъ долговымъ обязательствамъ, и Болотинъ былъ бы поставленъ въ необходимость, по истощеніи всѣхъ своихъ средствъ, оставить службу въ земской управѣ, если бы неожиданная помощь не выручила его. Вѣра попросила его

взять шесть тысячъ рублей, которые онъ былъ долженъ ея отцу изъ принадлежащихъ ей десяти тысячъ, переданныхъ ему ея матерью; но Болотинъ на-отрѣзъ отказался пользоваться этими деньгами, сказавъ, что онъ чрезъ то нарушилъ бы довѣріе покойной Анны Ѳедоровны. Онъ уже былъ готовъ формально признать свою несостоятельность, когда Шведовъ, знавшій о положеніи его дѣлъ, неожиданно принесъ ему шесть тысячъ рублей и предоставилъ ихъ въ его распоряженіе на годовой срокъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы полученіе этой ссуды отъ него, Шведова, осталось неизвѣстнымъ. Уплата долга еще болѣе озлобила Сербина, и онъ началъ распускать слухъ, что Болотинъ растратилъ капиталъ его дочери; но когда онъ однажды упомянулъ о томъ въ присутствіи одного изъ директоровъ бѣлорѣцкаго банка, куда Болотинъ внесъ деньги Вѣры на храненіе, то директоръ, хорошо знавшій Болотина, весьма рѣзко, при свидѣтеляхъ, опровергъ такой наговоръ.

Между тѣмъ, въ бѣлорѣцкомъ свѣтѣ тягостное положеніе Вѣры было вполнѣ извѣстно только Болотину и Шведову. Вѣра требовала отъ Болотина, чтобы онъ никому не сообщалъ о томъ никакихъ подробностей, для избѣжанія нареканій на ея отца. Будучи въ траурѣ по матери, Вѣра оставалась въ сторонѣ отъ обычнаго зимняго движенія въ мѣстной общественной средѣ и, кромѣ двухъ или трехъ дамъ, близкихъ знакомыхъ покойной Анны Ѳедоровны, почти ни съ кѣмъ внѣ дома не видѣлась. Отношенія Степана Петровича къ г-жѣ Криленко были, однако же, предметомъ толковъ въ городѣ, и къ этимъ толкамъ естественно присоединялись и другіе, болѣе или менѣе сочувственные толки о положеніи Вѣры. Не знали подробностей, но въ общихъ чертахъ догадывались и сожалѣли. Одни говорили, что, въ концѣ концовъ, Вѣра выйдетъ за Подгорѣльскаго; другіе это оспаривали и ссылались на Болотина, который въ этомъ отношеніи ни къ какому умолчанію не былъ обязанъ. О самомъ Сербинѣ никто, внѣ тѣснаго круга составившейся около него партіи, не отзывался доброжелательно; но, благодаря умѣнью и средствамъ, онъ въ этой партіи сохранялъ почти безъ ущерба прежнее вліяніе.

При всемъ томъ Вѣру не покидала смутная надежда на просвѣтъ въ окружавшей ее мглѣ. Надежда была неразрывно связана съ именемъ Печерина. Вѣра припоминала его послѣднія слова при ихъ прощальномъ свиданіи и знала отъ Болотина и отца Пимена, что Печеринъ освѣдомлялся о ней послѣ кончины ея матери, хотя такое освѣдомленіе было такъ естественно, что ему нельзя было придавать особаго значенія. Пріѣзда Печерина

въ Черный Боръ никто не ожидалъ, такъ какъ онъ не упоминалъ о такомъ намѣреніи ни въ письмахъ къ Шведову, ни въ отвѣтахъ на два письма отца Пимена. Напротивъ того, возвратившійся изъ Парижа бѣлорѣцкій помѣщикъ, Чукмасовъ, дальній родственникъ губернатора, разсказывалъ, что Печеринъ много бываетъ въ тамошнемъ свѣтѣ, ухаживаетъ за какою-то красивою миссъ или лэди, подружился съ англиканскимъ каноникомъ или деканомъ, для того, чтобы чаще встрѣчаться въ обществѣ англичанъ съ тою лэди или миссъ, и собирается весною въ Англію, на лондонскій сезонъ. Вѣра никогда не говорила о Печеринѣ; но Прасковья Семеновна Криленко, съ тою проницательностью, которая всегда болѣе свойственна злымъ людямъ, чѣмъ добрымъ, давно была убѣждена не только въ томъ, что Вѣра думаетъ о Печеринѣ, но и въ томъ, что она его полюбила и надѣется на его пріѣздъ лѣтомъ. Прасковья Семеновна безъ труда успѣла въ этомъ увѣрить и Степана Петровича, которому Печеринъ съ самаго начала не пришелся по сердцу, а затѣмъ сталъ ненавистенъ послѣ отказа продать Черный Боръ. Услышавъ о разсказахъ Чукмасова, Прасковья Семеновна поспѣшила передать ихъ за обѣдомъ у Сербина, обращаясь къ нему, но съ явнымъ злорадствомъ посматривая на Вѣру. Степанъ Петровичъ также взглянулъ на нее, чтобы подмѣтить произведенное на нее впечатлѣніе. Но Вѣра уже привыкла владѣть собою и заранѣе знала, что всякій разъ, когда произносилось имя Печерина, ей слѣдовало ожидать или недобраго о немъ слова, или чего-нибудь для нея самой непріятнаго. Она успѣла справиться съ охватившимъ ее внутреннимъ движеніемъ, пока Прасковья Семеновна передавала повѣствованіе о лэди или миссъ и предстоящей поѣздкѣ въ Англію, и когда она кончила, то Вѣра спокойно сказала, обратясь къ отцу, что это извѣстіе ее не удивляетъ, потому что нѣкоторое пристрастіе къ Англіи и англичанамъ въ Печеринѣ было всегда замѣтно, и онъ нѣсколько разъ говорилъ лѣтомъ о намѣреніи изъ Парижа поѣхать въ Лондонъ.

Разсказъ Прасковьи Семеновны произвелъ, однако же, свое дѣйствіе. Возвратясь послѣ обѣда въ свою комнату, Вѣра судорожно заплакала. Она не вполнѣ вѣрила разсказу, но сознавала, что и сама ни въ чемъ противоположномъ не была увѣрена. Время уходило и приносило ей только новыя огорченія, и удручавшій ее домашній гнетъ постоянно возрасталъ. Когда сердце уязвлено и въ немъ ощущается безпрерывная, недремлющая боль, то при каждомъ случайномъ прикосновеніи эта боль такъ обостряется, что можетъ казаться, будто она является въ пер-

вый разъ, — такъ она бываетъ сильна. Вѣра опустилась на колѣни передъ висѣвшей въ углу комнаты иконой и стала горячо молиться, одною изъ тѣхъ молитвъ, для которыхъ, по выраженію одного писателя, не писано словъ, которыхъ нельзя передать словами, но гдѣ сливаются воедино съ исповѣдью страданія и мольба о помощи, и упованіе на помощь.

Бываютъ въ жизни минуты, когда мы особенно ясно сознаемъ свою безпомощность. Нѣтъ точки опоры въ кругу обыденныхъ условій и отношеній, и изъ него не видно исхода. Все къ намъ близкое какъ будто противъ насъ ополчилось. Все болѣе отъ насъ далекое или равнодушно къ намъ, или безсильно помочь. Такъ-называемая сила вещей влечетъ насъ по наклонной плоскости къ краямъ мрачнаго обрыва; мы его видимъ, знаемъ, что къ нему приближаемся,—но чувствуемъ, что остановиться не можемъ. Въ такомъ положеніи была Вѣра, и положеніе было потому безвыходно, что создавалось ея отцомъ. Съ наступленіемъ весны оно должно было сдѣлаться еще болѣе тягостнымъ. Сербинъ объявилъ, что онъ проведетъ лѣто, вмѣсто выгорѣвшаго Васильевскаго, на тѣхъ Симановскихъ хуторахъ, которые были куплены имъ для г-жи Криленко. Такимъ образомъ Вѣрѣ предстояло быть гостьей женщины, въ которой она видѣла непримиримаго себѣ врага, которая помрачила конецъ жизни ея матери и относительно которой она съ трепетомъ ожидала, что настанетъ день, когда отецъ назоветъ эту женщину второю для Вѣры матерью.

Лучъ вечерняго апрѣльскаго солнца, внезапно проникнувшій въ комнату и озарившій Вѣру, прервалъ ея молитву. Она оглянулась на окно, перекрестилась, встала, подошла къ окну и стала смотрѣть на бѣжавшія передъ южнымъ вѣтромъ сизо-бѣлыя, по краямъ золотистыя облака. Подъ ними крестъ сосѣдней церкви свѣтился перемежавшимся блескомъ, по мѣрѣ того, какъ спускавшееся къ горизонту солнце облаками не застилалось. Видъ церкви напомнилъ Вѣрѣ о прощальномъ свиданіи съ Печеринымъ, Печеринъ — о Черномъ Борѣ, а Черный Боръ—опять о Симановскихъ хуторахъ. „Еслибы онъ и возвратился,—сказалось въ ея мысляхъ,—то теперь уже не былъ бы въ нашемъ сосѣдствѣ". Но Вѣрѣ былъ данъ еще другой поводъ вспомнить о хуторахъ. Въ комнату торопливо вошла ея горничная и, тщательно затворивъ за собою дверь, прерывавшимся голосомъ объявила, что имѣетъ сообщить нѣчто важное для Вѣры, что она слышала все это отъ Абрама Ильича.

— Что же это такое? — спросила Вѣра: — но ты, Наташа,

успокойся. Говори такъ, чтобы я тебя могла понять. Отъ какого Абрама Ильича и что̀ ты слышала?

— Тотъ Абрамъ, Вѣра Степановна, который прежде служилъ у насъ. Теперь онъ, по рекомендаціи Степана Петровича, служитъ у Прасковьи Семеновны; но онъ ее терпѣть не можетъ, а васъ любитъ, какъ мы всѣ въ домѣ васъ любимъ. Онъ былъ у меня, чтобы по секрету сказать, что вы ни подъ какимъ видомъ не должны переѣзжать на хутора Прасковьи Семеновны.

Вѣра тревожно взглянула Наташѣ въ глаза и ожидала продолженія ея разсказа, но Наташа какъ будто не рѣшалась говорить и молчала.

— Объяснись же, наконецъ!—сказала Вѣра:—почему Абрамъ думаетъ, что мнѣ не слѣдуетъ туда ѣхать? Вѣдь если я переѣду туда, то переѣду вмѣстѣ съ отцомъ.

— Хотя бы Степанъ Петровичъ и былъ съ вами, все-таки переѣзжать не слѣдуетъ. Противъ васъ замышляютъ недоброе.

— Что недоброе? и почему Абрамъ о томъ знаетъ?

— Онъ слышалъ разговоръ между Прасковьей Семеновной и Глѣбомъ Ивановичемъ Подгорѣльскимъ. Абрамъ не имѣетъ дурной привычки подслушивать, мы его знаемъ; но на этотъ разъ онъ рѣшился подслушать потому, что, проходя мимо кабинета Прасковьи Семеновны, случайно услыхалъ ваше имя. Подгорѣльскій и Прасковья Семеновна о чемъ-то спорили и говорили громко. Рѣчь шла о васъ. Лѣтомъ васъ непремѣнно хотятъ если не выдать, то сосватать за Подгорѣльскаго. Онъ говорилъ, что вы не согласитесь. Тогда Прасковья Семеновна сказала, что васъ можно заставить согласиться,—и сердито спросила Подгорѣльскаго, такой ли онъ трусъ, что не рѣшится васъ увезти?

— Какъ увезти? — съ судорожнымъ движеніемъ спросила Вѣра.

— Такъ она сказала,—отвѣчала Наташа.—Она сказала еще, что устроитъ это у себя такъ, что Степанъ Петровичъ ничего о томъ не будетъ знать,—и сказала, что достаточно хотя двадцать верстъ съ вами прокатиться. Шума будетъ вдоволь, у васъ будетъ нѣсколько посбито спѣси, а тамъ чему далѣе быть, то будто бы обсудить успѣютъ.

Вѣра долго стояла неподвижно, ничего не говоря и очевидно вдумываясь въ слышанное отъ Наташи. Потомъ она какъ бы пришла въ себя и сказала:

— Трудно всему этому повѣрить; но во всякомъ случаѣ спасибо Абраму и спасибо тебѣ, Наташа, за то, что вы меня хотѣли

предостеречь. Мнѣ и безъ того нужно было видѣться съ Болотинымъ. Приходи ко мнѣ черезъ четверть часа; я тебѣ дамъ записку, которую ты сама къ нему отнесешь.

Вѣра написала Болотину, что желаетъ его видѣть, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, въ утренніе часы слѣдующаго дня, и просила его, во-первыхъ, освѣдомиться, къ какому времени ожидался пріѣздъ Суздальцевыхъ въ Липки, и, во-вторыхъ, тотчасъ вызвать въ Бѣлорѣцкъ, черезъ посредство отца Пимена, Василису, съ тѣмъ, чтобы ея пріѣздъ имѣлъ видъ исполненія желанія самой Василисы навѣстить ее.

XV.

Вальдбахъ нашелъ, по возвращеніи въ Парижъ въ началѣ апрѣля, существенную перемѣну въ настроеніи и образѣ жизни Печерина. Онъ мало бывалъ въ свѣтѣ и казался сосредоточеннымъ въ себѣ и чѣмъ-то постоянно озабоченнымъ. Д-ръ Кроссгилль еще ранѣе это замѣтилъ и спросилъ Вальдбаха, не знаетъ ли онъ, что̀ такъ измѣнило ихъ молодого пріятеля.

— Не знаю,—отвѣчалъ баронъ,—но, быть можетъ, догадываюсь. Онъ думаетъ объ отъѣздѣ, но не рѣшается уѣхать.

— Онъ мнѣ очень симпатиченъ, — продолжалъ Кроссгилль. —У него есть расположеніе вглядѣться въ жизнь, но взглядъ еще не установился.

— Радужныхъ красокъ до сихъ поръ было много,—сказалъ Вальдбахъ:—онѣ мѣшали.

Вальдбахъ ошибался въ томъ отношеніи, что Печеринъ не только помышлялъ объ отъѣздѣ, но уже и рѣшился оставить Парижъ. Колебанія относились лишь ко времени исполненія этого намѣренія. Онъ ожидалъ отвѣта на письмо, отправленное имъ къ отцу Пимену, и вообще желалъ, чтобы его возвращеніе въ Черный Боръ совпало съ наступленіемъ весны и потому не возбудило въ мѣстности толковъ о причинахъ торопливаго пріѣзда. Положеніе Вѣры было въ главныхъ чертахъ извѣстно Печерину и со дня на день болѣе и болѣе его тревожило. Онъ зналъ, что одинъ Болотинъ служилъ ей опорою, и потому поручилъ Шведову негласно выручить Болотина по дѣламъ съ Сербинымъ. Онъ зналъ также, что Сербинъ проведетъ лѣто на Симановскихъ хуторахъ, и желалъ непремѣнно застать Вѣру въ Бѣлорѣцкѣ до ея выѣзда изъ него съ отцомъ. Между тѣмъ онъ принялъ нужныя мѣры къ тому, чтобы самому имѣть возможность уѣхать, безъ

служебныхъ препятствій, какъ только признаетъ, что время къ отъѣзду наступило.

Прошло нѣсколько дней. Вальдбахъ зашелъ утромъ къ Печерину и засталъ его занятымъ разборкою писемъ и бумагъ, лежавшихъ на его письменномъ столѣ.

— Продолжайте работать, прошу васъ,—сказалъ Вальдбахъ, поздоровавшись съ Печеринымъ:—я не съ тѣмъ пришелъ, чтобы вамъ мѣшать. Позвольте только васъ спросить: скоро ли?

Печеринъ пристально посмотрѣлъ на барона, потомъ отвѣтилъ:

— Не знаю, понялъ ли я смыслъ вашего вопроса. Если понялъ, то скажу, что, быть можетъ, скоро.

— Оно и лучше. — Я спросилъ потому, что и мнѣ нужно приготовиться.

— И вамъ? Съ нѣкотораго времени, баронъ, вы какъ-то загадочно выражаетесь.

— Не совсѣмъ загадочно. Вы дозволяете мнѣ, въ нашихъ бесѣдахъ, слѣдить за ходомъ вашей мысли, но прямо не высказываете ея. И я прямо не высказываюсь. Впрочемъ, я всегда готовъ высказаться. Я намѣренъ ѣхать съ вами, и даже увѣренъ, что вы это намѣреніе предугадали.

— Я дѣйствительно былъ убѣжденъ,—сказалъ Печеринъ,— что вы еще при мнѣ навѣстите Черный Боръ; но не надѣялся, чтобы вы рѣшились на это теперь.

— Почему же не рѣшиться? — отвѣчалъ Вальдбахъ. — Вы знаете, что я свободенъ, хотя и не light hearted, и что меня самого сердце влечетъ къ Черному Бору. Дайте руку, Борисъ Алексѣевичъ. Вы себѣ пріобрѣли во мнѣ вѣрнаго друга, и на этотъ разъ я могъ бы вамъ быть не безполезнымъ спутникомъ.

— Благодарю васъ отъ души,—сказалъ Печеринъ:—въ моемъ положеніи вашъ добрый совѣтъ мнѣ можетъ быть нужнымъ, а ваше присутствіе будетъ помощью. Давно чувствую, что мнѣ слѣдуетъ ѣхать; но я ждалъ прямого указанія, что время къ тому наступило. Со дня на день могу получить письмо, въ которомъ это указаніе будетъ сдѣлано.

— Во всякомъ случаѣ вы уѣдете отъ разлада съ самимъ собою. Это—дурной товарищъ, съ которымъ всегда хорошо разстаться.

— Неужели этотъ разладъ такъ замѣтенъ? Я не воображалъ, что вы такъ внимательно и проницательно наблюдали за мной.

— Особой проницательности не требовалось. Въ моемъ участіи вы убѣждены, а участіе—такое увеличительное стекло, при

которомъ многое видно, чтò безъ него не замѣчается. Объ одномъ я буду просить васъ. Не сообщайте никому заранѣе о моемъ съ вами пріѣздѣ. Мнѣ желалось бы увидѣть Черный Боръ прежде, чѣмъ кто-либо меня тамъ увидѣлъ.

— Я и о своемъ пріѣздѣ не намѣренъ предувѣдомлять. У меня есть причины не желать, чтобы о томъ узнали въ Бѣлорѣцкѣ прежде, чѣмъ я самъ буду на-лицо. Я намѣренъ избрать тотъ же путь, какъ и въ прошломъ году. Онъ не такъ удобенъ, но короче. Со стороны бора тогда можно дойти до усадьбы пѣшкомъ, никѣмъ не будучи замѣченнымъ.

— Тѣмъ лучше. Итакъ, по рукамъ. Когда получите ожидаемое извѣстіе, дайте мнѣ о томъ знать. Мои сборы не продолжительны. На слѣдующій же день мы могли бы ѣхать.

Отецъ Пименъ не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ писалъ, что въ первыхъ числахъ мая Сербинъ имѣлъ намѣреніе переѣхать на Симановскіе хутора, что Вѣра была этимъ чрезвычайно огорчена; что она чрезъ него вызывала къ себѣ изъ Чернаго Бора Василису, которая потомъ была у него и показалась ему очень встревоженною; что Вѣра, повидимому, надѣялась найти возможность провести нѣкоторое время въ Липкахъ, у Суздальцевыхъ, потому что спрашивала Василису, скоро ли ихъ тамъ ожидаютъ; и Болотинъ настоятельно приглашалъ самого отца Пимена побывать въ Бѣлорѣцкѣ, но онъ до сихъ поръ не могъ отлучиться изъ Васильевскаго. Письмо кончалось подчеркнутыми словами: „если вы намѣрены пріѣхать, пріѣзжайте тотчасъ“.

Съ тою же почтой Печеринъ получилъ письмо отъ Шведова, который сообщалъ, что онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ въ Черномъ Борѣ по случаю начала весеннихъ работъ. Онъ испрашивалъ нѣкоторыхъ указаній по хозяйственной части и выражалъ сожалѣніе о томъ, что Печеринъ еще не далъ положительнаго отвѣта на вопросъ, будетъ ли онъ къ лѣту въ Черномъ Борѣ? „Впрочемъ,—продолжалъ Шведовъ,—вы могли бы хоть завтра пріѣхать. Въ домѣ все исправно и уже поставлено на лѣтнюю ногу. Въ саду работаютъ. Ваша петербургская коляска привезена. Между крестьянами распространились толки, что вы будто бы потому непремѣнно пріѣдете, что намѣрены купить Васильевское; а эти толки пошли въ ходъ отъ двухъ-трехъ стариковъ, которые ссылаются на какое-то предсказаніе, что Бакларовскія имѣнія вновь сойдутся, когда передъ Васильевскимъ домомъ высохнутъ два вяза. Они дѣйствительно высохли или сохнутъ. Признака зелени на нихъ нѣтъ. Одинъ пострадалъ отъ зимняго пожара; другой еще при васъ былъ разбитъ молніей“...

Вальдбахъ и Печеринъ избрали путь на Варшаву, не желая заѣзжать въ Петербургъ. На станціи желѣзной дороги съ ними простился д-ръ Кроссгилль. Онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что Печеринъ не могъ остаться въ Парижѣ до ближайшаго воскресенья; онъ увидѣлъ бы его въ русской церкви съ лэди Нортонъ и тою американскою дамой, которая однажды при Печеринѣ, у лэди Нортонъ, такъ легкомысленно отзывалась о православномъ исповѣданіи.

— Я предупредилъ о томъ вашего священника,—продолжалъ Кроссгилль,—и онъ любезно согласился послѣ литургіи принять насъ у себя. Отвѣчаю вамъ за то, что впредь эта американка такъ отзываться не будетъ, а лэди Нортонъ еще болѣе утвердится въ мысли, что наше англійское ритуалистское движеніе сближаетъ насъ съ вами.

— Сожалѣю и я, что меня при этомъ не будетъ,—отвѣчалъ Печеринъ.—Думаю, однако же, что если вы далѣе поведете лэди Нортонъ, она уйдетъ въ Римъ, а не къ намъ.

— Это другой вопросъ,—сказалъ Кроссгилль.—Вамъ давно бы слѣдовало призадуматься надъ тѣмъ, почему отъ васъ иногда уходятъ, а къ вамъ не приходятъ. Это же самое замѣтилъ, сколько помню, уже графъ де-Местръ, болѣе полувѣка тому назадъ. Впрочемъ вы знаете, что я считаю своимъ призваніемъ приводить въ храмъ, а не переводить изъ одного храма въ другой...

Когда поѣздъ тронулся, Печеринъ обратился къ Вальдбаху:

— Замѣчательна стойкая послѣдовательность Кроссгилля. Въ ваше отсутствіе я съ нимъ часто видался. Всегда одинъ и тотъ же. Онъ иногда оживляется въ разговорѣ, но на дѣлѣ неизмѣнно себѣ вѣренъ, ровенъ и на видъ спокоенъ.

— Болѣе, чѣмъ на видъ,—отвѣчалъ Вальдбахъ.—Онъ и въ душѣ спокоенъ. Я его знаю дольше васъ и однажды спросилъ его, гдѣ ключъ къ этому спокойствію. Онъ отвѣчалъ стихомъ Гёте:

„На безпредѣльное надеждѣ нѣтъ предѣла“...

— Мнѣ кажется, что еслибы ему объявили, что онъ завтра долженъ умереть, онъ и эту вѣсть выслушалъ бы спокойно,—досказалъ Вальдбахъ: — по крайней мѣрѣ настолько спокойно, насколько смерть касается всего земного. Мысль о переходѣ въ другое бытіе имѣетъ, впрочемъ, столь сильное значеніе, что по отношенію къ этому бытію духъ вполнѣ спокойнымъ быть не можетъ. Но касательно разставанія съ землей у Кроссгилля нѣтъ никакихъ поводовъ къ волненію. Ему не о чемъ жалѣть на

землѣ, потому что онъ собственно себѣ ничего не желаетъ и ни съ чѣмъ земнымъ тѣсно не связанъ.

— Однако же эта идеальная готовность къ смерти возможна только весьма немногимъ,—возразилъ Печеринъ:—а намъ говорятъ, что мы всѣ къ ней должны быть приготовлены. Еслибы у Кроссгилля была семья или даже еслибы онъ только любилъ лэди Нортонъ, то онъ менѣе спокойно относился бы къ мысли, что завтрашній день для него можетъ быть послѣднимъ.

— Конечно; но таковъ нашъ общій удѣлъ, — продолжалъ Вальдбахъ:—міръ беретъ свою долю. Вспомните, что почти всѣ великіе подвижники были отшельниками или монахами, или жили въ монастыряхъ. Между нынѣшними англиканскими епископами Кроссгилль не найдетъ св. Ансельма Кэнтерберійскаго. Это одно изъ тѣхъ видимыхъ противорѣчій между заповѣдью и обстановкой соблюденія заповѣди, которыя въ жизни встрѣчаются на каждомъ шагу.

— Почему же только видимыя противорѣчія? Они мнѣ представляются весьма существенными,—возразилъ Печеринъ.

— Нѣтъ, эти противорѣчія только видимыя, — отвѣчалъ Вальдбахъ,—потому что заповѣдь не можетъ не быть общею, а условія, которыми обставлено ея соблюденіе, не могутъ не быть различными. Объясненіе есть въ притчѣ о талантахъ. Одинаковое благословеніе дано тому, кто съ пятью талантами пріобрѣлъ пять, и тому, кто съ двумя пріобрѣлъ только два.

XVI.

Май наступилъ. Наканунѣ дня, предназначеннаго для переѣзда на Симановскіе хутора, Вѣра была одна въ своей комнатѣ, въ поздній вечерній часъ, и оканчивала уборку хранившихся у нея писемъ и укладку своихъ вещей. Она нѣсколько разъ перечитывала полученную отъ Болотина записку, которою онъ ее извѣщалъ, что письмо къ Марьѣ Ивановнѣ Суздальцевой доставлено въ Липки, и что Суздальцевы тамъ ожидались на другой день послѣ доставки письма. Въ этомъ письмѣ Вѣра предупреждала Марью Ивановну о своемъ пріѣздѣ, кратко объясняла причины, по которымъ она испрашивала ея гостепріимнаго покровительства, и просила, въ случаѣ ея согласія, не присылать никакого отвѣта. На столѣ лежало другое начатое письмо на имя Степана Петровича. Вѣра также нѣсколько разъ принималась за это письмо, но останавливалась послѣ каждыхъ двухъ

или трехъ строкъ. Слезы навертывались на ея глазахъ, и ихъ слѣды были видны на бумагѣ. Вѣра старалась бережливо и почтительно объяснить отцу, почему переселеніе на хутора ей было невозможно, и она рѣшилась тому предпочесть, заранѣе испрашивая его великодушнаго прощенія, временное самовольное удаленіе изъ родительскаго дома. Далѣе Вѣра писала, что переѣздъ къ Суздальцевымъ, по ихъ дружескимъ отношеніямъ къ ней, не возбудитъ толковъ, и что потому она не хотѣла ни переѣхать въ Васильевское къ отцу Пимену, ни пріискивать себѣ другого убѣжища. Наконецъ, она хотѣла оговорить, что уѣзжаетъ внезапно, для предупрежденія тяжелыхъ и притомъ безполезныхъ объясненій съ отцомъ, что всѣ мѣры къ отъѣзду приняты лично ею, чтобы никто другой не могъ быть за нихъ отвѣтственнымъ; Болотинъ извѣщенъ о томъ только въ этотъ вечеръ, и даже ея горничная Наташа узнàетъ о ея отъѣздѣ только изъ записки, которая будетъ оставлена на ея столѣ вмѣстѣ съ письмомъ къ Степану Петровичу. Но Вѣра еще далеко не успѣла дописать письма, когда ей послышались въ сосѣднемъ корридорѣ шаги отца. Она торопливо спрятала свое письмо и записку Болотина, встала съ своего мѣста, и когда Сербинъ вошелъ въ ея комнату, то уже засталъ ее передъ стоявшимъ близъ стола чемоданомъ, въ который она укладывала нѣкоторыя мелкія вещи.

— Напрасно ты сидишь такъ поздно, Вѣра,—сказалъ Степанъ Петровичъ, бросивъ взглядъ на чемоданъ и на лежавшій близъ него на стулѣ сакъ-вояжъ. — Къ чему торопиться укладкой? Мы завтра выѣдемъ не рано. Ты десять разъ успѣла бы утромъ уложиться.

— Вы знаете, папà,—отвѣчала Вѣра,—что у меня дурная привычка торопиться сборами къ поѣздкамъ. Когда я готова, то какъ-то спокойнѣе.

— И напрасно все сама дѣлаешь. На что же Наташа у тебя?.. Она должна...

Степанъ Петровичъ на минуту остановился, посмотрѣлъ на дочь, потомъ продолжалъ:

— И всего хуже то, что ты плачешь. Ты знаешь, что меня твои слезы огорчаютъ. У меня и безъ того не мало огорченій и заботъ.

— Папà, я стараюсь не плакать, — сказала Вѣра: — но я была одна. Когда грусть одолѣваетъ и никто моихъ слезъ не видитъ, то подъ-часъ трудно имъ не дать воли...

— Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ завтра ты плакать не

будешь... Повѣрь, мнѣ порою больно смотрѣть на тебя... Было время, когда ты не плакала. Я это помню.

— И я помню, папà, — едва слышнымъ голосомъ проговорила Вѣра.

Степанъ Петровичъ опять на минуту замолчалъ. Лицо его приняло мягкое выраженіе. Онъ какъ будто хотѣлъ что-то сказать дочери, но не рѣшился. Онъ подошелъ къ ней, взялъ за руку, поцѣловалъ въ лобъ и повернулся къ дверямъ; но Вѣра остановила его и два раза поцѣловала его руку со словами:

— Вы со мной не простились, папà. Не уходите, разсердившись на меня.

— Я нисколько не сердился,—сказалъ Степанъ Петровичъ.— Прощай. Желаю доброй ночи и все-таки тотчасъ къ тебѣ пришлю Наташу.

Вѣра проводила отца до корридора и смотрѣла въ слѣдъ ему, пока могла его видѣть. Она справлялась съ собой и не плакала; но громкій стонъ вырвался изъ ея груди, когда она возвратилась въ свою комнату и затворила за собою дверь.

— Вѣра Степановна,—сказала вошедшая Наташа,—ради Бога, не плачьте такъ: не изводите себя.—Пора и о покоѣ подумать. Давно одиннадцать пробило.

— Мнѣ не до покоя, Наташа,—отвѣчала Вѣра,—и я не думаю спѣшить ложиться спать. Я и безъ тебя справлюсь. Но теперь мнѣ нужно на воздухъ, чтобы вздохнуть свободнѣе. Здѣсь въ комнатѣ душно. Побудь у меня минутъ десять. Я выйду въ садикъ по черной лѣстницѣ и по ней же вернусь, никого не тревожа.

То, что̀ Вѣра называла садикомъ, былъ прилегавшій къ дому небольшой огородъ, обнесенный глухимъ заборомъ, обсаженный деревьями и наполовину обращенный въ цвѣтникъ покойною Анною Θедоровною Сербиной. Вдоль забора пролегалъ узкій переулокъ, выходившій подъ острымъ угломъ на другую улицу. Вѣра обошла кругомъ садика, убѣдилась, что задвижка у калитки, на сторонѣ переулка, свободно передвигалась въ скобѣ, и, возвратясь въ свою комнату, отпустила Наташу, сказавъ, что еще намѣрена писать письма, и не хочетъ ее напрасно задерживать.

Вѣра дописала письмо къ отцу, запечатала его и приложила къ нему записку, въ которой просила Наташу письмо передать, а отъ нея ждать вскорѣ извѣстій. „Я для того уѣхала безъ тебя, любезная Наташа, и тебя не предупредила,—добавляла Вѣра,—чтобы никто не могъ тебя обвинить въ томъ, что ты мнѣ помогала уѣхать“.

Затѣмъ Вѣра переложила въ свой сакъ-вояжъ нѣкоторыя вещи изъ чемодана, который вовсе не была намѣрена съ собою брать, потомъ вышла въ корридоръ, прислушалась, удостовѣрилась, что въ домѣ все затихло, и тогда, помолившись на колѣняхъ передъ иконой, стала приготовлять свой дорожный нарядъ. Она повязала голову цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ, по обычаю въ бѣлорѣцкой мѣстности дѣвушекъ какъ мѣщанскаго, такъ и крестьянскаго сословія, а на плечи накинула большой, толстый шерстяной, темнаго цвѣта платокъ, оставленный ей Василисою. Этотъ платокъ окутывалъ Вѣру ниже колѣнъ, и кромѣ обуви, которая спрятана быть не могла, и сакъ-вояжа, перчатокъ и зонтика, которые могли быть спрятаны подъ платкомъ, ничто въ этомъ костюмѣ Вѣры не обличало ея званія.

Пробилъ часъ по-полуночи. Вѣра погасила горѣвшія на столѣ свѣчи, тихо вышла, спустилась въ садикъ и, дойдя до калитки, прислушалась, потомъ слегка постучалась. Отклика не было. Вѣра простояла неподвижно двѣ или три минуты, потомъ вновь постучалась. Отвѣта не было и на этотъ разъ. Сердце Вѣры забилось сильно и дыханіе такъ сперлось въ ея груди, что она прислонилась къ забору, чтобы не упасть. Въ это мгновеніе послышался легкій стукъ въ калитку со стороны переулка.

— Это ты Василиса?—въ полголоса спросила Вѣра.

— Я, матушка Вѣра Степановна,—отвѣчала Василиса.—Выходите скорѣе. Я не могла ранѣе отвѣтить вамъ, потому что какіе-то два человѣка шли по переулку, а теперь ихъ не видать.

Вѣра вышла и молча, рядомъ съ Василисой, направилась къ углу соединенія переулка съ улицей, а затѣмъ можно было прямо слѣдовать по ней для выѣзда изъ города. За угломъ стояла запряженная парой, крытая повозка изъ разряда тѣхъ, въ которыхъ мелкіе торговцы разъѣзжаютъ по сельскимъ ярмаркамъ. Въ полумракѣ весенней ночи Вѣра не могла разглядѣть черты лица человѣка, сидѣвшаго на облучкѣ. Только длинная бѣлая борода, окаймлявшая нижнюю часть его лица, выдѣлялась изъ того полумрака.

— Это старикъ Игнатій изъ Сизой деревни,—шепнула Василиса своей спутницѣ:—тотъ самый, у кого хотѣли разрушить молельню.

— Садитесь, матушка,—сказалъ Игнатій, приподнявъ шапку.—Пора. Заря занимается.

Вѣра и Василиса не безъ труда взобрались въ низкую повозку.

— Можно ли ѣхать?—спросилъ Игнатій.

— Съ Богомъ,—отвѣчала Василиса.

— Съ Богомъ,—повторилъ старикъ, снялъ шапку, перекрестился и, дернувъ возжами, въ полголоса заговорилъ съ своими лошадьми. Повозка тронулась съ мѣста шагомъ, потомъ едва замѣтною, тихой рысцой.

— Все ли время мы такъ будемъ ѣхать?—спросила Вѣра Василису

Старикъ Игнатій вѣроятно разслышалъ вопросъ, потому что, полуобернувшись къ Вѣрѣ, сказалъ:

— Сначала нельзя спѣшить, матушка. Теперь ночь. Можетъ кто-нибудь повстрѣчаться и полюбопытствовать, кто, куда и почему торопится. Какъ въ поле выберемся, такъ и ходчѣе поѣдемъ.

Кругомъ такихъ городовъ, какъ Бѣлорѣцкъ, тянутся вдоль всѣхъ выѣздныхъ дорогъ длинныя слободки; это ни городъ, ни деревня; тутъ обыкновенно живетъ рабочій людъ, занимающійся отчасти городскими, отчасти сельскими промыслами. Пока путь лежалъ по такой слободкѣ, Игнатій ѣхалъ тою же самой рысцой. Минуты казались Вѣрѣ часами. Кое-гдѣ, по обѣимъ сторонамъ, засвѣчались огоньки, но на самой дорогѣ никого не было и, кромѣ топота лошадей и стука колесъ повозки, не было слышно никакого звука.

— Люди уже встаютъ,—сказалъ Игнатій, показывая на огоньки.—Скоро и на улицу выходить станутъ.

Наконецъ повозка миновала послѣднюю хату на краю доходящаго до слободки поля. Игнатій махнулъ кнутомъ, крикнулъ на лошадей, и повозка ровною рысью покатилась по мягкой, мѣстами полупесчаной дорогѣ. Вѣра вздохнула свободно въ первый разъ послѣ того, какъ затворила за собою дверь своей комнаты. Ей казалось, будто вдругъ прекратилась постоянно настигавшая ее погоня.

Между тѣмъ быстро свѣтало. Въ бѣлорѣцкой мѣстности солнце всходитъ почти часомъ позже, чѣмъ въ Петербургѣ, и поднимается на горизонтѣ подъ менѣе острымъ угломъ. Съ запада на востокъ не крадется ночью надъ горизонтомъ бѣлая полоса, медленная предвѣстница дня. Заря занимается прямо на востокѣ и въ ясную погоду скоро переходитъ въ золотистое утро. За пролѣскомъ, пересѣкавшимъ дорогу въ полуверстѣ отъ города, Вѣра замѣтила стоявшую на краю дороги, у канавы, одноконную крестьянскую тележку. Дремавшій въ ней молодой парень встрепенулся, когда съ нимъ поравнялась повозка, схватилъ возжи, ударилъ кнутомъ

по лошади и поѣхалъ въ слѣдъ за повозкой. Вѣрѣ показалось, что Игнатій кивнулъ ему головой.

— Кто ѣдетъ за нами?—спросила Вѣра, на этотъ разъ обратясь къ Игнатію.

— То мой внукъ, Митька,—отвѣчалъ старикъ.—Онъ здѣсь поджидалъ насъ.—Нельзя ѣхать далеко безъ пособника на случай. Пожалуй въ упряжи понадобится что-нибудь переправить.

— Онъ везетъ и тѣ вещи, которыя вы намедни мнѣ передали,—добавила Василиса.

Ровною рысью бѣжали лошади. Бѣжало и всегда бѣгущее время. Солнце давно встало. Отблескъ его лучей искрился въ капляхъ росы на кустахъ и на травѣ, вдоль дороги. Надъ влажною зеленью смежныхъ озимыхъ полей слышалось пѣніе жаворонковъ. Вѣрѣ стало на нѣсколько мгновеній такъ легко на сердцѣ, какъ должно быть легко птицѣ, вылетѣвшей изъ клѣтки. Но сознаніе ея положенія тотчасъ возстановилось. Она глубоко вздохнула, долго молчала, потомъ спросила Игнатія, далеко ли до поворота въ Липки?

— Верстъ пятнадцать еще будетъ,—отвѣчалъ Игнатій. Но мы остановимся, съ полверсты не доѣзжая поворота, у хаты лѣсника.

— Тамъ вѣрно насъ ждетъ другая повозка?—продолжала Вѣра, обратясь къ Василисѣ?

— Тамъ должны насъ встрѣтить Кондратій и другой внукъ Игнатія,—отвѣчала старуха, и нерѣшительно прибавила:—Кондратій скажетъ, какимъ путемъ мы далѣе поѣдемъ...

— Развѣ оттуда двѣ дороги въ Липки?

— Кондратій мнѣ вчера такъ сказалъ, что, можетъ быть, придется ѣхать другою дорогой.

У хаты лѣсника дѣйствительно стояла другая крытая повозка, въ которой Вѣра и Василиса, простившись съ Игнатіемъ, продолжали путь. Кондратій самъ правилъ; за нимъ слѣдовалъ, какъ отъ Бѣлорѣцка, одноконный провожатый.

Не доѣзжая поворота въ Липки, Кондратій остановилъ лошадей, обратился къ Вѣрѣ и сказалъ:

— Не прогнѣвайтесь, матушка Вѣра Степановна. Мы поѣдемъ не прямо въ Липки, а сначала на Черный Боръ.

— Какъ на Черный Боръ?—воскликнула испуганная Вѣра.—Въ Черный Боръ я не хочу ѣхать.

— Нельзя въ Липки до завтра,—отвѣчалъ Кондратій.—Суздальцевы будутъ только сегодня поздно вечеромъ. Ихъ задержали въ Москвѣ. Ваше письмо ихъ ждетъ въ Липкахъ. Я справлялся

и сказалъ Василисѣ, что справлюсь, потому что стороной о томъ слышалъ.

— Я не могу ѣхать въ Черный Боръ, — проговорила въ сильномъ волненіи Вѣра и сдѣлала движеніе, чтобы выйти изъ повозки. Василиса ее удержала.

— Голубушка Вѣра Степановна!—сказала умоляющимъ голосомъ Василиса.—Успокойтесь, ради Бога! Куда же ѣхать? Въ Васильевское нельзя вамъ пріѣзжать переодѣтою. Тамъ васъ тотчасъ узнаютъ. Я не предупредила васъ потому, что, когда мы разстались съ Кондратіемъ, онъ еще ничего не успѣлъ разузнать навѣрное. А дѣлать было нечего. Еслибы вы со мной не уѣхали, то сегодня же были бы на пути къ тѣмъ хуторамъ.

— Въ Черномъ Борѣ,—добавилъ Кондратій,—никто не догадается и васъ не увидитъ, кромѣ моей старой кумы, жены садовника. Она—женщина вѣрная; я ей даже передаю ключъ отъ часовни, когда отлучаюсь надолго. Въ домѣ я сказалъ, что Василиса вернется съ племянницей, которая издалека къ ней пріѣхала: я не подвезу васъ къ большому крыльцу, а проведу садомъ, прямо въ домъ, на верхъ, гдѣ теперь живетъ Василиса. Вы и въ Липкахъ не желали подъѣзжать со стороны двора, а хотѣли пройти пѣшкомъ черезъ паркъ. Завтра же я самъ васъ доведу до Липокъ; вы успѣете вечеромъ туда написать, и ваше письмо будетъ къ ночи доставлено.

XVII.

Сербинъ говорилъ правду, когда сказалъ Вѣрѣ, что у него много огорченій и заботъ. Онъ начиналъ ощущать всю тягость ига, которому онъ подчинился. Прасковья Семеновна становилась болѣе требовательною и несговорчивою, по мѣрѣ того, какъ въ силу продолжительности и гласности того ига самъ Сербинъ становился беззащитнѣе передъ нею. Въ особенности тяготили его назойливыя напоминанія о сватовствѣ Подгорѣльскаго. Любовь къ дочери не замерла въ сердцѣ Степана Петровича, но только заглушалась постоянною тревогой его отношеній къ г-жѣ Криленко. Бывали минуты, какъ при вечернемъ прощаніи съ Вѣрой, когда эта любовь пробуждалась въ Сербинѣ почти съ прежнею силой. Кромѣ того его огорчала видимая перемѣна въ отношеніяхъ къ нему нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ знакомыхъ. Степанъ Петровичъ чувствовалъ, что его осуждали, и сознавалъ, что имѣли основаніе его осуждать.

Въ домѣ съ ранняго утра было замѣчено отсутствіе Вѣры, но никто не рѣшался сказать о томъ Степану Петровичу. Наташа оставила на столѣ найденныя ею записку и письмо и въ отчаянномъ испугѣ, сказавъ о томъ камердинеру Сербина, особенно пользовавшемуся его довѣріемъ, куда-то скрылась. Когда Сербинъ одѣвался, смущенное выраженіе лица камердинера обратило на себя его вниманіе. Выходя въ свой кабинетъ, Степанъ Петровичъ обратился къ нему.

— Ты что-то скученъ сегодня, Алексѣй. Здоровъ ли?

— Ничего, здоровъ, Степанъ Петровичъ,—отвѣчалъ Алексѣй, нѣсколько запинаясь:—долго возился съ укладкой для переѣзда...

— Скажи, чтобы ко мнѣ попросили Вѣру Степановну, если она уже встала.

Алексѣй вышелъ, затворилъ за собою дверь, но за дверью остановился, не рѣшаясь ни идти далѣе, ни вернуться въ кабинетъ.

Сербинъ тотчасъ замѣтилъ, что не было слышно шаговъ Алексѣя, и, отворивъ дверь, спросилъ, зачѣмъ онъ остановился.

— Не знаю, какъ сказать,—проговорилъ дрожащимъ голосомъ камердинеръ.—Что-то неладно у насъ: Вѣра Степановна уѣхала...

— Какъ уѣхала?—вскрикнулъ, поблѣднѣвъ, Степанъ Петровичъ.—Съ кѣмъ? когда? гдѣ Наташа?

— Должно быть, одна... Наташа ничего не знала; она вся въ слезахъ побѣжала къ г. Болотину, чтобы отъ него что-нибудь узнать. Вѣра Степановна къ нему посылали записку вчера вечеромъ... Но г. Болотинъ, оказалось, здѣсь, никуда не уѣзжалъ, и у него Вѣра Степановна не была...

У Сербина на одно мгновеніе потемнѣло въ глазахъ. Онъ прислонился къ двери и сказалъ:

— Говори же толкомъ... Когда могла Вѣра выйти? Какъ могли не слыхать, что она отворяла двери?

— Она, должно быть, ночью вышла садикомъ, въ переулокъ. Мы замѣтили, что у калитки задвижка отодвинута. Она и спать не ложилась, и оставила на своемъ столѣ письмо къ вамъ и записку къ Наташѣ...

— Гдѣ же письмо?..

— Тамъ же на столѣ. Наташа и свою записку тамъ оставила.

Сербинъ провелъ по лбу рукой, потомъ сказалъ:

— Теперь оставь меня. Позову, когда будешь нуженъ... Смотри только, чтобы въ домѣ ни слова!..

Степанъ Петровичъ торопливымъ, но неровнымъ шагомъ прошелъ въ комнату дочери, захлопнулъ за собою дверь, пробѣжалъ однимъ взглядомъ записку къ Наташѣ, судорожно скомкалъ въ рукѣ и бросилъ эту записку, потомъ распечаталъ и сталъ читать письмо Вѣры къ нему.

По мѣрѣ чтенія лицо Сербина принимало болѣе и болѣе угнетенное выраженіе. Онъ опустился на стулъ, оперся на одну руку головой и продолжалъ читать. Волненіе порывистой бури кипѣло въ его душѣ. Въ ней боролись и попеременно заглушали другъ друга гнѣвъ и печаль, мысль о позорѣ побѣга дочери изъ отцовскаго дома и мысль о томъ, что онъ самъ далъ поводъ къ этому позору, чувство отцовской любви къ Вѣрѣ, опасенія за ея будущность, страсть къ г-жѣ Криленко, невольное сознаніе, что она была причиной его домашнихъ несчастій. Степанъ Петровичъ долго сидѣлъ неподвижно; безъисходная борьба въ его душѣ продолжала его томить. Онъ пытался молиться, но и молитва не давалась ему. Наконецъ онъ заплакалъ...

Было около полудня, когда Сербинъ вышелъ изъ комнаты Вѣры и подозвалъ ожидавшаго его съ возраставшимъ безпокойствомъ камердинера.

— Поѣзжай сейчасъ на хутора,—сказалъ Сербинъ,—и скажи, что я сегодня не могу быть, что меня задержало спѣшное дѣло, и что я постараюсь быть завтра. Скажи, что не знаешь, какое дѣло, не пускайся въ отвѣты ни на какіе разспросы и тотчасъ пріѣзжай назадъ.

Между тѣмъ Вѣра уже давно была въ Черномъ Борѣ. Кондратій проѣхалъ къ саду окольною дорогой, минуя село, и садомъ провелъ въ домъ Вѣру и Василису. Въ верхнемъ этажѣ была приготовлена комната, смежная съ той, гдѣ поселилась Василиса, и туда Кондратій внесъ вещи, бывшія у провожатаго.

— Теперь вы до завтра у себя дома, Вѣра Степановна, — сказала Василиса.—До сихъ поръ Богъ помогъ. Онъ поможетъ и дальше.

Комната, гдѣ, по выраженію Василисы, Вѣрѣ можно было чувствовать себя „дома“, была на сторонѣ сада. Изъ окна виднѣлись только деревья и за ними дальніе изгибы рѣки. Въ домѣ все было тихо, и съ противоположной его стороны лишь изрѣдка доносились до слуха Вѣры прерывистые звуки происходившаго въ селѣ движенія. Подъ вліяніемъ этой тишины въ ней самой постепенно стихало смятеніе души; но мысль, что она въ домѣ Печерина нашла себѣ временное убѣжище, угнетала ее.

„Чтò сказалъ бы онъ, — думалось ей, — еслибы зналъ, что я здѣсь!“...

Среди дня Василиса, долго избѣгавшая тревожить Вѣру своимъ присутствіемъ, принесла ей чтò нужно было для письма въ Липки. Въ это самое время послышались голоса въ саду подъ окномъ. Вѣра вздрогнула; Василиса прислушалась, подошла къ окну, потомъ сказала, что никого не видно и что говорившіе уже вошли въ домъ.

— Узнай, кто это,—сказала взволнованнымъ голосомъ Вѣра. —Неужели вы скрыли отъ меня, что г. Шведовъ здѣсь?

— Я никогда не солгала бы вамъ, Вѣра Степановна,—отвѣчала Василиса.—Здѣсь нѣтъ г. Шведова и мы его не ждали. Сейчасъ узнаю, кто говорилъ подъ окномъ.

Василиса долго не возвращалась. Смущеніе и безпокойство Вѣры усиливались; она рѣшилась уйти въ комнату Василисы и тамъ ее ожидать. Наконецъ она показалась въ дверяхъ и въ нихъ остановилась.

— Господь творитъ дѣла,—сказала Василиса.—Не Шведовъ, а Борисъ Алексѣевичъ здѣсь!

— Борисъ Алексѣевичъ! — повторила Вѣра. У нея забилось сердце, замерло дыханіе и она оперлась на подоконникъ, чтобы удержаться на ногахъ.

— И не одинъ,—продолжала Василиса.—Съ нимъ пріѣхалъ нашъ старый баринъ. Я его не видѣла. Онъ прошелъ прямо на кладбище. Кондратій его видѣлъ и онъ же разсказалъ Борису Алексѣевичу, что вы здѣсь, у насъ, и почему не въ Липкахъ, а здѣсь. Борисъ Алексѣевичъ проситъ васъ его принять...

Вѣра ничего не отвѣтила. Голосъ ей не повиновался. Но Василиса не выждала отвѣта. Прошло нѣсколько минутъ; Вѣрѣ послышались приближавшіеся шаги, и медленно, съ привѣтливо спокойнымъ выраженіемъ лица, съ явнымъ желаніемъ не обнаружить, съ своей стороны, сознанія затруднительнаго положенія Вѣры, въ комнату вошелъ Печеринъ.

— Вѣра Степановна,—сказалъ онъ,—вы обѣщали мнѣ отвѣтъ по моемъ возвращеніи. Я за отвѣтомъ вернулся.

Вѣра уже успѣла нѣсколько собраться съ силами и тихо отвѣтила:

— Борисъ Алексѣевичъ, вотъ теперь вамъ должно быть жаль меня. Я—нежданная гостья въ вашемъ домѣ,—но въ этомъ не виновата...

— Отъ васъ зависитъ,—сказалъ Печеринъ,—чтобы не вы, а

я былъ вашимъ гостемъ. Скажите одно слово, и съ этой минуты не я, а вы будете здѣсь приказывать.

Онъ подошелъ къ Вѣрѣ, взялъ ее за обѣ руки и взволнованнымъ голосомъ продолжалъ:

— Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я люблю васъ. Я испыталъ себя; я виновенъ въ томъ, что слишкомъ долго себя испытывалъ. Скажите, что вы мнѣ прощаете. Скажите то доброе слово, о которомъ я просилъ васъ, и здѣсь, при прощаніи, и тамъ, у церкви, при другомъ прощаніи.

Вѣра смотрѣла на Печерина, но едва различала черты его лица сквозь выступившія въ ея глазахъ слезы. Она тихо проговорила:

— Не трудно мнѣ вамъ сказать доброе слово. И я люблю васъ.

Печеринъ поцѣловалъ обѣ ея руки, потомъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ:

— Благословенъ для меня этотъ день, Вѣра. Жаль одного: я тотчасъ съ вами долженъ разстаться. Не надолго, надѣюсь. Ѣду къ вашему отцу. Вернусь завтра. Онъ отказать мнѣ не можетъ. И завтра же я самъ довезу васъ до Липокъ, впредь до того дня, когда вы сюда со мною вернетесь. Вмѣсто васъ, я самъ напишу о томъ Суздальцевымъ. Не такъ ли?..

Печеринъ не выждалъ отвѣта со стороны Вѣры и, взявъ ее подъ руку, вышелъ съ нею въ комнаты, гдѣ Василиса и Кондратій его ждали.

— Вѣра Степановна здѣсь хозяйка,—сказалъ онъ имъ,—пока я вернусь. Кондратій, сейчасъ послать заготовить подставу въ Новоселкахъ и мнѣ подать тройку, часа черезъ два,—вы позволяете, Вѣра?..

Василиса и Кондратій на одно мгновеніе какъ будто обомлѣли, не понимая всего смысла словъ Печерина; но потомъ оба радостно бросились къ Вѣрѣ цѣловать ея руки.

— Слава тебѣ, Господи!—повторяла Василиса...

— Богъ даетъ намъ другую Марью Михайловну,—сказалъ Кондратій Печерину. Вѣра могла только плакать, обнимая Василису, и поцѣловала старика Кондратія.

— Гдѣ баронъ?—спросилъ Печеринъ.

— Въ часовнѣ,—отвѣчалъ Кондратій.—Онъ съ кладбища прошелъ туда.

— Вы займете теперь комнаты, гдѣ вы останавливались съ вашей матушкой,—сказалъ Печеринъ, обращаясь къ Вѣрѣ.—Мы туда пройдемъ вмѣстѣ. Кондратій, распорядись насчетъ подставы,

а ты, Василиса, попроси барона къ Вѣрѣ Степановнѣ, когда онъ выйдетъ изъ часовни.

XVIII.

— Еще рано смотрѣть въ эту сторону,—сказалъ Вальдбахъ сидѣвшей у окна Вѣрѣ.—Какъ бы скоро ни покончилъ онъ дѣломъ въ городѣ и какъ бы скоро ни ѣхалъ сюда, прежде четвертаго или пятаго часа онъ быть не можетъ, а теперь только половина третьяго.

— Меня тревожитъ мысль,—отвѣчала Вѣра,—что онъ могъ не застать моего отца въ городѣ. Хотя онъ и сказалъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ рано утромъ будетъ на хуторахъ, но оттуда до Бѣлорѣцка около двадцати верстъ, — и эти двадцать верстъ ему придется проѣхать на обратномъ пути.

— По моимъ соображеніямъ, Печеринъ долженъ застать вашего отца въ городѣ.

— Дай Богъ; но я не смѣю надѣяться.

— Я, наоборотъ, не только надѣюсь, но даже скажу, что въ томъ увѣренъ.

— Но почему? вѣдь вы знаете, что мой отецъ вчера былъ намѣренъ переѣхать на хутора.

— Я могъ бы на это сказать: его переѣздъ мнѣ представляется невѣроятнымъ безъ васъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ; безъ васъ онъ долженъ былъ бы или ѣхать въ Липки, или ждать оттуда вѣстей. Но моя увѣренность имѣетъ еще другое основаніе. Все, что съ вами и даже съ нами тремя вчера приключилось, — продолжалъ Вальдбахъ, — до того имѣетъ на себѣ печать предопредѣленія судьбы, то-есть воли Провидѣнія, что и на нынѣшнемъ днѣ она должна непремѣнно обозначиться. Все мелочное этой печати не свойственно. Изъ-за чего, напримѣръ, васъ лихорадочно тревожатъ какихъ-нибудь три часа лишнихъ, если по существу рѣшеніе главнаго вопроса отъ того не измѣнится? А касательно этого вопроса я никакого сомнѣнія имѣть не могу. Я бы не говорилъ съ вами въ эту минуту, у этого окна, еслибы онъ могъ быть рѣшенъ двояко.

Вѣра нѣсколько медлила отвѣтомъ, какъ бы проводя въ собственныхъ мысляхъ нить мыслей Вальдбаха, потомъ сказала:

— Признаюсь, и я надѣюсь вмѣстѣ съ вами. Вчерашній день былъ для меня до того неожиданъ, все, что со мною случилось, мнѣ теперь кажется такою милостью свыше, что я себя

невольно спрашиваю, не сонъ ли это — весьма счастливый, и боюсь пробужденія.

— Къ счастью для васъ, Вѣра Степановна,—отвѣчалъ, улыбаясь, Вальдбахъ,—я вижу на яву то самое, что̀ вамъ можетъ казаться сномъ, а потому не могу опасаться пробужденія. Но, признаюсь и я,—я самъ едва вѣрю тому, что̀ на моихъ глазахъ происходитъ. Впрочемъ я давно знаю, когда происходитъ что-нибудь такое, что̀ имѣетъ рѣшающее значеніе въ жизни человѣка, то всегда непостижимое нѣчто заставляетъ совпадать одно съ другимъ самыя разнородныя обстоятельства, и даже второстепеннымъ случайностямъ невольно придается значеніе. Напримѣръ, я весьма могъ бы не пріѣхать съ Печеринымъ, а между тѣмъ вы оба вчера признавали мое присутствіе для себя чрезвычайно важнымъ, хотя бы потому, что, говоря о моемъ внезапномъ появленіи здѣсь, будутъ менѣе толковать о вашей встрѣчѣ...

Въ это мгновеніе Вѣра быстро встала и дрожащей рукой оперлась на окно.

— Это онъ!—едва внятнымъ голосомъ проговорила она.

Вальдбахъ также всталъ.

— Я, однако, ничего не вижу,—сказалъ онъ,—а мои глаза еще надежны.

— Тамъ, тамъ, между деревьями, промелькнула тройка, — сказала Вѣра.

— Пожалуй, вы правы,—замѣтилъ послѣ краткаго молчанія Вальдбахъ.—Я слышу топотъ лошадей.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и на полномъ скаку покрытыхъ пѣною лошадей тройка Печерина примчалась къ подъѣзду.

Вѣра бросилась къ верхней площадкѣ лѣстницы, которая вела во второй этажъ дома. За нею послѣдовалъ Вальдбахъ.

Печеринъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, крѣпко обнялъ Вѣру, поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Теперь вы—моя признанная невѣста. Я вамъ привезъ нѣсколько словъ отъ вашего отца.

Поддерживая одною рукой пошатнувшуюся отъ волненія Вѣру, Печеринъ протянулъ другую руку Вальдбаху и, обращаясь къ нему, добавилъ:

— Все улажено; отецъ согласенъ, и дня черезъ два самъ будетъ въ Липки.

Въ Бѣлорѣцкѣ никто не узналъ ни о запоздаломъ пріѣздѣ Суздальцевыхъ, ни о случайной встрѣчѣ въ Черномъ Борѣ. Печеринъ разсказалъ о томъ одному Сербину, котораго онъ дѣй-

ствительно нашелъ въ Бѣлорѣцкѣ; объясненіе съ нимъ Печерина было значительно облегчено самою г-жею Криленко. Еще Болотинъ сообщилъ Печерину, что наканунѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія о загадочной отсрочкѣ пріѣзда Сербина, Прасковья Семеновна сама поспѣшила въ Бѣлорѣцкъ, опередила возвращавшагося туда камердинера Алексѣя, узнала какимъ-то образомъ о томъ, что Вѣра внезапно уѣхала въ Липки и обрушилась на Степана Петровича градомъ упрековъ насчетъ его слабости къ дочери и укоризненныхъ выраженій насчетъ самой Вѣры. Напрасно Сербинъ пытался ее увѣрить, что Вѣра съ его вѣдома воспользовалась приглашеніемъ Суздальцевыхъ. Г-жа Криленко продолжала осыпать Степана Петровича язвительными укоризнами, а потомъ, въ присутствіи Болотина, стала требовать, чтобы Сербинъ немедленно переѣхалъ на хутора и прервалъ сношенія съ самовольно покинувшею его дочерью. Въ пылу гнѣва и опасеній насчетъ послѣдствій колебаній Сербина, Прасковья Семеновна не замѣчала, что и онъ постепенно переходилъ въ состояніе страстнаго раздраженія. Наконецъ въ немъ оборвалась послѣдняя нить самообладанія. Онъ задержалъ Болотина, который хотѣлъ уклониться отъ присутствія при такой сценѣ, и въ свою очередь осыпалъ Прасковью Семеновну упреками, тѣмъ болѣе обидными, что они касались ея денежныхъ дѣлъ. Разрывъ былъ полный, и когда г-жа Криленко объявила Сербину, что впредь ея нога не будетъ въ его домѣ, онъ отвѣчалъ ей предложеніемъ послать за Подгорѣльскимъ: пусть онъ проводитъ ее до хуторовъ...

Печеринъ и Вѣра проѣхали въ Липки чрезъ Васильевское, чтобы на пути поклониться могилѣ доброй Анны Ѳедоровны и побесѣдовать съ отцомъ Пименомъ. Въ Липкахъ Суздальцевы встрѣтили ихъ на крыльцѣ своего дома. Марья Ивановна съ выраженіемъ искренней радости на лицѣ расцѣловала Вѣру и въ порывѣ добраго чувства обняла Печерина.

— Припомните,—сказалъ ей Печеринъ,—слова, которыми вы меня однажды напутствовали. Вы тогда отдали Вѣру подъ защиту бѣдной Марьи Михайловны.

X. Z.

ТИПЪ ФАУСТА

въ

МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ОЧЕРКИ.

II *).

Вторая половина XVIII-го вѣка въ Германіи представляетъ, въ міровой литературѣ, явленіе рѣдкое, если не исключительное. Это было какъ бы всестороннимъ обновленіемъ умовъ, первою попыткой изслѣдовать различныя области, которыхъ до тѣхъ поръ мало касались; пробить новые пути усиливались преимущественно въ области критики, философіи и поэзіи. По особенно счастливой случайности, нашлись вожаки на всѣхъ этихъ путяхъ. Въ критикѣ—Гердеръ и Лессингъ; въ философіи—Кантъ и Фихте; въ поэзіи—Шиллеръ и Гёте. Но каждое изъ этихъ именъ мы находимъ, впрочемъ, и въ другихъ названныхъ областяхъ. Державшіяся дотолѣ теоріи замѣняются широкими обобщеніями, основанными на изслѣдованіи смежныхъ сферъ мысли. Пытливость и склонность къ отвлеченности, свойственныя германскому народу, нашли въ концѣ XVIII-го вѣка полнѣйшее свое выраженіе. Этому времени умозрѣнія и многосторонняго изслѣдованія принадлежатъ замыселъ и первоначальная форма Гётева „Фауста“. И борьба, и

*) См. выше: іюль, 89 стр.

побѣда, и завоеваніе совершались тогда въ сферѣ мысли: тутъ разрѣшались всѣ сомнѣнія; сюда, за неимѣніемъ политической жизни и широкаго общественнаго поприща, спасались лучшіе умы, основывая царство мысли, ютясь въ области чистыхъ идеаловъ: *универсальности*—въ смыслѣ многосторонняго знанія и всеобъемлющаго пониманія; *космополитизма*—въ смыслѣ широкаго духовнаго общенія между народами; *гуманизма*—не только въ смыслѣ любви къ ближнему, но прежде всего всесторонняго личнаго совершенствованія, въ которомъ коренится исполненіе нравственныхъ обязанностей; тѣхъ идеаловъ, значеніемъ которыхъ все болѣе и болѣе проникается современная жизнь.

Ни въ комъ эта всесторонность не отразилась съ такой полнотой, какъ въ Гёте. Нѣтъ произведенія, выразившаго съ такой силой идеалъ личнаго совершенствованія, какъ его „Фаустъ“. „Фаустъ“ громко заявилъ коренное право разумнаго существа на свободу мысли и изслѣдованія, впервые формулировалъ въ символѣ высокій идеалъ мыслителя.

Преданіе о Фаустѣ коренится во времени реформаціи. Не въ одной Германіи XVIII-й вѣкъ былъ продолженіемъ XVI-го. Принципъ, лежавшій въ основаніи новой духовной жизни, получилъ высшее свое выраженіе въ концѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху, представлявшую такъ много сходства со временемъ реформаціи.

Пытливость, пробудившаяся во время возрожденія, въ XVIII-мъ вѣкѣ продолжаетъ начатое на пути анализа, старается подвести итоги, даетъ цѣлыя системы тамъ, гдѣ XVI-й вѣкъ сдѣлалъ первыя попытки.

Кантъ, основатель спекулятивной критики, и Фихте совершили въ философіи революцію, посредствомъ провозглашеннаго ими субъективнаго идеализма, который стремится обнять мыслью видимый міръ и силою разума слиться съ нимъ. Такъ и въ „Фаустѣ“ мы видимъ стремленіе согласовать въ себѣ міръ идеаловъ съ міромъ видимымъ, субъективное влеченіе и изслѣдованіе, умозрѣніе и опытъ. Кантъ впервые высказалъ въ философіи мысль, что человѣкъ самъ себѣ долженъ быть цѣлью и закономъ: цѣлью—въ смыслѣ свободы и совершенствованія; закономъ — въ смыслѣ нравственнаго долга, и что для того, чтобы познать истину, человѣкъ прежде всего долженъ быть правдивъ и вѣренъ самъ себѣ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Kritik der Urtheilskraft) онъ старается указать на единство общаго и частнаго.

Говоря о Гаманнѣ, Гёте однажды высказалъ мысль: „Всякое произведеніе должно быть результатомъ совокупныхъ силъ человѣка; все одиночное, разрушенное, никуда не годится“. Эта мысль

вполнѣ примѣнима и къ „Фаусту“, являющемуся намъ въ одинаковой мѣрѣ плодомъ поэтическаго творчества и философской мысли. Развѣ Фаустъ, какъ типъ, въ стремленіи своемъ воплотить въ себѣ человѣчество, сдѣлаться микрокосмомъ, не служитъ олицетвореніемъ современныхъ философскихъ стремленій?

Возникавшій тогда въ Германіи пантеизмъ въ ученіяхъ Фихте, который на нѣкоторое время впалъ въ него путемъ своего трансцендентальнаго идеализма, а впослѣдствіи, въ натурфилософіи ученика его Шеллинга, оставилъ глубокіе слѣды въ современной Гёте романтической школѣ, отдавшей ей одинаково широкую дань въ своихъ теоріяхъ, какъ и произведеніяхъ, съ субъективнымъ произволомъ истолковывавшей и примѣнявшей ученія мыслителей. Но не было ни одного крупнаго произведенія, въ которомъ пантеизмъ высказался бы такъ ярко, какъ въ „Фаустѣ“.

О Гёте вообще говорятъ, что онъ не любилъ философіи, и это вѣрно въ смыслѣ отвлеченныхъ формулъ, но при свойственной ему многосторонности и воспріимчивости онъ не могъ не подчиниться вліянію новыхъ философскихъ идей. Шиллеръ считалъ счастьемъ жить въ великое время возникновенія ихъ, а Гёте, познакомившись съ „Kritik der Urtheilskraft“ Канта, сказалъ, что обязанъ ему радостной эпохой своей жизни. Отдавъ, согласно съ господствовавшей тогда философіей Юма, дань эмпирическому знанію, Кантъ указалъ на грань, до которой можетъ идти разумъ, отдѣливъ отъ міра явленій ту область, которая лежитъ внѣ философской спекуляціи: въ самую сущность явленій (Ding an sich) человѣкъ проникнуть не можетъ.

Міровая скорбь Фауста заключается въ томъ, что онъ тщетно силится перешагнуть черезъ эту грань. Онъ не только хочетъ узнать высь и глубь жизни, онъ горестно восклицаетъ: „о, еслибы мнѣ познать самую сущность того, чѣмъ зиждется міръ!“ Мефистофелю онъ жалуется: „напрасно скопилъ я всѣ сокровища знанія; отъ безконечнаго я такъ же далекъ, какъ и прежде“. Мефистофель отвѣчаетъ ему: „вѣрь, обнять цѣлое дано только Божеству“. Но когда Фаустъ въ отчаяніи хочетъ отказаться отъ науки, какъ отъ вещи безполезной, Мефистофель насмѣшливо говоритъ ему вслѣдъ: „Презри разумъ и науку, величайшую силу человѣка, и ты будешь моимъ безвозвратно“.

Въ тщетномъ исканіи абсолютнаго заключается глубокій трагизмъ „Фауста“ и міровое его значеніе. Удѣлъ человѣчества — духъ изслѣдованія и пытливость, при сознаніи границъ человѣческаго пониманія.

Нравственный законъ Канта (kategorischer Imperativ) выра-

женъ во второмъ прологѣ: „хорошій человѣкъ въ глубинѣ души сознаетъ добро и истину“. Но—„человѣку свойственно заблуждаться, пока онъ ищетъ истину“. Слова Мефистофеля къ ученику: „самому тебѣ страшно будетъ твоего богоподобія“, и къ Фаусту: „обнять *цѣлое* свойственно только Божеству“—должны внушать умѣренность и мудрое ограниченіе желаній. Лессингъ ставилъ исканіе истины выше самой истины. Въ самомъ замыслѣ, какъ и въ подробностяхъ исполненія, слышатся современныя вѣянія. Фаустъ вызываетъ духа земли; онъ съ нетерпѣніемъ и непосредственно хочетъ схватить ту сущность явленій, которая, являясь только въ умозрѣніи, занимала умы мыслителей; этотъ процессъ мышленія Шеллингъ формулировалъ въ выраженіи: „интеллектуальное созерцаніе“ (intellectuelle Anschauung). Въ отвѣтѣ духа слышится вліяніе ученія Канта—невозможность познать эту сущность. Покушеніе Фауста на самоубійство не есть трусость человѣка, который не въ силахъ продолжать борьбу съ жизнью: это скорѣе стремленіе мыслителя, ради полнаго познанія, перешагнуть черезъ грань, поставленную всему живому. Словами: „суха теорія, но дерево жизни блещетъ цвѣтами“, отмѣченъ переходъ отъ умозрѣнія къ опыту. Заключивъ договоръ, Фаустъ хочетъ познакомиться съ жизнью. Слова: „дай мнѣ утолить жаръ страсти въ глубинѣ чувственныхъ наслажденій“, дали, можетъ быть, преувеличенное выраженіе внутреннему перевороту въ Фаустѣ, такъ какъ въ сущности Фаустъ не перестаетъ быть идеалистомъ, но только, заключая въ болѣе тѣсныя рамки прежнюю безпредѣльность своихъ стремленій, направляетъ ихъ на болѣе опредѣленныя цѣли. Въ страсти и чувственности Фаустъ, идеалистъ и мыслитель, видитъ средство къ частичному познанію той истины, которая въ *цѣльности* своей не дается ему; той эмпиріи, совокупность которой Мефистофель насмѣшливо называетъ микрокосмомъ.

Знаменательно то, что первая часть „Фауста“ совпадаетъ со временемъ тѣсной дружбы между Шиллеромъ и Гёте. Оба поэта, въ самобытныхъ, своеобразныхъ формахъ творчества, являются представителями идеализма и реализма, но, благодаря геніальности ихъ и многостороннему развитію духовныхъ силъ, ни одинъ изъ нихъ не впалъ въ крайности; напротивъ, каждый въ зрѣлые годы подходилъ къ примиренію этихъ началъ. Шиллеръ теоретически отдалъ дань поэзіи наивной или античной, въ ущербъ рефлексіи, господствующей въ новой поэзіи; въ позднѣйшихъ произведеніяхъ своихъ онъ отрѣшился отъ бурнаго паѳоса юности. Драмами „Тассо“ и „Ифигенія“, самыми идеальными произведеніями Гёте, отмѣчено и время его полнаго поэтическаго развитія.

Два пролога характеризуютъ двоякое направленіе „Фауста“: первый, подражаніе прологу въ индійской драмѣ „Сакунтала“, носитъ чисто мірской характеръ; второй, заимствованный по формѣ изъ средневѣковыхъ мистерій, а по мысли изъ книги Іова, служитъ выраженіемъ высокаго идеализма. Мы уже видѣли, какъ относился Гёте къ избранному мотиву, какъ колебался въ выборѣ способа развить свою мысль. Внутренній переворотъ въ Фаустѣ особенно занималъ его. Раньше былъ упомянутъ планъ академическаго диспута, въ которомъ Мефистофель хвалитъ странствующую жизнь, какъ источникъ знанія и опыта, въ противоположность Фаусту, отстаивающему силу умозрѣнія. Гёте, въ письмѣ къ Шиллеру, называетъ этотъ пропускъ пробѣломъ въ произведеніи; вѣроятно, оставляя этотъ пробѣлъ, онъ руководился мыслью, что научный вопросъ объ отношеніи спекулятивной мысли къ эмпирическому знанію плохо поддается поэтической формѣ.

„Фаустъ“, тянувшійся чрезъ всю жизнь автора, долженъ былъ отразить многостороннія вліянія и направленія богатаго мыслью времени. Гёте, поэтъ объективный по преимуществу, если разсматривать форму, въ которую выливается у него мысль, являетъ то любопытное противорѣчіе, что по замыслу его произведенія крайне субъективны, такъ какъ поэтъ вложилъ въ нихъ не только личныя наблюденія, но еще болѣе результаты пережитаго мыслью и чувствомъ. Самъ Гёте говорилъ: „что я не пережилъ, о томъ я и не писалъ“. Самыя крупныя произведенія его, „Вильгельмъ Мейстеръ“ и „Фаустъ“, не что иное, какъ исторія духовной жизни и внутренняго совершенствованія путемъ опыта и науки. Едва ли можно указать на какое-нибудь изъ сочиненій Гёте, не имѣвшее повода въ дѣйствительной жизни. Субъективизмъ, провозглашенный философіей Фихте и нашедшій крайнее выраженіе въ поэтическомъ произволѣ романтической школы, составляетъ основу произведеній Гёте. Подъ знаменемъ „непосредственности“ *личность* уже раньше заявила себя въ періодъ „бурныхъ стремленій“. Именно къ этому періоду и относится замыселъ „Фауста“. Фантастичность и поэтическій произволъ объясняются не только изъ средневѣковаго источника драмы, но и изъ того времени, въ которое она была задумана авторомъ. О преданіи Гёте говорилъ: „оно пробудило всѣ струны души моей; и я углублялся въ науки и познаъ ничтожность достигаемаго результата“. Вотъ ключъ къ „Фаусту“.

Такимъ образомъ, время и личность автора одинаково наложили на него свой отпечатокъ. Произведеніе можетъ корениться

во времени, но можетъ пережить его, благодаря его правдивости, будетъ ли правда принадлежать къ области этики или къ сферѣ жизненныхъ явленій. „Фаустъ" — правда общая, такъ какъ разладъ и духовная борьба въ большей или меньшей мѣрѣ должны коснуться каждаго мыслящаго человѣка; этотъ разладъ обостряется въ извѣстные фазисы развитія, когда сильнѣе пробуждается сознаніе. „Фаустъ" представляетъ моментъ такого развитія въ исторіи народовъ и въ то же время служитъ зеркаломъ, гдѣ узнаетъ себя всякій пытливый умъ. „Фаустъ" — крикъ души надъ суетностью нашихъ усилій. Это — трагедія человѣческой мысли, облеченная въ форму поэтическаго произведенія; жажда Бога и истины — въ борьбѣ съ невѣріемъ и естествомъ, которое скрывается отъ глазъ нашихъ. Это тотъ вѣчный дуализмъ человѣческаго духа, который Гёте образно выразилъ въ стихотвореніи „Пѣснь духовъ надъ водами": „душа человѣка подобна волнѣ; съ неба сошла она, къ небу возносится и, вѣчно мятежная, падаетъ вновь, чтобы вновь возноситься" и т. д. „Вѣтеръ волною играетъ, вѣтеръ бурно вздымаетъ ее. О, судьба человѣка, подобна ты вѣтру! Ты, душа человѣка, подобна волнѣ".

„Фаустъ" находится на рубежѣ между двумя вѣками, многозначительно заканчивая предыдущій, знаменательно начиная последующій. Уже во второй половинѣ XVIII-го вѣка началось то движеніе умовъ, которое, съ нѣкоторыми колебаніями и перерывами, нашло полное свое выраженіе въ нашемъ вѣкѣ. Гёте, бывшій вожакомъ въ литературѣ, крайне отзывчивый на всѣ явленія и потребности современной жизни въ области мысли, въ эпоху критики и умозрѣнія первый одухотворилъ сагу, давъ ей значеніе общечеловѣческаго символа и тотъ глубокій философскій смыслъ, благодаря которому человѣкъ XIX-го вѣка, съ своими многосторонними стремленіями, узнаетъ себя въ Фаустѣ. Преданіе было отмѣчено богословскимъ направленіемъ: кара небесная постигаетъ того, кто изъ-за земныхъ благъ отказывается отъ небеснаго достоянія. Фаустъ и здѣсь — ученый и мыслитель, но мотивъ — знаніе, какъ средство для удовлетворенія тщеславія и ради матеріальныхъ выгодъ — поверхностенъ. У Гёте стремленіе къ власти, превышающей удѣлъ человѣка, есть безкорыстное стремленіе мыслителя; въ его „Фаустѣ" слышимъ страстный протестъ противъ буквы, исканіе живого, плодотворнаго знанія; видимъ неутолимую жажду чувствомъ и мыслью обнять весь многообразный міръ явленій и согласовать опытъ съ высшими требованіями духа. Преданіе только дало ему ярко характеризованныхъ дѣйствующихъ лицъ и главные моменты дѣйствія, представляя въ то же время для

подробностей исполненія выгоду фантастическаго полумрака средневѣковой легенды.

Универсальностью пониманія и опыта обусловливается въ „Фаустѣ“ многообразность произведенія. Ею Гёте хотѣлъ замѣнить ту цѣльность и органическую связь, недостатокъ которыхъ сознавалъ самъ.

Погребъ Ауэрбаха и прогулка съ Вагнеромъ должны были показать, какъ легко и беззаботно живетъ толпа. „Мало остроумія и много самодовольства“, вотъ отличительный признакъ ея. Первая, т.-е. сцена въ погребѣ, по грубости тона, напоминаетъ юношей „періода бурныхъ стремленій“, съ ихъ подчасъ напускною необузданностью, нашедшей сильное выраженіе въ „Разбойникахъ“ Шиллера. Вальпургіева ночь напоминаетъ по фантастичности и грубости деталей нѣкоторыя обработки преданія, драматизированныя для народа.

Не касаюсь ни слишкомъ хорошо извѣстной фабулы, ни внѣшней формы и художественной оцѣнки произведенія: не онѣ дали Фаусту то почти каноническое значеніе, которымъ онъ такъ давно пользуется не въ одной Германіи. Отбрасываю все, что̀ не находится въ прямомъ отношеніи къ философской мысли: въ ней кроется притягательная сила произведенія. Нѣмецкіе философы узнавали себя въ Фаустѣ. Гегель назвалъ ее философской трагедіей въ абсолютномъ смыслѣ; Шеллингъ — неизсякаемымъ источникомъ вдохновенія.

Постараюсь отмѣтить главные моменты, въ которыхъ заключается мысль драмы, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о тѣхъ главныхъ лицахъ, которыя, группируясь въ дѣйствіи около Фауста, ярче обрисовываютъ типъ: говорю о Вагнерѣ, ученикѣ, Гретхенъ и Мефистофелѣ.

Вагнеръ—представитель той безплодной, сухой учености, къ которой Фаустъ питаетъ такое отвращеніе. Это—узкій филистеръ, который въ наукѣ видитъ только средство къ пропитанію да источникъ уваженія согражданъ. Въ сценѣ прогулки за городомъ почтительные поклоны гуляющихъ заставляютъ его наивно высказать Фаусту, что онъ считаетъ выгоднымъ для себя быть въ его обществѣ. Требованія его относительно науки не велики: онъ довольствуется скопленіемъ научнаго хлама, не понимая, чего можетъ искать въ немъ пламенная душа Фауста.

Въ ученикѣ Фаустъ, еслибы авторъ задумалъ соединить ихъ въ одной сценѣ, узналъ бы самого себя въ ту раннюю пору молодости, когда наука является окруженной таинственнымъ нимбомъ, и человѣку кажется, что сто̀итъ только покорить ее, и

она скажетъ всѣ свои тайны. Разладъ и борьба еще не коснулись души его, развѣ та несложная борьба, которая состоитъ въ выборѣ между усидчивымъ трудомъ и требованіями юнаго организма, жаждущаго движенія и свѣта, веселья и радости.

Личность Гретхенъ имѣетъ много поклонниковъ и толкователей въ различныхъ областяхъ искусства, но нерѣдко озадачиваетъ читателей. Соотвѣтствуетъ ли она женскому идеалу Гёте? Хотя извѣстно, что Гёте не разъ увлекался подобными Гретхенъ, но все-таки нужно замѣтить, что единственная женщина, которая съумѣла внушить ему многолѣтнюю привязанность и которая имѣла на него положительное вліяніе, г-жа Штейнъ, была высоко образована. Она одна была связана съ Гёте духовнымъ общеніемъ. Казалось бы, что вѣрнѣйшій критеріумъ въ подобныхъ случаяхъ—жизнь самого автора.

Гретхенъ принадлежитъ времени идиллики въ Германіи, времени Доротей, Луизъ (Фосса) и др.; г-жа Сталь замѣчала, что любовь нѣмцевъ къ идилліи имѣетъ теоретическое основаніе; она находитъ его въ связи съ тою субъективностью, съ тѣмъ отсутствіемъ условныхъ формъ, которыя господствуютъ въ ихъ поэзіи. Такъ у романтиковъ, возведшихъ субъективность до теоріи, идиллика является уже искусственной и вычурной, но имѣющей философское основаніе.

Не менѣе объясняется это направленіе влеченіемъ къ непосредственности у людей, измученныхъ рефлексіей, влеченіемъ къ природѣ и безъискусственности—человѣка, утомленнаго утонченными проявленіями культуры.

Какъ горожане стремятся къ сельской жизни съ жадностью, незнакомой человѣку, живущему среди природы; какъ общества отъ крайностей изысканнаго быта стараются вернуться къ природѣ, хотя бы во внѣшнихъ, условныхъ формахъ—о чемъ свидѣтельствуетъ пастушеская идиллика, которой плѣнялись преимущественно въ высшихъ слояхъ общества, кавалеры въ парикахъ и дамы въ фижмахъ, —такъ и Фаустъ отдыхаетъ на непосредственности Гретхенъ: она для него—голосъ изъ ушедшаго невозвратно времени безмятежности и вѣры. Но человѣкъ, вкусившій ту болѣе полную жизнь, которую даетъ мысль, не можетъ найти абсолютнаго удовлетворенія въ непосредственности: та же мысль, которая заѣдаетъ его, есть для него и первое условіе жизни. Фаустъ любитъ Грехтенъ, но она ему не подруга, и это губитъ ее. Въ отношеніяхъ Фауста къ ней мы видимъ одинъ изъ многихъ пробѣловъ произведенія, которые приходится пополнять воображеніемъ.

Мефистофель у Гёте—демократъ временъ революціи. Это не дьяволъ въ его народномъ представленіи, не мрачный демонъ, не мятежный Люциферъ, не скорбный Аббадонна; это — постоянно вѣрный себѣ духъ отрицанія, разъѣдающая иронія котораго не признаетъ высшихъ началъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни боязни или уваженія предъ чѣмъ бы то ни было; это—нивеллирующее начало, которое въ виду величія только иронизируетъ. Лицемѣріе, какъ дань, невольно отдаваемая добродѣтели, чуждо ему.

Благоговѣніе въ извѣстной мѣрѣ свойственно всему человѣчеству; презрѣніе нравственной чистоты или величія рѣдко искренно, и тогда бываетъ послѣдствіемъ глубокой испорченности или временной разнузданности. Потому Мефистофель, т.-е. „не любящій свѣта“, какъ представитель зла, является вполнѣ цѣльнымъ и современнымъ типомъ.

У него нѣтъ тѣхъ внѣшнихъ аттрибутовъ, которые могли бы внушить къ нему опасеніе; свѣтская находчивость, остроумная насмѣшливость, всегда готовая тамъ, гдѣ приходится отдать дань превосходству,—вотъ отличительные признаки его. Къ добродѣтели и пороку онъ относится безразлично, потому что проявленіе добра онъ можетъ объяснить только низкими мотивами. „Я отрицаю все, и это моя сущность“,—говоритъ онъ Фаусту. Въ сценѣ „лѣсъ и пещера“, Фаустъ, проникнутый чувствомъ космической таинственности, съ благоговѣніемъ благодаритъ Творца за высокое наслажденіе, которое онъ нашелъ въ общеніи съ природой. Въ эту минуту мысль о Мефистофелѣ сливается въ его умѣ съ грустнымъ опытомъ, который напоминаетъ ему, что на землѣ нѣтъ чистыхъ радостей, что ко всему хорошему примѣшивается частица зла или пошлости. Появленіемъ своимъ Мефистофель оправдываетъ слова Фауста. „Неземное удовольствіе, — говоритъ онъ, — ночью лежать на сырой землѣ, мыслью обнимать небо и землю и, натужась, перечувствовать въ груди всѣ шесть дней творенія!“ Онъ хвалится, что излечилъ Фауста отъ пустой игры воображенія, но самъ вынужденъ сознаться Фаусту, что онъ— „частица той силы, которая, желая зла, творитъ добро“. Во второмъ прологѣ находится та же мысль.—Духъ свѣта говоритъ Мефистофелю: „слабъ человѣкъ; онъ часто засыпаетъ, стремясь къ покою; потому дамъ безпокойнаго я спутника ему; пусть вѣчно дѣйствуетъ и къ дѣлу возбуждаетъ. А вы, сыны небесъ и рая, пусть вѣчно радуетъ васъ красота святая, и ко всему, что̀ есть и будетъ вновь, пусть проникаетъ васъ священная любовь! А все неясное, вводящее въ сомнѣнье, да утверждаетъ въ васъ благое Провидѣнье!“ Послѣднія строки говорятъ о вдохновенной

любви ко всему святому и прекрасному. Но духъ отрицанія не знаетъ вдохновенія. Мысль сдѣлать принципъ зла двигателемъ добра на землѣ заставила одного изъ толкователей Фауста, Шубарта, назвать драму теодицеей, сравнивая ее съ извѣстнымъ сочиненіемъ Лейбница, гдѣ философъ-оптимистъ пытается доказать не только совершенство мірозданія, но и неизбѣжность зла на землѣ, въ видахъ блага человѣчества. Этотъ оптимизмъ высказался и въ извѣстныхъ словахъ: и „человѣкъ во тьмѣ идетъ порою, но истину въ душѣ предвидитъ онъ“.

Такимъ образомъ, въ прологѣ ясно выражена господствующая мысль произведенія: торжество человѣка, честно и неусыпно стремящагося къ совершенствованію. Въ этомъ мотивѣ, повторяющемся и въ концѣ 2-й части, заключена драма какъ въ кольцѣ, обхватывающемъ всю разрозненность и поэтическую пестроту содержанія. Хоръ ангеловъ, возносясь съ душой Фауста, поетъ: „Спасенъ высокій духъ отъ власти зла! Кто твердо къ истинѣ стремится, того спасти мы можемъ“.

Въ первомъ монологѣ Фаустъ, исчисливъ науки, жалуется, что онѣ не дали ему ничего положительнаго. „И вижу все, что не дало намъ знанье, изныла грудь отъ жгучаго страданья. О, еслибы познать мнѣ тайну бытія, найти живую суть на мѣсто словъ пустыхъ!“ Видъ всѣхъ внѣшнихъ принадлежностей науки, книгъ, стклянокъ и приборовъ, наводитъ на него тоску. „И вотъ твой міръ! Вотъ что̀ ты называешь міромъ!“ — восклицаетъ онъ. — „Еще-ль не ясно, почему изныла грудь твоя тоской и жизни ты не радъ? Живую природу ты промѣнялъ на тлѣнъ и хламъ. Бѣги скорѣй туда, на волю!“ Фаустъ хочетъ сбросить всякую условность и непосредственно изъ природы черпать бодрость духа и знаніе. Книга Нострадама должна быть ему путеводителемъ. Онъ смотритъ на изображеніе макрокосма и въ восторгѣ приводитъ слова учителя: „міръ духовъ отъ тебя не замкнутъ, но чувства твои тупы и сердце остыло“. Въ живомъ общеніи съ природой долженъ онъ обновить свое существо. „Когда природа тебя наставитъ на путь, духъ твой будетъ полонъ силъ. Сухое мышленье не объяснитъ тебѣ священныхъ знаковъ“. Онъ разсматриваетъ изображеніе. „Какъ въ цѣломъ части всѣ, послушною толпою, сливаясь здѣсь, творятъ, живутъ одна другою! Какъ стройно все звучитъ въ гармоніи чудесной!“ Онъ заглянулъ въ лабораторію природы, но увы! въ живомъ обмѣнѣ силъ онъ видитъ только зрѣлище; но гдѣ источникъ жизни, гдѣ то животворящее начало, безъ котораго сила не дѣйствительна? Фаустъ видитъ это начало въ духѣ земли; теперь духъ можетъ говорить съ духомъ, теперь

воспрянетъ душа его. Цѣною жизни готовъ онъ заплатить за счастье узрѣть его. Не есть ли это видѣніе высшая жизнь, вѣчный источникъ тѣхъ мимолетныхъ явленій, къ которымъ относится и человѣческое существованіе? Но Фаустъ не можетъ вынести видѣнія. Что-жъ онъ увидѣлъ? Божество? Нѣтъ, лишь стихійныя явленія, служащія ему одеждой.

„Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія, я подымаюсь, я опускаюсь. Смерть и рожденье, вѣчное море; жизнь и движенье въ вѣчномъ просторѣ. Такъ на станкѣ проходящихъ вѣсовъ тку я живую одежду боговъ".

Фаустъ: „Ты область бытія, пространство обнимаешь, о дѣятельный духъ, какъ близокъ я тебѣ!" *Духъ*: „ты близокъ тому, кого можешь постигнуть, — не мнѣ". Если въ этой сценѣ можно видѣть выраженіе пантеизма Гёте, то послѣднія слова составляютъ самое задушевное „credo" его. Въ современной философіи пантеизмъ принимается различно; каждый мыслитель придаетъ ему другой оттѣнокъ. Въ основаніи пантеизма Гёте лежитъ спиритуализмъ и стремленіе къ живому воспринятію явленій; этимъ онъ рѣзко отличается отъ восточнаго пантеизма съ его идеаломъ бездѣйствія и уничтоженія личности въ спокойномъ созерцаніи.

Приходъ Вагнера заставляетъ Фауста вернуться къ дѣйствительности. Вагнеръ думаетъ, что Фаустъ декламируетъ и хочетъ поучиться у него краснорѣчію. „Если будете говорить съ убѣжденіемъ, слова придутъ сами, — замѣчаетъ Фаустъ, — и вы повліяете на слушателей безъ большого искусства". Вагнеръ жалуется, что искусство безгранично, а жизнь коротка; на полупути къ цѣли смерть можетъ постигнуть учащагося. Фаустъ иронически спрашиваетъ: неужели для него въ сухомъ пергаментѣ бьетъ живой ключъ знанія? „Повѣрь, въ душѣ твоей источникъ утѣшенья",—прибавляетъ онъ. Въ сценѣ прогулки онъ указываетъ на относительное значеніе фактическаго знанія словами: „Что̀ нужно намъ, того, увы! не знаемъ мы; а что̀ знаемъ, въ томъ не нуждаемся". Въ этой же сценѣ Фаустъ предается очарованію весенней природы; онъ сочувствуетъ толпѣ, сбросившей городскія оковы и веселящейся въ сознаніи: „здѣсь я человѣкъ, здѣсь имѣю право быть имъ". Фаустъ жаждетъ природы, онъ отдается благотворному дѣйствію ея, но она даетъ ему не одно физическое удовольствіе, не только эстетическое наслажденіе красками и формами,—это прежде всего болѣзненное желаніе отдыха и непосредственности со стороны человѣка, утомленнаго мыслью и условностью общественныхъ формъ. Эта нота постоянно звучитъ въ новой поэзіи. Жалоба на то, что „духъ

окрыленъ мыслью, но плоть приковываетъ человѣка къ землѣ", и желаніе: „о, еслибъ мнѣ на крыльяхъ вознестись"—встрѣчаются и въ предшественникѣ „Фауста" по идеѣ, въ „Вертерѣ", вздыхающемъ, что не можетъ „на крыльяхъ журавля нестись за море". Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: „Но каждому свойственно возноситься чувствами и стремиться въ невѣдомую даль, когда въ небесной лазури звучитъ пѣснь жаворонка, иль ширококрылый орелъ паритъ надъ темнымъ боромъ, или журавль надъ водами, надъ равнинами несется къ родинѣ", высказывается связь между явленіями природы и порывами души, ищущей въ нихъ откровенія. Этотъ спиритуалистическій взглядъ, незнакомый древнему міру, нашедшій одностороннее и условное выраженіе въ средневѣковой лирикѣ, является господствующимъ тономъ у лириковъ XIX вѣка. Но чувство это—не средневѣковое отрѣшеніе отъ земли. „Двѣ души живутъ въ груди моей: одна органически связана съ землей и силою чувственности цѣпляется за нее, другая паритъ въ области небесныхъ духовъ".

Человѣкъ культуры, вкусившій жизнь мысли, не можетъ вполнѣ и надолго предаться стихійной жизни и найти въ ней удовлетвореніе.

Фаустъ опять въ своемъ кабинетѣ. Онъ съ радостью возвращается къ научнымъ занятіямъ, наполнявшимъ дотолѣ его существованіе; тихій миръ нисходитъ на душу его и новыя надежды служатъ залогомъ новыхъ пріобрѣтеній. Торжественное настроеніе охватываетъ его; онъ отдается ему въ одиночествѣ своей кельи, сознавая, что настроеніе его чуждо толпѣ, „которая глумится надъ тѣмъ, чего не понимаетъ, и находитъ тягостнымъ высокое и прекрасное, когда достиженіе его требуетъ усилій".

Снова Фаустъ испытываетъ связанный съ изслѣдованіями ученаго гнетъ сомнѣній. Онъ ищетъ успокоенія въ св. писаніи, но и тутъ, истолковывая тексты, теряется въ метафизическихъ изысканіяхъ сущности явленій. „Въ началѣ было слово" не удовлетворяетъ его. *Слово*, *мысль*, *сила*—вотъ та градація, по которой онъ проходитъ, чтобы остановиться на *дѣлѣ*, т.-е. на силѣ дѣятельной, въ которой суждено ему самому видѣть послѣ долгаго исканія высшій идеалъ человѣка.

Является Мефистофель. Фаустъ спрашиваетъ его: кто онъ? Мефистофель сперва насмѣшливо отвѣчаетъ, что вопросъ этотъ недостоинъ человѣка, который пренебрегаетъ словомъ, чтобъ искать сущности; потомъ называетъ себя духомъ отрицанія, частицей той силы, которая, желая зла, творитъ добро. На замѣчаніе Фауста, что Мефистофель, называющій себя частицей, является

ему какъ цѣльный индивидуумъ, Мефистофель отвѣчаетъ, что только человѣку свойственно смотрѣть на себя и на мірокъ свой какъ на нѣчто цѣльное и какъ на центръ всего творенія. Онъ же — часть того мрака, которому суждено бороться со свѣтомъ и, надѣется онъ, торжествовать надъ нимъ; онъ — духъ разрушенія, который съ помощью разнузданныхъ стихійныхъ силъ старается уничтожить жизнь и гармонію мірозданія, но пока — напрасно. Фаустъ, исполненный благоговѣнія къ животворящей силѣ, созидающей вселенную, высказываетъ презрѣніе къ его попыткамъ. Услышавъ, что и Мефистофель подчиняется законамъ ада, онъ шутливо хочетъ подчинить его себѣ посредствомъ договора. Мефистофель обѣщаетъ дать ему въ одинъ часъ болѣе, чѣмъ онъ испытывалъ въ цѣлый годъ жизни, погружаетъ его въ сонъ и вереницей сновидѣній пробуждаетъ въ немъ чувственность.

Тутъ слѣдуетъ въ драмѣ видимый пробѣлъ, впрочемъ легко восполняемый воображеніемъ. Вторично является Мефистофель, но уже въ томъ видѣ, въ которомъ намѣренъ быть товарищемъ Фауста. „Ты долженъ познать жизнь", — говоритъ онъ ему. — Мефистофелю удалось пробудить чувственность въ Фаустѣ, который жалуется, что умѣренность и лишенія — удѣлъ человѣка. „Дни исполнены лишеній, а ночи—тяжелыхъ сновъ; духъ критики и анализа отравляетъ не только радости жизни, но и самое ожиданіе ихъ". „Идея божества,—говоритъ онъ въ отчаяніи,— которую я лелѣю въ груди моей, можетъ волновать и вдохновлять меня, но подчинить себѣ внѣшній міръ не можетъ. Вездѣ немощь и обманъ, но хуже всякаго обмана — самомнѣнье человѣка и терпѣливыя, безплодныя надежды его". Хоръ невидимыхъ духовъ поетъ: „Горе тебѣ, разбившему прекрасный міръ! Создай его снова въ сердцѣ своемъ! Возстань, ободрись и вернись къ жизни вновь". Энтузіазмъ Гёте и жизнерадостность его, всегда бравшіе верхъ надъ всѣми невзгодами и сомнѣніями, нашли здѣсь поэтическое выраженіе.—Мефистофель истолковываетъ совѣтъ хора въ смыслѣ дѣятельнаго участія въ земныхъ радостяхъ; онъ хочетъ вырвать Фауста изъ одиночества, гдѣ тупѣетъ мысль и стынетъ кровь. „Перестань играть съ тоской, терзающей тебя. Вернись къ людямъ; и послѣдній въ толпѣ, какъ человѣкъ, близокъ тебѣ".

Гёте часто упрекали въ аристократизмѣ, и подъ старость не безъ основанія; но то, что можно отнести къ его личности и его исключительному положенію, непримѣнимо къ его произведеніямъ. Духъ касты и сословные предразсудки нашли въ немъ плохого представителя; онъ вникаетъ въ душевное состояніе и

мелкіе интересы любого бюргера съ интересомъ, достойнымъ представителя современной литературы. Общительность его натуры нашла подобное выраженіе въ эпиграммѣ „Ипохондрикъ“: „Я искалъ одиночества, хотѣлъ удалиться отъ людей, сильно надоѣвшихъ мнѣ; но какъ мило показалось лицо перваго встрѣтившагося мнѣ человѣка!“

Мефистофель обязывается быть его путеводителемъ и служить ему *здѣсь*, если Фаустъ соглашается заплатить ему *тамъ*. — Фаустъ: „Не крушусь о томъ, что будетъ тамъ; если удастся тебѣ разрушить міръ, въ которомъ коренится мое существованіе, пускай возникнетъ новый міръ! Здѣсь, на землѣ, живутъ мои желанія; здѣсь солнце свѣтитъ на муки моей души; до того, что̀ ждетъ въ заоблачныхъ сферахъ, мнѣ дѣла нѣтъ!“

Неужели такъ говоритъ идеалистъ Фаустъ, терявшійся мыслью въ заоблачныхъ высяхъ, помышлявшій о самоубійствѣ, чтобы проникнуть въ нихъ?—Такъ говоритъ голосъ отчаянія, идущаго далѣе цѣли. Въ области жизненныхъ явленій хочетъ Фаустъ найти залогъ того, чего жаждетъ душа его. Но удовлетворить его — не во власти Мефистофеля, и потому онъ не боится заклада съ нимъ. Ничтожны въ его глазахъ тѣ блага, которыя обѣщаетъ ему Мефистофель. „Что̀ можешь дать ты, жалкій бѣсъ? Можешь ли постигнуть гордыя стремленія человѣческаго духа? Когда я въ довольствѣ опущусь на ложе, чтобы предаться покою; когда тебѣ удастся чувственными наслажденіями обольстить меня, тогда знай, что насталъ мой послѣдній часъ! Когда воскликну я: мгновенье, ты прекрасно, продлись, постой!—тогда готовь мнѣ цѣпи, тогда пусть ждутъ меня гибель и разрушеніе!“ Мефистофель обѣщаетъ доставить ему съ избыткомъ земныя блага.—Фаустъ. „Пойми, не радостей я жду; хочу броситься въ вихрь страстей, испить до дна чашу наслажденій съ горькимъ осадкомъ ея; узнать любовь и ненависть, и негодованіе, облегчающее сердце; хочу мыслью обнять и высь, и глубь жизни, проникнуться до глубины души всѣмъ, что̀ составляетъ удѣлъ человѣчества, все раздѣлить съ нимъ и погибнуть въ общемъ крушеніи“. Въ широкомъ общеніи съ человѣчествомъ, въ многообразности жизненныхъ явленій, Фаустъ надѣется найти то духовное начало, ту живую сущность, которыхъ онъ напрасно искалъ въ умозрѣніи.

Фаусту не удалось перешагнуть чрезъ предѣлъ, отдѣляющій конечное отъ безконечнаго; но, вѣрный титанической стремительности своей, онъ, по крайней мѣрѣ, хочетъ быть всеобъемлющимъ въ предѣлахъ всего земного, полнымъ, типичнымъ представителемъ человѣчества, напоминая этимъ изреченіе самого Гёте:

„Только человѣчество, въ своей совокупности, даетъ законченный образъ человѣка". Мефистофель указываетъ на суетность человѣческихъ усилій и ограниченность того, что̀ достигается ими. Фаустъ сознается въ справедливости словъ его и безцѣльности человѣческихъ познаній; той нравственной силы, которой онъ искалъ въ нихъ, онъ не нашелъ, и „безконечное отъ него такъ же далеко, какъ и прежде". Мефистофель, этотъ двойникъ Фауста, олицетворяющій его сомнѣнія, глумится надъ умозрительнымъ направленіемъ, сравнивая его съ безплодною степью, по которой бредетъ человѣкъ, не замѣчая прекрасныхъ пажитей, лежащихъ вблизи.

Вся эта сцена, заключающая въ себѣ вмѣстѣ съ монологами главную сущность „трагедіи души", заставляетъ ожидать многаго въ дальнѣйшемъ развитіи драмы. Какихъ богатыхъ картинъ общественной жизни обѣщаетъ она! Какой просторъ для анализа душевной жизни героя! Что̀ же находимъ мы въ 1-й части? Кромѣ сцены въ погребѣ Ауэрбаха, не менѣе грубой и довольно безсодержательной по мысли сцены у вѣдьмы, — эпизодъ любви и восхожденіе на Брокенъ, во время котораго Фаустъ стремится вверхъ, Мефистофель влечетъ его внизъ. Фаустъ надѣется на вершинѣ горы найти разгадку многаго, что̀ непонятно на землѣ, увидѣть зло въ его полномъ проявленіи; такимъ образомъ мысль—сдѣлать изъ видѣннаго Фаустомъ зла стимулъ къ добру—только намѣчена. Не касаюсь интермеццо, помѣщеннаго въ концѣ 1-й части, такъ какъ оно представляетъ только игру воображенія и съ главною мыслью общаго не имѣетъ. Въ сценѣ съ ученикомъ сказалось то отрицательное отношеніе къ наукамъ и насмѣшка надъ ихъ неположительностью, которыя были уже намѣчены въ первомъ монологѣ Фауста и въ лицѣ Мефистофеля находятъ усиленное, саркастическое выраженіе.

Слова Мефистофеля въ началѣ сцены: „презри разумъ и науку, высшіе дары человѣка, и ты мой безвозвратно"—слова знаменательныя, придающія идеальной стремительности въ человѣкѣ бо̀льшее значеніе, чѣмъ самому знанію. Нашлись даже комментаторы, которые въ этихъ словахъ хотѣли видѣть главную мысль драмы. Слова, сказанныя Мефистофелемъ вслѣдъ ученику, служатъ продолженіемъ того, что̀ онъ говорилъ Фаусту объ ограниченности человѣческихъ способностей: „познаешь зло и добро и устрашишься своего богоподобія". Но тутъ и глубокій пессимизмъ, относящійся къ горечи житейскаго опыта не менѣе, чѣмъ къ области научнаго знанія. Мефистофель, убѣжденный въ скептицизмѣ Фауста въ наукахъ, разсчитываетъ довести его до

гибели полнымъ разочарованіемъ и въ радостяхъ жизни. Въ преданіи и раннихъ его обработкахъ человѣкъ гибнетъ оттого, что поставилъ земныя блага выше небесныхъ; въ періодъ „бурныхъ стремленій" горечь жизни и тяжелый опытъ доводятъ его до гибели. Гёте начинаетъ „Вертеромъ", и подобнымъ Вертеру мотивомъ въ „Фаустѣ" періодъ той разочарованности, которой Байронъ далъ самое сильное поэтическое выраженіе: Фаустъ внесетъ въ міръ чувственный ту же жажду и стремительность, которыя не нашли удовлетворенія въ наукѣ, но ничтожество жизни должно истомить его. Тутъ типъ Донъ-Жуана идетъ рука объ руку съ Гамлетомъ, познавшимъ, „какъ суетны, мелки и безполезны всѣ интересы жизни". Мефистофель въ одной сценѣ называетъ Фауста неземнымъ (übersinnlich), но чувственнымъ любовникомъ, этимъ указывая на двойственность Фауста: его идеализмъ, но и временное увлеченіе чувствъ. Въ послѣднихъ словахъ монолога „Лѣсъ и Пещера", прекрасно характеризующаго поэтическій пантеизмъ Гёте, звучитъ байронизмъ: „огонь страстныхъ желаній тушу въ наслажденіи, но среди наслажденій томлюсь желаніемъ". Что этому мотиву не могло быть отведено большое мѣсто въ драмѣ, слѣдуетъ изъ гармонической натуры Гёте, равно какъ изъ глубины созданнаго имъ типа. Разочарованность является только одной изъ тѣхъ преградъ къ достиженію внутренней гармоніи, торжество надъ которыми составляетъ главную мысль 2-й части.

Насколько соотвѣтствуетъ 2-я часть „Фауста" ожиданіямъ, возбужденнымъ 1-й частью?

Не вдаваясь въ подробный, видимо исчерпанный, но въ окончательной формѣ невозможный разборъ 2-й части, въ которой произволъ автора далъ просторъ и произволу комментаторовъ, ограничусь руководящими идеями, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть развитіе главной мысли 1-й части и цѣль драмы вообще.

Если уже въ 1-й части мы видѣли поэтическую пестроту и недостатокъ стройнаго единства, особенности, обусловливаемыя безпредѣльностью предмета не менѣе, чѣмъ временемъ поэтическаго произвола, господствовавшимъ въ Германіи наряду съ изощреніями спекуляціи и метафизическими утонченностями,—то самое умозрѣніе у Гёте облекалось въ живые образы, произволъ дышалъ юною мощью, а полное отрѣшеніе отъ условныхъ формъ носилъ характеръ величія. Но поэтъ трудился надъ „Фаустомъ" подъ различными вѣяніями современной жизни. Слишкомъ четверть столѣтія отдѣляетъ появленіе 2-й части отъ появленія первой. Гёте, упрекавшій нѣмецкую философію въ томъ, что она

все болѣе и болѣе вдается въ отвлеченность, подъ старость впадаетъ въ недостатки романтической школы съ ея туманностью, съ ея символами и аллегоріями. Во 2-й части мы теряемся въ массѣ видимо несвязанныхъ фактовъ, въ лабиринтѣ темныхъ мыслей; отвлеченныя понятія и тенденціозная ученость заняли мѣсто прежней объективности. Фаустъ потерялъ индивидуальность, Мефистофель сдѣлался орудіемъ въ рукахъ автора. Въ 1-й части Гёте—мыслящій поэтъ; во 2-й—ученый и мыслитель, облекающій научные и философскіе выводы въ форму символовъ и аллегорій. Но какова бы ни была, въ поэтическомъ отношеніи, неудовлетворительность 2-й части, вызвавшей столько продолженій и дополненій,—въ философскомъ она необходима. Безъ нея 1-я часть утратила бы часть своего значенія, являясь только мощной, но недосказанной мыслью, геніально поставленной задачей—не болѣе; 2-я же, несмотря на недостатки выполненія, осуществила замыселъ поэта. Она не только спеціализируетъ положенія 1-й, но даетъ и окончательный выводъ изъ нихъ. 1-я часть представляетъ борьбу и подготовку героя въ сферѣ отвлеченнаго мышленія; 2-я—ясно сознанную цѣль и торжество этическаго начала на полѣ практической дѣятельности. Послѣдовательность, которой нѣтъ въ отдѣльныхъ сценахъ, нужно искать въ основной мысли произведенія; внутренняя жизнь и дѣятельность героя даютъ ему то единство, котораго недостаетъ въ драматическомъ развитіи. Было уже говорено, что многообъемность содержанія обусловливается стремленіями героя; что философская трагедія, поставившая себѣ задачей выразить духовное обогащеніе и развитіе человѣка путемъ знанія и опыта, не можетъ имѣть того единства, котораго мы требуемъ отъ драмы, представляющей развитіе одной страсти, преслѣдованіе одного интереса и конфликты, вытекающіе изъ этого положенія. Подобныя „Фаусту" произведенія, въ которыхъ жизненный опытъ доводитъ человѣка до извѣстнаго міровоззрѣнія, обыкновенно носятъ характеръ поэтическаго произвола и разрозненности. Обширность кругозора и сумма идей, вошедшихъ въ составъ ихъ, мотивируютъ и ихъ особенности. Таковы „Парсиваль", романъ изъ временъ 30-ти-лѣтней войны „Симплиціусъ", наконецъ и „Вильгельмъ Мейстеръ".

Гёте самъ сознавалъ, что ему придется замѣнить качественное количественнымъ при развитіи мысли. Тотъ, который въ 1-й части хотѣлъ пріобщиться богатой жизни человѣчества, долженъ былъ во 2-й познакомиться съ нею, узнать ее въ разнообразныхъ проявленіяхъ ея, долженъ былъ дойти до сознанія, что слить идеалъ съ дѣйствительностью не дано человѣку, что между ними

можно только устроить компромиссъ. И такъ, развязка драмы—компромиссъ, не болѣе? Да, не болѣе, но компромиссъ этотъ совершается въ области этики и заключается въ благороднѣйшей формѣ человѣческаго существованія. Хотя неопредѣленность аллегоріи во многихъ мѣстахъ и допускаетъ нѣсколько толкованій, въ главномъ намѣреніи автора ошибиться нельзя. Но нужно оріентироваться и разобраться въ многообразномъ содержаніи, чтобы прослѣдить руководящую, часто теряющуюся въ подробностяхъ, мысль. Вторая часть не есть продуктъ свободнаго творчества; если уже первая является плодомъ многолѣтней мысли, то 2-я представляетъ, въ аллегорической формѣ, какъ бы конспектъ жизни автора, столь богатой и разнообразной. Цѣль Гёте—найти связь между наукой и поэзіей, умозрѣніемъ и дѣятельностью, короче—знаніе въ его примѣненіи къ дѣлу, оставила явные слѣды во 2-й части. Искренность словъ, сказанныхъ Фаустомъ Мефистофелю при договорѣ: „напряженіе всѣхъ силъ моихъ—вотъ то, что̀ обѣщаю", ярко выступаетъ въ ней. Слова: „только въ неусыпной дѣятельности сказывается человѣкъ" подтверждаются въ „profession de foi" стоящаго у цѣли героя: „только тотъ достоинъ жизни и свободы, кто каждодневно борется за нихъ". Въ гуманитарной дѣятельности Фаустъ нашелъ тотъ идеалъ жизни, который заставилъ его сказать: „остановись, мгновенье, ты прекрасно!" Мудрое отрѣшеніе отъ высокопарныхъ стремленій и примиреніе съ дѣйствительностью, вслѣдствіе исполненія каждодневныхъ обязанностей—вотъ послѣдній выводъ, получаемый изъ драмы. Фаустъ заканчиваетъ поприще практической дѣятельностью инженера или агронома. И только? Да, только. Но если во 2-й части Гёте и не вполнѣ рѣшилъ проблему, поставленную въ 1-й, полагая, что это рѣшеніе возможно; если мы въ этой массѣ эпизодовъ съ жадностью отыскиваемъ тотъ духовный идеалъ, къ которому стремился самъ поэтъ и который хотѣлъ воплотить въ Фаустѣ, и вмѣсто того полнаго отвѣта, который считали себя въ правѣ ждать, находимъ только намекъ,—то все-таки драгоцѣненъ этотъ намекъ, внушенный богатымъ опытомъ и глубокимъ знаніемъ жизни, ея правъ, но и ея требованій, ея высокихъ стремленій, но и необходимыхъ уступокъ. Много уступаетъ „Фаустъ", много уступаемъ и мы.

„На тысячѣ парусахъ стремится юноша въ открытое море. На скромной ладьѣ возвращается въ гавань старикъ", говоритъ эпиграмма Шиллера. Наврядъ ли удовлетворился бы Гёте этимъ намекомъ въ цвѣтущіе годы своего поприща; наврядъ ли удовлетворился бы и такимъ мелкимъ результатомъ въ дѣятельности „Фауста". Во всякомъ случаѣ, мысль слить личное совершенство-

ваніе съ общеполезной дѣятельностью является естественнымъ продолженіемъ 1-й части, гдѣ Фаустъ отъ отвлеченнаго мышленія переходитъ къ желанію общенія съ человѣчествомъ, равно какъ и достойнымъ развитіемъ нравственнаго идеала героя и самого поэта. Но, можетъ быть, поэтъ, сознавая, что личное совершенствованіе не выливается въ осязательную форму, пока герой остается изолированнымъ отъ общества мыслителемъ, показалъ намъ его дѣятельнымъ ради драматической законченности? Вѣдь самого Гёте называютъ эвдемоникомъ; его упрекали, что онъ преслѣдовалъ личные духовные интересы даже тогда, когда кругомъ его рушились троны и народъ стоналъ подъ игомъ Наполеона. И дѣйствительно, неутомимо стремясь къ всеобъемлющему знанію и пониманію, онъ, во время сильныхъ политическихъ переворотовъ, оставался безучастнымъ и предавался научнымъ изслѣдованіямъ и поэзіи, чтобы забыть о безотрадныхъ явленіяхъ современной политической жизни. Если его общественная дѣятельность, не столько обширная, сколько сложная, въ маленькомъ Веймарѣ, уже отчасти опровергаетъ это обвиненіе, то 2-я часть „Фауста" свидѣтельствуетъ о нравственныхъ убѣжденіяхъ престарѣлаго поэта. Изъ эвдемоника Фаустъ становится альтруистомъ. Мыслитель, дерзновенный титанъ, пытавшійся торжествовать надъ законами бытія, послѣ долгихъ исканій совершеннѣйшей формы этого бытія, отнимаетъ у моря клокъ земли, на которомъ селится трудолюбивый народъ, и передъ смертью восклицаетъ: „Слѣдъ земныхъ дней моихъ не пропадетъ во вѣки! Въ предчувствіи будущаго счастья наслаждаюсь прекраснѣйшей минутой моей жизни!" Такъ вотъ торжество человѣка, хотѣвшаго слиться съ міромъ, воплотить въ себѣ человѣчество, проникнуть въ область безконечнаго! Герой и поборникъ идеи, титанъ по мыслямъ и стремленіямъ становится скромнымъ практическимъ дѣятелемъ. Изолированный аристократъ мысли примѣшался къ толпѣ и сдѣлалъ ея нравственность своей нравственностью. Титанъ спустился съ высей человѣчества, сдѣлался звеномъ цѣлаго и нашелъ удовлетвореніе и успокоеніе въ обыденной жизни.

Выводъ, получаемый изъ „Фауста", мы находимъ и въ обширнѣйшемъ произведеніи Гёте, въ романѣ „Вильгельмъ Мейстеръ"; 2-я часть его также—плодъ старости и опыта; и въ этомъ произведеніи герой, послѣ долгихъ колебаній, оставляетъ область неопредѣленныхъ стремленій, чтобъ перейти въ сферу практическихъ обязанностей. Можно ли сомнѣваться, что поэтъ, помимо трудности формулировать въ поэтическомъ произведеніи философскій идеалъ свой, сознавалъ, что и въ жизни онъ можетъ вести въ

отвлеченности и эгоизму, и вслѣдствіе интимнаго убѣжденія закончилъ поприще „Фауста" гуманитарной дѣятельностью? Любопытно то, что таковъ и выводъ пресловутаго романа „Кандидъ", Вольтера. „Обработывать свой садикъ", вотъ самое благоразумное, что̀ можетъ сдѣлать отдѣльный человѣкъ, вотъ и самое вѣрное средство для всеобщаго преуспѣянія. Правда, скептическому Вольтеру, осмѣивавшему въ своемъ романѣ оптимизмъ и мечтательность, далеко было до высокаго полета мысли нѣмецкихъ классиковъ; но и этотъ скептикъ былъ борцомъ за идею; сфера дѣятельности у него у̀же, потому что основана на эгоизмѣ; она выше и шире у Гёте, потому что глубоко коренится не только въ многолѣтнемъ личномъ опытѣ, но и въ общественномъ нравственномъ идеалѣ.

Разсмотримъ по актамъ содержаніе 2-й части, въ отдѣльныхъ эпизодахъ представляющей болѣе сходства съ преданіемъ, чѣмъ 1-я, но, по мысли, едва ли не болѣе отличающейся отъ нея.

Первая сцена служитъ указаніемъ того, что̀ Фаустъ поставитъ себѣ цѣлью и дальнѣйшимъ развитіемъ мысли: „я—человѣкъ, мнѣ чуждъ покой". Послѣ потрясающаго эпизода съ Гретхенъ, Фаустъ ищетъ отдыха и забвенія во снѣ. Аріель и хоръ духовъ поютъ надъ нимъ: „невозвратно миновали и радость, и горе; настала новая заря, довѣрься ей! Не медли, ободрись и къ цѣли иди!" Фаустъ встаетъ, привѣтствуетъ юный день, льющій потоки свѣта на окружающую природу, и въ шумящемъ водопадѣ, съ его постояннымъ движеніемъ и яркими переливами, видитъ картину человѣческой жизни.

Въ слѣдующихъ сценахъ Фаустъ является совѣтникомъ и дѣятелемъ при дворѣ; замкнутый ученый чувствуетъ себя призваннымъ участвовать въ рѣшеніяхъ, могущихъ влiять на судьбу народа. Пребываніе Фауста при дворѣ обличаетъ взглядъ самого поэта на революцію, на низкія страсти толпы и на ослѣпленіе короля, забывающаго въ шумномъ весельѣ о бѣдствіяхъ народа. Фаустъ, успѣвшій дать королю доказательство своей власти, долженъ, по требованію его, вызвать Париса и Елену.

Мефистофель отказываетъ Фаусту въ своей помощи, говоря, что ему нѣтъ дѣла до міра языческаго, но онъ указываетъ ему на средство: спуститься къ *матерямъ*, хранительницамъ вѣчныхъ, но видоизмѣняющихся типовъ. Вотъ Фаустъ, посредствомъ магическаго ключа, врученнаго ему Мефистофелемъ, спускается въ область матерей (по другому толкованію: законовъ природы, изученіе которыхъ необходимо для воплощенія идеала) и представляетъ взорамъ удивленнаго двора юнаго Париса и прекрас-

нѣйшую изъ женщинъ, греческую Елену. При видѣ ея онъ самъ возгорается къ ней сильною любовью, но когда онъ хочетъ прикоснуться къ ней, слышится взрывъ, она исчезаетъ въ туманѣ, а онъ падаетъ безъ чувствъ. Обладаніе идеаломъ дается не вдругъ; оно можетъ быть только плодомъ постепеннаго развитія и гармоніи духовныхъ силъ.

Во 2-мъ актѣ, въ которомъ видятъ попытку Гёте слить положительную науку съ поэзіей, Фаустъ опять въ своемъ кабинетѣ; онъ оставилъ дворъ, преслѣдуя одну только цѣль—найти исчезнувшую Елену. Гёте въ Италіи проникся идеаломъ античной красоты и съ того времени поставилъ себѣ задачей гармонично сочетать въ своихъ произведеніяхъ идеалъ классической древности съ современными требованіями въ поэзіи. Весь этотъ актъ носитъ слѣды его занятій. Фаустъ, какъ и самъ поэтъ, предается наукѣ, которой нѣкоторое время пренебрегалъ, убѣдившись въ ограниченности ея средствъ. Гомункулъ, созданіе Вагнера, берется быть провожатымъ Фауста въ той области, гдѣ можетъ онъ найти Елену. Такъ копотливый трудъ ученаго служитъ дарованію средствомъ для достиженія цѣли. Генію суждено бываетъ пожинать тамъ, гдѣ сѣяла бездарность. На поляхъ Греціи, въ классической Вальпургіевой ночи, въ цѣломъ рядѣ символовъ поэтъ олицетворяетъ эволюцію греческой мысли и древняго искусства. Въ подземномъ царствѣ Фаустъ надѣется найти Елену. Ясновидящая Манто говоритъ ему: „люблю того, кто требуетъ невозможнаго“, и указываетъ ему путь къ Прозерпинѣ. Мыслитель долженъ изслѣдовать сокровеннѣйшія силы природы, чтобъ проникнуть въ область идеала. Опять передъ нами длинный рядъ лицъ и символовъ, представителей стихійныхъ силъ и ихъ научныхъ толкованій. Весьма характеристично для Гёте то обстоятельство, что онъ былъ искренно убѣжденнымъ нептунистомъ, не допуская, чтобъ въ природѣ, какъ и въ сферѣ духовныхъ интересовъ, что-либо значительное могло совершиться внезапно или порывисто, напротивъ, приписывая всякій прогрессъ медленной эволюціи.

Въ 3-емъ актѣ, который считаютъ перломъ 2-й части, видимъ Елену въ Спартѣ; она боится гнѣва Менелая и, слѣдуя совѣту Мефистофеля, ищетъ убѣжища у племени, поселившагося на сѣверѣ отъ Греціи. Мефистофель свидѣтельствуетъ о ихъ культурѣ, разумной силѣ и человѣчности общественныхъ началъ. Фаустъ въ своемъ готическомъ замкѣ торжественно встрѣчаетъ Елену, изумленную почетомъ, которымъ пользуется женщина у мнимыхъ варваровъ. Такъ, древняя греческая культура нашла

убѣжище и почетъ на юномъ сѣверѣ, полномъ свѣжихъ силъ и проникнутомъ новыми началами нравственности.

Мефистофель, уже во 2-мъ актѣ, на поляхъ Греціи преобразившійся въ Форкіаду, чадо Хаоса, какъ и онъ, сохраняетъ этотъ видъ въ продолженіе всего 3-го акта и только въ 4-мъ, когда дѣйствіе опять происходитъ на сѣверѣ, принимаетъ прежній видъ свой, согласно съ мѣстнымъ народнымъ представленіемъ о злѣ и безобразіи.

Союзъ между Фаустомъ и Еленой совершается въ Аркадіи, на греческой почвѣ, въ которой коренились идеалы самого поэта. Плодъ ихъ любви, Эвфоріонъ, олицетворяетъ и романтическую школу вообще, съ ея отсутствіемъ чувства мѣры и поэтической разнузданностью, и даровитѣйшаго представителя новаго направленія въ поэзіи, Байрона, съ его порывистой, стремительной страстностью и его преждевременнымъ концомъ. Эвфоріонъ гибнетъ, и Елена слѣдуетъ за нимъ въ Аидъ. Фаустъ, какъ и самъ поэтъ, не могъ удержать души эллинской поэзіи, но въ рукахъ у него остались покровы Елены, классическая форма, которая „хотя и не божество, но божественна“, форма, одухотворенная чувствомъ любящаго Фауста - Гёте, который, облекаясь въ нее какъ въ облако, возносится высоко надъ землею.

Четвертый актъ, по ходу внѣшнихъ событій, служитъ какъ-бы продолженіемъ перваго, во внутреннемъ же развитіи Фауста обозначаетъ новую ступень. Фаустъ изъ міра чувственнаго (въ концѣ 1-й части) перешелъ въ область науки и эстетики, но съ 4-го акта направляетъ свои усилія на общую пользу.

Фаустъ опять на родинѣ; около него Мефистофель; онъ хочетъ знать, какую цѣль теперь будетъ преслѣдовать неутомимый товарищъ, котораго онъ привыкъ считать своей жертвой; онъ начинаетъ опасаться, что бодрость духа и стремительность героя спасутъ его; потому онъ старается прельстить его воображеніе картиной могущества, почестей и связанной съ ними жизни, полной роскоши и нѣги. Фаустъ презрительно отзывается на его слова. Онъ сообщаетъ Мефистофелю планъ, по которому надѣется отнять у моря часть плодоноснаго берега, ежедневно потопляемаго волнами. Чтобъ пріобрѣсть поле дѣятельности, ему нужна власть, а потому онъ, по совѣту Мефистофеля, идетъ на помощь королю, противъ котораго возмутились подданные. Онъ вступаетъ въ борьбу съ разнузданной толпой, чтобъ потомъ бороться съ бурной стихіей. Побѣда остается за нимъ, и въ награду онъ назначается повелителемъ надъ приморскимъ берегомъ.

Пятый актъ. Задуманное Фаустомъ совершилось: морю по-

ставленъ предѣлъ; на отнятой у него землѣ селятся люди, а вырытые каналы служатъ воднымъ путемъ, по которому несутся нагруженные корабли и сообщаются народы. Но среди всеобщаго благоденствія пострадала идиллическая чета, Филемонъ и Бавкида, представители стараго времени и консервативныхъ наклонностей. Новаторъ Фаустъ, символъ человѣческаго прогресса, вѣрный историческому закону, пожертвовалъ интересами единицъ ради интересовъ массы. Злой умыселъ Мефистофеля, который долженъ былъ исполнить приказаніе Фауста миролюбивымъ способомъ, приготовилъ насильственный конецъ старикамъ. Но нарушеніе нравственнаго закона мститъ за себя: воспоминаніе о нихъ омрачаетъ торжество Фауста.—Къ Фаусту подступаютъ недуги старости; онъ окидываетъ взглядомъ свое прошлое: бурную молодость, искавшую удовлетворенія всѣхъ желаній; зрѣлые годы, проведенные въ погонѣ за всѣмъ, что казалось достойнымъ достиженія; и вотъ теперь, когда жизнь вошла въ тихую и ровную колею, онъ дошелъ до сознанія, что заглянуть въ область безконечнаго никогда не удастся человѣку, но на землѣ—широкое поприще для дѣятеля; въ исполненіи каждодневныхъ обязанностей заключается задача для того, кому минута не можетъ дать полнаго удовлетворенія. — Фаустъ, чувствуя, что срокъ его коротокъ, спѣшитъ докончить задуманное: нужно высушить болото, міазмы котораго губятъ все живое. Вновь работа закипѣла; но не та, которую задумалъ Фаустъ: то духи тьмы роютъ ему могилу подъ окнами его дворца. Ослѣпнувъ для дневного свѣта, но „храня тихій свѣтъ въ груди", онъ ухомъ слѣдитъ за мнимыми работниками, мысленно обозрѣваетъ благодѣтельныя слѣдствія предпріятія и, въ сознаніи принесенной пользы, восклицаетъ: „Вотъ послѣднее слово мудрости: только тотъ достоинъ жизни и свободы, кто постоянно борется за нихъ. Еслибы удалось мнѣ видѣть здѣсь свободныя и дѣятельныя поколѣнія, тогда сказалъ бы я: остановись, мгновеніе, ты прекрасно! Слѣдъ дней моихъ земныхъ не пропадетъ во вѣки! Предчувствуя высокое счастье, наслаждаюсь теперь прекраснѣйшей минутой моей жизни!" Онъ опускается въ изнеможеніи духи тьмы подхватываютъ его бездыханное тѣло и предаютъ его землѣ, которую онъ такъ горячо любилъ.

Въ послѣдней сценѣ, напоминающей и средневѣковыя мистеріи, и „Рай" Данте, ангелы возносятъ душу Фауста къ небесамъ. Мефистофель считаетъ его своимъ, но ангелы поютъ: „кто твердо къ истинѣ стремился, того спасти мы можемъ". Гретхенъ встрѣчаетъ возлюбленнаго, какъ нѣкогда Данте—Беатриче, и онъ слѣ-

дуетъ за той, которая должна посвятить его въ новую жизнь. Мистическій хоръ заканчиваетъ: „Все мимолетное есть только символъ; что было недоступно, здѣсь осуществляется; для чего не было словъ, здѣсь совершается; силою того, что вѣчно-женственно, мы возносимся къ небесамъ".

О пантеизмѣ Гёте говорятъ, что онъ сродни ученію неоплатониковъ. Фаустъ, какъ и самъ поэтъ, стремится къ гармоническому развитію своего существа и къ пониманію гармоніи въ природѣ, и заканчиваетъ поприще въ области этики. По ученію Платона, гармонія заключается въ правильномъ отношеніи между духомъ и матеріей, а пониманіе міровой гармоніи содѣйствуетъ восхожденію человѣка до божественнаго источника; въ жизни эта гармонія выражается въ нравственности.

Загадочныя матери, къ которымъ спускается Фаустъ, чтобы найти Елену, развѣ не напоминаютъ первоначальные типы или образцы, о которыхъ говоритъ греческій философъ? Этому ученію соотвѣтствуетъ и конецъ: „все мимолетное есть только символъ", и т. д.

Мистическое пониманіе любви, какъ верховнаго двигателя и высшей гармоніи, составляетъ одну изъ основныхъ идей „Божественной Комедіи"; но оно старше среднихъ вѣковъ. Эросъ въ древней космогоніи—сочетающая и скрѣпляющая сила мірозданія; духовному пониманію любви Платонъ поставилъ безсмертный памятникъ въ своемъ „Пирѣ". Мистическая любовь Фауста къ Еленѣ представляетъ сходство съ ученіемъ его о Прекрасномъ. По мнѣнію греческаго мудреца, Прекрасное есть совершенный образъ Истиннаго. Любовь есть влеченіе подобнаго къ подобному, души—къ красотѣ, божества въ насъ—къ божеству внѣ насъ. Вотъ то „вѣчно-женственное", возносящее насъ къ небесамъ.

Фаустъ говоритъ искушающему его Мефистофелю: „Наслажденіе опошляетъ человѣка". По ученію Платона, наслажденіе не есть конечная цѣль жизни; разумъ долженъ посвятить себя на служеніе знанію; знаніе есть условіе совершенствованія; потому наслажденіе не можетъ, а знаніе должно быть приписано богамъ. Полное знаніе недостижимо, но мы можемъ стремиться къ нему посредствомъ общенія съ Истиной, Красотой и Добромъ, земными отраженіями Божества. Искатель истины, Фаустъ, потерявши Елену, воплощеніе прекраснаго, посвящаетъ себя добру, и такимъ образомъ, восходитъ на послѣднюю ступень своего совершенствованія, чтобъ приблизиться къ Богу, суммѣ Добра, Красоты и Истины, согласно съ ученіемъ Платона.

Если это сходство съ ученіями древняго философа случайное, то оно объясняется общностью человѣческихъ идеаловъ. Вѣка идутъ за вѣками, человѣчество пользуется вкладомъ отжившихъ, но, стремясь впередъ на пути совершенствованія, часто забываетъ объ этомъ вкладѣ; когда же оглядывается на свое прошлое, то узнаетъ себя не только въ своихъ страстяхъ и немощахъ, но и въ тѣхъ же вѣчныхъ требованіяхъ человѣческаго духа, тѣхъ же вѣрованіяхъ и надеждахъ.

Умственная жизнь до XIX-го вѣка обыкновенно носитъ одинъ несложный характеръ. Не таковъ XIX-й вѣкъ: жизнь осложнилась, съ ней и мысль, и, наконецъ, тѣ формы, въ которыя выливается она.

„Фаустъ" Гёте знаменательно начинаетъ нашъ вѣкъ. Въ началѣ его романтическая школа, со своими многосторонними тенденціями, со всѣми заключающимися въ ней контрастами, дала литературѣ господствующее направленіе: хотя она не дала ни одного крупнаго, поэтически-законченнаго произведенія, вліяніе ея проникло во всѣ области мысли; вездѣ она сказалась возбуждающей силой, и ея вліянію подчинились даже тѣ, которые не признавали ея теорій и презрительно относились къ ея заблужденіямъ. Непреложнымъ фактомъ останется то, что она значительно расширила кругозоръ и дала возможность личности, отрѣшаясь отъ всякой условности, заявить себя въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Сама она, со всѣми своими противорѣчіями, глубоко коренящимися въ душѣ человѣка и объяснимыми въ искусствѣ только изъ богатой ассоціаціи идей, является любопытнымъ предметомъ того, что̀ Гегель формулировалъ подъ названіемъ „Феноменологіи духа".

Гегель провозгласилъ разумъ, какъ основу всего существующаго. Въ разумѣ онъ видитъ то абсолютное, которое Кантъ находилъ недоступнымъ уму. Въ разумѣ разрѣшаются противорѣчія между духомъ и матеріей, объективизмомъ и субъективизмомъ предшествующихъ мыслителей. Разумъ у него противополагается романтическому произволу, а историческая критика, возникшая на основаніи его системы, даетъ научнымъ теоріямъ новый базисъ. Что провозглашеніе разума, какъ высшаго принципа, могло повести къ разногласіямъ между толкователями Гегеля, легко понять. Отсюда тотъ любопытный въ исторіи философіи фактъ, что ученики философа дѣлятся на два противоположныхъ и враждебныхъ лагеря. Ученіе, возникшее на почвѣ абсолютнаго идеализма, довело нѣкоторыхъ до крайняго матеріализма.

Но скептицизмъ проникъ въ умы и другимъ путемъ. Послѣ

іюльской революціи, нашедшей въ Германіи сильный отголосокъ, отрицательное направленіе проникло и въ литературу.

Романтическая школа, съ своими средневѣковыми идеалами и консервативными тенденціями, сдѣлала свое время. Въ рукахъ „Юной Германіи“, представительницы новаго направленія, поэзія служитъ тѣмъ же цѣлямъ, какъ и публицистика. Литература, до тѣхъ поръ замкнутая въ сферѣ эстетическихъ интересовъ и отвлеченныхъ вопросовъ, выступаетъ впередъ и дѣлается органомъ общественнаго мнѣнія, а критика—орудіемъ въ борьбѣ партій. „Эмансипація плоти“, уже не разъ сказавшаяся въ жизни и во взглядахъ нѣкоторыхъ романтиковъ, громко провозглашается теперь во имя новыхъ началъ.

Такое состояніе умовъ должно было отразиться и на обработкахъ „Фауста“, относящихся къ этому времени. Скептицизмъ въ борьбѣ съ идеальными требованіями духа, міровая скорбь и эмансипація плоти нашли яркое выраженіе въ „Фаустѣ“ австрійскаго поэта Ленау, величайшаго изъ нѣмецкихъ элегиковъ.

„Фаустъ“ Гёте какъ-будто поглотилъ и уничтожилъ другія произведенія этого имени; дѣйствительно, Гёте, пользуясь преданіемъ, далъ ему такой глубокій смыслъ, затронулъ столько вопросовъ, вложилъ въ него такъ много современнаго, что прочія обработки блѣднѣютъ при сравненіи съ нимъ, и когда мы называемъ „Фауста“, то обыкновенно подразумѣваемъ „Фауста“ Гёте, сдѣлавшагося прототипомъ всѣхъ ихъ. Вслѣдствіе этого даже литературная критика привыкла относиться къ нимъ свысока. Однако нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ большую извѣстность. Первое мѣсто занимаетъ „Фаустъ“ Ленау, вышедшій въ 1836 году. По появленіи отдѣльныхъ сценъ его, онъ возбудилъ энтузіазмъ у многихъ современныхъ писателей; но отрывочность формы и недостатокъ драматическаго развитія впослѣдствіи сдѣлали критику несправедливой къ произведенію, носящему характеръ преимущественно лирическій и этимъ самымъ не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ, связаннымъ съ именемъ „Фауста“. Мрачность общаго колорита и яркость отдѣльныхъ картинъ, страстность и глубокая грусть, колебаніе между вѣрой и знаніемъ, духомъ и матеріей, грѣхомъ и раскаяніемъ, высокій лиризмъ и скептическія мудрствованія—вотъ тѣ контрасты, которые положили свой отпечатокъ на этого „Фауста“. Ими же отмѣчены многія современныя произведенія, въ которыхъ байронизмъ и позднѣйшая романтика слились въ одно. Романтическія теоріи, столь сложныя и многостороннія, пустили корни въ разныя стороны и дали въ разныхъ направленіяхъ результаты, имѣющіе

уже мало общаго между собой. Это любопытное явленіе напоминаетъ современную разноголосицу между толкователями Гегеля. Такъ, и въ области поэзіи можно бы указать между современными послѣдователями романтизма на догматиковъ-консерваторовъ и на пантеистовъ-скептиковъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ Ленау.

Безформенность, недостатокъ поэтической послѣдовательности, введенные произведеніемъ Гёте, отозвались на большинствѣ послѣгётевскихъ „Фаустовъ". Но у Гёте философскій замыселъ замѣняетъ внѣшнюю послѣдовательность, а психологическій анализъ—драматическое развитіе. У Ленау внѣшняя разрозненность соотвѣтствуетъ внутреннему разладу. Несмотря на ихъ различіе, оба произведенія характеризуютъ германскую поэзію и оба отличаются глубиною отвлеченной мысли. Но у Гёте эти особенности вылились въ классическое произведеніе, благодаря обще-человѣческому смыслу его, а Ленау не могъ выйти изъ сферы личнаго душевнаго разлада. Ленау понялъ, что „Фаустъ" представляетъ еще громадную нетронутую область; особенная прелесть сюжета заключается въ эластичности его, которая даетъ поэту достаточный просторъ и точку опоры.

У Ленау мало осталось отъ средневѣковаго преданія; современное глубокомысліе замѣнило ясность первоначальной фабулы. Мефистофель послужилъ поэту, по его собственнымъ словамъ, складочнымъ мѣстомъ для всего демоническаго, что̀ накопилось въ душѣ его. Если въ этомъ „Фаустѣ" мало психологическаго и еще меньше драматическаго развитія, то, по богатству мыслей и о̀бразовъ, по своеобразности выраженія, а часто и по глубинѣ лиризма, онъ представляетъ несомнѣнный интересъ. Потому намѣреваюсь подробнѣе передать содержаніе мало извѣстнаго у насъ произведенія.

Вступленіе. Путникъ, гонимый безпокойной мыслью, ищетъ успокоенія въ утреннемъ странствіи въ горахъ. Напрасно, говоритъ поэтъ, надѣешься ты уйти отъ томящихъ тебя сомнѣній; дольній туманъ настигнетъ тебя и здѣсь. Отдайся благотворному дѣйствію природы, но не пытайся угадать ея тайны. Удѣлъ смертныхъ—неудовлетворенное стремленіе, но внутренній голосъ да будетъ тебѣ залогомъ откровеній въ загробной жизни.

Фаустъ вопрошаетъ природу, надѣется въ отдѣльныхъ организмахъ найти общій законъ и смыслъ вселенной; но природа нѣма. Изъ долины долетаетъ до него церковное пѣніе. Состраданіе наполняетъ душу Фауста.—Въ пустынѣ жизни,—говоритъ онъ,—бѣдные путники ищутъ путеводителя, но гдѣ онъ? Молитесь, кляните, плачьте, никто васъ не услышитъ!—Онъ подни-

мается выше; у ногъ его грозовыя тучи, какъ символъ той духовной тьмы отъ которой онъ хочетъ освободиться. Камень срывается подъ его ногой и грозитъ увлечь его въ бездну; сильная рука охотника удерживаетъ его: угрюмо смотритъ онъ на Фауста и исчезаетъ за скалами.

Это краткое вступленіе имѣетъ общія черты съ „Манфредомъ" и съ Гётевскимъ „Фаустомъ". „Манфреда" напоминаетъ ландшафтная рамка, а церковное пѣніе можно бы считать заимствованнымъ у Гете, еслибы скептицизмъ, который оно вызываетъ въ душѣ Фауста, не представлялъ столь рѣзкой противоположности съ умиленіемъ, навѣваемымъ священными звуками на душу Гётевскаго Фауста.

Въ первой сценѣ мы видимъ Фауста и Вагнера въ анатомическомъ театрѣ. Фаустъ дошелъ до горестнаго сознанія, что трудъ ихъ безполезенъ. Чтò могутъ мертвые сказать живымъ? Вагнеръ, напротивъ, радуется пріобрѣтеннымъ познаніямъ; онъ сознаетъ, что они отъ цѣли еще далеко, но все-таки узнали многое; развѣ изслѣдовать функціи òргановъ не составляетъ торжество ученаго?—Фаустъ возражаетъ, что они увидѣли только то, чтò знали уже прежде. Онъ вспоминаетъ время, когда твердо надѣялся подслушать тайну жизни, но когда онъ потребовалъ плодовъ отъ дерева познанія, которое думалъ найти, онъ былъ обманутъ!—Входитъ Мефистофель подъ видомъ странствующаго схоласта.—„Корень этого древа,—говоритъ онъ, смѣясь,—называется мозговой железой въ твоемъ черепѣ. Прости за позднее посѣщеніе; я самъ врачую небезуспѣшно и люблю вдумываться въ законы жизни и судьбу человѣка".

Фаустъ. „О, роковое слово: судьба! Не она ли преслѣдуетъ человѣка отъ колыбели до могилы; не она ли надѣлила меня духовными силами, которымъ не нахожу исхода и назначеніе которыхъ мнѣ непонятно!.."

Мефистофель. „Ты скорбишь о томъ, что, пользуясь благами жизни и сознавая въ себѣ духовныя силы, ты не можешь заглянуть въ мастерскую, гдѣ все изготовляется. Знай, что духъ долженъ быть подобенъ господину, котораго подданные снабжаютъ всѣмъ нужнымъ; ему дѣла нѣтъ до того, откуда и какъ они все добываютъ. Но скажи, почему, обманутый наукой, ты разсѣкаешь этотъ трупъ?"

Фаустъ. „Тотъ, кто ищетъ потерянное, невольно возвращается къ тому мѣсту, гдѣ уже часто искалъ, хотя и напрасно. Наука ничтожна, я это знаю; но гдѣ искать мнѣ спасенія отъ мучительныхъ сомнѣній?"

Мефистофель. „Ты правъ; наука, которая упражняется надъ трупами, безплодна; но выслушай мое слово. Творецъ, окружившій тебя тьмой, глумясь надъ тобой, скрывается отъ твоихъ глазъ. Онъ—врагъ тебѣ; если хочешь заглянуть въ его тайны, возстань противъ него; преступи законъ, данный имъ людямъ, и заставь его въ гнѣвѣ своемъ явиться и отвѣчать тебѣ. Кто смиренно вѣритъ и ждетъ, тотъ не узнаетъ истины. Только смѣльчакъ, пренебрегшій законами, узнаетъ ихъ смыслъ. Дерзай, и избавишься отъ сомнѣній!"

Съ этими загадочными словами, намекомъ на предстоящій договоръ, Мефистофель исчезаетъ.

Договоръ. — Лѣсъ. Фаустъ погруженъ въ думы; обуреваемый сомнѣніями, онъ старается проникнуть въ глубь болѣзненно-томительныхъ вопросовъ, но шахта, откуда живымъ ключомъ бьетъ жизнь и даетъ отвѣтъ живому—закрыта. Надъ нимъ шелестятъ листья деревьевъ; вѣтеръ качаетъ и гнетъ ихъ верхушки и наполняетъ лѣсъ таинственнымъ шопотомъ. ...„Я смутно чувствую связь свою съ безконечнымъ началомъ, но не могу его постигнуть: подобно оковамъ, окутываетъ человѣка немощь его. Ужасенъ разладъ въ душѣ нашей, когда пытливый умъ поднимаетъ въ ней бурю и мятежъ, а внѣшній міръ, отъ котораго мы ждемъ отвѣта, нѣмъ, какъ могила".

Изъ чащи лѣса выходитъ монахъ. Онъ увѣщеваетъ Фауста не искать тамъ, гдѣ нельзя обрѣсти. Истина осѣняетъ только того, кто смиренно проситъ у Источника всякой благодати. „Только Божество можетъ открыть тебѣ тайну божественную. Оно должно жить въ тебѣ, чтобы служить тебѣ откровеніемъ".

Фаустъ истолковываетъ слова монаха въ смыслѣ пантеизма и возстаетъ противъ подобнаго воззрѣнія, отстаивая личность человѣка. „Если Божество въ то же время предметъ созерцанія, органъ зрѣнія и свѣтъ,—то оно видитъ только себя во мнѣ; я хочу сознавать себя, и только то знаніе, которымъ я обязанъ лично себѣ, можетъ удовлетворить меня; мысль, что священная волна, воздымаясь изъ океана вѣчности, поглотитъ меня какъ росинку, повисшую на травѣ у берега, противна мнѣ".

Монахъ указываетъ на церковь, какъ на вѣрный оплотъ противъ душевныхъ смутъ и нравственнаго одиночества. Въ братскомъ союзѣ вѣрующихъ человѣкъ находитъ утѣшеніе и защиту. Фаустъ возражаетъ, что толпа безсмысленна и немощна, и не можетъ обладать той мудростью, въ которой отказано отдѣльному человѣку. „Развѣ Божество,—говоритъ онъ въ порывѣ горькаго сарказма,—подобно пѣвцу, ждетъ многочисленнаго со-

бранія для того, чтобы пропѣть свою пѣснь? Уйди, монахъ, не томи меня долѣе!"—Фаустъ продолжаетъ размышлять объ отношеніи вселенной къ Творцу. „Отдѣлилась ли она отъ цѣлаго, какъ утраченная часть, или она—эманація, которой суждено опять слиться съ источникомъ? Иль изъ хаоса воспрянуло Божество, какъ цвѣтъ и плодъ борющихся стихій? Что̀ будущность міра?—теченіе въ долъ или стремленіе въ высь? Или міръ есть избытокъ, пѣнящійся перебродъ, который никогда не вернется къ источнику? Или бытіе есть расточительность богача, не замѣчающаго своихъ щедротъ? Когда я иду мимо кладбища и думаю о перемѣнахъ судьбы, игравшей съ усопшими, то мнѣ кажется, будто я заглянулъ въ опустѣвшій покой, гдѣ на столѣ послѣ игры остались карты. Любовь земная незнакома мнѣ; одну любовь позналъ я—безнадежную и вѣчно томительную—любовь къ истинѣ. Если къ небесамъ взываю напрасно, прибѣгну къ аду".

Съ этими словами, Фаустъ вынимаетъ книгу, лежавшую на груди его, и бросаетъ ее на землю; затѣмъ достаетъ свертокъ и читаетъ слова заклинанія. Является Мефистофель и напоминаетъ Фаусту, что нѣкогда спасъ ему жизнь. Фаустъ жалѣетъ, что не погибъ тогда. Мефистофель высказываетъ свою симпатію къ человѣку, который, увлекаемый идеей, пренебрегаетъ опасностями и презираетъ физическія страданія. На рукахъ Фауста еще остались кровавые слѣды его томительнаго странствованія; этой кровью онъ долженъ подписать договоръ съ Мефистофелемъ, если хочетъ найти возлюбленную — Veritas. Но онъ требуетъ, чтобъ Фаустъ прежде сжегъ книгу, которую хранилъ у себя. Фаустъ медлитъ исполнить его волю; вѣтеръ, шелестя листами книги, навѣваетъ на душу его умилительныя воспоминанія о томъ времени, когда страницы ея имѣли для Фауста священный смыслъ.

Мефистофель. „И молитвы твои были — вѣтеръ. Мужайся, оставь младенческіе помыслы; до младенчествующаго душой мнѣ дѣла нѣтъ. Брось листы въ огонь и пепломъ ихъ посыпь себѣ голову, въ знакъ покаянія за то, что тупоумно могъ вѣрить, будто истину, вѣчно мѣняющуюся, но вѣчно живую въ мимолетныхъ явленіяхъ, удалось заключить въ пергаментный переплетъ; стыдись, если мечталъ, что давно поблекшіе листы могутъ принести тебѣ плодъ,—листы, которые вмѣняютъ тебѣ въ обязанность любить Предвѣчнаго деспота".

Страненъ отвѣтъ скептическаго Фауста и плохо согласуется со всѣмъ предыдущимъ: „Трудно не любить Его, но знаніе моему сердцу еще милѣй". Онъ сжигаетъ Библію и окончательно отрекается отъ колеблющейся въ немъ вѣры. Онъ хочетъ всецѣло,

не взирая на смерть и вѣчную гибель, отдаться исканію истины. Мефистофель иронически говоритъ ему, что вѣрнѣйшимъ заключеніемъ договора было бы самоубійство Фауста, но жаль, когда человѣкъ, мало извѣдавшій жизненныя радости, умираетъ прежде времени. „Въ безплодныхъ мудрствованіяхъ провелъ ты вѣкъ свой; тебѣ незнакомы и любовь, и ненависть; все, что̀ волнуетъ человѣчество, вожделѣнныя радости и горести людей, до сихъ поръ были чужды тебѣ. Слушай же: не мнѣ принадлежитъ міръ, но я распоряжаюсь въ немъго сподиномъ; будь мнѣ товарищемъ, и я доставлю тебѣ все, что̀ цѣнится людьми: славу и могущество, богатство и почести; твоими будутъ истина и знаніе, но душа твоя будетъ принадлежать мнѣ по договору". Фаустъ подписываетъ.

Жилище Фауста. Другъ юности посѣщаетъ Фауста и, не заставъ его, разговариваетъ съ Вагнеромъ, который сообщаетъ посѣтителю о томъ, какъ измѣнился Фаустъ. Угрюмый и молчаливый, онъ оставилъ научныя занятія и предался тайнамъ магіи, куда Вагнеръ не можетъ слѣдовать за нимъ. Посѣтитель вспоминаетъ, какъ даровитъ и пылокъ былъ Фаустъ въ университетскіе годы въ Виттенбергѣ; какъ любилъ онъ побивать устарѣлыя и напыщенныя теоріи профессоровъ. Стремительный и бурный, онъ умомъ возносился къ небесамъ, но повинуясь благороднымъ порывамъ сердца, не задумываясь, брался за оружіе, когда этого требовала честь. Не могъ измѣниться такой человѣкъ: мрачное настроеніе его пройдетъ, и при видѣ стараго товарища радость должна вернуться въ его сердце. Вагнеръ выражаетъ сомнѣніе.

Входитъ Фаустъ и радушно привѣтствуетъ гостя. Другъ замѣчаетъ, какъ измѣнился Фаустъ. „Не удивляйся: я пилъ ядъ, ядъ жгучихъ, роковыхъ сомнѣній, и жизнь моя подкошена".

Другъ. „Ты долженъ стряхнуть съ себя тоску; живи съ живыми: полюби женщину—и познаешь величайшее блаженство; будь любимъ ею—и заглянешь въ небесную глубь безоблачнаго счастья; сдѣлайся отцомъ—и всѣ житейскія заботы покажутся тебѣ ничтожными; ибо что̀ можетъ уподобиться ласкамъ милаго существа, ввѣреннаго тебѣ Богомъ?"

Фаустъ. „Не могу я прижать невѣсты къ груди, терзаемой темными силами; женщина, которую я могъ бы любить, должна быть смиренна духомъ и вѣрить въ то, отъ чего я отрекся. Ты видишь странность этого противорѣчія. Нельзя привить цвѣтущую розу къ старому, гнилому дубу. Не хочу я и потомства: или ему быть наслѣдникомъ моихъ мученій? Оставь меня, другъ; я смотрю

на міръ, какъ на тѣсную, душную темницу; могу ли я связать другую жизнь съ моей?"

Другъ говоритъ ему о своей сестрѣ, сердечно преданной Фаусту съ раннихъ лѣтъ. Фаустъ отвѣчаетъ, что мановеніе недоступнаго ему счастья только удвоиваетъ его пытку. Онъ хочетъ уйти. Другъ бросается ему вслѣдъ. Является Мефистофель и наполняетъ домъ густымъ туманомъ, въ которомъ исчезаетъ Фаустъ.

Мефистофель одинъ—высказываетъ замѣченную имъ въ людяхъ особенность: когда ихъ постигаетъ горе, они легче отдаются чувственности, Теперь и Фаустъ въ страстныхъ увлеченіяхъ будетъ искать разсѣянія отъ тоскливыхъ воспоминаній. Если онъ начнетъ предаваться страсти безъ облагораживающей любви, онъ войдетъ въ пламенный кругъ, изъ котораго ему не выйти, какъ ни мечись. Тогда я сдѣлаюсь его властелиномъ, и, самъ отвергнутый, силою гибели и разрушенія почувствую себя вторымъ Творцомъ".

Деревенскій праздникъ. Мефистофель и Фаустъ примѣшиваются къ толпѣ; между танцующими Фаустъ видитъ дѣвушку, красота которой привлекаетъ его вниманіе; онъ выбираетъ ее и кружится съ ней подъ звуки скрипокъ. Мефистофель, смѣясь, говоритъ, что подъ такую музыку заснуть можно, самъ беретъ инструментъ, играетъ бойчѣе, быстрѣе; танцующіе, съ громкими возгласами и звонкимъ смѣхомъ, несутся и вертятся, и все закружилось въ неистовомъ, вакхическомъ весельѣ... Фаустъ возбуждаетъ негодованіе деревенскихъ парней, вступающихся за жениха, у котораго Фаустъ отнялъ невѣсту. Они бросаются на него, чтобы отомстить ему, но одно слово Фауста останавливаетъ ихъ: они стоятъ вокругъ него, какъ вкопанные.

Слѣдуетъ сцена, въ которой поэтъ видимо хотѣлъ отдать дань комическому элементу въ преданіи: черный пудель, сопровождавшій Фауста, обличаетъ переодѣтаго священника, примѣшавшагося къ толпѣ пирующихъ. Но господствующій тонъ пьесы—элегическій. Сарказмъ преобладаетъ въ слѣдующей затѣмъ сценѣ при дворѣ, гдѣ Мефистофель даетъ первому министру макіавеллическіе совѣты относительно умѣнья править народомъ. Консервативная Австрія стояла внѣ движенія, волновавшаго Германію въ 30-хъ годахъ; только изрѣдка въ поэзіи скрывается протестъ противъ анти-либеральнаго министерства Меттерниха. Сюда нужно отнести и упомянутую сцену, не имѣющую никакого отношенія къ личности героя.

„Эманципація плоти", провозглашаемая „юной Германіей", сказалась въ нѣсколькихъ эпизодахъ, гдѣ типъ Фауста подходитъ

къ типу Донъ-Жуана, съ той разницей, что Фаустъ тщетно усиливается заглушить голосъ совѣсти софизмами или новыми увлеченіями, между тѣмъ какъ Донъ-Жуанъ отдается злу беззаботно и не оглядываясь на прошлое. Женскіе характеры отличаются безцвѣтностью; сцены любви очерчены бѣгло и небрежно; вездѣ средоточіемъ служитъ душевное состояніе самого героя, который, не находя удовлетворенія въ отвлеченномъ мышленіи, ищетъ забвенія въ страсти, чтобы затѣмъ горько раскаиваться въ грѣховномъ увлеченіи.

Къ упомянутымъ эпизодамъ слѣдуетъ отнести двѣ довольно длинныя сцены: одну въ домѣ кузнеца, у котораго Фаустъ остановился на дорогѣ для отдыха, и другую при княжескомъ дворѣ. Въ первой Фаустъ старается внушить любовь молодой хозяйкѣ, но его останавливаетъ видъ нищей, просящей у двери кузницы хлѣба и пріюта. Онъ съ ужасомъ узнаетъ въ ней дѣвушку, которую на деревенскомъ праздникѣ отнялъ у жениха, вскакиваетъ на лошадь и уѣзжаетъ, сопровождаемый ея проклятіями. Мефистофель осыпаетъ его насмѣшками за тотъ восторгъ, который видъ этой дѣвушки когда-то возбудилъ въ Фаустѣ. Въ другой сценѣ онъ дѣлается живописцемъ для того, чтобы имѣть доступъ во дворецъ князя, дочь котораго плѣнила сердце Фауста. Онъ признается ей въ любви, чѣмъ навлекаетъ на себя гнѣвъ отца, и съ помощью Мефистофеля мститъ убійствомъ за нанесенное ему отцомъ оскорбленіе.

Вообще подобныя сцены менѣе всѣхъ удавались поэту.

Шествіе и *Вечерняя прогулка*. Темныя, грозовыя тучи висятъ надъ лѣсомъ. Полночь, но лѣсъ не спитъ: соловей будитъ природу; потоки тепла и благоуханія наполняютъ воздухъ; вездѣ вѣетъ жизнью и тихимъ счастьемъ. Фаустъ задумчиво ѣдетъ на конѣ, онъ не внимаетъ голосамъ окружающей его природы. Въ чащѣ лѣса показались огоньки; сладостное пѣніе долетаетъ до него. Это — ночь Ивана Купалы. Длиннымъ шествіемъ идутъ дѣти въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками въ рукахъ; за ними, въ монашескихъ покрывалахъ, дѣвы, радостно отказавшіяся отъ земного счастія; старцы — священно-служители, съ поникшей головой, съ утреннимъ инеемъ вѣчности на кудряхъ. Ихъ голоса, съ предвѣстіемъ смерти въ звукѣ, сливаются съ звонкими голосами отроковъ. Смотри, Фаустъ, передъ тобой проходятъ радость жизни и вѣра въ безсмертіе, слившіяся въ общемъ упованіи... Шествіе скрылось. Фаустъ приникъ къ коню и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Далѣе Фаустъ, преслѣдуемый угрызеніями совѣсти, вдается въ софизмы, чтобы извинить совершенное имъ убійство. „Видовъ

смерти много, — говоритъ онъ; — если не природа подкапиваетъ нашу жизнь въ урочный часъ, то мы сами готовимъ ее себѣ всячески; развѣ лѣнь и апатія — не та же смерть? Смерть вездѣ, гдѣ нѣтъ жизни духа. Да, смерть, но не убійство; увы! убивать можетъ человѣкъ одинъ". Мефистофель замѣчаетъ, что не только видовъ смерти, но и видовъ убійства много: „Не убиваютъ ли люди недобрымъ словомъ, завистью и недоброжелательствомъ? развѣ ненависть, таящаяся въ сердцѣ, не есть уже зародышъ убійства?" и т. д. Фауста софизмы не успокоиваютъ; внутренній голосъ говоритъ громче ихъ; даже богатство и красота окружающей его природы, вѣчно порождающей, неутомимо питающей дѣтей своихъ, громко провозглашаютъ великій законъ жизни. Мефистофель смѣется надъ сентиментальною мечтательностью спутника. ...„Повѣрь: природа, улыбающаяся или угрюмая, отдаетъ намъ только тотъ вкладъ, который мы сами въ нее вносимъ. Развеселись, выпей-ка вина: въ винѣ больше утѣшенія, чѣмъ въ поученіяхъ пророковъ, это давно испытано людьми; потомъ споемъ веселую пѣснь и заставимъ твоихъ недоброжелателей вторить намъ"... Фаустъ слѣдуетъ совѣту Мефистофеля и находитъ минутное забвеніе въ приготовленномъ имъ напиткѣ.

Въ лѣсу. Мефистофель: „Слышишь ли разбойничій свистъ осенняго вѣтра? Онъ, какъ хищникъ, срываетъ украшенія съ природы... Весело мнѣ, когда я вижу, какъ природа отворачивается отъ человѣка, существа неблагодарнаго и тупоумнаго, который отрекся отъ нея. Мудрость индусовъ и эллиновъ пропала безслѣдно для новыхъ поколѣній. Глубокій мыслитель пытался возобновить связь между вами и естествомъ, но напрасно! Тернистъ былъ путь его, и терновый вѣнецъ напоминаетъ его имя [1]), а для васъ природа осталась закрытой книгой".

Фаустъ: „Можетъ ли одинъ мудрецъ просвѣтить человѣчество? Забывъ смыслъ старыхъ толкованій, потерявъ вѣру въ откровеніе, куда бросить спасительный якорь?"

Мефистофель: „Я научу тебя построить храмъ, божествомъ котораго будетъ мысль твоя. Въ немъ ты будешь одинокъ, но покоенъ; шумъ мірской едва будетъ долетать до тебя, какъ журчанье дольнихъ ручьевъ до путника въ горахъ. Тамъ ты обоймешь мыслью судьбы человѣчества. Но смотри, не осрамись! Въ Италіи есть гротъ, въ воздухѣ котораго задыхаются тѣ, которые силятся дышать въ нижнихъ слояхъ, но свободно дышутъ тѣ, чело которыхъ поднимается высоко надъ землей; таковъ и храмъ,

---

1) Намекъ на имя Спинозы.

о которомъ я говорю: если будешь младенцемъ, нуждающимся въ руководствѣ, — то задохнешься".

Фаустъ. „Понимаю: мнѣ слѣдуетъ сдѣлать субстратъ изъ откровенія и природы. Но чего бы я ни держался, мое собственное *я* опутано змѣей. Быть ли мнѣ только сосудомъ божественной милости, или служить проводникомъ для цѣлей природы,— не вижу, какъ спасти отъ крушенія личность свою. Твердостью и непреклонностью хочу отстоять себя; если я безсмертенъ, то всѣми силами хочу бороться за духовное царство; если же нѣтъ,— то пусть жгучая мысль будетъ костромъ, на которомъ, подобно Сарданапалу, самъ предамъ сожженью себя и незамѣнимыя сокровища моей души!"

Берегъ моря. Фаустъ: „Въ ту ночь, когда ты засталъ меня у трупа, ты сказалъ мнѣ:—преступи законъ для того, чтобы познать его!—И вѣрно, и ложно! Когда человѣка томитъ жажда знанія, онъ долженъ бодро отдаться теченію жизни, долженъ испить радостей и горестей ея, не задумываясь; узнать и любовь, и ненависть, и горе и раскаяніе. Но увы! все-таки не утолить ему жажды".

Мефистофель: „Пожалуй ты и правъ. Но скажи, зачѣмъ ты звалъ меня сюда?"

Фаустъ. „Хочу пуститься въ море; оно дико и пустынно; подобно вѣчной могилѣ, оно не цвѣтетъ и не блекнетъ. На вздымающихся волнахъ, при свистѣ вѣтра, найду покой".

Мефистофель описываетъ волшебный корабль, приготовленный для него; на немъ не страшны бури; онъ не боится ни мелей, ни рифовъ; даже противные вѣтры служатъ ему. Убранство каютъ мѣняется по требованію фантазіи пассажира; по его велѣнію, всѣ земныя наслажденія мгновенно окружаютъ его. Фаустъ напоминаетъ Мефистофелю, что его давно уже не веселятъ подобные фокусы.

Мефистофель. „Прости меня; я забылъ, что у тебя недурна память. Признаться, я очень радъ, когда вижу, какъ плоха она бываетъ у людей. Когда въ старой башнѣ отъ времени или грозъ дѣлаются трещины, то въ нихъ хищныя птицы вьютъ гнѣзда; точно также, когда медленный червь смерти или жизненныя треволненія подточатъ память—тогда исчадія ада, страсти людскія, быстро занимаютъ мѣсто добрыхъ намѣреній, хорошихъ помысловъ, полезныхъ воспоминаній. Вотъ тебѣ бездѣлушка отъ возлюбленной твоей истины; этого немного, сознаюсь, но настоящій рыцарь чтитъ и ничтожный залогъ расположенія".

Фаустъ. „Я вѣренъ ей, но съ замираніемъ сердца думаю о

ней. Скажи, какъ явится она мнѣ? Въ радостномъ сіяніи или въ траурныхъ покрывалахъ? Но какою бы я ни нашелъ ее, дамъ ей руку, хоть на вѣчную муку себѣ".

Фаустъ отказывается отъ волшебнаго корабля и всѣхъ удобствъ путешествія; онъ хочетъ знать и опасности, подобно другимъ людямъ, и потому хочетъ ѣхать на кораблѣ, подверженномъ крушенію. Къ утру Фаустъ отплываетъ отъ берега на обыкновенномъ пассажирскомъ суднѣ.

Сонъ. Матросы поютъ вечернюю пѣснь, но море, въ величавомъ спокойствіи, не вторитъ человѣческимъ голосамъ. Солнце въ пурпурномъ сіяніи медленно погружается въ волны. Когда вечеромъ звѣзды замигаютъ на небѣ, путешественникъ, оторванный отъ земли, поднимаетъ къ нимъ взоры: ему кажется, что онѣ несутъ ему привѣтъ отъ милыхъ сердцу, и онъ погружается въ думу о нихъ. Не таковъ Фаустъ: онъ добровольно погружаетъ въ море все свое прошлое, и радость, и горе, желая разорвать всѣ земныя узы... Презрѣніе ко всему сотворенному—вотъ то могучее слово, въ которомъ онъ ищетъ исцѣленія отъ воспоминаній; гордость должна побороть въ немъ раскаяніе.

Ночь. Фаустъ лежитъ у стѣнки корабля и прислушивается къ морскому шуму. Пѣснь моря убаюкиваетъ Фауста, и во снѣ мимо него несутся видѣнія; онъ видитъ себя на цвѣтущемъ островѣ, среди необозримаго океана; заря занимается на востокѣ и отражается въ волнахъ; благоуханіе наполняетъ воздухъ; птицы щебечутъ о любви и радости бытія. Одинокій челнокъ несется мимо острова: въ немъ блѣдная женщина держитъ за руку кудряваго мальчика съ яснымъ взоромъ и румянцемъ на щекахъ. Онъ узнаетъ мать свою: „таковъ былъ ты",—печально говоритъ она, указывая на ребенка. Онъ хочетъ остановить ее, но уже челнокъ пронесся мимо. Ландшафтъ мѣняется. На небѣ грозовыя тучи, громъ грохочетъ, молнія сверкаетъ; цвѣтущая роща уничтожена грозой. Мимо Фауста опять несется челнъ: на немъ плачущая дѣва, около нея безжизненный трупъ; съ укоромъ смотритъ она на Фауста, и блѣдными устами шепчетъ:—„ты убилъ его". Фаустъ съ крикомъ вскакиваетъ съ ложа. Мефистофель приписываетъ душному воздуху волненіе спутника. Фаустъ говоритъ, что сновидѣнія не должны потрясать мыслящаго человѣка. Если нервы его и подчиняются иногда вліянію стихій, то бодрый духъ долженъ стряхнуть съ себя все, что̀ внѣ его воли. Пока Фаустъ разсудкомъ старается побороть душевное смущеніе, разражается гроза. Фаустъ видитъ въ величавомъ явленіи природы нѣчто родственное себѣ. „Море,—говоритъ онъ,—безпокойно, какъ человѣкъ; вѣчно

волнуется, вѣчно куда-то стремится, и никогда не найдетъ себѣ ни пристанища, ни покоя. Такова и судьба смертныхъ; въ круговращеніи естества будетъ ли покой хоть праху моему? И природа, и человѣкъ равно замкнуты въ лабиринтѣ". Мефистофель подтверждаетъ слова Фауста.—Покой только обманъ чувствъ. Въ сущности вездѣ борьба между жизнью и смертью; даже жвачное животное тупоумно уничтожаетъ дѣтей весны. Далѣе онъ въ цѣломъ рядѣ метафоръ развиваетъ мысль, что міръ существуетъ ради идей, хотя идея—врагъ естества и дѣйствуетъ на него разрушительно. „Идея подобна ретивому коню, на которомъ всадникъ пускается въ дальній путь; но при первой неожиданной встрѣчѣ конь сбрасываетъ всадника; между естествомъ и человѣческою мыслью борьба такъ же гибельна, какъ между нами и стихіями, которыя теперь грозятъ нашему кораблю. Смотри на эти грозовыя тучи: не сдобровать намъ!" Фаустъ смѣется надъ бурей; среди опасностей, которыя страшатъ другихъ, онъ сознаетъ свою несокрушимость. „Создатель міровъ!—восклицаетъ онъ:—грозы пробуждаютъ во мнѣ стихійныя силы, вѣчныя какъ ты и равныя тебѣ! Проклинаю зависимость земныхъ тварей!" Корабль тонетъ. Экипажъ борется съ волнами.

Гостинница у берега. Фаустъ, Мефистофель и нѣсколько спасшихся моряковъ за кружкой и веселыми разговорами вспоминаютъ о минувшей опасности. Кругомъ ихъ пляски и веселье. Одинъ изъ матросовъ подсмѣивается надъ товарищами, которые тогда трусили, молились и давали благочестивые обѣты, а теперь, забывъ о грозившей смерти, забыли и благочестіе. Самъ онъ никогда не молится, потому что никогда не трусить. На вопросы товарищей онъ отвѣчаетъ весьма несложнымъ, фаталистическимъ credo. Фаустъ спрашиваетъ его, не внушаетъ ли ему природа мысли о Творцѣ? „Сударь,—отвѣчаетъ тотъ,—я человѣкъ простой, и привыкъ называть вещи по имени; звѣзды, море, буря и лѣсъ для меня не что иное, какъ лѣсъ, буря, море и звѣзды. Кроется ли за ними еще что̀, не мнѣ разбирать; чего не вижу и не понимаю, то до меня и не касается". Мефистофель насмѣшливо говоритъ, что человѣкъ, который изъ хлѣбнаго растенія выгоняетъ спиртъ, привыкъ изъ осязательныхъ предметовъ извлекать какой-то тонкій экстрактъ, отъ котораго самъ и пьянѣетъ. „Вотъ другъ мой Фаустъ, который такъ громко декламировалъ во время грозы, въ сущности только старался отрезвиться отъ спиртового похмѣлья". *Фаустъ.* „Счастливъ только тотъ, кто не утратилъ вѣры; ужасная минута, поколебавшая вѣру въ человѣкѣ, ему на благо должна бы быть и послѣдней минутой его жизни".

Матросъ: „Видно, сударь, у васъ еще тотъ самый шумокъ въ головѣ. По нашему: живи—не задумывайся; теряй—не печалься; умрешь—туда тебѣ и дорога; а пока живъ, веселись, не разбирая, какъ и съ кѣмъ“. Фаустъ возражаетъ, что за такое веселье дорого приходится расплачиваться; природа даетъ не даромъ, а съ разсчетомъ; человѣкъ захочетъ ее обойти,—она посылаетъ ему раскаяніе. *Матросъ*: „Природа? а кто ее видѣлъ? гдѣ она? Повѣрьте, сударь, это еще такая отвлеченность, отъ которой голова дурѣетъ. Впрочемъ, чѣмъ разсуждать, повеселимся лучше“. Онъ удаляется съ танцоркой. Фаустъ завидуетъ несложности и цѣльности его взглядовъ. „Вотъ,—говоритъ онъ,—человѣкъ твердый, который не нуждается въ поддержкѣ извнѣ; онъ самъ себѣ міръ и цѣль въ жизни“.

Смерть Фауста. Ночь. Гроза. Фаустъ одинъ на скалистомъ берегу моря. „Сильный духомъ морякъ не заронилъ искры во мракъ моей души; сильнѣе пробудилось во мнѣ стремленіе къ тѣмъ благамъ, которыя онъ презираетъ. Сердце, хочу заглянуть въ твою тайну и назвать ее по имени: нѣтъ у тебя любви, нѣтъ и родины. И волна, и вѣтеръ, и бури менѣе одиноки и безкровны, чѣмъ ты, одинокое сердце мое. Я отказался отъ Божества, отрѣшился отъ природы; хотѣлъ быть всѣмъ самъ собою, въ себѣ найти замѣнъ за все. Увы! не вынести мнѣ тяжкаго заблужденія. Я проснулся какъ въ душной могилѣ и стенаніями наполняю мракъ, который меня окружаетъ. Хочу простереть руки къ Богу и міру, но чувствую: не забыть мнѣ, что я—слабая тварь, опутанная всѣми оковами естества! Прежде я познаніемъ хотѣлъ обнять міръ явленій; теперь же мнѣ мало того, чтобы онъ отражался только въ думахъ. Пока останется хоть одна неизвѣданная радость, одно житейское горе, которому не могу сочувствовать и я, пока не могу царить надъ всѣмъ естествомъ, буду считать жизнь неудавшеюся и лишнею. Одно осталось желаніе—полнаго уничтоженія, того уничтоженія, къ которому стремится все мірозданіе. Буря, захвати широкимъ взмахомъ и звѣзду на небѣ, и червяка на землѣ и поглоти насъ на вѣки! Какъ буря изъ глубины воздымаетъ морскія волны, такъ въ душѣ моей въ роковую минуту возстаетъ воспоминаніе давно минувшаго. Будучи еще отрокомъ, я прислуживалъ священнику у алтаря, держалъ кадило съ ѳиміамомъ и вторилъ словамъ его, не понимая ихъ. Но однажды грѣшныя мысли смутили меня: зачѣмъ человѣку преклоняться предъ иконой,—развѣ онъ не подобенъ Божеству? Мысли отрока сдѣлались мукой взрослаго. Чтò такое человѣкъ? Кратковременное вьющееся растеніе, у котораго нѣтъ ни собственнаго корня,

ни собственной жизни. Смиреніе — вотъ настоящій удѣлъ такой зависимой твари, а меня губитъ гордыня. Рабская зависимость, неужели и въ загробной жизни не уйду отъ тебя? Неужели на всѣхъ ступеняхъ совершенствованія ты останешься удѣломъ человѣка? Нѣтъ, пусть лучше гордый духъ мой умретъ вмѣстѣ съ тѣломъ, а тѣло соединится со стихіями. Но, можетъ быть все, что̀ есть, только призракъ? Иль одиночество мое только кажущееся, ибо Божество и я—тождественны? Оно—цѣлое, я—часть. Или я самъ, ищущій и мыслящій, только сонъ его? Можетъ быть, сонъ—весь многообразный міръ явленій, сонъ—добро и зло, а самъ дьяволъ—омрачившееся сознаніе Божества? Еслибы у Фауста было потомство, то былъ бы сонъ, породившій другія сновидѣнія; каждый младенецъ—вѣчно обновляющаяся фантазія творца. Человѣкъ убиваетъ человѣка: то сонъ, изгладившій другое сновидѣніе. Злой духъ, не боюсь тебя. Все—призракъ; призраченъ и нашъ договоръ. Самъ я—тяжелый сонъ, отлетѣвшій отъ тебя; все сонъ: и жизнь, и грѣхъ, и горе; одолѣваемый дремотой, завершаю призрачное существованіе еще однимъ, послѣднимъ сновидѣніемъ!“ Съ этими словами Фаустъ кинжаломъ закалываетъ себя.

Является Мефистофель. „Не мы съ тобой призраки, но бѣгство и спасеніе твое призрачны. Проснись за гробомъ и узнаешь, что̀ истина. Безумецъ, предоставившій темнымъ властямъ развязать узелъ, надменно завязанный самимъ тобой! Ты тогда оттолкнулъ отъ себя возможность примиренія съ Творцомъ, когда вздумалъ слить въ одно понятіе Божество, міръ и самого себя. Ты въ безумномъ отчаяніи думалъ уйти отъ духовнаго спора и подпалъ подъ мою власть. Теперь ты мой безвозвратно“.

Переданное въ сжатомъ видѣ содержаніе главныхъ сценъ подлинника достаточно знакомитъ съ личными особенностями поэта; преобладаніемъ субъективнаго элемента отмѣчены и другія крупныя произведенія его: „Савонарола“ и „Альбигойцы“. Въ каждое изъ нихъ онъ вселилъ свое *я*, съ тѣмъ различіемъ, что пантеистъ и скептикъ въ „Фаустѣ“—является вѣрующимъ христіаниномъ въ „Савонаролѣ“ и апостоломъ за свободу мысли въ „Альбигойцахъ“. Тщетныя усилія завоевать религіозную и нравственную свободу составляютъ главную мысль всѣхъ ихъ; во всѣхъ господствуетъ глубокая міровая скорбь,—та скорбь, которую поэтъ пытался всецѣло излить въ недоконченномъ „Агасферѣ“; скорбь, нашедшая соотвѣтствующее выраженіе въ заключительномъ стихѣ сонета „Одиночество“: „Безвыходно-грустенъ міръ, грустенъ до отчаянія“. Безхарактерность и болѣзненная меланхолія при глубокомъ лиризмѣ и высокомъ полетѣ мысли—отличительные при-

знаки „Фауста". Хотя у Ленау Фаустъ долго остается только мыслителемъ, не отдаваясь влеченію страсти, но, разъ предавшись ей, скользитъ по тому пути, на который вступилъ. Тутъ встрѣчаемъ романтическую „эманципацію плоти" на ряду съ изощреніями спекуляціи и съ идеально-стремительными порывами. У Гёте, напротивъ, Фаустъ постоянно сохраняетъ чувство мѣры и достоинство мыслителя. Послѣднія сцены у Ленау особенно ярко характеризуютъ колебаніе религіозныхъ убѣжденій въ поэтѣ и склонность его къ пантеизму. Пантеизмъ былъ введенъ въ литературу еще первыми романтиками, и съ тѣхъ поръ составляетъ обычное явленіе въ ней, высказываясь съ бо́льшей или мѐньшей полнотой и съ оттѣнками, зависящими отъ личности, какъ и отъ современныхъ вѣяній. Въ концѣ 30-хъ годовъ распространенію его особенно содѣйствовалъ Ауэрбахъ; появившаяся въ 1837 г. въ видѣ романа біографія Спинозы популяризировала имя мыслителя-пантеиста, а вышедшій затѣмъ переводъ сочиненій его знакомилъ съ ученіемъ, сущность котораго соотвѣтствовала современной философіи, какъ и требованіямъ современной мысли. Извѣстно, что ученіемъ Спинозы проникнуто большинство произведеній Ауэрбаха. Но Ленау, воспитанный въ строгомъ католичествѣ, долженъ былъ видѣть въ пантеизмѣ грѣховное уклоненіе отъ догматовъ церкви, точно также какъ въ стремленіи къ знанію видѣлъ уклоненіе отъ нравственнаго идеала, — черта, какъ извѣстно, общая со многими романтиками. У Гёте пантеизмъ, съ древнѣйшихъ временъ произвольный и разнообразный въ своихъ толкованіяхъ, является видоизмѣненіемъ греческаго политеизма, свѣтлымъ, хотя и не вполнѣ опредѣленнымъ вѣрованіемъ. У него, какъ и у Гегеля, эллинскую образность замѣнила отвлеченная мысль. Пантеизмъ у Ленау носитъ характеръ мрачнаго скептицизма; неопредѣленность и произволъ пантеистическихъ представленій смѣняются то возвратами къ догмату, то безвыходнымъ пессимизмомъ. Въ Фаустѣ Гёте мы видимъ и поэта, и человѣчество; стремленіе къ знанію является кореннымъ правомъ человѣка; потому Мефистофель является только по зову впавшаго въ отчаяніе Фауста, который съ прометеевскимъ высокомѣріемъ выражаетъ безмѣрныя желанія; Мефистофель у Ленау, напротивъ, подкрадывается, какъ только Фаустъ успѣлъ высказать твердую рѣшимость пріобрѣсть знаніе. Такимъ образомъ, современныя вліянія и личныя особенности автора—его элегическая натура и тщетное стремленіе къ внутренней гармоніи—одинаково наложили на произведеніе свой отпечатокъ.

М. Ф—тъ.

ТЮРЬМА

ПОВѢСТЬ.

„Людей губитъ тѣснота, неестественная жизнь праздности, преступное отчужденіе отъ всеобщихъ интересовъ, преступный холодъ ко всему человѣческому“...

Г—нъ.

I.

Тихъ и свѣтелъ бываетъ Подгорный-Карамышъ въ лѣтній жаркій полдень, когда солнце неумолимо сыплетъ съ раскаленнаго неба золото своихъ лучей и, взбираясь все выше и выше, словно смѣется надъ изнемогающею землею. Тяжело вздыхаетъ земля, и отъ этихъ могучихъ вздоховъ трескается ея потемнѣвшая, изсушенная солнцемъ грудь; замерли въ нестерпимомъ полуденномъ зноѣ привольные заливные луга, зажелкли сочныя травы, задумались и задремали курганы, обвитые синимъ маревомъ. И въ лѣсу, по берегамъ Карамыша, нѣтъ жизни: все дремлетъ. Деревья поникли кудрявыми головами и, кажется, еще тѣснѣе столпились у рѣки, словно ища прохлады въ ея свѣтлыхъ струяхъ, — но и Карамышъ не даетъ имъ желанной прохлады. Недвижимо спитъ онъ въ своихъ камышистыхъ берегахъ, а съ нимъ вмѣстѣ крѣпко спятъ и многочисленные обитатели его. Глубоко попрятались въ норы жирные лини и пискари; запутался въ камышахъ огромный старый сомъ и спитъ, перевернувъ кверху свое бѣлесоватое брюхо и распустивъ по водѣ длинные усы; даже проворная, жадная щука задремала, забившись подъ мшистые корни осокорей, и не видитъ краснопераго окуня, осторожно пробирающагося подъ самымъ ея зубастымъ ртомъ. Всѣмъ жарко,

всѣ томятся жаждою прохлады; нечего уже говорить о тѣхъ, которые теперь невидимо копошатся среди необозримыхъ полей, облитыхъ золотомъ поспѣвшей ржи и пшеницы, и чьи серпы со стономъ рѣжутъ подъ корень жирные колосья. „Господи, хоть бы вѣтерку Ты послалъ!“—молятъ они, а вмѣстѣ съ ними неслышно молятъ о томъ же и заливные луга, и лѣсъ, и дымящіеся курганы...

Но вотъ и солнце устало, наконецъ, томить измученную землю. Раскаленный шаръ его все ниже и ниже склонялся надъ лѣсомъ, словно говоря покидаемому небу: „ну, до завтра: устало я,—и отдохнуть пора“. Пышащее огнемъ небо гаснетъ и принимаетъ болѣе глубокіе, тихіе тоны. Отъ горъ по землѣ потянулись длинныя тѣни; въ послѣдній разъ блеснули на ихъ угрюмыхъ вершинахъ огненные блики,—словно горы улыбнулись на прощанье солнцу,—и совсѣмъ стемнѣло. Тихо пришла ночь и съ ласковою заботливостью раскинула надъ землею сверкающій парчевой пологъ.

Съ этой минуты начинается другая жизнь. Все ожило, запѣло, затрепетало. Прежде всѣхъ проснулся Карамышъ. Звеня и обгоняя другъ друга, побѣжали его синія струйки, шепчась съ прибрежнымъ камышомъ и будя заснувшихъ рыбъ. Вотъ что-то шибко плеснулось у самаго берега, и огромные круги побѣжали по рѣкѣ, колебля отраженія звѣздъ и дробя на тысячу сверкающихъ искръ каждую изъ нихъ. Казалось, милліоны крошечныхъ огоньковъ разсыпались по рѣкѣ, кружась и танцуя... Въ ольховыхъ кустахъ чокнулъ первый соловей, за нимъ другой, третій... и полились на всю ночь эти чудныя трели. А лѣсъ стоитъ, словно завороженный, —стоитъ, тихо вздрагивая своей зеленой вершиной, и слушаетъ, слушаетъ. Ничто не мѣшаетъ ему наслаждаться соловьиной пѣсней; развѣ только изрѣдка въ благозвучный лѣсной хоръ врѣжется горластая пѣсня рабочаго, пробирающагося съ барской усадьбы на село къ своей „матанѣ“ и старающагося заглушить напавшую на него жуть лихимъ, забубеннымъ напѣвомъ съ присвистомъ и гиканьемъ. Но лѣсъ не любитъ этого. Разсердившись на непрошеннаго пѣвуна, онъ вдругъ такъ загогочетъ, передразнивая его пѣсню, что залихватскій припѣвъ замираетъ у парня въ горлѣ, и онъ, крестясь, спѣшитъ выбраться скорѣе изъ темной чащи на песчаную дорогу, залитую блескомъ мѣсяца.

И опять безъ помѣхи гремятъ соловьи, опять все замираетъ кругомъ, прислушиваясь къ чарующимъ звукамъ. Одни перепела не обращаютъ вниманія на пѣвцовъ и всю ночь на пролетъ свистятъ въ подернутыхъ серебристою пылью овсахъ.

Незамѣтно проходитъ ночь. Темный пологъ постепенно сдергивается съ неба; звѣзды одна за другою исчезаютъ, точно лампады, потушаемыя чьею-то заботливою рукою. Только поблѣднѣвшій мѣсяцъ долго еще не уходитъ съ неба, словно ему жаль разстаться съ соловьями, съ рѣчными струйками, съ которыми такъ хорошо было играть его серебрянымъ лучамъ.

Грустный уходитъ онъ на западъ, — да и пора. Вонъ уже на востокѣ запылала заря; горы улыбаются ей на-встрѣчу и зашепталъ лѣсъ, привѣтствуя румяную красавицу. Карамышъ словно потягивается, вздрагивая на утреннемъ холодкѣ, и кутается въ бѣлые туманы, поднявшіеся отъ камышей. Вотъ вдали что-то зашумѣло... Слышатся мѣрные удары весла; мелкая зыбь побѣжала по водѣ, окрашенной розовымъ блескомъ зари. Это старый дѣдъ Полубаровъ выплылъ на своей душегубкѣ поудить рыбки на щербу [1]) ребятамъ...

Да, хорошъ Подгорный-Карамышъ, хорошъ и утромъ, и вечеромъ, и темною звѣздною ночью,—только тѣсно ему въ крутыхъ лѣсистыхъ берегахъ. Ушелъ бы онъ, захватилъ бы себѣ простору побольше, да сторожатъ его великаны-горы, длинной цѣпью громоздящіяся по правую его сторону. Тѣснымъ полу-кольцомъ обхватили они рѣку, и, словно старые, лысые волшебники, стерегущіе полоненную ими царь-дѣвицу, угрюмо глядятъ на нее ихъ поросшія рѣдкимъ лѣсомъ вершины, перерѣзанныя глубокими, темными оврагами. Овраги эти густо заросли лѣсомъ, и, сказываютъ старые люди, въ давно прошедшія времена гнѣздились въ нихъ разные добрые молодцы, приплывавшіе съ Дона и своимъ молодецкимъ посвистомъ нарушавшіе прибрежную тишь. Не мало тутъ было загублено душъ христіанскихъ, не мало добра подуванено, не мало пѣсенъ сложено, — но все это давнымъ-давно миновало и на половину позабыто. Знаютъ объ этомъ только тѣнистые овраги, каменистыя горы да курганы; но они молчатъ, а кромѣ нихъ о старинѣ разсказать некому...

Холмистая цѣпь, полукругомъ обогнувшая рѣку, словно обломокъ драгоцѣннаго перстня, замыкается съ двухъ сторонъ двумя большими горными вершинами. Почти двухверстное разстояніе раздѣляетъ ихъ, но онѣ стоятъ какъ разъ другъ противъ друга. Далеко видны ихъ высокія, лохматыя шапки и даже въ ясный солнечный день хмурятся онѣ, глядя другъ на друга. Словно

---

[1]) Щерьба—уха.

хочется имъ когда-нибудь сойтись, да не могутъ,—и печалятся, и тоскуютъ онѣ объ этой вѣчной разлукѣ. И въ досадѣ своей еще тѣснѣе сжимаютъ въ объятіяхъ Подгорный-Карамышъ, скользящій у подножія ихъ и прячущій отъ нихъ шаловливыя волны свои въ густыхъ лѣсныхъ чащахъ, населенныхъ веселыми соловьями.

Однако же Карамышу удалось, наконецъ, уйти отъ своихъ угрюмыхъ сторожей. Добѣжавъ до одной изъ вершинъ, замыкавшихъ полу-кольцо горной цѣпи, онъ вдругъ взялъ влѣво, врѣзался въ поемные луга и скрылся въ непроходимыхъ чащахъ заповѣднаго лѣса-Тюрьмы. Здѣсь опять тѣсненько ему стало среди вѣковыхъ дубовъ, широко раскинувшихъ по землѣ свои толстые, змѣистые корни. Дичь и глушь со всѣхъ сторонъ обхватили его; угрюмо бормочутъ надъ нимъ старые, обомшѣлые дубы; словно раскрытыя огромныя пасти, зіяютъ ихъ черныя дупла. Здѣсь еще страшнѣе... и спѣшитъ Карамышъ убѣжать скорѣе отъ стараго, угрюмаго лѣса. Извиваясь и блестя, несется онъ впередъ, огибаетъ повалившіеся отъ старости въ воду, прогнившіе стволы, прочищаетъ себѣ путь сквозь безобразно перепутавшуюся поросль и, достигнувъ, наконецъ, въ своемъ торопливомъ бѣгѣ красавицы сестры своей—Медвѣдицы,—радостно бросается въ ея свѣтлыя объятія...

И бѣгутъ они, обнявшись, къ батюшкѣ своему—тихому Дону Иванычу. Тамъ уже просторъ, раздолье широкой степи; тамъ много свѣту и свободно гуляетъ вѣтеръ, напѣвая пѣсню о свободѣ. Тамъ и людямъ хорошо живется, не даромъ же про донцовъ сложена пословица, что „они золото гребутъ лопатами". Изстари вѣковъ рвется русское сердце къ этому простору, и не мало всякаго люда запропало тамъ, ища воли и счастья...

Теперь, конечно, уже не то, и на Дону потѣснѣе стало, но старинныя преданія о донскомъ привольѣ сохранились и до сихъ поръ еще, за неимѣніемъ лучшаго, служатъ источникомъ надежды для нѣкоторыхъ деревенскихъ мечтателей. Сидитъ какой-нибудь Іона Ѳедоровъ въ своей курной избѣ, истомился онъ на нищенскомъ надѣлѣ, отощалъ на мякинномъ хлѣбѣ и, надрывая кашлемъ свою чахоточную грудь, мечтаетъ вслухъ: „Ахъ, братцы, хочу я на Донъ уйти! Какія тамъ, баютъ, станицы богатыя да мѣста привольныя,—страсть! Сказываютъ, казаки-то даже черпаго хлѣба не жрутъ, а все бѣлый... А рыбы этой да убоины — не въ проѣжу... Нѣтъ, уйду туда безпремѣнно! Вотъ, дай срокъ, маненько пооcлобонюсь, здоровьишкомъ поправлюсь,—и уйду"...

Такъ мечтаетъ Іона Ѳедоровъ,—и мечтаетъ до тѣхъ поръ,

пока злая чахотка окончательно не выѣстъ изъ него горемычной его жизни и не поможетъ ему переселиться дѣйствительно въ другія, болѣе благословенныя мѣста, „идѣже нѣсть печали и воздыханія“.

Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Карамышъ дѣлаетъ крутой поворотъ, убѣгая отъ стерегущихъ его горныхъ уваловъ, по правому берегу его широко раскинулось село Подгорное. Все оно спряталось въ зеленыхъ кущахъ своихъ садовъ, такъ что человѣкъ, незнакомый съ мѣстностью, можетъ вплоть подойти къ нему, совсѣмъ не подозрѣвая, что сейчасъ будетъ село,—но, несмотря на это, широки улицы Подгорнаго и красивые дома построены на этихъ улицахъ. Среди обыкновенныхъ крестьянскихъ домовъ попадаются, сплошь и рядомъ, каменные, даже двухъэтажные, съ желѣзными крашеными крышами, съ красивыми балкончиками, и предъ каждымъ домомъ непремѣнно разбитъ палисадникъ, въ которомъ, кромѣ стройныхъ бѣлыхъ березокъ и разлапистыхъ кленовъ, красуются также длинноногія разноцвѣтныя мальвы или „рожи“, пылаетъ махровый макъ, толпятся астры и ноготки, а по ивовымъ плетнямъ цѣпляются пахучіе вьюнки. Благодать эти палисаднички въ душные знойные дни! На улицѣ нигдѣ мѣста не найдешь, чтобы спрятаться отъ солнца; собаки лежатъ, распластавшись и высунувъ огромные горячіе языки,—а въ палисадникѣ свѣжо и прохладно, и славно лежать на травѣ, забравшись въ благовонные кусты сирени и акацій и неподвижно глядѣть въ бездонное синее небо, откуда жаворонки такъ и сыплютъ тебѣ въ уши свои серебряныя трели...

Судя по внѣшнему виду села, можно было думать, что подгоринцы—народъ богатый; это и на самомъ дѣлѣ такъ было. Жили они хорошо, привольно; у многихъ была „вѣчная земля“, а за Карамышемъ — фруктовые сады; многіе, не довольствуясь своею землею, снимали въ аренду небольшіе участки у сосѣднихъ помѣщиковъ. Благосостоянію подгоринцевъ не мало также способствовала близость роскошныхъ господскихъ луговъ и лѣса... и большинство крестьянъ смотрѣло на эти угодья какъ на свою собственность. Поэтому недостатка въ сѣнѣ и дровахъ у подгоринцевъ не было. Въ дополненіе общихъ свѣденій объ экономическомъ состояніи подгоринцевъ, нужно еще прибавить, что почти всѣ они ходили въ сапогахъ, и лапти въ Подгорномъ были такая же рѣдкость, какъ зонтикъ въ полярныхъ странахъ или шуба подъ экваторомъ. Подгоринцы давно уже отвыкли отъ лаптей и даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относились къ лапотникамъ, въ изобиліи еще населявшимъ окрестныя деревни.

Но, несмотря на видимое благосостоянiе подгоринцевъ, отъ фруктовыхъ садовъ и до сапогъ включительно, подгоринская церковь отличалась своею ветхостью и убожествомъ, чт̀о не мало портило общее впечатлѣнiе, производимое Подгорнымъ. Какъ вдовица какая-нибудь стояла она на площади, и внѣшность ея ясно доказывала, что о благолѣпiи ея мало заботились. Происходило это оттого, что большинство подгоринцевъ шло по старой вѣрѣ, а потому и особеннаго усердiя къ храму своему не оказывало. Напротивъ, старовѣры, или какъ ихъ называли здѣсь — калугуры, даже и селились подальше отъ церкви, такъ что село рѣзко дѣлилось на двѣ половины—православную и калугурную. Калугуры, въ свою очередь, тоже не представляли однородной массы, а дѣлились на нѣсколько сектъ: одни назывались безпоповцами; другiе причисляли себя къ „австрiйской вѣрѣ"; третьи, наконецъ, были просто ни то, ни сё, индеферентисты; надъ настоящими калугурами они подсмѣивались, но и въ православную церковь не ходили. Вообще населенiе Подгорнаго во всѣхъ отношенiяхъ представляло замѣчательное разнообразiе. Въ сущности коренного населенiя здѣсь было очень мало; народъ, по большей части, былъ пришлый: владимiрцы, тамбовцы, рязанцы, даже костромичи... Нѣкоторые объясняли это обстоятельство тѣмъ, что нѣкогда Подгорное было пересылочнымъ пунктомъ и что въ непроходимыхъ дебряхъ „Тюрьмы" было очень удобно прятаться всякому бѣглому люду. Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ теперь населенiе Подгорнаго уже достаточно укоренилось въ этихъ мѣстахъ и, несмотря на свою разнохарактерность, жило миролюбиво и спокойно.

Верстахъ въ четырехъ отъ Подгорнаго, а если идти песками да кустами карамышинскаго берега, то и ближе, у самаго подножiя горъ прiютилась барская усадьба. Она не велика: низенькiй бѣлокаменный господскiй домъ, людскiя кухни, длинныя овечьи кошары,—вотъ и все. Усадьба эта принадлежитъ князю Почечуеву и нѣкогда была грозой Подгорнаго. И до сихъ поръ еще о ней разсказываются страшныя легенды, по мрачному колориту превосходящiя во много разъ легенды о разбойствахъ и воровствѣ Стеньки Разина; и часто древнiя старухи, разсказывая въ зимнiе долгiе вечера своимъ внучатамъ были и небылицы, при воспоминанiи о почечуевской усадьбѣ вдругъ примолкаютъ, качая своими сѣдыми головами, крестятся и тихо шепчутъ молитву за упокой души раба божiя, царя Александра...

Самъ князь никогда не жилъ въ Подгорномъ, да врядъ ли и наѣзжалъ когда-нибудь. За него всѣми этими необъятными

поемными лугами, дремучими лѣсами, тысячеголовыми гуртами и, наконецъ, рабами правили наемные люди. По странной слабости русскихъ дворянъ ко всему иностранному, управители тогда набирались преимущественно изъ иностранцевъ, хотя, разумѣется, иностранцы эти такъ же мало смыслили въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и русскіе дворяне, и больше разоряли, чѣмъ пріумножали. Но такъ уже составилось мнѣніе, что иностранецъ и лучше, и честнѣе, а главное, просвѣщеннѣе русскаго, — и всѣ держались этого мнѣнія, насылая на свои усадьбы цѣлыя полчища иноземныхъ сатраповъ. Подгорное не избѣгло общей участи и постепенно пережило на своемъ вѣку и русскій кнутъ, и казацкую нагайку, и нѣмецкіе шпицрутены. Карлы Иванычи и Юзефы Болеславичи сатрапствовали на славу. Стонъ шелъ отъ нихъ на все, болѣе чѣмъ стоверстное, разстояніе княжескихъ угодій. Плакала земля, разоряемая просвѣщенными хищниками; плакали лѣса, вырубаемые ихъ жестокими топорами; лились не ручьями, а цѣлыми рѣками слезы, кровь и потъ несчастныхъ княжескихъ рабовъ. Не оттого ли и тученъ такъ до сихъ поръ пригорный черноземъ, что обильно удобренъ онъ былъ слезами и кровью человѣческою? Не истощили его просвѣщенныя старанія управителей, не истощили еще и теперь многочисленные Колупаевы и Разуваевы, явившіеся послѣ нихъ...

Но особенно отличались своимъ почти нечеловѣческимъ звѣрствомъ и какою-то необузданно-дикою жестокостью двое изъ княжескихъ управителей. Одинъ былъ изъ нѣмцевъ; звали его Каспаръ. По разсказамъ, это былъ дѣтина громаднаго роста и почти богатырской силы. Однимъ ударомъ своего огромнаго кулака онъ могъ свалить съ ногъ человѣка и въ дребезги разнести черепъ. Надѣясь на эту силу, онъ ходилъ и ѣздилъ всюду безъ всякаго оружія, исключая доброй казацкой нагайки съ пулькою на концѣ, которою во время своихъ наѣздовъ онъ лупилъ направо и налѣво безъ всякаго милосердія и не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Крестьяне боялись его какъ огня, и, разсказываютъ, когда Каспару случалось проѣзжать селомъ, все село словно вымирало: ни одной живой души не видно было на улицахъ. Даже собаки—и тѣ не лаяли на него, прячась по застрѣхамъ и закутамъ...

Но всему бываетъ предѣлъ, и смиренные рабы не вытерпѣли. Въ одну тихую лѣтнюю ночь подкараулили они Каспара и порѣшили съ своимъ лиходѣемъ.

Возвращался онъ разъ съ какой-то лихой пирушки и сильно подъ хмелькомъ. Всю дорогу вѣтромъ неслась звѣрская управи-

тельская тройка, но у самой почти усадьбы Каспаръ приказалъ кучеру пріостановить взмыленную тройку, и лошади пошли шагомъ. Впереди чернѣлъ глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ Чунакъ, черезъ который нужно было проѣзжать по легкому, трепещущему мостику. Но не успѣли лошади вступить на мостикъ, какъ вдругъ шарахнулись, взвились на дыбы и захрапѣли... Поперекъ дороги была перекинута огромная дубовая перекладина.

— Что тамъ такое? — закричалъ разбуженный толчками Каспаръ.

— Баринъ!—обернулся къ нему испуганный ямщикъ.—Нельзя ѣхать, нечисто что-то. Дорогу перестановили.

— А вотъ я тебѣ дамъ—„нельзя ѣхать"!—крикнулъ Каспаръ и готовился уже вытянуть кучера вдоль спины арапникомъ, но въ ту же минуту почувствовалъ, какъ чьи-то желѣзныя руки обвились вокругъ его могучаго тѣла и сковали его.

Каспаръ бѣшено тряхнулся. Ему стало посвободнѣе. „А, мерзавцы!—зычно крикнулъ онъ.—Вотъ я вамъ дамъ! Поѣзжай, скотина!—заревѣлъ онъ на кучера.—Гони во всю... лупи этихъ скотовъ по головамъ!"...

Но крикъ его безслѣдно замеръ въ лѣсу. Кучера не было уже на козлахъ, и звѣри-лошади дико храпѣли, окруженныя толпою.

Понялъ тутъ Каспаръ, что его дѣло пропащее... Но онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Выпрямился, схватилъ-было возжи, и только-что хотѣлъ гикнуть на лошадей, какъ его собственная нагайка свиснула его по головѣ, и онъ, ошеломленный, повалился снова на дно тарантаса. Бородатыя лица окружили его со всѣхъ сторонъ и заглянули въ тарантасъ.

— Что, баринъ?—прошипѣлъ надъ нимъ чей-то свирѣпо-насмѣшливый голосъ.—Тѣшился надъ нами, а теперича и мы надъ тобою потѣшимся...

Каспаръ выругался.

— Бей его, ребята! Онъ еще ругается, вражій сынъ! Бей его, нехристя окаяннаго!— и цѣлая куча людей навалилась на обезоруженнаго Каспара.

Послышался дикій, звѣрскій ревъ, словно цѣлая стая взбѣсившихся звѣрей грызлась между собою. Это смирные, забитые люди расправлялись съ своимъ мучителемъ.

На утро трупъ управителя, изсѣченный нагайкой до костей, съ проломленной головой, отыскали въ Чунакѣ. Тутъ же валялись обломки тарантаса, разнесеннаго взбѣсившимися лошадьми. Кучеръ исчезъ.

Такъ отомстили подгоринцы за свои слезы и кровь.

Пошли судъ и расправа. Пороли все село, черезъ пятаго, пороли нещадно, забивали на смерть, но виновныхъ не нашли ни одного. Никто не пикнулъ. Искали кучера, но онъ пропалъ безслѣдно. Послѣ шептали, что онъ былъ въ стачкѣ съ убійцами, что подгоринцы собрали въ складчину ему денегъ и отправили его въ прикаспійскія степи, гдѣ онъ, вѣроятно, и остался навсегда, храня при себѣ страшное воспоминаніе о тихой, безлунной ночи на обрывѣ угрюмаго, тѣнистаго Чунака.

Каспара зарыли, а на его мѣсто былъ присланъ новый управитель, ясновельможный панъ Стжембицкій. Вскорѣ подгоринцы убѣдились, что очень мало выиграли, сбывъ Каспара: новый управитель оказался хуже стараго. Каспаръ, по крайней мѣрѣ, былъ человѣкъ прямой, откровенный и безъ всякой хитрости дѣйствовалъ нагайкой и кулакомъ, такъ что иной разъ, благодаря его открытому нраву, можно было изловчиться и избѣгнуть расправы. Стжембицкій повелъ дѣла инымъ, болѣе утонченнымъ манеромъ. Разсказываютъ, что при дворѣ у него существовала цѣлая инквизиція съ дыбами, щипцами и прочими усовершенствованными орудіями истязаній. Каспаръ билъ, — панъ вытягивалъ жилы; Каспаръ оралъ,—панъ говорилъ нѣжно и ласково, но его ласки боялись пуще, чѣмъ звѣрскаго крика. При всемъ томъ онъ былъ чрезвычайно хитеръ и остороженъ, и, памятуя горькую участь своего предшественника, даже дома ходилъ вооруженный съ головы до ногъ. „Извести“ его не было никакой возможности. Нѣсколько разъ оскорбленныя имъ дѣвушки пытались его отравить, но онъ каждый разъ предупреждалъ ихъ наивныя попытки; страшна была доля этихъ несчастныхъ. Онъ медленно замучивалъ ихъ въ глубокихъ погребахъ, и страшнѣе всего было то, что всякій слѣдъ этихъ жертвъ исчезалъ навѣки. Родные не могли даже поплакать надъ трупомъ, не могли схоронить его въ сырой землѣ и поставить надъ нимъ крестъ. Человѣкъ пропадалъ безслѣдно... Подгорное стонало.

Но ясновельможный панъ забылъ чувство мѣры и этимъ извелъ себя самъ. Вѣсть о его подвигахъ перелетѣла западную окраину Россіи и дошла до „того берега“, гдѣ въ это время жилъ одинъ знаменитый русскій изгнанникъ. И то, чего не могли сдѣлать стоны и слезы тысячи измученныхъ людей, то сдѣлалъ одинокій набатъ тогобережнаго колокола.

Князь Почечуевъ былъ человѣкъ просвѣщенный, жилъ постоянно за границей, слѣдилъ за литературой. Толки дошли и до него. Онъ призадумался, потомъ навелъ справки, и когда

слухи оказались вѣрными, отозвалъ пана, а на его мѣсто назначилъ нѣкоего Антона Кирилыча Коробкова.

При немъ стало нѣсколько тише, и Подгорное вздохнуло свободнѣе. Хотя Антонъ Кирилычъ и не отличался особымъ благодушіемъ, даже, напротивъ, частенько-таки злоупотреблялъ конюшней и прочими дарованными ему правами, но въ сравненіи съ дикимъ звѣрствомъ саксонца Каспара и утонченною жестокостью пана Стжембицкаго его конюшенныя экзекуціи казались просто дѣтской забавой. Притомъ въ воздухѣ повѣяло волей, и крестьяне, въ ожиданіи грядущаго, стали равнодушнѣе относиться къ настоящему.

Старый князь умеръ, не дождавшись воли. Имѣнье перешло къ его бездѣтной вдовѣ. Княжескія дѣла пошли хуже, такъ что вскорѣ послѣ освобожденія имѣнье сдали въ аренду, и Антонъ Кирилычъ съ женой, двумя дѣтьми и тещей переселился въ Подгорное, гдѣ выстроилъ себѣ приличный домикъ и зажилъ въ немъ припѣваючи, ибо, какъ говорили, успѣлъ-таки урвать изрядную сумму изъ княжескихъ доходовъ.

II.

Домикъ бывшаго управителя стоялъ въ Подгорномъ какъ разъ противъ церкви и почти на берегу рѣки. По крайней мѣрѣ, изъ палисадника, обогнувшаго домъ густолиственною сѣнью своихъ сиреней, акацій и яблонь, можно было сейчасъ же сбѣжать по тропинкѣ внизъ къ рѣкѣ, гдѣ подъ осыпавшимся обрывомъ на колышкѣ всегда была привязана лодка, тихо качавшаяся на быстрыхъ струяхъ Карамыша. Домъ по внѣшности ничѣмъ не отличался отъ сотни подобныхъ домовъ въ Подгорномъ: такая же крытая галлерейка шла по надворной его сторонѣ, такое же крылечко съ перильцами и столбиками украшало его, и только размѣры да внутреннее убранство нѣсколько отличали его отъ другихъ. Онъ дѣлился на шесть комнатъ, изъ которыхъ одна называлась гостиной, а другая—залой. Эти комнаты считались парадными, потому что въ нихъ стояла хорошая, мягкая мебель, подъ шумокъ освобожденія вывезенная изъ княжескаго дома, по стѣнамъ висѣли темныя масляныя картины, во времена оны рисованныя какимъ-нибудь доморощеннымъ художникомъ изъ крѣпостныхъ, окна и двери украшались нѣкогда роскошными, но теперь выцвѣвшими гардинами и драпри, а на подоконникахъ и въ жардиньеркахъ красовались тощіе фикусы, рододендроны, фуксіи

и другія растенія. Въ этихъ парадныхъ комнатахъ по торжественнымъ днямъ принимались гости; въ остальныхъ четырехъ, маленькихъ и темненькихъ, ютилось все сѐмейство. Здѣсь была столовая; потомъ былъ кабинетъ и въ то же время спальня хозяевъ: кромѣ огромной постели, заваленной пуховиками и подушками, да бутылей съ наливками на окнахъ, въ ней не было ничего, но она называлась кабинетомъ, потому что хозяинъ дома бо̀льшую часть дня проводилъ въ ней, читая „Сынъ Отечества“ или раскладывая пасьянсъ. Третья комнатка называлась дѣтской, а когда дѣти выросли—„темной“; наконецъ, въ четвертой, выходившей окнами въ палисадникъ, стоялъ огромный шкафъ съ книгами, почему комната эта носила громкое названіе „библіотеки“, а также „дядиной“, такъ какъ въ ней помѣщался во время своихъ пріѣздовъ шуринъ Антона Кирилыча.

Самъ Антонъ Кирилычъ былъ въ настоящее время уже старикъ лѣтъ 60-ти, но выглядѣлъ довольно бодро. Онъ былъ высокъ ростомъ, чрезвычайно худощавъ и сутуловатъ. Голова его давно уже облысѣла, и только на затылкѣ кое-гдѣ еще виднѣлись остатки сухихъ, пожелтѣвшихъ волосъ. Блестящій голый черепъ придавалъ ему весьма почтенный и внушительный видъ, но еще внушительнѣе были его густыя исчерна-сѣдыя брови, нависшія надъ глазами. Нѣкогда изъ-подъ этихъ бровей молніей сверкалъ грозный управительскій взоръ, наводя страхъ на трепещущихъ рабовъ; но теперь этотъ взоръ потухъ, и только изрѣдка, по старой памяти, Антонъ Кирилычъ шевелитъ бровями, стараясь извлечь изъподъ нихъ былую молнію. Впрочемъ природа хорошо распорядилась, спрятавъ глаза Антона Кирилыча подъ густымъ навѣсомъ бровей: взглядъ этихъ холодныхъ, тускло-сѣрыхъ глазъ былъ непріятенъ... Горбатый, большой носъ и длинная желтая борода, прикрывавшая полгруди, дополняли представительно-патріархальную наружность стараго управителя.

Молодость его была довольно бурная. Происходилъ онъ изъ мѣщанъ или однодворцевъ, но, не удовольствовавшись скромною участью, предстоявшею ему, рано покинулъ родину и пустился искать счастья въ другихъ мѣстахъ. Въ то время всѣ подобные искатели стремились въ южно-россійскія степи,—Коробковъ направился туда же. Что̀ онъ тамъ дѣлалъ, какъ жилъ, чѣмъ занимался, это осталось навсегда неизвѣстнымъ, но возвратился онъ на родину совсѣмъ другимъ человѣкомъ и съ порядочными деньгами. И, видно, не легко ему достались эти деньги, потому что преждевременныя морщины перерѣзали его высокій лобъ, а въ бородѣ пробивалась сѣдина. Держалъ онъ себя чрезвычайно гордо

и высокомѣрно и нравъ имѣлъ сухой и жесткій. Можетъ быть, именно потому, что всѣмъ онъ обязанъ былъ единственно самому себѣ, свою особу онъ цѣнилъ выше всего на свѣтѣ и во всемъ мірѣ любилъ только одну ее. Самолюбіе его доходило до глупости. Онъ считалъ себя самымъ умнымъ, самымъ лучшимъ человѣкомъ и не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія себѣ. Поэтому его никто не любилъ, друзей у него не было, и онъ рѣдко съ кѣмъ уживался.

Поселившись на родинѣ, онъ нѣкоторое время занимался мелкими торговыми операціями съ саломъ, рыбой и пр., пока не попалъ, наконецъ, въ Подгорное, на мѣсто княжескаго управителя. Въ это время ему уже было лѣтъ подъ 40, и онъ задумалъ остепениться, т.-е. жениться. Ему хотѣлось найти какое-нибудь совершенно безотвѣтное существо, которое благоговѣло бы предъ нимъ и не смѣло пикнуть въ его присутствіи. Вскорѣ онъ отыскалъ нѣчто подобное. Въ сосѣднемъ селѣ жила бѣдная вдова-дворянка съ дочерью и сыномъ. Антонъ Кирилычъ познакомился, присмотрѣлся и женился. Онъ не ошибся въ своемъ выборѣ: жена попалась самая подходящая. Это было толстое, рыхлое существо, болѣе всего на свѣтѣ любившее выпить, поѣсть и поспать вволю, а тамъ хоть трава не расти. Если же случалось, что и въ этой безформенной массѣ пробуждался духъ „упорства и непокорства", по выраженію Антона Кирилыча, то стоило только ей напомнить, кто она, и все дѣло улаживалось наилучшимъ образомъ.

— Ты вспомни, что̀ ты была прежде и что̀ теперь!—грозно внушалъ ей Антонъ Кирилычъ въ минуты супружескихъ недоразумѣній.—Вѣдь ты изъ грязи попала въ князи! Вѣдь ты прежде мякину ѣла, въ рогожу одѣвалась. А теперь? И кому ты этимъ обязана? А?

— Ну, ужъ пошелъ!—вздыхала жена и спѣшила дорваться до постели.

Тѣмъ дѣло и кончалось; до настоящихъ семейныхъ бурь рѣдко доходило, во-первыхъ, потому, что бури вообще были не въ характерѣ Ольги Ивановны, а во-вторыхъ, и потому, что Ольга Ивановна очень хорошо помнила, какъ Антонъ Кирилычъ сейчасъ же послѣ вѣнца повелъ ее въ спальню и, снявъ со стѣны хорошую нагайку, показалъ молодой женѣ.

— Видишь?—прибавилъ онъ при этомъ.—Вотъ она! гляди и помни: тише воды и ниже травы. А чуть-что—сейчасъ же вотъ!..

И Антонъ Кирилычъ выразительно свиснулъ въ воздухѣ плетью.

Въ эту пору своей жизни Антонъ Кирилычъ былъ вполнѣ

счастливъ. Почтительное, всѣмъ обязанное ему семейство, почетъ сосѣдей, а главное, сотни рабовъ, трепетавшихъ отъ одного его взгляда и безпрекословно подчинявшихся ему... Антонъ Кирилычъ ничего лучшаго не желалъ. Но пришло 19-е февраля и разрушило этотъ рай. Не стало рабовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не стало и тѣхъ прерогативъ, которыми такъ широко пользовался Антонъ Кирилычъ въ роли княжескаго управителя.

Долгое время не могъ старый управитель привыкнуть къ новому своему положенію, сильно скучалъ безъ привычной ругани, безъ командованья и приказыванья. Тишина и бездѣйствіе томили его; ему постоянно казалось, что кого-то нужно немедленно распечь, расколотить въ пухъ и прахъ и отодрать на конюшнѣ. По временамъ онъ забывался до того, что вскакивалъ съ мѣста, искалъ глазами нагайку и зычнымъ голосомъ гаркалъ на весь домъ: „вотъ я васъ, бездѣльники... на конюшню!“ Но окружающая тишина сейчасъ же приводила его въ себя, и онъ безсильно опускался на прежнее мѣсто, ворча сердито: „ну, моли Бога, что воля... а то бы я васъ вспрыснулъ“... А когда, наконецъ, ему становилось не въ терпёжъ, онъ начиналъ придираться къ женѣ, къ тещѣ, къ работникамъ, или шелъ осматривать хозяйство, нарочно находилъ какую-нибудь неисправность, мелочь, призывалъ виновныхъ и тутъ же принимался распекать на чемъ свѣтъ стоитъ кого слѣдовало.

— Разбойники вы эдакіе! Черти оглашенные!—неистовствовалъ онъ, давая полную волю накопившемуся въ немъ гнѣву.— Такъ-то вы о хозяйскомъ добрѣ радѣете! Щепки, что ли, вамъ вмѣсто денегъ-то платятъ! На конюшню васъ, мерзавцевъ! Порку хорошую!..

— Руки коротки!—огрызались работники.—Не крѣпостные! Нынче воля...

Это магическое слово отрезвляло Антона Кирилыча. Онъ сразу весь какъ-то съёживался, опускался и уходилъ въ домъ, ворча свою обычную фразу:

— То-то воля! Моли Бога, что воля, а то бы я васъ... вспрыснулъ...

— Ишь ты вспрыскивать-то охочъ больно!—шутили ему вслѣдъ смѣшливые работники, заливаясь хохотомъ.—Тебя бы самого...

— И что ты срамишься, Антонъ Кирилычъ! — пробовала увѣщевать его жена.—Только смѣху надъ тобой, больше ничего.

— Ты еще поговори у меня!—прикрикивалъ на нее Антонъ Кирилычъ. — Съ тобой-то я расправлюсь живо... тебѣ, слава Богу, никто еще воли-то не давалъ.

Ольга Ивановна махала рукой и уходила, ибо, по старой памяти, знала, что супругъ очень и очень легко можетъ выполнить свою угрозу.

Когда, наконецъ, старый управитель окончательно убѣдился, что блаженныя времена конюшни и порки отошли безвозвратно въ вѣчность, онъ немножко успокоился и принялся за собственное хозяйство. Но забыть прошлаго все-таки не могъ и часто въ разговорѣ произносилъ съ какой-то унылою гордостью: „когда я былъ управляющимъ у князя Почечуева"...

Подъ старость у него, кромѣ хозяйства, которымъ, впрочемъ, онъ занимался уже не съ прежнимъ усердіемъ, явилось еще двѣ страсти: раскладывать пасьянсы и особенно пасьянсъ-Наполеонъ,—судьбу котораго Антонъ Кирилычъ почему-то считалъ сходною съ своею,—и затѣмъ писать обличительныя статьи на своихъ враговъ, которыхъ, по обыкновенію, у него было множество. Статьи эти посылались въ разныя газеты, но, разумѣется, не печатались и возвращались обратно, вслѣдствіе чего пузатое, источенное червями бюро, стоявшее въ кабинетѣ стараго управителя, со временемъ превратилось въ какой-то архивъ, до верху переполненный огромными тетрадями, носившими самыя вычурныя заглавія. Тутъ былъ и „Попъ Еремѣй, или правда глазъ колетъ", и „Вертепъ неблагоуханный", и „Злаки на брегахъ рѣки Карамыша"—и много другихъ. И все это тщательно собиралось и хранилось въ надеждѣ, что если не современники, то хотя потомки въ свое время поймутъ и оцѣнятъ надлежащимъ образомъ труды Антона Кирилыча.

Первую статью свою Антонъ Кирилычъ отослалъ въ излюбленную газету свою „Сынъ Отечества". Долго ждалъ онъ отвѣта, но не дождался. Отправилъ вторично,—опять нѣтъ отвѣта. Тогда Антонъ Кирилычъ разсердился, написалъ въ „Сынъ Отечества", что больше не желаетъ его получать, и выписалъ другую газету. Но скоро онъ соскучился: въ новой газетѣ все было не то,—и хронику происшествій не знаешь гдѣ найти, и фельетоны плохи, и каррикатуръ въ воскресныхъ нумерахъ нѣту... Бросилъ онъ новую газету и, какъ блудный сынъ, возвратился къ прежней.

Такъ шла жизнь Антона Кирилыча и, пожалуй, довольно мирно бы шла, еслибы по временамъ не тревожилъ его властную душу злой бѣсъ „упорства и непокорства", олицетворившійся въ шуринѣ его, Діодорѣ Павловичѣ Ярцевѣ. Но этотъ шуринъ—настолько замѣчательный молодой человѣкъ, что мы должны сказать о немъ немножко подробнѣе.

Когда Антонъ Кирилычъ въ первый разъ пріѣхалъ къ бѣдной дворянкѣ, будущей своей невѣстѣ, онъ увидѣлъ въ уголку смуглаго, вихрастаго мальчугана, лѣтъ 13—14-ти, смиренно жавшагося къ стѣнкѣ. Въ то время, когда невѣста и ея мать всячески увивались за „благодѣтелемъ", мальчуганъ одинъ не принималъ никакого участія въ общемъ ухаживаньѣ и исподлобья глядѣлъ на благодѣтеля своими огромными черными глазами. Антону Кирилычу это очень не поправилось.

— Кто это у васъ? — спросилъ онъ, наморщивъ брови и тыкая указательнымъ пальцемъ по направленію мальчика.

— А это мой сынокъ отъ второго мужа, благодѣтель! — объяснила старуха униженно, словно извиняясь въ томъ, что, кромѣ дочери, осмѣлилась имѣть еще и сына.

— Что же это онъ у васъ такимъ волченкомъ смотритъ? Это нехорошо...

— Это онъ такъ, это онъ не смѣетъ!—засуетилась мать.— Діодоша, поди ручку поцѣлуй у дяденьки! Что же ты стоишь, какъ истуканъ безчувствительный? Иди ручку поцѣлуй,—ну же, небось...

Волченокъ упирался. Тщетно хлопотали около него и мать, и сестра, и еще какая-то случившаяся тутъ старушка-гостья... Антонъ Кирилычъ самодовольно ждалъ. Однако дѣло кончилось полной неудачей. Діодоша совсѣмъ-было подошелъ къ „благодѣтелю", но вдругъ повернулся и по стѣночкѣ благополучно выбрался изъ комнаты, оставивъ благодѣтеля съ протянутой рукой. Всѣ были въ отчаяніи.

— Вы уже простите его, Антонъ Кирилычъ! — умоляла мать.—Вѣдь онъ еще у меня совсѣмъ несмыслёнъ. Гдѣ ему хорошихъ людей-то видѣть? Совсѣмъ еще онъ ихъ и не видалъ.

— Однако же онъ у васъ дикій. Это совсѣмъ нехорошо,— замѣтилъ Антонъ Кирилычъ.—И неужели онъ такъ безъ дѣла болтается?

— Да, вѣдь, что же подѣлаешь, благодѣтель? Кабы у насъ достатокъ... Онъ вѣдь все-таки учился у насъ, какъ же! У барина нашего гувернеръ былъ, —такъ училъ его вмѣстѣ съ барченкомъ и языкамъ, и всему... Онъ хорошо-было пошелъ, да вотъ какъ баринъ-то уѣхалъ отъ насъ, — ну, и негдѣ ему. Такъ вотъ и живетъ покуда дома; не придумаю, что̀ съ нимъ и дѣлать.

— А пишетъ онъ хорошо?

— Пишетъ отлично, батюшка! Словно бисеромъ нижетъ.

— Ну, подождите, я его устрою...—важно произнесъ Антонъ Кирилычъ.

Всѣ бросились цѣловать ручки „благодѣтеля“.

Антонъ Кирилычъ сдержалъ свое слово. Съ помощью какихъ-то связей, а главное, съ помощью нѣкоторыхъ деревенскихъ продуктовъ, принесенныхъ въ даръ правителю одного уѣзднаго присутствія, ему удалось пристроить Діодора писцомъ въ упомянутое присутствіе. Такимъ образомъ однимъ ударомъ онъ достигалъ двухъ результатовъ: благодѣтельствовалъ бѣдное семейство и избавлялся отъ лишняго человѣка въ домѣ. Въ это время онъ уже окончательно рѣшилъ жениться на Ольгѣ Ивановнѣ и даже сдѣлалъ ей предложеніе, которое было принято чуть не съ цѣлованіемъ рукъ у Антона Кирилыча.

Мальчика отправили въ городъ передъ самой свадьбой. Уѣзжая, Діодоръ горько плакалъ и цѣловалъ руки у сестры, которую очень любилъ.

— Оля, Оленька!—умолялъ онъ ее.—Не ходи ты замужъ за этого слона! Всѣхъ онъ васъ измучаетъ...

Но сестрица, повидимому, нисколько не раздѣляла опасеній брата и даже сердилась на него за это.

— Маменька!—кричала она.—Что это такое Діодорка дѣлаетъ? Уймите вы его, пожалуйста. До чего вы его избаловали!

Маменька кидалась драть вихры Діодоркѣ, хотя въ душѣ глубоко страдала за него. Онъ былъ ея любимецъ... Но она такъ наголодалась вмѣстѣ съ своими птенцами, такъ измучилась и издрожалась за каждый кусокъ хлѣба, что готова была землю рыть, только бы получить, наконецъ, возможность хоть немножко отдохнуть, пожить по-людски, а главное—опять-таки пристроить своихъ птенцовъ къ „хорошему мѣсту“.

Діодоша уѣхалъ, а вскорѣ послѣ его отъѣзда сыграли и свадьбу.

Въ Подгорномъ они зажили отлично. Оля, дорвавшись до сладкой ѣды и питья вволю, цѣлые дни только и дѣла дѣлала, что выдумывала разныя вкусныя кушанья и заставляла мамашу ихъ готовить; наѣвшись же, заваливалась въ пуховики и спала. Всѣмъ хозяйствомъ заправляла мамаша: готовила кушанья, присматривала за дворней, отпускала провизію, собирала тальки, ягоды, грибы. Изрѣдка такой порядокъ жизни нарушался путешествіями къ обѣднѣ или въ гости. Оля просыпалась, одѣвалась въ шелкъ и бархатъ и, усѣвшись въ карету, запряженную четверкой сытыхъ лошадей, отправлялась со двора. А потомъ начиналось то же...

Антонъ Кирилычъ такому порядку не препятствовалъ. На первыхъ порахъ послѣ свадьбы онъ благодушествовалъ, какъ ново-

брачный Юпитеръ, и еще не успѣлъ обнаружить всѣхъ изгибовъ своего характера. Къ тому же и причины пока не имѣлось: жена была послушна и тиха, а теща не знала, чѣмъ и какъ угодить благодѣтелю. Все шло какъ по маслу.

Но однажды старушка, вся блѣдная и взволнованная, вошла къ Олѣ и разбудила безмятежно-спавшую послѣ обѣда дочку.

— Что дѣлать, Оленька? Вѣдь Діодоша-то пришелъ! — объявила она, дрожа.

— Какъ-такъ пришелъ?—изумилась Оля, продирая заспанные глаза.

— Пришелъ!—въ отчаяніи повторила мать.—Сидитъ у задняго крыльца на лавочкѣ, сюда не идетъ и назадъ идти не хочетъ. Чтò и дѣлать, не знаю...

— Я вамъ говорила, что вы его избаловали; вотъ и плачьтесь теперь!—вмѣсто утѣшенія проговорила недовольно Оленька и опять повалилась на подушки продолжать прерванный сонъ.

Бѣдная мать не знала, чтò дѣлать... Діодоша объявилъ ей напрямки, что удралъ отъ своего столоначальника навсегда и въ городъ ни за что не возвратится. Думала-думала мать и наконецъ рѣшилась представить бѣглеца Антону Кирилычу.

Управитель страшно разъярился, узнавъ о черной неблагодарности волченка. Онъ оралъ на него, топалъ ногами и наконецъ приказалъ выпороть гостя на конюшнѣ, а послѣ порки отослать его обратно въ городъ.

Діодошу выдрали; но когда усадили его въ телѣжку, чтобы везти въ городъ, онъ обернулся къ Антону Кирилычу, стоявшему на крыльцѣ, и объявилъ ему, что пусть его хоть еще десять разъ выпорютъ, а все-таки онъ въ присутствіи не останется и убѣжитъ опять. При этомъ черные глазенки его такъ сверкнули, что нечего было и сомнѣваться въ твердой рѣшимости Діодоши выполнить свое намѣреніе. Этотъ протестъ вызвалъ цѣлую бурю воплей со стороны матери.

— Ахъ ты разбойникъ эдакой! — вопіяла она, хотя сердце ея обливалось кровью отъ жалости.—Голову ты съ меня снимаешь, антихристъ, погубитель ты мой!.. Чтò я съ тобою дѣлать буду?..

— Теперь ужъ нечего выть!—сурово вмѣшался глава семейства.—Нужно было учить, когда поперекъ лавки ложился, а теперь поздно. Вотъ и дѣлай послѣ этого добро людямъ!.. Изъ-за нихъ хлопочешь, бьешься, а они только и норовятъ напакостить.

Однако нужно же было что-нибудь предпринять съ винов-

никомъ всей этой кутерьмы. Подумалъ-подумалъ Антонъ Кирилычъ и рѣшилъ оставить мальчика у себя при конторѣ.

— Только смотри у меня! — грозно прибавилъ онъ, объявивъ Діодору свое рѣшеніе.— Запорю, ежели баловаться будешь. Я изъ тебя это упорство-то выколочу...

— Цѣлуй ручку у благодѣтеля!—завопила мать.—Истинно ангельская душа!.. Цѣлуй, тебѣ говорятъ, остолопъ, а то ей-Богу рукъ не пожалѣю на тебя, негодяя, сама образумлю...

И бѣдная старуха плакала и металась, стараясь какъ-нибудь уладить дѣло. Въ это время она напоминала курицу-насѣдку, которая, зачуявъ ястреба, мечется и клохчетъ, сзывая цыплятъ подъ свои теплыя крылья, и въ смертельной тревогѣ топорщитъ жалкія, ощипанныя перья...

Именно такъ и представилась она Діодору въ эту минуту. У мальчика вся душа вздрогнула отъ невыразимой жалости; дыханіе сперлось въ груди, въ глазахъ потемнѣло. Самъ не зная какъ, онъ, весь дрожа, подошелъ къ Антону Кирилычу и приложился къ его сухощавой рукѣ съ толстыми синими жилами и огромными грязными ногтями.

Почтительность волченка смягчила сурозое сердце главы семейства. Онъ легонько ткнулъ его въ голову и отослалъ въ контору.

Діодоръ зажилъ въ усадьбѣ. Дѣла, по правдѣ сказать, у него въ конторѣ было мало, и онъ больше рылся въ шкафу съ книгами, чѣмъ переписывалъ журналы. Лѣтомъ онъ бродилъ по лѣсамъ, удилъ рыбу, охотился: во всей „Тюрьмѣ" не было такого уголка, котораго бы онъ не зналъ и не осмотрѣлъ. Иногда онъ пропадалъ на цѣлыя недѣли, къ ужасу матери, ежеминутно трепетавшей за своего безпокойнаго сына, но каждый разъ возвращался изъ своихъ экскурсій цѣлъ и невредимъ. Дворня очень любила молодого барченка, и среди нея у Діодора было множество друзей, готовыхъ оказывать ему всякія услуги, а при случаѣ и постоять за него предъ Антономъ Кирилычемъ. Одно только отравляло привольную жизнь Діодора въ усадьбѣ, — это частыя порки и истязанія, которымъ управитель подвергалъ провинившихся рабовъ. Онъ весь блѣднѣлъ, трясся, какъ въ лихорадкѣ, и убѣгалъ въ лѣсъ, надрываясь отъ безсильной злобы и слезъ. Но пронзительный человѣческій вой преслѣдовалъ его и здѣсь... и долго слышались ему среди однообразнаго лѣсного шопота звучные удары, свистъ розогъ, мольбы...

Мрачный, молчаливый возвращался Діодоръ домой. Здѣсь его встрѣчала мирная картина: на балконѣ шипѣлъ самоваръ, мать разливала чай, сестра лѣниво намазывала масло на ломти хлѣба,

а самъ Антонъ Кирилычъ пилъ стаканъ за стаканомъ и благодушно посасывалъ свою трубочку. Какъ будто ничего и не случилось: въ самомъ дѣлѣ, экая бѣда, что отодрали какого-нибудь негодяя или негодяйку и замертво оттащили въ людскую... Пустяки!

Но Діодоръ думалъ иначе. „Господи!—копошилось въ его головѣ:—и неужели послѣ этого они могутъ спокойно пить и ѣсть?“...

И онъ съ отвращеніемъ глядѣлъ на сестру, на Антона Кирилыча.

— Что ты такъ на меня смотришь?—спрашивалъ тотъ, поймавъ взглядъ Діодора.

— Такъ...—отвѣчалъ Діодоръ, потупляясь въ землю.

— Грубъ, упоренъ и непокоренъ...—ворчалъ сквозь зубы Антонъ Кирилычъ, а мать бросала на Діодора умоляющіе взоры. Діодоръ вставалъ и уходилъ.

— Выпороть надо!—пускалъ ему вслѣдъ „благодѣтель-братецъ“.

— Попробуй только!—шепталъ Діодоръ и судорожно сжималъ кулаки.

Впрочемъ Антонъ Кирилычъ никогда не выполнялъ на дѣлѣ своей угрозы. Во-первыхъ, Діодоръ пока ему не противорѣчилъ и не мѣшалъ, а во-вторыхъ, управитель чувствовалъ, что шуринъ его ненавидитъ и при случаѣ сдѣлаетъ ему отпоръ. А этого не хотѣлось Антону Кирилычу, и онъ только объ одномъ подумывалъ,—какъ бы безъ хлопотъ избавиться отъ мальчишки.

Діодоръ самъ пришелъ къ нему на помощь. Проживъ въ Подгорномъ три года, онъ вдругъ исчезъ невѣдомо куда, оставивъ, впрочемъ, двѣ записки: одну — матери, а другую — зятю. Вотъ что̀ писалъ онъ матери.

„Дорогая моя мамаша! Прощайте, я ухожу отъ васъ и, можетъ быть, навсегда. Я иду учиться, а если это мнѣ не удастся, то поступлю въ волонтеры на Кавказъ. А такъ жить, какъ всѣ вы живете,—я не въ силахъ. Видѣть каждый день истязанія невинныхъ людей и быть не въ состояніи помочь имъ,—для меня мучительно! Каждый кусокъ хлѣба кажется мнѣ обмоченнымъ слезами этихъ мучениковъ и не идетъ мнѣ въ горло. Повторяю,—такъ жить невозможно... Я уже не мальчикъ, мнѣ 16 лѣтъ, и я все понимаю. Прощайте же, милая мамаша, благословите меня въ далекій путь. Если я погибну,—жалѣть нечего: значитъ, я никуда негодный человѣкъ; а если мнѣ удастся,—приду за вами. Васъ мнѣ жаль... сестра—та ожирѣла и оскотинилась, а вы“...

„Антонъ Кирилычъ!—писалъ Діодоръ зятю.—Поблагодарилъ бы я васъ за хлѣбъ-соль, которымъ вы кормили меня цѣлыхъ три года, да, признаться, языкъ не поворачивается. Больно горекъ былъ этотъ хлѣбъ, облитый слезами тѣхъ несчастныхъ, которыхъ вы истязуете каждый день себѣ на потѣху. Вспомните Бога, Антонъ Кирилычъ: вѣдь это люди, а не животныя, съ которыми, впрочемъ, вы гораздо лучше обращаетесь. Вашъ вороной иноходецъ живетъ лучше дворни. Вы вѣрно давно не читали Евангелія: совѣтую вамъ прочесть и вспомнить, что̀ завѣщалъ намъ Іисусъ Христосъ. А теперь прощайте. Еще прошу васъ—берегите маменьку и сестру, онѣ вамъ очень преданы, а меня не поминайте лихомъ и не ругайте за то, что правду сказалъ“...

— Ахъ ты дрянь!—воскликнулъ управитель, прочитавъ посланіе.—Онъ еще смѣетъ мнѣ совѣты давать. Мразь! Ну, моли Бога, что удралъ, а то бы я тебѣ показалъ коку съ сокомъ. Экой малый озорной! Вѣдь пропадетъ ни за грошъ,—да такъ и надо! И очень буду радъ! Худая трава изъ поля вонъ...

Такъ напутствовалъ онъ Діодора въ его поискахъ за счастьемъ. Зато мать разливалась рѣкою и, боясь явно оплакивать своего любимца, не спала по цѣлымъ ночамъ и молилась за него.

Года три о Діодорѣ не было ни слуху, ни духу. Въ семействѣ управителя о немъ не вспоминали, и только мать продолжала и день, и ночь молиться за него. Наконецъ она рѣшила, что онъ погибъ, и уже стала поминать его за упокой, какъ вдругъ на ея имя пришло письмо изъ Петербурга. Письмо оказалось отъ Діодора: онъ поздравлялъ всѣхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, извѣщалъ, что живъ и здоровъ и что исполнилась, наконецъ, его завѣтная мечта—поступить въ университетъ. Письмо было веселое, исполненное радужныхъ надеждъ и свѣтлыхъ мечтаній. Въ концѣ, на имя Антона Кирилыча, была приписка: „берегите, не обижайте маменьку и сестру“...

— Не учи, и безъ тебя знаютъ!—ворчалъ Антонъ Кирилычъ, прочитавъ письмо.—Попалъ въ университетъ, да и думаетъ, что умнѣе его нѣту. Дрянь эдакая! Да еще погоди, и ты напрыгаешься. Ишь радуется... чему?

Особенно уязвило Антона Кирилыча нескрываемое ликованіе молодого студента по поводу освобожденія крестьянъ. Онъ въ это время только еще началъ переживать періодъ приспособленія къ новому порядку вещей, и каждую улыбку принималъ лично на свой счетъ, какъ оскорбленіе. Ликующій тонъ Діодорова письма прямо задѣлъ его за живое, и онъ обидѣлся, почуявъ въ немъ явную насмѣшку надъ собою.

— Еще смѣяться вздумалъ, молокососъ! Я тебѣ посмѣюсь! Эй, вы! — отнесся онъ уже къ женѣ и тещѣ. — Вы у меня не смѣйте писать Діодоркѣ...

Однако его не послушались. Мать тайкомъ увѣдомила сына обо всемъ, что̀ произошло у нихъ во время его отсутствія, и послала ему разныхъ деревенскихъ гостинцевъ,—тѣхъ бѣдныхъ гостинцевъ, которыми каждая добрая мать даритъ своихъ отсутствующихъ дѣтей и которые, несмотря на свою бѣдность, такъ радуютъ всегда сыновнее, зачерствѣвшее на чужой сторонѣ, сердце и вызываютъ на глаза горячія слезы...

III.

Прошло еще около двухъ лѣтъ.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ. Солнце уже закатилось, но на небѣ пылала еще огненная заря. Все было розовое—деревья, рѣка, дома, люди, животныя, столбы пыли, взбудораженной возвращавшимся съ выгона стадомъ. Казалось, вся земля плавала въ какомъ-то фантастическомъ розовомъ морѣ, заливавшемъ ее своими волнами...

— Вѣтеръ завтра будетъ!—говорили деревенскіе метеорологи, глядя на западъ, пылавшій огнемъ.

Семейство управителя засѣдало въ палисадникѣ, наслаждаясь вечернимъ чаепитіемъ. Съ рѣки тянуло холодкомъ и запахомъ расцвѣтавшихъ кувшинокъ; гдѣ-то далеко гоготали гуси. Всѣ были чрезвычайно мирно настроены; даже самъ обычно-угрюмый глава семейства развеселился и шутилъ съ любимцемъ своимъ—Володей, осѣдлавшимъ его правое колѣно и изображавшимъ собою гусара. Вдругъ тишину лѣтняго вечера прорѣзалъ рѣзкій звукъ колокольчика и мѣрный топотъ скачущихъ лошадей. Кто-то бѣшено несся по селу.

— Это, должно быть, посредникъ,—проговорилъ Антонъ Кирилычъ.—Онъ всегда точно на пожаръ спѣшитъ.

— Колокольчикъ не его,—лѣниво вставила Ольга Ивановна. —Скорѣе это становой...

Пока происходили эти разсужденія насчетъ того, кто ѣдетъ и чей колокольчикъ, несущаяся вскачь тройка приближалась и, поровнявшись съ управительскимъ домомъ, стала какъ вкопанная, разомъ осаженная на заднія ноги сильною рукою. Колокольчикъ захлебнулся и смолкъ.

— Это къ намъ,—произнесъ Антонъ Кирилычъ и, спустивъ Володю съ колѣна, пошелъ на-встрѣчу гостю.

У воротъ стоялъ запыленный тарантасъ; взмыленныя лошади, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, обнюхивали влажную землю. Изъ тарантаса вылѣзъ сначала становой, а за нимъ какой-то незнакомый молодой человѣкъ съ длинными черными волосами и кудреватою бородкой. Антонъ Кирилычъ глядѣлъ на пріѣхавшихъ въ недоумѣніи и рѣшительно не понималъ, зачѣмъ пожаловалъ къ нему становой, котораго онъ терпѣть не могъ.

— Уфъ, усталъ! Жара смертоносная!—проговорилъ наконецъ становой, подходя къ хозяину.—Ну, здравствуйте... Что, не ждали? Ха-ха-ха... Что дѣлать, случай такой вышелъ! Вотъ родственника вамъ на водвореніе привезъ. Хе-хе! Изъ столицы при пакетѣ прислали; не угодно ли получить и расписаться...

И становой не безъ злорадства посмѣивался надъ смущеніемъ Антона Кирилыча, который все еще ничего не понималъ и дико глядѣлъ то на становаго, то на незнакомаго юношу.

— Вы, кажется, меня не узнаете,—проговорилъ тотъ, замѣтивъ его изумленіе.—Въ такомъ случаѣ я вамъ напомню... Я—Діодоръ Ярцевъ...

Антонъ Кирилычъ развелъ руками.

На другой день становой, въ первый разъ угощенный до отвалу въ домѣ Коробкова, уѣхалъ во-свояси, оставивъ нѣкоторыя инструкціи насчетъ молодого студента, а Діодоръ снова водворился подъ кровомъ своего зятя.

За что̀ его исключили изъ университета и водворили въ Подгорномъ—онъ никогда не говорилъ, и только грустно покручивалъ свои усики, когда его объ этомъ разспрашивали. Очевидно было, что онъ испыталъ сильное нравственное потрясеніе, которое подѣйствовало на него угнетающимъ образомъ. Онъ былъ тихъ, молчаливъ и печаленъ; улыбка на его лицѣ показывалась крайне рѣдко, да и то какая это была горькая улыбка!.. Какія поруганныя мечты, какія разбитыя надежды хоронилъ онъ подъ этой улыбкой!

— Ужъ вѣрно набѣдокурилъ! Ужъ вѣрно хорошій фокусъ выкинулъ!—негодовалъ Антонъ Кирилычъ, тщетно стараясь разгадать причину высылки шурина изъ Петербурга.—За хорошія дѣла подъ надзоръ не отдаютъ. Моли Бога еще, что воля, а то бы и подъ красную шапку угодилъ. И отлично было бы! А то очень ужъ распустили возжи-то... Вотъ *они* сорвались съ цѣпи-то, и бѣсятся. Да я все это предвидѣлъ! Великолѣпно зналъ и предвидѣлъ...—выкрикивалъ Антонъ Кирилычъ, бѣгая по ка-

бинету и все болѣе и болѣе приходя въ дикій восторгъ прорицательства.—И еще хуже будетъ! Вотъ подождите: теперь поляки да студенты бунтуютъ, а потомъ и эти скоты поднимутся! (Антонъ Кирилычъ тыкалъ пальцемъ въ окно.) Такъ-таки возьмутъ дубье и начнутъ косить направо и налѣво...

— Будетъ тебѣ!—робко возражала жена изъ глубины пуховиковъ и подушекъ.—Услышитъ еще кто-нибудь...

— А что же такое? Я правду говорю. Я всегда правду говорю. Развѣ не предсказывалъ я, что изъ вашего любезнаго братца пути не будетъ? Вѣдь по моему вышло! За упорство и непокорство по головкѣ не гладятъ; вотъ и потурили по шеѣ. Сиди теперь нашъ Ерёма дома... Ахъ вы бунтовщики проклятые!

Такіе же монологи Антонъ Кирилычъ произносилъ и въ присутствіи Діодора, во-первыхъ съ цѣлью уязвить, а во-вторыхъ—вызвать со стороны юноши возраженіе, которое хоть чуточку могло бы пролить свѣтъ на таинственное прошлое студента. Но Діодоръ молчалъ какъ рыба, словно наложилъ на себя обѣтъ молчанія, и даже явно избѣгалъ встрѣчаться съ зятемъ. По большей части онъ или совсѣмъ уходилъ изъ дому на охоту, или на рыбную ловлю, или же запирался у себя въ комнатѣ и сидѣлъ тамъ по цѣлымъ днямъ. Онъ привезъ съ собою множество книгъ и гитару, на которой замѣчательно хорошо игралъ; эти предметы утѣшали и развлекали его въ невольномъ бездѣйствіи.

Антонъ Кирилычъ былъ очень недоволенъ такимъ порядкомъ вещей: ему хотѣлось бы ежеминутно и ежечасно терзать свою жертву.

— Чего онъ отъ меня прячется?—взывалъ онъ, выбравъ минуту, когда Діодоръ былъ дома, и останавливаясь какъ разъ передъ дверью его комнаты.—Онъ долженъ непрестанно находиться на глазахъ моихъ, потому что я далъ подписку... Я обязанъ давать отчетъ во всѣхъ его поступкахъ... А замѣсто того онъ скрывается .. Это не порядокъ! Почему я знаю,—можетъ, онъ какое-нибудь бунтовство замышляетъ?..

Два раза въ день, впрочемъ, Діодоръ долженъ былъ неизбѣжно сходиться лицомъ къ лицу съ Антономъ Кирилычемъ. Это случалось за семейными обѣдами и ужинами, которые проходили всегда торжественно и къ которымъ всѣ члены семейства обязаны были собираться въ полномъ составѣ. И тутъ уже старикъ отводилъ свою душу и всласть тѣшился надъ молодымъ человѣкомъ.

— Жена! Ольга!—такъ начиналъ обыкновенно глава семейства, искоса поглядывая на шурина.—Что же ты, матушка,

братца-то не угощаешь? Хорошенько потчивай,—что-й-то они нынче мало кушаютъ. Эхъ-ма! Да вѣдь я и забылъ, что они нашимъ хлѣбомъ брезгуютъ, ибо онъ есть неправедный! Мы-де студенты... ученые... благородные... Подумаешь, благородство какое! Ну, однако же, *нѣкоторымъ* приходится и нашего неправеднаго хлѣба покушать. Хотя и студенты...

Діодоръ молчалъ, а Антонъ Кирилычъ, довольный тѣмъ, что нашелъ наконецъ человѣка, котораго можно допекать безнаказанно и неустанно, продолжалъ:

— Вотъ то-то, не годится въ колодезь-то прежде время плевать! Пришлось и нашего хлѣба покушать! Нѣтъ, онъ тоже, батюшка-хлѣбецъ-то, не даромъ достается! За него мы хрипъ-то 50 лѣтъ гнемъ. Ну, оно—конечно, мы не студенты, не ученые, съ жандармами насъ ни откуда не выгоняли, бунтовъ мы не заводили, а жили себѣ, гнули хрипъ да трудились въ потѣ лица, по-просту, по-дурацки... А все-таки на чужой шеѣ никогда не сидѣли!..

Иногда Діодоръ не выдерживалъ этихъ монологовъ. Весь поблѣднѣвшій, вставалъ онъ изъ-за стола и уходилъ въ свою комнату.

— Что, не нравится? Задѣло за живое?—злорадно пускалъ ему вслѣдъ Антонъ Кирилычъ.—То-то, батюшка, поменьше бы носъ-то задирали...

Мать, послѣ такихъ пріятныхъ семейныхъ обѣдовъ, тихонько плакала въ кухнѣ, боясь даже кому-нибудь жаловаться на свою горькую судьбу; но и безъ жалобъ ей сочувствовали. Прислуга очень полюбила добраго, всегда ласковаго съ нею молодого барина, и неизмѣнно держала его сторону.

— Экой идолъ несообразный!—ворчала кухарка, разсказывая работникамъ обѣденную сцену.—Именно, дубъ неотесанный! И чего онъ къ малому привязался,—поѣсть не даетъ! Хлѣба, что ли, ему жалко? Ажно давеча до слезъ его довелъ...

— Онъ доведе-етъ!—подтверждали работники, очень хорошо знавшіе нравъ Антона Кирилыча и не разъ испытавшіе на своей шкурѣ всю силу его допеканій.

Зато, когда Антонъ Кирилычъ залегалъ послѣ обѣда отдохнуть, кухарка непремѣнно прокрадывалась въ горницы, тихонько вызывала Діодора и совала ему въ руки или огромную миску каши, или горшокъ молока, приговаривая:

— Тебѣ давеча песъ-то нашъ меделянскій и покушать не далъ! На-ко, вотъ, возьми, покушай! Чего же голодомъ-то сидѣть! Ему, идолу, хорошо, онъ натрескался. Бери, голубь, кушай!

Вообще Діодоръ не могъ пожаловаться на недостатокъ участія и любви со стороны окружающихъ, и еслибы не необходимость жить у Антона Кирилыча и выслушивать его попреки, жизнь его въ Подгорномъ могла бы назваться вполнѣ сносною. Въ друзьяхъ у него тоже недостатка не было. Онъ разыскалъ на селѣ прежнихъ товарищей своихъ по охотѣ и возобновилъ съ ними дружескія отношенія; кромѣ того, у него явилось и много новыхъ знакомствъ. Такъ, между прочимъ, онъ хорошо сошелся съ подгоринскимъ батюшкой и неизмѣннымъ сожителемъ его, пономаремъ Зюзей. Отецъ Пароенъ былъ маленькій, лысенькій, юркій человѣчекъ весьма веселаго и общительнаго нрава. Онъ до страсти любилъ общество, веселыя собранія, пикники, музыку, а подъ-часъ, нечего грѣха таить, не прочь былъ и выпить малую толику въ дружеской бесѣдѣ. Впрочемъ въ положеніи отца Пароена были вполнѣ извинительны эти маленькія общечеловѣческія слабости, хотя его иногда и осуждали за нихъ. Онъ былъ давно уже вдовъ и бездѣтенъ, да и приходъ попался ему совсѣмъ плохой. Вѣчныя непріятности съ раскольниками, бѣдность, униженія, одиночество томили его и по неволѣ заставляли иногда искать забвенія въ винѣ... Еще удивляться нужно было, какъ о. Парфенъ среди всѣхъ невзгодъ, выпавшихъ на его долю, могъ сохранить добродушную веселость и ясность духа.

Пономарь Зюзя, въ противоположность батюшкѣ, былъ дѣтина огромнаго роста, мрачнаго вида, весь заросшій курчавыми рыжими волосами и молчаливый какъ рыба. Онъ былъ также вдовъ и отличался собачьею привязанностью къ батюшкѣ и страстью къ гомерическимъ выпивкамъ. Въ трезвомъ видѣ онъ молчалъ по цѣлымъ днямъ и погружался въ изученіе Апокалипсиса; но, напившись, онъ немедленно выходилъ на площадь и начиналъ пророчествовать на тему о свѣтопреставленіи, которое, по его мнѣнію, не нынче — завтра должно было совершиться. Свѣтопреставленіе была его idée fixe... Пророчествуя, онъ выходилъ изъ себя, билъ себя въ грудь, рвалъ волосы и одежду, рыдалъ и валялся по землѣ... Это производило впечатлѣніе на народъ, и Зюзю считали прозорливцемъ. Даже среди раскольниковъ онъ пользовался уваженіемъ, какъ вдохновенный свыше. Но, повторяемъ, минуты вдохновенія посѣщали его только во время выпивокъ; проспавшись, Зюзя снова погружался въ мрачное молчаніе и засаживался за Апокалипсисъ.

Діодоръ полюбилъ сожителей и охотно посѣщалъ ихъ, бесѣдуя съ батюшкой о Петербургѣ и читая съ Зюзей Апокалипсисъ. У батюшки онъ встрѣтился съ мировымъ посредникомъ,

который принялъ участіе въ молодомъ человѣкѣ и, зная непріятный характеръ Антона Кирилыча, чрезвычайно сочувствовалъ печальному положенію Діодора. Онъ снабжалъ его книгами и журналами, доставлялъ ему кое-какую работу въ видѣ переписки, подведенія итоговъ и пр., и всячески старался помочь студенту.

Но больше всего утѣшала Діодора въ это грустное время его племянница—маленькая Леночка. Съ первыхъ дней его пріѣзда она почувствовала къ нему большую симпатію, своимъ дѣтскимъ языкомъ окрестила его въ „дядю Додю" и съ утра до вечера пребывала въ его комнатѣ, чему Діодоръ былъ чрезвычайно радъ. Своимъ дѣтскимъ забавнымъ лепетомъ она разбивала его мрачныя думы и заставляла веселѣе смотрѣть на свѣтъ божій.

Съ свойственною Антону Кирилычу проницательностью, онъ вскорѣ догадался о дружбѣ, завязавшейся между дядей и племянницей, и не замедлилъ принять противъ нея свои мѣры. Сидя въ своемъ кабинетѣ, онъ тщательно наблюдалъ за комнатой „дяди Доди", и какъ только замѣчалъ, что тамъ начиналась возня, сдержанный шопотъ и смѣхъ, звуки гитары, онъ немедленно выходилъ въ корридоръ, останавливался противъ двери Діодоровой комнаты и громогласно взывалъ:

— Ольга! Жена! Марья Филипповна!

Тѣ прибѣгали на зовъ испуганныя.

— Гдѣ это у васъ Ленка шляется?—вопрошалъ онъ грозно, хотя очень хорошо зналъ, что Ленка преспокойно сидитъ у дяди Доди на колѣняхъ.

Жена и теща растерянно бросались разыскивать виновницу неудовольствія и наконецъ извлекали ее изъ комнаты Діодора.

— Гдѣ она была?—спрашивалъ Антонъ Кирилычъ, когда дрожащую, перепуганную дѣвочку предъявляли предъ его гнѣвныя очи.

— У братца въ комнатѣ сидѣла...

— То-то у братца! Что вы за нею не смотрите? У братца! Ишь, няньку какую нашли... Рады отвязаться! Чтобы этого у меня не было. Я не хочу, чтобы моя дочь безбожницей какой-нибудь сдѣлалась. Я хочу, чтобы она родителей почитала, старшихъ слушалась, а не фардыбачила, какъ нѣкоторые тамъ... Ленка, поди сюда, шельма лохматая! Вотъ я тебя присажу за дѣло,—ты у меня будешь по дядямъ шляться...

Съ этими словами грозный отецъ всей пятерней вцѣплялся въ золотистые волосики Лены и торжественно водворялъ ее въ уголъ. Все это нарочно продѣлывалось предъ дверьми Діодора,

который сидѣлъ въ это время, запустивъ отчаянно руки въ свои густыя кудри, и плакалъ слезами обиды и безсилія.

Однажды Діодоръ не вытерпѣлъ подобной расправы и вздумалъ заступиться за Леночку.

— Какъ вамъ не стыдно, Антонъ Кирилычъ!—задыхаясь, обратился онъ къ зятю, учившему въ эту минуту дочь „почитать и уважать старшихъ“.—Что вы мучите бѣдную дѣвочку? Она и безъ того нервная, а вы еще больше ее разстраиваете. Неужели вы полагаете, что такимъ способомъ заставите ее полюбить себя? Вы ее только больше ожесточите... Ну, ужъ если вамъ хочется къ кому-нибудь придираться, придирайтесь ко мнѣ,—я снесу. Но зачѣмъ же надъ ребенкомъ-то издѣваться? Это безчеловѣчно!

Марья Филипповна тщетно дергала сына за полу,—было поздно... Антонъ Кирилычъ позеленѣлъ отъ бѣшенства.

— Что-о?—заревѣлъ онъ, бросая Лену и наступая на шурина съ кулаками.—Вотъ какъ поговариваютъ! Въ моемъ же домѣ, за мою хлѣбъ-соль... Ахъ ты щенокъ эдакой, мальчишка, дармоѣдъ! Отъѣлся на даровыхъ хлѣбахъ-то... Да я тебя въ порошокъ сотру,—не посмотрю, что ты студентъ... Вонъ отсюда!..

Діодоръ вышелъ; за нимъ съ плачемъ побѣжала мать. Антонъ Кирилычъ звѣремъ ходилъ по комнатѣ.

— Нервы, нервы! Я покажу вамъ нервы. На конюшню бы васъ всѣхъ. Небось, куда и нѣжности всѣ дѣвались бы! Куда? —закричалъ онъ на Лену, которая тихонько собиралась улизнуть въ дверь.—Дяденьку утѣшить? Я-те утѣшу!..

Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, Діодоръ объявилъ Антону Кирилычу, что такъ какъ онъ стѣсняетъ его, то переходитъ пока на жительство къ пономарю Зюзѣ. Но Антонъ Кирилычъ вовсе не расположенъ былъ упускать изъ рукъ свою жертву.

— Это что еще за новости? Вы кому поручены, милостивый государь? Кто далъ за васъ подписку и обязался наблюдать за вами? Зюзя, что ли, или Полубаровъ какой-нибудь? Вы мнѣ поручены, *мнѣ*, и никуда не имѣете права уходить изъ моего дома...

Діодоръ принужденъ былъ остаться; и снова для него потянулись тоскливые дни съ безсмысленными сценами, бранью, попреками и придирками.

Кромѣ Антона Кирилыча, не мало также допекалъ Діодора его племянникъ, Володя. Это былъ любимецъ отца, маленькій царекъ въ домѣ, страшно избалованный и капризный мальчикъ. Копируя отца, онъ не давалъ покоя дядѣ. Тщетно Діодоръ ста-

рался лаской подѣйствовать на маленькаго деспота,—Володя не поддавался. Напротивъ, вопреки сложившемуся мнѣнію, что лаской можно обезоружить медвѣдя, чѣмъ ласковѣе становился Діодоръ, тѣмъ хуже обращался съ нимъ Володя, а полнѣйшая безнаказанность еще болѣе его поощряла. И какихъ только каверзъ не придумывалъ Володя, чтобы насолить дядѣ! Онъ перерѣзывалъ струны его гитары, наливалъ въ нее воды, рвалъ и исписывалъ его книги, тетради, писалъ ругательныя записки и пришпиливалъ ихъ къ дядиной спинѣ... Не удовольствовавшись этимъ, онъ науськалъ на дядю пріятелей своихъ, деревенскихъ ребятишекъ, и когда Діодору случалось выходить на улицу, веселая ватага шалуновъ, подъ предводительствомъ Володи, мчалась за нимъ по селу, припѣвая: „Додька, Додька, лыкомъ шитый, хвостъ подбитый, на макушкѣ три лягушки!“ —или: „Діодоръ, Діодоръ, черти тянутъ за вихоръ!“..

Діодоръ вздохнулъ нѣсколько посвободнѣе, когда его маленькаго мучителя отвезли учиться къ сосѣднему помѣщику, Полянскому. Некому стало портить его дорогія книги, некому стало издѣваться, подслушивать и наушничать. Даже Антонъ Кирилычъ безъ Володи сталъ какъ-то посмирнѣе. Но Діодора ждала впереди еще бо́льшая радость...

Въ одинъ прекрасный—а для Діодора даже особенно прекрасный—день у воротъ снова остановилась взмыленная тройка, запряженная въ тяжелый тарантасъ. Изъ тарантаса вылѣзъ становой и съ обычнымъ своимъ хохотомъ объявилъ Діодору, что получилъ изъ Питера бумагу, предписывающую ему освободить бывшаго студента, дворянина Ярцева, изъ-подъ надзора и дозволяющую дворянину Ярцеву проживать какъ угодно и гдѣ ему угодно, исключая Петербурга, Варшавы и Москвы. Діодоръ былъ счастливъ безмѣрно... Онъ рыдалъ и смѣялся въ одно и то же время, обнималъ и цѣловалъ станового, мать, сестру, обнималъ и цѣловалъ даже мучителя своего, Антона Кирилыча. А на другой день распростился со всѣми своими друзьями, уложилъ имущество свое въ холщевый мѣшечекъ и покинулъ Подгорное.

— Прощай, Тюрьма!—воскликнулъ онъ, выѣхавъ за село и въ послѣдній разъ окидывая взглядомъ курившіяся горы, зеленые луга и угрюмый, дремлющій подъ солнечными лучами лѣсъ, темными зубцами вырѣзавшійся на яркомъ небѣ.—Хороша ты... но свобода все-таки лучше... Ну, Ваня, трогай... Впередъ!..

Батюшкинъ кучеръ (хотѣлъ-было везти Діодора Зюзя, но на проводахъ такъ нарѣзался, что не могъ) тряхнулъ возжами. Лошади бойко подхватили телѣжку и понеслись подъ гору; Діо-

доръ поправился на сидѣньѣ и жадно впился глазами въ просторную синѣющую даль.

Безъ Діодора стало скучнѣе. Скучалъ батюшка, скучалъ Зюзя, даже Антонъ Кирилычъ скучалъ. Не къ кому стало ему придираться, и онъ снова принялся за свои обличительныя статьи и за пасьянсъ-Наполеонъ, который, кстати сказать, выходилъ у него крайне рѣдко, чѣмъ чрезвычайно его сердилъ. Дни шли за днями монотонно и уныло, складываясь въ недѣли, мѣсяцы и годы...

За все это время отъ Діодора получено было только два письма: одно съ Кавказа, а другое изъ одного большого приволжскаго города. Въ нихъ онъ кратко увѣдомлялъ, что живъ и здоровъ, желалъ того же роднымъ — и только. Какъ шли его дѣла, чѣмъ онъ занимался, какъ жилъ,—объ этомъ не было ни слова. Впрочемъ стороною доходили до Подгорнаго слухи, что Діодоръ будто бы поступилъ актеромъ въ одну странствующую труппу, кто-то даже видѣлъ его на Волгѣ, на пароходѣ, — но навѣрное ничего не было извѣстно.

— Ужъ сломитъ себѣ голову добрый молодецъ!—ворчалъ Антонъ Кирилычъ въ минуты раздумья надъ пасьянсомъ.—Ужъ набѣдокуритъ чего-нибудь,—вотъ, гляди, привезутъ опять съ жандармами...

Предчувствія Антона Кирилыча отчасти оправдались. Въ одну бурную, вьюжную зимнюю ночь дѣйствительно Діодоръ прилетѣлъ въ Подгорное. Онъ былъ сильно подъ хмелькомъ, нашумѣлъ, накричалъ, набурлилъ — и опять улетѣлъ, даже не повидавшись съ батюшкой и Зюзей.

— Замотался!—сказалъ Антонъ Кирилычъ, проводивъ гостя. — Народецъ! Жилъ бы себѣ жилъ тихо-смирно, — нѣтъ! Надо шумѣть, колобродить, шататься... Пустяковый народъ!..

Года черезъ четыре послѣ неожиданнаго посѣщенія Діодора ѣхалъ одинъ подгоринскій мужичокъ по большой дорогѣ,—возвращался изъ города домой. Не доѣзжая до Подгорнаго, онъ увидѣлъ пробиравшагося межой высокаго человѣка въ широкополой шляпѣ, въ сѣренькомъ истасканномъ пиджачкѣ, съ большою суковатою палкой въ рукахъ. Сначала этотъ господинъ показался ему подозрительнымъ, и онъ хотѣлъ-было уже ударить по лошадямъ, но вглядѣлся пристальнѣе и вдругъ воскликнулъ:

— Батюшки! Да никакъ это Діодоръ Павлычъ?

Прохожій остановился.

— А, дядя Егоръ! Здорово!

— Ну, братъ, тебя и не узнать!—говорилъ мужичокъ послѣ первыхъ привѣтствій. — Чуденъ ты сталъ, право слово. Я, признаться, хотѣлъ-было отъ тебя удирать...

— Постарѣлъ, что ли?—спросилъ Діодоръ, смѣясь.

— Постарѣть мало постарѣлъ, а такъ что-то... Ну, садись, поѣдемъ вмѣстѣ. Куда пробираешься-то? Къ своимъ, что ли?

— Къ своимъ, къ своимъ. Ну что, какъ они тамъ живутъ-то?

— Да кабыть ничего... Только, вотъ, матушка твоя, царство ей небесное, померла лѣтось; оспожинками хоронили.

Діодоръ понурилъ голову и задумался.

— Ну, а самъ-то ты какъ же? — продолжалъ разспрашивать мужикъ. — Совсѣмъ, что-ль, къ намъ въ Подгорное-то, аль на время, отдохнуть?

Діодоръ ничего не отвѣчалъ на разспросы дяди Егора, да врядъ ли и слышалъ ихъ... Онъ глядѣлъ на дорогу, по которой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выѣзжалъ изъ Подгорнаго такой бодрый и свѣжій,—и жгучія слезы кипѣли у него на глазахъ. А впереди уже показалась волнистая линія холмовъ и грозно чернѣла „Тюрьма"...

Мужикъ привезъ Діодора въ Подгорное, и онъ поселился опять у зятя. Антонъ Кирилычъ нисколько не удивился пріѣзду шурина и только спросилъ, глядя на него черезъ свои огромныя очки: „совсѣмъ, что ли?"

— Врядъ ли!—отвѣчалъ Діодоръ, усмѣхнувшись.

Первое время Антонъ Кирилычъ, по старой памяти, попробовалъ-было пробирать шурина, но вскорѣ убѣдился, что это совершенно безполезно, и прикусилъ язычокъ. Предъ нимъ былъ уже не прежній мальчикъ Діодорка, котораго онъ когда-то поролъ на конюшнѣ, и не поднадзорный студентъ, надъ юношескою робостью и деликатностью котораго можно было издѣваться безъ помѣхи, а зрѣлый человѣкъ, который много видѣлъ, много испыталъ и порядкомъ-таки закалился на огнѣ житейскаго горна. Съ такимъ человѣкомъ неудобно было шутить, и Антонъ Кирилычъ это понялъ, оставивъ шурина въ покоѣ. Теперь онъ ограничивался только беззубой воркотней да безконечными жалобами на молодежь въ присутствіи Діодора; развѣ уже станетъ не въ терпёжъ, и подпуститъ старикъ беззубую шпильку по адресу Діодора; но эти шпильки вызывали только смѣхъ — и ничего больше.

Пообжившись и пооглядѣвшись, Діодоръ даже немножко удивился, какъ мало измѣнилась жизнь и люди въ Подгорномъ за

время его многолѣтняго отсутствія. Развѣ только-что „прежніе парнишки стали бородаты" да въ чащахъ „Тюрьмы" свалилось нѣсколько могучихъ старыхъ дубовъ, подмытыхъ рѣзвыми волнами Карамыша, въ ихъ вѣчномъ стремленіи на волю... Остальное все было по старому. Мужики сѣяли, жали, молотили, играли свадьбы, дрались и мирились; Антонъ Кирилычъ ворчалъ и писалъ обличенія; Ольга Ивановна спала и ѣла; Зюзя пилъ и пророчествовалъ; батюшка устраивалъ маёвки, общественныя рыбныя ловли и тому подобныя увеселительныя сборища...

Одно только удивило и поразило Діодора,—это племянница его, Лена. Онъ совсѣмъ не узналъ ея, и для него она оставалась вѣчною загадкой. Да и не мудрено: уѣзжая, Діодоръ оставилъ племянницу крошечной, блѣдненькой дѣвочкой съ большими испуганными глазами, а теперь предъ нимъ была высокая, стройная дѣвушка съ яркими задумчивыми карими глазами, съ тяжелою темнорыжею косою и загадочнымъ выраженіемъ лица. Въ первую минуту по пріѣздѣ, онъ, увидѣвъ Лену, даже остолбенѣлъ и долго глядѣлъ на нее въ удивленіи, не зная, что сказать, какъ къ ней подойти. Она первая разрѣшила его недоумѣніе. Всмотрѣвшись въ него своими строгими, внимательными глазами, она вдругъ вся освѣтилась ласковой улыбкой и съ крикомъ: „дядя Додя!"—протянула ему обѣ руки...

Что-то давнишнее, хорошее повѣяло на него, и съ невольными слезами Діодоръ бросился обнимать Леночку. Вспомнилась ему мать... вспомнились теплыя дѣтскія ручки, ласкавшія его лицо, обмоченное слезами... ласковый дѣтскій лепетъ... свѣтъ лампады... тихія звѣздныя ночи... юныя мечты и жаркія молитвы... И онъ рыдалъ, рыдалъ у ногъ своего маленькаго друга, вновь переживая душою невозвратное прошлое...

Но когда первый порывъ миновалъ и, поднявъ голову, увидѣлъ Діодоръ предъ собою строгое личико съ загадочнымъ взглядомъ,—онъ пересталъ плакать и глубоко задумался...

IV.

Странная дѣвушка была Лена, но, чтобы понять ея характеръ, намъ непремѣнно надо возвратиться назадъ и припомнить ея дѣтство, хотя это, можетъ быть, и не понравится тѣмъ, которые будутъ когда-нибудь читать эту повѣсть.

Родилась Леночка такой хилой и слабенькой дѣвочкой, что бабушка, пеленавшая ее, справедливо опасалась, какъ бы она

не умерла въ корытѣ. Такой же хилой и хворой она росла. Что съ ней ни дѣлали, чтобы ее вылечить, — и перепекали-то, отправляя на лопатѣ въ только-что истопленную печь, и нищимъ въ окно продавали, и въ Покровъ на церковную паперть клали, —ничего не помогало. Наконецъ призвали Зюзю, чтобы онъ предрекъ ей грядущую участь. Зюзя долго смотрѣлъ на крошечное сморщенное существо, барахтавшееся на подушкѣ и, понюхивая изъ березовой тавлинки табакъ, рѣшилъ: „дѣвица сія обречена Богу, и потому не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ"... Послѣ этого родители, вполнѣ убѣжденные, что не нынче—завтра дѣвочка умретъ, окончательно бросили ее на произволъ судьбы. Но Лена съ непонятнымъ упорствомъ продолжала жить, своимъ больнымъ пискомъ никому не давая покоя.

— Ахъ ты, Господи! — ворчала Ольга Ивановна, которой Леночка мѣшала безпробудно спать. — Хоть бы умирала поскорѣе...

— Унесите ее отсюда вонъ!—оралъ въ свою очередь Антонъ Кирилычъ.—Что она здѣсь пищитъ, душу надрываетъ... Надоѣла!

Бабушка схватывала дѣвочку въ свои объятія и уносила ее въ кухню.

Такъ въ кухнѣ она и выросла. Первыми воспитателями ея были бабушка, кухарка и работники. Они пестовали ее, агукали, кормили, развлекали, и она платила имъ за это самою горячею привязанностью; настоящихъ же своихъ родителей совсѣмъ не знала и не признавала. Отъ этого происходили комическіе эпизоды. Отъ матери Леночка отвертывалась и пряталась въ бабушкины юбки, а отцу, когда въ рѣдкія минуты благодушія онъ проникался желаніемъ ее приласкать, она съ дѣтскою откровенностью объявляла, что онъ „дуякъ" и „финя". Такая дочерняя непочтительность оскорбляла до глубины души самолюбиваго Антона Кирилыча, и онъ приказывалъ унести Леночку снова въ кухню.

А въ кухнѣ ее встрѣчали ласковыя лица, добродушный смѣхъ, веселыя шутки, совсѣмъ не похожія на сердитыя отцовскія поученія и на сонное бормотанье матери. Леночкина душа, просящая ласки,—какъ цвѣтокъ проситъ росы,—отдыхала среди этихъ простыхъ людей.

Подростая и съ дѣтскою чуткостью всматриваясь въ окружающее, Леночка скоро поняла всю свою семейную обстановку и уже сознательно отвернулась отъ семьи. Она чуждалась отца, вѣчно шумѣвшаго и ко всѣмъ придиравшагося, въ грошъ не ставила облѣнившуюся и ничего не дѣлавшую мать, а брата,

который, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, часто ее обижалъ,—положительно терпѣть не могла. Всю свою любовь, все сочувствіе она цѣликомъ отдала чужимъ, ласкавшимъ ее, людямъ и въ сторонѣ отъ родной семьи создала себѣ особый мірокъ. Въ этомъ міркѣ у нея были свои печали, свои радости... Вся душа ея озарялась какимъ-то мягкимъ свѣтомъ, когда она переносилась въ прошлое, но особенно яркія воспоминанія сохранились у нея о дядѣ и о полубаровскомъ пчельникѣ.

Григорій Полубаровъ былъ старый калугуръ, родоначальникъ огромнаго, чуть не въ 50 душъ, семейства. Уже въ то время ему было около 80-ти лѣтъ. Въ Подгорномъ его считали богачомъ, потому что у него былъ большой каменный двухъ-этажный домъ и великолѣпный садъ съ пчельникомъ за Карамышемъ. Среди своихъ единовѣрцевъ онъ слылъ за перваго начетчика и знатока Писанія; дѣйствительно, онъ давно уже не занимался хозяйствомъ, сдавъ все своимъ сыновьямъ и внукамъ, и цѣлые дни просиживалъ въ своей верхней горенкѣ за чтеніемъ огромныхъ старопечатныхъ фоліантовъ. Старой вѣрѣ онъ былъ преданъ до фанатизма и на бесѣдахъ, устраиваемыхъ иногда батюшкою съ цѣлью искорененія раскольничества въ своихъ прихожанахъ, являлся самымъ ярымъ и самымъ краснорѣчивымъ противникомъ о. Парѳена. Эти бесѣды еще болѣе упрочивали за нимъ репутацію строгаго ревнителя древняго благочестія, и крошечная горенка его безпрерывно посѣщалась народомъ, стекавшимся къ нему послушать поученій, растолковать темное мѣсто въ Писаніи или просто посовѣтоваться насчетъ разныхъ житейскихъ неурядицъ. Приходили не только подгоринцы, но и изъ окрестныхъ деревень многіе считали своимъ долгомъ побывать у старика Полубарова.

Такъ, среди всеобщаго почета и уваженія, доживалъ свой вѣкъ старикъ, сидя въ темной горенкѣ, гдѣ предъ тусклыми ликами старинныхъ иконъ вѣчно теплилась у него лампада, пугая по ночамъ запоздалыхъ прохожихъ.

— Ишь ты, старый шутъ!—шептали они, крестясь, и спѣшили скорѣе пройти мимо каменнаго дома.—И чтò онъ только дѣлаетъ по ночамъ? Колдуетъ, что ли, а можетъ, фальшивыя монеты дѣлаетъ... Кто его знаетъ?

А огонекъ вспыхиваетъ еще ярче и какъ будто подмигиваетъ прохожему, говоря:

— Ладно, - какъ вы тамъ себѣ ни поговаривайте, а славно тутъ намъ со старымъ дѣдомъ...

У стараго калугура была сестра – старая дѣвица, Прасковья.

Она еще съ дѣтства посвятила себя въ „Христовы невѣсты“ и вотъ какъ обыкновенно разсказывала объ этомъ посвященіи:

— Было мнѣ, свѣтики мои, въ тѣ поры всего 12 годочковъ. Съ чего приключилось, не вѣдаю, но только стали вдругъ у меня сохнуть мои рѣзвыя ноженьки. Высохли, какъ щепочки, и ходить я уже не могла, и такъ лежала я цѣлыхъ два года, ни живая, ни мертвая. Придетъ, бывало, весна-красна, подружки мои въ лѣсъ бѣгаютъ, во луга пойдутъ вѣнки завивать, а я лежу, да горючьми слезьми обливаюся. И таково-то мнѣ горько стало, что взмолилась я Господу-Богу, Іисусу Христу: „Господи, вороти ты мнѣ мои ноженьки, вѣкъ Тебѣ слугою буду, отъ замужества отрекаюся, обѣщаюсь служить Тебѣ вѣрой-правдою“... И только-что, милые мои, я это съ великими рыданіями выговорила, въ тую-жъ минутую мнѣ полегчало... Дальше-больше, дальше-больше,—глядь, и совсѣмъ на ноги поднялась. Съ тѣхъ поръ и больна ни разу не была, словно рукою сняло. Такъ вотъ и живу, благодарю Бога. Хорошіе женихи сватались,— всѣмъ отказывала...

Прасковья была немногимъ моложе брата, но выглядѣла еще бодрою и живою старушкой. Въ Писаніи она также была дока, а въ краснорѣчіи и въ ярой преданности старовѣрческимъ преданіямъ ничуть не уступала брату. Не разъ случалось и ей выходить на религіозныя бесѣды съ батюшкою. Но самымъ главнымъ занятіемъ ея было леченіе больныхъ и ухаживанье за ними. Едва только узнавала она, что кто-нибудь заболѣлъ на селѣ или даже въ другой деревнѣ, она немедленно надѣвала бѣлый шушунъ, брала въ руки огромную суковатую палку и съ молитвою отправлялась къ больному. Ее не останавливали ни грязь, ни метель, ни холодъ, ни жаръ. И все это дѣлалось совершенно безвозмездно, единственно „для души“. Придя къ больному, Прасковья прежде всего осѣняла его крестнымъ знаменіемъ и потомъ уже принималась исполнять свои обязанности, т.-е. подавала ему пить, читала надъ нимъ молитвы, утѣшала и развлекала его и не отходила отъ него до тѣхъ поръ, пока больной не выздоравливалъ или не умиралъ.

Кромѣ молитвъ и разныхъ наговоровъ, она употребляла также и медикаменты. Въ божничкѣ у нея хранились разныя полезныя снадобья. Отъ ломоты она лечила „самореей“ [1]), отъ лихорадки —раковыми глазками, отъ головной боли—особымъ травникомъ, настоеннымъ на 77 травахъ.

[1]) Сарсапариль.

Жила Прасковья въ крошечной хибаркѣ, выстроенной для нея братомъ на дворѣ. Здѣсь у нея было очень уютно: закоптѣлыя стѣны увѣшаны образами, предъ которыми теплилась неугасимая лампада, столъ накрытъ бѣлою скатертью съ красными коймами, земляной полъ застланъ мягкимъ душистымъ сѣномъ, а подъ потолкомъ на веревкахъ развѣшаны аккуратные пучечки донника, мяты, душицы и прочихъ лекарственныхъ травъ, наполнявшихъ воздухъ острымъ ароматомъ.

Марья Филипповна, Леночкина бабушка, была въ большой дружбѣ съ старой калугуркой, вылечившей ее когда-то отъ „живота", и частенько навѣдывалась къ ней въ гости. Иногда она брала съ собою и внучку. Леночка очень любила бывать у Прасковьи: ей нравилась и крохотная ея избушка, пропитанная запахомъ донника, и сама Прасковья въ своемъ синемъ косоклинномъ сарафанѣ, застегнутомъ на множество круглыхъ мѣдныхъ пуговокъ, съ темнобронзовымъ добродушнымъ лицомъ, испещреннымъ глубокими морщинами, съ пѣвучею ласковою рѣчью. Прасковья, въ свою очередь, привязалась къ дѣвочкѣ. Она угощала ее калинниками и кулагой, дарила ей расшитыя красной бумагой полотенца, а когда Леночка подросла, показала ей свои завѣтныя старинныя книги въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками. Сначала Леночку очень пугали эти книги, и она съ тайнымъ ужасомъ всматривалась въ эти пожелтѣвшія страницы, испещренныя красными, какъ кровь, заставками и неуклюжими славянскими буквами. Потомъ, научившись читать, она перестала ихъ бояться и уже довольно храбро прочитывала цѣлыя главы изъ книги „Маргаритъ" или изъ „Златого Бисера", чѣмъ вызывала полное одобреніе со стороны Прасковьи, съ цѣлой чашкой моченыхъ яблокъ въ придачу.

— Что за дитя ростетъ у васъ, Филипповна!—восторгалась Прасковья, гладя Леночку по головкѣ. — Истинно, и малыхъ Господь умудряетъ и наставляетъ..

— Ты вотъ что̀, свѣтъ мой, Еленушка! — обращалась она уже къ дѣвочкѣ:—Не ходи ты замужъ, родимая! Соблюди себя для Господа,—вишь, ты какая премудрая ростешь. Живи вольною пташкой на бѣломъ свѣтѣ, любо тебѣ будетъ. Куда бы ты ни вспорхнула, куда бы ни полетѣла, никто тебѣ не помѣшаетъ, никто не скажетъ тебѣ слова грознаго: вездѣ тебѣ привѣтъ, ласка да мягкая постелюшка. Сираго ты приласкаешь, убогаго утѣшишь, больного успокоишь... Хорошо, дѣвушка, своей волей жить! А выйдешь замужъ,—мужъ-то грозный, свекровь-то суро-

вая, а тамъ пойдутъ заботушки—малыя дѣтушки... Не ходи замужъ, дѣвушка; на своей волѣ лучше...

— Я, бабушка, и то не пойду! — шептала Леночка въ отвѣтъ на пѣвучія рѣчи Христовой невѣсты.

Прасковья еще нѣжнѣе гладила ее по головкѣ и, развернувъ одну изъ своихъ толстыхъ книгъ, принималась читать ей о какой-нибудь великой дѣвственницѣ, промѣнявшей земныя радости на райское блаженство.

Но настоящій праздникъ наступалъ для Леночки, когда къ Прасковьѣ приходила въ гости одна ея „во Христѣ сестрица“, бабушка Ѳедосья. Она была также, какъ Прасковья, старой дѣвицей; лѣтъ ей было столько, что она сама давнымъ-давно и счетъ имъ позабыла. Кто говоритъ, что ей 90, а кто и всѣ 100 насчитывалъ. Вѣрнѣе всего послѣднее, потому что Ѳедосья отлично помнила Пугача, а во время нашествія французовъ она совсѣмъ уже „большой дѣвкой“ была. Отъ старости она вся согнулась и не могла ходить безъ палки; иногда отказывались ей служить и глаза, но зато она сохранила необычайную память и ясность воображенія. Она великолѣпно и до мельчайшихъ подробностей помнила свое прошлое, и сколько она знала легендъ, сказокъ, былинъ,—въ годъ не переслушаешь!

Поэтому Леночка всегда несказанно радовалась приходу старой Ѳедосьи. Едва только старуха, предварительно ощупавъ предъ собою палкою землю, переваливалась черезъ порогъ Прасковьиной хибарки, Леночка бросалась къ ней на-встрѣчу, немедленно забиралась къ ней на колѣни и требовала, чтобы бабушка разсказала ей какую-нибудь „былинку“.

— Э, ну тебя!—хрипѣла старуха, откашливаясь и переводя духъ.—Ослѣпла я, ничего не вижу, а тебѣ былинку...

— Бабушка, разскажи! Родимая, разскажи! — умоляла Леночка.

Ѳедосья смягчалась и уступала просьбамъ дѣвочки. Откашлявшись и отдышавшись какъ слѣдуетъ, она облокачивалась на свой посохъ и начинала разсказъ про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, свистомъ, гикомъ молодецкимъ оглашавшихъ нѣкогда дремучія дебри „Тюрьмы“, про красныхъ дѣвицъ, выбѣгавшихъ за тесовыя ворота на-встрѣчу этимъ молодцамъ, про Пугача, про старинное житье-бытье... Мало-по-малу голосъ ея, вначалѣ хриплый и дрожащій, становился звучнѣе, и сама она вся преображалась, увлекаясь своимъ собственнымъ разсказомъ, переносившимъ ее въ далекое прошлое. Сгорбленный станъ ея выпрямлялся, сморщенныя вѣки приподымались, безцвѣтные, тусклые глаза

загорались... Она словно молодѣла, переносясь мыслью къ тому времени, когда она была не сморщенной, хилой старухой, а бойкой, краснощекой, горластою дѣвкой...

— Эхъ, дитятко!—перебивала она иногда сама себя, сверкая глазами. — Развѣ такая я была-то тогда? Да и народъ-то развѣ такой былъ? Лѣса тогда были дремучіе и люди сильные, крѣпкіе, не то что нынѣшніе заморыши. Бывало, на медвѣдя одинъ-на-одинъ хаживали, а нынѣ — идетъ какой-нибудь съ ружьишкомъ, сухонькій да щупленькій; вѣтерокъ подуетъ — съ ногъ его сшибетъ; былинкой зацѣпитъ —ножку переломитъ. Да и жили тогда лучше; другъ за друга стояли горой, въ миру да въ ладу, а нынѣ все врозь пошло... Эхъ, времячко золотое, и куда ты дѣлося?..

Тутъ старуха опускала голову и горько задумывалась. Леночка сидитъ-сидитъ, да и толкнетъ ее.

— Бабушка, что же ты замолчала? Разсказывай!

— Ась? Да, разсказать-то тебѣ я хотѣла? Про что бишь я начала-то? Да, про Емелюшку добра-молодца, сына казацкаго... Ну, слушай...

И старуха начинала снова прерванный разсказъ. Слушаетъ ее Леночка, и сама мысленно переносится вмѣстѣ съ нею въ тѣ бурныя героическія времена, совсѣмъ непохожія на теперешнюю сѣренькую жизнь, безъ богатырей и громкихъ подвиговъ...

— Да, дитятко, удалъ былъ Емельянъ Иванычъ, крѣпко стоялъ онъ за вѣру, за волю, да погубила его кровь человѣческая. Больно много онъ, дитятко мое, крови пролилъ, а особливо покаралъ его Господь за чистую голубицу, боярскую дѣвицу, Христову невѣсту... Изловилъ его поганый колдунъ-нѣмецъ, нехристь окаянный, заклялъ его въ трехъ горахъ, на семи ножахъ, и некуда было податься Емелюшкѣ. Со всѣхъ трехъ сторонъ лежитъ предъ нимъ дороженька, а пройти по ней ему нельзя. Горько всплакалъ тогда Емельянъ Иванычъ, снялъ съ себя красну шапочку-червленую, бросилъ о земь и возговорилъ: „согрѣшилъ я предъ тобою, Господи, загубилъ много душъ христіанскихъ, пропадать, видно, мнѣ по грѣхамъ моимъ"... И тутъ налетѣли на него со всѣхъ сторонъ слуги царскіе, перебили всю его армію великую, крестьянскую, а его самого въ полонъ взяли и снесли ему буйную головушку по самыя плечи...

— Такъ-то вотъ, дитятко,—это ты себѣ запомни, — черезъ кровь и доброе дѣло не спасаетъ. Потому она вопіетъ ко Господу, и Господь за нее всегда покараетъ. Кто кровь пролилъ,

того Господь всегда найдетъ. Ежели не его, такъ дѣтей покараетъ... Такъ-то и Емелюшка... Не пролей онъ невинной крови,— не поддался бы онъ лиходѣю-нѣмцу. И были бы мы давно вольныя птахи, летали бы по поднебесью...

— А какъ узналъ народъ нашъ, что Емелюшка пропалъ,—какъ всплакалъ онъ, какъ возрыдалъ, ажъ страшно стало. Ждали его мужички и крѣпко на него надѣялись... Потому трудно было тогда жить крестьянству, дитятко! Поборы были тяжелые, помѣщики лютые. Страшно вспомнить, что̀ было! Измывались надъ человѣческой душой безъ удержу, жилы тянули, людей на собакъ мѣняли. Будьте вы, анаѳемы, прокляты! Своими глазами я, грѣшница, видѣла, какъ вотъ такого же робеночка, какъ ты, дитятко, собаками замѣсто зайца затравили... Дѣвокъ нагишомъ въ сохи запрягали, да пахали на нихъ, кнутьями ременными подстегивали... И шли бѣдныя дѣвицы, а по тѣлу-то бѣлому кровавые ручьи текли и полны борозды этой кровью невинной наливалися... Охъ, да и хороша же въ тотъ годъ пшеница уродилась,—стѣной стояла! Не росой-дождемъ полита она была, а дѣвичьей кровью.

Леночка вся вздрагивала отъ ужаса и крѣпко прижималась къ бабушкѣ. А Ѳедосья продолжала, покачивая сѣдой головой:

— Да, дитятко, много я видѣла... и не дай, Господи, твоимъ свѣтлымъ глазкамъ видѣть то, что̀ мнѣ привелось на грѣшномъ вѣку моемъ...

— Бабушка, да неужто это взаправду все было?—спрашивала Леночка.

— Взаправду, груздикъ мой; кабы не взаправду, не разсказывала бы я тебѣ этого.

— И тебя, бабушка, сѣкли?

— А то какъ же? Всѣхъ пороли, такое уже время было тогда. И меня пороли.

— За что же, бабушка?

— За правду, свѣтикъ мой. Я за правду всегда стояла. Былъ у насъ управитель Кашпаровъ, лютый-прелютый, аки звѣрь. Что̀ онъ только дѣлалъ, — не приведи, Господи! Вотъ я однажды пошла къ нему, да все ему и выгвоздила. Онъ приказалъ меня схватить и отпороть плетями, а самъ на крылечкѣ стоялъ въ это время, да хохоталъ, взявшись подъ бока. Конечно, ему забавно было глядѣть, какъ старуху позорили; онъ все покрикивалъ: „поддай, поддай!“ Безъ памяти меня оттащили на конюшню; долго я валялась-хворала; спасибо, вотъ, Прасковьюшка меня выходила... Да вотъ постой, я тебѣ покажу...

Өедосья приподняла рубашку и показала Леночкѣ свои ноги, покрытыя страшными рубцами, шишками и буграми; это были скорѣе не человѣческія ноги, а стволы какихъ-то странныхъ деревьевъ...

— Ахъ, какъ страшно, бабушка! — шептала Леночка, зажмуриваясь и вся дрожа.—И давно это было?

— Недавно было, ягодка моя. Еще при батюшкѣ твоемъ было.

— И батюшка мой такъ же дѣлалъ?

— А то какъ же? Всѣ они на одну колодку сбиты. Не мало и твой батюшка нашей мужицкой шкуры поспустилъ. Вдовку тутъ одну передъ самой волей схоронили... Ну, да какъ царь Александръ,—дай ему, Господи, долгаго вѣку!—волю объявилъ, посмирнѣе стали! Обкорнали имъ ногти-то вострые! Полегче намъ стало. Да и еще лучше бы было, ежели бы воля-то не скрадена была. А то, вишь, бояре настоящую-то волю скрали, да черною печатью и запечатали...

Өедосьины разсказы производили на Леночку потрясающее впечатлѣніе. Послѣ нихъ она долго не спала по ночамъ, а если и засыпала, то ей снились страшные сны. Слышались ей стоны, вопли, свистъ нагаекъ, звѣрскій ревъ и гамъ, торопливые звуки набата... Въ зловѣщемъ заревѣ пожара видѣла она Емелю Пугача въ „червленой шапочкѣ“ на бекрень, на бѣломъ конѣ, съ карающимъ мечомъ въ рукахъ; видѣла страшнаго Кашпара, съ звѣрскимъ смѣхомъ запрягающаго въ соху блѣдную красавицу съ распущенными по плечамъ волосами и окровавленнымъ лицомъ. Красавица плакала, простирала впередъ свои связанныя руки и молила: „отпечатай меня, я—воля!“..

Въ ужасѣ просыпалась напуганная дѣвочка и, стуча зубами отъ страха, долго просиживала въ своей кроваткѣ, боясь заснуть, боясь раскрыть глаза, чтобы не увидѣть на яву страшныхъ видѣній.

А на утро она бѣжала къ дядѣ, передавала ему свои впечатлѣнія, и ей становилось легче. У дяди такъ славно было сидѣть на колѣняхъ и онъ такъ задушевно хохоталъ надъ сказками Өедосьи, что Лена и сама начинала смѣяться.

— Развѣ это неправда, дядя Додя?—спрашивала она, пытливо на него глядя.

— Разумѣется, неправда, Леночка. Это все сказки. Да и тѣ твоя Өедосья отъ старости на половину позабыла. Не слушай ея, дѣвочка!

— Значитъ, и Емели не было?

— Былъ Емеля, но только все это совсѣмъ не такъ происходило, какъ Ѳедосья тебѣ разсказывала. Ты еще маленькая, Леночка, а потому многаго не поймешь; но вотъ когда выростешь, учиться будешь, читать, тогда все узнаешь.

— А про волю, что она черною печатью запечатана, тоже неправда?

— Неправда.

— И это неправда, что господа мужиковъ сѣкли и продавали, что они дѣвушекъ въ сохи запрягали, а маленькихъ дѣтей собаками травили? Тоже неправда?

— Нѣтъ, Леночка, это правда; но это все было и прошло и никогда больше не воротится.

— И мой папаша тоже сѣкъ? — продолжала неугомонная дѣвочка.

Вмѣсто отвѣта дядя Додя схватывалъ свою гитару и ударялъ по струнамъ.

— Неправда это, Леночка, полно объ этомъ толковать. Давай, лучше я тебѣ пѣсню спою...

— Ахъ, когда же это я выросту большая и все узнаю! — съ грустью шептала дѣвочка.

Но веселые звуки гитары выводили ее изъ задумчивости. Она начинала улыбаться, прищелкивала пальчиками подъ ладъ гитарѣ и наконецъ пускалась притопывать и припѣвать о томъ, какъ одна дѣвица на утренней на зарѣ коровушку доила, молочко цѣдила да душу-Ваню поила...

Напоимши, приговаривала:
Не женись ты, душа-Ванюшка;
Какъ женишься,—перемѣнишься...

Съ наступленіемъ весны, когда фруктовые сады за Карамышемъ точно снѣгомъ покрывались цвѣтами, а все Подгорное наполнялось опьяняющими благовоніями, Прасковья Полубарова переселялась на пчельникъ, а съ нею вмѣстѣ переносились туда же и ея обычныя собранія. Здѣсь, подъ тѣнью развѣсистыхъ яблонь и грушъ, было еще лучше, чѣмъ въ темной ея хибаркѣ. Деревья стояли, словно улыбающіяся невѣсты, въ своей благоуханной блѣднорозовой одеждѣ и щедро усыпали землю цвѣтами съ своихъ брачныхъ уборовъ. И все пѣло, ликовало вокругъ нихъ. Въ тихіе жаркіе полдни надъ ихъ многовѣтвистыми вершинами жужжали пчелы и танцовали ярко-разубранныя бабочки, а по ночамъ къ нимъ прилетали соловьи... На яву сбывались

тѣ волшебные сны, которые въ долгія зимнія ночи снятся человѣку, измученному вьюгами и морозами...

Леночка часто посѣщала полубаровскій пчельникъ. Каждый почти вечеръ онѣ съ бабушкой спускались внизъ по обрыву, отвязывали лодку и переправлялись на тотъ берегъ; иногда брали съ собой и дядю Додю, отчего имъ становилось еще веселѣе. Здѣсь встрѣчалъ ихъ иной свѣтлый міръ; изъ душныхъ, темныхъ комнатъ, наполненныхъ сердитой отцовской воркотней, они сразу переносились подъ широкое ласковое небо, на приволье и просторъ зеленыхъ, цвѣтущихъ садовъ. Можно было сколько душѣ угодно бѣгать, хохотать, кричать, не боясь окрика, не слыша угрозы „выпороть". Ноги путались въ высокой шелковой травѣ, въ расширенную грудь волнами лился пахучій воздухъ, глаза разбѣгались, не зная, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться. Прасковья, покрытая бѣлымъ полотенцемъ, угощала гостей свѣжимъ медомъ; приходилъ старый Полубаровъ, весь день просидѣвшій гдѣ-нибудь въ холодкѣ, на прибрежной кочкѣ, съ удочкой въ рукѣ, и затѣвалъ варить уху. На берегу зажигали огромный костеръ; яркое пламя тихо волновалось въ неподвижномъ воздухѣ, съ трескомъ подлизывая сухіе сучья. Всѣ собирались у костра; начинались разговоры. Больше всѣхъ говорили дядя съ Полубаровымъ о будущемъ урожаѣ, о разныхъ породахъ рыбъ, о томъ, какая рыба въ какое время лучше всего ловится; иногда между ними загорался споръ о вѣрѣ. Дядя съ жаромъ нападалъ на узость и грубость раскольничьяго міросозерцанія, толковалъ о евангельской любви, терпимости и всепрощеніи; Полубаровъ горячо ему возражалъ. Старикъ воодушевлялся; впалые глаза его сверкали, сѣдая борода тряслась, голосъ гудѣлъ и рокоталъ, какъ труба. Такъ они спорили до глубокой ночи, не замѣчая, какъ на небѣ зажигались звѣзды, какъ подъ дремлющими деревьями сгущались тѣни, а надъ Карамышемъ тихо поднимался бѣлый паръ. Первая спохватывалась Марья Филипповна.

— Ахъ, батюшки!—восклицала она.—Какъ мы у тебя засидѣлись, Петровна! Чай, насъ дома-то хватились давно...

Діодоръ бѣжалъ отвязывать лодку, а Полубаровы шли провожать гостей.

Пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе!—гудѣлъ съ берега старикъ вслѣдъ лодкѣ.—Я тебя полюбилъ. И бабушку съ внучкой привози...

— Ладно!—отзывался Діодоръ, отчаливая отъ берега, гдѣ въ синей мглѣ долго еще бѣлѣлась рубаха старика, озаряемая вздрагивающимъ блескомъ потухающаго костра.

Въ это время обыкновенно Леночка, набѣгавшаяся, нагово-

рившаяся и наслушавшаяся, прикорнувъ къ дядѣ или бабушкѣ, крѣпко засыпала подъ мѣрный, убаюкивающій всплескъ веселъ, подъ заунывную дядину пѣсню. Тихъ и сладокъ былъ ея сонъ и только изрѣдка нарушался всплескомъ какой-нибудь огромной рыбины, вздумавшей поиграть съ мѣсячными лучами, дробившимися въ водѣ. Дѣвочка вздрагивала, просыпалась и въ испугѣ лепетала, прижимаясь къ дядѣ:

— Ахъ, дядя... бабушка... какъ страшно!

— Что ты, дѣвочка?—слышался надъ нею тихій знакомый голосъ.

— Ой, страшно, боюсь я... Это водяной встрепыхнулся!

— Какой водяной, Лена?—успокоивалъ ее дядя.—Ихъ нѣтъ... не бываетъ. Это все сказки.

— А вонъ что̀ это тамъ свѣтится... въ лѣсу?.. Это лѣшіе ходятъ...

— И лѣшихъ не бываетъ, Леночка. Это звѣздочки... гляди, сколько ихъ надъ тобою...

Леночка взглядывала на небо: оно все дрожало и искрилось безмолвными таинственными огнями... Дѣвочка улыбалась и снова спокойно засыпала.

Такъ дядина правда разсѣявала лѣсной туманъ, въ которомъ жила дѣвочка.

V.

Проводя съ Леночкой цѣлые дни и внимательно наблюдая за ея развитіемъ, Діодоръ сразу подмѣтилъ въ ней преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ и осторожно старался вывести ее на прямой, широкій путь свѣтлой правды. Шагъ за шагомъ онъ разрушалъ дикій міръ ложныхъ представленій и нелѣпыхъ о̀бразовъ, которыми старыя раскольницы и вся окружающая жизнь наполнили воспріимчивую голову дѣвочки. Лѣтомъ онъ водилъ Лену по лугамъ, по лѣсамъ, разсказывая ей о растеніяхъ и животныхъ; зимой занималъ ее разными житейскими правдивыми исторіями прошлыхъ и нынѣшнихъ временъ. И дѣвочка очень радовала своего учителя и друга быстрыми успѣхами.

Объ одномъ никогда не разсказывалъ Діодоръ своей способной ученицѣ,—это о своихъ разбитыхъ надеждахъ и разочарованіяхъ, преждевременно растерзавшихъ его молодое, вѣрившее сердце. Никогда не говорилъ дядя Додя, отчего онъ такъ горько задумывается по временамъ, отчего его свѣтлые глаза заволаки-

ваются иногда туманомъ. Однако Леночка замѣчала дядину грусть, какъ онъ ее ни скрывалъ.

— Дядя Додя, о чемъ ты плачешь?—спрашивала она его.

— Что ты, Леночка, я совсѣмъ не плачу... Это тебѣ показалось,—увѣрялъ дядя.

Но Леночка недовѣрчиво качала головой и долго потомъ раздумывала надъ вопросомъ, отчего грустить и печалится дядя?

Наконецъ, ей, повидимому, удалось рѣшить этотъ вопросъ. Она поняла, что дядѣ очень тяжело жить въ ихъ домѣ, поняла, что отецъ за что-то преслѣдуетъ дядю и придирается къ нему, устроивая ему ежедневныя сцены Хотя Леночка не могла уяснить себѣ настоящей сути этихъ сценъ, но, не колеблясь, рѣшила, что неправъ отецъ, и все свое сочувствіе отдала дядѣ. Съ каждымъ днемъ она возмущалась противъ отца все болѣе и болѣе, и мало-по-малу ея негодованіе перешло въ открытую непріязнь. Леночка уже сознательно стала избѣгать и бояться отца. Въ его присутствіи она чувствовала себя очень тяжело, смотрѣть на него не могла иначе, какъ исподлобья, а на вопросъ его всегда отвѣчала упорнымъ молчаніемъ. Это еще болѣе раздражало Антона Кирилыча и вызывало новыя сцены.

— Что ты все хмуришься?—спрашивалъ онъ ее за обѣдомъ.— А? Я тебя спрашиваю, или нѣтъ? Что хмуришься? Ну что, что?

Лена упорно молчала; домашніе начинали чувствовать тревогу и тоску; одинъ Володя хихикалъ, наслаждаясь спектаклемъ. А Антонъ Кирилычъ продолжалъ неумолимо:

— Знаю я, чьи это штуки! Вижу, откуда вѣтеръ подуваетъ! Очень благородно возстановлять дѣтей противъ родителей! Это называется благодарность за хлѣбъ-соль. Что же ты будешь мнѣ отвѣчать, гадина, или нѣтъ?—уже вскрикивалъ онъ, ударяя ножемъ по столу.

Лена молчала, глядя въ землю, и перебирала въ рукахъ уголъ скатерти.

— Ага, ты молчишь! Ну, хорошо. Володя, выведи ее за дверь.

Володя выводилъ сестру вонъ, а вслѣдъ за нею блѣдный, съ дрожащими губами, выходилъ и Діодоръ.

— Ага! Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!—злорадно напутствовалъ отецъ — Уйти изволили! Чтожъ, и отлично! Великолѣпно! Никто кланяться не станетъ. А Ленку я выпорю...

А Ленка въ это время поджидала дядю гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и едва только онъ выходилъ, она бросалась къ нему на шею и шептала:

— Дядя Додя, уйдемъ отсюда... Здѣсь скучно, скверно; я

знаю теперь, о чемъ ты плачешь. Уйдемъ, милый дядя, далеко! выстроимъ себѣ избушку у Прасковьи на пчельникѣ, возьмемъ бабушку и будемъ жить. Хорошо?

— Хорошо, Леночка,—отвѣчалъ Діодоръ и, скрѣпя сердце, улыбался.

Мечты Леночкины не осуществились Скоро дядя Додя уѣхалъ, и она осталась одна въ угрюмомъ отцовскомъ домѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни Лены. Кончилось царство свѣта и правды; глубокій, мертвящій мракъ снова наполнилъ ея молодую душу.

Страшно и долго тосковала Леночка послѣ отъѣзда дяди. Дѣтская живость и рѣзвость ея исчезли: она словно сразу постарѣла на нѣсколько лѣтъ. Прежнія забавы не развлекали ея больше: въ обществѣ бабушки и Прасковьи Полубаровой она скучала, а старая Ѳедосья не могла уже разсказывать ей свои сказки и былинки. Въ одинъ теплый сентябрьскій день вышла она за ворота погрѣться на солнышкѣ, да и заснула на вѣки, а вмѣстѣ съ нею умерли и ея легенды. Одинокая и задумчивая бродила Леночка по дому, наполняя образовавшуюся вокругъ нея унылую пустоту своими мечтами. Окружающая обстановка еще болѣе способствовала развитію этой ранней мечтательности.

— Что у тебя дѣвка шляется зря?—шумѣлъ Антонъ Кирилычъ на жену, когда Леночка попадалась ему на глаза.—Ты хоть бы присадила ее за дѣло за какое-нибудь; чего она вертится безъ толку да глазами хлопаетъ. Слава Богу, не маленькая дылда, пора и къ дѣлу пріучаться.

Ольга Ивановна поспѣшно уводила дѣвочку въ дядину комнату, засаживала ее за чулокъ и, задавъ, сколько нужно связать къ вечеру, уходила, плотно притворивъ за собою дверь.

Дѣвочка оставалась одна. Вокругъ нея воцарялась мертвая тишина, изрѣдка только нарушаемая хлопаньемъ дверей въ другихъ комнатахъ да сердитымъ шлепаньемъ отцовскихъ туфель. Но Леночка уже не слышитъ этого; она всею душою переселяется въ созданный ею самою чудный фантастическій міръ. Блестятъ и постукиваютъ стальныя спицы, медленно тянется нитка изъ клубка, а въ Леночкиной головкѣ одна ярче другой роятся причудливыя грезы, одинъ за другимъ создаются цѣлые романы. Главнымъ и неизмѣннымъ героемъ всѣхъ Леночкиныхъ романовъ былъ дядя Додя. Уѣзжая, онъ сказалъ ей на прощанье: „ну, Леночка, жди меня: если повезетъ мнѣ, я пріѣду къ тебѣ и возьму тебя отсюда“... Эти слова глубоко залегли Леночкѣ въ душу: она вѣрила въ нихъ и ждала. И въ ожиданіи строила

воздушные замки, среди которыхъ не было другого героя, кромѣ дяди...

Въ это время Володю отвезли въ городъ и отдали въ гимназію. Онъ великолѣпно сдалъ экзаменъ и поступилъ прямо въ третій классъ. Возилъ его самъ Антонъ Кирилычъ и вернулся изъ города въ восторженномъ настроеніи. Онъ даже нѣсколько дней ни на кого не бранился, со всѣми былъ ласковъ и, покуривая трубочку, не уставалъ разсказывать всѣмъ и каждому о тріумфѣ его Володи.

— Всѣ меня поздравляли,—разсказывалъ онъ.—„Ну, говорятъ, у васъ сынокъ... Это просто геній. Какія способности! Какое соображеніе!“ Когда онъ экзаменовался, самъ директоръ пришелъ посмотрѣть. „Чей это?“ спрашиваетъ. Всѣ на меня указываютъ. Подошелъ, руку подалъ. „Ну, говоритъ, поздравляю. Мы бы, говоритъ, съ удовольствіемъ приняли его въ четвертый прямо, но по лѣтамъ-то онъ едва и въ третій годится. Ну, да ужъ такъ и быть; ради его необыкновенныхъ способностей“... Ну и прочее... А Володька такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ... Всѣ до одной пятерки. Полянскаго сынъ-то постарше, а еле-еле прошелъ, съ большой натяжкой. Полянскій самъ стоитъ, смотритъ на Володю, ажъ позеленѣлъ отъ зависти... Вотъ, дурочка!—прибавлялъ Антонъ Кирилычъ въ заключеніе, обращаясь къ Леночкѣ:—вотъ братъ-то у тебя какой!

Леночка угрюмо молчала и думала: „небось, и я бы отличилась, еслибы меня учиться отдали“... Горькая зависть къ Володину счастью разъѣдала ея сердечко. „Все для него... обо мнѣ никто и не думаетъ“,—шептала она и еще больше забивалась въ свой уголъ.

Дѣйствительно, объ ея ученьѣ никто не заботился. Антонъ Кирилычъ былъ того мнѣнія, что женщинѣ совсѣмъ не нужно учиться. „Состряпать обѣдъ, сшить-связать, за хозяйствомъ посмотрѣть—и довольно. На кой чортъ бабѣ ученье? Выйдетъ замужъ, все равно забудетъ, а пожалуй еще и передъ мужемъ фордыбачить станетъ: я-де ученая... Видали мы тоже такихъ-то. Нѣтъ, безъ ученья-то оно спокойнѣе“... Такъ разсуждалъ Антонъ Кирилычъ, и Леночкѣ предоставлена была полная свобода заботиться самой о своемъ развитіи. Дѣтская пытливость ея была уже возбуждена уроками дяди, поэтому Леночка не могла ограничиться одной стряпней, шитьемъ и вязаньемъ; воспріимчивый мозгъ ея постоянно искалъ себѣ другой, интересной работы.

Въ этихъ безплодныхъ, но жаркихъ исканіяхъ, въ вѣчномъ стремленіи къ неизвѣданному, разжигаемомъ скукой, одиноче-

ствомъ и мечтами, Леночка скоро добралась до книгъ и пристрастилась къ чтенію.

Въ старомъ шкафу, стоявшемъ въ дядиной комнатѣ, былъ свaленъ въ безпорядкѣ самый разнообразный книжный хламъ, вывезенный вмѣстѣ съ штофными драпри и фикусами изъ барской усадьбы. Тутъ были старинные романы Дюкре-Дюмениля и Жанлисъ, растрепанные томы „Библіотеки для чтенія“ 30-хъ и 40-хъ годовъ, романы „господина“ Эженя Сю, „господина“ Суліе, Леона Гозлана и прочихъ „господъ“, наконецъ, до невѣроятія истрепанное „Собраніе романовъ“ за нѣсколько лѣтъ. Какъ нѣкогда Діодоръ, такъ теперь скучавшая Леночка разрыла пыльный, изъѣденный мышами хламъ и съ головой бросилась въ эту мутную пучину романическаго хаоса. До самозабвенія упивалась она пестрою жизнью романовъ, въ которыхъ такъ чудно переплелись были съ небылицами, а люди являлись расцвѣченными причудливою творческою фантазіей; ни минуты не сомнѣвалась она, что все это дѣйствительно было, и горячо принимала къ сердцу радости и страданія своихъ любимыхъ героевъ, ненавидя ихъ враговъ и притѣснителей, сочувствуя ихъ друзьямъ. Благородный Дагоберъ, мужественный Агрикола, нѣжный, фантастическій Джальма, рыжекудрая Адріэнна, Валентина и Бенедиктъ, Валентинъ Гиллуа и самоотверженный дикарь Курумилла,—всѣ они жили предъ нею, воплощались въ реальные образы, и ихъ похожденія вызывали въ ея сердцѣ поперемѣнно то чувство восторга, то трепетъ негодованія. Глубоко потрясла ее исторія знаменитой красавицы Маріонъ Делормъ, предъ могучей красотой которой склонялись короли и которая, послѣ блеска и славы, умирала въ больницѣ умалишенныхъ одинокою и безобразною старухой... Ея образъ, то прелестный и улыбающійся, то тоскующій и печальный, долго тревожилъ воображеніе Леночки, являясь ей и во снѣ, и на-яву. Онъ словно предостерегалъ ее отъ чего-то, и Леночка впервые сознательно задумалась надъ темнымъ будущимъ, гдѣ, можетъ быть, ждала ее страшная судьба... Просматривая валявшуюся въ шкафу старую „Иллюстрацію“ и разыскавъ тамъ, среди длинной галлереи разныхъ замѣчательныхъ лицъ, также и портретъ легкомысленной красавицы, Леночка подолгу всматривалась въ бѣломраморное лицо, осѣненное черными, какъ смоль, локонами, съ смѣющимися глазами и плѣнительною улыбкою на губахъ, и сердце ея сжималось неопредѣленною тоской. „Что-то будетъ со мною?“...

Но, несмотря на такія, все чаще и чаще повторявшіяся, минуты раздумья и тайной боязни за будущее, Леночка продол-

жала неустанно чего-то жаждать и ждать, завидуя своимъ любимымъ героямъ. Ихъ романтическая жизнь, исполненная столькихъ горестей и страданій, все-таки казалась ей несравненно прекраснѣе окружающей ее уныло-однообразной жизни, безъ яркихъ приключеній, съ мелкими заботами въ промежуткахъ между ѣдой и сномъ. Даже въ своихъ мечтахъ не воображала Леночка, что жизнь можетъ быть такъ страшна и прекрасна. Многаго она еще не понимала въ ней, но отъ этого она казалась ей еще заманчивѣе. Сквозь таинственный туманъ невѣденія все принимало величественныя, чарующія формы: дѣйствительно прекрасное казалось еще болѣе прекраснымъ, а житейская грязь и безобразіе стушевывались окончательно въ яркомъ блескѣ юныхъ надеждъ.

Каждый новый день приносилъ Леночкѣ новыя тревоги и волненія. Все существо ея исполнилось страстнаго ожиданія; какъ гётевская Миньона, она жадно рвалась въ невѣдомую даль и тосковала, не находя выхода. Въ воѣ зимней бури, сыпавшей въ окна горсти снѣга, въ таинственномъ шорохѣ душныхъ, сверкающихъ зарницами, лѣтнихъ ночей, въ шумѣ дождя, въ могучемъ дыханіи лѣса ей чудились голоса, призывавшіе ее „туда, туда“,—чудились звуки и трепетъ иной жизни. Въ тихіе лѣтніе вечера, благоухающіе шиповникомъ и медуницей, въ яркія, осыпанныя росою, утра, она съ тоской глядѣла на вершины „Тюрьмы“, зубчатою стѣною синѣвшія за Карамышемъ, и тщетно простирала къ нимъ свои дрожащія руки... Никто не приходилъ оттуда, чтобы растворить предъ нею двери свободы, никто не отзывался на ея призывы ласковымъ словомъ утѣшенія и любви. Угрюмо молчала „Тюрьма“...

Въ этомъ неумолимомъ безмолвіи вся душа Леночки содрогалась отъ несдержанныхъ слезъ. Горькія рыданія вырывались изъ ея стѣсненной груди, и она падала ничкомъ на душистую траву. Въ эти минуты ей всегда вспоминался дядя, и понятны были ей теперь его тоска и томленія, его одинокія слезы.

„Дядя, дядя! — шептала дѣвочка среди нѣмой тишины лѣса. —Когда же придешь ты и возьмешь меня отсюда?“...

Нервное напряженіе ея дошло, наконецъ, до того, что поночамъ она вдругъ просыпалась вся въ поту и дрожа. Душа ея изнывала въ какомъ-то непонятномъ ужасѣ; Леночкѣ казалось, что она замурована въ гробу и никогда уже не увидитъ свѣта. Трепещущая вскакивала она съ постели и подбѣгала къ окну, въ которое безмятежно глядѣлось звѣздное небо. Видъ мерцающихъ звѣздъ, вѣтерокъ, обвѣвавшій ея голову и раскрытую грудь, успокоивали ее. „Нѣтъ, слава Богу, я еще жива“... — шептала

дѣвочка и возвращалась на постель. Но долго послѣ того она не могла еще заснуть, безпрестанно переворачивая свою подушку, чтобы охладить пылающее лицо. Сердце билось неправильно и скоро, въ ушахъ шумѣло, каждый нервъ напрягался до послѣдней степени и болѣлъ.

Между тѣмъ книги, хранившіяся въ старомъ шкафу, были всѣ прочитаны и перечитаны. Леночка принялась за отцовскія газеты. Сначала она ничего тамъ не понимала, но мало-по-малу газетный туманъ предъ нею прояснился, и за стѣною сухихъ передовыхъ статей и немногословныхъ телеграммъ она увидѣла живой, настоящій міръ, который не замедлила разукрасить своимъ воображеніемъ. Среди настоящихъ дѣятелей, какъ и среди вымышленныхъ романтическихъ героевъ, у нея явились свои любимцы и свои враги. Она ненавидѣла Наполеона со всѣмъ его блестящимъ дворомъ, и горько оплакивала смерть Виктора Нуара, застрѣленнаго племянникомъ узурпатора. Когда началась франко-прусская война,—она съ волненіемъ слѣдила за ея перипетіями, переживая душою и седанское пораженіе, и бѣдствія коммуны, дѣятелей которой она отождествила съ добрыми молодцами въ „червленыхъ шапочкахъ", о которыхъ нѣкогда повѣствовала ей старая бабушка-Ѳедосья. Въ дѣйствіяхъ тѣхъ и другихъ она находила что-то общее и, какъ прежде, подъ вліяніемъ Ѳедосьи, сочувствовала пугачевцамъ, стоявшимъ за какую-то невѣдомую волю, такъ теперь сочувствовала коммунарамъ, въ потокахъ крови искавшимъ осуществленія любви и правды на землѣ. Чувствуя сама недостатокъ свободы, дѣвочка безсознательно становилась на сторону угнетенныхъ, и всякій, хотя бы и безобразный, порывъ помочь этимъ угнетеннымъ вызывалъ ея сочувствіе. Въ это время она уже писала дневникъ, и цѣлыя кипы бумаги, исписанной неправильнымъ дѣтскимъ почеркомъ, со множествомъ грамматическихъ ошибокъ, хранились въ завѣтномъ углу шкафа. „Не съ кѣмъ мнѣ поговорить, некому разсказать, что на душѣ лежитъ, —буду говорить сама съ собою"... — писала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, которой слѣдовало еще играть въ куклы и беззаботно бѣгать по роднымъ полямъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидала каждый разъ Лена почтоваго дня, жадно глядѣла на кипу газетъ, принесенныхъ разсыльнымъ, и, выждавъ той минуты, когда въ кабинетѣ отца слышался послѣобѣденный храпъ, тихонько пробиралась въ залу и уносила газеты къ себѣ. Тутъ она зачитывалась до того, что иногда забывала относить ихъ на старое мѣсто, чѣмъ вызывала послѣ большое неудовольствіе со стороны отца.

— И кто это у меня все газеты таскаетъ? —вопрошалъ онъ, шмыгая туфлями по всѣмъ комнатамъ.—Это все Елена Антоновна изволитъ... Ишь, газетчиха какая выискалась; лучше бы чулки себѣ связала, а то голопятая ходитъ. Сударыня! — обращался онъ къ женѣ: — что вы за дочерью своей не смотрите? Кого вы изъ нея готовите? Принцессу, что ли, какую? Или нигилистку?

Это слово уже хорошо было знакомо Антону Кирилычу, потому что онъ выписалъ себѣ „Гражданина" и увлекался передовыми статьями князя Мещерскаго. „Вотъ это такъ пишетъ!— восторгался онъ.—Вотъ это голова! Это я понимаю!" И, найдя въ лицѣ мудраго князя такого могущественнаго союзника, онъ еще болѣе укрѣпился въ своихъ идеяхъ, такъ что однажды, заставъ Лену за книгой, безцеремонно выдралъ ее за уши и послалъ на кухню стирать бѣлье, приговаривая:

— Нечего баловаться-то! Я изъ тебя нигилизмъ-то твой разомъ вышибу. Ты у меня будешь книжечками забавляться. Господи, до чего мы дожили! Ребята малые сидятъ, уткнувъ носъ въ книжку! Дѣвчонка какая-нибудь паршивая, чулка не умѣетъ связать, а туда же—учиться... Драть больше! Пороть больше! Вотъ что...

Вообще въ послѣднее время Антонъ Кирилычъ, подъ вліяніемъ ли жгучихъ филиппикъ князя Мещерскаго, или подъ вліяніемъ неудачныхъ операцій съ гуртами и хлѣбомъ, порядкомъ облегчившими его карманъ, сталъ еще раздражительнѣе и желчнѣе. Впрочемъ и лѣта дѣйствовали; не даромъ Антонъ Кирилычъ иногда съ горечью отзывался самъ о себѣ: „Нѣтъ! Не тотъ я сталъ, никто меня не слушаетъ... Укатали бурку крутыя горки"... И еще болѣе погружался въ желчное недовольство. Въ немъ развилась странная подозрительность; въ каждомъ человѣкѣ онъ видѣлъ своего врага, въ каждомъ пустомъ случаѣ подозрѣвалъ подвохъ. У нихъ почти никто не бывалъ,—ни съ кѣмъ Антонъ Кирилычъ не могъ сойтись по-пріятельски. Чтобы допечь мнимыхъ враговъ, Антонъ Кирилычъ писалъ обличенія за обличеніями; но такъ какъ оныя нигдѣ не печатались, даже въ излюбленномъ „Гражданинѣ", то онъ становился еще ворчливѣе и подозрительнѣе.

— Экой народецъ сталъ! — бормоталъ онъ, сидя въ своемъ неизмѣнномъ креслѣ у окна и раскладывая пасьянсъ-Наполеонъ. —Правды совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ. Пропала, матушка, къ чорту въ зубы... Подлецъ на подлецѣ, подлецомъ погоняетъ. Вотъ хоть бы Полянскій: вѣдь какимъ мелкимъ бѣсомъ прикидывается, а какъ попросилъ у него 100 рублей на недѣлю, — не далъ,

каналья. Подлецъ! А попишка этотъ поганый! Ишь, ходитъ, рясу свою распустилъ! И все мимо окна шныритъ, все мимо окна... точно я не вижу! Знаю, голубчикъ, всѣ ваши хитрости насквозь знаю. Не проведешь! Заглядывай въ окошки-то, подслушивай... Хитра ваша поповская порода, а все же я похитрѣе васъ. Вотъ ужò, подождите, выведу я васъ на свѣжую воду... Какъ-нибудь обо всемъ князю Мещерскому напишу; онъ—благородный человѣкъ и за правду постоитъ...

Единственное, чтò утѣшало и радовало старика, это былъ Володя. Онъ учился изъ ряду вонъ хорошо, и какъ занялъ мѣсто перваго ученика при первомъ вступленіи на школьную скамью, такъ и оставался имъ до самаго окончанія курса. Каждый годъ привозилъ онъ съ собою похвальные листы и груды золотообрѣзныхъ книгъ съ надписью на первомъ листѣ: „За отличные успѣхи и благонравіе"... Наставники всѣ почти на рукахъ его носили, пророча ему блестящую будущность; зато товарищи, по слухамъ, терпѣть его не могли, потому что Володя былъ высокомѣренъ, гордъ и, по школьному выраженію, явно „подлизывался" къ начальству и вообще ко всѣмъ, кто имѣлъ власть, положеніе и деньги. Это была правда: въ самомъ дѣлѣ, Володя рано понялъ суть жизни и избралъ себѣ „благую часть". Въ немъ такъ и била черезъ край ранняя практичность, раннее знакомство со всѣми житейскими выгодами. Въ разговорѣ его постоянно слышалось слово: „выгодно", очень странно звучавшее въ его почти дѣтскихъ губахъ. Оно сдѣлалось его девизомъ, и согласно съ нимъ онъ располагалъ всѣ свои дѣйствія и поступки. Будучи отъ природы пылкаго и страстнаго темперамента, онъ уже умѣлъ подавлять въ себѣ всѣ внутреннія движенія, когда это было нужно, и подъ личиной скромности пряталъ все, чтò не „выгодно" было показывать наружу. Въ 15 лѣтъ онъ умѣлъ хитрить и притворяться не хуже мольеровскаго Тартюфа; его ловкость, сдержанность, самообладаніе были поразительны; а если прибавить къ этому еще замѣчательно тонкую наблюдательность, умѣнье схватить слабую сторону человѣка и при помощи ея вполнѣ овладѣть имъ, то дѣйствительно Володѣ, вмѣстѣ съ его наставниками, можно было предсказать будущность необыкновенную.

Антонъ Кирилычъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обожалъ своего Володю. Полученіе письма отъ него было настоящимъ праздникомъ для старика, и въ этотъ день онъ меньше обыкновеннаго ворчалъ, занятый неустаннымъ перечитываніемъ драгоцѣннаго лоскутка бумаги. Всѣ письма Володины у него

были сшиты, помѣчены и хранились въ особомъ ящикѣ пузатаго бюро. Когда же Володя пріѣзжалъ на каникулы, Антонъ Кирилычъ совершенно перерождался, становился другимъ человѣкомъ. Это время становилось для него однимъ безпрерывнымъ ликованіемъ и поклоненіемъ предъ Володей, въ которомъ для старика сосредоточились теперь всѣ его собственныя несбывшіяся надежды и честолюбивыя мечты.

— Молодецъ, Володька!—твердилъ онъ, расхаживая по кабинету въ радостномъ волненіи.—Утри имъ всѣмъ носы-то! Да-съ! Вотъ вамъ и мѣщанскій сынъ! А вы и дворяне, да гриба поганаго не стóите. Вонъ Егорка-то Полянскаго, — богачъ, помѣщикъ, а каждый разъ въ классѣ по два года просиживаетъ, да и то еще за уши тянутъ. Такъ, Володька! Дѣйствуй! Еще покланяются предъ тобою! А ты на нихъ плюй...

Володя, впрочемъ, очень рѣдко доставлялъ своему отцу удовольствіе любоваться на себя: почти все каникулярное время онъ пребывалъ у Полянскихъ, навѣдываясь домой дня на два, на три,—только. Дома ему было скучно, а у Полянскихъ въ это время жилось очень весело. Дочь была уже невѣста, выкупныя еще не были проѣдены, земля не заложена, и потому каждый день собиралось большое общество, устраивались безчисленныя parties de plaisir, fêtes champêtres, съ костюмированными кадрилями, съ фантастическими катаньями на тройкахъ, на лодкахъ, при бенгальскомъ освѣщеніи, при звукахъ музыки, при хлопаньѣ пробокъ отъ шампанскаго. Понятно, почему Володю не тянуло домой, въ низенькія комнатки, пропитанныя запахомъ дешеваго вакштафа и телячьихъ котлетъ, приготовляемыхъ бабушкою для любимца.

Антонъ Кирилычъ, однако, не претендовалъ на Володины долгія отлучки. Онъ даже былъ доволенъ, что его сынъ блистаетъ въ избранномъ обществѣ провинціальной аристократіи, и, улыбаясь, шепталъ: „утри, утри имъ носы-то, Володька!“ Что касается остальныхъ членовъ семейства, то они почти рады бывали, когда Володя уѣзжалъ изъ дома, потому что онъ въ какіе-нибудь два-три дня успѣвалъ всѣхъ совершенно измучить своими деспотическими требованіями, придирками и насмѣшками. Въ семьѣ онъ еще не считалъ нужнымъ сдерживаться и не скрывалъ своихъ желаній. Его лучезарная особа сіяла здѣсь во всемъ своемъ великолѣпіи. Къ матери и бабушкѣ онъ относился свысока, принимая ихъ услуги какъ должное, безъ всякаго намека на благодарность, а Леночку прямо третировалъ какъ горничную дѣвчонку, и въ обращеніи его къ ней не было другихъ словъ,

кромѣ какъ „подай“, „прими“ и пр. Даже къ отцу Володя относился нѣсколько презрительно и съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства.

— Ахъ, папаша! — часто обрывалъ онъ его, когда Антону Кирилычу вздумается пуститься въ разсужденія.—Вы вѣдь, право, этого не понимаете, такъ лучше бы уже замолчали. Охота вамъ говорить такую ерунду!

И обычно строгій, сердитый отецъ, не выносившій въ былое время ни малѣйшаго противорѣчія, а каждое, хотя бы и дѣльное, возраженіе принимавшій не иначе какъ за оскорбленіе, теперь краснѣлъ и смущался предъ своимъ мальчикомъ-сыномъ и покорно говорилъ:

— Ну, да, Володя, конечно, я это плохо понимаю. Вѣдь я ученъ на мѣдныя деньги, а ты у меня ишь какой...

Антонъ Кирилычъ съ любовью глядѣлъ на сына и еще пуще начиналъ ухаживать за своимъ „Веніаминомъ“, какъ иногда онъ называлъ Володю. Несмотря на возраставшую съ годами скупость, для Володи онъ не щадилъ издержекъ и исполнялъ всѣ его часто сумасбродныя прихоти, чтобы только доставить ему удовольствіе. Отказывая женѣ и дочери въ самой необходимой вещи, ворча за каждый лишній грошъ, истраченный въ хозяйствѣ, онъ въ то же время не жалѣлъ сотенъ рублей, когда Володѣ требовались бѣлыя перчатки на директорскій балъ, духи, костюмъ какого-нибудь Мефистофеля для маскараднаго вечера у Полянскихъ, билетъ въ театръ и т. п. И никто никогда не протестовалъ противъ этого; всѣ семейные служили Володѣ, какъ богу, безъ малѣйшаго прекословія, точно это такъ и должно было быть.

Во всей семьѣ одна Лена не признавала авторитета Володи, угрюмо и молчаливо протестуя противъ тиранніи домашняго идола. Ненависть ея къ брату возрастала, и она не могла показывать ему своей любви, когда ея не было на самомъ дѣлѣ въ ея сердцѣ. За это ей доставалось не мало, но, несмотря на это, Лена продолжала упорно отказываться отъ поклоненія своенравному божку.

— Эй, Ленка!—кричалъ иногда маленькій божокъ:—поди-ка скорѣй сюда, подай мнѣ умыться...

— Самъ умоешься, не баринъ! — огрызалась Лена, не трогаясь съ мѣста.

— Ага, ты такъ-то!—говорилъ Володя и немедленно доводилъ до свѣденія отца ужасный поступокъ сестры.

Послѣ этого немедленно въ домѣ поднимался страшный

гвалтъ. Всѣ набрасывались на упрямицу; отецъ билъ ее чубукомъ, приговаривая: „и въ кого эдакая ослица валаамская ростетъ!“—мать отчаянно махала руками, бабушка уговаривала и умоляла. Съ страшною злостью, скрѣпя бушующее сердце, Лена исполняла приказаніе брата, обѣщаясь въ душѣ отомстить ему при первомъ удобномъ случаѣ.

— Ну, что? съѣла?—поддразнивалъ ее Володя, торжествуя.

Дѣвочка оскаливала свои зубки и показывала брату кулаки.

— Подожди!—шептала она злобно.—Вотъ дядя пріѣдетъ, онъ тебѣ отплатитъ!

— Боюсь я твоего дяди!—презрительно отзывался Володя.—Дядя твой, знаешь, кто? Галаховецъ! [1]) По пѣшему базару ходитъ да корки собираетъ...

— Врешь! врешь!—задыхаясь, возражала дѣвочка и, не вытерпѣвъ, заливалась слезами.

Она все могла вытерпѣть, что̀ касалось ея самой, но каждое оскорбленіе, наносимое дядѣ, ударяло ее прямо въ сердце. Въ лицѣ его оскорбляли все самое лучшее, самое святое и благородное, что̀ случилось ей встрѣтить въ своей печальной жизни.

„Низкіе, подлые! — писала дѣвочка въ своемъ дневникѣ. —За что они ненавидятъ его? Онъ лучше ихъ всѣхъ. И когда онъ придетъ сюда? Я все жду, жду, и мнѣ кажется, что онъ скоро долженъ придти. Тогда для меня настанетъ счастье“...

Но дяди все не было, и Леночка ничего о немъ не слышала въ своемъ уединеніи. Она все еще надѣялась, но уже смутная боязнь начинала закрадываться въ ея сердце. Не умеръ ли онъ?..

Что дядя могъ забыть ее, крошечную, ничтожную дѣвочку,— Леночка ни на минуту не допускала. Она слишкомъ вѣрила въ него...

Черезъ шесть лѣтъ Володя кончилъ курсъ въ гимназіи. Онъ блистательно оправдалъ возлагавшіяся на него надежды: его выпускные экзамены были цѣлымъ рядомъ тріумфовъ, и на актѣ ему вручили большую золотую медаль съ надписью: „Преуспѣвающему“. Теперь предъ нимъ открывалась широкая дорога къ высшему образованію, но прежде, чѣмъ пуститься по ней, Володя строго и тщательно обдумалъ и взвѣсилъ всѣ свои обстоятельства. Особенно долго остановился онъ на выборѣ факультета. Вначалѣ онъ подумывалъ-было о юридическомъ, но, разсудивъ,

---

[1]) Галаховцами называютъ въ одномъ приволжскомъ городѣ обитателей дома Галахова, преимущественно спившихся съ кругу, обѣднѣвшихъ людей.

что у него нѣтъ краснорѣчія и что поэтому утрачивается главный шансъ прославиться на этой дорогѣ, онъ немедленно похерилъ въ своей жизненной программѣ юриспруденцію. То же самое продѣлалъ онъ и съ медициною. Хотя, конечно, знаменитымъ докторомъ быть очень „выгодно“, но Володя по природѣ своей былъ такъ щепетиленъ и брезгливъ, что перспектива возни съ мертвыми тѣлами, язвами и кровью вовсе не представлялась ему привлекательною. Къ учительской профессіи онъ относился и вовсе съ презрѣніемъ. Такимъ образомъ оставалось нѣсколько спеціальныхъ заведеній, изъ которыхъ Володя, не задумываясь, остановился на институтѣ путей сообщенія. Карьера инженера-путейца была наиболѣе современна и поэтому сулила наиболѣе выгодъ... Володя сдѣлался „путейцемъ“.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда въ Петербургъ, въ домѣ Коробковыхъ случилось маленькое событіе. Мечты Леночки осуществились, наконецъ: пріѣхалъ дядя... Этотъ пріѣздъ оставилъ въ дѣвочкѣ глубокое впечатлѣніе...

В. Дмитріева.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ
ПЕРЕДВИЖЕНІЯ МАССЪ

Усиленныя движенія въ народныхъ массахъ, происходившія у насъ и въ западной Европѣ, всегда были результатомъ усилій пріостановить мирную колонизацію и препятствовать присущему населеніямъ стремленію къ переходу изъ менѣе удобныхъ въ болѣе удобныя, изъ болѣе населенныхъ въ менѣе населенныя мѣста. Это еще не значитъ, конечно, что къ движеніямъ, вызваннымъ колонизаціонными стремленіями, не прилѣпшивались другіе элементы, другія цѣли. Чисто механическія условія, т.-е. такія, которыя имѣютъ отношеніе къ характеру мѣстности, на которой происходитъ движеніе, оказываютъ также вліяніе на направленіе, размѣры и объемъ движенія; иначе говоря, движенія направляются иногда и несообразно соціально - политическимъ цѣлямъ, которыя выставляются руководителями ихъ въ большинствѣ случаевъ, даже вопреки этимъ цѣлямъ, въ сторону, гдѣ движеніе можетъ встрѣтить наименьшія препятствія. Событія Пугачевской эпохи лучше всего подтверждаютъ положеніе о механическихъ условіяхъ, оказывающихъ рѣшительное вліяніе на направленіе движенія. Вотъ почему мы и начнемъ именно съ этого движенія, съ тѣмъ, чтобы перейти послѣ къ болѣе раннимъ русскимъ и европейскимъ массовымъ переселеніямъ. Такъ какъ въ движеніи Пугачевской эпохи въ значительной мѣрѣ принимало участіе инородческое кочевое населеніе, то было бы совершенно излишне доказывать, что ему всегда присуще стремленіе къ броженію или, иными словами, къ расширенію территорій, на которыхъ оно кочуетъ, и что серьезныя препятствія, противопоставляемыя

ему въ этомъ отношеніи, должны повлечь за собою превращеніе сравнительно мирнаго передвиженія кочевого населенія въ насильственное. Этимъ объясняется, почему, при разсмотрѣніи Пугачевской эпохи, необходимо сосредоточить преимущественное вниманіе на условіяхъ, способствовавшихъ росту и развитію движенія, а не на причинахъ, вызвавшихъ возникновеніе его. Эти причины коренным образомъ связаны съ бытомъ кочевниковъ или съ ихъ постояннымъ стремленіемъ къ возможно большему расширенію тѣхъ территорій, на которыхъ они могутъ кочевать.

I.

Историки Пугачевскаго бунта, отмѣчая многообразныя причины народнаго движенія, происходившаго въ 70-хъ годахъ XVIII-го вѣка, не указали на причинную связь между этимъ движеніемъ и фактомъ, оказавшимъ на это движеніе сильное вліяніе.

Таково значеніе одного эпизода изъ исторіи калмыковъ, кочевавшихъ по обоимъ берегамъ р. Волги и до Урала, именно ухода калмыковъ, въ количествѣ 600 тысячъ человѣкъ, въ Джунгарію, въ январѣ 1771 года [1]).

Въ самомъ началѣ всеподданнѣйшаго доклада военной коллегіи отъ 2-го августа 1771 года читаемъ: „Какъ воспослѣдовавшее нынѣ удаленіе волгскихъ калмыкъ отъ жилищъ своихъ, и побѣгъ ихъ черезъ Яикъ, клонящійся къ достиженію стариннаго ихъ жительства въ Зюньгаріи... новыя теперь и довольно важныя и основательныя подаютъ причины, къ заботѣ о сихъ весьма отдаленныхъ Имперіи вашей границахъ“.

Еще болѣе любопытныя свѣденія о вліяніи ухода волжскихъ калмыковъ на настроеніе населенія мы находимъ въ приложенномъ къ первому тому сочиненія г. Дубровина рапортѣ кизлярскаго коменданта астраханскому губернатору отъ 20-го марта 1771 года. „Кабардинцы, — доноситъ онъ, — совсѣмъ отъ преудержанія кубанцовъ къ впаденію на злодѣйствы въ здѣшнія мѣста отказываются, и чаять отъ нихъ того никоимъ образомъ не можно, ибо они утвердились между собою до возвращенія посланниковъ ихъ изъ Санктъ-Петербурга, какъ кубанцамъ не препятствовать, такъ и самимъ подбѣговъ не чинить, а пребы-

[1]) Alex. Humboldt. Central-Asien. T. I, стр. 436. См. также Іакинеа, Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ. Петербургъ, 1834, стр. 231—236.

вать до возвращенія ихъ ни въ той и ни здѣшней сторонѣ склоннымъ съ намѣреніемъ по прибытіи, буде не все по ихъ желанію учинится, а особливо, когда россійскія силы будутъ ослабѣвать, въ то время, совокупясь съ кубанцами злодѣйствовать... *Да и сію мысль болѣе они кубанцы предприняли, узнавъ настояще о уходѣ калмыкъ...* Не менѣе кубанцовъ и кумыкская сторона есть наиопаснѣйшая, яко-жъ и съ оной каждый день получаются новѣйшія извѣстія о намѣреніи впадать сюда на злодѣйствы варваръ... И такъ я, получая теперь въ здѣшнемъ мѣстѣ со всѣхъ сторонъ варваръ, почти каждый день новѣйшія покушенія злодѣйствовать въ здѣшнихъ мѣстахъ прельщающихъ, *болѣе уходомъ калмыкъ*, а частью мелкостью воды въ рѣкѣ Терекѣ, едва только съ нуждою и недостаткомъ нахожу къ оборонѣ людей въ случаяхъ самаго стремленія, а особливо совокупными силами съ Кубани и Кумыкской стороны и оборонять себя не въ силахъ".

Приведенными выдержками изъ оффиціальныхъ документовъ ярко иллюстрируется положеніе дѣлъ въ краѣ: именно съ уходомъ калмыковъ многіе варвары прельстились злодѣйствовать въ этихъ мѣстахъ, стремились туда. Въ томъ же рапортѣ, между прочимъ, указывается, что до ухода калмыкъ никто не смѣлъ перейти на ту сторону Кубани, „а теперь уже двѣсти человѣкъ изъ темиргойцевъ и бесленейцевъ находятся на Кумѣ". Очевидно, оффиціальные документы признаютъ какъ прямое, такъ и косвенное вліяніе ухода волжскихъ калмыковъ на окрестное населеніе, иначе говоря, признаютъ, во-первыхъ, нравственную заразительность этого факта и, во-вторыхъ, заманчивость приволья, образовавшагося вслѣдствіе ухода калмыковъ, вслѣдствіе обезлюденія края.

А между тѣмъ г. Дубровинъ, извлекая эти любопытные документы изъ архивовъ, не заикнулся о приведенныхъ въ нихъ данныхъ ни однимъ словомъ въ текстѣ и, какъ я уже сказалъ, совершенно умалчиваетъ о вліяніи ухода калмыковъ на характеръ движенія, разразившагося два года спустя. Разсуждалъ онъ, повидимому, такъ: кубанцы, кумыки и другіе варвары, о которыхъ идетъ рѣчь въ оффиціальныхъ документахъ, не участвовали въ Пугачевскомъ бунтѣ. Для историка этого бунта, слѣдовательно, вполнѣ безразлично, какъ отразился уходъ калмыковъ на настроеніи упомянутыхъ инородческихъ племенъ. Но мнѣ казалось бы, что слѣдовало допустить и другое соображеніе, а именно: если оффиціально констатировано вліяніе этого факта на настроеніе и обзоръ дѣйствій нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ, то нельзя

не допустить и вліяніе его на другіе элементы населенія, хотя оно оффиціально и не констатировано.

Для того, чтобы допустить такое соображеніе, необходимо было бы только принять во вниманіе роль, которую играли калмыцкіе улусы на всемъ пространствѣ между Ураломъ и Волгой. Еще при Петрѣ калмыкамъ довѣрялось охраненіе юго-восточныхъ предѣловъ Россіи. Чѣмъ дальше и чѣмъ больше увеличивалось количество калмыковъ вслѣдствіе прилива изъ внутренней Азіи, тѣмъ сильнѣе они играли роль оплота противъ всевозможныхъ инородцевъ. Издавна имъ дозволялось ходить для добычи въ Крымъ и на Кубань. Этимъ они наводили страхъ на кубанцевъ и кумыковъ, и послѣдніе не отваживались переходить за предѣлы своихъ поселеній. Между прочимъ, въ 1736 г. калмыки, по указанію русской власти, прошли по Кубани до самаго ея устья, истребили всѣ жилища кубанцевъ, лежащія на пути, взяли въ плѣнъ болѣе 10.000 женщинъ и дѣтей, а также массу скота [1]). Не меньше страха наводили калмыки на киргизъ-байсаковъ, которыхъ они еще при ханѣ Аювѣ въ 1686 г. сдѣлали своими данниками. По отношенію къ занимающему насъ предмету наиболѣе важно вліяніе, которое оказывало присутствіе калмыковъ между Волгой и Ураломъ (Яикомъ) на башкиръ. Калмыки, посланные въ 1710 г. противъ бунтовавшихъ башкиръ, сразу положили предѣлъ ихъ движенію. Во время возстанія башкиръ въ 1755 г. оренбургскій губернаторъ Неплюевъ посылаетъ противъ нихъ, между прочимъ, только 650 крещеныхъ калмыковъ. „Калмыки же некрещеные, — доноситъ онъ правительствующему сенату,—такого состоянія, что ежели ихъ въ самую Башкирь ввесть, то уже и къ непоколебавшимся отъ продерзостей невозможно будетъ ихъ удержать. И такъ неудобно ихъ инаково употреблять, какъ токмо въ такомъ случаѣ, когда-бъ которыхъ людей безъ разбору искоренять или бы противъ какой отдѣльной бунтовщичей партіи дѣйствовать“ [2]).

Бывало, конечно, что калмыки вмѣстѣ съ башкирами или кубанцами совершали набѣги на русскіе приволжскіе города [3]), но это могло совершаться не иначе, какъ съ согласія и соучастія калмыковъ, которое, особенно въ послѣдніе десятки лѣтъ до ихъ выселенія, давалось очень рѣдко, вслѣдствіе жалованья, получаемаго ими отъ русской власти. Понятно, слѣдовательно, что разъ калмыки въ

[1]) Іакинѳъ, стр. 172, 211, 212.

[2]) Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники. Спб., 1884, I, стр. 266.

[3]) Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. Одесса, 1882, стр. 336—337. Іакинѳъ, стр. 184—186.

количествѣ 600.000 чел. освободили пространство отъ Башкиріи вплоть до Астрахани, отъ Волги до Урала, то и для кубанцевъ, и для киргизъ-кайсаковъ, и для башкиръ образовалось приволье, по которому они могли разгуливать до тѣхъ поръ, пока не успѣли явиться русскія войска въ достаточномъ количествѣ для воспрепятствованія движенію.

Въ особенности движеніе среди башкирцевъ, развившееся на громадномъ пространствѣ въ періодѣ Пугачевскаго бунта, стало возможнымъ только вслѣдствіе ухода калмыковъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія препятствій къ движенію.

Это видно, между прочимъ, изъ того, что во время бунта башкирцевъ въ 1755 г., подъ предводительствомъ Батырши, башкирцы, не имѣя возможности противиться регулярнымъ войскамъ, бѣжали не на Волгу, а за рѣку Яикъ, къ киргизамъ. Въ нѣсколько дней ихъ ушло до 5.000 чел. Во время Пугачевскаго бунта, напротивъ, они, избѣгая столкновенія съ войсками, дѣйствовавшими въ Башкиріи, вмѣстѣ съ Пугачевымъ бросились на Волгу, хотя Михельсонъ и сомнѣвался, чтобы башкирцы столь далеко стали провожать самозванца. Но въ томъ-то все и дѣло, что башкирцы, покончивъ съ расположенными въ ихъ землѣ горными заводами, имѣли всѣ основанія броситься на приволжскіе города, куда они непрестанно стремились и во время пребыванія калмыковъ въ предѣлахъ Россіи и гдѣ они теперь могли двигаться безпрепятственно. Если только было вліяніе ухода волжскихъ калмыковъ на инородческое населеніе приуральскихъ и приволжскихъ земель, то нечего говорить о томъ, что этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на неуспѣвшихъ случайно уйти калмыкахъ, кочевавшихъ на правомъ берегу Волги, въ нынѣшнихъ астраханской и ставропольской губерніяхъ. И дѣйствительно, уже въ первомъ манифестѣ Пугачева мы видимъ, что онъ обращается какъ къ уральскимъ казакамъ, такъ и къ калмыкамъ: „Будете мною, великимъ государемъ,—говоритъ онъ,—жалованы, казаки, калмыки и татары". Всюду, гдѣ калмыки составляли часть регулярныхъ войскъ, они отдѣлялись отъ нихъ и переходили на сторону Пугачева. Также какъ и киргизъ-кайсаки и башкиры, они образовали отдѣльныя ватаги и грабили города и села. Извѣстно, что уже при самомъ концѣ бунта къ Пугачеву присоединилось 3.000 калмыковъ, съ помощью которыхъ онъ и надѣялся взять Царицынъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ инородческомъ населеніи того края, гдѣ происходилъ бунтъ. Движеніе среди яицкихъ казаковъ имѣло, какъ, впрочемъ, и движеніе среди башкиръ, свои орга-

ническія причины. Но оно почти уже замерло въ 1771 году, и обострилось въ январѣ 1772 года лишь благодаря указу военной коллегіи о командированіи всего яицкаго войска въ погоню за бѣжавшими калмыками. Большинство казаковъ отказалось идти въ погоню. Назначенный предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи генералъ фонъ-Траубенбергъ отнесся строго къ казакамъ, такъ какъ онъ, говоря словами г. Дубровина, былъ недоволенъ казаками за то, что они не выслали въ его отрядъ команды для преслѣдованія калмыковъ. Генералъ Траубенбергъ вскорѣ послѣ своего прибытія на слѣдствіе былъ изрубленъ казацкими саблями. Власти потребовали выдачи зачинщиковъ этого убійства; посланы были регулярныя команды для того, чтобы заставить яицкихъ казаковъ выдать зачинщиковъ. Мы не будемъ разсказывать здѣсь подробностей обузданія казаковъ. Фактъ тотъ, что многіе изъ нихъ разбѣжались, да и оставшіеся собирались убѣжать въ Персію или въ Хиву, или, говоря словами казаковъ, „они было шарахнулись идти всѣ въ Астрабадъ, да не пустилъ ихъ генералъ Фрейманъ“.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народное движеніе, называемое Пугачевскимъ бунтомъ, шло не туда, куда сознательно стремились главные зачинщики его, а также не по тому направленію, которое предсказывалось командирами преслѣдовавшихъ Пугачева правительственныхъ войскъ. Движеніе шло по направленію, которое диктовалось чисто механическими условіями мѣста и времени. Такъ, уже при первыхъ встрѣчахъ яицкихъ казаковъ съ Пугачевымъ они говорятъ ему: „казаки въ смятеніи; одного генерала убили и за то многихъ побрали подъ караулъ, а другихъ сыскиваютъ. Мы было собрались всѣмъ войскомъ бѣжать въ Астрабадъ“. „Зачѣмъ въ Астрабадъ?—отвѣчаетъ имъ Пугачевъ:—я могу повести васъ на Кубань, куда съ Дона некрасовцы сошли“. Пугачевъ затѣмъ точнѣе опредѣляетъ ту область, куда онъ намѣренъ вести казаковъ, а именно въ турецкую область, на рѣку Лабу. На это предложеніе казаки отвѣчаютъ ему: „наши всѣ будутъ рады идти съ вами, да только какъ же мы пройдемъ татарскія орды?“ Пугачевъ ихъ успокоиваетъ. „Орда, которая здѣсь кочуетъ,—говоритъ онъ,—намъ рада будетъ; она насъ встрѣтитъ и проводитъ“. Очевидно, съ самаго начала рѣчь шла о бѣгствѣ изъ Россіи, и притомъ на востокъ и юго-востокъ. Но, какъ извѣстно, этого не случилось. Движеніе шло вверхъ по Яику. Добрался Пугачевъ до крѣпости Татищево. „Положеніе Татищева,—говоритъ Дубровинъ,—давало возможность Пугачеву двинуться или къ Оренбургу, или къ Казани, и, конечно, еслибы

онъ обладалъ достаточнымъ соображеніемъ, то, видя къ себѣ столь большое сочувствіе, онъ двинулся бы не на окраину Россіи, подъ Оренбургъ, а въ центръ, къ Казани, и тогда, при отсутствіи тамъ войскъ, могъ произвести такое замѣшательство, результатъ котораго трудно и предвидѣть". Но, какъ извѣстно, въ движеніи съ самаго начала дѣятельное участіе принимали башкиры. Понятно, что оно должно было направиться именно въ сторону Башкиріи для того, чтобы число участниковъ его увеличилось. Вѣдь и самъ г. Дубровинъ говоритъ, что, „двигаясь сначала на Каргалинскую слободу, а потомъ на Сакмарскій городокъ, Пугачевъ, какъ человѣкъ вовсе незнакомый съ географическимъ положеніемъ этихъ пунктовъ, имѣлъ въ виду одну цѣль—увеличить свою толпу". Этимъ, т.-е. необходимостью увеличить толпу, а также желаніемъ избѣжать сопротивленія объясняется какъ движеніе вверхъ по Яику, такъ и вообще все дальнѣйшее движеніе Пугачева. Какъ видно изъ донесенія бригадира Фейервара, указаннымъ направленіемъ движенія цѣль вполнѣ достигалась: весь край былъ въ смятеніи или, говоря словами Фейервара, „всѣ казаки и башкирцы были приведены къ колебанію, киргизы были опасны, а сопротивленія со стороны правительственныхъ войскъ не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ". „Удивленія достойно,— писалъ Платонъ Любарскій,—что злодѣй свободно фуражируетъ, заводы и селенія грабитъ. Съ нашей же стороны доселѣ ни препятствія, ни поиску, ни поимки для полученія о состояніи его толпы извѣстія не учинено. Изъ Ставрополя увѣдомляютъ, что отправленные въ сикурсъ нашимъ калмыки вреда окольнымъ селеніямъ причинили и причиняютъ много".

Еще до прибытія Пугачева въ Башкирію, движеніе охватило всю эту страну, и вотъ стали опасаться, что оно перейдетъ въ Сибирь. „Комуникація съ Сибирью,—писалъ Бибиковъ,—отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому же подвержена". Но, какъ извѣстно, Сибирь осталась незадѣтой даже послѣ появленія Пугачева, и движеніе перешло на правый берегъ Волги.

Послѣ взятія Казани всѣ опасались, что Пугачевъ двинется на Нижній-Новгородъ, да и яицкіе казаки его неотступно объ этомъ просили. „Ваше величество, помилуйте,—говорили старшины:—долго ли намъ такъ странствовать и проливать человѣческую кровь; время вамъ идти въ Москву и принять престолъ". Пугачевъ обѣщалъ-было исполнить это желаніе, но потомъ отказался. „Нѣтъ, дѣтушки,—говорилъ онъ,—потерпите, не пришло еще мое время, а когда будетъ, то я и самъ безъ вашего зова пойду. Теперь же я намѣренъ идти на Донъ; тамъ меня нѣко-

торые знаютъ и примутъ съ радостью". „Казаки,—замѣчаетъ при этомъ г. Дубровинъ,—принуждены были согласиться съ мнѣніемъ своего повелителя, тѣмъ болѣе, что толпа ихъ состояла не болѣе, какъ изъ 400 человѣкъ, и необходимо было прежде всего подумать объ увеличеніи своихъ силъ". Несмотря, однако, на то, что Пугачевъ двинулся на югъ, къ Алатырю, преслѣдовавшій его полковникъ Михельсонъ, получивши объ этомъ извѣстіе, все еще не вѣрилъ, что онъ дѣйствительно идетъ на югъ, и полагалъ, что онъ „дѣлаетъ маску".

Когда, наконецъ, Пугачевъ обогнулъ Царицынъ и былъ разбитъ подъ Сальниковымъ заводомъ, всѣ опасались, что онъ бросится на Донъ или Кубань. Но, какъ извѣстно, движеніе закончилось; некуда было дальше идти. Весь кругъ движенія, обусловливавшійся отсутствіемъ серьезныхъ препятствій, былъ совершенъ. Въ населенныя мѣста—на Донъ, на Кубань, въ Сибирь—сторонники Пугачева не желали идти, а въ приволжскихъ и приуральскихъ степяхъ, сверху до низу, по всѣмъ направленіямъ двигались войска, уже не говоря о томъ, что весь край былъ разоренъ.

Всякое движеніе, а слѣдовательно и массовое, идетъ по направленію наименьшаго сопротивленія. Понятно, что мѣстность, въ значительной мѣрѣ обнаженная отъ населенія, представляетъ для такого движенія наибольшія удобства. Такою мѣстностью именно и были приволжскія и приуральскія степи, наканунѣ Пугачевскаго бунта освобожденныя отъ калмыцкихъ улусовъ.

Мы не отрицаемъ, конечно, что всякое историческое явленіе есть результатъ совокупности причинъ, и не думаемъ, чтобы Пугачевское движеніе можно было свести къ одному изъ способствовавшихъ его развитію факторовъ. Но полагаемъ все-таки, что оно никоимъ образомъ не могло бы принять тѣхъ размѣровъ, какія оно приняло, еслибы не подвернулось благопріятное обстоятельство въ видѣ совершеннаго опустѣнія мѣстности между Ураломъ и Волгою. Мы уже видѣли, что калмыки играли роль грозы, между прочимъ, для киргизъ-кайсаковъ и башкиръ. Такой роли они не играли, конечно, по отношенію къ яицкимъ казакамъ. Но несомнѣнно, что съ уходомъ калмыковъ образовались благопріятныя условія для того, чтобы движеніе могло охватить все яицкое войско. Достаточно обратить вниманіе на то, что всѣ приготовленія къ бунту могли производиться въ пустынной мѣстности, между прочимъ на Таловомъ Уметѣ, находившемся отъ Яицкаго городка въ 60, а отъ Иргиза въ 70 верстахъ, на р. Узени, гдѣ, по словамъ одного изъ участниковъ

мятежа, было много островов, „преглухим камышом произрастаемых, так что сіи мѣста почитаются непроходимыми и способнѣйшими к укрытію бѣглецам", и, наконец, на рѣчкѣ Усихѣ. „Мѣсто это,—говорит г. Дубровин,—было степное; ни лѣсу, ни жилья тут не было".

Вспомним далѣе, что в то же время (в 1772 году), если не такое же, то однородное движеніе происходило среди донских казаков. И там, как и среди яицких казаков, слышались жалобы на то, что их хотят записать в „регулярство", что хотят рѣку раздѣлить, — и там происходило буйство и производились насилія над присланным генералом. И там, по близости, появился Петр III в лицѣ Богомолова, встрѣтившаго сочувствіе в Царицынѣ. Но разгорѣвшееся-было там движеніе замерло вслѣдствіе отсутствія указанных выше благопріятных обстоятельств. Любопытно отмѣтить здѣсь то, что когда Богомолов был подвергнут наказанію и отправлялся в Сибирь (это было в августѣ 1772 г.), то предписывалось „при слѣдованіи до Саратова держаться больше луговой стороны (Волги) и нигдѣ к жительствам не приставать". Луговая сторона Волги была безлюдна в то время, и, слѣдовательно, никто не мог отбить преступника.

Извѣстно далѣе, что яицкіе казаки не раз замышляли прекратить движеніе и выдать Пугачева. Это они собирались сдѣлать уже послѣ перваго пораженія при Татищевѣ. Об этом они заговорили между собою и тогда, когда Пугачев направился к югу. „Долго ли нам волочиться с мѣста на мѣсто! Домà свои мы оставили и всякій день нас убавляется: иного убьют, другой потонет, иных казнят, и так нас переведут, что и на Яикѣ никого не останется". Тѣм не менѣе они исполнили это намѣреніе лишь тогда, когда приходилось броситься в отдаленныя, невѣдомыя и притом населенныя мѣстности.

Я остановился лишь на главных элементах населенія того края, в котором происходило движеніе, и не коснулся заводских крестьян, так как число их на всем этом пространствѣ не превышало 200 тысяч, и слѣдовательно, представляло незначительное меньшинство сравнительно с другими элементами населенія; не коснулся и бѣглых крѣпостных крестьян, так как и они не представляли большой численности. Они увеличивали, конечно, смуту, расправляясь на мѣстѣ или в окрестностях с помѣщиками, но выдающейся роли в движеніи не играли. Стремленіе к бѣгству со стороны крестьян, конечно,

сравнительно увеличилось во время бунта, такъ какъ можно было примкнуть къ движенію, но оно не приняло такихъ размѣровъ, чтобы силы Пугачева могли вербоваться изъ ихъ среды [1]).

II.

Нигдѣ превращеніе мирнаго переселенческаго движенія, переселенія маленькими группами, въ насильственное массовое движеніе, вслѣдствіе механической пріостановки, вслѣдствіе запрета передвиженій, не проявляется въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ русскихъ массовыхъ движеніяхъ и въ особенности въ движеніи конца XVII-го вѣка, извѣстнаго подъ именемъ бунта Стеньки Разина. На эту черту движенія, происходившаго подъ предводительствомъ Стеньки Разина, уже указалъ извѣстный изслѣдователь колонизаціи Поволжья, проф. Перетятковичъ. Сами донскіе казаки, отъ которыхъ исходило движеніе, говорятъ о первоначальной причинѣ этого движенія, а также и о томъ, почему движеніе шло внизъ и вверхъ по Волгѣ, а не по другому направленію, слѣдующимъ образомъ: „Учала имъ на Дону быть скудость большая, — на Чорное море проходить имъ не мочно, учинены отъ турскихъ людей крѣпости, и они отбрався охочіе люди пошли на Волгу, и съ Волги на море безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева; а начальный человѣкъ къ тому дѣлу у нихъ былъ Стенька Разинъ, а пошло-де ихъ съ Дону человѣкъ съ 600; да къ нимъ же приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ всякіе вольные люди“ [2]).

Послѣ того какъ Стенька Разинъ вернулся съ набѣга въ Персію, словомъ, послѣ перваго періода движенія Стеньки Разина, царицынскій воевода предвидитъ новое движеніе со стороны казаковъ по указанной уже причинѣ. Въ декабрѣ 1670 года онъ пишетъ въ Москву: „голутвенные люди, и съ Волги гулящіе люди къ нему, Стенькѣ, идутъ многіе... да сказывали ему (воеводѣ),... что на весну отъ казаковъ безъ воровства, конечно, не будетъ, потому что на Дону стало гораздо много, а

---

[1]) См., между прочимъ, мнѣніе, высказанное объ этомъ предметѣ В. И. Семевскимъ. „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“. Спб. 1881, стр. 382. О бѣглыхъ крестьянахъ см. XII главу того же сочиненія, стр. 330—351.

[2]) Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. Москва, 1857, стр. 38. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Одесса, 1882, стр. 192.

кормиться имъ нечѣмъ, никакихъ добычь не стало, и онъ (царицынскій воевода) живетъ съ великимъ опасеньемъ" [1]).

Если въ XVIII в., какъ мы видѣли, низовое Поволжье, и въ особенности луговая сторона Волги, вслѣдствіе случайнаго факта —массоваго ухода калмыковъ—представляло удобное мѣсто для насильственнаго массоваго движенія, то тѣмъ болѣе простора было для такого движенія въ этой мѣстности въ XVII в., когда правая сторона Волги была заселена урывками, и то только до такъ-называемой симбирской черты, а лѣвая сторона представляла пустырь, на которомъ кое-гдѣ кочевали ногайцы. На Поволжье поэтому издавна устремлялись не только донскіе казаки, но и бѣглые крѣпостные крестьяне, и люди другихъ наименованій. Именно, къ моменту бунта Стеньки Разина бѣглые крѣпостные крестьяне вынуждены были примкнуть къ насильственному массовому движенію, усилить его ряды, такъ какъ уходъ мелкими группами на новыя мѣста встрѣчалъ неодолимыя препятствія.

Несмотря на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI в., передвиженіе крестьянъ, уходъ съ старыхъ мѣстъ на новыя, продолжалось въ формѣ такъ-называемаго бѣгства крестьянъ. По указу 24-го ноября 1598 г., бѣглые крестьяне возвращались къ помѣщикамъ всякаго рода только тогда, когда они убѣжали до изданія указа за 5 лѣтъ. „Крестьянъ же, выбѣжавшихъ до 1598 года лѣтъ за 6, за 7, 10 и болѣе, ихъ бывшіе помѣщики и вотчинники, если „не бивали челомъ", отыскивать и вывозить назадъ не имѣли права" [2]). Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ былъ увеличенъ съ пяти лѣтъ на десять. Въ 1641 г. помѣщики подали сообща просьбу о совершенной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Помѣщики били челомъ, „чтобы государь ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ-за нихъ крестьянамъ урочныя лѣта велѣлъ отставить; а велѣлъ бы имъ государь тѣхъ изъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, кто кому кѣмъ крѣпокъ" [3]). Это желаніе было удовлетворено въ 1649 году. Въ соборномъ уложеніи, изданномъ въ этомъ году, урочныя лѣта, по истеченіи которыхъ крестьяне не возвращались уже на прежнее мѣсто жительства, гдѣ они были записаны, и могли оставаться безнака-

---

[1]) Матеріалы, стр. 48—50. Перетятковичъ, стр. 202.

[2]) Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи. Спб., 1878, стр. 176—177.

[3]) Акты Истор. т. III, стр. 110. Соколовскій, стр. 178, 179.

занно на новыхъ мѣстахъ, были уничтожены [1]). „Руководствуясь писцовыми книгами, составленными послѣ пожара 1625 г., всѣхъ крестьянъ, записанныхъ предъ тѣмъ въ писцовыхъ книгахъ, велѣно отдавать съ ихъ семействами безъ урочныхъ лѣтъ прежнимъ владѣльцамъ, за которыми они числились“ [2]).

Понятно, что нужно было много времени для того, чтобы законъ этотъ исполнился во всей обширной уже и въ то время Россіи. И вотъ „въ продолженіе 20 лѣтъ (1648 — 1668) постоянно производилась охота за бѣглыми по всѣмъ краямъ государства. Сыщики гонялись за ними. Пріѣзжая въ какой-нибудь уѣздъ, гдѣ обнаруживалось большое скопище бѣглецовъ, они приказывали на всѣхъ торгахъ бирючамъ кликать кличъ, чтобы всѣ лица, начальствующія въ общинахъ, ловили бѣглыхъ и приводили къ нимъ. Пойманныхъ наказывали кнутомъ и водворяли на мѣстахъ жительства“ [3]).

Усиленная ловля бѣглецовъ не могла пріостановить ухода, но способствовала тому, что уходившіе производили безчинства и грабежи. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XVII ст. дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ въ челобитьѣ на имя государя писали, что съ 1654 г., „какъ они пошли на государеву службу, отъ нихъ учали бѣгать люди ихъ и крестьяне, а бѣгая ихъ помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ разоряютъ и домы ихъ пожигаютъ, а иныхъ самихъ и ихъ женъ и дѣтей и людей и крестьянъ до смерти побиваютъ; и бѣгая живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ нижегородскомъ уѣздѣ“. Вслѣдствіе этого въ нижегородскій уѣздъ посланъ былъ сыщикъ, которому поручили „посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ и татаръ и мордву разспрашивая и сыскивая подлинно, и изъ тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ выбравъ изъ десяти человѣкъ человѣка два, за побѣгъ бить кнутомъ, чтобы впредь имъ и инымъ не повадно было бѣгать; и высылать ихъ за поруками съ женами и съ дѣтьми и съ животы въ прежніе ихъ мѣста и дворы, откуда кто бѣжалъ, и велѣть имъ жить и государево тягло платить: посадскимъ на посадѣ, а татарамъ, мордвѣ и черемисѣ ясаки по прежнему платить сполна“ [4]).

Вмѣстѣ съ этимъ усилены были мѣры взысканія по отноше-

---

[1]) Улож. 1649 г., глава II, ст. 1, 2, 9, 10. Перетятковичъ, стр. 193, 194. Соколовскій, стр. 181. Костомаровъ. Истор. монографіи, т. II, стр. 207.

[2]) Костомаровъ, тамъ же.

[3]) А. Ист., IV, 167, 190. Дополн. III, 294; IV, 125. П. Собр. Закон., № 364, т. I. Костомаровъ, стр. 224.

[4]) Доп. къ Акт. Ист., т. IV, № 48. Перетятковичъ, стр. 195.

нію къ укрывателямъ. Указомъ отъ 15-го сентября 1661 г. прикащиковъ, принимавшихъ крестьянъ самовольно, безъ приказанія господъ, велѣно было бить кнутомъ; если-же они дѣйствовали по волѣ владѣльцевъ, то эти послѣдніе обязывались не только перевозить бѣглыхъ крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ на свой счетъ, но сверхъ того за каждаго принятаго бѣглеца отдавать въ придачу еще одного своего съ семействомъ и имуществомъ [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ указываютъ данныя, извлеченныя проф. Перетятковичемъ изъ архива министерства юстиціи, по симбирской чертѣ, въ саранскомъ уѣздѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст. (1662 г.), по донесенію сыщиковъ, отправленныхъ правительствомъ въ здѣшнія мѣста, „за дворяны и за дѣтьми боярскими жили многіе бѣглые люди и крестьяне“, и „саранскіе помѣщики и вотчинники и всякихъ чиновъ люди многихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ у себя укрывали и таили, а къ распросу и къ запискѣ къ нимъ (сыщикамъ) на съѣзжей дворъ не приводили“. Когда же сыщики „для подлиннаго сыску велѣли саранскихъ помѣщиковъ выслать въ Саранскъ и про бѣглыхъ людей и крестьянъ взять сказки“ у нихъ, то „многіе саранскіе помѣщики и вотчинники въ Саранскъ не ѣхали, а которые де и пріѣхали и они про бѣглыхъ и крестьянъ сказокъ не давали, — чинились не послушны“. Вѣроятно, по этимъ причинамъ взысканіе съ укрывателей въ 1665 г. было увеличено—вмѣсто одного семейства приказано было брать за каждаго бѣглаго четыре семейства. Ясно, слѣдовательно, что бѣглымъ крестьянамъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ примкнуть къ насильственному движенію; ясно далѣе, что пріостановка передвиженія крестьянскаго населенія, провозглашенная въ 1648 г., стала ощутительною въ сильной мѣрѣ лишь чрезъ 20 лѣтъ, т.-е. къ тому времени, когда разразился бунтъ Стеньки Разина.

Кромѣ указанныхъ элементовъ — донскихъ казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ—въ движеніи Стеньки Разина принимали большое участіе инородцы. И въ этомъ движеніи, какъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, „съ самаго начала,—говоря словами г. Перетятковича, — бросается въ глаза сильное численное превосходство инородческаго элемента надъ русскимъ“. О шайкахъ, съ которыми приходилось встрѣчаться правительственнымъ войскамъ подъ начальствомъ Юрія Барятинскаго, говорится: „собрався воры казаки и татаровя, и чуваша, и черемиса, и мордва“. Когда бунтъ охватилъ собою свіяжскій, цывильскій и другіе поволжскіе уѣзды,

[1]) Соколовскій, стр. 183. П. С. З. № 307.

то о бунтовщикахъ въ донесеніи воеводъ говорится между прочимъ: „нагорные стороны черемиса вся воруетъ съ воровскими казаками". При казни бунтовщиковъ тоже можно замѣтить преобладаніе въ бунтѣ инородцевъ; такъ, воевода, дѣйствовавшій въ цывильскомъ и свіяжскомъ уѣздахъ, доноситъ въ Москву: „на тѣхъ двухъ бояхъ взялъ языковъ 20 человѣкъ, и изъ тѣхъ взятыхъ языковъ велѣлъ я, холопъ твой, повѣсить пущихъ воровъ и заводчиковъ двухъ человѣкъ русскихъ людей, да чюваши 10 человѣкъ" [1]).

Распространяться о причинахъ, побуждавшихъ полу-кочевыхъ и полу-осѣдлыхъ черемисъ, чувашъ и мордву къ уходу изъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они жили, не приходится. По словамъ П. Мельникова, въ теченіе всего XVII стол. происходитъ страшное притѣсненіе мордвы, которое и заставляетъ ее непрерывно бѣгать изъ мѣстъ своего жительства. Между прочимъ, въ 1639 г., благодаря подобнымъ стѣсненіямъ, все племя терюханъ и значительная часть эрзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, не дождавшись лѣтомъ уборки хлѣба, покинули свои деревни и поля, забрали съ собою скотъ, домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ лѣсамъ муромскимъ и саливарскимъ; нѣкоторые изъ нихъ стали уходить внизъ по Волгѣ и населяли въ Низовьѣ пустыя земли монастырей и лицъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ... [2]). По отношенію къ черемисамъ сама центральная власть предписываетъ воеводамъ, чтобы они не притѣсняли черемисъ и тѣмъ не ожесточали и не содѣйствовали разбѣганію ихъ [3]). Участіе въ движеніи Стеньки Разина такихъ элементовъ уже само собою опредѣляло направленіе движенія: полу-кочевые народы могли искать только приволья и, пожалуй, освобожденія отъ гнета бояръ и воеводъ, съ помощью ухода на новыя мѣста.

И дѣйствительно, движеніе Стеньки Разина, прорѣзавъ весьма мало населенное низовое Поволжье, прекращается, достигнувъ заселенной уже въ то время симбирской черты. Съ другой стороны, движеніе, начавшееся самостоятельно выше Симбирска, въ городахъ, расположенныхъ на правой, нагорной сторонѣ Волги, въ Цывильскѣ, Чебоксарахъ, Арзамасѣ и т. д., направляется не на Москву противъ воеводъ и бояръ, какъ слѣдовало бы ожи-

---

[1]) Матеріалы, стр. 62, 63, 73, 79, 80 и др. Перетятковичъ, стр. 207, 208 прим.

[2]) Мельниковъ, Очерки Мордвы. „Русскій Вѣстникъ", 1867, VI, стр. 513. Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в., стр. 197—198.

[3]) Перетятковичъ, стр. 39.

дать, судя по воззваніямъ [1]), а въ тамбовскую и пензенскую губерніи, т.-е. стремится за саранскую черту, устроенную для огражденія отъ набѣговъ крымскихъ татаръ.

III.

Происшедшее нѣсколькими годами раньше бунта Стеньки Разина въ томъ же XVII-мъ вѣкѣ народное движеніе, совершавшееся подъ руководительствомъ Богдана Хмельницкаго, несомнѣнно представляется движеніемъ болѣе сложнымъ, обусловливаемымъ многими причинами нравственнаго и экономическаго свойства. Лѣтописецъ этой войны, извѣстный подъ именемъ Самовидца, говоря о началѣ войны Хмельницкаго, такъ и начинаетъ свой разсказъ: „початокъ и причина войни Хмелницкого есть едина отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе" [2]). Но уже на слѣдующей страницѣ тотъ же лѣтописецъ указываетъ въ числѣ причинъ движенія то, что государственная власть въ Польшѣ „козацкую отвагу потлумляетъ". Какъ мы увидимъ сейчасъ, и это движеніе имѣетъ основу чисто механическую. Дѣло въ томъ, что запорожскіе казаки, все болѣе и болѣе увеличиваясь въ числѣ съ начала XVII в., производили многократные набѣги на турецкіе города. Начальники приморскихъ странъ турецкой имперіи, Анатоліи и Румеліи, то-и-дѣло жаловались, что казаки безпрерывно разбойничаютъ [3]). „Несмотря на всѣ наши прежнія мѣры,—писалъ король Сигизмундъ,—казацкое своеволіе доходитъ до ужасающихъ крайностей; громады казаковъ не даютъ Рѣчи-Посполитой покоя... Сверхъ того казаки продолжаютъ врываться въ сосѣднія государства и навлекаютъ на Рѣчь-Посполитую опасность войны; турецкій императоръ и его визирь требуютъ истребленія казаковъ" [4]). Одна изъ малороссійскихъ хроникъ, „Собраніе историческое", разсказываетъ, между прочимъ, что до 1611 года (вѣрнѣе до 1568 г.) на днѣпровскихъ островахъ было очень немного казаковъ — всего нѣсколько тысячъ, но съ 1611 года (вѣрнѣе съ 1596 г.) уже собиралось ихъ и нѣсколько десятковъ тысячъ [5]). „Многократно

[1]) Перетятковичъ, стр. 203. Костомаровъ: Т. II, Стенька Разинъ, стр. 309.

[2]) Лѣтопись Самовидца. Изд. кіевской временной комиссіи, Кіевъ, 1878, стр. 3.

[3]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Т. I, стр. 85.

[4]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 64—65.

[5]) См. Архивъ Юго-западной Россіи. Т. I, ч. 3, № Ш, стр. 4, и № XXXVIII, стр. 131—132.

они Очаковъ, Бендеры, Бѣлогородъ и иние городи и крѣпости турецкіе разоряли и въ степахъ татарскихъ лошадей, рогатого скота и овець такъ много забирали, что татари, гдѣ бивало стада скотовъ своихъ пасутъ, далеко уже не загонили, опасаясь отъ козаковъ нападенія. А о тѣхъ, кои на днѣпровскихъ островахъ пребивали, въ тѣ же времена турки и татари говаривали: естли бы де запорожскіе козаки изъ тѣхъ острововъ виведенни были, то бъ де ми съ гяурами (такъ християнъ называютъ) дружелюбно обходилися; къ тому жъ и у поляковъ часто договаривались, чтобъ тамошніи края были впустѣ и люди тамъ би не умножались, даби имъ можно било быть въ Константинополѣ безъ всякія опасности" [1]). Та же малороссійская хроника разсказываетъ о грабежахъ, которые производились казаками надъ торговыми караванами, ходившими въ Москву. „Какъ же изъ Бѣлагорода, изъ Очакова и изъ иныхъ турецкихъ городовъ начали каравани ходить въ Мосъкву, то козаки запорожскіе, тѣ турецкие каравани часто перенимая, разбивали, ограбляли и турковъ убивали" [2]).

Для прегражденія пути казакамъ съ Днѣпра въ Черное море, давно уже была построена крѣпость Очаковъ съ сосѣдними укрѣпленіями для того, чтобы можно было обстрѣливать устье Днѣпра и не допускать казаковъ выходить въ море. Но въ началѣ XVII в. отъ плохой поддержки эти укрѣпленія разсыпались. Въ 1626 г. турецкое правительство занялось возобновленіемъ и поправкою усть-днѣпровскихъ укрѣпленій; назначили построить двѣ крѣпости на обѣихъ сторонахъ Днѣпра... На югъ отъ Очакова былъ другой замокъ, обстрѣливавшій Днѣпръ, а на другомъ берегу башня, гдѣ турецкая стража давала знать галерамъ о тревогѣ. Наконецъ, для большей безопасности были протянуты поперекъ Днѣпра цѣпи. Казаки, по выраженію Боплана, смѣялись надъ этими средствами. Чтобы укрощеніе казацкихъ разбоевъ было дѣйствительнѣе, надобно было, говоря словами Костомарова, воспрепятствовать стекаться бѣглецамъ изъ Украины въ Запорожье.

Это и было сдѣлано: въ 1635 г. заложена на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ. „Мѣсто выбрано было выше пороговъ, ниже Самары и Князева острова. Въ новопостроенной крѣпости поставленъ гарнизонъ подъ начальствомъ француза, полковника Маріона. Онъ не пускалъ казаковъ не только воевать, но даже ловить рыбу".

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, прилож. „Собраніе Истор.", стр. 330.

[2]) Тамъ же, стр. 331—332.

Какое важное значеніе современники приписывали постройкѣ этого укрѣпленія, которое должно было воспрепятствовать увеличенію казацкаго населенія, видно изъ насмѣшливаго вопроса, предложеннаго казакамъ короннымъ гетманомъ Конецпольскимъ: „Каковъ кажется вамъ Кодакъ?“—спросилъ онъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что постройка укрѣпленія задержала мирное для Польши движеніе малорусскаго населенія въ южныя степи, и оно должно было превратиться въ насильственное движеніе, извѣстное подъ именемъ движенія Богдана Хмельницкаго.

Недаромъ, во время переговоровъ о бѣлоцерковскомъ мирѣ, одинъ изъ казаковъ обратился къ Потоцкому съ слѣдующими словами: „Милостивый пане краковскій! чому вы насъ не пускали на море на турка: того-бы лыха не було въ нашей землі! — Все, чтò мы терпимъ,—отвѣчалъ Потоцкій,—то *для пользы турецкаго Цезаря, мы охраняемъ его Царство, а сами себя разоряемъ*“.

Въ этомъ достопамятномъ разговорѣ прямо выразилось сознаніе современниковъ и участниковъ движенія, что оно стало насильственнымъ, по отношенію къ Польшѣ, лишь вслѣдствіе механическаго препятствія для движенія на югъ. Очевидно, слѣдовательно, что и по отношенію къ этому движенію примѣнимы слова, которыми, какъ мы видѣли выше, объясняется происхожденіе бунта Стеньки Разина. И скудость на Днѣпрѣ, и невозможность проходить въ Черное море, и учиненіе крѣпостей,—все это повторяется и здѣсь по отношенію къ западнорусскимъ областямъ.

Мы ничего не сказали до сихъ поръ о положеніи крестьянъ въ западной Руси, принимавшихъ, какъ извѣстно, весьма дѣятельное участіе въ томъ движеніи, которымъ руководилъ Богданъ Хмельницкій, отчасти въ видѣ самостоятельныхъ отрядовъ, отчасти примыкая къ войскамъ Богдана Хмельницкаго. Положеніе крестьянъ въ западно-русскихъ областяхъ вполнѣ обусловливалось положеніемъ казачества. Послѣ введенія Люблинской уніи, побѣги крестьянъ составляютъ характеристическую черту быта великаго княжества литовскаго. „Пересматривая „Volumina legum“,—говоритъ профессоръ В. Б. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи о крестьянахъ въ юго-западной Россіи,—мы находимъ, что въ продолженіе столѣтія (съ конца XVI по конецъ XVII вѣковъ) сеймы издали 42 постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, изъ которыхъ 20 относятся спеціально къ областямъ бывшаго великаго княжества литовскаго. Въ постановленіяхъ этихъ сеймы стараются остановить побѣги крестьянъ всевозможными репрессивными мѣрами и предоставленіемъ владѣльцамъ различныхъ льготъ и

облегченій для преслѣдованія и поимки бѣглыхъ. Сеймы издаютъ законы, въ силу которыхъ воспрещается принимать шляхтичамъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 гривенъ, слугъ и крестьянъ, если они не предъявятъ письменнаго свидѣтельства отъ владѣльца, на землѣ котораго они жили прежде, о томъ, что они свободны, высидѣли у него обязательный срокъ и уплатили выходъ. За принятіе чужихъ крестьянъ устанавливается штрафъ въ 500 гривенъ за каждаго крестьянина, а впослѣдствіи штрафъ этотъ усиливается до 1000 гривенъ. Сверхъ того, назначается штрафъ въ 1000 гривенъ за отнятіе насильно у владѣльца пойманнаго имъ бѣглаго крестьянина" [1]).

Этими мѣрами крестьяне вполнѣ прикрѣплялись къ землѣ во всемъ княжествѣ литовскомъ, но въ западно-русскихъ областяхъ цѣль эта не могла быть окончательно достигнута до тѣхъ поръ, пока существовало казачество. „Пока, — говоритъ г. Антоновичъ,—казачество держалось на окраинѣ Рѣчи Посполитой, въ предѣлахъ ея была область, куда крестьяне могли бѣжать съ полной увѣренностью, что помѣщики не достигнутъ ихъ и не водворятъ на прежнее мѣсто жительства; была на-лицо сила, наводившая до извѣстной степени смущеніе на шляхтичей сосѣднихъ воеводствъ и заставлявшая ихъ не доводить собственныхъ крестьянъ до крайности, для того, чтобы они „не оказачились" или не сбѣжали въ казацкіе ряды" [2]). Мѣры, предпринятыя для уменьшенія казачества и для воспрепятствованія исконному движенію ихъ на югъ, радикально измѣнили и положеніе крестьянъ. „Въ прежнее время, — говоритъ Костомаровъ,—мѣщане и хлопы, покидая свое званіе и присваивая себѣ имя казаковъ, отправлялись въ Сѣчь, оттуда ходили воевать на сушѣ и на морѣ, заживать, какъ говорилось тогда, рыцарской славы" [3]). Теперь это стало невозможно.

Мирное для Польши колонизаціонное движеніе малороссійскаго населенія приняло-было другое направленіе. Уже въ 1636 году казаки въ своей просьбѣ, отправленной польскому сейму, жалуются между прочимъ на то, что они вынуждены переселиться на востокъ. „Богъ вѣдаетъ,—говорятъ они,—сколько уже казаковъ ушло съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ московской землѣ". Изъ словъ одного изъ членовъ коммиссіи, посланной въ 1637 году для разбора жалобъ казаковъ, видно,

[1]) Антоновичъ, Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи. Кіевъ, 1870, стр. 27, 28.

[2]) Тамъ же, стр. 30.

[3]) Богданъ Хмельницкій, I, стр. 57.

что стремленіе къ уходу на востокъ все болѣе охватывало населеніе Малороссіи. Этотъ членъ коммиссіи, Потоцкій, не вѣритъ возможности подобнаго колонизаціоннаго движенія. „Если вы стращаете насъ,—говоритъ онъ, между прочимъ, казакамъ,—что уйдете куда-нибудь подалѣе—на Донъ, напримѣръ, такъ это неправда. Днѣпръ — ваше отечество. Другого Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ. Тамъ неволя, здѣсь—свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ казаку безъ Днѣпра,—чей Днѣпръ, того и казаки!“ Но казаки, очевидно, не только стращали движеніемъ на востокъ. Въ ближайшіе годы „народъ толпами бѣжалъ въ Московское государство, гдѣ царь давалъ украинцамъ привольныя земли для поселенія“. Въ особенности усилилось это движеніе послѣ неудачи возстанія Гуни. „Главные предводители возстанія, Остранинъ, и за нимъ Гуня, убѣжали въ Московское государство. Они открыли,—говоритъ Костомаровъ, — путь и другимъ; не хотѣвшіе возвращаться въ хлопское состояніе, толпами переселялись туда и водворялись на привольныхъ и плодоносныхъ поляхъ нынѣшней курской и харьковской губерній. Остранинъ съ своими казаками поселился въ Чугуевѣ“ [1]). Движеніе по этому направленію было чисто колонизаціонное. Переселенцы просятъ о томъ, чтобы ихъ пожаловали сѣнными покосами, рыбными ловлями, лѣсами, бортными ухожаями, перевѣсами и всякими угодьями, а также пожаловали-бы ихъ сѣменами для обсѣмененія полей. И эти просьбы удовлетворяются Московскимъ государствомъ [2]). Но, очевидно, набѣги татаръ, производившіеся на московскую окраину, не давали малороссійскимъ переселенцамъ спокойно водвориться въ Московской землѣ, и они бѣгали обратно за рубежъ Московскаго государства. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить по нѣкоторымъ документамъ о бѣглыхъ черкасахъ и казакахъ, напечатанныхъ въ „Матеріалахъ“ г. Багалѣя. Они отказываются идти на татаръ, поселяющихся вблизи ихъ поселеній, и убѣгаютъ въ Литву, оставляя свое довольно значительное имущество на произволъ судьбы [3]). Мирное переселенческое движеніе на югъ и на востокъ стало, такимъ образомъ, невозможнымъ и превратилось

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, I, стр. 178. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы, Кіевъ, 1884, стр. 100.

[2]) Багалѣй, Матеріалы для исторіи колонизаціи въ XVI—XVII ст., Харьковъ, 1886, № III, IV.

[3]) Багалѣй. №№ V, VI, VII. О татарскихъ набѣгахъ на московскую окраину въ тѣхъ же матеріалахъ помѣщены документы, относящіеся къ болѣе позднему времени, между прочимъ къ 1680 г.

въ насильственное движеніе, во главѣ котораго сталъ Богданъ Хмельницкій.

Направленіе и объемъ движенія обусловливались прежде всего предѣлами жительства западно-русскаго населенія. Богданъ Хмельницкій, направляясь, послѣ корсунской битвы, къ Староконстантинову, шелъ по слѣдамъ отдѣльныхъ отрядовъ, подготовившихъ ему почву и примыкавшихъ затѣмъ къ главнымъ его силамъ. Конечными пунктами, до которыхъ дошло движеніе Богдана Хмельницкаго, были Львовъ и Замостье. Всѣ ожидали, что послѣ пилявской битвы Богданъ Хмельницкій пойдетъ въ глубь Польши, и онъ дѣйствительно увѣрялъ казаковъ, что онъ намѣренъ это сдѣлать, но вмѣсто того занимался осадою Львова, а затѣмъ Замостья. Какъ безплодныя осады этихъ городовъ, такъ и послѣдовавшее затѣмъ обратное движеніе Хмельницкаго въ Украину вызывали всеобщее удивленіе даже среди поляковъ, такъ какъ этотъ образъ дѣйствій весьма мало соотвѣтствовалъ соціально-политическимъ цѣлямъ движенія, которыя преслѣдовали участники его. При отступленіи Хмельницкаго отъ Замостья, поляки, по словамъ одного современника, „шопотомъ говорили, что вѣрно Богъ послалъ на Хмельницкаго слѣпоту, когда съ такими силами онъ не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонился отъ непріязненныхъ дѣйствій". Всѣ поступки Хмельницкаго со дня пилявской битвы казались для многихъ неразгаданными [1]). А между тѣмъ поразительный фактъ этотъ находитъ свое объясненіе въ томъ, что предшествовавшее движеніе Богдана Хмельницкаго—самостоятельное народное движеніе—остановилось именно въ окрестностяхъ Львова. Даже тѣ казаки, которые были недовольны образомъ дѣйствія или, вѣрнѣе, бездѣйствія Хмельницкаго и побуждали его идти на Варшаву, не рѣшались, однако, отправляться самостоятельно въ глубь Польши, и въ то время, когда Хмельницкій шелъ ко Львову, отдѣльные казацкіе отряды отправились на Волынь. Неизвѣстный авторъ книги „Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza", современникъ этихъ событій, прямо объясняетъ образъ дѣйствій казацкихъ отрядовъ тѣмъ, что они боялись отправляться на грабежи въ отдаленный край [2]).

Съ наибольшей силой движеніе разгорѣлось съ самаго начала, съ одной стороны, въ степной Подоліи, т.-е. на грани-

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 51. См. также Rudawski, Historja polska, I, p. 45.

[2]) Pamiętniki, т. II, стр. 34.

цахъ Молдавіи и Валахіи, а съ другой стороны, въ Сѣверской землѣ и въ Бѣлоруссіи [1]), т.-е. въ мѣстахъ, откуда, въ случаѣ неудачи, участники движенія могли уйти на сопредѣльныя свободныя земли сосѣднихъ странъ. Независимо отъ указанныхъ условій, направленіе движенія обусловливалось еще однимъ, весьма важнымъ, факторомъ, а именно: движеніе малорусскаго населенія подталкивалось слѣдовавшимъ за нимъ движеніемъ татарскаго населенія.

Уже вскорѣ послѣ постройки крѣпости Кодака и вообще мѣръ, предпринятыхъ для уменьшенія казачества, татары стали въ усиленной мѣрѣ вторгаться въ земли Рѣчи Посполитой. Въ 1640 г., въ февралѣ, крымскіе татары ограбили цѣлый край около Переяславля, Корсуня и обширныя владѣнія Вишневецкихъ; забирали людей и скотъ, сожигали села, города, замки, дворы и возвращались домой, не опасаясь погони за собою, и хотя коронный гетманъ Конецпольскій, узнавъ объ этомъ не въ пору, и явился съ войскомъ, но уже не могъ догнать татаръ, которые увели съ собою до тридцати тысячъ плѣнниковъ и унесли множество добычи. „Такую-то пользу,—говоритъ польскій лѣтописецъ,—Рѣчь Посполитая получила отъ укрощенія казаковъ: одно несчастье народа. Прежде казаки охраняли край отъ татаръ и стоили малыхъ издержекъ; теперь же приходилось держать наемное войско съ большими издержками“ [2]).

Очевидно, слѣдовательно, что, и помимо Богдана Хмельницкаго, со стороны татаръ, не встрѣчавшихъ прежняго сопротивленія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, до войнъ Богдана Хмельницкаго, происходило усиленное движеніе въ пограничныя области Польши. Въ „Дневникѣ Освѣцима“ мы находимъ свѣденія о набѣгахъ татаръ на польскія области въ 1643 и 1644 гг. [3]). Въ перепискѣ Адама Киселя съ путивльскимъ воеводой, княземъ Долгорукимъ, относящейся къ началу 1648 г., не разъ упоминается о томъ, что татары „учинили тайную думу“ о томъ, чтобы идти на земли польскія. Объясняетъ Адамъ Кисель это движеніе тѣмъ, что татары „всегда, аки псы, въ землю обоихъ

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 321, 325, 343, 345. Pamiętniki, II, стр. 10, 15, 101, 104.

[2]) Pamiętniki, т. I, стр. 254. Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 27, 32. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 179.

[3]) В. Б. Антоновичъ, „Дневникъ Освѣцима“, Кіевъ, 1883, стр. 5, 12, 14, 15, 21. 22.

великихъ государствъ (т.-е. Польши и Россіи) впадають" [1]). Въ письмѣ отъ 23-го марта 1648 г. къ боярамъ, князю Трубецкому и Пушкину, Кисель указываетъ также, что на татаръ „око полное обоимъ великимъ господарствамъ имѣть подобаетъ" [2]).

Да и наканунѣ войнъ Богдана Хмельницкаго, перекопскій мурза Тугай-бей кочевалъ съ 4.000-й ордой въ степи, готовясь съ весною пуститься въ сосѣднія польскія области. ...„Въ предъидущемъ году въ Крыму были неурожай и падежъ скота, въ такихъ обстоятельствахъ у татаръ война была единственнымъ исходомъ", и потому приглашеніе Богдана Хмельницкаго двинуться на польскія области „было для нихъ какъ нельзя болѣе кстати" [3]). Иначе говоря: прежнія препятствія для набѣговъ татаръ, въ лицѣ воевавшихъ съ ними и нападавшихъ на нихъ казаковъ, были устранены, и имъ оставалось только воспользоваться образовавшимся привольемъ, примкнуть къ казакамъ и, отчасти вмѣстѣ съ ними, отчасти самостоятельно, опустошать польскія области и собирать добычу. Извѣстно, что и послѣ битвы при Жолтыхъ Водахъ, и послѣ битвы при Корсунѣ, наибольшая часть добычи, въ лицѣ богатыхъ плѣнниковъ, за которыхъ можно было получить окупъ, досталась татарамъ. Извѣстно далѣе, что татары, самостоятельно и помимо Богдана Хмельницкаго, старались поживиться съ помощью грабежа мѣстнаго населенія; такъ, послѣ корсунской битвы, тысячъ восемь татаръ бросились на Махновку, Бердичевъ, Бѣлополье, Глинскъ, забирали скотъ и захватывали въ плѣнъ людей.

Участіемъ татаръ, сначала перекопскихъ, а затѣмъ крымскихъ, опредѣлялись не только направленіе и сила движенія, но и безрезультатность его въ смыслѣ соціально-политическомъ.

Роль татаръ въ этомъ отношеніи проявилась особенно рельефно при осадѣ Збаража и при заключеніи зборовскаго мира. Крымскій ханъ, говоря словами Костомарова, соскучившись безплодною осадою Збаража, приказалъ привести къ себѣ Хмельницкаго за шею, по выраженію поляковъ. „Что̀ это значитъ?— говорилъ гнѣвный повелитель Крыма: — съ такимъ огромнымъ войскомъ ты не одолѣешь малой горсти поляковъ и держишь насъ по пустому? Если ты мнѣ въ три дня не расправишься съ поляками, то поплатишься собою и людьми своими: ты мнѣ обѣ-

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 105, 109, 127, 142. Н. П. Новицкій, Адамъ Кисель, Кіевъ, 1885, стр. 33—34.

[2]) Акты, т. III, стр. 171.

[3]) Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 180. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. т. I, стр. 261. Новицкій, Адамъ Кисель, стр. 34.

щалъ заселить Крымъ ляхами—заселишь его своими казаками!" Хмельницкій выѣхалъ къ казакамъ и кричалъ вслухъ всего войска: „Гей, казаки молодці! Отъ що я вамъ до уваги подаю, що мині ханъ, его милость, казавъ, що ежели ему поляківъ на яссиръ не дамо, то сами у неволю до Крыму підемо".

Понятно, что, по удовлетвореніи требованій татаръ, въ видѣ большихъ даровъ и дозволенія разорять Рѣчь Посполитую при возвращеніи, движеніе противъ Польши должно было прекратиться, причемъ они продолжали грабить своихъ союзниковъ, съ которыми вмѣстѣ шли противъ поляковъ. О сокрушеніи могущества Польши въ интересахъ малорусскаго населенія, объ установленіи независимости западной Руси, при указанномъ до сихъ поръ характерѣ движенія, не могло быть, конечно, и рѣчи.

Дальнѣйшее движеніе, окончившееся бѣлоцерковскимъ миромъ, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что разъ татарамъ не было надобности поддерживать движеніе малорусскаго населенія, насильственное движеніе пріостановилось и кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, колонизаціоннымъ движеніемъ на востокъ. Татары получили возможность кочевать въ землѣ своихъ союзниковъ и время отъ времени разорять эту землю, грабить жителей и уводить въ плѣнъ женщинъ [1]). Зачѣмъ же имъ было воевать съ Польшей? И безъ того они расширили свои кочевья. Понятно, что малорусскому населенію, въ виду этихъ условій, оставалось только устремляться на востокъ... „Въ предѣлы Московскаго государства набѣгало тогда много народа разнаго званія: шляхта бѣжала отъ хлопскаго мятежа, а крестьяне—отъ голода. Между крестьянами распространилось стремленіе уходить въ московскія владѣнія на селитьбу, какъ въ обѣтованную землю" [2]). Изъ Волыни, какъ изъ пограничной земли между Украйной и Польшей, цѣлыми толпами переселялись въ Московское государство въ періодъ времени между зборовскимъ и бѣлоцерковскимъ договоромъ. Еще болѣе усилилось движеніе на востокъ послѣ бѣлоцерковскаго мира. „Подольскіе и брацлавскіе поселяне устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ-называемую Вишневеччину, земли, занимаемыя прилуцкимъ и лубенскимъ полками, и поселились въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ, гдѣ по берегамъ Ворсклы вдругъ

[1]) Вредныя послѣдствія мнимаго союза малорусскаго населенія съ татарами, выразившіяся, между прочимъ, въ уходѣ татаръ изъ-подъ Берестечка, Лѣтопись Самовидца выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вже нестатечная приязнь вовку з барановъ, такъ христианиновѣ з басурманиномъ". Стр. 24.

[2]) Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 372, 375. Костомаровъ, т. II, стр. 200, 230.

возникали большія слободы". Впрочемъ бѣгали не только крестьяне, но и казаки въ громадномъ количествѣ. „Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія, тысяча казаковъ возникшаго тогда острожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжала за границу и просила царя позволить поселиться имъ на московской землѣ. Въ то время московское правительство обращало особенное вниманіе на южную границу государства и старалось заселить пустые берега Дона, Сосны, Оскола, въ нынѣшнихъ губерніяхъ воронежской и курской. Это намѣреніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Московское государство безпрерывно страдало отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ... Тысячи казацкихъ семействъ изъ-за Днѣпра, людей военныхъ, закаленныхъ въ брани, были кладъ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они хотѣли, а приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ... Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее казачье устройство: чины полковника, сотниковъ, есауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободскій полкъ. Такой благосклонный пріемъ ободрилъ и другихъ... Менѣе чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатыя мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иные подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Донцу, Удами, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ былъ нынѣшній Харьковъ" [1]).

Судя по матеріаламъ, напечатаннымъ г. Багалѣемъ, усиленное переселенческое движеніе на востокъ началось въ 1652 году и

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. III, стр. 4—5. Лѣтопись Самовидца, прилож.: Краткое описаніе Малороссіи, стр. 234 и 256. Въ этой Лѣтописи, подъ 1651 г., читаемъ: „Тогда-жъ Хмелницкій, ожидая угодного къ отмщенію времени, позволилъ утѣсняемому отъ ляховъ народу волно сходить из городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье, и изъ того времены начали сѣдать Сумы, Лебединъ, Харковъ, Ахтирка и иные слободскіе мѣста ажъ до Дону козацкимъ народомъ". Въ той же Лѣтописи, подъ 1659 г., читаемъ: „И из той поры на Заднѣпрѣ начали были войны утихать; да ис того жъ времени, какъ и при старомъ было Хмелницкомъ, люди безчисленные изъ-за Днѣпра, ради бывающихъ тамъ неспокойствъ, подъ царскую державу пущени, которые, не вмѣстяся въ Малой Россіи и далѣе в Великую Россію пошедши, пустые земли великими городами и селами густо осадили". Относительно времени основанія города Харькова см. статью Д. И. Багалѣя въ Харьковскомъ календарѣ на 1886 г., стр. 66—79. Въ 1656 г. харьковскій воевода Селифонтовъ сообщаетъ, что „все харьковское городище черкасы наставили дворами". Очевидно, что Харьковъ основанъ нѣсколькими годами раньше.

затѣмъ продолжалось безпрерывно [1]). Если вѣрить описанію терновской волости, путивльскаго уѣзда, сдѣланному въ 1678 году, то окажется, что въ этомъ году въ терновской слободѣ было больше 700 дворовъ черкасъ, причемъ всѣ они заявили при описаніи, что они пришли на вѣчное житье въ 1652 году. Изъ того же описанія, въ которомъ указано, изъ какихъ мѣстъ пришли черкасы въ разныя слободы той же волости, видно, что переселенцы шли изъ всевозможныхъ городовъ и селъ какъ лѣвобережной, такъ и правобережной Украйны. Какъ извѣстно, колонизаціонное движеніе это привело къ формальному присоединенію лѣваго берега Днѣпра и Запорожья къ Московскому государству.

Перейдемъ теперь къ подобнымъ движеніямъ, совершавшимся въ западной Европѣ.

IV.

Уже Зугенгеймъ доказалъ, что въ эпоху реформаціи нѣмецкій крестьянскій бунтъ 1525 года вспыхнулъ вслѣдствіе обнаружившихся во второй половинѣ XV-го и въ началѣ XVI в. усиленныхъ стремленій къ прикрѣпленію крестьянъ въ тѣхъ нѣмецкихъ территоріяхъ, которыя входили въ составъ швабскаго союза, а именно: въ верхне-рейнскихъ земляхъ, Швабіи, Франконіи и Вюртембергѣ [2]). Между прочимъ, благодаря подобнымъ стремленіямъ, въ Вюртембергѣ, на ландтагѣ 1514 г., а также и въ послѣдующіе годы торжественно провозглашалось право свободнаго передвиженія за крестьянами всевозможныхъ владѣльцевъ свѣтскихъ и духовныхъ [3]). Дѣло въ томъ, что въ послѣднія три средневѣковыя столѣтія не только въ Силезіи, Богеміи, Моравіи, но и въ территоріяхъ прусскаго ордена, а также въ Венгріи и Трансильваніи ощущалась настоятельная потребность въ привлеченіи нѣмецкихъ колонистовъ-крестьянъ. Но вотъ, во второй половинѣ XV в., благодаря усиленію власти территоріальныхъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, начались усиленныя заботы о прикрѣпленіи крестьянъ. Это достигалось, во-первыхъ, введеніемъ въ дѣйствіе римскаго права въ качествѣ положительнаго законодательства и примѣненіемъ къ нѣмецкимъ крестьянамъ и ихъ отношеніямъ съ земле-

1) Багалѣй, Матеріалы, № 21, 25 и друг.

2) Sugenheim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft. Petersb. 1861, стр. 362—364. См. также Janssen, Geschichte des Deutschen Volkes, 1880, II, 430.

3) Зевортъ-Лучицкій. Исторія новаго времени. Кіевъ, 1883, I, стр. 317, 318. Weber Allg. Weltgeschichte, X, 133.

владѣльцами римскихъ законовъ о рабахъ, а къ участкамъ земли, которыми они владѣли, римскихъ законоположеній объ отдаваемыхъ рабамъ въ пользованіе земельныхъ участкахъ (titul. de servis и Precarium). Уже современникъ и очевидецъ этихъ хищническихъ стремленій, прикрываемыхъ римскимъ правомъ, аббатъ Тритемій, предвидитъ жестокія послѣдствія ихъ для всего хода государственной и общественной жизни въ Германіи. „Что у язычниковъ, — говоритъ онъ, — рабство было общепризнаннымъ учрежденіемъ и низводило значительную часть человѣчества до положенія скотовъ, то, къ сожалѣнію, вѣрно, и свѣтъ христіанства долго долженъ былъ сіять, до тѣхъ поръ, пока ему удалось прогнать тьму язычества, безбожіе и тираннію его. Но что сказать о христіанахъ, которые, ссылаясь на языческіе законы, хотятъ ввести новое рабство и льстятъ сильнымъ земли, что они, владѣя силой, обладаютъ также и правомъ и могутъ отмежевать каждому изъ своихъ подданныхъ, по своему усмотрѣнію, извѣстныя права и извѣстную долю свободы. Это ужасныя ученія! Примѣненіе ихъ уже вызвало во многихъ мѣстахъ бунты и возстанія, и въ близкомъ будущемъ вспыхнутъ кровопролитныя войны, если этому не будетъ положенъ предѣлъ и если древнее право христіанскаго народа, а также свобода и неприкосновенность правъ крестьянъ и остального трудящагося люда не будутъ обезпечены" [1]). Это достигалось, во-вторыхъ, запрещеніемъ городамъ, а также другимъ землевладѣльцамъ принимать крестьянъ безъ дозволенія тѣхъ землевладѣльцевъ, съ земель которыхъ они выселились и отъ которыхъ они находились въ зависимости [2]). Зугенгеймъ самымъ сильнымъ образомъ возстаетъ противъ мнѣнія, что знамя возстанія въ 1525 г. будто бы поднято было вполнѣ прикрѣпленнымъ къ землѣ землевладѣльческимъ населеніемъ, стремившимся свергнуть съ себя вѣковое иго. Наибольшее число взбунтовавшихся составилось изъ крестьянъ, которые до того времени не были окончательно прикрѣплены къ землѣ и которые только въ послѣдніе десятки лѣтъ до крестьянскаго бунта, съ помощью насилія, хитрости, подлоговъ, прикрѣплялись съ своими семействами къ занимаемой ими землѣ, лишались права и возможности передвиженія [3]). По отношенію къ Вюртембергу мы знаемъ изъ народной пѣсни, имѣющей отношеніе къ бунту 1514 г., извѣстному

---

[1]) Trithemii, Opera historica, 1601. De Judaeis, 18. Janssen, I. стр. 468, 483, 489, 495.

[2]) Зеворть-Лучицкій, стр. 318. Циммермана, Исторія крестьянской войны (русскій переводъ), т. I, стр. 130.

[3]) Sugenheim, стр. 367.

подъ именемъ бунта „бѣднаго Конрада", что вюртембергскіе крестьяне тогда опасались прикрѣпленія къ землѣ съ помощью насильственныхъ мѣръ. Между прочимъ, въ одной изъ народныхъ пѣсенъ говорится:

„Zuletzt werd wir gefürt mit Kraft
Auss Fryheit in ein Eigenschaft" [1]).

Кромѣ крестьянъ, въ движеніи 1525 г. въ значительной мѣрѣ участвовало населеніе южно-германскихъ городовъ. Начиная съ того момента, когда свирѣпствовала черная смерть, т.-е. съ 1349 г., населеніе Германіи, въ особенности южной, все болѣе и болѣе возрастаетъ, и если въ теченіе XV-го и первой половины XVI в. оно увеличилось почти вдвое [2]) въ Германіи вообще, то тѣмъ болѣе населеніе увеличилось въ городахъ въ теченіе этого періода [3]). Въ то же время, отчасти благодаря увеличенію народонаселенія, отчасти благодаря обезцѣненію денегъ, вслѣдствіе прилива драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки, цѣны на предметы потребленія возвысились въ значительной мѣрѣ, причемъ, однако, плата за рабочій трудъ, зависѣвшая отъ установленнаго обычая, была почти столь же низка, какъ и прежде. Въ особенно бѣдственномъ положеніи очутились подмастерья въ различныхъ ремеслахъ, и къ этому времени относится организація стачекъ и союзовъ подмастерьевъ, между прочимъ, для возвышенія рабочей платы, которая обыкновенно устанавливалась собраніемъ мастеровъ каждаго цеха. Въ то же время цехи начинаютъ принимать мѣры къ уменьшенію числа учениковъ и подмастерьевъ, могущихъ стать впослѣдствіи мастерами и, такимъ образомъ, понизить доходность ремесла.

Открытіе прямого пути въ Остъ-Индію и усилившаяся привозная торговля и безъ того произвели переворотъ въ положеніи ремесленниковъ, увеличили число конкуррентовъ въ каждой данной территоріи, потребностямъ которой удовлетворяли произведенія мѣстныхъ ремеслъ, и съузили кругъ сбыта ихъ произведеній. Результатомъ всѣхъ этихъ пертурбацій явилась масса нищенствующаго городского населенія, вынужденнаго бродить по странѣ для отысканія заработковъ. Вполнѣ понятно, что этотъ городской пролетаріатъ долженъ былъ примкнуть къ крестьянскому движенію, не говоря уже о той довольно значительной

---

[1]) Liliencron, Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1867, т. III. 140. Janssen. т. II, 408.

[2]) Jastrow, Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters. Berlin, 1886, стр. 103, 105.

[3]) Тамъ же, 158, 159. Janssen I, 296, 297. Зевортъ-Лучицкій, стр. 202.

части городского населенія, которая занималась сельскимъ хозяйствомъ и, въ свою очередь, вмѣстѣ съ сельскимъ населеніемъ уклонялась отъ грозившаго ему закрѣпощенія.

Какъ извѣстно, нѣмецкій крестьянскій бунтъ 1525 г. впервые вспыхнулъ въ Швабіи, въ аббатствѣ Кемптенъ. Между настоятельствомъ аббатства и крестьянами въ теченіе всего XV в. продолжалась борьба на жизнь и смерть изъ-за стремленія расточительныхъ монаховъ превратить крестьянъ въ крѣпостныхъ. Для достиженія этой цѣли они прибѣгали къ составленію подложныхъ документовъ, побуждали малолѣтнихъ къ выдачѣ кабальныхъ записей и т. д., и т. д. Все это не разъ вызывало мѣстные бунты и столкновенія. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ вспыхнулъ въ 1491 году и былъ подавленъ войсками швабскаго союза въ 1492 г. Дальнѣйшія стремленія аббатовъ въ томъ же духѣ, т.-е. въ смыслѣ закрѣпленія населенія и уничтоженія свободы передвиженія его, повели въ Кемптенѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Швабіи и Франконіи, къ великому крестьянскому бунту. Изъ сказаннаго очевидно, что насильственное массовое движеніе 1525 г. возникло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что, благодаря мѣрамъ власть имущихъ, стало невозможнымъ мирное передвиженіе населенія.

Направленіе этого движенія, начавшагося у границъ Швейцаріи, опредѣлялось, во-первыхъ, тѣмъ, что швейцарскій союзъ, относившійся въ XV в. весьма дружественно къ переселенцамъ изъ Германіи, со времени отдѣленія отъ Германіи принялъ весьма серьезныя мѣры къ тому, чтобы пріостановить переселеніе въ Швейцарію изъ пограничныхъ земель. Уже во время крестьянскаго бунта 1512 года, извѣстнаго подъ именемъ „Башмака“, зачинщики движенія, бѣжавшіе въ Швейцарію, были схвачены и казнены [1]). При первыхъ извѣстіяхъ о возникновеніи крестьянскаго бунта власти германскихъ областей обратились къ швейцарскому союзу съ вопросомъ, какъ онъ намѣренъ относиться къ крестьянскому движенію, такъ какъ имперское правительство намѣрено подвергнуть бунтующихъ наказанію. Союзъ отвѣчалъ: „до крестьянъ намъ нѣтъ дѣла. Еслибы крестьяне взбунтовались у насъ, то и мы бы наказали ихъ“. И дѣйствительно, когда шайка изъ Гегау и Кемптена приближалась къ швейцарской границѣ, то изъ Шафгаузена и Цюриха были отряжены депутаты, которые предупреждали шайку, чтобы она не входила въ ихъ области и не производила тамъ волненій. Между прочимъ, на вопросъ депутатовъ о цѣли прихода шайки предводители ея отвѣтили, „что

[1]) Циммерманъ, Исторія крестьянской войны. Т. I, стр. 52, 53.

идутъ подобно тому, какъ летаютъ вороны въ воздухѣ, туда, куда ихъ посылаетъ воля Божія, духъ и необходимость". На предложеніе не вступать въ сношенія съ крестьянами Цюриха и Шафгаузена и немедленно возвратиться назадъ, они отвѣчали, что не могутъ ничего обѣщать безъ своихъ братьевъ. Тѣмъ не менѣе, они ушли. Для огражденія Швейцаріи отъ дальнѣйшихъ нашествій союзъ выставилъ на границѣ 30.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, исконное движеніе на югъ, въ швейцарскія горы, было пріостановлено; оставалось двигаться по другому направленію, въ предѣлахъ многочисленныхъ и независимыхъ другъ отъ друга земель швабскаго союза, лишенныхъ, сравнительно съ другими территоріями Германіи, постоянной военной силы. Это послѣднее обстоятельство и было второю причиною, обусловливавшею направленіе движенія. Швабское союзное управленіе было слишкомъ тяжеловѣснымъ аппаратомъ, и прежде, чѣмъ этотъ аппаратъ могъ быть приведенъ въ движеніе, прежде, чѣмъ могли быть сосредоточены достаточныя военныя силы для обузданія крестьянъ, должно было пройти много времени, въ теченіе котораго крестьянское движеніе могло разростись, обнять большое пространство, усилиться и укрѣпиться. Такъ оно и было. Напрасно члены союза въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ взывали къ союзному управленію съ просьбой о помощи. Они получали стереотипный отвѣтъ, что каждый долженъ позаботиться о себѣ до тѣхъ поръ, пока союзное войско не получитъ возможности расправиться съ крестьянами. Крестьяне твердо разсчитывали на слабость военныхъ силъ швабскаго союза и на неповоротливость этой машины. Въ ихъ памяти было живо воспоминаніе о томъ, какое пораженіе войска швабскаго союза потерпѣли при столкновеніи съ крестьянскими силами въ Швейцаріи. Въ одномъ воззваніи, предшествовавшемъ возникновенію бунта, между прочимъ, указывается на примѣръ швейцарцевъ, который долженъ побудить крестьянъ къ настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, и припоминается, какъ были обращены въ бѣгство союзные предводители, несмотря на большую военную силу и хорошее вооруженіе. Во все время движенія крестьяне потѣшались надъ швабскимъ союзомъ, сочиняли и пѣли о немъ насмѣшливыя пѣсни. Ни въ баварскую территорію на востокѣ, ни въ Лотарингію на западѣ движеніе не проникло и закончилось оно лишь въ Тюрингіи, гдѣ оно соприкасалось съ прочно установленными владѣніями Гессена на западѣ, Брауншвейга на сѣверѣ и Саксоніи на востокѣ. Безъ помощи и вооруженнаго вмѣшательства князей этихъ и другихъ земель, союзное войско едва ли могло бы управиться съ возставшими

крестьянами. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, они примыкали къ шайкамъ, составлявшимся въ другихъ мѣстахъ. Движеніе закончилось только при столкновеніи съ организованною военною силой тѣхъ нѣмецкихъ владѣній, гдѣ населеніе давно уже было закрѣпощено, гдѣ о дальнѣйшемъ ростѣ движенія не могло уже быть и рѣчи.

V.

Нельзя сказать, чтобы въ исторіи европейскихъ массовыхъ движеній упускалось изъ виду вліяніе такого фактора, какъ воспрепятствованіе передвиженію населенія. Нѣтъ. Повсюду въ исторіи этихъ движеній, въ числѣ причинъ, вызвавшихъ бунты, указывается и прикрѣпленіе къ землѣ; но при этомъ все-таки, на нашъ взглядъ, не оцѣняется существенное значеніе этого фактора, т.-е., именно то, на чтò мы хотѣли указать здѣсь: превращеніе мирнаго передвиженія населенія, благодаря извѣстнымъ энергическимъ мѣрамъ, принятымъ властью, въ насильственное массовое движеніе.

Такъ, говоря о крестьянскомъ бунтѣ 1381 г. въ Англіи, всѣ историки указываютъ на то, что, благодаря черной смерти, произведшей страшныя опустошенія въ Англіи въ 1349 году, число земледѣльцевъ уменьшилось до крайности, спросъ на рабочія руки былъ громадный, и вслѣдствіе этого рядомъ статутовъ о земледѣльцахъ установлены были опредѣленныя цѣны за трудъ; земледѣльцамъ запрещались отлучки изъ своихъ приходовъ; за отлучавшимися устроивались охоты,—словомъ, крестьяне были самымъ сильнымъ образомъ прикрѣплены къ мѣсту своего жительства. Что примѣненіе этихъ статутовъ было трудно, несомнѣнно вытекаетъ изъ того, что они такъ часто издавались въ періодъ времени, начиная отъ половины XIV в.; но, тѣмъ не менѣе, они практиковались, задерживали передвиженіе населенія и вызвали насильственное массовое движеніе 1381 г. [1]). Конечно, были и другія, не-механическія причины: проповѣди о всеобщей свободѣ, раздававшіяся въ то время; поголовная подать, наложенная на все населеніе, которая считается послѣднею каплею, переполнившею

[1]) Rogers, History of agriculture. Oxford, 1866, I, 81. Ochenkowski, Englands wirthschaftliche Entwickelung. Jena, 1879, стр. 13—20. Sugenheim, Aufhebung der Leibeigenschaft, стр. 291—292. Green, History of the english people, стр. 242—244. См. также Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Спб. 1886, I, стр. 133—134.

чашу страданій крестьянскаго населенія. Но и эти причины могли оказать дѣйствіе лишь потому, что мирному передвиженію населенія для отысканія болѣе удобныхъ мѣстъ пропитанія и улучшенія экономическаго положенія, при которыхъ легче было бы переносить новыя тяготы, былъ положенъ предѣлъ.

Итакъ, механическая причина, т.-е. воспрепятствованіе передвиженію населенія, лежала въ основѣ насильственнаго движенія. Такая же причина опредѣляла и направленіе движенія.

Мы уже упоминали, что черная смерть, вызвавшая разрѣженіе населенія въ Англіи, уменьшившая его на половину [1]), была причиною громаднаго спроса на рабочій трудъ, увеличенія его цѣны и стремленія къ прикрѣпленію населенія къ землѣ, что въ концѣ концовъ и вызвало насильственное массовое движеніе. Та же черная смерть своими опустошеніями отмѣтила и территорію, въ которой должно было произойти это массовое движеніе. Наиболѣе сильнымъ образомъ черная смерть свирѣпствовала на юговостокѣ и въ восточныхъ окраинахъ Англіи, т.-е., въ тѣхъ мѣстахъ, которыя соприкасались съ приходившими изъ Франціи и вообще съ Атлантическаго океана кораблями. Въ норвичской епархіи двѣ трети приходовъ были истреблены. Въ самомъ Норвичѣ погибло 6.000 человѣкъ. Въ Іоркширѣ погибло болѣе половины духовныхъ лицъ,—нечего говорить о прихожанахъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, т.-е. въ восточныхъ и юго-восточныхъ графствахъ, распространился пожаръ возстанія. Норфолькъ, Суффолькъ, Кембриджъ, Кентъ, Суссексъ, Винчестеръ, Соммерсетъ были охвачены возстаніемъ. Дольше всего возстаніе свирѣпствовало именно въ восточныхъ графствахъ, въ окрестностяхъ Норвича, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, благодаря черной смерти, образовалось полное раздолье для разгула массъ.

VI.

Говоря о насильственныхъ массовыхъ движеніяхъ, мы старались обратить вниманіе на моменты, которые до сихъ поръ или совершенно игнорировались, или оставлялись въ тѣни, а именно, во-первыхъ, на то, что насильственныя массовыя движенія вызываются пріостановкой мирнаго передвиженія населенія; во-вторыхъ, на то, что движеніе это идетъ по направленію наименьшаго со-

[1]) Green, стр. 241. „Ut vix media pars hominum remaneret“, говоритъ лѣтописецъ. Ocbenkowski, тамъ же, стр. 13.

противленія. Безъ послѣдняго условія насильственное массовое движеніе въ каждомъ данномъ случаѣ не приняло бы такихъ размѣровъ, какіе оно приняло на самомъ дѣлѣ.

При мирныхъ массовыхъ движеніяхъ, гдѣ элементъ механической задержки не существуетъ, очевидно, намъ приходится имѣть въ виду лишь условія, благопріятствующія направленію движенія въ ту или другую сторону; иначе говоря, при переселеніяхъ, при эмиграціи, происходящей болѣе или менѣе безпрепятственно, главную роль должны играть, въ смыслѣ увеличенія или уменьшенія числа переселенцевъ, во-первыхъ, притягательныя свойства тѣхъ мѣстъ, куда происходитъ переселеніе, бо́льшая или мѐньшая заманчивость тѣхъ удобствъ, которыя представляетъ страна, куда происходитъ выселеніе, и затѣмъ бо́льшая или мѐньшая легкость выполненія плана переселенія.

До недавняго времени притягательныя свойства тѣхъ мѣстъ, куда происходитъ выселеніе, весьма мало принимались во вниманіе. Знали, конечно, и прежде, что переселенцы стремятся уходить въ такія мѣста, гдѣ, по ихъ мнѣнію, имъ будетъ лучше. Мало того: это стремленіе къ улучшенію своего положенія опредѣлялось точнѣе, именно такимъ образомъ, что эмигрирующіе переходятъ изъ сравнительно густо-населенныхъ мѣстъ въ мѣста съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ. Все это, повторяемъ, знали и раньше, но до послѣдняго времени удобствамъ, представляемымъ чужбиной, не приписывали значенія непосредственнаго фактора, вызывающаго болѣе или менѣе усиленныя движенія въ извѣстное время. Теперь это упущеніе исправлено [1]).

Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время продолжаютъ упускать изъ виду одно обстоятельство, которое несомнѣнно оказываетъ большое вліяніе на направленіе переселенческаго движенія, на большее или меньшее число переселенцевъ, доставляемое данной мѣстностью. Въ настоящее время достаточно извѣстно, что стремленіе къ переселенію не находится въ прямомъ отношеніи съ густотою населенія, съ такъ-называемымъ переполненіемъ населенія. По отношенію къ эмиграціи въ Америку прямо констатировано отсутствіе зависимости между силою эмиграціи и густотою населенности данной мѣстности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть часто приводимую таблицу о числѣ переселенцевъ изъ извѣстныхъ мѣстностей, съ одной стороны, и о густотѣ населенности въ этихъ мѣстахъ—съ другой [2]).

---

[1]) См., между прочимъ, Neumann Spollart, Uebersichten der Weltwirthschaft Stuttgart. 1884, стр. 58—60.

[2]) Янсовъ, Сравнительная статистика Россіи, I, стр. 146—147.

	Переселенцевъ на 1000 нас.	Густота населенія на 1 кв. к.
Мекленбургъ	7,8	42
Померанія	6,0	48
Познань	4,5	55
Шлезвигъ	4,2	57
Ганноверъ	3,1	51
Саксонское королевство	0,7	171
Провинція Саксонія	0,6	83
Силезія	0,5	92
Рейнская провинція	0,5	132
Бельгія	0,03	173
Англія	4,2	163
Шотландія	5,6	43
Ирландія	12,3	64
Франція	0,16	68

Изъ этой таблицы, говоря словами г. Янсона, видно, что „переселеніе очень часто идетъ изъ мѣстностей, населенныхъ довольно рѣдко, и наоборотъ, мѣстности, очень густо населенныя, не только не представляютъ эмиграціоннаго движенія, но, наоборотъ, притягиваютъ къ себѣ переселенцевъ извнѣ“.

Сила эмиграціи въ Америку не можетъ быть объяснена и тѣмъ, что наибольшее число переселенцевъ даютъ земледѣльческія мѣстности. Если по отношенію къ переселенію въ Америку это положеніе должно быть признано вѣрнымъ для Германіи, то оно оказывается совершенно невѣрнымъ по отношенію къ земледѣльческимъ провинціямъ Франціи, которыя даютъ совершенно ничтожное число переселенцевъ, и затѣмъ совершенно теряетъ свое значеніе, если мы вспомнимъ, что высокое развитіе индустріи въ Англіи и Шотландіи нисколько не спасаетъ ихъ отъ сильной эмиграціи. Печальныя экономическія условія несомнѣнно оказываютъ вліяніе на переселенческое движеніе; вѣдь само это движеніе вызвано стремленіемъ къ улучшенію матеріальнаго положенія выселяющихся. Затѣмъ, притягательныя свойства страны, въ данномъ случаѣ Америки, несомнѣнно влекутъ туда переселяющихся; но почему эти притягательныя свойства обнаруживаютъ болѣе сильное дѣйствіе въ одной мѣстности и минимальное дѣйствіе въ другой, болѣе густо населенной,—до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не разъяснено.

А между тѣмъ, стоитъ только назвать тѣ мѣстности, которыя доставляютъ наибольшій контингентъ переселенцевъ въ Америку, а именно Ирландію, Мекленбургъ, Померанію, Шотландію, Англію, Познань, Шлезвигъ, чтобы видѣть, что онѣ имѣютъ одну общую имъ свойственную черту. А именно: всѣ онѣ представляютъ прибрежно-морскія мѣстности.

Такимъ образомъ, переселенію за море изъ этихъ мѣстностей благопріятствуетъ то, что онѣ, во-первыхъ, географически расположены у моря, а во-вторыхъ, вслѣдствіе этого населеніе болѣе всего предрасположено къ путешествію за море. Иначе говоря, легкость исполненія плана переселенія, наибольшая физическая доступность гаваней для переселенцевъ и психическое настроеніе, благопріятное для странствованія за море, являются моментами, вызывающими бо̀льшее число переселенцевъ изъ прибрежноморскихъ мѣстностей. Несомнѣнно, что изъ другихъ мѣстностей происходитъ отливъ населенія, и для этого отлива существуютъ свои каналы, соотвѣтствующіе географическимъ условіямъ мѣстностей; для прибрежно-морскихъ мѣстностей такимъ каналомъ является море.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ мирнымъ массовымъ движеніямъ чисто механическая причина—легкость передвиженія—оказываетъ большое вліяніе на направленіе эмиграціоннаго движенія и на силу его. И тутъ движеніе, очевидно, идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, наибольшаго удобства его выполненія.

VII.

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ массовыя движенія вызваны преимущественно колонизаціонными стремленіями. Но ни англійской революціи, ни великой французской революціи, ни движенія 1848 г., ни многихъ другихъ соціально-политическихъ массовыхъ движеній нельзя приписать болѣе или менѣе сознательному стремленію населенія къ колонизаціи и большей или меньшей легкости осуществить это стремленіе, какъ мы это сдѣлали по отношенію къ разсмотрѣннымъ до сихъ поръ массовымъ движеніямъ. Тѣмъ не менѣе и въ нихъ скрывается элементъ, который имѣетъ сходство съ причинами, вызвавшими разсмотрѣнныя до сихъ поръ массовыя движенія. Перейдемъ къ фактамъ.

Среди англійскихъ политико-экономовъ конца XVI-го и начала XVII в., т.-е. въ теченіе вѣка, предшествовавшаго англійской революціи, нерѣдко высказывались опасенія по поводу увеличенія населенія. Для предотвращенія этой опасности они составляли проекты колонизаціи. Одинъ изъ такихъ проектовъ, между прочимъ, составленъ извѣстнымъ Ралейгомъ въ концѣ XVI в. [1]).

[1]) Hist. of the World, I, ch. 8, 4. Roscher, Grundlagen der Nationaloekonomie (14 Aufl., 1879), стр. 653. См. также Oncken, Das Zeitalter Friedrichs des Grossen. Berlin, 1882, II, стр. 632, 634, 635. Hopp, Bundesstaat und Bundeskrieg in Nord-Amerika. Berlin, 1886, стр. 11.

Впрочемъ одними проектами отнюдь не довольствовались тогда. Въ началѣ царствованія Іакова I, т.-е. въ началѣ XVII ст., началось колонизаціонное движеніе въ Америку, принявшее весьма обширные размѣры въ царствованіе Карла I-го, въ особенности, наканунѣ революціи. Въ теченіе 1629 — 1630 г., въ недавно установленную королевской грамотой колонію Массачуветсъ выселилось 200 человѣкъ и затѣмъ 800 чел.; очень скоро за ними послѣдовало новыхъ 700 чел. Это были, въ большинствѣ случаевъ, люди, принадлежавшіе къ среднимъ классамъ, хорошо обставленные фермеры Линкольншира и восточныхъ графствъ [1]). Въ теченіе одного 1636 года изъ Англіи въ Америку прибыло 3.000 новыхъ колонистовъ. Вообще, въ періодъ времени отъ 1630 г. до 1641, т.-е. въ теченіе 10—11 лѣтъ, Атлантическій океанъ прорѣзали 200 кораблей, наполненныхъ эмигрантами, а въ Америкѣ нашли себѣ убѣжище свыше 20.000 англичанъ.

Эмиграціонное движеніе это, какъ извѣстно, шло параллельно усиленію гнета надъ пуританами и приписывается поэтому, главнымъ образомъ, стремленію избавиться отъ религіознаго гнета, отъ самовластія Карла I-го и произвола его министровъ, обнаруживавшагося какъ въ финансово-политическомъ отношеніи, такъ особенно въ религіозномъ отношеніи: въ притѣсненіи всѣхъ тѣхъ, которые руководились собственнымъ убѣжденіемъ въ дѣлахъ религіи и совѣсти. Только крупный поворотъ, происшедшій въ англійскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе возстанія въ Шотландіи, предупредилъ бѣгство въ Америку очень многихъ лицъ, и притомъ изъ самыхъ высшихъ сословій.

Объясненіе, даваемое усиленному переселенческому движенію наканунѣ междоусобной войны, вѣрно настолько, насколько оно указываетъ на то, что значительное число переселенцевъ состояло изъ пуританъ, хотя, какъ извѣстно, и католики прибѣгали къ тому же средству. Въ 1634 г. основана была колонія Мерилэндъ лицами, искавшими тамъ убѣжища вслѣдствіе преслѣдованія католиковъ. Они установили тамъ свободу вѣроисповѣданія, т.-е. не дѣлали никакого различія между лицами, принадлежащими къ христіанской вѣрѣ; но они все-таки были католики.

Но были ли переселенцы пуритане или католики—во всякомъ случаѣ, нельзя приписывать такого соціально-экономическаго явленія, какъ переселеніе, исключительно религіозному моменту. Какія бы внѣшнія цѣли ни преслѣдовались переселенцами, какіе бы мотивы ни побуждали отдѣльныхъ лицъ или цѣлыя группы ихъ

[1]) Green, Hist. of English people, стр. 493.

къ оставленію своей родины — не подлежитъ сомнѣнію, что въ основѣ переселенческаго движенія можетъ лежать только „тѣснота", перенаселенность, понимаемая, конечно, не въ абсолютномъ смыслѣ, а по отношенію къ даннымъ, выработаннымъ въ моментъ переселенія, условіямъ производства и распредѣленія. Вѣроисповѣдная вражда, какъ и политическая, является только внѣшнимъ выраженіемъ борьбы соціально-экономическихъ интересовъ различныхъ группъ населенія.

Въ данномъ случаѣ, тѣснота несомнѣнна. Она обнаруживается не только въ проектахъ колонизаціи, возникавшихъ независимо отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдованій, но и въ сравнительной цифрѣ населенія въ Англіи въ прежнія времена и наканунѣ революціи. „Многіе серьезно утверждали,—говоритъ Маколей,—что число жителей въ Англіи въ тридцати-пятилѣтнемъ періодѣ между вступленіемъ на престолъ Карла I-го и реставраціей увеличилось на два милліона". Онъ считаетъ эту цифру преувеличенной, но въ то же время, на основаніи различныхъ разсчетовъ, произведенныхъ и въ то время, и въ новѣйшія времена, онъ признаетъ несомнѣнность факта значительнаго увеличенія населенія [1]). При этомъ необходимо принять во вниманіе, что хотя увеличеніе населенія происходило во всѣхъ частяхъ Великобританіи, но оно совершалось все-таки неравномѣрно. Тѣснота обнаруживалась больше всего въ южныхъ провинціяхъ, и громадное увеличеніе населенія по ту сторону Трента началось только въ концѣ XVII-го и въ XVIII в. До соединенія обоихъ британскихъ государствъ, т.-е. Англіи и Шотландіи, и еще долго послѣ того, между Мидльсексомъ и Нортумберландомъ, говоря словами Маколея, была такая же разница по степени населенности, какъ въ нынѣшнія времена между Массачузетсомъ и поселеніями на отдаленномъ западѣ Америки. Изъ народной переписи 1841 г. оказалось, что населеніе прежней провинціи Іоркъ составляетъ $^2/_7$ англійскаго населенія, между тѣмъ какъ въ періодъ революціи населеніе Іорка составляло только $^1/_7$ часть. Въ Ланкаширѣ число жителей увеличилось ко времени переписи въ 9 разъ, между тѣмъ какъ въ Норфолькѣ, Суффолькѣ, Нортгемптонширѣ оно едва удвоилось съ того времени.

Очевидно, что южныя провинціи были въ періодъ революціи сравнительно насыщены населеніемъ, и условія жизни требовали разрѣженія его, что̀ и происходило отчасти посредствомъ переселенія въ Америку, а въ гораздо большей мѣрѣ—вслѣдствіе переселенія въ сѣверныя провинціи, въ Шотландію и въ Ирландію.

---

[1]) Macaulay, Geschichte von England (нѣмецкій переводъ), II, стр. 7.

Въ сущности, какъ епископальныя войны, такъ и междоусобная война и, наконецъ, Кромвелевская война въ Шотландіи были не чѣмъ инымъ, какъ борьбою юго-востока Великобританіи съ сѣверо-западомъ. Въ епископальныхъ войнахъ шотландцы боролись противъ насилія короля, но они очень скоро помирились съ королемъ и не относились къ нему враждебно, когда, начавъ междоусобную войну, онъ перенесъ свою главную квартиру на сѣверъ, по близости къ Шотландіи. Когда южныя арміи, съ Кромвелемъ во главѣ, побѣдили, шотландцы отнюдь не примирились съ этимъ фактомъ, и Кромвелю приходилось водворять господство Англіи на сѣверѣ отъ Твида и Тэйна съ помощью оружія. Въ основѣ этой борьбы, этихъ непрерывныхъ войнъ между югомъ и сѣверомъ изъ-за политическаго преобладанія, очевидно, лежало не что иное, какъ возможность безпрепятственнаго передвиженія населенія съ юга на сѣверъ, возможность для южанъ снискать, тѣмъ или инымъ путемъ—въ качествѣ духовенства, чиновниковъ и т. д. — средства существованія на сѣверѣ. Независимость Шотландіи полагала предѣлъ для всѣхъ этихъ стремленій.

Знакомымъ съ исторіей Ирландіи нечего говорить о томъ, что политическое порабощеніе этой страны вызывалось стремленіемъ колонизировать ее англичанами и что каждое пораженіе, нанесенное жителямъ Зеленаго острова, именно приводило къ этому результату. Мѣстное населеніе истреблялось или изгонялось и замѣнялось переселенцами изъ Англіи.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что съ началомъ епископальныхъ войнъ переселенческое движеніе въ Америку, вызванное сравнительною густотою населенія на юго-востокѣ Англіи, пріостановилось въ виду того, что отливъ въ сѣверныя области Великобританіи или въ Ирландію оказался болѣе удобнымъ.

VIII.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ не слѣдуетъ, конечно, заключать, что мы видимъ въ каждомъ насильственномъ массовомъ движеніи лишь прервавшееся стремленіе ухода въ другія мѣста. Мы желали только удостовѣрить, что во всѣхъ массовыхъ движеніяхъ несомнѣнно обнаруживается, вслѣдствіе относительной, но не абсолютной полноты, стремленіе къ уходу, причемъ, однако, отъ характера ближайшихъ территорій, большей или меньшей

населенности ихъ, зависитъ, приметъ ли оно характеръ колонизаціоннаго движенія, или оно будетъ направлено къ совершенію соціально-политическаго переворота, къ измѣненію общественнаго строя. Иначе говоря, если населеніе, при условіяхъ населенности данной страны, будетъ въ состояніи „убѣгать“ отъ гнета—въ формѣ ли феодальныхъ повинностей, въ формѣ ли поборовъ, въ формѣ ли притѣсненія со стороны религіозной іерархіи—въ другія, сравнительно менѣе населенныя территоріи, то движеніе приметъ характеръ преимущественно колонизаціонный. Если же условія страны не представляютъ возможности ухода на новыя мѣста, то массовое движеніе получаетъ соціально-политическій характеръ, т.-е. будетъ устремлено главнымъ образомъ на количественное уменьшеніе или разрѣженіе тѣхъ элементовъ общества, которые являются дѣйствительными или мнимыми представителями ощущаемаго населеніемъ экономическаго гнета.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ понятно само собою, что массовыя движенія въ одной Россіи, съ ея громадной и рѣдко заселенной территоріей, должны имѣть колонизаціонный характеръ, между тѣмъ какъ въ западно-европейскихъ странахъ они должны носить соціально-политическую физіономію. Понятенъ также и другой выводъ, а именно, что исторически болѣе раннія массовыя движенія въ Европѣ въ бóльшей мѣрѣ должны отличаться колонизаціоннымъ характеромъ, чѣмъ болѣе позднія.

Въ нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ движеній соціально-политическія цѣли являются ясно формулированными, вполнѣ отчетливо сознанными не только со стороны руководителей движенія, но и участниковъ его. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о западно-русскомъ движеніи, во главѣ котораго сталъ Богданъ Хмельницкій. Въ этомъ движеніи и средства, хотя жестокія, въ значительной мѣрѣ оказывались цѣлесообразными въ смыслѣ соціально-политическомъ. Истребленіе польскихъ помѣщиковъ и евреевъ на всемъ пространствѣ западной Россіи, бѣгство остальныхъ въ предѣлы Польши, затѣмъ жестокія пораженія, нанесенныя польскимъ военнымъ силамъ, все это должно было споспѣшествовать достиженію цѣли движенія—установленію независимости западной Россіи. При заключеніи зборовскаго мира западно-русское населеніе было на полъ-пути къ достиженію цѣли. Оставалось только сосредоточить силы народа, чтобы закрѣпить пріобрѣтенное по договору и при удобномъ случаѣ довести дѣло до конца въ смыслѣ полнаго отдѣленія отъ Польши и образованія независимой политической единицы.

Движеніе, послѣдовавшее за зборовскимъ миромъ и кончив-

шееся пораженіемъ подъ Берестечкомъ и бѣлоцерковскимъ миромъ, слѣдуетъ приписать преимущественно стремленію эмигрировавшей польской шляхты, а также евреевъ, вернуться въ западную Россію, опираясь на польскія военныя силы. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что еслибы, съ одной стороны, западно-русскому населенію не приходилось сообразоваться съ стремленіями татаръ къ расширенію своихъ кочевьевъ и еслибы, съ другой стороны, сила и энергія этого населенія въ борьбѣ съ Польшей не ослабѣла отъ возможности ухода на ненаселенную московскую окраину, то это обратное движеніе эмигрировавшихъ элементовъ населенія встрѣтило бы себѣ отпоръ.

Соціально-политическія движенія ведутъ также къ нѣкоторому разрѣженію населенія, но не исключительно посредствомъ колонизаціи той массы населенія, которая стремится выйти изъ даннаго бѣдственнаго для нея положенія, а посредствомъ насильственнаго уменьшенія той части населенія, которая, какъ мы уже говорили, правильно или неправильно является, въ глазахъ массы населенія, виновникомъ испытываемаго ею соціально-экономическаго отягощенія. И въ движеніи съ колонизаціоннымъ характеромъ по преимуществу присутствуетъ соціально-политическій элементъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Но оттого, что въ каждомъ почти массовомъ движеніи присутствуютъ оба указанные элемента, современники этихъ событій, а за ними и позднѣйшіе историки, видятъ преимущественно однѣ соціально-политическія цѣли движенія и не обращаютъ вниманія на колонизаціонную сторону, которая приводитъ къ результатамъ, отнюдь не соотвѣтствующимъ соціально-политическимъ цѣлямъ движенія.

М. Кулишеръ.

* * *

Іюльскимъ вечеромъ слѣдилъ ли ты порою,
Какъ мошекъ золотыхъ веселыя стада
Блестятъ и кружатся надъ дремлющей рѣкою
Въ тотъ тихій часъ, когда янтарною зарею
  Облито все — тростникъ и небо, и вода?..
    Такъ передъ тѣмъ, чтобъ навсегда
    Намъ слиться съ вѣчностью нѣмою,
    Не оставляя за собою,
Ни памяти, ни звука, ни слѣда,
Мы всѣ полны на мигъ любовью и весною;
  Потомъ, не вѣдая зачѣмъ, куда,
  Уносимся мгновенною толпою,
Какъ мошекъ золотыхъ веселыя стада
Въ іюльскихъ сумеркахъ надъ дремлющей рѣкою...

Д. Мережковскій.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
ВОРОНЦОВЫХЪ

Начиная съ 1870 года, въ Москвѣ издается „Архивъ князя Воронцова". Драгоцѣнные историческіе матеріалы, помѣщенные въ этомъ многотомномъ сборникѣ, пока не пользовались особеннымъ вниманіемъ публики. Даже историки-спеціалисты, какъ намъ кажется, не достаточно тщательно изучали множество писемъ и документовъ Воронцовскаго архива. Нѣтъ сомнѣнія, что эта богатая коллекція гораздо чаще послужила бы пособіемъ при изученіи исторіи царствованій Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла I и Александра I, еслибы изданіе этихъ памятниковъ не страдало отсутствіемъ порядка, системы. Матеріалы, разбросанные во множествѣ томовъ, должны быть сгруппированы. Тогда они легче удостоятся вниманія читателей.

Приступая къ разработкѣ неисчерпаемаго богатства данныхъ, находящихся въ „Архивѣ князя Воронцова", мы не можемъ не сожалѣть о томъ, что г. редакторъ этого изданія пока не считалъ возможнымъ сообщить что-нибудь о предстоящемъ окончаніи изданія. До выхода въ свѣтъ послѣдняго тома, классификація всѣхъ матеріаловъ оказывается преждевременною. Было много случаевъ дополненія корреспонденцій, помѣщенныхъ въ прежнихъ томахъ, вновь открытыми письмами, напечатанными въ позднѣйшихъ томахъ. Поэтому разработка нѣкоторыхъ группъ этихъ интересныхъ матеріаловъ легко могла бы, при появленіи новыхъ данныхъ, оказаться трудомъ лишнимъ, поспѣшнымъ.

Такъ напр., послѣ того, какъ въ различныхъ томахъ изданія встрѣчаются корреспонденціи между Воронцовыми и Кочубеемъ, нельзя, быть можетъ, считать изданіе этой группы историческихъ матеріаловъ законченнымъ. Поэтому мы неохотно рѣшились бы приступить къ монографическому изслѣдованію вопроса объ отношеніяхъ между вышеназванными государственными людьми. Съ другой стороны, данныя, заключающіяся въ этой коллекціи, до того интересны и важны, что должно желать разработки ихъ, по возможности, скорѣе. Поэтому мы рѣшаемся указать на нѣкоторыя группы матеріаловъ, которыя едва ли будутъ дополнены позднѣйшими томами „Архива князя Воронцова". Сюда относятся, напр., автобіографическія записки Воронцовыхъ, переписка Воронцовыхъ съ Завадовскимъ, Безбородкою, и пр. На первый случай, мы остановимся на автобіографическихъ запискахъ Воронцовыхъ.

Нельзя считать дѣломъ случайнымъ, что прежнее поколѣніе Воронцовыхъ не оставило автобіографическихъ записокъ, между тѣмъ какъ трое изъ дѣтей Романа Ларіоновича Воронцова занялись этимъ трудомъ. Еслибы Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, занимавшій столь видное мѣсто во время царствованія Елизаветы Петровны, рѣшился описать свою жизнь и дѣятельность, то такое сочиненіе могло бы служить весьма важнымъ источникомъ исторіи эпохи Семилѣтней войны и начала царствованія Екатерины II. И Романъ Ларіоновичъ, занимавшій разныя должности въ администраціи и при дворѣ, могъ бы оставить записки о своей жизни и о современныхъ событіяхъ. Однако представители старшаго поколѣнія не имѣли наклонности къ литературной дѣятельности, не чувствовали потребности возвращаться къ прошедшему времени составленіемъ такихъ историческихъ очерковъ. Совсѣмъ иначе къ этому предмету относились дѣти Романа Ларіоновича. Полянская и Бутурлина не оставили по себѣ автобіографическихъ записокъ. За то княгиня Дашкова, Александръ и Семенъ Романовичи были авторами замѣчательныхъ историческихъ трудовъ, въ которыхъ излагалась ихъ жизнь и дѣятельность въ связи съ важнѣйшими современными событіями. Предметомъ слѣдующаго очерка служитъ указаніе на значеніе и содержаніе этихъ важныхъ историческихъ памятниковъ.

I.—Автобіографическія показанія графа А. Р. Воронцова.

Сохранилось не менѣе трехъ памятниковъ, въ которыхъ графъ Александръ Романовичъ описалъ свою жизнь и сообщилъ краткій очеркъ современныхъ событій. Составленіемъ этихъ трудовъ онъ занимался въ послѣднее время жизни, т.-е. въ 1805 году. Они напечатаны въ V томѣ „Архива князя Воронцова" (стр. 1 — 87).

Главный изъ этихъ трехъ трудовъ (6—87) былъ начатъ въ іюлѣ 1805 года, т.-е. за пять мѣсяцевъ до кончины автора. Можно думать, что составленіе этой „Notice sur ma vie et les événements différents qui se sont passés tant en Russie qu'en Europe pendant ce temps-là", занимало автора въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Трудъ этотъ дѣлится на двѣ части. Въ первой говорится, главнымъ образомъ, о событіяхъ до 1758 года, во второй—о слѣдующей затѣмъ эпохѣ. Сочиненіе производитъ впечатлѣніе отрывка [1]). Мы не знаемъ, продолжалъ ли графъ А. Р. писать свою біографію; быть можетъ, болѣзнь и кончина помѣшали ему довести до окончанія этотъ трудъ.

Первая часть начинается общимъ введеніемъ. Авторъ замѣчаетъ, что онъ съ давнихъ поръ имѣлъ желаніе написать автобіографію, но что отчасти дѣла, отчасти болѣзни препятствовали исполненію этого желанія; далѣе онъ говоритъ, что пишетъ только для ближайшихъ родственниковъ, не имѣя въ виду публикованія записокъ. За то онъ считалъ возможнымъ, что его разсказъ принесетъ пользу его племяннику Михаилу Семеновичу, которому въ то время, когда писалъ А. Р., было 23 года и который именно въ то время началъ свою карьеру въ Россіи.

„Я никогда,—говоритъ авторъ,—не гонялся за богатствомъ, почестями, орденами, чинами и пр.; я не имѣлъ другой цѣли, какъ быть полезнымъ отечеству. Порою я испыталъ огорченія, несправедливость, поклепы. Нѣкоторые изъ фаворитовъ Екатерины, имѣвшіе сильное вліяніе на императрицу, относились ко мнѣ враждебно. Сановники, которымъ я возражалъ и противодѣйствовалъ, потому что находилъ ихъ образъ дѣйствій вреднымъ для государства, не безъ успѣха старались наносить мнѣ удары, что̀, впрочемъ, ни въ чемъ не измѣняло моихъ убѣжденій; уже давно желая, вслѣдствіе такихъ непріятностей, оставить

[1]) Онъ напечатанъ съ современнаго списка, писаннаго секретаремъ, но съ своеручными поправками и приписками графа Александра Романовича. Замѣчаніе г. Бартенева на стр. 6.

службу, я могъ исполнить это намѣреніе не раньше какъ въ концѣ 1793-го года. Считаю нелишнимъ присовокупить, особенно для моего племянника Михаила, что мнѣ удавалось сохранять независимость [1]), главнымъ образомъ, благодаря моему образу жизни. Не любя роскоши, не имѣя прихотей, я никогда не встрѣчалъ необходимости прибѣгать къ просьбамъ о деньгахъ и наградахъ. Фавориты оказали весьма вредное вліяніе во время царствованія Екатерины" [2]), и т. д.

Какъ видно, графъ Александръ Романовичъ не особенно благопріятно отзывался о царствованіи Екатерины. За то онъ хвалилъ императрицу Елизавету Петровну и не безъ удовлетворенія говорилъ о государственномъ переворотѣ въ концѣ 1741-го года, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе его дядя, графъ Михаилъ Ларіоновичъ. Достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе Александра Романовича: „Моя мать находилась въ близкой связи съ принцессою Елизаветою; до ея воцаренія она часто бывала у насъ въ домѣ, что̀, при жестокости правленія императрицы Анны, питавшей недовѣріе и непріязнь къ принцессѣ Елизаветѣ, ставило наше семейство въ неловкое положеніе", и пр. Объ отцѣ, Романѣ Ларіоновичѣ, сказано, что онъ былъ офицеромъ въ измайловскомъ полку, пользовался расположеніемъ своего начальника, брата герцога Бирона, что онъ, послѣ воцаренія Елизаветы Петровны, былъ отправленъ въ Ригу для надзора надъ Брауншвейгцами и послѣ возвращенія оттуда сдѣлался камергеромъ.

Далѣе говорится о началѣ блестящей карьеры графа Михаила Ларіоновича, о пріѣздѣ Петра Голштинскаго въ Россію, о кончинѣ матери Александра Романовича въ 1745 году и о томъ, какъ онъ, его братъ и его сестры воспитывались подъ вліяніемъ дяди и тетки, урожденной Скавронской. Передавая нѣкоторыя частности о своемъ воспитаніи, Александръ Романовичъ замѣчаетъ: „Россія—единственная страна, гдѣ не учатся родному языку и гдѣ не обращается вниманія на все то, что̀ относится къ Россіи; такое воспитаніе имѣетъ слѣдствіемъ полнѣйшее незнакомство съ родиною, равнодушіе и даже нѣкоторое презрѣніе къ ней, развивая въ то же время наклонность къ иностраннымъ пріемамъ, особенно привязанность къ Франціи". Далѣе Александръ Романовичъ разсказываетъ, какимъ образомъ и въ немъ, и въ его братѣ и сестрахъ развивалась наклонность къ чтенію; театральныя пред-

[1]) „Cette espèce d'indépendance telle qu'on peut l'avoir dans un gouvernement absolu et assez immoral et dans un pays, où il n'y a presque aucune opinion publique" (стр. 8).

[2]) „L'influence des favoris a terni son règne".

ставленія при дворѣ породили въ нихъ нѣкоторую страсть къ литературѣ; отецъ купилъ для нихъ въ Голландіи библіотеку, такъ что Александръ Романовичъ, имѣя 12 лѣтъ отъ роду, былъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и прочихъ французскихъ писателей, читалъ историческія книги и, такимъ образомъ, привыкалъ къ серьезнымъ занятіямъ. Дѣти бывали на балахъ при дворѣ; Елизавета Петровна обращалась съ ними ласково и съ добродушіемъ; сестры Александра Романовича, въ качествѣ фрейлинъ, жили при дворѣ; императрица за-просто бывала въ домѣ Романа Ларіоновича Воронцова. Все это объясняетъ намъ привязанность Воронцовыхъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, о которой оба брата говорили не иначе, какъ въ тонѣ благоговѣнія и уваженія.

Имѣвъ разныхъ хорошихъ наставниковъ и даже побывавъ въ пансіонѣ члена академіи наукъ, Штраубе, Александръ Романовичъ въ 1756 году сдѣлался офицеромъ, бывалъ, въ качествѣ пажа, при дворѣ, въ домѣ дяди часто встрѣчался съ представителями иностранныхъ державъ и мало-по-малу привыкалъ къ участію въ политическихъ дѣлахъ. Далѣе въ запискахъ упоминается о разныхъ придворныхъ событіяхъ, о проискахъ Бестужева, о разстройствѣ денежныхъ дѣлъ графа Михайла Ларіоновича Воронцова, о всеобщей радости по поводу рожденія Павла Петровича, и пр. [1]).

Пока никто не зналъ о слѣдующемъ фактѣ. Александръ Романовичъ Воронцовъ пишетъ: „1-го ноября 1755 г. почти весь городъ Лиссабонъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Я упоминаю объ этомъ общеизвѣстномъ фактѣ, потому что великодушная императрица, не состоявшая, впрочемъ, ни въ какихъ сношеніяхъ съ Португаліею, намѣревалась отправить къ королю португальскому лѣсу, желѣза и другихъ матеріаловъ для постройки новаго города, а къ тому еще нѣсколько тысячъ кулей ржи; все это хотѣли отправить на нѣсколькихъ транспортныхъ судахъ, сопровождая ихъ военнымъ кораблемъ. Мои родственники изъявили желаніе, чтобы я присоединился къ тому сановнику, который долженъ былъ передать этотъ подарокъ. Я не знаю, что помѣшало приведенію въ исполненіе этого великодушнаго намѣренія. Вѣроятно, то были приготовленія къ войнѣ (Семилѣтней), требовавшія всего вниманія императрицы“.

[1]) „Leibniz a eu bien raison de dire que le présent est gros de l'avenir. Qui est ce qui aurait crû alors, en se réjouissant de la naissance de Paul, que c'est un tyran qui naissait pour la Russie, comme on le verra de suite, lorsque j'en viendrai à l'époque du fatal règne de ce prince?“ (стр. 18). Или записки А. Р. Воронцова не были доведены до царствованія Павла, или же эта часть записокъ пока потеряна.

Характеризуя царствованіе Елизаветы Петровны, Александръ Романовичъ указываетъ на цѣлый рядъ построекъ, состоявшихся въ это время: напр., дворецъ въ Царскомъ Селѣ, кронштадтскій каналъ, Зимній дворецъ, и пр. При этомъ замѣчено: „мы тогда не имѣли еще такихъ архитекторовъ, какіе у насъ теперь встрѣчаются; у императрицы былъ итальянскій архитекторъ, Растрелли. Онъ не имѣлъ хорошаго вкуса, но строилъ чрезвычайно солидно, не такъ, какъ съ тѣхъ поръ строили въ Россіи".

Довольно любопытны замѣчанія о Петрѣ Ѳеодоровичѣ [1]), о стараніяхъ Бестужева сѣять раздоръ между великимъ княземъ и императрицею, о нерасположеніи Елизаветы Петровны къ Бестужеву, о серьезныхъ занятіяхъ великой княгини, и пр. „Эта принцесса, — разсказываетъ А. Р., — занималась чтеніемъ книгъ и старалась быть чрезвычайно любезною въ обращеніи со всѣми, въ противоположность ея мужу, который оскорблялъ всѣхъ и каждаго. Быть можетъ, она уже тогда питала надежду—нѣкогда управлять Россіею; пока она старалась управлять мужемъ. У него всегда были метрессы, и забота великой княгини заключалась въ томъ, чтобы она могла выбирать ихъ и чтобы онѣ оставались въ нѣкоторой зависимости отъ нея. Въ этомъ она не успѣвала въ отношеніи къ г-жѣ Шафировой", и пр. Далѣе А. Р. разсказываетъ, что, благодаря интригамъ Екатерины, Петръ влюбился въ сестру автора, Елизавету Романовну Воронцову, что впослѣдствіи не понравилось великой княгинѣ. „Великій князь былъ очень привязанъ къ моей сестрѣ,—сказано въ запискахъ,—и эта связь, которую можно назвать платоническою, продолжалась до лишенія Петра престола"; затѣмъ слѣдуютъ еще нѣкоторыя замѣчанія объ этой связи Петра съ Елизаветою Романовною и о Екатеринѣ. Далѣе говорится объ интригахъ Бестужева и о натянутыхъ отношеніяхъ между Россіею и Пруссіею, о политическомъ состояніи Европы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVIII-го в., о „конференціяхъ", учрежденныхъ при дворѣ наканунѣ Семилѣтней войны, и пр. Нѣкоторыя замѣчанія о Семилѣтней войнѣ достойны вниманія историковъ, изучающихъ эту эпоху; изъ нихъ видно, что А. Р. Воронцовъ уже въ то время былъ спеціалистомъ-экспертомъ въ области внѣшней политики; упоминая объ этихъ событіяхъ, авторъ замѣчаетъ: „подробнѣе я объ этомъ поговорю въ моемъ очеркѣ исторіи царствованія императрицы Елизаветы". Какъ кажется, онъ написалъ особое сочиненіе объ этомъ

[1]) Il avait donné dans la boisson et ne s'occupait que du métier de caporal avec quelques troupes du Holstein, qu'on lui avait permis de faire venir de ce pays-là.

предметѣ, между тѣмъ такой рукописи не было найдено (см. стр. 25, 30).

Во время пребыванія французскаго дипломата Лопиталя въ Россіи, А. Р. Воронцовъ, которому тогда было 17 лѣтъ, былъ довольно близко знакомъ съ нимъ. Лопиталь совѣтовалъ Михайлу Лар. Воронцову отправить молодого племянника въ Парижъ, въ училище кавалергардовъ, гдѣ воспитывались сыновья многихъ аристократовъ. Лопиталь написалъ объ этомъ къ королю, который изъявилъ желаніе, чтобы молодой Воронцовъ поступилъ въ это училище. Императрица, бывавшая часто у Михайла Ларіоновича въ домѣ, сама поговорила съ Лопиталемъ объ отправленіи Александра Романовича во Францію. Полвѣкомъ позже онъ писалъ: „я долженъ сказать, что мое отправленіе во Францію имѣло большое вліяніе на мою позднѣйшую дѣятельность, развивая и усиливая во мнѣ вкусъ къ занятіямъ дѣлами".

Упоминая о побѣдѣ русскихъ войскъ при Гросъ-Егерндорфѣ, о болѣзненныхъ припадкахъ императрицы и объ интригахъ канцлера Бестужева, желавшаго возвести на престолъ Екатерину, Александръ Романовичъ разсказываетъ подробно объ арестованіи Бестужева въ началѣ 1758 года и пр.

Во *второй части* записокъ говорится подробно о поѣздкѣ А. Р. за границу. Онъ покинулъ Петербургъ въ концѣ февраля 1758 г. Ему было тогда 17 лѣтъ. Въ Нарвѣ онъ посѣтилъ фельдмаршала Апраксина, лишеннаго должности главнокомандующаго войсками и находившагося подъ судомъ. Видъ города Нарвы поразилъ молодого путешественника тѣмъ, что всѣ дома были построены изъ камня. И Рига чрезвычайно ему понравилась; онъ удивлялся господствовавшему въ этомъ городѣ порядку. Митава казалась ему похожею на Васильевскій Островъ въ Петербургѣ; побывавъ въ Либавѣ, Мемелѣ и Кенигсбергѣ, онъ направилъ свой путь на Варшаву, гдѣ онъ сначала остановился въ домѣ русскаго посланника, князя Волконскаго, съ которымъ онъ съ тѣхъ поръ оставался въ близкихъ сношеніяхъ. Замѣчанія о Волконскомъ и о дипломатической дѣятельности другого русскаго дипломата въ Польшѣ—Гросса—достойны вниманія.

Несмотря на свою молодость и на то обстоятельство, что Александръ Романовичъ не занималъ никакой должности, ему вездѣ оказывали особенно благопріятный пріемъ, очевидно потому, что онъ принадлежалъ къ высшей аристократіи въ Россіи и былъ племянникомъ канцлера, Михайла Ларіоновича Воронцова. Въ Курляндіи его весьма ласково привѣтствовалъ принцъ Карлъ Саксонскій, сынъ польскаго короля; въ Варшавѣ для него при-

готовилъ особенное помѣщеніе министръ Брюль, который его представилъ королю Августу III. Варшава очень понравилась молодому путешественнику, который посѣщалъ знатнѣйшихъ магнатовъ, между прочимъ Чарторыйскихъ и Понятовскихъ, ознакомился съ разными партіями въ Польшѣ, былъ въ личныхъ сношеніяхъ съ иностранными дипломатами въ Варшавѣ и пр. Вспоминая обо всемъ этомъ, А. Р. замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „Образъ жизни польскихъ вельможъ, ихъ богатство, вниманіе, которымъ они пользовались—все это сдѣлалось предметомъ моего удивленія и заставляло меня думать, что никому не можно такъ завидовать, какъ польскому магнату. Эта республика тогда была важнымъ и знатнымъ государствомъ въ Европѣ. Правда, она, благодаря своему устройству, не могла играть важной роли въ общихъ дѣлахъ, но я не думаю, чтобы это составляло счастье народа", и пр. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя рѣзкія замѣчанія о первомъ раздѣлѣ Польши, причемъ осуждается образъ дѣйствій Екатерины и говорится о ея личныхъ близкихъ сношеніяхъ съ Понятовскимъ. „Всѣмъ она жертвовала для своего тщеславія и для своей страсти", пишетъ А. Р., и далѣе: „Желаніе возвести на престолъ друга императрицы имѣло самыя важныя послѣдствія: оно удалило насъ отъ дворовъ вѣнскаго и саксонскаго и ввергло насъ въ объятія Пруссіи. Такимъ образомъ состоялась та роковая сѣверная система, изобрѣтателемъ которой былъ графъ Панинъ и которая оказалась выгодною развѣ только для Пруссіи, усиленіе которой несогласно съ настоящими интересами Россіи". Къ этимъ замѣчаніямъ присоединенъ разсказъ о дѣйствіяхъ Станислава Понятовскаго и о событіяхъ, которыя, наконецъ, повели къ раздѣлу Польши.

Затѣмъ Александръ Романовичъ продолжаетъ свой разсказъ о своемъ путешествіи. Послѣ пребыванія въ Варшавѣ, гдѣ король на прощальной аудіенціи подарилъ ему шкатулку, украшенную алмазами, цѣною 15.000 рублей [1]), онъ отправился въ Вѣну. Говоря о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Венгріи и о чистотѣ и комфортѣ тамошнихъ гостинницъ, авторъ замѣчаетъ: „Марія-Терезія, расходуя большія суммы и соблюдая строгій порядокъ (не такъ, какъ это дѣлается у насъ), устроила въ Венгріи нѣмецкія колоніи; расходы были далеко не столь значительны, какъ у насъ, потому что не было столь гнуснаго и срамнаго воровства со стороны начальниковъ и все было заблаговременно приготовлено: орудія, посѣвъ, дома, съѣстные припасы и скотъ" (41). Восхва-

[1]) Рубль тогдашняго времени равнялся нѣсколькимъ нынѣшнимъ рублямъ.

ляя при этомъ случаѣ императрицу-королеву и разсказавъ извѣстный фактъ, случившійся въ началѣ ея царствованія, когда она, при первомъ разрывѣ съ Пруссіею, явилась съ маленькимъ Іосифомъ на рукахъ въ засѣданіе сейма и съумѣла возбудить патріотизмъ мадьярскихъ магнатовъ, А. Р. въ сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ образъ дѣйствій Іосифа II, замѣчая: „Можно прямо сказать, что царствованіе Іосифа II было гибельно для этой прекрасной и великой монархіи, еще въ настоящее время (1805) страдавшей отъ послѣдствій этого злосчастнаго царствованія".

Въ Вѣнѣ Александръ Романовичъ жилъ у русскаго посла, графа Кейзерлинга, о характерѣ, способностяхъ, политическихъ взглядахъ и житьѣ-бытьѣ котораго въ запискахъ сообщаются разныя любопытныя данныя. И въ Вѣнѣ молодой путешественникъ былъ принятъ отлично разными вельможами, ежедневно получалъ приглашенія и особенно часто бывалъ у графовъ Кауница, Колоредо и Кевенгюллера, гдѣ много разсуждали о политическихъ дѣлахъ. Кауницъ на Александра Романовича не произвелъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Молодой Воронцовъ бывалъ также и при дворѣ; его замѣчанія объ императорѣ Францѣ и о Маріи-Терезіи и о событіяхъ Семилѣтней войны достойны вниманія [1]). Далѣе онъ описываетъ довольно подробно Вѣну, дворцы, сады, театры, бытъ высшаго общества; онъ бывалъ неоднократно и въ домѣ французскаго дипломата Стенвиля, извѣстнаго немного позже подъ именемъ герцога Шуазеля.

На пути изъ Вѣны въ Мюнхенъ, А. Р. Воронцовъ удивился разницѣ между Австріею и Баваріею. Въ Австріи дороги были отличны; всюду было замѣтно народное благосостояніе; въ Баваріи, напротивъ, бросались въ глаза слѣды бѣдности, отсутствіе порядка въ отношеніи къ путямъ сообщенія — что̀, впрочемъ, отчасти могло считаться слѣдствіемъ войны сороковыхъ годовъ, свирѣпствовавшей въ этомъ краѣ. Въ Мюнхенѣ молодой туристъ побывалъ при дворѣ у курфюрста (въ Нимфенбургѣ) и у разныхъ вельможъ; замѣчанія о столицѣ Баваріи, объ Аугсбургѣ, о вюртембергскомъ герцогствѣ и о Мангеймѣ не лишены интереса. Александръ Романовичъ побывалъ въ Швецингенѣ, гдѣ находился дворъ пфальцъ-цвейбрюкенскій; тутъ онъ познакомился съ Вольтеромъ, съ которымъ бесѣдовалъ объ императрицѣ Елизаветѣ, о Петрѣ Великомъ, о Китаѣ и пр. Въ Мангеймѣ тогда давали

[1]) И тутъ, при очень выгодномъ отзывѣ объ императрицѣ-королевѣ, встрѣчается выходка противъ ея сына: „Il fallait un désorganisateur comme a été son successeur Joseph II pour tout gâter et ruiner presque de fond en comble dans cette monarchie" (53).

драмы Вольтера, и это обстоятельство заставило Александра Романовича продлить нѣсколько свое пребываніе въ Мангеймѣ. Въ частыхъ бесѣдахъ съ Вольтеромъ онъ узнавалъ кое-что о Фридрихѣ Великомъ, съ которымъ знаменитый французскій писатель тогда былъ въ разладѣ и который, какъ узналъ А. Р. отъ Вольтера, позволялъ себѣ за обѣдомъ и при другихъ случаяхъ колкія выходки противъ императрицы Елизаветы Петровны.

Разсказывая о своемъ путешествіи въ Парижъ, авторъ записокъ сообщаетъ разныя важныя данныя о начавшемся уже въ то время (1758) волненіи во Франціи, особенно о борьбѣ между правительствомъ и парламентами; покушеніе Даміеля на жизнь Людовика XV, по мнѣнію А. Р., состояло въ тѣсной связи съ этимъ антагонизмомъ между такъ-называемыми „gens de la robe“ и дворомъ. При этомъ не безъ раздраженія говорится о позднѣйшей революціи, о „злодѣяхъ“, герцогѣ Орлеанскомъ, Мирабо, Сіэ, Робеспьерѣ и пр., дѣлаются разныя замѣчанія о Шуазелѣ, о царствованіяхъ Людовика XV и Людовика XVI и пр.

Подробное изложеніе частностей пріѣзда А. Р. Воронцова въ Парижъ и разсказъ о томъ, какъ онъ остановился у русскаго посла Бестужева, какъ онъ посѣщалъ разныхъ вельможъ, бывалъ въ театрахъ и какъ онъ поступилъ въ „école des chevaux légers“, довольно занимателенъ. Молодой туристъ побывалъ и у матери Екатерины, принцессы Іоганны-Елизаветы, проживавшей тогда въ Парижѣ. Знакомство съ опытнымъ дипломатомъ, Бестужевымъ, было чрезвычайно полезно для молодого Воронцова, который чрезъ русскаго посла узнавалъ о состояніи политическихъ дѣлъ и разныхъ событіяхъ прежняго времени, особенно объ отношеніи Россіи къ Швеціи въ сороковыхъ годахъ XVIII-го вѣка.

Понятно, что великолѣпіе города, роскошь въ житьѣ-бытьѣ высшихъ классовъ общества, вечера, въ которыхъ участвовали дипломаты разныхъ державъ—все это производило глубокое впечатлѣніе на молодого туриста. Онъ бывалъ при дворѣ, пользовался протекціею аббата Берни, маркизы Помпадуръ и пр., и поэтому могъ поступить въ училище, гдѣ воспитывались молодые люди самыхъ знатныхъ фамилій Франціи. Описаніемъ устройства этого чисто аристократическаго заведенія, въ которомъ воспитанники платили ежегодно по 4.000 ливровъ, оканчиваются записки А. Р., который бралъ, помимо общихъ курсовъ, еще частные уроки французской литературы у Арну, друга Вольтера, и пр.

Очень возможно, что продолженія этихъ мемуаровъ не существуетъ; чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ того какъ онъ началъ писать ихъ, автора не стало. Къ этому послѣднему времени

жизни Александра Романовича относятся двѣ краткія записки его, составленныя по просьбѣ княгини Дашковой.

Первая (V, 1—3) написана 28-го октября 1805 года въ имѣніи Матренино (то же самое, что село Андреевское), въ 85 верстахъ отъ Владиміра, въ которомъ провелъ послѣднее время жизни своей государственный канцлеръ, все еще состоявшій на службѣ и получавшій ежедневныя депеши, но устраненный, какъ полагаетъ г. Бартеневъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ внѣшней политики. Въ этой запискѣ говорится лишь о внѣшней политикѣ при императрицѣ Екатеринѣ II; это не что иное, какъ краткій перечень фактовъ и хронологическихъ данныхъ. О Потемкинѣ сказано: „ce fléau de la Russie“; достойны вниманія замѣчанія о переговорахъ, окончившихся Верельскимъ миромъ. Любопытны слѣдующія данныя: „Что касается до отпуска на одинъ годъ, о которомъ я просилъ въ декабрѣ 1792 года, то я уже тогда тебѣ говорилъ, что я избралъ этотъ путь, чтобы не имѣть сценъ съ покойною императрицею, что̀ было бы неизбѣжно, еслибы я просилъ отставки. Я же никакъ не хотѣлъ служить ей болѣе. Только въ концѣ 1793 г. я письменно просилъ объ отставкѣ. Быть можетъ, императрица хотѣла унизить меня способомъ исполненія моей просьбы; однако она въ такомъ случаѣ ошибалась. По совѣсти, я былъ убѣжденъ, что оказалъ существенныя услуги государству и государынѣ, что служилъ съ успѣхомъ, особенно во время шведской войны и во время переговоровъ о мирѣ, и что при настоятельныхъ требованіяхъ Англіи и Пруссіи я отстаивалъ достоинство имперіи, что̀ признавала тогда сама императрица. Впрочемъ я всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что люди, сообразно съ ихъ способностями, имѣютъ внутреннюю цѣну которой не можетъ лишить ее какой-либо деспотъ“.

Обстоятельства увольненія А. Р. Воронцова, въ началѣ 1794 года, намъ въ частностяхъ неизвѣстны. Однако мы знаемъ, что и графъ Семенъ Романовичъ былъ сильно раздраженъ образомъ дѣйствій Екатерины и Зубова при этомъ случаѣ.

Вторая автобіографическая записка заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, формулярный списокъ, съ обозначеніемъ времени полученія разныхъ наградъ, поступленія въ разныя должности, участія въ разныхъ дѣлахъ, и пр. (V, 3—5).

II.—Автобіографическая записка С. Р. Воронцова.

Эта записка была составлена имъ въ Англіи, въ декабрѣ 1798 года, и имѣетъ видъ письма къ графу Ѳ. В. Ростопчину (VIII, 1—36). Въ введеніи Семенъ Романовичъ замѣчаетъ, что дипломатическая карьера, которой онъ долженъ былъ посвятить себя, когда ему было около 40 лѣтъ, не соотвѣтствовала ни его наклонностямъ, ни пріобрѣтеннымъ имъ до этого познаніямъ. „Съ самаго дѣтства, — говоритъ авторъ, — я имѣлъ страсть къ военному ремеслу... Петръ III, тотчасъ же послѣ своего воцаренія, меня назначилъ камергеромъ; но я умолялъ его не дѣлать меня царедворцемъ, и вслѣдствіе этого сдѣлался гвардейскимъ поручикомъ... Государь, замѣтивъ мою страсть къ военному искусству, усугубилъ свою милость ко мнѣ... онъ дозволилъ мнѣ отправиться, въ качествѣ курьера, къ графу Румянцову, командовавшему нашими войсками въ Помераніи... это было за три дня до государственнаго переворота".

Разсказъ Семена Романовича объ этомъ событіи до того интересенъ, что мы позволимъ себѣ воспроизвести его дословно:

„Наканунѣ этого ужаснаго дня я простился съ моими родственниками; на другой день въ 8 часовъ я долженъ былъ отправиться въ Ораніенбаумъ, гдѣ находился государь, для того, чтобы проститься съ нимъ, получить бумаги для графа Румянцова и отправиться въ путь чрезъ Нарву, Ригу и пр. Въ самый этотъ проклятый и гнусный день (maudit, abominable) революціи я былъ готовъ сѣсть въ карету; тогда одинъ изъ моихъ родственниковъ, жившій въ домѣ моего отца, пришелъ и сообщилъ мнѣ, что императрица находится въ измайловскомъ полку, что солдаты окружаютъ ее съ изъявленіемъ радости, провозглашаютъ ее императрицею и присягаютъ ей, что солдаты семеновскаго полка цѣлыми толпами присоединяются къ бунтующимъ, что онъ самъ видѣлъ все это своими глазами и что нельзя сомнѣваться въ заранѣе приготовленномъ бунтѣ. Мнѣ тогда было 18 лѣтъ; я былъ впечатлителенъ, какъ французъ, и страстенъ, какъ сицильянецъ. Я пришелъ въ невыразимую ярость отъ этой вѣсти, обнаружившей мнѣ всю важность измѣны, которая мнѣ была болѣе понятна, чѣмъ самому вѣстнику, такъ какъ мнѣ были извѣстны кое-какія частности (je savais des anecdotes passées), пояснявшія дѣло. Полагаясь, однакоже, на вѣрность преображенскаго полка, я не думалъ, что бунтовщики возьмутъ верхъ. Я поскакалъ верхомъ къ этому полку, который былъ уже на-

готовѣ къ выступленію, въ полномъ порядкѣ, колоннами. Въ ста шагахъ отъ моей роты, стоявшей впереди полка, я встрѣтилъ нѣсколько офицеровъ, собравшихся въ кружокъ, между прочими Бредихина, Балканова, князя О. Барятинскаго. Послѣдній былъ подпоручикомъ въ моей ротѣ. Я спросилъ ихъ, знаютъ ли они о гнусныхъ происшествіяхъ въ двухъ другихъ полкахъ, и сообщилъ имъ все то, что̀ крайняя раздражительность моего характера заставила меня чувствовать при этомъ случаѣ въ отношеніи къ мятежникамъ, причемъ выразилъ надежду, что они и весь нашъ полкъ, мы всѣ подадимъ примѣръ вѣрности прочимъ полкамъ, находящимся въ городѣ. Они мнѣ ничего не отвѣчали и глядѣли другъ на друга, блѣдные, разстроенные. Я принялъ ихъ только за трусовъ, не зная, что они были сообщниками въ мятежѣ. Отвернувшись отъ нихъ, я поспѣшилъ обнять моего капитана, Петра Ивановича Измайлова, одного изъ храбрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ подданныхъ нашего несчастнаго государя. Онъ былъ раздраженъ образомъ дѣйствій другой партіи и былъ готовъ умереть за вѣрность; онъ такъ же, какъ и я, надѣялся, что нашъ полкъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Мы уговорились, выражаясь по-французски, внушать вѣрность нашимъ гренадерамъ и пошли по рядамъ, увѣщевая ихъ не измѣнять законному государю, которому они присягали, выставляя на видъ, что онъ племянникъ императрицы Елизаветы, сынъ старшей дочери Петра I, значитъ внукъ настоящаго основателя величества и блеска имперіи, что лучше умереть съ честью, какъ должно вѣрному подданному и солдату, чѣмъ присоединиться къ измѣнникамъ, которые будутъ побѣждены, потому что примѣръ нашего полка непремѣнно заставитъ другіе, армейскіе, полки не измѣнять долгу. *Мы умремъ за него*, — отвѣчали солдаты, и этимъ обрадовали насъ несказанно. Въ эту минуту секундъ-маіоръ полка, Петръ Петровичъ Воейковъ, почтеннѣйшій человѣкъ и вполнѣ преданный государю, проскакалъ вдоль полка, восклицая: *Ребята, не позабывайте вашу присягу къ законному вашему государю, императору Петру Θеодоровичу*; *умремъ или останемся ему вѣрны*! Онъ остановился, чтобы поговорить съ нами, протянулъ намъ руку и прослезился отъ радости, видя, что мой капитанъ и я воодушевлены тѣми же чувствами чести, какъ онъ. Затѣмъ онъ скомандовалъ: *ступай*! и мы пошли къ Казанскому собору, гдѣ, какъ намъ сказали, находились мятежники съ императрицею и гдѣ совершалось молебствіе. Мы, секундъ-маіоръ, капитанъ и я, надѣялись, что при первомъ окликѣ нашъ полкъ единогласно воскликнетъ: да здравствуетъ императоръ Петръ III!—и что мы,

по первомъ выстрѣлѣ на насъ со стороны мятежниковъ, за невозможностью для насъ стрѣлять (такъ какъ, идя по Невскому проспекту, мы могли только дѣйствовать колонною), ударимъ на нихъ въ штыки, сомнемъ ихъ и уничтожимъ; ибо они толпились безъ рядовъ и линій, какъ мужики, и большею частью въ пьяномъ видѣ, мы же были въ стройномъ порядкѣ. Но Провидѣніе рѣшило иначе. Какой-то проклятый князь Меншиковъ, премьеръ-маіоръ въ нашемъ полку, глупый отъ роду и сдѣлавшійся идіотомъ вслѣдствіе пьянства, никогда не являвшійся въ полкъ, никогда не командовавшій, человѣкъ, котораго государь, по добротѣ и снисходительности, оставлялъ на службѣ, вдругъ, подстрекаемый нѣкоторыми изъ заговорщиковъ, явился въ тылу колонны и закричалъ: *виватъ императрица Екатерина Алексѣевна, наша Самодержица!* Это было какъ бы электрическимъ ударомъ. Вся колонна повторила это восклицаніе. Секундъ-маіоръ, мой капитанъ и я усиливались удержать этотъ порывъ. Мы находились уже въ 50-ти шагахъ отъ другихъ двухъ полковъ, но всѣ наши усилія были безполезны, и я не понимаю, какъ насъ не убили. Воейковъ, въ страшномъ раздраженіи, бросивъ шпагу, крикнулъ изо всѣхъ силъ: *Ступайте къ чорту, канальи, е. м., измѣнники! Я съ вами не буду.* Затѣмъ поворотилъ лошадь и поѣхалъ домой, гдѣ его вскорѣ арестовали.

„Несмотря на мою молодость и на мое лихорадочное раздраженіе, я тотчасъ же зналъ, что̀ мнѣ остается сдѣлать. Бросивъ гренадерское ружье и фуражку, я хотѣлъ сквозь толпу побѣжать къ рѣкѣ, заплатить первому встрѣчному лодочнику 10 или 20 имперіаловъ, бывшихъ у меня въ карманѣ, и плыть въ Ораніенбаумъ, гдѣ находился государь; онъ могъ бы, поспѣша въ Нарву, гдѣ находились войска, своимъ присутствіемъ расположить ихъ въ свою пользу; эти войска могли бы, по крайней мѣрѣ, прикрыть путь, еслибы онъ рѣшился отправиться къ арміи, находившейся за границею подъ начальствомъ столь великаго и вѣрнаго полководца, какъ графъ Румянцовъ. Какъ только я возъимѣлъ эту мысль и попытался пробраться сквозь толпу, я вдругъ почувствовалъ, что меня хватаютъ за воротъ. Я вынулъ шпагу, обернулся и нанесъ ударъ, который скользнулъ по шляпѣ и плечу моего дерзкаго противника, офицера измайловскаго полка, который закричалъ: *схватите его!* Одинъ унтеръ-офицеръ и шесть мушкатеровъ этого полка окружили и арестовали меня. Офицеръ крикнулъ: *Отвезите его въ Зимній дворецъ и держите подъ карауломъ!*

„Приведенный въ какой-то уголъ на дворцовую гауптвахту,

я, не растерявшись, сталъ говорить съ унтеръ-офицеромъ и шестью мушкатерами, какъ человѣкъ, увѣренный въ томъ, что ихъ предпріятіе окончится дурно и что законный государь останется побѣдителемъ. Они мнѣ ничего не отвѣчали, и это ободрило меня продолжать мое увѣщаніе; я даже предложилъ имъ отпустить меня или вмѣстѣ со мною отправиться въ первой шлюпкѣ. Я обѣщалъ унтеръ-офицеру повышеніе по службѣ, а солдатамъ предлагалъ мои имперіалы, отъ которыхъ они, повидимому, не отказались бы; но начальникъ ихъ ни на что не соглашался, приказалъ мнѣ молчать, велѣлъ позвать другого сержанта, очевидно принадлежащаго къ заговорщикамъ, поручилъ ему команду и скрылся. Я понялъ, что онъ отправился рапортовать въ надлежащемъ мѣстѣ о случившемся".

Разсказъ Семена Романовича о содержаніи въ арестѣ менѣе важенъ. Его выпустили изъ-подъ ареста два дня послѣ кончины Петра III, и тогда только онъ узналъ о подробностяхъ событій переворота. Затѣмъ сказано: „по прибытіи въ нашъ домъ, я нашелъ въ немъ множество солдатъ, ибо отецъ и моя сестра (Елизавета) были тоже арестованы, отдѣльно другъ отъ друга. Первый былъ высланъ въ Москву, а сестру отправили въ деревню за Москвою. Я узналъ также, что къ дому моего дяди, великаго канцлера, на нѣсколько дней приставили офицера яко бы для того, чтобы оберегать его отъ народа, который, однакожъ, ничего противъ него не имѣлъ и не помышлялъ его безпокоить. Вамъ извѣстно, съ какою благородною твердостью мой дядя велъ себя во время переворота".

Далѣе Семенъ Романовичъ разсказываетъ, какъ онъ послѣ этого заболѣлъ горячкою, какъ онъ не хотѣлъ продолжать „служить вмѣстѣ съ измѣнниками", и какъ онъ былъ радъ случаю къ путешествію въ Вѣну [1]). Побывавъ въ разныхъ странахъ западной Европы, по возвращеніи въ Россію онъ не пожелалъ служить въ гвардіи и поступилъ въ армію, гдѣ его обходили чинами, такъ что онъ вскорѣ подалъ въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ до турецкой войны; въ ней онъ участвовалъ, увлекаясь страстью въ военной карьерѣ. Онъ находился подъ начальствомъ Румянцова и участвовалъ въ знаменитой кампаніи 1770 года. Въ его автобіографіи встрѣчаются нѣкоторыя данныя объ участіи въ битвахъ при Ларгѣ и при Кагулѣ; тамъ же разсказано подробно о неудачной службѣ; хотя авторъ отличался во-

[1]) Je partis tout de suite, charmé de quitter un pays où tout me remplissait d'horreur.

многихъ случаяхъ, участвовалъ въ самыхъ важныхъ дѣйствіяхъ, заслуги его оставались, бо̀льшею частью, безъ вниманія. Графъ Чернышевъ относился къ нему неблагосклонно, сама императрица также неблаговолила къ нему, и такимъ образомъ С. Р., оскорбленный невниманіемъ правительства и страдавшій отъ разныхъ козней со стороны Потемкина подалъ въ отставку.

Упомянувъ вкратцѣ о своемъ пребываніи въ Италіи для возстановленія здоровья (1776—78), о женитьбѣ, о назначеніи посланникомъ въ Венецію, о кончинѣ жены и о разныхъ болѣзняхъ, Семенъ Романовичъ затѣмъ подробнѣе излагаетъ исторію своего пребыванія въ Англіи и своей политической дѣятельности въ этой странѣ. Особенно любопытенъ разсказъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ Англіи и Пруссіи противъ Россіи во время турецкой и шведской войнъ, о приготовленіяхъ къ войнѣ въ Англіи и о стараніяхъ С. Р. препятствовать разрыву. Частности разсказа о кризисѣ въ началѣ 1791 года приводимъ словами автора.

„Наконецъ, — пишетъ Семенъ Романовичъ,—Питтъ вооружилъ огромныя морскія силы. Онъ приказалъ снарядить 36 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ 8 трехдечныхъ, 12 фрегатовъ и столько же бриговъ и куттеровъ. Не вѣря, чтобы онъ окончательно рѣшился на мѣру столь крутую, противную дѣйствительнымъ интересамъ его страны, опасную для его популярности, благодаря которой онъ держался на своемъ мѣстѣ, я нѣсколько разъ объяснялся съ нимъ со всею смѣлостью человѣка, желающаго предотвратить несправедливую войну, одинаково пагубную для обѣихъ странъ. Питтъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво и ничего незначащими фразами, какъ человѣкъ, рѣшившійся на мѣру, которую не можетъ оправдать, при всемъ своемъ искусствѣ въ діалектикѣ. Я обратился къ герцогу Лидскому, тогдашнему статсъ-секретарю, и найдя его въ тѣхъ же мысляхъ, какъ и Питта, высказалъ ему слѣдующія слова, доселѣ памятныя англійскому министерству, часто приводимыя и которыя, уязвивъ тогдашнее министерство, тѣмъ не менѣе пріобрѣли мнѣ (особенно съ тѣхъ, поръ, какъ оба двора помирились) лестное для меня уваженіе и признательность: „Коль скоро министерство настолько ослѣплено, что готово настаивать (подъ предлогомъ сохраненія Очакова для Турціи, что̀ для Англіи не имѣетъ никакого значенія) на открытіи бѣдственной войны, вредной для обѣихъ странъ, то моя обязанность—устранить это зло. Вы, конечно, можете разсчитывать на большинство въ обѣихъ палатахъ; но я настолько ознакомился съ здѣшнею страною, чтобы знать, что и самый парламентъ не имѣетъ никакой силы безъ поддержки графствъ и независи-

мыхъ собственниковъ, въ сущности управляющихъ страною. Поэтому я вамъ объявляю, г. герцогъ, что я всѣми мѣрами буду стараться, чтобъ нація узнала о вашихъ намѣреніяхъ, столь противныхъ ея интересамъ, и я слишкомъ убѣжденъ въ здравомысліи англійскаго народа, чтобъ не надѣяться, что громкій голосъ общественнаго мнѣнія заставитъ васъ отказаться отъ несправедливаго предпріятія". Герцогъ былъ пораженъ смѣлостью и откровенностью моихъ словъ, и я оставилъ его изумленнаго и безмолвнаго. Я посѣтилъ вождей оппозиціи и, что было еще дѣйствительнѣе, нѣсколькихъ членовъ нижней палаты, которыхъ независимый и честный характеръ пользуется уваженіемъ и министерства, и оппозиціи, и которые внушаютъ всей странѣ такое довѣріе, что по ихъ голосамъ судятъ о правотѣ и полезности всякаго дѣла. Я объяснилъ имъ несправедливость предположенныхъ мѣръ, огромные расходы, которые онѣ повлекутъ за собою, и вредъ отъ прекращенія торговли съ нами, столь необходимой для Англіи. Они обѣщали мнѣ свою поддержку. Нѣкоторыхъ членовъ палаты, бывшихъ со мною въ дружескихъ отношеніяхъ, я уговорилъ разъяснить ихъ товарищамъ безразсудство министровъ; изъ числа этихъ друзей моихъ, въ то время и доселѣ ко мнѣ расположенныхъ, нѣкоторые оказали мнѣ важныя услуги. Такъ, между прочими, одинъ Димсдель, сынъ стараго барона, привившаго оспу императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу, склонилъ въ нашу пользу нѣсколькихъ членовъ парламента; принадлежа къ министерской партіи, онъ перешелъ на сторону ея противниковъ и примѣромъ своимъ увлекъ многихъ другихъ. Поэтому, когда Питтъ открыто объявилъ въ парламентѣ, что снаряжаемый флотъ предназначенъ противъ Россіи, что, по его мнѣнію, необходимо положить предѣлъ неумѣренному ея властолюбію и спасти оттоманскую имперію отъ погибели, то хотя и добился большинства въ палатѣ, но увидѣлъ съ удивленіемъ, что оппозиція министерству вдругъ усилилась на сто членовъ противъ прежняго числа, и онъ подвергся сильнѣйшимъ нападкамъ многихъ ораторовъ. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые друзья его вышли изъ палаты, чтобы не подавать голоса противъ него и не высказаться въ его пользу. Это его весьма смутило, а на другой день онъ пришелъ еще въ сильнѣйшее замѣшательство, когда увидѣлъ, что число оппонентовъ возросло, и что онъ хотя сохранилъ еще большинство въ палатѣ, но можетъ его лишиться. Вслѣдствіе этого онъ послалъ догонять курьера, отправленнаго въ Берлинъ съ извѣстіемъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, и въ Петербургъ—съ нотою, заранѣе приготовленною по соглашенію съ Герцбергомъ;

этою нотою оба союзные двора формально объявляли войну Россіи, если она не заключитъ немедленно мира съ Портою и не возвратитъ ей всего завоеваннаго въ турецкихъ предѣлахъ. Второй курьеръ прибылъ во-время въ Берлинъ, чтобъ остановить перваго и предотвратить послѣдствія дерзкой выходки, на успѣхъ которой Питтъ уже не могъ надѣяться. Но, оставляя это дѣло втайнѣ, онъ разсчитывалъ запугать нашъ дворъ вооруженіемъ флота, который стоялъ на якорѣ въ Портсмутѣ. Онъ не прекращалъ этого вооруженія, въ надеждѣ, что нашъ дворъ откажется отъ бо̀льшей части своихъ требованій, а именно—отъ владѣнія Очаковомъ. Я нашелъ, однакожъ, средство узнавать обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и посылалъ курьера за курьеромъ въ Петербургъ, совѣтуя *не уступать*. Но между тѣмъ я извѣстился изъ вѣрнаго источника, что у насъ склонялись на уступки, и что князь Потемкинъ оказывалъ болѣе робости, чѣмъ кто-либо иной, такъ что императрица, говоря объ этихъ дѣлахъ и упоминая обо мнѣ, сказала: „только онъ одинъ мыслитъ такъ же, какъ и я".

... „Дабы скорѣе разрѣшить вопросъ и принудить Питта къ разоруженію, я велѣлъ сочинить записки, для которыхъ доставлялъ самые точные и убѣдительные матеріалы, съ цѣлью доказать англичанамъ, что ихъ влекутъ къ разоренію, посредствомъ уничтоженія торговли, и что все это дѣлается ради интересовъ, для нихъ чуждыхъ. Я распорядился о переводѣ этихъ брошюръ на англійскій языкъ и о распространеніи ихъ, по напечатаніи, во всѣхъ провинціяхъ. Онѣ произвели тревогу въ мануфактурныхъ городахъ, и между прочимъ въ Норвичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ, гдѣ состоялись сходки и публичныя собранія, которыхъ постановленія были напечатаны и клонились къ подачѣ прошеній парламенту противъ дѣйствій министерства относительно Россіи. Другіе города слѣдовали этому примѣру; изъ нѣсколькихъ графствъ независимые избиратели писали къ своимъ представителямъ въ парламентъ, внушая имъ отдѣлаться отъ Питта и подавать голоса противъ него. Въ Лондонѣ на стѣнахъ всѣхъ домовъ простой народъ мѣломъ чертилъ слова: *не хотимъ войны противъ Россіи!* Въ двадцати и болѣе газетахъ, выходящихъ здѣсь ежедневно, появлялись постоянно статьи, происходившія (хотя не знали объ этомъ) отъ меня и объяснявшія народу, со дня на день все болѣе и болѣе раздраженному противъ министерства, положеніе дѣла; все это стоило не болѣе 250 фунтовъ ст. нашему двору; но мнѣ и всѣмъ служащимъ въ моей канцеляріи оно сто̀ило большихъ трудовъ, ибо во все время этой борьбы,

съ марта мѣсяца до іюля ни я, ни они не знали покоя. Мы цѣлыя ночи писали, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и если я могъ еще имѣть нѣсколько минутъ отдыха, то они не имѣли: приходилось по ночамъ разносить въ конторы разныхъ газетныхъ редакцій статьи, которыя должны были появляться въ печати на слѣдующій день. Наконецъ, Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ и послалъ въ Россію Фаукнера съ наставленіемъ уступить во всемъ волѣ императрицы. Флотъ былъ разоруженъ", и пр.

Къ этому разсказу о существенныхъ услугахъ, оказанныхъ Семеномъ Романовичемъ Россіи въ столь опасное время, прибавлены жалобы на неблагодарность императрицы и на недостаточное денежное вознагражденіе, такъ что С. Р., живя въ Англіи, не имѣя возможности содержать себя жалованьемъ посланника, долженъ былъ приплачиваться изъ собственныхъ средствъ.

Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя подробности о французской революціи и о политическихъ дѣйствіяхъ Англіи въ отношеніи къ Франціи въ это время. Сначала въ Англіи не желали разрыва съ Франціею; затѣмъ, однако, отчасти благодаря усиліямъ русскаго дипломата, Англія присоединилась къ коалиціи противъ революціи. Изложеніе бесѣдъ С. Р. съ лордомъ Гренвилемъ, указаніе на частности дипломатическихъ дѣйствій, замѣтки о впечатлѣніи, произведенномъ казнью короля Людовика XVI—все это придаетъ разсказу Воронцова особенную прелесть.

Семенъ Романовичъ держалъ себя вполнѣ независимо, руководствуясь исключительно интересами Россіи. Этимъ образомъ дѣйствій объясняется нерасположеніе къ нему нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Вотъ что̀ онъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ о случаяхъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ нерасположеніе къ нему Зубова.

„Я имѣлъ несчастіе видѣть, что графъ Артуа прибылъ въ Англію. Его отправила туда императрица, не согласившись заранѣе объ этомъ съ королемъ, не зная вовсе о томъ, можетъ ли вообще этотъ принцъ быть принятъ въ Англіи. Вся эта экспедиція была задумана и устроена княземъ Зубовымъ и его фаворитомъ Эстергази. Оказалось, что д'Артуа не могъ пребывать въ Англіи, вслѣдствіе долговъ своихъ, за которые онъ подлежалъ заключенію въ тюрьму; ибо, кромѣ короля и членовъ парламента, каждый можетъ быть посаженъ въ тюрьму, коль скоро долгъ его простирается до 10 фунтовъ стерл. Даже сыновья короля, не облеченные званіемъ пэровъ королевства, подвергаются заключенію за долги, какъ частныя лица... Всего хуже было, что не знали суммы долговъ графа д'Артуа; ибо во время своего пребыванія въ Кобленцѣ онъ подписывалъ счеты и векселя за по-

ставки для его арміи, не ведя никакихъ расходныхъ книгъ, такъ что самъ не зналъ, сколько долженъ. Кромѣ этого неодолимаго препятствія къ его пріѣзду, мнѣ поручили выхлопотать для него въ Англіи разныя льготы, совершенно невозможныя и которыхъ министерство никакъ не могло ему предоставить.

„... Герцогъ д'Аркуръ (d'Harcourt), завѣдывавшій здѣсь дѣлами Франціи, человѣкъ умный, холодный и честный, увидѣлъ, подобно мнѣ, что возраженія, представленныя намъ по этимъ дѣламъ лордомъ Гренвилемъ, были основательны и неопровержимы. Мы отправились, герцогъ и я, въ Гуль, для свиданія съ французскимъ принцемъ, который находился на русскомъ фрегатѣ, на рейдѣ, и объяснили ему положеніе дѣлъ, совѣтуя возвратиться въ Германію. Можете судить о моемъ удивленіи, когда принцъ сказалъ мнѣ: „я предвидѣлъ эти затрудненія и, поставивъ себѣ за правило вести журналъ всему, что̀ дѣлаю въ важныхъ обстоятельствахъ, я вамъ тотчасъ докажу это!“ Онъ досталъ изъ письменнаго стола, находившагося въ его каютѣ, большую книгу, писанную его рукою, и далъ мнѣ прочесть подробное изложеніе его бесѣды съ Зубовымъ. Этотъ временщикъ выражался слѣдующими словами, изобличавшими его самонадѣянность, непониманіе разницы въ формахъ правленія и неумѣніе вести дѣла. „Всѣ недоумѣнія вашего королевскаго высочества будутъ разрѣшены; Англія сочтетъ лестнымъ для себя принять васъ, она сдѣлаетъ все, чего желаетъ императрица, и мы имѣемъ тамъ посланника, который съумѣетъ склонить министерство угождать вамъ во всемъ“. Вотъ какимъ образомъ молодой фаворитъ, всемогущій въ Россіи, думалъ располагать всею Европою; онъ считалъ возможнымъ все то, что̀ ему хотѣлось. Принцъ французскій возвратился въ Германію; но люди, окружавшіе его, интриганы, надѣявшіеся на важную роль въ Лондонѣ, говорили ему, что его желанія были бы исполнены, еслибы я хотѣлъ поддержать оныя. Они въ этомъ духѣ писали къ Эстергази, который, въ свою очередь, возбуждалъ князя Зубова противъ меня“, и пр.

Семенъ Романовичъ разсказываетъ далѣе, что еще другой случай содѣйствовалъ разладу между нимъ и Зубовымъ. Фаворитъ составилъ планъ вывезти тайкомъ изъ Англіи, нарушая при этомъ законы этой страны, и рабочихъ, и инструменты, и требовалъ при этомъ содѣйствія русскаго посланника. Понятно, что графъ Воронцовъ не хотѣлъ компрометтировать себя и Россію предъ англійскимъ правительствомъ. Поэтому онъ написалъ Зубову о невозможности исполненія его желаній. Фаворитъ не отвѣчалъ вовсе Семену Романовичу. Оскорбленный, однако, урокомъ,

полученнымъ отъ дипломата, онъ старался вредить послѣднему, разглашая всюду, что Воронцовъ болѣе преданъ Англіи, нежели Россіи. Отсюда слѣдовали разные случаи невниманія къ заслугамъ Семена Романовича въ послѣднее время правленія Екатерины. „Зубовъ мстилъ мнѣ самымъ низкимъ образомъ,—сказано въ запискахъ,—и оскорблялъ всевозможнымъ образомъ человѣка, какъ нельзя болѣе ревностно служившаго отечеству".

Особенно подробно Семенъ Романовичъ говорилъ о невниманіи русскаго правительства къ его подчиненнымъ. Эти объясненія очевидно имѣли цѣлью заставить Ростопчина позаботиться о наградахъ для Лизакевича, Смирнова и другихъ чиновниковъ канцеляріи Воронцова въ Лондонѣ.

Всѣ эти непріятности, какъ разсказываетъ Семенъ Романовичъ, заставляли его желать удаленія отъ дѣлъ. Въ то же самое время, однако, онъ считалъ необходимымъ окончить воспитаніе сына въ Англіи. Опасаясь распространенія мнѣнія, что онъ, не находясь на службѣ и оставаясь жить въ Англіи, обнаруживаетъ нелюбовь къ отечеству, онъ пока оставался на службѣ.

Въ заключеніе записки говорится о денежныхъ средствахъ, находившихся въ распоряженіи Семена Романовича, и о частыхъ болѣзняхъ, которыми онъ страдалъ и въ это время, и до этого.

Что касается до имущества, то Семенъ Романовичъ писалъ, между прочимъ: „мой отецъ умеръ, лишившись двухъ третей своего состоянія и оставляя намъ долги. Находясь на службѣ, я и мой братъ не только не пріобрѣли что-либо, но, напротивъ, всегда приплачивались". Остановившись подробно на этомъ предметѣ, Семенъ Романовичъ продолжаетъ: „Увѣряю васъ, что разстроенное состояніе моей фамиліи меня не заботитъ. Она безъ вины лишилась того блеска, которымъ отличалась при императрицѣ Елизаветѣ и во время слишкомъ краткаго царствованія императора Петра III"... и пр.

Говоря о разстройствѣ здоровья, авторъ записки замѣчаетъ: „однимъ словомъ, я человѣкъ, тѣло котораго никуда болѣе не годится; къ сожалѣнію, я не могу оказывать болѣе важныхъ услугъ нашему государю. Я похожъ на лимонъ, изъ котораго выжали сокъ... остается меня бросить"... и пр.

Наконецъ, Семенъ Романовичъ просилъ Ростопчина, по прочтеніи автобіографической записки, составленіе которой продолжалось отъ 18-го декабря 1796 до 8-го февраля 1797 года, не показывать ея никому и никому же не сообщать о находящихся въ ней частностяхъ. Далѣе онъ просилъ возвращенія этого труда, чтеніе котораго могло бы быть полезнымъ для его сына Михаила.

Ростопчинъ исполнилъ это желаніе, и подлинникъ этой записки сохранился въ архивѣ графа Семена Романовича.

Автобіографія княгини Дашковой, напечатанная въ XXI томѣ „Архива князя Воронцова“ (1—368), не можетъ считаться новостью. Англійское изданіе явилось уже въ 1840 году въ Лондонѣ; русскій переводъ съ англійскаго изданія—тамъ же въ 1859 году. Французская современная рукопись писана рукою жившей у княгини миссъ Уильмотъ. Къ сожалѣнію, издатель не считалъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи этого новаго изданія къ прежнимъ. Пока можно было считать англійскій текстъ подлинникомъ. По новѣйшему изданію, французскій текстъ оказывается первоначальною редакціею записокъ княгини. Прежнія изданія были раздѣлены на главы (ихъ было XXIX); французское изданіе раздѣлено лишь на двѣ части, соотвѣтствующія I—XVII и XVIII — XXIX главамъ прежнихъ изданій. Встрѣчаются и варіанты, на которые слѣдовало бы указать при изданіи французскаго текста. Вообще нужно было бы изслѣдовать вопросъ о происхожденіи французскаго и англійскаго текста. Княгиня Дашкова, какъ видно изъ факсимиле ея письма къ миссъ Уильмотъ въ первомъ томѣ англійскаго изданія (XXXI), вполнѣ владѣла англійскимъ языкомъ. Миссъ Уильмотъ писала по-французски. Заглавія обѣихъ частей французскихъ записокъ сдѣланы самою княгинею, равно какъ и нѣкоторыя добавленія и поправки въ рукописи. Нѣкоторыя страницы (см. замѣтку г. издателя въ началѣ XXI тома) „почти сплошь писаны княгинею своеручно. Такимъ образомъ, подлинность рукописи несомнѣнна“. При всемъ томъ, однако, г. Бартеневъ говоритъ о „переписчицѣ“. Какъ видно. вопросъ о рукописяхъ и изданіяхъ долженъ быть еще изслѣдованъ.

Такъ какъ записки княгини Дашковой давно извѣстны, мы не считаемъ нужнымъ указывать, въ данномъ случаѣ, на содержаніе этого важнаго историческаго памятника. Мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что рядомъ съ французскимъ текстомъ записокъ княгини въ XXI т. „Архива князя Воронцова“ изданы нѣкоторые матеріалы для біографіи Дашковой, напр. „Роспись приданому для Катерины Романовны“, бумаги по управленію академіею наукъ, завѣщаніе кн. Дашковой и пр. Достойно вниманія письмо графа С. Р. Воронцова къ г-жѣ Бредфордъ (XVI, 401), гдѣ заключается протестъ противъ публикованія записокъ кн. Дашковой.

III. Переписка П. В. Завадовскаго съ Воронцовыми.

Графы А. Р. и С. Р. Воронцовы находились въ близкой дружбѣ съ нѣкоторыми лицами малороссійскаго происхожденія. То были: Завадовскій, Безбородко и Кочубей. Исходною точкою сближенія Воронцовыхъ съ этими замѣчательными сановниками было участіе графа С. Р. въ первой турецкой войнѣ. Начальникомъ его былъ Румянцовъ, управлявшій еще до этой войны Малороссіею. Завадовскій, во время турецкой войны, былъ товарищемъ графа Семена Романовича. Вскорѣ послѣ принятія Румянцовымъ управленія надъ Малороссіею, Завадовскій, сынъ офицера малороссійскаго войска, родившійся въ 1738 году, обратилъ па себя вниманіе Румянцова. Во время турецкой войны онъ былъ опредѣленъ правителемъ секретной канцеляріи главнокомандующаго. Впрочемъ онъ принималъ участіе и въ военныхъ операціяхъ, отличился въ разныхъ битвахъ, напр. на Ларгѣ и при Кагулѣ. Такимъ образомъ Завадовскій сошелся съ С. Р. Воронцовымъ, находившимся въ это время также въ близкихъ сношеніяхъ съ Румянцовымъ. Знакомство сдѣлалось дружбою, не прекратившеюся, какъ кажется, до кончины Завадовскаго, въ 1813 году.

И съ Безбородко графъ Семенъ Романовичъ сблизился во время турецкой войны. Съ тѣхъ поръ продолжались сношенія между этимъ замѣчательнымъ сановникомъ и Воронцовыми. Къ позднѣйшему времени относится дружба между Воронцовыми и Кочубеемъ, племянникомъ А. А. Безбородко.

Сравнивая между собою корреспонденцію Воронцовыхъ съ разными знакомыми, мы находимъ, что Завадовскій былъ самымъ близкимъ другомъ Александра и Семена Романовичей. Въ письмахъ къ нимъ Завадовскій называетъ ихъ „голубчикъ Алексаша“, „любезный Сенюша“ и т. п. Въ продолженіе десятилѣтій онъ не переставалъ переписываться съ ними о разныхъ дѣлахъ, сообщать имъ подробности своей частной жизни, разсуждать о разныхъ вопросахъ современной политики, давать имъ совѣты и пр.

Письма Завадовскаго производятъ на читателя чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе; онѣ свидѣтельствуютъ и о необычайномъ умственномъ развитіи, и о глубокой нравственности; въ нихъ проявляются: остроуміе, теплота души, знаніе людей, знакомство съ дѣлами, широкая эрудиція. Особенно любопытною чертою въ умственномъ кругозорѣ графа Петра Васильевича Завадовскаго была страсть къ древнимъ классикамъ. Въ Малороссіи и въ Польшѣ съ давнихъ поръ школьное дѣло было основано на клас-

сицизмѣ. Завадовскій обучался греческому и латинскому языкамъ въ іезуитскомъ училищѣ въ Оршѣ; затѣмъ онъ окончилъ свое ученіе въ кіевской духовной академіи. Съ тѣхъ поръ онъ любилъ посвящать часы отдыха чтенію латинскихъ писателей.

Карьера Завадовскаго была чрезвычайно быстрою и успѣшною. Скоро послѣ окончанія первой турецкой войны, императрица, по рекомендаціи Румянцова, повелѣла ему быть у принятія прошеній. Съ начала 1776 года до лѣта 1777 года онъ былъ „въ случаѣ", т.-е. „приближенною особою" у императрицы. На него посыпались щедроты и милости и знаки отличія. Онъ сдѣлался очень богатымъ человѣкомъ. Оставивъ дворецъ, онъ не переставалъ пользоваться довѣріемъ Екатерины, сдѣлался сенаторомъ, членомъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, директоромъ дворянскаго банка, первоприсутствующимъ въ коммиссіи о народныхъ училищахъ; въ 1786 году онъ основалъ государственный заемный банкъ; въ концѣ царствованія Павла онъ, по удаленіи отъ дѣлъ, долженъ былъ отправиться на житье въ деревню, гдѣ онъ провелъ полтора года въ тихомъ уединеніи. При императорѣ Александрѣ ему сначала была ввѣрена коммиссія составленія законовъ; въ 1802 году онъ сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, а въ 1810 году — предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

Письма Завадовскаго къ Воронцовымъ могутъ служить самымъ важнымъ матеріаломъ для его біографіи; онѣ занимаютъ видное мѣсто въ ряду источниковъ исторіи эпохи царствованій Екатерины, Павла и Александра. Бо́льшая часть ихъ, а именно 232 письма, напечатаны въ XII-мъ томѣ „Архива"; нѣсколькими годами позже были открыты еще двадцать писемъ Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову; онѣ изданы въ XXIV-мъ томѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что существовало множество писемъ Воронцовыхъ къ Завадовскому; однако сохранились лишь одна записка С. Р. къ Завадовскому, 1777 г., имѣвшая предметомъ устройство судьбы графа Моцениго (XVI, 149—168), и его же письмо къ Завадовскому отъ 1802 года (X, 465—466).

Руководствуясь письмами Завадовскаго къ Воронцовымъ, въ особенности къ графу Семену Романовичу, мы укажемъ сначала на характеръ личныхъ отношеній между этими сановниками, затѣмъ сообщимъ вкратцѣ нѣкоторые отзывы Завадовскаго о Екатеринѣ и о событіяхъ при дворѣ, о разныхъ замѣчательныхъ современникахъ и о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ; наконецъ, остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ внѣшней политики.

Во время турецкой войны, какъ мы уже замѣтили, завяза-

лась дружба между Завадовскимъ и Семеномъ Романовичемъ. Послѣдній былъ нѣсколькими годами моложе Завадовскаго, который съ нѣжностью и истинною привязанностью относился къ своему другу. Въ его письмахъ встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Прости, душенька, любезнѣйшій мой графъ, и вѣрь, что ничего не имѣю я отъ тебя себѣ дороже"... „Я буду имѣть радость увидѣть моего любезнаго Сенюшу, съ которымъ разлука, о, столь мнѣ дорога!"... „Я цѣлую тебя и сіе есть упражненіе всегдашнихъ моихъ мыслей"... „Будь здоровъ, любезный другъ; я не имѣю и во всю жизнь не могу имѣть другого тебя"... и т. п.

Семенъ Романовичъ и Завадовскій писали другъ другу совершенно откровенно, давали другъ другу совѣты, наставленія. Такъ, напр., въ то время, когда Завадовскій былъ „въ случаѣ", Воронцовъ, находившійся въ Италіи, сообщилъ своему другу о слухѣ, будто Завадовскій преданъ страсти къ карточной игрѣ. Завадовскій, въ отвѣтъ на это письмо, замѣтилъ, что показывалъ письмо Воронцова самой императрицѣ; затѣмъ онъ продолжаетъ: „Увѣщанія твои приняты въ ихъ цѣнѣ; но смѣялись клеветѣ, которая твою мораль толико воспалила. Надобно тебѣ знать, что я утромъ отъ 9 часовъ до обѣда при лицѣ государыни; послѣ обѣда почти до четырехъ часовъ у нея-жъ, 7-й и 8-й часы провождаются въ большомъ собраніи, гдѣ всѣ играютъ, а я не всякой же день. По окончаніи сего я опять бываю у государыни и отъ 10-го часа уже не выхожу изъ комнаты своей. Давъ тебѣ отчетъ вѣрный за цѣлый день, я тебя теперь спрашиваю, когда же мнѣ возможно сыграть 16 робертовъ? Лгутъ, Сенюшенька; а любовь твоя ко мнѣ заставляетъ и тебя быть легковѣрнымъ... А у государыни, прочтя твое письмо, я спрашивалъ, видитъ ли она меня таковымъ? Но она сказала со смѣхомъ, что это клевета. Однакожъ, и ей, и мнѣ пріятно было видѣть, что мои погрѣшности и пороки столь строго тебя, любезный другъ, трогаютъ. Я прошу навсегда, обличай меня; не раны тѣмъ мнѣ дѣлаешь, но умножаешь во мнѣ къ себѣ чистую любовь. Но токмо помни и то, что на меня и на поступки мои теперь смотрятъ въ микроскопъ и отъ того три роберта (ибо сряду я больше не помню, чтобы когда игралъ) кажутся за 16".

Такихъ случаевъ, проливающихъ свѣтъ на личныя отношенія Воронцова къ Завадовскому и на нравъ обоихъ пріятелей, много. Чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе производитъ письмо Завадовскаго къ Семену Романовичу по полученіи извѣстія о кончинѣ супруги Воронцова. Завадовскій совѣтовалъ своему другу поки-

нуть Италію, переѣхать въ Англію, посвятить себя всецѣло воспитанію дѣтей и пр. И тонъ, и содержаніе письма свидѣтельствуютъ объ истинной дружбѣ и о глубокомъ чувствѣ. Во время пребыванія С. Р. въ Англіи, Завадовскій сообщалъ ему неоднократно объ отзывахъ государыни насчетъ Воронцова. Когда, напр., послѣдній своими энергическими дѣйствіями, въ началѣ 1791 года, успѣлъ отклонить отъ Россіи опасность разрыва съ Англіею, Завадовскій писалъ: „государыня отзывалась не забыть твоей заслуги и наградить за оную". Раздраженіе Екатерины противъ французской революціи заставило Завадовскаго писать Семену Романовичу: „Совѣтую тебѣ, гдѣ лишь предстанетъ случай, брани какъ можно злѣе ассамблею французскую: однимъ симъ уже сдѣлаешь свои депеши пріятными". Когда, въ концѣ 1792 г., Завадовскій узналъ случайно, что Екатерина не совсѣмъ была довольна Семеномъ Романовичемъ, и что она мечтала объ опредѣленіи его на генералъ-губернаторское мѣсто, что не соотвѣтствовало бы вкусу и наклонностямъ Воронцова, онъ спѣшилъ увѣдомить своего друга о такомъ положеніи дѣлъ. Въ его письмѣ сказано, между прочимъ: „Разсужденія твоя (въ письмѣ къ А. А. Безбородко) не полюбились, по поводу коихъ отзывались, что отъ своего поста учить и наставлять хочешь... хотя сей разговоръ (между императрицею и Безбородко) былъ наиприватнѣйшій, но я счелъ за долгъ не потаить отъ тебя, прибавляя мой собственный совѣтъ—не все то писать, что думаешь, и не возносить своихъ разсужденій на дѣла, о которыхъ нѣтъ къ тебѣ вопроса и кои далѣе твоей миссіи. Въ твоемъ отдаленіи какъ можешь попадать въ расположеніе настоящихъ мыслей? А разнствуя съ оными и говоря вопреки, не возбудишь перемѣны, а только подымешь на себя непріятное, въ чемъ нѣтъ находки. Я не беру на себя тебя учить; должность твою ты лучше меня знаешь; но удостовѣреніе о вещахъ, къ которымъ я нахожусь ближе, подвигло меня сказать тебѣ мое разсужденіе, въ коемъ долгъ дружбы вѣрной заключается. Не всегда полезно выставлять свою мысль"... и пр.

Неизвѣстно, почему Завадовскій уже въ 1792 году, когда ему было 54 года, воображалъ себѣ, что ему скоро придется умереть. Однажды онъ писалъ своему другу: „Окончу сіе чувствительнымъ пунктомъ, къ коему приступаю въ смятеніи души и сердца. Уже я никакъ не надѣюсь увидѣть тебя, милый мой другъ; уже кругъ моего вѣка примѣтно сближается къ разрушительной точкѣ. Предваряя сіе, прощаюсь съ тобою на вѣчность и благодарю тебя за твою дружбу, къ которой, по сердечной

моей склонности, едина смерть погаситъ во мнѣ чувства искренности и признанія. Прими мой голосъ, провождаемый слезами, каковъ повторяю, есть ли память удержу, возвращаясь въ небытіе: что я любилъ тебя нелицемѣрно и лучшаго блага не чувствовалъ въ моей жизни, какъ имѣть тебя другомъ... Не дивись сему, что конецъ письма моего походитъ на духовную. Я не жилецъ міра и ощущеніемъ того ни мало не тревожусь" и пр.

Ожиданія Завадовскаго не оправдались. Онъ прожилъ еще больше 20 лѣтъ.

Екатеринѣ не понравилось вмѣшательство Семена Романовича въ дѣла, не имѣвшія никакого отношенія къ его должности русскаго дипломата въ Лондонѣ. Воронцовъ же, какъ горячій патріотъ и опытный государственный человѣкъ, слѣдя за событіями вообще, старался составить себѣ мнѣніе по разнымъ политическимъ вопросамъ, давалъ совѣты, желалъ имѣть вліяніе на дѣла въ Петербургѣ, причемъ иногда его воззрѣнія расходились съ предначертаніями императрицы. Мы видѣли, что Завадовскій, желая добра Воронцову и считая опасной чрезмѣрную откровенность его въ дѣловой перепискѣ съ представителями власти, умолялъ его ограничиваться дѣлами русской миссіи въ Англіи. С. Р. не руководствовался этимъ совѣтомъ, отстаивалъ свою самостоятельность и продолжалъ разсуждать о дѣлахъ, не входившихъ въ кругъ его обязанностей, причемъ его предложенія не всегда были одобряемы въ центрѣ.

Такъ, напр., когда Екатерина приступила ко второму раздѣлу Польши, онъ весьма рѣшительно высказался противъ этого намѣренія. Завадовскій находитъ этотъ образъ дѣйствій своего друга неосторожнымъ и неумѣстнымъ и, сильно безпокоясь, обращался къ обоимъ братьямъ Воронцовымъ съ письмами, въ которыхъ жаловался на упорство Семена Романовича.

Такъ, напр., онъ писалъ къ Александру Романовичу въ іюнѣ 1793 года: „Гр. Семенъ Романовичъ прислалъ Александру Андреевичу (Безбородкѣ) два меморіала, настоя, чтобы подалъ оные во что бы ни стало (государынѣ). Первымъ онъ представляетъ, чтобъ Курляндію взять, а Украйну Польскую сдѣлалъ княженіемъ удѣльнымъ. Подумай, сходствуетъ ли сіе разсужденіе обстоятельствамъ и настоящему времени, когда уже и губерніи росписаны. Вторымъ требуетъ, чтобъ перемѣнили указы прежніе объ экипажахъ и другой, что нечиновные дворяне въ собраніи не имѣютъ голоса, ставя то въ обиду и въ предосужденіе дворянству. Не повѣришь, мой другъ, какъ сія суще нелѣпая горячка меня поразила. Я убѣдилъ Александра Андреевича клят-

вою и просьбою, чтобы онъ обоихъ инструментовъ не подавалъ, ибо пользы искомой не было бы, а автора совершенно погубили бы. Я въ изумленіи въ разсужденіи послѣдняго. Гдѣ его умъ?" и пр. (89). А къ самому Семену Романовичу Завадовскій писалъ: „Два твои меморіала, о коихъ ты писалъ, не были поданы. Г. Безбородко затруднялся; по полученіи оныхъ присылалъ ко мнѣ прочитать, требуя, чтобы я ему далъ совѣтъ. Я его просилъ убѣдительно не дѣлать употребленія. Лучше, чтобы ты на меня сердился, чѣмъ затянуть петлю, въ которую безъ нужды, безъ всякой пользы, совалъ ты свою голову. Я не оспариваю твоего подвига со стороны усердія къ отечеству; но, мой другъ, ты забываешь благоразуміе сообразоваться времени, чтó всегда было свойствомъ умныхъ людей, и побуждаешься сущею горячкою весьма не въ пору. Могли ли твои разсужденія быть пріятны (государынѣ) или подѣйствовать... Разсуди же, какъ показалось бы твое упреканіе на нашу любимую политику... Перемѣнить свой собственный законъ дѣло у насъ невозможное, и представленія противъ того разумѣлися бы дерзостію и преступленіемъ. Я не ручаюсь, чтобы еще не пали тутъ на счетъ твой толки умысла (хотя ты никакого не имѣлъ) по нѣжности времени и вниманію государей хранить свою волю неприкосновенно... Итакъ, оставляю тебѣ: ругай меня сколько угодно, я всегда сохраню въ томъ долгъ дружбы, когда мнѣ можно, чтобы заслонить такову яму, которую изрываешь, чтобы упасть въ оную Курціемъ безъ спасенія Рима. Братъ твой благодарилъ меня за мой поступокъ, а тебѣ голову моетъ за твою необдуманную пылкость. Сенюша, ты давно выѣхалъ изъ Россіи и не воображаешь вещей и въ мысляхъ перемѣны... На тебя не сердятся (т.-е. государыня); однакожъ, слышу, примѣчають, что ты здѣсь учить хочешь. Потому и совѣтую тебѣ, мой другъ, ограничивайся въ донесеніяхъ тѣмъ единымъ, чтó до твоего поста и поручаемыхъ тебѣ дѣлъ касается, а на прочіе предметы не вызывайся съ твоимъ разсужденіемъ, когда отъ тебя онаго не спрашиваютъ. Легко сказать: нѣтъ бѣды за правду страдать, но переносить непріятное всегда же тягость. Живучи въ республикѣ, не забывай права самодержцевъ: sic volo, sic jubeo".

Въ это время Екатерина была недовольна и графомъ Александромъ Романовичемъ, который и подалъ въ отставку. Завадовскій сообщалъ ему подробности отзывовъ о немъ императрицы. Ей не могло понравиться и близкое знакомство Воронцовыхъ съ Радищевымъ. Когда послѣдній былъ сосланъ въ Сибирь, Александръ Романовичъ снабжалъ его деньгами, теплою одеждою, книгами и пр., переписывался съ нимъ и не одобрялъ строгости

суда надъ несчастнымъ авторомъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Въ это время Завадовскій писалъ Александру Романовичу, сообщивъ ему подробности эпизода, случившагося съ драмою Княжнина „Вадимъ" и имѣвшаго слѣдствіемъ столкновеніе между императрицею и княгинею Дашковой: „Государыня, говоря съ А. А. (Безбородкою), молвила и то, что при исторіи Радищева говорили на княгиню и на тебя, какъ побудителей сочиненія, но она то сочла тогда за ненависть и злословіе. А. А. оправдывалъ тебя, приводя всю истину, что ты о семъ дѣлѣ последній во всемъ городѣ узналъ. Хотя происшествіе сіе и не поведетъ слѣдствій, но по дружбѣ я не хотѣлъ ни о чемъ умолчать, что̀ только до тебя касается. Съ отставкою ты всѣхъ подобныхъ навѣтовъ избѣжишь и отклонишь отъ себя враговъ, которыхъ жало обратится на другихъ, насъ заступающихъ" (96).

Просьба Александра Романовича Воронцова объ отставкѣ не понравилась императрицѣ. Завадовскій писалъ ему, что Екатерина, прочитавъ прошеніе, „замялась" и что къ этому она прибавила: „Поэтому и Безбородко станетъ просить?" и дальше: „Да что̀ дѣлается съ Завадовскимъ?" и наконецъ: „Разсмотрю". Завадовскій, сообщая обо всемъ этомъ, прибавилъ: „Тутъ, что̀ будетъ, впередъ сказать не могу, а угадываю: безъ уловокъ и обольщенія не обойдется, отдаляя непріятную молву, что люди годные покидаютъ службу. Я графу Безбородкѣ довольно толковалъ, чтобы онъ ничѣмъ не помогалъ закидыванію на тебя сѣтей; ибо онъ самъ видитъ, есть ли польза въ настоящее время опять врынуться въ непріятности, отъ коихъ ты уже въ половину избавился, яко несносныхъ, теперешнимъ своимъ отдаленіемъ. Я говорилъ ему, ты рѣшился твердо отойтить, и что безъ большихъ выгодъ и отличія перемѣнить своего намѣренія тебѣ не сходно. Пустыя поманки тебя не подвинутъ, а сожалѣніе и вина отъ непріятной или безплодной тягости на его падетъ. Настроилъ я его довольно, что̀ говорить", и пр.

Какъ видно, Завадовскій дѣйствовалъ какъ истинный другъ Воронцовыхъ. Его замѣчанія по поводу отставки А. Р. тѣмъ болѣе достойны вниманія, что вообще мы не богаты свѣденіями объ этомъ любопытномъ эпизодѣ. Мы не знаемъ подробностей этого дѣла; вѣрно только то, что людямъ независимымъ, настоящимъ патріотамъ трудно было оставаться на службѣ, подчиняться всемогущему вліянію Зубова и не имѣть возможности или права высказывать откровенно свое мнѣніе. Съ другой стороны, мы видимъ, что Екатерина, умѣя цѣнить умъ и политическую опытность, благородство души и любовь къ отечеству Воронцовыхъ, неохотно соглаша-

лась на исполненіе просьбы Александра Романовича. Ее оскорбляло желаніе Воронцовыхъ оставаться вѣрными своимъ убѣжденіямъ и охранять совершенную самостоятельность. Есть записка пылкой государыни, неизвѣстно къ кому обращенная, записка, свидѣтельствующая о мѣрѣ раздраженія ея по этому поводу: „Заготовьте указъ объ отставкѣ Воронцова. Не спорю, что онъ вамъ дорогъ и что таланты имѣетъ; всегда знала, а теперь наипаче вѣдаю, что его таланты не суть для службы моей и что онъ мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя, права не имѣю принудить быть усерднымъ ко мнѣ; заставить же и меня нельзя почесть усерднымъ ко мнѣ, кто не есть. Разведены и развязаны на вѣкъ будемъ. Ч. е. п. (чортъ его побери!). По подписаніи указа я его освобождаю отъ пріѣзда сюда, ибо онъ боленъ. Все же за справедливость, коя требована съ гордостью и отдана по убѣжденію, поклонъ всякой неумѣстенъ" [1]). Нельзя не вспомнить при этомъ случаѣ о томъ, съ какимъ чувствомъ собственнаго достоинства графъ А. Р. Воронцовъ въ послѣднее время своей жизни отзывался о своей размолвкѣ съ императрицею [2]).

Не даромъ Завадовскій считалъ своимъ долгомъ сообщать Воронцовымъ о настроеніи умовъ въ отношеніи къ нимъ при дворѣ. Сообщая Семену Романовичу объ этомъ эпизодѣ съ его братомъ, Завадовскій замѣтилъ: „я вижу отъ твоихъ депешъ отъ нѣкотораго времени, что ты ограничиваешь свои донесенія теченіемъ дѣлъ, не примѣшивая своихъ разсужденій,—это лучшій способъ отклонить толки. Продолжай таковую осторожность, испытавъ, что разсужденія не всегда приходятъ впопадъ". Въ другомъ письмѣ: „Братъ твой меня безпрерывно проситъ, чтобы я тебя уговаривалъ въ дѣлахъ не горячиться, и сіе причиною моихъ напоминаній, что выше изъяснилъ". А къ Александру Романовичу Завадовскій писалъ въ апрѣлѣ 1794 года: „Братъ твой въ своихъ донесеніяхъ довольно скроменъ; но въ приватныхъ письмахъ къ Маркову заступаетъ за требованія англичанъ, на что и сказано, что ихъ землю, а не свою любитъ. Промолвлено и то, что и онъ пойдетъ въ отставку: ибо родомъ насъ

---

[1] Арх. кн. Вор. XII, 103. Откуда заимствована эта записка?

[2]) Въ его автобіографической запискѣ, „Архивъ", V, 2—3: „Quant à la manière dont elle me congédia, si elle a crûe m'humilier par là, elle s'est trompée. Etant convaincu dans ma conscience, que j'avais servi l'état et elle avec zèle et peut-être même avec quelque succès... j'ai été un de ceux qui a opiné avec le plus de persévérence pour soutenir la dignité de l'empire. L'impératrice l'a même reconnue dans son temps. Au reste j'ai été toujours d'opinion que les hommes avaient à proportion de leurs facultés une valeur intrinsèque qui n'était pas au pouvoir d'aucun despote de leur râvir".

не взлюбили", т.-е. Екатерина говорила, что убѣждена въ нерасположенiи къ ней всѣхъ Воронцовыхъ. На этотъ счетъ она не ошибалась. Мы знаемъ, что и Александръ, и Семенъ Романовичи неоднократно весьма рѣзко отзывались объ императрицѣ. Зная объ этомъ, Завадовскiй сильно безпокоился, считая возможными кое-какiя выходки Семена Романовича противъ Екатерины. Поэтому онъ писалъ старшему брату о „Сенюшѣ": „онъ довольно упрямъ, чтобъ видѣть вещи по своему, а не по совѣтамъ дружескимъ. Не однова я ему говорилъ правду, и еще тоже скажу. Но тебя лучше послушаетъ, а во мнѣ политика онъ не разумѣетъ, кромѣ смѣшного"; въ другомъ письмѣ, въ сентябрѣ 1794 г.: „Марковъ переписку свою обыкновенно предъявляетъ выше; то и можетъ случиться, что братъ твой, резонируя, по своему обычаю, горячо, предложитъ свои мысли не впопадъ, въ чемъ его, конечно, корреспондентъ не побережетъ. Тебѣ остается его въ томъ остеречь, ибо мой совѣтъ въ немъ не подѣйствуетъ, потому больше, что онъ меня въ дѣлахъ политики разумѣетъ невѣжею и не повѣритъ, чтобъ въ мою голову вошло понятiе отъ близкаго взгляда на теченiе оныхъ".

Въ концѣ 1795 года Семенъ Романовичъ задумалъ-было просить также объ увольненiи отъ службы. И при этомъ случаѣ Завадовскiй оказался настоящимъ другомъ, входя въ положенiе Воронцова и взвѣшивая подробно и всесторонне всѣ обстоятельства дѣла. Онъ писалъ ему 15-го декабря 1795 года: „Къ умноженiю моего сожалѣнiя, которымъ я давно уже мучусь, получилъ твое послѣднее письмо, гдѣ ты, милый мой другъ, говоришь о своей рѣшимости покинуть службу, никогда тебѣ неблагопрiятствовавшую. Несходно вопреки твоему намѣренiю подавать совѣтовъ, ибо въ семъ случаѣ твоя чувствительность весьма справедлива; но разсуди: ты имѣешь сына, котораго воспитанiе должно приводить къ концу, а отлучка твоя пресѣчетъ оное. Пунктъ важной, коему по отцовской любви простительно жертвовать и тягчайшимъ огорченiемъ. Какъ другъ, хочу тебѣ сказать: не спѣши на крайность, потерпи, время поправитъ чувствуемое нынѣ упослѣжденiе... Просьба твоя объ отставкѣ не встрѣтитъ прiятнаго [1]). Пишу мои соображенiя, побуждаясь нелицемѣрною привязанностiю: убѣждать тебя не смѣю, признавая твою разсудительность свыше моей. Я переписывался съ твоимъ братомъ о семъ обстоятельствѣ. Онъ говоритъ, что тутъ не можетъ совѣ-

[1]) Т.-е. Екатерина не приметъ благосклонно этой просьбы.

товать, гдѣ пунктъ зависитъ отъ собственной воли, и боится, чтобъ на его совѣтъ когда-нибудь не упало твое раскаяніе".

Семенъ Романовичъ при Екатеринѣ не покидалъ службы, хотя онъ во многихъ отношеніяхъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Настала краткая эпоха царствованія Павла. Завадовскій, оставаясь въ это время въ Петербургѣ и слѣдя за ходомъ дѣлъ при дворѣ, не переставалъ опасаться за своего друга. При Павлѣ еще болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ, чрезмѣрная откровенность С. Р. могла имѣть пагубныя слѣдствія. А. Р. вовсе не участвовалъ въ дѣлахъ. Павелъ не любилъ его, какъ видно, между прочимъ, изъ замѣчанія въ письмѣ Завадовскаго отъ 12-го іюня 1797 г. „Расположеніе къ нему жесткое отъ начала и по днесь длится: причина недоумѣваема; онъ самъ думаетъ, не то ли виною, что далъ у себя другу убѣжище".

Г. Бартеневъ полагаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Лафермьерѣ, который пострадалъ за приверженность, оказанную имъ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Онъ былъ удаленъ отъ „молодого двора". Его глубоко уважали и любили Воронцовы. Не безъ нѣкотораго раздраженія Завадовскій пишетъ, что „способности и достоинства не во всякое время имѣютъ цѣну". При такихъ обстоятельствахъ онъ считалъ нужнымъ повторить свое прежнее наставленіе о невмѣшательствѣ въ чужія дѣла. Несмотря на это, С. Р. въ своихъ депешахъ продолжалъ разсуждать о разныхъ предметахъ, подвергать критикѣ кое-какія дѣйствія правительства, давать совѣты. Узнавъ о томъ, Завадовскій разсердился и серьезно выговаривалъ другу его неосторожность. Хотя на первыхъ порахъ смѣлость С. Р. еще не произвела неблагопріятнаго впечатлѣнія на государя, Завадовскій не безъ основанія ожидалъ, что рано или поздно откровенность Воронцова возбудитъ гнѣвъ Павла. „Не дерзай, мой другъ,—писалъ онъ,—въ казусахъ трудныхъ выводить заключенія отъ сего примѣра. Не во всякое время видимъ и принимаемъ вещи одинаково. Не подосадуй, что, любя тебя, возобновлю прежнія мои напоминанія. Сами лѣта, довольный опытъ должны бы укрощать пылкія чувства твоего нрава, но ты и по сю пору не отстаешь писать много горячимъ перомъ. Скажешь: отъ избытка усердія уста глаголютъ. Вѣрую, но и сіе границы имѣетъ и требуетъ осторожности, чтобъ не показать себя учащимъ аки бы незнающихъ. Къ чему простирать разсужденія по дѣламъ вонъ изъ своего поста? Весла не указуютъ рулю въ его дѣлѣ. Потому проскакиваетъ слышать, что ты и о дѣлахъ, и о себѣ много говоришь, безъ чего бы можно вовсе обойтись. Я очень удаленъ отъ мысли учить тебя, природа и

пріобрѣтенія надѣлили тебя разсудкомъ и знаніями свыше моего смысла; но ты давно не здѣсь, и сколько бы ни напрягалъ свой умъ постигнуть въ отдаленіи отъ тебя состоящее, не попадешь на прямую идею и доколѣ не самовидецъ, ошибаешься и ошибаться будешь... Ничего нѣтъ легче и ни къ чему я столько не привыченъ, какъ молчать, но ты мнѣ дорогъ, и я силюсь принудить тебя если не къ политической, то къ спасительной скромности, съ которою поживешь покойно и благополучно".

И другіе совѣты Завадовскій давалъ Семену Романовичу. Въ одномъ изъ его писемъ сказано: „Братъ твой мнѣ жаловался, что ты своими долгами ему валишь хлопоты... мой другъ, какъ у тебя дѣти уже на возрастѣ, то надобно весьма беречься, чтобъ пуще и пуще себя не разстроить: расточить легко, собирать тысячной случай попадается. Не попрекни меня въ отвѣтѣ *точиломъ*, что ножи вострить, а само не рѣжетъ", и пр. А къ графу Александру Романовичу Завадовскій писалъ послѣ этого: „Брату твоему я послалъ наисильнѣйшее поученіе. Боюсь, чтобъ не принялъ того въ досаду. Онъ не меньше горячится и противъ друзей. Промолвилъ тутъ же, что сколь часто бросаетъ онъ на твою шею экономическія бомбы".

Дружба Завадовскаго давала ему право входить въ частности положенія Воронцовыхъ, давать имъ совѣты, относиться съ критикою къ ихъ дѣйствіямъ. Такъ, напр., онъ совѣтовалъ въ 1798 году Семену Романовичу отправить сына въ Россію на время, „чтобы увидѣлъ свое отечество, своихъ родныхъ и со всѣми познакомился"; „доживу ли я, — прибавилъ къ этому Завадовскій, —до сего благополучія, чтобы обнимать сына съ тѣми чувствами, которыя къ отцу его имѣю?" Въ декабрѣ 1798 года онъ писалъ: „Я опять тебѣ дѣлаю дружеское напоминаніе, чтобъ поменьше говорить въ одинъ голосъ. Съ нѣкоторой поры изъясненія твои припахиваютъ воздухомъ Темзы. Въ отдаленіи отъ горизонта можешь ли видѣть вещи ясно?" и пр.

Не безъ основанія Завадовскій ожидалъ бури; не безъ основанія онъ желалъ, чтобы и Семенъ Романовичъ предпочелъ частную жизнь службѣ при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Когда послѣ кончины Безбородко императоръ Павелъ выразилъ желаніе, чтобы С. Р. Воронцовъ сдѣлался его преемникомъ въ должности канцлера, и послѣдній не принялъ этого предложенія, Завадовскій былъ очень доволенъ этимъ рѣшеніемъ. Въ его письмѣ къ Александру Романовичу сказано, между прочимъ, по этому поводу: „Спросишь: хорошо ли сдѣлалъ? [1]) Въ отвѣтъ и

[1]) Т.-е. Семенъ Романовичъ, не принявъ предложенія сдѣлаться канцлеромъ.

я тебя вопрошаю: качество министра, премѣняющееся въ экзекутора, завидно ли? Къ сей точкѣ приведено званіе и прежняго, и всѣхъ будущихъ. Кто не предпочтетъ покойнаго пребыванія стоянію на волнѣ, возносящейся и опадающей?“ и пр.

Скоро послѣ этого и Завадовскій, и Семенъ Романовичъ Воронцовъ лишились своихъ мѣстъ. Немилость государя удалила обоихъ отъ ихъ дѣятельности. Завадовскій жилъ въ своемъ имѣніи Лялички, въ Малороссіи, Воронцовъ—въ Соутгэмптонѣ. Къ этому времени относится лишь небольшое число писемъ Завадовскаго къ Семену Романовичу. Такъ сказать, наканунѣ кончины Павла, 18 февраля 1801 года, Завадовскій писалъ: „Спросишь, какъ я въ моихъ бѣдахъ поступаю? Отвѣчаю: придерживаюсь правила Эпикура, утверждавшаго, что сильное зло, какъ моральное, такъ и физическое, не можетъ быть долго; слѣдственно мою жизнь погаситъ скоро. Но ты, пребывая въ спокойствіи душевномъ и помоществуемъ отъ климата и лѣченія, еще можешь поддержать свое одряхлѣвшее тѣло, а я желаю, чтобы и укрѣпилось оное надолго. Когда я умру, одинъ только убудетъ любившій тебя сердечно, а тысячи останутся почитающихъ твою добродѣтель, коего сердца всѣхъ, что тебя знаютъ, влечешь въ себѣ“, и пр.

Обстоятельства измѣнились къ лучшему. Тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ императора Александра, Завадовскій былъ призванъ ко двору; ему поручили участвовать въ кодификаціонныхъ работахъ; Семенъ Романовичъ Воронцовъ опять занялъ постъ русскаго дипломата въ Лондонѣ; теперь онъ рѣшился отправить своего сына въ Россію. Понятно, что Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Петербургъ, сообразно съ предписаніемъ отца, побывалъ у Завадовскаго [1]). Въ февралѣ 1801 года Завадовскій писалъ своему другу: „Не чаю въ мою жизнь увидѣть тебя“. Однако, уже въ 1802 году, состоялось свиданіе друзей по случаю пребыванія Воронцова въ Россіи. До этого Завадовскій писалъ въ восхищеніи отъ Михайла Семеновича: „Не полагалъ я никакъ пережить судорги Россіи и начать счастливую эпоху утѣшеніемъ, увидя твоего премилаго сына... Зрю въ немъ образъ и душу твою; капля съ каплею воды не больше имѣютъ сходства, какъ онъ въ твоей молодости“ и пр. (265). Въ ноябрѣ 1802 года онъ писалъ: „Послѣ долголѣтней разлуки я тебя видѣлъ, милый другъ, какъ бы во снѣ. Ты развлеченъ былъ въ кругѣ новыхъ кометъ, въ который хвосты старыхъ не входятъ“ и пр. (269).

---

1) См. письмо Семена Романовича къ сыну, въ „Архивѣ“, XVII, стр. 13.

Завадовскій и С. Р. Воронцовъ не встрѣчались болѣе. Послѣдній не исполнилъ своего намѣренія—возвратиться въ Россію—и оставался въ Англіи. Въ письмахъ Завадовскаго къ С. Р. въ это время часто говорится о разстроенномъ здоровьѣ Александра Романовича. Завадовскій сильно жаловался на страсть послѣдняго къ трудамъ. „Письменная работа — элементъ его; никакими убѣжденіями нельзя вывести изъ неумѣренности сидѣть надъ бумагою даже до мелочей; самъ и секретарь, самъ и экспедиторъ, не подчиняется правилу: de minimis non curat praetor. Я часто нападалъ на него, что, изнуряя себя, вредитъ тѣмъ службѣ, въ которой замѣнить его некѣмъ; но успѣхъ былъ одинаковъ, какъ у голоднаго отнимать любимый кусокъ изо рта“ и пр. Александръ Романовичъ, какъ видно изъ писемъ Завадовскаго. сильно желалъ возвращенія брата въ Россію. Завадовскій неоднократно просилъ Семена Романовича не откладывать пріѣзда на родину. Въ февралѣ 1805 года Завадовскій писалъ къ Александру Романовичу, что братъ послѣдняго отложилъ свой пріѣздъ въ Россію до 1806 года: „онъ мнѣ говоритъ: еслибы привязанность его къ тебѣ и своему сыну не влекла сердца его въ нашу сторону, онъ бы кончилъ жизнь свою въ странѣ, къ которой привыкъ, и она ему по многому положенію нравится. Правда, провидѣть то можно, что отвыкшему отъ образа, сопровождающаго русскій бытъ, нельзя иногда не вкусить непріятнаго; но осѣдлость и состояніе перевѣшиваютъ всякую другую необходимость. Я тебѣ совѣтую, въ уваженіе сего, настоять, чтобы пріѣхалъ“.

Семенъ Романовичъ оставался въ Англіи. Въ концѣ 1805 года умеръ его братъ. Завадовскій писалъ ему по этому поводу: „Не поднялась рука, чтобы мнѣ первому вонзить рану въ твое сердце, какову углубила въ твоемъ кончина твоего брата. И такъ, мой горькій плачъ придетъ къ тебѣ уже рыдающему. Нѣтъ словъ, чтобы выразить печальное чувство, которое къ тебѣ прилагаю и коимъ объята моя душа“. Сообщивъ нѣкоторыя обстоятельства послѣднихъ дней А. Р., Завадовскій пишетъ: „Теперь моя участь, какъ пня изсохшаго, заслоняемаго густымъ лѣсомъ, выросшимъ вскорѣ. Нѣтъ тяготы въ томъ: поелику очередь призываетъ къ праху, въ который претворились, исключая тебя, всѣ мои любимые союзники“. Къ этому прибавлена просьба, чтобы Семенъ Романовичъ возвратился въ Россію.

Послѣднее письмо Завадовскаго къ другу, помѣщенное въ этой коллекціи, относится къ осени 1807 года. Послѣ Тильзитскаго мира можно было ожидать разрыва между Англіею и Рос-

сіею. При такихъ обстоятельствахъ Завадовскій считалъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Семена Романовича въ Англіи. Такъ какъ онъ, однако, зналъ о раздраженіи Воронцова по поводу образа дѣйствій Н. П. Румянцова, съ которымъ приходилось говорить и переписываться по этому предмету, Завадовскій и въ этомъ письмѣ наставлялъ своего друга, предостерегая его не увлекаться, убѣждая его въ необходимости держать себя осторожно. Такъ, напр., онъ совѣтовалъ ему: „Въ своемъ отзывѣ не упоминай ниже словомъ о дѣлахъ политическихъ. Въ семъ пунктѣ скромность безпечнѣе, чѣмъ словоохотливость. Прими, мой другъ, мое предвареніе за доводъ усердія. Я рѣшился на оное, зная твой духъ и сколько, бывъ разгоряченный, увлекаешься. Вспомни прошедшее, чему былъ подверженъ. А подозрѣніе людей не оставляетъ“, и пр.

А. Брикнеръ.

СТЕЛЛА

Романъ въ двухъ частяхъ миссисъ Брэддонъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Стелла исполняла должность секретаря и чтицы лэди Лашмеръ уже около двухъ лѣтъ и все это время была необыкновенно ей полезна. Однако строгая вдовица ни чуть не измѣнила старинной антипатіи къ protégée своего пасынка. Она пользовалась ея услугами, но обращалась съ ней какъ съ невольницей, и никогда не забывала, что эта задумчивая дѣвушка, съ большими черными глазами,—дочь Джонатана Больдвуда, и что ядъ радикализма течетъ въ нѣжныхъ синихъ жилкахъ, обозначающихся на бѣлыхъ ручкахъ и на блѣдномъ, какъ мраморъ, лбѣ. Старинное предубѣжденіе существовало въ полной силѣ, и милэди ни крошечки не стала менѣе надменной отъ того, что Стелла была ей полезна. Въ глубинѣ души она сердилась на дѣвушку за тѣ самыя дарованія, благодаря которымъ она стала для нея неоцѣненной компаньонкой. Она негодовала на силу характера, которая помогла сироткѣ-дѣвочкѣ возвыситься надъ скружающей средой и стать настоящей лэди по манерамъ, а по образованію даже и выше большинства лэди. Ее раздражала врожденная грація, которая придавала такое изящество простому мериносовому черному

---

*) См. выше: іюль, 270 стр.

платью, этой ливреѣ рабства. Ничто не могло опошлить Стеллу или поставить ее на одинъ уровень съ остальными служанками.

Баркеръ однажды осмѣлилась замѣтить, что такъ какъ дѣвушка играла теперь въ сущности роль компаньонки милэди, то ее слѣдовало бы получше одѣвать, напримѣръ, въ черное шелковое платье или хотя бы тонкое французское альпака, какъ у Селестины. Эта матерія мягка и блеститъ какъ шелкъ, и ей нѣтъ износу. Но лэди Лашмеръ сердито отвѣчала, что дѣвушка будетъ носить такія же платья, какъ и всѣ другія горничныя.

— Она и безъ того достаточно тщеславна,—объявила милэди. — Я думаю, что она часы проводитъ передъ зеркаломъ, причесывая волосы и разглаживая брови.

Это было жестокое нападеніе на тонкія, точно кистью проведенныя брови Стеллы, придававшія такой оригинальный характеръ низкому, широкому лбу.

Баркеръ негодовала на такое отношеніе къ дѣвушкѣ, которая просиживала до двухъ, до трехъ часовъ утра по три раза въ недѣлю съ тѣмъ, чтобы облегчить скуку безсонныхъ ночей милэди. Но сама Стелла не жаловалась на неизмѣнное мериносовое черное платье. Она была рада, когда, ради удобства лэди Лашмеръ, ее перевели въ хорошенькую комнатку бель-этажа, рядомъ съ помѣщеніемъ Баркеръ, гдѣ она теперь обѣдала и завтракала и проводила все свое время. Она была такимъ образомъ совсѣмъ удалена отъ сношеній съ остальной прислугой; что касается Баркеръ, то послѣдняя была изъ тѣхъ добрыхъ душъ, которыя при самомъ элементарномъ образованіи имѣютъ всѣ инстинкты хорошаго воспитанія. Стелла никогда не чуждалась общества Баркеръ, а племянница ея Бетси была и осталась ей дорога, какъ другъ ея дѣтства.

И вотъ теперь наступилъ конецъ сентября, и лордъ Лашмеръ съ кружкомъ отборныхъ гостей ожидался въ замкѣ. Кто изъ гостей ѣхалъ истреблять злополучныхъ фазановъ, а кто—просто отдохнуть отъ утомительнаго лондонскаго сезона.

Въ числѣ послѣднихъ былъ мистеръ Несторіусъ, великій глава либеральной партіи, удалившійся отъ дѣлъ вмѣстѣ съ паденіемъ его министерства и, подобно Дантовскому пловцу, озиравшійся на бурное политическое море съ спокойнаго берега, на который онъ выбрался.

Несторіусъ былъ protégé лэди Питлэндъ, когда только-что начиналъ свою блестящую карьеру, и его дружба съ этой необыкновенной женщиной и ея фамиліей никогда не нарушалась, несмотря на то, что по убѣжденіямъ они стояли на двухъ проти-

воположныхъ полюсахъ. И теперь, когда карьера блестящаго политика казалась законченной и онъ удалился въ тихую гавань частной жизни, лэди Лашмеръ было пріятно, чтобы великій человѣкъ провелъ часть своихъ досуговъ подъ ея кровлей.

Она гораздо больше говорила о немъ, чѣмъ объ остальныхъ своихъ гостяхъ, и рѣшила отвести ему самыя лучшія изъ комнатъ, предназначенныхъ для гостей.

— Бываютъ случаи, — говорила она, — когда знатность не идетъ въ счетъ. Мистеръ Несторіусъ долженъ быть вездѣ первымъ. Онъ не только великъ какъ государственный человѣкъ, но и стяжалъ лавры какъ поэтъ и переводчикъ классической поэзіи, и мы обязаны съ тѣмъ большимъ почтеніемъ относиться къ нему, что онъ оставилъ свой постъ навсегда,—а это тяжело, когда постъ такъ высокъ, хотя дѣятельность и ошибочна.

— Развѣ не существуетъ возможности для мистера Несторіуса вернуться къ общественной жизни, когда либералы снова станутъ во главѣ правленія?—спросила Стелла.

Лэди Лашмеръ взглянула на нее такъ, что ей бы слѣдовало прикусить языкъ.

— Либералы никогда больше не станутъ во главѣ правленія, потому что страна устала отъ ихъ безпорядковъ. Странѣ данъ такой урокъ, что она его не забудетъ.

— Однако исторія показываетъ, что люди всегда забываютъ, —настаивала Стелла.—Мнѣніе слѣдуетъ за мнѣніемъ, какъ волна за волной; міръ осужденъ былъ бы на застой, еслибы было иначе.

— Пожалуйста, не спорьте. Мнѣ вовсе не интересно слушать идеи мистера Вернера изъ вторыхъ устъ,—надменно произнесла лэди Лашмеръ.

Она поощряла иногда дѣвушку къ разговорамъ, иногда же безжалостно рѣзала ее и никогда не бывала съ ней по настоящему добра. Однако эта жизнь, несмотря на ея тягостныя стороны, была по вкусу Стеллѣ. Хорошія книги и изящная обстановка были въ ея теперешнемъ настроеніи единственными благами въ мірѣ, а какъ компаньонка лэди Лашмеръ, она пользовалась тѣмъ и другимъ: лучшими книгами, старыми и новыми, элегантными комнатами и правомъ гулять по саду и по парку въ краткіе промежутки своего отдыха. Но при всемъ томъ она была безъ копѣйки денегъ: не получала никакого вознагражденія за свой трудъ, хотя бы въ размѣрѣ того жалованья, какое получали подгорничныя. И теперь, когда мистеръ Несторіусъ и другія знатныя особы приглашены были въ замокъ, Стелла знала, что ея рабство не будетъ нисколько облегчено и что она не

увидить этихъ великихъ людей. Она сидѣла за маленькимъ письменнымъ столикомъ у окна будуара миледи, дожидаясь приказаній, въ то время какъ лэди Лашмеръ и красавица-вдова лэди Кэрмино сидѣли у камина и разсуждали объ ожидаемыхъ гостяхъ.

— Помните, что вы ни въ какомъ случаѣ не должны бросать меня, когда всѣ они съѣдутся, — сказала лэди Лашмеръ съ повелительнымъ видомъ, почти какъ мать говоритъ съ дочерью. — Я разсчитываю, что вы примете на себя всѣ хлопоты по части занятія гостей; вы должны дѣйствовать такъ, какъ еслибы вы были хозяйка дома.

— Это будетъ очень пріятно,—отвѣчала Клариса съ тихой, мечтательной улыбкой. — Я обожаю мистера Несторіуса, хотя онъ почти погубилъ страну, когда находился во главѣ управленія. Но онъ такой ораторъ, какихъ, говорятъ, не было послѣ лорда Чатама, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой поэтическій человѣкъ и такой ученый! Его переводъ Эсхила—божественный. Я увѣрена, что переводъ лучше подлинника.

Губы Стеллы задвигались и она перемѣнила позу. Она разбирала этотъ переводъ вмѣстѣ съ Габріэлемъ Вернеромъ. Они провѣряли его строка за строкой, и имъ казалось, что Агамемнонъ мистера Несторіуса—настоящая насмѣшка надъ греческой трагедіей: до такой степени государственный человѣкъ далъ волю своему живому воображенію; но ей не полагалось высказывать свои мнѣнія въ этой комнатѣ или показывать передъ лэди Кэрмино свое знаніе греческаго языка.

— Я заказала нѣсколько новыхъ платьевъ нарочно для вашихъ гостей,—сказала Клариса, любившая больше наряды, чѣмъ литературу.

Единственныя книги, которыя она охотно читала—это французскіе романы и англійская поэзія новѣйшей школы. Ея умственныя способности были немного вялы, и требовался сильный толчокъ, чтобы возбудить ея вниманіе. Она засыпала надъ Теннисономъ или Броунингомъ, а Джорджъ Элліотъ причинялъ ей головную боль.

— Кто шьетъ вамъ платья? — спросила лэди Лашмеръ съ вялымъ интересомъ.

— Мистриссъ Маршаль.

— Она хорошая модистка, но отчаянная грабительница. Ея цѣны безбожны.

— Зато она такъ прелестно драпируетъ платье. У нея есть какой-то невыразимый шикъ, за который стоитъ заплатить какія угодно деньги. Я съ ней никогда не торгуюсь. И даже разъ,

когда мнѣ нужно было къ спѣху платье, я дошла до того, что пожала ей руку.

— Какъ давно видѣли вы Викторіана? — спросила лэди Лашмеръ разсѣянно, какъ будто мысли ея унеслись далеко отъ счетовъ мистриссъ Маршаль.

— О! цѣлую вѣчность; еще весною. Да, я видѣла его разъ лѣтомъ на раутѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Мы простояли пять минутъ на лѣстницѣ; пять минутъ, которыя напомнили мнѣ прежнія времена, прежде чѣмъ я вышла замужъ за бѣднаго лорда Кэрмино. Я какъ будто вновь превратилась въ молоденькую дѣвушку.

— Вы и смотрите не старше молоденькой дѣвушки. Онъ былъ, надѣюсь, очень любезенъ?

— О! онъ сказалъ мнѣ нѣсколько комплиментовъ; но комплименты въ наши дни считаются мелкой салонной монетой. Они значатъ не болѣе, чѣмъ конфекты, которыя подаются за дессертомъ. Лордъ Лашмеръ сталъ великимъ человѣкомъ и совсѣмъ поглощенъ политикой.

— Я надѣюсь, что онъ не превратится въ педанта, какъ многіе изъ нихъ, — замѣтила лэди Лашмеръ неопредѣленно. — Я горжусь тѣмъ, что онъ занялъ выдающееся мѣсто въ обществѣ, но я бы желала видѣть его семейнымъ человѣкомъ, прежде нежели умереть.

— Дорогая лэди Лашмеръ, пожалуйста, не говорите о смерти. Вамъ еще долго жить на свѣтѣ, надѣюсь.

— Я бы рада была такъ думать, Клариса, но не могу. Я вынуждена усвоить себѣ философію Горація — отказаться отъ продолжительныхъ надеждъ и пользоваться настоящимъ, пока оно мое. Я бы желала, чтобы мой сынъ женился и по моему выбору.

— Это какъ разъ единственная вещь, на которую вы не должны надѣяться, — отвѣчала Клариса съ оттѣнкомъ горечи, какъ будто безмятежный характеръ ея былъ нѣсколько задѣтъ воспоминаніемъ о старой обидѣ. — Сыновья никогда не женятся, чтобы сдѣлать угодное отцу съ матерью; а сыновья, у которыхъ идеальные отецъ съ матерью, почти всегда женятся несчастливо. Только тѣ мужчины, родители которыхъ жили какъ кошка съ собакой, заботливо выбираютъ себѣ жену.

— Викторіанъ разобьетъ мое сердце, если женится на женщинѣ ниже его по общественному положенію.

— О! *этого* онъ не сдѣлаетъ, — отвѣтила Клариса съ невыразимой надменностью. — Онъ женится на ровнѣ; въ этомъ я не сомнѣваюсь. У него совсѣмъ нѣтъ низменныхъ вкусовъ, которые

заставляютъ молодыхъ людей дружиться съ конюхами и ухаживать за хористками. Но онъ можетъ жениться на женщинѣ, которой молва приписываетъ слишкомъ много похожденій, которыя вамъ покажутся не по сердцу, хотя теперь всѣ модныя женщины на одинъ покрой, такъ что не стоитъ и вниманія обращать на это.

— Я не могу не обращать на это вниманія, Клариса, — отвѣчала сурово миледи: — я удивляюсь, какъ можете вы такъ легко относиться къ этому.

— Я только повторяю то, что̀ говорятъ другіе. Теперь не такъ смотрятъ на вещи, какъ смотрѣли, когда мама была молода и былъ живъ принцъ Альбертъ. Какъ странно, что смерть одного хорошаго человѣка такъ расшатала всѣ общественныя связи! По крайней мѣрѣ, мама такъ говоритъ. Она приписываетъ все наше нравственное паденіе безвременной смерти принца-супруга.

Стелла часто была молчаливой свидѣтельницей этихъ разговоровъ. Ея присутствіе не считалось ни во что̀. Лэди Лашмеръ и Клариса говорили такъ свободно, какъ еслибы она была ихъ лакеемъ. Она была не изъ ихъ общества и кружка и, слѣдовательно, какъ бы не существовала. Лэди Кэрмино удостоивала ее кивка при входѣ въ комнату и при выходѣ изъ нея, но и только; въ то время, какъ она находилась въ комнатѣ, она ее, повидимому, совсѣмъ не замѣчала. Лэди Кэрмино держала себя знатнѣе всякой настоящей знатной дамы. Сознаніе своего величія никогда ее не оставляло. Ради него она вынесла медленную пытку брака съ ненавистнымъ человѣкомъ и не намѣрена была теперь поступиться титуломъ, купленнымъ ею такой дорогой цѣной.

Между лэди Кэрмино и Стеллой существовалъ молчаливый антагонизмъ. Ни та, ни другая не забыла того дня въ библіотекѣ, когда Стелла отвергла состраданіе Кларисы, какъ нѣчто для себя унизительное и тяжелое. Съ того дня состраданіе не просыпалось вновь въ душѣ Кларисы. Она завидовала дарованіямъ Стеллы, благодаря которымъ она была такой неоцѣненной компаньонкой для лэди Лашмеръ. Она завидовала высшему образованію дѣвушки и насмѣшливо отзывалась о ней, какъ о синемъ чулкѣ.

— Она читаетъ по-гречески и по-латыни! какая нелѣпость! Это, конечно, одна пустая претензія.

— Старикъ мистеръ Вернеръ говорилъ мнѣ, что она хорошо знаетъ оба языка, — отвѣчала лэди Лашмеръ. — Мой бѣдный неразумный пасынокъ пичкалъ ее знаніями съ того самаго момента, какъ она научилась азбукѣ. Она выросла на книгахъ.

— Какая жалость, что она не держитъ экзамена! Послали бы вы ее въ какую-нибудь коллегію, она была бы тамъ болѣе у мѣста.

— Она очень полезна для меня. Я не могу обойтись безъ нея.

— О! но вѣдь компаньонокъ можно найти сколько угодно. Стоитъ только посмотрѣть въ объявленіяхъ. Каждый день въ „Times“ печатается цѣлый столбецъ. Я часто ихъ просматриваю,— все думаю пригласить кого-нибудь къ мама, чтобы сдать ее съ своихъ рукъ на попеченіе другого лица, которое могло бы посвящать ей весь день.

— Нуждающихся молодыхъ женщинъ, ищущихъ пристроиться гдѣ-нибудь, можно имѣть сотнями, я въ этомъ не сомнѣваюсь, — отвѣчала лэди Лашмеръ,—но не легко найти хорошую чтицу. У Стеллы симпатичный голосъ и она хорошо читаетъ. Я не могу обойтись безъ нея.

— Мнѣ она не симпатична, — томно замѣтила Клариса. — Я очень прихотлива насчетъ своихъ приближенныхъ. Мнѣ бы непріятно было видѣть Стеллу въ своей комнатѣ послѣ полуночи. Эти большіе черные глаза и блѣдное лицо пугали бы меня. Мнѣ бы все мерещилось, что меня хотятъ убить.

Лэди Лашмеръ улыбнулась этому, какъ глупой болтовнѣ красиваго ребенка. Она очень любила Кларису, красота которой ласкала ея глазъ, а умственное ничтожество было постояннымъ комплиментомъ ея собственному превосходству. Она ожидала великихъ вещей отъ наступающаго октября мѣсяца, когда Викторіанъ и Клариса должны будутъ ежедневно сталкиваться въ безцеремонной деревенской обстановкѣ. Ея слабое здоровье будетъ служить предлогомъ для того, чтобы предоставить сыну проводить какъ можно больше времени въ обществѣ красавицы-вдовы. Лэди Кэрмино будетъ разыгрывать хозяйку вмѣсто нея, а Лашмеру придется во всемъ съ нею совѣтоваться. Неужели онъ устоитъ передъ ея красотой и прелестью? Онъ нѣкогда оказался къ нимъ равнодушенъ, или, можетъ быть, прозѣвалъ. Если послѣднее вѣрно, то мать доставитъ ему теперь случай исправить ошибку.

Лордъ Лашмеръ прибылъ прямо съ яхты, на которой плавалъ около Гебридскихъ островокъ, загорѣлый, бородатый, широкоплечій, мускулистый, настоящій Геркулесъ, но съ умнымъ лицомъ, что должна была признать и Стелла, равно какъ и то, что лицо было не только умное, но и красивое.

Да, то было красивое лицо, но непріятное, какъ подумала

Стелла. Въ немъ было надменное выраженіе, свойственное нортумберландской расѣ его бабушки—Фицъ-Ролло, которые претендовали на происхожденіе по прямой линіи отъ тѣхъ норвежцевъ, которые, подобно стаямъ морскихъ птицъ, прилетали на этотъ мрачный берегъ въ давнія времена англійской исторіи.

Стеллѣ давно уже сообщили объ этихъ скандинавскихъ разбойникахъ, происходить отъ которыхъ оказывалось такою честью. Нѣкоторая врожденная примѣсь радикализма мѣшала ей, должно быть, оцѣнить какъ слѣдуетъ славу такого происхожденія. Но сегодня она подумала, что у Викторіана, лорда Лашмера, такое именно лицо, какое пристало морскому разбойнику.

Онъ слегка поклонился ей, когда она прошла мимо него, и она отвѣчала на поклонъ чуть замѣтнымъ наклоненіемъ длинной, лебединой шеи, между тѣмъ какъ въ черныхъ глазахъ ея сверкнула настоящая ненависть. Она не забыла его напутственныя слова въ библіотекѣ семь лѣтъ тому назадъ, ни того, какъ онъ раскрылъ дверь и скомандовалъ ей: „маршъ!“ Онъ и теперь, вѣроятно, скомандовалъ бы ей то же самое, еслибы она снова попалась на его дорогѣ. Съ того дня они впервые встрѣтились сегодня лицомъ къ лицу.

Онъ съ удивленіемъ глядѣлъ ей вслѣдъ, пока портьера не закрылась и онъ остался одинъ съ матерью.

— Ваша protégée похорошѣла! — замѣтилъ онъ. — Она совсѣмъ теперь не такъ безобразна, какъ была семь лѣтъ назадъ.

— Пожалуйста, не называй ее моей protégée. Ты знаешь, что мнѣ завѣщала ее донкихотская фантазія бѣднаго Губерта.

— Но вѣдь она, кажется, полезна вамъ; иначе, полагаю, вы бы не стали держать ее при себѣ. Она замѣняетъ вамъ вашихъ двухъ старыхъ и лѣнивыхъ горничныхъ, Баркеръ и Селестину?

— Она очень хорошо читаетъ; это единственный способъ, какимъ она мнѣ полезна. А теперь, Викторіанъ, поговоримъ о твоемъ будущемъ. Я надѣюсь, что ты проведешь здѣсь всю зиму, пока палата не соберется вновь.

— Вамъ бы этого хотѣлось, матушка?

— Само собой разумѣется, милый. Какое у меня утѣшеніе въ жизни, кромѣ тебя? Жизнь для меня одинъ мракъ, когда тебя нѣтъ со мной.

— Это тяжело, милая матушка, когда я такъ часто и подолгу отлучаюсь изъ дому. Вы заставляете меня чувствовать себя дурнымъ сыномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не можешь быть рабомъ слишкомъ требовательной любви. Матери бываютъ несноснѣе даже женъ. Вполнѣ

естественно съ твоей стороны было желать видѣть свѣтъ; но теперь, когда ты побывалъ въ чужихъ краяхъ и видѣлъ уже такъ много, пора основаться и занять мѣсто, подобающее англійскому нобльмэну. Всѣ наши великіе государственные люди проводили всю жизнь дома. Нашъ народъ ревнивъ къ континентальнымъ вліяніямъ и не любитъ континентальныхъ обычаевъ.

— Дорогая матушка, я вовсе не такъ гонюсь за популярностью, чтобы устроивать свою жизнь въ угоду черни; но я охотно буду проводить бо̀льшую часть времени съ вами теперь... теперь, когда я становлюсь пожилымъ человѣкомъ.

Онъ не сразу выговорилъ эти слова, огорченный мыслью, что число дней, которые онъ могъ провести съ матерью, уже сочтены судьбой. Онъ не могъ льстить себя надеждой при видѣ очевиднаго упадка силъ матери, чтобы она прожила, какъ ея мать, лэди Питлэндъ, девяносто лѣтъ.

— Вотъ это пріятно слышать!—проговорила лэди Лашмеръ, съ улыбкой, которая измѣнила все ея лицо, съ восхищенной материнской улыбкой.—И ты скоро женишься, надѣюсь, очень скоро. Нѣтъ лучше якоря, какъ добрая жена.

— Я еще не тороплюсь стать на якорѣ, — отвѣчалъ Лашмеръ, смѣясь,—но у меня впечатлительный умъ, и я готовъ влюбиться теперь, когда политика не наполняетъ моего ума. Кого изъ красавицъ пригласили вы къ себѣ, матушка?

— Епископъ Соутборо пріѣдетъ черезъ недѣлю или около того, съ двумя дочерьми; онѣ хорошенькія, свѣжія, молодыя дѣвушки и обѣ музыкантши. Я бы ничего не имѣла противъ того, чтобы которая-нибудь изъ нихъ стала моей невѣсткой. Затѣмъ я жду дочь старика лорда Банбэри, нортгэмптонширскую Діану, откровенную, прямодушную дѣвушку и великолѣпную наѣздницу. Она пріѣдетъ съ мистриссъ Мольчиберъ, моей старинной пріятельницей.

— Я радъ, что старикъ Банбэри не пріѣдетъ. Онъ нестерпимо скученъ. Лэди Софія—хорошая дѣвушка, но она слишкомъ много заставляетъ о себѣ говорить и про нее пишутъ въ спортсменскихъ газетахъ, точно она жокей какой-то. Мнѣ помнится, что одинъ изъ нихъ назвалъ ее: „нашъ Софъ“.... „Нашъ Софъ, по обыкновенію, отличился вмѣстѣ съ своимъ конемъ“, или нѣчто въ этомъ родѣ. Не думаю, чтобы вамъ пріятно было имѣть невѣсткой особу какъ „нашъ Софъ“.

— Старикъ лордъ Банбэри былъ другъ твоего дѣда.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, вѣрно, онъ былъ изъ тѣхъ немногихъ друзей, которыхъ позволено было дѣдушкѣ выбрать самому.

Лэди Питлэндъ не потерпѣла бы его въ своемъ спискѣ. Ну, матушка, кто же еще пріѣдетъ?

— Только мистеръ Несторіусъ. Остальные—все твои гости.

— О! мои гости немногочисленны. Во-первыхъ, мистеръ Понсонби, знаменитый консервативный членъ палаты. Понсонби началъ карьеру радикаломъ, но теперь онъ тори и High Church, и рыдаетъ, когда при немъ упоминаютъ объ отдѣленіи ирландской церкви отъ государства, приписываетъ всѣ наши ирландскія затрудненія этой разрушительной мѣрѣ. Не знаю, какъ-то онъ и Несторіусъ уживутся подъ одной кровлей.

— Имъ случалось и прежде бывать подъ одной кровлей.

— Да, но болѣе обширной и не салонными гостями.

— Мистеръ Несторіусъ всегда очарователенъ. Кого ты еще пригласилъ?

— Капитана Вавасура, салоннаго нувеллиста, и его жену; такая восхитительная маленькая женщина, обольстительная, эксцентрическая, дерзкая... совсѣмъ такая, какія описываются въ романахъ ея мужа. Онъ, должно быть, съ нея списываетъ своихъ героинь!

— Быть можетъ, она пишетъ его книги?

— Нѣтъ, не она. Аврелія—одно изъ тѣхъ прелестныхъ существъ, которыя никогда и ничего не дѣлаютъ сами, хотя бы все дѣло было въ томъ, чтобы написать пригласительную записку или пойти въ дѣтскую, взглянуть на больного ребенка. Вавасуръ пишетъ за нее письма и записки и она горничную посылаетъ справляться о собственныхъ дѣтяхъ. Она бы не была въ половину такъ граціозна и очаровательна, еслибы не была квинтъ-эссенціей эгоизма. Я разъ слышалъ, какъ одна дама спросила:—что стоитъ ея платье?—„Не имѣю никакого понятія,—нѣжно отвѣчала она. —Я никогда не спрашиваю про цѣну, потому что боюсь, что не куплю, если буду знать, что это дорого“.

— Значитъ, твои Вавасуры въ долгу какъ въ шелку.

— Непремѣнно.

— Я чувствую, что возненавижу эту женщину.

— Сомнѣваюсь. Но, во всякомъ случаѣ, пожалуйста, не высказывайте вашего отвращенія. Не замораживайте бѣдное созданіе спѣсью Фицъ-Ролловъ. Это значило бы давить бабочку колесомъ.

— Не думаю, чтобы она огорчилась этимъ. Такія женщины—обстрѣленныя птицы. Говорила я тебѣ, что лэди Кэрмино проведетъ у меня недѣлю или больше? Она поможетъ мнѣ занимать мистера Несторіуса.

— Безъ сомнѣнія. Мистеръ Несторіусъ очень впечатлитель-

ній человѣкъ и вдовецъ. Лэди Кэрмино будетъ отличной для него женой.

— Мой дорогой Викторъ, онъ годится ей въ отцы по возрасту.

— У великихъ людей нѣтъ возраста. Пятидесятилѣтній Несторіусъ привлекательнѣе толпы обыкновенныхъ молодыхъ людей. А для такой честолюбивой женщины, какъ лэди Кэрмино, онъ особенно долженъ быть привлекателенъ. Она добыла себѣ корону маркизы, и никто не можетъ ее лишить этого. А теперь она добудетъ себѣ въ мужья и рабы экс-премьеръ-министра.

— Пустяки. Клариса очень романична.

— Ея бракъ съ завзятымъ дуракомъ это доказываетъ.

— Къ этому несчастному браку ее побудило благородное чувство. Она хотѣла спасти его.

— Она хотѣла быть лэди Кэрмино. Не огорчайтесь такъ, матушка. Я очень расположенъ къ вашей любимицѣ. Когда-то даже я воображалъ, что влюбленъ въ нее, но тогда я былъ молодъ и глупъ.

— Тебѣ нечего опасаться, что она станетъ кружить тебѣ голову, — сказала лэди Лашмеръ, задѣтая за живое очевиднымъ равнодушіемъ сына.—Клариса слишкомъ довольна своимъ положеніемъ вдовы, чтобы желать измѣнить его.

— Именно. Она изъ тѣхъ разсудительныхъ женщинъ, которыя знаютъ цѣну всякой вещи. Она знала цѣну коронѣ маркиза, какъ знаетъ цѣну своего жемчуга. Она знаетъ цѣну и своему положенію бездѣтной вдовы лорда Кэрмино. Но удовольствія въ немъ мало, кромѣ титула. Попомните мое слово, матушка: она снова выйдетъ замужъ... за человѣка съ болѣе высокимъ положеніемъ, нежели ея собственное.

Лэди Лашмеръ не стала спорить. Она желала, по возможности, замаскировать свои баттареи. Мужчины—такіе упрямцы; и если Лашмеръ заберетъ себѣ въ голову, что она хочетъ сосватать его, то пустится бѣжать отъ Кларисы и ея прелестей. Лэди Лашмеръ надѣялась на всесильный случай и красоту Кларисы, находившуюся въ своемъ зенитѣ.

Эта красота поразила и Лашмера, когда Клариса пришла въ библіотеку къ пятичасовому чаю. Онъ никакъ не ожидалъ, что она такъ очаровательна, хотя и разговаривалъ съ нею въ продолженіе пяти минутъ въ прошломъ іюнѣ на лѣстницѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣвическая миловидность превратилась въ царственную красоту. Клариса не была болѣе такъ тонка, какъ прежде, но ея полнота, употребляя это вульгарное

выраженіе, была полнотой Юноны и только украшала ее. Алебастровая нѣжность кожи стала еще ослѣпительнѣе; въ ней была та прозрачность и тотъ блескъ, которые воспѣваетъ Горацій. Роскошные каштановые, съ золотистымъ оттѣнкомъ, волосы сложены были короной надъ низкимъ классическимъ лбомъ. Шея статуйной формы, а поворотъ маленькой головки отличался непринужденнымъ достоинствомъ. Просто сшитое платье изъ темной матовой шелковой матеріи сообщало благородную простоту ея фигурѣ.

— Какъ странно, что мы въ этой комнатѣ свидѣлись съ вами впервые, — замѣтила Клариса, пожимая руку Лашмеру. — Помните то утро, когда вы показывали мнѣ рѣдкія книги и когда мы застали бѣдную маленькую дикарку сидящей наверху лѣстницы?

— Я не забылъ этого. А сегодня утромъ имѣлъ случай вновь припомнить, при видѣ protégée моего брата. Матушка говоритъ мнѣ, что изъ нея вышла очень приличная молодая особа и полезная ей, какъ чтица.

Клариса пожала плечами съ притворной дрожью.

— Я бы не согласилась имѣть ее при себѣ,—сказала она: —но дорогая лэди Лашмеръ совсѣмъ пристрастилась къ ней въ послѣднее время.

Дорогая лэди Лашмеръ отрицала, чтобы въ ней были такія чувства къ этой молодой дѣвушкѣ.

— Она полезна мнѣ,—объясняла она.—Мнѣ нужно когонибудь, кто бы читалъ мнѣ, а она хорошо читаетъ. Вотъ и все.

— Я всегда боюсь самоучекъ,—продолжала Клариса:—они такъ самоувѣренны и честолюбивы; почти всегда радикалы и думаютъ, бѣдныя созданія, что книжная ученость—единственная достойная вниманія вещь, забывая про свое невѣжество во всемъ томъ, что̀ знаемъ *мы*.

— А это, конечно, единственное цѣнное знаніе,—отвѣтилъ ей Лашмеръ, улыбаясь.

— Но вѣдь вы, конечно, согласитесь, что въ обществѣ манеры и savoir-faire гораздо важнѣе латинскаго и греческаго языковъ,—съ убѣжденіемъ произнесла Клариса.

— Я вижу, что вы одна изъ тѣхъ особъ, которыя думаютъ, что классики—исключительная принадлежность полудюжины престарѣлыхъ джентльменовъ, разсѣянныхъ по университетамъ, которые рѣдко моются и обходятся безъ головныхъ щетокъ,—отвѣчалъ Лашмеръ, смѣясь.

Лашмеръ съ удовольствіемъ пилъ чай въ библіотекѣ.

— Какая счастливая мысль обратить эту громадную комнату въ жилую!—замѣтилъ онъ, оглядывая новую, покойную мебель, обитую плюшемъ, и высокія пальмы, разставленныя красивыми группами.

— Это—мысль Кларисы. Благодари ее,—отвѣтила мать.

— Охотно и отъ всей души.

— О! меня не за что благодарить. Я такъ люблю убирать комнаты. Я почти такъ же усердна, какъ и лэди Гильборо, которая не можетъ пробыть получаса въ чужой гостиной, чтобы не переставить всѣхъ креселъ. У Оріаны талантъ на постановку креселъ, а у меня — на устройство уютныхъ уголковъ. Какъ вамъ нравится этотъ уголокъ съ пальмами?

— Настоящее совершенство; гавань, въ которой можно промечтать всѣ зимніе дни; рай, въ которомъ захочется признаться въ любви и даже сдѣлать предложеніе. Дѣвушки-невѣсты должны быть вамъ очень благодарны, лэди Кэрмино.

— Я очень люблю молодыхъ дѣвушекъ,—отвѣчала Клариса, принимая на себя видъ матроны.

Дообѣденный чай длился очень долго въ этотъ разъ. Сумерки уже наступили, когда обѣ лэди закрыли рабочія корзинки и разошлись по своимъ комнатамъ,—лэди Лапмеръ за тѣмъ, чтобы отдохнуть часокъ, прежде чѣмъ облечься въ бархатъ и брилліанты, чтобы принимать гостей сына, которые должны были пріѣхать къ обѣду; Клариса—чтобы пріятно позѣвать надъ романомъ Оне́, Додэ или Гревиля.

За нѣсколько минутъ до семи часовъ началось хлопанье дверей, и чужіе голоса раздались по корридорамъ и возвѣстили лэди Лапмеръ о пріѣздѣ гостей. Она невольно прислушивалась къ голосу мистера Несторіуса среди этого вавилонскаго столпотворенія и услышала нѣсколько словъ, произнесенныхъ этимъ мягкимъ и пріятнымъ голосомъ. Мягкость и звучность были отличительными чертами голоса экс-министра. Звучныя, сильныя, но необыкновенно пріятныя ноты его управляли сердцами людей и въ особенности женщинъ; быть можетъ, голосъ былъ однимъ изъ главныхъ обаяній мистера Несторіуса, во время его карьеры. Какъ пріятно было отдохнуть на его звукахъ послѣ скрипучей болтовни женщинъ и лая мужчинъ! Капитанъ Вавасуръ шумѣлъ, какъ самая крикливая изъ женщинъ.

„Не знаю, какъ я вынесу этихъ господъ, — подумала миледи: — какъ они шумны и какъ ихъ голоса вульгарны. Какое счастіе, что я могу сдать ихъ на руки Кларисѣ!“

Въ восемь часовъ десять минутъ она вошла въ гостиную,

гдѣ гости были представлены ей, и она усѣлась, имѣя по правую руку мистриссъ Мольчиберъ, толстую женщину въ сѣромъ атласномъ платьѣ, а по лѣвую—лэди Софію Фримантлъ.

Лэди Софія была высокая, здоровая дѣвушка, съ прямоугольными плечами, считавшимися безобразными тридцать лѣтъ тому назадъ, но въ настоящее время допускаемыми и даже одобряемыми. Она не была красива; она презирала красоту, эта здоровая брюнетка, съ лицомъ, носившимъ слѣды всякой погоды и непогоды, загорѣвшимъ отъ солнца и обвѣтрившимся до такой степени, что стало болѣе смугло и грубо, нежели это совмѣстимо съ красотой. У нея были правильныя черты лица, небольшой, смѣлый носъ и рѣшительный ротъ и подбородокъ; ротъ, пріобрѣвшій рѣшимость въ борьбѣ съ упрямыми лошадьми, отказывавшимися тридцать разъ подъ-рядъ перескочить черезъ оврагъ и перескакивающими въ тридцать-первый, подъ неумолимымъ хлыстомъ лэди Софіи. У нея былъ громкій голосъ, окрѣпшій въ перекличкахъ на открытомъ воздухѣ—и часто на дальнемъ разстояніи—съ землепашцами, работавшими на противоположномъ концѣ поля, а подъ-часъ и съ бродягами,—въ перекличкахъ, въ которыхъ рѣчь шла о томъ, не видѣли ли они, куда пробѣжала лисица.

Верхомъ на лошади, лэди Софія очень выигрываетъ, не только благодаря стройной и гибкой фигурѣ, но и превосходной посадкѣ всего тѣла и полной гармоніи со всѣми движеніями лошади. Въ вечернемъ туалетѣ лэди Софія, напротивъ того, очень проигрываетъ, тѣмъ болѣе, что относится съ безусловнымъ равнодушіемъ къ тому, какъ она одѣта. Ея темнокрасное атласное платье насчитываетъ, по меньшей мѣрѣ, три служебныхъ сезона, какъ это мгновенно замѣчаетъ зоркій глазъ Клярисы, и кромѣ того цвѣтъ платья слишкомъ близко подходитъ къ цвѣту щекъ, чтобы быть къ лицу.

Кляриса разговариваетъ съ мистеромъ Несторіусомъ, медленно обмахиваясь вѣеромъ. Она чудно хороша сегодня вечеромъ. Ея роскошный бюстъ и бѣлыя плечи кажутся ослѣпительными въ платьѣ изъ синяго съ зеленоватымъ отливомъ бархата. Такой бархатъ очень идетъ блондинкамъ; а такъ какъ большинство современныхъ женщинъ—блондинки, или дѣлаютъ себя блондинками, то этотъ цвѣтъ въ большой модѣ.

Вообще, если въ комнатѣ находилась привлекательная женщина, то мистеръ Несторіусъ непремѣнно пристраивался къ ней. Онъ самъ слылъ неотразимымъ для женщинъ и пускалъ въ ходъ это свойство, когда находился въ присутствіи какой-нибудь красавицы.

Часъ обѣда уже наступилъ, и лэди Лашмеръ начинала сердиться, когда въ комнату вплыла мистриссъ Вавасуръ, облеченная въ какое-то одѣяніе изъ прозрачной кисеи и кружева, которое съ трудомъ можно было назвать платьемъ.

Между этой лэди и ея одѣяніемъ была та дисгармонія, какую въ наше время мы видимъ такъ часто, что перестали ей удивляться. Лэди была такихъ обширныхъ, а ея одѣяніе такихъ скудныхъ размѣровъ, что еслибы не гирлянда изъ розъ маршала Ніеля, образовавшая родъ покрова на ея роскошномъ бюстѣ, то лэди Лашмеръ охотно попросила бы ее удалиться изъ комнаты.

Но теперь она ограничилась только тѣмъ, что подала мистриссъ Вавасуръ кончики пальцевъ, когда сынъ представилъ ее матери, а мужу ея слегка кивнула головой; милэди была того мнѣнія, что когда жена изображаетъ изъ себя шутиху, то въ этомъ виноватъ мужъ.

Въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ вращалась мистриссъ Вавасуръ, принято было считать ее очаровательной; но незнакомому человѣку требовалось нѣкоторое время, чтобы освоиться съ ней.

Она несомнѣнно была хорошенькая; но трудно было рѣшить, выигрывала ея наружность или проигрывала отъ слишкомъ усердной размалевки. Золотистое облако, окружавшее ея голову, казалось слишкомъ воздушнымъ для настоящихъ волосъ; темныя брови, проведенныя кистью, подкрашенныя рѣсницы, фарфоровая бѣлизна ея лица и розы на щекахъ были такого же искусственнаго происхожденія, и ребенокъ не могъ бы принять эти поддѣльныя краски за настоящія. Но общій эффектъ считался прекраснымъ, и такъ какъ репутація этой дамы была безупречна, то ее ласкали и находили премилой въ обществѣ.

Манеры ея были такъ же искусственны, какъ и цвѣтъ ея лица. Она выразила свой восторгъ отъ знакомства съ лэди Лашмеръ на томъ условномъ жаргонѣ и съ тѣми сокращеніями, какія были въ ходу въ ея кружкѣ. Лэди Софія все время смотрѣла на нее своимъ соколинымъ взглядомъ такъ, какъ еслибы передъ ней былъ звѣрокъ изъ породы крысъ, полевыхъ мышей, сурковъ и другихъ, хорошо знакомыхъ дочери лорда Банбэри.

Мистеръ Несторіусъ, само собою разумѣется, повелъ къ столу хозяйку дома; лордъ Лашмеръ подалъ руку Кларисѣ; мистеръ Понсонби, барристеръ, повелъ мистрисъ Вавасуръ, а добродушная мистрисъ Мольчиберъ досталась на долю ректору; капитанъ Вавасуръ повелъ лэди Софію. Они ѣхали въ одномъ поѣздѣ и такъ сдружились, точно были знакомы съ дѣтства. Охотничьи привычки Софіи помогали ей становиться на дружескую ногу съ мужчи-

нами; впрочемъ фамильярность съ моднымъ нувеллистомъ не мѣшала ей совершенно игнорировать его жену.

— Я боюсь, что у васъ мало общаго съ мистриссъ Вавасуръ, —объявила она, взглянувъ на эту сіяющую персону.—Врядъ ли она когда охотится.

— А вы, сколько я слышалъ, ничѣмъ другимъ не занимаетесь,—отвѣчалъ капитанъ.—Всякое дѣло хорошо, когда оно доведено до совершенства.

— Я тоже смиренно пописываю, но только объ охотѣ,—сказала лэди Софія.

— Значитъ, вы „Spur-box“, въ „Sunday Swash-buckler“, закричалъ Вавасуръ:—мнѣ часто это говорили.

— Да, я „Spur-box“,—согласилась лэди, скромно опуская глаза подъ бременемъ собственной славы.—Я люблю писать въ газетѣ. Редакторъ хорошо мнѣ платитъ, и только одно есть обстоятельство, которое мнѣ не нравится: онъ требуетъ, чтобы я постоянно представлялась пьяной, когда пишу, или увѣряла, что была пьяна наканунѣ.

— О! но это обязательно. Это входитъ въ роль газеты. Всѣ хроникёры ея предполагаются въ состояніи хроническаго запоя. Мнѣ, конечно, незачѣмъ увѣрять васъ, лэди Софія, что нѣкоторые изъ нихъ—трезвѣйшіе люди въ Лондонѣ, такіе же умѣренные, какъ вы сами, лэди Софія.

— А вѣдь это забавно прикидываться пьяницей!

— Какая ваша спеціальность?

— Сода съ кюрасо. Я выпиваю ихъ галлоны. Я постоянно толкую про мои рюмочки. Иногда я напиваюсь зеленымъ шартрёзомъ, но редакторъ требуетъ, чтобы я бросила ликеры, такъ какъ они отзываются снобомъ, а это оскорбляетъ его радикаловъ-подписчиковъ. Онъ требуетъ, чтобы я перешла къ „собачьему носу“. Что̀ такое „собачій носъ“?

— Это смѣсь изъ пива и джина, особенно любимая извозчиками. Какое ваше соціальное положеніе, какъ „Spur-box“?

— О! оно весьма неопредѣленно. Я—таинственное лицо, въ родѣ миѳологическихъ персонажей. Я пишу изъ всѣхъ большихъ охотничьихъ центровъ, и иногда, должна вамъ признаться, не узнаю своихъ статей, когда вижу ихъ въ печати.

— Понимаю. Редакторъ передѣлываетъ. Это не хорошо съ его стороны.

— Я ему говорила, но онъ отвѣчалъ, что въ журналѣ должно быть единство направленія...

— Такъ, такъ. Подобно тому, какъ, по словамъ древняго

Анхиза, когда его сынъ свидѣлся съ нимъ въ подземномъ царствѣ, то одна душа вдохновляла человѣческое племя...

— Анхизъ давно околѣлъ!—отвѣчала Софія, разслышавшая только его классическое и знакомое ей имя.—Онъ выигралъ призъ на скачкахъ Дерби, когда я была крошечной дѣвочкой. Я помню, что смотрѣла на скачки изъ тильбюри папа. Въ тотъ годъ еще Princips осрамился и пришелъ только третьимъ. Анхизъ былъ гнѣдой въ яблокахъ.

Разговоръ шелъ такимъ образомъ весь обѣдъ. Капитанъ Вавасуръ охотился самъ и любилъ скачки; былъ пріятелемъ со всѣми спортсменами и зналъ всю ихъ подноготную. Исторію стараго лорда Банбэри онъ зналъ наизусть, зналъ, о чемъ можно говорить, о чемъ слѣдуетъ молчать. Лэди Софія вообще не любила писателей. Она находила ихъ самонадѣянными и неинтересными, но этотъ романистъ ее очаровалъ. Въ самой серединѣ одного изъ его интереснѣйшихъ разсказовъ лэди Кэрмино выплыла точно лебедь изъ-за стола.

— Какая скука! — вскричала Софія. — Я должна идти съ бабьемъ въ гостиную.

И она ушла, размышляя, удастся ли ей хоть выкурить папироску. Она таскала папиросницу въ карманѣ даже бальныхъ платьевъ, и въ тѣхъ безцеремонныхъ домахъ, гдѣ дамы допускались въ билліардную, она всегда курила. Но она въ первый разъ пріѣхала къ Лашмерамъ, и мистриссъ Мольчиберъ предупредила, что это строгій домъ.

Клариса усѣлась въ покойное кресло въ любимомъ уголкѣ лэди Лашмеръ, около камина; эти двѣ лэди составили a parte и предоставили остальнымъ тремъ занимать другъ друга. Софія нашла послѣдній нумеръ „Saturday Review“, гдѣ была охотничья статья, и уткнула носъ въ газету. Мистриссъ Вавасуръ излагала мистриссъ Мольчиберъ свои взгляды на оперы и драматическія пьесы, которыя шли въ прошломъ сезонѣ—предметъ бесѣды, не особенно занимательный для особы, которая сама ихъ не видѣла.

Но мистриссъ Мольчиберъ была одна изъ тѣхъ превосходныхъ женщинъ, которыя ухитряются казаться заинтересованными даже и тогда, когда внутренно зѣваютъ. Она отлично умѣла слушать, сама говорила очень мало, но всегда умно и кстати. Она пробила себѣ дорогу въ свѣтѣ, не обладая преимуществами рожденія или богатства и съ очень скромными талантами. Рожденная и воспитанная въ среднемъ классѣ, дочь сельскаго викарія, она съумѣла всю жизнь прожить въ лучшемъ кругу общества и гостила то тамъ, то сямъ въ различныхъ деревенскихъ помѣстьяхъ;

порою опекая богатую сироту, порою завѣдуя хозяйствомъ въ домѣ аристократическомъ, гдѣ хозяйка была изъ психопатокъ. Случалось ей надзирать за малолѣтними дѣтьми вдовца или помогать въ грязной работѣ провинціальныхъ выборовъ. Она была всеобщей конфиденткою и секретаремъ. Почеркъ имѣла великолѣпный и прекрасно знала счетоводство. Она постоянно читала газеты, знала все, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, но ея походная библіотека состояла только изъ двухъ книгъ: альманаха пэровъ и библіи. Обѣ эти книги она знала наизусть и этимъ ограничивались ея свѣденія по части литературы.

У нея не было воображенія, и она никогда не читала романовъ. Ея умъ требовалъ голыхъ фактовъ. Ея понятія и досугъ сводились къ тому, чтобы сидѣть у окна и вышивать по суровому полотну строго-каноническіе узоры. И въ этомъ отношеніи она была незамѣнима, какъ драконъ приличій въ деревенскомъ домѣ, полномъ любящихся паръ. Кромѣ всего этого, она знала послѣднія средства отъ невральгіи, дурного расположенія духа и безсонницы, и очень бывала полезна въ этихъ случаяхъ. Ея главной квартирой въ послѣдніе три года былъ Банбёри-Мадонъ, гдѣ она разыгрывала роль подставной матери лэди Софіи, такъ какъ родная мать послѣдней сбѣжала съ драгунскимъ полковникомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, тридцати-девяти лѣтъ, къ великому удовольствію стараго лорда Банбёри, тиранившаго ее въ продолженіе девятнадцати лѣтъ и которому надоѣло бить собаченку, ни разу не огрызнувшуюся.

Прошло съ недѣлю со времени прибытія гостей, и Стелла пользовалась бо̀льшей свободой, чѣмъ когда-либо съ тѣхъ поръ, какъ стала чтицей милэди. Ее призывали только по утру, чтобы написать нѣсколько писемъ подъ диктовку лэди Лашмеръ, и затѣмъ еще послѣ десяти часовъ вечера читать ей. Эти ночныя чтенія длились обыкновенно до разсвѣта; но Стелла не тяготилась этимъ. Ей не требовалось много спать, и она уходила гулять въ паркъ задолго до завтрака и иногда проводила часокъ времени съ мистеромъ Вернеромъ, прежде чѣмъ вернуться къ завтраку.

Въ одно изъ этихъ раннихъ посѣщеній она была удивлена приходомъ незнакомца, вошедшаго въ коттеджъ безъ доклада, въ то время какъ она громко читала Эсхила своему учителю.

Посѣтитель былъ не кто иной, какъ мистеръ Несторіусъ, открывшій Вернера на другой же день послѣ своего прибытія въ замокъ. Вернеръ привѣтствовалъ въ немъ ученика, которымъ гор-

дился въ давно минувшее время своей университетской карьеры, прежде нежели онъ бросилъ свою каѳедру въ коллегіи Магдалины, чтобы жениться на любимой дѣвушкѣ.

Да, это самъ мистеръ Несторіусъ стоялъ въ дверяхъ и, улыбаясь, слушалъ музыкальныя строфы „Прометея“ въ устахъ дѣвушки.

— Итакъ, вы по старому все за работой, Вернеръ, и, какъ кажется, съ очень талантливой ученицей. Познакомьте насъ.

— Душа моя, это — мистеръ Несторіусъ. Ты слыхала отъ меня о мистерѣ Несторіусѣ.

Стелла поклонилась, сильно покраснѣвъ. Въ первый разъ въ жизни ее знакомили съ выдающимся человѣкомъ. Она закрыла книгу, поспѣшно встала и взяла маленькую, простенькую черную шляпку, ея неизмѣнный головной уборъ.

— Я надѣюсь, что не я обращаю васъ въ бѣгство? — сказалъ Несторіусъ.

— Нѣтъ, сэръ; мнѣ пора идти въ зàмокъ.

— Пустяки, дитя, — замѣтилъ Вернеръ: — ты мнѣ говорила, что милэди не потребуетъ тебя раньше одиннадцати часовъ. Садись и дай мнѣ объяснить мистеру Несторіусу, какой ты превосходный эллинистъ.

— Вы звали меня когда-то Эдгаромъ, — укорилъ государственный человѣкъ, снимая шляпу и усаживаясь за столъ, покрытый книгами и рукописями, разрозненными тетрадями обширнаго сочиненія, которое все еще не было окончено.

— Но въ то время вы были студентомъ, а я профессоромъ, — отвѣчалъ Габріэль Вернеръ, качая сѣдой головой, которая уже немного тряслась: — а теперь вы — великій государственный человѣкъ, а я — нуль.

— Комментаторъ Стагирита не можетъ быть нулемъ, — сказалъ Несторіусъ, кладя руку на груду рукописей, лежавшую на письменномъ столѣ старика.

Онъ открылъ своего стараго тутора на другой же день послѣ пріѣзда въ лашмерскій зàмокъ и неоднократно уже заходилъ въ коттеджъ и говорилъ съ Вернеромъ о его надеждахъ и разочарованіяхъ, съ геройскимъ терпѣніемъ выслушивая его жалобы на издателей и на публику, укоры судьбѣ, и утѣшая, и поддерживая его какъ могъ. Несторіуса считали человѣкомъ, одареннымъ магнетизмомъ, но весьма возможно, что весь магнетизмъ заключался въ крайне симпатичной натурѣ.

Стелла глядѣла на него восхищенными, серьезными глазами, въ то время какъ онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ ея учи-

теля. Хотя онъ уже перешелъ за черту, отдѣляющую молодость отъ пожилыхъ лѣтъ, но не былъ еще старикомъ. Ему было около пятидесяти лѣтъ, но волосы его были все еще темны, хотя въ нихъ кое-гдѣ пробивалась сѣдина. Черты лица его были крупны и рѣзки, но съ той утонченностью линій, какая сообщаетъ лицу классическую правильность. Глаза сѣрые, небольшіе, но глубоко сидѣвшіе подъ нависшими бровями; но про нихъ говорили, что это самые выразительные глаза въ Англіи: страшные въ гнѣвѣ и божественные въ любви. Ротъ былъ великъ, но губы тонкія и подвижныя. Выбритый подбородокъ былъ массивенъ, а впалыя щеки указывали на заботы и безсонныя ночи государственнаго человѣка и ученаго. Даже Стеллѣ, для которой его исторія была совсѣмъ почти неизвѣстна, мистеръ Несторіусъ казался интереснымъ человѣкомъ.

— Такъ это Стелла, молодая особа, про которую я слышалъ много лѣтъ тому назадъ отъ бѣднаго Лашмера?

— Вы знали лорда Лашмера, сэръ, *моего* лорда Лашмера?— воскликнула Стелла внѣ себя.

— Да; мы были большими друзьями. Бѣдный Лашмеръ интересовалъ меня; онъ былъ замѣчательный молодой человѣкъ.

— Онъ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ,—проговорила Стелла.

— Въ кругу тѣхъ, кого вы знали, да. Я понимаю и сочувствую вашей благодарной любви къ нему,—отвѣчалъ Несторіусъ мягко.—Я встрѣчалъ его въ послѣдній разъ въ Гаррогетѣ. Вы помните, Вернеръ? Онъ былъ тамъ вмѣстѣ съ вами какъ-то осенью.

— Онъ пробылъ тамъ всего лишь нѣсколько дней, — замѣтилъ Вернеръ:—онъ спѣшилъ вернуться въ замокъ.

— Да, помню; и главной причиной тому была забота о пріемной дочери, семилѣтней дѣвочкѣ, про которую онъ мнѣ говорилъ.

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ,—пролепетала Стелла.

— И вознагражденъ за это, такъ какъ вы вспоминаете о немъ со слезами,—отвѣтилъ Несторіусъ.—Да, онъ говорилъ мнѣ о своемъ воспитательномъ планѣ и о томъ, какъ понятлива его ученица и какихъ крупныхъ результатовъ ожидаетъ онъ отъ ея позднѣйшаго развитія; и всѣ эти надежды были разбиты его безвременной кончиной. Но я радъ видѣть, что мистеръ Вернеръ продолжалъ его дѣло.

— Мистеръ Вернеръ спасъ меня; безъ него жизнь моя была бы совсѣмъ несчастливая.

— Не особенно лестное замѣчаніе для милэди, — проговорилъ мистеръ Несторіусъ, задумчиво глядя на нее; внимательный глазъ его уже замѣтилъ черное простое платье и полотняный воротничокъ, и всякое отсутствіе украшеній, свойственныхъ дѣвическому возрасту, замѣтилъ также неестественную серьезность маленькаго, блѣднаго личика, съ удивительными, какъ звѣзды, яркими глазами; замѣтилъ и изящную форму головки, и увѣнчивающую ее, какъ корона, густую изъ-синя черную косу.

— Я благодарна лэди Лашмеръ за...

Она хотѣла-было сказать: доброту, но языкъ не повернулся произнести такую ложь, и она замѣнила это слово словомъ: „снисхожденіе“.

— И вы, въ самомъ дѣлѣ, читаете на греческомъ языкѣ? — спросилъ государственный человѣкъ.

— Читаю и люблю его.

— Но вамъ незнакомы новѣйшіе языки?

— Я знаю французскій и нѣмецкій и немножко итальянскій.

— Вы — удивительная молодая особа.

— Мнѣ нечего было больше дѣлать, какъ учиться. Я была бы лѣнивая и безтолковая дѣвушка, еслибы не научилась многому съ такимъ добрымъ и терпѣливымъ учителемъ.

Она ласково положила маленькую, узенькую ручку на потертый воротникъ сюртука Вернера, и онъ съ невыразимой любовью въ своихъ тусклыхъ старческихъ глазахъ поглядѣлъ на нее.

— Она была свѣтомъ очей моихъ, — сказалъ онъ, — единственнымъ моимъ утѣшеніемъ, а я — ея утѣшеніемъ отъ не совсѣмъ, быть можетъ, великодушнаго обращенія. А теперь милэди находитъ, что дѣвушка, которую она считала для себя бременемъ, всѣхъ полезнѣе для нея изъ ея приближенныхъ.

— Да, я слышалъ, что вы служите чтицей для лэди Лашмеръ. Лэди Кэрмино говорила мнѣ про васъ. А теперь, если вы возвращаетесь въ замокъ, то мы можемъ идти вмѣстѣ, и дорогою вы мнѣ разскажете подробнѣе про ваши занятія.

Имѣть такого спутника было бы честью для молодой особы болѣе высокаго положенія въ свѣтѣ, нежели чтица лэди Лашмеръ. Стелла надѣла шляпку, ни слова не говоря, и скромно ждала, пока Несторіусъ и Вернеръ проговорили еще съ четверть часа; а затѣмъ старикъ проводилъ своихъ посѣтителей до калитки сада и, стоя около ограды, смотрѣлъ вслѣдъ имъ, пока они шли по деревенской улицѣ.

Клариса никогда не вставала раньше десяти часовъ и ни-

когда не выходила къ гостямъ раньше полдника. Это была привилегія, которую она присвоила себѣ со времени своего вдовства. Она предоставляла простымъ людямъ вставать рано.

— Дни достаточно длинны,—говорила она съ своимъ миловиднымъ, томнымъ видомъ,—и я утро посвящаю чтенію, а остатокъ дня—обществу.

Лашмеръ, вѣжливо слушавшій это объясненіе, подумалъ про себя: какого рода книги должна читать Клариса,—тѣмъ болѣе, что ея знакомство съ литературой, старой и новой, было очень слабо? Но когда женщина безусловно хороша собой, всѣ слова, которыя она произноситъ, падаютъ съ ея устъ точно перлы и бутоны розъ.

— Я еще не такъ теряю, какъ другіе, отъ вашего отсутствія за завтракомъ,—отвѣчалъ онъ,—потому что бываю на охотѣ; но мистеръ Несторіусъ въ правѣ пожаловаться. Онъ находитъ завтраки въ зȧмкѣ очень скучными, потому что одна только мистриссъ Мольчиберъ приходитъ наливать ему чай. Музыкальныя дочки ректора завтракаютъ раньше и уходятъ въ гостиную играть на фортепіано, пока никто еще туда не явился.

— Лэди Софія, вѣроятно, тоже бываетъ на охотѣ?

— Разумѣется.

— А мистриссъ Вавасуръ сходитъ внизъ въ одно время со мной. Мы обыкновенно встрѣчаемся на лѣстницѣ.

— Мистриссъ Вавасуръ много хлопотъ по утрамъ; я не думаю, чтобы она посвящала утренніе часы чтенію; съ такимъ цвѣтомъ лица, какъ у нея, должна быть порядочная возня. Я думаю, что на каждую бровь надо употребить, по крайней мѣрѣ, четверть часа, да и то если все идетъ какъ по маслу.

— Бѣдняжка!—вздохнула Клариса:—мнѣ всегда такъ ее бываетъ жаль.

— Совершенно напрасно. Она вовсе не чувствуетъ себя несчастной.

— Но каково это дѣлать изъ себя такое посмѣшище и возбуждать всеобщія насмѣшки!

— Людямъ надо же надъ чѣмъ-нибудь смѣяться; пусть лучше они смѣются надъ цвѣтомъ лица мистриссъ Вавасуръ, нежели надъ ея нравственностью. Говорятъ, она безупречна.

— За исключеніемъ того, что она большая эгоистка, она вообще хорошая женщина,—согласилась Клариса.

Мистеръ Несторіусъ продлилъ, насколько можно было, возвращеніе въ зȧмокъ. Онъ нарочно восхищался мѣстностью и заставилъ Стеллу показать ему рѣку и любимыя мѣстечки покой-

наго Лашмера на берегу. Была уже половина десятаго, когда они пришли въ зaмокъ, и Стелла побѣжала въ свою комнату вымыть руки и пригладить волосы, прежде чѣмъ идти въ комнату милэди.

Государственный человѣкъ сильно заинтересовался этой бѣдной дѣвушкой и воспользовался случаемъ заговорить о ней во время дообѣденнаго чая въ библіотекѣ, куда охотники допускались въ грязныхъ сапогахъ и отдыхали, попивая крѣпкій чай и ведя веселые разговоры передъ тѣмъ, какъ идти одѣваться къ обѣду. Дообѣденный чай — самое веселое время дня въ эту часть года, когда свѣтло ровно настолько, чтобы не нужно было зажигать лампъ, и достаточно холодно, чтобы затопить каминъ. Клариса, съ полнымъ сознаніемъ своей здоровой, не боящейся дневного свѣта красоты, граціозно вплыла въ комнату въ восточномъ капотѣ; между тѣмъ какъ лэди Софія, знавшая, что къ ней идетъ только амазонка, явилась къ чаю въ ней и удостоила общество однимъ изъ тѣхъ подробныхъ описаній охоты, которыя такъ интересны для разсказчика и такъ нестерпимо скучны для слушателей.

Мистриссъ Вавасуръ, которая никогда не сидѣла на креслѣ, если можно было помѣститься какъ-нибудь иначе, полулежала на коврѣ передъ каминомъ, лаская своего пуделя, а епископскія дочки, не одобрявшія эту даму, но восхищавшіяся пуделемъ, выказывали глубокое знаніе свѣта въ своемъ вѣжливомъ вниманіи къ собакѣ и холодномъ отношеніи къ ея хозяйкѣ. Мистриссъ Мольчиберъ, напоминавшая богиню плодородія въ ловко сшитомъ платьѣ, засѣдала за чайнымъ столомъ, въ изобиліи снабженномъ всякими печеньями и кэками.

Сегодня лэди Лашмеръ особенно нездоровилось, и она не собиралась выйти къ гостямъ до обѣда.

— Я долго разговаривалъ съ protégée вашего бѣднаго брата,—сказалъ мистеръ Несторіусъ, покойно возсѣдавшій за столомъ по правую руку Клариссы и кончавшій уже вторую чашку чаю.—Это—самая необыкновенная дѣвушка, какую я встрѣчалъ въ жизни.

— Въ какомъ отношеніи?—холодно спросилъ Лашмеръ.

— Ей нѣтъ и двадцати лѣтъ, а она прочитала больше книгъ, чѣмъ большинство пятидесятилѣтнихъ женщинъ. Она знаетъ съ полдюжины языковъ и тонкій знатокъ классической литературы; и вмѣстѣ съ тѣмъ, она очень скромная дѣвушка и не подозрѣваетъ, что она богаче одарена, чѣмъ другія женщины.

— Вы называете богатыми способностями знакомство съ де-

сятками грамматикъ и лексиконовъ?—презрительно спросила Клариса.—Эта злополучная дѣвушка задолбила то, чѣмъ ее пичкалъ старикъ Вернеръ, эксцентрикъ чистой воды...

— И замѣчательный ученый,—перебилъ Несторіусъ.

— Она стала такой же педанткой, какъ эти школьныя учительницы, про которыхъ читаешь въ газетахъ, и въ одинъ прекрасный день у нея умъ зайдетъ за разумъ отъ зубренья.

— Извините меня, лэди Кэрмино: эта дѣвушка — не педантка. Она образовала себя изъ любви къ знанію. Книги были ея единственными товарищами въ этомъ домѣ, а мистеръ Вернеръ—единственнымъ другомъ. Она собираетъ плоды долголѣтнихъ занятій и съ толкомъ усвоила себѣ уроки бѣднаго Лашмера и разнообразное чтеніе съ Вернеромъ.

— Однимъ словомъ, она—синій чулокъ чистой пробы. Неужели вы хотите сказать, мистеръ Несторіусъ, вы, такой мужественный человѣкъ, что вамъ нравится отсутствіе женственности въ женщинѣ?

— Въ миссъ... миссъ—кстати, какъ ея фамилія, я не знаю, мнѣ только сообщили ея имя: Стелла—нѣтъ ничего неженственнаго.

— Фамилія ея отца была Больдвудъ,—отвѣчалъ Лашмеръ,—но мы привыкли звать ее Стеллой. Ея отецъ былъ ярый радикалъ, проповѣдывавшій соціалистическія и атеистическія мнѣнія рабочимъ Брумма. Никто не можетъ имѣть такого зловреднаго вліянія на необразованные классы, какъ образованный, но сбившійся съ пути человѣкъ.

— Больдвудъ, свободный мыслитель и радикалъ!—воскликнулъ Несторіусъ.—Честное слово, да это, должно быть, тотъ студентъ, котораго я знавалъ въ Оксфордѣ, Джонатанъ Больдвудъ.

— Его звали Джонатаномъ. Бѣдный старикъ Лашъ тоже думалъ, что видалъ его въ Оксфордѣ на гонкѣ.

— Весьма вѣроятно. Больдвудъ былъ атлетъ и, вдобавокъ, очень умный человѣкъ. Всѣ ожидали, что онъ сдѣлаетъ блестящую университетскую карьеру, но вышло иначе. Онъ превратился въ радикала и сталъ терять время на сходкахъ, гдѣ считался великимъ ораторомъ. Онъ читалъ Канта и Гегеля, когда слѣдовало готовиться къ экзамену, и въ результатѣ провалился. Тогда онъ написалъ памфлетъ, въ которомъ разнесъ университетъ и профессоровъ. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, онъ исчезъ, оставивъ на столѣ книги и багажъ и счеты торговцевъ, у которыхъ забиралъ товаръ. Слыхали о немъ три года спустя,

что онъ путешествуетъ по Испаніи, присталъ къ цыганскому табору. Затѣмъ я больше о немъ ничего не слышалъ.

— Его послѣднимъ превращеніемъ было появленіе въ роли рабочаго слесаря въ Бруммѣ,—сказалъ Лашмеръ.—Всѣ предполагали, что онъ женился въ Испаніи на цыганкѣ, но я думалъ, что на обыкновенной англійской цыганкѣ, а не на романической хитанѣ. Испанской крови, вѣроятно, Стелла обязана своими черными глазами и изъ-синя-черными волосами.

— Она очень интересная дѣвушка,—проговорилъ Несторіусъ съ задумчивымъ видомъ.

Клариса почувствовала себя оскорбленной. Она не имѣла никакихъ видовъ на мистера Несторіуса, но ей хотѣлось бы, чтобы онъ подпалъ подъ иго ея роковой красоты, по крайней мѣрѣ, на то время, которое они проведутъ подъ одной крышей. Гдѣ бы она ни была, она любила быть первой. И при этомъ она питала особенную антипатію къ ученымъ женщинамъ и ненавидѣла, когда при ней восхищались женщиной за ея умственныя качества: быть можетъ, потому, что въ душѣ сознавала, что сама не можетъ похвалиться умомъ.

— Я должна познакомиться съ этой интересной дѣвушкой! —воскликнула мистриссъ Мольчиберъ:—почему бы не пригласить ее пить чай съ нами?

Мистриссъ Мольчиберъ желала угодить мистеру Несторіусу, во-первыхъ, потому, что онъ былъ вообще великій человѣкъ, и пріятно было бы имѣть право называть его своимъ другомъ; а во-вторыхъ потому, что она не вѣрила, чтобы онъ совсѣмъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ. Можетъ быть, наступитъ день, когда ученый снова станетъ первымъ министромъ, и тогда онъ вспомнитъ объ услужливой, милой пріятельницѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула мистриссъ Вавасуръ:—это было бы чудесно! Она бы послужила героиней для одного изъ романовъ Вава.

Вавъ—нѣжное прозвище, какимъ наградила его жена—сморщился. Онъ терпѣть не могъ, когда въ обществѣ толковали про его романы, а въ особенности когда это дѣлала его жена, никогда ихъ не читавшая, что̀ не мѣшало злымъ языкамъ утверждать, что она ихъ писала. Это предположеніе, что все въ жизни должно служить моделью для его произведеній, точно у него нѣтъ собственной фантазіи, просто нестерпимо.

— Я никогда не вывожу живыхъ людей въ своихъ романахъ,—отрѣзалъ онъ.

— Совершенно вѣрно,—прошепталъ Несторіусъ Кларисѣ:—его дѣйствующіе люди—все, что угодно, только не живые люди.

— Мнѣ кажется, было бы нехорошо приглашать къ чаю эту молодую дѣвушку, чтобы она служила для насъ забавой,—сказала Клариса съ великодушнымъ видомъ, точно защищала отсутствующую.

— Вовсе не забавой,—отвѣтила мистриссъ Мольчиберъ,—а просто пріятной, оригинальной собесѣдницей.

— Но она нѣчто въ родѣ горничной,—доказывала Клариса:—было бы жестоко путать ей понятія.

— Я думаю, что у нея слишкомъ много здраваго смысла, чтобы понятія ея могли спутаться отъ чашки чаю,—замѣтилъ Несторіусъ:—кромѣ того, особа въ роли служанки, знающая полдюжины иностранныхъ языковъ, не долго останется служанкой. Повѣрьте, что эта дѣвушка изберетъ себѣ иную карьеру, какъ только станетъ постарше. Она была до сихъ поръ зависимымъ лицомъ, но хорошо воспользовалась своею зависимостью.

Мистриссъ Мольчиберъ встрѣтила Стеллу въ корридорѣ на слѣдующее утро, познакомилась съ ней съ добродушною фамильярностью и пригласила ее пить чай въ библіотеку.

— Мы всѣ просимъ васъ къ чаю,—говорила она.—Мистеръ Несторіусъ говорилъ намъ, какъ вы умны и милы.

Къ ея удивленію, Стелла отказалась на-отрѣзъ.

— Я почти жила въ этой комнатѣ, когда была ребенкомъ,—сказала она.—Съ нею у меня особенно живо связывается воспоминаніе о лордѣ Лашмерѣ... *моемъ* лордѣ Лашмерѣ. Его призракъ витаетъ въ этой комнатѣ. Я бы не могла вынести смѣха и болтовни и чужихъ лицъ въ этой комнатѣ.

— Вы очень неблагоразумная дѣвушка, — отвѣчала мистриссъ Мольчиберъ, добродушно-разсудительнымъ тономъ.—Ваша жизнь должна быть страшно скучна, положительное рабство, тяжкій трудъ безъ привилегій, которыми пользуются даже слуги: вамъ представляется случай улучшить свое положеніе и заставить самое лучшее общество признать ваше превосходство.

— Я не интересуюсь самымъ лучшимъ обществомъ,—рѣзко отвѣчала дѣвушка.—Оно не имѣетъ въ моихъ глазахъ ровно никакого значенія. Мнѣ пріятнѣе общество мистера Вернера, нежели знатныхъ друзей лэди Лашмеръ.

— Вы забываете, что мистеръ Несторіусъ находится въ числѣ этихъ гостей. Знакомство съ такимъ человѣкомъ просто поучительно.

— Мистеръ Несторіусъ очень уменъ и очень добръ... но я

охотнѣе буду видѣться съ нимъ въ коттеджѣ мистера Вернера, чѣмъ среди здѣшнихъ нарядныхъ гостей.

— Вы неисправимы!—воскликнула мистриссъ Мольчиберъ.— Единственный шансъ для васъ попасть въ свѣтъ—это познакомиться съ свѣтскими людьми.

— Значитъ, я никогда не попаду въ свѣтъ, потому что терпѣть не могу свѣтскихъ людей.

И, говоря это, она мысленно представила себѣ давно минувшій день. Она вспомнила то утро, когда ее застали въ библіотекѣ... Припомнила дѣвическую изящную фигуру въ нарядномъ платьѣ съ пунцовымъ поясомъ, веселое, счастливое личико, обращенное къ ней и ласковую ручку, отъ которой она отскочила, какъ отъ прикосновенія змѣи... и свою собственную фигуру, некрасивую, въ черномъ грубомъ платьѣ, безобразно сшитомъ, неграціозномъ. Она болѣзненно чувствовала собственное безобразіе въ сравненіи съ граціознымъ видѣніемъ. Она бы почувствовала его, еслибы лордъ Лашмеръ и не назвалъ ея безобразной и дурно воспитанной. Да, она была и безобразна, и дурно воспитана... можетъ быть, и теперь осталась такою же, хотя ей и было такъ легко и свободно съ мистеромъ Несторіусомъ. Но эти великія души снисходительны къ безобразію и дурнымъ манерамъ. Развѣ Платонъ и всѣ лучшіе люди Аѳинъ не водились съ Сократомъ?

Такъ разсуждала она сама съ собой, и никакія убѣжденія не могли заставить ее принять приглашеніе мистриссъ Мольчиберъ.

— Она изъ тѣхъ, кого наши сосѣди назвали бы farouche,—объявила эта достойная женщина, возвѣщая о своей неудачѣ. —Она чувствуетъ себя дома съ Гомеромъ и Виргиліемъ, но боится насъ.

Больше ничего о Стеллѣ не было сказано.

Капитанъ Вавасуръ былъ такъ добръ, что согласился прочитать коротенькую исторію, написанную имъ для „Harper Magazine“, исторію про высшія теченія, и разсужденія о прочитанномъ и критика поглотили всеобщее вниманіе. Чай, печенья, кэкъ, чувство, буддизмъ—пріятно заняли все послѣ-полудня.

Вечеромъ Вавасуры затѣяли jeux de société, шарады и все такое. Мистеръ Несторіусъ отличался въ этихъ играхъ; то было одно изъ свойствъ его энциклопедичности. Этотъ всесторонній человѣкъ долженъ былъ отъ греческаго языка переходить къ шарадамъ, отъ судьбы націй къ игрѣ въ фанты.

Лашмеръ ненавидѣлъ этого рода времяпрепровожденіе, ушелъ въ библіотеку и углубился въ интересныя страницы „Hansard'a“.

Его занималъ фабричный билль, который долженъ былъ быть внесенъ въ слѣдующую сессію,—билль, касающійся животрепещущаго вопроса о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ нанимателей и нанимаемыхъ, и онъ хотѣлъ вполнѣ освоиться съ этимъ вопросомъ. Ему надлежало, какъ человѣку, располагающему большимъ имуществомъ въ Бруммѣ, быть другомъ рабочихъ, хотя энергично противиться всякимъ нововведеніямъ, отзывающимся соціализмомъ.

Онъ принялся за чтеніе послѣ десяти часовъ вечера и читалъ за полночь, когда всѣ гости уже кончили играть и разошлись спать. Углубившись въ докладъ о случаѣ, въ которомъ проявилась тираннія рабочихъ союзовъ, когда дѣло дошло почти до смертоубійства, Лашмеръ не слышалъ, какъ возлѣ него отворилась дверь, и оторвалъ глаза отъ книги только тогда, когда почувствовалъ свѣтъ передъ собой.

То была невольница его матери, въ своемъ черномъ платьѣ, со свѣчей въ рукѣ.

— Я пришла за книгой для милэди; я не знала, что вы здѣсь, милордъ,—пролепетала она, пораженная, что застала его въ библіотекѣ, въ которой, она думала, никого нѣтъ.

— Не могу ли я помочь вамъ? какую книгу вамъ нужно?

— Сэра Томаса Маллори: „La Mort d'Arthur“.

— Какъ? да это та самая книга... — началъ Лашмеръ, не договорилъ и, улыбаясь, взглянулъ въ блѣдное лицо, не отвѣтившее ему улыбкой. То была та самая книга, которую читала она семь лѣтъ тому назадъ, сидя на лѣстницѣ на противоположномъ концѣ комнаты. Онъ невольно взглянулъ туда, но тамъ теперь царствовалъ мракъ.

— Есть другое изданіе,—сказала она:—я знаю, гдѣ найти его.

Она подошла къ одной полкѣ и сняла съ нея небольшой томикъ въ восьмую долю листа.

— Я читала милэди „Idils of the King“, и она пожелала прослушать исторію Ланселота и Елены въ старинномъ романѣ, —объяснила Стелла.

— Это была, кажется, любимая ваша исторія, когда вы были дѣвочкой,—сказалъ Лашмеръ.

Онъ внимательно глядѣлъ на нее, пока она искала книгу и тихо направлялась къ двери, глядѣлъ съ мыслью о томъ, что говорилъ о ней мистеръ Несторіусъ.

Одно несомнѣнно: некрасивый ребенокъ,—если только она была когда-нибудь некрасива,—превратился въ очень интересную женщину. Онъ не зналъ, можно ли ее назвать красавицей. Мелкія

черты лица были тонки и изящны, но имъ недоставало статуйной правильности чертъ лица Клариссы. Маленькій носикъ былъ чуть-чуть retroussé, губы слишкомъ тонки; то были губы Минервы, а не Венеры. Цвѣтъ лица, блѣдно-оливковый, напоминалъ скорѣе бронзу, нежели мраморъ. Волосы были цвѣта воронова крыла, блестящіе, роскошные. Но глаза, глаза были великолѣпнѣе всѣхъ глазъ, какіе когда-либо видѣлъ Лашмеръ; глаза полные мысли и гордости; глаза королевы—и такой, которая съумѣла бы управлять своимъ королевствомъ.

Онъ поглядѣлъ на ея платье, черное мериносовое, съ гладкой, прямой юбкой, слегка касающейся пола; такое точно платье, какое носила каждая горничная въ Лашмерѣ, когда оканчивала утреннюю работу. Мать его не баловала protégée своего покойнаго пасынка.

Онъ растворилъ ей дверь.

— Знаете ли вы, что уже половина перваго?—сказалъ онъ.—Я полагаю, что ваши обязанности на сегодняшній вечеръ окончены?

— Нѣтъ! Я буду читать, можетъ быть, еще нѣсколько часовъ. Милэди страдаетъ безсонницей.

— Однако вамъ это тяжело!

— Нисколько. Я люблю читать и мнѣ нравится выборъ книгъ милэди.

Она оставила его съ легкимъ наклоненіемъ граціозной головки.

— Покойной ночи,—сказалъ онъ.

— Покойной ночи, милордъ.

Она ушла, а онъ точно приросъ къ тому мѣсту, на которомъ она его оставила.

„Итакъ, вотъ что̀ вышло изъ смуглой обезьянки съ глазами какъ у привидѣнія, которую мой бѣдный братъ привезъ въ своихъ рукахъ въ за̀мокъ лѣтнею ночью пятнадцать лѣтъ тому назадъ!—сказалъ онъ самому себѣ.—Бѣдный старикъ Лашъ! какъ бы онъ гордился своей питомицей, еслибы дожилъ до сегодня и видѣлъ, какова она теперь. Дѣвушка, способная расшевелить до восторга экс-премьеръ-министра; дѣвушка, которая по изяществу манеръ и горделивой наружности не уронила бы себя ни въ какой „coterie“ Лондона, Парижа или Вѣны. И такою выросла она подъ суровой эгидой матушки!

Вернувшись къ сочиненію Гансарда и увидя, что совершенно неспособенъ заниматься рабочими союзами, онъ продолжалъ разсуждать съ самимъ собой.—„Она такъ смотритъ, что

можно думать, что она особа съ характеромъ—не даромъ семь лѣтъ тому назадъ она оттолкнула Кларису въ этой самой комнатѣ. Она смотритъ такъ, какъ особа съ нервами. Почему матушка не вывозитъ ея въ свѣтъ? Вѣдь держать ее тутъ въ четырехъ стѣнахъ—все равно, что держать орла на привязи".

На другое утро въ восемь часовъ онъ услышалъ голоса на террасѣ подъ своимъ окномъ: низкій баритонъ и сдержанный контральто; и, выглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ мистера Несторіуса и Стеллу: они расхаживали взадъ и впередъ и вели очень серьезный, повидимому, разговоръ.

„Она такъ же непринужденно съ нимъ разговариваетъ, какъ еслибы всю жизнь провела въ обществѣ министровъ,—сказалъ онъ самому себѣ.—Я надѣюсь, что онъ не вскружитъ ей голову".

Несторіусъ говорилъ Стеллѣ про ея отца,—тема, взволновавшая ее. До сегодня никто не произносилъ его имени съ тѣхъ поръ, какъ Губертъ Лашмеръ умеръ, но и покойный лордъ Лашмеръ всегда неохотно заговаривалъ о немъ, боясь разспросовъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, знали моего отца?—съ восторгомъ воскликнула она.—Вы были вмѣстѣ съ нимъ въ университетѣ?

— Да, я хорошо зналъ его и восхищался его дарованіями, которыя были очень велики. Онъ былъ оригинальный и талантливый человѣкъ, а въ обществѣ, гдѣ все старѣется и дряхлѣетъ, это очень важныя качества. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ, какъ вы лишились его?

Мистеръ Несторіусъ смутно помнилъ, что какая-то трагическая исторія связана съ усыновленіемъ Лашмеромъ дѣвочки-сиротки, и осторожно коснулся этого вопроса.

— Онъ не умеръ,—отвѣчала дѣвушка, блѣднѣя при этомъ вопросѣ.—По крайней мѣрѣ, я никогда не слышала про его смерть и всегда думала о немъ и молилась, какъ о живомъ. Я часто вижу его лицо во снѣ, хотя я была такимъ ребенкомъ, когда онъ уѣхалъ.

— Когда онъ уѣхалъ?—повторилъ Несторіусъ съ удивленіемъ.

— Да, онъ уѣхалъ далеко, далеко. Я думаю, что онъ отправился въ Австралію; но лордъ Лашмеръ не говорилъ мнѣ этого. Быть можетъ, онъ думалъ, что я сочту отца жестокимъ за то, что онъ оставилъ меня; но я слишкомъ хорошо его знаю, чтобы это подумать. Онъ вѣрно былъ въ очень большомъ затрудненіи, если не взялъ меня съ собой. А затѣмъ произошелъ пожаръ, и лордъ Лашмеръ спасъ мою жизнь и усыновилъ, какъ родную дочь.

— Что, вашъ папа уѣхалъ незадолго до пожара?

— Не помню. Вся эта часть моей жизни кажется мнѣ точно сномъ. Я проснулась въ одно прекрасное утро и увидѣла зеленыя деревья, и сады, и рѣку. Я точно перенеслась въ волшебную страну. То было начало моей жизни въ Лашмерѣ. Я знаю, что мой отецъ былъ очень несчастливъ. Свѣтъ былъ къ нему несправедливъ, говорилъ онъ, и я думаю, что смерть моей матери разбила ему сердце. Онъ мнѣ сказалъ однажды, что она умерла отъ разбитаго сердца. „Помни, когда выростешь и станешь женщиной,—говорилъ онъ мнѣ,—помни, что твоя мать умерла отъ разбитаго сердца, и помни также это: у отцовъ бываютъ каменныя сердца“. Я часто повторяла эти слова, прежде нежели поняла ихъ смыслъ.

— За этимъ скрывается какая-нибудь исторія,—проговорилъ Несторіусъ, сильно заинтересованный.—И вы полагаете, что вашъ отецъ уѣхалъ въ Австралію?

— Только потому, что лордъ Лашмеръ говорилъ, что онъ уѣхалъ далеко, далеко. Онъ бы врядъ ли такъ выразился про Америку, которая теперь кажется такъ близко отъ насъ.

— Нѣтъ! Про Америку онъ такъ бы не сказалъ. Но если вашъ отецъ живъ, то онъ вѣрно бы написалъ вамъ, прислалъ бы за вами... справлялся бы, что съ вами произошло за всѣ эти долгіе годы.

— О! пожалуйста, не убѣждайте меня, что онъ умеръ!—умоляла дѣвушка съ печальнымъ взглядомъ.—Во всѣ послѣдніе годы моей жизни единственнымъ моимъ утѣшеніемъ было думать, что онъ еще живъ; что онъ устроиваетъ свои дѣла въ новой странѣ и ждетъ, пока разбогатѣетъ, чтобы пріѣхать за мной. Это моя дневная и ночная мысль. Это единственная поддержка моей жизни. Не разбивайте ея!

Она сложила руки и глядѣла на него глазами, полными слезъ. Со времени смерти Губерта она не говорила объ отцѣ. Она забыла, что мистеръ Несторіусъ великій человѣкъ и почти ей незнакомъ. Она раскрыла передъ нимъ свое дѣвическое сердце.

— Ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы я разрушить вашихъ иллюзій, дорогое дитя, еслибы даже это были только иллюзіи! — мягко отвѣчалъ онъ.—Но вы не должны говорить, что для васъ нѣтъ надеждъ въ жизни. Въ ваши годы столько еще предстоитъ впереди! Ахъ! еслибы я былъ такъ молодъ и такъ даровитъ, какъ вы! Послушайте, будьте откровенны со мной. Вы должны быть честолюбивы. Вы не можете же прожить всю жизнь чтицей миледи, закостенѣть въ этомъ положеніи.

— Нѣтъ, конечно,—воскликнула Стелла и такъ же откровенно,

какъ она говорила съ Габріэлемъ Вернеромъ, разсказала Несторіусу про свои мечты о будущемъ: про коттеджъ на Эвонѣ съ вѣрной Бетси, какъ экономкой, другомъ и товарищемъ; много книгъ, и рессурсомъ для жизни—перо. Ей нуженъ только снисходительный издатель, который бы согласился покупать ея сочиненія.

— Вы думаете, что можете писать?—спросилъ Несторіусъ, знавшій, что мечты юности часто такъ и остаются мечтами.

— Я пишу съ тринадцатилѣтняго возраста,—отвѣчала она серьезно.

— Вы начали писать со второго десятилѣтія своей жизни. Это рано. Что̀ вы писали?

— Сначала стихи, риѳмованныя повѣсти, въ родѣ Скотта—я не хочу сказать, что мои попытки могутъ идти въ сравненіи съ „Марміономъ“ или „Менестрелемъ“—но только въ этомъ родѣ. Я краснѣю, когда вспоминаю, какую чепуху я писала.

— Показывали ли вы свои стихи мистеру Вернеру?

— Никогда. Онъ—превосходный человѣкъ, какихъ лучше нѣтъ, и великій ученый, но вмѣстѣ съ тѣмъ великій прозаикъ. Онъ бы терпѣливо прочиталъ мою рукопись отъ начала до конца и сказалъ бы: „Душа моя, это не такъ хорошо, какъ у Гомера“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я никогда и никому не покажу своихъ жалкихъ стиховъ, но они утѣшали меня въ то время, какъ я писала ихъ. Я написала также двѣ или три повѣсти, и мнѣ кажется, что онѣ не хуже худшихъ изъ романовъ, которые Мьюди присылаетъ миледи.

— Дайте мнѣ сейчасъ прочитать ваши повѣсти!—сказалъ Несторіусъ съ увлеченіемъ.—Что вы за удивительная дѣвушка! И вы писали въ продолженіе многихъ лѣтъ, сидя одна въ своей комнатѣ, день за днемъ?

— Ночь за ночью,—отвѣчала Стелла.—Мнѣ некогда было писать днемъ. Ночь же всегда была моя.

— И начали писать и продолжали безъ всякаго поощренія, помощи или совѣта съ чьей бы то ни было стороны? Вы удивительная дѣвушка. Идите и сейчасъ же принесите мнѣ одну изъ вашихъ повѣстей.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, будете такъ добры, что просмотрите нѣсколько страницъ и откровенно скажете мнѣ: не слѣдуетъ ли это бросить въ печку?

— Я скажу вамъ правду по чистой совѣсти, и если ваша повѣсть такъ хороша, какъ я думаю, то она будетъ напечатана, хотя бы для этого мнѣ самому пришлось сдѣлаться издателемъ.

И это будетъ вашимъ первымъ шагомъ къ независимости и коттеджу на Эвонѣ,—прибавилъ Несторіусъ, улыбаясь ей.

Щеки ея раскраснѣлись, а глаза блистали при этой мысли. За исключеніемъ старика Габріэля Вернера, она ни отъ кого не видѣла такой доброты, послѣ безвременной смерти своего благодѣтеля.

— Какъ вы добры!—пролепетала она:—если вы со всѣми такъ добры, какъ со мной, то не мудрено...

Она остановилась и покраснѣла отъ своей смѣлости, вдругъ припомнивъ бездну, раздѣлявшую ихъ.

— Не мудрено—чтò?

— Не мудрено, что вы—самый популярный человѣкъ въ Англіи, въ кабинетѣ и внѣ его. По крайней мѣрѣ, это говорила лэди Лашмеръ недавно,—прибавила она, запинаясь.

— Лэди Лашмеръ очень добра. Но я не такъ интересуюсь другими людьми, какъ вами, Стелла. Могу я называть васъ этимъ именемъ? Мнѣ васъ представили подъ этимъ именемъ.

— У меня нѣтъ здѣсь другого имени. Фамилію отца моего запрещено здѣсь упоминать, точно какое-то зло, потому что онъ былъ радикалъ.

— Лучшаго имени, какъ Стелла, не надо. Оно удивительно идетъ къ вамъ! А теперь идите и принесите мнѣ вашу повѣсть. Ту, которая вамъ больше всѣхъ нравится. Я прочитаю ее до полдника, а послѣ полудня мы можемъ встрѣтиться у старика Вернера, и я честно скажу вамъ, чтò о ней думаю. Быть можетъ, мнѣ тоже придется сказать вамъ, что вы не написали ничего такого прекраснаго, какъ мольбы Пріама о возвращеніи ему Ахилломъ тѣла Гектора.

Стелла улыбнулась и поспѣшно отправилась за своимъ произведеніемъ; черезъ пять минутъ она вернулась запыхавшись и принесла рукопись, достаточно объемистую, чтобы напугать читателя. Но она была написана яснымъ, точно мужскимъ почеркомъ, выработавшимся подъ руководствомъ покойнаго лорда Лашмера и сходнымъ съ его почеркомъ, такъ какъ Стелла обожала въ немъ все, до его почерка включительно. Она хранила, какъ святыню, всѣ клочки бумаги, исписанные имъ, и копировала ихъ.

Мистеръ Несторіусъ не испугался величины рукописи. Онъ былъ энтузіастъ во всѣхъ вещахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, и серьезно относился ко всякому дѣлу, за какое брался.

— Ваша исторія длиннѣе, нежели я думалъ,—сказалъ онъ:—

я не успѣю кончить ее сегодня; но все же мнѣ можно будетъ составить о ней нѣкоторое понятіе.

Онъ ушелъ въ свою комнату послѣ завтрака подъ предлогомъ, что ему нужно писать письма, подвинулъ кресло къ камину и сталъ читать рукопись Стеллы.

Онъ не прочиталъ и двадцати страницъ, какъ вскочилъ съ кресла и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ всегда дѣлалъ, когда бывалъ сильно взволнованъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы Колумбомъ, открывшимъ Америку.

— Эта дѣвушка—талантъ,—сказалъ онъ самому себѣ рѣшительно.—Въ этой вещи есть сила, есть свѣжесть, а это присуще только таланту. Она унаслѣдовала оригинальность Больдвуда. И его смѣлость тоже. Эту исторію публика будетъ читать съ жадностью.

То была исторія, написанная писателемъ, черпавшимъ вдохновеніе изъ чистѣйшихъ источниковъ,—писателя, фантазія котораго не тратилась на пустяки, на которые набрасываются второстепенные умы. Дѣвушка, которая читала Гомера и Виргилія, Данте и Гёте, Мильтона и Шекспира, съ самаго дѣтства выступила на писательское поприще съ преимуществами, рѣдко достающимися въ удѣлъ женщинамъ-писательницамъ. Ея слогъ не былъ испорченъ дурными примѣрами, ея умственное око не было никогда ослѣплено мишурой. Ея англійская рѣчь была ясна и энергична. Каждое слово попадало въ цѣль, какъ вѣрно пущенная стрѣла. Ея мысли, если не безусловно оригинальныя, заимствованы были безсознательно отъ самыхъ высокихъ умовъ. Интрига, характеры были ея собственныя; но она научилась рисовать характеры у Гомера и Шекспира, завязывать интригу у греческихъ драматурговъ, которые дали намъ элементы драматической фикціи; а молодость, съ ея поэзіей и энтузіазмомъ, ея горячею любовью и непримиримою ненавистью, горѣла въ каждой страницѣ. Исторія могла быть написана только женщиной и только одна молодая женщина изъ тысячи могла написать такую исторію.

— Эта дѣвушка можетъ перомъ заработать большія деньги,— рѣшилъ Несторіусъ,—въ такую эпоху, когда талантливая фикція стала одной изъ потребностей жизни—какъ крѣпкіе напитки. Бѣдное дитя! она можетъ отрясти прахъ лашмерскаго замка отъ ногъ, какъ только этого пожелаетъ.

Однако, когда онъ встрѣтился со Стеллой у мистера Вернера, двумя или тремя часами позднѣе, великій человѣкъ былъ сдержанъ въ своихъ похвалахъ.

— Ваша книга годится, Стелла, для печати,—сказалъ онъ.— Я пошлю ее къ своему издателю, какъ только дочитаю ее. Тра-

гедія надвигается, я вижу: неотразимая судьба преслѣдуетъ вашу героиню по пятамъ. Почему бы вамъ не дать намъ веселаго окончанія, какъ, напримѣръ, есть въ „Альцестѣ“?

— Я писала исторію эту такъ, какъ она складывалась у меня въ головѣ. Я чувствовала, когда Іоланда была такъ счастлива, что несчастіе сторожитъ ее. Подумайте, какъ счастлива была моя жизнь, когда лошади понесли!

— Ахъ, бѣдное дитя! ваша жизнь была слишкомъ полна трагедій. Но комедія придетъ въ свое время—слава и деньги, и истинная любовь,—добавилъ онъ съ слабымъ вздохомъ.—Ваше животворное перо заработаетъ вамъ все это.

— Оно утѣшало меня, когда я была бы несчастна, еслибы думала о себѣ. Но неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что исторія стоитъ того, чтобы ее напечатать?—спросила она съ дѣтскимъ простодушіемъ.

— Я въ этомъ увѣренъ. Ваша героиня—не кукла, которая выводится въ модныхъ романахъ. Она—живой человѣкъ, съ мясомъ и костями, какъ вы сами. Она навѣрное найдетъ друзей... и враговъ, чѣ̀ еще лучше, потому что враги кричатъ громче друзей, а про кого кричатъ, тотъ прославляется.

II.

Лордъ Лашмеръ, обладая острымъ и любопытнымъ умомъ, наблюдалъ за свиданіемъ между государственнымъ человѣкомъ и птицей милэди, и дивился, о чемъ они могли разговаривать. Были также и драматическіе моменты въ ихъ бесѣдѣ, и это его интриговало. Стелла сжимала руки и умоляющими глазами глядѣла на Несторіуса.

Чѣ̀ все это значило?

Онъ думалъ объ этомъ все время на охотѣ и стрѣлялъ чужую дичь съ беззаботностью, навлекшей на него упреки гостей.

— Это не въ духѣ англійскаго гостепріимства стрѣлять птицу изъ-подъ носа людей,—пожаловался капитанъ Вавасуръ, и Лашмеръ сознался, что онъ разсѣянъ сегодня.

— Вамъ лучше проснуться, пріятель,—замѣтилъ барристеръ,—или вы подстрѣлите кого-нибудь изъ насъ. Мнѣ говорили, что я похожъ на стараго фазана. Каждый изъ насъ, знаете, похожъ на какое-нибудь животное: Вавасуръ на овцу, а вы на орла или на сокола—гордаго, безпокойнаго, недовольнаго.

Мистеръ Несторіусъ опоздалъ къ пятичасовому чаю и засталъ

охотниковъ вокругъ камина; между ними лэди Софію въ охотничьемъ плисовомъ платьѣ съ живописными пуговицами, между тѣмъ какъ всѣ остальныя женщины были въ чайныхъ костюмахъ и гордились тѣмъ, что не похожи на этого мытаря. Каждая женщина гордится своимъ спеціальнымъ характеромъ, каковъ бы онъ ни былъ. Женственная гордится своею граціозною слабостью и маленькими притворствами; мужественная женщина гордится своею мужественностью; невѣжественная тѣмъ, что она—не синій чулокъ, между тѣмъ какъ ученая дѣвица презираетъ свою необразованную сестру. Отсюда — всеобщее самодовольство. Женщины завидуютъ другъ другу изъ-за платьевъ, браслетовъ и серегъ, экипажей, гостиныхъ и любовниковъ; но каждая женщина считаетъ себя лучше всѣхъ. Замарашка не помѣняется своей особой съ любой принцессой.

— Скажите, пожалуйста, мистеръ Несторіусъ, гдѣ вы скрывались весь день?—спросила Клариса съ оскорбленнымъ видомъ:—за исключеніемъ кратковременнаго появленія за полдникомъ, мы васъ совсѣмъ не видѣли.

— Жизнь состоитъ не изъ однихъ удовольствій, лэди Клариса, — отвѣчалъ онъ многозначительно и какъ будто подавляя внутреннее чувство, чтò, какъ извѣстно, считается лучшимъ комплиментомъ всякой разсудительной женщиной.—Я все утро писалъ письма и читалъ газеты, а затѣмъ навѣстилъ своего давнишняго пріятеля Вернера.

— Почему бы не пригласить мистера Вернера въ зàмокъ?—воскликнула Клариса, обращаясь къ лорду Лашмеру.—Онъ, очевидно, привлекательнѣйшій человѣкъ въ околоткѣ. Уже не въ первый разъ онъ лишаетъ насъ удовольствія пользоваться обществомъ мистера Несторіуса.

— Старый буквоѣдъ обыкновенно не владѣетъ такого рода магнетизмомъ,—отвѣчалъ Лашмеръ съ легкой ироніей,—но сегодня къ нему примѣшался, кажется, женскій элементъ. Мистеръ Несторіусъ забралъ себѣ въ голову интересоваться protégée моего брата, а она, кажется, проводитъ все свое свободное время съ мистеромъ Вернеромъ.

— Она была у него сегодня,—отвѣчалъ Несторіусъ,—и я очень ею заинтересованъ. Ни одна еще женщина меня такъ не интересовала со времени...

— Со времени вашего распущенія,—перебила Клариса невинно.

Наступило неловкое молчаніе, потому что въ эпоху этого неожиданнаго и рокового распущенія говорили, что мистеръ Не-

сторіусъ находился подъ вліяніемъ женскихъ совѣтовъ. И что если, какъ его поклонники утверждали, Несторіусъ пророкъ, то у него есть и пророчица—сивилла, скрывающаяся за кулисами, изрекающая мистическіе оракулы, оракулы мудрые, но всегда чуть-чуть преждевременные?

Государственный человѣкъ величественно игнорировалъ эту паузу.

— Да; эта дѣвушка вообще замѣчательна... она—существо, исключительно и богато одаренное. Вліяніе вашего брата на такое юное дитя — замѣчательный психологическій фактъ. Мнѣ надо обстоятельно переговорить съ вами объ этой дѣвушкѣ и ея судьбѣ, Лашмеръ.

— Я вполнѣ готовъ толковать объ этомъ интереснѣйшемъ вопросѣ. Но, мнѣ кажется, судьба ея вполнѣ обезпечена въ нашемъ домѣ и она такъ полезна моей матери, что я не вижу необходимости измѣнять status quo.

Странное замѣчаніе со стороны человѣка, который не далѣе какъ прошлою ночью сравнивалъ Стеллу съ орленкомъ на цѣпи!

— Какое эгоистическое сужденіе!—замѣтилъ Несторіусъ.— Мнѣ было бы жаль лишить лэди Лашмеръ превосходной чтицы, но есть множество дюжинныхъ молодыхъ женщинъ въ мірѣ, умѣющихъ читать вслухъ. Я же считаю, что миссъ Больдвудъ—замѣчательный талантъ, и не должна терять лучшіе годы жизни въ зависимости и скукѣ.

— Она жаловалась вамъ?—рѣзко спросилъ Лашмеръ.

— Ни словомъ, ни единымъ намекомъ даже; но она сдѣлала мнѣ честь довѣрчиво отнестись ко мнѣ, какъ къ другу человѣка, который образовалъ ее. Она говорила мнѣ, что отецъ ея не умеръ... или что по крайней мѣрѣ она не получала вѣсти о его смерти.

— Отецъ ея такъ же мертвъ, какъ королева Анна. Онъ лишился жизни, стараясь ее спасти, бѣдняга. Ей было тогда всего пять лѣтъ отъ роду, и ея страстное сожалѣніе объ отцѣ произвело такое впечатлѣніе на моего брата, что у него не хватило духу сказать ей правду. Онъ обошелъ истину и сказалъ ей, что отецъ отправился въ очень дальнюю страну, гдѣ со временемъ они встрѣтятся. Онъ разумѣлъ будущую жизнь. Она приняла его слова какъ евангеліе, и Лашъ не имѣлъ мужества вывести ее изъ заблужденія—въ немъ было столько женственнаго, въ бѣднягѣ! Онъ предупредилъ слугъ, чтобы они не говорили ребенку истинной правды о пожарѣ, пригрозивъ своею немилостью, если они проболтаются, и умолилъ матушку тоже молчать. А

такъ какъ ни милэди, ни я не выносили вида его protégée, то нечего было опасаться, что мы заговоримъ съ ней объ ея отцѣ. Я думаю, я и десяти разъ не видѣлъ этого ребенка при жизни бѣднаго Лашмера. Во-первыхъ, потому что я рѣдко пріѣзжалъ сюда, а во-вторыхъ, потому что велъ совсѣмъ иной образъ жизни, чѣмъ онъ. Эти три невинныхъ существа—мой братъ, старикъ Вернеръ и дѣвочка—вели нѣкотораго рода аркадское существованіе, точно пастухи въ эклогахъ Виргилія.

— Вывести ее теперь изъ заблужденія было бы жестоко, — серьезно проговорилъ Несторіусъ.—Ея вѣра въ то, что отецъ живъ — утѣшительная галлюцинація. Съ годами и опытомъ само собой явится въ ней сомнѣніе и затѣмъ печальная увѣренность, что они не встрѣтятся больше въ здѣшней жизни. Бѣдный Больдвудъ, я какъ теперь вижу его. По росту и силѣ Геркулесъ, съ лицомъ Титана, въ которомъ любопытно перемѣшивались безобразіе и сила. У него, впрочемъ, были красивые глаза, сколько помню. Но не такіе, какъ у нея. У нея глаза южные.

— Наслѣдіе хитаны, безъ сомнѣнія. Кстати, я нашелъ нѣчто въ бумагахъ брата, что̀ можетъ заинтересовать васъ: вещи, принадлежавшія Больдвуду — миніатюрный портретъ и закоптѣлыя, совершенно неразборчивыя бумаги.

— Кто знаетъ, можетъ быть, ихъ можно будетъ прочитать: эксперты отлично разбираютъ въ наше время даже полуобгорѣлыя рукописи. Мнѣ любопытно взглянуть на вещи Больдвуда.

— Вы можете сдѣлать это во всякое время. Такая филантропическая любознательность должна быть удовлетворена,—отвѣчалъ Лашмеръ, улыбаясь.

Но хотя онъ и подсмѣивался надъ добродушнымъ энтузіазмомъ государственнаго человѣка, но въ душѣ тѣмъ не менѣе сердился. Вѣдь онъ съ матерью съ самаго начала возставали противъ этого отродья радикализма, исчадія грязныхъ улицъ Брумма. И вотъ что̀ выходитъ! Оказывается, она—дочь университетскаго человѣка, хорошей фамиліи и высшаго образованія, падшаго ангела, конечно, но все же ангельскаго чина; одного изъ тѣхъ, кого Боркъ заноситъ въ свои регистры, а общество считаетъ своими. Такой ангелъ можетъ пасть очень низко, можетъ работать вмѣстѣ съ поденьщиками, можетъ вращаться среди бунтовщиковъ и соціалистовъ, но въ немъ всегда останется частица голубой крови и божественный отпечатокъ, лежащій на всѣхъ лицахъ благороднаго происхожденія. Можно многое простить человѣку, у котораго были порядочные предки.

Лашмеръ глубоко негодовалъ на государственнаго человѣка.

Ему казалось, что Несторіусъ пріѣхалъ въ замокъ, чтобы перевернуть въ немъ весь порядокъ вещей и вызвать пѣну на поверхность.

„Таковъ онъ всегда и вездѣ!—разсуждалъ онъ про себя.—Онъ разрушаетъ всѣ старинныя отличія страны, не можетъ провести недѣли въ деревенскомъ домѣ, чтобы не вызвать революціи“.

Несторіусъ ни слова не сказалъ про писательство Стеллы. Онъ обѣщалъ ей, что ея литературныя попытки останутся тайной между нимъ и ею... и только издатель еще узнаетъ истину. Читатели же не увидятъ не только имени автора, но даже и псевдонима. Книга будетъ выпущена безъ подписи. Исторія будетъ говорить сама за себя.

Мистеръ Несторіусъ незамѣтно удалился изъ гостиной въ тотъ вечеръ, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Клариса играла Шумана и всѣхъ привела въ пріятное мечтательное состояніе послѣ чудеснаго обѣда. Не то, чтобы государственный человѣкъ былъ равнодушенъ къ Шуману, хорошо сыгранному. Музыка была одной изъ граней его многограннаго ума. Но сегодня имъ владѣлъ другой и болѣе сильный интересъ.

Онъ пошелъ прямо въ библіотеку, гдѣ засталъ Лашмера, все еще поглощавшаго Гансарда.

— Вы читаете о фабричномъ вопросѣ?—спросилъ онъ:—какая жалость! всѣ эти книжныя разсужденія ни къ чему не ведутъ въ дебатахъ. Достаточно коснуться сущности вопроса и освѣтить его нѣсколькими фактами, которые сверкнутъ лучами свѣта, какъ фонарь въ ночной темнотѣ. Вы знаете, что̀ вамъ нужно, и фабричный людъ знаетъ, что̀ ему нужно. Не заслоняйте знанія статистическими и иными цифрами. Коснитесь вскользь и идите мимо!

— Я такъ и сдѣлаю, если съумѣю. Но я бы желалъ знать размѣръ того зла, противъ котораго собираюсь издавать законы.

— Мой дорогой Лашмеръ, вы не можете издать законы противъ свободы фабричнаго рабочаго — противъ его божественнаго права продавать свой трудъ на лучшемъ рынкѣ.

— И замышлять убійства, и составлять заговоры на погибель тѣхъ, кто ему даетъ работу.

— Все это пустяки! Я разумѣю заговоръ. Смертоубійство— случайная вещь. Такой же вещи, какъ заговоръ, не существуетъ. Окольные пути и палліативныя мѣры имѣютъ свое значеніе, но если люди могутъ выгоднѣе продавать свой трудъ посредствомъ коопераціи, то они имѣютъ право на кооперацію. Фактъ остается,

однако, тотъ, что фабриканты неизмѣнно богатѣютъ, а рабочіе неизмѣнно пребываютъ въ бѣдности.

— Фабриканты иногда разоряются.

— Благодаря своимъ порокамъ или расточительности, но никогда вслѣдствіе торговыхъ потерь. Они бросаютъ тысячу фунтовъ на покупку картинъ, да другую тысячу на угощеніе высшаго общества—и затѣмъ банкротятся. Но неужели рабочій обязанъ работать за мѐньшую плату, чѣмъ стоитъ его трудъ, ради того только, чтобы фабрикантъ строилъ себѣ дворцы и угощалъ аристократію? Нѣтъ, Лашмеръ, рабочіе союзы сильны и непоколебимы, и кооперація—единственная оборона нищихъ отъ милліонеровъ. Но я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы спорить. Покажите мнѣ бумаги.

— Какія бумаги? — притворился Лашмеръ непонимающимъ.

— Бумаги, принадлежавшія Больдвуду.

— Какъ вы нетерпѣливы! Право, у васъ пылъ юноши.

И Лашмеръ всталъ, чтобы достать бумаги.

— Ихъ можно разобрать,—сказалъ Несторіусъ:—онѣ только закопчены, но не обуглились. Я ѣду завтра въ Лондонъ по дѣлу, и если вы довѣрите мнѣ эти бумаги, то я покажу ихъ эксперту.

— Если вы находите, что стòитъ этимъ заниматься. Вѣдь, можетъ быть, это пустыя бумажонки.

— Въ такомъ случаѣ Больдвудъ врядъ ли бы хранилъ ихъ. Онѣ могутъ пролить свѣтъ на его жизнь за границей—на его бракъ.

— И на рожденіе Стеллы. Понимаю! Ваше участіе къ ней побуждаетъ васъ разузнавать о томъ, чтò касается ея отца.

— Натурально. Я принимаю участіе въ живыхъ, а не въ мертвыхъ.

Онъ раскрылъ ящикъ и поглядѣлъ на портретъ.

— Глаза Стеллы!—сказалъ онъ:—и окладъ ея щекъ и подбородка. Это, должно быть, ея дѣдъ.

— Вы скоры на заключенія.

— Когда факты очевидны. Больдвудъ женился въ Испаніи. Это—лицо испанца. Платье тоже испанскаго стиля. О! я знаю страну Донъ-Кихота, отъ Гибралтара до Бискайскаго залива.

— Это врядъ ли портретъ цыгана.

— Разумѣется, нѣтъ; да у protégée вашего брата нѣтъ ничего цыганскаго въ лицѣ. Въ ней нѣтъ никакого признака номаднаго племени. Гордость, а не хитрость, свѣтится въ ея великолѣпныхъ глазахъ. Она происходитъ отъ старинной расы, коренной расы страны. Никогда не могъ быть такой отпрыскъ отъ

племени низкой касты. Но эти закоптѣлыя письма намъ что-нибудь скажутъ.

— Если удастся ихъ разобрать.

— Еще бы не удалось. Недавно разобраны были парижскими экспертами обуглившіяся книги парижскаго кадастра. А разобрать эти не представляется никакой трудности.

III.

Лэди Лашмеръ была послѣднимъ лицомъ, узнавшимъ объ участіи, какое возбудила Стелла въ ея именитомъ гостѣ. Но и она, наконецъ, услышала отъ Кларисы, что мистеръ Несторіусъ носится какъ дуракъ съ этой дѣвушкой:—Не мудрено, что онъ чуть не погубилъ страны,—прибавила тутъ же Клариса.

— Онъ во всемъ доходитъ до крайности,—сказала лэди Лашмеръ съ разсерженнымъ видомъ.—Пригласить его въ домъ—значитъ, внести въ него факелъ пожара. Онъ помѣшанъ на поэзіи и всяческихъ бредняхъ. Блѣдное лицо и кошачьи повадки Стеллы подстрекнули его фантазію. Конечно, она хитра—всѣ эти тихія дѣвушки бываютъ хитры. Она не теряла времени, чтобы вскружить голову первому великому человѣку, какого встрѣтила на своемъ пути.

— Неужели вы думаете, что она такъ хорошо знаетъ свѣтъ, будучи воспитана въ затворничествѣ?

— Хитрость замѣняетъ знаніе. Старикъ Вернеръ сказалъ ей, что Несторіусъ—сила, и она немедленно обошла Несторіуса. У нея чудный голосъ и я люблю ея чтеніе, но, право, я думаю, что мнѣ слѣдуетъ отъ нея отдѣлаться. Я боюсь, что она—интриганка, а съ моимъ жалкимъ здоровьемъ я не вынесу никакого безпокойства.

— Лордъ Лашмеръ положительно сердитъ на нелѣпыя фразы мистера Несторіуса объ этой дѣвушкѣ,—замѣтила Клариса мстительно.—Я видѣла это по его манерамъ вчера за чаемъ. Такъ похоже на радикала: пріѣхать въ домъ и восхититься горничной. Желала бы знать, не откроетъ ли онъ еще талантовъ среди служанокъ. Я нахожу, что у дѣвушки, прислуживающей мнѣ, когда я беру ванну, положительно умное лицо.

Въ то время какъ Клариса изливала негодованіе, возбужденное въ ней тѣмъ, что Несторіусъ осмѣливался замѣтить чью-либо прелесть, кромѣ ея собственной, мягкая мистриссъ Мольчиберъ пыталась подружиться съ дочерью Джонатана Больдвуда.

Мистриссъ Мольчиберъ была одна изъ тѣхъ наблюдательныхъ особъ, которыя говорятъ очень мало и никогда не слывутъ за очень умныхъ. Общество находило, что мистриссъ Мольчиберъ очень разсудительная особа; но и только. Ее пріятно было имѣть у себя въ домѣ, а въ болѣзни она была незамѣнима; но никто не считалъ, чтобы за ней водились какіе-нибудь таланты. И однако у мистриссъ Мольчиберъ были таланты своего рода, доведенные ею до совершенства. Она всегда и все знала, что совершалось вокругъ нея: знала мысли, желанія, надежды, симпатіи и антипатіи окружающихъ ее лицъ лучше ихъ самихъ; отлично знала, въ какомъ направленіи подуетъ вѣтеръ, прежде нежели вѣтеръ поднимался. Много супружескихъ неладовъ было бы устранено и дѣло не дошло бы до развода, много неосторожныхъ браковъ не было бы заключено, еслибы люди слушались мистриссъ Мольчиберъ. Но въ такихъ случаяхъ люди рѣдко кого слушаются, а поэтому брачныя дѣла идутъ вкривь и вкось съ самаго убійства Агамемнона.

На нѣжную страсть во всѣхъ ея фазисахъ, отъ серебристаго новолунія пробуждающагося penchant до широкаго золотого диска созрѣвшей любви, у мистриссъ Мольчиберъ былъ глазъ коршуна. Она сразу замѣтила, что участіе мистера Несторіуса къ блѣдной сироткѣ съ великолѣпными глазами гораздо теплѣе и упоительнѣе простой филантропіи. Онъ былъ бездѣтный вдовецъ, всего лишь пятидесяти-четырехъ лѣтъ, богатый, самъ себѣ господинъ. Онъ удалился съ политической арены и долженъ былъ находить досуги, не прикрашенные любовью, скучными. Онъ былъ энтузіастъ, человѣкъ, который всегда видѣлъ собственныя цѣли и задачи въ розовомъ свѣтѣ; онъ былъ человѣкъ, для котораго восхищаться значило обожать, и имѣлъ какъ разъ тотъ романическій и рыцарскій темпераментъ, который заставляетъ находить безразсудный бракъ гораздо привлекательнѣе разсудительнаго.

Когда такой человѣкъ и въ такіе годы допуститъ себя интересоваться двадцатилѣтней дѣвушкой—результатъ почти несомнѣненъ. Мистриссъ Мольчиберъ сказала себѣ, что отъ Стеллы Больдвудъ зависитъ теперь стать мистриссъ Несторіусъ. А можно ли сомнѣваться, что подвѣдомственное лэди Лашмеръ лицо съ радостью ухватится за такой блестящій выходъ изъ рабства, не говоря уже о томъ, что мистеръ Несторіусъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ женщины привыкли боготворить.

Движимая всѣми этими соображеніями, мистриссъ Мольчиберъ рѣшила взять Стеллу подъ свое крылышко. Что за нужда, что Стелла была горда и замкнута, поставила себѣ за правило

знать свое мѣсто и избѣгать гостей лэди Лашмеръ, за исключеніемъ знаменитаго человѣка, случайно ставшаго ея другомъ! Дружба мистриссъ Мольчиберъ была непреодолима. Она подстерегала Стеллу въ непоказанныхъ мѣстахъ и въ непоказанное время — въ саду передъ завтракомъ, такъ какъ рано вставала, въ корридорѣ передъ чаемъ и даже проникла разъ вечеромъ въ скромный чуланчикъ Стеллы, постучавшись предварительно въ дверь.

— Эти несносные люди въ гостиной играютъ въ petits-jeux. Я убѣжала отъ нихъ, чтобы поболтать съ вами,—говорила она дружелюбно и фамильярно, пока, наконецъ, не установила родъ сантиментальнаго дружества, позволяя себѣ съ материнской лаской охватывать рукой тонкую талію дѣвушки.

— Какая у васъ стройная и гибкая фигура, дитя!—сказала она однажды:—я увѣрена, что вы должны отлично танцовать.

— Я никогда въ жизни не танцовала.

— Никогда? Какъ это грустно! А Клариса, дѣдушка которой возилъ тачки, танцовала во всѣхъ знатныхъ домахъ Лондона и сидѣла подъ королевскимъ балдахиномъ на балѣ въ Мальборо-гаусѣ.

— Клариса родилась подъ счастливой звѣздой, но я никогда не чувствовала себя несчастной оттого, что не танцую.

— Нѣтъ сомнѣнія, что ваше время придетъ — всѣ ваши счастливые дни впереди.

— Нѣтъ, не всѣ. Лучшіе уже прошли. Я никогда больше не буду такъ счастлива, какъ бывала въ библіотекѣ и на рѣкѣ въ обществѣ покойнаго лорда Лашмера. Моя жизнь была тогда одно сплошное счастіе. Міръ былъ полонъ одной красоты.

— Все это было дѣтское счастіе. Мы всѣ были счастливы дѣтьми, или думаемъ, что были счастливы, когда оглядываемся назадъ. Да, у васъ прелестная фигура, Стелла, но это черное платье необыкновенно неуклюже. Почему вы не носите болѣе красивыхъ платьевъ?

— Я ношу то, что мнѣ даютъ, — отвѣчала Стелла нетерпѣливо.—Вы должны это знать, мистриссъ Мольчиберъ. Я получаю мои платья вмѣстѣ съ прочими служанками.

— Но вы не служанка; смѣшно говорить про васъ, что вы служанка.

— Можетъ быть, потому, что, въ сущности, я раба. Я не получаю жалованья. У меня нѣтъ въ мірѣ ничего своего и не было съ тѣхъ поръ, какъ умеръ лордъ Лашмеръ, кромѣ нѣсколькихъ книгъ, которыя онъ мнѣ подарилъ и которыя милэди

хотѣла у меня отнять. Я получила ихъ обратно безъ ея вѣдома. Точно украла ихъ, хотя онѣ были мои собственныя.

— Бѣдное дитя! Вы должны ненавидѣть этотъ домъ, какъ онъ ни великъ и ни прекрасенъ.

— Нѣтъ, я не ненавижу его. Я люблю его потому, что онъ прекрасенъ и потому, что я была въ немъ когда-то счастлива. Въ немъ витаетъ духъ лорда Лашмера. Я никогда не полюблю такъ другого дома.

— О, да, полюбите. У васъ будетъ свой домъ со временемъ, и вы полюбите его сильнѣе. Сознаніе собственности и независимости такъ пріятно. Я почти бѣдная женщина, Стелла, и провожу бо̀льшую часть жизни въ чужихъ богатыхъ домахъ; но у меня есть собственное гнѣздышко на берегу моря, крошечный домикъ въ небольшомъ переулкѣ Брайтона, гдѣ я сохраняю свои сокровища, кое-какую мебель изъ отцовскаго приходскаго дома и изъ казармъ моего бѣднаго мужа, и, право же, я гораздо счастливѣе въ этихъ скромныхъ стѣнахъ, за моимъ жалкимъ чайнымъ сервизомъ—неприхотливой бараниной, чѣмъ въ герцогскихъ палатахъ. Нѣтъ ничего милѣе собственнаго дома, Стелла.

Дѣвушка улыбнулась, думая о томъ радужномъ видѣніи независимости, которое, быть можетъ, въ скоромъ времени осуществится, благодаря помощи мистера Несторіуса. Коттеджъ на Эвонѣ, дни и вечера, проведенные безъ всякаго гнета, на свободѣ, которой она больше не знала со времени смерти своего благодѣтеля.

— Вы правы, мистриссъ Мольчиберъ: собственный домъ долженъ быть очень милъ.

— Вы узнаете это, когда выйдете замужъ и будете жить въ собственномъ домѣ. Ахъ! кто знаетъ: можетъ быть, это будетъ очень скоро. Въ наши дни случается такъ много удивительнаго.

Стелла гордо выпрямилась и почти враждебно взглянула на мистриссъ Мольчиберъ; высокая, прямая и стройная, она стояла передъ мистриссъ Мольчиберъ точно какая-то амазонка, непокорная и неукротимая.

— Замужъ!—воскликнула она:—я никогда не выйду замужъ. Помилуйте, да это значило бы промѣнять одну неволю на другую. А я хочу быть независимой и свободной. Это моя мечта днемъ и ночью.

— Ахъ! у васъ скоро явится другая мечта. Я знаю дѣвушекъ, моя душа. Я провела бо̀льшую часть жизни, изучая ихъ. Я знаю ихъ характеръ и обычай.

— Вы не знаете моего характера и обычая. Я не похожа на другихъ дѣвушекъ. Припомните, какова была моя жизнь въ этомъ домѣ. Я была счастливое, балованное дитя въ продолженіе семи свѣтлыхъ, солнечныхъ лѣтъ, и затѣмъ вдругъ наступилъ полный мракъ, и я обращена была въ служанку, жертву, гонимую, презираемую. Я слышала, какъ онъ, гордый хозяинъ этого дома, говорилъ обо мнѣ съ своею гордою матерью. О, Боже! какъ можетъ существо, созданное изъ праха, считать себя выше другого существа, созданнаго изъ праха! Въ тонѣ его голоса и голоса милэди были такія ноты, что я до сихъ поръ прихожу въ негодованіе, когда вспомню ихъ. Да, даже теперь, когда я прочитала Платона и научилась понимать ничтожество нашей земной жизни. Нѣтъ, я никогда не забуду, съ какою любовью обращались со мной въ здѣшнемъ домѣ и затѣмъ—съ какою жестокостью!

— Вы будете вспоминать объ этомъ, какъ о какомъ-то снѣ, со временемъ, когда будете счастливы,— куковала мистриссъ Мольчиберъ.

Дѣвушка, очевидно, не имѣла понятія о возможности своего возвышенія. Оскорбленный умъ все еще виталъ въ прошлыхъ и настоящихъ униженіяхъ. Онъ не предчувствовалъ будущаго возвеличенія.

Мистеръ Несторіусъ провелъ три дня въ отсутствіи, и всѣ по немъ скучали, особливо женщины. Онъ былъ на всѣ руки мастеръ и при томъ симпатичнѣйшій человѣкъ, умѣвшій привлекать сердца высшихъ и низшихъ своихъ собратій.

Габріэль Вернеръ жалобно плакался на его отсутствіе.

— Его пріѣздъ совсѣмъ оживилъ меня,—говорилъ онъ:— что я буду дѣлать, когда онъ совсѣмъ уѣдетъ?

— Я надѣюсь, что вы воспользуетесь его приглашеніемъ и проведете недѣлю-другую въ Лондонѣ,—отвѣчала Стелла.—Вы побываете въ свѣтѣ и увидите своихъ старинныхъ друзей.

— Я слишкомъ старъ для свѣта, душа моя, а мои старинные пріятели слишкомъ стары для меня. Въ ихъ памяти осталось пустое мѣсто въ томъ, что̀ меня касается. Немного такихъ людей, какъ мистеръ Несторіусъ, которые на вершинѣ величія способны не забыть смиреннаго друга юности.

Даже Стеллѣ недоставало визитовъ государственнаго человѣка въ коттеджъ Вернера. Разговоръ старика ученаго, полный мысли и фактовъ, какъ и всегда, теперь казался нѣсколько безцвѣтнымъ съ сравненіи съ потокомъ живыхъ рѣчей, блестящихъ,

искрометныхъ, какъ вода, струящаяся по скаламъ, полныхъ жизни, движенія, разнообразія, переходящихъ съ одного предмета на другой, шутливыхъ, но глубокихъ, блестящихъ, но сильныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ или съ тѣхъ поръ какъ Сократъ привлекалъ своимъ краснорѣчіемъ всю аѳинскую молодежь, не существовало такого оратора, какъ Несторіусъ, и для Стеллы, съ ея начитанностью и свѣжей юной фантазіей, его разговоръ казался почти божественнымъ, какъ семиструнная лира, которой съ восторгомъ внимали лѣса и воды, и дикіе звѣри.

Она привѣтствовала его счастливой улыбкой, когда они нечаянно встрѣтились въ паркѣ, туманнымъ октябрьскимъ днемъ, когда онъ вернулся изъ Лондона.

— Я шелъ къ Вернеру, — сказалъ онъ, отвѣчая ей тоже улыбкой, которая ей показалась отеческой и покровительственной, но въ которой хитрая мистриссъ Мольчиберъ усмотрѣла бы болѣе глубокое чувство.—Я думалъ васъ тамъ найти.

— Я только-что ушла отъ него; онъ будетъ очень радъ васъ видѣть,—отвѣчала Стелла въ простотѣ душевной.

— Но я теперь не пойду къ нему. Я немного усталъ съ дороги и мнѣ надо сообщить вамъ новости.

— У васъ есть новости для меня!—вскричала она съ живостью.—Вы слышали что-нибудь про моего отца?

— Нѣтъ, дитя, нѣтъ. Это касается вашей особы. Я далъ вашу повѣсть одному изъ опытнѣйшихъ издателей въ городѣ и просилъ поскорѣе прочитать и выразить свое мнѣніе. Онъ просидѣлъ за чтеніемъ всю ночь, Стелла, но по своей охотѣ, и объявилъ, что давно не читалъ ничего такого свѣжаго и сильнаго. Видна, конечно, неопытная рука, но слогъ, Стелла, несравненный.—„Откуда взялъ писатель такой слогъ?—спрашивалъ онъ меня. — Онъ простъ, но силенъ, ученъ, но оригиналенъ и почти такъ же богатъ и звученъ, какъ мильтоновская проза“.

— Какъ я рада,—проговорила Стелла внѣ себя отъ восторга: —какъ я рада, что онъ счелъ повѣсть написанною мужчиной!

— Да, это—хорошій признакъ; вашу книгу уже набираютъ, и вы получите корректуру—ее будутъ присылать на мое имя—завтра вечеромъ.

— Какое счастіе!—вскричала Стелла съ дѣтскою почти радостью и затѣмъ прибавила печальнымъ тономъ: — И подумать, что бѣдный мистеръ Вернеръ не могъ найти издателя на свое великое твореніе объ Аристотелѣ!

— Ахъ, дитя мое! великія творенія должны ждать удобной минуты. Еслибы Бэконъ жилъ въ наше время, то я сомнѣваюсь,

чтобы хоть одинъ издатель напечаталъ его Novum Organum иначе, какъ на коммиссію.

Мистеръ Несторіусъ не прибавилъ, что повѣсть Стеллы печаталась на его счетъ и что издатель рискнулъ только... высказать свое мнѣніе.

Государственный человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ ея дѣтской радости. Когда пятидесятипятилѣтній мужчина восхитится девятнадцатилѣтней дѣвушкой, его восхищеніе имѣетъ мягкій покровительственный видъ, который очень пріятенъ для предмета этого восхищенія, а отъ такого человѣка, какъ Несторіусъ, доброта казалась вниманіемъ бога. Стелла чувствовала, что ее окружаетъ новая атмосфера, благоуханная, успокоительная. Она чувствовала себя приподнятой надъ сферой рабства и униженія.

— Чтò съ вами сдѣлалось, Стелла?—спросила милэди обычнымъ холоднымъ тономъ, когда дѣвушка заняла обычное мѣсто у дивана въ часъ передобѣденнаго чая, когда вся остальная компанія находилась въ библіотекѣ. То былъ одинъ изъ болѣзненныхъ дней лэди Лашмеръ и, кромѣ того, она находила нелишнимъ предоставить Кларисѣ хозяйничать внизу. Ей досадно было видѣть, какъ мало успѣха дѣлала ея любимица въ симпатіи Лашмера. Онъ сознавался, что она красавица, но тутъ же приводилъ стихъ: „Несносно безукоризненна, бездушно правильна и великолѣпно ничтожна“.

Въ это послѣ-полудня лэди Лашмеръ была поражена выраженіемъ въ лицѣ Стеллы. Въ немъ не было ничего бездушнаго. Красивый румянецъ горѣлъ на блѣдно-оливковыхъ щекахъ, великолѣпные глаза горѣли сдержанною радостью.

„Да, мое рабство стало сносно, потому что ему предвидится конецъ“, думала дѣвушка, беря книгу съ полки и раскрывая на мѣстѣ, заложенномъ лентою.

— Вы какъ будто возбуждены и взволнованы,—продолжала милэди.—Чтò вы дѣлали послѣ того, какъ написали мои письма?

— Я ходила въ деревню... къ мистеру Вернеру.

— Что же могло такъ взволновать васъ? Вы раскраснѣлись и запыхались, точно бѣжали со всѣхъ ногъ,—порицала милэди, недовольная тѣмъ, что живая машина вышла изъ обычныхъ рамокъ.

— Я очень скоро шла по парку, потому что боялась опоздать.

— Вы не то чтобы опоздали, но мнѣ чуть-чуть не пришлось васъ дожидаться, — отвѣчала милэди. — Да, теперь пять часовъ. Севрскіе часы пробили пять, — а я сказала вамъ быть

здѣсь въ пять часовъ. Не приходите ко мнѣ въ другой разъ въ такомъ взволнованномъ состояніи. А теперь продолжайте читать „Мидльмарчъ", пока я пью чай.

Стелла съ ангельскимъ терпѣніемъ читала въ продолженіе двухъ часовъ, читала, пока не наступили сумерки, читала при свѣтѣ лампы, не сознавая того, что̀ читаетъ, и думая все время о своей собственной книгѣ и о томъ, что̀ сказалъ издатель. Вѣрно ли его мнѣніе? Или же онъ сказалъ это только для того, чтобы угодить мистеру Несторіусу? Неужели ея книга въ самомъ дѣлѣ хороша, ея слогъ—безукоризненный? То была совсѣмъ другого рода книга, чѣмъ она теперь читала, съ ея трезвыми, эпическими фразами, спокойнымъ юморомъ и жизнью, низведенной на обыденную ступень, и человѣческими страстями, загнанными въ тѣсныя рамки. Ея книга была смѣлѣе—въ духѣ Шелли, котораго она обожала. Ея книга была у̀же, но жгучѣе. Была ли она въ самомъ дѣлѣ хороша? Признаетъ ли публика ея смѣлую экскурсію въ область сверхъестественнаго: мистическія сцены, которыя она измыслила въ тиши ночей, видѣнія, казавшіяся ей почти дѣйствительными въ полуночномъ безмолвіи, голоса, которые она какъ будто слышала. Сердце ея трепетало при мысли, что если книга удалась, то тысячи людей прочтутъ ее и сблизятся съ ней умственно и, не зная, кто и что̀ она, проникнутся къ ней симпатіей.

Если ей удалась книга, то рабству ея навѣки настанетъ конецъ. Ей такъ мало требовалось для того, чтобы быть свободной. Она можетъ довольствоваться малымъ, и слабаго луча успѣха достаточно будетъ, чтобы освѣщать ей путь. Но только бы выбраться изъ этого большого, красиваго дома, гдѣ она сознавала себя ничтожнѣе простой служанки, рабой, врагомъ. Только бы уйти отъ этихъ гордыхъ глазъ и презрительныхъ губъ, которые постоянно возмущали ее. Она вымуштровала себя относительно милэди и спокойно переносила ея холодную тираннію. Но не могла она вышколить себя настолько, чтобы безъ гнѣва глядѣть на человѣка, выгнавшаго ее изъ библіотеки, какъ собаку. Да, онъ какъ собаку выгналъ ее изъ родной ей комнаты, гдѣ протекли счастливые годы ея дѣтства.

IV.

Возвращеніе мистера Несторіуса оживило чайныя собранія въ библіотекѣ, гдѣ сгущавшіяся сумерки смягчали позолоту и пестроту въ комнатѣ и производили болѣе гармоническое сліяніе красокъ, подобно тому, какъ съ полдюжины лицъ, быстро отпечатанныхъ фотографіей одно на другое, производятъ комбинированное лицо, болѣе красивое, чѣмъ красивѣйшее изъ шестерыхъ.

Мистеръ Несторіусъ не имѣлъ обыкновенія заговаривать людей до одури въ парламентѣ или въ гостиной. Онъ не могъ сказать, какъ Гамбетта: je les ai submergés; но онъ говорилъ хорошо, а голосъ и бесѣда его имѣли рѣдкое и неотразимое обаяніе на его женскихъ слушательницъ.

Лэди Клариса съ ласковой улыбкой подала ему чашку чая.

— Мы были совсѣмъ несчастны безъ васъ,—сказала она.

— Чтобы выслушать такое признаніе, стоитъ претерпѣть муку разлуки, — отвѣчалъ онъ любезностью на любезность и улыбкой на улыбку.

— И вотъ какимъ образомъ вы удовлетворяете свое тщеславіе насчетъ нашихъ страданій?—продолжала она, смѣясь, отлично замѣчая, что Лашмеръ любуется ею, сидя у камина между тремя охотниками.

Никто не могъ бы отрицать, что она прелестна. Да, и Лашмеръ признавалъ ея красоту; онъ зналъ также, что она богата, а доходы его съ земли постоянно уменьшались, и хотя онъ и самъ былъ богатый человѣкъ, но и богатому чувствительно, когда его доходы сокращаются. Если же бы мистеръ Несторіусъ и его партія когда-нибудь снова стали во главѣ дѣлъ, то война съ землевладѣльцами будетъ немедленно возобновлена съ удвоенной энергіей.

Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя было пренебрегать капиталами Кларисы въ наше время, и хотя Лашмеръ не былъ въ нее влюбленъ, но припоминалъ, что во дни оны она ему нравилась и что стоитъ вновь заняться ею. Быть можетъ, ему пришло все это въ голову именно потому, что онъ видѣлъ Несторіуса увивающимся около нея,—Несторіуса, который, несмотря на свои пятьдесятъ-пять лѣтъ, казался женщинамъ такимъ привлекательнымъ.

„Самый опасный человѣкъ въ Англіи, — думалъ Лашмеръ: —тѣмъ болѣе, что на видъ такъ респектабеленъ“.

Лашмеръ говорилъ себѣ, что Клариса рѣшила вторично выйти

замужъ и что если онъ не женится на ней, то она непремѣнно выйдетъ за Несторіуса.

„Не могу же я допустить ее перейти на сторону оппозиціи“,—подумалъ онъ, и подсѣлъ къ Кларисѣ съ другой стороны.

Мистриссъ Вавасуръ, въ какомъ-то фантастическомъ японскомъ платьѣ, съ облаками кружевъ écru вокругъ горла, въ которыхъ утопалъ ея подбородокъ, тоже собрала вокругъ себя поклонниковъ: мистера Понсонби, юриста, и старика-ректора, называвшаго когда-то Стеллу портретомъ Рейнольдса и затѣмъ безусловно позабывшаго объ ея существованіи. Этотъ джентльменъ часто пріѣзжалъ въ зàмокъ пить чай, и обѣдать, когда его приглашали. Онъ любилъ большой свѣтъ и любилъ слушать самого себя. Мистеръ Вавасуръ разсуждалъ о предполагаемомъ романѣ съ лэди Софіей, которая, благодаря своему сотрудничеству въ „Sunday Swash-bucker“, считала себя почти литераторомъ.

— А ваша интрига, сообщите мнѣ вашу интригу, — любопытствовала она.

— Интригу! Боже мой, ничего не можетъ быть болѣе démodé, какъ интрига. Мы предоставляемъ интригу авторамъ, которые пишутъ мелодрамы для театра Адельфи... старыя, старыя завязки съ развязками, сшитыя на живую нитку и раздѣленныя на главы или акты. Ничего подобнаго у меня нѣтъ, лэди Софія. Мой романъ—романъ съ характерами; главныя событія у меня—сумерки на дворѣ... взглядъ, встрѣчающійся съ другимъ взглядомъ на палубѣ парохода, идущаго въ Александрію, или въ церкви въ Венеціи... гнѣвное слово во второмъ томѣ... уроненный и поднятый вѣеръ—въ третьемъ. Вотъ три центральныхъ пункта—три краеугольныхъ камня, остальное... все такъ мимоходомъ, лэди Софія, мимоходомъ. Остроуміе, сатира, чувство, оглядка на самого себя, игра и блескъ словъ, и все это легче дуновенія вѣтерка.

— Ваши книги восхитительны, — пробормотала лэди Софія, которая терпѣть не могла романовъ, гдѣ не было убійства, отравленія и двоеженства.—Но иногда мнѣ думалось, что вы бы хорошо сдѣлали, еслибы... хоть разочекъ... знаете, для разнообразія... заставили бы свою героиню отравить отца или героя утопить свою жену... это было бы интересно. Даже въ „Даніэлѣ Деронда“—такомъ возвышенномъ романѣ—есть попытка къ утопленію.

— Единственное пятно на великомъ произведеніи, дорогая лэди Софія, — объявилъ модный нувеллистъ съ холоднымъ презрѣніемъ.

— Я прочитала эту главу два раза. Гранкортъ и Гвендолина слишкомъ смирны. Я больше люблю дурныхъ людей.

— Въ романѣ не должно быть ни добрыхъ, ни дурныхъ людей... никогда положительныхъ достоинствъ или пороковъ, а только легкіе намеки. Развѣ вы встрѣчаете въ обществѣ дурныхъ людей? У большинства женщинъ нѣтъ рѣшительно никакого характера. Всего труднѣе описывать безхарактерныхъ людей. Въ ихъ описаніи романистъ выказываетъ себя мастеромъ своего дѣла. Лица Диккенса и Тэккерея — простыя карриватуры: Пекснифъ, Бекки Шарпъ, братья Чирайбль, полковникъ Ньюкомъ—все это грубыя фантоши, размалеванныя какъ вывѣски.

Подстрекаемый соперничествомъ, лордъ Лашмеръ принялъ нѣжный тонъ въ разговорѣ съ Кларисой. Она была настолько влюблена въ него, насколько это было свойственно ея характеру. Она никогда не забывала своего дѣвическаго романа, въ которомъ онъ былъ героемъ, и всѣ тѣ милыя вещи, которыя онъ ей говорилъ, комплименты, восхищавшіе ее, ни мало не компрометтируя его. Она никогда не прощала ему измѣны, но гнѣвъ свой она держала подъ спудомъ, ничѣмъ не выдавая его. Она готова была простить его, простить и начать обожать въ той мѣрѣ, на какую была способна, еслибы только онъ вернулся къ ней, бросился къ ея ногамъ и призналъ ее властелиншей своей души.

„Неужели же я не стòю его?“ думала она.

Въ этотъ день въ голосѣ и манерахъ Лашмера былъ оттѣнокъ нѣжности, который она сочла за первый шагъ къ подчиненію. Онъ боролся противъ ея обаянія, но долженъ былъ сдаться. Красивые голубые глаза съ многообѣщающей улыбкой глядѣли на него.

Она будетъ его, когда онъ только захочетъ.

— Что вы дѣлали весь день?—спросилъ онъ.

— Ничего. Вы знаете, что Лашмеръ—настоящій пріютъ скуки для вашихъ гостей-дамъ, когда вы, мужчины, отправитесь на охоту. Я испытывала желаніе уѣхать въ Бруммъ и пойти въ кофейню пить чай и слушать, какъ рабочіе разсуждаютъ о политикѣ, лишь бы выбраться изъ этого зàмка унынія. Но такъ какъ этого я не могла сдѣлать, то съѣздила домой, къ матушкѣ. Возвращаясь отъ нея къ чаю... Кстати, мистеръ Несторіусъ, я видѣла, какъ вы гуляли въ паркѣ съ чтицей лэди Лашмеръ.

Несторіусъ чуть-чуть покраснѣлъ съ раздосадованнымъ видомъ.

— Да, я встрѣтился съ миссъ Больдвудъ въ паркѣ.

— По вашему, это значитъ встрѣтиться? Мнѣ показалось, что вы съ ней гуляли; но, впрочемъ, я до нелѣпости близорука.

— Я встрѣтился съ ней, повернулъ назадъ и пошелъ рядомъ съ нею; этого объясненія съ васъ довольно?

— Вполнѣ; только бы у миссъ Больдвудъ не закружилась голова отъ такого лестнаго вниманія.

— Вы сообщали protégée моего брата результатъ вашихъ экспериментовъ надъ бумагами?—спросилъ Лашмеръ.

— Нѣтъ, но я покажу вамъ результатъ ихъ сегодня вечеромъ, если вы хотите,—холодно отвѣтилъ Несторіусъ.

— Что же, этотъ результатъ поразителенъ? Не оказывается ли компаньонка моей матери переодѣтой принцессой?

— Мы еще не всѣ бумаги разобрали; но уже въ тѣхъ, какія прочитаны, заключается много интереснаго и такого, что докажетъ вамъ, что жена Больдвуда была выше, по рожденію, цыганки.

— Я уже и такъ необыкновенно какъ заинтересованъ, — сказалъ Лашмеръ пренебрежительно, какъ будто бы считалъ всю эту исторію фарсомъ, а увлеченіе Несторіуса признакомъ приближающагося старчества.

— Почему бы не показать бумагъ теперь же? Онѣ могли бы занять дамъ, которыя жалуются на недостатокъ развлеченій.

— Разсказъ о смерти, о разбитомъ сердцѣ, врядъ ли можетъ служить пріятнымъ развлеченіемъ. Я принесу вамъ бумаги въ библіотеку сегодня вечеромъ, когда всѣ разойдутся, и тогда мы спокойно просмотримъ ихъ, прежде чѣмъ лечь спать.

— Какъ вамъ угодно. Вы господинъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вы знаете испанскій языкъ?

— Нисколько.

— Если такъ, то я дѣйствительно господинъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ бумаги—на испанскомъ языкѣ, и мнѣ придется переводить ихъ для васъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго Несторіусъ съ Лашмеромъ отправились въ библіотеку; первый держалъ въ рукахъ небольшой портфель съ бумагами, которыя онъ возилъ въ Лондонъ. Вечеръ прошелъ живѣе обыкновеннаго, и Лашмеръ почти не отходилъ отъ Клариссы, къ великому удовольствію лэди Лашмеръ, которая наблюдала за ними, сидя у камина, гдѣ наперсницей ей служила мистриссъ Мольчиберъ.

Да! наконецъ-то ея давнишняя мечта близка къ осуществленію.

Она доживетъ до того, что имѣніе Джонатана Денбрука будетъ присоединено къ лашмерскимъ землямъ, не говоря уже о значительномъ состояніи въ формѣ денежныхъ капиталовъ, отложенныхъ желѣзнозаводчикомъ для себя, когда онъ удалился отъ дѣлъ. И Клариса, дѣвушка, которую она образовала въ своихъ понятіяхъ, будетъ ея дочерью, по любви, не только по закону!

Мистеръ Несторіусъ усѣлся возлѣ лампы и раскрылъ портфель.

— Во-первыхъ, позвольте мнѣ возвратить вамъ оригиналъ рукописей; онѣ по прежнему неразборчивы для простыхъ смертныхъ. Сберегите ихъ для Стеллы. Вотъ и копіи съ нихъ. Четыре любовныхъ письма, писанныхъ будущей мистриссъ Больдвудъ своему мужу. Пятое и послѣднее, отъ отца мистриссъ Больдвудъ, писано двумя годами позже и, насколько я понялъ, какъ разъ послѣ рожденія Стеллы. Это письмо таково, что могло причинить преждевременную смерть матери.

— Будьте такъ добры, прочтите ихъ мнѣ, — сказалъ Лашмеръ, злясь на себя за то, что не выучился испанскому языку. И такому легкому языку — комбинаціи латинскаго съ французскимъ—языку, который онъ усвоилъ бы себѣ въ какихъ-нибудь двѣ недѣли! Онъ путешествовалъ по Пиренейскому полуострову, предоставляя курьеру вести всѣ разговоры, и дожилъ до двадцати-семи лѣтъ, не прочитавъ Сервантеса въ подлинникѣ. И теперь долженъ сидѣть точно школьникъ передъ этимъ универсальнымъ геніемъ, Несторіусомъ, и слушать его переводъ!

— Гм! гм! — началъ государственный человѣкъ, бормоча про себя что-то непонятное, пробѣгая глазами страницу. — Пожалуй, не стоитъ вамъ читать любовныхъ писемъ; онѣ вѣдь всѣ на одинъ покрой.

— Я хочу слышать ихъ отъ слова до слова, — отвѣчалъ Лашмеръ.—Если вы мнѣ ихъ не прочитаете, я подумаю, что вы не знаете испанскаго языка.

— Вы дѣлаете мнѣ вызовъ; хорошо, я буду читать.

Онъ прокашлялся и началъ:

„Увы! дорогой мой, я не знаю, гдѣ и когда мнѣ можно будетъ видѣть васъ. Не въ церкви и не по дорогѣ въ церковь. Это слишкомъ опасно. Нита не отходитъ отъ меня ни на шагъ, и я едва-едва упросила ее не говорить отцу о нашемъ послѣднемъ свиданіи. Я буду въ саду между семью и девятью часами вечера. Еслибы намъ опять удалось встрѣтиться тамъ, это было бы очень пріятно, хотя бы на минутку у калитки, пока Нита пойдетъ въ домъ за какимъ-нибудь дѣломъ. Вы знаете, какъ она

бдительна и всегда беретъ съ собой свое шитье въ садъ, когда я иду гулять. У нея такъ мало дѣла въ домѣ по вечерамъ. Отецъ постоянно въ отсутствіи, въ клубѣ или въ гостяхъ.

„Какъ можете вы толковать о вашемъ плохомъ сюртукѣ? Развѣ я цѣню людей по сюртукамъ? И если даже вы теперь бѣдны, то вы такъ умны, что, я увѣрена, разбогатѣете со временемъ. Но еслибы даже вы остались бѣднякомъ на всю жизнь, то для меня это не составитъ разницы. Нита говоритъ, что отецъ очень богатъ. Но я никогда не замѣчала признаковъ богатства въ нашемъ домѣ. У насъ нѣтъ ни роскошной мебели, ни посуды, ни драгоцѣнностей, кромѣ тѣхъ вещей, какія дѣдушка пріобрѣлъ до войны съ французами. У насъ есть все, что нужно, но ничего лишняго. Еслибы вы повидались и переговорили съ отцомъ и получили его согласіе на нашъ бракъ, я была бы счастливѣйшей дѣвушкой въ Мадридѣ.

„Ваша на-вѣки

„Инеса."

Второе письмо было еще нѣжнѣе, и въ немъ упоминалось о новыхъ свиданіяхъ, объ обмѣненныхъ клятвахъ. Въ третьемъ, кромѣ выраженій безграничной любви, ничего не было. Дѣвушка уже не настаивала на согласіи отца. Она готова была на всякія жертвы. „Какова бы ни была ваша судьба, я раздѣлю ее, я пойду съ вами хоть на край свѣта".

У нея появился новый претендентъ, благородной фамиліи, богатый, среднихъ лѣтъ, и отецъ очень хочетъ, чтобы она вышла за него замужъ. Дѣвушка съ отвращеніемъ относилась къ нему и писала своему англійскому поклоннику: „Увезите меня съ собой, иначе отецъ принудитъ меня выйти замужъ за этого человѣка. Онъ пришелъ въ бѣшенство, когда я сказала ему, что есть другой человѣкъ, котораго я люблю. Онъ поклялся, что запретъ меня подъ замокъ, до самой свадьбы. Увезите меня, Хуанъ, и поскорѣе женитесь на мнѣ, прежде чѣмъ онъ запретъ меня. Нѣтъ, милый, съ вами я не боюсь бѣдности!"

Послѣднее изъ четырехъ писемъ было кратчайшее, и въ немъ говорилось только о томъ, какъ устроить побѣгъ.

Затѣмъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, пришло письмо отца — короткое, ледяное и рѣшительное:

„Ты сама выбрала свою долю, вопреки моему желанію. Ну, и живи, какъ знаешь. Приведетъ ли она тебя къ нищетѣ, или къ могилѣ—мнѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Ты не оказала мнѣ повиновенія и обманула меня ради англійскаго прохо-

димца. Въ награду ты имѣешь любовь своего проходимца. Ты говоришь, что онъ по прежнему тебѣ преданъ и трудомъ рукъ своихъ зарабатываетъ тебѣ дневное пропитаніе. Ты счастливѣе, нежели имѣешь на то право, непокорная, лживая дочь. Ты говоришь мнѣ, что ждешь ребенка и просишь прощенія и моей любви этому ребенку. Я отвѣчаю тебѣ на это, что я вырвалъ тебя изъ своего сердца, что я больше не люблю и ненавижу тебя; ты для меня не существуешь. Что касается твоего будущаго ребенка, то мнѣ до него столько же дѣла, какъ до перваго попавшагося нищенскаго отродья въ нашемъ городѣ.

„X. O.“

Этими двумя буквами было подписано письмо. На адресѣ былъ обозначенъ только Мадридъ. По такимъ признакамъ трудно было бы добраться до автора.

— Что, слогъ и орѳографія этого письма показываютъ человѣка образованнаго?—спросилъ Лашмеръ.

— Несомнѣнно.

— И число сходится съ днемъ рожденія Стеллы. Значитъ, надо оставить мысль объ ея цыганскомъ происхожденіи.

— Я полагаю. Этотъ „X. O.“, вѣроятно, принадлежалъ къ какой-нибудь либеральной профессіи или же къ негоціантамъ. Въ письмахъ дѣвушки ничто не намекаетъ на то, чтобы ея родители были благородные; и даже самое рвеніе отца выдать ее за дворянина доказываетъ, что такой бракъ былъ бы для нея повышеніемъ.

— И этотъ мстительный отецъ, вѣроятно, оригиналъ портрета?

— По всей вѣроятности, — отвѣчалъ Несторіусъ, закрывая портфель. — Костюмъ его таковъ, какой носили лѣтъ двадцать-пять или тридцать тому назадъ. Побѣгъ дѣвушки-испанки съ англичаниномъ, вѣроятно, вызвалъ толки въ свое время даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Мадридъ. И еслибы приняться за тщательныя развѣдки, то я увѣренъ, что можно добраться до истины.

— Очень можетъ быть; но игра не стоитъ свѣчъ. Мстительный негодяй положительно отрекся отъ внучки, и разыскивать его было бы безцѣльно.

— Кто знаетъ? Девятнадцать лѣтъ могли произвести значительную перемѣну въ его чувствахъ. Если онъ все еще живъ— одинокій, несчастный старикъ,—то пожалуй былъ бы радъ признать теперь внучку, о которой выражался такъ грубо.

— Мой дорогой Несторіусъ, только вы можете смотрѣть на все въ такія розовыя очки. Вамъ стòитъ только заинтересоваться какой-нибудь идеей, вопросомъ, и вашъ неукротимый духъ проливаетъ радужный свѣтъ на все, чтò васъ занимаетъ, и при этомъ скрадываются настоящіе размѣры вещей. Гораздо вѣроятнѣе, что этотъ старый скотъ уже умеръ и сгнилъ въ землѣ; если живъ, то сталъ еще безчувственнѣе съ годами. Во всякомъ случаѣ, я не стану гоняться за нимъ и разыскивать его. Чтò вы намѣрены дѣлать съ этими копіями?

— Оставлю ихъ себѣ.

— Какой онѣ могутъ представлять для васъ интересъ?

— Онѣ вамъ не интересны, потому что вы не знаете испанскаго языка.

— Я намѣренъ имъ заняться. Я давно уже упрекаю себя за то, что не могу читать „Донъ-Кихота“ въ оригиналѣ.

— Я дамъ вамъ переводъ этихъ писемъ, а испанскій подлинникъ оставлю у себя за свои труды.

— Право, можно подумать, что protégée моего брата обольстила васъ.

— Она не обольщала меня, но я глубоко заинтересованъ ея судьбой. Покойной ночи.

— Покойной ночи,—отвѣчалъ Лашмеръ съ досадой.

„Въ этомъ человѣкѣ есть что-то особенно несносное,—думалъ онъ, зажигая свѣчу.—Желалъ бы я знать, влюбленъ онъ въ Кларису, или нѣтъ?“

А. Э.

СТАРЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКІЕ НРАВЫ

— Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Н. Булича. Часть первая. Казань, 1887.

Настоящая книга есть одна изъ любопытнѣйшихъ, какія только есть въ нашей литературѣ по исторіи нашихъ университетовъ. Собственно говоря, другой такой книги и совсѣмъ нѣтъ. Исторіи университетовъ писались у насъ вообще по экстреннымъ оффиціальнымъ поводамъ, а именно, юбилейнымъ: таковы были исторіи — московскаго университета за сто лѣтъ; петербургскаго и кіевскаго — за пятьдесятъ лѣтъ; такова отчасти была исторія дерптскаго университета. Это были, такъ сказать, расширенные оффиціальные отчеты; біографическіе словари профессоровъ состояли обыкновенно изъ болѣе или менѣе обширныхъ послужныхъ списковъ; но внутренняя жизнь университетовъ, ихъ отношенія къ общественной средѣ, ихъ нравы и обычаи, дѣйствительная ихъ роль въ ходѣ нашего образованія, наконецъ черты личныя и анекдотическія исчезали, изглаживались подъ перомъ оффиціальныхъ историковъ, — объ этихъ послѣднихъ говорили изрѣдка только частныя воспоминанія бывшихъ университетскихъ питомцевъ, не всегда сходившіяся и въ фактахъ, и въ ихъ освѣщеніи. Г. Буличъ предпринялъ нѣчто иное: книга его основана, правда, по преимуществу на источникахъ оффиціальныхъ, на архивныхъ документахъ казанскаго университета; но его сочиненіе не есть отчетъ, это — работа частная, внушенная автору тѣмъ историческимъ интересомъ, какой представляла судьба высшаго ученаго учрежденія на далекой восточной окраинѣ европейской Россіи. Автору не предстояло никакой надобности ни преувеличивать то, что̀ встрѣчалось ему сочувственнаго въ этой

исторіи, ни скрывать ея слабыхъ сторонъ. Онъ отнесся къ дѣлу какъ изслѣдователь, хорошо знакомый съ общими судьбами нашего просвѣщенія, и какъ размѣры, такъ и характеръ описываемыхъ явленій представлялись ему весьма опредѣленно. И съ другой стороны авторъ былъ хорошо приготовленъ къ своей работѣ: онъ самъ—казанскій старожилъ, проведшій свою жизнь въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ университету, котораго былъ нѣкогда студентомъ, потомъ профессоромъ и наконецъ ректоромъ; изучивъ самымъ внимательнымъ образомъ университетскій архивъ, онъ имѣлъ возможность собрать и всѣ тѣ преданія, какія сохранились на мѣстѣ отъ старыхъ временъ: въ молодые годы онъ еще видѣлъ стариковъ, помнившихъ первые годы университета, вся исторія котораго не восходитъ больше первыхъ годовъ нашего столѣтія... Въ результатѣ является живой, безпристрастный разсказъ, обнимающій впрочемъ, въ первой части, только весемьдевять первыхъ лѣтъ существованія университета. Эта исторія такъ обильна характерными фактами, что надо желать, чтобы авторъ не ограничился одной той эпохой, какая обозначена въ заглавіи его сочиненія, и довелъ книгу до возможно близкаго къ намъ времени. Еслибы мы имѣли и для другихъ университетовъ исторіи, написанныя по такому же плану, это былъ бы поистинѣ драгоцѣнный вкладъ въ исторію нашего образованія и науки.

Предметъ заслуживалъ бы вниманія. Много толковъ о нашихъ отношеніяхъ къ „западному просвѣщенію", объ „интеллигенціи и народѣ" и т. п. устранились бы сами собою при лучшемъ знакомствѣ съ простыми фактами дѣйствительной исторіи нашего просвѣщенія. Сколько говорилось у насъ о томъ, что Петръ Великій оторвалъ наши высшіе классы отъ народной почвы, какъ охватила ихъ „западная цивилизація" и т. п. Увы, значеніе петровской реформы должно быть оцѣняемо съ очень большими оговорками; какъ ни широка была самая идея реформы, какъ ни была изумительна дѣятельность самого Петра, какъ ни велики перемѣны и пріобрѣтенія матеріальныя, не надо заблуждаться о размѣрахъ результатовъ, достигнутыхъ имъ въ *умахъ* и *нравахъ*. Передъ нимъ была старая среда понятій и обычаевъ, которую не легко было одолѣть и противъ которой оставались безсильны самые строгіе указы. Бытовая неподвижность и лѣность мысли накоплялись вѣками,—и нужны были также вѣка для того, чтобы старая косность смѣнилась пониманіемъ и любовью къ просвѣщенію, чтобы это послѣднее вошло въ бытъ какъ живая стихія.

Въ другомъ мѣстѣ намъ случилось говорить о томъ [1]), какъ, наперекоръ распространенному мнѣнію, сильно было въ самомъ разгарѣ восемнадцатаго столѣтія то до-петровское преданіе, которое хотятъ закончить XVII вѣкомъ исключительно и которое въ дѣйствительности даже въ высшемъ, дворянскомъ классѣ дожило не только до конца XVIII вѣка, но и до настоящаго столѣтія, а въ среднемъ классѣ—и до нашихъ дней (въ народной массѣ оно признано всѣми).

Судьба нашихъ учебныхъ заведеній даетъ, съ своей стороны, не мало яркихъ подтвержденій этого факта. Едва ли не прочнѣе всего прививалась въ XVIII столѣтіи та школа, начатки которой положены были въ XVI—XVII столѣтіи въ южной и западной Россіи: это была духовная школа, семинарія и академія, которая уже выработала ранѣе свои формы и пріемы и имѣла готовыхъ преподавателей въ малоруссахъ и бѣлоруссахъ, — къ нимъ легче примыкали люди великорусскіе; притомъ основа ученія была старая церковная. Не то было со школами петровскаго происхожденія. Имъ приходилось создавать свой обычай и традицію; предметы преподаванія были новы; учителями очень часто были иноземцы, нерѣдко плохо знавшіе русскій языкъ или вовсе имъ не владѣвшіе; цѣль обученія была принудительная, служебная,—и на первое время дѣло шло чрезвычайно туго. Въ эти петровскія школы приходилось иногда набирать учениковъ насильно; приходилось, напримѣръ, для академической гимназіи и „университета“ въ Петербургѣ брать лучше подготовленныхъ учениковъ семинарій и т. п. Неосновательно было бы дѣлать изъ этого заключеніе о неправильности или ненужности петровской школы: пріемы новой школы, быть можетъ, могли бы быть мягче и спокойнѣе, но въ сущности нельзя было поступить иначе — масса общества была чужда наукѣ, и не иначе приходилось поступать старому русскому князю, который для первой христіанской школы приказывалъ брать (насильно) дѣтей у „нарочитой чади“, которая точно также не видѣла въ свое время надобности въ наукѣ. Образованіе и наука, хотя бы на первыхъ, нѣсколько серьезныхъ своихъ ступеняхъ, отвѣчаютъ такой глубокой потребности человѣческаго разума, что изъ первыхъ приневоленныхъ учениковъ выходили люди, уже никогда потомъ не терявшіе научнаго интереса, и разъ поставленное дѣло съ самаго начала стало привлекать и добровольныхъ страстныхъ приверженцевъ. Съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка въ русскомъ обществѣ появляется рядъ

[1]) См. „До-петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ“, „Вѣстн. Евр.“ 1886.

дѣятелей, плодотворно развивающихъ научную сторону петровской реформы и въ которыхъ люди самыхъ противоположныхъ нынѣшнихъ партій не сомнѣваются видѣть нашу національную славу. Имя Ломоносова есть уже защита новаго образованія и доказательство его органической необходимости... но такія имена все-таки рѣдки въ XVIII столѣтіи, именно потому, что громадное большинство общества пребывало въ той умственной лѣни, какая была завѣщана XVII столѣтіемъ. Странная исторія петербургской академіи наукъ возможна была именно потому, что академія долго не могла найти себѣ органической связи съ чуждымъ наукѣ обществомъ; она долго оставалась казеннымъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ вакансіи должны быть замѣщены, и когда для замѣщенія не оказывалось годныхъ русскихъ людей, она наполнялась выписанными нѣмцами. Первые примѣры даны были Петромъ Великимъ; впослѣдствіи они превратились въ рутину, сохранившуюся, какъ извѣстно, до нашихъ дней. Но широкая мысль, руководившая Петромъ, отлетѣла, и рутина довольствовалась мертвымъ повтореніемъ стараго пріема безъ заботы о водвореніи живой науки. Правда, и въ той странной постановкѣ дѣла, какую мы видимъ въ высшемъ ученомъ учрежденіи имперіи, идея науки все-таки вызывала живые отголоски въ молодыхъ русскихъ силахъ, и не ихъ вина, что ихъ дѣло не находило поддержки тѣхъ, кто могъ ее оказать. Наука не пользовалась у власть имущихъ особеннымъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Послѣ Петра, въ понятіяхъ сильныхъ людей XVIII вѣка ученое учрежденіе было необходимымъ украшеніемъ или иногда полезнымъ справочнымъ мѣстомъ; ему указано было извѣстное мѣсто въ ряду „вѣдомствъ" и въ административной іерархіи; учеными людьми пользовались какъ всякими другими „чиновниками", и академикамъ дѣйствительно приходилось, кромѣ „учености", поставлять также заказныя торжественныя оды и похвальныя рѣчи и устроивать фейерверки. Все это было возможно потому, что не было иныхъ понятій и въ самомъ обществѣ: поэтому академія, особливо съ тѣхъ поръ, какъ уничтожился академическій „университетъ", существовала внѣ связи съ обществомъ, которому также не было до нея никакого дѣла. Наука, которой служила академія, имѣла все-таки свое вліяніе, но это вліяніе совершалось въ своей особой области, въ тѣсномъ кругу и въ спеціальной литературѣ, и эта область совсѣмъ не входила въ соображенія власти, какъ была мало знакома и большинству общества. Ученый человѣкъ былъ rara avis для большинства, особенное существо изъ какого-то чуждаго міра, признанное настолько, на-

сколько оно признавалось таковымъ оффиціально въ ученой чиновной іерархіи; ему оказывалось извѣстное почтеніе, но вообще онъ былъ какимъ-то чудакомъ, которому не находилось мѣста въ обычномъ складѣ жизни; для власти онъ былъ чиновникъ, такъ что даже на языкѣ самихъ правительственныхъ учебныхъ вѣдомствъ, напр., профессоръ словесности назывался „чиновникомъ по словесности", т.-е., другими словами, должность профессора была такая же чиновническая, какъ должность какого-нибудь столоначальника, экзекутора и т. п. Отношеніе властей къ ученымъ людямъ было вообще очень странное: власти и общество не мѣшались въ такъ-называемую „ученость" (это была для нихъ вещь недовѣдомая) и большею частью были къ ней достаточно равнодушны.

Таковы были обстоятельства; и это положеніе науки въ полной мѣрѣ обнаружилось въ то время, когда въ первые годы царствованія Александра I основаны были новые русскіе университеты. Надо пожалѣть, что исторія ихъ основанія не была разсказана со всею подробностью, и тѣмъ больше любопытна книга г. Булича, который далъ такую исторію для казанскаго университета. Насколько дозволялъ его архивный матеріалъ, онъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ оригинальные факты возникновенія этого университета и далъ чрезвычайно любопытную картину основанія высшаго ученаго и учебнаго учрежденія въ далекомъ краѣ, въ глухой провинціи, гдѣ наука вдругъ должна была стать лицомъ къ лицу съ захолустными нравами, съ полнымъ господствомъ провинціальнаго быта, не помышлявшаго о такихъ затѣяхъ. Встрѣча была странная: двѣ стихіи были такъ чужды другъ другу, что ихъ отношенія долго не могли установиться во что-нибудь живое и органическое, и подробности первыхъ шаговъ университета представляютъ характерный образчикъ роли науки въ нашемъ обществѣ.

Въ началѣ своего разсказа авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній вообще о судьбѣ нашихъ университетовъ. Онъ полагаетъ, что если наука и высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ со временъ Петра составляютъ историческую необходимость пробудившейся жизни, то „даже до самыхъ послѣднихъ годовъ нельзя утверждать, чтобы стремленіе къ нимъ было свободнымъ актомъ самого общества. Въ главѣ всѣхъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій Россіи должна быть поставлена необходимо державная воля. Она пробуждаетъ дремлющія общественныя силы, она указываетъ цѣли, она и требуетъ высшаго научнаго образованія отъ подданныхъ для цѣлей своихъ, государственныхъ". Наши

университеты не похожи на заграничные, созданные самимъ обществомъ, считающіе свое существованіе вѣками; у насъ не можетъ быть и свободной науки, составляющей необходимую принадлежность университетовъ европейскихъ,—науки, не зависимой отъ вѣяній времени. „Наши университеты не исторически народныя, а государственныя учрежденія, наша наука только въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ не на жалованьѣ". Но, несмотря на то, наши университеты принесли столько добра нашему обществу, что ихъ существованіе упрочено и масса слушателей ихъ постоянно ростетъ: авторъ надѣется, что „если сама жизнь требуетъ образованныхъ и прошедшихъ университетскую школу дѣятелей, то придетъ время, — надѣемся, что не долго ждать его будущимъ поколѣніямъ, — когда у насъ будетъ и независимая наука, которая сама, спокойно и гордо, поставитъ сознанныя и выработанныя ею требованія для той же жизни, которая теперь ее подавляетъ".

Такимъ образомъ, наши университеты—скорѣе зародыши будущаго развитія, чѣмъ историческіе памятники прошлаго. Въ своей судьбѣ они испытывали многократныя измѣненія вслѣдствіе столкновеній съ обществомъ и общимъ положеніемъ страны; они шли то впередъ, то назадъ, и поэтому, замѣчаетъ авторъ, многія обвиненія, падавшія на нихъ, должны быть съ нихъ сняты [1]).

Въ общемъ приведенное замѣчаніе, конечно, справедливо; вопросъ лишь въ томъ, что разъ водворенная наука, если она воспринимается сколько-нибудь серьезно своими адептами, сама становится себѣ цѣлью, создаетъ свои требованія, неизбѣжныя по ея собственному существу и не могущія уже зависѣть отъ внѣшняго распоряженія. Уже съ первой эпохи своего возникновенія наша наука приходила къ подобнымъ требованіямъ и возникали противорѣчія съ тѣмъ источникомъ, которому ученыя учрежденія были обязаны своимъ существованіемъ. Можно даже сказать, что отвлеченная, себѣ довлѣющая наука и не имѣлась въ виду при основаніи нашихъ высшихъ ученыхъ учрежденій: основатели знали о ней только по слухамъ, по общимъ фразамъ, и не представляли себѣ ясно, какія логическія послѣдствія проистекаютъ изъ понятія науки. Нѣкоторыя противорѣчія этого рода, при всей новизнѣ нашего образованія, оказались, какъ извѣстно, еще въ прошломъ столѣтіи, и *эта* сторона нашего научнаго развитія, зерно извѣстной широты и свободы мысли, была уже вполнѣ со-

[1]) Стр. 3—5.

зданіемъ силы общественной—той доли общества (вначалѣ очень тѣсной), въ которой залегли прочно корни научнаго образованія.

Государство дѣйствительно не помышляло объ упомянутыхъ логическихъ требованіяхъ науки; цѣли его были чисто утилитарныя, и въ числѣ исполнителей очень рѣдко встрѣчались люди, проникнутые дѣйствительною любовью къ наукѣ и серьезнымъ пониманіемъ ея высокаго значенія. Исторія нашихъ университетовъ, къ сожалѣнію, преисполнена примѣрами этого послѣдняго рода...

Возвращаемся къ казанскому университету. Онъ основывался въ особенно мудреныхъ условіяхъ. Въ Москвѣ, въ Кіевѣ были свои историческія преданія,—„университетъ казанскій не окружали никакія историческія воспоминанія, кромѣ татарскихъ, а татарская среда и до сихъ поръ живетъ въ понятіяхъ временъ Тохтамыша. За рѣкою, составляющею границу между Европой и Азіей, вдали даже отъ русскихъ столицъ, въ весьма печальныхъ климатическихъ условіяхъ, онъ былъ поставленъ всѣмъ этимъ въ самыя невыгодныя отношенія. Глубокое невѣжество, печальные нравы и грубый произволъ всякаго рода,—произволъ, увеличиваемый отдаленіемъ, окружали его со всѣхъ сторонъ".

Въ исторіи университета обнаружилась, впрочемъ, не одна трудность этого внѣшняго положенія его въ мало цивилизованной окраинѣ посреди грубаго мѣстнаго общества, но и трудность его внутренняго положенія, мало обезпеченнаго по существу. Въ средѣ самаго университета и его высшаго руководительства были, какъ увидимъ, затрудненія, помѣшавшія ему организоваться правильно и протянувшія на нѣсколько лѣтъ его окончательное устройство, какъ университета. Казанскій университетъ былъ *основанъ* въ 1805 году, но *открытъ* лишь въ 1814. Дѣло было въ слѣдующемъ.

Открытіе новыхъ университетовъ было результатомъ того либеральнаго и просвѣтительнаго настроенія, какое отличало первые годы Александра I. Нашлись, къ счастію, люди и въ высшихъ сферахъ, и въ обществѣ, которые отнеслись съ сознательнымъ сочувствіемъ къ благимъ намѣреніямъ правительства, и, какъ извѣстно, въ отвѣтъ на призывы правительства содѣйствовать общественными силами дѣлу просвѣщенія явилось не мало богатыхъ пожертвованій для этой цѣли. Въ министерствѣ нашлось нѣсколько ревностныхъ исполнителей правительственнаго плана. Въ числѣ попечителей, которымъ поручено было завѣдываніе новыми учебными округами и университетами, было нѣсколько человѣкъ дѣйствительно просвѣщенныхъ и преданныхъ своему дѣлу. „По-

печители,—замѣчаетъ г. Буличъ,—принадлежали вообще къ высшимъ, широкимъ сферамъ жизни гражданской или умственной. Являясь создателями и охранителями ввѣренныхъ имъ университетовъ посреди мѣстнаго общества, они могли занять въ немъ первое мѣсто и этимъ способствовать развитію уваженія къ университетской наукѣ, значеніе которой мало сознавалось. Тутъ были кураторы съ государственными способностями и взглядами, какъ Новосильцевъ, князь Чарторысскій и Муравьевъ, всѣ трое близкіе къ государю люди (послѣдній еще съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ) или люди высокаго происхожденія, но съ самою идеальною преданностью къ наукѣ, какъ графъ Потоцкій, или поэты и извѣстные писатели, какъ Клингеръ, или ученые, всю жизнь обращавшіеся съ наукою, какъ Румовскій" [1]. Послѣдній и былъ назначенъ попечителемъ казанскаго округа и университета.

Этотъ Румовскій (род. въ 1730-хъ годахъ, ум. 1810) былъ ученый академикъ, астрономъ и классикъ, но въ пору своего назначенія, какъ видимъ, уже древній старикъ, которому, при всей вѣроятной любви къ просвѣщенію, недоставало той живой энергіи, какая была совершенно необходима для постановки такого новаго и сложнаго дѣла, какъ университетъ въ далекой провинціи. Притомъ, по тогдашнему обычаю, попечители не жили въ мѣстахъ своего управленія, но оставались въ Петербургѣ, гдѣ они принадлежали къ центральному управленію министерства: предполагалось, что, изрѣдка навѣщая свои округа, они могутъ лучше вести ихъ дѣла въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральною властью. Это имѣло, однако, большія неудобства, какъ то и оказалось въ особенности въ дѣлахъ университета казанскаго. Живя въ Петербургѣ, попечитель по необходимости долженъ былъ полагаться на тѣ извѣстія объ университетѣ, какія получалъ отъ своего довѣреннаго лица. Въ данномъ случаѣ, это лицо, какъ увидимъ, было особеннаго рода. Прибавимъ еще, что при всемъ своемъ ученомъ значеніи Румовскій въ александровское время остался человѣкомъ стараго вѣка; повидимому онъ не совсѣмъ сочувствовалъ новымъ планамъ правительства и, напр., той постановкѣ университетовъ, какая дана была имъ на иностранный образецъ въ уставѣ 1804-го года, съ значительнымъ развитіемъ университетскаго самоуправленія: по крайней мѣрѣ, когда въ новомъ университетѣ нѣкоторые изъ профессоровъ настаивали

---

[1]) Стр. 39—40.

на этомъ началѣ самоуправленія, Румовскій относился къ ихъ настояніямъ очень недружелюбно, наконецъ даже враждебно.

Упомянутымъ довѣреннымъ лицомъ Румовскаго въ Казани былъ человѣкъ, повидимому, совершенно отвѣчавшій его вкусамъ. Это былъ нѣкто Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ (род. въ 1764). Онъ былъ сынъ священника въ пермской губерніи, учился въ вятской семинаріи; кончивши тамъ курсъ, былъ тамъ же нѣкоторое время учителемъ, затѣмъ въ 1783 году вызванъ былъ въ Петербургъ, въ числѣ другихъ, въ главное народное училище съ педагогическимъ отдѣленіемъ, или въ учительскую семинарію, откуда вышелъ „учителемъ высшихъ разрядовъ"; преподавалъ потомъ въ этомъ же училищѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ всякіе предметы—русскую грамматику, исторію, географію, латинскій, нѣмецкій и французскій языки и естественную исторію; составилъ нѣсколько учебниковъ по нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ, учебниковъ не самостоятельныхъ, не имѣющихъ научнаго значенія, но толковыхъ и по тогдашнему практичныхъ. Въ 1799 году Яковкинъ переходитъ учителемъ въ казанскую гимназію, гдѣ вскорѣ сталъ инспекторомъ, потомъ директоромъ. Казанская гимназія, основанная еще въ 1758 году, давно пріобрѣла значительную популярность въ своемъ краѣ и сохранила ее, несмотря на разныя преобразованія, стѣснившія ее въ концѣ XVIII-го вѣка. Казанскій университетъ, при основаніи его, въ виду разныхъ затрудненій, былъ страннымъ образомъ соединенъ съ этой гимназіей или, собственно говоря, присоединенъ къ ней. Основаніе университета совершено было довольно просто. Въ февралѣ 1805 года Румовскій пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Казань; на другой день по пріѣздѣ, онъ созвалъ собраніе тѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, которые назначены были прежде или которые узнали о своемъ назначеніи въ этомъ самомъ собраніи. Секретарь совѣта привѣтствовалъ попечителя рѣчью, а Румовскій прочелъ собранію утвердительную грамоту университета, объявилъ о назначеніи Яковкина профессоромъ, а четырехъ учителей гимназіи адъюнктами по разнымъ предметамъ. Это было 14-го февраля; 22-го февраля произошло въ гимназической залѣ другое собраніе въ присутствіи попечителя, гдѣ Яковкинъ вызвалъ по списку учениковъ гимназіи, назначенныхъ въ студенты, прочелъ, имъ изъ грамоты и устава объ обязанностяхъ студентовъ; сказалъ и попечитель наставленіе студентамъ и т. д. Черезъ полгода, 9-го іюля, Яковкинъ устроилъ первое торжественное и публичное собраніе университета со множествомъ почетныхъ гостей, съ музыкой, рѣчами, стихами, угощеніемъ и т. д., гдѣ совершена была раз-

дача студентамъ шпагъ. Всѣхъ студентовъ въ первый годъ университетской жизни было до сорока человѣкъ (бо̀льшая половина казенно-коштныхъ) и въ послѣдующіе годы цифра ихъ продолжала быть незначительной.

Соединеніе университета съ гимназіей, при другихъ внѣшнихъ и личныхъ условіяхъ, имѣло весьма печальныя послѣдствія. Первоначальный составъ профессоровъ былъ немногочисленъ. Или Румовскій не могъ собрать ихъ больше, за неимѣніемъ людей, или самъ не торопился и, быть можетъ, не считалъ очень нужнымъ, но вновь открытый университетъ былъ очень мало похожъ на учрежденіе, носящее это имя. Въ немъ не было и, за недостаткомъ профессоровъ, не могло быть никакого подобія факультетовъ: былъ просто сборъ профессоровъ и читались лекціи самаго разнороднаго характера, — напр., читались здѣсь и древніе языки, и физика, математика, русская словесность, статистика и право, восточные языки и кусочки медицинскихъ наукъ, и „естественная исторія", словомъ, по немногу всякихъ предметовъ, которые въ университетахъ распредѣляются по обычнымъ факультетамъ и которые здѣсь читались кому попало; дѣло рѣшалось случайностью, что имѣлся на лицо профессоръ, для котораго можно было найти съ грѣхомъ пополамъ слушателей, — „университетскій" курсъ являлся неопредѣленнымъ дополненіемъ къ гимназическому, а не самостоятельно организованнымъ цѣлымъ. Факультетовъ не было, и не было также совѣта—въ обычномъ университетскомъ смыслѣ. Правда, для управленія университетскими дѣлами устроенъ былъ совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ директоръ гимназіи и первый назначенный профессоръ (исторіи, географіи и статистики россійскаго государства) Яковкинъ, который сдѣлался вполнѣ довѣреннымъ лицомъ у Румовскаго. Характеръ этого совѣта оставался крайне неопредѣленнымъ: профессора иностранцы, которыхъ съ самаго начала было довольно много, и тѣ изъ русскихъ, которые сами были въ университетѣ (московскомъ), понимали этотъ совѣтъ именно какъ совѣтъ университетскій, съ равноправными голосами членовъ и контролирующею властью попечителя; напротивъ, Яковкинъ, котораго поддерживали нѣсколько его приверженцевъ и креатуръ и особливо самъ Румовскій, считалъ этотъ университетскій совѣтъ только расширеніемъ того гимназическаго совѣта, гдѣ Яковкинъ, какъ директоръ, былъ полнымъ хозяиномъ, не допускающимъ никакихъ возраженій. Столкновенія начались съ первыхъ же шаговъ. Нѣкоторые профессора нѣмцы, исполненные высокаго понятія о своемъ званіи и нѣмецкаго гонора, никакъ не хотѣли подчи-

няться единоличнымъ рѣшеніямъ Яковкина, упорно настаивали на томъ, что̀ они считали своимъ правомъ, находили поддержку въ нѣкоторыхъ русскихъ, и изъ всего этого выходила путаница и внутренній раздоръ, неполезный для дѣла и, между прочимъ, становившійся предметомъ сплетенъ въ городѣ, къ удовольствію невѣжества. Къ сожалѣнію, самъ Румовскій не хотѣлъ вникнуть въ это положеніе вещей, повидимому самъ не сочувствуя университетскому самоуправленію и чувствуя себя спокойнѣе, когда все дѣло бралъ на себя одинъ ему извѣстный распорядительный человѣкъ.

Что̀ же за человѣкъ былъ Яковкинъ? Г. Буличъ воздерживается высказать о немъ свое мнѣніе за или противъ; онъ хочетъ быть относительно его, какъ вообще относительно тогдашнихъ событій, простымъ „протоколистомъ"; онъ разсказываетъ его дѣянія, видитъ слабыя стороны и, можетъ быть, преувеличиваетъ его достоинства и оставляетъ для читателя вопросъ нерѣшеннымъ. По словамъ его, Яковкинъ, съ одной стороны, окруженъ въ преданіяхъ воспоминаніями его учениковъ, хотя неясными, но довольно благопріятными; съ другой стороны, онъ, за немногими исключеніями, постоянно навлекалъ на себя ненависть своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ. Сущность его характера выясняется, впрочемъ, изъ собственныхъ словъ г. Булича. „Сила и самовластіе Яковкина,—говоритъ онъ,—зависѣли отъ той неограниченной довѣренности, которою онъ пользовался у Румовскаго, но и самъ онъ былъ человѣкъ далеко не дюжинный. Его умъ, его житейская ловкость, его знаніе человѣческаго сердца, какъ это видно изъ подлинныхъ документовъ времени, поразительны. Окруженный или своими креатурами, имъ воспитанными съ ученической скамейки, людьми вполнѣ ему обязанными и чувствовавшими это, потому что они зависѣли отъ него и потомъ, или иностранцами, не знавшими языка и условій незнакомой имъ жизни, Яковкинъ былъ головою выше всего, что̀ стояло рядомъ съ нимъ (?). Въ педагогическомъ провинціальномъ мірѣ нерѣдко встрѣчаются подобныя личности, которыя, опираясь на свои способности, на умѣнье *подслуживаться* начальству и на полную *безгласность* и зависимость отъ нихъ подчиненныхъ, весьма скоро развиваютъ въ себѣ самовластныя замашки и неограниченный деспотизмъ" [1]). Изъ дѣяній Яковкина, подробно разсказываемыхъ г. Буличемъ, симпатичной чертой представляется его мягкое отношеніе къ учащемуся юношеству, хотя здѣсь былъ, вѣроятно, какой-нибудь

[1]) Стр. 51.

разсчетъ; затѣмъ онъ былъ дѣятельный и зоркій администраторъ, въ гимназіи—полновластный хозяинъ, какимъ хотѣлъ быть и въ университетѣ. Но дѣятельность его университетская не внушаетъ намъ ни малѣйшаго сочувствія. Яковкинъ былъ здѣсь представителемъ извѣстныхъ административныхъ нравовъ, давно созданныхъ у насъ исторіей,—нравовъ, гдѣ всякая ступень власти дѣлала начальника самодуромъ-деспотомъ, а вмѣстѣ льстивымъ холопомъ передъ тѣмъ, кто стоялъ выше. Это — типъ извѣстный, не однажды изображенный и въ литературѣ. Такъ какъ значеніе Яковкина вполнѣ зависѣло отъ попечителя, то Яковкинъ всячески ухаживаетъ за Румовскимъ, постоянно пишетъ ему подробные доклады обо всемъ происходящемъ въ университетѣ и, пользуясь довѣріемъ старика, успѣваетъ возстановлять его противъ своихъ враговъ по „совѣту". Будучи почти единственнымъ корреспондентомъ Румовскаго въ Казани, онъ пишетъ попечителю всякія сплетни, иногда прямые доносы на своихъ противниковъ, изображая ихъ людьми „дерзкаго характера", желающими колебать авторитетъ власти, и достигаетъ того, что попечитель (которому было подъ 80 лѣтъ) самъ увѣрился, что враги Яковкина въ совѣтѣ стремятся къ „безначалію". Вмѣсто того чтобы постараться разузнать дѣйствительное положеніе вещей, Румовскій на первыхъ же порахъ удаляетъ изъ университета, по наущеніямъ Яковкина, трехъ профессоровъ, одного нѣмца и двухъ русскихъ, въ томъ числѣ того Карташевскаго, о которомъ остались сочувственныя воспоминанія въ „Семейной Хроникѣ" Аксакова. Если Яковкинъ былъ „головою выше всѣхъ окружающихъ", по словамъ г. Булича, то въ данномъ случаѣ онъ былъ выше только по обдуманному кляузничеству, по умѣнью обойти Румовскаго льстивыми словами, безпрестанными ссылками на „Сердцевѣдца" и „Судію", указаніями на свои неусыпные труды и тому подобными пріемами, которымъ Румовскій помогалъ своимъ легковѣріемъ. Вліяніе Яковкина на Румовскаго, наглядно выразившееся удаленіемъ непріятныхъ Яковкину профессоровъ, уменьшило, конечно, споры въ „совѣтѣ", тѣмъ больше, что на этотъ случай воспослѣдовало и спеціальное распоряженіе попечителя; но понятно, что это было результатомъ не особеннаго ума Яковкина, а только его наушничества: уцѣлѣвшимъ профессорамъ оставалось отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ университетскія дѣла.

Вотъ что̀ говоритъ самъ историкъ казанскаго университета. „Тишина водворилась въ совѣтѣ къ удовольствію власти (т.-е. послѣ того, когда нѣсколько профессоровъ было удалено и осталь-

нымъ сдѣлана отъ попечителя такая же угроза). Яковкинъ торжествовалъ. Споры о правахъ совѣта, поднятые тѣми, которые въ самомъ дѣлѣ воображали себѣ, будучи назначены профессорами и адъюнктами университета, что они имѣютъ преимущества, предоставленныя имъ уставомъ университета, прекратились. Тѣ новые профессора нѣмцы, которые явились въ Казань уже послѣ событій, нами описанныхъ, Браунъ, Френъ, Бартельсъ,—всѣ они, слыша разсказы оставшихся, особенно Германа, поняли свои отношенія и не считали возможнымъ вести открытую борьбу съ Яковкинымъ въ совѣтѣ, опираясь на права, не признаваемыя начальствомъ. Эти люди были слишкомъ преданы наукѣ, къ которой давно привыкли, и въ ней одной, посреди неприглядной казанской обстановки, находили они утѣшеніе. Мы имѣемъ основаніе думать, что нѣмецкіе профессора казанскаго университета, особенно въ первые годы его существованія, стояли *несравненно выше* и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи своихъ русскихъ сотоварищей [1]). Ихъ кружокъ, дѣйствительно, можетъ быть названъ интеллигентнымъ кружкомъ, несмотря на то, что почти каждаго изъ нихъ Яковкинъ постарался облить массою грязи, къ которой онъ такъ привыкъ. Это мнѣніе не исключительно наше. Второй казанскій попечитель, Салтыковъ, писалъ графу Разумовскому [2]): „Я принужденъ съ непріятнымъ чувствомъ признать, что нѣмецкіе профессора превосходятъ нашихъ, какъ познаніями, такъ и нравственностью, и это превосходство было *причиною вражды*, существующей между ними. Сколько бы ни любилъ я свое отечество, но эта любовь не можетъ заглушить во мнѣ чувства справедливости и я остаюсь совершенно нейтральнымъ между притѣснителями и притѣсненными"... И Салтыковъ указываетъ далѣе на Яковкина, какъ на главную причину и прежнихъ печальныхъ событій, и настоящаго весьма непріятнаго положенія вещей въ Казанскомъ универститетѣ" [3]).

Укажемъ еще одну черту тогдашняго университетскаго быта, удержавшуюся и послѣ, которая обязана была первой постановкѣ дѣла при Яковкинѣ. Особеннымъ орудіемъ борьбы его со своими противниками было крючкотворство. Въ случаѣ надобности, Яковкинъ, съ помощію старыхъ подъячихъ, сидѣвшихъ въ его канцеляріи (стр. 159), отуманивалъ молодыхъ и малоопытныхъ русскихъ профессоровъ, а тѣмъ болѣе нѣмцевъ, не знавшихъ рус-

[1]) Припомнимъ прежнія слова, что „головою выше" былъ Яковкинъ.

[2]) Замѣтимъ, что это было въ первый же годъ попечительства Салтыкова—прямо послѣ того, какъ кончилось управленіе Румовскаго.

[3]) Стр. 393—394.

скаго законодательства, ссылками на указы, на возраженія отвѣчалъ обвиненіями чуть не въ бунтѣ, и этими средствами одерживалъ верхъ. Г. Буличъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ въ университетахъ стало водворяться это кляузничество. „Язва крючкотворства, — говоритъ авторъ, — желаніе прикрыть темные личные разсчеты покровомъ легальности, непонятнымъ для человѣка, искренно преданнаго наукѣ, проникала и водворялась въ молодые университеты наши. Старые профессcора ихъ, на нашей памяти, были большими законниками; они носили въ головѣ готовый запасъ ссылокъ и пугали имъ всегда молодыхъ членовъ, умѣя по своему истолковывать простой смыслъ параграфовъ университетскаго устава... Какимъ пугаломъ должны были являться эти secreta secretorum старыхъ указовъ для профессоровъ-иностранцевъ, вовсе не знавшихъ по-русски! Яковкинъ въ самомъ дѣлѣ былъ мастеръ пугать ихъ“ [1]), — конечно, гнусный мастеръ.

Яковкинъ очень много хлопоталъ о пріобрѣтеніи и перестройкѣ университетскихъ зданій, и г. Буличъ не разъ отдаетъ справедливость его административнымъ способностямъ. Подобныя дѣла въ старыя, да и въ новыя времена всегда бывали очень выгодны для тѣхъ, кто ими завѣдывалъ. Г. Буличъ не считаетъ возможнымъ обвинить Яковкина въ казнокрадствѣ, хотя одинъ изъ товарищей Яковкина въ университетскомъ правленіи, профессоръ Каменскій, человѣкъ довольно горячаго нрава, вступилъ съ нимъ въ открытую вражду изъ-за неправильнаго веденія денежныхъ дѣлъ (вскорѣ онъ очутился въ числѣ удаленныхъ отъ университета), и хотя самъ г. Буличъ приводитъ недвусмысленное четверостишіе, ходившее въ Казани относительно Яковкина [2]). Второй попечитель университета, Салтыковъ, сомнѣвался въ безкорыстіи Яковкина (стр. 273); да и самъ авторъ находилъ, что Яковкинъ все-таки пользовался „казенными крохами“. Отмѣтимъ еще одну подробность, сообщаемую г. Буличемъ, но, кажется, недостаточно имъ оцѣненную. При одной изъ университетскихъ построекъ Яковкинъ представилъ Румовскому смѣту, которая подивила попечителя своими несообразностями. Къ счастію, Румов-

---

[1]) Стр. 160.

[2]) Преданіе говоритъ, что на одной попойкѣ, устроенной Яковкинымъ по случаю полученія какого-то ордена, одинъ изъ собесѣдниковъ, будучи навеселѣ, обратился къ виновнику торжества съ такими стихами:

„Господи, Іисусе Христе!
Спасъ ты вора на крестѣ;
Теперь тебѣ другое горе:
Спаси крестъ на ворѣ!“ (Стр. 54.)

скій былъ хорошій математикъ и, по величинѣ предполагаемаго зданія, вычислилъ, что матеріала въ смѣтѣ указано *вдвое больше*, чѣмъ нужно; онъ замѣтилъ также, что и цѣны были очень высокія. „Удивительно, что цѣна на матеріалы и въ Казани такъ возвысилась,—писалъ онъ Яковкину, не знаемъ, простодушно или иронически. По смѣтѣ,—продолжаетъ онъ,—строеніе будетъ стоить около 39 тысячъ, но число сіе должно *убавить*, для того, что 800 четырехсаженныхъ досокъ будутъ стоить *680*, а не *6,800* рублей, за доски браку поставлено *1750* р., а должно быть только *175*, и такъ сумма, въ счетѣ показанная, убудетъ 7-ю тысячами. Алебастру показано 100,000 пудовъ, но и 10,000 пудовъ количество было бы необъятное; то же самое можно сказать о проволокѣ на печи... Равномѣрно и число бревенъ четырехсаженныхъ на накаты черныхъ половъ, потолковъ, переводовъ и перегородокъ 2,200 такъ велико, что изъ нихъ можно построить *деревянный домъ* величиною *равной* строющемуся". Румовскій прибавлялъ: „Сіе замѣчаніе дѣлаю я наипаче въ томъ намѣреніи, чтобы пріемщики матеріаловъ не вздумали иногда пользоваться и показать въ пріемѣ больше, нежели въ самой вещи будетъ ихъ принято". Хитрый Яковкинъ, представляя смѣту, замѣчалъ, что сумма 39,000 р. можетъ нѣсколько убавиться потому дескать, что *цѣны* на матеріалъ поставлены самыя высокія (Румовскій находилъ, что *матеріала* показано вдвое больше, чѣмъ нужно); теперь контора, завѣдывавшая постройками, приняла къ свѣденію замѣчаніе попечителя, и въ отвѣтѣ Румовскому Яковкинъ,—предполагая его подозрѣнія,—объясняетъ, что всякихъ строительныхъ матеріаловъ надо всегда имѣть подъ руками потребное количество, и они всегда составляютъ наличный капиталъ: „ежели бы кто и вздумалъ на меня за то клеветать, то оправданіе всегда готово... а тамъ—есть Сердцевѣдецъ и Судія праведный, судяй комуждо не только по дѣламъ его, но и по самымъ намѣреніямъ" [1]).

Для новаго университета нужны были профессора. Откуда было взять ихъ? Въ Казани повторилось то же, что̀ было дѣлано въ академіи наукъ въ прошломъ столѣтіи и во всѣхъ университетахъ до самой половины нынѣшняго столѣтія. Румовскій коекакъ произвелъ въ профессора нѣсколькихъ учителей гимназіи, а затѣмъ прибѣгнулъ къ вызову профессоровъ иностранныхъ, на этотъ разъ исключительно нѣмецкихъ. Въ тѣ же годы, какъ извѣстно, цѣлый рядъ иностранныхъ профессоровъ былъ пригла-

[1]) Стр. 291—292.

шенъ и въ другіе основанные тогда университеты, петербургскій и харьковскій, и повидимому Румовскій не могъ запастись для Казани достаточнымъ числомъ профессоровъ потому, что желающіе иностранные преподаватели уже были разобраны... Нѣкоторые изъ этихъ профессоровъ уже раньше переѣхали въ Россію (лишь немногіе были русскими уроженцами); большинство другихъ только теперь прибыли въ Россію по вызову Румовскаго: онъ узнавалъ о нихъ или по петербургскимъ, или по заграничнымъ ученымъ рекомендаціямъ. Такимъ образомъ приглашены были: Цеплинъ—для всеобщей исторіи, Германъ—для латинской словесности, а также для логики и психологіи, Бюнеманъ—для правъ естественнаго, политическаго и народнаго, Сторль—для греческой словесности, Фуксъ—для натуральной исторіи, Эвестъ (вскорѣ умершій)—по разнымъ предметамъ естествознанія, Браунъ—для медицины, Френъ—для восточныхъ языковъ и Бартельсъ—для математики; нѣсколько позднѣе приглашенъ былъ знаменитый впослѣдствіи Литтровъ—для астрономіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ по основаніи университета число его профессоровъ и преподавателей умножилось нѣсколькими русскими именами, которыхъ не будемъ пересчитывать, потому что ни одинъ изъ нихъ не ознаменовалъ себя никакими сколько-нибудь извѣстными трудами; о двухъ-трехъ замѣчательныхъ воспитанникахъ тогдашняго университета скажемъ далѣе.

Изъ того, что̀ мы сказали выше о первой постановкѣ университетскаго дѣла, понятно, что иностранные профессора не могли чувствовать себя въ Казани хорошо, и можно бы даже удивляться, что̀ могло привлекать ихъ въ захолустный университетъ или удерживать тамъ, когда они познакомились съ его нравами. Г. Буличъ объясняетъ, что, кромѣ обилія ученыхъ силъ въ Германіи, было особенное обстоятельство, по которому нѣмецкіе ученые въ ту пору такъ легко покидали нѣмецкое отечество для далекаго края на границахъ Азіи: политическое положеніе Германіи въ теченіе первыхъ наполеоновскихъ войнъ было такъ тягостно, что для многихъ оно было побудительной причиной покидать родину до лучшихъ временъ; потомъ, заѣхавъ въ Казань, большинству уже трудно было изъ нея выбраться. Наконецъ иные, какъ Фуксъ, натуралистъ и медикъ, живой и разносторонне любознательный человѣкъ, вполнѣ акклиматизировались въ Казани; и, напр., Фуксъ былъ потомъ очень популярнымъ лицомъ въ городѣ.

Приведенный выше отзывъ Салтыкова былъ совершенно справедливъ. Многіе изъ названныхъ нѣмцевъ были настоящіе уче-

ные; нѣкоторые, какъ Бартельсъ, Френъ, Литтровъ, имѣли тогда и послѣ большое имя въ наукѣ; по своему умственному развитію, по своей привычкѣ къ свободной и широкой ученой дѣятельности университета, по своему стремленію дѣйствительно работать для науки, они не могли быть удовлетворены тогдашней казанской обстановкой, и многіе, конечно, съ презрѣніемъ относились къ Яковкину и его креатурамъ; для Яковкина профессора этого рода большею частію были враги, — онъ не разъ пишетъ Румовскому объ ихъ „адскихъ“ замыслахъ, о „гидрѣ безначалія“, и бѣдный попечитель ему вторилъ! Только немногіе иностранцы по житейскому разсчету держали иногда сторону Яковкина, но большею частію, особливо съ тѣхъ поръ, какъ „совѣтъ“ отданъ былъ въ полное распоряженіе Яковкина, они держались особнякомъ въ своемъ кружкѣ и небольшомъ нѣмецкомъ обществѣ въ Казани. Не разъ имъ случалось испытывать и другія неудобства захолустной жизни. Напр., въ концѣ 1806 года, по случаю тогдашнихъ нашихъ войнъ, сдѣлано было распоряженіе о „разборѣ иностранцевъ“; въ Казани при тогдашней думѣ устроена была коммиссія для разбора иностранцевъ, какъ французовъ, такъ и уроженцевъ странъ, находившихся тогда подъ французскимъ владычествомъ, а такихъ оказалось довольно и въ гимназіи, и въ университетѣ. Всѣ иностранцы должны были являться въ коммиссію и предъявлять свои паспорты; кромѣ того, отъ всѣхъ иностранцевъ потребована была новая присяга на русскую службу. При этомъ не только тѣ, кто не удовлетворялъ правительственнымъ требованіямъ, но и тѣ, у кого дѣла и паспорты были въ порядкѣ, испытали не мало непріятностей. Многіе жаловались тогда на дерзость и грубость частнаго пристава, распоряжавшагося въ коммиссіи [1]). Бывали и другія непріятныя столкновенія. Профессоръ Сторль принесъ однажды формальную жалобу по-латыни университетскому начальству на полицію, которая нарушала его профессорскія права и поставила на квартиру, въ домъ его, проходившую военную команду, когда жилище его по уставу было свободно отъ подобнаго постоя [2]).

---

[1]) Стр. 592.

[2]) Вотъ отрывокъ этой просьбы, гдѣ на языкѣ Горація изображаются русскіе нравы: „Anno 1807 die 15 Januarii copiae equestres (вѣроятно, козаки) a finitimis Asiæ provinciis venientes et ad exercitum proficiscentes Casanam intrarunt. Manus horum militum, a quodam officiali politiae (квартальный) ducti, in domicilium meum, ut noctem scilicet ibi transigerent, irruperunt. Dictus ille officialis, licet admonitus, hoc habitaculum a Professore conductum esse, januam culinae vi effregit, et coqui mei caput baculo comminuisset, nisi ille fuga se subduxisset. Cui violentiæ

Надо замѣтить, что при большомъ числѣ профессоровъ иностранцевъ латинскій языкъ былъ очень распространенъ въ университетѣ, такъ какъ это былъ языкъ по преимуществу ученый: по-латыни читались многія лекціи, на латинскомъ языкѣ велись совѣтскіе протоколы, по-латыни приходилось жаловаться на полицію. Письма къ попечителю профессора-иностранцы писали по-латыни и по-французски. Но знанія студентовъ въ латыни, какъ увидимъ, были весьма недостаточны.

Казанскому обществу университетъ былъ довольно чуждъ: не видно никакихъ близкихъ отношеній, особенно у профессоровъ-иностранцевъ. Духъ кляузничества былъ развитъ до того, что профессора чувствовали себя связанными. Однажды профессоръ Браунъ, во время вакаціи, сдѣлалъ небольшую поѣздку въ сосѣдній Свіяжскъ; Яковкинъ счелъ нужнымъ объ этомъ написать доносъ Румовскому, какъ о своевольномъ поступкѣ. Въ торжественные дни не только студенты, но и преподаватели были обязаны являться въ церковь. „У небывшихъ въ церкви по предварительному наканунѣ извѣщенію предписалъ я, — пишетъ разъ Яковкинъ,—дежурному офицеру отобрать отвѣты, давъ имъ на замѣчаніе, что неисполненіе приказаній начальства подлежитъ не только отвѣту, но и *суду*“ [1]). Нѣмецкіе профессора одно время собирались у своего соотечественника, учителя музыки въ гимназіи, Неймана, съ самою невинною цѣлью повидаться и поболтать, но кляузничество дошло до того, что Яковкинъ, самъ *дозволившій* эти собранія (нужно было дозволеніе!), сталъ потомъ говорить о „тайныхъ сборищахъ подозрительныхъ иностранцевъ“ и, наконецъ, сдѣлалъ доносъ попечителю [2]).

Составъ профессоровъ, какъ мы видѣли, былъ весьма случайный; преподаваніе не было и не могло быть распредѣлено на факультеты; они были бы слишкомъ неполны и отрывочны. Къ этому и не стремились; предполагалось, что университетъ долженъ только усовершенствовать и пополнить общее образованіе учениковъ гимназіи. „Преподаваніе носило весьма неопредѣленный характеръ; о какой-либо спеціальности и думать было нечего, при слишкомъ

---

officialis responsi loco ad commonitionem haec verba addidit: „et si Diabolus hic habitaret loci, ego Dominus atque Herus, ego volo et jubeo, hosce milites hic... et noctem hic transigere. Non ego urgeo Professoris dignitatem per hanc violentiam fuisse laesam, sed sacrum mandatum Augustissimi imperatoris, quo sancivit, Professorum domicilia debere esse tuta, et nullo sub praetextu lædi“ (стр. 109—110). Ср. подобный случай съ Френомъ, стр. 215.

[1]) Стр. 428—429.

[2]) Стр. 591.

незначительномъ числѣ профессоровъ на первыхъ порахъ существованія университета. Съ лекціи, гдѣ разбирались стилистическія красоты Ломоносовской оды, студенты шли слушать теорію гальванизма; отъ объясненій на Овидія переходили къ тригонометрическимъ задачамъ, съ германскаго права шли на ботаническія лекціи. Студенты „учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“. Когда нѣкоторые нѣмецкіе профессора, пріѣхавшіе въ Казань изъ страны, гдѣ и въ нравахъ общественныхъ давно существовало строгое отношеніе къ наукѣ, заявили-было и у насъ болѣе серьезныя требованія, они не нашли сочувствія и ничего не добились. Легкій взглядъ на университетскую науку господствовалъ всюду“ [1]).

Въ 1806 г. Яковкинъ писалъ къ Румовскому: „Дабы студентамъ нашимъ доставить хотя краткое познаніе о *всецѣломъ ходѣ наукъ*, не благоугодно ли будетъ вашему пр—ству пригласить какого добраго энциклопедиста, поелику даже и сами студенты меня просили представить о семъ на начальственное благоусмотрѣніе“. Г. Буличъ замѣчаетъ, что Яковкинъ въ этомъ случаѣ имѣлъ основаніе: нѣчто подобное читалось въ XVIII вѣкѣ въ московскомъ университетѣ. Понятно, однако, что здѣсь не было ничего общаго съ настоящими цѣлями и дѣятельностью университета. „Немногочисленные, приглашенные въ Казань, профессора, русскіе и иностранцы, — замѣчаетъ авторъ, — сами не знали цѣны и значенія своей спеціальности въ общей системѣ преподаванія; ихъ дѣятельность была и случайна, и отрывочна“ [2]).

Дѣло шло плохо и съ другой стороны. Румовскій, живя въ Петербургѣ, не имѣлъ, въ сущности, понятія о ходѣ преподаванія въ университетѣ. Яковкинъ, по обычному пріему чиновничества, увѣрялъ его, что въ университетѣ все идетъ прекрасно—онъ хорошо зналъ, что старый попечитель навѣрно не пріѣдетъ въ Казань, чтобы провѣрить его донесенія, а успѣшный ходъ дѣлъ, который былъ имъ изображаемъ, долженъ былъ только увеличить благорасположеніе начальства. Но успѣхи были только на бумагѣ. Историкъ казанскаго университета много разъ возвращается къ указанію на ту оффиціальную ложь и лицемѣрную фразу, какія господствовали въ донесеніяхъ къ попечителю, и, вѣроятно, слишкомъ велика была привычка къ этому самообману, что этотъ фальшивый тонъ, пересыпанный благочестивыми цитатами и ссылками на „Сердцевѣдца“, не бросался въ глаза. Вы-

---

[1]) Стр. 59.
[2]) Стр. 300.

веденные изъ терпѣнія противники Яковкина не однажды старались открыть глаза Румовскому на дѣйствительное положеніе вещей, но все было напрасно. Такъ писалъ къ попечителю одинъ изъ первыхъ назначенныхъ профессоровъ, Каменскій (вскорѣ отставленный отъ университета), уже на другой годъ по открытіи университета. Сдѣлавшись сочленомъ Яковкина по конторѣ, близко видѣвшій способъ его дѣйствій и, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Каменскій указывалъ Румовскому, что „подъ прекраснѣйшей наружностью (главнаго распорядителя) скрывались такія свойства, которыя ни мало ей не отвѣчали... Быть не можетъ, чтобы это не было Вамъ огорчительно читать, но смѣю Васъ увѣрить, что придетъ время, когда сія истина, можетъ быть, разительно отдастся въ чувствительномъ и невинномъ вашемъ сердцѣ. Въ продолженіе времени находилъ я, что почти всегда въ вѣрномъ контрастѣ были тѣ хороши, коихъ онъ худо описывалъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ самыхъ худыхъ были имъ покровительствуемы“. Въ результатѣ оказывается всеобщій безпорядокъ: у учителей нѣтъ плана преподаванія; успѣхи учениковъ крайне слабы; совѣтъ видитъ это, но лишенъ всякой возможности помочь дѣлу. Между тѣмъ „неудовольствіе членовъ возрастаетъ; грубости чувствуются всѣми; тоны какого-то неограниченнаго ректорства становятся оскорбительны. *Человѣкъ съ обыкновенными способностями, не видавшій организма университетовъ, отставшій отъ книгъ*, имѣетъ, однакожъ, столько дерзости, чтобы говорить: я этого и того могу сдѣлать счастливымъ или несчастливымъ“... Каменскій прибавляетъ и то, что „покупка домовъ (т.-е. для расширенія университета) во всеобщей молвѣ“ [1]).

Дѣйствительно, многое должно объясняться именно тѣмъ, что во главѣ университета стоялъ человѣкъ, „не видавшій организма университетовъ и отставшій отъ книгъ“, какъ говорилъ Каменскій. Несчастная мысль о соединеніи университета съ гимназіей, и потомъ порученіе его дѣлъ не университетскому совѣту, а просто директору этой гимназіи, воспитавшемуся въ правахъ начальническаго произвола и чиновническаго крючкотворства, оставили Яковкина въ убѣжденіи, что университетъ есть только добавка къ гимназіи, и что тамъ и здѣсь онъ — „хозяинъ“. Его занимала наружная сторона дѣла; онъ хлопочетъ о фигурныхъ фасадахъ для университетскихъ домовъ, съ эмблематическими изображеніями, о торжественности университетскихъ собраній, о

1) Стр. 153—154.

высокопарныхъ рѣчахъ и стихахъ, и т. п., а плохіе успѣхи студентовъ—это было домашнее дѣло, о которомъ незачѣмъ знать постороннимъ, а начальству особенно. Повидимому эта сторона дѣла даже мало интересовала Яковкина.

Между тѣмъ успѣхи были, однако, такъ плохи, что дѣлали самое университетское преподаваніе почти невозможнымъ; учебныя пособія отсутствовали въ такой степени, что чтеніе многихъ предметовъ становилось безплоднымъ. Напримѣръ, лекціи иностранныхъ профессоровъ читались по-латыни, между тѣмъ студенты выходили изъ гимназіи съ крайне плохимъ знаніемъ этого языка. Такъ, профессоръ Германъ съ самаго начала жаловался, что студенты не понимаютъ его и что ему приходилось употреблять, кромѣ латинскаго, и нѣмецкій, и французскій языки; онъ находилъ необходимымъ усилить преподаваніе латинскаго языка въ гимназіи и притомъ не по тому мертвому методу, который состоитъ въ заучиваніи правилъ и способенъ скорѣе возбудить отвращеніе къ языку, чѣмъ желаніе овладѣть имъ. Въ „совѣтѣ", которому попечитель передалъ жалобу Германа, Яковкинъ принялъ эти жалобы за личное оскорбленіе, обвинялъ съ своей стороны профессора, что студенты не понимаютъ его „худого нѣмецкаго произношенія латинскихъ словъ", а передъ Румовскимъ выставлялъ эти заботы о латинскомъ языкѣ какъ „усилія *самоуправленія*, тлѣющаго еще донынѣ подъ пепломъ"! Подъ конецъ жизни Румовскому пришлось убѣдиться, что эти жалобы были совершенно справедливы. Въ казанскій университетъ вступилъ профессоръ Литтровъ, который пользовался личнымъ уваженіемъ Румовскаго и который далъ ему неопровержимыя доказательства незнанія студентами латинскаго языка. Литтровъ употребилъ для этого очень простой способъ, о которомъ писалъ попечителю слѣдующее: „Въ прошедшую пятницу, въ часъ, назначенный для моихъ лекцій, я попросилъ каждаго изъ пяти моихъ слушателей, совершенно открыто и безъ всякой тайны въ публичной аудиторіи, перевести по-латыни по *три строчки*, писанныхъ по-русски, для того, чтобъ они не могли отговариваться недостаточнымъ знаніемъ языка нѣмецкаго или французскаго. Эти строчки были выписаны мною изъ моей грамматики (Литтровъ успѣлъ уже достаточно выучиться русскому языку); это были небольшіе, самые простые періоды, безъ всякихъ упущеній qui, et, cum, postquam, и пр. Читая ихъ, студенты смѣялись. Я спросилъ ихъ о причинѣ ихъ смѣха. — Sie wissen, wir nicht kennen—отвѣчали они. Послѣ моихъ настояній, они попросили позволенія сходить за лексикономъ. Я позволилъ и, сверхъ того,

обѣщалъ дать отвѣты на всѣ вопросы, ими предложенные, и латинскія слова, написанныя моею рукою надъ русскимъ текстомъ, заключаютъ отвѣты на ихъ вопросы, такъ какъ они не умѣли даже обращаться съ лексикономъ. Въ концѣ второго часа я попросилъ каждаго подписать свою фамилію подъ тремя строчками". Посылая Румовскому эти образчики латыни, Литтровъ писалъ [1]): „краснѣю, представляя в. п., переводчику одного изъ труднѣйшихъ авторовъ (Румовскій славился своимъ переводомъ Тацита), оригиналы этого несчастнаго маранья, превосходящіе все, что только есть дурного въ этомъ родѣ... я согласенъ—они недостойны даже презрительнаго взгляда вашего и я не смѣлъ бы доводить Васъ съ ними до тошноты, еслибъ мнѣ не нужно было *защищаться*" [2]). У Литтрова было пять человѣкъ слушателей; онъ прибавляетъ о нихъ въ томъ же письмѣ къ Румовскому: „Мнѣ жаль этихъ пятерыхъ, оставшихся у меня: они не безъ талантовъ и желали бы, еслибъ только могли, учиться, но ихъ гимназическая математика *совершенно такова*, какъ и латынь ихъ".

Преподаваніе было безпомощно и въ другомъ отношеніи. По предметамъ естествознанія и медицины недоставало необходимѣйшихъ пособій. Такъ, Брауну приходилось преподавать анатомію по рисункамъ и объяснять, напр., внѣшнія чувства и физіологическіе процессы „сколько можно" на препаратахъ изъ „безсловесныхъ животныхъ: четвероногихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ". Предшественникъ Брауна „демонстрировалъ своимъ слушателямъ строеніе человѣческаго тѣла по овцамъ". Впослѣдствіи Магницкій, при своей ревизіи, описывалъ безобразное состояніе такъ-называемаго анатомическаго театра, и, по словамъ г. Булича, медицинское преподаваніе было поставлено какъ слѣдуетъ только лѣтъ черезъ тридцать по основаніи университета.—Теперь, впрочемъ, безполезно было бы и думать о правильной постановкѣ этого дѣла: всего два-три профессора читали безъ всякой связи и цѣльности два-три предмета изъ медицины и естествознанія. Въ теченіе трехъ лѣтъ у Брауна было два студента.

Университетская библіотека также была поставлена странно. Она образовалась совершенно случайно. Нѣкогда Потемкинымъ

---

[1]) Вотъ образчики этихъ переводовъ. Одинъ переводилъ фразу: „братъ вашъ весьма исправенъ въ своей должности"—Frater vestrorum maximus bonus suo officia. „Онъ пришелъ ко мнѣ въ то время, какъ я писалъ"—Ille venit ad mihi in eo tempore scribendi", и т. д.

[2]) О судьбѣ латинскаго языка въ тогдашнемъ казанскомъ университетѣ см. стр. 89—91, 471—485.

пріобрѣтена была библіотека извѣстнаго Евгенія Булгариса, которая, вмѣстѣ съ другими купленными имъ книгами, предназначалась для университета въ Екатеринославѣ, изъ котораго хотѣли тогда сдѣлать одинъ изъ центральныхъ городовъ южной Россіи, или Новороссіи. Университетъ не состоялся; библіотека и другія собранія, приготовленныя для него, по смерти Потемкина переданы были въ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ пріѣздъ императора Павла въ Казань, эту библіотеку велѣно было передать въ казанскую гимназію; теперь она составила основаніе библіотеки университетской, конечно, въ безпорядочномъ и растасканномъ видѣ: во многихъ дорогихъ изданіяхъ оказывались дефекты, рисунки вырваны, — по обычному отношенію невѣжественныхъ людей къ книгамъ. Другимъ вкладомъ въ эту библіотеку послужили книги, пожертвованныя въ казанскую гимназію мѣстнымъ помѣщикомъ, очень образованнымъ человѣкомъ и, наконецъ, масономъ, Полянскимъ, оригинальныя похожденія котораго разсказаны въ запискахъ Добрынина. Библіотека была разнокалиберная и не удовлетворяла своему назначенію, тѣмъ болѣе, что для ея пополненія отпускалась весьма умѣренная сумма. Какъ пользовались библіотекой учащіеся, не видно; но можно думать, что дѣло и здѣсь было поставлено самымъ чиновническимъ образомъ. Напр., просматривая отчетъ изъ библіотеки, Яковкинъ нашелъ, что однимъ изъ профессоровъ взято было изъ библіотеки 80 книгъ; можно было бы порадоваться, что книги не лежатъ безъ употребленія, но профессору это было поставлено чуть не въ преступленіе, и его обязали немедленно возвратить книги.

При университетѣ была и типографія, но въ первое время опять въ весьма жалкомъ видѣ. Въ ней, кромѣ русскаго, былъ только восточный шрифтъ: въ казанской гимназіи еще съ прошлаго вѣка введено было преподаваніе татарскаго языка въ виду возможныхъ мѣстныхъ потребностей, и въ типографіи (отошедшей теперь къ университету) печаталось много татарскихъ книгъ, расходившихся, кромѣ русскихъ татаръ, и въ Средней Азіи. Шрифтъ русскій имѣлся въ небольшомъ количествѣ, но совсѣмъ не было латинскаго шрифта, такъ что, когда Френъ захотѣлъ напечатать въ Казани одно свое изслѣдованіе по восточной нумизматикѣ, ему пришлось его напечатать на арабскомъ языкѣ!

Между тѣмъ въ новомъ университетѣ въ числѣ профессоровъ (впрочемъ только иностранныхъ) бывали замѣчательныя научныя силы. Таковъ былъ названный выше математикъ Бартельсъ, астрономъ Литтровъ, классикъ Германъ, медикъ Браунъ, натуралистъ

Фуксъ, оріенталистъ Френъ. При всѣхъ разсказанныхъ условіяхъ дѣла, они очевидно не могли приносить той пользы, какую несомнѣнно принесли бы въ университетѣ сколько-нибудь благоустроенномъ. Здѣсь каждый шагъ ихъ былъ окруженъ препятствіями; главный распорядитель университета опутывалъ ихъ сплетнями и доносами, какъ мы видѣли, мѣшалъ даже пользоваться библіотекой. Лучшимъ изъ нихъ оставалось запираться въ своихъ ученыхъ кабинетахъ и работать для себя, если то было возможно. Въ особенности замѣчательны были труды Френа, столь знаменитаго впослѣдствіи оріенталиста. Г. Буличъ сообщаетъ изъ своихъ источниковъ нѣсколько любопытныхъ дополненій къ его біографіи.

Положеніе Френа въ Казани очень характерно рисуетъ роль науки, занесенной въ далекую русскую окраину. Это былъ почти юноша,—ему было 24 года,—когда ему въ первый разъ предложили изъ университета въ Ростокѣ переселиться въ Казань; въ то время онъ уже началъ въ Германіи свое ученое поприще въ области восточныхъ языковъ,—онъ съ восторгомъ встрѣтилъ это предложеніе и, въ письмѣ къ Румовскому, говоритъ, что оно исполнило бы только „le penchant nourri dans mon coeur il y a déjà longtemps de saluer une fois en personne les contrées chéries de l'Orient". „Десять лѣтъ профессорской жизни Френа въ Казани,—говоритъ историкъ казанскаго университета,—десять молодыхъ и дѣятельныхъ лѣтъ очень важны въ томъ отношеніи, что они положили основаніе строго-научному преподаванію восточныхъ языковъ въ университетѣ; передъ глазами казанскихъ ученыхъ всегда былъ примѣръ трудолюбиваго, точнаго и осмотрительнаго ученаго, умѣвшаго воспользоваться для науки тѣмъ, что давали ему окружающія его среда и мѣстность. Въ ученомъ развитіи самого Френа пребываніе его въ Казани важно въ томъ отношеніи, что новый міръ, окружавшій его, далъ направленіе его ученой дѣятельности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало его столь драгоцѣнныхъ для древней русской исторіи трудовъ, основанныхъ на изученіи арабскихъ историковъ и географовъ, было положено здѣсь, въ Казани, подъ вліяніемъ исторической почвы здѣшняго края и памятниковъ, преимущественно нумизматическихъ, которые онъ нашелъ здѣсь. Древній татарскій періодъ края скоро сталъ для Френа предметомъ самаго внимательнаго изслѣдованія и едвали что-либо существенное было прибавлено послѣдующими разысканіями".

Френъ былъ спеціалистъ по арабскому и семитическимъ языкамъ; татарскаго онъ не зналъ и изучилъ его уже въ Казани;

раньше онъ не занимался, конечно, и русской исторіей, и здѣсь ему надо было начинать съ начала; онъ занимался еще прежде восточной нумизматикой,—въ Казани открылись ему новыя обширныя массы монетъ, между прочимъ имъ раньше никогда не виданныхъ,—татарская нумизматика стала одной изъ его главныхъ спеціальностей. „Онъ сознаетъ самъ нѣкоторую странность своего положенія, какъ ученаго нѣмца, приступающаго по монетнымъ памятникамъ къ изученію столь важнаго въ русской исторіи періода, какимъ былъ татарскій,—когда не было еще ни одного русскаго труда по этой части. Съ помощью краткаго конспекта хронологическаго и историческаго, который составилъ для Френа въ Петербургѣ землякъ его (уже отставленный изъ Казани), Цеплинъ, онъ приступилъ къ изученію татарскихъ монетъ и пересмотрѣлъ, по его собственнымъ словамъ, цѣлыя миріады ихъ". Результатомъ былъ рядъ извѣстныхъ спеціалистамъ трудовъ, открывавшихъ въ русской исторіографіи цѣлую новую область.

Въ Казани любители давно уже обратили вниманіе на мѣстную старину, и Френъ встрѣтилъ нѣсколько готовыхъ нумизматическихъ и археологическихъ коллекцій въ частныхъ рукахъ; онъ первый ввелъ ихъ въ науку, давши имъ ученыя описанія. Но эта дѣятельность, столь плодотворная для науки, должна была совершаться въ самой непривлекательной, даже тяжелой, обстановкѣ. Френъ былъ исключительно человѣкъ науки, но все-таки не могъ избавиться отъ упомянутыхъ университетскихъ дрязгъ: при самомъ его назначеніи, Яковкинъ уже дѣлалъ Румовскому инсинуаціи о томъ, что Френъ—землякъ Цеплина и что, пожалуй, онъ возбудитъ „новыя вящія безпокойства". Объ обстановкѣ преподаванія мы говорили: ея крайнюю скудость испыталъ, конечно, и Френъ. Слушателей у него было немного; дошло, наконецъ, до того, что былъ всего одинъ. Френъ подробно объяснилъ Румовскому положеніе вещей, предлагалъ свой трудъ, между прочимъ готовъ былъ даже и самъ преподавать латинскій языкъ, просилъ доставить необходимѣйшія для студентовъ пособія, потому что у нихъ не было даже и арабскаго словаря...

Какъ поставлено было въ университетѣ преподаваніе русской словесности? Въ „Семейной Хроникѣ" Аксакова разсказывается о томъ, какіе литературные вкусы господствовали въ казанской гимназіи, въ которой онъ учился и которая была теперь тѣсно связана съ университетомъ. Послѣ первыхъ хлопотъ по „основанію" университета, распорядители его подняли вопросъ о необходимости назначенія „чиновника для россійской словесности". „Чиновникъ" вскорѣ нашелся: это былъ нѣкто Городчаниновъ,

назначенный адъюнктомъ „краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка“. Даже для неопытныхъ студентовъ 1805 года это былъ человѣкъ „бездарный и отсталый“; это былъ ревностный поклонникъ Шишкова, считавшій опаснымъ писателемъ Карамзина; филологическаго образованія онъ не имѣлъ никакого; литература шла мимо него, не оказывая на него никакого дѣйствія; впослѣдствіи эпоха Магницкаго пришлась ему совершенно по вкусу—онъ сдѣлался жаркимъ поклонникомъ идей своего начальника, которыя и распространилъ тогда въ стихахъ и въ рѣчахъ. Городчаниновъ, служившій въ Петербургѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ и кое-что писавшій въ классическомъ родѣ, самъ обратился къ Румовскому съ просьбою о профессурѣ; повидимому, забота о здоровьѣ побуждала его оставить Петербургъ для Казани, гдѣ онъ потомъ и прожилъ до глубокой старости. Какъ мало онъ былъ приготовленъ къ этой профессурѣ, можно видѣть изъ того, что, уже отправивъ просьбу къ Румовскому, онъ обратился къ митр. Евгенію (съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ) съ просьбой указать сочиненія, нужныя для приготовленія къ каѳедрѣ. „Вы спрашиваете о книгахъ, нужныхъ для профессора словесности,—отвѣчаетъ ему Евгеній:—сами вы живете въ морѣ книгъ и не нагнетесь ощупью выбрать. *Такъ и быть*, рекомендую вамъ слѣдующія книги“... и Евгеній указываетъ ему, какъ школьнику, реторику Блера, Рижскаго, „способъ словесныхъ наукъ“ Ролленя, Мейснерову „Теорію изящныхъ наукъ и искуствъ“, логику Кондильяка; иностранныя книги, разумѣется, въ русскихъ переводахъ... По пріѣздѣ въ Казань, Городчаниновъ писалъ попечителю: „Теперь я до начатія надлежащаго курса понемногу знакомлюсь въ своемъ классѣ съ юными питомцами музъ и предварительно бесѣдую съ ними о красотѣ и величіи славенскаго языка, руководствуясь для примѣровъ превосходнымъ сочиненіемъ *о старомъ и новомъ слогѣ*, дабы ввѣренная удобренію моему (?) земля могла принести сообразные желанію и попеченію вашего превосходительства труды“. Иногда онъ допускалъ и новые образцы, когда они подходили къ его теоріи; такъ, на лекціяхъ онъ разбиралъ „рѣчь Холмскаго къ новгородцамъ“, Карамзина; но Евгеній, которому онъ сообщалъ объ этомъ, не одобрялъ этого выбора: „лучше бы для классическаго разбора взять Ломоносова слово похвальное Петру Великому, а у Карамзина тутъ одни только обороты мыслей, но для учениковъ мало словеснаго краснорѣчія“. Съ Евгеніемъ, вѣроятно, согласился бы и самъ Румовскій... Его литературные вкусы были также старые классическіе. Когда шла рѣчь о долго откладываемомъ „открытіи“ универси-

тета, Румовскій прислалъ въ Казань *кантъ*, сочиненный кѣмъ-то изъ тогдашнихъ петербургскихъ піитовъ, знакомыхъ ему; онъ поручалъ Яковкину приказать положить кантъ „на ноту" и доставить ему; онъ желалъ также, чтобы „студенты и кандидаты, упражняющіеся въ словесныхъ наукахъ, съ своей стороны постарались сдѣлать по *канту*, дабы изъ всѣхъ можно было выбрать лучшій". Петербургскій „кантъ", присланный Румовскимъ въ 1808, былъ положенъ на музыку и дѣйствительно былъ исполненъ хорами при открытіи университета въ 1814 году; онъ былъ довольно ужасенъ, но еще ужаснѣе былъ доморощенный кантъ, написанный мѣстнымъ словесникомъ Ибрагимовымъ [1])... Изъ тогдашнихъ студентовъ, въ словесности „упражнялся" особенно Василій Перевощиковъ. Яковкинъ извѣщалъ попечителя, что этотъ студентъ „взошолъ къ нему рапортомъ" о желаніи своемъ перевести „Начальныя основанія литературы" Баттё, „прибавивъ къ тому нужнѣйшее и о россійской литературѣ". Румовскій одобрилъ намѣреніе, лишь бы студентъ не терялъ на это времени, посвященнаго учебнымъ предметамъ; „мнѣ пріятно будетъ, ежели онъ въ трудѣ семъ успѣетъ: только желательно бы для меня было, чтобы примѣры изъ россійскихъ писателей, которые прибавлять онъ намѣренъ, старался паче заимствовать изъ лучшихъ нашихъ писателей, какъ-то: изъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, и проч., а *не изъ нынѣшнихъ сочинителей Аглай*" [2]).

Въ такомъ же родѣ составлялось при университетѣ общество любителей словесности или, по тогдашнему способу выраженія, „сословіе для россійской словесности" [3]). Сначала это былъ неоффиціальный кружокъ любителей, который „приватно" упражнялся въ россійской словесности, но затѣмъ вмѣшался въ дѣло Яковкинъ и рѣшилъ сдѣлать изъ этого кружка настоящее ученое общество при университетѣ, чтобы для докладовъ попечителю имѣть лишнюю фразу о процвѣтаніи наукъ въ управляемомъ имъ университетѣ. Общество по истинѣ было самое жалкое. Молодые люди сначала ревностно принялись за свои „упражненія", которыя были просто продолженіемъ класса старинной реторики и піитики, но смѣшно было думать, чтобы подобныя занятія можно было поставить на уровень ученаго общества. Присоединился къ этому кружку и Городчаниновъ; обрадованный, по его словамъ, что „отечественная словесность, сей цвѣтущій виноградъ, простирающій гроздіе свое по всему саду россійской учености, пріи-

[1]) Стр. 302—303.
[2]) Стр. 508—509.
[3]) Стр. 595.

обрѣлъ въ васъ (членахъ общества) новую отрасль къ удобренію, обогащенію и усовершенствованію нашего языка", онъ высказалъ членамъ общества и свое желаніе „купно съ ними содѣйствовать въ семъ достохвальномъ подвигѣ", причемъ препроводилъ два небольшіе опыта своихъ „упражненій". О своей дѣятельности въ первые годы общество говорило въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Оно уподобляется теперь еще только малому ручью, бѣгъ коего увеличиваютъ воды другими подобными ручейками, и чрезъ нѣкоторое разстояніе малый ручей долженствуетъ составить рѣчку, а, можетъ быть, и рѣку. Общество подобно разводимому саду, долженствующему впослѣдствіи представить вмѣстѣ и собраніе благовонныхъ цвѣтовъ и красивыхъ и плодовитыхъ деревьевъ: пріятность и польза, веселость и важность суть словесность и философія; словесность и философія суть предметы занятій членовъ общества; исторія, географія не могутъ быть также исключены изъ сихъ занятій, и отечественный языкъ, отечественная словесность, все отечественное — суть предметы главнаго занятія общества".

Когда общество поставлено было на оффиціальную почву, начались хлопоты о составленіи новаго устава, потомъ о пріисканіи суммы для печатанія будущихъ „трудовъ". Наконецъ, собрана была, въ рукописи, первая книжка этихъ трудовъ и послана Румовскому; отвѣтъ былъ полученъ уже отъ новаго попечителя (Румовскій тѣмъ временемъ умеръ). Салтыковъ писалъ, что многія статьи не были одобрены уже Румовскимъ, и самъ онъ не особенно хвалилъ присланныя писанія. Румовскій исключилъ въ присланномъ сборникѣ нѣкоторыя статьи, а Салтыковъ высказывалъ желаніе, чтобы исключенныя статьи были замѣнены другими, полезнѣйшими, „ежели есть таковыя"; рекомендовалъ обществу руководиться совѣтами Городчанинова, „яко профессора краснорѣчія", и желалъ, чтобы общество „впредь наполняло труды свои болѣе полезнѣйшими и хорошимъ русскимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели *ребяческими* и *маловажными* сочиненіями".

Въ университетскомъ уставѣ значились ученыя степени и опредѣлено было число магистровъ и адъюнктовъ, и первымъ также полагалось жалованье. При томъ положеніи науки въ новомъ университетѣ, какое мы указывали, странно было бы увидѣть повышенія въ ученыя степени, когда не было элементарныхъ условій дѣйствительно научнаго преподаванія; но такъ какъ самъ мѣстный распорядитель университета не имѣлъ понятія о научныхъ требованіяхъ, а въ то же время гнался за тѣмъ, чтобы

на бумагѣ университетъ имѣлъ все ему подобающее, то уже вскорѣ оказались и кандидаты, и магистры: мѣста послѣднихъ были наполнены тѣмъ болѣе, что съ ними соединялось жалованье. Университетъ уже скоро имѣлъ цѣлый рядъ доморощенныхъ магистровъ и адъюнктовъ, занявшихъ каѳедры и весьма далекихъ отъ какого-нибудь подобія истинно научнаго знанія, но на бумагѣ все обстояло благополучно.

Были, впрочемъ, исключенія, и исключенія замѣчательныя. Какъ ни скудно было преподаваніе и ничтожны пособія, какъ ни мало благопріятна была для науки вся внѣшняя и внутренняя обстановка новаго учрежденія, но зерно научной жизни дало все-таки свои всходы. Между юношами нашлись люди съ умомъ и талантомъ; многіе изъ этихъ талантовъ остались въ зачаточномъ состояніи, когда, вмѣсто науки, имъ давалось только безвыходное пустословіе (какъ, напр., въ россійской словесности и др.), но другіе отозвались самостоятельной работой, когда встрѣтили подъ ногами твердую научную почву. Это оказалось именно въ области восточныхъ языковъ и математики, у Френа и у Бартельса. Первый уже на первыхъ порахъ не могъ нахвалиться въ письмахъ къ Румовскому двумя своими учениками, Кручининымъ и Ярцовымъ; одинъ, къ сожалѣнію, вскорѣ умеръ, а другой, Jartzovius meus (какъ выражается о немъ профессоръ), начавшій-было ученую карьеру, оставилъ ее и служилъ потомъ въ Петербургѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ. По математическимъ наукамъ обратили на себя вниманіе ученики Бартельса, два брата: Алексѣй (рано умершій) и Николай Лобачевскіе и Симоновъ. Николай Лобачевскій (1793—1856), впослѣдствіи извѣстный ученый, профессоръ и ректоръ казанскаго университета, очень рано, еще юношей, выдался своими замѣчательными способностями и знаніями въ математикѣ и приводилъ въ восхищеніе Бартельса, а также пріѣхавшаго въ Казань извѣстнаго астронома, академика Вишневскаго. Бартельсъ особо писалъ о немъ Румовскому, и рѣдкіе успѣхи Лобачевскаго въ самыхъ тонкихъ частяхъ высшей математики побуждали начальство относиться снисходительно къ недостаткамъ его поведенія. Это поведеніе было весьма неудовлетворительно и причиняло начальству не мало хлопотъ. Лобачевскій совершалъ всякаго рода „грубости, ослушанія, соучаствованіе и потачку проступкамъ студентовъ“ (онъ былъ изъ старшихъ), получалъ выговоры, лишался отпусковъ и иныхъ поощреній. О немъ одномъ,—говоритъ г. Буличъ,—дошло до насъ „историческое изображеніе поведенія“ его: проступки Лобачевскаго называются *достопримѣчательными*, характеръ—упрямымъ,

нераскаяннымъ, „весьма много *мечтательнымъ о самомъ себѣ*“, его мнѣніе (т.-е. образъ мыслей) „получило многія ложныя понятія“, и въ инспекторскомъ журналѣ, между прочимъ, записано, что Лобачевскій „въ значительной степени явилъ признаки безбожія“. Дѣло было доведено до Румовскаго, который велѣлъ объявить Лобачевскому, „занимающему первое мѣсто по худому поведенію“, сожалѣніе, что онъ „отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ“, и угрозу, что, въ случаѣ неисправленія, о немъ доведено будетъ до свѣденія министра. Лобачевскому помогло заступничество Бартельса и другихъ, знавшихъ его, профессоровъ; онъ получилъ званіе магистра и обѣщалъ совѣту исправиться. Ему было тогда всего восемнадцать лѣтъ. Въ 1814 г., двадцати-одного года, онъ уже началъ читать лекціи... Въ этихъ шалостяхъ и непокорности сказывалась живая натура одареннаго юноши, и, по всей вѣроятности, особенно вызывала ихъ та школярская, мелкая обстановка, которою окружилъ студентовъ Яковкинъ [1])...

Какой же результатъ принесъ университетъ въ эти первые годы? „Читатель,—замѣчаетъ г. Буличъ въ теченіе своего разсказа,—имѣетъ право спросить: гдѣ же наука, которую долженъ двигать впередъ университетъ, гдѣ же преподаваніе и его успѣхи, составляющіе дѣйствительную жизнь университета?.. О наукѣ, о преподаваніи меньше всего встрѣчается упоминаній, какъ въ бумагахъ, такъ и въ протоколахъ совѣтскихъ засѣданій, и въ обширной перепискѣ попечителя съ директоромъ и нѣкоторыми профессорами. Къ нимъ относились вообще какъ-то равнодушно: никто ими не интересовался серьезно. Выше всего стояла форма: хлопотали о порядкѣ, о внѣшности и о сильной власти, думая, что въ ней заключается все. Для того, чтобы придать значеніе уму, наукѣ, образованію, надобно бы было людямъ, стоявшимъ во главѣ этого дѣла у насъ, имѣть хотя бы десятую долю государственныхъ способностей современнаго прусскаго министра Штейна, создавшаго, въ то же самое время, берлинскій университетъ, положившаго основанія того Intelligenz-Staat, который сталъ зерномъ матеріальнаго могущества Пруссіи. У насъ, напротивъ, боялись ума“ [2]).

Дѣло стояло не очень благопріятно и въ самомъ источникѣ.

„Первые два министра народнаго просвѣщенія, въ царствованіе императора Александра I, вовсе не сочувствовали той вы-

---

[1]) О Лобачевскомъ см. стр. 243 и слѣд., 518.

[2]) Стр. 367.

сокой государственной идеѣ образованія, которая легла въ основаніе тогдашнихъ преобразованій, руководила реформами, открывала новые университеты. Первый (Завадовскій), одинъ изъ случайныхъ людей екатерининскаго царствованія, выросъ въ старыхъ понятіяхъ и, конечно, не могъ быть искренно преданъ ничему новому; богатый, старый и знатный, и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣятельный, онъ не имѣлъ никакого сердечнаго отношенія къ дѣлу, ему ввѣренному. Другой (Разумовскій), тоже уже старикъ, избалованный барствомъ, громадными богатствами, космополитъ и съ европейскимъ образованіемъ XVIII-го вѣка, но чуждый всему, что не льстило его эгоизму, относился совершенно брезгливо къ своимъ обязанностямъ, скучалъ ими и скоро оставилъ министерство. Время измѣнилось, а съ нимъ и самъ государь. Дѣло образованія и университетовъ стало послѣднимъ дѣломъ, мало для кого интереснымъ. Попечитель, уже дряхлый старикъ, имѣлъ большую, почти неограниченную власть, но онъ жилъ далеко отъ Казани, и по дряхлости скучалъ своими обязанностями и только ссылался на общее положеніе вещей. Ввѣрившись совершенно Яковкину, онъ смотрѣлъ на него какъ на ограждающую его каменную стѣну, а мы уже знаемъ, что это былъ за человѣкъ, самовластно дѣйствующій въ университетѣ и гимназіи. Профессора, т.-е. люди, для которыхъ дорога была разъ избранная ими наука и ея успѣхи, не имѣли ни силы, ни голоса; они должны были или льстить Яковкину и дѣлаться его соучастниками, клевретами, или вступать съ нимъ въ безплодныя пререканія. Гласности, которая одна могла бы сколько-нибудь регулировать все это положеніе, помочь ему, заступиться за дѣло науки и образованія, и одна въ состояніи была бы уяснить темныя продѣлки Яковкина, тяготѣющія надъ памятью о немъ,—не существовало. И попечитель, и Яковкинъ безпрестанно враждебно отзываются о такъ-называемомъ *самоуправленіи*, всѣми силами стараются не допустить его, но и сами, несмотря на свою сильную власть, ничего не дѣлаютъ.

„И все это происходило на глазахъ недоумѣвающаго и отчасти злораднаго общества, но это общество не имѣло мнѣнія, не выражало его; въ темнотѣ и безмолвіи дѣлались темныя дѣла“ [1])...

Но при всей этой прискорбной и мало ободряющей обстановкѣ дѣла, авторъ находитъ въ начальныхъ годахъ университета проблески нѣкотораго успѣха и вліянія науки. „Университе-

[1]) Стр. 321—322.

тетская жизнь, однако, начала понемногу оказывать свое вліяніе на окружающее. Появляются, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, ученыя общества, популяризующія науку и знанія, двигающія ихъ впередъ и умѣющія привлечь въ свою среду и лицъ, чуждыхъ университету, или, наконецъ, чисто литературныя предпріятія и изданія, такъ какъ литературная дѣятельность могла въ ту пору исходить только отъ университета. Съ другой стороны, и разныя административныя учрежденія, и частныя лица стали обращаться къ университету за помощью, которую только въ немъ и могли найти. Начало этой общественной роли университета совпадаетъ съ первыми годами его существованія, и, по нашему мнѣнію, оно представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ намъ представленіе о научныхъ силахъ самого университета, о ихъ характерѣ и показываетъ, что̀ могъ сдѣлать университетъ для общества и въ чемъ нуждалось послѣднее. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что во всей этой, такъ сказать, практической дѣятельности университета въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, иниціатива не могла принадлежать самому университету, только-что начавшему жить. По недостатку дѣятелей и научныхъ силъ, во всѣхъ почти случаяхъ начинаніе требовалось властью, бумагою попечителя“ [1])...

Дѣйствительно, кое-какіе признаки умственной жизни начали возникать, исходя отъ университета, и впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстную роль не только для города, но и для обширнаго края, составлявшаго учебный казанскій округъ. Къ университету стали, такъ или иначе, примыкать люди съ умственными интересами. По справедливому замѣчанію автора, въ этомъ отношеніи имѣла большое и полезное вліяніе прежняя зависимость низшихъ учебныхъ заведеній округа отъ университета, который имѣлъ надъ ними контроль въ формѣ профессорскихъ визитацій. Уже за эти первые годы авторъ могъ разсказать о двухъ визитаціяхъ (въ Пензѣ и оренбургскомъ краѣ), въ которыхъ посланные профессора умѣли оказать хорошее нравственное и учебное вліяніе и поддержать значеніе школы въ мало развитомъ обществѣ.

Но и тѣмъ слабымъ зачаткамъ, какіе представляла университетская жизнь въ Казани, пришлось вскорѣ выдержать тяжелыя бури и испытанія въ попечительство Магницкаго. Начиная съ книги г. Ѳеоктистова (1865), объ этомъ знаменитомъ обскурантѣ собралась уже значительная литература; г. Буличъ еще не дошелъ

---

[1]) Стр. 585.

до него въ своемъ разсказѣ, а когда дойдетъ, то его исторія попечительства Магницкаго, безъ сомнѣнія, представитъ, несмотря на упомянутую литературу, много любопытнаго, потому что подробности о хозяйничаньѣ Магницкаго въ Казани еще не были изложены сполна по всѣмъ тѣмъ источникамъ и преданіямъ, какіе должны имѣться на мѣстѣ. Это хозяйничанье Магницкаго—одинъ изъ множества примѣровъ обскурантнаго самодурства, пролегающихъ рѣзкими пятнами въ исторіи русскаго „просвѣщенія“, и примѣръ—особливо наглядный — имѣетъ, разумѣется, далеко не одинъ мѣстный, а именно широкій общій интересъ, какъ симптомъ и мѣрка того, какъ слабы и беззащитны были еще столь недавно въ нашемъ обществѣ права не только науки, но простого здраваго смысла и честности въ вопросахъ школы.

Магницкій, разыгрывая, по своимъ соображеніямъ, роль, которую считалъ въ духѣ времени, и не имѣя пока болѣе широкаго круга дѣйствій,—который, безъ сомнѣнія, мерещился ему въ будущемъ, — явился въ Казань истреблять „лжеименный разумъ“ и плевелы вольномыслія, и нашелъ все это въ бѣдномъ университетѣ, едва дѣлавшемъ первые дѣтскіе шаги. Иронія исторіи сдѣлала то, что одной изъ главныхъ цѣлей и жертвъ его преслѣдованія сталъ тотъ самый Яковкинъ, который незадолго передъ тѣмъ игралъ похожую на это роль, обвиняя непріятныхъ ему профессоровъ въ стремленіяхъ къ „безначалію“ и пересыпая свои доносы лицемѣрными воззваніями къ „Сердцевѣдцу“, и т. п. Онъ побитъ былъ теперь собственнымъ оружіемъ. Г. Буличъ замѣчаетъ, что Магницкій не обвинилъ Яковкина въ казнокрадствѣ, но вѣроятно—потому только, что не могъ найти для этого данныхъ, —при умѣньѣ дѣлать дѣла, отличавшемъ Яковкина, этихъ данныхъ могло не быть, хотя бы былъ самый фактъ; но Магницкій обвинялъ его все-таки въ растратѣ большой суммы казенныхъ денегъ безъ достаточнаго устройства университетскихъ зданій. Такимъ образомъ, подвергались сомнѣнію и его административныя способности. Отозвалось теперь и то самовластное управленіе, которое возстановляло противъ Яковкина лучшихъ профессоровъ и, повидимому, также значительную долю казанскаго общества. Преемникъ Румовскаго, Салтыковъ, уже видимо не раздѣлялъ его мнѣнія о Яковкинѣ; Магницкій, въ своемъ докладѣ о состояніи университета, говорилъ прямо, что Яковкинъ „угнеталъ“ университетъ, и Уваровъ (въ то время членъ главнаго правленія училищъ), оспаривая вообще этотъ знаменитый докладъ, вполнѣ, однако, одобрялъ „удаленіе профессора Яковкина, съ дав-

нихъ лѣтъ угнетавшаго университетъ и въ конецъ раззорившаго гимназію: *сей мѣры давно желали всѣ благомыслящіе*" [1]).

Какъ извѣстно, Магницкій пришелъ, наконецъ, къ заключенію о необходимости *публично разрушить* казанскій университетъ, — мысль, достойная безобразной системы, которую дано было ему проповѣдовать; но изображеніе тогдашняго состоянія университета, сдѣланное имъ при первомъ осмотрѣ университета, было во многомъ справедливо. Такъ, въ особенности, Магницкій, мѣшая дикій обскурантизмъ съ замѣчаніями здравомысленными, отмѣчалъ неустройство факультетскаго преподаванія: „академическій кругъ неполонъ и въ безпорядкѣ, многія лекціи выдуманы, другія двойныя, для размѣщенія на жалованныхъ профессоровъ и адъюнктовъ",—это было то самое факультетское неустройство, на которое не обращалъ вниманія Румовскій, не торопясь съ „открытіемъ" университета, и о которомъ вовсе не думалъ его довѣренный, занятый своими мелкими разсчетами, да и дѣйствительно не имѣвшій понятія объ „организмѣ университетовъ". Магницкій справедливо указывалъ и на тѣ халатныя злоупотребленія, какія творились въ учебной дисциплинѣ: „ученики гимназіи, недоученые, принимались, по покровительству Яковкина, въ студенты, безъ строгаго испытанія; дѣти частныхъ лицъ, жившія у него въ пансіонѣ, допускались къ лекціямъ профессоровъ подъ названіемъ слушателей, и, не ходя на лекціи, а почислившись на оныхъ три года, получали или званіе студентовъ, или аттестаты". Часть хозяйственную Магницкій также нашелъ въ неисправности: „запутанность счетовъ проходила безъ замѣчанія", — самъ Румовскій, какъ мы видѣли, удалялъ, по указаніямъ Яковкина, „неблагонадежныхъ" профессоровъ, которые хотѣли настаивать на необходимости точной отчетности. „Подобное состояніе совѣта, обратившагося въ посмѣяніе самихъ его членовъ,—писалъ Магницкій,— изъясняетъ всѣ замѣченные министерствомъ безпорядки и неустройства лицъ и заведеній, ему подчиненныхъ" [2]).

Надо только пожалѣть, что всѣ эти недостатки не были замѣчены раньше тѣми, на чьей нравственной отвѣтственности лежала серьезная задача открытія высшаго учебнаго учрежденія. На казанскомъ университетѣ отплачивалась дѣятельность Румовскаго и его низменнаго клеврета, которому историкъ университета напрасно, кажется намъ, давалъ долю оправданія.

Крупные недостатки въ состояніи университета были замѣчены

---

[1]) Ѳеоктистовъ, „Магницкій". Спб. 1865, стр. 37, 56.

[2]) Тамъ же, стр. 36—37, 46, 51, и проч

въ ревизіи справедливо; но то, что̀ предполагалъ и впослѣдствіи выполнялъ самъ Магницкій, было еще хуже. Вмѣсто одной офиціальной лжи явилась другая, еще болѣе отвратительная; наука стала еще менѣе возможна, а нравственная испорченность, введенная лицемѣрнымъ правленіемъ Магницкаго, давала себя чувствовать еще долго послѣ,—потому что, къ сожалѣнію, она находила себѣ опору въ издавна господствующемъ у насъ двусмысленномъ отношеніи къ непонимаемой наукѣ.

Такими условіями обставлено бывало введеніе науки въ русскомъ обществѣ. Наука имѣетъ свои отвлеченныя и свои нравственныя требованія, безъ которыхъ она не можетъ существовать въ своемъ истинномъ достоинствѣ. Въ той исторіи, съ которою мы здѣсь знакомились, этихъ требованій не цѣнили и даже, повидимому, не понимали; хотѣли устроить одну декорацію науки, — и пустота, скрывавшаяся за декораціей, была видима даже для судей, которые сами нимало не были наклонны допускать это достоинство науки.—Общество, передъ которымъ совершалась эта нелѣпая исторія „основанія" университета и дѣлались эти еще болѣе нелѣпыя предложенія о его „публичномъ разрушеніи" (!), оставалось безучастнымъ зрителемъ, и хотя скандалъ, — потому что дѣянія Магницкаго были настоящимъ скандаломъ,—былъ, наконецъ, прекращенъ самимъ правительствомъ (впрочемъ уже при имп. Николаѣ), но должно было пройти нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ общество получило возможность (въ литературѣ) высказаться объ этихъ событіяхъ. Въ тѣ годы, въ такомъ крупномъ интересѣ своемъ, какъ вопросъ о высшемъ ученомъ и учебномъ учрежденіи, общество не могло подать своего голоса, и въ массѣ, увы, вѣроятно, не имѣли и яснаго понятія о томъ, что̀ творилось.

Если такъ шло дѣло основанія университета въ далекой провинціи, то не слѣдуетъ считать этого хода вещей единичнымъ и исключительнымъ; напротивъ, онъ былъ типическимъ: въ разной степени и формахъ вездѣ повторилось одно общее явленіе—невозможность поставить университетское дѣло собственными силами, безъ помощи иностранной профессуры; равнодушіе и слабое пониманіе вопроса въ большинствѣ общества и совершенная безпомощность университета, т.-е. науки, въ случаѣ обскурантнаго нападенія. Припомнимъ, что въ университетѣ петербургскомъ могъ совершиться, передъ глазами самой власти, скандалъ, мало уступающій казанскому и произведенный сподвижникомъ Магницкаго, Руничемъ.

И, наконецъ, все это было еще такъ недавно: нынѣшній

историкъ основанія казанскаго университета, г. Буличъ, въ первые годы своей профессуры (если не ошибаемся, съ 1849—50 академическаго года) былъ сотоварищемъ первыхъ магистровъ и адъюнктовъ университета—Лобачевскаго и Симонова: первый въ томъ году былъ помощникомъ попечителя, второй—ректоромъ университета. Г. Буличъ упоминаетъ, что въ 1840-хъ годахъ онъ еще лично зналъ одного изъ первыхъ профессоровъ стараго университета, именно Фукса.

Такъ молодо у насъ дѣло науки; такъ недавно еще переживались нашимъ обществомъ первыя прививки научнаго знанія съ тою же помощью иностранцевъ и съ тѣмъ же безучастіемъ общества, какъ бывало въ петровскія времена: можно, кажется, не жаловаться, чтобы наше общество такъ рѣзко оторвалось въ петровскую эпоху отъ старыхъ преданій и такъ рѣшительно предалось „западному прогрессу".

А. Пыпинъ.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
КАВЕЛИНЪ

Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній.

XI *).

Изъ семейной переписки, въ 1874—77 годахъ.

1874 годъ принадлежитъ къ болѣе свѣтлымъ годамъ въ жизни Кавелина. Прежняя раздражительность его, видимо, начала съ того времени утихать подъ благотворнымъ вліяніемъ вновь зарождавшейся окого него семьи, въ лицѣ его внучатъ; онъ самъ молодѣлъ и какъ бы вновь переживалъ свои старые лучшіе годы. Именно въ эту эпоху онъ особенно любилъ возвращаться къ прошлому и въ кругу друзей охотно припоминалъ и разсказывалъ разные эпизоды изъ своей жизни, въ столь памятные ему тридцатые и сороковые года. Тогда же онъ напалъ на мысль— написать свои мемуары, и по этому поводу, 19-го февраля 1874 г., въ письмѣ къ своей сестрѣ, между прочимъ, высказался такъ:

„Прости, пожалуйста, что такъ долго и упорно молчалъ. Стоитъ попасть въ Петербургъ, чтобъ завертѣться въ вихрѣ безконечныхъ дѣлъ, записокъ, писемъ, обѣдовъ и визитовъ. Все это уже не по лѣтамъ, но продѣлываешь по-неволѣ, чуть-чуть не съ отчаяніемъ...

*) См. выше: май, стр. 5.

„Нынче лѣтомъ ѣдемъ въ Иваново всей семьей. Туда уже отправленъ demi-royal, везутся краски, кисти, палитры etc., etc. Я думаю, музыки Иваново не слыхало отъ созданія міра, да и картинъ въ немъ никто никогда не писалъ... Перспектива провести такъ лѣто меня чрезвычайно радуетъ. Иваново ты бы не узнала, такъ оно похорошѣло и поправилось. Я не перестаю усердно имъ заниматься, и хозяйство видимо идетъ впередъ. Остается еще многое сдѣлать, но многое уже сдѣлано и сдѣлано недурно...

„Помоги мнѣ твоею памятью возстановить хронологію моей жизни. Дѣло въ томъ, что, прочитавъ мои воспоминанія о Бѣлинскомъ, набросанныя для А. Н. Пыпина, который пишетъ его біографію, всѣ мои вмѣстѣ съ Пыпинымъ пристали ко мнѣ: пиши свои записки! Я и растаялъ (поразсказать имѣю очень много интереснаго), и началъ подбирать матеріалъ. Но память чиселъ и годовъ мнѣ совсѣмъ измѣняетъ“... (Затѣмъ Кавелинъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно хронологическихъ и фактическихъ подробностей изъ жизни ихъ семьи до 50-хъ годовъ.)

„На всѣ эти вопросы прошу хоть приблизительно отвѣта. Я путаюсь въ хронологіи. Можетъ быть, придется и еще кое о чемъ спросить. Не откажи помочь. Ты всегда удивительно все помнила. Тряхни стариной...

„Когда припоминаю понемногу свою жизнь—какая она была богатая внутреннею жизнью, при всемъ однообразіи внѣшняго ея хода! Любопытно было бы сравнить жизнь новаго поколѣнія: она, наоборотъ, богата внѣшними событіями и сравнительно бѣднѣе внутренней. Въ этомъ наша громадная разница. Чтò лучше и чтò хуже—покажетъ время...

„Будь здорова и неси свою старость великодушно, какъ я къ этому привыкаю“.

Но, къ сожалѣнію, другія заботы отвлекли Кавелина отъ мемуаровъ, и онъ успѣлъ лишь набросать весьма неполный автобіографическій конспектъ, прерывающійся на 1844 году. Въ то лѣто ему могли, впрочемъ, помѣшать и удовольствія его сельской жизни въ Ивановѣ, какъ то видно изъ его писемъ ко мнѣ, отъ 21-го іюня 1874 г.

„Я блаженствую въ Ивановѣ. Зять рисуетъ; оба, мужъ и жена, играютъ Шумана, Глинку, Бетховена; читаемъ изрѣдка; я занимаюсь хозяйствомъ, которое начинаетъ идти очень порядочно. Сію минуту играю роль старосты, потому что мой приказчикъ, Михайло, посланъ мною въ Москву присмотрѣть косилку, прессъ для масла, топчакъ и проч., и проч. по хозяйству и купить пле-

менного бычка. Я имъ очень доволенъ (т.-е. Михайломъ, а не бычкомъ). Строю школу. Кромѣ того, дописываю большую статью въ отвѣтъ Самарину. Послѣдняя глава, надъ которой работаю, будетъ имѣть общій интересъ, а не одинъ психологическій. Даже мой внукъ Вадимъ, и тотъ, повидимому, доволенъ Ивановымъ, потому что поздоровѣлъ и загорѣлъ".

Въ это же лѣто покойная сестра Кавелина, вмѣстѣ со мною, пріѣхала въ Иваново навѣстить брата и посмотрѣть на его деревенское житье-бытье. Вслѣдъ за нами явился въ Иваново и стародавній пріятель Кавелина, Г. Г. Д-вичъ. Десять дней прогостили мы въ Ивановѣ, наслаждаясь обществомъ хозяина и его юной обстановкой. Кавелинъ, видимо, хотѣлъ воспользоваться пребываніемъ своей сестры для воскрешенія въ памяти событій дѣтства и юности, что̀ такъ хорошо могло бы ему пригодиться для его мемуаровъ. Вмѣстѣ съ сестрою, онъ обходилъ неоднократно столь памятныя имъ обоимъ мѣста въ Ивановѣ. Каждая комната въ домѣ, каждая аллея и куртина въ саду сами собою воскрешали о̀бразы и сцены изъ семейнаго прошлаго.

— А помнишь, Sophie,—говорилъ Кавелинъ, — какъ вотъ въ этой комнатѣ дядя Николай Александровичъ, расхаживая въ своемъ допотопномъ фракѣ и въ высокихъ сапогахъ съ кисточками, разсуждалъ о преимуществахъ 6-й части дворянской родословной книги передъ всѣми другими...

— А вотъ здѣсь покойная матушка любила сидѣть и работать, —замѣчалъ Константинъ Дмитріевичъ со вздохомъ, садясь въ гостиной на маленькій диванчикъ, обитый незатѣйливой красной шерстяной матеріей съ черными разводами (мебель въ Ивановскомъ домѣ сохранилась вся прежняя, еще бывшая при родителяхъ Кавелина).

Въ столовой и въ кладовой возставалъ передъ матушкой и дядей образъ ихъ тетки, Настасьи Ивановны, завѣдывавшей хозяйствомъ, постоянно возившейся съ ключами и бранившейся изъ-за всякаго куска сахару съ прислугой вообще, а въ особенности съ поваромъ Антономъ.

— Сколько намъ съ тобой отъ нея доставалось!—восклицалъ Кавелинъ и припоминалъ множество эпизодовъ изъ отношеній къ нимъ Настасьи Ивановны, теперь для нихъ смѣшныхъ, а тогда весьма горькихъ.

— Помнишь, сестра, — говорилъ онъ,—какъ мы съ тобой разъ поймали Настасью Ивановну на дворѣ, гдѣ-то на перепутьѣ между погребомъ и кухней, въ то время, какъ она стремительно бѣжала для прекращенія какого-то хозяйственнаго без-

порядка, и начали ей разсказывать одинъ недавній случай съ кѣмъ-то изъ прислуги: „только, тетушка, вы ничего не предпринимайте ни сами, ни, тѣмъ паче, не говорите объ этомъ ни папенькѣ, ни маменькѣ,—добавили мы:—мы передаемъ вамъ это просто *исторически*". Нетерпѣливо, но съ интересомъ выслушивая насъ, она тутъ не на шутку разсердилась. „Ступайте прочь!—закричала она на насъ:—я не *маленькая*, чтобы учить меня *исторіи*, я давно ее выучила".

Приходило много и крестьянокъ ивановскихъ „поклониться" своей прежней барышнѣ „Сохьѣ Митревнѣ" [1]), и эти старушки, глядя на мою матушку и на Константина Дмитріевича, также многое припоминали имъ разсказами изъ той эпохи, когда и онѣ, и „господа" были маленькими ребятами, и теперь, къ ихъ удивленію, сдѣлались какими стариками.—А давно ли, кажись, было!—восклицали старухи, грустно тряся головой.

— Да, недавно, Богъ мой!—смѣялся Кавелинъ, припоминая афоризмъ своего родственника, старика Воейкова:—лѣтъ сорокъ тому назадъ!

Въ деревнѣ Кавелинъ, вставъ рано, до чаю обходилъ свои поля, слѣдя за работами и толкуя съ приказчикомъ и крестьянами. Въ 1873 году онъ ввелъ въ своемъ ивановскомъ имѣніи плодоперемѣнную 9-ти-польную систему хозяйства, и при небольшомъ количествѣ всей его земли въ Ивановѣ поля эти были весьма небольшого объема. Кромѣ многопольнаго хозяйства, много другихъ нововведеній сдѣлано имъ въ Ивановѣ: обширный кирпичный скотный дворъ, костяное удобреніе, травосѣяніе, сѣнокосилки и сѣноворошилки, конныя грабли и т. п.

Крестьяне относились недовѣрчиво не только къ этимъ новшествамъ, но и къ тѣмъ новымъ учрежденіямъ, которыя устроивалъ Кавелинъ въ Ивановѣ для ихъ же пользы. Мнѣ приводилось не разъ разговаривать съ нѣкоторыми ивановскими крестьянами по поводу всѣхъ этихъ нововведеній, и они, сравнивая ихъ съ практическими пріемами хозяйства его брата, отдавали предпочтеніе послѣднимъ передъ первыми.

Много говорили мы съ Кавелинымъ о его психологической работѣ, о его полемикѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Отмѣчу здѣсь

---

[1]) Мѣстное произношеніе.—Во время обработки настоящей главы „Матеріаловъ" для печати, 27-го февраля 1887 года скончалась въ Казани сестра Кавелина, *Софья Дмитріевна Корсакова*, которую соединяла съ братомъ всю жизнь самая нѣжная и искренняя дружба, выразившаяся въ его письмахъ къ ней. Она была старшею изъ дѣтей Дм. Ал. Кавелина и скончалась на 79-мъ году, переживъ всѣхъ трехъ своихъ братьевъ.

кстати характерныя черты этой полемики, отличающейся взаимнымъ глубокимъ уваженіемъ между обоими антагонистами, несмотря на ихъ діаметрально-противоположныя точки зрѣнія. Такъ полемизировать могли между собою только столь выдающіеся умы; столь высоко развитые характеры и люди столь хорошо воспитанные и образованные, какими были Самаринъ и Кавелинъ. Началась ихъ полемика совершенно частной перепиской, а затѣмъ всѣ замѣчанія Самарина и возраженія ему Кавелина были сведены послѣднимъ и отправлены ему на просмотръ. Этимъ-то сводомъ и занятъ былъ Кавелинъ лѣтомъ 1874 года. Послѣдовавшія на это новыя замѣчанія Самарина, съ его согласія, были снова просмотрѣны Кавелинымъ, и уже въ этой послѣдней редакціи статьи напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]).

Кавелина интересовалъ въ то время также вопросъ объ историческомъ значеніи эпохи Іоанна Грознаго, и онъ всячески ободрялъ меня остановиться на этой темѣ и не бросать ея. По возвращеніи нашемъ въ Казань, я по этому поводу получилъ отъ него письмо отъ 10-го октября 1874 года:

..."Бестужевъ очень хвалитъ тему на докторскую диссертацію, которую я тебѣ совѣтовалъ, что́ меня очень радуетъ. Тема, въ сущности, не слишкомъ обширная, съ точно опредѣленнымъ матеріаломъ, не систематическая, не вызывающая необходимо вопросовъ, которыхъ разрѣшить нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Вотъ ея внѣшнія, практическія удобства. А по своему значенію и важности, трудно выдумать тему болѣе благодарную. Царствованіе Грознаго заключаетъ одинъ періодъ русской исторіи и начинаетъ другой, какъ Петръ Великій. Между тѣмъ это царствованіе и все послѣдующее время, до Алексѣя Михайловича—до сихъ поръ неразрѣшимая загадка. Факты мы кой-какъ знаемъ, но ни бельмеса въ нихъ не понимаемъ. Квасной патріотизмъ, отсутствіе строгой научности и политическаго смысла дѣлали насъ совершенно неспособными понять Ивана IV и то, что́ совершалось послѣ него, особливо по русскимъ источникамъ, а иностранными мы не умѣли пользоваться и дурацки ихъ отвергали по самымъ ребяческимъ предразсудкамъ. Между тѣмъ только у иностранцевъ и можно найти, какъ понимали факты русскіе, осужденные на молчаніе рыбы, какъ мы теперь. Иностранцы высказывали сужденія и взгляды русскихъ; ихъ собственныя сужденія такъ же легко отдѣлить, какъ у Кюстина его мудрыя заключенія отъ слышаннаго въ Россіи. Подойди къ отзы-

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1875, май, іюнь и іюль.

вамъ иностранцевъ съ настоящими критическими пріемами, и ты откроешь руду неистощимую, которая освѣтитъ внутренній смыслъ русской исторіи какъ на ладони... Просто срамъ, какъ дрянно воспользовались иностранными источниками о Грозномъ Карамзинъ и даже Соловьевъ... Кто разъяснитъ эпоху Грознаго, кто разсѣетъ мракъ, которымъ окружено время послѣ Грознаго до Алексѣя Михайловича, тотъ будетъ своего рода Нибуръ... Словомъ, я эту тему поддерживаю всѣми силами, и Бестужевъ тоже. Торопиться тебѣ не для чего: возьми годъ, два, три, пожалуй четыре, но сдѣлай что-нибудь капитальное. Не забудь заглянуть и позднѣе, въ писателяхъ XVII вѣка; у нихъ тоже встрѣчаются, по преданіямъ, любопытнѣйшіе факты о Грозномъ и его личности (напр., у Флетчера, Коллинса и др.)...

..."Читалъ ли ты мой отвѣтъ Сѣченову? Читалъ ли ты, что въ Мадридѣ ректоръ университета, при открытіи курсовъ, прочелъ рѣчь, которая слово въ слово говоритъ то же, что я, — т.-е., что упадокъ нравственной личности въ наше время есть послѣдствіе отрицанія индивидуальности и свободной воли? 8-го ноября будетъ общее собраніе литературнаго фонда, къ которому я приготовилъ, для прочтенія, маленькую статью, подъ заглавіемъ: „Философія въ Европѣ и у насъ" [1]). Здѣсь проводится мысль, что наука совсѣмъ не такъ космополитична, какъ мы думаемъ, и что мы принимаемъ отрицаніе воли и свободы совсѣмъ не такъ и совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ вопросъ ставится въ Европѣ, потому что почва — умственная и нравственная—у насъ совсѣмъ другая. Знаю, что многимъ эта тема будетъ поперекъ горла, но мнѣ до этого нѣтъ дѣла... Не бѣда, если дурачье подниметъ на смѣхъ"...

Въ 1875—1876 гг. Кавелинъ такъ же, какъ и въ предыдущій годъ, чувствуетъ себя совершенно бодро, и физически, и нравственно. Онъ по прежнему счастливъ своимъ житьемъ-бытьемъ, доволенъ и своими литературными работами, и положеніемъ хозяйства въ Ивановѣ.

Такое состояніе духа отразилось и на перепискѣ его изъ той эпохи, гдѣ прежній пессимизмъ, хотя и въ шуточной формѣ, видимо, уступаетъ оптимизму и готовности къ активной дѣятельности, вмѣсто прежняго его стремленія къ удаленію отъ дѣлъ.

[1]) Эта статья К. Д. Кавелина напечатана десять лѣтъ спустя, въ 1884 году, въ „Сборникѣ" въ память 25-лѣтія Литературнаго Фонда, стр. 318—337.

Въ этомъ отношеніи особенно характеристично письмо Кавелина отъ 18-го октября 1875 г., гдѣ онъ, между прочимъ, высказывается такъ о нравственныхъ задачахъ жизни: „Ты знаешь, —пишетъ онъ,—что тотъ полководецъ проигрываетъ кампанію, который обороняется; выигрываетъ же тотъ, кто нападаетъ, потому что онъ—хозяинъ своихъ намѣреній, своего дѣла, онъ проводитъ свою мысль, а не сообразуется съ мыслью другого. Повѣрь старику: жизнь — та же кампанія. Надобно ей поставить требованія, ихъ проводить съ настойчивостью, а не давать ей диктовать намъ пути и законы. Попробуй ее слушать, она тебя обыграетъ тотчасъ же“... „Три четверти людей имѣютъ въ прошедшемъ своемъ даже позорныя пятна; а посмотри, какъ самоувѣренно они выступаютъ, какъ величественно себя держатъ—и ничего! Свѣтъ за ихъ храбрость питаетъ къ нимъ „решпектъ“ и признаетъ за ними честь и права гражданства, которыя они давно потеряли, и безвозвратно, въ глазахъ горсти истинно порядочныхъ людей. Смѣлость, братъ, города беретъ,—эти люди хорошо знаютъ повадки свѣта, и оттого выигрываютъ. Но что̀ дѣлаютъ негодяи и мерзавцы, ведущіе со свѣтомъ вѣрную игру, то должны дѣлать честные и порядочные люди. Они съ полнымъ правомъ должны выставить свой лобъ, чтобъ ихъ не оттерли и не лишили того мѣста, которое принадлежитъ имъ по праву. Тотъ, кто поступаетъ иначе, портитъ въ свѣтѣ дѣло порядочныхъ людей и уступаетъ первую скрипку мерзавцамъ, къ чему мы, русскіе и славяне, искони такъ склонны. Отчего у насъ мошенникамъ лафа? Именно оттого, что честные люди умываютъ руки и при первой же неудачѣ или невзгодѣ отретировываются“...

Въ зиму 1875—1876 года Кавелинъ особенно былъ занятъ вопросомъ о русской сельской общинѣ и, въ связи съ нимъ, цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ изъ современной общественно-экономической жизни русскаго народа. Воззрѣнія Кавелина на эти вопросы обсуждались въ дружескомъ кружкѣ его пріятелей и вызывали оживленныя пренія. Между нѣкоторыми изъ близкихъ ему людей возникла мысль, еще въ 1873 году, сходиться, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ въ опредѣленный день, именно по четвергамъ, за обѣдомъ для взаимнаго обмѣна мыслей. Эти обѣды удались вполнѣ и продолжались до конца его дней подъ названіемъ „четверговыхъ обѣдовъ“, хотя впослѣдствіи выбирались для того и другіе дни недѣли. Особеннымъ оживленіемъ эти обѣды отличались въ зиму 1875 — 1876 года, судя по тому, что̀ мы находимъ записаннымъ въ бумагахъ Кавелина,

гдѣ сохранилась частію имъ самимъ составленная, а частію только редактированная „Лѣтопись“ этихъ „четверговыхъ“ обѣдовъ, начатая съ 4-го октября 1875 года [1]).

Въ 1876 году переписка Кавелина начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе характеръ общаго интереса, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, чему служатъ доказательствомъ нижеслѣдующія его письма къ роднымъ.

Такъ, 6-го февраля 1876 г., онъ пишетъ мнѣ:

..."Строгихъ, положительныхъ изслѣдованій намъ недостаетъ. Даже до сихъ поръ русская исторія не выбилась изъ колеи тенденціозностей. Теперь ваше дѣло освободить ее отъ этихъ вредныхъ, въ научномъ смыслѣ, примѣсей и возвести на степень строгой науки, чуждой всякимъ постороннимъ соображеніямъ и говорящей только во имя и на основаніи положительныхъ изслѣдованій. Работа твоя о Волынскомъ навела меня на всѣ эти мысли и родила эти надежды, вѣрнѣе сказать, увѣренность, что онѣ не построены на однихъ добрыхъ пожеланіяхъ...

„Я, по прежнему, много работаю надъ философіей. Теперь погрузился въ грековъ, которые удивительно какъ подкрѣпляютъ мои взгляды. Этическій элементъ и высокое значеніе индивидуальности выясняются для меня все болѣе и болѣе. Греки даютъ возможность ощупать эту жилу, а ихъ развитіе разъясняетъ вполнѣ, какъ и отчего она заглохла.

„За споромъ, поднятымъ мною по поводу Бѣлинскаго, ты, вѣроятно, слѣдилъ. Онъ возбудилъ большой интересъ. Въ долгу у П. и Ш. (въ „Недѣлѣ“, безъ имени) я, разумѣется, не останусь, и отвѣчу большой статьей въ „Недѣлѣ“, по ея возобновленіи, когда окончу длинную статью объ общинномъ владѣніи, которую теперь пишу и перевалилъ уже въ послѣднюю ея треть. Статья эта меня очень занимаетъ, въ виду попытокъ упразднить общинное владѣніе безсмысленнѣйшимъ образомъ. Она подробно разовьетъ, подтвердитъ и крѣпче обоснуетъ мысли, которыя я когда-то набросалъ въ „Атенеѣ“ [2]); а послѣ нея я съ новымъ жаромъ примусь за споръ съ П. и съ Ш. Вопросъ этическій у

---

[1]) „Лѣтопись“ прерывается обѣдомъ 3-го января 1876 г. Изъ дальнѣйшаго ея конспекта, записаннаго Кавелинымъ, видно, что въ 1876 г. на „четверговыхъ обѣдахъ“ продолжалась и окончилась бесѣда по поводу реферата самого Кавелина „объ общинномъ владѣніи“ и другого реферата: „о волостныхъ судахъ“.

[2]) Статья эта напечатана въ газетѣ „Недѣля“ за 1876 г. и отд. изд., Спб. 1876. Въ „Атенеѣ“ за 1859 г., кн. 2, стр. 165 — 196, была помѣщена статья К. Д. Кавелина: „Взглядъ на русскую сельскую общину“.

насъ на очереди. Надо его поставить ярче и выпуклѣй, освободивъ отъ тысячи недоразумѣній и пошлостей, подъ которыми онъ задушенъ. Буду всячески стараться вытащить его на свѣтъ божій изъ хлама и грязи, въ которые онъ втоптанъ, и вынести на свѣтъ божій. Работы надъ греками мнѣ въ этомъ много помогутъ.

„Обязательность рабочихъ книжекъ, о которой крѣпостники такъ много хлопотали, говорятъ, въ государственномъ совѣтѣ провалилась. — Неожиданное уничтоженіе балтійскаго генералъ-губернаторства приводитъ остзейскихъ бароновъ въ ярость, отнимая у нихъ административное единство и надежду на международное отношеніе къ Россіи, о чемъ они такъ долго мечтали.

„Во Франціи, повидимому, начинается новое время. Черезъ нѣсколько дней выборы въ палату рѣшатъ, серьезны ли были выборы въ сенатъ, или случайны. Рѣшается важный европейскій вопросъ. А съ Балканскаго полуострова заходитъ страшная буря, въ ожиданіи которой становится жутко. Дни Турціи сочтены; ее сожрутъ народы, стонущіе подъ ея игомъ, и тогда, спрашивается, что̀ будетъ? Страшно заглянуть впередъ! XIX-й вѣкъ кончится въ судорогахъ и несказанныхъ страданіяхъ. Все это увидите вы, а ужъ не мы“.

Вслѣдъ за этимъ Кавелинъ писалъ и сестрѣ, отъ 9-го февраля 1876 г.:

„Поздравляю съ водопроводомъ съ гнилой водой, съ газовымъ освѣщеніемъ безъ свѣта, съ желѣзной дорогой—въ будущемъ [1]) и съ новымъ годомъ, который, какъ високосный, касьяновскій, того-и-гляди, принесетъ, вмѣсто добра, всякую пакость. Того-и-гляди, весной разыграется война, а если будетъ, то потасовка выйдетъ страшная.

„Изъ твоего письма и письма брата Александра, которое получилъ не такъ давно, вижу, что спиритизмъ не на шутку занимаетъ провинцію. А я, правду сказать, думалъ о провинціи лучше, и полагалъ, что только мы, столичные паразиты русской земли, интересуемся, за неимѣніемъ серьезнаго дѣла, такимъ непроходимымъ вздоромъ. Спиритизмъ, въ глазахъ людей съ здравымъ смысломъ, есть шарлатанство и фокусничество. Что-нибудь изъ двухъ: или спиритическія явленія—особый видъ явленій природы, зависящихъ отъ неизвѣстной пока силы, или въ нихъ об-

[1]) Дѣло идетъ о Казани, гдѣ къ 1876 г. устроены были водопроводъ и газовое освѣщеніе, а проектированная на Казань желѣзная дорога, долженствовавшая связать ее съ Москвой, не осуществлена и доселѣ.

наруживается дѣятельность невидимаго духовнаго міра. Какъ явленія физическія—спиритизмъ подлежитъ научному изслѣдованію ученыхъ и въ немъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Какъ физика, химія, механика—и спиритизмъ не можетъ быть изслѣдованъ людьми, не знакомыми съ естественными науками. Что же мы, публика, вмѣшиваемся въ это дѣло и какая отъ того польза? Если же спиритическія явленія — явленія невидимаго духовнаго міра, то, не говоря уже о другомъ, я спрошу: какъ могутъ имъ давать вѣру люди религіозные? Какъ явленія духовныя, спиритическіе факты — страшная чепуха и безсмыслица. Духи стучатъ, играютъ въ колокольчики, радуются шарманкѣ, подымаютъ и ломаютъ столы! Есть ли въ этомъ здравый смыслъ? Мы привыкли смотрѣть на души умершихъ съ почтеніемъ, слышать отъ нихъ умныя рѣчи, наставленія и проч., а спиритизмъ представляетъ ихъ намъ какими-то гороховыми шутами! Чтó я видѣлъ—чистѣйшее шарлатанство. Теперь наряжена коммиссія для изслѣдованія, и она не нашла пока ничего кромѣ ловкаго фокусничества. Иначе и быть не можетъ. Кто вѣритъ въ загробную жизнь, въ безсмертіе души, тотъ, я полагаю, не можетъ безъ омерзенія видѣть профанацію духовъ и душъ умершихъ въ спиритическихъ сеансахъ. Вы, казанцы, много набѣдокурили, выставивъ двухъ вашихъ профессоровъ поборниками спиритизма [1]). Вы надѣлали всю эту кутерьму"...

Въ концѣ того же 1876 г. Кавелину случилось опять возвратиться къ вопросамъ внѣшней политики и именно къ восточному вопросу. 29-го сентября онъ писалъ такъ:

„А готовятся большія событія, которыя перевернутъ опять видъ Европы. На этотъ разъ дѣйствующими лицами будемъ мы. Если намъ повезетъ, Турція провалится, Австрія будетъ приготовлена къ паденію. Ну, а если не повезетъ? Трудно предвидѣть, чтò тогда будетъ! Въ томъ и другомъ случаѣ насъ ожидаетъ въ близкомъ будущемъ коренная перемѣна. Еслибъ былъ помоложе, я бы съ радостью бросился на встрѣчу невидимому и неизвѣстному будущему; а теперь оно какъ-то пугаетъ. Знаешь, что будешь въ немъ играть страдательную роль, а не активную. Теперь только и думаешь о томъ, чтобы еще при жизни устроить дѣла получше для дочери и ея дѣтей, свести счеты съ жизнію,

---

[1]) Кавелинъ разумѣетъ двухъ бывшихъ профессоровъ казанскаго университета, извѣстныхъ изслѣдователей медіумическихъ явленій—А. М. Бутлерова и Н. П. Вагнера.

и приготовиться къ возвращенію въ минералогическое царство, какъ писалъ покойный Г.

„Въ Петербургѣ осень великолѣпная, но нравственная атмосфера какая-то сгнетенная, удушливая, какая-то нездоровая тишина. Мы какъ-то, очертя голову, несемся куда-то,—куда, этого мы не знаемъ, да, кажется, и знать не хотимъ, не думая о завтра, да и вообще ни о чемъ".

Ровно годъ спустя, 10 сентября 1877 года, Кавелинъ, извѣщая свою сестру о болѣзни своей дочери, писалъ о восточной войнѣ, какъ уже о совершившемся фактѣ; приводимъ это письмо въ небольшомъ извлеченіи:

...„Военныя наши дѣла,—пишетъ Кавелинъ,—приняли совсѣмъ неожиданный оборотъ [1]). Турки оказались сильнѣе, чѣмъ мы думали, и за первыми успѣхами пошли неудачи, удивившія всѣхъ. Теперь положеніе наше довольно критическое, и какъ мы изъ него выберемся—одинъ Богъ знаетъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, настроеніе сдержанное...

„Вообще очень трудно предсказать, что̀ изъ всего этого выйдетъ! Большихъ перемѣнъ надо ожидать впереди—это несомнѣнно, какъ бы дѣло ни кончилось"...

„Ты, можетъ быть, читала мою статейку объ А. П. Елагиной [2]). Старушка, наконецъ, скончалась, на 89-мъ году отъ роду. Я былъ на ея похоронахъ въ Петрищевѣ. Великолѣпное имѣніе, но запущенное, чуть-чуть не въ развалинахъ. Прошло дворянство, которое мы съ тобою еще помнимъ. Для нашихъ дѣтей оно уже—прошедшее и преданіе!

„Я избранъ въ профессора военно-юридической академіи, но думаю, что никогда имъ не буду. На нынѣшній годъ курсъ не состоялся по случаю войны, а что̀ будетъ черезъ годъ—кто это скажетъ? [3]) Событія идутъ съ страшной быстротой. Все

---

[1]) 12 апрѣля 1877 г. Россія объявила войну Турціи. Послѣ перехода черезъ Дунай въ половинѣ іюня и быстраго и успѣшнаго движенія къ Балканамъ, наши войска потерпѣли сильный уронъ при трехъ аттакахъ Плевны (8 и 18 іюля и 30 августа) и во время семидневнаго боя на Шипкѣ въ началѣ августа. Дѣла подъ Плевной и на Шипкѣ произвели тогда удручающее впечатлѣніе; къ этой-то эпохѣ и относится письмо.

[2]) Некрологъ А. П. Елагиной, написанный Кавелинымъ, помѣщенъ въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ", 1877, №№ 68 и 69. — Объ отношеніяхъ Кавелина къ Елагинымъ см. мои „Матеріалы", гл. II, „Вѣстн. Евр.", 1886, іюнь, стр. 450—453.

[3]) Кавелинъ утвержденъ профессоромъ гражданскаго права въ военно-юридич. академіи, съ оставленіемъ въ прежней должности по департаменту неокладныхъ сборовъ, лишь черезъ годъ, именно Высочайшимъ приказомъ отъ 3 сентября 1878 г.

стало непрочно и шатко. Нельзя разсчитывать и за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ"...

Но Кавелинъ и не подозрѣвалъ, когда писалъ эти строки, что его самого въ эту минуту ждала бѣда, которая нанесетъ ему послѣдній жестокій ударъ. Въ концѣ сентября 1877 г. возвратилась изъ Иванова его дочь; о весьма обыкновенной ея болѣзни онъ извѣщалъ въ послѣднемъ письмѣ, а 5-го октября ея уже не стало.

Съ этого дня для Кавелина наступила грустная, унылая пора жизни, полная однихъ воспоминаній о прошломъ и уже ничего не сулившая ему въ будущемъ.

Д. Корсаковъ.

ДВА ИЗСЛѢДОВАТЕЛЯ

КИТАЙСКОЙ ИМПЕРІИ

По поводу статьи г. Пржевальскаго: „Современное положеніе Центральной Азіи“ и книги Ж. Симона: „Срединное Царство“.

За послѣднее время приходится все чаще и чаще прочитывать газетныя сообщенія о томъ, что Китай, усиленно и спѣшно вооружаясь, укрѣпляетъ свои восточныя границы и увеличиваетъ численность войскъ въ своихъ западныхъ предѣлахъ. Если китайцы возводятъ крѣпость на побережьѣ Тихаго океана, то, конечно, они имѣютъ въ виду оградить себя отъ опасности въ борьбѣ вообще съ „заморскими чертями“; но вооруженія китайцевъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ сѣверу и къ югу отъ Тянь-шаня, направлены, само собою разумѣется, единственно противъ Россіи. Обороняться ли только, или наступать намѣрены китайцы? Въ случаѣ вызывающихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны нашихъ восточно-азіатскихъ сосѣдей, легко ли намъ будетъ справиться съ послѣдними и дать имъ надлежащій отпоръ? Вотъ вопросы, которые невольно приходятъ въ голову при чтеніи газетныхъ извѣстій. Г. Пржевальскій, считая возможнымъ, что „Китай, отуманенный недавними успѣхами въ борьбѣ съ дунганами и частію въ Тонкинѣ и возвращеніемъ Кульджи, притомъ подстрекаемый нашими недругами, самъ объявитъ намъ войну при первомъ удобномъ случаѣ“ [1]), замѣчаетъ слѣдующее: „Часъ такого событія, быть можетъ, не за горами. Особенно его опасаться нѣтъ резона, ни со стороны нашихъ шансовъ побѣды, ни со стороны улучшенія нашего положенія въ Азіи вообще, а въ Китаѣ въ особенности.

---

¹) „Современное положеніе Центральной Азіи“ („Русскій Вѣстникъ“, 1886, декабрь, стр. 524).

Какъ ни дурна война сама по себѣ, но худой миръ также не сладокъ; это испытываетъ теперь вся Европа. Относительно же Китая можно быть увѣреннымъ, что его политика къ намъ не перемѣнится, по крайней мѣрѣ, прочнымъ образомъ, безъ фактическаго заявленія силы съ нашей стороны. Волей-неволей намъ придется свести здѣсь давніе счеты и осязательно доказать своему заносчивому сосѣду, что русскій духъ и русская отвага равносильны, какъ въ сердцѣ великой Россіи, такъ и на далекомъ востокѣ Азіи". Г. Пржевальскій думаетъ, что китайцы намѣрены не обороняться только, но наступать; что намъ, русскимъ, нечего бояться войны съ Китаемъ, ибо мы имѣемъ шансы на побѣду; что война выгодна для насъ, ибо слѣдствіемъ ея будетъ улучшеніе нашего положенія въ Азіи вообще и въ Китаѣ въ особенности. Предрекать исходъ войны можно только тогда, когда вполнѣ извѣстны силы обѣихъ воюющихъ сторонъ. Наше собственное могущество мы, русскіе, и знаемъ, и сознаемъ. Но имѣемъ ли мы ясное представленіе о силахъ противника? Г. Пржевальскій, изображая состояніе китайской имперіи, старается доказать, что силы Китая ничтожны для борьбы съ Россіею. Авторитетъ г. Пржевальскаго, совершившаго четыре путешествія по центральной Азіи, обогатившаго географическую науку весьма важными открытіями и компетентнаго въ вопросахъ, касающихся военнаго дѣла, слишкомъ великъ, чтобы не вліять на читающую публику, и намъ не разъ приходилось слышать, какъ люди интеллигентные, въ разговорахъ о возможности войны между Россіею и Китаемъ, высказывали, ссылаясь на статью г. Пржевальскаго, убѣжденіе, что китайцамъ, по безсилію ихъ, немыслимо бороться съ русскими и что вступленіе нашихъ войскъ въ предѣлы Небесной Имперіи будетъ не чѣмъ инымъ, какъ побѣдоноснымъ шествіемъ. Хорошо, еслибы такъ. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли данныя г. Пржевальскаго вполнѣ соотвѣтствуютъ фактическому положенію вещей?

Подвергать статью г. Пржевальскаго строгому критическому разбору мы находимъ несвоевременнымъ, и первѣе всего потому, что она, какъ заявлено, „составляетъ одну изъ главъ приготовляемаго нынѣ Н. М. Пржевальскимъ описанія его четвертаго путешествія по центральной Азіи" (стр. 473),—основательный приговоръ о частности можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда извѣстно цѣлое, къ которому эта частность относится; но въ то же время мы не отказываемся хотя въ общихъ чертахъ опредѣлить состоятельность взглядовъ, выражаемыхъ въ этой статьѣ, не отказываемся единственно потому, что извѣстія о вооруженіи китайцевъ все чаще и чаще стали встрѣчаться въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ.

Остановимся прежде всего на той общей характеристикѣ народа

китайскаго, которая дается въ разсматриваемой статьѣ. „Страна, — говоритъ г. Пржевальскій,—которая окаменѣла въ своихъ вѣковыхъ преданіяхъ, чужда всякому прогрессу, ибо почитаніе старины возведено здѣсь чуть не въ религіозный культъ, гдѣ наука представляетъ собою мумію, гдѣ нравственность, жизнь семейная и общественная зиждутся на принципахъ, выработанныхъ задолго до начала нашей эры, гдѣ народъ не знаетъ никакой религіи и совершенно безсердеченъ, гдѣ матеріальныя выгоды составляютъ единый кумиръ всѣхъ и каждаго, гдѣ, наконецъ, чужеземецъ со своими новшествами, безъ разбора, хороши ли они, или худы, является заклятымъ врагомъ— такая страна безъ особенной натяжки можетъ быть названа полудикою“ (стр. 520, 521). Не выдѣляя понятія „китаецъ“ изъ общаго понятія „азіятецъ“, г. Пржевальскій въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Изъ той же лѣности и пассивности характера вытекаетъ отсутствіе стремленія къ прогрессу и крайній консерватизмъ всѣхъ вообще азіятцевъ. Въ глазахъ ихъ свобода не имѣетъ ровно никакой цѣны. Извѣстно, что въ Китаѣ даже нѣтъ слова для выраженія понятія „гражданская свобода“. Замѣчательно, что и народныя вспышки въ Азіи проявляются обыкновенно лишь противъ отдѣльныхъ личностей, такъ или иначе навлекшихъ на себя негодованіе массы, но не противъ самаго принципа деспотизма. Дикій азіятецъ инстинктивно сознаетъ, что для его грубой натуры свобода была бы гибелью, ибо у народовъ, не подготовленныхъ къ высокой государственной жизни, другими словами варварскихъ, общественныя вольности легко могутъ превратиться въ анархію. Рельефную также черту характера азіятцевъ составляетъ, какъ выше упомянуто, ихъ нравственная распущенность, которая сильнѣе проявляется у народовъ осѣдлыхъ. Да и вообще лишь на чувственной мѣркѣ основаны въ Азіи всѣ отношенія между мужчиной и женщиной; эта послѣдняя—товаръ или рабочій скотъ, не болѣе. Семейная жизнь построена на абсолютномъ деспотизмѣ мужа относительно жены и дѣтей. Грубое удовлетвореніе физическихъ желаній и страстей—главная задача жизни каждаго азіятца. Въ основѣ характера этотъ человѣкъ—эгоистъ черезъ край; свое „я“ у него всегда на первомъ планѣ; высшія чувства чести, долга, нравственности здѣсь неизвѣстны; наоборотъ, лицемѣріе и хитрость считаются высокими достоинствами человѣка“ (стр. 477). О возможности для Китая пойти по пути европейскаго прогресса г. Пржевальскій говоритъ слѣдующее: „Китай, многовѣковая замкнутость коего нынѣ такъ безцеремонно нарушена европейцами, едва ли легко поддастся нововведеніямъ, чуждымъ для него по своему духу и по своей почвѣ. Правда, въ томъ же Китаѣ нынѣ вводятся европейскія усовершенствованія въ области военной техники и военнаго устройства

вообще, но вѣдь это касается лишь измѣненія одной стороны государственной жизни, вызваннаго притомъ настоятельною необходимостью самозащиты. Для пересадки же сюда другихъ отраслей европейской культуры и цивилизаціи нужна будетъ такая всеобщая ломка, какую едва ли выдержать уже отжившему свое китайскому народу. Завѣты старины, обычаи, понятія, общественный строй,—словомъ, все, что́ дорого для этого народа и выработано многими вѣками его исторической жизни, все должно быть измѣнено. Терять придется слишкомъ много, притомъ испытанное и дорогое; получать же взамѣнъ—новое чужое, да еще „варварское" по понятіямъ тѣхъ же китайцевъ. Кромѣ того, многіе аттрибуты европейской цивилизаціи сами по себѣ явятся болѣзненнымъ, разлагающимъ элементомъ въ самобытномъ складѣ китайскаго государства. Не говоря уже про неминуемый подрывъ суроваго семейнаго строя, какъ главной основы государственной жизни Китая, введеніе сюда машиннаго производства породитъ многіе милліоны нищихъ, лишенныхъ нынѣшней ручной своей работы; желѣзныя дороги отнимутъ хлѣбъ у милліоновъ возницъ и носильщиковъ и т. д. Конечно, найдутся новыя занятія по разнымъ отраслямъ техническаго производства, но они едва ли доставятъ достаточно работы для столькихъ упраздненныхъ. Въ результатѣ все-таки получится многочисленный пролетаріатъ, болѣе опасный, чѣмъ въ Западной Европѣ, такъ какъ въ Китаѣ населеніе переполнило страну и стало въ уровень съ возможною для нея производительностью. Единственный исходъ для подобнаго пролетаріата будетъ эмиграція. но куда? Вѣдь тогда явится вопросъ о выселеніи многихъ милліоновъ такого народа, который не ассимилируется съ туземцами, и гдѣ бы ни осѣлся, непремѣнно заведетъ новый Китай. Такимъ образомъ для Китая является неразрѣшимая дилемма: или очертя голову броситься въ омутъ переустройки самого себя сверху до низу, или оставаться при прежнихъ традиціяхъ, парируя по возможности напоръ европейцевъ. Первое представляетъ мало шансовъ успѣха; послѣдній почти неотразимъ. Но какъ золотая середина между тѣмъ и другимъ стоитъ уже не разъ испытанная тѣмъ же Китаемъ и современною Турціей система лавированія между подводныхъ скалъ политики и умѣлое пользованіе взаимнымъ недружелюбіемъ опасныхъ для себя націй. Тѣмъ болѣе, что хитрости и криводушію не стать учиться китайцамъ. Пуская пыль въ глаза своимъ либерализмомъ, гдѣ это нужно, подделываясь подъ тонъ той или другой, но выгодной для себя внѣшней политики, притворяясь другомъ съ сильнымъ и хорохорясь со слабымъ, словомъ, умѣло эксплуатируя и враговъ, и друзей, втихомолку же подсмѣиваясь надъ тѣми и другими, Китай можетъ еще долго существовать самобытно. Безъ конца станетъ онъ тянуть одну

и ту же канитель лицемѣрной политики и, всего вѣрнѣе, въ будущемъ изобразитъ для Европы новаго „больного человѣка“ (стр. 482—484).

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Пржевальскаго, Китай — страна полудикая, закоснѣвшая въ своей полудикости и неспособная вступить на путь европейскаго прогресса.

Правъ ли г. Пржевальскій, считая Китай страною полудикою? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ на страницахъ книги Симона („Срединное Царство. Основы китайской цивилизаціи“), которая въ русскомъ переводѣ (г. Ранцева) вышла въ свѣтъ незадолго до статьи г. Пржевальскаго. Симонъ говоритъ о Китаѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Многіе изъ европейцевъ убѣждены, что Китай находится подъ гнетомъ тягчайшаго деспотизма. Между тѣмъ, позволительно было бы усумниться въ возможности деспотически управлять болѣе чѣмъ 500 милліоннымъ населеніемъ съ помощью всего лишь 25—30,000 чиновниковъ, опираясь на постоянную армію изъ какой-нибудь сотни тысячъ манчжуръ, совершенно теряющихся въ многомилліонной народной массѣ. На самомъ дѣлѣ, Китай по преимуществу — страна самоуправленія. Китайцы въ семьѣ управляются всѣми членами таковой, въ городѣ—выборными депутатами, образующими совѣтъ, въ которомъ правительственный чиновникъ является лишь предсѣдателемъ“ (стр. 14)... „Китай управляется въ дѣйствительности въ первой инстанціи самимъ народомъ, а въ высшей инстанціи — академіей наукъ и, вмѣстѣ съ ней, всѣмъ ученымъ сословіемъ“ (стр. 152)... „Если бы европейскіе народы были такъ же мощно организованы, какъ, напримѣръ, китайскій народъ, то правительства у нихъ не могли бы обладать большей иниціативой и бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ нынѣшнее китайское правительство, и европейскія войны стали бы фактически немыслимыми. Къ несчастью, намъ до этого еще очень далеко. Наши цивилизаціи, возникшія изъ смѣшенія самыхъ разноплеменныхъ элементовъ, обработанныхъ умами, отличительной чертой которыхъ было стремленіе не къ синтезу, а къ анализу, настолько нестройны и безсвязны, что для огражденія ихъ отъ полнаго распаденія мы всегда стремились замѣнить недостающее единство и солидарность искусственнымъ единствомъ, обусловленнымъ мощной административной и политической централизаціей. На этой почвѣ выросла у насъ такая привычка сознавать себя управляемыми, что мы не можемъ даже вообразить общества, обходящагося безъ правительства, и мечтаемъ только о хорошемъ, могущественномъ правительствѣ. Это высшій для насъ идеалъ. Мы настолько слѣпы, что не въ состояніи даже подозрѣвать существованія у другихъ того, чего у насъ нѣтъ. Могущественное и правильное дыханіе объемистыхъ легкихъ китайскаго народа, оживляющее всѣ его о́рганы, энергиче-

ская и здравая мысль, которая, исходя изъ академіи наукъ какъ изъ мозгового центра, вноситъ всюду одухотворяющее сознаніе, кажутся намъ какими-то непонятными, таинственными вліяніями, какою-то загадочною силой, которой должно всегда опасаться, тѣмъ болѣе, что дѣйствія ея нельзя предвидѣть. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ цивилизація достигла уже такой степени синтеза, всѣ учрежденія состоятъ въ такой гармонической связи другъ съ другомъ, что правительственная и государственная власть почти не существуетъ" (стр. 153—154)... „Всѣ правительственныя должностныя лица въ Китаѣ, начиная съ помощника уѣзднаго начальника и кончая самимъ богдыханомъ, признаются отвѣтственными и притомъ не только въ сферѣ ихъ собственной публичной дѣятельности, но также и за поступки гражданъ, управленіе которыми имъ ввѣрено, и даже за событія, вызванныя обычными явленіями природы, если только событія эти нарушаютъ миръ и тишину Срединнаго Царства" (стр. 140)... „Общія и существенныя формулы, дѣйствительно заслуживающія названія законовъ, не могутъ, по мнѣнію китайцевъ, разсматриваться какъ выраженія воли одного лица или даже всего народа. Они думаютъ, что законъ вытекаетъ изъ необходимыхъ условій существованія отдѣльной личности и всего общества. Законъ этотъ — въ самомъ человѣкѣ. Надо только способствовать ему свободно выясниться. Свобода признается поэтому основнымъ закономъ или, лучше сказать, основнымъ принципомъ всякаго закона. Второе условіе существованія —взаимная солидарность. Безъ нея нѣтъ общества, а безъ общества немыслимъ и самъ человѣкъ. Третье условіе существованія — равенство, безъ котораго солидарность была бы только пустымъ звукомъ. Свобода, взаимная солидарность и равенство служатъ основными столпами семьи, китайской семьи, этого подобія государства и первой его фазы. То, что̀ влечетъ за собой ослабленіе семьи, не можетъ быть закономъ, а развѣ лишь противозаконіемъ. Для китайцевъ немыслимъ иной законъ, кромѣ такого, который, вытекая изъ семьи, служитъ къ ея огражденію и развитію. Само государство, по словамъ китайцевъ, только большая семья. Условія существованія семьи, т.-е. нравственные принципы свободы, взаимной солидарности и равенства, обезпечивающіе ея цѣлостность, всюду одинаковы, а потому каждый законъ необходимо является всеобщимъ. При такомъ взглядѣ на законодательство, какое значеніе могли бы имѣть въ такой обширной странѣ, какъ Китай, постановленія, принятыя большинствомъ депутатовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Срединнаго Царства? Ихъ стали бы разсматривать не какъ законы, а какъ простыя предписанія, имѣющія характеръ непрошеннаго и вреднаго вмѣшательства. Съ китайской точки зрѣнія не можетъ быть ничего хуже и зловреднѣе

учрежденія съ исключительно законодательною дѣятельностью" (стр. 144—145)... „Второстепенные законы должны быть въ надлежащемъ отношеніи съ основными и обладать столь же научнымъ характеромъ. Чтобы удовлетворить этому условію, законодательную функцію надо было возложить на людей науки, а не на какое-либо избирательное или иное собраніе. Поэтому-то въ Китаѣ пекинская академія наукъ и словесности является единственною законодательною властью. Вообще же законы создаются тамъ слѣдующимъ порядкомъ. Если какой-либо администраторъ замѣчаетъ въ управляемомъ имъ округѣ обычай, который, по его мнѣнію, полезно было бы ввести во всеобщее употребленіе, онъ заявляетъ объ этомъ по начальству центральному пекинскому правительству. Министерство обычаевъ и обрядовъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе академіи наукъ. Если обычай одобренъ академіей, то о немъ сообщается во всѣ областныя управленія съ предложеніемъ ввести его временно въ областяхъ для испытанія. Если испытаніе окажется удачнымъ, то обычай, освященный уже опытомъ и принятый повсюду населеніемъ, вносится въ кодексъ и становится закономъ. Это дѣлается, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не ранѣе, какъ со вступленіемъ на престолъ новаго императора. Законъ успѣлъ, слѣдовательно, уже получить къ тому времени право гражданства. Въ случаѣ, если законопроектъ не нравится народу, его отвергаютъ. Такому же предварительному испытанію подвергаются всѣ законопроекты, отъ кого бы они ни исходили: отъ частныхъ лицъ или же отъ правительственной иниціативы" (стр. 146—147)... „Право гражданъ собираться на сходки не подлежитъ въ Китаѣ никакимъ ограниченіямъ. Граждане собираются всякій разъ, когда находятъ это нужнымъ, безъ приглашенія къ тому со стороны правительства или его агентовъ, но не нуждаются также и въ испрашиваніи чьего бы то ни было разрѣшенія. На этихъ собраніяхъ выбираются члены совѣтовъ, которымъ поручается управленіе общиной, волостью, уѣздомъ или же областью" (стр. 135)... „Китайскіе выборные совѣты или земства исполняютъ весьма разнообразныя функціи. Они распредѣляютъ налоги, взимаютъ ихъ и передаютъ правительственному чиновнику. Они обсуждаютъ вопросы о необходимости производства тѣхъ или другихъ публичныхъ работъ въ своемъ округѣ, распредѣляютъ дополнительные сборы на производство этихъ работъ между населеніемъ, побуждаютъ болѣе богатыхъ гражданъ къ добровольному пожертвованію на такія работы, уменьшая тѣмъ самымъ расходъ, падающій на менѣе состоятельныхъ гражданъ. Въ случаѣ, если въ выполненіи работъ заинтересовано нѣсколько общинъ, то члены административныхъ ихъ совѣтовъ условливаются вести дѣло сообща, а въ случаѣ необходимости правительственнаго

вмѣшательства — докладываютъ дѣло спеціально назначенному для того правительственному чиновнику своего уѣзда. Выборнымъ совѣтамъ поручается также наблюденіе надъ системой орошенія. Они рѣшаютъ споры, возникающіе за пользованіе водой между частными лицами; недоразумѣнія же между общинами рѣшаются третейскимъ судомъ, и только въ болѣе важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ правительственной юрисдикціи. Этимъ же земскимъ совѣтамъ поручается завѣдываніе публичными богоугодными заведеніями. Нерѣдко приходится имъ также рѣшать, въ качествѣ третейскихъ судей, недоразумѣнія между хозяевами и рабочими, если недоразумѣнія эти не могли быть улажены распорядительными совѣтами ремесленныхъ корпорацій. Въ пограничныхъ областяхъ, подверженныхъ набѣгамъ воинственныхъ непокорныхъ племенъ, возлагается на земскіе совѣты наборъ и организація настоящей національной гвардіи, которая содержится на счетъ богатыхъ людей. Офицерскія должности замѣщаются тамъ по усмотрѣнію земства, безъ всякаго вмѣшательства мандариновъ. Необходимо замѣтить, что это народное ополченіе, мужество котораго коренится въ домашнемъ очагѣ, дерется гораздо храбрѣе и лучше солдатъ богдыханской регулярной арміи. Въ административныхъ пунктахъ, гдѣ находится какое-либо правительственное должностное лицо, какъ, напримѣръ, помощникъ уѣзднаго начальника, уѣздный начальникъ, губернаторъ или вице-король, выборный земскій совѣтъ группируется вокругъ этого должностного лица и, кромѣ выполненія всѣхъ прочихъ своихъ обязанностей, образуетъ при немъ совѣщательный комитетъ, присутствіе котораго смягчаетъ и облегчаетъ сношенія должностного лица съ гражданами. Земскій совѣтъ обсуждаетъ мѣры, исходящія отъ правительственной иниціативы, одобряетъ ихъ или же, напротивъ, совѣтуетъ не приводить въ исполненіе, самъ предлагаетъ мѣропріятія, которыя считаетъ выгодными, контролируетъ дѣйствія должностного лица и обсуждаетъ тяжбы между общинами" (стр. 136 — 138)... „Китайцы пользуются въ широкихъ размѣрахъ не только политической свободой, но и всѣми прочими видами свободы: свободой совѣсти, вѣроисповѣданія, богослуженія" (стр. 15)... „Никакая религія въ Китаѣ не воспрещена, такъ какъ правительственная власть не можетъ помѣшать существованію суевѣрныхъ стремленій у отдѣльныхъ лицъ и не считаетъ себя въ правѣ влѣзать имъ въ душу. Съ другой стороны, однако, казалось несправедливымъ создавать для нихъ особую отрасль администраціи, расходы по содержанію которой ложились бы на всѣхъ. Поэтому въ Китаѣ признается полная свобода вѣроисповѣданій съ однимъ лишь условіемъ, чтобы они не слишкомъ выходили изъ области мечтаній и надеждъ на почву

дѣйствительной жизни" (стр. 193). „Правительство не вмѣшивается и въ дѣло народнаго образованія. Въ Китаѣ никому не препятствуютъ открывать школу. Каждому предоставляется полная свобода учиться чему заблагоразсудится, или же и совсѣмъ не учиться, а между тѣмъ сомнительно, чтобы нашелся китаецъ, который бы не умѣлъ, по крайней мѣрѣ, читать, писать, считать и рисовать" (стр. 16)... „Вмѣстѣ съ тѣмъ, впрочемъ, всѣ желающіе занять какую-либо оффиціальную должность обязаны выдержать академическій экзаменъ" (стр. 148). „Въ виду чрезвычайной густоты населенія, правительству нечего заботиться объ учителяхъ, для которыхъ всегда найдется достаточно учениковъ. Богатые родители платятъ за бѣдныхъ" (стр. 196) . . . . „Такой же неограниченной свободой пользуется и печать. Въ 1863 году, въ бытность мою въ Се-чуэнской области, я составилъ себѣ коллекцію въ высшей степени рѣзкихъ памфлетовъ противъ богдыхана и членовъ его правительства, подписавшихъ мирный договоръ съ Франціей и Англіей, послѣ разграбленія лѣтняго дворца и сожженія національной библіотеки. Памфлеты эти вывѣшивались на улицахъ. Мандарины ограничивались тѣмъ, что приказывали ихъ снимать, даже и не помышляя о преслѣдованіи авторовъ. Китайцы не нуждаются ни въ паспортахъ, ни въ патентахъ на право заниматься какою-либо отраслью торговли или промышленности. Заставные сборы сохранились лишь на границахъ областей, иностранные же товары обложены пошлиной, составляющей всего лишь 5—8% объявленной ихъ цѣнности. Такимъ образомъ, Китай обладаетъ полной и болѣе дѣйствительной, чѣмъ мы это можемъ представить, свободой промышленности, ремеслъ, торговли, передвиженія товаровъ и капиталовъ" (стр. 16, 17) . . . . „Поземельный налогъ въ Китаѣ измѣняется, смотря по разряду земель, въ предѣлахъ отъ полутора до пяти франковъ съ гектара (0,91 десятинъ). Отнесенный къ численности народонаселенія, налогъ этотъ составляетъ лишь около 3 франковъ съ души. Уплативъ эту сравнительно ничтожную сумму, каждый китаецъ воленъ заниматься, безъ всякихъ стѣсненій, какою ему угодно отраслью торговли или промышленности на всемъ протяженіи обширнаго Срединнаго Царства. Ему не приходится платить никакихъ дополнительныхъ податей и сборовъ. Онъ не нуждается въ исходатайствованіи себѣ разрѣшенія заниматься ремесломъ или торговлей. Онъ такъ же свободенъ, какъ воздухъ, которымъ дышетъ. Въ виду всего этого можно сказать, что поземельный налогъ обусловливаетъ свободу китайца. Немудрено, что уплата его считается, какъ мы это сейчасъ увидимъ, священнымъ долгомъ. Всякіе прочіе налоги были бы сочтены въ Китаѣ за незаконныя покушенія на

право труда. Фактъ существованія такихъ налоговъ въ другихъ странахъ до крайности удивляетъ китайцевъ" (стр. 33). . . „Налогъ, будучи взимаемъ съ площади земельнаго участка, дѣлаетъ невыгоднымъ обладаніе землей, если оно не соединено съ ея обработкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ, кто лично обработываетъ землю, налогъ этотъ является совершенно нечувствительнымъ. Онъ представляетъ собою не болѣе какъ разъ навсегда установленную аренду, которая уплачивается государству и обезпечиваетъ земледѣльцу спокойное пользованіе результатами труда, вложеннаго имъ въ землю. Поощряя такимъ образомъ земледѣльческій трудъ, китайская система налоговъ привела къ такому увеличенію плодородія почвы и къ такой интенсивной культурѣ, при которыхъ съ одного и того же участка снимается въ годъ нѣсколько жатвъ, и каждый гектаръ земли пріобрѣтаетъ цѣнность отъ 4000 до 15.000 и даже до 20.000 франковъ" (стр. 35). . . . . „Раздѣливъ всю площадь китайской имперіи на число обитающихъ тамъ семей, приблизительно около 90 милліоновъ, найдемъ, что на каждую семью приходится всего лишь 3½ гектара земли. Таковъ дѣйствительно средній размѣръ частной земельной собственности въ Китаѣ. Многія семьи, однако, владѣютъ всего лишь 1½ гектаромъ или даже ½ гектаромъ земли. Съ другой стороны, существуютъ и болѣе крупныя помѣстья. Не думаю, однако, чтобы можно было найти много помѣстьевъ бо̀льше чѣмъ въ 20 гектаровъ. Участки земли, доходящіе до 100 гектаровъ, чрезвычайно рѣдки; болѣе же обширныя помѣстья почти не встрѣчаются. Въ каждой изъ областей, съ населеніемъ въ 30—40 милліоновъ душъ, можно встрѣтить всего лишь 3 или 4 помѣстья въ 300—500 гектаровъ. Наибольшая величина обрабатываемыхъ участковъ земли ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ 12 гектаровъ" (стр. 36). . . . . „Каждая маленькая деревушка, каждая группа мызъ представляютъ собой законченную систему, въ которой можно навѣрное найти школу, мѣстную управу, камеру семейнаго суда, рабочихъ буйволовъ, мельницу, водоподъемную машину и т. п., которыхъ нельзя было бы завести для маленькихъ мызъ въ отдѣльности. А между тѣмъ каждый у себя дома чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ, такимъ же самостоятельнымъ и независимымъ отъ государства и отъ своихъ сосѣдей, какимъ былъ у насъ въ Европѣ самый могущественный средневѣковый феодалъ, съ тою лишь разницей, что нынѣшній китайскій крестьянинъ пользуется гораздо бо̀льшею безопасностью въ своей неприкосновенной маленькой мызѣ" (стр. 38, 39). . . . . „Кромѣ уничтоженія выгоновъ, мелкое земледѣльческое хозяйство доставило Китаю много другихъ существенныхъ выгодъ. Оно дозволило ввести такое разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній

и достигнуть такого высокаго качества продуктовъ, о какомъ нельзя было бы и мечтать въ крупномъ хозяйствѣ. На всемъ протяженіи Китая насчитывается не менѣе семидесяти главныхъ воздѣлываемыхъ растеній, а въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, которое ведется на двухъ или трехъ гектарахъ, число такихъ растеній простирается отъ 8 до 10 и болѣе. Это, собственно говоря, не земледѣліе, а садоводство. Говорятъ, что Китай—настоящій садъ, и это въ дѣйствительности справедливо. Надо прибавить только, что не найдешь другого сада, который воздѣлывался бы лучше и давалъ болѣе громадный доходъ" (стр. 297, 298). . . „Чтò бы сказали, напримѣръ, европейскіе инженеры и капиталисты, еслибы имъ предложили обратить въ ступенчатыя террасы всѣ горы въ такой огромной странѣ, какъ Срединное Царство? Между тѣмъ эта грандіозная работа безостановочно производится шагъ за шагомъ множествомъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ . . . Каждый ручеекъ, прежде чѣмъ спуститься въ равнину, перехватывается по крайней мѣрѣ разъ двадцать плотинами на склонахъ горы, которая отъ подошвы и до самой вершины раздѣлена террасами. И все это выполнено простыми крестьянами! Сѣть городскихъ нашихъ водопроводовъ представляется менѣе частой, чѣмъ сѣть канавокъ, орошающихъ китайскія рисовыя поля. Смотря на китайскихъ крестьянъ, которые потихоньку и какъ бы играючи выполняютъ эти работы, совершенно немыслимыя въ другихъ странахъ, я невольно чувствовалъ къ нимъ почтительное удивленіе" (стр. 232—233). . . . . „Таково китайское земледѣліе [1]). Нельзя сказать, чтобы оно не было построено на научныхъ началахъ, а между тѣмъ это не наука. Можно сказать, впрочемъ, что въ немъ есть нѣчто бóльшее, чѣмъ наука, нѣчто обозначающееся всего лучше малопримѣнимымъ теперь словомъ: „мудрость". Наука есть нѣчто внѣшнее, благопріобрѣтенное, мудрость же накопляется гораздо медленнѣе. Если вы не одарены отъ природы благоразуміемъ, предусмотрительностью, трудолюбіемъ, добротой и справедливостью, не посвящайте себя земледѣлію; свойства эти являются наслѣдіемъ вѣковъ и не могутъ быть пріобрѣтены сразу. Если у васъ нѣтъ семейнаго очага или если вы, обладая таковымъ, не съумѣли установить въ своей семьѣ порядокъ, миръ, взаимное довѣріе и добросовѣстность—земледѣліе не пойдетъ у васъ успѣшно. Если у васъ нѣтъ традицій, если вы не провидите въ будущемъ грядущее поколѣніе, къ которому перейдутъ вмѣстѣ

[1]) Г. Пржевальскій замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Словно муравей копается осѣдлый азіятецъ на своемъ миніатюрномъ полѣ или въ саду; кропотливая работа, не требующая излишняго напряженія физическихъ силъ, какъ разъ по сердцу этому человѣку. Онъ довольствуется сравнительно малымъ, не предъявляетъ жизни особыхъ требованій и счастливъ по своему, лишь бы оставаться въ покоѣ" (стр. 479).

съ вашимъ именемъ также и плоды вашихъ трудовъ, вы, несмотря на всѣ ваши научныя формулы и хитропридуманныя машины, никогда не подниметесь до уровня самаго малоразвитого и безхитростнаго китайскаго земледѣльца" (стр. 127—128). . . . . „Взаимное довѣріе вошло въ обычай въ Китаѣ до такой степени, что тамъ ежедневно возникаетъ множество такъ-называемыхъ „гоей-цинъ", т.-е. обществъ для выдачи ссудъ безъ процентовъ или со взиманіемъ самыхъ ничтожныхъ процентовъ. Къ обществамъ этимъ обращается студентъ, не имѣющій средствъ продолжать образованіе, крестьянинъ, задумавшій прикупить себѣ буйвола, мелкій торговецъ, открывающій лавочку, мать семейства, выдающая замужъ дочь, и т. п. Помощь обездоленнымъ является также одною изъ существенныхъ формъ правосудія. Обездоленные встрѣчаются и въ Китаѣ, хотя, сравнительно, въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Европѣ. Въ Срединномъ Царствѣ, какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ обществѣ, встрѣчаются калѣки, глухіе, слѣпые, нѣмые. Ихъ тамъ не оставляютъ безъ призора. Могу даже сказать, что частныя и казенныя заведенія, въ которыхъ ихъ содержатъ, могли бы, во многихъ отношеніяхъ, служить образцами для странъ, гдѣ до сихъ поръ хлопочутъ менѣе объ удобствахъ больныхъ, чѣмъ о блестящей внѣшности, долженствующей пустить пыль въ глаза посѣтителямъ" (стр. 20). . . . „Между родителями и дѣтьми тамъ нѣтъ такой фамильярности, какъ въ нашихъ европейскихъ семьяхъ, но вмѣсто нея замѣчается гораздо бо́льшее фактическое равенство правъ. Это выражается, между прочимъ, даже въ уваженіи, съ которымъ китайцы относятся къ мнѣніямъ дѣтей. Ихъ часто приглашаютъ высказать свое мнѣніе. Чувствуя себя такимъ образомъ наравнѣ со взрослыми, дѣти, сами того не замѣчая, относятся съ бо́льшимъ уваженіемъ и къ собственной своей личности. Достигнувъ этого главнаго результата, китаецъ внушаетъ своимъ дѣтямъ принципы человѣчности, справедливости, прямодушія и откровенности, а также повиновеніе обрядамъ и обычаямъ. Такова сущность первоначальнаго домашняго воспитанія" (стр. 50)... „Въ то время, когда въ другихъ системахъ цивилизаціи представляется для ребенка развѣ лишь мерцающая въ отдаленіи, совершенно неопредѣленная и неясная цѣль жизни, эта цѣль для малолѣтняго китайца имѣетъ характеръ осязаемой дѣйствительности. Она проникаетъ его умъ и придаетъ мысли своеобразное освѣщеніе. Все окружающее пріобрѣтаетъ отъ нея особую, ничѣмъ незамѣнимую, цѣнность. Такимъ образомъ китаецъ съ дѣтства сознаетъ дѣйствительную жизнь съ ея обязанностями, жертвами, отвѣтственностью и радостями. Молодая дѣвушка въ Китаѣ избавлена, въ свою очередь, отъ безпокойства, горя и разочарованія, подавляю-

щихъ ее въ другихъ цивилизаціяхъ, гдѣ она такъ часто остается беззащитною, на жертву искушеніямъ“ (стр. 49)... Положеніе женщины въ Китаѣ „вовсе не таково, какъ представляютъ его многіе путешественники, утверждающіе, будто китайскіе законы и обычаи стремятся подавить личность женщины. Эти путешественники, не замѣчая того сами, впадаютъ въ прямое противорѣчіе со своими собственными показаніями. Дѣйствительно, они осмѣиваютъ китайцевъ, находя манеры ихъ слишкомъ мягкими и вѣжливыми, однимъ словомъ, слишкомъ женственными, а это именно и доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ всю громадность вліянія тамъ женщины Дѣло въ томъ, что въ Китаѣ женщина играетъ если не такую видную, то, по меньшей мѣрѣ, столь же вліятельную роль, какъ въ Европѣ. Въ Срединномъ Царствѣ, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и даже гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, она является основой семьи. Лишь вступая въ бракъ съ нею, мужчина становится полноправнымъ гражданиномъ. Ее не окружаютъ такою лестью и такими знаками внѣшняго уваженія, какъ во Франціи, но почитаютъ на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе и доказываютъ это фактически тѣмъ, что на ней женятся и несравненно рѣже оставляютъ ее на жертву нищеты и одиночества. Китайцы не требуютъ для женщины абсолютнаго уравненія съ мужчиной въ правахъ, которыя она по своей природѣ и слабости не въ состояніи выполнять и отстаивать; но каждый мужчина въ Китаѣ привыкъ уже съ малолѣтства считать себя непосредственно и лично отвѣтственнымъ за участь одной изъ нихъ“ (стр. 58—59)... „Извѣстно, что точнѣйшею мѣрой благосостоянія какого-либо народа является процентъ такъ-называемой преступности. Обращаясь къ фактическимъ даннымъ, могу заявить, что въ городѣ Ганъ-Кеу, почти съ 2-хъ-милліоннымъ населеніемъ, гдѣ я жилъ въ теченіе нѣкотораго времени, было за 34 года совершено лишь одно убійство. Въ области Че-Ли, съ 25-милліоннымъ населеніемъ, казнено было въ 1866—67 году всего лишь 12 человѣкъ. Необходимо замѣтить, что въ Китаѣ третья кража наказуется смертью, что тамошніе суды не признаютъ смягчающихъ обстоятельствъ и что область Че-Ли включаетъ также столицу Срединнаго Царства—Пекинъ. Чтобы читатель могъ, однако, составить себѣ болѣе точное понятіе о благосостояніи китайскаго народа, ему слѣдовало бы самому посѣтить маленькіе крестьянскіе хутора и домики, въ которыхъ я столько разъ пользовался радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ удивился бы опрятности помѣщенія, изяществу лакированной мебели и съ интересомъ просмотрѣлъ бы со мною хозяйственные инвентари китайскихъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ крестьянъ—житель одного изъ наименѣе богатыхъ округовъ, владѣя

всего лишь тремя съ половиной гектарами земли, откладываетъ ежегодно 1.500—1.800 франковъ; другой, хозяйничая лишь на одномъ гектарѣ, откладываетъ ежегодно 600—800 франковъ. Я хотѣлъ бы, чтобы читатель присутствовалъ на обѣдѣ у этихъ крестьянъ: онъ убѣдился бы, что пища ихъ гораздо обильнѣе и разнообразнѣе той, которою довольствуются наши земледѣльцы. Въ самой скромной хижинѣ подается къ дессерту пирожное. Особенно бросается въ глаза легкая, смѣлая походка и развязность любого китайскаго крестьянина, сравнительно съ тяжелымъ и какъ бы пристыженнымъ видомъ большинства французскихъ фермеровъ и батраковъ. Смотря на китайскихъ крестьянъ, сознаешь, что въ Срединномъ Царствѣ нѣтъ между богатыми и бѣдными (т.-е. менѣе богатыми), между городскими и сельскими жителями такой разницы, какъ у насъ въ Европѣ. Тамъ чувствуется атмосфера давно установившагося равенства, въ которой всѣмъ живется легко. Существованіе такой атмосферы устанавливаетъ во взаимномъ отношеніи между китайцами изумляющую иностранца вѣжливость и благосклонность" (стр. 7—8)... Въ Китаѣ меньше чѣмъ гдѣ-либо встрѣчается нищихъ. Въ Пекинѣ ихъ, безспорно, много, и навязчивость ихъ крайне непріятна; но и тамъ численность ихъ значительно уступаетъ четыремъ-стамъ тысячамъ оффиціальныхъ парижскихъ неимущихъ, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить огромное количество неоффиціальныхъ нищихъ [1]). Въ провинціальныхъ городахъ Срединнаго Царства, по личнымъ моимъ справкамъ и наблюденіямъ, наврядъ ли наберется 20—25 нищихъ на 150—200 тысячъ жителей. Въ деревняхъ нищихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ" (стр. 22—23).

Выясняя сущность китайской цивилизаціи, г. Симонъ нерѣдко сравниваетъ послѣднюю съ цивилизаціею своей родины, преисполняясь при этомъ чувствомъ грусти и разочарованія. „Какіе, — говоритъ онъ,—счастливые часы провелъ я среди этихъ прекрасныхъ людей [2])! Какія пріятныя воспоминанія оставили они во мнѣ! Отчего, однако, всякій разъ воспоминанія эти возбуждаютъ у меня въ умѣ другія печальныя мысли? Отчего тамъ, въ Китаѣ, такъ много благоденствія, комфорта, счастія и спокойной увѣренности въ будущемъ? Отчего у насъ такая необезпеченность, неувѣренность въ будущемъ, такая бѣдность?" (стр. 358). . . . . „Я только-что слышалъ отъ этого крестьянина исторію его семьи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Передо мною прошли послѣдовательныя поколѣнія его предковъ,

---

[1]) Отъ себя мы можемъ замѣтить, что нищенство въ Пекинѣ обусловливается многими спеціальными причинами, притомъ же мѣстными.

[2]) Говорится о семействѣ Уангъ-Мингъ-Це.

которые жили или, лучше сказать, продолжали жить въ его воспоминаніяхъ, а между тѣмъ самъ я долженъ былъ сознаться передъ собою, что, несмотря на мою принадлежность къ нашей хваленой цивилизаціи, столь высоко возносящейся надъ китайскими порядками, я все-таки не знаю, гдѣ именно почіетъ прахъ моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Къ чему умалчивать о томъ, что сознаніе это наполняло мою душу горечью и чуть не заставляло навертываться на глаза слезы?! Передъ умственными моими очами возстало въ совершенно новомъ, невѣдомомъ мнѣ до тѣхъ поръ, блескѣ и сіяніи великое имя отчизны. Идея отечества выяснилась мнѣ впервые съ такой глубиной, отчетливостью и высотой мысли, по сравненію съ которыми прежняя безотчетная, сантиментальная моя привязанность къ ней показалась мнѣ вялой и холодной. Да и можетъ ли на самомъ дѣлѣ существовать отечество и настоящая любовь къ нему тамъ, гдѣ жилья рѣдкаго населенія отдѣлены другъ отъ друга пустырями, никогда не попираемыми ногой человѣка, лѣсами, никогда не оживляемыми его присутствіемъ, степями, которыя никогда не были имъ воздѣланы? Можетъ ли быть отечество тамъ, гдѣ нѣтъ связи между послѣдующими поколѣніями, гдѣ никто не помнитъ своихъ предковъ, гдѣ разведенные ими сады сплошь и рядомъ переходятъ въ чужія руки или просто забрасываются? Можетъ ли быть родина тамъ, гдѣ у гражданина нѣтъ собственнаго угла, а между тѣмъ немногія отдѣльныя личности владѣютъ громадными помѣстьями, гдѣ, вслѣдствіе этого, вмѣсто взаимной солидарности между людьми возникаютъ ненависть, отвращеніе и эгоизмъ? Можно ли говорить о любви къ отечеству тамъ, гдѣ стараются, чтобы рождалось поменьше дѣтей, гдѣ смотрятъ на будущее поколѣніе какъ на врага (стр. 269—270)?“

Мало этого: Симонъ считаетъ Срединное Царство положительно наиболѣе цивилизованнымъ государствомъ, разумѣя подъ послѣднимъ „такое, въ которомъ на данномъ территоріальномъ пространствѣ возможно большее число людей съумѣло доставить себѣ и распредѣлить между собою наиболѣе равномѣрнымъ и дешевымъ способомъ наибольшее количество благосостоянія, свободы, справедливости и безопасности“ (стр. 3).

Да не посѣтуютъ на меня читатели за то, что я привелъ такъ много выдержекъ изъ книги Симона! Говорить чужими, а не своими словами для меня представлялось болѣе удобнымъ, въ виду разнаго рода соображеній; полноту же и закругленность обрисовки китайской цивилизаціи я считалъ необходимыми въ виду тѣхъ крайне нелестныхъ отзывовъ о Китаѣ, которые встрѣчаются въ статьѣ г. Пржевальскаго.

Итакъ что́ же такое Срединное Царство? По г. Пржевальскому,

это — полудикая страна; по Симону, это — наиболѣе цивилизованное государство. Можете ли вы, читатель, рѣшить, которое изъ двухъ совершенно противоположныхъ мнѣній справедливо? Признавая авторитетъ г. Пржевальскаго, вы, конечно, спросите: кто такой г. Симонъ и насколько велика его компетентность при оцѣнкѣ цивилизаціи Китая?. Г. Симонъ, бывшій французскій консулъ, „прожилъ, какъ самъ говоритъ, десять лѣтъ въ Китаѣ и за это время изъѣздилъ Срединное Царство вдоль и поперекъ" (стр. 21). Обвинять Симона въ незнаніи Китая или въ недостаткѣ просвѣщенности нельзя. Но, быть можетъ, Симонъ смотритъ на жизнь китайцевъ сквозь призму китайской литературы (въ которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ много прописной морали, совершенно не осуществляющейся въ дѣйствительности) и потому увлекается? Нѣтъ, Симонъ, по его собственному признанію, не настолько свѣдущъ въ книжномъ китайскомъ языкѣ, чтобы читать китайскія (по крайней мѣрѣ серьезныя) книги (стр. 92); онъ слабо знаетъ исторію Китая (см., напр., стр. 189), имѣетъ весьма смутное понятіе о даосизмѣ (напр., стр. 70), недостаточно знакомъ съ исторіею распространенія мусульманства въ Китаѣ (стр. 73); онъ не уяснилъ себѣ сущности древней и новой конфуціанской философіи и слишкомъ произвольно опредѣлилъ тѣ принципы, на которыхъ зиждется лично имъ видѣнная фактическая жизнь народа китайскаго (см. стр. 89 — 101, 185 — 188, 228, 229, 362). Чѣмъ менѣе Симонъ способенъ указать причины тѣхъ или другихъ фактовъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ довѣрять ему, когда онъ говоритъ, что такіе-то и такіе-то факты существуютъ въ дѣйствительности. Я лично ближе г. Пржевальскаго знакомъ съ цивилизаціею Европы и побольше его изучалъ (теоретически и практически) жизнь китайцевъ (въ предѣлахъ собственнаго Китая),—и, положа руку на сердце, скажу, что не узнаю китайцевъ въ обрисовкѣ г. Пржевальскаго, и вполнѣ соглашаюсь съ Симономъ въ томъ, что Срединное Царство должно считаться высоко-цивилизованнымъ государствомъ.

Способенъ ли Китай вступить на путь европейскаго прогресса? Г. Пржевальскій утверждаетъ, что нѣтъ: Китай, будто бы, навсегда долженъ остаться въ состояніи полудикости. Но если справедливо, что Китай достигъ высокой степени цивилизаціи и во многомъ далеко опередилъ Европу, то зачѣмъ же ему и становиться на путь европейскаго прогресса? Затѣмъ ли, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, со временемъ опять придти къ тому пункту, который теперь уже достигнутъ? Въ дѣлѣ цивилизаціи, многосторонне и глубоко понимаемой, не Европа должна служить образцомъ для Китая, а Китай для Европы. Послѣдняя можетъ хвалиться не высотою своей циви-

лизаціи, а развитіемъ у себя математическихъ и позитивныхъ наукъ, вліяющихъ на бытовую культуру. Если Китаю слѣдуетъ чѣмъ-либо позаимствоваться отъ Европы, то именно этими науками. Онъ и заимствуется. Китайцы способны и оцѣнять, и усвоивать то, чтó полезно. Если теперь въ Китаѣ есть люди, изучающіе по-европейски и математику, и химію, и физику, и технологію; если на территоріи Срединнаго Царства проводятся телеграфы и желѣзныя дороги, тамъ и сямъ начинаютъ устроиваться фабрики, заводы, доки; если китайцы пользуются и телефономъ, и швейною машиною, и фотографическимъ аппаратомъ, и многими другими предметами европейской культуры, —то нѣтъ сомнѣнія, что не за горами то будущее, когда Китай не только станетъ въ уровень съ Европою въ усвоеніи позитивизма, но и опередитъ ее. Въ самой Европѣ научный позитивизмъ съ его практическими примѣненіями развился вовсе не такъ давно. А въ Россіи сколько найдется людей, которые хорошо помнятъ то время, когда въ нашемъ отечествѣ не было ни пароходовъ, ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ! Въ странѣ, гдѣ уваженіе къ наукѣ освящено многими вѣками; въ странѣ, гдѣ вся масса народа любитъ науку, стремится къ ней, привыкла заниматься ею; въ странѣ, гдѣ слишкомъ высоко цѣнятъ земное благоденствіе и стараются дѣлать его содержательнѣе и многообразнѣе; въ странѣ, гдѣ люди готовы усвоивать все полезное, — въ такой странѣ европейскій позитивизмъ не только будетъ усвоенъ, но и получитъ дальнѣйшее развитіе. Прогрессъ Китая, въ смыслѣ позитивно-научномъ,—дѣло времени.

Читатель, быть можетъ, спроситъ, почему г. Пржевальскій составилъ о Китаѣ именно такое понятіе, что это страна полудикая, закоснѣвшая въ своей полудикости и неспособная вступить на путь европейскаго прогресса? Категорически отвѣтить на этотъ вопросъ было бы очень трудно, почти невозможно,—понятія у каждаго изъ насъ составляются на основѣ всей совокупности субъективныхъ душевныхъ качествъ и склонностей. Чтобы понятіе не было произвольно-субъективнымъ и соотвѣтствовало предмету, для этого необходимо знаніе предмета. Если г. Пржевальскій говоритъ о цивилизаціи Китая, то, конечно, знаетъ ее? Мы думаемъ, что нѣтъ. Во время своихъ знаменитыхъ четырехъ путешествій г. Пржевальскій изучалъ Монголію, Хухуноръ, Цайдамъ, районъ р. Тарима и нѣкоторыя другія земли, входящія въ составъ Небесной Имперіи, но въ собственный Китай онъ, можно сказать, не заглядывалъ никогда—онъ видѣлъ Китай у его околицы и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по причинамъ этнографическимъ и историческимъ, китайская цивилизація не могла ни прочно утвердиться, ни проявиться во всемъ многообразіи своего содержанія. Кто посѣтилъ только сѣверные предѣлы

провинцій Чжи-ли, Шань-си, Шэнь-си, Гань-су, тотъ еще не имѣетъ права заявлять, что онъ знакомъ съ цивилизаціею китайцевъ въ ея существѣ. При этомъ необходимо замѣтить, что г. Пржевальскій не знаетъ ни книжнаго, ни разговорнаго китайскаго языка; что онъ положительно не любитъ пользоваться какими бы то ни было указаніями синологовъ; что онъ впервые вступилъ въ собственный Китай уже съ предвзятымъ мнѣніемъ о полудикости китайцевъ.

Г. Пржевальскій знакомился съ китайцами, главнымъ образомъ, въ застѣнномъ Китаѣ и по этой части его населенія дѣлаетъ заключеніе о цѣломъ. Но, во-первыхъ, этотъ пріемъ—заключенія отъ частнаго къ общему—рѣдко бываетъ безошибоченъ вообще; въ данномъ же случаѣ онъ долженъ почитаться положительно непригоднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, какія свѣденія могъ бы собрать самый даровитый путешественникъ о Россіи и насколько вѣрны были бы его сужденія о нашей странѣ, еслибы онъ сталъ говорить о ней, прошедши по минусинскому, алтайскому и бійскому округамъ? Между тѣмъ г. Пржевальскій въ дѣлѣ изслѣдованія Китая и китайцевъ стоитъ именно въ этомъ положеніи: онъ видѣлъ только застѣнныхъ китайцевъ, а эти послѣдніе, подобно жителямъ нашихъ алтайскаго и бійскаго округовъ, уже никакъ не могутъ являться типичными представителями своей цивилизаціи. Да еще вопросъ, изучилъ ли г. Пржевальскій и застѣннаго китайца съ проницательностью и съ должною полнотою,—чтобы судить о цѣломъ по частности, нужно, по крайней мѣрѣ, эту-то частность знать въ совершенствѣ. Когда г. Пржевальскій возвратился изъ своего третьяго путешествія по центральной Азіи, то описалъ послѣднее въ изданной имъ книгѣ („Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки“). Книга эта была разсмотрѣна и подвергнута критикѣ извѣстнымъ монголистомъ, проф. Позднѣевымъ [1]). Высоко цѣня заслуги знаменитаго путешественника, г. Позднѣевъ въ то же время доказалъ: а) что г. Пржевальскій позволяетъ себѣ говорить какъ о видѣнномъ и дѣлать положительныя (и, конечно, ошибочныя) заключенія относительно такихъ мѣстностей и предметовъ, которыхъ онъ въ дѣйствительности не видалъ [2]); b) что, напротивъ, описанія мѣстностей, которыя были дѣйствительно имъ пройдены и представляютъ во многихъ отношеніяхъ высокій интересъ [3]), являются у него слишкомъ кратки и неопредѣленны;

[1]) Рецензія на книгу г. Пржевальскаго помѣщена г. Позднѣевымъ въ Журн. мин. нар. пр., апрѣль, 1884.

[2]) Напр., о рѣкахъ Чингилѣ и Булчунѣ; см. стр. 322—324—статьи г. Позднѣева.

[3]) Напр., описаніе пути отъ Алтая до Тянь-шаня (тамъ же, стр. 326, 327); описаніе равнины (къ югу отъ Алтая), въ которой зимою кочуютъ торгоути (329, 330); описаніе

с) что г. Пржевальскій весьма необстоятельно сообщаетъ о важныхъ городахъ и оазисахъ, что̀ было и вполнѣ естественно при своеобразномъ способѣ изслѣдованій: такъ, остановившись въ 20-ти верстахъ отъ Баркуля, г. Пржевальскій даже не поѣхалъ въ этотъ городъ осмотрѣть его, увѣряя насъ, что все было хорошо видно съ мѣста его стоянки (это за двадцать-то верстъ?!); d) что онъ разсказываетъ о совершенно неизвѣстныхъ еще племенахъ до такой степени сбивчиво и неопредѣленно, что можетъ возродиться сомнѣніе, не произошло ли у него отъ смѣшенія именъ смѣшенія понятій [1]); е) что, наконецъ, г. Пржевальскій (и тогда, какъ теперь) судитъ о негодности вообще китайскихъ войскъ по отрывочнымъ наблюденіямъ своимъ только надъ клочками китайской арміи [2]). Г. Позднѣевъ заключилъ свою рецензію упрекомъ г. Пржевальскому въ томъ, что послѣдній „на всемъ своемъ огромномъ пути просмотрѣлъ самый интересный для насъ предметъ, именно—человѣка средней Азіи и его культуры. Если же вѣрно то, что г. Пржевальскій во время своего третьяго путешествія просмотрѣлъ „человѣка средней Азіи и его культуру", то нѣтъ сомнѣнія, что и застѣннаго китайца онъ не изучилъ съ должною полнотою. Слѣдовательно заключеніе г. Пржевальскаго о цѣломъ по частности тѣмъ болѣе должно быть ошибочно.

Въ какой мѣрѣ г. Пржевальскій во время своего четвертаго путешествія старался исправить и пополнить то, на что̀ указывалъ ему проф. Позднѣевъ, мы не знаемъ, — это будетъ видно по выходѣ въ свѣтъ описанія самаго путешествія. Что же касается разсматриваемой нами статьи, то въ ней о человѣкѣ средней Азіи сообщаются не какія-либо новыя фактическія данныя, а только законченные (условно истинные), категорическіе выводы.

Въ статьѣ своей г. Пржевальскій отводитъ всего болѣе мѣста описанію китайскихъ войскъ. Что же мы узнаѐмъ? „Три главные фактора,—говоритъ г. Пржевальскій:—прирожденная негодность самого народа къ военному дѣлу, преданія старины и эгоистическіе виды правительства ставятъ въ Китаѣ новую великую стѣну для преуспѣянія арміи. Разрушить столь вѣскія препоны, тѣмъ болѣе въ короткій срокъ, не только трудно, но и невозможно. Прогрессъ вездѣ съ трудомъ прокладываетъ себѣ путь, а въ Китаѣ ему, всего вѣроятнѣе, и вовсе не протолкаться. Народная жизнь здѣсь слишкомъ прочно и исключительно сложилась въ теченіе сорока вѣковъ. Вы-

---

мѣстности, лежащей между рѣкою Уюнчи и горами Куку-сырхэ (стр. 331); описаніе пространствъ, залегающихъ отъ Хами до Са-чжеу (стр. 335); описаніе мѣстностей сѣвернаго Тибета (стр. 345, 346).

[1]) См. о голикахъ тамъ же, стр. 340—342.

[2]) См. о войскахъ, содержимыхъ въ Хами (стр. 333—335).

холенные ростки европейской цивилизаціи не примутся какъ слѣдуетъ на столь закорузлой почвѣ" (стр. 502). Слѣдовательно Китай неспособенъ къ военному прогрессу. Правда ли это? Судить о китайскихъ войскахъ г. Пржевальскій можетъ только пользуясь вышеуказаннымъ небезошибочнымъ пріемомъ, т.-е. позволяя себѣ заключать обо всемъ предметѣ, зная часть послѣдняго. Къ этому пріему г. Пржевальскій, дѣйствительно, и прибѣгаетъ: „ея [1]), — говоритъ онъ, — полнѣйшее безобразіе въ дѣлѣ военномъ нерѣдко поразительно.... Повторяю, что данная характеристика въ большей или меньшей степени можетъ быть приложима ко всему китайскому воинству, ибо извѣстно каждому, что яблоко отъ яблони не далеко укатится" (стр. 517). Если г. Пржевальскій дѣлаетъ такія смѣлыя заключенія вообще о китайскихъ войскахъ, то, конечно, онъ не забылъ рецензіи проф. Позднѣева и близко изучилъ состояніе по крайней мѣрѣ тѣхъ китайскихъ войскъ, которыя ему приходилось встрѣчать во время его послѣдняго путешествія? Главу VI своей статьи г. Пржевальскій начинаетъ слѣдующими словами: „Теперь поговоримъ о войскахъ китайскихъ, которыя во время путешествій мнѣ приходилось многократно видѣть не на парадахъ или смотрахъ, но въ будничной обстановкѣ ихъ повседневной жизни, слѣдовательно безо всякихъ прикрасъ и подмалевокъ" (стр. 498). Такимъ образомъ, г. Пржевальскій утверждаетъ, что онъ успѣлъ близко ознакомиться съ частью китайскихъ войскъ, по которой дѣлаетъ заключеніе вообще о военныхъ силахъ Китая. Я желалъ бы вполнѣ довѣрять этому; но вотъ что представляется мнѣ крайне изумительнымъ. Если г. Пржевальскій дѣйствительно близко ознакомился во время своего путешествія съ китайскими войсками, то зачѣмъ же онъ при описаніи ихъ пользуется (не говоря объ этомъ) печатнымъ источникомъ [2]), такимъ источникомъ, который, во-первыхъ (по причинамъ г. Пржевальскому *хорошо извѣстнымъ*), мало доступенъ читающей публикѣ; во-вторыхъ, является кабинетною компиляціею свѣденій, добытыхъ изъ журналовъ, газетъ и разнаго рода донесеній (нерѣдко такихъ, которыя были дѣлаемы лѣтъ 25 тому назадъ); въ-третьихъ (какъ заявлено въ предисловіи къ этому источнику), „нуждается не только въ исправленіяхъ, но и въ коренной переработкѣ, по полученіи болѣе обстоятельнаго и точнаго матеріала"? Чѣмъ бы г. Бутакову позаимствоваться у г. Пржевальскаго „болѣе обстоятельнымъ и точнымъ

[1]) Ближайшей къ намъ китайской арміи.

[2]) Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи. Выпускъ III, статья: „Вооруженныя силы Китая и Японія", г. м. подполковника Бутакова. Изданіе Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Спб. 1883.

матеріаломъ", а г. Пржевальскій самъ пользуется компиляціею г. Бутакова! Едва ли мы ошибаемся, когда читаемъ, напр., слѣдующія строки.

У г. Пржевальскаго:

„Спеціально вербовочныя части (*юнъ*) набираются лишь въ случаѣ нужды. Онѣ составляютъ нововведеніе со временъ возстанія тайпинговъ. Нынѣшнюю численность этихъ войскъ полагаютъ въ 100.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ провинціальными войсками Зеленаго знамени вербовочныя части (*юнъ*) доставляютъ главный контингентъ для реорганизируемыхъ китайскихъ отрядовъ" (стр. 499).

„Боевую и административную единицу въ описываемыхъ войскахъ, какъ и во всей китайской арміи, составляетъ *лянза* (въ манчжурскихъ войскахъ *чи*), которая по списочному составу должна имѣть въ пѣхотѣ 500, а въ кавалеріи 250 человѣкъ. Въ наличности же рѣдко когда наберется и половина штатнаго числа людей. Каждая *лянза* состоитъ подъ командой *инцуаня* и носитъ его имя; раздѣляется на пять ротъ, а въ кавалеріи на столько же сотенъ; тѣ и другія разсчитываются на взводы и по десяткамъ. Изъ офицеровъ въ *лянзѣ*, кромѣ *инцуаня*, состоитъ его помощникъ и пять ротныхъ или эскадронныхъ командировъ съ ихъ помощниками; кромѣ того, нѣсколько чиновниковъ для письменныхъ занятій. Въ болѣе крупныя постоянныя боевыя единицы *лянзы* не соединяются. Въ случаѣ же надобности большее или меньшее число *лянзъ*

У г. Бутакова:

„Войско юнъ (храбрые) обязано своимъ происхожденіемъ сравнительно недавнему времени, оно сформировано въ царствованіе императора Иншу во время возстанія тайпинговъ" (стр. 35).

„Въ настоящее время въ милиціи числится всего болѣе 100,000 человѣкъ и изъ нихъ формируются лучшія регулярныя войска Цзо-цзунъ-тана и Ли-хунъ-чжана" (стр. 36).

„Боевою и административною единицей въ войскахъ, какъ прежняго, такъ и европейскаго образца, служитъ „лянза", состоящая въ пѣхотѣ изъ 500 человѣкъ, а въ конницѣ—изъ 250. (Въ маньчжурскихъ и сибинскихъ войскахъ кавалерійская лянза носитъ названіе „чи"). Въ дѣйствительности части никогда не достигаютъ штатнаго состава" (стран. 38).

. . . „Пѣхотныя лянзы раздѣляются на 5 ротъ, подраздѣленныя на два взвода, а взводъ на десятки. Лянзы и чи въ постоянныя боевыя единицы высшаго порядка не соединяются, а въ случаѣ надобности нѣсколько пѣхотныхъ и кавалерійскихъ лянзъ подчиняются одному лицу, на правахъ старшаго начальника. На этомъ основаніи, пять лянзъ (изъ которыхъ каждая подчинена самостоятельному начальнику — ингуану), соединенныхъ вмѣстѣ, ввѣряются общему начальнику туплину, если

подчиняются одному командиру, который носитъ званіе *тунъ-минъ*, если командуетъ нѣсколькими *лянзами*, и *зунъ-тунъ*, если подъ его командой находится болѣе двадцати *лянзъ*, или всѣ войска отдѣльной области“ (стр. 505, 506).

„Обмундированіе китайскихъ солдатъ.... состоитъ изъ цвѣтной курмы, на манеръ женской кофты, бязевыхъ или плисовыхъ панталонъ и... (стр. 508).

„Обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, не исключая и скорострѣлокъ, до невѣроятности небрежное. Сплошь и рядомъ стволы до того загрязнены нагаромъ и ржавчиной, что трудно замѣтить нарѣзы; притомъ они не рѣдко погнуты, запирающій механизмъ испорченъ, мушки потеряны, прицѣлы поломаны“ (стр. 509).

„Тѣ укрѣпленія, о которыхъ подъ названіемъ *импановъ* было не разъ упомянуто выше, представляютъ глинобитныя крѣпостцы квадратной формы, саженъ въ 30—60 по длинѣ фасовъ, съ зубчатою стѣной въ 2 — 3 сажени вышины, съ фланкирующими башнями по угламъ и иногда не глубокимъ рвомъ впереди. Въ одномъ изъ фасовъ продѣлываются ворота, прикрытыя снаружи небольшою стѣнкой. Внутри *импана* построены для солдатъ казармы, которыя представляютъ длинный рядъ глиняныхъ, подъ общею камышевою крышей, каморокъ, примкнутыхъ къ крѣпостной стѣнѣ или распо-

онъ китаецъ родомъ, и иджану, если онъ происходитъ изъ племени побѣдителей“ (стр. 39).

„Обмундированіе китайскихъ нижнихъ чиновъ состоитъ изъ цвѣтной шерстяной куртки, на подобіе женской кофты, съ такой же цвѣтной отторочкой въ видѣ неширокой ленты; панталоны изъ дабы или плиса,...“ (стр. 57).

„Огнестрѣльное же оружіе содержится въ крайне небрежномъ видѣ. Стволы ружей сильно проржавлены и съ большимъ растрѣломъ. Выводить ржавчину китайскія войска не умѣютъ. Мушки у многихъ ружей сбиты, прицѣлы погнуты, запирающійся механизмъ у казнозарядныхъ ружей часто попорченъ“ (стр. 50).

„Казармы для солдатъ построены внутри импановъ (маленькія крѣпости). Въ маленькихъ импанахъ онѣ большею частью примкнуты вплотную къ внутренней сторонѣ крѣпостной ограды; въ большихъ импанахъ иногда встрѣчаются казарменныя постройки, стоящія особнякомъ на внутренней площади крѣпостцы... Крыши камышевыя... Стѣны глинобитныя... Полы земляные. Построенныя такимъ образомъ зданія подведены подъ одну крышу и раздѣлены тонкими перегородками на нѣсколько отдѣльныхъ маленькихъ комнатъ. Въ каждой комнатѣ помѣщается отъ 10 до

ложенныхъ отдѣльно отъ нея. Въ каждой каморкѣ помѣщаются 5—10 солдатъ. Нагрѣваніе производится топкой глиняныхъ наръ, которыя служатъ для спанья; полъ земляной, окна рѣшетчатыя, заклеенныя просаленною бумагой; иногда же вмѣсто оконъ имѣется лишь отверстіе въ потолкѣ. Вообще описываемыя жилища грязны и холодны“ (стр. 514).

12 солдатъ. Постельныя принадлежности (кошмы и ватныя одѣяла) кладутся на особыя, сложенныя изъ глины, нары, которыя въ холодную погоду нагрѣваются устроенною внутри ихъ топкою. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ имѣются окна; въ другихъ — окна замѣняются отверстіями, прорѣзанными въ крышѣ. Окна безъ стеколъ; они забраны деревянными рѣшетками; а на зиму заклеиваются бумагою. Помѣщенія вообще тѣсны, грязны, сыры и темны... Каждый импанъ представляетъ четыреугольникъ, обнесенный зубчатой стѣною, отъ 2-хъ до 3-хъ саженъ высоты и отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ толщины; фасы имѣютъ прямолинейное начертаніе... на углахъ крѣпостцы имѣются башни... Впереди стѣны вырываютъ ровъ различной ширины, но вообще неглубокій... Для входа въ крѣпостцу имѣются одни или двое воротъ, прикрытыя снаружи небольшими стѣнками“ (стр. 97, 98).

Неужели на указанные случаи близости текстовъ нужно смотрѣть не болѣе какъ на простую случайность? Нѣтъ, тутъ замѣтно пользованіе источникомъ, слѣдованіе ему. Если г. Пржевальскій говоритъ почти словами компиляціи г. Бутакова объ одномъ, и другомъ, и третьемъ, то не говоритъ ли онъ о четвертомъ, пятомъ, шестомъ и т. д., слѣдуя той же компиляціи? Гдѣ предѣлы между подражаніемъ литературно-стилистическимъ и заимствованіемъ фактическаго матеріала? Мы, само собою разумѣется, вполнѣ увѣрены, что г. Пржевальскій видалъ китайскія войска очень часто, но не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ изучилъ ихъ нынѣшнее состояніе. Говорить (и притомъ подробно) о китайскомъ воинствѣ, придерживаясь компиляціи г. Бутакова, могли бы и мы, еслибы вооружились осторожностью въ пользованіи терминологіей,—наша статья представилась бы, пожалуй, болѣе полновѣсною, нежели статья г. Пржевальскаго. Отъ послѣд-

наго, какъ спеціалиста въ военномъ дѣлѣ и знаменитаго путешественника, всякій имѣетъ право ожидать не общихъ шаблонныхъ разсказовъ, а дѣловыхъ сообщеній о современномъ фактическомъ положеніи вещей. Что боевую и административную единицу въ китайскихъ войскахъ составляетъ *лянза*, „которая по списочному составу должна имѣть въ пѣхотѣ 500, а въ кавалеріи 250 человѣкъ“,—это мы знали и раньше, нежели вышла въ свѣтъ статья г. Пржевальскаго. Сообщилъ ли намъ г. Пржевальскій что-либо новое о войсковой *лянзѣ*? Ничего. Да, можетъ быть, новаго нечего было и сообщать? Нѣтъ, было. Въ компиляціи г. Бутакова, на страницѣ (38), которую г. Пржевальскій (какъ показано выше) не оставилъ безъ вниманія, мы читаемъ слѣдующее: „По словамъ Барабаша, свѣдѣнія о численности пѣхотной лянзы весьма разнорѣчивы. По однимъ свѣденіямъ, въ пѣхотной лянзѣ состоитъ 500 человѣкъ; лянза раздѣляется на 5 частей или ротъ, по 100 человѣкъ въ каждой, въ томъ числѣ 20 нестроевыхъ. По другимъ свѣдѣніямъ, пѣхотная лянза имѣетъ 1.000 человѣкъ (въ томъ числѣ 200 нестроевыхъ) и раздѣляется на 4 шао, въ 250 человѣкъ. Итакъ, число строевыхъ въ лянзѣ одними принимается въ 400, а другими въ 800 человѣкъ“... „Jahresberichte über die Veränderungen und Fortschritte im Militärwesen, 1880 года, утверждаетъ, что въ войскахъ китайской арміи численность лянзы въ пѣхотѣ рѣшено опредѣлить въ 250, въ кавалеріи—въ 150 человѣкъ. Приводится ли это въ исполненіе—неизвѣстно“. Сколько же человѣкъ имѣетъ *лянза*, не по прежнему списочному составу, а въ настоящее время; измѣненъ ли ея числовой составъ? На эти вопросы г. Пржевальскій не даетъ отвѣта. Далѣе. „Вооруженіе,—говоритъ онъ,—тѣхъ же китайскихъ войскъ на Новой Линіи находится въ самомъ первобытномъ состояніи. До сихъ поръ еще можно встрѣтить у инородческой милиціи луки и стрѣлы, фитильныя и кремневыя ружья. Строевыя части, какъ пѣхота, такъ и кавалерія, имѣютъ разнообразное вооруженіе, среди котораго преобладаетъ семилинейное нарѣзное ударное ружье англійской, американской, а иногда и тульской фабрикаціи. Скорострѣлки, преимущественно Спенсера, рѣже Генри Мартини и другихъ системъ, составляютъ лишь незначительный процентъ общаго вооруженія. Притомъ огнестрѣльнымъ оружіемъ снабжены далеко не всѣ строевые чины даже въ пѣхотѣ; многіе изъ нихъ носятъ сабли, бердыши, трезубцы, желѣзныя вилы и пики. . . . Не въ лучшемъ положеніи находится и артиллерія въ войскахъ Новой Линіи. . . . По добытымъ свѣдѣніямъ, общее количество орудій не велико, а скорозарядныхъ, преимущественно горныхъ стальныхъ, едва ли болѣе нѣсколькихъ десятковъ во всѣхъ войскахъ Новой Линіи. . . . Какъ без-

образно вооруженіе китайскихъ войскъ на Новой Линіи, настолько же, если даже не болѣе, безобразно ихъ обученіе" (стр. 509—512). Объ этомъ предметѣ г. Бутаковъ, основываясь на статьѣ г. Янжула [1]), говоритъ слѣдующее. „Армія сѣверо-западныхъ провинцій (такъ-называемой Новой Линіи), подъ начальствомъ Цзо-цзунъ-тана, въ числѣ 180,000 чел., по своему вооруженію, по свѣдѣніямъ Вульфа, лучшая во всемъ Китаѣ. Значительная часть пѣхоты вооружена ружьями Ремингтона и Мартини-Пибоди. Вся кавалерія — револьверами Ремингтона и карабинами Шарпа. Въ полевой артиллеріи нѣкоторая часть орудій системы Круппа, а также есть картечницы Гатлинга. Осадная артиллерія имѣетъ 20-ти и 40-ка фунт. орудія Круппа. И. Янжулъ прибавляетъ: „Свѣдѣнія, сообщаемыя въ американскомъ журналѣ о численности, вооруженіи и боевой годности войскъ Цзо-цзунъ-тана, очевидно преувеличены, такъ какъ во многомъ противорѣчатъ другимъ сообщеніямъ, встрѣчающимся въ англійскихъ газетахъ. Надо предполагать, что въ дѣйствительности численность европейски обученныхъ и вооруженныхъ скорозаряднымъ оружіемъ войскъ Цзо-цзунъ-тана не превышаетъ 40,000—50,000 человѣкъ; прочія же его войска имѣютъ старинное китайское вооруженіе. Большая часть нарѣзныхъ орудій изготовляется въ арсеналѣ, устроенномъ Цзо-цзунъ-таномъ въ Ланъ-чжеу-фу. Во всякомъ случаѣ нельзя отвергать, что китайское правительство принимаетъ энергическія мѣры для снабженія этихъ войскъ новымъ усовершенствованнымъ оружіемъ" (стр. 56). Получаетъ ли читатель изъ статьи г. Пржевальскаго точное, ясное представленіе о китайскихъ войскахъ на Новой Линіи? можетъ ли опредѣлить, къ какому результату привели принятыя китайскимъ правительствомъ энергическія мѣры для снабженія этихъ войскъ новымъ усовершенствованнымъ оружіемъ? Общихъ отзывовъ г. Пржевальскаго, что войска Новой Линіи вооружены плохо и содержатся дурно, въ данномъ случаѣ крайне недостаточно,—это предметъ для насъ, русскихъ, слишкомъ важный, чтобы говорить о немъ поверхностно и въ то же время утвердительно.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ слишкомъ малую увѣренность, что г. Пржевальскій изучилъ состояніе тѣхъ китайскихъ войскъ, которыя ему приходилось встрѣчать во время его послѣдняго путешествія. А между тѣмъ г. Пржевальскій по частности, и еще неосновательно изученной, не стѣсняясь, судитъ о цѣломъ; онъ говоритъ, что китайскія войска не только вообще плохи, но и никогда не могутъ быть хорошими. Сдѣлавъ это послѣднее заключеніе, г. Пржевальскій и самъ

[1]) Основанной, въ свою очередь, на свѣденіяхъ Генри Вульфа, помѣщенныхъ въ американскомъ журналѣ „The Californian".

увѣряется, и читателей увѣряетъ, что китайское правительство лишено возможности выставить въ западныхъ предѣлахъ своей имперіи боевыя силы, годныя и достаточныя для борьбы съ Россіею.

Говоря о безсиліи Китая въ военномъ отношеніи, г. Пржевальскій съ энергіею выражаетъ ту мысль, что народы Средней Азіи ненавидятъ китайцевъ и преисполнены симпатіями къ русскихъ, въ то же время надѣясь, что послѣдніе освободятъ ихъ, подчиняя себѣ, отъ ненавистнаго ига повелителей; что враждебное столкновеніе Россіи съ Китаемъ неизбѣжно, какъ потому, что китайцы будто бы тормозятъ нашу торговлю, начинаютъ дѣйствовать противъ насъ вообще вызывающимъ образомъ, „придираются ко всякому удобному случаю, чтобы нарушить то или другое условіе трактатовъ", такъ и потому, что владычество китайцевъ надъ магометанскимъ населеніемъ Центральной Азіи ведетъ къ возстаніямъ съ его стороны, которыя, „въ особенности при удачномъ ихъ исходѣ, могутъ до извѣстной степени мутить и магометанъ въ сопредѣльныхъ нашихъ владѣніяхъ"; что, наконецъ, намъ, русскимъ, не слѣдуетъ бояться войны съ Китаемъ, такъ какъ мы несомнѣнно окажемся побѣдителями.

Подробно оцѣнивать состоятельность выраженной г. Пржевальскимъ мысли мы не будемъ, въ виду того, что вопросы, имъ не только затронутые, но и рѣшенные (въ слишкомъ краткихъ словахъ), представляютъ важность, не допускающую поверхностныхъ сужденій, и широту, требующую такой суммы матеріала для ихъ выясненія, которая не улеглась бы въ рамки нашей статьи. Ограничимся немногими замѣтками.

Во-первыхъ. Народы Средней Азіи преисполнены симпатіями къ Россіи. Можетъ быть, это и справедливо. Но мы, съ одной стороны, лишены увѣренности, что г. Пржевальскій, не знающій азіятскихъ языковъ, чуждающійся людей, по возможности мимо обходившій города и селенія, изучилъ склонности и симпатіи этихъ народовъ, а съ другой — думаемъ, что на симпатію того азіята, который обрисованъ г. Пржевальскимъ въ его статьѣ, полагаться нельзя.

Во-вторыхъ. Китайцы тормозятъ нашу торговлю въ ихъ владѣніяхъ. Мы увѣрены, что г. Пржевальскій въ неизмѣримо большей степени правъ, когда говоритъ слѣдующее: „не мало найдется и съ нашей стороны причинъ, стѣсняющихъ развитіе русской торговли какъ въ Центральной Азіи, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Китая. Такими причинами являются: отсутствіе крупныхъ капиталовъ, недостатокъ солидныхъ торговыхъ фирмъ и широкой инниціативы въ этомъ дѣлѣ вообще. Кромѣ того, малое развитіе нашей колонизаціи по китайской границѣ, отсутствіе здѣсь фабричнаго производства и неудовлетворительное состояніе путей сообщенія—все это вмѣстѣ вза-

тое представляетъ весьма тяжеловѣсную сумму неблагопріятныхъ условій, при которыхъ торговое дѣло едва ли можетъ установиться какъ слѣдуетъ" (стр. 523). Неблагопріятныхъ условій для нашей торговли, являющихся не по винѣ китайцевъ, мы могли бы указать и болѣе,—но объ этомъ предметѣ намъ нѣтъ нужды говорить въ настоящемъ случаѣ.

Въ-третьихъ. Китайцы начинаютъ дѣйствовать противъ насъ вызывающимъ образомъ и нарушаютъ статьи трактатовъ. Не дѣлаетъ ли г. Пржевальскій изъ мухи слона? не принимаетъ ли за нарушеніе трактатовъ и политическій вызовъ со стороны Китая мелочныхъ придирокъ мелкотравчатыхъ пограничныхъ китайскихъ чиновниковъ? Что Китай не сегодня—завтра объявитъ Россіи войну, въ это мы не вѣримъ. Китай извѣстенъ тѣмъ, что онъ высоко цѣнитъ блага мирнаго времени и гнушается военныхъ турнировъ; Китай не стремится съ оружіемъ въ рукахъ къ завоеваніямъ народовъ и территорій; Китай осмотрителенъ и вовсе не склоненъ идти по невѣрному пути риска и приключеній; Китай знаетъ, сколь велико могущество Россіи, и понимаетъ, что онъ, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, еще не имѣетъ силы, достаточной для борьбы съ нею; Китай находитъ нужнымъ вооружаться, потому что не желаетъ быть застигнутымъ врасплохъ непріятелемъ, когда бы и съ какой бы стороны этотъ послѣдній ни сдѣлалъ нападенія.

Въ-четвертыхъ. Еслибы Китай не объявилъ намъ войны, мы должны объявить ему войну. Зачѣмъ? Чтобы, въ концѣ концовъ, завладѣть землями Центральной Азіи, которыя слабо защищаются китайцами и населены народами, чувствующими къ намъ симпатію? Я не знаю, въ какой степени полезно для Россіи брать на земномъ шарѣ все, что̀ только можно, но убѣжденъ, что захватъ какихъ-либо владѣній не можетъ съ нравственной стороны быть оправданъ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти владѣнія плохо защищаются.

Въ-пятыхъ. Русскіе, въ случаѣ войны съ китайцами, несомнѣнно побѣдятъ послѣднихъ. Почему это несомнѣнно? Потому что у Россіи есть многочисленное, прекрасно вооруженное, превосходно дисциплинированное войско, а у Китая такого войска нѣтъ. А знаемъ ли мы дѣйствительное состояніе военныхъ силъ Китая? Могли бы знать, еслибы намъ сообщилъ объ этомъ точно и подробно г. Пржевальскій, спеціалистъ въ военномъ дѣлѣ, недавно возвратившійся изъ путешествія по китайской имперіи, — но г. Пржевальскій этого не сдѣлалъ, и мы по старому осуждены имѣть весьма смутныя понятія о дѣйствительномъ состояніи военныхъ силъ Китая и, въ лучшемъ случаѣ, получать свѣденія о нихъ изъ статьи г. Бутакова. Что русскіе побѣдятъ китайцевъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся по многимъ

основаніямъ; но во что́ обойдется намъ побѣда, это вопросъ, на который едва ли можно отвѣчать съ увѣренностью,—незнаніе силъ противника не позволяетъ сдѣлать хотя бы приблизительно правильный разсчетъ. Г. Пржевальскій склоненъ думать, что сто́итъ русскому воинству только показаться въ предѣлахъ Небесной Имперіи, и все кончено, — непріятель уже разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Намъ припоминается, какъ въ свое время говорили о защитникѣ сербовъ, Черняевѣ, будто бы онъ уповалъ дойти до Константинополя, еслибы имѣлъ подъ своею командою не однихъ добровольцевъ, а хотя бы одинъ полкъ русскихъ солдатъ,—настолько силы турокъ представлялись незначительными. Россія послала въ Турцію не полкъ, а цѣлую армію. Что это шествіе послѣдней отъ начала до конца не было побѣдоноснымъ, извѣстно всякому. Турція и Китай не одно и то же,—впасть въ ошибку относительно второго легче, нежели относительно первой. При громадности населенія Небесной Имперіи и при ея быстромъ прогрессѣ въ военномъ дѣлѣ, трудно сказать, какими боевыми силами она располагаетъ теперь и будетъ располагать на слѣдующій годъ. Помимо боевой силы въ Китаѣ, есть еще другая сила, о которой Симонъ выражается такъ. „Правда, что манджуры и монголы неоднократно вторгались въ Китай и овладѣвали китайскимъ престоломъ, но удалось ли имъ присвоить себѣ хотя бы частицу китайской территоріи, выкроить себѣ въ Срединномъ Царствѣ что-нибудь въ родѣ герцогствъ и княжествъ, ввести новые законы, измѣнить систему налоговъ или землевладѣнія? Пытались ли они хотя бы даже ввести въ Китаѣ свой языкъ? Ничего такого не было сдѣлано съ ихъ стороны. Случилось даже нѣчто совершенно противоположное: сами они обратились въ китайцевъ. Вступивъ въ Китай и усѣвшись на престолѣ, который не защищалъ отъ нихъ никто, кромѣ вассаловъ царствовавшей династіи, павшей скорѣе вслѣдствіе народнаго равнодушія, чѣмъ подъ ударами завоевателей, манджуры оказались охваченными со всѣхъ сторонъ Китаемъ, который постепенно поглощалъ ихъ и усвоилъ ихъ себѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ перешагнулъ черезъ границу и вытѣснилъ манджуръ изъ Манджуріи. Она стала теперь, собственно говоря, китайскою областью, въ которой богдыханамъ съ трудомъ лишь удается сохранить въ школахъ обученіе манджурскому языку, вытѣсненному уже изъ употребленія китайскимъ. Могутъ возразить на это, что монголы и манджуры были варварами. Однако же германскія племена, вторгавшіяся въ Галлію въ V-мъ вѣкѣ и позднѣе, были тоже варвары, а въ цивилизаціи нашей сохранились до сихъ поръ слѣды ихъ варварскаго вліянія. Притомъ, не однѣ лишь азіятскія орды вторгались въ Китай. Подобныя вторженія производились также и великими европейскими державами. Извѣстно, между про-

чимъ, что Россія неоднократно присоединяла къ своимъ владѣніямъ довольно обширныя пространства сѣверо-западной и сѣверо-восточной китайской территоріи. На сѣверо-востокѣ это были въ сущности обширныя пустыни, едва населенныя племенами, которыя имѣютъ столь же мало общаго съ Китаемъ и Манджуріей, какъ и съ Россіей или Сибирью. Россія могла сохранить за собой такія пріобрѣтенія. Тамъ же, гдѣ Китай утвердился уже издавна, гдѣ у него заведены свои исправительныя колоніи, Россія не можетъ сдѣлать никакихъ серьезныхъ завоеваній. Ей пришлось бы встрѣтиться тамъ съ силой несравненно болѣе могущественной, чѣмъ ея армія и централизація власти. Тамъ оказались бы противъ нея не только люди, но и нравы, совершенно для нея непонятные или несогласующіеся съ ея собственными [1]) . . . . . Признаюсь, что не могу удержаться отъ улыбки, когда мнѣ говорятъ о проектахъ завоеванія и раздѣла китайскаго царства. Чтобы завоевать Китай, я знаю лишь одно средство: это ввести у себя такіе же порядки, какъ въ Китаѣ; но тогда мы прежде всего завоюемъ для себя родную свою страну, и всѣ государственныя наши подраздѣленія, вмѣсто того, чтобы служить причинами раздора, сольются въ одно великое цѣлое, — въ объединенное человѣчество, котораго ничто не преодолѣетъ" [2]).

Намъ думается, что теперь нѣтъ серьезной нужды ни китайцамъ нападать на русскихъ, ни русскимъ на китайцевъ. Если позволительно помечтать о будущемъ, переносясь мыслію черезъ весьма значительный періодъ времени, то мы скажемъ, что Россія столкнется съ Китаемъ, столкнется роковымъ образомъ. Но это произойдетъ лишь въ далекія будущія времена, напр. когда населеніе Сѣверной Америки возрастетъ до 400 — 500 милліоновъ; когда на территоріи нынѣшней Россіи не будетъ ни одного клочка земли, не эксплуатируемой до послѣдней степени; когда китайцамъ, чрезмѣрно размножившимся, представится альтернатива: умирать съ голоду или силою захватывать земли сосѣдей. Все это случится очень и очень не скоро. Въ ближайшемъ же будущемъ враждебное столкновеніе двухъ великихъ имперій можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если насъ будутъ подбивать къ войнѣ аматёры военнаго дѣла, а китайцевъ—наши европейскіе недоброжелатели, которые готовы пользоваться всякимъ средствомъ къ обезсиленію Россіи. При этомъ китайцы ли, потерявъ тысячъ 500 человѣкъ, побѣдятъ русскихъ, русскіе ли, потерявъ тысячъ 50 чел., побѣдятъ китайцевъ,

---

[1]) Срединное Царство, стр. 76—78.

[2]) Тамъ же, стр. 293—294.

результатъ ни для Китая, ни для Россіи не будетъ существеннымъ и значительнымъ.

Смерть 50 тысячъ человѣкъ — дѣло само по себѣ неважное,— вѣдь, все количество обитателей земного шара (милліарда $1^1/_2$) вымираетъ при полной смѣнѣ одного поколѣнія другимъ. Но цѣлесообразность смерти 50 тысячъ человѣкъ и религіозно-нравственная за нее отвѣтственность—дѣло очень важное, и мы увѣрены, что г. Пржевальскій, взглянувъ на вещи съ этой стороны, не сталъ бы съ такимъ рвеніемъ возбуждать Россію къ войнѣ съ Китаемъ или, по крайней мѣрѣ, отнесся бы съ большею серьезностью къ вопросу о дѣйствительныхъ боевыхъ силахъ Китая. Всякое необдуманное увлеченіе со стороны г. Пржевальскаго, какъ человѣка, обладающаго громкимъ именемъ и весьма значительнымъ авторитетомъ, непростительно.

Будучи далеки отъ мысли хотя сколько-нибудь умалять заслуги нашего знаменитаго путешественника (онѣ по достоинству оцѣнены), мы выражаемъ искреннее желаніе, чтобы онъ въ той книгѣ, которую намѣренъ издать въ свѣтъ, ясно показалъ намъ, что его литературные труды не подвергаютъ никого опасности риска, а его самого— нареканіямъ въ болѣе или менѣе неизвинительномъ увлеченіи.

Сергѣй Георгіевскій.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ

и

МЕЖДУНАРОДНЫЯ ИЛЛЮЗІИ.

— L'Alliance franco-russe, par *un diplomate* (Revue générale, 1887, № 87).
— *Comte de Chaudordy*, La France à la suite de la guerre de 1870—1871. Paris, 1887.
— *Ив. Ратовъ*. Дневникъ публициста. Въ ожиданіи войны. Спб., 1887.

Во время шумныхъ демонстрацій, при отъѣздѣ генерала Буланже изъ Парижа, произошелъ маленькій эпизодъ, обратившій на себя вниманіе французской печати. Какой-то господинъ „элегантно-военной наружности", съ сѣдою бородкою, остановилъ Деруляда и сказалъ ему: „я—русскій, я зналъ генерала Буланже въ Петербургѣ; *всѣ въ Россіи* любятъ его и уважаютъ: это вашъ Скобелевъ". Толпа закричала: „Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Франція!"

Такъ переданъ этотъ эпизодъ въ газетѣ „Temps". Неизвѣстно, кто былъ этотъ русскій, считавшій себя уполномоченнымъ говорить отъ имени „всѣхъ въ Россіи"; такихъ господъ появилось теперь довольно много въ русскомъ обществѣ и въ русской печати. Симпатіи къ Франціи должны были естественно усилиться у насъ въ послѣдніе годы, въ виду повторяющихся германскихъ угрозъ по отношенію къ побѣжденной странѣ; но это сочувствіе принимало отчасти уродливыя формы, выражаясь въ нелѣпыхъ оваціяхъ французскому бульварному генералу и въ воинственной готовности нѣкоторыхъ публицистовъ помочь французамъ обратно завоевать Эльзасъ и Лотарингію. Во Франціи все болѣе распространяется убѣжденіе, что Россія стремится будто бы заключить съ нею союзъ для совмѣстной борьбы съ нѣмцами; французскіе патріоты высчитываютъ уже выгоды и неудобства

русскаго содѣйствія, нисколько не сомнѣваясь въ нашей самоотверженной рѣшимости воевать для пользы симпатичнаго намъ народа, предпринимавшаго не разъ кровавые походы на Россію. Легковѣсныя разсужденія нашихъ мнимо-патріотическихъ газетъ, восторги какихъ-то „элегантныхъ" русскихъ по поводу будущихъ подвиговъ генерала Буланже, брошюры о франко-русскомъ союзѣ, подписанныя анонимными „русскими офицерами", — все это принимается въ Парижѣ за несомнѣнное доказательство того, что Россія дѣлаетъ Франціи „авансы" въ видахъ скорѣйшаго заключенія съ нею оборонительнаго и наступательнаго союза. Французы вѣрятъ даже, что союзъ былъ формально предложенъ съ нашей стороны, при министерствѣ Фрейсинэ, которое, однако, не рѣшилось взять на себя отвѣтственности за подобный смѣлый шагъ.

Въ брошюрѣ князя Любомирскаго, вышедшей недавно подъ заглавіемъ: „L'incident de Pagny et l'alliance russe", проводится, между прочимъ, мысль, что союзъ съ Россіею былъ бы невыгоденъ для Франціи, такъ какъ русскія войска не могли бы оказать существенной помощи французамъ въ войнѣ съ Германіею. „Россія, непобѣдимая у себя дома, можетъ, внѣ своихъ границъ, выставить не болѣе 200.000 человѣкъ,—цифра недостаточная при настоящемъ положеніи военнаго дѣла... Для собственной своей защиты Россія не имѣетъ никакой надобности въ содѣйствіи французовъ. Она сама постоитъ за себя въ томъ невѣроятномъ случаѣ, еслибы на нее вздумали напасть. Что касается защиты Франціи отъ нападенія, то это было бы совсѣмъ невозможно для Россіи, если даже предположить, что Германія не найдетъ союзниковъ для поддержанія русскаго нейтралитета. Между тѣмъ Франція могла бы совершить сильнѣйшую диверсію въ пользу внѣшнихъ интересовъ Россіи, угрожаемой съ этой стороны (т.-е. Германіею). При такихъ условіяхъ союзъ могъ бы осуществиться, но онъ былъ бы полезенъ исключительно для Россіи (!)".

Авторъ „дипломатической" статьи въ „Revue générale" (отъ 15-го іюня), изъ которой мы заимствуемъ эту цитату, возражаетъ противъ такого мнѣнія князя Любомирскаго; онъ находитъ, что и 200.000 русскихъ солдатъ — цифра довольно внушительная, которою не слѣдуетъ пренебрегать въ интересахъ Франціи. Французскій дипломатъ ссылается еще на другую брошюру, болѣе авторитетную, по его словамъ: „De l'alliance franco-russe, par *un général russe*". Нашъ „генералъ" (быть можетъ, мнимый) говоритъ прямо: „Франко-русскій союзъ есть историческая необходимость; основаніе ему положено Наполеономъ I въ Москвѣ (!) и Наполеономъ III въ Севастополѣ (!!), ибо подъ стѣнами этихъ двухъ городовъ два великіе народа научились понимать и уважать другъ друга". Казалось бы, что непріятельскія

дѣйствія подъ Москвой и Севастополемъ всего меньше могли бы оправдывать для насъ стремленіе къ союзу съ тогдашними врагами. Довольно странно видѣть въ прежнихъ французскихъ нашествіяхъ основу для какихъ-либо обязательствъ относительно Франціи. „Русскій генералъ" опасается, что Германія отниметъ у насъ остзейскія провинціи, если мы не поможемъ французамъ въ предстоящей войнѣ. Онъ, повидимому, не раздѣляетъ взгляда Любомирскаго, что „Россія непобѣдима у себя дома". „Наши хорошія отношенія съ Германіею, — поясняетъ онъ,—имѣли свой разумный смыслъ, пока Пруссія была небольшимъ государствомъ; теперь эти отношенія составляютъ грубую ошибку нашей дипломатіи и находятся въ противорѣчіи съ чувствами всего русскаго народа (sic!), который понимаетъ по инстинкту, что нѣмецъ — самый опасный его врагъ" [1]). И французскій „дипломатъ", пишущій въ „Revue générale", добавляетъ отъ себя, что „авторъ этой брошюры имѣетъ за собою милліоны русскихъ, думающихъ одинаково съ нимъ".

Такъ вводится въ заблужденіе политическая печать западной Европы. Наше мирное крестьянство изображается въ видѣ воинственной массы, жаждущей сразиться съ нѣмецкими войсками ради французской дружбы и для предупрежденія будущихъ германскихъ посягательствъ. Какъ это похоже на дѣйствительность! Отдѣльные голоса политиканствующихъ публицистовъ выдаются за мнѣніе „милліоновъ русскихъ" и даже „всего русскаго народа". Правда, крикливые патріоты сами не отправятся въ походъ, а будутъ издали слѣдить за интересными событіями, отъ которыхъ пострадаютъ сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ людей. Погибать придется не тѣмъ, кто увлекается кровавыми призраками, а тѣмъ, кому нѣтъ никакого дѣла ни до „интригъ" князя Бисмарка, ни до французскихъ мечтаній объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Франко-русскій союзъ не устранитъ отъ насъ сосѣдства 40-милліоннаго нѣмецкаго народа, съ которымъ всегда нужно будетъ считаться такъ или иначе. Никакія политическія комбинаціи не превратятъ французовъ въ нашихъ сосѣдей и не уничтожатъ пограничныхъ отношеній нашихъ съ нѣмцами. Эта азбучная истина забывается только фантазерами, которые всю современную исторію сводятъ къ закулиснымъ подвигамъ и интригамъ отдѣльныхъ лицъ.

Такъ какъ рѣчь идетъ о союзѣ, могущемъ вовлечь насъ въ цѣлый рядъ рискованныхъ войнъ, то любопытно знать, что̀ думаютъ предложить намъ и чего ждутъ отъ насъ предполагаемые наши друзья,

[1]) Обѣ брошюры—князя Любомирскаго и „русскаго генерала" — мы цитируемъ изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ у насъ нѣтъ этихъ брошюръ.

французы. Въ этомъ отношеніи намъ кажется весьма поучительною упомянутая выше статья „дипломата" въ „Revue générale". Авторъ рекомендуетъ себя какъ человѣкъ высокопоставленный и компетентный. „Я оффиціально посѣтилъ,—говоритъ онъ,—не мало странъ и дворовъ,—хотя и не встрѣчалъ нигдѣ графа Васалія,—и нѣтъ страны, откуда я вынесъ бы лучшія воспоминанія, чѣмъ изъ Россіи. Чествуемый петербургскимъ обществомъ, которому подобное найдется только въ Парижѣ въ извѣстныхъ салонахъ, я сохранилъ въ себѣ живое сознаніе качествъ славянскаго народа и научился любить его. Теперь сближеніе между двумя націями, едва намѣченное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выдвигается силою обстоятельствъ и предписывается мудростью двухъ правительствъ". Указавъ на отсутствіе всякихъ поводовъ къ разногласіямъ и столкновеніямъ между Россіею и Франціею, авторъ заявляетъ, что обѣ державы имѣютъ одинаковый интересъ въ ограниченіи могущества Германіи. Въ политикѣ дѣйствуетъ будто бы правило, что успѣхи одного народа равносильны ослабленію другихъ, и поэтому „всякій выигрышъ Германіи есть потеря для Россіи". Нечего и говорить, что такая теорія равновѣсія доводитъ международное соперничество до абсурда. Германія выиграла многое въ области колоніальныхъ пріобрѣтеній, и эти успѣхи ея не могли намъ причинить никакого ущерба; такъ же точно наши послѣдовательныя завоеванія въ Средней Азіи были совершенно безразличны и, быть можетъ, даже желательны для нѣмцевъ. Усиленіе какого-либо государства можетъ представлять опасность для сосѣдей, когда оно затрогиваетъ ихъ реальные интересы; гдѣ интересы не сталкиваются непосредственно, тамъ не должно быть мѣста взаимной враждѣ и зависти. Но оставимъ теоріи французскаго „дипломата" и посмотримъ, какія практическія цѣли приписываетъ онъ русской политикѣ. „Россія,—по его словамъ,—не стремится уже такъ открыто, какъ прежде, къ Босфору; ея притязанія не уменьшились, что бы ни говорили въ Петербургѣ, но онѣ болѣе сдержанны, если не болѣе скромны. Византія не составляетъ уже прямой и непосредственной цѣли. Подвигаясь медленно и твердо, Россія предпочитаетъ дѣйствовать въ Балканахъ посредствомъ системы протекторатовъ: это—замаскированное завоеваніе безъ полнаго овладѣнія и безъ отвѣтственности". Между тѣмъ, въ ожиданіи событій на Рейнѣ, Россія отказалась отъ вмѣшательства въ болгарскія дѣла, чтобы быть готовою дать вѣскій отпоръ воинственнымъ планамъ Германіи. „Развѣ это не авансъ относительно Франціи?—продолжаетъ авторъ:—по крайней мѣрѣ, въ этомъ можно видѣть желаніе войти въ игру нашей политики (?)". По мнѣнію „дипломата", образъ дѣйствій Россіи долженъ побудить Францію вступить съ нею въ соглашеніе, ибо „Россія дѣлаетъ намъ (францу-

замъ) такіе авансы, какіе только допускаются дипломатическими обычаями". Однако французскіе правители не торопятся идти намъ на встрѣчу; они будто бы не обнаруживаютъ охоты воспользоваться русскимъ настроеніемъ. „Препятствіе къ союзу исходитъ не отъ Россіи; оно заключается въ дурной волѣ Франціи".

Выходитъ какъ будто, что французы еще намъ сдѣлаютъ одолженіе, если примутъ содѣйствіе 200.000 русскихъ солдатъ для отобранія у нѣмцевъ Эльзаса и Лотарингіи. Намъ нечего отнимать у Германіи, и мы остались бы ни съ чѣмъ въ случаѣ побѣды; мы должны были бы довольствоваться тѣмъ, что ослабили нѣмецкую имперію и самихъ себя, ибо тогда возстановилось бы желанное для автора равновѣсіе въ пользу Франціи. Что касается интересовъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ, то „дипломатъ" относится къ нимъ, повидимому, отрицательно; изъ словъ его можно было бы заключить, что французы столь же мало расположены поощрять наше стремленіе къ Босфору, какъ и германцы и австрійцы. Если такъ смотритъ на дѣло человѣкъ, котораго чествовало петербургское общество и который бывалъ оффиціально при европейскихъ дворахъ, то чего же ожидать отъ людей, менѣе посвященныхъ въ политику и не столь преданныхъ идеѣ франко-русскаго союза?

Мы не знаемъ имени дипломата, взявшагося, „въ видѣ исключенія", за перо для передачи своихъ соображеній въ печати, и мы не можемъ поэтому судить, насколько основательно его притязаніе на авторитетъ въ вопросахъ европейской политики. Но мы имѣемъ свидѣтельство другого французскаго дѣятеля, несомнѣннаго знатока международной дипломатіи, игравшаго видную роль во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію мира между Франціею и Германіею въ 1871 году. Это графъ Шодорди, авторъ книжки „La France à la suite de la guerre de 1870—1871". Онъ также доказываетъ необходимость франко-русскаго союза. „Между Франціею и Россіею,—говоритъ онъ,—не существуетъ никакихъ преградъ для дружбы и близкихъ отношеній. Устройство этихъ связей не можетъ быть дѣломъ одного дня; всякій, имѣющій во Франціи какое-либо вліяніе на внѣшнюю политику, долженъ трудиться для этой цѣли; всѣ партіи, всѣ направленія должны содѣйствовать этому, ибо въ этомъ спасеніе наше извнѣ. Двѣ великія расы—славянская и французская—прекрасно созданы для обоюднаго пониманія и соглашенія, и обѣ націи найдутъ въ этомъ громадныя выгоды" (стр. 118). Единственнымъ предметомъ разногласій былъ польскій вопросъ, который теперь уже сошелъ со сцены. Восточныхъ дѣлъ авторъ не принимаетъ въ расчетъ; онъ думаетъ, что Россія не станетъ добиваться того, что непріятно было бы французамъ. „Франція,—утверждаетъ

онъ,—имѣетъ свои симпатіи къ Турціи и достаточно доказала это на дѣлѣ. Когда наши интересы не были прямо задѣты, мы сражались за нашихъ давнишнихъ друзей и союзниковъ (турокъ!); но, будучи оставлены всѣми и самою Турціею, мы должны уже заботиться только о нашихъ собственныхъ дѣлахъ" (стр. 116). „Война 1856 года,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—была послѣднимъ проявленіемъ великой и гордой политики", направленной „противъ русскаго преобладанія на Востокѣ" и основанной на тѣсномъ союзѣ съ Англіею. „Допустивъ разгромъ Франціи, въ силу обдуманнаго рѣшенія, при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ и при полномъ пониманіи дѣла, Англія громко заявила, что она интересуется только ходомъ своей торговли, своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, своимъ развитіемъ внутреннимъ и колоніальнымъ. Будущее покажетъ, не совершили ли величайшую ошибку государственные люди, направившіе Англію на этотъ путь, и не подвергли ли они опасности всего того, чтó думали сохранить". Такъ какъ Англія оставила Францію на произволъ судьбы и не хочетъ быть съ нею въ союзѣ, а Австрія и Италія рѣшительно примкнули къ Германіи, то французамъ остается одна надежда—на Россію. Съ своей стороны, „Франція есть единственная въ Европѣ держава, способная оказать Россіи дѣйствительную и надежную поддержку, безъ опасности для будущаго". Въ чемъ же можемъ мы разсчитывать на французскую помощь? По мнѣнію графа Шодорди, Россія „призвана преобразовать племена, населяющія Среднюю Азію, и открыть прямое сообщеніе между Европою и крайнимъ востокомъ. На этомъ цивилизаторскомъ пути Россія должна имѣть съ Франціею близкое общеніе благородныхъ и практическихъ идей, и изъ этого положенія неизбѣжно образуется союзъ двухъ правительствъ, основанный на общности интересовъ и стремленій обоихъ народовъ. Установить этотъ союзъ должно быть одною изъ главныхъ цѣлей французской политики". Авторъ совѣтуетъ правителямъ республики позаботиться о примиреніи и соглашеніи Россіи съ Англіею. „Русскіе не имѣютъ въ виду напасть на Индію. Они ограничиваютъ свое честолюбіе желаніемъ подвигаться медленно между Персіею и Афганистаномъ, къ океану и Персидскому заливу. Взглянувъ на карту, легко понять, что удовлетвореніе этого честолюбія и вполнѣ законно, и достаточно для того, чтобы исполнились самыя грандіозныя мечтанія, какія можетъ имѣть Россія. Такимъ способомъ можно было бы устранить ея старыя притязанія на Константинополь" (стр. 121).

Итакъ, французскій дипломатъ отводитъ для русской политики одно только самостоятельное поле дѣйствія—*въ Средней Азіи*, около Афганистана и Персіи! Въ средне-азіатскихъ дѣлахъ Франція готова

оказать намъ помощь въ видѣ „близкаго общенія идей великодушныхъ и практическихъ", а мы, взамѣнъ этого, пошлемъ французамъ вспомогательную армію для доставленія имъ торжества надъ нѣмцами. Намъ обѣщаютъ поддержку тамъ, гдѣ она вовсе не нужна и даже неосуществима, а мы обязаны будемъ устроить для Франціи „спасеніе" въ области ея внѣшней политики, цѣною тяжелыхъ кровавыхъ жертвъ русскаго народа. Съ точки зрѣнія французскаго дипломата, завѣтные политическіе планы Россіи не должны идти далѣе Персидскаго залива, а Балканскій полуостровъ останется по прежнему въ распоряженіи западныхъ державъ—Австріи и Англіи. И для этого намъ предлагаютъ союзъ съ Франціею противъ Германіи!

Очевидно, французскіе патріоты далеко еще не освободились отъ опасныхъ иллюзій въ сферѣ международныхъ отношеній. Такой опытный и серьезный дипломатъ, какъ графъ Шодорди, считаетъ возможнымъ вѣрить, что вмѣшательство Англіи могло остановить германскія побѣды въ 1870 году или измѣнить условія мира въ пользу Франціи. Онъ обвиняетъ тогдашняго англійскаго премьера, Гладстона, за миролюбивую сдержанность, обязательную для всякаго англійскаго правительства при подобныхъ обстоятельствахъ. „Еслибы,—говоритъ онъ,—англійское правительство рѣшилось во время войны дѣятельно вмѣшаться въ защиту Франціи, оно было бы поддержано правительствами Италіи и Австро-Венгріи: мы имѣемъ въ этомъ не только личное убѣжденіе, но и доказательства. Тогда, понятно, и результаты послѣдней войны были бы совсѣмъ другіе, даже для будущаго самой Англіи" (стр. 72). Въ дѣйствительности, Австрія и Италія едва ли могли бы послѣдовать примѣру Англіи, еслибы послѣдняя сочла нужнымъ вмѣшаться, ибо для континентальныхъ государствъ участіе въ войнѣ сопряжено было бы съ гораздо бòльшими усиліями и жертвами, чѣмъ для морской державы, обезпеченной отъ нападенія на сушѣ. Притомъ графъ Шодорди забываетъ о Россіи, которая сдерживала Австро-Венгрію своимъ заявленіемъ о сочувственномъ для Пруссіи нейтралитетѣ. Невѣрно также, что интересы Англіи пострадали отъ успѣховъ германскаго оружія; напротивъ, они выиграли во всѣхъ отношеніяхъ; англичане не распоряжались бы теперь самовластно въ Египтѣ, не были бы тріумфаторами на берлинскомъ конгрессѣ и не получили бы Кипра отъ Турціи, еслибы могущественная соперница Англіи не была разбита въ 1870 г. Англичанамъ пришлось бы дѣлиться съ французами-побѣдителями, а намъ нисколько не было бы легче отъ того, что конгрессъ 1878 г. происходилъ бы не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ. Графъ Шодорди имѣетъ иллюзіи и въ военномъ отношеніи: онъ думаетъ, что французы, по всей вѣроятности, одержали бы побѣду, еслибы войска не

были раздѣлены на семь корпусовъ, а составляли бы три сосредоточенныя арміи, изъ которыхъ двѣ подвигались бы впередъ, а третья была бы въ резервѣ (стр. 66). Первой побѣды было бы достаточно будто бы для того, чтобы разорвать союзъ, заключенный Пруссіею съ государствами южной Германіи. Нужно очень плохо понимать тогдашнее настроеніе нѣмецкаго народа, чтобы предположить расколъ между нѣмцами послѣ первой неудачи; и надо имѣть совершенно ошибочное представленіе о тогдашнихъ военныхъ силахъ обѣихъ сторонъ, чтобы допустить возможность прочнаго успѣха для французскихъ армій, командуемыхъ такими полководцами, какъ Базэнъ, при общемъ разлагающемъ характерѣ бонапартовскаго режима того времени. Если такъ ошибается компетентный свидѣтель войны и участникъ послѣдовавшихъ за нею дипломатическихъ переговоровъ, то можно ли разсчитывать на лучшее пониманіе событій со стороны большинства современныхъ дѣятелей и патріотовъ Франціи?

Вѣрная оцѣнка чужихъ народныхъ интересовъ и стремленій весьма рѣдко встрѣчается у французовъ, и обычная наклонность ихъ увлекаться въ ту или другую сторону обнаруживается и во взглядахъ на франко-русскія отношенія. Приверженцы франко-русскаго союза, разсуждающіе о нашемъ участіи въ будущей великой войнѣ противъ Германіи, упускаютъ изъ виду, что рядомъ съ германской имперіей стоитъ союзница ея, довольно еще могущественная Австро-Венгрія, враждебно къ намъ расположенная и дѣйствительно соперничающая съ нами на Балканскомъ полуостровѣ. Куда же дѣнется Австрія, съ ея 800.000 войска, если мы обратимся противъ нѣмцевъ для поддержки Франціи? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она сыграетъ относительно нѣмцевъ ту же охранительную роль, какую мы сыграли въ 1870 году: Австрія выставитъ свою армію у нашихъ границъ, чтобы обезпечить нейтралитетъ Россіи по отношенію къ Германіи. Тѣ 200.000 русскихъ солдатъ, которыми хочетъ довольствоваться дипломатъ изъ „Revue générale“, должны будутъ стоять на-готовѣ противъ Австріи, а вовсе не противъ Германіи,—такъ что никакой военной помощи французы отъ насъ не получатъ, даже еслибы мы искренно желали помочь имъ. Если требовалось напряженіе всѣхъ нашихъ военныхъ силъ для разгрома Турціи, то тѣмъ болѣе необходимо будетъ сосредоточиться для борьбы съ Австро-Венгріею. Никто не скажетъ, что мы въ состояніи успѣшно вести наступательную войну одновременно противъ двухъ первоклассныхъ военныхъ державъ, а обороняться отъ Германіи намъ не придется, такъ какъ ей и безъ того будетъ слишкомъ много дѣла на Рейнѣ. Чтобы достигнуть какой-нибудь реальной политической цѣли, мы должны были бы употребить всѣ усилія для полнаго пораженія Австріи, и противъ

этого, въ сущности, ничего не имѣли бы въ Берлинѣ: нѣмецкія земли Габсбурговъ отошли бы къ Германіи, а Галичина присоединилась бы къ Россіи; балканскія области освободились бы отъ австрійскаго вліянія, и восточный вопросъ могъ бы окончательно рѣшиться въ благопріятномъ для насъ духѣ. Съ Англіею вполнѣ возможно было бы соглашеніе на почвѣ ненужныхъ намъ и разорительныхъ средне-азіатскихъ заботъ. Такова единственная цѣлесообразная программа, которой должны были бы придерживаться у насъ сторонники предпріимчивой внѣшней политики.

Сближеніе съ Франціею въ высшей степени желательно и полезно; оно фактически уже само собою установилось въ послѣднее время по поводу отдѣльныхъ международныхъ задачъ, въ родѣ египетской и болгарской,—но оно вытекаетъ изъ общности интересовъ относительно Англіи и ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть характеръ союза, направленнаго противъ Германіи. Франція и Россія одинаково заинтересованы въ ограниченіи британскаго преобладанія въ Средиземномъ морѣ, въ Константинополѣ, въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ. Отсюда—естественная солидарность дѣйствій на Востокѣ, не имѣющая ничего общаго съ франко-германскими счетами. Мы можемъ извлечь большую пользу изъ существующаго соперничества между Англіею и Франціею; но намъ рѣшительно нечего дѣлить съ французами въ случаѣ успѣшной борьбы ихъ съ Германіею: нѣмецкихъ земель намъ не нужно, и, помогая Франціи добывать Эльзасъ и Лотарингію, мы только нажили бы себѣ злѣйшихъ и могущественныхъ враговъ, которые у насъ подъ бокомъ подготовляли бы возмездіе. Система крови и желѣза надолго овладѣла бы нашею политическою жизнью и придала бы ей крайне пагубное направленіе, несовмѣстимое съ мирными интересами народа; мы болѣе чѣмъ когда-либо отдалились бы отъ благопріятнаго рѣшенія восточнаго кризиса, имѣя предъ собою враждебную европейскую коалицію. И все это ради чего? Франція не можетъ послать ни одного солдата противъ Австріи и Англіи, которыя противостоятъ намъ на Востокѣ. Французы ничего или почти ничего не могутъ сдѣлать для насъ во время общей европейской войны, точно также какъ и мы не въ состояніи были бы принять дѣятельное участіе въ событіяхъ на Рейнѣ, въ виду непріязненнаго намъ положенія Австро-Венгріи. Русско-германская вражда приводитъ къ послѣдствіямъ, одинаково убійственнымъ для Германіи и для Россіи, безъ существенной пользы для Франціи. Оставаясь же въ мирѣ съ германскою имперіею, мы можемъ весьма значительно вліять на рѣшенія ея относительно французовъ, какъ это ясно доказали примѣры 1875 и 1887 годовъ; мы можемъ оказывать давленіе на политику Берлина и послѣ открытія военныхъ дѣйствій на Западѣ, остав-

ляя за собою право голоса при опредѣленіи мирныхъ условій. Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія односторонняго франкофильства, нельзя было бы намъ колебаться въ выборѣ между миромъ и войною съ Германіею.

Можно сказать, что настоящія русско-германскія отношенія имѣютъ всѣ свойства „худого мира“; но государство должно руководствоваться не впечатлѣніями минуты и не порывами мимолетнаго чувства, а твердымъ сознаніемъ высшихъ и постоянныхъ интересовъ страны. Нужно помнить, что бисмарковскій международный режимъ—явленіе преходящее, временное, далеко не совпадающее съ культурнымъ ростомъ нѣмецкой націи. Основатели имперскаго единства сойдутъ со сцены; не станетъ „желѣзнаго канцлера“, и затихнутъ громы берлинскихъ оффиціозовъ, принимаемыхъ нынѣ за выразителей воли и мнѣнія Германіи. При дѣятеляхъ менѣе геніальныхъ и авторитетныхъ, измѣнится самъ собою характеръ имперской политики, и потребности мирныхъ трудящихся населеній выступятъ снова на первый планъ. Предполагать, что миролюбивый нѣкогда нѣмецкій народъ окончательно переродился въ духѣ прусскаго надменнаго милитаризма и нашелъ свое вѣрное выраженіе въ системѣ безплодной международной вражды—значило бы не понимать исторіи. Быть можетъ, и франко-германскій споръ, столь сильно обострившійся въ послѣдніе годы, найдетъ себѣ со временемъ болѣе разумный и человѣчный выходъ, чѣмъ предполагаемое колоссальное кровопролитіе.

Идея франко-русскаго союза порождаетъ во Франціи напрасныя воинственныя иллюзіи, которыя иногда поддерживаются средствами довольно сомнительнаго качества. Въ одномъ парижскомъ журналѣ, въ отдѣлѣ библіографіи, мы читаемъ, напримѣръ, отзывъ о новой книгѣ, появившейся подъ эффектнымъ заглавіемъ: „Dans l'attente de la guerre. Carnet d'un diplomate (sic) russe, 1883—1887“. Изъ этой рецензіи мы узнаемъ слѣдующее: „Означенная книга заключаетъ въ себѣ переводъ сочиненія по международной политикѣ, которое должно произвести сенсацію. Въ предисловіи, переводчикъ, г. Сергѣй Носовъ, даетъ намъ понять, что анонимный авторъ книги есть тотъ высшій чиновникъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которому поручено знакомить Европу съ воззрѣніями императорскаго правительства и котораго письма въ „Nord“ и въ „Politische Correspondenz“, во время двухъ послѣднихъ франко-германскихъ конфликтовъ, доказали, что Франція имѣетъ могущественную союзницу. Этотъ замѣчательный трудъ можетъ быть резюмированъ такъ: въ виду того, что князь Бисмаркъ—врагъ спокойствія Европы, необходимо соединиться Франціи и Россіи, чтобы сломить его могущество. Чтеніе книги „Dans l'attente de la guerre“ подниметъ падающее мужество и вы-

яснить всѣмъ французамъ, что „страшный годъ" не повторится... для ихъ отечества" („Revue générale", № 89, на обложкѣ).

Мы не имѣемъ подъ рукою этого французскаго перевода; но передъ нами оригиналъ, не имѣющій ничего общаго ни съ русскою дипломатіею, ни съ письмами въ „Nord" и „Politische Correspondenz". Книга озаглавлена по-русски болѣе скромно: „Въ ожиданіи войны. Дневникъ публициста (а не дипломата!). *Ив. Ратова.* Спб., 1877". Она заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней съ нѣкоторою подробностью. Это сборникъ газетныхъ передовыхъ статей, печатавшихся, если не ошибаемся, въ „Новостяхъ". Надъ каждою статейкою поставлено число, а затѣмъ начинается разсужденіе: „Рѣчь, произнесенная вчера Гладстономъ" и т. д. При такомъ отрывочномъ и отчасти безсвязномъ характерѣ „дневника", книга вся проникнута одною мыслью или, вѣрнѣе, однимъ чувствомъ, которое можно выразить словами: „громъ побѣды раздавайся!" или „шапками закидаемъ!" Самъ авторъ избралъ эпиграфомъ для своей книги извѣстныя пушкинскія строки: „Иль спорить намъ съ Европой ново? Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?" Статьи написаны недурно и даже иногда краснорѣчиво, въ духѣ того приподнятаго специфическаго патріотизма, который считается обязательнымъ для иностранныхъ политиковъ въ газетахъ. При постоянномъ ежедневномъ чтеніи враждебныхъ заграничныхъ „органовъ" вырабатывается какой-то особый взглядъ на Европу, причемъ европейскіе народы исчезаютъ, а на ихъ мѣсто ставятся „Сѣверо-германская всеобщая газета", „Пештскій Ллойдъ", „Standard" и „Times". Предполагается, что каждое слово той или другой газеты внушено дальновидными государственными людьми и что, напримѣръ, князь Бисмаркъ всецѣло занятъ редактированіемъ многочисленныхъ „органовъ", имѣющихъ репутацію оффиціозныхъ. Газета „Post", или „Сѣверо-германская", или „Кёльнская", сказала то-то; значитъ, Германія хочетъ того-то, хотя бы это совсѣмъ не соотвѣтствовало мнѣніямъ остальной нѣмецкой печати и дѣйствительному настроенію нѣмецкаго общества. „Пештскій Ллойдъ" и вѣнская „Presse" высказываются такъ-то; значитъ, Австрія имѣетъ такіе-то опасные планы. А такъ какъ взгляды газетъ часто мѣняются, то почти ежедневно обнаруживаются перемѣны и противорѣчія въ замыслахъ Бисмарка, Сольсбери и Кальноки. Это легкое газетное политиканство, видящее Европу только на страницахъ оффиціозной прессы, создаетъ для нашего „публициста" какой-то фантастическій міръ, полный кровавыхъ призраковъ, угрозъ и интригъ. Любой газетный намекъ какого-нибудь нѣмецкаго патріота разростается въ нашемъ воображеніи въ цѣлую систему; непріязненный тонъ иностранной журналистики, вызываемый иногда нашею же предполагае-

мою враждебностью, принимается за очевидный симптомъ приближающейся грозы. Негодованіе по поводу отдѣльныхъ выходокъ печати обращается противъ цѣлаго народа, и великія европейскія націи смѣло привлекаются къ отвѣтственности за неудачныя разсужденія „Кёльнской газеты“, „Standard'а“ или „Pester Lloyd'а“. Умъ нашего политика изощряется до того, что онъ начинаетъ читать между строкъ и сразу отыскиваетъ нужные симптомы, игнорируя все остальное; тогда онъ достигаетъ высшей ступени газетной проницательности: онъ предсказываетъ будущія статьи иноземныхъ оффиціозовъ и совѣтуетъ заранѣе принять мѣры противъ неугомонныхъ враговъ.

Къ такому именно типу дальнозоркихъ публицистовъ принадлежитъ авторъ упомянутой книги, г. Ив. Ратовъ. Для подобныхъ политиковъ князь Бисмаркъ есть не только человѣкъ, хотя и геніальный; это—сверхъ-естественное существо, всевѣдущее и всемогущее, которое двигаетъ народами, какъ пѣшками, направляетъ дѣлами и событіями во всѣхъ углахъ Европы, внушаетъ націямъ такія или иныя чувства, создаетъ вражду или любовь болгаръ къ Россіи, порождаетъ кризисы и замѣшательства на Востокѣ и на Западѣ, является Зевсомъ-громовержцемъ и „причиною причинъ“ въ международной политикѣ. Грандіозные размѣры этого всепоглощающаго существа значительно упрощаютъ пониманіе фактовъ: вездѣ и повсюду можно видѣть таинственную руку Бисмарка, и нѣтъ уже надобности искать какихъ-либо другихъ объясненій. Но наши гг. Ратовы бодрствуютъ: они слѣдятъ за каждымъ шагомъ всесильнаго противника и за каждымъ словомъ его газетныхъ сотрудниковъ; они разоблачаютъ интригу, по мѣрѣ ея проявленія, и дружелюбно совѣтуютъ врагамъ не доводить до того, чтобы „патріотическій пылъ охватилъ всю Россію, отъ мала до велика“ (стр. 188—9). Больше всего волнуетъ автора Болгарія, гдѣ, по обыкновенію, распоряжается невидимкой германскій канцлеръ, окруженный толпою своихъ оффиціозовъ. Все, что происходитъ въ Софіи, имѣетъ свою разгадку въ Берлинѣ. „Подлинныя слова газеты „Post“ вполнѣ выясняютъ“ автору даже вопросъ о томъ, „почему Стамбуловы и Муткуровы высылаютъ префекта на-встрѣчу генерала Каульбарса, вмѣсто того, чтобы лично привѣтствовать его“ (стр. 211). Г. Ратовъ ясно даетъ намъ понять, что терпѣніе его истощилось. „Кровные русскіе интересы и достоинство русскаго государства требуютъ, чтобы всякому сопротивленію этой (русской) волѣ былъ положенъ конецъ. Могущество же Россіи и самоотверженность ея народа служатъ ручательствомъ, что она справится не только съ интригами Муткуровыхъ и Стамбуловыхъ, но и съ тайнымъ или открытымъ противодѣйствіемъ ихъ союзниковъ“ (стр. 206). Авторъ находитъ, что не мѣшало бы „если не обнажить, то, по крайней

мѣрѣ, держать на-готовѣ мечъ" для вразумленія нашихъ западныхъ друзей (стр. 222). Храбрость г. Ратова ростетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ увеличенія трудностей задачи; онъ, наконецъ, готовъ воевать съ тремя великими державами за-разъ. „Допустимъ, что въ войнѣ Россіи съ Австріею, Англіею и Италіею (?)—намъ на союзъ съ Франціей разсчитывать нельзя. Но что же это доказываетъ? Пусть Франція намъ только обезпечитъ нейтралитетъ вѣрнѣйшаго нашего друга (т.-е. Германіи), а съ остальными мы, Богъ дастъ, сами справимся" (стр. 238). И дѣйствительно, что стоитъ г. Ратову сражаться хоть бы съ цѣлою Европою? Нѣтъ ничего легче, какъ справиться съ Австро-Венгріею, Англіею и Италіею... на столбцахъ газетъ. Жаль только, что истина эта не была извѣстна во время русско-турецкой войны; тогда Константинополь давно былъ бы въ нашихъ рукахъ и весь Балканскій полуостровъ подлежалъ бы господству Россіи. Но дѣло не въ болгарскомъ и даже не въ Восточномъ вопросѣ: болѣе величественная перспектива открывается передъ болѣзненнымъ воображеніемъ гг. Ратовыхъ „съ страшною и неумолимою силою". Такъ какъ болгары не слушаются насъ, и газета „Post" одобряетъ ихъ, то намъ остается предпринять борьбу на жизнь и смерть съ тремя или четырьмя соединенными націями западной Европы.

„Какъ въ прежнее время, — возвѣщаетъ торжественно неустрашимый г. Ратовъ,—Россія дважды вынуждена была обнажить мечъ, чтобы доставить торжество своимъ государственнымъ интересамъ (т.-е. спасти Австрію и Пруссію отъ Наполеона и т. п.) и оградить свое государственное достоинство противъ европейской коалиціи, во главѣ которой стояла Франція, такъ нынѣ ей опять можетъ предстоять борьба съ не менѣе грозною европейскою коалиціею, во главѣ которой будетъ стоять замѣнившая Францію — Германія. Но нынѣ шансы для Россіи благопріятнѣе. Въ 1812 году и во время крымской кампаніи Россія не имѣла союзниковъ. Ей одной приходилось выдержать натискъ ополчившейся противъ нея Европы. Теперь у насъ есть могущественная союзница. Въ этомъ гарантія нашего успѣха. Начать же борьбу придется, если такъ-называемая Европа не признаетъ справедливыхъ и умѣренныхъ русскихъ требованій (какихъ?). Къ этому насъ (т.-е. гг. Ратовыхъ) побуждаютъ достоинство и интересы Россіи и, кромѣ того, идея, что мы будемъ бороться не только за себя, но и за всѣ тѣ государства и народы, процвѣтаніе и развитіе которыхъ задерживается политическимъ преобладаніемъ центральной европейской державы. Если насъ вынудятъ къ этой борьбѣ, мы ее примемъ и—надо надѣяться—выйдемъ изъ нея побѣдителями. Не въ первый разъ мы ведемъ ее (?). Мы ее выдерживали при гораздо болѣе трудныхъ обстоятельствахъ,—выдержимъ,

конечно, и теперь, если вдохновимся чувствами, которыя всегда воодушевляли лучшихъ русскихъ людей въ трудныя минуты нашей исторической жизни" (248—9). Въ заключеніе приводятся стихи о томъ, какъ, „стальной щетиною сверкая,... встанетъ русская земля".

Можно простить автору нѣкоторыя историческія погрѣшности, въ виду патріотической готовности его лечь костьми за отечество. Онъ думаетъ, очевидно, что наполеоновское нашествіе 1812 года и крымская кампанія 1854 года—примѣры настолько соблазнительные, что можно увлечься ими во имя „умѣренныхъ русскихъ требованій" по болгарскому вопросу. Насколько намъ извѣстно, русскія требованія предъявлялись болгарамъ, а вовсе не Европѣ; мы ничего не знаемъ о какихъ-либо оффиціальныхъ предложеніяхъ, которыя были бы сдѣланы, напр., Германіи и были бы ею отвергнуты. Притомъ князь Бисмаркъ не разъ заявлялъ, что Германія не станетъ ссориться съ Россіею изъ-за Болгаріи и что вообще болгарскій вопросъ не есть вопросъ войны для нѣмцевъ. Почему же мы должны выступать въ походъ противъ державы, которая съ нами воевать не хочетъ изъ-за балканскихъ дѣлъ? Неужели только потому, что газеты „Post" и „Кёльнская" выражаютъ сочувствіе противникамъ нашимъ въ Болгаріи? Причина — слишкомъ ничтожная и безсмысленная для того, чтобы повторять убійственный опытъ отечественной или крымской войны. Мы согласны съ г. Ратовымъ, что Россія все выдержитъ, какъ выдерживала и прежде; но вѣдь онъ предлагаетъ не оборонительную войну, а наступательную, которая требуетъ совсѣмъ другихъ условій для успѣха. Чтобы устранить враждебныя намъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, мы должны были бы, съ точки зрѣнія г. Ратова, разгромить Германію, Австро-Венгрію и Англію, разрушить ихъ могущество и отнять у нихъ всякую возможность вредить намъ. И всѣ эти сказочные подвиги нужно совершить для того, чтобы нынѣшніе болгарскіе правители лишились закулисной поддержки европейскихъ кабинетовъ! Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло не съ разсужденіемъ, а съ бредомъ больного ума, подавленнаго неустаннымъ чтеніемъ непріязненныхъ намъ заграничныхъ газетъ.

И эти воинственныя бредни г. Ратова предлагаются французамъ въ видѣ откровеній „русскаго дипломата", прикосновеннаго будто бы къ высшей русской политикѣ и призваннаго знакомить Европу съ истинными взглядами нашего министерства иностранныхъ дѣлъ! Какъ понять поступокъ переводчика, который переименовалъ нашего газетнаго „публициста" въ дипломата, скрылъ имя автора и намекнулъ на тождество его съ авторомъ извѣстныхъ полу-оффиціальныхъ заявленій въ „Nord" и въ „Politische Correspondenz"? При помощи этой метаморфозы книга получила характеръ крайне-сенсаціонный.

Разумѣется само собою, что французскимъ патріотамъ было пріятно узнать о неудержимомъ стремленіи Россіи къ войнѣ съ Германіею. Это важное свѣдѣніе, исходящее отъ „русскаго дипломата", могло бы дѣйствительно „поднять падающій духъ французовъ", какъ выражается „Revue générale". Не трудно было, конечно, догадаться, что никакое оффиціальное лицо не выступитъ въ печати съ лирическими изліяніями по поводу секретныхъ заботъ и намѣреній своего правительства, тѣмъ болѣе, что крайняя многорѣчивость г. Ратова и односторонняя начитанность его въ одной лишь области ежедневной заграничной печати исключаютъ всякую мысль о чемъ-либо дипломатическомъ. Правда, въ одномъ мѣстѣ книги (стр. 143) авторъ, говоря о „бесѣдѣ съ дипломатомъ", называетъ его своимъ „коллегою"; но это, вѣроятно, описка или опечатка, такъ какъ самое содержаніе бесѣды обнаруживаетъ газетную спеціальность г. Ратова. Затѣмъ изъ одной фразы на стр. 82 („Наконецъ, и „Новости" удостоились этой чести", и пр.) можно было видѣть, въ какой именно газетѣ печатались статьи, изъ которыхъ составилась книга. Если при всемъ томъ упражненія нашего публициста могли быть выданы во Франціи за голосъ русской дипломатіи, то это свидѣтельствуетъ лишь о силѣ спроса на русскую воинственность среди французской публики. Идея франко-русскаго союза въ высшей степени популярна у французовъ, и она начинаетъ служить предметомъ спекуляцій, которыя должны были бы быть своевременно разоблачаемы въ нашихъ дипломатическихъ газетахъ, для устраненія вредныхъ недоразумѣній.

Нашимъ газетнымъ войнолюбцамъ слѣдовало бы иногда заглядывать въ такія книжки, какъ вышедшая въ началѣ текущаго года брошюра бывшаго австрійскаго министра Шеффле о „предстоящей войнѣ въ цифрахъ". Десятки милліардовъ новыхъ государственныхъ долговъ, увеличеніе податного времени до небывалой еще степени, разореніе народнаго хозяйства и особенно земледѣльческаго, возможность финансоваго банкротства для нѣкоторыхъ государствъ, не говоря уже о человѣческихъ жертвахъ,—все это становится нагляднымъ и убѣдительнымъ въ формѣ сухихъ цифръ. „Пусть подумаютъ объ этихъ числахъ, — говоритъ Шеффле, — прежде чѣмъ вызывать призракъ „необходимой войны" и представлять его публикѣ въ видѣ неизбѣжнаго рока. Этотъ призракъ былъ бы страшенъ, еслибы онъ явился. Болгары, которые играли имъ, не настолько возбуждаютъ наше сочувствіе, чтобы изъ-за нихъ намъ враждовать, безъ всякой пользы, съ Россіею... Развѣ собственный интересъ Австро-Венгріи оправдывалъ бы принесеніе громадныхъ жертвъ войны для того, чтобы отдалить Россію отъ Болгаріи или даже чтобы навсегда запереть ей выходъ въ Средиземное море... Это я отрицаю самымъ поло-

жительнымъ образомъ... Особое политическое вліяніе Россіи въ Болгаріи, освобожденной русскими жертвами, не угрожаетъ интересу настолько значительному, чтобы онъ для Австро-Венгріи хотя бы приблизительно стоилъ 600 или 300 милліоновъ новыхъ налоговъ или соотвѣтственнаго колоссальнаго государственнаго банкротства... Мы не имѣемъ никакой надобности воевать для Англіи противъ Россіи и содѣйствовать англичанамъ превратить Средиземное море въ озеро, а Египетъ—въ провинцію британской имперіи. Кровавая борьба съ Россіею въ Болгаріи была бы для Австріи просто безуміемъ, пока Дунай и путь къ Салоникамъ свободны. Война Австріи для пользы Англіи была бы еще болѣе непонятна, чѣмъ вооруженный нейтралитетъ 1854 года, послужившій причиною изолированности Австріи въ 1859 и 1866 годахъ. Кромѣ Англіи, можетъ желать возбужденія такой войны только Франція, въ видахъ болѣе удобнаго возмездія относительно Германіи. Австрія же и Россія совершили бы по отношенію къ своимъ народамъ преступленіе безполезнѣйшей растраты людей и милліардовъ" [1]).

Мнѣніе нѣмецкаго ученаго соціолога и бывшаго австрійскаго министра имѣетъ, конечно, неизмѣримо больше вѣса—не только теоретическаго, но и практическаго, — чѣмъ пустые возгласы и выходки оффиціозныхъ или quasi-оффиціозныхъ газетъ, которыми преимущественно питается фантазія многихъ нашихъ газетныхъ политиковъ.

Л. Слонимскій.

---

[1]) „Der nächste Krieg in Zahlen", von Dr. *Alb. Schäffle* (Tübingen, 1887), стр. 9, 21—24. См. также статьи: „Поэзія и проза войны" въ „Вѣстникѣ Европы", 1886 іюнь и іюль.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1887 г.

СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ЗЕМСТВА [1]).

Текстъ земско-статистическихъ сборниковъ.—Два типа земской статистики. — Труды тамбовскаго, самарскаго, полтавскаго, петербургскаго и курскаго земско-статистическихъ бюро.—Изданіе черниговскаго типа.—Попытка примиренія московскаго и черниговскаго типовъ изслѣдованія.—Подворная разработка данныхъ переписи.

До сихъ поръ въ нашихъ обзорахъ работъ земской статистики въ Россіи мы останавливались [2]) главнымъ образомъ на табличной части разсматриваемыхъ изданій, потому что таблицы образуютъ постоянную часть послѣднихъ, и наиболѣе важную, такъ какъ онѣ представляютъ сводъ собраннаго матеріала, тотъ запасъ данныхъ, гдѣ слѣдуетъ искать отвѣта на всѣ вопросы, возбуждаемые текущею дѣйствительностью; запасъ, подлежащій разработкѣ какъ самихъ мѣстныхъ статистиковъ, такъ и всѣхъ лицъ, интересующихся предметомъ. Въ теченіе года, раздѣлявшаго первые два наши обзора, произошли такія существенныя измѣненія въ построеніи таблицъ, что прошлогодній отчетъ мы должны были посвятить исключительно этой части земскихъ статистическихъ изданій, несмотря на то, что и предшествующій обзоръ относился преимущественно къ таблицамъ же. Въ послѣдній годъ не произошло ничего подобнаго. Пройдетъ еще, вѣроятно, не мало времени прежде, чѣмъ земская статистика усвоитъ

[1]) Сборники статистическихъ свѣденій по тамбовской губ. т. 1 — 12, курской г. т. 1—13, самарской г. т. 1 — 4, саратовской г. т. V, таврической г. т. 1, вып. 2. Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ с.-петербургской г. т. 1—4. Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской г. т. 1—5. Матеріалы для оцѣнки земель черниговской г. т. 1—13. Матеріалы для оцѣнки земель херсонской г. т. II, елизаветградскій у. (статистико-экономическое описаніе уѣзда).

[2]) См. „Вѣстн. Евр.“, 1885, № 7, и 1886, № 8.

тѣ новые способы разработки данныхъ подворной переписи, которые систематически примѣняются пока только тремя-четырьмя бюро, но которымъ, вѣроятно, будетъ слѣдовать большинство вновь открываемыхъ учрежденій. Это—сводка данныхъ подворной переписи по группамъ семействъ, характеризующихся однообразіемъ главнѣйшихъ хозяйственныхъ признаковъ (величина надѣла, площадь посѣва и т. д.) и построеніе таблицъ, представляющихъ комбинацію нѣсколькихъ экономическихъ факторовъ. Съ другой стороны, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ вторая часть интересующихъ насъ изданій—разработка данныхъ подворной переписи, описаніе быта населенія, какимъ онъ представляется на основаніи собраннаго матеріала, составляющая, какъ мы сказали, непостоянный отдѣлъ статистическихъ „сборниковъ",—настолько выяснилась по характеру и содержанію, что уже открывается полная возможность представить характеристику текста, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ земско-статистическихъ сборниковъ. Этой характеристикѣ мы и думаемъ посвятить настоящій очеркъ.

Охватить въ одной статьѣ всѣ изданія нѣтъ возможности. Но, съ другой стороны, въ этомъ нѣтъ и особенной надобности. Многія изданія только недавно начали выходить въ свѣтъ, и еще неизвѣстно, какой окончательный характеръ примутъ ихъ описанія. Другія продолжаютъ обнаруживать колебанія въ этомъ отношеніи, хотя и существуютъ уже нѣсколько лѣтъ. Тѣ и другія мы можемъ пока оставить въ сторонѣ, такъ какъ, повторяемъ, и вполнѣ установившихся типовъ слишкомъ достаточно для того, чтобы занять все имѣющееся въ нашемъ распоряженіи мѣсто. Ограничивъ свою задачу съ внѣшней стороны, мы съузимъ ее и по внутреннему содержанію. Именно, въ своемъ обзорѣ мы будемъ имѣть дѣло лишь съ текстомъ, посвященнымъ крестьянскому хозяйству, помѣщичье же оставимъ въ сторонѣ; и затѣмъ представимъ характеристику текста различныхъ изданій лишь съ формальной стороны, т.-е. посмотримъ, о какихъ явленіяхъ крестьянскаго быта говоритъ тотъ или другой сборникъ и какъ онъ изслѣдуетъ предметъ, какихъ пріемовъ разработки держится. Что же касается сущности содержанія сборниковъ, выводовъ, къ какимъ они приходятъ — этого вопроса мы касаться не будемъ. Прибавимъ еще, что настоящій обзоръ будетъ имѣть по преимуществу описательный, а не критическій характеръ.

Предметомъ изслѣдованія большей части земско-статистическихъ бюро является помѣщичье и главнымъ образомъ крестьянское хозяйство съ его подсобными промыслами. Предметъ этотъ такъ обширенъ, что охватываетъ почти всю экономическую жизнь большей части

мѣстностей Россіи. Но нѣкоторыя земства организовали статистическія бюро съ гораздо болѣе узкою цѣлью изслѣдованія производительности и доходности земли въ видахъ ея оцѣнки для правильнаго распредѣленія налоговъ между плательщиками. Сообразно указанному различію задачъ, и методъ изслѣдованія тѣхъ и другихъ земско-статистическихъ бюро долженъ быть неодинаковъ. Центръ тяжести изслѣдованія, имѣющаго широкую экономическую цѣль, покоится на подворномъ опросѣ населенія (московскій типъ статистики); оцѣночная или земледѣльческая (какъ ее еще называютъ) статистика, иначе извѣстная подъ именемъ черниговской, интересующаяся не человѣкомъ или его хозяйствомъ, а землею,—не нуждается въ подробныхъ свѣденіяхъ о каждой хозяйственной единицѣ, а требуетъ выясненія условій, общихъ цѣлымъ районамъ. Поэтому она и не прибѣгаетъ къ подворной переписи, а ограничивается опросомъ наиболѣе толковыхъ и опытныхъ жителей даннаго села или другой единицы изслѣдованія—пріемъ, практикуемый и статистиками московскаго типа для выясненія условій крестьянскаго быта и хозяйства, общихъ цѣлому селу или общинѣ. Въ настоящемъ обозрѣніи мы познакомимся съ трудами обоихъ типовъ статистики, но главное вниманіе отдадимъ московскому уже по одному тому, что онъ значительно распространеннѣе.

Бóльшая часть изданій московскаго типа въ описательномъ отдѣлѣ придерживается системы однообразнаго — изъ тома въ томъ— повторенія однѣхъ и тѣхъ же отношеній крестьянскаго хозяйства. Каждый томъ такого изданія, посвященный одному уѣзду изслѣдуемой губерніи, даетъ болѣе или менѣе подробный обзоръ результатовъ мѣстнаго изслѣдованія, составленный по однообразной программѣ. Лишь саратовское бюро пыталось слѣдовать другому образцу: давать въ каждомъ томѣ описаніе новыхъ сторонъ изслѣдуемаго быта, немногихъ, но за то гораздо болѣе подробное, чѣмъ это можетъ сдѣлать изданіе, обязанное въ каждой книгѣ представить всестороннее описаніе предмета. Несмотря на многія преимущества этой системы описаній (отсутствіе повтореній, возможность подробнѣе изслѣдовать явленіе), примѣръ саратовскаго бюро остался безъ подражаній, почему и мы можемъ устранить его изъ своего обзора. Что касается остальныхъ „Сборниковъ статистическихъ свѣденій“, принявшихъ систему описанія каждаго уѣзда по однообразной программѣ,—бóльшая часть изъ нихъ не предпринимаетъ никакой новой переработки цифровыхъ данныхъ переписи, довольствуясь группировкой, сдѣланной въ сводныхъ таблицахъ, т.-е. по волостямъ и разрядамъ крестьянъ. Другіе (тамбовскій) производятъ дальнѣйшее расчлененіе названныхъ большихъ группъ, образуя изъ нихъ мѣньшія, составлен-

ныя изъ общинъ, получившихъ одинаковый душевой надѣлъ. Третьи, отводя первое мѣсто той же системѣ разработки матеріала, сведеннаго по общинамъ, волостямъ и т. д. въ таблицахъ, приложенныхъ къ сборнику, обращаются вмѣстѣ съ тѣмъ и къ первоначальнымъ даннымъ подворной переписи, образуя по извѣстнымъ признакамъ и подвергая сравненію группы, составленныя не изъ цѣлыхъ поселеній, а изъ отдѣльныхъ дворовъ, т.-е. изучаютъ отношенія хозяйственныхъ, а не административныхъ группъ населенія. Наконецъ, есть изданія, гдѣ послѣдняя система разработки матеріала, дополненная введеніемъ комбинаціи нѣсколькихъ экономическихъ факторовъ, становится господствующей; искусственныя единицы—административныя, территоріальныя, юридическія и т. д.—сохраняются лишь для грубыхъ дѣленій или вовсе устраняются; и весь текстъ получаетъ характеръ не столько описанія явленій, характеризующихъ тѣ или другія условныя группы населенія, сколько разъясненія зависимости этихъ явленій отъ основныхъ факторовъ хозяйственной дѣятельности человѣка.

Систематическія изслѣдованія производятся земствами въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ. Разныя земства приступили къ нимъ въ разное время, и потому въ настоящій моментъ мы имѣемъ передъ собой рядъ изданій, представляющихъ самую разнообразную степень законченности. Не говоря о московскомъ земствѣ, произведшемъ уже два раза перепись, но не давшемъ описанія хозяйства цѣлой губерніи, мы можемъ назвать черниговское, тамбовское и курское бюро, какъ закончившія изслѣдованія; самарское, петербургское, саратовское и т. д., произведшія бо́льшую часть работы; вятское, орловское и пр., лишь недавно начавшія изслѣдованіе; уфимское, новгородское и др., только приступающія къ нему. Начнемъ свой обзоръ съ трудовъ одного изъ старѣйшихъ и наиболѣе подвинувшихся въ изслѣдованіи бюро—тамбовскаго.

Текстъ статистико-экономическихъ изданій по тамбовской губерніи можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: статистическую и описательную. Подъ первой мы разумѣемъ обзоръ и разработку цифрового матеріала, заключеннаго въ таблицахъ подворной переписи, приложенныхъ къ изданію; подъ второй—сводъ и освѣщеніе данныхъ изслѣдованія (имѣющихъ или нѣтъ цифровой характеръ), не укладывающихся или не уложенныхъ въ табличныя рамки. Въ первой части статистикъ оперируетъ надъ данными, находящимися здѣсь же на-лицо (въ таблицахъ), и знакомитъ насъ лишь съ обобщеніями и выводами изъ нихъ; во второй — онъ даетъ новые факты, а не однѣ только заключенія.

Статистическая часть занимаетъ всего четвертую—пятую долю текста тамбовскаго сборника. Въ ней опредѣляется количество хлѣба, ежегодно собираемаго крестьянами съ своихъ и арендованныхъ полей; изслѣдуется степень обезпеченія продовольствіемъ населенія и размѣръ остающихся излишковъ; подвергаются разработкѣ данныя о скотоводствѣ крестьянъ, арендѣ ими внѣ-надѣльныхъ земель и сдачѣ въ аренду надѣловъ. Методъ разработки заключается въ сопоставленіи данныхъ, характеризующихъ то или иное явленіе, во-первыхъ, съ величиною надѣла, во-вторыхъ,—съ разрядомъ, къ которому относятся крестьяне, т.-е., въ сущности, опять-таки съ надѣломъ, такъ какъ главное экономическое различіе разрядовъ сводится къ величинѣ послѣдняго. Такимъ образомъ, мы узнаемъ зависимость между величиной надѣла крестьянъ, съ одной стороны, и ихъ скотоводствомъ, степенью развитія аренды частновладѣльческихъ земель (числомъ арендаторовъ и размѣрами арендуемой пашни), сдачей въ аренду надѣльныхъ земель, степенью обезпеченія крестьянъ продовольствіемъ—съ другой. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ объясненіемъ извѣстныхъ явленій, насколько онѣ связаны съ величиной надѣла, но не другими важными экономическими факторами, каковы, напримѣръ, тотъ или иной рабочій составъ двора, и тѣмъ болѣе съ комбинаціей различныхъ факторовъ. Но и выясненіе зависимости изслѣдуемыхъ явленій крестьянскаго хозяйства отъ размѣра землевладѣнія достигается въ трудахъ тамбовскаго земско-статистическаго бюро не прямымъ, а косвеннымъ путемъ. Всѣ операціи г. Романовъ производитъ не надъ дворами, а надъ общинами; общины, а не отдѣльное крестьянское хозяйство, служатъ ему элементарными единицами, группируемыми по величинѣ землевладѣнія. Всѣ общины уѣзда раздѣляются имъ, по величинѣ посѣва на душу (и слѣдовательно по величинѣ *средняго душевого надѣла*), на 10 группъ, къ которымъ и относятся данныя о скотоводствѣ, арендѣ земель, сдачѣ надѣловъ и т. п. Выводы изъ такого сопоставленія поэтому непосредственно примѣнимы лишь къ общинамъ, а не отдѣльнымъ дворамъ; они рисуютъ изслѣдуемое явленіе лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а не даютъ о немъ полнаго и всесторонняго понятія. Возьмемъ для примѣра зависимость аренды крестьянами внѣ-надѣльныхъ земель отъ величины ихъ собственнаго надѣла. По сопоставленію г. Романова выходитъ, напримѣръ, что группа общинъ государственныхъ крестьянъ тамбовскаго уѣзда съ посѣвомъ на надѣльной землѣ въ 1—5 мѣръ на душу даетъ изъ себя 51% дворовъ, арендующихъ чужія угодья; группа съ посѣвомъ 6—7 м. имѣетъ таковыхъ 34%, а группа 8—11 мѣръ—30%. Отсюда мы выводимъ заключеніе, что крестьяне съ малыми надѣлами въ большей мѣрѣ прибѣгаютъ къ арендѣ, чѣмъ многоземельные. Если

же, не довольствуясь такимъ общимъ заключеніемъ, мы пожелаемъ прослѣдить его по дѣйствительнымъ нормамъ землевладѣнія дворовъ, то должны будемъ признать себя въ этомъ отношеніи безсильными. Группы, на какія разбито населеніе въ приведенной таблицѣ, не выражаютъ богатства землей дѣйствительныхъ хозяйственныхъ единицъ—семей: дворы съ одинаковымъ участкомъ встрѣчаются во всѣхъ трехъ группахъ; но только малоземельныхъ семей въ первыхъ группахъ относительно больше, чѣмъ въ послѣднихъ. Но такъ какъ тамъ же встрѣчаются и хозяйства съ большими участками, то, въ концѣ концовъ, и остается неизвѣстнымъ, какимъ образомъ распредѣляется между малоземельными и многоземельными дворами приведенный процентъ арендаторовъ. Еслибы разбить общины на группы дворовъ съ дѣйствительными надѣлами, то, можетъ быть, оказалось бы, что и въ малоземельныхъ общинахъ, дающихъ наибольшій процентъ арендаторовъ, самыя бѣдные землей крестьяне, т.-е. всего болѣе въ ней нуждающіеся, именно и устраняются отъ аренды конкурренціей многоземельныхъ. Изъ цифръ пообщинной группировки этого не видно: мы имѣемъ здѣсь дѣло со среднею величиною, которая, очевидно, можетъ быть одной и той же при крайне различныхъ составныхъ элементахъ; а судьба-то этихъ элементовъ (дворовъ) насъ именно и интересуетъ.

Итакъ, статистическая часть „Сборника по тамбовской губерніи" характеризуется, во-первыхъ, своею краткостью, во-вторыхъ — выясненіемъ вліянія на крестьянское хозяйство лишь одного экономическаго фактора—землевладѣнія; въ-третьихъ—разработкой данныхъ, относящихся къ группамъ не дворовъ, а общинъ съ тѣмъ или инымъ надѣломъ, отчего и поставленная ограниченная задача выполняется лишь приблизительно.

Описательная часть текста, какъ мы говорили, гораздо обширнѣе, и въ ней слѣдуетъ отличать сводъ фактическаго матеріала отъ его обобщенія. Первый по существу составляетъ дополненіе пообщинныхъ таблицъ, такъ какъ подобно имъ содержитъ въ себѣ извѣстнымъ образомъ сгруппированныя данныя, добытыя мѣстнымъ изслѣдованіемъ; поэтому онъ, какъ и таблицы, образуетъ фактическую часть книги. Второе соотвѣтствуетъ тому, что мы назвали статистической разработкой; т.-е. даетъ обобщеніе и освѣщеніе фактовъ, о которыхъ только-что говорили. Различіе статистической и описательной части книги заключается лишь въ томъ, что тогда какъ матеріалъ, подлежащій статистической разработкѣ, отдѣленъ отъ текста и сгруппированъ въ таблицы,—данныя описательной части находятся въ текстѣ же, гдѣ трактуется тотъ или другой вопросъ.

Описательная часть текста „Сборника по тамбовской губерніи" касается тѣхъ же предметовъ, что и статистическая, съ присоедине-

ніемъ новыхъ. Мы здѣсь имѣемъ данныя, относящіяся къ формамъ землевладѣнія крестьянъ, размѣрамъ ихъ лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій, къ почвамъ крестьянскаго надѣла, сорту высѣваемыхъ хлѣбовъ; факты аренды выгоновъ, сѣнокосовъ, съ присоединеніемъ сюда указаній на другіе способы обезпеченія прокормленія скота (сдача его на выпасъ частнымъ землевладѣльцамъ, покупка у нихъ соломы и т. п.); данныя объ арендныхъ цѣнахъ пахатныхъ угодій при съемкѣ ихъ на годъ, съ указаніемъ случаевъ мірскихъ и артельныхъ арендъ цѣлыхъ участковъ на продолжительный срокъ; свѣденія о сдачѣ цѣлыми обществами части своихъ угодій въ аренду (обыкновенно для полученія денегъ на уплату податей, рѣже для какой-нибудь другой общественной надобности, напримѣръ постройки или ремонта церкви); о тѣхъ общинахъ крестьянъ, гдѣ встрѣчается много лицъ, сдающихъ свои надѣлы въ аренду (причемъ выяснилось, что сдача очень часто служитъ формою займа. и крестьянинъ, сдавши свой участокъ мѣстному ростовщику, нерѣдко для посѣва арендуетъ частновладѣльческую пашню за вдвое-высшую цѣну). По изложеніи фактическаго матеріала, относящагося къ разсматриваемому вопросу, идетъ его обобщеніе, иногда и освѣщеніе, объясненіе, почему происходитъ то или иное явленіе. Отношеніе обѣихъ долей разсматриваемой части текста въ различныхъ томахъ „Сборника статистическихъ свѣденій по тамбовской губерніи“ далеко не одинаково. Въ первыхъ книгахъ выдаются обобщенія данныхъ, касающихся той или другой стороны крестьянскаго хозяйства; отдѣльные же факты приводятся или для примѣра, или какъ исключенія изъ установленнаго правила. Съ теченіемъ же времени фактическая часть книги расширялась, обобщенія и освѣщеніе явленій съуживались, и наконецъ образовался типъ изданія, какой мы описали выше. Это измѣненіе въ характерѣ текста было естественнымъ, хотя и не необходимымъ, послѣдствіемъ плана работъ тамбовскаго земско-статистическаго бюро. Оно преслѣдовало цѣль однообразія описанія и разработки матеріала по каждому изъ двѣнадцати уѣздовъ губерніи, т.-е. въ каждомъ изъ двѣнадцати томовъ изданія. Отсюда проистекали слѣдующія послѣдствія. Прилагая одни и тѣ же пріемы разработки однороднаго матеріала, относящагося къ мѣстностямъ приблизительно однороднымъ по естественнымъ и общественнымъ условіямъ экономической дѣятельности, мы вездѣ получимъ и выводы приблизительно сходные. Развивая же ихъ одинаково подробно двѣнадцать разъ, мы должны будемъ встрѣчаться съ постоянными повтореніями уже извѣстнаго. Иначе говоря, естественнѣе всего было бы ограничиться подробнымъ описаніемъ изслѣдуемаго явленія въ первыхъ томахъ, а въ послѣдующихъ указывать лишь отступленіе отъ правилъ, установленныхъ раньше. Въ такомъ случаѣ по край-

ней мѣрѣ объемъ текста сократился бы до очень небольшихъ размѣровъ и слабая сторона принятаго плана описанія сдѣлалась бы для всѣхъ очевидной.

Противъ этого плана, впрочемъ, нечего было бы возразить, еслибы наряду съ описаніемъ однородныхъ явленій по всѣмъ уѣздамъ губерніи каждый томъ давалъ и что-нибудь новое, относящееся уже къ сферѣ выясненія, освѣщенія изучаемыхъ фактовъ, еслибы онъ представлялъ попытку проникнуть въ глубину тѣхъ явленій, констатированіе которыхъ составляетъ прямую цѣль текста. Образчикъ такого проникновенія даетъ намъ разсматриваемое же изданіе своими первыми томами. При описаніи общины козловскаго уѣзда, напримѣръ, детальной разработкой данныхъ по нѣкоторымъ селамъ г. Романовъ во-очію убѣждаетъ насъ въ выгодахъ коренныхъ передѣловъ земли, сравнивая распредѣленіе ея между членами общины до и послѣ передѣла (такое же сравненіе сдѣлано покойнымъ Орловымъ въ предыдущемъ, первомъ томѣ „Сборника", посвященномъ борисоглѣбскому уѣзду). Здѣсь же и помощью того же пріема онъ пытается проникнуть въ скрытые психическіе мотивы передѣловъ: сравнивая величину участковъ всѣхъ членовъ взятыхъ для примѣра общинъ, до и послѣ передѣла, онъ находитъ, что выигрываютъ отъ передѣла земли далеко не $^2/_3$ членовъ общины, между тѣмъ какъ для совершенія этого важнаго акта общинной жизни по закону требуется согласіе $^2/_3$ голосовъ. Отсюда г. Романовъ выводитъ заключеніе, что не одинъ узкій эгоизмъ руководитъ членами общинъ въ ихъ отношеніи къ передѣламъ. То же явленіе было затѣмъ подтверждено другими земскими статистиками, хотя въ объясненіи его они и расходятся. Въ томъ же томѣ (по козловскому уѣзду) имѣется весьма интересная таблица о состояніи земледѣлія у крестьянъ, занимающихся какими-либо промыслами. Въ слѣдующемъ, третьемъ томѣ „Сборника" г. Романовъ дополняетъ описаніе крестьянскаго хозяйства, составляемое для всѣхъ уѣздовъ по опредѣленной программѣ, попыткой лучше освѣтить явленіе аренды крестьянами чужихъ угодій, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано разработкою матеріала по принятому плану. Онъ заинтересовался вопросомъ, на который лишь намекаетъ, но не отвѣчаетъ пообщинная группировка матеріала,—вопросомъ о конкурренціи въ дѣлѣ аренды крестьянами чужихъ угодій между состоятельными и несостоятельными хозяевами. Для его рѣшенія авторъ подвергаетъ детальной, уже подворной, разработкѣ данныя по нѣкоторымъ общинамъ, причемъ оказывается, что арендующія хозяйства значительно состоятельнѣе неарендующихъ, несмотря на то, что величина надѣла у тѣхъ и другихъ почти одинакова. Хотя указанный выводъ наводитъ на новые вопросы, тѣмъ не менѣе г. Романовъ не предпринимаетъ для ихъ разрѣшенія болѣе или ме-

нѣе детальныхъ вычисленій и лишь въ девятомъ томѣ посвящаетъ вопросу нѣсколько страницъ, пытаясь выяснить его косвеннымъ путемъ. Въ четвертомъ томѣ „Сборника“, посвященномъ нечерноземному темниковскому уѣзду, г. Романову было довольно вполнѣ благодарной задачи сравненія крестьянскаго хозяйства въ черноземной и нечерноземной части губерніи; тѣмъ не менѣе онъ заинтересовался новымъ вопросомъ и нашелъ время для детальной разработки данныхъ подворной переписи, съ цѣлью выяснить значеніе частнаго и общиннаго землевладѣнія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ слѣдующихъ томахъ „Сборника“ мы все рѣже встрѣчаемся съ подобными попытками проникновенія въ скрытые источники видимыхъ явленій. Несмотря на то, что характеристическія черты крестьянскаго хозяйства уже изучены въ предыдущихъ томахъ,—почему, казалось бы, остается больше времени для открытія причинъ изслѣдуемыхъ явленій,—это открытіе, иначе говоря, разъясненіе подмѣченныхъ отношеній крестьянскаго хозяйства путемъ не бѣглыхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ замѣчаній и соображеній, а на основаніи серьезной, хотя бы частичной разработки собраннаго матеріала, сопоставленіемъ данныхъ, относящихся къ изучаемому явленію — разъясненіе, и прежде рѣдкое, теперь встрѣчается лишь какъ исключеніе и занимаетъ какую-нибудь страницу — двѣ текста нѣкоторыхъ томовъ (т. VII, IX, XII). Въ самомъ описаніи сокращаются обобщенія; онѣ естественно утрачиваютъ характеръ полной картины крестьянскаго хозяйства, потому что изъ нихъ устраняется масса мелочей, всѣ детали—важныя, интересныя, но уже описанныя въ предыдущихъ томахъ. Взамѣнъ обобщенія расширяется фактическая часть, сырье; данныя, прежде фигурировавшія какъ примѣръ, теперь цѣнятся сами по себѣ и заносятся на страницы текста уже какъ матеріалъ. Это—также подробности, это—тѣ же детали, еще бо̀льшія детали, потому что онѣ—факты, а не выводы; и если смотрѣть на текстъ какъ на обобщеніе сырого матеріала—имъ не должно быть здѣсь мѣста. Но въ томъ-то и дѣло, что характеръ текста измѣнился: изъ описательно-обобщающаго онъ становится фактическимъ.

Мы считаемъ такое измѣненіе характера текста нежелательнымъ и нецѣлесообразнымъ. Не потому, чтобы мы были противъ обогащенія книги фактами, а потому, что отъ включенія сырого матеріала на страницы текста,—назначеніе котораго давать обобщенія и выводы,—во-первыхъ, этотъ текстъ дѣлается неудобочитаемымъ, во-вторыхъ, бѣдность его существеннаго содержанія маскируется обиліемъ сырья. Той же, и даже большей полноты фактическаго содержанія книги можно было достигнуть, принявъ способъ изложенія, выработанный нашей земско-статистической практикой. Многія изданія земскихъ статистическихъ

бюро, собранный матеріалъ, не укладывающійся въ табличныя рамки, помѣщають отдѣльно, располагая его по волостямъ и общинамъ. Первоначально это было сдѣлано рязанскимъ бюро, а затѣмъ мало-по-малу распространяется и на другія изданія. Большая часть текста—по крайней мѣрѣ послѣднихъ томовъ тамбовскаго сборника—состоитъ именно изъ такого сырого матеріала, въ изданіяхъ другихъ статистическихъ бюро устраняемаго изъ него въ особый отдѣлъ. Такъ же точно могъ поступать и г. Романовъ, отчего его трудъ выигралъ бы въ двоякомъ отношеніи: объяснительный текстъ оживился бы и освободился отъ тяжкаго балласта; фактическая часть обогатилась-бы содержаніемъ, ибо, выдѣливъ ее изъ текста, составленнаго по опредѣленной программѣ, г. Романовъ могъ наполнить ее матеріаломъ, выходящимъ изъ рамокъ послѣдней, такъ какъ въ этомъ случаѣ она явилась бы дополненіемъ не текста, а таблицъ, сводомъ по возможности всего собраннаго матеріала, не укладывающагося въ табличныя рамки. Форма, о которой мы говоримъ, дала бы ему, кромѣ того, возможность подробнѣе остановиться на вопросахъ, затронутыхъ въ текстѣ, но изложенныхъ кратко и безъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, которыхъ и вообще въ работахъ г. Романова очень немного. Такъ, напр., весьма интересно получить побольше свѣденій о развитіи среди помѣщичьихъ крестьянъ идеи передѣла общинной земли. Самый передѣлъ встрѣчается у нихъ пока въ видѣ исключеній, но это незначитъ, что его идея имъ чужда. Напротивъ того, изъ самаго труда г. Романова мы видимъ, что въ сознаніи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ совершается процессъ, вездѣ предшествующій введенію коренныхъ передѣловъ,—процессъ, изученіе котораго весьма важно и интересно, и тѣмъ болѣе важно, чѣмъ менѣе передѣлъ осуществился въ дѣйствительности. Но мы понимаемъ затруднительное положеніе автора, еслибы онъ вздумалъ всѣ эти и имъ подобные интересные факты излагать на страницахъ текста; и наоборотъ, все затрудненіе исчезаетъ, еслибы фактическая часть была выдѣлена къ одному мѣсту. Впрочемъ система группировки сырого матеріала, принятая г. Романовымъ, имѣетъ одно преимущество: данныя по извѣстному предмету сведены у него къ одному мѣсту, между тѣмъ какъ въ изданіяхъ, имѣющихъ отдѣлъ дополненій къ таблицамъ, онѣ разбросаны по деревнямъ уѣзда.

Итакъ, каково наше окончательное заключеніе о текстѣ „Сборника статистическихъ свѣденій по тамбовской губерніи"?

Главною цѣлью этого текста было не систематическое изслѣдованіе причинъ тѣхъ или другихъ явленій народнаго быта, открываемыхъ путемъ сравненія и сопоставленія соотвѣтствующихъ данныхъ, а описаніе по преимуществу сельско-хозяйственной жизни

крестьянства путемъ обзора цифровыхъ свѣденій таблицъ подворной переписи и обобщенія данныхъ изслѣдованія, не уложенныхъ въ табличныя рамки. Преслѣдуя указанную цѣль статистическимъ путемъ, давая намъ цифровыя свѣденія о посѣвахъ крестьянъ, ихъ скотоводствѣ, отношеніи арендуемой пашни къ своей собственной арендѣ частно-владѣльческихъ угодій, сдачѣ своихъ земель, и т. п., г. Романовъ не довольствовался приведеніемъ соотвѣтствующихъ данныхъ для всего населенія уѣзда огуломъ или для юридическихъ разрядовъ крестьянъ, а относилъ ихъ къ группамъ общинъ, различающихся по величинѣ душевого надѣла. Этимъ онъ устанавливалъ зависимость изучаемыхъ явленій отъ размѣровъ собственнаго землевладѣнія крестьянъ, но устанавливалъ въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо его группы составлялись далеко не изъ однородныхъ единицъ (дворовъ съ одинаковыми участками земли). Въ описательной части „Тамбовскій Сборникъ" знакомитъ читателя съ формами крестьянскаго землевладѣнія и состояніемъ его хозяйства: техническими пріемами, сѣвооборотами, содержаніемъ скота, измѣненіями въ хозяйствѣ къ лучшему и худшему, имѣвшими мѣсто въ послѣдніе годы, и т. п. Въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ представляютъ первые томы „Сборника", гдѣ соотвѣтствующія явленія описывались впервые и потому наиболѣе подробно. Въ отдѣлѣ аренды находится богатый матеріалъ объ условіяхъ, на какихъ производится съемка крестьянами частно-владѣльческихъ земель, и отношеніяхъ, какія возникаютъ отсюда между крестьянскимъ и владѣльческимъ хозяйствомъ; при этомъ описаны всѣ случаи мірскихъ арендъ большихъ участковъ и производится сравненіе выгодности для крестьянъ мірской и подесятинной аренды. По возможности приведены и всѣ случаи сдачи общинной земли (обыкновенно выгона) въ аренду. Описывая ту или другую серію явленій, „Сборникъ" не оставляетъ ее изолированной, а старается поставить въ связь съ другими, съ которыми она находится въ отношеніи причины или слѣдствія; но это дѣлается лишь настолько, насколько эта связь видна, такъ сказать, съ перваго взгляда, и потому г. Романову нерѣдко приходится заканчивать свою попытку заявленіемъ, что для выясненія поднятаго вопроса требуется детальная разработка цифрового матеріала, на которую теперь нѣтъ времени или которую лучше сдѣлать при большемъ числѣ данныхъ, чѣмъ какую доставляетъ одинъ уѣздъ. Впрочемъ иногда предпринимаются и такія небольшія вычисленія для разрѣшенія заинтересовавшаго автора вопроса: напр., въ VII томѣ „Сборника", сопоставленіемъ средняго урожая ржи съ душевымъ надѣломъ общинъ доказывается, что чѣмъ меньшій община имѣетъ надѣлъ, тѣмъ высшій получаетъ съ него урожай (ибо тѣмъ больше у нея приходится на

десятину скота). Въ XII томѣ производится небольшое вычисленіе, которымъ обнаруживается, что общины, не нанимающія пастбища, держатъ скота гораздо меньше средней цифры по уѣзду, чѣмъ подтверждается заключеніе о важномъ значеніи для крестьянскаго хозяйства возможности арендовать на сторонѣ недостающія угодья. Но подобныя отступленія отъ общаго описательнаго плана изданія въ область разъяснительныхъ вычисленій, повторяемъ, встрѣчаются очень рѣдко и лишь тамъ, гдѣ для этого не требуется большой затраты труда. Если прибавить сюда бѣдность бытовыхъ подробностей, характеризующую разсматриваемый сборникъ, то можно и закончить свое знакомство съ трудами тамбовскаго земско-статистическаго бюро. Они даютъ намъ картину сельско-хозяйственной техники населенія, заключаютъ богатый матеріалъ для болѣе подробнаго изученія крестьянскаго хозяйства и его зависимости отъ частновладѣльческихъ угодій. Что же касается причинъ и взаимной зависимости явленій, тамбовскіе сборники въ лучшемъ случаѣ лишь указываютъ на нихъ, но не изслѣдуютъ во всемъ объемѣ, что̀, однако, и составляетъ главную задачу точнаго цифрового изученія жизни. Такое изслѣдованіе, впрочемъ, предполагается впослѣдствіи, и первая его попытка въ видѣ детальной разработки данныхъ по одной волости уже появилась въ печати.

Въ заключеніе прибавимъ, что въ каждомъ томѣ „Тамбовскаго Сборника“ находится краткое описаніе промысловъ, имѣющее свое значеніе въ виду того, что не-земледѣльческія занятія населенія черноземныхъ мѣстностей почти вовсе не изучены.

Послѣ сдѣланной характеристики трудовъ тамбовскаго земскостатистическаго бюро, мы можемъ быть гораздо болѣе краткими при обзорѣ другихъ изданій того же типа, въ числу которыхъ принадлежитъ и „Сборникъ статистическихъ свѣденій по самарской губерніи“, коего издано пока четыре тома. Содержаніе его въ общихъ чертахъ такое же, какъ и въ прежде разсмотрѣнномъ изданіи. Это — описаніе землевладѣнія, сельскаго хозяйства и не-земледѣльческихъ промысловъ крестьянъ. Измѣненія характера текста изъ тома въ томъ незначительны и касаются главнымъ образомъ систематизаціи изложенія. Впрочемъ, изданіе далеко не закончено, и потому нельзя сказать, сохранится ли неизмѣннымъ его теперешній характеръ въ слѣдующихъ томахъ сборника. Текстъ этого изданія носитъ еще болѣе описательный характеръ, чѣмъ — тамбовскаго. Иначе говоря, здѣсь не предпринимается и той простой переработки цифровыхъ данныхъ пообщинныхъ таблицъ, какую мы видѣли у г. Романова,

гдѣ свѣденія о скотоводствѣ крестьянъ, арендѣ ими чужихъ угодій, и т. п., группировались по общинамъ съ тѣмъ или инымъ размѣромъ душевого надѣла, и такимъ образомъ до извѣстной степени выяснялась зависимость указанныхъ явленій отъ величины собственнаго землевладѣнія крестьянъ. Самарскіе статистики (завѣдуетъ статистическимъ бюро г. Красноперовъ) тѣ же свѣденія группируютъ лишь по разрядамъ крестьянъ. Правда, эти разряды отражаютъ собою не однѣ прежнія юридическія отношенія населенія, такъ какъ группы государственныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ крестьянъ и т. д. различаются еще по величинѣ землевладѣнія. Поэтому нельзя отрицать того обстоятельства, что и указанная группировка способна нѣсколько выяснить зависимость между надѣломъ крестьянъ и различными проявленіями ихъ экономической дѣятельности. Но недостатки этой системы сравнительно съ принятой въ „Тамбовскомъ Сборникѣ“ заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что прогрессія возрастанія землевладѣнія принятыхъ группъ не находится въ распоряженіи автора, почему это возрастаніе совершается неправильными скачками; во-вторыхъ, что разряды крестьянъ различаются между собою не только надѣльной нормой, но и другими признаками, почему окончательный результатъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ быть приписанъ вліянію исключительно размѣровъ землевладѣнія. Впрочемъ въ „Самарскомъ Сборникѣ“, въ главѣ, посвященной крестьянскому землевладѣнію, есть таблица, въ которой общины каждаго разряда крестьянъ разбиты на группы, различающіяся по величинѣ надѣла. Но самарскіе статистики, очевидно, не придаютъ такимъ мелкимъ дѣленіямъ особаго значенія въ дѣлѣ выясненія вліянія размѣровъ землевладѣнія на хозяйство крестьянъ, такъ какъ въ послѣднемъ томѣ изданія они пріурочиваютъ къ этимъ группамъ (кромѣ свѣденій о населеніи) лишь данныя объ арендѣ крестьянами внѣнадѣльныхъ земель (число арендующихъ дворовъ и количество снятой земли), тогда какъ въ первыхъ—къ той же единицѣ относились еще цифровыя свѣденія о скотоводствѣ, бездомности и платежахъ, падающихъ на дворъ и десятину надѣла.

Мы не можемъ одобрить этого сокращенія детальной таблицы. Если, поступая такимъ образомъ, г. Красноперовъ руководствовался неопредѣленностью зависимости, обнаруживаемой названной таблицей, между нормою надѣла и процентомъ безлошадныхъ или бездомовыхъ семей, то вѣдь нужно имѣть въ виду, что задачей статистическаго изслѣдованія является обнаруженіе не ожидаемой, а *существующей* связи между изслѣдуемыми явленіями. Поэтому, если будетъ доказано, что такой важный экономическій факторъ, какъ размѣръ землевладѣнія, мало отражается на скотоводствѣ, это уже очень интересный, хотя и отрицательный

результатъ изслѣдованія. Самарскіе же статистики понимаютъ вопросъ, повидимому, иначе. Они ищутъ непремѣнно опредѣленнаго вліянія одного явленія на другое, и дѣйствительно нашли прямую между ними зависимость, когда разбили населеніе уѣзда (бугурусланскаго) всего на двѣ группы, уже рѣзко различающіяся по нормѣ надѣла. При этомъ оказалось, что многоземельные крестьяне владѣютъ значительно бо́льшимъ числомъ лошадей, чѣмъ малоземельные, т.-е. получился выводъ, по своей элементарности вовсе не поучительный. Что многоземельный крестьянинъ въ хозяйственномъ отношеніи отличается отъ малоземельнаго—всякій этому повѣритъ и безъ спеціальныхъ доказательствъ. Важный и интересный вопросъ заключается въ томъ, какая степень различія величины надѣла уже ясно отражается на хозяйствѣ крестьянина, а для отвѣта на этотъ вопросъ недостаточно грубаго дѣленія на рѣзко различающіяся группы, а необходимо образовать также переходныя ступени отъ одной группы къ другой.

Устраненіе самарскимъ бюро детальной разработки таблицъ хотя бы въ предѣлахъ, установленныхъ его тамбовскимъ собратомъ, повело еще къ одному невыгодному послѣдствію. Самарская губернія характеризуется разнообразіемъ этнографическаго состава населенія. Малороссы, великороссы, татары, чуваши, мордва, башкиры въ разныхъ уѣздахъ перемѣшаны въ различныхъ пропорціяхъ. А такъ какъ хозяйство инородцевъ вообще изучено мало, то здѣсь представляется удобный случай сравнить названныя народности въ ихъ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Для этого нужно было только произвести новую группировку общинъ (по народностямъ). Самарское бюро этого не сдѣлало. Инородцы (кромѣ башкиръ) помѣщены у него въ одну группу съ русскими, отчего, вмѣсто выясненія хозяйственнаго положенія, производится нѣкоторая путаница, такъ какъ вмѣстѣ смѣшиваются группы, рѣзко различающіяся по своимъ хозяйственнымъ способностямъ и склонностямъ.

Благодаря системѣ описанія, принятой „Самарскимъ Сборникомъ", по которой изъ тома въ томъ повторяется обозрѣніе однѣхъ и тѣхъ же отношеній,—къ нему, до извѣстной степени, приложимо то же замѣчаніе, какое можно законно сдѣлать относительно изданія тамбовскаго статистическаго бюро. Человѣку, желающему ознакомиться съ крестьянскимъ бытомъ въ общихъ чертахъ, нѣтъ надобности перечитывать всѣ томы сборника, ибо каждый послѣдующій, за небольшими уклоненіями, повторяетъ то, что́ было выяснено предыдущими. Впрочемъ, благодаря тому обстоятельству, что степная область извѣстна намъ меньше центральной, что самарская губернія заключаетъ всего 6 уѣздовъ, а не 12, и, наконецъ, что ея уѣзды пред-

ставляютъ довольно значительное разнообразіе,—система однообразнаго описанія каждаго уѣзда въ отдѣльности для самарской губерніи скорѣе у мѣста, чѣмъ для тамбовской.

Описанія „Самарскаго Сборника“ читаются значительно легче, нежели тамбовскаго. Между прочимъ, это зависитъ отъ характера описанія въ томъ и въ другомъ. Тамбовскій текстъ, какъ мы знаемъ, не довольствуется обобщеніями и выводами, а заключаетъ въ себѣ и систематически сведенный по нѣкоторымъ вопросамъ сырой матеріалъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь утомительный для чтенія перечень однородныхъ фактовъ, за которымъ слѣдуетъ краткое ихъ обобщеніе. Характеръ самарскаго изданія иной: его текстъ не обремененъ сырымъ матеріаломъ, во-первыхъ, потому, что многое изъ этого матеріала уже сведено въ пообщинныхъ таблицахъ (арендная плата надѣльной и внѣ-надѣльной земли, качество почвы и т. д.); во-вторыхъ, благодаря рѣшенію авторовъ описаній не приводить всѣхъ фактовъ даннаго рода, а ограничиваться ихъ суммированіемъ и указаніемъ нѣсколькихъ примѣровъ; въ-третьихъ, наконецъ, по причинѣ той системы изложенія, какая принята самарскими статистиками въ отличіе отъ тамбовскихъ. Послѣдніе ведутъ описаніе предмета по волостямъ (или другимъ территоріальнымъ единицамъ), т.-е. сначала приводятъ соотвѣтствующіе факты для каждой волости, а потомъ дѣлаютъ обобщеніе по всему уѣзду. Первые же начинаютъ съ обобщеній, а къ фактической сторонѣ обращаются лишь за поясненіемъ или какъ къ исключеніямъ. При тамбовской системѣ, поэтому, мы имѣемъ столькократное указаніе на изучаемое явленіе, сколько разъ оно повторяется въ уѣздѣ, согласно принятой единицѣ описанія (волость, деревня и т. п.); и въ случаѣ общераспространеннаго явленія эти указанія будутъ очень часты. Въ самарскомъ же сборникѣ перечисляются не обычные, а лишь исключительные (понимая это слово широко) случаи; указываются не тѣ факты, которые согласны съ правиломъ, а другіе, имъ не охватываемые. При такой системѣ изложенія выпадаетъ масса фактическихъ указаній, по существу излишнихъ, такъ какъ они уже включены въ обобщеніе; а отъ этого выпаденія текстъ значительно выигрываетъ въ легкости.

Нельзя, однако, сказать, чтобы легкость текста „Самарскаго Сборника“ всегда достигалась, какъ въ данномъ случаѣ, безъ ущерба для его содержанія. Устраненіе съ поля текста фактическихъ данныхъ можетъ быть вполнѣ законнымъ лишь въ случаѣ, если у васъ есть возможность по надобности воспроизвести эти факты изъ обобщенія. Но если обобщенія представляются простымъ суммированіемъ безъ точныхъ территоріальныхъ указаній—научное значеніе его сильно уменьшается. Къ сожалѣнію, именно это обстоятельство и нерѣдко въ „Са-

марскомъ Сборникѣ". Такъ, напримѣръ, говоря о неудобствѣ расположенія крестьянскихъ надѣловъ, „Тамбовскій Сборникъ" *перечисляетъ* тѣ деревни, у которыхъ отдаленность полей отъ усадьбы достигаетъ 10 верстъ, и таким образомъ открываетъ намъ возможность, пользуясь экономическими таблицами, изслѣдовать вліяніе этого обстоятельства на хозяйство населенія. „Самарскій Сборникъ" ограничивается указаніемъ *числа* случаевъ, т.-е. даетъ понятіе о явленіи, но не предоставляетъ возможности изслѣдовать его вліяніе. Еслибы „Самарскій Сборникъ" имѣлъ у себя отдѣлъ дополненія къ таблицамъ, указанная краткость текста была бы только желательнымъ явленіемъ. При отсутствіи же такого отдѣла масса данныхъ, собранныхъ при мѣстномъ изслѣдованіи, пропадаетъ для читателя и пропадаетъ только потому, что данныя не имѣютъ цифрового характера.

Въ послѣднихъ выпускахъ „Самарскаго Сборника", по мѣрѣ того какъ сокращается необходимость описанія отношеній, уже выясненныхъ предыдущими томами, — онъ, какъ и тамбовскій, расширяетъ фактическую часть текста; такъ, въ первыхъ выпускахъ приводились лишь примѣры съемки крестьянами пастбищъ, въ третьемъ же указаны всѣ случаи этой аренды; въ четвертомъ столь же полный матеріалъ мы имѣемъ относительно цѣнности крестьянскаго скота и снимаемыхъ населеніемъ казенныхъ и удѣльныхъ участковъ земли. Прибавимъ, кстати, что этимъ свѣдѣніямъ придана здѣсь табличная форма, вслѣдствіе чего не только облегчается пользованіе ими, но и избѣгается то отягощеніе текста сырымъ матеріаломъ, какое составляетъ выдающуюся черту „Тамбовскаго Сборника".

Къ тому же типу поуѣзднаго обзора данныхъ подворной переписи принадлежитъ и текстъ „Сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи". Ошибочно, однако, было бы на этомъ основаніи предполагать полное сходство разсматриваемаго изданія съ тѣми, которыя только-что были описаны. Особенности мѣстнаго быта, равно какъ, можетъ быть, и полная независимость личнаго состава земско-статистическаго бюро этой губерніи отъ московскаго центра (бо́льшая часть вновь открываемыхъ земско-статистическихъ бюро получала первыя указанія изслѣдованія отъ покойнаго Орлова), наложили оригинальный отпечатокъ на труды по изученію полтавскаго крестьянскаго хозяйства. Достаточно указать на господство личной земельной крестьянской собственности, которое одно въ состояніи отклонить характеръ описанія отъ того, какой признанъ наиболѣе подходящимъ для мѣстностей съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Текстъ „Сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губер-

нія" отличается отъ тамбовскаго или самарскаго уже внѣшнимъ расположеніемъ матеріала. Обзору крестьянскаго хозяйства здѣсь предпосланъ краткій очеркъ частнаго землевладѣнія; выдѣлена особая глава о крестьянскомъ населеніи уѣзда, въ которой разсматривается составъ населенія по поламъ и возрастамъ, и здѣсь же приводятся краткія статистическія свѣденія о грамотности. Цифровыя данныя о съемныхъ цѣнахъ на землю и заработной платѣ (прибавимъ, очень тщательно разработанныя) вынесены въ отдѣлъ „матеріаловъ для оцѣнки земель"; остальной же фактическій матеріалъ приводится или въ „примѣчаніяхъ къ экономическимъ таблицамъ", или въ формѣ обыкновенныхъ выносокъ изъ текста. Благодаря этимъ пріемамъ изложенія, послѣдній освобождается отъ сырья, загромождающаго, напримѣръ, „Тамбовскій Сборникъ", и посвящается исключительно обобщеніямъ, выводамъ и цифровымъ сопоставленіямъ.

Что касается внутреннихъ особенностей разсматриваемаго изданія,—не говоря о томъ различіи содержанія, которое прямо обусловливается особенностями изслѣдуемаго быта (личная земельная собственность и происходящіе отсюда обычаи наслѣдованія и семейнаго быта, въ общихъ чертахъ также регистрируемые статистиками),—мы отмѣтимъ то вниманіе, какое „Полтавскій Сборникъ" удѣляетъ анализу цифровыхъ данныхъ подворной переписи, и методъ разработки имъ этихъ послѣднихъ.

Для уясненія различія статистической части „Полтавскаго Сборника" и другихъ съ нимъ сходныхъ, сравнимъ его съ тамбовскимъ изданіемъ. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ скотоводства. „Тамбовскій Сборникъ" даетъ намъ (по группамъ общинъ) число лошадей, коровъ и мелкаго скота на дворъ, на 100 десятинъ крестьянской пашни и на 100 душъ населенія, и дѣлитъ пошатнувшихся хозяевъ на безлошадныхъ и не имѣющихъ никакого скота. „Полтавскій Сборникъ" (въ послѣднихъ его выпускахъ) численное отношеніе скота къ населенію вовсе оставляетъ безъ вниманія; на дворъ, равно какъ и на 100 десят. пашни, даетъ лишь одну общую цифру его; но зато вводитъ новыя отношенія (всего скота и отдѣльно рабочаго къ 100 десят. посѣва, крупнаго—къ площади сѣнокоса) и изучаетъ составъ крупнаго скота (изъ взрослаго и молодого) и мелкаго (изъ овецъ и свиней). Упавшихъ крестьянъ онъ раздѣляетъ не на двѣ, а на три группы (безъ всякаго скота, имѣющихъ только мелкій и, кромѣ того, и молодой крупный скотъ).

„Тамбовскій (и Самарскій) Сборникъ" не подвергаетъ подробному цифровому изученію состава крестьянскихъ земель по угодьямъ; да, за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ данныхъ, и не можетъ этого сдѣлать; онъ, поэтому, ограничивается опредѣленіемъ процента пахатныхъ

земель въ составѣ надѣла, о лѣсахъ же и сѣнокосахъ даетъ кое-какія свѣденія описательнаго характера. Полтавское бюро, имѣя возможность пользоваться новыми данными генеральнаго межеванія, разработало вопросъ о составѣ крестьянскихъ земель по угодьямъ подробно, даже подраздѣлило крестьянскій лѣсъ на строевой, дровяной и т. д. Тутъ же мы находимъ и точныя свѣденія о распредѣленіи крестьянскихъ посѣвовъ по отдѣльнымъ хлѣбамъ.

Эта большая полнота въ разработкѣ цифровыхъ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія въ полтавскомъ изданіи, въ извѣстной степени, сдѣлалась возможной, во-первыхъ, благодаря недавно закончившемуся здѣсь межеванію, доставившему полтавскому бюро такія свѣденія, которыя нельзя получить никакимъ инымъ способомъ; во-вторыхъ, потому что полтавское бюро, пытаясь до нѣкоторой степени примирить оба типа изслѣдованія — черниговскій и московскій — собрало очень полныя данныя по сельско-хозяйственной экономіи. Часть этихъ послѣднихъ —крестьянская аренда и заработная плата—сгруппирована въ табличную форму по дачамъ и волостямъ.

Въ противность тому, что̀ мы до сихъ поръ говорили о большей полнотѣ разсматриваемаго изданія, въ „Сборникѣ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи“ мы встрѣчаемъ почти полное игнорированіе не-земледѣльческихъ занятій крестьянъ и ихъ грамотности. Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что кустарные промыслы губерніи подвергаются спеціальному изслѣдованію.

Теперь намъ нужно нѣсколько остановиться на пріемѣ разработки цифровыхъ данныхъ, до извѣстной степени примѣняемомъ полтавскими статистиками. Приступая къ переписи населенія, владѣющаго землей на правѣ личной собственности, полтавское земско-статистическое бюро не могло довольствоваться тою системою данныхъ по крестьянскому землевладѣнію, какая при началѣ дѣла удовлетворяла великорусскихъ статистиковъ. Душевой надѣлъ того или иного размѣра давалъ очень несовершенное представленіе относительно богатства отдѣльныхъ дворовъ въ Малороссіи землею, не говоря уже о томъ, что здѣсь есть большія группы населенія (казаки), вовсе не знающія такой нормы землевладѣнія. На основаніи сказаннаго при переписи полтавскіе статистики опредѣляли дѣйствительный размѣръ землевладѣнія каждаго крестьянина, а при группировкѣ матеріала приняли рѣшеніе показывать нѣкоторыя свѣденія (аренда земли, занятія крестьянъ внѣ своего хозяйства и др.) не одной огульной цифрой для цѣлаго поселенія, а отдѣльной для каждой изъ группъ крестьянъ, на какія селеніе было разбито по величинѣ землевладѣнія. Такимъ образомъ устанавливалась связь между величиной земельной собственности крестьянина и нѣкоторыми изъ немаловажныхъ проявленій его

хозяйственной дѣятельности. А если принять во вниманіе, что при переписи полтавское бюро держалось карточной системы записыванія опрашиваемыхъ, значительно облегчающей трудъ подворной разработки матеріала, то сдѣлается понятнымъ, что „Полтавскій Сборникъ" легко могъ дать намъ такія сопоставленія цифръ, какія были почти недоступны ни тамбовскому, ни самарскому. Такъ, въ главѣ, посвященной крестьянскому землевладѣнію, намъ дается таблица, рисующая связь величины землевладѣнія съ рабочимъ составомъ семей; дальше мы встрѣчаемъ уже комбинацію трехъ сельско-хозяйственныхъ факторовъ: землевладѣнія, скотоводства и рабочаго состава семьи, причемъ для одного уѣзда „Сборникъ" пытается опредѣлить роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ даже полурабочихъ, вводя и ихъ въ свою комбинацію. Въ послѣдующихъ выпускахъ, съ перемѣною автора описанія крестьянскаго хозяйства (г. Терешкевичъ вмѣсто Василенко) и сокращеніемъ личнаго состава бюро, указанныя нами интересныя комбинаціи главнѣйшихъ факторовъ сельско-хозяйственнаго производства, требующія большой затраты труда, исчезаютъ со страницъ „Полтавскаго Сборника". Тѣмъ не менѣе послѣдній оттого не утрачиваетъ всѣхъ своихъ статистическихъ особенностей, такъ какъ его система поселенныхъ таблицъ по нѣкоторымъ вопросамъ дозволяетъ разрабатывать данныя по группамъ дворовъ съ тѣмъ или инымъ землевладѣніемъ и такимъ образомъ выяснить связь, существующую между размѣромъ земельной собственности крестьянина и такими явленіями, какъ его семейный составъ, распредѣленіе земли по угодьямъ, отношеніе снятаго пахатнаго поля къ собственному, степень распространенія съемки земель и величина съемнаго участка, наконецъ участіе крестьянъ въ такъ-наз. зажинѣ и ихъ отходъ на дальніе земледѣльческіе заработки. Объ этой сторонѣ полтавскаго изданія мы будемъ говорить еще ниже, а теперь укажемъ на дальнѣйшія отличія двухъ послѣднихъ томовъ „Полтавскаго Сборника" отъ предыдущихъ.

Мы видѣли, что отрицательная сторона измѣненій въ текстѣ изданія заключается въ сокращеніи подворной разработки данныхъ переписи устраненіемъ съ поля изданія комбинацій различныхъ факторовъ крестьянскаго благосостоянія и замѣной детальныхъ свѣденій (напр., по семейно-рабочему составу) средними цифрами (вмѣсто подраздѣленія дворовъ на одно-дву-рабочіе и т. д.; берется среднее число рабочихъ на семью, принадлежащую къ той или иной земельной группѣ). Сюда же нужно отнести и отсутствіе въ послѣднихъ томахъ полтавскаго изданія очерковъ, посвященныхъ двумъ крайнимъ группамъ крестьянъ, так.-наз. богатырямъ, владѣющимъ не менѣе 20 дес. земли на дворъ и подсосѣдкамъ, не имѣющимъ собственнаго крова, а живущимъ на квартирахъ и обыкновенно упла-

чивающимъ за нихъ своимъ трудомъ. Но рядомъ съ этимъ, новый текстъ отличается отъ прежняго и нѣкоторыми положительными свойствами. Почти во всѣхъ главахъ онъ полнѣе, т.-е. охватываетъ изслѣдованіемъ бóльшую массу отношеній крестьянскаго хозяйства. Такъ, въ главѣ о населеніи онъ вводитъ новыя данныя о калѣкахъ, солдатахъ на дѣйствительной службѣ и наемныхъ рабочихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; говоря о землевладѣніи, подробно изслѣдуетъ составъ земли по угодьямъ; въ главѣ о скотоводствѣ—составъ крупнаго и мелкаго скота по его родамъ и т. д. Словомъ, можно сказать, что насколько новый текстъ „Полтавскаго Сборника" теряетъ въ отношеніи пріемовъ разработки цифровыхъ данныхъ, имѣющихъ цѣлью выясненіе зависимости между явленіями, настолько онъ выигрываетъ въ полнотѣ и разнообразіи предметовъ изслѣдованія.

Мы видѣли, что въ „Полтавскомъ Сборникѣ" отведено больше мѣста анализу цифровыхъ данныхъ подворной переписи, чѣмъ въ раньше разсмотрѣнныхъ изданіяхъ того же типа. Труды петербургскаго статистическаго бюро выдѣляются въ этомъ отношеніи еще замѣтнѣе, причемъ, въ противоположность предшествующему, статистическій, а не описательный характеръ „Петербургскаго Сборника" не явился результатомъ свободнаго предпочтенія изслѣдователями одного типа изданія другому, а былъ, такъ сказать, предрѣшенъ свойствами матеріала, собраннаго мѣстнымъ изслѣдованіемъ.

Дѣло въ томъ, что послѣднее производилось здѣсь не такъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи—опредѣленнымъ контингентомъ лицъ, составляющихъ статистическое бюро,—контингентомъ весьма ограниченнымъ и потому не допускающимъ быстраго изслѣдованія губерніи, но зато гарантирующимъ его полноту и точность. Покойный Пудовиковъ, организовавшій изслѣдованіе петербургской губерніи, задумалъ произвести его одновременно по всѣмъ уѣздамъ; а такъ какъ для этого потребовалось очень большое число регистраторовъ, то земство и прибѣгло къ помощи народныхъ учителей. Хотя этотъ послѣдній классъ, какъ и всякій другой, въ состояніи выдѣлить изъ своей среды извѣстную долю лицъ, способныхъ къ производству экономическихъ изысканій; но очевидно, что доля эта не можетъ быть очень велика уже по одному тому, что производство изслѣдованія требуетъ немалаго развитія и такихъ познаній, которыя не даются въ общеобразовательныхъ школахъ, а пріобрѣтаются главнымъ образомъ путемъ серьезнаго и разнообразнаго чтенія, которое, какъ извѣстно, среди учителей не очень распространено. Въ виду сказаннаго, размѣръ площади, способной одновременно быть охваченной изслѣдова-

ніемъ при помощи учителей, зависитъ отъ того, какой контингентъ работниковъ можетъ быть выдѣленъ наличнымъ педагогическимъ составомъ изслѣдуемой области. Но никакимъ образомъ нельзя идти обратнымъ путемъ, т.-е. предварительно опредѣлить подлежащую изслѣдованію площадь а затѣмъ соотвѣтственно ея размѣрамъ пригласить изъ среды учителей регистраторовъ. Для успѣшнаго хода предпріятія нужно ввести еще одно ограничивающее условіе: болѣе легкое дѣло поручать однимъ лицамъ, трудное—другимъ. Къ первому относится подворная перепись, т.-е. опросъ каждаго домохозяина по предметамъ его быта и хозяйства, предметамъ простымъ, яснымъ, доступнымъ безъ дальнѣйшихъ объясненій пониманію всякаго. Гораздо труднѣе выясненіе обстоятельствъ, общихъ цѣлой группѣ населенія, крайне разнообразныхъ даже въ предѣлахъ небольшого района, не подлежащихъ точному измѣренію, а требующихъ по преимуществу описательнаго способа выраженія, допускающихъ поэтому массу ошибокъ и неточностей пониманія со стороны какъ спрашивающаго, такъ и отвѣчающаго. Для правильнаго освѣщенія всѣхъ подобныхъ сторонъ крестьянскаго быта требуется гораздо больше, чѣмъ простая грамотность и общее знакомство съ изучаемымъ предметомъ—достаточныя для производства подворной переписи. Здѣсь необходимо отчетливое представленіе о цѣляхъ изслѣдованія; болѣе или менѣе серьезныя познанія по предметамъ послѣдняго; умѣнье и опытность въ дѣлѣ выясненія запутанныхъ отношеній, обладаемыя далеко не каждымъ, способнымъ къ простой регистраціи данныхъ подворной переписи, а пріобрѣтаемыя постепенно. Вотъ почему, даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ къ изслѣдованію привлечены мѣстныя силы, имъ поручается лишь производство подворной переписи; составленіе же такъ-называемыхъ поселенныхъ бланковъ или возлагается на надежнѣйшихъ лицъ изъ числа регистраторовъ, или оставляется на обязанности членовъ статистическаго бюро.

Въ петербургской губерніи были нарушены оба указанныя правила статистическаго изслѣдованія. Это — очень естественно, такъ какъ то былъ первый опытъ привлеченія къ работѣ народныхъ учителей,—опытъ, сдѣланный безъ достаточной осмотрительности. Въ результатѣ оказались трояваго рода прорѣхи: 1) изслѣдованіе по всей губерніи было сдѣлано новичками; иначе говоря, тотъ опытъ, который съ теченіемъ времени пріобрѣтался регистраторами, пропадалъ для изслѣдованія даромъ, такъ какъ районъ, отведенный учителю-регистратору, былъ очень малъ (2—1 волость и меньше); 2) въ губерніи не нашлось такого числа способныхъ учителей, сколько это необходимо для производства переписи въ назначенный срокъ, и вѣдомости многихъ регистраторовъ оказались составленными не-

брежно и даже недобросовѣстно; 3) поселенные бланки, заключающіе свѣденія общаго и описательнаго характера, за немногими исключеніями, оказались крайне неполными по содержанію.

Этими свойствами матеріала, собраннаго при мѣстномъ изслѣдованіи петербургской губерніи, заранѣе предрѣшается вопросъ о содержаніи текста петербургскихъ сборниковъ. Онъ долженъ имѣть характеръ по преимуществу статистическій, отличающійся разработкой цифрового матеріала подворной переписи. Каковъ бы ни былъ этотъ послѣдній по достоинству — онъ былъ почти полонъ, слѣдовательно допускалъ разработку по всей губерніи. Что же касается фактовъ, характеризующихъ населеніе въ его хозяйственныхъ операціяхъ, его межеобщинныхъ отношеніяхъ, его бытовыхъ особенностяхъ, то при всемъ стремленіи авторовъ описаній утилизировать по возможности всякій интересный фактъ, добытый мѣстнымъ изслѣдованіемъ, —они дали лишь крайне блѣдную картину быта населенія и должны были ограничить свою задачу почти исключительно изслѣдованіемъ отношеній, допускающихъ точное цифровое выраженіе. Такимъ образомъ, вы здѣсь найдете (въ особенности въ III и IV выпускахъ) подробно разработанныя данныя о половомъ, возрастномъ и семейномъ составѣ населенія, о сдачѣ крестьянами своихъ надѣловъ и арендѣ ими чужихъ угодій разнаго рода и на разныхъ условіяхъ (за деньги, отработки, исполу и т. д.); о посѣвахъ и урожаяхъ всѣхъ хотя бы мало распространенныхъ хлѣбовъ; о скотоводствѣ, идеальной мѣрѣ и дѣйствительныхъ (полученныхъ вычисленіемъ) запасахъ удобрительныхъ средствъ; о степени обезпеченія населенія своимъ хлѣбомъ, а скота—кормомъ и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ труды петербургскаго земско-статистическаго бюро даютъ гораздо болѣе расчлененныя данныя, чѣмъ большая часть другихъ сборниковъ. Что же касается описаній—въ разсматриваемомъ изданіи читатель найдетъ довольно опредѣленную картину, кажется, однихъ только сѣвооборотовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, представляющихъ значительный интересъ въ виду того вліянія, какое оказываетъ на хозяйство близость Петербурга.

Обращаясь къ главному предмету содержанія петербургскихъ сборниковъ, замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи они отличаются отъ другихъ изданій не только болѣе подробнымъ анализомъ цифровыхъ данныхъ подворной переписи, но и тѣмъ, что иначе относятся къ различнымъ единицамъ, къ которымъ пріурочиваются въ сборникахъ всѣ данныя и которыя поэтому подвергаются изученію и сравненію. Повсюду господствующей единицей является разрядъ крестьянъ (помѣщичьи, государственные и др.), представляющій то удобство, что разряды различаются между собою по величинѣ надѣла,

положенію относительно не-крестьянскихъ земель и; наконецъ, своимъ прошлымъ. Въ трудахъ петербургскаго бюро указанной классификаціи хозяйствъ не придается особеннаго значенія; но зато данныя обязательно группируются по волостямъ и изучается отношеніе между районами, частью естественными (почва, приморское положеніе и т. п.), частью обязанными происхожденіемъ соціальнымъ причинамъ, главнымъ образомъ близости такого большого промышленнаго центра, какъ Петербургъ.

При указанной нами односторонности матеріала, надъ которымъ пришлось оперировать петербургскимъ статистикамъ, ихъ текстъ легко могъ получить крайне сухой характеръ и каждый послѣдующій томъ рисковалъ быть скучнымъ повтореніемъ предыдущаго. Къ нашему удовольствію, однако, ничего подобнаго не случилось. Причины этого, намъ кажется, лежатъ, во-первыхъ, въ томъ, что всѣ четыре выпуска изданія составлены разными лицами (1-й—гг. П. Пудовиковымъ и Н. Дроздовымъ, 2-й—Я. В. Абрамовымъ, 3-й—С. Н. Южаковымъ и 4-й—Н. Дроздовымъ), т.-е. писались подъ вліяніемъ того живого интереса, который естественно возбуждается въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ, впервые знакомящемся съ важнымъ и интереснымъ предметомъ; во-вторыхъ, въ разнообразіи мѣстностей губерніи даже въ предѣлахъ одного уѣзда, зависящемъ отъ несходства почвы, положенія относительно моря или города, разнообразія этнографическаго состава населенія и т. д.; въ-третьихъ, въ стремленіи авторовъ описаній объединить всю сумму признаковъ (выраженныхъ, какъ мы знаемъ, цифрой), свойственныхъ различнымъ областямъ уѣзда, одной идеей—отыскать взаимную связь изслѣдуемыхъ явленій, объяснить, а не только изложить результаты изслѣдованія, стремленіи, тѣмъ болѣе трудно-осуществимомъ, чѣмъ менѣе у нихъ было данныхъ описательнаго характера. Наконецъ, въ томъ же направленіи вліяла и широта программы подворной переписи, которою регистрировались, между прочимъ, такія явленія, какъ размѣръ посѣва различныхъ хлѣбовъ каждымъ домохозяиномъ, величина заработка каждаго промышленника, количество проданнаго и купленнаго крестьяниномъ хлѣба и т. п.

Мы сказали, что четыре вышедшихъ тома „Петербургскаго Сборника“ написаны различными лицами. Хотя при этомъ всѣ авторы руководствовались однимъ образцомъ — первымъ выпускомъ, составленнымъ покойнымъ Пудовиковымъ и г. Дроздовымъ—тѣмъ не менѣе ихъ труды значительно расширены въ деталяхъ сравнительно съ названной работой и, кромѣ того, далеко не представляютъ полнаго между собой сходства. Такъ, отдѣлъ о населеніи въ III и IV выпускахъ разработанъ гораздо подробнѣе, чѣмъ въ первыхъ двухъ, причемъ

въ III в., напримѣръ, половой и возрастной составъ населенія слѣдится у пришлаго, отсутствующаго и наличнаго населенія отдѣльно; изслѣдуется эмиграція и иммиграція въ области; въ IV в. объясняется вліяніе, оказываемое на составъ населенія отхожими промыслами. Во II выпускѣ обращается нѣкоторое вниманіе на различіе въ отношеніи къ землѣ финновъ и русскихъ; въ III—на связь между качествами почвы и величиной надѣла съ одной стороны, и передѣлами земли—съ другой. Нѣкоторые выпуски даютъ намъ описаніе хозяйства пришлаго населенія мѣстности. Работа г. Южакова характеризуется стремленіемъ на ряду съ общепринятой въ трудахъ земскихъ статистиковъ классификаціей явленій или вмѣсто нея ввести другую, признаваемую за наиболѣе раціональную въ наукѣ; такъ, въ главѣ о земледѣліи онъ разбиваетъ культивируемую площадь на производящую пищу человѣка и кормъ скоту, тогда какъ въ нашей земско-статистической практикѣ установлено дѣленіе на пахатную и сѣнокосную площадь. Урожаи онъ опредѣляетъ не относительнымъ числомъ („самъ столько-то"), а абсолютнымъ сборомъ съ десятины и т. д.

Въ заключеніе прибавимъ, что разсматриваемое нами изданіе содержитъ въ себѣ весьма важныя, но крайне рѣдко встрѣчающіяся въ земско-статистическихъ сборникахъ пообщинныя свѣденія о количествѣ земель прирѣзанныхъ и отрѣзанныхъ у крестьянъ при окончательномъ устройствѣ ихъ быта. Затѣмъ нельзя обойти молчаніемъ способа, принятаго изслѣдователями для распредѣленія крестьянскаго надѣла по угодьямъ. Не довѣряя слишкомъ устарѣлымъ оффиціальнымъ даннымъ, Пудовиковъ опредѣлялъ количество пахатной земли разсчетомъ на основаніи цифръ посѣва всѣхъ хлѣбовъ каждымъ домохозяиномъ и свѣденій о системахъ полеводства въ каждомъ поселеніи. Тѣмъ же способомъ вычислена и сѣнокосная площадь крестьянскаго надѣла. Читатель видитъ, что степень соотвѣтствія этихъ вычисленій дѣйствительности зависитъ всецѣло оттого, насколько вѣрно была произведена подворная перепись.

Работы курскаго статистическаго бюро значительно отличаются отъ всѣхъ только-что нами разсмотрѣнныхъ. Подворное изслѣдованіе этой области велось сравнительно очень быстро: рѣшено было закончить его въ теченіе трехъ лѣтъ. Ради этого всѣ силы бюро направлены были на собираніе свѣденій и изданіе сырого матеріала, а разработка послѣдняго отложена до окончанія изслѣдованія, когда она за то должна была явиться въ видѣ описанія, охватывающаго цѣлую губернію. Къ сожалѣнію, послѣдній трудъ бюро, заключающій не только это описаніе, но и сводъ цифрового матеріала по

всѣмъ четырнадцати уѣздамъ области, задержанъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и мы лишены возможности не только ознакомиться съ цѣльной картиной хозяйства губерніи, но и пользоваться готовой сводной таблицей по всѣмъ ея уѣздамъ, будучи, такимъ образомъ, вынуждены производить всѣ тѣ утомительныя вычисленія, которыя уже разъ сдѣланы статистическимъ бюро, а теперь безъ пользы лежатъ въ архивахъ земской управы [1]). Нельзя не удивляться вандализму курскаго земства, которое изъ-за нѣсколькихъ страницъ текста лишило изслѣдователей возможности пользоваться цифрами; мы указали бы ему на примѣръ рязанскаго земскаго собранія, которое нѣкогда также осталось недовольно текстомъ двухъ томовъ своего „Сборника“ (дополненіями къ таблицамъ), и тоже рѣшило не допускать его въ обращеніе; несмотря на это, оно оказалось настолько просвѣщеннымъ, что задержало только непріятную ему часть книги; другую же охотно предоставило къ услугамъ лицъ, интересующихся предметомъ.

Несмотря на то, что̀ мы сейчасъ высказали о характерѣ работъ курскаго бюро, его изданія не совершенно лишены текста, а послѣдніе томы, гдѣ имѣются описанія волостей, по полнотѣ, пожалуй, мало чѣмъ отличаются отъ работъ другихъ земскихъ бюро. Въ первыхъ же выпускахъ имѣется лишь краткое (20—30 страницъ) введеніе, заключающее обзоръ главнѣйшихъ итоговъ цифровыхъ свѣденій, помѣщенныхъ въ таблицахъ, т.-е. то, что составляетъ статистическую часть текста другихъ сборниковъ. Но въ послѣднихъ цифровыя свѣденія дополняются описаніями, отчего явленіе дѣлается болѣе яснымъ, и мы, кромѣ того, узнаемъ стороны жизни населенія, свѣденія о которыхъ не укладываются въ табличныя рамки. Въ трудахъ курскаго бюро описанія отсутствуютъ, и потому во многихъ случаяхъ мы только видимъ взаимную связь двухъ явленій, но не понимаемъ, чѣмъ она обусловливается.

Указанный характеръ текста сохраненъ не на всемъ протяженіи трудовъ курскаго бюро. Болѣе или менѣе строго выдержанъ онъ во II—V томахъ „Сборника“; въ VI и VII уже встрѣчаются небольшія описанія, относящіяся къ пріемамъ крестьянскаго земледѣлія, особенностямъ расположенія надѣла, хозяйству крестьянъ на арендованныхъ земляхъ и т. д.; появляются краткіе очерки помѣщичьяго хозяйства. Въ VIII, XI и XII томахъ описаніе крестьянскаго хозяйства занимаетъ уже втрое и вчетверо больше мѣста, сравнительно съ первыми. Это увеличеніе размѣровъ произошло благодаря расши-

[1]) Задержавъ свое изданіе, курское земство обращалось къ администраціи съ цѣлью воспрепятствовать бывшему завѣдывающему его бюро, И. А. Вернеру, издать свой трудъ на собственный счетъ.

ренію статистической части текста и включенію въ него данныхъ описательнаго характера. Въ противоположность тому, что мы наблюдали въ трудахъ тамбовскаго статистическаго бюро, гдѣ изъ тома въ томъ слѣдится за однѣми и тѣми же отношеніями крестьянскаго хозяйства и при помощи тѣхъ же пріемовъ изслѣдованія, въ указанныхъ выпускахъ „Курскаго Сборника" мы замѣчаемъ улучшеніе пріемовъ разработки, (отнесеніе нѣкоторыхъ данныхъ къ группамъ общинъ съ тѣмъ или инымъ размѣромъ надѣла, иногда даже подворную разработку данныхъ переписи) и отзывы на вопросы, поднятые въ общей литературѣ. Оттого вмѣсто однообразія содержанія тамбовскаго сборника, въ послѣднихъ томахъ курскаго мы встрѣчаемъ значительныя уклоненія одного изъ нихъ отъ другого. Общій планъ текста остается и здѣсь тотъ же (всего болѣе онъ нарушенъ въ X-мъ томѣ); въ послѣднихъ томахъ имѣется такой же почти обзоръ итоговыхъ цифръ, что и въ первыхъ; но выводы такого обзора поясняются новыми комбинаціями цифръ (данныя, рисующія положеніе крестьянскаго хозяйства и аренды сопоставляются съ величиною собственнаго надѣла общинъ—пріемъ разработки цифръ, господствующій въ трудахъ тамбовскаго и другихъ статистическихъ бюро), и, кромѣ того, въ разныхъ томахъ обращается преимущественное вниманіе на тотъ или другой вопросъ крестьянскаго хозяйства. Любимой темой такого отступленія „Курскаго Сборника" отъ первоначальнаго плана текста служатъ вопросы, недавно поднятые и очень мало выясненные литературой: это—о пестропольѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и значеніи для послѣдняго отдаленности полей отъ усадьбы. Не ограничиваясь данными описательнаго характера, сборникъ пытается выяснить эти вопросы статистически.

Наиболѣе полнымъ томомъ „Курскаго Сборника", въ отношеніи свода о разработкѣ данныхъ переписи, является VIII-й, посвященный щигровскому уѣзду. Здѣсь приводится подробный учетъ доходовъ и расходовъ крестьянской семьи и выясняется вопросъ объ обезпеченіи ея быта надѣломъ: производится учетъ дохода, получаемаго съемщикомъ съ арендуемыхъ угодій; приложено описаніе промысловъ населенія; изслѣдуется вліяніе величины поселенія на хозяйство крестьянъ. Произведена подворная разработка данныхъ по нѣкоторымъ волостямъ для разрѣшенія вопроса о вліяніи величины надѣла крестьянъ на аренду ими частновладѣльческихъ угодій; имѣется очеркъ переселенія крестьянъ за послѣдніе годы, и т. д. Въ XI-мъ томѣ интересно сравненіе урожаевъ на трехпольныхъ и разнопольныхъ участкахъ (гдѣ сѣются хлѣба безъ перерыва), причемъ оказывается, что, вопреки ожиданію, тамъ и здѣсь урожай

одинаковъ. Въ XII-мъ томѣ обращено болѣе вниманія на формы землевладѣнія, о которыхъ въ „Сборникѣ“ вообще говорится не часто.

Съ X-го тома курскаго изданія введенъ новый, очень важный отдѣлъ—описаніе волостей, заключающее сводъ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, не укладывающихся въ таблицы. Такія данныя мы видѣли и въ трудахъ тамбовскаго бюро; но здѣсь онѣ приводились въ сводномъ текстѣ и относились къ вопросамъ, которыхъ касался послѣдній. Въ курскихъ сборникахъ они сгруппированы отдѣльно и по содержанію гораздо богаче. Мы здѣсь находимъ описаніе почвы и расположенія надѣла, исторію общины съ указаніемъ отношенія крестьянъ къ передѣлу земли; описаніе земледѣльческой техники и сѣвооборотовъ; данныя объ арендѣ и мірскихъ доходахъ; указаніе на существующіе промыслы, на выселеніе крестьянъ, грамотность, характеръ и степень зажиточности населенія. Такимъ образомъ, эти описанія даютъ картину общины и волости, дополняющую матеріалъ таблицъ, почему онѣ имѣютъ особенное значеніе при пообщинной разработкѣ цифровыхъ данныхъ, заключенныхъ въ послѣднихъ. Каждый томъ „Сборника статистическихъ свѣденій по курской губерніи“ заключаетъ еще очеркъ грамотности крестьянскаго населенія: во II—V (а также XII и XIII) томахъ этотъ очеркъ очень кратокъ и состоитъ изъ свода уже обработаннаго цифрового матеріала. Онъ заключаетъ въ себѣ таблицы числа грамотныхъ и учащихся крестьянъ по волостямъ и разрядамъ; сопоставленіе процента грамотныхъ, во-первыхъ, съ величиной надѣла и скотоводствомъ, какъ факторами экономическаго благосостоянія, и, во-вторыхъ, съ разстояніемъ поселенія отъ школы. Съ VI-го тома „Сборника“ описанія дѣлаются подробнѣе; изслѣдователь старается выяснить отступленія отъ правила, установленнаго статистическими данными (зависимость грамотности отъ благосостоянія населенія и близости школы), для чего ему приходится обращаться къ свѣденіямъ, не находящимся въ общихъ таблицахъ, приводить данныя о промыслахъ, расположеніи поселеній относительно желѣзной дороги, и т. п. Сообщаются наблюденія статистиковъ надъ отношеніемъ населенія къ школѣ, приводятся данныя о школахъ чисто крестьянскихъ и о другихъ способахъ обученія дѣтей. Въ трехъ томахъ (IX—XI) имѣется еще очеркъ исторіи грамотности въ уѣздѣ и сводъ данныхъ о самыхъ школахъ: о помѣщеніи, учебныхъ пособіяхъ, средствахъ содержанія и т. п. Этотъ сводъ составленъ на основаніи свѣденій о каждой школѣ, печатающихся въ сборникѣ въ видѣ дополненія къ таблицамъ, начиная съ VI-го тома изданія.

Итакъ, резюмируя все, чтó мы говорили выше, можно дать слѣдующую характеристику текста „Курскаго Сборника“.

Обстоятельную разработку собраннаго матеріала, результатомъ которой должна быть картина хозяйства населенія и выясненіе главнѣйшихъ отношеній, сложившихся послѣ реформы, предполагалось сдѣлать сразу по цѣлой губерніи. Поэтому первые томы изданія, относящіеся къ отдѣльнымъ уѣздамъ, въ своемъ текстѣ ограничиваются краткимъ обзоромъ итоговъ таблицъ, не заключаютъ сколько-нибудь сложныхъ вычисленій для выясненія важнѣйшихъ явленій крестьянской жизни, равно какъ и данныхъ описательнаго характера. Впослѣдствіи, однако, характеръ изданія нѣсколько измѣняется. Тамъ и сямъ прорываются описанія, цифры начинаютъ подвергаться болѣе или менѣе детальной разработкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ отступленій носятъ характеръ случайности (таково, напримѣръ, описаніе промысловъ въ VIII томѣ, четвертного землевладѣнія—въ XII и т. п.). Другія являются отвѣтомъ на вопросы, поднятые въ общей или спеціальной литературѣ (подворная разработка цифрового матеріала для разрѣшенія вопроса о зависимости крестьянской аренды частновладѣльческихъ земель отъ размѣра ихъ собственнаго надѣла; описаніе разнополья въ крестьянскомъ хозяйствѣ и т. д.). Видно, что курское бюро прислушивалось къ тому, что дѣлается внѣ его, и старалось дать посильный отвѣтъ на вопросы, поднятые литературой. Впрочемъ главное значеніе текста этого изданія заключается не въ этомъ ея отдѣлѣ, а въ тѣхъ описаніяхъ волостей, которыя встрѣчаются въ сборникѣ, начиная съ X-го тома. Эти же выпуски (вмѣстѣ съ VIII) содержатъ и наиболѣе разработанный текстъ; поэтому въ нихъ-то почти исключительно и нужно искать чего-нибудь новаго, что можетъ дать „Курскій Сборникъ“ сверхъ обычныхъ для него таблицъ крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства.

Мы считаемъ удобнымъ на время прервать обзоръ изданій московскаго типа земской статистики и обратиться къ черниговскому.

Труды черниговскаго земско-статистическаго бюро носятъ скромное заглавіе: „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій“. И это заглавіе соотвѣтствуетъ ихъ содержанію, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ сводъ данныхъ, рисующихъ экономическое значеніе для собственниковъ черниговской губерніи принадлежащей имъ земли. Но это значеніе можетъ быть измѣряемо различными способами: цѣнностью, т.-е. продажною стоимостью имущества; его доходностью, въ свою очередь измѣряемою учетомъ издержекъ производства хлѣба или рентою, какую даетъ земля. Рента же можетъ быть денежная или натуральная, распадающаяся опять на испольную и отработочную. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для всесторонняго выполненія

задачи, возложенной на черниговское земско-статистическое бюро,—собранія матеріаловъ для оцѣнки земель съ цѣлью правильнаго распредѣленія между плательщиками налоговъ,—предстояло произвести изслѣдованіе земледѣльческой производительности края и отношеній, установившихся между различными группами населенія, такъ или иначе прикосновенными къ земледѣлію. Иначе говоря, изслѣдователямъ предстояла задача изучить естественныя и соціальныя условія сельско-хозяйственной дѣятельности края: урожайность почвъ, такъ сказать, первобытныхъ и измѣненныхъ высшей культурой, технику земледѣльческаго производства, степень распространенія различныхъ культуръ, общественныя формы хозяйства, формы найма рабочихъ и заработной платы, степень распространенія и условія различныхъ видовъ аренды земель и т. д. Скромное и узкое заглавіе трудовъ черниговскаго бюро скрываетъ, какъ видитъ читатель, очень широкое и богатое—по идеѣ по крайней мѣрѣ—содержаніе. Только подъ этимъ условіемъ названные труды и могутъ подлежать нашему разбору, ограничивающемуся обзоромъ работъ, имѣющихъ обще-экономическое значеніе.

Выше мы опредѣлили задачу статистическаго изслѣдованія черниговской губерніи въ самыхъ общихъ чертахъ. Дабы лучше уяснить себѣ, что̀ намъ дали черниговскіе статистики, и почему именно дали то, а не другое,—слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя подробности. Задача работъ черниговскаго бюро — представить основанія для раскладки налога между плательщиками: прежде всего между уѣздами губерніи, а затѣмъ между обывателями каждаго уѣзда. Для удовлетворенія этого требованія, бюро задалось цѣлью изучить основные элементы доходности земли (урожайность, вознагражденіе труда, арендную плату и т. д.) во всемъ ихъ территоріальномъ разнообразіи; очертить, основываясь на собранномъ матеріалѣ, районы, представляющіе внутри сходство своихъ частей въ извѣстномъ отношеніи, но различающіеся другъ отъ друга. Принадлежность извѣстнаго хозяйства къ тому или другому району этимъ самымъ предрѣшаетъ его доходность.

Основныя данныя послѣдней, это — почва и зависящая отъ нея урожайность, стоимость производства продукта, арендная плата. Поэтому изслѣдованіе, имѣющее указанную цѣль, должно разбить каждый уѣздъ черниговской губерніи на районы: почвенные, урожайности, той или другой стоимости производства, арендной платы и т. п. Изслѣдованіе велось по извѣстнымъ условнымъ территоріальнымъ единицамъ (дачамъ), и задача бюро заключалась, во-первыхъ, въ указаніи характеристическихъ чертъ каждой дачи, во-вторыхъ, въ классификаціи этихъ дачъ по всѣмъ признакамъ, составлявшимъ предметъ изслѣдованія.

Итакъ, въ трудахъ черниговскаго статистическаго бюро мы имѣемъ описаніе и оцѣнку различныхъ способовъ извлеченія дохода изъ земли. Такое же описаніе мы находимъ и въ работахъ бюро, построенныхъ по такъ-наз. московскому типу. Различіе между ними въ томъ, что черниговскіе статистики сдѣлали это спеціальнымъ предметомъ своего изслѣдованія, посвящали ему больше времени и потому по многимъ вопросамъ собрали болѣе вѣрныя данныя (въ особенности что касается характеристики почвъ и урожаевъ), разработали предметъ тщательнѣе, детальнѣе и придали матеріалу форму, удобную для оцѣночныхъ цѣлей. Если поэтому обще-экономическое значеніе трудовъ черниговскаго бюро заключается въ томъ, что они даютъ возможность изучить въ качественномъ и количественномъ отношеніи земледѣльческую производительность края, если по содержанію они заслуживаютъ по преимуществу названія земледѣльческой статистики, то слѣдуетъ здѣсь указать на предѣлы, передъ которыми остановилось изслѣдованіе, показать границы той области хозяйства, которая охвачена трудами статистиковъ.

Область эту нельзя назвать особенно широкой.

Изъ того, что труды черниговскаго бюро даютъ намъ по преимуществу сельско-хозяйственную статистику края, не слѣдуетъ предполагать, что они представляютъ изъ себя полное изслѣдованіе области въ земледѣльческомъ отношеніи. Вовсе нѣтъ! По количеству охваченныхъ отношеній они мало чѣмъ отличаются отъ изданій, не имѣющихъ главною цѣлью земледѣльческую статистику.

Такъ, прежде всего нужно замѣтить, что бюро не изслѣдовало скотоводства, а только хлѣбопашество. Но и въ этомъ отношеніи оно не собрало данныхъ, дающихъ полную характеристику предмета: такъ, оно не учитывало всей площади уѣзда и ея угодій; поэтому главнѣйшій множитель производительности края—размѣръ пахатныхъ угодій—извѣстенъ лишь для той части каждаго уѣзда, въ которой уже закончено производящееся здѣсь уже около 30 лѣтъ межеваніе.

Затѣмъ, распредѣленіе пахатной земли между посѣвами различныхъ растеній для яровыхъ хлѣбовъ сдѣлано только приблизительно и лишь для важнѣйшихъ изъ нихъ, ибо опроса каждаго домохозяина о родѣ и количествѣ высѣваемыхъ имъ хлѣбовъ дѣлаемо не было; свѣдущія же лица могли дать болѣе или менѣе точныя указанія лишь о хлѣбахъ главныхъ, общераспространенныхъ; а чѣмъ больше въ мѣстности разнообразіе культуръ, тѣмъ свѣденія, представленныя ими, менѣе точны. Указанная черта матеріаловъ черниговскаго бюро не ослабляетъ ихъ значенія, какъ основанія для оцѣнки земли, ибо достаточныя данныя для этого доставляются свѣденіями о культурѣ озимыхъ и важнѣйшихъ яровыхъ хлѣбовъ;

а мало распространенныя культуры вслѣдствіе своей относительной рѣдкости и не могутъ служить такимъ основаніемъ. Несмотря на сказанное, свѣденія объ этихъ культурахъ сохраняютъ немаловажное сельско-хозяйственное значеніе, въ особенности если ихъ пояснить указаніемъ на растенія, отживающія свой вѣкъ въ мѣстности и вновь вводимыя, которымъ, можетъ быть, предстоитъ блестящая будущность. Объ этомъ предметѣ, т.-е. относительно мелкихъ прогрессивныхъ измѣненій въ хозяйствѣ, труды черниговскаго бюро не заключаютъ систематически сведенныхъ данныхъ. Безразличнымъ для цѣлей оцѣнки, но важнымъ пробѣломъ съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной статистики является и рѣшеніе черниговскаго бюро собирать свѣденія объ урожайности и системѣ обработки только тѣхъ яровыхъ растеній, посѣвъ которыхъ занимаетъ не менѣе $^1/_3$ поля.

Такимъ образомъ, матеріалы, собранные черниговскими статистиками о родѣ и размѣрахъ посѣвовъ культивируемыхъ растеній, не даютъ возможности вычислить количество разныхъ хлѣбовъ, производимыхъ въ изслѣдуемой мѣстности, равно какъ и болѣе или менѣе подробно ознакомиться съ культурами, не пользующимися здѣсь большимъ распространеніемъ. Подобный же пробѣлъ мы находимъ и въ слѣдующемъ отдѣлѣ: въ главѣ объ арендѣ земли имѣются подробныя свѣденія о долѣ урожая, получаемой въ разныхъ районахъ владѣльцами сданной въ аренду земли при господствующей здѣсь системѣ подесятинной съемки на короткіе сроки и за натуральную плату. Узнаемъ (въ краткихъ чертахъ) и стоимость различныхъ операцій производства главнѣйшихъ хлѣбовъ. Но — гдѣ не была произведена подворная перепись—намъ не извѣстны ни объемъ работы, сдѣланной по найму, ни размѣры земли, поступившей въ аренду. Неизвѣстными остаются и условія обработки или найма земли подъ культуры, не пользующіяся большимъ распространеніемъ или не играющія очень важной роли въ хозяйствѣ крестьянина. Словомъ, тщательность въ собираніи матеріала, отличающая работы черниговскаго земско-статистическаго бюро, относится къ условіямъ сельско-хозяйственной дѣятельности, имѣющимъ общій характеръ; детальность разработки этого матеріала направляется стремленіемъ характеризовать съ точки зрѣнія этихъ общихъ условій всякую дачу, каждый уголокъ уѣзда, представляющій какія-либо особенности. Въ этомъ смыслѣ раздробленія свѣденій, относящихся къ общимъ условіямъ сельско-хозяйственной дѣятельности, по территоріальнымъ районамъ и можно говорить о точности и детальности работъ разсматриваемаго бюро. То и другое соотвѣтствуетъ основной задачѣ изслѣдованія— собрать матеріалы для оцѣнки земель. Что же касается частностей сельско-хозяйственнаго производства, явленій, хотя бы и распростра-

ненныхъ по числу хозяйствъ, но не выдающихся, такъ сказать, на производительной площади,—такія явленія, какъ относящіяся къ небольшимъ поверхностямъ земли, слѣдовательно какъ нехарактерныя для оцѣниваемаго предмета, привлекали къ себѣ мало вниманія черниговскихъ статистиковъ. Достаточно, напримѣръ, сказать, что ихъ изслѣдованію подвергалась лишь мелкая культура; крупное же хозяйство, какъ мало распространенное въ губерніи, почти не принималось въ разсчетъ при собираніи матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій. Не давая всесторонней характеристики края въ сельскохозяйственномъ отношеніи,—что̀ вытекаетъ изъ задачи, имѣвшейся въ виду у бюро при его работахъ,—разсматриваемые нами труды лишены и того, что̀ можно назвать количественнымъ множителемъ разныхъ видовъ дохода отъ земледѣлія и общей производительности земли губерніи: мы говоримъ о распредѣленіи пахатной земли между различными культурами, всей обработываемой площади между крупной и мелкой формой производства, снимаемой крестьянами земли между различными формами аренды и т. д. Этотъ недостатокъ разсматриваемаго изданія слѣдуетъ приписать способу изслѣдованія, практиковавшемуся черниговскимъ бюро: безъ поголовнаго опроса всего населенія вышеисчисленныя данныя и не могутъ быть получены.

Впрочемъ характеристика трудовъ черниговскаго статистическаго бюро, сдѣланная нами выше, не должна быть принимаема безусловно. Это, такъ сказать, идеалъ, вытекающій изъ цѣли, преслѣдуемой бюро—собраніе матеріаловъ для оцѣнки земель; но идеалъ, отъ котораго оно нерѣдко отступаетъ. Такъ, по плану, установленному въ началѣ изслѣдованія, рѣшено было собирать данныя объ урожайности и системѣ обработки только тѣхъ яровыхъ растеній, посѣвъ которыхъ занимаетъ не менѣе 1/3 ярового поля; между тѣмъ какъ во многихъ томахъ изданія кратко описываются многія культуры, не удовлетворяющія этому условію. Въ не-черноземныхъ уѣздахъ обращено большое вниманіе на огороды и другія угодья, неважныя для цѣлей оцѣнки, но имѣющія большое экономическое значеніе для населенія и т. д.

Съ внѣшней стороны изданіе черниговскаго статистическаго бюро не такого рода, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе обыкновеннаго читателя. Описанія, съ характерными бытовыми подробностями, отступаютъ на второй планъ, выдаваясь лишь въ нѣкоторыхъ томахъ и притомъ нерѣдко въ зависимости отъ того, кто изъ служащихъ отдѣленія производилъ описаніе [1]). Бо̀льшая же часть текста посвя-

[1]) Первыми организаторами изслѣдованія были гг. Варзеръ и Червинскій, къ которымъ вскорѣ присоединился Руссовъ. Впослѣдствіи членами бюро сдѣлались гг. Семяновскій и Филимоновъ.

щена своду и объясненію оцѣночнаго матеріала: характеристикѣ почвъ, урожайности, арендной платы и т. д.; въ концѣ тома находится сгруппированный по дачамъ основной матеріалъ, на которомъ должны строиться оцѣночные выводы.

Къ изданію черниговскаго статистическаго бюро непосредственно примыкаютъ „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи". Какъ видно изъ заголовка изданія, труды херсонскаго земскаго статистическаго отдѣленія [1]) преслѣдуютъ ту же цѣль, что и черниговскаго, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что, кромѣ оцѣнки земель, бюро поставлена была задача произвести подробное сельскохозяйственное описаніе края. Это обстоятельство существенно повліяло на измѣненіе характера херсонскаго сборника сравнительно съ черниговскимъ. Тогда какъ въ послѣднемъ данныя, имѣющія непосредственное значеніе для оцѣнки угодій, образуютъ центръ, около котораго группируются сельско-хозяйственныя описанія, приводимыя главнымъ образомъ ради лучшаго выясненія основного вопроса,—въ трудахъ херсонскаго бюро мы сначала и не замѣчаемъ ихъ оцѣночнаго характера, а встрѣчаемся съ обстоятельнымъ, систематическимъ сельско-хозяйственнымъ описаніемъ края, причемъ вниманіе бюро раздѣляется поровну между общими естественными и соціальными условіями сельско-хозяйственной дѣятельности (почва, климатъ, племенной и сословный характеръ населенія, его группированіе по территоріи, формы и размѣры землевладѣнія, общественныя формы культуры и т. д.) и частными проявленіями послѣдней въ крестьянскомъ и помѣщичьемъ хозяйствѣ. При этомъ данныя, имѣющія важное значеніе для оцѣнки угодій, изслѣдуются особенно подробно, по мѣрѣ того какъ до нихъ доходитъ очередь по естественному ходу описанія, и лишь арендныя цѣны земли выдѣлены въ особую главу: „сводъ оцѣночныхъ данныхъ", гдѣ онѣ фигурируютъ рядомъ съ залоговыми и продажными ея цѣнами.

Примыкая, съ одной стороны, къ трудамъ черниговскаго бюро, работы херсонскихъ статистиковъ въ другомъ отношеніи сближаются съ изслѣдованіями такъ-называемаго московскаго типа, хотя и здѣсь между тѣми и другими существуютъ немаловажные пункты различія. Пока вышло всего два тома „Матеріаловъ для оцѣнки земель херсонской губерніи", и одинъ изъ нихъ составленъ, между прочимъ, на основаніи подворной переписи, произведенной на счетъ уѣзднаго (елизаветградскаго) земства. Слѣдующій томъ будетъ также заклю-

---

[1]) Члены этого бюро: гг. Руссовъ и Браунеръ.

чать въ себѣ подворную перепись, а благому примѣру елизаветградскаго и александрійскаго уѣздовъ послѣдують, можетъ быть, и другія земства губерніи. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что разсматриваемое нами изданіе выполнитъ задачу, стоящую на первой очереди въ области земско-статистическаго изслѣдованія, — задачу объединенія программъ московскаго и черниговскаго типовъ изслѣдованія, сочетанія подворнаго изученія крестьянскаго хозяйства съ обстоятельнымъ описаніемъ земледѣльческой производительности края. Нужно, однако, замѣтить, что то разрѣшеніе поставленной задачи, какое намъ даетъ херсонское бюро, врядъ ли будетъ окончательнымъ, хотя оно значительно къ нему приблизилось.

Задачею херсонскаго статистическаго бюро является сельско-хозяйственное описаніе края; подворную перепись оно разработываетъ по преимуществу въ томъ же направленіи. Формы, условія, размѣры и особенности земледѣльческаго *производства* — вотъ что прежде и больше всего интересуетъ херсонскихъ статистиковъ. Труды статистическихъ бюро московскаго типа имѣютъ другую цѣль. Они стремятся изслѣдовать экономическое положеніе *населенія*, изучить способы, которыми послѣднее обезпечиваетъ свое существованіе, описать и измѣрить группы, на какія оно распадается по степени благосостоянія. Этой задачей объясняется то преимущественное вниманіе, какое статистики московскаго типа удѣляютъ крестьянамъ, какъ составляющимъ огромное большинство населенія Россіи, и разносторонность ихъ работъ, охватывающихъ какъ сельско-хозяйственную, такъ и промысловую дѣятельность населенія. Такъ какъ главнымъ занятіемъ девяти-десятыхъ русскаго крестьянства является земледѣліе, то понятно, что изученіе сельскаго хозяйства составляетъ главнѣйшую же задачу трудовъ статистическихъ бюро московскаго типа; а потому расширеніе соотвѣтствующей части программы изслѣдованія въ направленіи, выработанномъ черниговскими статистиками, является весьма важнымъ дополненіемъ текущихъ статистическихъ наблюденій, котораго слѣдуетъ ожидать отъ ближайшаго будущаго. Изъ вышеизложеннаго же очевидно, что окончательное рѣшеніе вопроса о сочетаніи московскаго и черниговскаго типа статистики произойдетъ не путемъ приноровленія подворнаго изслѣдованія къ сельско-хозяйственному, а наоборотъ. Какъ бы вы ни расширяли изслѣдованія, но если цѣлью его останется земледѣльческая производительность края, сельско-хозяйственная статистика, — оно будетъ спеціальной работой, не охватывающей ни другихъ сторонъ промышленной жизни края, ни положенія населенія, оторваннаго отъ земли. Если же вы будете твердо стоять на почвѣ московскаго типа изслѣдованія, лишь расширяя и усовершенствуя его,—вамъ придется охва-

тить изслѣдованіемъ не только климатъ и другія общія и спеціальныя сельско-хозяйственныя условія и явленія, составляющія предметъ преимущественнаго наблюденія черниговскаго и херсонскаго бюро, но и крупную обработывающую промышленность, какъ доставляющую источникъ доходовъ населенію и представляющую опаснаго конкуррента мелкимъ промысламъ, которыми живутъ сотни тысячъ и милліоны крестьянъ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что окончательное рѣшеніе вопроса о двухъ типахъ изслѣдованія произойдетъ скорѣе путемъ расширенія плана московскаго типа до включенія въ него черниговскаго, чѣмъ наоборотъ. Нужно, однако, прибавить, что во II томѣ своихъ работъ херсонское бюро значительно приблизилось къ разрѣшенію поставленной задачи и въ нѣкоторомъ отношеніи даетъ больше, чѣмъ изданія московскаго типа, даже по вопросамъ, относящимся къ населенію, а не землѣ, что̀ объясняется отчасти бо̀льшею законченностью его описаній.

Таково различіе текста херсонскаго изданія отъ сборниковъ, построенныхъ по общераспространенному московскому типу. Послѣдніе знаютъ крестьянское и помѣщичье хозяйство, которому и посвящаютъ особые очерки. Тщательное изученіе общихъ естественно-климатическихъ и другихъ условій обыкновенно игнорируется, и лишь нѣкоторые сборники предпосылаютъ описанію обзоръ естественныхъ условій, но обзоръ обыкновенно очень краткій. Херсонское бюро имѣетъ цѣлью изслѣдовать сельско-хозяйственную дѣятельность края въ ея цѣломъ, поэтому оно обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнюю, такъ сказать, обстановку этой дѣятельности, и потому даетъ о ней читателю болѣе полное и разностороннее понятіе. Въ его трудахъ вы найдете не только описаніе топографіи, климата (сдѣланное, между прочимъ, на основаніи наблюденій елизаветградской метеорологической станціи), но и обзора мѣстныхъ путей сообщенія, какъ одного изъ обстоятельствъ, не остающихся безъ вліянія на хозяйство. Техническая часть земледѣлія у него разработана также подробнѣе, чѣмъ въ большинствѣ другихъ сборниковъ; кромѣ того, херсонское изданіе не оставляетъ безъ изслѣдованія внѣшнюю обстановку жизни населенія, обиліе и родъ жилыхъ помѣщеній, ихъ отопленіе, наемъ квартиръ и т. п. Благодаря происходящему отсюда обилію описаній, обзоръ цифръ подворной переписи занимаетъ въ „Херсонскомъ Сборникѣ" сравнительно небольшое мѣсто. Этотъ обзоръ дѣлается здѣсь по юридическимъ или національнымъ группамъ населенія, что открываетъ возможность произвести сравненіе хозяйства безземельныхъ десятинщиковъ, русскихъ надѣльныхъ крестьянъ, нѣмцевъ и евреевъ (свѣденія о которыхъ, къ сожалѣнію, не достаточно вѣрны).

Многія свѣденія херсонское изданіе группируетъ еще по дачамъ—

тѣмъ условленнымъ единицамъ, на какія разбитъ уѣздъ по преимуществу въ интересахъ оцѣночнаго изслѣдованія угодій.

Итакъ, полнота и разносторонность описанія сельско-хозяйственнаго быта составляютъ первую черту, отличающую разсматриваемое изданіе отъ большинства другихъ земско-статистическихъ сборниковъ. Другая его особенность заключается въ отсутствіи внѣшняго раздѣленія текста на описаніе помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства. Описаніе ведется по предметамъ изученія, и свѣденія объ обѣихъ формахъ культуры даются въ одной и той же главѣ. Расположеніе матеріала по главамъ также отличается отъ общепринятаго. Сначала идетъ отдѣлъ, посвященный территоріи и населенію, затѣмъ—землевладѣнію и земледѣлію, заключающій исторію колонизаціи, статистику землевладѣнія и способы веденія хозяйства крупнаго и мелкаго. Учетъ производительности земли (посѣвы, урожайность) выдѣленъ въ особую главу, за которою, наконецъ, слѣдуетъ сводъ оцѣночныхъ данныхъ, о чемъ нѣсколько словъ сказано выше. Не-земледѣльческія занятія населенія, условія и обстановка школьнаго дѣла уѣзда въ „Сборникѣ“ не описаны.

Во всѣхъ доселѣ нами разсмотрѣнныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію крестьянскаго хозяйства, элементарными единицами, группируемыми по извѣстнымъ признакамъ и подвергаемыми сравненію, служили общины или поселенія, т.-е. величины, представляющія совокупность дворовъ, расположенныхъ вмѣстѣ и получившихъ надѣлъ (если таковой былъ отведенъ), какъ одно цѣлое. Во всѣхъ изданіяхъ эти единицы соединялись вмѣстѣ или по волостямъ, или по разрядамъ крестьянъ, т.-е. по территоріальному или юридико-экономическому признаку и въ такомъ видѣ подвергались изученію. Такая система разработки матеріала не была результатомъ зрѣлаго обсужденія вопроса, которое показало бы, что изъ всѣхъ признаковъ, характеризующихъ хозяйство, территоріальныя и юридическія отношенія представляются главнѣйшими, оказывающими наибольшее вліяніе на его направленіе. Община, волость, уѣздъ, разрядъ крестьянъ были данныя, предшествующія земскому статистико-экономическому изслѣдованію; составляли рубрики, уже давно служившія рамками, какъ при научныхъ работахъ того же рода, такъ и при различныхъ практическихъ мѣропріятіяхъ. Такимъ образомъ, новѣйшія статистическія начинанія, составляющія предметъ нашихъ бесѣдъ съ читателемъ, продолжали изученіе Россіи по внѣшнимъ формамъ, выработаннымъ раньше, введя лишь болѣе точныя методы наблюденія явленій.

Территоріальный и юридическій признаки, на которыхъ было построено изученіе крестьянскаго хозяйства, имѣли важное значеніе, потому что первый изъ нихъ давалъ возможность группировать населеніе по такимъ важнымъ хозяйственнымъ факторамъ, какъ почва, близость къ большимъ промышленнымъ центрамъ и т. д.; а второй до извѣстной степени опредѣлялъ какъ величину крестьянскаго землевладѣнія, извѣстныя отношенія населенія къ окружающему, не остающіяся безъ вліянія на его хозяйство (близость къ помѣщичьимъ крестьянамъ владѣльческихъ земель, отсутствіе по сосѣдству съ государственными крестьянами угодій, способныхъ быть арендованными, и т. д.), такъ и характеръ быта населенія, выработавшійся въ предшествующую исторію, различную для главныхъ группъ, образующихъ массу крестьянъ въ Россіи. Въ виду сказаннаго нельзя отнестись иначе, какъ сочувственно, къ пріему разсматриваемыхъ нами земско-статистическихъ изданій группировки населенія по территоріальному признаку, въ особенности если они не ограничиваются административными дѣленіями уѣзда на волости, а образуютъ районы, характерные въ почвенномъ или другихъ отношеніяхъ. Даже слѣдуетъ высказать пожеланіе, чтобы этотъ пріемъ дѣленія мѣстности на хозяйственные раіоны получилъ бо́льшее распространеніе, чѣмъ мы это наблюдаемъ въ настоящее время. Равнымъ образомъ, очень часто будетъ цѣлесообразнымъ изслѣдовать юридическіе разряды крестьянъ отдѣльно другъ отъ друга. Иное слѣдуетъ сказать о той роли, какую въ глазахъ земской статистики играетъ община или поселеніе.

Начать съ того, что огромное большинство изданій ограничивается дѣленіемъ области на хозяйственные районы или по разрядамъ крестьянъ, не предпринимая дальнѣйшаго расчлененія населенія на болѣе мелкія группы. Вслѣдствіе этого они выясняютъ намъ только тѣ характерныя особенности крестьянскаго хозяйства, которыя свойственны ему, какъ представителю районовъ или юридическихъ группъ. Но, во-первыхъ, районы и разряды крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ могутъ характеризоваться совокупностью нѣсколькихъ признаковъ, и различіе въ явленіяхъ, свойственныхъ той и другой группѣ населенія, далеко не всегда можетъ быть приписано именно тому, а не другому изъ нихъ. Съ другой стороны, принятыя системы группировки населенія вовсе не улавливаютъ многихъ весьма важныхъ хозяйственныхъ факторовъ (напр., рабочій составъ семьи) и очень несовершенно отражаютъ другіе (напр., величину надѣла). Иначе говоря, если общепринятый способъ разработки матеріала способенъ дать характеристику хозяйства различныхъ группъ населенія, то онъ, во-первыхъ, далеко не всегда обнаруживаетъ причины замѣченныхъ между группами различій, во-вторыхъ, не даетъ возможности изслѣдовать отно-

сительное значеніе для хозяйства и благосостоянія населенія многихъ экономическихъ факторовъ, а тѣмъ болѣе той или другой ихъ комбинаціи; не указываетъ, слѣдовательно, всѣхъ слабыхъ сторонъ крестьянскаго быта, къ чему именно и должно стремиться изслѣдованіе. Чтобы избѣжать указанныхъ недостатковъ послѣдняго, нужно производить дальнѣйшее расчлененіе населенія въ предѣлахъ большихъ группъ, на какія разбита изучаемая мѣстность. И дѣйствительно, уже вскорѣ послѣ начала земско-статистическихъ изслѣдованій, статистики обнаруживаютъ недовольство прежней грубой классификаціей явленій и пытаются продолжить детализированіе изслѣдованія, создавая въ предѣлахъ каждой группы населенія болѣе мелкія дѣленія—по величинѣ надѣла. Но тутъ-то и обнаружился существенный недостатокъ построенія основного процесса изслѣдованія: производства переписи и сводки собраннаго матеріала.

Первоначальный планъ подворныхъ записей, принятый большинствомъ статистическихъ бюро, разсчитанъ на систему поселенной сводки матеріала, каковую мы и находимъ въ таблицахъ обыкновеннаго сборника. Сообразно этой системѣ, элементарной единицей изслѣдованія служитъ община, поселеніе; и тамбовское статистическое бюро, рѣшившее продолжать расчлененіе данныхъ подворной переписи внутри разрядовъ крестьянъ, должно было оперировать надъ этими единицами. Оно и разбило общины уѣзда на группы, различающіяся по величинѣ надѣла. Другихъ дѣленій мы тамъ не встрѣчаемъ; но и сдѣланный примѣръ тамбовскаго бюро нашелъ очень слабое подражаніе; такъ какъ вскорѣ послѣ того была выработана система регистраціи, допускающая гораздо бóльшій просторъ въ указанномъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что при общинной группировкѣ данныхъ подворной переписи почти нельзя изучать зависимость крестьянскаго хозяйства отъ многихъ и главнѣйшихъ его факторовъ. Даже аграрныя условія хозяйства выражаются здѣсь неточно, потому что община есть аггрегатъ семей съ очень различными участками земли. Что же касается, напримѣръ, рабочаго состава двора,—этотъ признакъ поселенными таблицами почти вовсе не улавливается. Реальной хозяйственной единицей является не село или община, а дворъ, семья: поэтому и совершенно точныхъ и опредѣленныхъ результатовъ мы достигнемъ въ томъ случаѣ, если будемъ имѣть возможность производить желательныя комбинаціи непосредственно надъ семьями. Сознавая указанные недостатки общепринятой системы разработки данныхъ подворной переписи, нѣкоторыя земскія изданія предпринимаютъ иногда небольшія работы, стоящія внѣ круга обычной системы и имѣющія цѣлью подворной группировкой матеріала провѣрить выводы,

полученные обыкновеннымъ методомъ изслѣдованія. Такъ, въ одномъ изъ тамбовскихъ сборниковъ произведена подворная разработка данныхъ по нѣсколькимъ селамъ для опредѣленія относительной состоятельности крестьянскихъ семей, арендующихъ и не арендующихъ чужія угодія. Въ двухъ выпускахъ курскаго изданія тотъ же пріемъ былъ примѣненъ для рѣшенія вопроса о зависимости аренды крестьянами чужихъ земель и степени развитія грамотности населенія отъ величины земельнаго участка двора и т. д. Другія изданія пошли дальше по указанному пути. Сохраняя въ общемъ прежнюю систему группировки общинъ въ большіе отдѣлы, они (напр., „Екатеринославскій Сборникъ") пытаются дать образцы таблицъ, гдѣ уже по величинѣ надѣла комбинируются не общины, а дворы, что̀ даетъ возможность наблюдать прямую зависимость различныхъ признаковъ, выражающихъ ту или иную сторону крестьянскаго быта отъ величины земельнаго участка семьи. Указанный пріемъ екатеринославскаго бюро не играетъ видной роли въ его „Сборникѣ" и съ III-го выпуска изданія, повидимому, совсѣмъ оставленъ. Гораздо интереснѣе попытка полтавскаго бюро. Въ первыхъ выпускахъ своего изданія оно не только приняло систему разработки данныхъ переписи по группамъ *дворовъ* съ различными участками земли, но и пыталось выяснить связь нѣсколькихъ факторовъ хозяйства: рабочаго состава семьи, скота и земли. Впослѣдствіи эта система тоже была оставлена. Казанское земско-статистическое бюро въ своемъ изслѣдованіи мѣстностей губерніи, особенно пострадавшихъ отъ неурожая, въ свою очередь пріурочивало собранныя данныя къ группамъ дворовъ, различающимся по количеству рабочаго скота и другимъ хозяйственнымъ признакамъ. Подобная же попытка *подворной* разработки матеріала встрѣчается въ „Сборникѣ статистическихъ свѣденій по богодуховскому уѣзду харьковской губерніи" и въ одномъ томѣ трудовъ черниговскаго бюро, впервые предложившаго такъ-называемую комбинаціонную таблицу.

Читатель видитъ, что, несмотря на повсемѣстное господство системы поселенной группировки данныхъ подворной переписи, земскія статистическія бюро скоро поняли ея недостатки, и неоднократно были дѣлаемы попытки выяснить связь изучаемыхъ явленій крестьянскаго хозяйства не косвеннымъ путемъ оперированія надъ общинами или деревнями, а непосредственнымъ обращеніемъ къ основнымъ элементамъ изслѣдованія—семьямъ, хозяйствамъ. Эти попытки до сихъ поръ были отрывочны и случайны; но въ послѣднее время нѣкоторыя земско-статистическія бюро рѣшили примѣнять подворную разработку матеріала, собраннаго переписью, систематически. Планъ подобныхъ изданій до сихъ поръ не выяснился окончательно; но особенности

новаго типа сравнительно съ тѣмъ, которыя разсмотрѣны нами раньше, настолько характерны, что и теперь мы имѣемъ возможность составить о немъ довольно опредѣленное представленіе. Къ числу такихъ изданій принадлежатъ труды воронежскаго (еще приготовляющіеся къ печати) и таврическаго (вышелъ пока одинъ выпускъ текста) бюро. Та же система введена въ изданіе саратовскаго бюро со вступленіемъ туда новаго завѣдывающаго, г. Харизоменова, и практиковалась г. Ермолинскимъ при его изслѣдованіи (на счетъ уѣзднаго земства) крестьянскаго хозяйства хотинскаго уѣзда. Разработка матеріала, собраннаго подворною переписью, по новому методу—явленіе настолько еще рѣдкое и неустановившееся, что мы считаемъ излишнимъ подробно характеризовать изданія, принявшія эту систему, будучи склонны думать, что въ слѣдующихъ ихъ выпускахъ явятся значительныя измѣненія въ подробностяхъ. Поэтому мы ограничимся здѣсь нѣсколькими примѣрами, способными наглядно уяснить различіе результатовъ, получаемыхъ этимъ способомъ разработки матеріала и тѣмъ, какой долженъ быть признанъ господствующимъ въ земской статистикѣ, и обнаружить вообще глубину и силу анализа, сдѣлавшагося доступнымъ изслѣдователямъ, благодаря методу подворной разработки цифръ.

Мы не разъ говорили, что способъ группировки цѣлыхъ общинъ не гарантируетъ точности полученныхъ результатовъ, и „Сборникъ статистическихъ свѣденій по таврической губерніи“ (составленный К. А. Вернеромъ и г. Харизоменовымъ) доставляетъ неоднократное тому доказательство. Сопоставляя по волостямъ или другимъ районамъ мелитопольскаго уѣзда процентъ грамотныхъ съ средней величиною надѣла на ревизскую душу и засѣваемой площади, можно придти къ заключенію, что грамотность стоитъ въ обратномъ отношеніи къ размѣру землевладѣнія и, слѣдовательно, къ зажиточности крестьянъ, такъ какъ оказывается, что чѣмъ больше въ мѣстности надѣлъ, тѣмъ процентъ грамотныхъ крестьянъ въ ней ниже. Обращаясь же къ подворной группировкѣ семей по величинѣ ихъ посѣва, мы убѣдимся, что между названными явленіями существуетъ отношеніе какъ разъ обратное высказанному: за небольшими уклоненіями, процентъ грамотныхъ въ группѣ повышается по мѣрѣ того, какъ ростетъ ея земледѣльческое производство и, слѣдовательно, благосостояніе. Въ отношеніи зависимости упадка крестьянскаго хозяйства отъ величины надѣла, замѣчается такое же несоотвѣтствіе результатовъ пообщинной и подворной разработки соотвѣтствующихъ данныхъ переписи.

При пообщинной группировкѣ матеріала мы получимъ слѣдующую табличку:

Общ. съ	0,88	дес. паш.	на 1 д.	имѣютъ	4,85%	дворовъ	безъ посѣва
„	2,41	„	„	„	8,25	„	„
„	2,98	„	„	„	9,14	„	„
„	3,01	„	„	„	7,2	„	„
„	5,76	„	„	„	6,2	„	„

Первыя три группы обнаруживаютъ противоположное отношеніе упадка крестьянскаго хозяйства къ размѣру ихъ надѣла сравнительно съ тѣмъ, какое открывается въ трехъ послѣднихъ; и читатель на этомъ основаніи можетъ, пожалуй, придти къ отрицанію существованія опредѣленной зависимости одного явленія отъ другого. Обращаясь опять къ подворной группировкѣ тѣхъ же данныхъ, мы, напротивъ того, безъ колебанія выскажемся за положеніе, въ которомъ только-что сомнѣвались. Именно, мы узнаемъ, что:

Въ группѣ семей съ	1	надѣломъ,	% несѣющихъ хозяевъ	=12%
„ „ „ „	2	„	„ „	7%
„ „ „ „	3	„	„ „	5,2
„ „ „ „	4	„	„ „	2,95
„ „ „ „	5	„	„ „	2,79

Оказывается полный и однообразный параллелизмъ обоихъ столбцовъ цифръ, вмѣсто двойственнаго, какой мы имѣли въ предшествующей табличкѣ.

Предыдущіе примѣры обнаруживаютъ передъ нами недостаточность системы поселенной группировки данныхъ для выясненія зависимости одного явленія отъ другого. Слѣдующій показываетъ, какое прекрасное орудіе имѣемъ мы въ подворной разработкѣ матеріала вообще и въ частности въ комбинаціонныхъ таблицахъ для открытія причинъ изслѣдуемыхъ явленій.

Подворная перепись хвалынскаго уѣзда саратовской губерніи показала, что со времени послѣдней ревизіи число женщинъ среди крестьянъ относительно уменьшилось. Завѣдующій саратовскимъ бюро, г. Харизоменовъ, заинтересовался вопросомъ объ условіяхъ, опредѣляющихъ половой составъ населенія, и попробовалъ, при помощи подворной группировки данныхъ переписи, уяснить зависимость изслѣдуемаго явленія отъ зажиточности населенія. Группировка семей по величинѣ надѣла не въ состояніи представить надлежащій отвѣтъ на вопросъ, такъ какъ величина надѣла семей сама опредѣляется половымъ составомъ (общинная земля распредѣляется между дворами по числу душъ мужского пола). Принимая за мѣру зажиточности крестьянина количество владѣемаго имъ рабочаго скота, мы найдемъ дѣйствительно, что съ увеличеніемъ послѣдняго ростетъ въ семьѣ и число женщинъ, т.-е., что между процентомъ послѣднихъ и зажиточностью существуетъ прямая зависимость. Чтобы прочнѣе установить это положеніе, г. Харизоменовъ

устраняетъ возможное вліяніе на окончательный результатъ двухъ другихъ факторовъ разсматриваемаго явленія—величину надѣла и рабочій составъ семьи. Онъ слѣдитъ за половымъ составомъ семей, имѣющихъ одинъ и тотъ же надѣлъ, тотъ же рабочій составъ, но различающихся по числу головъ рабочаго скота, и, за небольшимъ исключеніемъ, вездѣ находитъ подтвержденіе того же вывода: зажиточность семьи даетъ въ ней относительный перевѣсъ женскому полу, бѣдность—мужскому.

Такое детализированіе цифръ и тонкость ихъ анализа сдѣлались возможными лишь благодаря подворной разработкѣ данныхъ переписи и построеннымъ на ней комбинаціоннымъ таблицамъ. Понятно отсюда, какое важное значеніе имѣетъ новая система свода матеріала сравнительно съ прежней; насколько ею облегчается дѣло научнаго соціологическаго изслѣдованія, процессъ объясненія народной жизни, открытія причинъ тѣхъ явленій, которыя прежней системой статистическаго изслѣдованія въ большинствѣ случаевъ только констатируются, но не сводятся къ основнымъ мотивамъ. Понятно и желаніе, естественно возникающее отсюда, чтобы методъ подворной разработки данныхъ переписи получилъ всеобщее распространеніе.

В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа (19 іюля) 1887 г.

Избраніе принца Кобургскаго въ Тырновѣ и значеніе этого факта.—Малая вѣроятность успѣха этой кандидатуры.—Закулисная сторона избранія и отношенія къ нему великихъ державъ. — Погоня за иностранными принцами. — Англо-русское соглашеніе.—Русскіе фонды въ Германіи.—Французскія дѣла.—Полемическія недоразумѣнія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

Почти цѣлый годъ прошелъ со времени низверженія бывшаго князя Болгаріи, и до сихъ поръ страна не получила еще новаго правителя. То, что̀ разумѣлось само собою и казалось легко исполнимымъ въ августѣ прошлаго года, представляется крайне трудною задачею въ настоящее время. Не подлежитъ сомнѣнію, что враждебный намъ временный режимъ, установившійся послѣ переворота 9-го августа, могъ быть устраненъ своевременнымъ назначеніемъ подходящаго кандидата на болгарскій престолъ; съ другой стороны, никакой иностранный правитель не можетъ водвориться въ Болгаріи безъ предварительнаго согласія и содѣйствія Россіи. Всѣ попытки регентовъ отыскать себѣ князя въ средѣ западно-европейскихъ принцевъ должны были неизбѣжно оставаться безъ результата. При такомъ ясномъ и безспорномъ положеніи дѣлъ нельзя не удивляться тѣмъ страннымъ ожиданіямъ, которыя связывались почему-то съ кандидатурою принца Фердинанда Кобургскаго. Ради чего вообще устраивалось избраніе этого нѣмецкаго принца, состоящаго на австрійской службѣ? Можно было предвидѣть заранѣе, что подобный выборъ будетъ лишь безцѣльною и безплодною демонстраціею, ибо ни одна изъ великихъ державъ не стала бы оффиціально поддерживать кандидата, котораго рѣшительно отвергаетъ Россія. Принцъ Кобургскій не имѣлъ бы ни малѣйшаго основанія разсчитывать на успѣхъ въ такомъ предпріятіи, которое не удалось утвержденному и признанному всѣми князю Болгаріи послѣ семилѣтняго управленія страною. Предлагать австро-нѣмецкаго принца на постъ, для котораго считался неудобнымъ даже принцъ Вальдемаръ датскій при существующихъ условіяхъ,—было совершенно напраснымъ самообольщеніемъ. Если тѣмъ не менѣе тырновское народное собраніе „единогласно“ избрало принца Кобургскаго болгарскимъ княземъ, то это могло со-

стояться только въ силу обстоятельствъ, которыя еще требуютъ надлежащаго разъясненія.

Тягостная неизвѣстность ближайшаго будущаго, необходимость покончить съ кризисомъ такъ или иначе, невозможность найти желанный выходъ безъ могущественной посторонней поддержки, — все это должно было породить серьезный разладъ между патріотами Болгаріи. Одни желали бы объявить полную независимость княжества, чтобы не нуждаться въ согласіи великихъ державъ для прочнаго устройства внутреннихъ дѣлъ страны; другіе совѣтуютъ подчиниться требованіямъ Россіи, какъ единственной законной защитницѣ болгарскихъ интересовъ; третьи надѣются отыскать такого князя, который возьмется занять мѣсто правителя вопреки рѣшеніямъ русской дипломатіи; есть и такіе, которые готовы обратиться вновь къ низложенному принцу Баттенбергу, какъ испытанному политическому бойцу и несомнѣнному протеже́ нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ. И этотъ разладъ совершенно понятенъ при томъ исключительномъ положеніи, въ какомъ находится теперь Болгарія. Разногласія и пререканія между представителями различныхъ партій становились все рѣзче и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ усиливались трудности переживаемаго кризиса. Къ политическимъ затрудненіямъ присоединились и финансовыя; неудовольствіе въ народѣ все болѣе возрастало и разладъ въ средѣ правительства становился все болѣе чувствительнымъ. Регенты разошлись съ министерствомъ; министры спорили между собою; всѣ опасались какого-нибудь новаго заговора, который привелъ бы къ анархіи или къ военной диктатурѣ. Нужно было придумать комбинацію, которая могла бы успокоить умы и возстановить внѣшнее единство между партіями. Съ этою цѣлью употреблены были энергическія усилія для того, чтобы склонить какого-нибудь иностраннаго принца принять княжескую власть, не справляясь съ желаніями великихъ державъ. Началась комическая и въ то же время грустная погоня за возможными кандидатами на княжескій престолъ. Болгарскіе министры и депутаты разъѣзжали по Европѣ, знакомились повсюду съ молодыми принцами, собирали свѣденія объ ихъ родственныхъ связяхъ и имущественныхъ средствахъ, выслушивали сочувственныя фразы высокопоставленныхъ лицъ и дѣлились своими впечатлѣніями съ журналистами. Наиболѣе благопріятный пріемъ встрѣтили эти депутаты въ Вѣнѣ; тамъ, наконецъ, отыскался принцъ, удовлетворяющій, повидимому, всѣмъ болгарскимъ условіямъ,—очень богатый и честолюбивый, связанный родствомъ съ нѣсколькими могущественными династіями. Имя этого принца упоминалось еще въ концѣ прошлаго года при обсужденіи возможныхъ кандидатуръ; но тогда онъ не обнаруживалъ еще той рѣшимости,

которая приписывалась ему теперь: онъ обѣщалъ будто бы немедленно пріѣхать въ Софію въ случаѣ его избранія. Секретные переговоры велись чрезъ одного изъ болгарскихъ министровъ, г. Стоилова. Назначается срокъ для созыва великаго народнаго собранія; регенты и министры намекаютъ на предстоящее въ скоромъ времени благополучное разрѣшеніе кризиса. Прибывшій изъ Вѣны г. Стоиловъ подтверждаетъ эти надежды; но имя кандидата хранится въ тайнѣ до послѣдней минуты. Депутаты собираются въ Тырново въ оживленномъ настроеніи; разногласія въ правительствѣ стушевываются въ ожиданіи близкой развязки.

Болгарское собраніе торжественно открылось 4 іюля (н. ст.). Явилось около 350 представителей, изъ которыхъ 120 принадлежатъ къ „руссофильской" партіи. Предсѣдателемъ избранъ сторонникъ Стамбулова, г. Тончевъ. Выслушавъ отчеты делегатовъ, ѣздившихъ по Европѣ, собраніе въ закрытомъ засѣданіи постановило назначить князя, предложеннаго регентствомъ. Дѣло велось осмотрительно, съ соблюденіемъ тайны. Еще наканунѣ рѣшенія, корреспондентъ „Times'a", располагающій обыкновенно достовѣрными свѣдѣніями, телеграфировалъ въ свою газету, что имѣется въ виду провозгласить независимость княжества и призвать Баттенберга, а пока поручить управленіе одному лицу, которое исполняло бы должность регента до прибытія князя. Между тѣмъ публикѣ готовился сюрпризъ. Въ засѣданіи 7 іюля состоялось „единодушное" избраніе принца Кобургскаго. Въ отвѣтъ на поздравительныя телеграммы отъ имени собранія и регентства принцъ отвѣчалъ въ такомъ утвердительномъ тонѣ, что трудно было сомнѣваться въ его готовности послѣдовать призыву болгарскихъ представителей. Къ принцу посланы были особыя депутаціи отъ собранія и регентства, для оффиціальнаго поднесенія ему княжеской короны. Въ числѣ избранныхъ делегатовъ былъ и Никифоровъ, бывшій военный министръ, объ истязаніяхъ котораго регентами сообщали въ свое время нѣкоторыя довѣрчивыя газеты. Делегаты пріѣхали въ Вѣну и затѣмъ отправились въ резиденцію матери принца, замокъ Эбенталь, гдѣ ожидалъ ихъ предпріимчивый принцъ. Но тутъ происходитъ нѣчто странное,—разыгрывается какъ будто „комедія ошибокъ". Принцъ оказался не тѣмъ лицомъ, какое нужно было дипломатамъ и патріотамъ княжества; онъ давалъ не тѣ отвѣты, какіе предполагались, говорилъ о Россіи больше, чѣмъ слѣдовало, и обнаруживалъ колебанія, которыя должны были считаться неумѣстными. Уже самая наружность принца не соотвѣтствовала ожиданіямъ делегатовъ, привыкшихъ къ представительной фигурѣ Баттенберга: блѣдный и деликатный, болѣе аристократическій, чѣмъ военный, онъ совсѣмъ не напоминалъ собою того мужественнаго человѣка, какимъ

рисуется въ воображеніи болгаръ будущій ихъ князь. Принцъ Кобургскій принялъ избраніе съ тѣмъ условіемъ, что оно будетъ утверждено великими державами, согласно берлинскому трактату; въ уклончивыхъ и дипломатическихъ выраженіяхъ онъ повторялъ въ сущности то же самое, что говорилъ бы на его мѣстѣ всякій другой кандидатъ, желающій остаться на легальной почвѣ. Мало-по-малу разсѣялся туманъ, окружавшій эту кандидатуру, и скорое рѣшеніе кризиса, въ которое вѣрили, повидимому, сами регенты и министры Болгаріи, превратилось въ напрасную иллюзію. Неудачный выборъ принца Фердинанда имѣлъ только одинъ результатъ: министерство Радославова вышло въ отставку, и новый смѣшанный кабинетъ составился подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ Стоилова. Хозяиномъ положенія остался, повидимому, Стамбуловъ, и Болгарія все еще не нашла себѣ князя. Предстоитъ, вѣроятно, еще какой-нибудь новый сюрпризъ, въ родѣ провозглашенія болгарской независимости.

Чѣмъ объяснить всю эту оригинальную исторію двухнедѣльной кандидатуры принца Кобургскаго? Кто виноватъ въ совершившейся метаморфозѣ—самъ ли принцъ, давшій обѣщанія, которыхъ онъ не въ силахъ исполнить, или болгарскій „дипломатъ", служившій посредникомъ въ происходившихъ переговорахъ? Можно думать, что заблуждались одинаково обѣ стороны. Молодой австро-германскій принцъ предполагалъ самымъ наивнѣйшимъ образомъ, что вліятельныя семейныя связи помогутъ ему добиться утвержденія со стороны великихъ державъ, не исключая и Россіи, такъ какъ въ Петербургѣ „ничего не имѣютъ противъ него лично". Такого рода соображенія высказывались принцемъ въ подробномъ разговорѣ съ корреспондентомъ „Times'a", пріѣзжавшимъ къ нему въ Эбенталь послѣ отъѣзда болгарской депутаціи. Принцъ объяснилъ, что онъ не давалъ повода къ недоразумѣніямъ; онъ и раньше заявлялъ Стоилову, и подтвердилъ это болѣе ясно въ своемъ отвѣтѣ депутаціи при оффиціальномъ пріемѣ ея, 15-го іюля,—что онъ будетъ держаться предписаній берлинскаго трактата и не желаетъ дѣйствовать противъ воли Россіи. Очевидно, намеки принца на поддержку кабинетовъ и даже на возможность позднѣйшаго согласія русскаго правительства приняты были болгарскими дипломатами за чистую монету. Юношескія предположенія принца поняты были въ томъ смыслѣ, что онъ заручился могущественною протекціею, позволяющею ему принять избраніе и явиться въ нужный моментъ въ Софію, въ качествѣ одобреннаго Европою князя. Такъ понята была эта кандидатура и у насъ, когда стало извѣстнымъ рѣшеніе тырновскаго собранія, состоявшееся 7-го іюля. Наши газеты, по обыкновенію, усмотрѣли въ дѣлѣ принца Кобургскаго враждебную интригу Германіи и вывели ложное заклю-

ченіе, что принцъ навязывается Болгаріи западно-европейскою дипломатіею. Съ этой точки зрѣнія считалось весьма вѣроятнымъ и даже естественнымъ, что принцъ водворится въ столицѣ княжества помимо желанія Россіи и что нѣкоторыя державы поддерживаютъ его въ этомъ намѣреніи. Говорилось уже, что принцъ набираетъ австрійскихъ офицеровъ, которые составятъ его княжескую свиту и въ то же время послужатъ необходимымъ резервомъ для замѣщенія высшихъ должностей въ болгарской арміи, въ случаѣ надобности. Такой взглядъ на кобургскую кандидатуру былъ отчасти извинителенъ для русской печати въ первые дни послѣ „событія" 7-го іюля, — ибо иначе вся эта исторія не имѣла бы никакого смысла. Для регентовъ не было разсчета сознательно обманывать страну: обманъ открылся бы слишкомъ скоро и обрушился бы на нихъ же. Притомъ болгарская казна не настолько богата, чтобы тратить средства на ненужныя депутаціи и на поѣздки ихъ по Европѣ. Регенты и министры просто ошиблись насчетъ принца и его предполагаемыхъ покровителей.

Болѣе удивительнымъ можетъ показаться то обстоятельство, что вмѣстѣ съ принцемъ и регентами ошиблись и нѣкоторыя солидныя иностранныя газеты, признаваемыя у насъ оффиціозными. „Кёльнская Газета", мнѣнія которой принимаются у насъ за отголоски закулисныхъ политическихъ сферъ, выказала на этотъ разъ столь же наивное пониманіе дѣла, какъ и принцъ Кобургскій. Газета справедливо утверждаетъ, что безъ согласія Россіи не можетъ быть и рѣчи о законномъ князѣ Болгаріи. „Такъ какъ это должно быть лучше извѣстно самому принцу, чѣмъ кому бы то ни было, — продолжаетъ „Kölnische Zeitung",—то изъ принятія имъ избранія слѣдуетъ заключить, что онъ не теряетъ надежды достигнуть хорошихъ отношеній съ Россіею. Личныя антипатіи нигдѣ не господствуютъ противъ принца; ихъ нѣтъ также и въ Россіи. А въ виду того, что не будетъ недостатка въ дружественномъ заступничествѣ передъ русскимъ правительствомъ, приходится допустить мысль, что выборъ Кобурга будетъ началомъ новыхъ спокойныхъ временъ для Болгаріи". Газета указываетъ уже на характеръ предстоящей внутренней работы въ княжествѣ. „Страна опять имѣетъ князя, котораго признаетъ таковымъ единодушно (?!), но ей недоставало бы еще государственнаго устройства, которое было бы признано Европою. Организація Восточной Румеліи все еще не закончена; она должна составить первую и важнѣйшую заботу новаго правителя, послѣ того какъ ему посчастливится добиться европейскаго признанія. Какимъ способомъ удастся ему устранить возраженія Россіи — это, вѣроятно, не совсѣмъ ясно еще для самого принца Фердинанда". И однако „Кёльнская Газета" раздѣляетъ иллюзію принца относительно возможнаго успѣха его канди-

датуры, въ виду отсутствія противъ него „личныхъ антипатій“. Конечно, никто не припишетъ подобныхъ легкомысленныхъ мнѣній тѣмъ берлинскимъ дѣятелямъ, отъ которыхъ „Кёльнская Газета“ получаетъ будто бы свои внушенія. Не основывается ли оффиціозная репутація этой газеты на чрезмѣрной догадливости однихъ и на обычной довѣрчивости другихъ,—подобно тому какъ и разсужденія нашихъ газетъ называются иногда оффиціозными за границею? Другіе органы нѣмецкой печати, какъ, напр., „National-Zeitung“, сознавали безнадежность предпріятія принца Кобургскаго, хотя и допускали предположеніе, что этотъ кандидатъ былъ бы весьма желателенъ для Австро-Венгріи. По здравому смыслу нужно было ожидать, что наибольше сочувствія и поддержки встрѣтитъ избраніе австро-нѣмецкаго принца въ австрійской журналистикѣ. Между тѣмъ вѣнскія газеты отнеслись къ дѣлу съ крайнимъ пессимизмомъ. „Neue Freie Presse“, не предвидя удачи Кобурга, выразила опасеніе, что болгарскіе правители и депутаты могутъ своими необдуманными дѣйствіями придать кризису болѣе острый характеръ и возбудить замѣшательства, способныя привести къ нарушенію европейскаго мира. Оффиціозный „Fremdenblatt“ отозвался холодно, что вопросъ далеко еще не рѣшается избраніемъ князя и что значеніе состоявшагося выбора будетъ зависѣть отъ дальнѣйшей политики Россіи.

Такимъ образомъ кандидатура принца Кобургскаго является предъ нами въ странномъ освѣщеніи. Несомнѣнно австрійская по происхожденію, она очень слабо поддерживается австрійскою печатью и еще слабѣе — нѣмецкою; повсюду она встрѣчена была признаніемъ, что никакой выборъ не можетъ имѣть практической силы безъ надлежащаго соглашенія съ Россіей. То, чего опасались у насъ, — появленіе принца въ Софію безъ предварительной санкціи державъ,— вызывало одинаковое безпокойство и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ; и если принцъ, столь смѣлый и предпріимчивый въ предварительныхъ переговорахъ съ болгарскими делегатами, оказался вдругъ осторожнымъ дипломатомъ и приверженцемъ строгой законности, то это превращеніе совершилось очевидно подъ вліяніемъ тѣхъ дипломатическихъ сферъ, которыя имѣли бы наибольшій интересъ въ успѣхѣ Кобургскаго принца. Если избраніе принца было дѣломъ иностранной интриги, то интрига эта была плохо задумана и плохо исполнена. Придумывать комбинацію, направленную противъ Россіи, и затѣмъ указывать на безплодность сдѣланнаго шага безъ формальнаго или фактическаго одобренія русскаго правительства, — это мало похоже на сознательный политическій планъ. Очень можетъ быть, что болгарскіе устроители кандидатуры разсчитывали на прямую поддержку Австро-Венгріи и теперь ошиблись въ своихъ разсчетахъ; но во вся-

комъ случаѣ они имѣли основаніе хлопотать о выборѣ князя, хотя бы только для того, чтобы убѣдить всѣхъ и каждаго въ своей готовности найти легальный выходъ изъ затрудненій. Этихъ мотивовъ не могло быть въ Вѣнѣ: ни одна держава не расположена доводить кризисъ до рискованной напряженности, могущей разрѣшиться войной.

При видѣ лихорадочной погони болгарскихъ дѣятелей за молодыми европейскими принцами невольно возникаетъ вопросъ: неужели Болгарія не можетъ обойтись безъ этихъ иноземныхъ искателей вакантныхъ престоловъ? Зачѣмъ нуженъ болгарамъ чуждый имъ по національности, традиціямъ и требованіямъ аристократическій юноша-правитель? Принцъ Баттенбергъ довершилъ свое политическое воспитаніе, занимая уже постъ болгарскаго князя; теперь другому принцу предлагаютъ пройти политическую школу въ злополучномъ княжествѣ, на счетъ интересовъ болгарскаго народа. Развѣ Болгарія освободилась для того, чтобы иностранные принцы упражнялись въ ней въ искусствѣ управленія и въ высшей политикѣ? Болгарамъ нуженъ правитель опытный и надежный, основательно знакомый съ положеніемъ страны и близко принимающій къ сердцу ея интересы,—человѣкъ вполнѣ солидарный съ народомъ и способный серьезно руководить имъ въ трудную переходную эпоху, переживаемую населеніями Балканскаго полуострова. Если не пришлось избрать такого кандидата тотчасъ послѣ освобожденія, то объ этомъ слѣдовало бы позаботиться теперь, чтобы опять не повторилась прежняя ошибка, такъ дорого стоившая Болгаріи. Софійскіе дѣятели, какъ видно, придаютъ особенное значеніе громкимъ титуламъ и связямъ кандидатовъ; они думаютъ какъ будто, что родственныя отношенія съ тою или другою династіею доставятъ князю достаточно сильную протекцію для успѣшной дипломатической охраны болгарской независимости. Намъ кажется, что этотъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Семейное родство имѣетъ мало общаго съ международною политикою; оно не помогло принцу Баттенбергу и не поможетъ принцу Кобургскому. Старанія болгаръ найти себѣ аристократическаго иноземнаго князя объясняются отчасти тѣми условіями, въ какія поставлено существованіе княжества по берлинскому трактату. Въ Болгаріи перекрещиваются разнородныя вліянія европейскихъ государствъ, которымъ принадлежитъ право голоса въ устройствѣ болгарскихъ дѣлъ; естественно поэтому, что софійскимъ дипломатамъ желательно было бы имѣть какую-либо точку опоры среди этихъ противоположныхъ вліяній, и они хотятъ найти ее въ династическихъ связяхъ князя. Въ силу берлинскаго трактата правителемъ Болгаріи долженъ быть законно избранный князь, утвержденный въ этомъ званіи великими державами; а державы не могли бы утвердить избраніе кандидата изъ среды самихъ болгаръ или ино-

странцевъ, не обладающихъ обычными условіями для занятія княжескаго престола. У болгаръ нѣтъ фактическаго, всѣми признаннаго и заслуженнаго вождя, какимъ былъ Милошъ или Кара-Георгій въ Сербіи; имъ приходится по-неволѣ обращаться за княземъ къ чужимъ знатнымъ фамиліямъ и къ европейскимъ дворамъ. Государственный строй княжества, установленный берлинскимъ конгрессомъ, былъ нарушенъ сначала княземъ Александромъ въ маѣ 1881 года, а затѣмъ противъ князя Александра—въ августѣ 1886 года. Такъ какъ въ тырновской конституціи не предусмотрѣнъ случай низложенія князя, то и послѣдствія совершившагося переворота не могли вполнѣ соотвѣтствовать предписаніямъ строгой законности. Пока Болгарія не имѣетъ настоящаго князя, до тѣхъ поръ всякій порядокъ будетъ въ ней несогласенъ съ конституціею, и ссылки на эту послѣднюю, дѣлаемыя въ нашихъ газетахъ, оказываются часто лишенными смысла, при исключительномъ положеніи страны. Надо еще удивляться, что неизбѣжный внутренній разладъ не привелъ къ открытымъ междоусобіямъ и что сохранилось еще подобіе единства въ дѣйствіяхъ болгарскихъ представителей. Долго ли еще продлится этотъ кризисъ и получитъ ли онъ справедливую развязку? Рѣшеніе вопроса не находится въ рукахъ болгаръ и зависитъ отъ нихъ только въ незначительной мѣрѣ.

Одинъ изъ хроническихъ международныхъ споровъ сошелъ со сцены, по крайней мѣрѣ на время: между Англіею и Россіею состоялось, наконецъ, соглашеніе по вопросу объ афганскихъ границахъ, черезъ три года послѣ отъѣзда назначенныхъ для этого коммиссаровъ изъ Индіи и спустя три мѣсяца послѣ открытія спеціальныхъ совѣщаній въ Петербургѣ. Если обоюдное соглашеніе могло состояться при торійскомъ министерствѣ, расположенномъ къ намъ весьма недружелюбно, то нельзя сомнѣваться въ возможности болѣе прочнаго сближенія съ Англіею при правительствѣ болѣе миролюбивомъ и менѣе предпріимчивомъ въ области внѣшней политики. Теперь не трудно уже судить, насколько правы были тѣ публицисты, которые два года тому назадъ предсказывали неминуемую войну съ Англіею по поводу средне-азіатскихъ дѣлъ. Въ Средней Азіи, какъ заявилъ въ свое время лордъ Биконсфильдъ, найдется довольно мѣста для обѣихъ великихъ державъ, цивилизующее вліяніе которыхъ все сильнѣе даетъ себя чувствовать въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ. Преемники воинственнаго премьера раздѣляютъ, очевидно, его мнѣніе, имѣющее за себя и здравый смыслъ, и логику фактовъ. Нужно пожелать, чтобы сдѣлка 20-го іюля послужила прецедентомъ для даль-

нѣйшихъ, болѣе широкихъ соглашеній и чтобы всякія пререканія, могущія возникнуть между обѣими странами, оканчивались такимъ же способомъ, безъ взаимной вражды и недовѣрія.

Съ разрѣшеніемъ афганскаго спора могутъ значительно поправиться наши общія отношенія съ Англіею, при всемъ различіи интересовъ обѣихъ державъ на Востокѣ. Въ послѣднее время много говорятъ о другомъ, болѣе существенномъ антагонизмѣ, проявляющемся пока скрытно и не перешедшемъ еще въ дипломатическія формы,—антагонизмѣ между Германіею и Россіею. Новый матеріалъ для подобныхъ предположеній доставленъ былъ энергическою и шумною кампаніею, предпринятою наиболѣе вліятельными консервативными газетами Берлина противъ русскихъ финансовъ и русскаго государственнаго кредита. Нѣмецкіе патріоты находятъ, что слишкомъ много нѣмецкихъ капиталовъ помѣщается въ русскихъ процентныхъ бумагахъ и что русскіе фонды занимаютъ слишкомъ много мѣста въ дѣлахъ берлинской биржи. Ссылаясь на отдѣльныя мѣры теперешняго нашего финансоваго управленія и на запутанное состояніе нашихъ финансовъ вообще, „Крестовая Газета" и „Post" доказываютъ, что иностранные капиталисты могутъ будто бы сильно пострадать отъ излишняго довѣрія къ русскимъ обязательствамъ и что нѣмецкіе владѣльцы нашихъ бумагъ должны постараться заблаговременно сбыть ихъ въ другія руки. Будучи необходимою мѣрою предосторожности, это удаленіе русскихъ фондовъ съ нѣмецкаго рынка должно въ то же время служить отвѣтомъ на недавній указъ, направленный противъ нѣмецкаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Такъ объясняютъ эту кампанію непосредственные ея зачинщики въ печати. Между прочимъ, въ подтвержденіе нашей готовности нанести ущербъ заграничнымъ кредиторамъ, они приводятъ отзывы нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, отличающихся своимъ легкомысліемъ въ вопросахъ финансовыхъ. Подобно тому, какъ „Московскія Вѣдомости"—хотя и въ формѣ несерьезной—признали полезнымъ для насъ государственное банкротство, нашлась и другая газета, которая для облегченія платежей по займамъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ такому же легкому средству,—а именно займы, заключенные на металлическую валюту, перевести на кредитные билеты. Такъ какъ бумажками легче платить, чѣмъ золотомъ, то мы, повидимому, выиграли бы отъ этой „конверсіи"; но кредиторы имѣли бы основаніе быть недовольными, и нашъ государственный кредитъ поколебался бы надолго, чего совсѣмъ не принялъ въ разсчетъ увлекшійся финансистъ русской „академической" газеты. Хотя „Journal de St.-Pétersbourg" выступилъ съ категорическимъ опроверженіемъ слуховъ и доводовъ, распространяемыхъ нѣмецкою печатью, тѣмъ не менѣе начатый походъ

продолжается съ замѣчательною настойчивостью, которая ставитъ въ тупикъ болѣе спокойную часть журналистики. „National-Zeitung" не понимаетъ причинъ этой упорной агитаціи; неизвѣстно, почему русскіе фонды, заслуживавшіе довѣрія до послѣдняго времени, вдругъ оказались теперь ненадежными. „Кёльнская Газета" объясняетъ, что усилія подорвать цѣнность русскихъ бумагъ отзываются больше всего на интересахъ самихъ нѣмцевъ, владѣющихъ этими бумагами. А по мнѣнію „Post", нѣмецкіе капиталисты должны самоотверженно терпѣть убытки во имя патріотической цѣли — очищенія германскаго рынка отъ русскихъ биржевыхъ цѣнностей.

Оригинальная борьба, затѣянная въ Берлинѣ, возбудила у насъ тревогу; но въ сущности мы могли бы совершенно равнодушно смотрѣть на перемѣщеніе извѣстнаго количества русскихъ бумагъ изъ Германіи во Францію или обратно въ Россію, такъ какъ переполненіе нѣмецкаго рынка русскими фондами давало Берлину слишкомъ исключительную роль въ области нашего внѣшняго кредита. Агитація можетъ принести ущербъ только тѣмъ иностраннымъ капиталистамъ, которые станутъ продавать бумаги по пониженнымъ цѣнамъ; у насъ же она способна увеличить спросъ на эти бумаги, въ виду упадка ихъ цѣнъ за границею. Что касается финансоваго кредита Россіи, то сила или слабость его не зависятъ отъ газетныхъ статей, хотя бы самыхъ оффиціозныхъ.

Во Франціи особенно часто повторяются въ послѣднее время сцены, относительно которыхъ можно сказать: „много шуму изъ-за пустяковъ". Министерство Рувье, мирное и скромное по своему характеру, должно выдерживать горячую борьбу за существованіе; оно имѣетъ противъ себя крайнія партіи въ парламентѣ и въ печати,—тѣ именно партіи, которыя отличаются особенною склонностью волноваться и шумѣть по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Французскіе радикалы, руководимые Клемансô и Рошфоромъ, обнаружили мало политическаго смысла; они занялись возвеличеніемъ генерала, пріобрѣвшаго ихъ симпатіи, и выказали удивительные инстинкты, которыхъ всего меньше можно было ожидать отъ республиканцевъ. Бывшій военный министръ сдѣлался предметомъ особаго культа, который доходилъ до непонятной экзальтаціи; радикалы превратились въ ярыхъ „буланжистовъ", готовыхъ чуть ли не устроить уличное возстаніе въ пользу излюбленнаго героя. Парижская толпа, бравшая штурмомъ ліонскій вокзалъ 8 іюля, въ день отъѣзда генерала въ Клермонъ-Ферранъ, куда онъ получилъ назначеніе, — выражала собою чувства самаго грубаго бонапартизма; а она направлялась радикалами, воображающими себя

истинными выразителями и охранителями республики. Недовольство противъ кабинета Рувье вызвано было только тѣмъ обстоятельствомъ, что Буланже не вошелъ въ составъ новаго министерства. Генералъ, сознательно дающій поводъ къ шумнымъ безпорядкамъ и не уклоняющійся отъ заранѣе подготовленныхъ публичныхъ овацій, составляетъ явленіе ненормальное, несовмѣстимое съ военною дисциплиною; и однако Буланже не только не подвергся отвѣтственности за свои странные поступки, но получилъ еще видный начальническій постъ въ арміи. Это было уступкою общественному мнѣнію, которое на этотъ разъ возбуждалось искусственно даже противъ личности президента Греви. Народомъ какъ будто овладѣла неодолимая потребность видѣть передъ собою полководца въ блестящемъ военномъ мундирѣ, и эта потребность какимъ-то страннымъ образомъ мирится у французовъ съ радикализмомъ.

Крайняя лѣвая, подъ предводительствомъ Клемансо, возстала противъ министерства, прежде чѣмъ оно успѣло заявить себя на дѣлѣ. Въ засѣданіи палаты, 11-го іюля, радикальные ораторы обратились къ кабинету съ запросомъ объ общей политикѣ правительства. Клемансо, Пельтанъ и другіе горячо упрекали министерство въ томъ, что оно опирается на монархистовъ и не видитъ въ рядахъ правой единственныхъ враговъ отечества. Рувье отвѣчалъ, что кабинетъ не есть правительство борьбы, что враговъ не можетъ быть въ средѣ французской палаты, что необходимо имѣть въ виду умиротвореніе, а не возбужденіе взаимной непріязни между партіями. Палата высказалась въ пользу министерства большинствомъ 382 голосовъ противъ 120, такъ-что всѣ умѣренные и консервативные элементы собранія были на сторонѣ Рувье. Къ сожалѣнію, личный авторитетъ министра-президента слишкомъ незначителенъ, чтобы можно было надѣяться на долговѣчность настоящаго французскаго кабинета. Наиболѣе дѣятельнымъ изъ министровъ оказывается преемникъ Буланже, генералъ Ферронъ, при которомъ военные интересы обѣщаютъ надолго оставаться главнымъ предметомъ вниманія и заботъ французскаго правительства. О внутреннихъ дѣлахъ Франціи намъ придется еще говорить болѣе подробно въ одномъ изъ ближайшихъ „Обозрѣній“.

При всемъ нежеланіи нашемъ вдаваться въ личную полемику мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу замѣтки г. Южакова въ іюльской книгѣ „Сѣвернаго Вѣстника“. Авторъ продолжаетъ обвинять насъ въ невѣрной передачѣ его мнѣній и требуетъ, чтобы мы подтвердили свой отзывъ объ его воинственности надлежащими цитатами изъ его статей. Намъ остается напомнить г. Южакову, что въ

свое время мы подробно разбирали его брошюру объ англо-русской распрѣ и привели изъ нея даже больше выдержекъ, чѣмъ заслуживала того самая брошюра, — такъ что возвращаться къ этой старой темѣ мы не видимъ никакого повода. Говорилъ ли онъ тогда о неизбѣжности и законности войны (въ смыслѣ достаточности мотивовъ), или о чемъ-нибудь другомъ,—можно было съ достаточною ясностью видѣть изъ тѣхъ же приведенныхъ нами цитатъ, къ которымъ и отсылаемъ желающихъ провѣрить наши слова (см. „Вѣстникъ Европы" 1885, августъ, стр. 863 и сл.). Что касается журнальныхъ его статей, то мы передавали лишь общій и существенный ихъ смыслъ, не претендуя нисколько на обстоятельное изложеніе теорій и взглядовъ г. Южакова. Мы имѣли въ виду основную сущность его разсужденій, а вовсе не тѣ или другія отдѣльныя фразы, въ которыхъ онъ отчасти противорѣчитъ себѣ и на которыя онъ теперь ссылается въ подтвержденіе своихъ обвиненій. Говоря о болгарскомъ его проектѣ, мы прямо и ясно выразились, что, по его мысли, „страна будетъ пользоваться самоуправленіемъ, подъ контролемъ русской военной силы"; а г. Южаковъ приписываетъ намъ умолчаніе объ этомъ обстоятельствѣ, совершая такимъ образомъ ошибку, въ которой столь смѣло и неосновательно обвиняетъ другихъ. Къ сожалѣнію, авторъ понимаетъ свои статьи какъ-то въ обратномъ смыслѣ: такъ, напримѣръ, предлагая передать управленіе внѣшними и военными дѣлами болгарскаго княжества въ руки русскихъ чиновниковъ, онъ будто бы имѣлъ собственно въ виду возражать противъ русскаго вмѣшательства въ дѣла Болгаріи и противъ участія нашего чиновничества въ управленіи этою страною. Не знаемъ, какъ понять подобное толкованіе. Авторъ не могъ же думать, что управленіе внѣшними и военными дѣлами страны есть признакъ невмѣшательства въ ея жизнь, или что люди, завѣдующіе этими важнѣйшими интересами государства, не принадлежатъ къ числу чиновниковъ. Въ такого рода случаяхъ всякій споръ безполезенъ.

Если мы нѣсколько разъ обращали вниманіе на воинственныя разсужденія г. Южакова, то по весьма понятной причинѣ: намъ крайне непріятно было видѣть, что вредный политическій задоръ, господствовавшій до сихъ поръ только въ извѣстной части печати, начинаетъ овладѣвать публицистами иного направленія, проявляясь въ новыхъ, болѣе заманчивыхъ формахъ, подъ прикрытіемъ идей прогрессивныхъ и передовыхъ. Что статьи „Сѣвернаго Вѣстника" производили такое впечатлѣніе не на однихъ насъ — это подтверждается, между прочимъ, замѣчаніями г. Гольцева въ апрѣльской книгѣ „Русской Мысли", гдѣ также говорится съ недоумѣніемъ о „шовинистскихъ ноткахъ" названнаго выше петербургскаго журнала. Те-

перь г. Южаковъ отрицаетъ воинственныя теоріи и тенденціи; онъ даже соглашается съ нашими взглядами на болгарскій вопросъ, и мы можемъ только порадоваться такому — быть можетъ, нечувствительному для самого автора—повороту въ его мнѣніяхъ. Что касается чисто личныхъ выходокъ, допущенныхъ „Сѣвернымъ Вѣстникомъ" и выходящихъ уже за предѣлы литературной полемики, то мы предоставляемъ самому г. Южакову обсудить, насколько умѣстны и убѣдительны подобные пріемы въ печати.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1887.

— *Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки.* Двѣ статьи профессора *Н. Я. Аристова.* (Съ портретомъ Н. В. Гоголя). Спб. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. 1887.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, подписанномъ г. В. Симанскимъ, говорится слѣдующее о смыслѣ издаваемыхъ здѣсь статей умершаго въ 1882 году профессора Аристова: „Сочиненія Гоголя, хотя и обстоятельно разработанныя въ литературномъ отношеніи и достаточно изслѣдованныя со стороны словеснаго искусства (?), къ сожалѣнію, еще весьма мало изслѣдованы со стороны отечественной науки, ибо въ нашей литературѣ почти совсѣмъ не встрѣчается подробнаго разбора изображеній Гоголя домашняго быта, быта экономическаго и иностраннаго вліянія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Между тѣмъ подобныя изслѣдованія чрезвычайно важны для всякаго современнаго образованнаго человѣка; съ помощью ихъ можно будетъ гораздо правильнѣе и вѣрнѣе судить о нравахъ и обычаяхъ дѣйствительной жизни русской, тѣмъ болѣе, что типы лицъ и явленія событій (?), художественно изображенные Гоголемъ, исполнены животрепещущей правды и не расходятся съ историческими данными". Такъ ставитъ задачу своихъ статей и самъ Аристовъ. Книга состоитъ изъ двухъ большихъ статей; въ первой онъ опредѣляетъ „историческое значеніе сочиненій Гоголя", въ другой—„иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ". Въ первой статьѣ авторъ беретъ сочиненія Гоголя за историческій матеріалъ, и сличая ихъ бытовое содержаніе съ тогдашнею дѣйствительностью, находитъ, что сочиненія Гоголя, „представляя замѣчательнѣйшія произведенія словеснаго *искусства*, въ высшей степени важны и для отечественной *науки,* для изслѣдованія внутренняго состоянія русскаго народа, во всѣхъ его бытовыхъ проявленіяхъ, въ царствованіе

Николая I, начиная отъ будочника до министра, отъ мелкаго раба до крупнаго вельможи, отъ ничтожнаго деревенскаго захолустья до блестящаго Невскаго проспекта. Теперь еще шире раздвигается передъ нами высокое значеніе его безсмертныхъ созданій. Эти монументальныя сооруженія, драгоцѣнныя по прочному историческому матеріалу и тонкой художественной отдѣлкѣ, составляютъ рѣдкое своеобразное явленіе среди литературныхъ произведеній всего человѣчества" (стр. 62—63). Вторая статья, исполняя ту же тему, останавливается спеціально на изображеніи иноземнаго вліянія, которое авторъ (вмѣстѣ съ Гоголемъ) признаетъ абсолютно злокачественнымъ и вреднымъ.

Въ цѣломъ книжка Аристова очень странная. Не говоря о томъ, не совсѣмъ умѣстномъ, раздѣленіи двухъ точекъ зрѣнія, литературной и научной (такъ какъ „литературная" критика говорила и должна была говорить также и о томъ, что̀ авторъ присвояетъ точкѣ зрѣнія „научной", т.-е. опредѣлить большее или меньшее соотвѣтствіе гоголевскихъ картинъ съ дѣйствительностью), для того, чтобы сдѣлать сочиненія Гоголя источникомъ для изображенія современной ему жизни, необходимо было прежде всего указать свойства соціологическихъ взглядовъ Гоголя. Аристовъ извлекалъ изъ Гоголя безразлично и его художественныя изображенія, и его разсужденія теоретическія, бралъ его взгляды разныхъ эпохъ и настроеній, предполагая, что тѣ и другіе всегда равны себѣ, т.-е., что Гоголь всегда думалъ одинаково, что его теоретическія идеи всегда равнялись его созданіямъ художественнымъ. Между тѣмъ это было не совсѣмъ такъ или совсѣмъ не такъ. Какъ изумительны бывали его художественныя созданія, которыя нерѣдко, какъ будто мимо воли самого писателя, открывали глубокія затаенныя черты русской жизни и личной психологіи, такъ, съ другой стороны, бывали нерѣдко крайне неточны, односторонни и даже совсѣмъ ложны его теоретическія представленія о состояніи русскаго общества. Гоголь-художникъ и Гоголь-публицистъ—это двѣ разныя величины; внутренняя цѣнность ихъ различна и иногда прямо противоположна. Это очень хорошо почувствовали еще современники Гоголя, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Гоголь началъ художественными созданіями, и онѣ составили его славу и его глубокое нравственно-поэтическое значеніе для русской литературы и общественнаго сознанія; онъ кончилъ стремленіемъ поучать, разсуждать и дѣйствовать публицистически, которое встрѣтило самый рѣшительный отпоръ у его поклонниковъ. Извѣстное впечатлѣніе, которое произвели „Выбранныя Мѣста изъ переписки съ друзьями", рисуетъ достаточно это различіе: самъ Гоголь отрекался отъ своихъ прежнихъ произведеній, или считая ихъ фальшивыми, или считая

фальшивымъ то дѣйствіе, какое оказали онѣ на умы общества,—но стóитъ, разумѣется, на минуту вспомнить „Ревизора", „Шинель", „Мертвыя Души", чтобы видѣть, что впечатлѣніе этихъ произведеній не могло быть иное, кромѣ того, какимъ оно было.

Аристовъ ничего этого не хотѣлъ знать: для него мысли Гоголя одинаковы и въ его первое время, и въ его письмахъ, и во второй части „Мертвыхъ Душъ". Понятно, что съ „научной" точки зрѣнія получается недоразумѣніе: авторъ не опредѣлилъ предварительно своего источника, какъ требуетъ историческая критика, и источнику приписывается нерѣдко то, чего въ немъ нѣтъ. Напримѣръ, Аристовъ утверждаетъ, что „Гоголь рѣзкими чертами рисуетъ, какъ крѣпостное право заслонило значеніе народа, который былъ творцомъ *силы* и *мощи* (?) государства, выносилъ на своихъ могучихъ плечахъ изъ всѣхъ невзгодъ" и пр. (стр. 24): такой выводъ могъ бы сдѣлать проницательный читатель изъ отраженій крѣпостного быта въ разсказахъ Гоголя,—но самъ онъ вовсе не рисовалъ этого отвлеченнаго вывода „рѣзкими чертами", а впослѣдствіи, напротивъ, сталъ просто защитникомъ существующаго порядка и въ „Выбранныхъ Мѣстахъ" давалъ извѣстныя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ мужиками, наставленія, которыя привели въ такое негодованіе Бѣлинскаго.

Собственную точку зрѣнія Аристова можно характеризовать какъ народническую. Исходя изъ прекраснаго желанія, чтобы народъ пользовался должнымъ ему уваженіемъ и народная жизнь не подавлялась произволомъ и насиліемъ, онъ строитъ, однако, чрезвычайно путанную историческую теорію. Все было бы прекрасно, еслибы не реформа Петра Великаго: съ нея начинается наше чиновничество и иноземное вліяніе, въ которыхъ заключается вся бѣда. Послушать Аристова, Россіей управляли нѣмцы, которые все у насъ и перепортили, но дѣлалось ли что-нибудь силами самой русской жизни, остается неизвѣстно. Изложеніе фактовъ получается до крайности странное Напримѣръ.

„Во все (?—далеко не во все) царствованіе имп. Александра I кипѣла преобразовательная работа, а еще болѣе было намѣчено замысловъ къ улучшенію внутренняго строя русской жизни. Но эти стремленія прекратилъ несчастный бунтъ декабристовъ, подавъ поводъ правительству скрутить и ложное, и истинное развитіе образованія и заковать желѣзнымъ кольцомъ кругъ гражданской дѣятельности. Съ 1825 года настало тяжелое время... Строгое охраненіе порядка извнѣ и внутри... Введеніе суровой централизаціи... Охранительныя начала пришлись по вкусу чиновникамъ и помѣщикамъ, которые считали себя главной силой и опорой государства" (стр. 15—16).

Такимъ образомъ, въ правленіе имп. Александра I (которое, въ

дальнѣйшемъ изложеніи, оказывается преисполнено вреднымъ иноземнымъ вліяніемъ) имѣются благотворные для народа замыслы,—откуда же они? Затѣмъ въ правленіе Николая I тонъ данъ былъ самою властью, а чиновники и помѣщики только вторили ему, находя его для себя удобнымъ и пріятнымъ;—между тѣмъ, дальше, чиновники и помѣщики являются самостоятельными силами, причинившими великій вредъ русскому народу...

„Разсуждая о высокомъ значеніи монарха въ Россіи и о сердечной привязанности къ нему народа, который видитъ въ немъ представителя святой правды и защитника всѣхъ угнетенныхъ и бѣдствующихъ, великій писатель (т.-е. Гоголь) смѣло говорилъ о прекрасныхъ качествахъ императора Николая, не опасаясь прослыть льстецомъ, какъ и Пушкинъ, рѣзко (?) изображалъ и слабыя стороны его царствованія, не боясь преслѣдованій. Личность государя онъ выставлялъ, какъ высокую и благородную, что онъ сокрушается о несчастной Россіи“ и пр. (стр. 18—19).

„Императоръ Николай дѣйствительно, какъ рыцарски честный и великодушный монархъ, любилъ покровительствовать талантливымъ людямъ, къ сожалѣнію, окруженъ былъ бездарными въ большинствѣ и недобросовѣстными сановниками (?—какъ же это случилось?). Не даромъ онъ въ минуты тяжелаго разочарованія высказалъ, что „онъ одинъ честный человѣкъ въ Россіи“. Поэтому напрасно на него одного сваливаютъ многіе вину въ печальныхъ для нашего отечества явленіяхъ тяжелаго порядка вещей“...

Гоголь, по словамъ Аристова, причины бѣдственнаго положенія Россіи „искалъ въ испорченности вліятельныхъ лицъ, въ высшихъ переднихъ классахъ общества, *поработившихъ народъ* (?); онъ показываетъ всю гниль и ветошь началъ ихъ дѣятельности, смѣется надъ ложной искусственной дорогой, которая приводила ихъ въ восторгъ (?), на злое горе и бѣдствіе нашей родной страны... Изображая отличительныя особенности жизни своего времени, Гоголь всюду слѣдитъ за иностраннымъ вліяніемъ въ Россіи и представляетъ его ядовитыя свойства, разъѣдающія русскій бытъ. Первыми и главными надежными слугами престола и отечества считались тогда вообще иностранцы“ (стр. 19—20).

Правительство взяло на себя полную опеку надъ воспитаніемъ дѣтей и приготовляло изъ нихъ себѣ служебныхъ дѣятелей, ловкихъ и навостренныхъ, вселяя въ нихъ заранѣе опредѣленный взглядъ и цѣли ихъ дѣйствій; давало имъ высокія права и преимущества и тѣмъ развивало эгоизмъ и своекорыстіе, сословныя стремленія и узкость взгляда“... (стр. 52).

„Не стану касаться состоянія литературы, укажу только на одну

черту, характеризующую время николаевскаго царствованія, именно: на оберегательную систему правительства *отъ вѣяній* либеральныхъ, которыя тогда заходили *съ запада*"... (стр. 60).

Кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ, кому принадлежала иниціатива, остается совершенно неизвѣстно. Далѣе.

„При императорѣ Николаѣ I никому въ голову не приходило, что народная школа создается сообразно съ развитіемъ жизни и характера націи... Нѣтъ, тогда царила общечеловѣческая философія Гегеля (!), а русскую исторію передѣлывали въ общеевропейскую... всюду искали, чѣмъ русскій человѣкъ похожъ на европейца... и все воспитаніе юношества гнули на иностранный образецъ" и т. д. (стр. 53). Подумаешь, что правительство имп. Николая I, о которомъ только-что было сказано, что оно „взяло на себя полную опеку" надъ воспитаніемъ юношества,—руководилось гегелевской философіей, заводило все на иностранный образецъ; извѣстно, напротивъ, что оно весьма заботливо стремилось къ тому, чтобы вполнѣ примѣнить воспитаніе къ потребностямъ русской жизни (разумѣется, какъ оно само ихъ понимало). И дѣйствія его въ этомъ отношеніи были весьма успѣшны: школы были именно таковы, какихъ оно желало; относительно университетовъ принимались дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы въ нихъ не могла найти мѣста свободная наука въ западномъ смыслѣ, и дѣйствительно, наши университеты тѣхъ временъ совсѣмъ не были похожи на европейскіе и истинная наука была въ нихъ исключеніемъ...

Въ филиппикахъ противъ иноземнаго вліянія Аристовъ считаетъ Гоголя вполнѣ своимъ единомышленникомъ. Разсужденія Аристова на эту тему опять очень странны для профессора русской исторіи. Это крайняя путаница понятій и фактовъ историческихъ, и Гоголь помогъ ему здѣсь именно слабѣйшими чертами своихъ сочиненій, тѣми разсужденіями, какимъ предавался онъ въ послѣдніе годы жизни въ „Выбранныхъ Мѣстахъ", во второй части „Мертвыхъ Душъ" и т. п. Русская исторія со временъ Петра Великаго, въ изображеніи Аристова, представляетъ картину какого-то иностраннаго нашествія. Петровская реформа была погоней за внѣшнимъ копированіемъ Европы, и авторъ поучаетъ выпиской изъ Гоголя, что „образованіе черпается изъ самого же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій" (стр. 74). Авторъ, какъ и вообще люди этой точки зрѣнія, не объясняетъ только, почему всего этого не дѣлалось раньше Петра Великаго; не припоминаетъ, что въ дѣйствительности западное образованіе и въ XVIII-мъ вѣкѣ заимствовалось у насъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, и что еслибы оно

было такъ противно національнымъ элементамъ, эти послѣдніе не преминули бы возстать противъ чужеземнаго „наноснаго“ элемента и искоренить его. И однако же они его не искоренили: слѣдовательно, иноземное образованіе не было противно національнымъ элементамъ, или надо заключить, что они были такъ слабы, что именно нуждались въ возбужденіи чужимъ образованіемъ? На дѣлѣ иностранное образованіе, входившее въ очень небольшой степени, постоянно передѣлывалось на русскій ладъ. Примѣры людей, дѣйствительно „отрывавшихся отъ своей народности“, всегда были исключеніемъ, —какъ подобныя исключенія существуютъ и въ настоящую минуту.

Самъ Аристовъ изображаетъ картину иностраннаго вліянія такъ: „богатые и знатные люди, *какъ дикари,* набросились съ крикомъ *изумленія* на блестящія *сокровища* иноземныя“. Если сравненіе вѣрно, то нечего жаловаться на дикарей, которыхъ завѣщала старая Россія. Затѣмъ, „въ теченіе всего XVIII столѣтія, иноземные тираны (?) злобно угнетали крестьянъ и преслѣдовали духовенство православное; къ нимъ присоединялись доморощенные вельможи, къ своему позору сдѣлавшись недовѣрками и отрекшись отъ собственной народности. Крѣпостное право и гнетъ его усилились; народъ подавленъ былъ поборами и неправосудіемъ; вмѣсто улучшенія жизни, иностранные порядки (?) принесли народу кровавый трудъ, бѣдность до нищеты, и горькія униженія, водворивъ всюду блестящія и безполезныя формальности государственныя, и лишнія дорогія затѣи въ высшихъ классахъ общества“ (стр. 75). Пріятно, конечно, свалить всѣ эти дурныя вещи на иностранцевъ; но исторія указываетъ обыкновенно, что такія широкія явленія, какія авторъ изображаетъ, не могутъ совершаться безъ внутреннихъ условій, ведущихъ къ тому въ самой народной жизни. Русскому народу, какъ и всѣмъ народамъ, приходилось выносить тяжелый процессъ внутренняго развитія, и какъ ни печально было его положеніе въ XVIII вѣкѣ, въ немъ виноваты были не одни иноземные тираны, а много, и притомъ давнихъ, условій самой русской жизни: иначе русскій народъ представилъ бы изъ себя какое-то тупоумное стадо барановъ, покорившихся немногочисленнымъ „иноземнымъ тиранамъ“.

Но дѣло не кончается XVIII-мъ вѣкомъ; то же продолжается въ царствованіе Александра I-го и Николая. „Иностранное вліяніе стало пропитывать понятія и бытъ чиновниковъ и офицеровъ, такъ что либеральныя идеи запада вскружили горячія головы, которыя начали добиваться установить правленіе Россіи на вольный европейскій манеръ“ (стр. 77). При Николаѣ, подъ вліяніемъ бунта декабристовъ, правительство „всѣми мѣрами стало *преслѣдовать* разрушительныя идеи *запада,* не измѣнивъ внутри Россіи ненужныхъ чу-

жихъ порядковъ на свой ладъ. Проектъ освобожденія крестьянъ разлетѣлся въ прахъ". Николаевское время (характеристика самого императора приведена выше) авторъ изображаетъ такъ: „Прежде еще можно было различить въ быту боярскомъ, что̀ свое, доморощенное и что̀ заносное, чужое, а въ царствованіе императора Николая I-го явилась безобразная и неопредѣленная смѣсь. Иностранное вліяніе становится преобладающимъ, выплываетъ поверхъ русскаго незамѣтнаго наслоенія и проникаетъ его; теперь (?) начинаетъ развиваться презрѣніе къ отечественной старинѣ, нравамъ и обычаямъ, усвояются—съ грѣхомъ пополамъ—идеи чужой философіи, и развивается вкусъ къ европейской поэзіи (?); а свое народное, какъ невѣжественное и мужичье, втаптывается въ грязь; наконецъ, даже изученіе Россіи для многихъ не представляло никакого интереса. По наблюденіямъ Гоголя,—еще никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго разнообразія и несходства въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ людей, никогда еще различіе образованія и воспитанія не отголкнуло такъ другъ отъ друга, и не произвело такого разлада во всемъ" (стр. 77—78). Какъ бы ни была мало привлекательна вторая четверть нашего вѣка, но приведенная характеристика сдѣлана ребячески странно: „начинаетъ развиваться презрѣніе къ отечественной старинѣ, развивается вкусъ къ европейской поэзіи, изученіе Россіи *для многихъ* не представляло интереса"—все это безсодержательныя или совсѣмъ фальшивыя фразы. Даже XVIII-й вѣкъ, въ своихъ образованныхъ людяхъ, былъ заинтересованъ и стариной, и изученіемъ Россіи, а ко второй четверти нашего столѣтія относятся именно замѣчательные труды школы сороковыхъ годовъ, отъ которой и идетъ современная этнографія, историческія изученія и самое народолюбіе. Авторъ просмотрѣлъ еще малость: къ этой самой эпохѣ относится дѣятельность писателя, котораго онъ изслѣдуетъ и восхваляетъ, и та эпоха приняла этого писателя съ восторгомъ и сочувствіями, какія доставались лишь очень немногимъ дѣятелямъ всей нашей литературы...

Авторъ съ сочувствіемъ приводитъ отзывы Гоголя о разладѣ понятій, какой господствуетъ въ русскомъ обществѣ: „у каждаго до того спутаны мнѣнія о Россіи, что рѣшительно нельзя *вѣрить* никому... даже добрые и честные люди между собою въ разладѣ... Теперь снесены къ намъ итоги всѣхъ вѣковъ и, какъ неразобранный товаръ, сброшены въ одну безпорядочную кучу; вихрь недоразумѣній обуялъ всѣхъ и никто не въ силахъ судить другъ друга" и т. д. (стр. 78). Дѣло въ томъ, что Гоголь, живя долго въ „прекрасномъ далекѣ", вращаясь въ одномъ исключительномъ кружкѣ, отдалившись отъ литературнаго движенія, дѣйствительно не понималъ, что̀ дѣлается

въ умахъ; интересы, волновавшіе людей сороковыхъ годовъ", остались ему чужды, и приведенныя слова не столько характеризуютъ состояніе русскаго общества, сколько отражаютъ его собственную растерянность въ его послѣдніе годы.

Было бы долго перечислять всѣ злокачественные ущербы, наносимые намъ „иностраннымъ вліяніемъ", по взгляду Аристова.

Напримѣръ. Гоголь, по мнѣнію Аристова, „отлично видѣлъ весь страшный вредъ отъ иноземныхъ правителей (?) и возмущался до глубины души, какъ посредствомъ новыхъ западныхъ теорій (?) и громкихъ проектовъ объ улучшеніяхъ дурачили русскихъ администраторовъ и грабили казну" (стр. 79).

„Помѣщики взяли готовую культуру съ запада съ самой невыгодной мишурной стороны внѣшней" — и не выработали своей собственной (стр. 84),—и затѣмъ приводятся примѣры того, какъ они свирѣпствовали нерѣдко надъ своими несчастными крестьянами, какъ генералъ Измайловъ, Кошкаровъ и т. д. Но этому, кажется, не учила „западная культура", и названные помѣщики скорѣе дѣйствовали по русскимъ нравамъ.

„Кромѣ помѣщиковъ, Гоголь долго останавливалъ свое вниманіе на жизни чиновниковъ, сложившейся по иностранному образцу... Чиновники совсѣмъ не знали потребностей народнаго развитія" (стр. 88—89).

„Иностранное вліяніе особенно замѣтно на русской дипломатіи времени Николая I, которая находилась въ рабскомъ подчиненіи распоряженіямъ иностранныхъ государствъ. Такъ, напримѣръ, Нессельроде" и пр. (стр. 94). Извѣстно, что русская дипломатія, и Нессельроде въ томъ числѣ, только вѣрно исполняли собственную программу императора Николая.

„Возвышая надъ народомъ бояръ (!), западная наука усыпляла ихъ умъ" и пр. (стр. 118).

„Въ обществѣ, образованномъ на чужестранный ладъ, явилось безотрадное недовольство окружающей средой" и пр. (стр. 119). Но почему же оно не могло бы быть недовольнымъ, если тою средой недоволенъ и самъ историкъ?

Далѣе, иностранное вліяніе виновато въ томъ, что худо шло помѣщичье хозяйство, и пр. и пр.

Изъ приведенныхъ выписокъ достаточно ясенъ характеръ книги. Покойный профессоръ русской исторіи могъ бы быть названъ историкомъ-народникомъ, какъ бывали народники-публицисты и беллетристы; къ сожалѣнію, его благимъ намѣреніямъ защищать въ исторіи народный интересъ недоставало критической школы, и потому онъ сваливаетъ въ кучу всѣ несочувственныя ему явленія, и такъ какъ

нужно было чѣмъ-нибудь объяснять ихъ происхожденіе, являлось на сцену „иноземное вліяніе", которое онъ и дѣлаетъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, случавшихся въ народной жизни: у него не было мысли о томъ, что историческія явленія имѣютъ обыкновенно глубокія органическія причины, и что тотъ одинъ внѣшній факторъ, на который хотѣли бы свалить бѣдствія народной жизни, могъ дѣйствовать лишь потому, что нашелъ для себя почву въ собственной жизни народа. Онъ забывалъ также, что ни одинъ народъ европейскаго міра не совершилъ своего развитія въ одиночествѣ: напротивъ, всѣ проходили свою исторію въ различномъ взаимодѣйствіи, и научное содержаніе „Запада" было результатомъ такихъ издавна общихъ тѣсно-соединенныхъ усилій.

Аристовъ старался подогнать и сочиненія Гоголя къ своему взгляду. При этомъ, какъ мы указывали, была сдѣлана крупная критическая ошибка въ томъ, что онъ не различилъ въ Гоголѣ великаго художника отъ очень слабаго публициста, смѣшалъ двѣ эпохи и два характера его дѣятельности, и въ концѣ концовъ далъ о самомъ писателѣ невѣрное понятіе. Произведенія Гоголя создали въ 1830—40-хъ годахъ цѣлый переворотъ въ русской литературѣ: этотъ переворотъ произведенъ былъ не тѣми идеями писателя, на которыхъ Аристовъ сдѣлалъ особенное удареніе.

— *Вліяніе Шекспира на русскую драму.* Историко-критическій этюдъ Сергѣя *Тимоѳеева.* Москва, 1887.

Свою точку зрѣнія на Шекспира г. Тимоѳеевъ хотѣлъ выразить въ особенности эпиграфомъ изъ Вальтера Бэджгота: „Пусть Шекспиръ является намъ не проповѣдникомъ сухихъ догматовъ, не провозвѣстникомъ жесткихъ глаголовъ, но жрецомъ чудесъ и красотъ міра для всѣхъ насъ, наставникомъ человѣческихъ сердецъ",—изреченіе, замѣтимъ мимоходомъ, слишкомъ фразистое и не совсѣмъ ясное: какіе догматы и глаголы? Въ русской литературѣ, замѣчаетъ авторъ, не однажды дѣлались попытки указать вліяніе Шекспира на русскую драму, но эти попытки кажутся ему недостаточными: во-первыхъ, онѣ дѣлались „сравнительно давно", а во-вторыхъ, касались лишь частныхъ вопросовъ. Это „сравнительно давно" было, однако, очень недавно: самъ авторъ указываетъ, со словъ г. Стороженка, статьи Лебедева по этому предмету, напечатанныя въ 1875 и 1878 годахъ... Какъ бы то ни было, предметъ заслуживалъ вниманія. Вліяніе Шекспира замѣтно въ нашей литературѣ уже со второй половины прошлаго вѣка, и авторъ находитъ очень важнымъ „указать вліяніе Шекс-

пира, на первый разъ въ области драмы, *нашимъ ученикамъ*, вообще мало знакомымъ съ произведеніями западной словесности и даже съ такими именами, какъ Шиллеръ, Гёте и Шекспиръ",—между тѣмъ въ гимназическомъ курсѣ новой русской литературы говорится о вліяніи Шекспира на Пушкина.

„Такимъ образомъ моя книга,—говоритъ авторъ,—можетъ служить и пособіемъ учителю словесности, и матеріаломъ для внѣ-класснаго чтенія ученику и, наконецъ, первымъ средствомъ къ ознакомленію съ серьезными учеными трудами о Шекспирѣ, существующими и на русскомъ языкѣ". Въ другомъ мѣстѣ авторъ повторяетъ, что его книжка должна „принести посильную помощь *школѣ* и *учащейся молодежи*", и что если она получитъ болѣе обширное значеніе, это будетъ ему тѣмъ пріятнѣе. Авторъ берется указать, начиная съ прошлаго вѣка, тѣхъ выдающихся драматическихъ писателей, которые въ той или другой степени испытали вліяніе Шекспира, сопроводивъ изложеніе необходимыми общими объясненіями; но предупреждаетъ, „что строгій критикъ не найдетъ въ книгѣ какихъ бы то ни было оригинально-вычурныхъ и непремѣнно новыхъ данныхъ,—по моему мнѣнію, лучше свести надежное, прочное во-едино и его тщательно формулировать, чѣмъ, при отсутствіи прочнаго матеріала, обольщаться и обольщать другихъ ненадежными, хотя, можетъ быть, оригинальными выводами".

Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правильно исполняетъ свою задачу. Ставя такую спеціальную тему, не слѣдовало, во-первыхъ, намѣренно отказываться отъ сообщенія чего-нибудь новаго: спеціальное изслѣдованіе именно и заставляетъ ожидать, что оно не будетъ только повтореніемъ стараго, но обставитъ предметъ и новыми данными, которыхъ надо было поискать. Относительно XVIII-го вѣка авторъ повторяетъ только извѣстное, между тѣмъ, по свойству задачи, надо было объяснить, откуда, изъ какихъ источниковъ возникло въ первый разъ знакомство съ Шекспиромъ у нашихъ писателей прошлаго вѣка: на чемъ основывалось одно отношеніе къ Шекспиру у Сумарокова, другое—у императрицы Екатерины и третье—у Карамзина. Въ книгѣ г. Тимоѳеева всѣ эти факты являются ex abrupto, между тѣмъ объясненіе ихъ было бы именно важно въ историческомъ отношеніи.

Во-вторыхъ, надо было строго держаться основной темы. Авторъ слишкомъ часто отклоняется отъ нея въ общее изложеніе русской драматической литературы старой и новой. Таковы излишнія подробности о Сумароковѣ, Княжнинѣ, Фонъ-Визинѣ, мало или совсѣмъ не идущія къ дѣлу. Въ новой литературѣ сильныя натяжки сдѣланы относительно Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго, Писемскаго, чтобы

показать въ нихъ вліяніе Шекспира, причемъ длинные пересказы содержанія піесъ могли бы быть устранены. Авторъ, кромѣ того, какъ будто забылъ, что, кромѣ Шекспира (даже тамъ, гдѣ авторъ видитъ его вліяніе), на нашихъ писателей дѣйствовало много другихъ иностранныхъ литературныхъ вліяній, а вмѣстѣ дѣйствовало и самостоятельное развитіе собственныхъ силъ.

Наконецъ, школьное назначеніе книжки обязывало автора обратить особенное вниманіе на ея изложеніе и языкъ. Школьная книга обращается къ такимъ читателямъ, для которыхъ необходимы ясность и простота; между тѣмъ г. Тимоѳеевъ допускаетъ неточности въ изложеніи и вычурный языкъ, которому не должно быть мѣста даже и не въ учебной книгѣ. Напр., авторъ упоминаетъ (стр. 6—7), что при царѣ Алексѣѣ появляются у насъ представленія англійскихъ комедіантовъ и нѣмецкія піесы, и затѣмъ говоритъ: „Это вліяніе нѣмецкихъ и англійскихъ комедіантовъ одновременно первому ознакомленію русскихъ людей съ западомъ и преклоненію передъ нѣмецкой Европой, обусловленному реформой Петра и слѣдующими за нею дѣйствіями нѣмецкихъ временщиковъ“. Выходитъ, что вліяніе нѣмецкихъ и англійскихъ комедіантовъ, *при царѣ Алексѣѣ*, *одновременно* съ ознакомленіемъ русскихъ людей съ западомъ, которое *обусловлено* реформой Петра, т.-е. произошло *вслѣдствіе ея*, т.-е. вычурная манера выраженія произвела наборъ словъ, непозволительный для педагога, желающаго поучать юношество.

Далѣе (стр. 7) встрѣчаемъ слѣдующую фразу: „уничтоженіе нѣмецкаго господства и *торжественное изгнаніе изъ Россіи нѣмцевъ* при Елизаветѣ были какъ бы *увертюрой*, торжественнымъ *входнымъ маршемъ*, подъ звуки котораго вошло на Русь новое вліяніе, французское, ведя за собой пока еще малютку—ложно-классическую трагедію, *протежируемую* такими авторитетами, какъ Корнель и Расинъ, которымъ поклонялась вся Европа“. Опять непозволительная вычурность и неправда: ученикъ спроситъ, когда же это происходило „торжественное изгнаніе изъ Россіи нѣмцевъ?“—и учителю придется сказать, что это невѣрная фраза. И потомъ что̀ за „входный маршъ“ и „малютка-трагедія“?

Далѣе упоминаются классическія трагедіи, „пересыпанныя блестками той же мишуры, которая отличала произведенія двора Людовика XIV, но *претендующія* на гораздо большее скудоуміе и безталанность ихъ сочинителей“. Какъ трагедіи „претендовали“ на безталанность сочинителей?

На стр. 12 говорится, что Баттё „додумался до нелѣпаго въ поэзіи закона единства времени, мѣста и дѣйствія“: онъ до этого вовсе не додумывался, а только повторилъ давнишній законъ клас-

сической драмы, — не знать этого непозволительно для историка драмы и для преподавателя словесности.

На страницѣ 16 авторъ замѣчаетъ, что въ трагедіи Сумарокова „Дмитрій Самозванецъ“ можно найти отдаленное сходство съ Шекспировымъ „Ричардомъ III“, и при этомъ дѣлаетъ ссылку, что „Ричардъ III“ былъ переведенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1783 году. Эта неумѣстная ссылка введетъ школьнаго читателя въ недоумѣніе, потому что Сумароковъ писалъ своего „Самозванца“ да и умеръ, гораздо раньше 1783 года.

Къ сожалѣнію, во всей книгѣ можно встрѣтить примѣры подобныхъ вычуръ языка и неточностей изложенія, непозволительныхъ въ школьной книгѣ, и все сочиненіе отягощено излишествами, которыя не отвѣчаютъ темѣ книги и съ большой пользой могли бы быть устранены изъ нея,—а съ другой стороны недостаетъ подробностей о распространеніи знакомства съ Шекспиромъ въ нашей литературѣ, которыя именно здѣсь были бы нужны.

— *Викторъ Гюго и его время*, по его запискамъ, воспоминаніямъ и разсказамъ близкихъ свидѣтелей его жизни. Переводъ съ франц. *Ю. В. Доппельмайеръ*. Съ предисловіемъ профессора *Н. И. Стороженка*. Съ портретомъ Виктора Гюго. Москва, 1887.

Эта книга представляетъ переводъ извѣстной біографіи Гюго, написанной его женою и изданной двадцать-пять лѣтъ тому назадъ: „Victor Hugo, raconté par un témoin de sa vie“ (1862). Біографія была доведена только до 1841 года и, слѣдовательно, еще слишкомъ далека отъ полнаго изображенія жизни и дѣятельности знаменитаго писателя. Тѣмъ не менѣе книга заслуживаетъ вниманія, и г. Стороженко самымъ теплымъ образомъ рекомендуетъ ее русскимъ читателямъ. „Хотя эта книга впервые появилась болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, хотя съ тѣхъ поръ много было писано о Викторѣ Гюго на всѣхъ языкахъ Европы, но она нисколько не утратила ни своей свѣжести, ни своего значенія; ее можно дополнить, но не замѣнить. Не говоря уже о томъ, что она основана на семейныхъ преданіяхъ и воспоминаніяхъ В. Гюго и самого автора, она написана съ такимъ талантомъ, съ такою художественною простотой, что сама можетъ считаться художественнымъ произведеніемъ. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что главное достоинство ея состоитъ въ драматизмѣ изложенія, соединенномъ съ большимъ искусствомъ рисовать портреты, и притомъ рисовать мимоходомъ, нѣсколькими, какъ бы небрежно брошенными штрихами. Гордый и влюбленный въ себя Шатобріанъ,

вдохновенный Лямне́, остроумный и веселый Нодье, добродушный энтузіастъ Эмиль Дешанъ и одѣтый въ огненнаго цвѣта жилетъ и бандитскую шляпу, типическій представитель литературной богемы Теофиль Готье—всѣ эти лица, игравшія болѣе или менѣе важную роль въ литературномъ движеніи первой половины XIX-го вѣка, стоятъ передъ нами какъ живыя... Но лучшій портретъ въ книгѣ безспорно—самого Гюго. Читая біографію поэта, написанную любящей рукой женщины, бывшей въ продолженіе сорока лѣтъ вѣрною спутницей его жизни, дѣлившей съ нимъ славу и горе, мы невольно поддаемся обаянію этой властительной, возвышенной и глубоко-гуманной натуры, для которой интересы человѣчества всегда стояли на первомъ планѣ, составляли главный паѳосъ жизни... Если Бѣлинскій называлъ Шиллера трибуномъ человѣчества, то этотъ почетный титулъ еще съ бо́льшимъ правомъ можно приложить и къ имени Виктора Гюго".

Авторитетный отзывъ г. Стороженка, вѣроятно, увеличитъ интересъ читателя къ этой книгѣ, которая дѣйствительно является единственной въ своемъ родѣ. Въ дополненіе къ ней г. Стороженко указываетъ, для желающихъ познакомиться со второй половиной жизни французскаго писателя, его собственные мемуары подъ заглавіемъ: „Actes et paroles" (3 тома, 1875—1876).

Но то и другое, какъ ни интересны разсказы о Гюго его самого и близкихъ свидѣтелей его жизни, для русскаго читателя потребовало бы еще нѣкоторыхъ дополненій. Книга г-жи Гюго обращалась къ соотечественникамъ поэта, въ которыхъ предполагалось достаточное знаніе своей исторіи и литературы: біографія писателя, примыкая къ этому извѣстному, могла отдать все вниманіе его личнымъ чертамъ и анекдотическимъ подробностямъ. Дѣйствительно, книга г-жи Гюго преисполнена этими анекдотическими чертами, которыя для русскаго читателя могутъ показаться недостаточными, и на русскій вкусъ имъ нѣсколько недостаетъ простоты. Для автора герой біографіи былъ видимо предметомъ поклоненія: читателю нужно помнить эту черту книги, которая въ концѣ концовъ утомляетъ и не даетъ настоящей исторической точки зрѣнія. Наконецъ, біографія довольно богата и такими частностями, которыя болѣе или менѣе умѣстны для французскихъ почитателей поэта (укажемъ, напр., выписки изъ фамильныхъ бумагъ, переписки и т. п.), но не представляютъ особаго интереса въ русской передачѣ. Всего лучше было бы, еслибы переводъ книги г-жи Гюго былъ сопровожденъ для русскаго читателя общимъ обозрѣніемъ дѣятельности Гюго, гдѣ было бы опредѣлено ея цѣлое историческое значеніе.

Переводъ исполненъ вообще удовлетворительно, но нуждался бы въ корректурѣ. Въ написаніи собственныхъ именъ переводчикъ (или переводчица?) напрасно не слѣдуетъ принятымъ способамъ и вводитъ новую манеру, напримѣръ: Трэбюше, Абэль, Жозэфъ, Нэй, Рэнэ, Вертэръ, Гётэ и т. п., хотя рядомъ является Фуше, Жиле, Мерль, Барбесъ и т. д.; далѣе, „Дезэксъ" (стр. 2) есть Дезэ; городъ Базель совершенно напрасно называется „Баль" (стр. 11); „Сэн-Квентинская площадь" вмѣсто Сен-Кантенская (стр. 15); баронъ „фонъ-Гэнау" (стр. 96) есть Гайнау, и т. д.—А. В—нъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го августа 1887.

Обзоры дѣятельности петербургской Думы, за истекшій годъ, въ нашихъ газетахъ.— Упреки, дѣлаемые городскому общественному управленію.—Училищное дѣло въ Петербургѣ десять лѣтъ тому назадъ и теперь.—Исторія передачи начальныхъ училищъ въ вѣденіе города.—Новыя правила пріема въ студенты петербургскаго университета.—М. Н. Катковъ, †.

Вслѣдъ за закрытіемъ, въ половинѣ іюня, здѣшней Городской Думы, появились въ столичной печати обзоры дѣятельности городского общественнаго управленія за второй ея годъ—при новомъ, четвертомъ составѣ Думы. Обычай хорошій и какъ будто свидѣтельствующій о томъ, что городское общество желаетъ сохранять въ этомъ случаѣ за собою контроль и не остается равнодушнымъ къ тому, какъ ведутъ городское хозяйство его уполномоченные. Нынѣшній разъ подобные обзоры, къ сожалѣнію, носили на себѣ болѣе полемическій характеръ, и критика въ нихъ имѣла, можно сказать, предвзятую цѣль, соотвѣтственно направленію органовъ: у однихъ дѣятельность городского общественнаго управленія явилась чуть не безупречною, и если нельзя было умолчать о нѣкоторыхъ его недочетахъ, то и такіе недочеты объяснялись исключительно какими-нибудь внѣшними, не зависящими отъ Думы, обстоятельствами; у другихъ, наоборотъ, эта же дѣятельность представлена какъ непрерывный рядъ однихъ недостатковъ—и во всемъ кругомъ виноватымъ является само общественное управленіе; въ этомъ послѣднемъ направленіи, критика, какъ извѣстно, много облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что городское, какъ и земское, общественное управленіе вполнѣ ей доступно и критика ничѣмъ не ограничивается—къ выгодѣ, впрочемъ, для общественнаго управленія, такъ какъ тенденціозныя нападки не должны имѣть силы въ глазахъ внимательнаго и сколько-нибудь понимающаго дѣло читателя, а указаніе дѣйствительныхъ недостатковъ можетъ только принести пользу городскому общественному управленію.

Особенно упрекаютъ городское общественное управленіе, сравнивая его при этомъ съ другими управленіями, за медленность въ усовершенствованіи различныхъ отраслей городского благоустройства. Нельзя, конечно, отрицать справедливости такого упрека по отноше-

нію къ тому или другому отдѣльному случаю; но, вообще говоря, медленность дѣятельности городского общественнаго управленія въ упомянутомъ отношеніи обусловливается прежде всего тѣми естественными условіями, въ какія оно поставлено, и какія никогда не бываютъ обязательны ни для какого другого управленія: оно не можетъ дѣйствовать путемъ приказа, какъ власть, и предписывать, чтобы завтра непремѣнно было то, чего сегодня еще нѣтъ, и только на томъ одномъ, весьма простомъ, основаніи, что то или другое весьма полезно и весьма желательно; городское общественное управленіе, какъ общественное, должно всегда соразмѣрять свои требованія со средствами общества, или оно перестанетъ быть общественнымъ; безъ соблюденія этого условія, и оно, конечно, могло бы точно также быстро вводить всякія усовершенствованія въ городскомъ благоустройствѣ, но само городское благоустройство, вводимое такимъ путемъ, не будетъ прочно и только замаскируетъ собою на время то внутреннее разореніе частнаго хозяйства, которое будетъ усиливаться, по мѣрѣ искусственнаго насажденія, принудительными мѣрами, той или другой отрасли подобнаго благоустройства. И нельзя не сознаться, что многое изъ области такого внѣшняго, показного благоустройства и уже осуществленнаго, напоминаетъ у насъ слова поэта о славѣ бѣднаго пѣвца, которая является не болѣе какъ „яркою заплатой" на его „бѣдномъ рубищѣ". Кромѣ того—городское общественное управленіе, облагая одинаково всѣхъ жителей города, не можетъ сосредоточивать своихъ заботъ на какой-нибудь одной его части или даже на какихъ-нибудь двухъ-трехъ показныхъ улицахъ, а обязано служить цѣлому городу, безъ всякихъ исключеній, какъ оно не дѣлаетъ исключенія при собираніи налоговъ. Только въ предѣлахъ такихъ соображеній можно было бы справедливо предъявлять всякому общественному управленію упреки за медленность въ его дѣйствіяхъ на пользу города; дѣйствительно, трудно было бы оправдать наше городское общественное управленіе, еслибы оказалось, что удовлетвореніе такихъ настоятельныхъ нуждъ, какъ канализація городскихъ улицъ или ихъ правильное мощеніе, не зависящія отъ текущихъ городскихъ доходовъ и выполняемыя обыкновенно при помощи займа, вполнѣ притомъ обезпеченнаго превращеніемъ натуральной повинности жителей на эти оба предмета въ денежную повинность—тѣмъ не менѣе, отлагаются съ года на годъ, несмотря на вопіющую нужду въ ихъ немедленномъ осуществленіи. До сихъ поръ наше городское общественное управленіе, какъ то замѣчалось не разъ, дѣйствовало во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда дѣло не могло быть устраиваемо на текущія средства городской кассы, какъ разъ наоборотъ: оно

сначала какъ бы употребляло нѣсколько лѣтъ на составленіе остаточнаго капитала,—который одно время и возросъ свыше двухъ милліоновъ,—а потомъ уже начинало предпринимать то или другое дѣло, какъ, напр., постройка скотобоенъ, сѣнного рынка и т. п.; затѣмъ ставило эти расходы на годовой бюджетъ, и такъ какъ подобная операція приводила къ дефициту по тому году, къ которому относится такой расходъ, то дефицитъ покрывался на счетъ остаточнаго капитала. Но теперь, когда, въ виду широкаго распространенія городской дѣятельности во многихъ сферахъ, на которыя прежде городъ тратилъ ничтожныя суммы, прежняя система постепеннаго составленія остаточнаго капитала оказывается совершенно невозможною, необходимо было бы перейти къ болѣе правильному способу удовлетворенія настоятельнѣйшихъ городскихъ нуждъ—путемъ займа, разумѣется, по возможности, выгодно заключеннаго и вполнѣ раціонально и экономически израсходованнаго.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ дѣлъ, скорое осуществленіе которыхъ слѣдовало бы признать безотлагательнымъ, найдутся, вѣроятно, и многія другія, отсрочка которыхъ можетъ также справедливо быть поставлена на счетъ городского общественнаго управленія, но, сравнительно съ тѣми двумя, всѣ они могутъ быть названы второстепенными. Зато, съ другой стороны, городское общественное управленіе Петербурга имѣетъ возможность указать въ своей почти 15-ти-лѣтней самостоятельной дѣятельности (1873—1888 гг.) на одно исполненное имъ дѣло чрезвычайной важности, притомъ, можно сказать, совершенно новое, не имѣвшее для себя никакой опоры въ прошедшемъ. Мы разумѣемъ городское начальное образованіе. Въ нынѣшнемъ году исполнилось первое десятилѣтіе существованія городскихъ начальныхъ школъ, число которыхъ возросло въ этотъ первый періодъ дѣятельности городской Думы на поприщѣ народнаго образованія съ скромнаго для Петербурга числа 16 (которое оставалось вплоть до 1877 г., когда министерство народнаго просвѣщенія сдало въ руки города начальное образованіе, неподвижнымъ въ теченіе цѣлаго полувѣка)—до 240 школъ; впрочемъ и онѣ до сихъ поръ все еще не удовлетворяютъ вполнѣ школьной потребности милліоннаго петербургскаго населенія.

Исторія этихъ городскихъ начальныхъ школъ за первый періодъ ихъ существованія имѣетъ для себя богатый источникъ въ „Извѣстіяхъ Городской Думы“ и отчетахъ училищной коммиссіи и представляетъ чрезвычайно много интереснаго и характернаго; было бы особенно полезно познакомиться со всѣми подробностями и, такъ сказать, перипетіями всего этого дѣла — для строгихъ судей вообще городского общественнаго управленія.

Хотя начальное народное образованіе въ Петербургѣ было сдано въ вѣденіе города десять лѣтъ тому назадъ, но самый вопросъ о томъ былъ поднятъ самою Думою чуть не четверть столѣтія тому назадъ, а именно въ 1864 г., когда, по приговору Общей Думы, было направлено въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство о передачѣ всѣхъ приходскихъ училищъ въ полное завѣдываніе города на общихъ основаніяхъ съ прочими частными учебными заведеніями. Эти училища и прежде содержались на счетъ города, который еще съ 1822 года отпускалъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія для этой цѣли 14.571 р. въ годъ, а потому Общая Дума просила, чтобы эта сумма, а равно все имущество училищъ поступили въ распоряженіе города, причемъ было обѣщано со стороны Думы, что съ 1 января 1865 г. прежній расходъ на училища въ 14.571 р. будетъ городомъ поднятъ до 75.000 руб., соотвѣтственно росту городскихъ доходовъ; въ 1822 г. городъ имѣлъ дохода 500.000 и съ того времени отпускалъ на народное образованіе 14 тыс., а въ 1864 г. городскіе доходы достигли уже 3 милл. рублей.

На переговоры и переписку сначала Общей Думы, а потомъ настоящей — съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, по вопросу о передачѣ училищъ въ вѣденіе города, ушло цѣлыхъ 14 лѣтъ (1864—1877 г.). Затрудненій и препятствій къ осуществленію этого дѣла встрѣтилось не мало—и одно время, въ 1867 г., можно было думать, что дѣло это никогда не состоится; министерство внутреннихъ дѣлъ, на усмотрѣніе котораго, по силѣ прежняго Городового Положенія 1846 года, было представлено предположеніе Общей Думы объ усиленіи общеобразовательныхъ средствъ столицы, хотя и нашло, что такое предположеніе заслуживаетъ особаго вниманія, — „но въ виду сдѣланныхъ, въ послѣднее время, со стороны Городской Думы заявленій о недостаточности городской кассы для удовлетворенія и тѣхъ издержекъ, которыя лежатъ уже на обязанности ея, затрудняется дать ходъ означенному предположенію и полагаетъ, что за этимъ ничего не остается, какъ осуществленіе настоящаго похвальнаго желанія общества (т.-е. городского) отложить до болѣе удобнаго случая“ [1]).

Лишившись такимъ образомъ права на основаніе новыхъ училищъ. Общая Дума продолжала, однако, ходатайствовать о сдачѣ ей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ немногихъ школъ, которыя содержались министерствомъ на счетъ суммы 14.571 руб., отпускавшейся городомъ на этотъ предметъ ежегодно; но и на этомъ пути встрѣтились препят-

---

[1]) „Изв. Город. Думы“, 1867, № 10.

ствія, такъ какъ при этомъ къ городу должна была бы отойти и та сумма, а на дѣлѣ оказалось, что она издерживалась не сполна на начальное народное образованіе, во имя котораго отпускалась городомъ; одна часть ея была уже пріурочена къ покрытію расходовъ по содержанію двухклассныхъ приходскихъ училищъ, а другая шла на содержаніе губернской дирекціи училищъ, такъ что на начальное народное образованіе и содержаніе приходскихъ училищъ, какъ начальныхъ, оставалось всего до 10.000 рублей въ годъ. Министерство соглашалось сдать училища, но желало при этомъ удержать за собою тѣ 4.500 рублей, которые уже издерживались имъ не на начальное образованіе, а Общая Дума находила такую мѣру неправильною. Наконецъ, въ 1871 г. уступчивость Думы устранила это препятствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ Дума постановила не довольствоваться прежнимъ ничтожнымъ расходомъ въ 10.000 рублей, а значительно увеличить его, по разсчету до 1.750 руб. на каждое одноклассное училище,—на всѣ же вмѣстѣ до 24.500 рублей. Но тогда явилось новое и уже болѣе серьезное препятствіе: по Положенію о народныхъ училищахъ 1864 г., завѣдываніе ими въ столицахъ предоставлено было уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, куда Дума имѣла право выбирать двухъ членовъ; хотя въ 1872 г. исполнилось уже 9 лѣтъ со времени изданія Положенія 1864 г., но такого училищнаго совѣта въ столицѣ не существовало, а безъ того городъ не могъ бы принять въ свое завѣдываніе училищъ,—такъ какъ, по Положенію, завѣдываніе учебною частью принадлежитъ училищному совѣту, котораго пока не было. Отсюда возникли новыя ходатайства Думы о приведеніи въ исполненіе закона 1864 г. и объ учрежденіи, на основаніи того, губернскаго училищнаго совѣта въ Петербургѣ. Но оказалось, что какъ разъ въ это самое время министерство народнаго просвѣщенія составляло проектъ объ измѣненіи Положенія 1864 г., а потому затруднялось открыть губернскій училищный совѣтъ на основаніи закона, который можетъ быть вскорѣ измѣненъ; признавая, однако, неотложность улучшенія дѣла начальнаго образованія въ столицѣ, министерство предложило Думѣ теперь же начать отпускать ему тѣ 24.500 руб., которые Дума предполагала издерживать, получивъ училища въ свои руки. Но такъ какъ городскія деньги расходовались бы при этомъ безъ контроля городского общественнаго управленія, то Общая Дума отказалась исполнить такое предложеніе и по прежнему настаивала на точномъ исполненіи закона 1864 года.

Прошло такимъ образомъ еще два года, и наконецъ, 25-го мая 1874 г., явилось давно ожидаемое новое Положеніе о начальныхъ училищахъ, на основаніи котораго столица, какъ приравненная уѣзду,

могла имѣть свой городской училищный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы. Послѣднее препятствіе къ передачѣ дѣла начальнаго народнаго образованія въ вѣденіе города исчезло само собою, или, какъ выразился градоначальникъ, извѣщая 7 февраля 1877 г. городского голову о разрѣшеніи открыть городской училищный совѣтъ, устранились „всѣ поводы къ дальнѣйшей медленности въ удовлетвореніи со стороны городского управленія насущныхъ потребностей народнаго образованія въ столицѣ“.

Такъ заключились къ началу учебнаго 1877—78 года четырнадцать лѣтъ переговоровъ городского общественнаго управленія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по вопросу о передачѣ въ вѣденіе города 16 училищъ, изъ которыхъ 15 училищъ и до того времени содержались министерствомъ исключительно на отпускаемые городомъ 14.571 р., а за вычетомъ на другія надобности министерства народнаго просвѣщенія 4.060 р., всего — 10.511 р. (по 700 руб. на каждую школу). Въ засѣданіи Городской Думы, смѣнившей Общую Думу еще въ 1873 г., 15 іюня 1877 г. была избрана исполнительная коммиссія какъ для пріема училищъ, такъ и для дальнѣйшаго полнаго завѣдыванія принятыми отъ министерства и вновь открываемыми, по постановленію Думы, училищами: коммиссія состояла при началѣ изъ семи членовъ, подъ предсѣдательствомъ Θ. Θ. Эвальда. Въ теченіе лѣтняго времени 1877 г., коммиссія перевела большинство училищъ въ новыя, вполнѣ удобныя, помѣщенія, ремонтировала классныя комнаты, снабдила ихъ всѣми необходимыми школьными принадлежностями и, кромѣ того, открыла новыхъ 4 училища, въ память Петра Великаго, что̀ было постановлено Общею Думою еще въ 1872 г., но до тѣхъ поръ, по вышеобъясненнымъ причинамъ, не могло быть приведено въ исполненіе, и потому осенью 1877 года первый учебный годъ городскихъ начальныхъ училищъ начался въ числѣ уже двадцати. Въ такомъ скромномъ размѣрѣ открывалась, десять лѣтъ тому назадъ, самостоятельная дѣятельность городского общественнаго управленія по предмету начальнаго народнаго образованія, и тогда оно не ограничилось прежнею цифрою стоимости училища, не превышавшей 700 руб. въ годъ, и подняло ее до 1.200 рублей. Въ августѣ текущаго 1887 года городское управленіе начальными училищами вступитъ въ свое второе десятилѣтіе съ удесятереннымъ числомъ школъ,—а именно 240,—на содержаніе которыхъ городъ ассигнуетъ ежегодно до полумилліона рублей изъ семи-милліоннаго бюджета, т.-е. съ небольшимъ 7% -- сравнительно съ другими столицами еще не особенно большой процентъ (городъ Москва, если не ошибаемся, издерживаетъ около 8% своего бюджета); но

этотъ процентъ является колоссальнымъ, если подумать о томъ, что было десять лѣтъ тому назадъ, когда издерживалось городомъ на начальное образованіе всего 0,3%,—и такой порядокъ вещей продолжался съ 1822 года, въ теченіе болѣе полустолѣтія.

Десять лѣтъ тому назадъ не только число городскихъ школъ было совершенно ненормально и, можно сказать, не имѣло вовсе никакого соотношенія съ народонаселеніемъ города и его школьными потребностями, но и качество этихъ школъ находилось въ соотвѣтствіи только съ тою ничтожною суммою, какая доставалась на долю каждаго изъ 15 училищъ, общее содержаніе которыхъ стоило немного болѣе 10.000 рублей въ годъ. Довольно сказать, что, по тогдашнему штату, сторожъ при училищѣ получалъ 60 рублей въ годъ, законоучитель—85 р., и учитель—171 рубль; на библіотеку и учебныя пособія ассигновывалось въ годъ 34 руб., а на содержаніе въ чистотѣ хозяйства, на ремонтъ и канцелярскія принадлежности—по 75 руб. въ годъ. Конечно, еслибы Дума ограничилась одною задачею численнаго увеличенія школъ, то ея нынѣшнія 240 училищъ стоили бы ей въ годъ всего 168 тыс. рублей, а не полмилліона; точно также мы не сомнѣваемся и въ томъ, что еслибы, вмѣсто прежнихъ 14 тыс. р., министерство получало отъ города нынѣ издерживаемую имъ сумму, то въ такомъ случаѣ городъ также имѣлъ бы и бо́льшее число школъ, и онѣ лучше содержались бы; но дѣло въ томъ, что ни частное лицо, ни такое частное учрежденіе, какимъ является городское общественное управленіе, никогда не дошли бы до такихъ размѣровъ пожертвованія, еслибы ему была предоставлена одна обязанность вносить деньги, а расходъ этихъ денегъ и самое веденіе дѣла было поручено другому вѣдомству, притомъ безъ контроля съ той стороны, которая даетъ деньги. Едва ли бы также и постороннее вѣдомство нашло возможность на тѣ же полмилліона содержать такое же количество школъ и притомъ съ соблюденіемъ того же ихъ качества. Независимо отъ того, что и въ прежнее время изъ 14.500 руб., отпускавшихся городомъ на *начальное* народное образованіе, министерство народнаго просвѣщенія увидѣло себя въ необходимости выдѣлить изъ этой суммы часть на другія свои потребности, помимо начальнаго образованія, слѣдовательно въ ущербъ ему; но и кромѣ того, оно не могло бы пользоваться даровымъ трудомъ, какой имѣетъ для себя городское общественное управленіе въ лицѣ своей исполнительной коммиссіи, члены которой не получаютъ никакого вознагражденія за свой трудъ. Но это еще самая мѐньшая выгода училищнаго дѣла, находящагося въ рукахъ городского общественнаго управленія; городъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи то, чего нѣтъ у

министерства народнаго просвѣщенія: онъ имѣетъ свое санитарное и врачебное управленія, свое техническое отдѣленіе, и услугами ихъ весьма удобно пользуется также и городское училищное управленіе, особенно во врачебномъ отношеніи—городъ имѣетъ свои кровати въ дѣтскихъ больницахъ и т. д.

Отчетъ за первый учебный годъ дѣятельности городской училищной коммиссіи (1877—78 г.) знакомитъ весьма подробно съ тѣмъ матеріальнымъ положеніемъ начальныхъ училищъ, въ какомъ онѣ находились въ самый моментъ пріема ихъ въ вѣденіе городского общественнаго управленія. Правда, одна уже цифра стоимости годового содержанія 15 училищъ (1 училище содержалось насчетъ государственной казны), немного превышавшая въ общемъ итогѣ 10 тысячъ рублей, говоритъ достаточно краснорѣчиво о томъ, какъ могли содержаться тогда училища, а потому насъ нисколько не удивляетъ, напримѣръ, такая картина одного изъ училищъ, помѣщавшагося въ то время по Гороховой, въ д. № 63: „Помѣщеніе училища,—говорится въ отчетѣ,—небольшое, сырое, грязное; дымныя печи и шатающіеся изразцы, сырость въ углахъ и окнахъ, сгнившіе оконные переплеты и выгорѣвшія стекла свидѣтельствовали о давнемъ ремонтѣ. Запахъ отъ отхожихъ мѣстъ, темныхъ и вонючихъ, при отсутствіи вентиляціи, проникалъ въ классъ и дѣлалъ воздухъ нестерпимымъ. Только классные столы (числомъ 20) были въ хорошемъ видѣ, но остальныя вещи или испорчены и негодны (наприм., совершенно испорченная электрическая машина, образцы мѣховъ, отъ которыхъ остались только шкурки, а шерсть давно была съѣдена молью), или ветхи, а книги (числомъ 129) большею частью старинныхъ изданій, учебники, давно вышедшіе изъ употребленія, или хозяйственныя, наприм. „Портфель для хозяекъ“ и т. п.“ Болѣе или менѣе близкую къ этому картину представляли тогда и другія училища. Но повторяемъ,—при той суммѣ, какая тогда отпускалась городомъ на начальное народное образованіе и изъ которой притомъ только 10.000 рублей расходовалось соотвѣтственно ихъ прямому назначенію — нельзя было и ожидать сколько-нибудь болѣе удовлетворительнаго содержанія училищъ. При жалованьѣ учителя въ 171 руб. въ годъ, невозможно было и думать найти людей съ такимъ образовательнымъ цензомъ, при которомъ школьное обученіе получаетъ вмѣстѣ и воспитательный характеръ, и что̀ такъ легко достигается въ настоящее время, когда учащій обезпеченъ 600 рублей жалованья, при готовой квартирѣ и прислугѣ, и, сверхъ того, имѣетъ въ виду хорошую пенсію за 25 лѣтъ службы. Но—скажутъ намъ—городъ могъ бы и въ 1877 г. прямо увеличить сумму, вносимую имъ

въ министерство народнаго просвѣщенія — и такое увеличеніе привело бы къ тѣмъ же результатамъ. Мы выше объяснили, почему городъ не могъ найти удобнымъ такой, повидимому, простой пріемъ. Можно было тогда прибѣгнуть еще къ одной мѣрѣ: законодательнымъ путемъ постановить о внесеніи въ министерство народнаго просвѣщенія той или другой суммы въ число обязательныхъ для города расходовъ на начальное образованіе; — въ такомъ случаѣ почему же ограничиваться однимъ этимъ частнымъ вопросомъ, и вообще не превратить весь городской бюджетъ въ обязательный расходъ, а назначенныя суммы передать точно также въ подлежащія министерства? Но это равнялось бы уничтоженію городского общественнаго управленія и возвращенію къ тому порядку вещей, который уже былъ разъ извѣданъ, и недостатки котораго именно и привели къ созданію Городового Положенія 1873 года.

У насъ было уже заявлено, со словъ опубликованнаго отчета училищной коммиссіи за послѣдній десятый годъ ея дѣятельности, о томъ, что ею же приготовляется полный отчетъ за все десятилѣтіе 1877—1887 гг. Такой отчетъ, въ виду отличной и успѣшной постановки дѣла начальнаго образованія въ столицѣ, долженъ представить въ себѣ много любопытнаго, откуда можно будетъ вывести не мало полезныхъ заключеній для дальнѣйшаго преуспѣянія столь важнаго дѣла, какъ *городское* образованіе. При всѣхъ несомнѣнныхъ успѣхахъ начальнаго образованія въ Петербургѣ, нельзя, однако, не замѣтить, что этотъ самый успѣхъ дѣлаетъ еще болѣе нагляднымъ и чувствительнымъ отсутствіе второй ступени городского образованія, которая для весьма многихъ могла бы завершать собою, до извѣстной степени, полученное уже начальное образованіе. Необходимо было бы во второе десятилѣтіе обратить вниманіе на недостатокъ въ городѣ трехклассныхъ городскихъ училищъ, куда могли бы переходить окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. Пять или шесть правительственныхъ городскихъ училищъ, существовавшихъ въ ту эпоху, когда и начальныхъ училищъ было всего 16, очевидно, не могутъ соотвѣтствовать потребностямъ городского населенія въ настоящее время, когда число начальныхъ училищъ возросло почти до 250 школъ. Правда, преподаваніе въ городскихъ начальныхъ училищахъ ведется съ такимъ успѣхомъ, что онѣ могутъ вполнѣ считаться приготовительными классами для поступленія въ низшій классъ гимназій—и это весьма кстати при закрытіи приготовительныхъ классовъ въ гимназіяхъ, о чемъ у насъ упоминалось недавно,—но не каждый можетъ имѣть средства и даже желаніе провести своего сына чрезъ всѣ классы гимназіи, а потому было бы весьма выгодно и для

правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, еслибы за начальною школою слѣдовали трехклассныя городскія училища. Получивъ обратно изъ начальнаго училища 11—12-лѣтняго сына, родители просто не знаютъ, что съ нимъ дѣлать: слишкомъ рано, чтобы пристроить ребенка къ дѣлу, да и прекратить его ученіе въ такомъ дѣтскомъ возрастѣ — значитъ, потерять и тѣ преимущества, какія даетъ начальное образованіе: рецидивизмъ—возвратъ невѣжества—въ такомъ возрастѣ болѣе чѣмъ вѣроятенъ.

Можетъ быть, кто-нибудь, и согласившись съ справедливостью такихъ соображеній, тѣмъ не менѣе возразитъ ссылкою на то, что городское общественное управленіе должно было, въ виду финансовыхъ затрудненій, отказаться отъ прежняго числа 25 начальныхъ училищъ, вновь открывавшихся ежегодно, и ограничиться на нынѣшній 1887—1888 г. болѣе скромною цифрою, а именно, десятью; откуда же городъ возьметъ средства для училищъ, гдѣ городское образованіе могло бы для весьма многихъ считаться окончательнымъ, и содержаніе которыхъ, при хорошей ихъ обстановкѣ, обошлось бы не дешево? Если городское общественное управленіе останется и впредь при томъ же полумилліонномъ бюджетѣ, какой ассигнуется въ настоящее время училищной коммиссіи, то разрѣшеніе вышепоставленнаго вопроса можно искать въ удешевленіи стоимости начальныхъ народныхъ училищъ, подъ условіемъ, конечно, соблюденія всѣхъ тѣхъ выгодныхъ качествъ, какими онѣ отличаются въ настоящее время. Отрицать безусловно возможность чего-нибудь подобнаго—едва ли было бы справедливо: не говоря о мелкихъ и частичныхъ экономіяхъ, мы укажемъ, напримѣръ, на одно обстоятельство, которое, если не ошибаемся, было и на обсужденіи самой училищной коммиссіи. Расходъ на квартиру училища составляетъ весьма крупную цифру въ общемъ расходѣ, а между тѣмъ помѣщеніе классной и рекреаціонной комнаты служитъ дѣлу не болѣе пяти часовъ въ сутки; при двухъ смѣнахъ учащихся, отъ 8 до 12 ч. и отъ 1 ч. до 5 ч., понятно, получилось бы значительное сбереженіе, которое и могло бы послужить средствомъ для дополненія начальнаго образованія основаніемъ трехклассныхъ городскихъ училищъ. Успѣхъ, съ которымъ городское общественное управленіе вело до сихъ поръ ввѣренное ему начальное городское образованіе, даетъ основаніе думать, что нынѣшній разъ городское общественное управленіе не встрѣтило бы особыхъ затрудненій къ удовлетворенію своего ходатайства, тѣмъ болѣе, что его дѣятельность на этомъ поприщѣ во многомъ облегчила бы правительственныя среднія учебныя заведенія, куда часто вынуждены стремиться и тѣ, которые не имѣютъ и не могутъ имѣть въ виду воспользоваться гимназическимъ курсомъ во всемъ его объемѣ.

Въ области высшаго преподаванія наукъ къ началу наступающаго учебнаго года появилось въ газетахъ объявленіе, отъ имени ректора с.-петербургскаго университета, основанное на распоряженіи министра народнаго просвѣщенія и Высочайше утвержденнаго мнѣнія комитета министровъ—о новыхъ началахъ пріема въ студенты столичнаго университета. Въ главныхъ чертахъ эти начала видоизмѣняютъ слѣдующимъ образомъ прежній порядокъ: 1) петербургскій университетъ предназначается прежде всего только для окончившихъ курсъ съ аттестатомъ зрѣлости въ гимназіяхъ одного петербургскаго учебнаго округа, а потому служитъ только для населенія нѣскольких губерній—петербургской, псковской, новгородской, вологодской, олонецкой и архангельской, съ слѣдующимъ притомъ ограничительнымъ, по отношенію прежняго порядка, условіемъ: аттестатъ зрѣлости самъ по себѣ больше не даетъ права на поступленіе въ университетъ; необходимо, сверхъ того, чтобы гимназическое начальство выдало лицу еще свидѣтельство о благонадежности, какъ то сказано въ п. 1 правилъ. Впрочемъ, ниже, при исчисленіи всѣхъ документовъ, какіе должны быть представляемы при прошеніи о пріемѣ въ студенты, о такомъ особомъ свидѣтельствѣ о благонадежности не упоминается, а сказано только, что, „независимо отъ исчисленныхъ выше документовъ, желающій поступить въ университетъ долженъ представить свидѣтельство о безукоризненномъ поведеніи отъ полиціи; отъ представленія такого свидѣтельства освобождаются только лица, окончившія въ іюнѣ сего года курсъ гимназіи“. Изъ этого какъ будто можно заключить, что съ будущаго года и окончившіе курсъ гимназіи должны представлять не одно свидѣтельство о благонадежности отъ гимназическаго начальства, но еще и свидѣтельство отъ полиціи о безукоризненномъ ихъ поведеніи; или это означаетъ, что гимназическія свидѣтельства о благонадежности дѣйствительны только отъ іюня до августа того же года?

2) Лица, получившія домашнее воспитаніе и удостоенныя аттестата зрѣлости по выдержанному ими экзамену въ гимназіяхъ того же петербургскаго округа, не принимаются въ университетъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы они или ранѣе воспитывались въ какомъ-либо учебномъ заведеніи губерній, отнесенныхъ къ этому округу, или же постоянно проживали въ нихъ. Такія лица должны быть, слѣдовательно, уроженцами вышеупомянутыхъ губерній и не выѣзжать въ другой учебный округъ въ теченіе 17—18 лѣтъ своей жизни.

3) Ученики гимназій другихъ учебныхъ округовъ принимаются только въ такомъ случаѣ, если ихъ родители, а также родственники, или заступающія ихъ мѣсто лица, имѣютъ постоянное пребы-

ваніе въ Петербургѣ и примутъ на себя, по особой подпискѣ, обязательство о постоянномъ наблюденіи за студентомъ, который въ такомъ случаѣ долженъ непремѣнно проживать у нихъ. По отношенію же къ факультету восточныхъ языковъ тоже разрѣшено не только ученикамъ, но и постороннимъ лицамъ, выдержавшимъ испытаніе зрѣлости въ гимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ, съ тѣмъ же условіемъ, а именно, что, если они не изъ здѣшняго учебнаго округа, то обязаны проживать у родителей, родственниковъ и заступающихъ ихъ мѣсто благонадежныхъ лицъ, обязанныхъ принять на себя ручательство за студента; оріенталистамъ, впрочемъ, предоставляется также помѣщаться въ коллегіи имп. Александра II, подъ ближайшимъ надзоромъ инспекціи. При этомъ сдѣлано предупрежденіе, что „переходъ съ факультета восточныхъ языковъ на другіе факультеты будетъ разрѣшаться въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ".

4) Переводъ студентовъ другихъ университетовъ въ петербургскій — „допускается лишь въ уваженіе особыхъ *семейныхъ* обстоятельствъ, и въ томъ только случаѣ, если родители, родственники и заступающія ихъ мѣсто благонадежныя лица примутъ на себя, по особой подпискѣ, обязательство о постоянномъ наблюденіи за студентомъ, обязаннымъ жить у нихъ".

Кромѣ такого министерскаго распоряженія, состоялось еще Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ объ ограниченіи, при пріемѣ студентовъ, числа евреевъ тремя процентами изъ общей массы выдержавшихъ испытаніе изъ гимназическаго курса, и увеличеніи платы съ студентовъ, поступившихъ въ нынѣшнемъ году до 25 рублей за полугодіе, вмѣсто прежнихъ 5 рублей, въ пользу университета, съ сохраненіемъ недавно введенной особой платы за лекціи, поступающей въ пользу профессоровъ.

Очень трудно оцѣнить вполнѣ правильно вводимыя нынѣ новыя начала пріема студентовъ въ университетъ, такъ какъ для того было бы необходимо прежде всего имѣть предъ глазами тѣ мотивы и доводы, которыми пришли къ убѣжденію въ негодности прежнихъ началъ. А потому мы нисколько не удивляемся, если въ печати могли появиться болѣе или менѣе рискованные отзывы о новыхъ правилахъ. Напримѣръ, въ одной газетѣ утверждалось, что „въ общемъ, стало быть (?), преимущество новыхъ правилъ, объявленныхъ ректоромъ, заключается въ стремленіи университетскаго начальства сосредоточить свои заботы, главнымъ образомъ объ успѣшности студентовъ, въ установленіи болѣе тѣсной связи между университетомъ и гимназіями, которымъ предоставляется оцѣнивать благонадежность

ищущихъ высшаго образованія и ручаться (?) за нихъ, и, наконецъ, въ привлеченіи семьи къ участію въ дѣлѣ высшаго образованія". Едва ли возможно имѣть въ виду „привлеченіе семьи къ участію въ дѣлѣ высшаго образованія", такъ какъ гдѣ же можно найти, за исключеніемъ развѣ семействъ профессоровъ, такую семью, члены которой были бы обязательно способны помогать университету въ дѣлѣ высшаго образованія? Правда, въ правилахъ говорится объ „обязательствѣ родителей (или заступающихъ ихъ мѣсто) о постоянномъ наблюденіи за студентомъ" и о сожительствѣ послѣдняго съ своими наблюдателями; но такъ какъ въ то же время не установлено никакого штрафа за неисполненіе обязательства, то, очевидно, это обязательство имѣетъ чисто нравственный характеръ для давшихъ его, а потому никакъ нельзя говорить о „привлеченіи" семьи, да еще притомъ — къ участію въ дѣлѣ высшаго образованія; съ другой же стороны, новыя правила не даютъ никакихъ новыхъ правъ родителямъ, которыми они не пользовались бы и прежде, а потому и прежде отъ родителей зависѣло, воспользоваться ими или нѣтъ. То же должно сказать и о сдѣланномъ газетою выводѣ относительно установленія новыми правилами, будто бы, болѣе тѣсной связи между университетомъ и гимназіями: аттестатъ зрѣлости никогда не давался и теперь не дается тѣмъ, которые были бы неудовлетворительнаго поведенія, или иначе, по представленію газеты, гимназія можетъ выдать аттестатъ зрѣлости и одновременно отказать въ свидѣтельствѣ о благонадежности; но вѣдь это значило бы, что гимназія выдавала аттестатъ зрѣлости лицу неудовлетворительнаго поведенія. Какъ же это можетъ случиться?! Повторяемъ — не зная съ точностью цѣли, мы не можемъ говорить о цѣлесообразности новыхъ правилъ, и, съ своей стороны, находимъ пока только нѣкоторыя трудности примѣнить отдѣльные пункты этихъ правилъ на практикѣ, не стѣсняя желательнаго, особенно въ Россіи, стремленія къ высшему образованію и, съ другой стороны, не нарушая только-что введеннаго новымъ университетскимъ уставомъ принципа, въ силу котораго слушатель самъ избираетъ себѣ профессора. Между тѣмъ переводъ студента изъ одного университета въ другой дозволяется только по семейнымъ обстоятельствамъ, а не потому, что студентъ желалъ бы воспользоваться тѣмъ, что избранный имъ факультетъ въ другомъ городѣ представляетъ собою лучшій личный составъ.

20-го іюля скончался, въ своемъ имѣніи около Москвы, М. Н. Катковъ, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" и авторъ передовыхъ

статей этой газеты, которыя и прекратились со времени его болѣзни. О значеніи этихъ статей мы имѣли случай постоянно говорить при жизни автора, и потому теперь такое повтореніе было бы излишне. Истинная оцѣнка подобной дѣятельности всегда принадлежитъ не эпохѣ сѣятеля, а той, которой придется пожинать плоды посѣяннаго. Впрочемъ еще при его жизни возникло сомнѣніе въ пригодности этой дѣятельности, и если вѣрить газетамъ, стоявшимъ близко къ редакціи „Моск. Вѣдомостей", самое ускореніе болѣзни ихъ редактора имѣло причиною то, что при послѣдней его поѣздкѣ въ Петербургъ „къ физическому недугу присоединилось и угнетенное состояніе духа".

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи. — На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина, въ селѣ Ивановѣ, тульской губ., бѣлевскаго уѣзда:

1) Къ 1-му іюня 1887 г. получено	3.308	р.	98 к.
2) Въ іюнѣ, изъ самарскаго уѣзда, самарской губ., чрезъ К. П. Молгачева.	30	„	— „
Всего къ 1-му іюля 1887 г. . . .	*3.338*	*р.*	*98* к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1887.

Книга седьмая. — Іюль.

Стр.

Дѣловые люди въ Америкѣ.—VIII-XII.—Окончаніе.—В. Н. МАКЪ-ГАХАНЪ . 5

Отъ колыбельки до могилки.—Этнографическій очеркъ.—Н. АСТЫРЕВА . . 48

Наши сосѣди на крайнемъ Востокѣ.—Н. МАТЮНИНА 64

Типъ Фауста въ мировой литературѣ.—Очерки.—I.—М. Ф-ТЪ 89

Черный воръ. — Повѣсть. — Изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній.—I-VII.—X. Z. 130

Стихотворенія.—Д. МЕРЕЖКОВСКАГО 182

Бѣлорусская этнографія.—VII.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА 184

Историческая философія въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“.—Н. И. КАРѢЕВА 227

Стелла.—Романъ въ двухъ частяхъ, миссисъ Брэддонъ.—Съ англійскаго.—Часть первая.—VI-IX.—А. Э. 270

Два малороссійскихъ „фавліо“, и ихъ источники.—Изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы.—К. Г. 323

Хроника. — Къ переселенцамъ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ.—II.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 352

Внутреннее Обозрѣніе. — Отчетъ главнаго фабричнаго инспектора; сравненіе нашей фабричной инспекціи съ заграничною.—Новыя финансовыя мѣры: повышеніе табачнаго акциза и гербоваго сбора, конверсія закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. — Проектъ закона о крестьянскихъ земельныхъ товариществахъ.—Положеніе о подъѣздныхъ путяхъ и законъ объ общественномъ вознагражденіи.—Роль земства въ санитарномъ дѣлѣ.—Царевококшайскъ и Петербургъ 379

Иностранное Обозрѣніе. — Новое министерство въ Сербіи и его политическое значеніе.—Король Миланъ и г. Іованъ Ристичъ.—Основы австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ. — Увлеченія и ошибки нѣкоторыхъ русскихъ газетъ. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и напрасные газетные споры. — Наши отношенія съ западными державами. — Отвѣтъ нашимъ оппонентамъ по поводу балканскихъ дѣлъ.—Политическія заботы Англіи и юбилей королевы Викторіи. 398

Литературное Обозрѣніе. — Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ III. — Вологодскій Сборникъ, издаваемый при Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціею секретаря комитета, Н. А. Поліевктова, Томы III-V.—А. П.—Лекціи по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ первый.—Миѳическій элементъ въ исторіи, публичная лекція профессора В. К. Надлера.—Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Біографическій очеркъ А. Деревицкаго.—К. К.—В. Г. Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Часть первая (общая). Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ.—Л. С. 414

Изъ Общественной Хроники: — Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя. — Вліяніе уголовнаго кодекса на вердикты присяжныхъ.—Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.—Еще къ вопросу о вѣротерпимости 435

Библіографическій Листокъ. — П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища, К. Головщикова. — Основы человѣческой дѣятельности, И. В. Свѣчина. — Жизнь Господа нашего Іисуса Христа, свящ. Т. Буткевича.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 6-й.

Книга восьмая. — Августъ. стр.

Черный Боръ.—Повѣсть.—Изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній.—VIII—XVIII. — Окончаніе.—X. Z. 449
Типъ Фауста въ мировой литературѣ.—Очерки.—II.—М. Ф-ТЪ 503
Тюрьма.—Повѣсть.—I-V.—В. ДМИТРІЕВОЙ 543
Механическія основы передвиженія массъ.—I-VIII.—М. КУЛИШЕРА. . . . 597
Стихотворенія. — Д. МЕРЕЖКОВСКАГО. 636
Семейная хроника Воронцовыхъ.—I-III.—А. БРИКНЕРА 637
Стелла.—Романъ въ двухъ частяхъ, миссисъ Брэддонъ.—Съ англійскаго.—Часть вторая.—I-IV.—А. Э. 673
Старые университетскіе нравы.—Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета, Н. Булича.—А. Н. ПЫПИНА 729
Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.—Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній.—XI.—Д. А. КОРСАКОВА. 765
Хроника.—Два изслѣдователя китайской имперіи.—По поводу статьи г. Пржевальскаго: „Современное положеніе Центральной Азіи“ и книги Ж. Симона: „Срединное Царство“.—СЕРГѢЯ ГЕОРГІЕВСКАГО 777
Франко-русскій союзъ и международныя иллюзіи.—Л. СЛОНИМСКАГО . . . 807
Внутреннее Обозрѣніе.—Статистико-экономическія труды земства.—Текстъ земско-статистическихъ сборниковъ.—Два типа земской статистики.—Труды тамбовскаго бюро, самарскаго, полтавскаго, петербургскаго и курскаго.—Изданіе черниговскаго типа.—Попытка примиренія московскаго и черниговскаго типа изслѣдованія.—Подворная разработка данныхъ переписи. 828
Иностранное Обозрѣніе.—Избраніе принца Кобургскаго въ Тырновѣ и значеніе этого факта.—Малая вѣроятность успѣха этой кандидатуры.—Закулисная сторона избранія и отношенія къ нему великихъ державъ.—Погоня за иностранными принцами.—Англо-русское соглашеніе.—Русскіе фонды въ Германіи.—Французскія дѣла.—Полемическія недоразумѣнія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. 865
Литературное Обозрѣніе.—Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки, Н. Я. Аристова.—Вліяніе Шекспира на русскую драму. Историко-критическій этюдъ Сергѣя Тимоѳеева.—Викторъ Гюго и его время. Перев. съ франц. Ю. В. Доппельмайеръ 878
Изъ Общественной Хроники.—Обзоры дѣятельности петербургской Думы, за истекшій годъ, въ нашихъ газетахъ.—Упреки, дѣлаемые городскому общественному управленію.—Училищное дѣло въ Петербургѣ десять лѣтъ тому назадъ и теперь.—Исторія передачи начальныхъ училищъ въ вѣденіе города.—Новыя правила пріема въ студенты петербургскаго университета 892
Извѣщенія. Отъ Редакціи. Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина. 906
Библіографическій Листокъ.—Дневникъ публициста. Въ ожиданіи войны, Ив. Ратова.—Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, Родбертуса.—Страхъ. Психофизіологическій этюдъ, А. Моссо; пер. съ франц. С. З. Поповой.—Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Спиритизмъ. Пер. съ нѣм. А. М. Бутлерова.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Дневникъ публициста. Въ ожиданіи войны, Ив. Ратова. Спб. 1887. Стр. 249. Ц. 1 р. 25 к.

„Дневникъ" начатъ авторомъ въ половинѣ 1883 г. и кончается послѣдними мѣсяцами 1886 года. Болѣе чѣмъ три года наблюденій привели нашего публициста къ выводу, который онъ и самъ считаетъ мало утѣшительнымъ, съ точки зрѣнія осуществимости надеждъ на сохраненіе мира; но все это произошло у автора, повидимому, вслѣдствіе того, что, по причинамъ, оставленнымъ, съ его стороны, безъ объясненій, онъ сдѣлалъ ни на чемъ не основанное предположеніе, будто Германія непремѣнно должна была, занявъ съ 1870 г. господствующее положеніе въ Европѣ, сдѣлать почему-то исключеніе изъ общаго правила, которое и самъ авторъ справедливо признаетъ историческимъ закономъ, всегда управлявшимъ европейскою исторіею, а именно: каждый народъ, одержавъ побѣду надъ своими соперниками, всегда подчиняетъ своему вліянію остальные народы, — а не наоборотъ. Почему авторъ убѣжденъ, что именно „Германіи предстояло доказать", что упомянутый нами историческій законъ въ концѣ XIX вѣка утратилъ свою силу—это-то и осталось необъясненнымъ, а между тѣмъ такое упованіе, что нѣмецкая гегемонія будетъ непремѣнно лучше и легче гегемоніи французской или иной какой, лишило его возможности сдѣлать правильный выводъ „изъ безпристрастнаго анализа международныхъ отношеній и вызываемыхъ ими событій". Прочтя „Дневникъ публициста", каждый узнаетъ только одно, что „надо-молъ во что бы то ни стало найти выходъ (изъ опаснаго нынѣшняго положенія), хотя бы и цѣною европейской войны; надо создать новый порядокъ, придумать (?) новую группировку державъ". По мнѣнію автора, именно Россія почему-то должна „бороться не только за себя, но и за всѣ тѣ государства и народы, процвѣтаніе и развитіе которыхъ задерживаются политическимъ преобладаніемъ Германіи". Что мы выйдемъ побѣдителями въ этой борьбѣ за процвѣтаніе и развитіе другихъ государствъ — въ этомъ автора убѣждаютъ извѣстные стихи Пушкина, которыми публицистъ заключаетъ свой дневникъ.

Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Родбертуса. Перев. съ нѣм. Боевскаго. Вып. IV. Ярославль, 1887. Стр. 184. Ц. 2 р.

Новый выпускъ обнимаетъ собою цѣлый и весьма важный періодъ податной системы древняго Рима въ первую эпоху имперіи до Діоклетіана, когда прежнее подчиненіе каждой провинціи своему городу стало измѣняться въ подчиненіе города провинціи. Именно въ настоящемъ выпускѣ Родбертусъ дѣлаетъ полную и превосходную характеристику всѣхъ элементовъ государственнаго хозяйства древняго Рима, повліявшаго на средневѣковый экономическій строй. Благодаря этому замѣчательному труду нѣмецкаго политико-эконома, выясняется вполнѣ то обстоятельство, что древній Римъ вліялъ долго на судьбы новаго міра не только выработанными имъ юридическими понятіями, но также и своими формами и пріемами государственнаго хозяйства.

Страхъ. Психофизіологическій этюдъ. А. Моссо, профессора туринскаго университета. Переводъ съ французскаго изданія женщины-врача С. З. Поповой. Спб., 1887. Стр. 202. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ поучительной книгѣ проф. Моссо собраны весьма любопытныя свѣдѣнія и наблюденія, касающіяся физіологическихъ признаковъ и послѣдствій чувства страха. Авторъ дѣлалъ опыты надъ живыми людьми для опредѣленія тѣхъ перемѣнъ, которыя вызываются страхомъ въ человѣческомъ организмѣ; онъ наблюдалъ пульсацію мозга сквозь раны на черепѣ, измѣрялъ быстроту дыханія и сердцебіенія, изучалъ выраженія лицъ и дрожаніе мускуловъ,—и результаты этихъ изслѣдованій и опытовъ изложены имъ теперь въ общедоступной формѣ, въ связи съ наблюденіями и теоріями другихъ ученыхъ. Между прочимъ авторъ касается вопроса о вліяніи страха на дѣтей. „Все, что мы скажемъ ребенку тяжелаго, пугающаго, страшнаго, — говоритъ онъ, — все это будутъ шипы, которые вонзаются въ тѣло и всю жизнь будутъ мучить его. Опасеніе, боязнь, испугъ навсегда запечатлѣваются въ памяти, неизбѣжно опутывая умъ, подобно плющу... Не только мать, кормилица, слуги, но цѣлый рядъ поколѣній дѣйствовалъ въ смыслѣ искаженія дѣятельности мозга ребенка съ варварствомъ дикихъ, обезображивающихъ голову дѣтей подъ предлогомъ устрашенія. Этотъ отвратительный методъ воспитанія не исчезъ еще до настоящаго времени (стр. 173—4)... Страхъ,—какъ заключаетъ свою книгу проф. Моссо,—есть болѣзнь, которую надо лечить; если смѣлый человѣкъ иногда ошибается, то тотъ, кто боится, ошибается всегда".

Эдгардъ фонъ-Гартманъ. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. Изданіе А. Н. Аксакова. Спб., 1887. Стр. 160. Цѣна 1 р.

Сочиненіе фонъ-Гартмана направлено главнымъ образомъ противъ произвольныхъ теорій и толкованій тѣхъ ученыхъ, которые въ новѣйшее время увлеклись „таинственными" явленіями спиритизма. Авторъ „Философіи Безсознательнаго" относится къ вопросу съ научной точки зрѣнія: допуская возможность фактовъ, онъ старается объяснить ихъ при помощи гипотезъ, не имѣющихъ ничего общаго съ фантазіями спиритовъ. Онъ видитъ простыя галлюцинаціи тамъ, гдѣ вѣрующіе видятъ „матеріализацію". Издатель книги Гартмана, г. Аксаковъ, возсталъ противъ такого слишкомъ простого объясненія. „Отвѣтъ мой Гартману, — сообщаетъ онъ въ предисловіи, —начался въ моемъ нѣмецкомъ журналѣ „Psychische Studien" съ января прошлаго года и по окончаніи явится и въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ недавній опытъ мой фотографированія медіума вмѣстѣ съ матеріализованною фигурою (?) рѣшаетъ этотъ вопросъ окончательно" (?!). Для людей, интересующихся спиритизмомъ, будетъ полезно ознакомиться съ книгою нѣмецкаго философа. Переводъ этой книги на русскій языкъ составляетъ, по словамъ издателя, „послѣдній трудъ" покойнаго А. М. Бутлерова „на пользу медіумическаго дѣла".